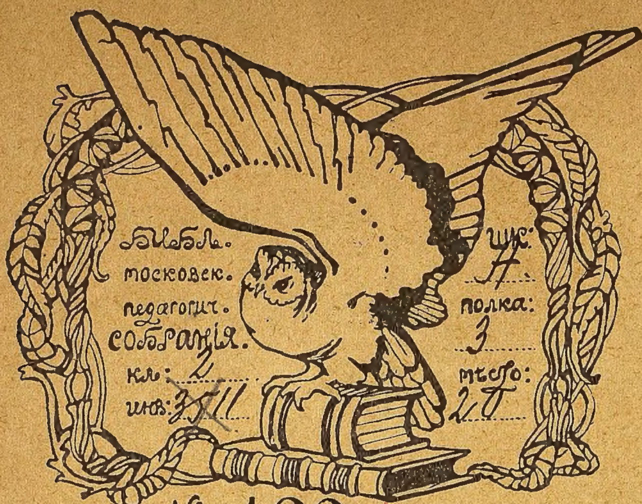
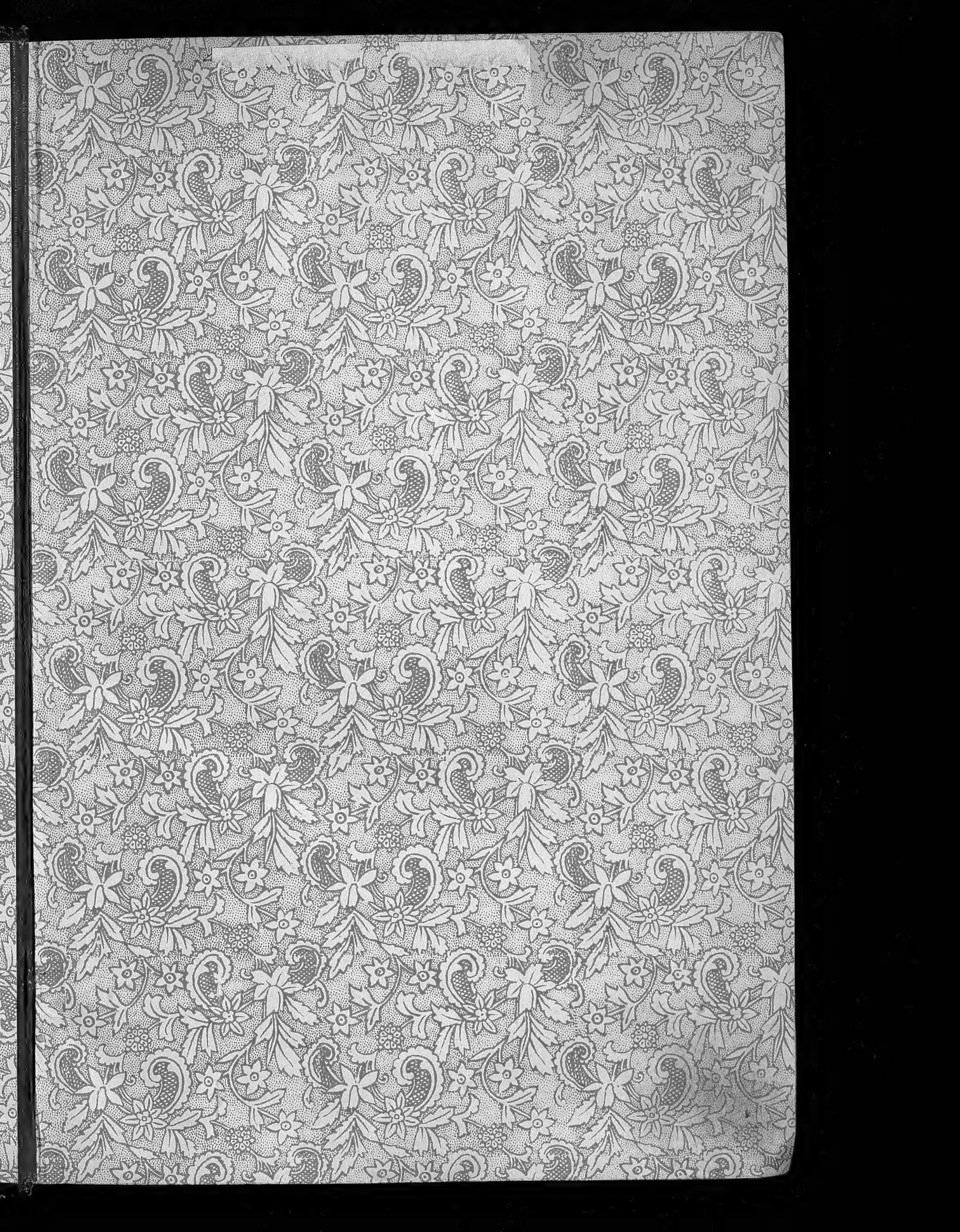
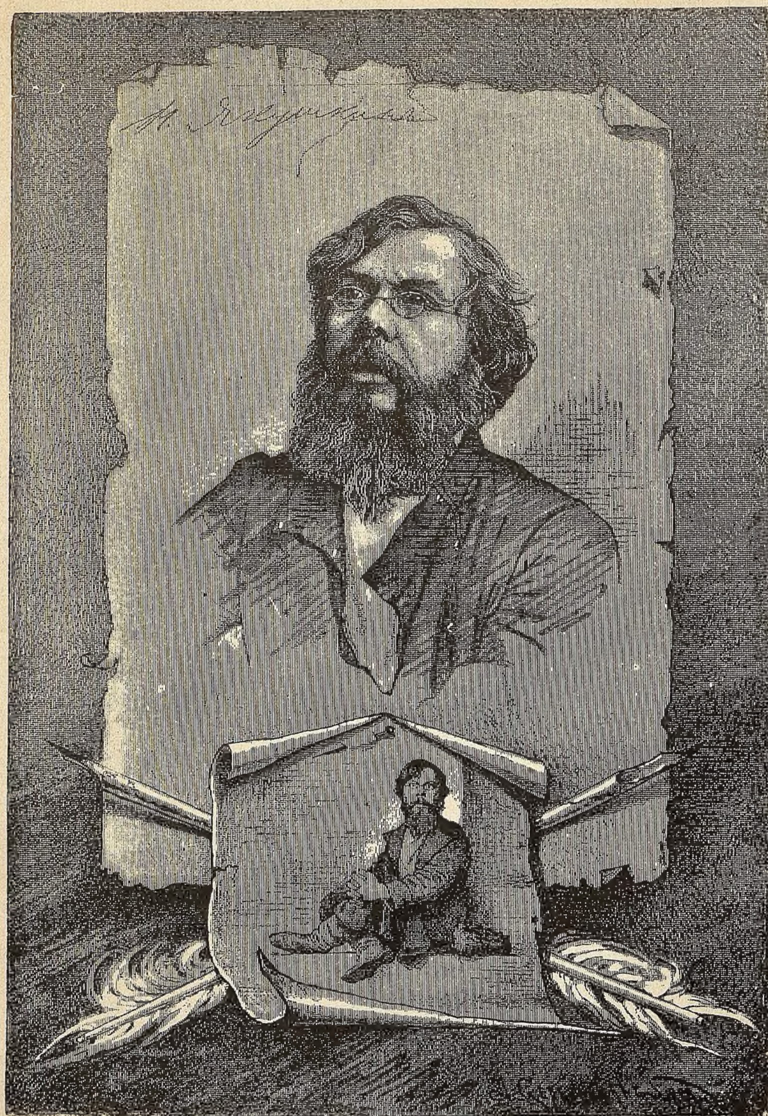

Библ.
московск.
педагогич.
собранія.
кл: 2
шк: XVII
шк: 4
полка: 3
место: 27
№ 132

СОЧИНЕНІЯ

П. И. ЯКУШКИНА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА,

его біографіей **С. В. Максимова** и товарищескими о немъ воспоминаніями: **П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, И. Ф. Горбунова, А. Ф. Иванова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, Н. С. Лѣскова, Д. Д. Минаева, В. Н. Никитина, В. О. Португалова и С. И. Турбина.**

Изданіе Вл. Михневича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1884.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО
Екатерининскій каналъ, 168.

Непосредственное изученіе народа—дѣло у насъ молодое, новое, едва початое. Дѣло это великое, первостепенной важности, и—теперь уже для всякаго это ясно. Поэтому каждая добросовѣстная работа по изученію народа должна быть на виду и на счету, каждый, самый даже скромный изслѣдователь, посвятившій этому дѣлу свои силы, заслуживаетъ вниманія, памяти и признательности.

Вотъ тѣ соображенія, на которыхъ объосновалась мысль настоящаго изданія полнаго собранія сочиненій Павла Ивановича Якушкина, всю жизнь свою отдавшаго изученію народа по личнымъ наблюденіямъ и, дѣйствительно, знавшаго его такъ, какъ у насъ знали и знаютъ народъ очень немногіе.

Написано имъ, сравнительно, мало, но все, что онъ написалъ, дышетъ правдой, искренностью и какимъ-то эпическимъ простодушіемъ. Наблюденія его всегда жизненны, всегда—чуждыя предвзятой окраски и натяжки—записаны такъ, какъ они легли на его прозрачную народолюбивую душу.

Якушкинъ ничего *не сочинялъ*. „Мнѣ, право, жаль, самъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ, что я не умѣю *составить картину*, имѣя подъ руками все: и содержаніе и краски“... И дѣйствительно, „*составленныхъ* картинъ“ съ придуманнымъ освѣщеніемъ напрасно было-бы искать въ его разсказахъ; но быть можетъ тѣмъ-то особенно и цѣнны эти разсказы, что представляютъ собою безхитростные, непосредственные снимки съ народныхъ воззрѣній, нравовъ и обы-

чаевъ во всей свѣжести ихъ естественныхъ красокъ. Въ этомъ отношенiи труды Якушкина обильны содержанiемъ и интересъ ихъ неувядаемъ для всѣхъ, кого занимаютъ жизнь, бытъ и характеръ русскаго народа.

Если не какъ заслугу, то какъ выдающуюся бiографическую черту Якушкина, слѣдуетъ отмѣтить еще то обстоятельство, что онъ—едва-ли не первый изъ русскихъ писателей—пошелъ въ народъ, ради ближайшаго его изученiя, и ушелъ въ него, можно сказать, съ головою, до отреченiя отъ благъ и преимуществъ своего „господскаго" званiя и положенiя.

Въ народъ онъ шелъ не мудрить надъ нимъ, не прикладывать къ нему тѣ или другiе взгляды и теорiи, шелъ онъ въ него, какъ мѣтко выразился о немъ одинъ журналъ, „*смиренно*, т. е., воздерживаясь отъ всякаго суда и приговора". Его воодушевляла единственно горячая, беззавѣтная любовь къ народу—любовь не дѣланная, но дѣятельная, которая стремится извѣдать до глубины сокровенныя думы, нужды и боли того, кому посвящена она. Въ Якушкинѣ это было самородное, задушевное призванiе, ставшее посланничествомъ всей его жизни, которымъ онъ и заслужилъ безспорное право быть помянутымъ добрымъ словомъ и вниманiемъ всѣхъ любящихъ родину русскихъ людей.

Въ предлагаемомъ изданiи собраны всѣ труды П. И. Якушкина, за исключенiемъ немногихъ его мелкихъ критическихъ замѣтокъ, незначительныхъ по содержанiю и имѣвшихъ лишь интересъ минуты.

Труды Якушкина, вошедшiе въ эту книгу, состоятъ: изъ небольшаго числа *разсказовъ* и *очерковъ* (всѣхъ ихъ счетомъ 12); *путевыхъ писемъ* изъ губернiй: новгородской, псковской, орловской, курской, черниговской и астраханской; и *сборника народныхъ пѣсенъ* (около 400), съ предисловiемъ самого собирателя и критической статьею его на сборникъ Безсонова, имѣющей бiографическое и литературно-историческое значенiе.

Хотя Якушкинъ прожилъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, но періодъ его собственно—литературной дѣятельности захватываетъ не болѣе пятнадцати лѣтъ (послѣднихъ въ его жизни), чѣмъ отчасти и объясняется то, что имъ было такъ мало написано. Его путевыя письма, которыми онъ началъ свою писательскую карьеру, являются впервые въ печати въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, а въ 1872 г. его уже не стало. Впрочемъ, и до этого періода онъ уже пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность, преимущественно въ московскомъ литературномъ мірѣ, какъ собиратель народныхъ пѣсенъ. Собираніе пѣсенъ и, слѣдовательно, непосредственное знакомство съ народомъ начато было имъ по совѣту и подъ руководствомъ извѣстнаго Кирѣевскаго, еще въ то время, когда онъ учился въ московскомъ университетѣ. Надо полагать, что этотъ періодъ въ жизни П. И. былъ особенно плодотворнымъ, по свѣжести, яркости и обилію наблюденій надъ народной жизнью, какъ сдѣланныхъ еще въ молодости: они-то впослѣдствіи и послужили, вѣроятно, главнымъ матеріаломъ его разсказовъ и разъ навсегда опредѣлили почву его дѣятельности.

Путевыя письма и разсказы Якушкина печатались въ разныхъ петербургскихъ и московскихъ періодическихъ изданіяхъ, но всего болѣе въ „Современникѣ" и „Отечествен. Запискахъ" съ переходомъ ихъ подъ редакцію Некрасова. *) Отдѣльно издана была только незначительная часть ихъ: „Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній" (Спб. 1860 г. изд. Кожанчикова), и „Бывалое и Небывальщина" (Спб. 1865 г., изд. Таблена). Изданій этихъ давно уже нѣтъ въ продажѣ.

Пѣсни, собранныя Якушкинымъ, печатались первоначально въ „Лѣтописяхъ Русской Литературы и Древности" (1859 г.), сборникѣ „Утро" (1859 г.) и „Отечествен. Запискахъ" (1860 г.). Отдѣльно онѣ вышли въ двухъ различныхъ по объему изданіяхъ, тоже давно разошедшихся (См. объ этомъ подробнѣе на 458 стр.).

Была и у самаго Якушкина мысль полнаго изданія всего имъ написаннаго и собраннаго. Мысль эта возникла у него незадолго до смерти, во время его скитальчества по Поволжью, и, кажется, онъ ею былъ очень озабоченъ. Это можно видѣть изъ слѣдующаго письма его г. Межевскому, напечатавшему его въ своемъ воспоминаніи о Павлѣ Ивановичѣ, тогда уже покойномъ, въ „Московской Биржевой Газетѣ" (1872 г. № 24):

«Добрѣйшій N. N! Спасибо вамъ за вашу о мнѣ память... Д—въ обѣщалъ меня согласить съ Я-мъ. Вѣроятно, онъ со мной сойдется. Онъ знаетъ, да и вы знаете мои литературныя связи—авось я ему какъ нибудь помогу... Вашъ Павелъ Якушкинъ».

Записка эта помѣчена 5-мъ апрѣля 1870 г. Г. Межевскій добавляетъ, что въ это именно время П. И. «пріискивалъ издателя» и, повидимому, нашелъ его въ лицѣ редактора «Астраханскаго Справочнаго Листка», И. Н. Явлен-

*) Въ концѣ предисловія помѣщена библіографическая опись всѣхъ трудовъ Якушкина.

скаго, о которомъ, очевидно, рѣчь идетъ и въ приведенной запискѣ. Это подтверждалъ и самъ г. Явленскій, тотчасъ послѣ смерти П. И., печатно въ своей газетѣ. По его словамъ, Якушкинъ обратился къ нему со своимъ предложеніемъ въ Астрахани въ 1870 г., чрезъ г. Д—ва.

«Съ первой же встрѣчи Павелъ Ивановичъ, какъ разсказываетъ г. Явленскій, обратился ко мнѣ съ просьбою помочь ему деньгами, и я исполнилъ его желаніе. Затѣмъ рѣчь перешла къ его произведеніямъ и онъ сталъ упрашивать меня купить у него всѣ его труды—что было писано или печатано, для изданія ихъ въ двухъ томахъ».

Г. Явленскій, по его словамъ, на это согласился, и Якушкинъ, тутъ же сообщивъ ему списокъ своихъ сочиненій и «кромѣ того, обѣщавъ продолжать писать», «немедленно поѣхалъ къ маклеру со своимъ компаніономъ, г. Ленцемъ, написалъ условіе на форменной бумагѣ и привезъ его съ подписью двухъ свидѣтелей»... Вообще, г. Явленскій настаивалъ на томъ, что между нимъ и Якушкинымъ заключена и «существуетъ» форменная сдѣлка, въ силу которой онъ выражалъ намѣреніе безъотлагательно приступить къ изданію трудовъ П. И. («Астрахан. Справочн. Листокъ», 1872 г. № 55). Однако-жъ, намѣреніе это не исполнилось, о соглашеніи г. Явленскаго съ Якушкинымъ ничего болѣе неизвѣстно, да, какъ тогда же сожалѣлъ г. Межевскій, оно, по его словамъ, и вовсе «не состоялось».

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что это обстоятельство, какъ почти всѣ другія и болѣе важныя въ жизни П. И., не можетъ быть достаточно выяснено за скудостью точныхъ біографическихъ данныхъ. Якушкинъ не оставилъ послѣ себя никакихъ бумагъ, никакихъ документальныхъ матеріаловъ; даже писемъ его, по справкѣ, ни у кого изъ родныхъ и друзей его не оказалось почти ни клочка, и мы едва могли добыть его факсимиле для портрета. Сколько намъ извѣстно, покойный не велъ ни съ кѣмъ правильной переписки, сносясь съ своими близкими черезъ почту только по необходимости, по дѣлу, коротенькими, сухими записочками. Его личная жизнь однообразно-суровая, скитальническая, одинокая,—жизнь, такъ сказать, налегкѣ до самаго ея конца, не была богата событіями, какими нибудь внутренними переворотами и драматическими треволненіями, сколько можно судить по біографическимъ о немъ свѣдѣніямъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ увидитъ читатель, матеріалы для біографіи Якушкина заняли значительную часть этой книги. Изъ нихъ наибольшее мѣсто отведено товарищескимъ воспоминаніямъ о нашемъ авторѣ, въ желаніи, чтобы личность его возстановилась въ глазахъ читателей какъ можно рельефнѣе, ярче и разностороннѣе. Кромѣ того, казалось, что такой сборникъ воспоминаній о данномъ писателѣ не только служитъ для наиболѣе полной и вѣрной его біографической оцѣнки, но въ то же время даетъ историческій матеріалъ для возстановленія и пониманія самой литературной эпохи, въ которую этотъ писатель жилъ.

Передъ глазами читателя встаетъ здѣсь не обособленный лишь портретъ, а—цѣлая картина, на которой изображаемая личность, занимая какъ-бы центръ

ея, является представителемъ извѣстной среды въ живомъ общеніи съ нею, въ характеристическихъ чертахъ быта, нравовъ и умственнаго настроенія этой среды за данный историческій моментъ. Въ частности, собранныя здѣсь воспоминанія о Якушкинѣ рисуютъ болѣе или менѣе ярко уголокъ нашего литературнаго міра, судьбу и бытъ русскаго писателя въ любопытную эпоху 60-хъ годовъ. Сказать къ слову, въ нихъ мѣстами встрѣчаются противорѣчія и хронологическіе и фактическіе варіанты относительно нѣкоторыхъ эпизодовъ въ жизни Якушкина и біографическихъ чертъ его личности. Все это оставлено здѣсь въ неприкосновенности, въ интересѣ, такъ сказать, естественности подобнаго рода сборнаго повѣствованія и въ силу мудрой максимы— audiatur et altera pars. Естественны варіанты, когда объ одной и той же личности и ея жизни вспоминаютъ нѣсколько разсказчиковъ, по прошествіи 15—20 лѣтъ.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ, какъ издатель, отъ души поблагодарить почтенныхъ товарищей—писателей, сообщившихъ свои воспоминанія о Якушкинѣ для этой книги и тѣмъ, безспорно, придавшихъ ей особый живой интересъ и оказавшихъ существенное содѣйствіе самому ея изданію. Особливой-же признательностью обязанъ я Сергѣю Васильевичу Максимову, перу котораго принадлежитъ предлагаемый опытъ біографіи Якушкина,—за его теплое участіе къ предпринятому мною изданію, за его добрые совѣты и указанія.

Два слова о прилагаемомъ портретѣ автора этой книги. Онъ нарисованъ въ двухъ видахъ по фотографіямъ, снятымъ съ Якушкина въ различныя поры его жизни: большой—не задолго до его смерти, а маленькій—въ началѣ 60-хъ гг. Послѣдній, кромѣ того, имѣетъ еще и особый анекдотическій интересъ, о чемъ разсказываютъ въ своихъ воспоминаніяхъ гг. Лейкинъ и Лѣсковъ. Прилагаемые портреты рисованы спеціально для этой книги молодымъ художникомъ А. В. Серебряковымъ, подъ наблюденіемъ извѣстнаго академика М. О. Микѣшина, обязательно принявшаго участіе въ этомъ дѣлѣ.

Михневичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

о сочиненіяхъ Якушкина.

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.

ВЕЛИКЪ БОГЪ ЗЕМЛИ РУССКОЙ! — напечатанъ въ «Современникѣ» 1863 г. т. 94. Нѣкоторыя сцены изъ этого разсказа перепечат. въ отд. изданіи «Бывалое и небывальщина», 1865 г.

БУНТЫ НА РУСИ: *Очеркъ I-й* въ «Современ.» 1866 г. т. 130. *Очеркъ II-й* (посмертный) въ «Новомъ Времени» 1880 г., № 1626 и 1628.

ЧИСТИ ЗУБЫ, А НЕ ТО МУЖИКОМЪ НАЗОВУТЪ — въ «Отечествен. запискахъ» 1868 г. т. 176.

НЕБЫВАЛЬЩИНА — въ «Современ. 1865 г. т. 111, и въ «Искрѣ» за 1864 и 1865 г. (Всѣ эти разсказы перепеч. за исключ. послѣдняго (V), въ отд. изд. «Бывалое и Небывальщина»).

ПРЕЖНЯЯ РЕКРУТЧИНА И СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ — въ «Прибавленіяхъ къ русскому Инвалиду», 1864 г. № 8 (Перепечат. въ «Бывал. и Небывал.»).

МУЖИЦКІЙ ГОДЪ — въ отд. изд. »Бывалое и Небывальщина» (изъ «Искры»).

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О КРЫМСКОЙ ВОЙНѢ — въ «Современ.», подъ заглав.: «Изъ путевыхъ замѣтокъ» (изъ Богодухова). 1864 г. т. 105 (Вошло въ «Бывал. и Небывальщину»).

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

ИЗЪ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ—въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г.

ИЗЪ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ—въ «Рус. Бесѣдѣ» 1859 г. Письма изъ этихъ двухъ губ. перепеч. въ отд. изд. Кожанчикова 1860 г.

ИЗЪ УСТЮЖСКАГО УѢЗДА—въ «Сѣв. Пчелѣ», 1860 г. №№ 258 и 260.

ИЗЪ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНІИ: а) *Орелъ, Усохъ* — въ «Современ.» 1860 г. т. 87 и 88; б) *Сабурово, Малоархангельскъ* — въ «Иллюстраціи» 1861 г. №№ 189 и 190.

ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ — въ «Основѣ» 1861 г. кн. 11 и 12 и 1862 кн. 1.

ИЗЪ КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ — въ «Иллюстраціи» 1861 г. № 192.

ИЗЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ — въ «Отечествен. Запискахъ» 1868 г. т. 180 (Астрахань) и 1870 г. т. 188 (Красный Яръ).

Справку о собраніи пѣсенъ см. на стр. 458.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ ЯКУШКИНА.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

ЯКУШКИНЪ.

Біографическій очеркъ

С. В. Максимова.

Письмо къ издателю.

Многоуважаемый Владимiръ Осиповичъ!

Передаю въ ваше распоряженiе мои воспоминанiя о П. И. Якушкинѣ, написанныя, по просьбѣ Н. А. Некрасова, въ дополненiе къ коротенькому некрологу, наскоро мною набросанному въ № 2-мъ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1872-й годъ. По независящимъ отъ обоихъ насъ причинамъ статья эта не была напечатана. Тѣмъ не менѣе и подъ слоемъ пыли нѣсколькихъ лѣтъ въ ней сохранились неизмѣнными тѣ же чувства и мысли, какiя вылились и тогда подъ свѣжими впечатлѣнiями печальнаго и обиднаго извѣстiя. По этой-то причинѣ я сдѣлалъ лишь незначительныя сокращенiя и необходимыя дополненiя въ виду того, что въ то время приходилось высказываться совершенно при другихъ условiяхъ. О чемъ я забылъ и чего не досказалъ, — помогутъ вамъ другiе: Павла Якушкина знали очень многiе, а кто его зналъ, тотъ и любилъ. При оригинальномъ складѣ жизни, особенностями своего характера онъ умѣлъ проявлять такiя своеобразныя черты, рѣзкое впечатлѣнiе которыхъ безсильна износить всякая память.

Примите увѣренiе и проч.

С. Максимовъ.

Наступила весна 1858 года: и въ Петербургѣ обновлялась природа, оживая и улыбаясь, хотя улыбка эта казалась и въ то время довольно грустною, тѣмъ не менѣе, та весна была изъ лучшихъ въ другомъ, не въ астрономическомъ и не въ физическомъ смыслѣ. Переживалось время, когда здоровая струя свѣжаго воздуха вдругъ ворвалась въ нашъ мiръ и потянула такою крѣпкою тягой, прибодряя нервы, что почуялись особыя невѣдомыя силы и неодолимая потребность работы. Среди свѣтлыхъ радостей весны, послѣ суровой зимы и томительныхъ скитанiй по сугробамъ, на освѣженномъ воздухѣ, на обѣщанной свободѣ и несомнѣнномъ просторѣ работалось суетливо, безразсчетно, но охотливо, по сознательному долгу и твердой увѣренности въ неизбѣжности и обязательности труда.

Къ тому времени весеннихъ работъ, если и произведено было немного, то затѣяно было довольно. Предчувствовались еще большiя работы впереди.

Остановимся изъ многихъ другихъ на литературномъ полѣ, такъ какъ на немъ и мы толклись съ прочими и суетились въ толпѣ, поджидая назначенiя и не задумываясь о томъ, что можетъ быть приведется тяжело и не по силамъ. Не зовутъ вола пиво пить — зовутъ вола воду возить.

На литературномъ полѣ къ прежнимъ работникамъ мало-по-малу стали присоединяться новые. Участiе свѣжихъ силъ стало прибодрять; нѣкоторыми показаны новые прiемы и, по общему закону человѣческаго прогресса, очень удачные и болѣе успѣшные.

Литература въ это время заручилась уже «Губернскими Очерками». Пѣсни Беранже, въ прелестныхъ переводахъ и счастливыхъ передѣлкахъ В. С. Курочкина, входили во вкусъ и сильно увлекали. Неумолкавшiе дѣятели изъ прежнихъ перестраивали тоны и стали искать мотивовъ не въ отвлеченiяхъ абстрактной мысли, а въ живой струѣ голой жизненной правды, олицетворяемой въ художественныхъ образахъ. Кто сдѣлалъ такъ, у тѣхъ лишь и оставались сочувствующiе слушатели. Времени пе-

реворота прошло еще немного, но совершилось неслыханное: около новыхъ проповѣдниковъ быстро собралась густая толпа слушателей и еще быстрѣе и неожиданнѣе выразилось взаимное сочувствіе, котораго ни подозрѣвать, ни ожидать не было никакой возможности. Словно всѣ сговорились, и какъ будто всѣ давно уже вели между собою условный символическій разговоръ по необнародованной и нецензурной азбукѣ.

Время это было замѣчательно именно тѣмъ, что проявилось тогда много новаго и неожиданнаго.

Изъ числа этихъ новыхъ и неожиданныхъ, по крайней мѣрѣ для Петербурга, было появленіе въ этомъ центрѣ журнальной и газетной дѣятельности, весною 1858 года, новаго лица. Явилось оно, по своей надобности, съ очень скромною цѣлью. Однако, не смотря на наличную его скромность и даже застѣнчивость, ни на короткое пребываніе его здѣсь, лицу этому удалось произвести очень сильное впечатлѣніе на тѣ литературные кружки, въ которыхъ оно появилось. Все было въ немъ своеобразно и при томъ самобытно, многое поражало извѣстнаго рода рѣзкостью и даже крайностями; самая причина его пріѣзда выходила изъ ряда обыкновенныхъ и была слѣдствіемъ его оригинальнаго образа жизни и способа дѣйствій.

Мы увидѣли передъ собою человѣка, одѣтаго въ полумѣщанскій, полукрестьянскій костюмъ, у котораго параднымъ платьемъ на выходъ была черная суконная поддевка и тѣ же высокіе сапоги съ напускомъ, безъ калошъ. Въ городѣ, не терпѣвшемъ тогда никакого разнообразія и отступленій даже въ архитектурѣ зданій и придумавшемъ форменную одежду для дворниковъ, появленіе поддевки показалось явленіемъ довольно рѣзкимъ. Столичный глазъ привыкъ понимать по платью только два вида людей: военныхъ и статскихъ. Бороды въ то время были строго-воспрещенною контрабандой и, въ видахъ исключенія, терпимы были только у людей, носившихъ третій видъ терпимой столичной одежды, имѣвшей общее названіе русской. На человѣкѣ, вызвавшемъ эти замѣчанія наши, русское платье рѣзало глаза и останавливало вниманіе проходящихъ: при русскомъ костюмѣ онъ носилъ очки, которыя въ средѣ простыхъ, русскихъ людей и по сейчасъ составляютъ рѣзкую исключительность, допускаемую грамотными стариками—начотчиками. Собственно только одни очки и стояли въ противорѣчіи съ костюмомъ. На первыхъ порахъ могло казаться, что костюмъ надѣтъ съ цѣлью выдѣлиться изъ толпы и попробовать задать новую моду. Но такъ могли думать (и думали) лишь мимоидущіе: на людей, присмотрѣвшихся ближе, костюмъ произвелъ совершенно другое впечатлѣніе. Видимый оригиналъ, надѣлъ, въ сущности, именно то платье, которое наиболѣе соотвѣтствовало его роду занятій, его задушевнымъ побужденіямъ, и безъ него онъ былъ-бы также не полонъ, какъ и безъ бороды и другихъ своихъ рѣзкихъ, но своеобразныхъ особенностей. По справкѣ оказалось, что такое платье носитъ тотъ человѣкъ уже десять лѣтъ, что онъ прошелъ въ немъ среди серьезныхъ

опасностей и великаго множества непріятностей и уберегъ себя среди насмѣшекъ и оглядываній.

Борода была густая и довольно подержанная: сѣдина уже предательски пробивалась въ ней. Павелъ Ивановичъ Якушкинъ былъ въ русскомъ нарядѣ своемъ безупречно искрененъ, а безъ него рѣшительно не мыслимъ. Въ Петербургѣ надъ нимъ успѣли посмѣяться до того, что задали ему серьезную задачу пораздумать о замѣнѣ русскаго костюма общепринятымъ платьемъ. Для подобной оказіи разъ настояла даже крайняя нужда, когда представилась необходимость являться ему къ бывшему его начальнику по московскому университету, графу С. Гр. Строганову. Подозрѣвалась опасность отъ швейцара; визитъ въ мужичьемъ нарядѣ могъ показаться если не дерзостью, то насмѣшкой передъ такимъ богатымъ и гордымъ аристократомъ. Мы очень усердно хлопотали объ устраненіи этихъ внѣшнихъ препятствій, которыя въ то время намъ казались очень серьезными. Достали фракъ, одѣли Якушкина франтомъ, весьма приличнымъ на первый взглядъ, но съ первыхъ же шаговъ новоставленника рѣшились отказаться отъ своей скороспѣлой затѣи: Павелъ Ивановичъ положительно разучился носить всякій другой костюмъ, кромѣ усвоеннаго и завоеваннаго имъ. Въ немъ онъ производилъ одну изъ труднѣйшихъ работъ изученія русскаго народа, встрѣчался глазъ на глазъ съ нимъ въ самыхъ источникахъ, гдѣ тихо и скромно струятся они, въ густыхъ заросляхъ, едва примѣтные глазу и съ трудомъ доступные (доступные только послѣ многихъ усилій и при извѣстномъ искусствѣ). Объ искусствѣ и работахъ его знали кое кто въ Москвѣ и очень смутно въ Петербургѣ: такъ скромна была дѣятельность этого изслѣдователя русской народности. Въ Петербургѣ, въ значеніи литературнаго дѣятеля, П. И. Якушкинъ имѣлъ полное основаніе показаться новостью, и показался именно тою силой, которая копилась подъ спудомъ, но достаточно окрѣпла и дерзнула появиться лишь въ то время, когда повѣяло новымъ духомъ и предчувствовался запросъ на людей, знакомыхъ съ народомъ, которому приготовлялась великая реформа освобожденія. Въ видимой новинкѣ оказались, однако, старыя заслуги и старые труды. Онъ уже успѣлъ сдѣлать довольно, и одну часть работы довелъ до конца. Самое появленіе его въ Петербургѣ вызвано было неудачнымъ исходомъ этихъ долговременныхъ и тяжелыхъ работъ. Онъ собиралъ пѣсни для П. В. Кирѣевскаго. Сборникъ былъ конченъ, надо было его надобрать и окончательно приготовить къ изданію. Кирѣевскій умеръ. Наслѣдникъ его передалъ его работу г. Безсонову, къ глубочайшему огорченію главнаго дѣятеля и наилучшаго оцѣнщика собраннаго матеріала. Павелъ Ивановичъ рѣшился издать собственный сборникъ, изъ записокъ личной памяти и кое какихъ лоскутковъ. На то время пишущій эти строки успѣлъ вернуться изъ Архангельской губерніи съ двумя сборниками собранныхъ тамъ пѣсенъ. Па-

велъ Ивановичъ пріѣхалъ съ просьбой помочь выйти изъ обиднаго положенія.

Привелъ Павла Ивановича братъ его, Викторъ, нашъ другъ и товарищъ по медицинской академіи,—одна изъ свѣтлыхъ и честныхъ личностей,—находившійся въ то время подъ тѣмъ же обаяніемъ необходимости труда живыхъ работъ. Привезъ онъ брата изъ деревни, самъ будучи на пути за границу для усовершенствованія въ европейскихъ медицинскихъ факультетахъ *).

Предшествовавшая жизнь Павла Ивановича не богата событіями. Вотъ что мы знаемъ о томъ. Родился онъ въ 1820 году, въ усадьбѣ Сабуровѣ, Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губерніи, въ дворянской семьѣ, съ достаточными матеріальными средствами. Отецъ его, Иванъ Андреевичъ, служилъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку поручикомъ и жилъ постоянно въ деревнѣ **). Хотя семья Якушкиныхъ и успѣла лишиться отца далеко до времени совершеннолѣтія самаго старшаго брата, Александра, тѣмъ не менѣе она осталась на рукахъ матери, которая пользовалась общимъ, глубокимъ уваженіемъ, внушаемымъ ея безконечной добротой, свѣтлымъ умомъ и сердечностью. Прасковья Фалеевна владѣла въ то же время тактомъ опытной хозяйки и имѣнье, доставшееся семьѣ послѣ отца, не только не разстроилось (какъ это бываетъ при подобныхъ условіяхъ), но приведено было въ наилучшее состояніе. Благодаря этому счастливому обстоятельству, Прасковья Фалеевна имѣла возможность воспитать шестерыхъ сыновей въ Орловской гимназіи и, затѣмъ, двумъ изъ нихъ (Александру и Павлу) открыть дорогу къ университетскому образованію, а третьяго (Виктора) воспитывать въ петербургской медико-хирургической академіи.

Хотя я не пишу біографіи Якушкина въ строгомъ смыслѣ, съ соблюденіемъ надлежащихъ требованій и слѣдуя общепринятымъ пріемамъ этого рода сочиненій, все таки считаю необходимымъ здѣсь, прервавъ разсказъ, остановиться мимоходомъ на одномъ обстоятельствѣ.

Родъ Якушкиныхъ—старинный дворянскій, занесенный въ 6-ю часть

---

*) Удалось ему сдѣлаться потомъ въ своихъ краяхъ довольно извѣстнымъ, въ качествѣ безмезднаго и опытнаго врача, особенно между мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ, но преждевременно умеръ и онъ (на сороковомъ году жизни) въ Римѣ, отъ чахотки.

**) Онъ имѣлъ роднаго брата Дмитрія Андреевича, сынъ котораго Иванъ Дмитріевичъ, двоюродный братъ Павла Ивановича, пострадалъ во время событій въ декабрѣ 1825 года, былъ сосланъ въ Сибирь и оставилъ послѣ себя записки, напечатанныя частію въ «Рус. Архивѣ». Сынъ Ивана Дмитріевича, Евгеній Ивановичъ, заявилъ себя въ литературѣ въ послѣднее время замѣчательнымъ трудомъ по изслѣдованію обычнаго народнаго права, обратившимъ на себя особенное вниманіе ученыхъ. Изслѣдованіе это «Обычное право», вып. I, напечатано въ Ярославлѣ, въ 1875 году. Въ «Трудахъ» тамошняго губ. стат. ком. помѣщены «Молитвы и заговоры», записанные имъ же въ Пошехонскомъ уѣздѣ, а въ «Вѣстн. Яросл. Земства»—«Волостные суды въ Ярославской губерніи». *Авт.*

дворянской родословной книги Смоленской губерніи. Не смотря на то, что аристократическія права и претензіи въ данномъ случаѣ нарушены самымъ рѣзкимъ демократическимъ образомъ всѣми шестью братьями безъ исключенія, я не нахожу излишнимъ разсказать слѣдующее:

Ихъ «предокъ съ дѣтства въ службѣ бранной» служилъ тишайшему царю Алексѣю и кротчайшему его сыну Федору въ войнахъ съ турскимъ салтаномъ и ханомъ крымскимъ съ ордами. Въ грамотѣ, жалованной царями Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичами и сохранившейся въ семействѣ Якушкиныхъ, за красною печатью и подъ шелковымъ прикрытіемъ, стряпчій Григорій Сергѣевичъ Якушкинъ похвалялся «за службу, промыслы и храбрость», и награжденъ былъ въ 1686 году пустошами въ Московскомъ уѣздѣ, да въ Вяземскомъ. Потомокъ его, Андрей, въ 1752 году жалованъ изъ лейбъ-гвардіи капраловъ въ прапорщики, а въ 1811 году выдана Якушкинымъ въ Смоленскѣ грамота на дворянское достоинство. Записаны были тогда въ 6-ю книгу капитанъ Семенъ и подпоручикъ Иванъ Андреевы Якушкины и недоросль Иванъ Дмитріевъ Якушкинъ. Иванъ Андреевичъ былъ отцемъ нашихъ Якушкиныхъ и, черезъ обмѣнъ (или покупку) смоленскаго жалованнаго помѣстья на лучшее черноземное въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, сталъ орловскимъ помѣщикомъ. Его женою и матерью 7 сыновей и одной дочери сдѣлалась его крѣпостная дѣвушка, умная, по природѣ, и, по русскому народному закону, во вдовствѣ проявившая еще большія умственныя способности и высокія нравственныя и практическія качества.

Въ московскій университетъ Павелъ Ивановичъ поступилъ въ 1840 году на математическій факультетъ, слушалъ его довольно успѣшно, такъ что былъ уже на четвертомъ курсѣ, когда встрѣча съ М. П. Погодинымъ и П. В. Кирѣевскимъ измѣнила предначертанный случайнымъ выборомъ планъ будущихъ занятій. Узнавъ, что П. В. Кирѣевскій собираетъ народныя пѣсни, Якушкинъ записалъ одну и отправилъ къ собирателю съ товарищемъ, нарядившимся лакеемъ. П. В. за эту пѣсню выдалъ 15 р. асс. Якушкинъ вскорѣ повторилъ опытъ и на третій разъ получилъ уже отъ собирателя приглашеніе познакомиться. Пѣсни были неподдѣльнаго народнаго творчества, взятыя не изъ того источника, которымъ пробавлялась столичная публика при помощи цыганъ и военныхъ запѣвалъ на народныхъ гуляньяхъ и кутежахъ. Чуткій къ способностямъ Якушкина, Петръ Васильевичъ на собственный счетъ задалъ ему такую работу, которая наиболѣе соотвѣтствовала дарованіямъ неудавшагося математика. Не сдѣлался Якушкинъ ни учителемъ ариѳметики и геометріи въ какой-либо изъ гимназій московскаго учебнаго округа, ни чиновникомъ казначейства, или другихъ счетныхъ палатъ:

П. В. Кирѣевскій отправилъ его для изслѣдованія въ сѣверныя поволжскія губерніи, разомъ на ту дорогу, которая оказалась потомъ настоящею и на которой Якушкинъ и получилъ литературную извѣстность.

Якушкинъ взвалилъ на плечи лубочный коробъ, набитый офенскимъ товаромъ на крестьянскую руку, цѣнностью не больше десяти рублей,—взялъ въ руки аршинъ и пошелъ подъ этимъ незамысловатымъ видомъ торговца-сумошника на изслѣдованіе народности и для изученія и записыванія пѣсенъ. Взятый товаръ, подобранный больше въ разсчетѣ на слабое дѣвичье сердце, предназначался не на продажу, а на вымѣнъ на пѣсни и на что подойдетъ изъ подходящаго этнографическаго матеріала.

Путь былъ теменъ, приключеній бездна; и жердочка тонка, и рѣчка глубока: опасность на ней велика, если не предусмотрѣть мелкаго пустяка, какого-нибудь сучка, даже задоринки.

Торговецъ Якушкинъ по грязи и бездорожицѣ, подъ защитой случайной угрѣвы, присаживаясь на облучокъ встрѣчной и попутной тележонки, шелъ къ своей цѣли прямо. Крюки и уклоненія въ сторону онъ позволялъ себѣ только по задачѣ интересной мѣстности — разумѣется, всего охотнѣе въ глушь, по дикимъ проселкамъ. А здѣсь честь не велика. Двѣ версты до цѣли.

— Да ты не ходи: идти нельзя, волковъ много.

— Одну только версту опасно будетъ, а тамъ другая верста пойдетъ полемъ,—утѣшаетъ другой.

Въ другой разъ смерклось: хорошо бы на боковую. Постучался въ одну избу—отказали; постучался въ другую—отказали съ утѣшеніемъ: «хоть не стучись — здѣсь не примутъ, иди дальше въ харчевню на большой дорогѣ». Въ харчевню также не пустили, хоть и предложена была плата за ночлегъ. Приняли въ караулкѣ. Мѣсто на грязномъ полу, на голыхъ доскахъ въ повалку съ другими — вотъ и рай, за который, по требованію, пожалуй, и хорошія деньги можно бы заплатить.

А могло случиться на такую стать: въ пѣшемъ хожденіи по Владимірской губерніи, Павелъ Ивановичъ попалъ въ зажору по поясъ, промокъ до костей и прозябъ до тифознаго воспаленія. Въ кабакѣ выручилъ цѣловальникъ, изъ сердоболія дерзнувшій отворить дверь и дать водки, но не осмѣлившійся оставить у себя ночевать и обогрѣться. Однако далъ онъ провожатаго, который и привелъ въ теплую избу. Здѣсь на печи, не столько водка, сколько молодыя, не надорванныя силы свалили опасность вешнихъ водъ и самую воду, какъ съ гуся.

Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ отравили его въ трактирѣ солянкой, надо было садиться и ѣхать на лошадяхъ. Ямщикъ везетъ и, слушая оханья, приходитъ въ ужасъ, не далекъ отъ мысли бросить больнаго на дорогѣ, чтобы не привезти трупъ и не очутиться въ отвѣтѣ. Надо было сдерживать оханья, чтобы обманомъ сѣсть съ другимъ ямщикомъ и ѣхать на свѣжихъ лошадяхъ. Съ этимъ ямщикомъ, по просьбѣ ко-

слѣдняго, нельзя было въѣхать на постоялый дворъ, привелось ночевать у будочника въ конурѣ его; по выходѣ оттуда упасть на улицѣ и, благодаря сердоболію мѣщанки, избавиться отъ коликъ на ея теплой печи, подъ ея горшками, которые она вскидывала ему на животъ. Да всего и не перечесть, да и разсказывать о томъ излишне, такъ какъ Павелъ Ивановичъ охотливо и откровенно разсказалъ о многихъ изъ своихъ похожденій въ немногихъ разсказахъ, напечатанныхъ имъ въ разное время и въ разныхъ повременныхъ нашихъ изданіяхъ и собранныхъ въ настоящемъ изданіи полностью, безъ исключеній. Теперь В. О. Михневичъ, оцѣнившій въ нашемъ другѣ литературнаго дѣятеля, облегчилъ трудъ желающимъ подробнѣе прослѣдить за поучительными похожденіями и добровольнымъ мученичествомъ оригинальнаго человѣка.

Способъ пѣшаго хожденія Павелъ Ивановичъ призналъ удобнымъ и обязательнымъ для себя на всю жизнь. Образъ странника былъ любезенъ и дорогъ ему, сколько по привычкѣ, столько же и по исключительности положенія въ средѣ народа, гдѣ страннику, захожему человѣку великъ почетъ и уваженіе. Съ особенною любовью вспоминалъ онъ и разсказывалъ о тѣхъ случаяхъ, когда его покормили молочкомъ, яичницу-верещагу сдѣлали. Около Новгорода попалъ онъ на рыбныя тони, гдѣ отобрали ему ловцы самой лучшей крупной рыбы на уху. Въ другомъ мѣстѣ старушка дала страннику копѣечку на дорогу. Попадалъ онъ на большія угощенія, получалъ кое-гдѣ даже почетныя мѣста въ переднемъ углу. Денегъ нигдѣ не брали.

— Нельзя ли дать мнѣ щей, я заплачу, что стоитъ.

— И... Избави Господи! грошъ возьмешь—бѣда! Такъ кушай сколько хочешь. Да кстати и щи уварились...

Даровое угощеніе, охотливая помощь ему, заслужившему таковыя по безграничной любви къ народу, были кстати: Якушкинъ ходилъ съ скудными денежными запасами. Обусловливалъ онъ ихъ у покровителей своихъ походовъ очень умѣренно, съ совѣстливою деликатностью; тратилъ полученное безразсчетливо; большихъ денегъ и задатковъ боялся, не надѣясь на себя, и отказывался отъ полученія крупныхъ суммъ, съ откровеннымъ сознаніемъ въ неспособности владѣть и распоряжаться денежными кушами.

Но выходъ Якушкина, надо помнить, былъ новый — никто до него таковыхъ путей не прокладывалъ. Пріемамъ учиться было негдѣ; никто еще не дерзалъ на такіе смѣлые шаги, систематически разсчитанные и на дерзостные поступки—встрѣчъ глазъ на глазъ съ народомъ. По духу того времени, затѣю Якушкина можно считать положительнымъ безуміемъ, которое, по меньшей мѣрѣ, находило себѣ оправданіе лишь въ увлеченіяхъ молодости.

Тогда съ «мужиками» водилась только литература, да и то благодаря вмѣшательству И. С. Тургенева, повѣсти и разсказы про нихъ

начали читать и у Д. В. Григоровича, и у преждевременно скончавшагося И. Т. Кокорева. Однако, Далевскій сборникъ пословицъ былъ для печати забракованъ, какъ сборникъ «народныхъ глупостей» и т. д. Столичныхъ «гулящихъ господъ» взялись посвящать въ тайны народной поэзіи цыгане и разные хоры русскихъ пѣвцовъ, вырядившихся для пущаго сходства въ красныя рубахи и плисовыя поддевки. При помощи гитаръ, бубновъ и мѣдныхъ тарелокъ «русскіе пѣвцы» разсказывали о Грунюшкѣ-игрунье, которая умерла безъ юбки, а цыгане въ видѣ той же народной пѣсни, преподносили ту, которая повѣствуетъ о ножкѣ, наступившей на бревно и о свидѣтелѣ этого событія, пожалѣвшемъ, что онъ не бревно. Рѣшившись собирать подлинныя народныя пѣсни, далеко не ребенкомъ, а подъ тридцать лѣтъ, Якушкинъ дѣлалъ крупный литературный шагъ, самъ того не подозрѣвая, и во всякомъ случаѣ торилъ тропу, по которой ходить другимъ было уже нѣсколько полегче.

Ему на первыхъ порахъ сошло съ рукъ: увлеченіе помогло забраться далеко; случайность отвела вѣроятные толчки и предотвратила опасность. Первое путешествіе окончено было благополучно, и прогулка безъ препятствій оставила лишь самое благопріятное впечатлѣніе, заманила, завлекла и обѣщала наибольшіе успѣхи въ виду пріобрѣтенныхъ пріемовъ и практики.

Когда ему предлагали новые походы,—онъ уже не задумывался.

По возвращеніи изъ похода въ Москву, черезъ М. П. Погодина, Якушкинъ сдѣлался извѣстенъ и любезенъ такъ называемымъ славянофиламъ, тѣмъ немногимъ, но всѣмъ извѣстнымъ московскимъ ученымъ, которые работали надъ изученіемъ задачъ русской жизни и русской мысли. Кружку людей этихъ П. И. Якушкинъ обязанъ былъ самыми существенными изъ своихъ вѣрованій и самымъ главнымъ въ своихъ честныхъ и прямыхъ убѣжденіяхъ. Въ немъ не отразилась крайность: онъ не былъ славянофиломъ въ томъ узкомъ смыслѣ, какъ понимаетъ это наша критика: вынесъ онъ съ собою и оставилъ потомъ при себѣ искреннюю любовь и твердую вѣру въ честную, даровитую натуру великорусскаго племени, въ широту его міроваго призванія; болѣлъ случайностями задержки въ историческомъ поступательномъ шествіи его по пути прогресса, вѣровалъ въ народъ и любилъ его настолько, что всю жизнь потомъ оставался за него работникомъ, ходатаемъ и заступникомъ.

Подъ впечатлѣніемъ бесѣдъ друзей Погодина, молодой и талантливый другъ нашъ успѣлъ закалиться до того, что впослѣдствіи уже и не измѣнялъ ни разу своимъ цѣлямъ и убѣжденіямъ. Цѣль, предначертанная ему матеріальными средствами и надобностью одного изъ славянофиловъ — именно незабвеннаго Петра Васильевича Кирѣевскаго — заключалась въ собираніи народныхъ пѣсенъ, непосредственно

въ деревняхъ, на поляхъ, на широкой Волгѣ, непосредственно изъ устъ самого народа.

Якушкинъ пошелъ во второй, третій и, кажется, четвертый походъ опять подъ защитой коробка и подъ маской мелочнаго торговца. На этотъ разъ ему не сошло такъ счастливо, какъ въ первый разъ. Въ одинъ изъ такихъ походовъ онъ натолкнулся на то, что неизбѣжно и что сходило до сихъ поръ съ рукъ, благодаря лишь случайности. Подвернулась задоринка (даже и не сучекъ) и шедшій по тонкой жердочкѣ поскользнулся. Бывали и отрадныя минуты. Пригласили его на барскій дворъ и въ барскія комнаты показать коробокъ. Якушкинъ разложилъ товары, между которыми булавки, шелковыя ленточки, бѣлила и румяна. Обступили его барышни «съ звонкимъ дѣвичьимъ смѣхомъ и съ вѣчною красавицей младшей сестрицей». Выбирали ленточки, выслушивали цѣну. Захотѣлось купить румянъ: цѣна показалась высокою. Барышни щебетали по-французски и, между прочимъ, выговорили надежду на то, что торговецъ-сумошникъ поддастся и сбавитъ цѣну. «Нельзя уступить», выговорилъ онъ по-русски, забывши роль и опасность. Барышни переконфузились, начались разспросы. Кончилось тѣмъ, что отецъ барышенъ накормилъ коробочника за собственнымъ столомъ хорошимъ обѣдомъ.

Выпадали на торговца и подозрѣнія. Захолустныя власти предполагали «измѣну», обижались и огорчались. Одна добрая душа (другой сотской) сочла за нужное предостеречь.

— Тебя велѣно поймать, а я тебя ловить не буду. Найми лошадь, я тебѣ помогу—ступай въ губернію.

Прибывши въ «губернію» и, встрѣтившись въ домѣ товарища съ тѣмъ исправникомъ, который велѣлъ ловить его, Якушкинъ слышалъ изъ устъ самого:

— Заковалъ бы я васъ, или не заковалъ—не знаю, но ужъ вѣрно пріѣхали бы вы сюда на казенный счетъ, а не нанимать бы вамъ лошадей: непремѣнно переслалъ бы васъ къ губернатору.

И тому подобное.

Въ другой такой же походъ за пѣснями Павелъ Ивановичъ успѣлъ гдѣ-то въ спопутной деревнѣ заразиться вѣтряною оспой, заболѣть и свалиться въ первомъ попавшемся деревенскомъ углу. Здоровая натура однако выдержала натискъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя для больного условія: далеко отъ врача и внѣ всякой разумной и цѣлесообразной помощи. Коробейникъ поправился, но на всю жизнь сохранилъ на лицѣ слѣды довольно тяжелой оспы. Лицо было серьезно изуродовано и Якушкину не разъ приходилось потомъ платиться за это случайное несчастіе отъ тѣхъ людей, которые по лицу привыкли составлять впечатлѣніе. Опушенное длинной бородой, при длинныхъ волосахъ, лицо его, изуродованное неожиданной посѣтительницей, дѣйствительно оттѣняло его изъ ряду обыкновенныхъ личностей.

Самъ Павелъ Ивановичъ простодушно сознавался всѣмъ, замѣчавшимъ ему о рѣзкости и подозрительности его физіономіи, что въ дѣйствительности она изъ такихъ, которыя не находятъ невѣстъ, но очень удобно пріобрѣтаютъ враговъ. Онъ признавался всѣмъ, что первыми непріятными столкновеніями, онъ обязанъ былъ именно подозрительности своей физіономіи, усиленной, сверхъ того, крестьянскимъ костюмомъ при очкахъ, при лоскуткахъ бумаги и карандашѣ. Замѣчательно, напримѣръ, то, что о псковскомъ полиціймейстерѣ, имя котораго тѣсно связалось, благодаря журнальнымъ статьямъ, съ именемъ Якушкина, Павелъ Ивановичъ всегда отзывался съ кротостью, не памятуя зла и не ставя его въ вину и осужденіе. Издавши отдѣльной книжной разсказы о своихъ похожденіяхъ во Псковѣ и около, онъ написалъ заключительныя слова: «дальнѣйшія происшествія считаю излишнимъ повторять» *). И въ этомъ чувствовалась намъ всегда не одна только прирожденная и возлелѣянная имъ незлобивость характера, умѣвшая забывать огорченія и оскорбленія, но и несомнѣнное сознаніе въ участіи при его неудачахъ тѣхъ и другихъ недостатковъ и его физіономіи, и его образа жизни, и его характера. Въ послѣднемъ рѣзко выдавался всѣмъ извѣстный недостатокъ силы воли, который, однако, никому не былъ вреденъ, кромѣ самого виновника, добровольно и при благопріятствующихъ условіяхъ, отдававшагося ему очень часто черезъ мѣру.

Выше всего стояли симпатическія черты характера, которыхъ было столь много, что Павелъ Ивановичъ владѣлъ способностью быстро побѣждать предубѣжденія и привязывать къ себѣ всѣхъ, кто набѣгалъ на него. Довольно было одной встрѣчи, чтобы при второй получилъ Павелъ Ивановичъ привѣтствія отъ людей, успѣвшихъ прислушаться къ нему. Въ этихъ случаяхъ играла сильную роль его откровенность, самая своеобразная и простодушная. Всего менѣе можно было назвать его человѣкомъ скрытнымъ, себѣ на умѣ. Онъ просто-на̀-просто сохранился такимъ простакомъ, которые попадаются въ глухихъ провинціяхъ: очень довѣрчивый, очень ласковый, готовъ на безкорыстную послугу, побѣжитъ по первому призыву и даже деньги не считаетъ завѣтными. Въ Якушкинѣ слѣдовало даже удивляться тому, какимъ способомъ онъ съумѣлъ уберечь въ себѣ это патріархальное, старомодное простодушіе и поразительную наивность младенца.

«Онъ всѣмъ нравился своей прямотой (писалъ ко мнѣ одинъ изъ

---

*) Мы можемъ указать только на одинъ случай, когда онъ не могъ вынести огорченія и уложить расходившееся сердце. Но то былъ ударъ, дѣйствительно, серьезный въ самую чувствительную и щекотливую сторону сердца: у него отнято было право редакціи пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, на которыя онъ положилъ всю душу, истратилъ много здоровья и свѣжихъ, молодыхъ силъ. У него только и было завѣтнаго, святочтимаго и мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что въ этомъ была его жизнь. Въ настоящемъ изданіи читатели найдутъ разъясненіе всей этой исторіи, изложенное самимъ собирателемъ пѣсенъ. *Авт.*

самыхъ близкихъ и самыхъ строгихъ къ нему людей). Нравился своимъ безкорыстіемъ,—нѣтъ, этого слова мало, чтобы выразить его. Въ немъ было что-то такое, что ставило его выше другихъ и этимъ Павелъ стоялъ выше всѣхъ дрязгъ и всѣхъ мелочей. Въ немъ была особенная нѣжность, которую онъ умѣлъ показывать братьямъ и роднымъ не за одно лишь то, что ему всѣ готовно помогали и ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ отказывать ему ни въ чемъ. А сколько въ немъ было юности! Павелъ нравился именно безстрашіемъ идти наперекоръ судьбѣ, этой беззаботностью въ будущемъ, этой,—казавшейся со стороны безумной,—смѣлостью мѣшать дѣло съ бездѣльемъ, жить безъ заботы,—и отъ того-то всѣ и заботились объ немъ. Оттого никто не хотѣлъ смотрѣть на его внѣшность, никто не хотѣлъ требовать, зная его несамостоятельность. Словомъ—въ немъ всего виднѣе выдѣляется «хорошій человѣкъ»!»

Въ этомъ отчасти заключался секретъ его обаянія и того обстоятельства, что въ какія нибудь двѣ недѣли пребыванія его въ Петербургѣ, онъ сдѣлался между нами сразу своимъ, какъ будто знакомство и дружба сведены и прилажены были съ нимъ очень давно. На нашихъ глазахъ росли его знакомства съ положительной быстротой, такъ что вызывали серьезное изумленіе: всѣ эти свойства счастливаго и успѣшнаго миссіонера гармонически сочетались въ нашемъ другѣ. Для всѣхъ насъ не было сомнѣнія въ томъ, что онъ одинъ изъ рѣдкихъ счастливцевъ, которые попадаютъ на свойственную ихъ характеру стезю и при всякомъ выходѣ на свою миссію несомнѣнно возобладаютъ успѣхомъ. При этомъ нѣтъ никакихъ усилій, ничего искусственнаго—все дѣлается шутя, естественнымъ путемъ, даже, какъ будто, безъ всякаго особаго участія со стороны самого дѣятеля: по пословицѣ, счастливому и въ зубахъ вязло.

Я былъ личнымъ свидѣтелемъ одного выхода его на базарную площадь, интересовавшую меня дѣятельностью и продѣлками кулаковъ — перекупщиковъ крестьянскаго хлѣба. Черезъ какой нибудь часъ времени Павелъ Ивановичъ возвращался въ кучкѣ крестьянъ, которые галдили съ нимъ за панибрата, трепали его по плечу, хватали за руки, говорили:

— Слышь-ко Павло Иванычъ!... Надо тебѣ такъ говорить, милый человѣкъ... Подожди-ко, Павелъ Иванычъ!... Павелъ Иванычъ, слушай-ко, что я тебѣ скажу, послушай лучше меня!...

Словно онъ торговалъ какимъ ходовымъ товаромъ, привезъ его много и товаръ этотъ у него рвали съ руками. Въ сущности же онъ просто на просто подбирался къ изученію плутовскихъ пріемовъ кулаковъ, прилагаемыхъ къ простому добродушію хлѣбныхъ производителей, съ которыми было такъ много родственнаго и схожаго въ характерѣ самаго Якушкина. Отсюда-то онъ и вынесъ запасъ новыхъ и соблюлъ въ чистотѣ старыя прирожденныя черты добродушія, столь характерныя во всѣхъ его пяти братьяхъ. Въ народной средѣ создался ея миссіонеръ и толковникъ. Характеръ его нравился всѣмъ и находилъ сочувствіе

даже въ двухъ, въ трехъ лицахъ происхожденіемъ, воспитаніемъ, богатствомъ и общественнымъ положеніемъ, поставленныхъ въ совершенно иныя рамки міросозерцанія. Его, по старымъ отношеніямъ, тамъ любили и принимали безъ доклада и отказа. Даже откормленный и избалованный швейцаръ роскошнаго и изящнаго дома на Невскомъ проспектѣ, у Полицейскаго моста, счелъ для себя достойнымъ и приличнымъ почистить его поношенную свитку, примолвивъ: «Перышко, Павелъ Иванычъ, прилипло!...»

Замѣчательно еще и то, что какъ бы крупны и по временамъ докучливы не были его нѣкоторые недостатки, они ему прощались, они забывались скоро, обязывая всѣхъ и каждаго на самую крайнюю терпѣливость и самое безграничное снисхожденіе. Этимъ секретомъ примиренія владѣлъ Павелъ Ивановичъ въ совершенствѣ до конца жизни.

Изъ Краснаго Яра онъ адресовалъ къ намъ своего новаго пріятеля, въ которомъ мы нашли самаго преданнаго ему человѣка и искренняго друга и слышали отъ него, что, какъ отецъ за сыномъ, блюдетъ въ Красномъ Ярѣ за Павломъ Ивановичемъ и его интересами другой неподкупный другъ изъ мѣстныхъ торговцевъ. Хорошій человѣкъ въ Якушкинѣ былъ сильнѣе человѣка, имѣвшаго свою долю недостатковъ.

Возвращаемся къ прерванному разсказу о предшествовавшихъ пріѣзду Якушкина въ Петербургъ событіяхъ его жизни.

Большой сборникъ народныхъ пѣсенъ принесъ Якушкинъ въ собраніе П. В. Кирѣевскаго; самъ же поселился не далеко отъ своего патрона—богатаго помѣщика той-же губерніи, въ которой родился и воспитывался нашъ собиратель. Живя въ усадьбѣ матери, путешественникъ отдыхалъ, занимаясь по серьезной задачѣ искусственнымъ разведеніемъ рыбъ (безъ положительныхъ, однако, результатовъ), бесѣдами и серьезнымъ обмѣномъ мыслей въ кружкѣ, который случайно сгруппировался въ Орлѣ изъ образованныхъ и развитыхъ представителей современной интеллигенціи. Достаточно указать на талантливаго И. В. Павлова (впослѣдствіи редактора «Московскаго Вѣстника»), на М. А. Стаховича, Н. К. Рутцена, доктора А. А. Вѣтрова и друг. То время было временемъ подготовительныхъ работъ и серьезныхъ думъ надъ осуществлявшеюся тогда реформой крестьянскаго труда. Подъ вліяніемъ и вдохновеніемъ высоко честной и развитой семьи товарищеской, воспитались первые лучшіе дѣятели, проводники и толкователи великой идеи безсмертнаго достоянія нашего времени. Изъ этого кружка вышли съ запасомъ энергіи и правильно организованныхъ силъ тѣ люди, на долю которыхъ выпали первые труды піонеровъ въ опасномъ и тяжеломъ дѣлѣ разъясненія и осуществленія великихъ идей, положенныхъ въ основу положенія объ освобожденіи крестьянъ. Преданія о честной и правильной дѣятельности еще живы на мѣстахъ. Здѣсь Павелъ Ивановичъ пѣлъ свои пѣсни, напѣвы которыхъ онъ хорошо усвоилъ и въ то время отлично помнилъ. Впрочемъ пѣвецъ онъ былъ плохой: голосъ его былъ визгливъ и крик-

ливъ, и вовсе не пригоденъ для комнатъ, имѣлъ нѣкоторый успѣхъ на свѣжемъ воздухѣ, въ полѣ, на улицѣ.

Замѣчательно было то, что Якушкинъ сохранялъ въ памяти напѣвы теперь рѣдкихъ, исчезающихъ старинныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ немногія переложены на ноты и, между прочимъ, К. П. Вильбоа и М. Стаховичемъ. Сборникъ напечатанъ въ 1860 году. Въ послѣдніе годы П. И. Якушкинъ напѣвы сталъ спутывать и забывать.

Въ 1858 году я странствовалъ по нѣкоторымъ губерніямъ черноземной полосы Россіи. На пути изъ Орловской въ Тамбовскую и далѣе въ Пензенскую я заѣзжалъ погостить въ семью Якушкиныхъ и Павелъ вызвался меня проводить до Ельца или лучше до Михайла Александровича Стаховича, богатаго помѣщика, но совершенно демократическаго закала. Будучи умнымъ и талантливымъ человѣкомъ, онъ съ успѣхомъ работалъ на литературномъ поприщѣ и его художественныя сцены, подъ названіемъ «Ночное», пользуются такою обширною извѣстностью, что до сихъ поръ не сходятъ со сцены столичныхъ, провинціальныхъ и домашнихъ театровъ. Онъ писалъ прекрасныя стихотворенія и дѣлалъ переводы иностранныхъ поэтовъ. По убѣжденіямъ, симпатіямъ и дѣятельности онъ принадлежалъ къ тому тѣсному кружку литераторовъ, который въ свое время носилъ названіе «молодой редакціи Москвитянина». Изъ ея рядовъ выдѣлился такой крупный и сильный талантъ, какъ А. Н. Островскій, такіе тонкіе критики-эстетики, какъ Евг. Ник. Эдельсонъ и Ап. Ал. Григорьевъ, такой замѣчательный художникъ—артистъ, какъ П. М. Садовскій. Къ нимъ присоединились, и А. Ф. Писемскій, который былъ товарищемъ Павла Якушкина по московскому университету, и Ал. Ант. Потѣхинъ.

Душею и сердцемъ Стаховичъ горячо преданъ былъ народнымъ интересамъ; отлично понималъ народную жизнь и непрестанно занимался ея изученіемъ. Главнымъ образомъ онъ интересовался народною поэзіей и счастливъ былъ тѣмъ, что отлично зналъ музыку и потому могъ записывать русскія пѣсни прямо на ноты (выпущено четыре тетради). Это отчасти, а главнымъ образомъ поразительное сродство характеровъ сблизило отношенія Павла Якушкина съ Михайломъ Стаховичемъ до самой тѣсной и неразрывной дружбы. Я убѣдился въ этомъ лично, когда трое сутокъ погостилъ въ Пальнѣ у Стаховича, бывшаго уѣзднымъ елецкимъ предводителемъ дворянства. Еще болѣе я убѣдился въ томъ, на сколько Михайло Александровичъ былъ нѣжнымъ и мягкимъ человѣкомъ, по его отношенію къ своимъ дворовымъ и крѣпостнымъ, и насколько всѣ они его любили за его чрезвычайную простоту и ласку въ обращеніи съ ними,—положительно на правахъ любящаго отца и вѣрнаго друга. Это тѣмъ удобнѣе было наблюдать и провѣрять, что, какъ счастливый попадаетъ къ обѣду, а роковой подъ обухъ, мы съ Павломъ попали на годовой сельской праздникъ, когда господское тароватое и обильное угощеніе развязывало языки и вызывало полную откровенность. Еще легче было убѣдить-

въ томъ, что въ своихъ мѣстахъ М. А. Стаховичъ вообще пользовался громадною любовью и популярностію, какъ честный человѣкъ, испытанный радѣтель и неподкупный вѣрный другъ. Это тѣмъ болѣе было кстати, что тогда осуществлялась «эманципація» и работали все товарищи или сверстники Стаховича.

М. А. Стаховичу предстояли еще большіе успѣхи на поприщѣ его призванія и прямо направленной дѣятельности, но злая судьба неожиданно пресѣкла его полезную и честную жизнь. Оказалось вскорѣ, что мое посѣщеніе было въ послѣдніе, сочтенные и порѣшенные дни ея. Я видѣлъ его убійцу обласканнымъ до панибратства, облюбленнымъ за брата роднаго и облагодѣтельствованнымъ до конца. Передо мною, во всѣ три дня, безвыходно видѣлся этотъ человѣкъ, умный и ласковый, какъ неизмѣнный и искренно преданный другъ, неотступно состоявшій при баринѣ—благодѣтелѣ. Крестьяне пальновскіе говорили мнѣ, что у бурмистра Ивана, благодаря барскимъ милостямъ, было 300 овецъ, 50 коровъ, 12 лошадей заводскихъ, не считая другихъ, 2 тысячи четвертей молоченаго хлѣба и множество другаго видимаго достатка. Другаго участника въ убійствѣ я не видалъ: онъ отправился въ Орелъ получить какую-то крупную сумму денегъ, принадлежавшую богатому Стаховичу. Эти-то роковыя деньги и послужили основнымъ поводомъ къ злодѣянію сговорившихся убійцъ: бурмистра Ивана и Кивдякова, бывшаго письмоводителемъ у Стаховича, какъ дворянскаго предводителя.

Останавливаюсь на этомъ поразительномъ и неожиданномъ происшествіи здѣсь именно потому, что судьба Стаховича была тѣсно связана съ судьбою Якушкина: первый имѣлъ на втораго несомнѣнное вліяніе, поддерживая его въ дѣловыхъ стремленіяхъ дружескими совѣтами и матеріальною помощію. Онъ довѣрялся Павлу на столько, что поручилъ ему хлопоты по составленію Литературнаго сборника, еще въ 1848 году, въ которомъ предполагались (но не осуществились) печататься статьи И. В. Павлова, П. И. Мельникова, М. Е. Салтыкова, А. Ф. Писемскаго и друг. Якушкинъ долженъ былъ дебютировать сборникомъ пѣсенъ; самъ издатель предполагалъ напечатать уже готовую статью «Мельница», свои «Воспоминанія о П. В. Кирѣевскомъ», переводы изъ Гейне и собственныя стихотворенія. Въ виду этаго яснаго доказательства самыхъ довѣрчивыхъ отношеній къ человѣку, всего наименѣе практическому и умѣлому, я долженъ сказать, что и Якушкинъ, въ свою очередь, ни къ кому не былъ такъ привязанъ, какъ именно—къ М. А. Стаховичу. Въ личныхъ убѣжденіяхъ для меня немыслимо отдѣленіе этихъ именъ одного отъ другаго: такъ они тѣсно между собою связаны и до того настойчиво напрашиваются эти воспоминанія мои, которыя группируются около упомянутаго выше горестнаго факта.

Когда я уѣхалъ, Павелъ остался еще для своихъ обычныхъ «проказъ». Стаховичъ проводилъ его домой и, въ свою очередь, погостилъ съ недѣлю въ семьѣ Якушкиныхъ, которая не иначе понимала друзей любаго

изъ братьевъ, какъ за своихъ близкихъ и родныхъ. Всѣ были на счету и въ почетѣ. Самымъ сердечнымъ образомъ наводили справки объ отсутствующихъ, самымъ радушнымъ и задушевнымъ гостепріимствомъ встрѣчали навѣщавшихъ Сабурово. Когда сюда достигла вѣсть о смерти Мих. Алек., семейство Якушкиныхъ служило по немъ панихиды, для одной вспомнили день его ангела (8-го ноября); заказывали сорокоустъ, и т. д.

Сначала пустили слухъ, что М. А. Стаховичъ самъ удавился. Впрочемъ, первоначальный осмотръ мѣста преступленія то и показывалъ: голова его оказалась привязанною на галстукѣ къ дверному ключу кабинета. Медицинскій осмотръ обнаружилъ слѣды тяжелыхъ и смертельныхъ ударовъ въ виски и пахи. Богъ возглаголалъ устами младенцевъ, сыновей бурмистра, которые слышали, что баринъ три раза вскричалъ «караулъ», когда «тятька» былъ съ нимъ въ кабинетѣ. Кромѣ него и одной женщины, во всемъ домѣ никого не было. Бурмистръ былъ арестованъ, долго запирался, указывая на самоубійство; потомъ, сидя въ острогѣ, началъ плакать и вскорѣ во всемъ чистосердечно признался (его сослали въ Сибирь вмѣстѣ съ сообщникомъ).

Быстро разнеслась молва по всей губерніи и, по обычаю, домала истину вкривь и вкось и перетолковывала причины событія.

— Самъ удавился,—значитъ, что-то загадочное и нехорошее пожелалъ отвлечь отъ себя и запечаталъ смертью уста, чтобы они не измѣнили и не предали другихъ.

— Задушилъ староста, довѣренный человѣкъ,—значитъ, не годится обращаться съ крѣпостными за панибрата, потому что малѣйшій выговоръ и рѣзкое слово забалованныхъ людей этого сорта ожесточаетъ.... и тому подобное толковали люди, изумленные и озадаченные прискорбнымъ происшествіемъ.

— Убитъ своимъ крѣпостнымъ,—стало быть не добрый былъ помѣщикъ, и одинъ, по выбору и назначенію, отомстилъ ему за всѣхъ, и еще явилась новая жертва помѣщичьяго произвола.

Такъ это и было понято въ Петербургѣ, гдѣ и переполошились при мысли объ убійствѣ помѣщика крестьянами «за тяжкое съ ними обращеніе». Дѣльная газетная статья о покойномъ разомъ могла бы разбить такое ошибочное мнѣніе, но друзья его опоздали. Приказано было произвести строжайшее слѣдствіе и отдано дѣло въ руки опытныхъ жандармскихъ офицеровъ. Оказалось:

Въ роковой день Мих. Алек. былъ въ Ельцѣ у обѣдни (онъ отличался замѣчательною религіозностію даже до излишествъ). Послѣ обѣдни служилъ панихиду по Петрѣ Вас. Кирѣевскомъ, столь извѣстномъ, первомъ собирателѣ народныхъ пѣсенъ. Голубиною кротостію и чистотою души онъ имѣлъ громадное нравственное вліяніе не только на Стаховича и Якушкина, но и на весь кружокъ такъ называемыхъ славянофиловъ (этотъ впрочемъ человѣкъ—лице историческое, занимающее видное

мѣсто въ исторіи отечественнаго развитія; лично его знавшими онъ былъ боготворимъ).

Отъ обѣдни М. А. Стаховичъ возвращался въ Пальню веселымъ. Дорогой былъ шутливъ и пѣлъ любимыя имъ народныя пѣсни, которыя исполнялъ съ замѣчательнымъ искуствомъ и точностью. По пріѣздѣ послалъ за старостой. Побранилъ его слегка, но объявилъ ему на этотъ разъ рѣшительное свое намѣреніе учесть по управленію имѣніемъ, а въ 2 часа Мих. Алекс. не стало. Убійца, совершивъ злодѣяніе, вернулся изъ кабинета и сѣлъ обѣдать въ столовой. Когда сказали ему, что дверь къ барину не отворяется, онъ сходилъ освидѣтельствовать и поспѣшилъ тотчасъ дать знать о томъ управляющему брата Мих. Алек., имѣніе котораго находилось на другой Пальневской горѣ. На слѣдующій же день убійца озаботился угнать весь свой скотъ и перетаскать имущество въ городъ. Трупъ имъ убитаго подвѣсилъ онъ на дверную ручку такъ, что и близорукимъ стало яснымъ это неудачное намѣреніе скрыть слѣды, а знаки побоевъ на тѣлѣ и «смерть отъ задушенія постороннимъ лицемъ» засвидѣтельствована была безспорно всѣмъ составомъ врачебнаго управленія. На похоронахъ Мих. Алек. были не только всѣ его и сосѣдніе крестьяне, но и окрестные помѣщики, и именитые и богатые елецкіе хлѣбные торговцы. Погребеніе оказалось вышедшимъ изъ ряда обыкновенныхъ, по многолюдному собранію и грустному настроенію всѣхъ провожавшихъ его въ могилу.

Я пораженъ былъ этимъ страшнымъ извѣстіемъ уже въ Казани, когда приближался къ Петербургу, а Пав. Якушкинъ былъ уже въ Москвѣ, стремясь соединиться со мной, въ намѣреніи сопутствовать мнѣ на Амуръ (что однако, по независѣвшимъ отъ насъ причинамъ, для него не состоялось).

Кромѣ Стаховича, изо всѣхъ братьевъ имѣлъ на Павла наибольшее вліяніе Викторъ, не смотря на то, что былъ моложе на 10 лѣтъ. Соединенный тѣсными узами дружбы съ нашимъ петербургскимъ кружкомъ того давняго времени, Викторъ Ивановичъ Якушкинъ былъ намъ милъ своею открытой душой и замѣчательной сердечностью и былъ дорогъ прямотою характера, твердостью честныхъ убѣжденій и стойкостію во взглядахъ и сужденіяхъ. Свѣтлый умъ, чрезвычайная отзывчивость, горячія симпатіи ко всему начинавшему выдѣляться даровитостью въ томъ или другомъ направленіи (иногда доходившія до крайностей) памятны и дороги для всѣхъ немногихъ изъ насъ, остающихся еще въ живыхъ. Онъ рано умеръ отъ чахотки въ Римѣ, и хотя ничего не писалъ для печати, но живые слѣды его вліянія были сильны и очищенное смертью его мѣсто такъ и осталось незанятымъ. Дружескія письма его къ братьмъ и пріятелямъ изъ-за границы, гдѣ онъ, по окончаніи курса въ медицинской академіи, совершенствовался въ наукахъ своей профессіи, могли бы теперь свидѣтельствовать насколько былъ даровитъ въ свою очередь и этотъ Якушкинъ. Съ оригинальнымъ, чисто русскимъ закаломъ ума, при живой на-

блюдательности, присматривался онъ къ европейской жизни и тамошнимъ порядкамъ въ такой мѣрѣ, что замѣтки его могли бы съ большимъ интересомъ быть прочитанными и въ настоящее время въ печати. Онѣ ясно доказали бы, что такой человѣкъ могъ имѣть вліяніе, и мы знаемъ, имѣя въ рукахъ много доказательствъ, что этому вліянію поддавалась и такая упругая натура, какая была у Павла,—склонная, если можно такъ выразиться, къ разнообразнымъ проказамъ. Братъ Викторъ былъ для него геніемъ-хранителемъ и руководителемъ въ моменты опасныхъ выходокъ и необдуманныхъ порывовъ.

Отдѣлился отъ друзей и товарищей П. И. Якушкинъ для того, чтобы попробовать свои силы, по задачѣ университетскаго воспитанія, на педагогическомъ поприщѣ.

Онъ поступилъ учителемъ уѣзднаго училища въ г. Богодуховѣ, потомъ въ Обояни. Грубое обращеніе директора, съ которымъ не въ силахъ былъ примириться Якушкинъ, были причинами размолвки, которая отразилась на судьбѣ Якушкина сначала переводомъ его изъ одного училища въ другое, потомъ окончательнымъ выходомъ его въ отставку. Не послужилъ онъ и двухъ лѣтъ въ обоихъ училищахъ на офиціальномъ педагогическомъ поприщѣ. Въ это время житья его то въ деревнѣ, то въ пріятельской семьѣ въ Орлѣ, скончался П. В. Кирѣевскій, выговорившій словесное завѣщаніе передать окончательный подборъ пѣсенъ главнѣйшему виновнику всего сборника. Сталось не такъ. Якушкинъ огорчился, выяснилъ себѣ намѣреніе поступить самостоятельно и отправился въ Петербургъ. Со сборникомъ пѣсенъ, переданныхъ ему друзьями, онъ возвратился въ деревню, занялся тамъ систематическимъ подборомъ, написалъ предисловіе и въ 1859 году напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ видѣ приложенія. Въ небольшомъ числѣ экземпляровъ его сборникъ пѣсенъ, въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, обращался нѣкоторое время въ продажѣ и наконецъ сдѣлался теперь библіографическою рѣдкостью.

Пріѣзды въ Петербургъ на жизнь Якушкина имѣли то вліяніе, что онъ здѣсь сталъ чаще загащиваться, пріѣзжалъ нѣсколько разъ, живалъ мѣсяцами и даже готовъ былъ совсѣмъ остаться. Тоже обстоятельство на дѣятельность Якушкина произвело наиболѣе благопріятное вліяніе въ томъ смыслѣ, что онъ ознакомился съ журнальными редакціями, получилъ отъ нихъ выгодное приглашеніе разсказать о своихъ похожденіяхъ и наблюденіяхъ въ формѣ литературныхъ беллетристическихъ статей. Особеннымъ гостепріимствомъ пользовался онъ въ редакціи «Современника» и въ этомъ журналѣ помѣстилъ большую часть своихъ статей, между которыми и лучшія: «Бунты на Руси» и «Великъ Богъ земли русской»

Матеріалы для послѣдней (и наиболѣе живые и характерные) получилъ онъ отъ брата Николая Ивановича, бывшаго мировымъ посредникомъ, который въ тоже время былъ талантливымъ наблюдателемъ и искусснымъ разсказчикомъ. Не отступилъ Павелъ Ивановичъ отъ своихъ симпатій и въ послѣдніе годы изданія «Отечественныхъ Записокъ», время отъ времени присылая свои записки и, между прочимъ, о городѣ Красномъ Ярѣ (Астрах. губ.), гдѣ онъ проживалъ послѣдніе годы своей скитальческой жизни.

Прежде чѣмъ усѣсться тамъ и отправиться оттуда прямо къ мѣсту вѣчнаго успокоенія, Якушкину удалось видѣть въ Петербургѣ знаки общественнаго сочувствія къ его полезной и честной дѣятельности. На литературныхъ чтеніяхъ, которыя тогда были въ модѣ и въ потребностяхъ, его встрѣчали и провожали чрезвычайно сильными и оживленными рукоплесканіями. На улицахъ на него указывали какъ на человѣка, «обошедшаго пѣшкомъ всю Россію». Фотографическія карточки, сдѣланныя очень удачно художникомъ Берестовымъ, покупались десятками на расхватъ. Съ большою смѣлостью и энергіей онъ могъ согласиться на предложеніе и пуститься въ новое путешествіе, по желанію, никогда неизмѣнявшаго ему своей дружбой и помощью, М. П. Погодина. По мысли и при участіи послѣдняго, Якушкинъ отправился во Псковъ и ходилъ по селамъ и деревнямъ, въ окрестностяхъ этого древняго, вѣчеваго города и одного изъ древнѣйшихъ русскихъ поселеній на сѣверѣ Россіи. О нѣкоторыхъ результатахъ онъ напечаталъ самъ, о самомъ печальномъ и послѣднемъ арестѣ его въ городскомъ полицейскомъ управленіи заговорили про него другіе и произвели тотъ говоръ и шумъ въ обществѣ и литературѣ, которые еще всѣмъ памятны и хорошо извѣстны.

Несчастливъ онъ былъ и въ слѣдующій походъ свой, который привелъ его въ Нижній-Новгородъ на время макарьевской ярмарки. Выходъ этотъ знаменателенъ тѣмъ, что былъ послѣднимъ въ свободной и самостоятельной жизни нашего неугомоннаго и несчастнаго друга.

Макарьевская ярмарка 1865 года выдѣлилась изъ числа предъидущихъ между прочимъ тѣмъ, что тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ собралось одновременно нѣсколько представителей литературы. Хотя это случайное обстоятельство въ виду всемірнаго значенія ярмарки и не могло представляться особенно выдающимся исключеніемъ, но на него обратилъ вниманіе и пожелалъ имъ воспользоваться тогдашній ярмарочный голова Александръ Павловичъ Шиповъ, человѣкъ образованный, извѣстный своею разносторонней общественною дѣятельностію и глубокими симпатіями къ литературѣ и экономическимъ наукамъ, и самъ авторъ многихъ ученыхъ трактатовъ. То было такое время, когда эти симпатіи были горячи и искренни и публичными заявленіями ихъ не стѣснялись, особенно если въ тоже время предполагалось въ нихъ извѣстнаго рода поученіе и руководство. А. П. Шиповъ согласилъ ярмарочное купечество ознаменовать это маленькое и случайное событіе большимъ обѣ-

домъ по подпискѣ. Разосланы были оффиціальныя приглашенія къ наличнымъ литературнымъ дѣятелямъ, въ числѣ которыхъ въ то время были, сколько помнится: П. И. Мельниковъ, В. П. Безобразовъ, И. А. Арсеньевъ и еще кое-кто, кромѣ нашего повсюднаго скитальца. Павелъ Иван. Мельниковъ на это лѣто былъ командированъ министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ для всесторонняго изслѣдованія ярмарочныхъ оборотовъ и для какихъ то соглашеній ярмарочнаго купечества, кажется, по поводу открытія русскихъ портовъ для китайскаго чая. Тотъ годъ предшествовалъ именно уничтоженію кяхтинской монополіи и паденію сибирской торговли этимъ ходовымъ товаромъ, игравшимъ въ дѣлахъ макарьевской ярмарки, вмѣстѣ съ уральскимъ желѣзомъ, первенствующую роль. Владиміръ Павловичъ Безобразовъ, въ званіи члена экспедиціи по изученію хлѣбной торговли, снаряженной соединенными обществами географическимъ и вольноэкономическимъ, жилъ въ Нижнемъ, на пути въ камскій бассейнъ и на уральскіе горные заводы (отчеты его впослѣдствіи, конечно, появились въ печати).

Обѣдъ задался на славу. Готовилъ самъ Никита Егоровъ, имя котораго, какъ знаменитаго повара и ресторатора, извѣстно всей Россіи. Обиленъ былъ обѣдъ торгующаго на ярмаркѣ купечества, задуманный для сближенія съ литераторами въ виду ихъ скопленія, — и яствами и питіями. Когда достаточно заручились первыми и подбодрились послѣдними, начались рѣчи, т. е. спичи, — новость самая недавняя и обычай, который только что въ то время нагуливался. Московскихъ людей успѣли уже однако къ этому отчасти пріучить и они съ сосредоточеннымъ вниманіемъ прислушивались, кто «скажетъ хлеще и загнетъ круче». Говорилъ петербургскій ораторъ, — чего лучше? «Можетъ и настоящая потѣха выйти,—любопытно, сейчасъ умереть!» Хорошо было извѣстно всѣмъ, что московскимъ краснобаямъ за петербургскими спикерами не угоняться: тамъ и климатъ другой. Въ залѣ былъ слышенъ полетъ мухи, когда началъ говорить В. П. Безобразовъ, столь извѣстный дѣловою и серьезною постройкою своихъ рѣчей, искуствомъ ихъ произносить и общепонятно излагать, находчиво примѣнять къ значенію и смыслу того повода и случая, который соединялъ многихъ и вдохновлялъ его самого. Онъ тогда уже былъ ораторомъ опытнымъ и смѣлымъ, а потому легко и скоро овладѣлъ вниманіемъ слушателей.

Въ самомъ патетическомъ мѣстѣ раздаются звуки, развлекающіе общее вниманіе. То былъ стукъ разливной ложки. Ею одинъ изъ петербургскихъ журналистовъ размѣшивалъ сахаръ въ мискѣ, въ которой приготовлялъ онъ традиціонную жженку, вызвавшись доказать свое искуство. Стукъ этотъ дѣйствительно былъ на столько громокъ, что мѣшалъ общему вниманію.

— Остановитесь на минутку, Владиміръ Павловичъ! Хороша ваша рѣчь, а вонъ Илья Александровичъ стучитъ: значитъ хочетъ сказать что-то получше.

Это былъ крикъ нашего чудака и, хорошо зная его характеръ смѣло увѣряемъ, что онъ былъ искреннимъ, непосредственно вылетѣвшимъ изъ груди, безъ задней мысли и тѣмъ менѣе изъ желанія порисоваться. Однако эта рѣзкая выходка не прошла ему даромъ. Она, по обычаю, обнаружила все разнообразіе точекъ зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ, съ самыми рѣзкими противорѣчіями. Одни находили, что это сдѣлано очень мило, простодушно, безъ злобы и очень кстати, какъ протестъ противъ наибольшой невѣжливости и своего рода неумѣстной выходки. Другіе просто обидѣлись, не будучи въ силахъ примириться съ такою дерзостью темнаго человѣка, осмѣлившагося нарушить чинъ и порядокъ общественнаго засѣданія и сожалѣли о томъ, что не догадались своевременно вывести виновнаго изъ-за стола и изъ залы Главнаго дома, гдѣ кушало именитое купечество. Это впрочемъ имѣло свою точку зрѣнія и не обидѣлось. Вотъ и потѣха, вотъ и «загнулъ,» — и рядская молва растаскала это извѣстіе по всѣмъ стогнамъ ярмарки, увеличивая придатками и привѣсками, извращая въ корнѣ и усиливая въ смыслѣ. Въ окончательно обезображенномъ и изуродованномъ видѣ предстала сплетня предъ высшимъ ярмарочнымъ начальствомъ. Виновникъ былъ выдвинутъ на сцену, вызванъ, получилъ строгое внушеніе и рѣзкій запросъ о цѣли пріѣзда, обслѣдованъ и оказался достаточно виноватымъ: толкается на той половинѣ моста черезъ Оку, гдѣ собираются бурлаки; видали его въ толпахъ подъ каруселями; разсиживается въ разныхъ трактирахъ, паспортъ «слѣпой,» самъ «чудной»... Взяли его подъ сомнѣніе и возвратили въ Петербургъ скорѣе, чѣмъ самъ онъ на то разсчитывалъ.

— Вотъ я такимъ вашимъ дѣламъ всегда готовъ пособлять — говорилъ мнѣ тотъ же главный начальникъ, когда я черезъ годъ послѣ того на слѣдующую макарьевскую ярмарку пріѣхалъ попробовать торговлю народными книжками, изданія (подъ моею редакціею) Товарищества Общественной Пользы и просилъ разрѣшенія.

— Помилуйте: съѣхались, шатаются, кутятъ, болтаютъ. Особенно вотъ этотъ въ крестьянскомъ платьѣ!...

Я вынужденъ нѣсколько дольше остановиться на этомъ событіи въ жизни Павла Якушкина главнымъ образомъ потому, что пустое недоразумѣніе и злая сплетня послужили основою и началомъ рѣзкаго перелома въ скитаньяхъ нашего неудачника. Здѣсь объявился имъ крайній предѣлъ и неожиданный конецъ. Павелъ Ив. сталъ съ той поры до конца жизни находиться подъ опекой. Незамѣтно для насъ, таинственно приблизился моментъ нашего послѣдняго свиданія въ жизни.

Наканунѣ онъ пришелъ проститься.

— Завтра велѣли мнѣ приходить.

И все такой же: ни на кого не жалуется и всѣми доволенъ. Вспоминалъ про Тараса Шевченку, съ которымъ былъ друженъ. Разсказывалъ про сегодняшнія похожденія, въ которыхъ главную роль играли

его хлопоты о покупкѣ лекарства (ляписныхъ пилюль). Въ карманѣ не было ни копѣйки, а всего-то нужно было, по крайнему и смѣлому разсчету его, три рубля.

— Только до деревни матери...

По обыкновенію онъ былъ суетливъ, непосѣдливъ: невозможно было замѣтить въ немъ какой-либо слѣдъ душевной тревоги по поводу неприятнаго вчерашняго извѣщенія. Тѣмъ менѣе можно было прочитать это на его лицѣ, всегда отличавшимся какимъ-то испуганнымъ выраженіемъ. Располагался онъ у меня переночевать, но вдругъ что-то вспомнилъ и ушелъ, условившись зайти на другой день раннимъ утромъ. Все это роковое утро я его не покидалъ. Ходили мы изъ одного мѣста въ другое. Въ двухъ намъ отказали; велѣли идти въ третье попробовать, не здѣсь ли знаютъ о томъ, что съ нимъ надо дѣлать. Только это третье оказалось именно такимъ, вѣдомству котораго подлежалъ на это время нашъ подневольный путникъ, столь простодушно отдававшійся своей участи и судьбѣ.

По дорогѣ на Морскую, въ канцелярію генералъ-губернатора, мы зашли въ «Греческую» кухмистерскую. Здѣсь Якушкинъ не рѣдко сиживалъ съ А. И. Левитовымъ, талантливымъ и извѣстнымъ народнымъ писателемъ, также торопившимъ теченіе жизни, какъ многіе и очень многіе. Для смѣлости и на вторую ногу я предложилъ отъѣзжающему другу повторить «бодряжки». Онъ на отрѣзъ отказался; не хотѣлъ ни пить, ни ѣсть. Вдругъ сдѣлался задумчивымъ; о чемъ ни спросишь,—требуетъ повторить вопросъ. Мнѣ показался онъ на тотъ разъ такимъ несчастнымъ, жалкимъ, кровно обиженнымъ и при этомъ совершенно — беззащитнымъ.

— До чего это тебя, Павелъ, наконецъ затормошила неугомонная жизнь, и чѣмъ ты тутъ, во всемъ этомъ, виноватъ?

— А ты не плачь: мнѣ тогда самому смѣшнѣй будетъ.

Только тутъ и слегка обнаружилось необычное настроеніе духа. Ему очевидно было очень тяжело, но не за себя:

— Боюсь испугать старуху — мать, когда явлюсь къ ней съ провожатымъ.

Успокоился онъ на томъ, что въ Орлѣ ему помогутъ упросить губернатора, которому онъ выдастъ росписку за поручительствомъ, и тогда явится въ Сабурово хотя и нежданнымъ, но путнымъ гостемъ (такъ впрочемъ и случилось).

Разставшись на этотъ разъ, каждый по своему дѣлу, мы по настоящему и не простились, разсчитывая сдѣлать это въ другомъ мѣстѣ, напр. въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова, на вокзалѣ желѣзной дороги, и т. под.

Ждали его проѣзда, не спуская глазъ съ Невскаго проспекта, стоя на крылечкѣ книжнаго магазина, въ которомъ одна добрая душа приготовила на свои скудныя средства и лекарство въ дорогу и малую толику

милосердныхъ деньжонокъ. Собрались попрощаться съ нимъ и другіе: Пав. Иванов. разсчитывалъ по пути сюда забѣжать. Но всѣ мы видѣли потомъ одно только, какъ его провезъ извощикъ съ провожатымъ. Памятны мнѣ теперь, какъ живые, и вчерашніе его порывы остановиться, слѣзть съ пролетки, взбѣжать на коротко-знакомую ему чугунную лѣсенку магазина. Кто-то изъ насъ выговорилъ:

— Точно голубь бьется въ силкахъ, и судорожные взмахи крыльевъ вижу.

Ему такъ и не привелось проститься съ нами: московская чугунка успѣла его увезти прежде, чѣмъ мы добрались до вокзала.

Проведя большую и лучшую часть своей жизни внѣ городовъ и условій городской общественной среды, подъ непосредственнымъ вліяніемъ безхитростной, деревенской простоты, П. И. Якушкинъ не остался безъ очевидныхъ признаковъ этого вліянія. Отъ долговременной практики и частныхъ сношеній съ людьми непосредственной природы, въ немъ осталась привычка прилагать тѣ-же способы обращенія и со всѣми другими людьми высшихъ слоевъ общества, куда его приводила судьба и случай. Въ силу этого обстоятельства онъ казался большимъ оригиналомъ, въ которомъ прежде всего замѣчалось отрицаніе условныхъ общественныхъ приличій. Онъ не умѣлъ войти, не умѣлъ поклониться, не владѣлъ почти ни однимъ пріемомъ, на которые такъ требовательны гостинныя и на которыхъ иные и многіе люди строятъ себѣ блестящія общественныя положенія. Чувствуя за собой эти свойства, онъ, бывало усердно хлопоталъ о томъ, чтобы какъ-нибудь замаскировали и облегчили его выходъ, напримѣръ, даже черезъ небольшое пространство эстрады до мѣста публичнаго чтенія. Не очень онъ хлопоталъ о томъ, что по случайности очень часто приходилось ему начинать бесѣду свою съ щепетильными и брюзгливыми столичными слушателями словами: «дѣло было въ кабакѣ» и т. п. Отрѣшенность его отъ общепринятыхъ всѣмъ громаднымъ большинствомъ пріемовъ и правилъ, неподатливость его требованіямъ самымъ основнымъ и существеннымъ, такъ и остались за нимъ на всю жизнь. Онъ не красовался ими, по временамъ даже тяготился, дѣлалъ надъ собою усилія и, все-таки, былъ въ этомъ наименѣе счастливъ, чѣмъ въ чемъ либо въ другомъ.

Особенно рѣзко выдѣлялась въ немъ привычка высказывать правду въ глаза, забывая о щекотливости самолюбій, не памятуя о томъ, что въ разрѣшеніи таковыхъ давно уже отказано и за допущенія налагаются строгія взысканія, слѣдуютъ преслѣдованія; возможно мщеніе по размѣру силы и вліянія лица, выслушавшаго эту голую правду. Привычку эту, которую мы называли въ шутку юродствомъ, запоздавшимъ ровно

на триста лѣтъ со времени взятія Пскова Иваномъ Грознымъ и встрѣчи его тамъ съ Николой Святошей, оправдывали въ немъ исключительность характера, вліяніе воспитавшей его среды. Мы знаемъ много случаевъ въ жизни его, когда подобные пріемы были основными причинами непріятныхъ для него столкновеній. Къ этому надо присоединить, что Якушкинъ былъ въ тоже время очень находчивъ, остроуменъ и независимъ (доказательствъ найдется очень много и въ его печатныхъ разсказахъ, и въ памяти людей его близко знавшихъ). За рѣзко высказанное сужденіе и оцѣнку дѣйствій, не подлежащихъ его суду, еще въ гимназіи въ Орлѣ, директоромъ ея онъ оставленъ былъ въ седьмомъ классѣ на другой годъ (учился онъ отлично и еще тамъ успѣлъ высказаться положительно даровитымъ, съ быстрою и легкою воспріимчивостью).

Въ другой разъ другому начальнику своему по педагогической службѣ, имѣвшему обыкновеніе говорить всѣмъ подчиненнымъ «ты», онъ отвѣчалъ: «ты я говорю только добрымъ пріятелямъ, людямъ, которыхъ я цѣню и уважаю, а вы говорю даже слугамъ». Ему за это досталось. Пѣсни, которымъ училъ онъ ребятокъ между классами, приняты были за дурное намѣреніе, выходы въ сосѣднія деревни за тѣмъ же продуктомъ истолкованы совсѣмъ въ другую, неподходящую сторону. Надъ нимъ наряжено было слѣдствіе, кончившееся, однако, тѣмъ, что перевели его въ другое училище. Павелъ Ивановичъ просто на просто употреблялъ ту систему обращенія съ учениками, которая теперь признана обязательною для всѣхъ и стала общеупотребительною; за отступленія отъ нея вызываютъ даже къ суду и налагаютъ, по приговорамъ судовъ, взысканія.

До отъѣзда Павелъ Ивановичъ успѣлъ удовлетворить требовательности своей живой и непосѣдливой природы: живя въ Харьковѣ на досугѣ, онъ успѣлъ пошалить, пошабаршить (какъ называли мы въ шутку его суетливость, наклонность къ проказамъ и непосѣдливость). Между прочимъ онъ надоѣдалъ просьбами принять его въ ряды «христолюбиваго воинства» и остался удовлетвореннымъ, когда отвѣчалъ ему начальникъ, въ лицѣ ген.-губ. Кокошкина: «какой ты воинъ: посмотри ты на себя, развѣ такіе бываютъ защитники отечества?» Въ то время продолжалась Крымская война; въ Харьковъ привозили раненыхъ; въ городѣ назначенъ былъ обширный лазаретъ. Павелъ Ивановичъ толкался между ранеными, изучалъ русскаго солдата въ самую щекотливую пору его жизни и умѣлъ занести въ свои «Путевыя Замѣтки» много характерныхъ чертъ и теплыхъ строкъ. Тогда же онъ слѣдилъ за рекрутскими наборами и также напечаталъ на эту тему особую статью, которая подверглась однако сильнымъ цензурнымъ помаркамъ.

Получая уроки и испытавъ строгія внушенія, Павелъ Ивановичъ, однако, не унимался. Онъ продолжалъ быть собою во всей неприкосновенности и исключительности своего характера, задичавшаго на деревенскомъ просторѣ и въ долговременныхъ скитаньяхъ. Послѣднія вліятельны были на него тѣмъ, что онъ такъ и остался бездомнымъ ски-

тальцемъ со всѣми неизбѣжными, притомъ, принадлежностями, даже до излишества. Двѣ, три пары бѣлья про запасъ, да что на себѣ: вотъ вся его движимая и недвижимая собственность. Даже на фотографическихъ портретахъ, снятыхъ съ натуры,—на одномъ онъ съ чужою шапкой, на другомъ въ прiятельскомъ овчинномъ тулупѣ изъ крымскихъ барашковъ. Между тѣмъ, въ дорогахъ онъ свыше полушубковъ себя не баловалъ, а въ городахъ, (въ томъ числѣ и въ Петербургѣ), ходилъ цѣлыя зимы въ суконномъ армякѣ. Къ морозамъ онъ себя прiучилъ издавна и вообще на многое заперъ сердце.

Въ дорогу идти,—полушубокъ промышлять и надѣвать всегда подарочный отъ добраго, сочувствующаго человѣка. Прежде водилась сумка, потомъ завелся какой-то чемоданчикъ, да и онъ гдѣ-то запропастился, былъ забытъ. Чемоданчикъ смѣнилъ просто узелокъ изъ подручнаго платка. Между бѣльемъ нѣсколько листиковъ исписанной бумаги, нечитанная книжка — да и все; даже карандашъ отъ случайно подвернувшагося человѣка. На счастливый случай и удачный исходъ (какъ было въ Яму-Мшагѣ, около старой Русы): частное письмо редакцiи «Русской Бесѣды», предложенiе географическаго общества, его собственное письмо, запечатанное въ пакетъ съ надписью на имя секретаря мѣстнаго губернскаго правленiя—вотъ что увидѣлъ у всегда безпаспортнаго Якушкина мшагинскiй становой, разцѣнившiй болѣе послѣднее свидѣтельство о влiятельности путешественника, чѣмъ два первыя.

Надо сказать, что у нашего странника, владѣвшаго способностью терять все—отъ денегъ до собственныхъ памятныхъ записокъ, потерянъ былъ указъ объ отставкѣ. О потерѣ было заявлено мѣстному становому и получено письменное удостовѣренiе пристава о томъ, что дѣйствительно заявленiе сдѣлано. Якушкинъ успѣлъ потерять и это свидѣтельство. Одинъ изъ братьевъ выхлопоталъ ему копiю съ удостовѣренiя, Павелъ Ивановичъ и ее потерялъ; взята была копiя съ копiи. Вотъ этотъ-то документъ и отвѣчалъ всѣмъ, кому приходилось удостовѣряться въ его личности. Здѣсь же главный источникъ всѣхъ недоразумѣнiй и слѣдовавшихъ, затѣмъ, непрiятностей, осмотровъ, задержекъ, арестовъ и высылокъ.

Я не буду слѣдить за дальнѣйшими похожденiями его послѣ выѣздовъ въ Петербургъ. Онъ самъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, откровенностью, талантливо и остроумно разсказалъ объ нихъ. Двѣ части первоначальныхъ исповѣдей его изданы отдѣльными книгами. Д. Е. Кожанчиковъ, въ 1860 году, издалъ его «Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губ.»; г. Генкель, въ 1867 году «Бывалое и Небывальщина». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» четырехъ послѣднихъ лѣтъ

и въ «Современникѣ» (въ послѣдніе годы его существованія) разбросано много другихъ статей, не попавшихъ въ два первые сборника. Во всѣхъ этихъ статьяхъ, по обычнымъ пріемамъ нашего пѣсенника-странника, въ изобиліи находятся автобіографическія данныя и сквозятъ симпатичныя черты его пріемовъ и личнаго характера. При одномъ изданіи приложенъ даже его портретъ, очень схожій и удачно выполненный на деревѣ *).

Написалъ собственно Якушкинъ немного, хотя и сдѣлалъ несравненно больше того, о чемъ успѣлъ и съумѣлъ разсказать, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ и знаніямъ, въ какихъ намъ сотни разъ приходилось убѣждаться лично. Онъ положительно былъ одинъ изъ серьезныхъ знатоковъ народныхъ обычаевъ, быта и въ особенности характера. Преслѣдуя главную цѣль собиранія пѣсенъ, онъ изучилъ этотъ вопросъ до тонкости и въ погонѣ за любимымъ дѣломъ, мимоходомъ слѣдя за остальными народными чертами, усвоилъ ихъ въ такомъ множествѣ, что возбуждалъ уваженіе. Можетъ быть эта отрывочность свѣдѣній и мѣшала ему остановиться на цѣльныхъ трактатахъ и спеціально ихъ разработывать. Вѣроятно оттого и литературныя работы его представляютъ коротенькія замѣтки, всегда сгруппированныя около его личныхъ похожденій по вызову той или другой задачи. Въ первыхъ статьяхъ эти мимолетныя замѣтки, (всегда, впрочемъ, очень вѣскія и свѣжія), сопровождаютъ его разсказъ о похожденіяхъ за пѣснями; въ послѣдующихъ (разсказахъ о Новгородской и Псковской губерніяхъ), тѣ же замѣтки группируются около похожденій его по задачѣ М. П. Погодина, за стариной двухъ вѣчевыхъ древнихъ русскихъ городовъ.

По зависимости отъ случайности этихъ задачъ, Якушкинъ былъ наемнымъ исполнителемъ чужихъ и заказныхъ работъ. Не на своей волѣ и сдержанный въ тѣсныхъ рамкахъ заказа, онъ былъ и искуснымъ и честнымъ исполнителемъ ихъ: отсюда масса сыраго, ученаго матеріала и, затѣмъ, отрывки, клочки чисто литературныхъ работъ. Но и въ нихъ читатели успѣли спознать несомнѣнно талантливаго народнаго писателя и оцѣнить живаго и правдиво искренняго разсказчика. Не забудемъ при этомъ, что на долю этого передоваго, протаптывавшаго первыя тропы, выпала большая борьба съ препятствіями, не мало потрачено времени на возню со становыми и сотскими. Слабѣла энергія, охалаживались добрые порывы (и это на лучшій конецъ), круто обрывалась натоптанная тропа на крутой скалѣ: дальше идти нельзя, надо бросать дѣло и возвращаться назадъ подъ надежную стрѣху домашняго крова или цивилизованнаго общества и благоустроенныхъ городовъ. Такихъ рѣшительныхъ обрывовъ на скользкомъ пути нашего странника попалось за-

*) Настоящій, прилагаемый портретъ доставленъ намъ сосѣдомъ и пріятелемъ нашего друга, Н. Д. Чиркинымъ, который занимаясь фотографіей, какъ любитель, столь удачно и мастерски схватилъ черты всегда оригинальнаго «оригинала».

вѣдомо четыре. Изъ десяти походовъ былъ только одинъ вполнѣ удачный.

По желанію заказчиковъ, Якушкинъ собиралъ старину: старинныя рукописи, «досельныя» (древнія) народныя преданія, былины и преимущественно пѣсни — пѣсни, однако въ первозданной ихъ формѣ безъ новѣйшихъ наростовъ *). Вотъ почему мы видимъ его преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалась наибольшая цѣльность народнаго духа и неиспорченность его преданій и вѣрованій. Онъ бродитъ сначала въ глуши Заволжья, въ чернораменныхъ лѣсахъ Ветлужскаго уѣзда Костромской губерніи, на границахъ великорусскаго племени съ инородческими, въ представительствѣ черемисовъ. Видимъ его потомъ около древнихъ Ростова и Переяславля и, наконецъ, на берегахъ озера Ильменя и Псковскаго, въ окрестностяхъ древнихъ городовъ русскихъ. Пробирался онъ къ Угличу (но не удалось—заболѣлъ), походилъ, однако, на югѣ въ Валковскомъ уѣздѣ Харьк. губ. по кордонной линіи, сохранившейся въ видѣ землянаго вала, насыпаннаго при императрицѣ Аннѣ, отъ устьевъ рѣки Береки, впадающей въ Донецъ, до устья Орели, притока Днѣпра. По этой линіи построено было нѣсколько укрѣпленій и во всѣхъ поселены великороссы, выведенные изъ разныхъ губерній. У этихъ переселенцевъ выговоръ и нарѣчіе сгладились въ сосѣдствѣ съ Украйной. По подозрѣнію, что осталось много пѣсенъ, занесенныхъ съ родины и неиспорченныхъ солдатами, лакеями и фабричными, Павелъ Ивановичъ мечталъ пройти по всей линіи: да не хватило средствъ, измѣнили обстоятельства. Кое что изъ собраннаго онъ затерялъ и отъ похода этого не осталось слѣдовъ въ печати, кромѣ кое какихъ обрывковъ въ чужой памяти, слышавшихъ отъ него самого про этотъ далеко не конченный походъ. Онъ началъ писать уже гораздо позднѣе, чѣмъ дѣйствовать.

Поѣздка въ Петербургъ въ этомъ отношеніи имѣла для него рѣшительное и знаменательное дѣйствіе. До того времени онъ ничего не писалъ, съ того времени онъ началъ сгруппировывать отрывочныя данныя изъ запасовъ памяти. Многое было имъ забыто, изъ записаннаго растеряно, сохранившееся собиралъ онъ торопливо, но удѣлялъ готовно и для политическихъ газетъ, и для сатирическихъ журналовъ и для періодическихъ изданій съ чисто ученымъ и литературнымъ направленіемъ. Однако, когда потребовался отвѣтъ на современные вопросы, онъ находилъ силы и возможность удовлетворять имъ, хотя бы и въ отрывочной и своеобразной формѣ. Такъ, между прочимъ въ одинъ изъ позднѣйшихъ походовъ онъ остановился на изученіи склада народнаго суда и сужденій, его дѣловыхъ (хозяйственныхъ и общественныхъ) думъ, что такъ опредѣлительно выражается въ мірскихъ избахъ и волостныхъ сходахъ.

Для наблюденія за крестьянскими сходками и для изученія ихъ Якуш-

---

*) Къ послѣдняго рода пѣснямъ въ нашемъ пѣсенникѣ развилось даже нескрываемое отвращеніе, простодушно и охотно высказываемое.

кинъ выходилъ спеціально, сдѣлалъ довольно, но кромѣ мелкихъ намековъ, сохранившихся кое гдѣ въ напечатанныхъ имъ сочиненіяхъ, другихъ слѣдовъ не осталось. Лоскутки записокъ, всегда не сшитые, валявшіеся кое какъ, растерялись. Память въ эти годы ему стала измѣнять; не было влiятельной руки, которая усадила бы его работать: навѣрное исполненная работа пропала безъ результатовъ; о ней нигдѣ нѣтъ даже намека. Только о рекрутскихъ наборахъ успѣлъ онъ вспомнить и напечатать.

Въ отвѣтахъ на современные вопросы — несомнѣнная причина его быстро-выросшей и прочно-установившейся литературной извѣстности. Въ особенности рѣзко выдѣлились «Крестьянскіе бунты на Руси» и «Великъ Богъ земли русской», и такъ называемые отрывки безъ конца и начала, по необыкновенной свѣжести современныхъ мотивовъ, по простодушной искренности разсказа и по честнымъ намѣреніямъ высказаться въ защиту тѣхъ, къ кому выстрадалъ Павелъ Ивановичъ такую горячую любовь и объявилъ такую неизмѣнную и искреннюю «преданность». Радѣльникомъ народа онъ былъ подлиннымъ и судьей его непокупнымъ и неподкупнымъ. Меньше всѣхъ ему удалось отойти отъ его интересовъ и ближе всѣхъ привелось подслушать его завѣтныя и затаенныя мысли, отгадать его скромныя намѣренія и простодушно-невинныя цѣли. Для этого онъ отлично зналъ всѣ мѣста, владѣлъ секретомъ—пользоваться, но не имѣлъ собственныхъ средствъ и помнилъ о своей главной слабости. Мы знаемъ одинъ случай, когда онъ отказался отъ предложенныхъ трехъ тысячъ на поѣздку сильнымъ лицомъ, которое несомнѣнно его уважало и ему покровительствовало. Отказался Якушкинъ отъ этихъ денегъ, выдаваемыхъ цѣликомъ впередъ, на томъ основаніи (по личному его откровенному сознанію), что эти деньги, говоря словами стариннаго стиха про Голубиную книгу, «въ рукахъ держать будетъ—не сдержать будетъ».

Даже спеціальное ученое общество (географическое) узнало о дѣятельности Якушкина лишь въ 1860 году, когда онъ пріобрѣлъ уже достаточную извѣстность въ литературныхъ кружкахъ и самолично объявился въ Петербургѣ. Его вызвали въ одно изъ засѣданій; дали возможность поговорить съ каѳедры во время одного изъ общихъ собраній общества, и почтили званіемъ сотрудника. Не смотря на зарокъ награждать труды по задачамъ, хотя и соотвѣтствующимъ программѣ общества, но произведеннымъ не по заказамъ его, а самостоятельно, этнографическій отдѣлъ счелъ полезнымъ и своевременнымъ наградить его серебряною медалью. Онъ удостоился ея, какъ сказано въ опредѣленіи совѣта, «за сборникъ пѣсенъ и за весьма полезныя указанія членамъ отдѣленія относительно нѣкоторыхъ пробѣловъ програмы отдѣленія».

Въ Павлѣ Ивановичѣ безсребренникъ видѣлся настоящій: у него никто не видалъ денежнаго кошелька, какъ не видалъ никто какой-либо другой движимой собственности. Онъ слишкомъ былъ отрѣшенъ

отъ обыденныхъ привычекъ осѣдлыхъ людей и цѣнилъ ни во что завѣтныя вещи и предметы, напоминающіе о мѣстѣ или привязывающіе къ нему. Калика перехожій онъ былъ подлинный со множествомъ яркихъ чертъ этого стародавняго русскаго типа. Оттого онъ и казался такимъ чудакомъ. Завѣтнаго не было у него ничего, начиная съ презрѣннаго металла (какой для него больше, чѣмъ для кого-либо былъ дѣйствительно презрѣннымъ) и кончая умственными пріобрѣтеніями, которыми онъ также дѣлился безъ всякаго разбора. О денежныхъ вознагражденіяхъ за печатный трудъ онъ не условливался; довольствовался тѣмъ, что дадутъ; никогда не жаловался и не сѣтовалъ. Цѣнилъ деньги и просилъ ихъ понемножку, когда были крѣпко нужны: сквозили сапоги и промокали ноги, сползала съ головы шапка, слѣзала съ плечъ свитка, да и объ этомъ надо было ему напомнить и кому-нибудь похлопотать. Хорошо вознаграждаемый изрѣдка литературнымъ гонораромъ, онъ, любя угощаться, любилъ угощать, владѣлъ замѣчательною способностью терять деньги и, въ особенности, удѣлять уцѣлѣвшія тому, кто въ нихъ нуждался. Мы знаемъ одинъ и слыхали про другіе случаи, когда Павелъ Ивановичъ, при случайной встрѣчѣ съ крайней нуждой, которая успѣла протянуть руку въ то время, когда въ дырявыхъ карманахъ мимо шедшей потасканной и изорванной свиты имѣлись рубли, Павелъ Ивановичъ отдавалъ все, что имѣлъ при себѣ.

Умеръ онъ безъ гроша въ карманѣ и, умирая, имѣлъ полное право выговорить въ слухъ пользовавшаго его врача: «Припоминая все мое прошлое, я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя».

Въ немъ (повторяемъ опять) скитальческая жизнь сохранила все то, что остается ея привиллегіей, что могутъ назвать и распущенностью и эксцентричностью, чудачествомъ и всякимъ неподобнымъ словомъ. Но это и было его собственною типической чертой, которая жила въ немъ съ подлежащими частностями и потребностями.

Къ обидамъ и огорченіямъ онъ былъ мало чувствителенъ. Сколько разъ приходилось слышать отъ него, обиженнаго, такіе отвѣты:

— Стало такъ надо. Видно онъ (обидѣвшій) лучше меня про то знаетъ, если говоритъ мнѣ прямо въ глаза.

Не меньше равнодушія замѣчали въ немъ къ разнымъ случайнымъ неудачамъ, неудавшимся намѣреніямъ, расклеившимся дѣламъ. Замѣчая иногда его личную виновность въ этихъ неудачахъ и останавливая на этомъ его собственное вниманіе, на вопросъ — «зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ?», всегда слышался одинъ отвѣтъ, обратившійся даже въ общее мѣсто: «Чтобы смѣшнѣе было». Равнодушіе, хладнокровіе его, оправдывающія отвѣтъ этотъ, дѣйствительно были въ немъ поразительны, словно ему столько же и не горячо, какъ и не холодно. Даже минутное замѣшательство, испуганные глаза, суетливость движеній, исчезновеніе веселости при встрѣчѣ съ неожиданною и поразительною непріятностью, мы, какъ рѣдкія проявленія, едва вспоминаемъ теперь.

Затѣмъ, всегда хладнокровенъ, всегда беззаботенъ и веселъ, и даже какъ будто очень счастливъ и доволенъ собой, и всегда не отъ міра сего. Онъ былъ безпеченъ до того, что какъ будто надѣялся жить вѣчно, а жить торопился такъ, какъ будто предстояло ему умереть завтра.

Къ друзьямъ онъ смѣло и увѣренно приходилъ во всякое время, не справляясь съ часами дня и ночи. Къ людямъ, въ которыхъ замѣчалъ къ себѣ сочувствіе, онъ приходилъ обѣдать, когда ему хотѣлось ѣсть и сознавался въ томъ съ откровенностью, не заставляя догадываться и упрашивать, приходилъ спать, когда застигала ночь и смежались глаза вблизи квартиры знакомаго. Сплошь и рядомъ возвращавшіеся хозяева находили нашего бездомнаго скитальца, не имѣвшаго гдѣ главы преклонить, преклонившимъ ее на полѣнѣ, расположившимся на полу.

«Избавьте мать отъ меня», — серьезно просилъ онъ изъ деревни въ послѣднее время пребыванія его тамъ. — «Сколько я могу понимать: хотѣли высылкой сюда наказать меня, но наказали мать. Войдите же въ положеніе ни въ чемъ неповинной, честной и доброй старушки, обязанной видѣть передъ собой ежедневно потеряннаго сына».

Этотъ рѣдкостный геройскій порывъ честной души приводитъ насъ на самый конецъ дѣяній и похожденій нашего незабвеннаго товарища и друга. Его прошеніе было исполнено: онъ былъ переведенъ изъ Орловской губерніи въ Астраханскую. Онъ уѣхалъ на дальную чужбину съ тѣмъ же чистымъ сердцемъ, но, конечно, съ меньшимъ запасомъ силъ, съ надломленнымъ здоровьемъ, недостатки котораго медленно близили его къ концу земныхъ странствій въ 1872 году.

Конецъ этотъ постигъ его опять-таки на пути передвиженія, не въ Красномъ Ярѣ и Енотаевскѣ (Астраханской губерніи), гдѣ онъ жилъ въ послѣдніе годы жизни, а въ Самарѣ.

Жизнь про себя и для себя ненормальная, исключительная, неправильная, обидная, и—вотъ онъ самъ за нее въ отвѣтѣ, безъ родныхъ и близкихъ, въ чужомъ городѣ, свалился при дорогѣ и даже на историческомъ бродяжьемъ распутьѣ.

Но за прохожимъ человѣкомъ другая жизнь: за яркою и блестящею стороной ея,—шероховатости и неровности другой стороны стушевываются и пропадаютъ. Ее-то онъ беззавѣтно и обращалъ на судъ и оцѣнку, изъ-за нее-то и не видѣлъ несовершенствъ другой стороны, случайныхъ, при другихъ условіяхъ не изжитыхъ и не обезсиленныхъ. Не хотѣли ее видѣть и тѣ, которые прежде другихъ и лучше другихъ видѣли физіологическія и анатомическія детали въ непощаженномъ организмѣ при послѣднихъ разсчетахъ его съ жизнью. Хотѣли видѣть и вѣдать только яркую сторону: самарскіе врачи подняли безмолвный, свалившійся на дорогѣ, трупъ отшутившаго свою жизнь человѣка и съ честію проводили его въ могилу.

Якушкина не свалили въ придорожную яму, въ наскоро сколоченномъ больничномъ ящикѣ—положили его въ честный гробъ съ украшеніями. Гробъ понесли на честныхъ рабочихъ рукахъ, съ церковнымъ пѣніемъ, которое такъ понималъ и любилъ покойный, и въ довершеніе съ полковою музыкой, которая такъ отвѣчала и приличествовала нашему пѣвцу и пѣсеннику.

ТОВАРИЩЕСКІЯ

ВОСПОМИНАНІЯ О ЯКУШКИНѢ.

Н. С. Курочкина.

Севастопольскій погромъ, перемѣна царствованія, заключеніе мира съ союзниками, воевавшими противъ насъ, милостивый манифестъ, возвѣщеніе съ высоты престола неслыханныхъ дотолѣ реформъ, — цѣлый рядъ событій, разбудившихъ спавшую безмятежнымъ сномъ Россію,—представляютъ собою такой моментъ въ жизни нашей родины, который никогда не будетъ забытъ людьми, переживавшими его. Сравнить его можно развѣ только съ наступленіемъ весны или, вѣрнѣе, первыхъ ея предвѣстниковъ, когда, по словамъ поэта, «еще не успѣла снизойти на землю ея душистая нѣга», «овраги полны снѣговъ», дороги еще скованы морозомъ; но уже въ воздухѣ носится бодрящая весенняя струя и ручьи начинаютъ журчать.

И дѣйствительно, русская общественная жизнь начинала въ то время въ разныхъ точкахъ и съ разныхъ сторонъ какъ бы сразу оттаивать; ледяной покровъ оффиціальнаго застоя и мундирнаго однообразія какъ бы давалъ трещины по всѣмъ швамъ своимъ, обычное вынужденное безмолвіе и приниженная повсюдная оцѣпенѣлость стали прерываться то здѣсь, то тамъ, сначала неяснымъ гуломъ недовольства, потомъ болѣе смѣлымъ говоромъ критическаго обсужденія, и еще далѣе молодымъ порывистымъ выраженіемъ горячихъ надеждъ на будущее и страстныхъ плановъ возможности его осуществленія. Начинался если не на дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ страстныхъ пожеланіяхъ какой-то еще не опредѣлившійся, но давно необходимый, общій обновляющій перестрой жизни. Слышались неслыханныя до того слова и рѣчи, обнаруживались новыя стремленія, закипала какая то непривычная дѣятельность, и повсюду и всѣми чувствовалась потребность какого-то новаго дѣла, новыхъ людей и дѣятелей.

И вотъ, отвѣтомъ на эту потребность, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, а прежде всего, разумѣется, въ Петербургѣ и Москвѣ, начали появляться какіе-то необыкновенные коллежскіе, провинціальные *) и губернскіе секретари, которые, состоя по прежнему, какъ и надлежало быть въ служебной Россіи, въ разныхъ вѣдомствахъ и департаментахъ, уже не удовлетворялись исполненіемъ своихъ чиновничьихъ обязанностей и изъ узкой сферы отношеній и предписаній уносились мыслью въ области науки, искуства и литературы, и задумывались о приложеніи своихъ молодыхъ силъ къ общественной дѣятельности, вдругъ почему то ставшей для всѣхъ необходимостью.

Точно также въ военномъ званіи въ тоже время объявлялись молодые прапорщики и подпоручики, внезапно осмѣлившіеся разглядѣть, что величіе и слава страны не исчерпываются однимъ воеваніемъ, а что есть и другіе пути, на которыхъ можно способствовать ихъ упроченію.

Правда, нѣчто подобное этимъ новымъ птицамъ зарождалось на Руси и нѣсколько ранѣе Русско-Турецкой войны, лѣтъ за шесть до ея начала, но только въ средѣ весьма небольшой группы людей, пришедшихся въ то время совершенно не подъ масть господствовавшему тону, а потому быстро изъятыхъ изъ обращенія и только впослѣдствіи вынырнувшихъ снова на свѣтъ Божій. Новымъ, слѣдовательно, былъ не типъ самой птицы, а то положеніе, вслѣдствіе котораго ей открылась возможность гласно заявлять о своемъ существованіи и, хотя съ оглядкою, пробовать первые взмахи своихъ едва нароставшихъ крыльевъ. Нѣкоторымъ изъ такихъ птицъ, какъ извѣстно, удалось впослѣдствіи опериться и составить себѣ почтенныя имена, тѣсно связанныя со всѣмъ перипетіями умственнаго, нравственнаго и общественнаго развитія на Руси за послѣднее тридцатилѣтіе...

Одною изъ такихъ птицъ былъ и Павелъ Ивановичъ Якушкинъ. Много или мало онъ сдѣлалъ—я разбирать не стану, дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что этотъ необыкновенный для своего времени «губернскій секретарь» не обратился, какъ бы подобало, сначала въ титулярнаго, а потомъ и въ болѣе основательнаго совѣтника, но, отдавшись весь цѣликомъ излюбленной своей идеѣ, посвятилъ ей всю свою жизнь и прошелъ въ мірѣ не безслѣдно. Если бы и всѣ тѣ люди, «кто съ бору, кто съ сосенки», къ категоріи которыхъ принадлежалъ онъ, каждый въ отдѣльности сдѣлали еще менѣе того, чѣмъ имъ это удалось, то за ними все таки оставалась бы заслуга, какъ за піонерами — предвозвѣстниками русскаго прогресса и первыми воскресителями личности среди формально-мертвенной и обезличенной до того Россіи. Личность же Якушкина

---

*) Чинъ провинціальнаго секретаря или XIII классъ давался при опредѣленіи къ «штатскимъ дѣламъ», между прочимъ, лицамъ, оставляющимъ военную службу въ чинѣ подпоручика. Съ такимъ чиномъ, сказать къ слову, вступилъ въ департаментъ Ревизіи Отчетовъ Вѣдомства Путей Сообщенія покойный поэтъ В. С. Курочкинъ. *Авт.*

представляется весьма своеобразной, характерной и вполнѣ цѣльной. Это былъ, въ полномъ смыслѣ, какъ выражаются французы, человѣкъ «taillé d'un bloc». Рожденный въ старозавѣтной многочленной помѣщичьей семьѣ черноземной полосы Россіи, онъ съ малолѣтства долженъ былъ приглядѣться ко всѣмъ причудамъ и привередничаньямъ стародворянскаго быта и насмотрѣться всласть на всевозможныя чудачества сосѣдей помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ находились, по его разсказамъ, всевозможные раритеты, начиная съ отставныхъ адмираловъ, катавшихся въ обширныхъ своихъ баняхъ верхомъ на крѣпостныхъ дѣвушкахъ, называвшихся въ то время по просту «дѣвками», до такихъ, которые одѣвались въ женскіе кружевные, распашные капоты и чепчики, и не отказались бы вѣроятно носить и лайковыя перчатки на 16-ти пуговицахъ, если бы таковыя были тогда уже извѣстны. Казалось бы, очень трудно было понять, какъ при такой обстановкѣ, особливо принявъ во вниманіе общую темень того времени, изъ мальчика, необладавшаго ни особенными какими либо талантами, ни выходящимъ изъ ряда умомъ, какимъ былъ Якушкинъ въ дѣтствѣ, при томъ скромномъ запасѣ знаній, какія онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи, могло выработаться что либо иное, кромѣ обыкновеннаго барича, если бы не два обстоятельства, которыя вѣроятно и оказали благопріятное вліяніе на личность и характеръ его.

Дѣло въ томъ, что извѣстный Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ былъ нѣсколько сродни отцу Павла Ивановича и традиція о немъ свято сохранялась въ этой семьѣ; съ другой же стороны мать Павла Ивановича, по разсказамъ знавшихъ её и достойныхъ вѣры лицъ, была, что называется, хорошею и дѣловитою женщиною, отличавшеюся по народному выраженію своей «умственностью», и сама происходила изъ простаго званія. Такимъ образомъ вліяніе матери и капля крови, общая съ народомъ, обусловили, вѣроятно, то, что барчукъ Якушкинъ, продѣлавшій всё, что обыкновенно было принято продѣлывать для благорожденныхъ дворянскихъ дѣтей, т. е., пройдя гимназическій курсъ, понюхавъ немного университета и поступивъ, какъ надлежало россійскому дворянину, на государственную службу, по достиженіи чина губернскаго секретаря, не пожелалъ дальнѣйшихъ чиновъ и отличій, а вдругъ и внезапно объявился горячимъ народолюбцемъ, въ качествѣ каковаго и повелъ кочевую, цыганскую жизнь, въ погонѣ за русскою пѣснью и, распѣвая ее, былъ увѣренъ, что живетъ полною жизнью и исполняетъ честно и добросовѣстно земное свое назначеніе *).

Для этого, подобно тому, какъ и другіе губернскіе секретари, осмѣливавшіеся въ то время открыто посвящать себя литературѣ или наукѣ, онъ бросилъ службу, вышелъ въ отставку и пристроился въ редакціи издававшейся тогда «Русской Бесѣды». Сверхъ того, въ то время какъ

---

*) На развитіе П. И. Якушкина сверхъ того, кажется, имѣло значительное вліяніе знакомство его съ Стаховичемъ. *Авт.*

его современники, бывшіе съ нимъ одного поля ягодами, снимали съ себя вицъ-мундиры для сюртуковъ, Якушкинъ отказался даже и отъ послѣдняго, а одѣлся въ рубашку съ косымъ воротомъ, поддевку и смазные сапоги, не опасаясь нисколько, что вызоветъ этимъ смѣхъ или негодованіе окружающей среды.

Замѣчательно при этомъ было то, что народная одёжда пришлась какъ разъ ему по плечу, и онъ не оказался въ ней переодѣтымъ бариномъ, а явился настоящимъ сыномъ народа, такъ что всѣ знавшіе и видѣвшіе Якушкина впослѣдствіи, не могли бы себѣ и представить его иначе какъ въ этомъ костюмѣ. Другими словами, носить крестьянскую одежду было для него дѣломъ насущной потребности, соотвѣтствовавшимъ вполнѣ какъ складу его ума и характера, такъ и привычкамъ, наклонностямъ и всему образу жизни, а не маскараднымъ славянофильскимъ переодѣваніямъ.

Я еще студентомъ медицинской академіи былъ очень близокъ и даже жилъ на одной квартирѣ года два съ однимъ изъ братьевъ Якушкина, Викторомъ (тоже весьма симпатичною личностью), бывшимъ впослѣдствіи врачемъ, а нынѣ уже умершимъ, поэтому еще, до личнаго знакомства съ П. И., я слышалъ о немъ уже многое. Случилось же такъ, что въ первый пріѣздъ П. И. въ Петербургъ, когда я жилъ вмѣстѣ съ покойнымъ моимъ братомъ В. С. и С. В. Максимовымъ, Якушкинъ, знакомый съ послѣднимъ, полузнакомый со мною и разумѣется очень быстро сошедшійся съ покойнымъ братомъ, разсудилъ, что наша общая квартира— самое подходящее ему мѣсто для того, чтобы временно въ ней поселиться. Мы, конечно, были этому очень рады и онъ тогда, что-то, мѣсяцъ или полтора сряду передавалъ намъ свои первыя наблюденія надъ народомъ, ежедневно, каждое утро, часа по два громко распѣвалъ намъ записанныя имъ пѣсни, любимою изъ которыхъ была пѣсня о дѣвушкѣ, убившей своего друга и загадывавшей потомъ «неотгадчивую загадку» о томъ, какъ она могла на «миломъ сидѣть» и «милымъ подчивать» *).

Пѣніе его, не доставлявшее, правда, особеннаго эстетическаго наслажденія, было, такъ сказать, выразительное, усердное и энергически-настойчивое. За это-то время пребыванія его у насъ, я и успѣлъ хорошо его разглядѣть и полюбить. Въ сожительствѣ Якушкинъ былъ человѣкомъ до-нельзя покладнымъ и уживчивымъ. Какъ въ этотъ его пріѣздъ, такъ и во всѣ другіе, когда онъ у меня временно останавливался (иногда, какъ напр. въ 1861 году, на 2 мѣсяца сряду), я не помню, чтобы между имъ и мною или кѣмъ либо изъ общихъ нашихъ друзей и знакомыхъ промелькнула хотя бы какая либо тѣнь неудовольствія или недоразумѣнія. Замѣчательно, что этотъ совсѣмъ не практическій человѣкъ, не умѣвшій во всю свою жизнь свить себѣ даже собственнаго гнѣзда (какъ онъ устроился во время своей подневольной осѣдлости въ Красномъ Ярѣ —

*) Пѣсня эта помѣщена ниже въ числѣ другихъ, собранныхъ П. И. *Изд.*

я не знаю) съумѣлъ самымъ блистательнымъ образомъ разрѣшить трудную задачу отношеній къ другимъ людямъ. Обращаясь прямо по-братски ко всѣмъ, съ кѣмъ онъ вступалъ въ близкія отношенія, онъ въ отвѣтъ встрѣчалъ тоже братское радушіе, почему и находилъ себѣ всегда, какъ въ извѣстной баснѣ, «столъ и домъ» чуть не подъ каждымъ «листкомъ». Для успѣшнаго разрѣшенія такой задачи было необходимо не мало различныхъ качествъ, и всѣми ими вполнѣ обладалъ П. И. Человѣкъ всегда ровнаго расположенія духа, никогда не выходившій изъ себя, онъ умѣлъ, по врожденной деликатности, никому не навязываться, ни въ чемъ никому не мѣшать, а чуть замѣчалъ, что онъ—лишній, тотчасъ куда то стушевываться. Лишенный всякаго тщеславія, онъ никогда не задѣвалъ ни чьего самолюбія, а, ограничивъ до послѣдняго минимума свои потребности, не былъ взыскателенъ и въ дѣлѣ ихъ удовлетворенія. Точно также просто, вѣроятно, разрѣшалъ онъ и другую задачу: находить всегда средства для своихъ частыхъ поѣздокъ. А задача такая была не легкая: по разстройству имущественныхъ дѣлъ въ его семьѣ, онъ врядъ ли могъ получать изъ дому серьезное пособіе, лично-же не обладалъ буквально никакой собственностью, даже хотя бы въ смыслѣ лишней пары сапоговъ, и при этомъ никогда не затруднялъ друзей своихъ денежными просьбами сколько нибудь значительныхъ размѣровъ. Писалъ онъ такъ немного, что его литературныя произведенія, за исключеніемъ трехъ, четырехъ случаевъ, могли ему доставлять развѣ только какіе нибудь жалкіе гроши.

Правда, въ 60-годахъ онъ употреблялъ весьма много времени на хлопоты по продажѣ своихъ сочиненій, постоянно входилъ въ какіе то сношенія и соглашенія съ разными издателями и книгопродавцами, но изъ всего этого какъ-то ничего не выходило, кромѣ развѣ того, что онъ нерѣдко бывалъ этими лицами угощаемъ до «положенія ризъ». Иногда, правда, въ результатѣ такихъ переговоровъ у него получалась новая шапка или кушакъ и появлялись на день на два мелкія деньги, но сколько нибудь крупныхъ суммъ, если онѣ не получались имъ изъ редакцій журналовъ послѣ помѣщенія въ нихъ главныхъ его статей, ни я, да, вѣроятно, и никто изъ друзей его никогда у него не видалъ.

Въ воспоминаніяхъ о Якушкинѣ его друзей, которыми, по плану этого изданія, будетъ наполнено собраніе его сочиненій, вѣроятно, будетъ приведено не мало частныхъ фактовъ изъ его жизни, почему я и счелъ себя вправѣ ограничиться только общею характеристикой его личности и значенія въ русской жизни и передачею тѣхъ впечатлѣній, какія производилъ онъ на ту среду, въ которой преимущественно обращался; но для полноты этого очерка, позволю сказать себѣ еще нѣсколько словъ о томъ, что въ наше время всѣми конечно вплотную забыто.

Скромная, хотя вполнѣ почтенная и полезная дѣятельность Павла Якушкина, явись онъ во всякое другое время, а не въ ту знаменательную пору, о которой я говорилъ выше,—хотя, конечно, и не прошла бы

незамѣченной, но она безспорно не доставила бы ему ни особенныхъ лавровъ при жизни, ни той, по истинѣ, громадной извѣстности, какою онъ нѣкоторое время пользовался на Руси. На такую высоту вознесло его совершенно случайное столкновеніе съ псковскою полиціею, столкновеніе настолько обыденное въ Россіи, что оно, по характеру своему, было совершенно въ порядкѣ вещей. Подобное столкновеніе, конечно, было возможно и раньше, и повторялось, конечно, не однажды и впослѣдствіи съ другими лицами. Но не такой моментъ переживала тогда Россія, и мыслящему меньшинству того времени казалось, что вотъ, вотъ наступитъ пора, когда въ нашемъ отечествѣ начнутъ вдругъ созрѣвать повсюду золотые померанцы, и общественное мнѣніе и литература разомъ махнутъ на ту высоту, каковая подобаетъ ихъ достоинству. Поэтому, «incident» съ однимъ изъ литературныхъ представителей и его столкновеніе съ патріархально-полицейскими воззрѣніями и порядками были обслѣдованы едва возникавшей горячей и молодой публицистикой со всевозможнымъ тщаніемъ и полнотою—что и придало ему размѣры чуть не міроваго событія. Имя П. И. Якушкина, употребленное во всѣхъ падежахъ, во множествѣ газетныхъ листковъ, съ блескомъ и трескомъ пронеслось и прогремѣло по всей Россіи. Разсказъ объ его злоключеніи передавался и комментировался на тысячу ладовъ десятками тысячъ устъ во всевозможныхъ мѣстностяхъ Россіи, что и обусловило сразу его громадную извѣстность и придало ему чуть не легендарное значеніе.

Лучшимъ же доказательствомъ справедливости этого служитъ тотъ фактъ, что въ различныхъ россійскихъ захолустьяхъ, черезъ годъ или два послѣ *событія*, стали появляться различные Якушкины-самозванцы или Лже-Якушкины. Говоря проще, разные прощалыги и забулдыги, набуянивъ или накуралесивъ гдѣ либо и желая оградить себя отъ полицейскихъ преслѣдованій, стали выдавать себя за него, полагая, что имя Якушкина представляло собою какъ бы запугивающій талисманъ для полиціи... Что этотъ фактъ не мое изобрѣтеніе, у меня есть очень вѣское доказательство. Такъ, одинъ изъ подобныхъ буяновъ, бушевавшій на волжскомъ пароходѣ или на пароходной пристани (теперь не помню) «Самолета» и выдававшій себя за П. Якушкина, до того возмутилъ своими выходками свидѣтелей этого безобразія, что одинъ изъ пассажировъ парохода рѣшился на печатное обличеніе его буйствъ и, полагая, вѣроятно по русской логикѣ, что только настоящій Якушкинъ могъ себѣ позволить подобныя выходки подъ упоеніемъ своей славы, безъ справки—онъ ли это былъ дѣйствительно, отправилъ свой протестъ для напечатанія въ «Сѣверную Пчелу». Дальнозоркая же редакція этой газеты, которая могла бы разобрать, способенъ ли былъ Якушкинъ на подобное публичное буянство, такъ какъ онъ былъ безвѣстенъ лично ея тогдашнему редактору, «ничтоже сумняся», напечатала это письмо цѣликомъ. Къ счастью, клевета эта не очень распространилась, такъ какъ одинъ

изъ близкихъ знакомыхъ Якушкина получилъ въ это самое время письмо отъ него, въ которомъ Якушкинъ описывалъ ему свою поѣздку изъ Устюжны, происходившую какъ разъ въ то самое число (26 Августа 1860 года), когда самозванецъ бушевалъ на Волгѣ. Пріятель передалъ письмо это немедленно нѣкоему Пр. Преображенскому, *) который и могъ на этомъ основаніи опровергнуть нелѣпое обвиненіе, что и совершилъ въ «Русскомъ Мірѣ», въ числѣ сотрудниковъ котораго состоялъ. Прилагаю для окончанія своей замѣтки это опровerженіе: оно можетъ быть прочтется и теперь...

Псковской исторіи томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содраганьемъ,
О, гласность юная, я на тебя смотрю!
Ты знаешь, что тебя я искренно люблю!
Мнѣ милы всѣ твои ошибки, увлеченья,
Во имя честнаго, живаго обличенья;
Но для чего, скажи, порой желаешь ты
Служить орудіемъ презрѣнной клеветы?
Передо мной статья, за подписью *Покоя*:
„Якушкинъ“ пишетъ онъ „буянъ и все такое...
„Ему не въ обществѣ жить должно, а въ тюрьмѣ.
„Скандалъ онъ произвелъ ужасный въ Костромѣ.
„Я очевидцемъ былъ имъ рубки *Самолета*.
„Что онъ за человѣкъ, какого онъ полета!
„Онъ пьянъ былъ, всѣхъ ругалъ, властямъ грозилъ бѣдой
„*И былъ безъ бороды—хоть ходитъ съ бородой*!
„То было въ августѣ, числа двадцать шестаго..
„Ахъ! сердце въ тѣ часы мое болѣло много!..“
Вотъ публикѣ въ «Пчелѣ» поднесъ протестъ какой
Пѣвецъ Якушкина, подъ буквою *Покой*!..
О маска! вымыслы кому такіе нужны,
Якушкинъ въ этотъ день катился изъ Устюжны.
А ты писателя рѣшился замарать,
Не сдѣлавъ ничего, чтобъ истину узнать!
О маска! мнѣ повѣрь, все это очень дико!..
А ты, герой статьи, нашъ Сильвіо Пеллико,
Отвѣтомъ успокой тревожные умы,
Которыхъ возмутилъ поэтъ изъ Костромы,

---

*) Въ виду исторической давности разсказаннаго факта, позволяю себѣ раскрыть псевдонимъ *Пр. Преображенскій*:—это самъ почтенный авторъ настоящей статьи, что, впрочемъ, давно извѣстно въ литературѣ. *Изд.*

Безъ озлобленія, хотя тебя, быть можетъ,
Губернскій тотъ разсказъ разсердитъ иль встревожитъ...
За именемъ творца памфлета ты не стой,
Не узнавай его... Что имя!—звукъ пустой,
Пусть, такъ и быть, *Покой* для всѣхъ пребудетъ тайной....
Но если какъ нибудь, когда нибудь случайно
Ты будешь въ Костромѣ.... въ опроверженье лжи
На бороду свою безмолвно укажи!

Д. Д. Минаева.

Есть личности, воспоминаніе о которыхъ, даже при самомъ скверномъ расположеніи духа, вызываетъ невольную добродушную улыбку и на душѣ становится какъ-то веселѣе.

Къ числу такихъ личностей безспорно принадлежалъ Павелъ Ивановичъ Якушкинъ. Въ плеядѣ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ онъ занималъ не послѣднее мѣсто, мѣсто «особнякъ», и, по своей чисто русской оригинальности, типъ его былъ очень симпатиченъ, даже въ самыхъ недостаткахъ его и крайностяхъ.

Мы, люди той эпохи, оглядываясь назадъ, съ невольнымъ удовольствіемъ, удовольствіемъ нѣсколько грустнымъ, припоминаемъ время, когда жилъ, писалъ и «странствовалъ» П. И. Якушкинъ, и, говоря о послѣднемъ, нельзя пройдти молчаніемъ этого времени. То было доброе наивное время свѣтлыхъ надеждъ и крѣпкой вѣры въ будущее, когда мы свято, платонически увлекались миражемъ всеобщаго «возрожденія», легко согласились съ тѣмъ, что «мы созрѣли», хоронили прошлое и на фонѣ туманныхъ нашихъ небесъ передъ нами огненными буквами вырисовывалось многознаменательное слово — *прогрессъ*. Корытниковы «дѣлали» этотъ прогрессъ, у новорожденной гласности начинали прорѣзываться зубки и «Губернскіе очерки» Щедрина создали новый родъ литературы. Цѣлый край ликовалъ, какъ молодые супруги въ первые дни послѣ свадьбы, и мы весело справляли и праздновали медовые мѣсяцы нашей общественности.

Въ то доброе наивное время всякихъ начинаній и сближеній, среди множества другихъ открытій разныхъ мѣстныхъ Америкъ, мы, между прочимъ, открыли цѣлую породу людей, называемыхъ «пейзанами» или «мужичками», у которыхъ была своя литература, своя внутренняя жизнь

и исторія, требующія всесторонняго изученія. По этому всѣхъ сильно заинтересовала такая личность, какъ Якушкинъ, который «пошелъ въ народъ», ходилъ по деревнямъ, прислушиваясь къ народному говору, собирая пѣсни, сказки и пословицы. Многихъ въ тѣ времена очень серьезно занималъ крестьянскій бытъ, но понятія о немъ были очень смутныя: или его идилизировали во вкусѣ повѣстей Д. Григоровича, «сочиняли народъ», или относились къ нему съ вопросительнымъ недоумѣніемъ. Тургеневъ очень вѣрно замѣтилъ, что «русскій мужикъ—это тотъ таинственный незнакомецъ, о которомъ нѣкогда такъ много толковала г-жа Ратклифъ. Кто его пойметъ? Онъ самъ себя не понимаетъ».

Такъ какъ общество и журналистика шестидесятыхъ годовъ знали, что около этого незнакомца, «около мужика» уже нѣсколько лѣтъ, какъ наблюдатель, сталъ ходить Якушкинъ, уже извѣстный въ литературѣ, то съ любопытствомъ ожидали результатовъ его пилигримскихъ наблюденій. Когда-же въ 1859 году случилась такъ называемая «псковская исторія», то, благодаря трубамъ гласности и обличительной прессы, личность Якушкина приняла чуть-ли не легендарный характеръ. Въ настоящей книгѣ «псковская исторія» Павла Ивановича, конечно, будетъ разсказана, а потому не буду на ней останавливаться, но только для ея наглядной характеристики приведу, ей посвященное, эпическое стихотвореніе талантливаго, рано умершаго поэта А. Сниткина, писавшаго подъ псевдонимомъ Амоса Шишкина. Вотъ это стихотвореніе, появившееся въ 1860 году въ журналѣ «Свѣточъ»:

Новѣйшая Одиссея.

Муза, воспой похожденія Павла, Якушкина сына,
Какъ онъ, ревнуя къ наукѣ, долго по Руси скитался.
Сказки, повѣрья народа и пѣсни вездѣ собирая,
Какъ наконецъ онъ попался, подобно вождю Одиссею,
Въ руки циклоповъ новѣйшихъ, грубыхъ, небритыхъ и пьяныхъ.
Сё, помолясь, начинаю я:
Славный нашъ Павелъ Якушкинъ
Въ отчину прибылъ крестопріимныя Ольги,
Въ городъ издревле своимъ перевозомъ преславный,
Прибылъ туда нашъ скиталецъ въ излюбленномъ платьѣ народномъ:
Въ синемъ суконномъ кафтанѣ, въ смазныхъ сапогахъ съ бураками,
Въ красной рубахѣ, брадатый, какъ есть мужичекъ православный.
(Каждый читатель пойметъ, что Якушкину Павлу,
Шляясь по курнымъ избамъ и бесѣду ведя съ мужичками,
Въ бѣлыхъ перчаткахъ ходить и во фракѣ совсѣмъ не пристало).

Какъ гражданинъ, твердо знающій наши порядки, Якушкинъ,
Лично отправился съ паспортомъ въ часть. Это его и сгубило!
Тамъ надзиратель, какъ строгій блюститель прогресса,
Павла Якушкина въ умыслѣ тайномъ слегка заподозривъ,
Брови нахмурилъ, какъ Зевсъ, и такой разразился вдругъ рѣчью:
«Чертовъ ты сынъ! ну, какой секретарь ты губернскій? По граду
Ты среди бѣлаго дня ныньче шляешься въ платьѣ подобномъ:
Гдѣ это видно, чтобы чиновникъ мундиръ свой дворянскій
Нагло смѣнилъ на поддевку? (Съ квартальнымъ вполнѣ мы согласны)
Ты иль массонъ, или красный иль даже мармонскій учитель.
Думаешь, намъ неизвѣстно, кто это такіе мармоны?
Нѣтъ, братъ, читалъ въ «Библіотекѣ» я—и недавно, узнавши
Всю подноготную суть о проклятомъ расколѣ мармоновъ;
Знаю, что въ разныя страны клевретовъ они посылаютъ
Съ толку сбивать простаковъ, и по рожѣ твоей эфіопской
Вижу, что самъ ты мармонъ и, стало, при томъ, многоженецъ.
Ну, отправляйся въ сибирку и жди тамъ себѣ приговора.»
Тщетно несчастный Якушкинъ всѣми безсмертными клялся,
Что не мармонъ онъ и даже совсѣмъ не женатый помѣщикъ,
Тщетно къ богамъ онъ взывалъ, призывая на помощь Ѳемиду—
Было отвѣтомъ ему столько словъ, энергичныхъ и бранныхъ,
Сколько не скажетъ ихъ самъ становой въ день воскресный съ похмѣлья.
И засадили Якушкина. Долго, онъ долго томился
Въ грязной сибиркѣ, гдѣ Ветхій Завѣтъ арестантамъ читалъ онъ,—
А просидѣлъ бы и дольше, когда бы не самъ полицмейстеръ,
Хоть подполковникъ, но ужъ современнаго вѣка, любезно
Самъ бы къ нему не явился съ ласково-нѣжнымъ привѣтомъ:
«Милый мой, рекъ онъ ему, я вижу, что вы россіянинъ.
Паспортъ возьмите вы свой и ступайте, куда вамъ угодно».
Павелъ Якушкинъ, поддевку одѣвши проворно, взявъ шапку,
Тотчасъ хотѣлъ же уѣхать въ Москву по желѣзной дорогѣ,
Но былъ вторично захваченъ и снова ужъ въ томъ заподозрѣнъ,
Что не мармонъ, а имамъ, онъ, бѣжавшій въ Россію съ Кавказа.
Снова его заключили и вновь полицмейстеръ любезный
Черезъ недѣлю ему и билетъ возвратилъ и свободу.
Будь остороженъ, читатель! Всегда брѣй себѣ бороду глаже
И никогда не носи (если ты дворянинъ иль чиновникъ)
Русской поддевки,—иначе злосчастная горькая участь
Павла Якушкина, вѣрь мнѣ, тебя непремѣнно постигнетъ.
Право, никто не повѣритъ, что ты титулярный совѣтникъ:
Примутъ тебя за мармона, не то за имама Шамиля
И перешлютъ, чего добраго, бѣднаго мужа въ Калугу!

Въ томъ-же 60-мъ году, когда появились эти юмористическіе гекзаметры, я познакомился съ Якушкинымъ и встрѣчался съ нимъ въ разныхъ литературныхъ кружкахъ и редакціяхъ, но эти встрѣчи были короткія и случайныя. Сошелся же я съ нимъ ближе года черезъ два, и мнѣ пришлось жить съ нимъ около трехъ недѣль подъ одною кровлей.

Сколько мнѣ помнится, это случилось лѣтомъ 1862 года. Разъ вечеромъ я шелъ по Владимірской улицѣ и столкнулся лицемъ къ лицу съ Павломъ Якушкинымъ. Онъ, какъ всегда, былъ въ мужицкой сильно потертой поддевкѣ и въ кумачевой красной рубахѣ, самой подозрительной свѣжести. Обнялись и поцѣловались.

— Откуда и куда?

— Прямо съ чугунки, ищу добраго человѣка и въ свѣтелкѣ уголка на нѣсколько дней: *сочиненіе сочинилъ* (любимое выраженіе Павла Ивановича) и въ Питеръ продавать привезъ!

Я жилъ въ то время на той же Владимірской и предложилъ ему поселиться у меня, уступая гостю свой кабинетъ, гдѣ онъ очень удобно могъ «сочинять сочиненіе».

— А гдѣ же твои вещи? спросилъ я П. И., вводя его въ свою квартиру.

— У меня, милый человѣкъ, вещей не много: всего только одна записная книжка, я веду жизнь кочующую и лишняго скарба съ собой не таскаю. Когда бѣлье сильно заносится и съ грѣшнаго тѣла само валится, я покупаю новую смѣну, а старую бросаю въ печку или въ канаву. Это по департаментски называется «сокращеніемъ переписки».

Въ тотъ же вечеръ онъ дѣйствительно промыслилъ свѣжую «смѣну» и явился ко мнѣ въ новой кумачевой рубашкѣ.

На другой день, по пробужденіи, въ качествѣ предусмотрительнаго хозяина, я спросилъ Якушкина—кофе иль чай онъ пьетъ по утрамъ?

— Этой сырости не употребляю, а вотъ стаканчикъ водки съ корочкой хлѣба—другое дѣло: поднеси!

«Подношеніе» это и совершалось исправно каждое утро, но П. И. прожилъ у меня не нѣсколько дней, какъ онъ говорилъ, а цѣлыхъ три недѣли, странствуя, какъ онъ выражался, по «журнальнымъ лавочкамъ для сбыта привезеннаго товара». Впрочемъ, какъ оказалось, товаръ былъ не въ очень огромномъ размѣрѣ—что-то около трехъ печатныхъ листовъ.

— Матеріала у меня за то много,—бормоталъ П. И., поправляя очки, которыя обыкновенно съѣзжали на кончикъ его вздернутаго носа: — только садись и пиши! Одна бѣда: писать не могу — *ла-менъ-дроже* — само перо изъ рукъ вываливается.

Опираясь на эту причину, Якушкинъ такъ-таки ни разу въ теченіи трехнедѣльнаго у меня пребыванія не присаживался къ столу для приведенія въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ, рѣдко у меня обѣдалъ, вообще болѣе утоляя жажду, чѣмъ питаясь, пропадалъ по цѣлымъ днямъ и возвращался только поздно ночью. Однажды подъ утро, часу въ четвертомъ, онъ сильнымъ звонкомъ переполошилъ всѣхъ моихъ домашнихъ, такъ что я просилъ его или являться раньше или, по крайней мѣрѣ, тихонько проходить по черной лѣстницѣ. Не смотря на свою шероховатую внѣшность, Якушкинъ былъ человѣкомъ очень деликатнымъ и его сильно смутилъ ночной переполохъ, имъ совершенный.

Дня черезъ три послѣ этого П. И. вовсе не явился къ ночи домой, почему я и подумалъ, что онъ заночевалъ у кого-нибудь изъ безчисленныхъ своихъ благопріятелей. На другое утро я только что всталъ и сидѣлъ въ кабинетѣ, какъ ко мнѣ вошла, ухмыляясь, наша горничная.

— Дворникъ пришелъ къ вамъ отъ Павла Ивановича, заявила она мнѣ, хихикая: Павелъ Ивановичъ папиросокъ васъ проситъ прислать ему.

— Да гдѣ же самъ Павелъ Ивановичъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Въ дворницкой. У дворника они ночевали, чтобъ васъ ночью не безпокоить. Утромъ же за водкой посылали и какія-то пѣсни записывали, которыя имъ дворникъ пѣлъ. У васъ-же папиросокъ теперь проситъ... Чудной баринъ!

Папиросъ «чудному барину» я не послалъ и черезъ дворника просилъ его немедленно ко мнѣ пожаловать. «Пожаловалъ» онъ, однако, не скоро, потому что, по его словамъ, на «хорошаго мужика» наскочилъ и при томъ на земляка: три новыя пѣсни записалъ у него Якушкинъ.

— Но что за дикая фантазія пришла тебѣ ночевать, чудакъ, у дворника?

— Никакой тутъ дикой фантазіи нѣтъ. Пришелъ поздно,—не будить же опять людей!—Вотъ я къ дворнику и напросился на «ночевую»: не привыкать-стать. Малый оказался славный и землякъ, къ тому-же. Побаловался съ нимъ водочкой и вотъ въ эту книжку кое-что нацарапалъ со словъ земляка рыжаго.

Я счелъ не лишнимъ привести этотъ характерный эпизодъ изъ исторіи сближенія Якушкина съ народомъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого «сближенія» я проводилъ своего временнаго сожителя на желѣзную дорогу: онъ отправлялся въ новыя странствованія.

Прошло десять лѣтъ. Лѣтомъ 1873 года, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины П. И. Якушкина, умершаго въ Самарѣ, мнѣ пришлось нѣкоторое время прожить въ этомъ городѣ. Конечно, многихъ я разспрашивалъ о покойномъ и, между прочимъ, одинъ молодой докторъ, хорошо знавшій Якушкина, передалъ мнѣ довольно курьезный случай изъ жизни Павла Ивановича. Прежде всего нужно замѣтить, что этотъ докторъ, хотя и одинокій человѣкъ, занималъ очень уютную и комфортабельную квартиру: повсюду удобная мягкая мебель, ковры, бронза и масса всевозможныхъ изящныхъ бездѣлушекъ скорѣй напоминали помѣщеніе молоденькой женщины, чѣмъ пріютъ холостаго доктора. Съ этимъ докторомъ Якушкинъ встрѣчался, но въ гостяхъ у него никогда не былъ. Какъ то разъ послѣ ужина съ изобильнымъ возліяніемъ въ городскомъ Струковскомъ саду, не желая оставлять на произволъ судьбы сильно захмѣлѣвшаго собесѣдника, докторъ увезъ Якушкина къ себѣ ночевать и

помѣстилъ его на ночь въ своей гостиной. Поутру, хозяинъ, желая провѣдать своего гостя, заглянулъ въ гостинную. Якушкинъ видимо только что проснулся и съ изумленіемъ вокругъ себя оглядывался.

— А, здравствуйте, батюшка! воскликнулъ онъ, замѣтивши доктора:— спасибо вамъ, что навѣстить меня вздумали. Садитесь пожалуйста!

Доктора конечно поставило въ тупикъ такое чисто хозяйское привѣтствіе и, хотя онъ зналъ Якушкина за большаго оригинала, но все таки былъ удивленъ не мало и только вопросительно посмотрѣлъ на говорившаго, не понимая шутитъ онъ или говоритъ серьезно.

Якушкинъ, однако, ничего не замѣчая и самъ видимо чѣмъ-то озадаченный, ероша на головѣ волосы и продолжая осматриваться, началъ жаловаться, что у него память отшибло.

— Никогда со мною этого не бывало, горячился онъ, а теперь хоть убейте не помню, какъ и когда я переѣхалъ на эту новую «фатеру». Искалъ для себя скромную свѣтелку, а очутился въ такихъ хоромахъ, гдѣ даже совѣстно жить нашему брату.

Дѣло, конечно, разъяснилось и взаимное недоразумѣніе окончилось самымъ искреннимъ хохотомъ обоихъ.

Кстати, въ заключеніе приведу еще одинъ фактъ, весьма характерный.

Въ Самарѣ я познакомился съ одной барыней, Княгиней В — ской, которая въ разговорѣ со мной объ Якушкинѣ, смѣясь разсказала слѣдующій случай.

Какъ-то она шла по улицѣ, вмѣстѣ съ своею шестилѣтней дочерью, и встрѣтила автора «Небывальщины». Извѣстно, что Якушкинъ наружности былъ далеко не привлекательной и никто бы его не могъ упрекнуть въ томъ, что онъ созданъ по образу и подобію Аполлона-Бельведерскаго. Его до излишества небрежный ямской костюмъ, косматая голова, незнавшая гребня, сильно рябоватое лицо, огромные выпуклые глаза, крошечный носъ, словно поднявшійся на цыпочки, чтобъ посмотрѣть, что творится за вашими плечами, — все это очень годилось-бы, можетъ быть, для живописца, какъ говоритъ Гоголь о наружности одного изъ героевъ «Мертвыхъ душъ», но никакъ не для украшенія изящнаго кипсека. Поэтому, когда маленькая дочь княгини В—ской увидѣла подходящаго Якушкина, то боязливо прижалась къ матери, и у ребенка вырвался совершенно дѣтскій и наивный вопросъ:

— Ахъ, maman, человѣкъ это или *нарочно?*

Псковской полиціймейстеръ Гемпель, арестовавшій въ 1859 году Якушкина, можетъ статься, думалъ тоже самое, только не умѣлъ такъ оригинально формулировать свои мысли: «человѣкъ это или *нарочно?*»

— Вотъ все, — къ сожалѣнію не много, — что я могъ, по желанію издателя сочиненій Якушкина, вспомнить и записать о Павлѣ Ивановичѣ.

Н. С. Лѣскова.

«Жилъ на свѣтѣ Живулечка, какъ ему Господь повелѣлъ».
Сказка о Живулькѣ.

I.

Мы съ Павломъ Ивановичемъ Якушкинымъ были *земляки* въ тѣсномъ смыслѣ: оба мы родились въ орловской губерніи и даже въ смежныхъ уѣздахъ, онъ въ малоархангельскомъ, а я въ орловскомъ; но Павелъ Ив. былъ значительно меня старше. Онъ вышелъ изъ орловской гимназіи въ тотъ годъ, когда меня привели туда девяти лѣтъ въ первый классъ и посадили на одну скамью съ младшимъ братомъ Якушкина—Викторомъ *).

Въ гимназіи Павелъ Ивановичъ оставилъ по себѣ въ ближайшихъ поколѣніяхъ героическія преданія: говорили о крайней его небрежности въ туалетѣ и особенно о его «вихрахъ». По выраженію одного изъ нашихъ надзирателей, **) этими вихрами Якушкинъ «убивалъ господина директора», а другіе ученики въ томъ ему старались подражать.

*) Этотъ былъ впослѣдствіи докторомъ, женился на дочери нашего бывш. попечителя гимназіи М. В. М., жилъ въ орловской губерніи и скончался въ молодыхъ лѣтахъ.

**) Звали его „Иваномъ Яковлевичемъ“, а фамиліи не помню, отъ учениковъ же онъ имѣлъ прозвище „Коза“. *Авт.*

Павла Ивановича, по разсказамъ, такъ страшно преслѣдовали за его «вихры», что однажды даже директоръ *) или инспекторъ выставляли его «на выставку», въ примѣръ «какъ не должно себя содержать». Это произвело впечатлѣніе и многимъ «вихры» Якушкина такъ понравились, что явилось большое число подражателей; только такихъ «неповиновенныхъ вихровъ», **) какіе безъ всякаго особеннаго старанія произращалъ у себя Якушкинъ, ни у кого не выростало. При всѣхъ стараніяхъ у другихъ учениковъ являлись только «лохмы» или, какъ инспекторъ Азбукинъ называлъ, — «патлы», но настоящей, типической вихрястости, какою отличался Якушкинъ и которая давала ему видъ «дикообраза», ни у кого изъ совоспитанныхъ ему не было.

Подражателей Якушкинской прическѣ остепеняли суровыми мѣрами, при содѣйствіи сторожей Кухтина и Леонова, которымъ приказывали «обрывать патлы», что сторожа и исполняли, производя стрижку нарочито тупыми и необыкновенно щиплющими ножницами. «Обрывали» такимъ же манеромъ не разъ и самаго Якушкина; но ему это не приносило пользы, потому что его могучіе вихры, которыми онъ «убивалъ господина директора», на другой же день опять торчали, какъ будто ихъ выпирала изъ головы какая-то сверхъестественная сила. Это частію заходило даже въ область чудеснаго: Якушкинъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ тунгузскаго чудотворца, который, проведя рукою по распоронному брюху, заживляетъ рану въ одно мгновеніе ока. О Якушкинѣ говорили, что его остригутъ, а онъ сейчасъ же себѣ будто на ладони поплюетъ, да проведетъ ими по волосамъ, и буйные вихры его сейчасъ опять и поднимутся. При томъ же и самому начальству было непріятно часто стричь Якушкина, потому что Павелъ Ивановичъ при постриженіи его «грубо оправдывался такими мужицкими словами, что во всѣхъ классахъ помирали со смѣху».

Направленіе къ простонародности у него, значитъ, уже формировалось еще въ школѣ и учитель нѣмецкаго языка, Василій Александровичъ Функендорфъ, кажется, первый отмѣтилъ это направленіе и кликалъ его не иначе, какъ:

— Мужицка чучелка!

II.

Прошло много лѣтъ, я жилъ въ Кіевѣ, потомъ въ Пензѣ и съ П. И. Якушкинымъ мы не встрѣчались до его псковской исторіи съ Гемпелемъ. Въ это время я былъ въ Петербургѣ по дѣламъ торговаго дома,

*) Помнится, будто Александръ Яковлевичъ Кронебергъ или инспекторъ Петръ Андреевичъ Азбукинъ.

**) Такъ называлъ ихъ надзиратель „Коза“. *Авт.*

которыми занимался. Павелъ Ивановичъ былъ тогда героемъ дня и имъ всѣ интересовались. Я встрѣтился съ нимъ и мы сразу же другъ друга вспомнили и заговорили по правамъ школьнаго товарищества на «ты». Онъ уже тогда «ходилъ мужикомъ»,—въ красной рубахѣ и въ плисовыхъ шароварахъ, но носилъ очки, изъ за которыхъ настоящіе мужики ни за что не хотѣли его признавать «мужикомъ», а думали, что онъ «кто-то *ряженый*».

Это Павла Ивановича минутами очень досадовало.

— Какой я вамъ «ряженый», черти! добродушно бранился онъ съ мужиками.

— Ряженый и есть... чортъ! отвѣчали ему любовно мужики.

III.

Почитателей своихъ въ литературѣ Павелъ Ивановичъ иногда ставилъ въ большія затрудненія на счетъ его «страннаго характера». Такъ, напр., я помню, покойный С. С. Громека («бурнопламенный») однажды былъ страшно взволнованъ тѣмъ, что Павелъ Ивановичъ появился въ Павловскѣ на музыкѣ въ своей «одной штанинѣ», въ сообществѣ какого-то незнакомаго полковника, съ которымъ держалъ себя на самой дружеской ногѣ и всѣхъ знакомыхъ звалъ къ своему столику, гдѣ за подаваемыя кушанья и питья расплачивался этотъ полковникъ.

Громека спросилъ Якушкина.

— Кто это такой, вашъ пріятель?

— Отличный малый, отвѣчалъ Якушкинъ,—отличный малый.

— А какъ его зовутъ?

— Гемпель.

— Какъ Гемпель!

— Гемпель.

— Псковскій полиціймейстеръ?

— Да.

— Тотъ, самый который сажалъ васъ въ кутузку?

— Да, да, тотъ самый.

Громека посторонился, но Якушкинъ усиленно его влекъ за столъ къ Гемпелю и послѣ находилъ удивительнымъ: «чего на него люди сердятся, *когда я не сержусь?* Онъ чудесный мужикъ и свое дѣло дѣлалъ. Чего же сердиться? Мы помирились».

IV.

Когда Петръ Дм. Боборыкинъ издавалъ «Библіотеку для чтенія», Павелъ Ив. часто посѣщалъ эту редакцію (на Италіанской въ д. Салтыковой). Мы тогда сходились по вечерамъ «для редакціонныхъ соображеній». Приходилъ и Павелъ Ивановичъ, но «соображеній» никакихъ не подавалъ, а разъ только заявилъ, что «*такъ* этого дѣлать нельзя».

— Какъ «такъ»? спросили его.

— Безъ поощренія, отвѣчалъ онъ.

— А какое же надо поощреніе?

— Разумѣется — выпить и закусить.

Мнѣніе Павла Ивановича поддержали и другіе, и редакціонныя соображенія, измѣнивъ свой характеръ, обратились въ довольно живыя и веселыя «поощренія», которыя впрочемъ всякій производилъ за свой собственный счетъ, ибо всѣ мы гурьбою переходили изъ голубой гостинной г. Боборыкина въ ресторанъ на углу Литейной и Семіоновскаго переулка и тамъ нескучно ужинали.

V.

Вскорѣ за этимъ въ литературѣ послѣдовалъ великій расколъ: изъ одного лагеря, съ однимъ общимъ направленіемъ къ добру, — образовались двѣ партіи «постепенновцевъ» и «нетерпѣливцевъ».

Якушкинъ, какъ будто, ничего не понималъ въ этомъ разладѣ и не прерывалъ своихъ отношеній съ товарищами изъ постепенновцевъ и нетерпѣливцевъ. Онъ съ одинаковымъ спокойствіемъ и искренностію появлялся и въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ около покойнаго Дудышкина сгруппировались постепенновцы, и въ «Современникѣ», гдѣ бодрствовали нетерпѣливцы. Я тогда остался съ постепенновцами, умѣренность которыхъ мнѣ казалась болѣе надежною. За это я былъ порицаемъ много.

Якушкинъ во все это время не прерывалъ со мною сношеній, но за то прелюбопытно: какъ онъ понималъ мое положеніе и считалъ ли за серьезность всю эту литературную распрю?

VI.

Разъ, послѣ одной изъ моихъ побывокъ за границею, проѣздомъ черезъ Вѣну я купилъ себѣ ботинки изъ желтой, нечерненой американской кожи, съ ременною шнуровкою спереди. Обувь этого рода тогда только появилась въ Вѣнѣ и мнѣ показалось, что такія ботинки очень удобны для жаркаго времени; но когда я пріѣхалъ въ Петербургъ и увидалъ, что здѣсь такихъ ботинокъ никто не носитъ, — то я и свои оставилъ безъ употребленія.

Жилъ я тогда въ домѣ Тацки на Литейной, противъ Бассейной, не подалеку отъ квартиры Е. Н. Эдельсона, у котораго Якушкинъ часто бывалъ и «получалъ поощреніе», а оттуда одно время взялъ за правило заходить ко мнѣ ночевать. Случалось, что онъ приходилъ ко мнѣ, когда меня не было дома, и самъ укладывался спать, всегда неизмѣнно на одномъ «собачьемъ мѣстѣ», т. е., на подножномъ коврикѣ у моей кровати. Какъ я ни упрашивалъ не ложиться здѣсь, а располагаться гдѣ нибудь на диванахъ, но онъ на это ни за что не соглашался по какой-то деликатности. У меня была о ту пору горничная, молодая дѣвушка нѣмка, Ида, которая и сама была похожа на барышню, и квартиру содержала въ величайшей чистотѣ и наблюдала за нею безпрестанно. Крайній неряха Якушкинъ и эта Ида составляли двѣ самыя непримиримыя противоположности. Другъ съ другомъ они никогда не объяснялись, но питали одинъ къ другому какія-то несогласимыя чувства: нѣмка ужасалась, «какъ можетъ быть на свѣтѣ такой человѣкъ и зачѣмъ его принимаютъ», а Якушкинъ «боялся ее огорчить». Изъ за этого онъ ни за что не хотѣлъ ложиться на мебель, чтобы не допустить нѣмку убирать что нибудь послѣ его спанья, а свертывалъ въ комочекъ свои сапожонки и свитенку и, бросивъ этотъ свертокъ на коврикъ, ложился и засыпалъ у самой кровати.

Разумѣется это было очень стѣснительно и неудобно, но заставить Павла Ивановича поступать иначе не было никакой возможности. Онъ твердо и упрямо отвѣчалъ:

— Не хочу нѣмку сердить, а я грязный: она будетъ обижаться.

Самой странной деликатности въ немъ было столько же, какъ и самой странной наивности, въ примѣръ которой я приведу слѣдующій смѣшной случай.

VII.

Однажды проснувшись на своемъ «собачьемъ мѣстѣ» ранѣе всѣхъ, Якушкинъ походилъ по комнатамъ, взялъ со стола въ кабинетѣ книжку «Современника», гдѣ я былъ на тотъ случай образцово обруганъ съ обычными намеками и подозрѣніями, и, прочитавъ эту статью, сказалъ мнѣ:

— Знаешь, я сейчасъ пойду къ Некрасову и скажу, что это свинство. Онъ говоритъ о тебѣ хорошо, а позволяетъ писать совсѣмъ скверно. Я ихъ за тебя самъ обругаю.

Я, разумѣется, просилъ его ничего въ этомъ родѣ не предпринимать и онъ далъ мнѣ въ томъ слово, и сейчасъ же безъ переходовъ спросилъ:

— А что это у тебя за *неспособные сапоги*?

— Какіе и гдѣ?

— Да вонъ... я вижу... желтые, стоятъ подъ кроватью.

Я взглянулъ подъ кровать, куда смотрѣлъ Якушкинъ, и, увидѣвъ мои вѣнскіе ботинки, сказалъ ему гдѣ я ихъ купилъ и почему ихъ не ношу.

— Еще-бы! воскликнулъ онъ: какой же шутъ ихъ носить станетъ!

Тѣмъ этотъ разговоръ былъ и покончень, но когда я дня черезъ два, послѣ утренней прогулки, вернулся къ обѣду домой, меня удивило нѣчто неожиданное и съ порядками моей квартиры несогласное: въ ногахъ у моей кровати на томъ же самомъ коврикѣ, на которомъ излюбилъ спать Якушкинъ, валялась пара самыхъ отчаянныхъ, самыхъ невозможныхъ отоптокъ, съ совершенно рыжими голенищами и буквально безъ подошвъ...

Я удивился, а моя нѣмка такъ и всплеснула руками.

— Это (говоритъ по нѣмецки) опять заходилъ на минутку этотъ мужикъ въ очкахъ, и вотъ...

Она выбѣжала въ ужасѣ въ кухню и явилась оттуда съ двумя длинными лучинами, которыми поддѣла оставленные Якушкинымъ сапожные отоптки и съ брезгливостью понесла ихъ, вытянувъ впередъ свои бѣлыя руки, чтобы сапоги были отъ нее какъ можно дальше.

Смѣшно было смотрѣть, какъ она выносила ихъ, точно какъ будто двухъ ядовитыхъ гадовъ, но некогда было смѣяться отъ удивленія: зачѣмъ же Павлу надо было приходить ко мнѣ, чтобы у меня разуться, и въ чемъ же онъ ушелъ отъ меня?—Неужели босой?

Нѣмка была такъ взволнована этимъ неслыханнымъ, не вмѣщавшимся въ ея головѣ ужаснымъ событіемъ, что только повторяла:

— Das ist kein Mensch, das ist ein Teufel!

Но «Teufel» оставилъ у меня на столѣ рукописаніе, которое все разъяснило.

VIII.

На столѣ, на неоконченномъ листѣ моей текущей литературной работы, карандашемъ, рукою Якушкина было начертано слѣдующее:

«Былъ у тебя и взялъ твои нѣмецкіе сапоги, которые ты не носишь. Получи за нихъ семь рублей отъ Некрасова».

Чтобы оцѣнить эту наивность нужно знать, что я съ Николаемъ Алексѣевичемъ Некрасовымъ лично знакомъ не былъ до весьма поздней встрѣчи съ нимъ въ домѣ В. П. Гаевскаго; и съ редакціею «Современника» никакихъ дѣлъ не имѣлъ. Тамъ я былъ только постоянно руганъ за мое неодобрительное направленіе, которое приписывали даже подкупу. И Якушкинъ все это зналъ и даже за два или за три дня возмущался нѣкоторыми прочитанными имъ обо мнѣ отзывами, но вдругъ оказалось, что при всемъ этомъ онъ находилъ вполнѣ естественнымъ, чтобы я пошелъ къ Некрасову «получить семь рублей»... И почему именно—семь, а не восемь или не пять, не четыре? Это такъ и осталось, разумѣется, его секретомъ. Вѣроятно онъ вспомнилъ, что когда-то платилъ за сапоги по семи рублей, или такъ онъ оцѣнилъ по достоинству мои «неспособные ботинки», этого я уже не знаю *).

Все это, разумѣется, меня смѣшило, а мою нѣмку привело въ такую горесть, что она расплакалась. Ей эта пустая исторія представлялась ужаснѣйшею, злокозненною хитростію и коварнымъ подвохомъ подъ ея домосмотрительскую репутацію. И какъ иначе: у нея, у самой аккуратнѣйшей въ мірѣ дѣвушки, у которой хозяйская нитка пропасть не можетъ, вдругъ среди бѣлаго дня ушли изъ подъ кровати цѣлые ботинки, и притомъ такіе новые и такіе необыкновенные!...

Человѣкъ, который нашелся такъ это сдѣлать—конечно представлялся ей не иначе, какъ самымъ опаснымъ хитрецомъ и даже, можетъ быть, чѣмъ нибудь хуже.

---

*) Семь рублей въ глазахъ П. И. Якушкина, пожалуй, могли казаться и такими деньгами, которыя долгъ велитъ хорошо обезпечить. По безалаберности своей и лѣности, онъ часто живалъ совсѣмъ безъ денегъ и крупную денежную единицу начиналъ считать съ полтинника. *Авт.*

IX.

Въ тотъ же самый день вечеромъ я встрѣтилъ Павла Ивановича въ Демидовомъ саду, гдѣ онъ стоялъ и бесѣдовалъ съ двумя цыганами изъ пѣвшаго здѣсь Курскаго хора.

Первое, на что я обратилъ вниманіе, разумѣется, были его ноги. Я представить себѣ не могъ: какъ это Якушкинъ предстанетъ міру въ своей мужичьей свитѣ и «штанинѣ», въ красной рубахѣ и «неспособныхъ» желтыхъ ботинкахъ вѣнской работы со шнуровкой! Но у него оказывается былъ вкусъ и гораздо лучшее понятіе объ ансамблѣ: на немъ уже были опять надѣты какіе-то рыженькіе сапоженки съ голенищами и на сей разъ даже съ нѣкоторыми подошвами.

Это возбуждало во мнѣ любопытство, а онъ самъ не замедлилъ его удовлетворить.

— Я у тебя былъ, сказалъ онъ повидавшись. А ты былъ у Некрасова?

— Нѣтъ, говорю,—не былъ.

— Сходи, я ему уже сказалъ. Повидайтесь... онъ умный.

— Да на что же тебѣ, спрашиваю, ботинки? Вѣдь ты самъ называлъ ихъ «неспособными». Куда они тебѣ къ твоему убору?

— Куда они къ чорту годятся! Я ихъ на рынкѣ скинулъ.

— Зачѣмъ скинулъ?

— Куда они годны: я вотъ эти вымѣнялъ.

И онъ съ спокойствіемъ ловкаго дѣльца показалъ мнѣ свои опять едва живые сапоженки, которымъ на рынкѣ красная цѣна тогда была полтинникъ.

Зачѣмъ онъ построилъ всю эту комбинацію, вмѣсто того, чтобы взять прямо семь рублей у Некрасова или надѣть у меня другіе, рядомъ стоявшіе черные сапоги обыкновеннаго фасона,—такъ и не знаю.

Навѣрно тутъ пронеслась въ его головѣ какая-то ассоціація идей быть можетъ, даже онъ имѣлъ въ виду мои выгоды и хотѣлъ безъ убытковъ избавить меня отъ ненужной «неспособной» вещи... Нѣкто изъ знавшихъ это писателей допускалъ даже такую смѣшную мысль, что не думалъ ли Павелъ Ивановичъ устроить при посредствѣ упомянутыхъ сапоговъ свиданіе мнѣ съ Некрасовымъ, съ разсчетомъ, что это можетъ быть поведетъ насъ къ дальнѣйшему литературному сближенію? Понимать дѣянія Якушкина иногда бывало трудно, и отъ наивности его можно было ожидать соображеній самыхъ невѣроятныхъ.

X.

Припоминается еще такой характерный случай. Приходитъ однажды ко мнѣ П. И. поздно ночью и объявляетъ, что его звалъ къ себѣ графъ Строгоновъ, и что онъ къ нему пойдетъ. Мы поговорили и легли спать. Я думалъ, что можетъ быть это правда, а можетъ быть и нѣтъ; а если и правда, то навѣрно еще не скоро, не вдругъ послѣдуетъ ея осуществленіе. Утромъ П. И. всталъ раньше меня и отправился по своему обыкновенію самъ на кухню «командовать сорокушку». Сорокушка была подана и немедленно же получила вся сполна свое надлежащее употребленіе. При моемъ чаѣ было новое повтореніе пріема, а затѣмъ я сталъ собираться на островъ, гдѣ тогда была какая-то художественная выставка.

— А подвези меня... это тебѣ по дорогѣ, поднялся Якушкинъ, я поѣду къ Строгонову.

— Не лучше ли другой разъ? говорю.

— А для чего это «другой разъ», когда онъ ныньче звалъ меня завтракать. Который часъ?

Я говорю двѣнадцать.

— Вотъ это отвѣчаетъ, самое время.

Поѣхали. Это было зимою, на санкахъ. Но только что выѣхали съ Караванной на Невскій, какъ вдругъ Павелъ Ивановичъ закричалъ «стой» и осадилъ извощика за руки.

— Что тебѣ? спрашиваю.

— Надо, говоритъ, здѣсь подождать: я вспомнилъ, графъ Строгоновъ звалъ меня завтракать не въ первомъ часу, а позже.

— Гдѣ же ты будешь ждать?

— А вотъ въ пивницѣ. Пойдемъ, пирожковъ поѣдимъ и досидимъ до времени.

День былъ прекрасный, погожій, и проспектъ былъ залитъ народомъ, такъ что у меня рѣшительно не достало отваги исполнить настойчивое и неотступное требованіе Якушкина. А Павелъ Ивановичъ мужественно стоялъ на тротуарѣ и, топоча какъ ежъ, сердито убѣждалъ меня слѣдовать за нимъ въ пивницу. Настояніе производилось въ выраженіяхъ столь энергическихъ, что надо было поспѣшить это кончить.

Я его обманулъ,—сказалъ, что сейчасъ съѣзжу неподалеку по нужному случаю и вернусь къ нему, а его оставилъ въ обезпеченномъ на тотъ часъ благоустройствѣ.

Въ пивницу я къ Павлу Ивановичу не возвращался, а увидалъ его,—непомню уже теперь навѣрное,—въ тотъ же, или на другой или на третій день вечеромъ опять у себя.

— Что же, спрашиваю: былъ ты у Строгонова?

— А какъ же, говоритъ,—былъ.

— Ну, и что же вышло?

— Ничего... все очень хорошо. Онъ поздоровался сейчасъ и говоритъ: «А вы, господинъ Якушкинъ, *уже позавтракали*»? Я говорю: да; немножко выпилъ. Онъ говоритъ: «что же теперь дѣлать?» А я говорю: еще выпить.

Подали еще завтракъ и вино, но что тамъ далѣе произошло, Якушкинъ въ послѣдовательномъ порядкѣ не разсказывалъ. Вообще-же, Павелъ Ив. графа Строгонова (покойнаго) очень одобрялъ и хвалилъ, но проку-то изъ всего ихъ многозначительнаго свиданія никакого не вышло, и можно быть увѣреннымъ, что причиною этого случая былъ не графъ. Графъ, сколько я могу судить по нѣкоторымъ вѣрнымъ слухамъ, имѣлъ самыя серьезныя намѣренія пособить Якушкину въ средствахъ для его изслѣдованій. Покойный графъ любилъ русское искуство и умѣлъ основательно помогать русскимъ искусникамъ (я знаю это на живомъ примѣрѣ одного молодого человѣка, котораго я провелъ къ Строгонову черезъ С. Е. К.); но нашъ Павелъ Ивановичъ былъ такой несуютный человѣкъ, что съ нимъ дѣло не клеилось. Не было въ немъ рѣшительно никакой дѣловитости и могъ онъ всякую, какую угодно выгодную и серьезную комбинацію обратить въ самые сущіе пустяки.

XI.

Въ философскомъ или учительномъ родѣ я помню такой случай. Пріѣхалъ ко мнѣ въ Петербургъ братъ мой, докторъ, и имѣлъ при себѣ для услугъ нашего бывшаго крѣпостнаго человѣка, орловскаго крестьянина Матвѣя Михайлова Зайцева, который былъ нѣкогда у меня кучеромъ, и ходилъ покучерски въ кумачной рубашкѣ и въ поддевкѣ. Въ Петербургѣ онъ намъ прислуживалъ за лакея и въ этомъ видѣ предсталъ Павлу Ивановичу, который сразу его облюбовалъ и закатилъ ему въ наше отсутствіе такое «поощреніе», что тотъ, желая отпереть намъ двери, могъ только ползать по полу, на четверенькахъ, а потомъ заболѣлъ и началъ Пвала Ивановича бояться.

Разъ зашелъ у насъ вечеромъ споръ по поводу тогдашняго вопроса о народничествѣ, къ которому мы ныньче опять съѣхали. Павелъ Ивановичъ во время нашихъ споровъ не разъ уходилъ къ Матвѣю за перегородку въ передней, и послѣ нѣсколькихъ такихъ заходовъ вдругъ вывелъ оттуда бѣднаго парня за руку, поставилъ его посреди насъ, обнялъ его передъ всею компаніею, разцѣловалъ и объявилъ:

— Все что вы толкуете есть глупости; а хотите имѣть смыслъ, такъ вотъ у него учитесь!

И при этомъ онъ торжественно указалъ на Матвѣя и опять поцѣловалъ его. Чему было учиться у Матвѣя мы не поняли.

Мой бѣдный Матвѣй запилъ и удавился въ Кіевѣ, никому не разъяснивъ того народнаго смысла, который въ немъ провидѣлъ своимъ окомъ П. И. Якушкинъ.

XII.

Увезли Павла Ивановича изъ Петербурга въ ссылку въ Орелъ, а потомъ въ Астрахань безъ меня. Я тогда жилъ за границею, во Франціи. Трогательную исторію его удаленія лучше всѣхъ знаетъ уважаемый Сергѣй Васильевичъ Максимовъ. Ее нельзя слушать безъ душевныхъ мукъ и глубочайшей горечи. Эту олицетворенную простоту, этого ребенка, требовавшаго няньки, везли съ жандармомъ, а на чужбинѣ надъ нимъ судьба строила иную забавную шутку. Въ Парижѣ, въ Пале-Роялѣ въ это самое время продавали его фотографическія карточки (копіи съ фотографіи Берестова и Щетинина), подъ которыми пофранцузски было написано *«Pougatscheff»*.

Это тѣ самыя карточки, на которыхъ Павелъ Ивановичъ представленъ сидящимъ на балюстрадѣ, въ очкахъ и съ подогнутыми подъ себя ногами. Вихры его тамъ изображены во всемъ ихъ неподражаемомъ великолѣпіи, точно какъ будто Павелъ Ивановичъ въ самомъ дѣлѣ окончательно рѣшился «убить господина директора».

Я убѣждалъ одного изъ палерояльскихъ торговцевъ, что изображенное лицо совсѣмъ не Пугачевъ, а современный русскій писатель Якушкинъ, но французъ мнѣ не повѣрилъ и сказалъ, что онъ это лучше знаетъ. Подъ обозначеніемъ «Пугачевъ» фотографіи Якушкина, разумѣется, шли бойче.

Я привезъ въ Россію и раздарилъ здѣсь нѣсколько такихъ карточекъ съ обозначеніемъ «Pougatscheff»

XIII.

Личное мое мнѣніе о покойномъ Павлѣ Ивановичѣ такое, что это былъ человѣкъ въ своемъ родѣ талантливый и очень добрый. Доброта у него преобладала надъ умомъ и выходила не изъ сознанія превосходства добра надъ зломъ, а прямо безъотчетно истекала изъ его натуры.

Это была доброта органическая и потому, стало быть, самая прочная и надежная. Измѣнить ей Якушкинъ никогда бы не могъ, потому что для него это значило перестать быть самимъ собою. Но добра онъ дѣлать не умѣлъ, — потому что никогда въ этомъ не упражнялся, да и вникать прилежно въ дѣла не имѣлъ ни времени, ни способности. Онъ могъ только отдать нуждающемуся все, что у него было, но у него у самого чаще всего ничего не было. Доброта его была чисто пассивная, выражавшаяся всего болѣе въ высочайшей и можетъ быть наисовершеннѣйшей формѣ самаго прекраснаго и плѣнительнаго,—трогательнаго незлобія. Онъ не только могъ прощать *все,—рѣшительно все*, но онъ даже не могъ не простить чего бы то ни было. Враговъ у него буквально не было, а понятія его объ обидахъ были удивительныя.

Разъ онъ разсказывалъ мнѣ, какъ къ нему гдѣ-то за Невскою заставою «придрались» какіе-то «фабричные ребята» и его «потолкали».

Сомнительно имъ показалось: мужикъ, а въ очкахъ ходитъ?!

— Думали, не подосланъ ли съ какимъ намѣреніемъ, сказывалъ Якушкинъ.

— Но какъ же у васъ до толканья-то дошло?

— Такъ... кто ты, да что ты,—ты-ста, да вы-ста ёры съ подвохами ходите, да и давай толкаться.

Отнялъ его отъ обидчиковъ городовой. Я спросилъ: не имѣло-ли это какихъ дальнѣйшихъ послѣдствій?

— Нѣтъ, говоритъ,—все миромъ кончили: городовой насъ всѣхъ хотѣлъ въ часть вести, а я замирилъ.

— Кого же ты замирилъ?

— Всѣхъ.

— Да кого же всѣхъ? Тамъ вѣдь никого кромѣ тебя и не толкали.

— Конечно... Неужели же я стану толкать? Да, вѣдь и они это сдуру... такая фантазія имъ пришла, что, говорятъ, «мужикъ, а очки зачѣмъ носишь? мужики не носятъ», и давай толкаться... Совсѣмъ не по злости... Это понимать надо! Я и городовому сказалъ: «это надо понимать»,—всѣ на мировую и выпили.

— И городовой?

— Разумѣется. Всѣ. Что еще спросилъ: какъ же безъ городоваго?.. Всѣхъ, братъ, понимать надо.

Но у него были порывы смѣлаго и самоотверженнаго великодушія, въ примѣръ котораго можно привести его находчивую выходку съ букетомъ, брошеннымъ къ позорному столбу Н. Г. Чернышевскаго.

Якушкинъ спасъ дѣвушку, бросившую этотъ букетъ.

XIV.

Объ умѣ Якушкина, мнѣ кажется, — судить довольно трудно. Одно можно сказать, что умъ у него былъ склада оригинальнаго съ чисто мужичьимъ созерцаніемъ, но въ хорошіе мужики Якушкинъ тоже не годился бы. Родись Павелъ Ивановичъ не въ дворянскомъ домѣ, а въ мужичьей избѣ онъ никогда не сдѣлался бы ни домовитымъ, ни уважаемымъ хозяиномъ и не далъ бы семьѣ никакого распорядка.

Рѣзкій, но мѣткій въ своихъ опредѣленіяхъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій, говоря однажды о томъ, чѣмъ бы могъ быть Якушкинъ въ настоящей крестьянской средѣ, выразился такъ:

— Былъ бы онъ у нихъ что называется забулдыжка, которому никто-бы не далъ взаймы ни косы покосить, ни сохи пропахать, (потому—что онъ ихъ испортитъ и опять не наладитъ); но въ кабакѣ всѣ бы его слушали, и приглашали бы его посидѣть на завалинѣ, на свадьбѣ чарку бы подносили, чтобы балагурилъ. А если-бы пришло какое-нибудь дѣло *на счетъ земель*, и надо бы міромъ на выгонѣ стать, то забулдыжку бы впереди всѣхъ поставили, — чистымъ полотенечкомъ его занавѣсили бы, а на грудь въ бѣлы ручки образокъ дали бы. И онъ бы такъ стоялъ съ образкомъ, какъ святой. А если бы стрѣлять въ нихъ стали, то онъ такъ бы первый и копырнулся, обливаясь кровью отъ перваго же выстрѣла. А велѣлъ бы ему міръ на колѣни пасть, — онъ бы и на колѣни палъ. — Такое его опредѣленіе: ни въ чемъ отъ міра не прочь и на міръ не челобитчикъ.

Это можетъ быть вѣрно.

Бесѣды съ Якушкинымъ, когда онъ находился «въ плепорціи», были часто очень интересны, онъ зналъ много любопытныхъ вещей изъ народнаго быта и хорошо разсказывалъ. Судилъ онъ всегда очень честно, но иногда не толково, а въ поступкахъ другихъ людей часто былъ лишенъ способности различать между добромъ и зломъ, и ни въ какихъ маломальски сложныхъ дѣлахъ для совѣта вовсе не годился.

Обращался онъ съ своимъ умомъ также, какъ и съ своимъ здоровьемъ или какъ съ своею репутаціею, т. е., варварски *безпощадно*; но добрые и умные люди, при всемъ этомъ, Якушкина не только *любили*, но даже что-то такое въ немъ и уважали.

Уважали въ Якушкинѣ, я думаю, навѣрно его святое, всепобѣждающее *незлобіе*, которому нельзя было указать ни границъ, ни подходящаго примѣра. Онъ въ этомъ превосходилъ все и всѣхъ.

Если за это плѣнительное свойство души смертному можетъ быть присуждена святость въ другомъ мірѣ, то покойный Павелъ Якушкинъ имѣетъ на нее всѣ права и даже со всѣми особенными преимуществами.

Незлобіе его по истинѣ было—незлобіе праведника.

XV.

Какъ онъ жилъ въ ссылкѣ въ Орлѣ?—это немножко извѣстно: онъ скучалъ и томился, ему хотѣлось идти, бродить и записывать. Въ Орлѣ у него были друзья, но немного. Занимательность, которую онъ представлялъ собою для людей сердечныхъ и мыслящихъ, не имѣла никакого значенія для простыхъ «дворянскихъ чистоплюевъ,» которые скоро стали указывать на неряшливый костюмъ Якушкина и на безпорядочность его безалабернѣйшей жизни. «Въ отечествѣ своемъ» Павлушѣ было худо и онъ самъ «упросился» въ мѣста болѣе отдаленныя... Прошеніе его объ этомъ составляетъ верхъ курьеза и трогательности: просилъ онъ выслать его, *чтобы мать не видала, какъ онъ болтается безъ дѣла...*

Его послали въ Астрахань, а потомъ все какъ-то переводили.

Какъ могло жить подъ надзоромъ полиціи это доброе, довѣрчивое и наивное дитя, нуждавшееся въ нѣжномъ надзорѣ няньки,—это трудно, да и мучительно себѣ представить. И изъ этой послѣдней поры его жизни, кажется, въ литературной семьѣ нѣтъ до сихъ поръ никакихъ свѣдѣній. Одно только знали, что князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, при которомъ Якушкинъ былъ высланъ изъ Петербурга, при отправленіи его *«обошелся съ нимъ презрительно»*. Съ Якушкинымъ его свѣтлость оставилъ даже тѣ границы, до какихъ доходилъ въ Ригѣ, ругаясь «потливости русскихъ рабочихъ» и сравнивая отцовъ ихъ съ «кобелями».

Не въ его вкусѣ была русская порода людей!

Прощальный разговоръ Якушкина съ княземъ Суворовымъ подробно неизвѣстенъ, но кто знаетъ натуру Павла Ивановича, тотъ можетъ смѣло поручиться, что Якушкинъ навѣрно велъ себя неунизительно. Да, и въ этомъ невыгодномъ положеніи, въ которомъ онъ предстоялъ Суворову, онъ непремѣнно держалъ себя съ достоинствомъ, которое считалъ ни во что съ «своимъ братомъ», но мастерски и съ рѣдкимъ въ русскихъ людяхъ тактомъ умѣлъ сохранять «передъ особами».

Одна уже эта способность чистой, младенческой души Якушкина, мнѣ кажется, обязываетъ думать, что ему было свойственно настоящее, прямое благородство.

Павелъ Ивановичъ, хотя былъ смиренъ и незлобивъ до крайности, но не боялся ни сумы, ни тюрьмы и, какъ «сельскій лирникъ» Сырокомли, «не гнулъ головы ни передъ кѣмъ». Мужикъ по недоразумѣнію могъ его потолкать, но на свѣтлѣйшаго Суворова онъ, пожалуй, могъ и самъ вытаращиться и даже прикрикнуть...

Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

Изъ всѣхъ прозвищъ, какія люди давали Якушкину, болѣе всѣхъ идетъ ему названіе, какое дано покойнику дружбою Сергѣя Васильевича Максимова,—это названіе *«божій человѣчекъ»*.

XVI.

Но поелику въ наше время самый краткій очеркъ какого бы то ни было лица не можетъ быть заключенъ безъ опредѣленія «политическихъ» и «соціальныхъ» отношеній описываемаго дѣятеля, — то скажу нѣчто и объ этомъ.

Политика Якушкина занимала очень мало или точнѣе сказать—она его совсѣмъ не занимала. Смѣна и назначеніе новыхъ должностныхъ лицъ въ Россіи его не радовали и не печалили: онъ махалъ рукой и говорилъ это «все едино». Формы правленія для него были всѣ безразличны — «какъ народъ похочетъ, такъ и уставится», но онъ ничего за народъ не предрѣшалъ и не возвѣщалъ отъ себя въ лицѣ «всечеловѣка». «Какъ народъ похотѣлъ,—такъ и добро».—Народъ это собственно или преимущественно были «мужики». Аксаковъ не годился—«онъ у нѣмцевъ учился». Но Якушкинъ за народъ никогда не лгалъ, какъ есть то въ обычаѣ у прочихъ. Онъ не выдумывалъ отъ лица простолюдиновъ такихъ нелѣпыхъ, тенденціозныхъ и никогда въ народѣ не обращавшихся словъ, какъ, напр., «господчина» (въ смыслѣ представительства). Политическаго насильственнаго революціонизма въ Якушкинѣ не было ни мало,—«потому что—*не для чего*: миромъ разберемся». Но надъ тѣмъ, что было смѣшнаго или нелѣпаго въ дѣлахъ правящихъ лицъ, онъ, какъ всѣ,—любилъ посмѣяться, и порою дѣлалъ это мѣтко и остроумно. Одна изъ такихъ застольныхъ выходокъ ему и причлась въ вину.

Соціальныя симпатіи Якушкина были всѣ на сторонѣ рабочихъ людей, — особенно батраковъ, фабричныхъ, и вообще всей подобной «голытьбы», которую, по его словамъ, «хозяева заморить готовы и могутъ заморить, если тѣ сами въ свой разумъ не придутъ и не узнаютъ: какъ они нужны». Идеалъ у него былъ какая-то всеобщая артель, идеалъ большой, смутный и, сколько я смѣю судить, — самому ему непонятный. Если въ рѣчахъ Якушкина съ простолюдинами было что нибудь горяченькое и удобное для возведенія въ перлъ созданія, то это вѣроятно были разговоры въ этомъ же артельномъ духѣ: «что вы,—дескать, не понимаете, что купецъ одинъ, а васъ во-сколько! *Вы* купцу нужнѣе, чѣмъ онъ вамъ. Ему безъ васъ ни чихнуть, ни головой метнуть». Затѣмъ, если его приглашали на пирогъ къ тому же купцу, то онъ и туда шолъ и тому что нибудь толковалъ.

— «Шабаршитъ что-то», говорили о немъ фабричные и опять становились за свое дѣло, «чтобы штрафу не вычли».

А пока тѣ работали, Павелъ Ивановичъ опять «поощрялся» на дальнѣйшіе, столь же невинные подвиги, которые, кажется, никого даже и въ шутку не пугали. Надъ соціализмомъ, какъ его понимаютъ полуне-

вѣжды и пристава, Якушкинъ смѣялся и считалъ этого рода соціализмъ «глупостью», хотя впрочемъ прибавлялъ:

— А по мнѣ—все одно,—дѣлитесь: у меня одни штаны,—съ меня снять нечего—сверкать будетъ.

Вообразить себѣ общественный вредъ, который бы могъ сдѣлать Якушкинъ,—я рѣшительно не могу, и мнѣ не совсѣмъ ясно представляется, какъ и почему его *убрали* изъ Петербурга.

XVII.

Если бы Якушкинъ не умеръ до сего времени, то ему теперь, я думаю, было бы лѣтъ подъ шестьдесятъ. Перемѣнъ въ образѣ мыслей, какимъ въ послѣднее время подверглись многіе изъ прежнихъ постепеновцевъ и нетерпѣливцевъ, съ Якушкинымъ быть не могло. Онъ былъ величественно нелѣпъ для того, чтобы примѣняться ко времени и обстоятельствамъ. Одно могло его удивить, что тѣ самые его народническіе принципы, за которые его осмѣивали «чистые литераторы» *бѣлой кости*,—теперь приняли они же сами, и при томъ съ такимъ рабскимъ подражаніемъ Якушкину, что прямо посылаютъ воспитанныхъ людей «учиться у мужиковъ». Резоны Якушкина, значитъ, свое взяли...

Довольно трудно сказать: въ какой-бы теперь компаніи очутился Якушкинъ? Судьба сдвинула съ мѣста свѣточъ его жизни ранѣе, чѣмъ настало время для такихъ смятеній, и тѣмъ избавила его отъ выбора, который, кажется, нѣсколько затруднялъ Достоевскаго. Якушкинъ впрочемъ былъ такъ непосредственъ и такъ искрененъ, что онъ бы навѣрно выбрался изъ этихъ противуестественныхъ подборовъ иначе.

Изложивъ все, что казалось возможнымъ передать о Якушкинѣ, надо сказать нѣчто и о тѣхъ, кому онъ прискучилъ до того, что они какъ будто содѣйствовали или хотя радовались его подневольному удаленію въ «мѣста». Нѣтъ спора, что такіе люди были и въ Петербургѣ и въ маленькомъ, дворянскомъ Орлѣ, гдѣ Павелъ Ивановичъ очень часто попадался всѣмъ на глаза на главныхъ бойкихъ пунктахъ этого городка. У Іордана въ гостинницѣ—онъ, въ саду у буфета — онъ, въ книжномъ магазинѣ у орлицкаго моста — онъ, и все стоитъ да знакомымъ рукой машетъ... а самъ въ рубахѣ, — одна штанина на выпускъ, другая въ сапогъ... Многіе этимъ скандализовались и давно были того мнѣнія, что его бы «не худо прибрать», а онъ и не замѣчалъ, что вышелъ изъ моды и въ простодушіи своемъ все мотался по городу и «шабаршилъ», заходя въ трактиры и буфеты. Сносное въ большомъ Петербургѣ, чудачество

это просто опротивѣло въ маленькомъ Орлѣ, гдѣ мнѣ довелось слышать о немъ такіе доводы:

— Ну ужь видѣли мы его... Чего же еще? Довольно.

Послѣ этого распоряженіе объ удаленіи Павла Ивановича здѣсь многимъ показалось даже очень сообразною мѣрою.

Якушкинъ несомнѣнно не былъ вреденъ, но столь же несомнѣнно не были вредны Сократъ и Антисфенъ, съ которыми ставить на одну ногу нашего «божьяго человѣчка» даже неловко. Но не позабудемъ, что даже «Сократъ нашего воображенія очень непохожъ на Сократа современныхъ ему Аѳинъ. Намъ онъ кажется трансцендентальнымъ геніемъ, а для Аѳинъ своего времени онъ былъ *праздношатающійся* — съ странною и даже отвратительною сатиро-подобною наружностію, шарлатанъ, который терялъ время въ разговорахъ и выводилъ изъ терпѣнія добрую хозяйку Ксантипу, приглашавъ къ себѣ гостей, когда ихъ нечѣмъ было подчивать» (Дреперъ). Современники мудреца видѣли досадительныя неудобства въ сожительствѣ съ такимъ человѣкомъ, и рѣшились его сбыть съ рукъ, и сбыли...

Если же такое отношеніе извиняется безпристрастнымъ ученымъ для современниковъ Сократа, то кольми паче надо простить и извинить суровость проявленную къ Якушкину, который тоже многимъ не нравился, надокучалъ своимъ не всегда толковымъ лепетомъ и вообще казался «не переносньмъ въ обществѣ». Павелъ Якушкинъ самъ былъ въ этомъ не безпричиненъ.

Пренебрегать приличіями и внѣшнею добропорядочностію въ нашъ вѣкъ не удобнѣе, чѣмъ въ вѣкъ Антисфена и Діогена.

Всегда найдется довольно людей, которые считаютъ долгомъ вступаться за то, что отжило свой вѣкъ, что само собою падаетъ и разсыпается. Осторожность была чужда Якушкину такъ же какъ и умѣренность.

26 августа 1883 г.
С. Шувалово.

С. И. Турбина.

Какъ-то разъ ординарный профессоръ харьковскаго университета Никифоръ Дмитріевичъ Борисякъ, въ концѣ лѣта 1860 года, шелъ домой съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ (капитаномъ генеральнаго штаба Сергѣемъ Ивановичемъ Турбинымъ; они жили въ одномъ домѣ); у воротъ стоялъ молодой дѣтина, единственная прислуга профессора. Парень какъ-то особенно осклабился и проговорилъ, съ сильнымъ малорусскимъ акцентомъ:

— А у насъ, Никифоръ Дмитріевичъ, гость есть, какой-то незнакомый, да такой чудной!

— Чѣмъ чудной?

— Да какъ же, посмотрите сами! Я такихъ съ роду не видывалъ. По одежѣ мужикъ-кацапъ, а сейчасъ видать, что баринъ. Кафтанъ мужицкій, сапоги стоптанные, а при очкахъ. Пришелъ, объ васъ пытается. Я говорю — дома нѣтъ, а онъ мнѣ: — «все одно!», да такъ въ передней и легъ на полъ, такъ и заснулъ.

— Держу пари, что это Павелъ Ивановичъ Якушкинъ. Вы его знаете? обратился профессоръ къ капитану.

— Познакомились у покойника Стаховича; впрочемъ, я видалъ его еще прежде, когда онъ гдѣ-то у васъ учительствовалъ... Да мы, кстати, земляки и сосѣди, я вѣдь тоже орловскій: онъ малоархангельскій, а я ливенскій.....

— Тѣмъ лучше.

При входѣ въ небольшую квартиру Борисяка, представилась такая картина: въ довольно темной, узкой и небольшой передней, на голомъ полу, съ сумкою подъ головой, лежалъ человѣкъ съ окладистою бородою и храпѣлъ во всю ивановскую. Вошли мы очень тихо, но спящій что-то промычалъ и проснулся.

— Павелъ Ивановичъ! Вы! какими судьбами?

— *Ногама моима*! *) — отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ.

— Надолго?

— Это зависитъ отъ властей предержащихъ, имъ же всякая душа повинуется...

— Попрежнему, пѣсни записываете?

— Случается, только я пришелъ сюда не за этимъ: я записываю сходки. Онѣ здѣсь особенныя...

— Это почему?

— Да потому, что здѣсь соединеніе двухъ разновидностей одного и того же племени. Съ одной стороны, украинцы-казаки, превращенные въ войсковыхъ обывателей, и, съ другой, по вашему, кацапы, т. е., великоруссы, дѣти боярскіе, обращенные въ однодворцевъ. Теперь же, сами знаете, какъ тѣ, такъ и другіе названы государственными крестьянами. Отсюда-то и выходитъ, что харьковскія сходки не похожи ни на курскія, ни на полтавскія. У меня уже много записано.

Якушкинъ поднялъ съ полу сумку, служившую ему подушкою. Сумка была наполнена бумагами.

— Гдѣ же ваши вещи?

— На мнѣ. Какъ это—omnia mea mecum porto, такъ, что ли? отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ, улыбаясь.

— Обѣдали ли вы, сегодня?—вопросилъ профессоръ.

— Экъ хватились, я еще въ 10 часовъ утра въ Лозовой пообѣдалъ!

— Ну, такъ напьемся чаю, закусимъ...

— Это допускается.

Пока хозяинъ распоряжался, капитанъ предложилъ вопросъ Якушкину: отчего онъ, вмѣсто того, чтобы лечь на мягкій и удобный диванъ въ залѣ, расположился на полу въ передней?

— Чтобы привычки не терять, не баловаться. Помните, какъ мы встрѣтились у покойника Михаила Александровича (Стаховича): я тамъ жилъ съ мѣсяцъ подворянски, да такъ набаловался, что какъ пришлось потомъ лечь на голыхъ палатяхъ — просто смерть! Недѣли, я думаю, двѣ прошло, пока наново не освоился.

Подали закуску. Павелъ Ивановичъ ѣлъ чрезвычайно мало, отказался наотрѣзъ отъ портера и хереса, но водки выпилъ.

— Что же вы думаете сдѣлать съ вашими сходками?

— Думаю отдать Михаилу Петровичу (Погодину); онъ на нихъ что нибудь устроитъ.

Сколько намъ извѣстно, о сходкахъ, записанныхъ Якушкинымъ, нигдѣ не было даже помина **).

---

*) Это не ошибка и не опечатка. Павелъ Ивановичъ любилъ иногда въ шутку употреблять въ разговорѣ древнеславянскія слова и рѣченія. *Авт.*

**) Почтенный авторъ въ данномъ случаѣ ошибается: о сходкахъ въ трудахъ Якушкина часто упоминается, въ чемъ убѣдится читатель этой книги. *Изд.*

На усиленныя просьбы профессора и капитана прочесть что нибудь, хоть отрывокъ, Павелъ Ивановичъ отвѣчалъ:

— Для васъ, господа, мало интереснаго, если захотите—прочтете современемъ.

Въ Харьковѣ Якушкинъ пробылъ больше недѣли. Рано утромъ онъ выходилъ изъ дома и возвращался поздно вечеромъ. Бумаги изъ сумки на другой день были отправлены, кажется, въ Малоархангельскъ. Жаль, если онѣ пропали *). Павелъ Ивановичъ исчезъ изъ квартиры профессора такъ же неожиданно, какъ и появился. Наканунѣ ухода онъ зашелъ къ капитану—земляку, проговорили очень долго объ остаткахъ древнихъ земляныхъ укрѣпленій въ Валковскомъ уѣздѣ и объ украинской кордонной линіи, т. е., земляномъ валѣ, насыпанномъ при императрицѣ Аннѣ, отъ устья р. Берски, впадающей въ Донецъ, до устья Орели—притока Днѣпра. По этой линіи построено нѣсколько укрѣпленій и во всѣхъ поселены великороссы, выведенные изъ разныхъ губерній. Павелъ Ивановичъ разсказывалъ, что у этихъ переселенцевъ выговоръ и нарѣчіе сгладились, а пѣсенъ чисто мѣстныхъ, занесенныхъ съ родины, осталось много. Прощаясь, Якушкинъ ни словомъ не намекнулъ, что онъ завтра разстанется съ Харьковомъ. Ни слова объ этомъ онъ не сказалъ и профессору.

При прощаньи Якушкинъ съ капитаномъ закусили, само собою разумѣется, выпили и ни съ того ни съ сего начали, какъ земляки, говорить одинъ другому *ты*.

— Слушай, началъ Якушкинъ, рекрутскихъ наборовъ нѣтъ, слава Богу, съ коронаціи, и будутъ—вѣрно: я ихъ опишу.

— Врешь, не напишешь!

— Сказалъ, что напишу, кончено—шабашъ!... Плевать въ тетрадь!...

Въ мартѣ 1864 года капитанъ совершенно случайно встрѣтился съ Павломъ Ивановичемъ въ увеселительномъ заведеніи у Аничкина моста, гдѣ пѣлъ русскій хоръ Молчанова, съ которымъ Якушкинъ былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ. Жилъ онъ въ это время (кажется) въ Саперномъ переулкѣ у Г. Т. Филиппова.

Вмѣсто обычнаго здравствуй, Павелъ Ивановичъ къ земляку обратился съ такими словами:

— Ты говорилъ: «врешь, не напишешь!»—и совралъ самъ. Мало того что написалъ, напечаталъ... Да еще гдѣ? Въ «Россійскомъ Инвалидѣ»!... Понимаешь!... Дайте ему «Инвалидъ»...

Подали. Статья небольшая, но насквозь проникнутая знаніемъ, т. е. правдою. Землякъ, прочитавъ, сказалъ:

— Прелесть, правда!....

---

*) По наведеннымъ нами справкамъ, ни у родныхъ ни у ближайшихъ друзей Якушкина никакихъ «бумагъ» его не оказалось, какъ не оказалось ихъ при немъ и въ моментъ его смерти, сколько извѣстно. *Изд.*

— Все ты, братецъ, врешь! Тутъ половина вымарана... Какая же это правда—половинкина дочь? Плевать на такую правду! Я тебѣ лучше спою! Молчановъ, голубчикъ, хвати про чиновника; ты видишь—онъ офицеръ, ему будетъ по сердцу!
И хоръ грянулъ, съ участіемъ Якушкина, извѣстную въ то время въ загородныхъ гуляньяхъ балладу, въ которой есть стихи:

Напоили его мятою,
Обернули его ватою.....

После этого вечера земляки уже не встрѣчались.

29 марта 1872 г.

Н. А. Лейкина.

Съ Павломъ Ивановичемъ я познакомился въ первые годы моей литературной дѣятельности. Это было въ 1863 году. Я тогда писалъ какъ диллетантъ. Познакомился я съ Якушкинымъ у редактора-издателя «Искры», Василія Степановича Курочкина. Это было днемъ, въ одно изъ воскресеній, когда у Курочкина собирались сотрудники «Искры». Я тоже тогда былъ въ числѣ сотрудниковъ этого журнала. Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ Якушкинымъ. О немъ я такъ много слышалъ оригинальнаго. Про него даже ходили легенды. Въ лицо я и раньше зналъ Якушкина по портрету, и часто встрѣчалъ его на улицахъ и въ трактирахъ, но подойти къ нему и познакомиться съ нимъ не рѣшался хотя въ трактирѣ сдѣлать это было легко. Якушкинъ со всѣми знакомился очень охотно, кто къ нему подходилъ и рекомендовался, а съ людьми изъ числа пишущей братіи и подавно. Я упомянулъ о портретѣ. На Невскомъ проспектѣ у фотографіи Берестова и Щетинина, первой фотографіи, которая стала собирать коллекцію портретовъ литераторовъ, висѣлъ въ то время въ витринѣ очень схожій портретъ Якушкина въ кафтанѣ на распашку, въ русской рубашкѣ, высокихъ сапогахъ и въ очкахъ. Оттиски портрета Якушкина, какъ мнѣ передавалъ Берестовъ, расходились тогда въ огромномъ количествѣ экземпляровъ.

— Въ провинцію его фотографическихъ карточекъ страсть что требуютъ, говорилъ Берестовъ.—Знаете что... Тамъ его карточки продаютъ и за Якушкина и за Емельяна Пугачева.

— Но какъ-же очки-то? улыбнулся я.—Вѣдь Пугачевъ не носилъ очковъ.

— У меня есть карточки Якушкина и безъ очковъ.

Когда Якушкинъ шелъ по улицѣ или входилъ въ трактиръ, всѣ обо-

рачивались въ его сторону и шептали: «Якушкинъ... Якушкинъ». Его узнавали по его русскому костюму и очкамъ. Это не былъ русскій костюмъ франтоватый, балетный, въ каковомъ ходили нѣкоторые изъ тогдашнихъ славянофиловъ, щеголявшіе лакированными сапогами, канаусовыми рубахами и шляпами съ павлиньимъ перомъ. Кафтанъ Якушкина былъ изъ самаго грубаго сукна, всегда засаленъ, сапоги въ большинствѣ случаевъ стоптанные и грязные, на головѣ низенькая барашковая шапка и зимой и лѣтомъ, кумачевая рубашка опоясана простымъ пояскомъ съ молитвой, а подчасъ и просто веревочкой. Въ фуражкѣ я его видалъ рѣдко. Также никогда я не видалъ на немъ шубы, хотя въ послѣдствіи зналъ, что у него былъ нагольный полушубокъ, который хранился гдѣ-то у какого-то пріятеля на случай дальней дороги.

Я уже сказалъ, что про Якушкина ходили легенды. Вотъ что мнѣ разсказывалъ про него тогда одинъ слуга изъ простенькаго трактира недалеко отъ Пяти Угловъ:

— Вѣдь это баринъ... Настоящій баринъ... Только отецъ его за родительское непочтеніе и за то, что онъ по деревнямъ съ мужиками двадцать тысячъ рублевъ пропилъ, промоталъ, и самого его въ мужики отдалъ. Денегъ ему больше не даетъ, на глаза къ себѣ не пускаетъ, такъ что-же ему дѣлать? Ну, онъ къ мужикамъ уже привыкъ, на господскій манеръ ему рядиться не на что, вотъ онъ и сталъ одѣваться помужицки. Отъ господскаго-то пера только одни очки остались. А онъ умный, онъ разсудительный, только малодушество у него къ вину этому самому, прибавилъ онъ.

И тутъ была доля правды. Якушкинъ, какъ я слышалъ, дѣйствительно получилъ по окончаніи своего образованія какой-то небольшой капиталецъ отъ матери, но въ нѣсколько мѣсяцевъ блудно растратилъ его, угощая во время своихъ путешествій мужиковъ и щедро платя имъ за пѣсни, которыя записывалъ отъ нихъ.

Часто мнѣ приходилось слышать объ Якушкинѣ отъ простаго народа и такой отзывъ:

— Баринъ, но порченный... не совсѣмъ онъ въ порядкѣ въ мысляхъ... А хорошій, добрый баринъ.

Были у Якушкина добрые пріятели и среди простаго народа, по большей части среди буфетчиковъ въ трактирахъ или приказчиковъ въ винныхъ погребахъ. Имъ онъ отдавалъ иногда на храненіе, боясь потерять, тѣ гроши, которые заработывалъ литературнымъ трудомъ. Именно гроши, ибо Якушкинъ писалъ мало и рѣдко. Онъ садился писать только тогда, когда уже негдѣ было занять, и между тѣмъ являлась настоятельная нужда купить сапоги или очки.

— Очки разбилъ вчера, а денегъ нѣтъ... Купить не на что. Дѣлать нечего, надо садиться завтра писать что нибудь на очки. Писать то я и безъ очковъ могу, а вотъ въ даль ничего не вижу. Видите, всего одно стекло въ очкахъ... Одно-то тутъ, а другаго нѣтъ.

Это были первыя слова Якушкина, съ которыми онъ отнесся ко мнѣ при первой нашей встрѣчѣ у В. С. Курочкина. Мы стояли около стола съ закуской. Я взглянулъ ему въ лицо. Въ очкахъ его дѣйствительно не было одного стекла.

— Вѣдь вы меня знаете? спросилъ онъ.

— Какъ-же... Вы Павелъ Ивановичъ Якушкинъ.

— Ну, вотъ... А вы тоже въ «Искрѣ» пишете?

Я сказалъ свою фамилію и прибавилъ:

— Да, я помѣстилъ нѣсколько маленькихъ разсказовъ.

— Знаю, читалъ. Вы водку пьете?

— Пью.

— Ну, такъ выпьемте.

Черезъ десять минутъ онъ мнѣ говорилъ уже «ты». И это всѣмъ такъ, кто съ нимъ знакомился. Такъ мы съ этого дня на ты съ нимъ и остались.

— Пробовалъ сегодня Васьки Толбина *) очки надѣть, опять началъ Якушкинъ объ очкахъ. — Пробовалъ, но не подходятъ. Я близорукъ, а у того очки не для близорукихъ... Тотъ только для писанья надѣваетъ. Вѣдь я думаю за полтину одно-то стекло вставятъ? спросилъ онъ меня и, не дождавшись отвѣта, прибавилъ: — есть у меня одинъ знакомый очечникъ въ Пассажѣ... Развѣ къ нему пойти?.. Пилюли еще надо въ аптекѣ купить...

— Развѣ вы нездоровы?

— Да доктора говорятъ, что катаръ у меня. Я ляписъ принимаю. У Курочкина-бы взять денегъ, да я ужъ у него и такъ много взялъ, рублей десять взялъ... И то записывать надо... Пѣсни есть у меня псковскія, мужицкія... отличныя пѣсни, новыя... Да пѣсенъ онъ не беретъ. Къ Некрасову стащить, но къ тому двѣ пѣсни не стоитъ таскать. Надо подкопить. Вотъ что... Поди-ка сюда...

Онъ отвелъ меня въ уголъ, взялъ за пуговицу сюртука и спросилъ:

— Ты теперь при деньгахъ? Если при деньгахъ, то дай-ка мнѣ немножко взаймы.

Денегъ тогда у насъ, у литературной братіи, очень мало бывало. Гонораръ былъ очень скудный. Я, впрочемъ, тогда служилъ въ одной частной конторѣ и получалъ кое какое маленькое жалованье. Мнѣ почему-то казалось, что Якушкину требуется сумма, покрайней мѣрѣ въ двадцать пять рублей, хотя онъ и говорилъ, что «немножко», а потому я отвѣчалъ, смутившись:

— Какія-же у меня деньги? Откуда?..

— Такъ таки ничего и нѣтъ?

— Да вотъ всего три рубля.

---

*) В. В. Толбинъ, авторъ имѣвшей въ свое время успѣхъ повѣсти «Любинька». Писалъ фельетоны въ «Сѣверной Пчелѣ». Умеръ около десяти лѣтъ тому назадъ. *Авт.*

— А мнѣ только рубль надо. Мнѣ на очки и на ляписъ. Я отдамъ. Чего ты боишься? Я всегда отдаю... Я твердо помню, когда у кого беру.

— Господи! Да я не изъ-за этого... Я думалъ, что вамъ больше требуется, отвѣчалъ я, сконфузясь, схватился за кошелекъ и предложилъ Якушкину даже два рубля.

— Нѣтъ, мнѣ только рубль... Полтинникъ на очки и полтинникъ на ляписъ. Больше не возьму... За полтинникъ одно стекло въ Пассажѣ непремѣнно вставятъ. А вотъ сяду работать, напишу что нибудь, такъ и новыя очки себѣ куплю.

Въ послѣдствіи я узналъ, что Якушкинъ, нуждавшійся всегда, болѣе пяти рублей никогда ни у кого и не занималъ.

Уплачивалъ Якушкинъ свои мелкіе долги замѣчательно честно. Надо удивляться, какъ онъ ихъ помнилъ. Когда онъ получалъ сразу какой нибудь кушъ за свои статьи (кушъ этотъ, впрочемъ, рѣдко превышалъ 50 р.), то онъ сейчасъ же бѣжалъ платить свои долги. Вмѣстѣ съ долгами онъ отдавалъ и на храненіе оставшіяся у него отъ уплаты долговъ деньги тѣмъ же лицамъ, отъ которыхъ онъ пользовался кредитомъ, Онъ былъ положительно какой-то безсребренникъ и не любилъ имѣть при себѣ денегъ, опасаясь, что онъ ихъ потеряетъ или что ихъ у него украдутъ, что, при его слабости къ спиртнымъ напиткамъ, было всегда возможно. Если у него оставалось отъ уплаты долговъ рублей двадцать, напримѣръ, то онъ дѣлилъ ихъ части на три, на четыре и отдавалъ въ трое, четверо рукъ. Такъ, я помню Якушкинъ отдавалъ деньги на храненіе своему пріятелю и общему знакомому всей тогдашней пишущей братіи, Свириденкѣ, который былъ приказчикомъ въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова. Хранились подчасъ его деньги (5—6 р.) и въ Палкиномъ трактирѣ у буфетчика, а также и у буфетчика ресторана Еремѣева на Невскомъ. Деньги хранились въ трактирѣ, а Якушкинъ ходилъ туда и «запивалъ ихъ и заѣдалъ», какъ онъ выражался. Приходитъ онъ, напримѣръ, въ Палкинъ трактиръ, выпьетъ, закуситъ и спроситъ буфетчика:

— Много ли теперь у тебя моихъ денегъ осталось?

— Четыре рубля и сорокъ копѣекъ, Павелъ Иванычъ.

— Ну, ладно. Такъ ты помни.

Вечеромъ опять заходитъ. Опять выпьетъ и закуситъ.

— Много ли моихъ денегъ осталось?

— Три рубля, девяносто копѣекъ.

Когда же все было «заѣдено и запито», то онъ уже пользовался кредитомъ.

Любимыми мѣстами пребыванія Якушкина въ часы досуга были: Палкинъ трактиръ на углу Невскаго и Литейной, погребъ Набилкова на углу Невскаго и Владимірской и небольшой ресторанчикъ Зеста—въ деревянномъ домикѣ, нынѣ сломанномъ, на площади Александринскаго

театра. Впрочемъ, эти мѣста любили посѣщать и всѣ писатели первой половины шестидесятыхъ годовъ, какъ сборные пункты, какъ мѣсто свиданій другъ съ другомъ. Поэты, какъ покойные Кроль, Мей, Шевченко и др., писали тамъ иногда свои стихи. Въ Палкиномъ трактирѣ и въ ресторанѣ Зеста были даже особенныя рюмки, которыя назывались Якушкинскими. Это были очень большія рюмки. Нерѣдко можно было слышать, что обычные посѣтители названныхъ ресторановъ такъ и приказывали слугѣ:

— Принеси ты мнѣ якушкинскую рюмку водки.

Якушкинъ не имѣлъ своей собственной квартиры, ходилъ всегда съ паспортомъ въ карманѣ и жилъ то у одного пріятеля, то у другаго. У пріятелей онъ и статьи писалъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ Діогенъ, по своей нетребовательности, но у Діогена все таки была бочка, былъ вначалѣ и сосудъ, изъ котораго онъ пилъ, а у Якушкина и бочки и сосуда не было. У него было только плохое русское платье, которое онъ носилъ на себѣ. Покойный Некрасовъ пробовалъ пріучить Якушкина къ квартирѣ. Поручилъ кому-то нанять для Якушкина комнату, уплачивалъ за эту комнату въ счетъ гонорара за статьи, уплачивалъ квартирной хозяйкѣ и за обѣдъ, но Якушкинъ, насколько мнѣ помнится, совсѣмъ не жилъ въ своей квартирѣ.

— Пописать бы надо. Вонъ сапоги худые... Хоть на сапоги бы написать... Да не знаю у кого написать,—сказалъ онъ мнѣ разъ.

А я зналъ, что въ это время для него была нанята комната Некрасовымъ.

— Да что-жь ты у себя-то? спросилъ я.

— Не люблю я у себя... Ну, что я тамъ буду... Я одинъ. Я не люблю одинъ... Я боюсь... Жутко какъ-то... Я не привыкъ.

Страхъ этотъ дѣйствительно былъ у него. Онъ не любилъ одиночества, не любилъ ночевать одинъ въ комнатѣ. Это былъ безъотчетный страхъ вслѣдствіе разстроенныхъ нервовъ, а нервы были разстроены вслѣдствіе пагубной страсти.

— Работай у меня,—предложилъ я ему.

— У тебя неловко... Ты живешь съ матерью, съ братьями, съ сестрами. Тамъ у васъ Ноевъ ковчегъ: чистыхъ по парѣ и нечистыхъ по семи паръ. У Васьки Толбина—комната мала... Да и нельзя тамъ работать — напьешься сейчасъ... Онъ цѣлый день пьетъ и я могу соблазниться Я соблазнюсь, а онъ не удержитъ. А когда я работаю, то я пью понемножку. У Василья Степаныча (Курочкинъ) отлично бы работать, тамъ квартира большая и комнатъ много, но меня Наталья *) не любитъ и вонъ гонитъ, разсуждалъ Якушкинъ. — Нѣтъ, я лучше къ Свириденкѣ... У него тамъ въ каморкѣ, за книжнымъ магазиномъ сяду и попишу... Свириденко меня и отъ водки удержитъ.

---

*) Наталья Романовна, жена В. С. Курочкина, нынѣ тоже умершая. *Авт.*

Въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова, въ каморкѣ Свириденки былъ написанъ и «Великъ Богъ земли русской»—лучшее произведеніе Якушкина. Это, какъ извѣстно, рядъ разсказовъ изъ временъ первыхъ дней эпохи освобожденія крестьянъ. Якушкинъ долго не зналъ какъ озаглавить разсказы. Сначала онъ назвалъ ихъ «Воля».

— Большую штуку пишу, «Воля» называется, разсказывалъ онъ всѣмъ у Курочкина, въ одно изъ воскресеній.

Потомъ я слышалъ отъ него, что онъ называлъ свои эти же самые разсказы «Освобожденіемъ» и горевалъ, что растерялъ нѣкоторые листы изъ рукописи.

— Листики растерялъ, листики—вотъ въ чемъ горе! говорилъ Якушкинъ. — Ходилъ читать Высотѣ *), выпили тамъ и потерялъ. Надо поискать. Кажется, читалъ и козаку... Надо и туда сходить.

У Якушкина былъ какой-то знакомый козачій офицеръ, большой его пріятель. Онъ жилъ гдѣ-то на Моховой и Якушкинъ очень часто пребывалъ тамъ. Отъ него я то и дѣло слышалъ о козакѣ.

Впослѣдствіи я узналъ отъ Свириденки, что утерянные листики такъ и не нашлись. Якушкинъ и не возобновлялъ ихъ, онъ даже, какъ говорили, и не окончилъ своихъ разсказовъ. Рукопись была сдана въ редакцію «Современника» безъ конца и безъ названія. Названіе «Великъ Богъ земли русской» дали разсказамъ, если не ошибаюсь, въ редакціи «Современника», кажется, даже самъ Некрасовъ. Некрасову очень понравились разсказы. Онъ не считалъ Якушкина за особенно даровитаго, а потому, по прочтеніи рукописи, многимъ говорилъ:

— Прелестная вещь, батенька... Просто не вѣрится, чтобъ это написалъ Якушкинъ.

Тоже самое высказывалъ и В. С. Курочкинъ, послѣ напечатанія рукописи въ «Современникѣ».

— Славные разсказы и ловко сгруппированы. Даже и не похоже на Якушкина. Когда онъ ихъ успѣлъ слышать и какъ могъ запомнить.

Нѣкоторые эпизоды изъ «Великъ Богъ земли русской» намъ, знающимъ Якушкина, были и раньше извѣстны. Онъ разсказывалъ ихъ въ разныхъ кружкахъ, сообщалъ даже отъ кого и самъ ихъ слышалъ. Пока они не были имъ оформлены, онъ носилъ ихъ въ видѣ замѣтокъ, написанныхъ карандашомъ на мелкихъ грязныхъ клочкахъ, часто даже на внутренней сторонѣ цвѣтной картузной бумаги отъ папиросъ, на спинкахъ трактирныхъ обѣденныхъ карточекъ.

Видѣлъ я впослѣдствіи у Свириденки, въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова, и листки рукописи уже оформленныхъ разсказовъ «Великъ Богъ земли русской». Листки были исписаны чернилами съ большими

*) Александръ Высота писалъ въ «Искрѣ» мелкіе разсказы изъ быта полицейскихъ, гдѣ разсказывалъ о плутняхъ квартальныхъ надзирателей и слѣдственныхъ приставовъ. *Авт.*

помарками и вставками. Листки эти были вырваны изъ приходо-расходной книжки въ восьмушку писчей бумаги и были въ графахъ, разлинованныхъ синими и красными чернилами. На нихъ-то и писалъ Якушкинъ.

— Вѣдь вотъ неряха какая!—говорилъ Свириденко. Ну, чтобы ему спросить у меня бумаги, а онъ взялъ и вырвалъ листки изъ моей книжки, куда я записываю пожертвованія. Вѣдь, даже съ моими записями вырвалъ. Мнѣ теперь и не разобраться. Развѣ на память все упомнишь? Забылъ книжку на конторкѣ, а онъ подхватилъ ее, да и вырвалъ оттуда листки. Ужь не мало я ругалъ его за это. Но вѣдь къ нему, какъ къ стѣнѣ горохъ. Важная, говоритъ, вещь! Будутъ деньги, такъ я тебѣ новую книжку куплю. Самъ неряха, думаетъ, что и другіе должны быть неряхами.

Здѣсь я долженъ сказать, что покойный Свириденко, имѣя массу знакомыхъ среди учащейся молодежи и интеллигенціи, заходившей въ книжный магазинъ порыться, посмотрѣть и купить литературныя новинки, сбиралъ съ нихъ пожертвованія и на бывшія тогда въ большомъ ходу воскресныя школы, и на поддержку бѣдныхъ студентовъ... Вотъ изъ этой-то записной книжки, гдѣ записывались пожертвованія, Якушкинъ и вырвалъ листки для написанія на нихъ своихъ разсказовъ «Великъ Богъ земли русской».

Въ какомъ видѣ рукопись была сдана въ редакцію «Современника»—мнѣ неизвѣстно.

П. Д. Боборыкина.

Намѣтимъ кое какія черты Якушкина, съ которымъ столько петербуржцевъ встрѣчалось на литературныхъ перепутьяхъ. Прошу вопервыхъ припомнить, что исторія Павла Ивановича, съ бывшимъ псковскимъ полиціймейстеромъ Гемпелемъ, была сигнальной ракетой обличительнаго періода русскаго прогресса. Можно даже сказать: «грянула Якушкинская эпоха!» Умеръ П. И. и многіе-ли, оглянувшись назадъ, вспомянутъ, какъ слѣдуетъ, его псковскую одиссею, которая исполнила г. Каткова гражданскаго негодованія и питала цѣлый годъ либерализмъ «Русскаго Вѣстника» *первой манеры*? Тогда (и давно-ли это?) Якушкинъ, въ своемъ потертомъ зипунѣ и засаленныхъ плисовыхъ шароварахъ, былъ символъ, знамя, стягъ, синтезъ «настоящаго времени, когда и проч.» И какъ кончилъ!.. П. И. отправился въ 1864 году на нижегородскую ярмарку изучать жизнь пловучаго населенія, стекающагося къ Макарію. Какъ уже онъ его изучалъ—это другой вопросъ; но случилось ему въ ресторанѣ извѣстнаго Никиты Егорова обмолвиться. Никита Егоровъ, (сдѣлавшійся европейской извѣстностью, его вы найдете и въ «гидахъ» Бедекера)—туземный нижегородскій продуктъ. Мѣстные «господа», пользуясь патріархальностью отношеній, продолжали по старой памяти обращаться съ нимъ, какъ съ бывшимъ «вольноотпущеннымъ». Вотъ одинъ изъ такихъ господъ подходитъ къ буфету и говоритъ Никитѣ Егорову, примѣрно, слѣдующее:

— Налей-ка, братецъ, мнѣ рюмку горькошпанской.

Якушкинъ стоялъ тутъ же у буфета, все въ томъ же зипунишкѣ, плисовыхъ шароварахъ, въ очкахъ и съ ужасающей безпорядочностью прически.

— Зачѣмъ, замѣтилъ онъ барину, говорите вы «ты» почтенному человѣку, у котораго свой ресторанъ, чѣмъ онъ ниже васъ?

Баринъ, разумѣется въ амбицію, и Павелъ Ивановичъ черезъ нѣсколько дней исчезъ съ нижегородской ярмарки, а земную долю свою покончилъ на низовьяхъ все той же матушки Волги...

Такъ повѣствуетъ легенда.

Съ Якушкинымъ едва-ли не умеръ типъ московскаго литературнаго «богемы».

Предпослѣдній чистокровный представитель его былъ Григорьевъ. По поводу Павла Ивановича станутъ, пожалуй, толковать о славянофильствѣ, о народномъ элементѣ въ русской литературѣ и т. п. Все это не то. Якушкинъ, если и знался со славянофилами, если и ходилъ по губерніямъ отъ братьевъ Кирѣевскихъ, то славянофиломъ, въ московскомъ смыслѣ, не былъ, по крайней мѣрѣ въ тотъ періодъ, когда приводилось съ нимъ сталкиваться. Пріятели его любили даже распространяться на ту тему, что Павелъ Ивановичъ, хоть и любилъ народъ, но человѣкомъ изъ народа никогда не былъ, да и не отличался особымъ умѣньемъ обращаться съ нимъ. Онъ въ крестьянахъ возбуждалъ, почти всегда, недоумѣніе, а подчасъ и зубоскальство. Простой человѣкъ чувствовалъ все таки, что онъ изъ «господъ», занимающихся шатаньемъ и калякавьемъ съ кѣмъ попало. Въ Якушкинѣ сидѣлъ всегда студентъ, «прожигатель жизни», человѣкъ, прошедшій черезъ анализъ и рефлекцію, но по натурѣ наклонный ко всякаго рода безшабашности. Даже внѣшность его, не смотря на костюмъ и мужицкій типъ лица, сейчасъ же указывала на его господское происхожденіе. Видъ былъ всегда растерзанный; но тонъ рѣчи, не смотря на прибаутки, отзывался литераторствомъ, очки говорили о студенческой привычкѣ господскаго же пошиба; даже манеры и тѣ оказывались не народными. Да и самъ П. И. это сознавалъ. Онъ былъ въ *лучшія свои минуты* человѣкъ очень не увлекающійся и то, что называется объективный. Онъ и себя, и другихъ, разумѣлъ какъ слѣдуетъ, и съ юморомъ относился ко всякому напускному паѳосу, ко всякой фразѣ. Будь онъ не Якушкинъ, по типу своей жизни, изъ него бы выработался юмористъ, по преимуществу; но выработаться не могъ потому, что Якушкинъ не былъ способенъ ни на какой послѣдовательный трудъ.

Писалъ онъ свои статьи мѣсяцами, по нѣскольку строчекъ, на невозможныхъ клочкахъ бумаги, которые постоянно и носилъ съ собою. Мнѣ припоминаются прибаутки Павла Ивановича, гдѣ сказывались его юркій умъ и смѣлое юмористическое отношеніе ко всему, что онъ уразумѣлъ по своему.

Сколько разъ, говоря о славянофилахъ, онъ повторялъ, усмѣхаясь на одинъ, ему только свойственный, манеръ:

— Читали книжки нѣмецкія!

И право, въ этой прибауткѣ—разъясненіе всей эпидеміи славянофильства. Ни одинъ изъ ихъ столбовъ: ни Хомяковъ, ни Кирѣевскіе не надумали ничего такого, что-бы не значилось предварительно въ

измышленіяхъ того нѣмецкаго идеализма, которымъ они набивали свои головы въ періодъ московскаго запойнаго любомудрія.

Вспоминаю я также сцену, бывшую въ одной петербургской редакціи. Литературный снобсъ «собралъ вокругъ себя родъ вѣча» и повѣствовалъ о своемъ заключеніи, давая таинственно понять, что за нимъ дѣйствительно водятся дѣла крупнѣйшихъ размѣровъ. Павелъ Ивановичъ расхаживалъ въ это время, въ сторонкѣ, покачиваясь по привычкѣ и засунувъ руки въ шаровары. Когда снобсъ кончилъ свою исторію, Якушкинъ приблизился къ группѣ и жалостливо вымолвилъ:

— Вѣдь вотъ, братцы, какая незадача Миколѣ: столько злосчастіевъ прошолъ и *все занапрасну*!

Разскащикъ былъ убитъ на мѣстѣ....

«Богема» сидѣлъ въ Якушкинѣ первосортный. Якушкинъ съ Григорьевымъ одни могли дать уразумѣть заѣзжему иностранцу, какъ во дни оны, въ литературныхъ дебряхъ Москвы, услаждали земную юдоль. Эпоха эта канула. Тогда «широкія натуры» все искали шири и исхода своимъ порываніямъ въ обширной области русскаго загула и разгула. Тогда легче было находить забвеніе. Міровая скорбь—Weltschmerz заливалась зеленымъ виномъ...

Мы смѣемся надъ этими патологическими явленіями изъ жизни людей сороковыхъ годовъ; а вокругъ насъ развѣ есть что либо болѣе возвышенное, дающее исходъ нашей душевной хандрѣ?

Вотъ какъ произошло мое первое знакомство съ Якушкинымъ.

Я уже издавалъ «Библіотеку для Чтенія». Шелъ я разъ, днемъ, по Невскому, и, не доходя Ново-Палкина на углу Литейной, былъ внезапно остановленъ.

Съ извощичьихъ пролетокъ соскочилъ на тротуаръ и сталъ передо мной, совершенно «какъ листъ передъ травой», человѣкъ весьма страннаго вида: мужикъ не мужикъ, въ бараньей шапкѣ и свитѣ въ накидку изъ бураго мужицкаго сукна, изъ подъ которой видна была потертая плисовая поддевка и такіе-же шаровары на выпускъ; волосы въ кружало всклокочены, безпорядочная борода, лицо рябое, давно не знавшее мыла, на носу очки.

— Вы Боборыкинъ? окликнулъ онъ меня и пресмѣшно подался назадъ.

— Я.

— Хочу у васъ писать!..

— Милости прошу—отвѣтилъ я, улыбнувшись.

— Вы знаете кто я?

— Догадываюсь...

А мнѣ о Якушкинѣ и о томъ, что онъ въ Петербургѣ и собирался побывать въ редакціи, уже говорилъ Е. Н. Эдельсонъ, завѣдывавшій въ «Библіотекѣ» юридическимъ отдѣломъ и давнишній его пріятель.

И сразу онъ заговорилъ о своихъ статьяхъ, перебивалъ себя вопро-

сами, сталъ прощаться и кончилъ тѣмъ, что пригласилъ меня къ Палкину, гдѣ обыкновенно подходилъ къ буфету и заказывалъ:

— Михаилъ Васильевичъ, голубчикъ, рюмочку, да *посурьезнѣе.*

Въ редакцію онъ частенько захаживалъ и въ редакціонные дни — по средамъ, и такъ, во всякое время. Когда П. И. находился «въ градусѣ» но не переступалъ его, онъ бывалъ очень забавенъ. Въ одинъ изъ редакціонныхъ пріемовъ онъ и осадилъ того литератора, который хотѣлъ порисоваться своимъ сидѣньемъ въ крѣпости. Всего милѣе было его отношеніе къ полиціймейстеру Гемпелю, продержавшему его въ заключеніи.

— Отличный полковникъ! говорилъ П. И. самымъ добродушнымъ тономъ. И выпить не дуракъ. Папиросочку попросишь бывало, непремѣнно дастъ...

Изъ за Якушкина вся либеральная Россія всколыхнулась и жаждала чуть не выдачи Гемпеля живьемъ, а самъ бывшій узникъ дѣлалъ себѣ потѣху изъ этого курьезнаго эпизода, давшаго ему извѣстность на всю жизнь.

Частенько П. И. дѣлался томителенъ... Разумѣется, и повторялся. Но въ лучшія минуты у него былъ живой родникъ русскаго ума и московскаго тонкаго балагурства. Редактору не слѣдовало смотрѣть на него, какъ на настоящаго сотрудника. Я, по молодости, сначала вѣрилъ его обѣщаніямъ; но скоро убѣдился, что статьи П. И—ча, все равно что уловъ рыбы: иной разъ и стерлядь попадетъ, а то такъ и безъ пискарей посидишь. Изучивъ его нравъ, я изумлялся: какъ могла, напр., редакція «Современника» добиться отъ него настолько обработанныхъ очерковъ, какъ «Великъ Богъ земли русской?» Зато проэктовъ и замысловъ у него, бывало, не оберешься. Излагалъ онъ ихъ иногда образно, пересыпая словцами и шуточками; чаще очень сбивчиво и такими-же клочками, какъ тѣ клочки бумаги, которые носилъ въ шароварахъ.

Гдѣ и какъ онъ жилъ, я не зналъ. Разъ только зашелъ я къ нему, когда гостилъ онъ у Эдельсона, лѣтомъ; семейство его пріятеля было на дачѣ. Столъ, у котораго работалъ П. И., представлялъ собою винегретъ изъ всякой бумажной всячины... Тутъ же онъ и закусывалъ, и выпивалъ и держалъ табакъ...

Мысль статей о ярмаркѣ въ Нижнемъ — «у Макарія», пришла намъ обоимъ почти одновременно. Я ѣхалъ туда по дѣламъ. П. И. началъ просить взять его съ собой, на редакціонный счетъ, и обѣщалъ цѣлый рядъ статей. Мы выѣхали въ одномъ поѣздѣ изъ Москвы. На «харчи», какъ П. И. выражался, онъ бралъ понемногу, чтобы не истратить сразу всего, что получитъ. Въ Нижнемъ мы жили далеко другъ отъ друга: я на Верхнемъ базарѣ, т. е. въ верхней части города въ домѣ родныхъ, на Печеркѣ; а П. И. въ Кунавинѣ, около самой ярмарки. Началъ онъ свои наблюденія съ «Обжорнаго ряда» на пескахъ, по харчевнямъ и сборищамъ, гдѣ ночлежные пріюты, игра и всѣ виды разгула. Раза два,

три пріѣзжалъ онъ ко мнѣ, въ городъ, и каждый разъ «за подкрѣпленіемъ», какъ онъ выражался.

Дней черезъ десять случилась съ нимъ исторія. Я ее помѣстилъ въ фельетонѣ, посвященномъ памяти Якушкина. Но многаго и я тамъ не передавалъ.

Баринъ, которому П. И. сдѣлалъ внушеніе у буфета, былъ нѣкій П—въ (Перфильевъ), служившій долго адъютантомъ у мѣстнаго жандармскаго штабъ-офицера. Онъ и тогда еще состоялъ на службѣ.

Обидѣвшись, онъ нажаловался тогдашнему ярмарочному генералъ-губернатору Огареву и, вѣроятно, представилъ Якушкина въ видѣ опаснаго агитатора, смущающаго народъ.

Якушкина вызвали къ начальнику края, облеченному суровыми полномочіями. Подробности этой сцены П. И. разсказывалъ еще тогда (его не сразу взяли) и мнѣ и разнымъ нижегородцамъ. Помнится мнѣ, что извѣстный мой землякъ и товарищъ, нижегородскій писатель-этнографъ П. С. Гацискій записалъ этотъ разсказъ, во всей характерности Якушкинскаго языка.

Генералъ-губернаторъ, по увѣренію П. И., накинулся на него, сталъ ему говорить «ты», кричать и бранить скверными словами. Было это, кажется, въ пріемной; во всякомъ случаѣ при свидѣтеляхъ.

Впрочемъ, весь тогдашній Нижній пересказывалъ эту сцену, и въ истинности ея никто не сомнѣвался. Что самъ начальникъ края почувствовалъ дикость своего поступка, это доказывается тѣмъ разговоромъ, который онъ имѣлъ со мною, уже послѣ того, какъ Якушкина взяли и отправили въ Петербургъ, чѣмъ и кончилась его работа на «Библіотеку».

Въ концѣ ярмарки былъ купечествомъ данъ торжественный обѣдъ въ «Главномъ Домѣ». На него получилъ приглашеніе—и я. Генералъ-губернаторъ, послѣ обѣда, когда продолжали разносить шампанское, подошелъ ко мнѣ, сталъ дѣлать мнѣ комплименты, насчетъ моихъ пьесъ, и перешелъ сейчасъ-же къ исторіи Якушкина. П. И. на первый вопросъ его, что ты здѣсь дѣлаешь—отвѣчалъ:

— Съ Боборыкинымъ пріѣхалъ, собирать матеріалъ для статей.

По увѣренію опять-таки П. И—ча, генералъ-губернаторъ выразился обо мнѣ совсѣмъ не такъ любезно, какъ онъ сталъ со мной бесѣдовать

Конечно, вся исторія была представлена начальникомъ края въ розовомъ свѣтѣ, а самъ онъ выставлялся джентельменомъ.

— Я долженъ былъ удалить Якушкина *въ его же интересахъ*... Онъ могъ попасться Богъ знаетъ въ чемъ... Vous comprenez monsieur Boborykine?!..

Но я понималъ плохо и согласиться съ этимъ никакъ не желалъ. Павелъ Ивановичъ могъ попасться; но въ чемъ? Въ попойкѣ, въ исторіи съ полицейскимъ, его могли привезти не въ авантажномъ видѣ изъ какой нибудь трущобы. И всё это было-бы совершенно невинно въ *политическомъ* смыслѣ...

О его дальнѣйшихъ приключеніяхъ я слыхалъ въ Петербургѣ, урывками, и съ тѣхъ поръ больше не видалъ его. Не помню, чтобы онъ писалъ мнѣ или передавалъ что-нибудь. Оно и не могло иначе случиться: съ осени 1865 года по январь 1871 г. я прожилъ заграницей, съ промежуткомъ послѣдняго полугодія 1866, проведеннаго въ Москвѣ.

Якушкина и въ Петербургѣ безпокоили полицейскими дознаніями.

Когда его спросилъ разъ жандармскій офицеръ:

— Кого вы здѣсь знаете?

— Графа Строгонова...

— А еще?

— Только его и знаю... Захаживаю иногда къ нему чайку испить.

И онъ, дѣйствительно, захаживалъ къ покойному генералъ-адъютанту.

Или онъ отвѣчалъ такъ:

— Камергера Михайлова знаю.

— Только его?

— Только.

И съ Михайловымъ этимъ онъ былъ знакомъ. Такой камергеръ существуетъ.

Августъ 1883 г., Спб.

В. Н. Никитина.

Мнѣ пришлось видѣть П. И. Якушкина, совершенно случайно, нѣсколько разъ.

Въ 1863 г. весной, въ Петербургѣ, привелось мнѣ по одному казусу, не меня одного интересовавшему, отправиться ранёнько утромъ на окраину города «Подъ Невскій», т. е. въ мѣстность, окружающую Александро-Невскую лавру.

На улицѣ было свѣтло, какъ днемъ.

Близъ Лиговки, по Бассейной улицѣ, стоялъ старенькій одноэтажный деревянный домишка, въ которомъ помѣщался кабакъ. Возлѣ этого кабака остановились, шедшіе впереди меня, трое мужчинъ. Изъ нихъ одинъ былъ на видъ лѣтъ 35, смуглый брюнетъ, съ круглою бородою, курносый, въ русскомъ костюмѣ, по которому его можно было бы счесть за щеголеватаго простолюдина, еслибъ на носу его не было очковъ, выдававшихъ его «благородство». Онъ сильно началъ стучаться въ дверь кабака, не слушая увѣщаній товарищей. Сцена эта меня заняла и я остановился вблизи. Кабатчикъ, наконецъ, выглянулъ въ окно и спросилъ стучавшаго, — что ему нужно?

— Водки, — водки нужно мнѣ, громко отвѣтилъ стучавшій. Дай пожалуйста двѣ косушки, пару огурчиковъ и ломоть хлѣба! На церемоніи скучно будетъ, такъ хочется залить тоску... Вотъ тебѣ и деньги впередъ.

Кабатчикъ исчезъ и вскорѣ подалъ требуемые припасы чрезъ окно. Спросившій ихъ человѣкъ тутъ же выпилъ одну стклянку, которую разбилъ въ дребезги о землю, а другую стклянку спряталъ въ карманъ шароваръ и пошолъ дальше, закусывая и балагуря съ товарищами, называвшими его то Якушкинымъ, то Павломъ Ивановичемъ. Изъ ихъ разговора я убѣдился, что это Якушкинъ—писатель, котораго я зналъ по его сочиненіямъ.

Въ тотъ-же день мнѣ удалось снова увидѣть Якушкина, въ Б. Мор-

ской, уже при другой обстановкѣ, и быть невольнымъ очевидцемъ его благороднаго самоотверженія. Здѣсь онъ спасъ одну молоденькую экзальтированную дѣвушку отъ большой непріятности....

Случай этотъ сильно врѣзался мнѣ въ памяти, но разсказывать его пока, пожалуй, несвоевременно.

Въ томъ-же году осенью случилось мнѣ быть въ Маріинскомъ театрѣ. Шла опера «Жизнь за Царя». Въ антрактѣ я издали увидалъ и сразу узналъ Якушкина. Онъ стоялъ въ партерѣ, въ своемъ обычномъ костюмѣ, облокотившись спиною о барьеръ возлѣ оркестра и лицомъ къ публикѣ. Хотя изъ разныхъ ложъ его лорнировали въ бинокли, но онъ былъ разсѣянъ и равнодушно поглядывалъ вокругъ себя. Вдругъ къ нему подошелъ военный генералъ. Я тоже приблизился къ нимъ послушать ихъ разговоръ.

— Вамъ, г. Якушкинъ, неудобно тутъ стоять, началъ генералъ. Всѣ на васъ смотрятъ.

— И пусть ихъ смотрятъ, а мнѣ—напротивъ, очень удобно! возразилъ П. И.

— Здѣсь вамъ не мѣсто: вы, своимъ костюмомъ, обращаете на себя всеобщее вниманіе, а это не кстати...

— Вольно же имъ ротозѣйничать! Я никого не прошу смотрѣть на меня. Ктому же опера русская, а я, какъ изволите знать, тоже русскій, потому и пришелъ сюда.

— Такъ-то такъ, но, пожалуйста, удалитесь лучше наверхъ.

— Отсюда лучше видно, я заплатилъ три цѣлковыхъ и терять ихъ даромъ не хочу.

Къ разговаривавшимъ подошелъ какой-то статскій, шепнулъ что то на ухо Якушкину, онъ улыбнулся, взялъ статскаго подъ руку, кивнулъ генералу и беззаботно удалился...

Прошло съ годъ, а можетъ и больше. Какъ-то, однажды въ канцелярію оберъ-полицеймейстера внесли двѣ котомки, принадлежавшія, какъ оказалось, предназначенному къ высылкѣ изъ Петербурга Щапову. Едва его отправили, какъ явился Якушкинъ, съ маленькимъ узелкомъ подъ мышкою, и обратился къ столоначальнику Ш—ну.

— Честь имѣю представиться, — заговорилъ онъ громко и беззаботно. — Вотъ и я готовъ въ какую угодно Палестину!

Подошли и два жандарма въ походной формѣ.

— Гдѣ же, господинъ Якушкинъ, ваши вещи? спросилъ Ш—нъ.

— А вотъ онѣ! показалъ онъ узелокъ. Я — весь тутъ.

— Такъ вы поѣдете вотъ съ ними, — указалъ столоначальникъ на жандармовъ.

— Охотно: я уже соскучился въ вашемъ Питерѣ и очень доволенъ, что пропутешествую на казенный счетъ.

— Желаю вамъ счастливаго пути.

— И вамъ того же желаю... Господинъ попутчикъ! обратился онъ къ одному изъ жандармовъ: — возьмите, да, пожалуйста, сберегите мое имущество!

Жандармъ улыбнулся и принялъ узелокъ.

— Я, братцы, заговорилъ Якушкинъ, обращаясь къ жандармамъ, человѣкъ веселый и вы со мною не соскучитесь, да и мнѣ съ вами весело будетъ: я люблю васъ, голубыхъ молодцовъ!

— Такъ съ Богомъ! закончилъ Ш—нъ.

— Не поминайте лихомъ! отвѣтилъ Якушкинъ, повернулся, оглядѣлъ сидѣвшихъ человѣкъ двадцат чиновниковъ, произнесъ: «прощайте ребята!», и ушолъ съ жандармами.

— Экій безшабашный человѣкъ! замѣтилъ вслухъ Ш—нъ. Вѣдь вся его вина только въ томъ, что повсюду суется, болтаетъ всякій вздоръ и носитъ мужицкій костюмъ.

Больше я Якушкина не видалъ; но все разсказанное здѣсь твердо сохранилось въ моей памяти, такъ какъ въ описанное время я самъ началъ заниматься литературою и литераторы меня очень интересовали.

П. И. Вейнберга.

Я узналъ Якушкина въ 1850 году, еще бывши студентомъ харьковскаго университета. Якушкинъ въ это время преподавалъ русскую грамматику въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ, и мнѣ до сихъ поръ памятна, по своей комичности, его фигура въ *вицмундирномъ фракѣ*. Собственно преподаваніе ему претило, какъ онъ говорилъ мнѣ, и онъ, вмѣсто того, чтобы учить дѣтей правописанію, разсказывалъ имъ сказочки, побасенки и т. п. Это обстоятельство, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ у него какого бы то ни было понятія о школьной дисциплинѣ и довольно безцеремоннымъ отношеніямъ къ начальству, были причиной того, что онъ на этомъ мѣстѣ продержался недолго — и прямо изъ вицмундира облачился въ сермяжный кафтанъ. Та беззаботность о своей внѣшности и обстановкѣ, которою онъ отличался въ послѣднее время, рѣзко кидалась въ глаза уже и тогда. Я помню впечатлѣніе, произведенное на меня, въ одинъ изъ визитовъ къ нему, видомъ его комнаты: на кровати, поверхъ грязнаго и довольно изорваннаго одѣяла (причемъ постель оставалась въ совершенно неубранномъ видѣ) стоялъ изломанный подсвѣчникъ съ сальной свѣчкой, а рядомъ — какой-то черепокъ, въ видѣ тарелки, съ чѣмъ-то въ родѣ колбасы; на столѣ — масса всякихъ бумагъ и книжекъ въ невообразимомъ безпорядкѣ, на нихъ — знаменитый вицмундиръ, свернутый комкомъ; посрединѣ комнаты, на полу — неописуемый сосудъ съ помоями и подъ столомъ — штофъ съ водкой; на полу и всюду соръ и грязь, о какихъ трудно себѣ представить. Всѣ эти подробности я помню очень живо — и тогда не могъ удержаться, чтобы не замѣтить хозяину о всемъ безобразіи этой обстановки; онъ разсердился и назвалъ меня «баричемъ». А хозяйка его комнаты жаловалась, что она уже силъ не имѣетъ убирать...

Въ такой-же степени Якушкинъ былъ беззаботенъ и въ другихъ житейскихъ отношеніяхъ, напр., что касалось денежныхъ разсчетовъ, какъ это покажетъ слѣдующій случай.

Лѣтъ черезъ десять послѣ знакомства въ Харьковѣ, я встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ. Я составлялъ въ то время для отдѣльнаго изданія сборникъ нѣкоторыхъ беллетристическихъ произведеній, уже бывшихъ въ печати, и просилъ Якушкина уступить мнѣ для перепечатанія его разсказъ «Великъ Богъ земли русской». Онъ согласился и, получивъ деньги, пошелъ вмѣстѣ со мной по Невскому. Мы дошли до Доминика. «Зайдемъ закусить»—сказалъ Якушкинъ. А, зашедши, началъ угощать себя всевозможными яствами и питіями, и предложилъ мнѣ—пообѣдать на его счетъ и выпить при этомъ хорошаго вина. Я ему напомнилъ, что еще за часъ до того онъ жаловался на страшное безденежье и на нѣсколько долговъ, сильно безпокоившихъ его, — и что, сколько мнѣ извѣстно, все его состояніе въ ту минуту составляла весьма скромная сумма, только что отъ меня же имъ полученная и которую онъ, повидимому, желалъ растратить тутъ-же на угощеніе себя и меня. Увѣщанія мои, конечно, на него не подѣйствовали, и, хотя я настоялъ на своемъ отказѣ и ушелъ, но полученныя деньги, вѣроятно, остались у Доминика... Не въ этомъ, однако, суть. Интересно тутъ то, что черезъ нѣсколько дней я узналъ, что Якушкинъ тотъ самый разсказъ «Великъ «Богъ земли русской» продалъ для отдѣльнаго изданія *), кромѣ меня, еще двоимъ: издателю Генкелю и еще кому-то — не помню. Когда я шутливо замѣтилъ ему, что такъ поступать негодится, онъ возразилъ, что это «такіе пустяки, на которые хорошіе знакомые не должны обращать никакого вниманія».

Помню такой комическій эпизодъ. Я устраивалъ литературный вечеръ въ благородномъ собраніи и пригласилъ участвовать въ немъ Якушкина. Такъ какъ онъ до того времени никогда не выступалъ на эстраду, а личностью его — благодаря въ значительной степени его внѣшности — итересовались многіе, то для усиленія интереса программы, я чтеніе Якушкина поставилъ въ самомъ концѣ, pour la bonne bouche. Но онъ втеченіе вечера принималъ такое дѣятельное участіе въ угощеніи, что, когда наступила минута выходить на эстраду, лекторъ оказался въ состояніи, совсѣмъ несоотвѣтствовавшемъ его роли. Тѣмъ не менѣе, «со страхомъ Божіимъ», мы его выпустили. Читать онъ долженъ былъ одинъ изъ своихъ разсказовъ, который начинался словами: «Дѣло было въ кабакѣ». Произнеся эти слова, повидимому, на память—Якушкинъ остановился, сталъ смотрѣть въ тетрадь, но ничего въ ней не видѣлъ, и опять повторилъ: «Дѣло было въ кабакѣ». Послѣдовало новое безрезультатное смотрѣніе въ книгу и—публика въ третій разъ услышала: «Дѣло было въ кабакѣ»... Убѣдившись, наконецъ, въ безплодности усилій своихъ, чтецъ произнесъ довольно громко одно изъ энергическихъ русскихъ словъ, махнулъ рукой и кое-какъ спустился съ эстрады, при громкомъ смѣхѣ добродушной публики.

---

*) Сколько намъ извѣстно, названный разсказъ *отдѣльнымъ изданіемъ* не выходилъ. *Изд.*

А. Ф. Иванова.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, противъ Александринскаго театра существовалъ ресторанчикъ «дяди Зеста». Въ этотъ ресторанчикъ почти каждый вечеръ сходился дружескій кружокъ литераторовъ и артистовъ. Якушкинъ въ то время былъ тоже постояннымъ посѣтителемъ «дяди Зеста». За незатѣйливымъ буфетомъ стояла общая любимица нашего кружка,—красивая полногрудая нѣмка, имя которой Августа или, какъ ее нѣжно называли въ кружкѣ — Густя, попала въ пѣсенку, начинавшуюся слѣдующими словами:

Нѣту краше мѣста
Какъ у дяди Зеста
Кафе-ресторанъ;
Съ радости иль грусти,
За буфетомъ—*Густи*
Будешь сытъ и пьянъ!

Къ этой-то «Густѣ» Павелъ Ивановичъ питалъ особое уваженіе и пользовался ея довѣріемъ. Часто случалось, что у Якушкина не было ни гроша въ карманѣ. Брать деньги въ долгъ онъ не любилъ, и только, въ критическія минуты позволялъ себѣ позаимствоваться у близкаго пріятеля и то рублемъ или двумя—никакъ не болѣе. Точно также, пользуясь кредитомъ у Густи, онъ никогда имъ не злоупотреблялъ и никогда не доводилъ своего долга свыше рубля. При этомъ, онъ очень оригинально расплачивался: когда у него случались деньжонки, онъ уплатитъ Густѣ долгъ и впередъ дастъ рубль, а потомъ его «запиваетъ»..

«Дядя Зестъ» задумалъ въ то время устроить по воскреснымъ днямъ для нашего кружка завтраки, по 50 к. съ человѣка, но эти завтраки существовали не долго, такъ какъ графинъ съ водкой, не смотря на

внушительные размѣры, какъ-то быстро опустошался, если въ числѣ собѣседниковъ находился почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, а находился онъ почти постоянно.

Вспоминаю слѣдующій характеристическій эпизодъ, который покажетъ, какъ нетерпимо относились нѣкоторыя впечатлительныя особы къ простонародной внѣшности Якушкина и къ его знаменитой «свиткѣ», въ которой онъ ходилъ и зиму и лѣто, и съ какимъ благодушіемъ онъ, съ своей стороны, переносилъ вспышки этихъ особъ. Какъ-то редакторъ «Искры», покойный В. С. Курочкинъ, поставилъ въ своемъ кабинетѣ новую щеголеватую мебель, обитую свѣтлымъ репсомъ. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, когда къ Курочкину собирались сотрудники «Искры», явился и Павелъ Ивановичъ, засѣлъ въ новое кресло и принялъ горячее участіе въ какомъ-то спорѣ.

— Павелъ Ивановичъ, Бога-ради, сойдите съ кресла, вѣдь вы перепачкаете всю обивку! громко раздался вдругъ гнѣвный голосъ жены Курочкина, вошедшей въ это время въ кабинетъ.

Услышавъ это приглашеніе, Якушкинъ, не прерывая своей рѣчи, вскочилъ съ кресла и усѣлся потурецки на полу, какъ ни въ чемъ не бывало, и такъ ужь и не садился въ тотъ разъ на изящную мебель, которую онъ могъ «перепачкать».

И. Ѳ. Горбунова.

Я немного могу прибавить къ тому, что ужъ сообщено здѣсь знавшими покойнаго П. И. Якушкина. Въ шестидесятыхъ годахъ его можно было встрѣтить вездѣ: и въ редакціяхъ журналовъ и газетъ, и въ трактирѣ Палкина и въ роскошныхъ салонахъ графа Кушелева-Безбородко, въ какой нибудь грязной пирожной лавченкѣ. Денегъ у него почти никогда не бывало, но домъ его былъ вездѣ: то приткнется въ какомъ нибудь номерѣ подъ лѣстницей въ гостинницѣ Belle Vue, то свернется на ночь на диванѣ у кого-либо изъ пріятелей. Онъ былъ человѣкъ совершенно особенный, ни на кого не похожій, ни по манерамъ, ни по поступкамъ, ни по костюму. Ему дозволялось всякое уклоненіе отъ общепринятыхъ приличій. На него не сердились когда онъ,

Уловленный силой вина несказанной,

начиналъ всѣмъ надоѣдать. На литературныхъ вечерахъ, когда ему приходилось участвовать, какъ автору своихъ разсказовъ, онъ не стѣснялся произносить съ эстрады такія слова, отъ которыхъ, какъ говорится уши вянутъ. И все это ему, за простоту его, съ рукъ сходило.

— Тезка, пощадите! — сказалъ ему одинъ разъ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, тоже принимавшій участіе въ чтеніи.

— Самъ слышалъ, ей Богу! У Калужскихъ воротъ въ кабакѣ, — отвѣтилъ наивно Якушкинъ.

На похоронахъ покойнаго Мартынова, когда поставили гробъ на погребальную колесницу, Павелъ Ивановичъ предложилъ выпрячь лошадей и везти прахъ великаго артиста на рукахъ. Предложеніе его было принято.

— Ваше превосходительство, земно вамъ кланяемся, обратился онъ къ оберъ-полицiймейстеру генералу Потапову: разрѣшите намъ — всей землей на рукахъ везти тѣло Мартынова!

Генералъ разрѣшилъ и колесницу повезли на рукахъ сквозь несмѣтныя толпы народа.

Въ послѣднiй разъ я видѣлъ Павла Ивановича наканунѣ того дня, въ который онъ долженъ былъ оставить Петербургъ.

— Городничiй чего-то освѣдомляется,—сказалъ онъ мнѣ совершенно спокойно.

— Какой городничiй?

— Полковникъ. Велѣно явиться. Прощай! Больше, можетъ, не увидимся. Вотъ она штука-то!

У Егорiя копытки ободралъ,
Съ колокольни ревуна спихнулъ:
Дѣло-то не большое, а судъ-то строгiй, —

окончилъ онъ, надѣвая поддевку.

В. О. Португалова.

(Послѣднiй этапъ Якушкина).

Естествоиспытатели и вообще люди науки давнымъ давно убѣдились, что нѣтъ въ природѣ двухъ капель воды, совершенно одинаковыхъ во всѣхъ отношенiяхъ. Тѣмъ паче это можно думать о двухъ людяхъ. Еще менѣе мыслимо такое сходство при сравненiи двухъ народовъ, особенно такихъ крупныхъ, какъ русскiй народъ и его западно-европейскiе сосѣди. Несомнѣнно, слѣдовательно, что не только каждый отдѣльный человѣкъ, но вообще всякое живое существо имѣетъ свои отличительныя особенности.

Сколько бы ни спорили наши «самобытники» съ представителями «гнилаго запада», но въ сущности и тѣ и другiе согласятся, что русскiй народъ, эта стомилліонная каша людей, имѣетъ свои несомнѣнныя особенности, отличающiя ее отъ всѣхъ остальныхъ народностей. Да, собственно говоря, противъ этого никто не сталъ бы спорить, еслибы эти особенности наши «самобытники» не возводили въ идеалъ, которому обязаны поклоняться всѣ народы земли, еслибы они не требовали, чтобы всѣ народы усвоили себѣ эти особенности, и наконецъ, еслибы не утверждали, что только эти особенности хороши и явятся спасенiемъ человѣчества, а особенности всѣхъ остальныхъ народовъ ужь такъ-таки никуда не годятся.

Ошибаются и тѣ, которые полагаютъ, что наши славянофилы первые открыли Америку и первые узнали истинныя особенности русскаго народа. Совсѣмъ нѣтъ. Сентиментальная теорiя, приписывавшая «самобытность» обособленную и исключительную русскому народу, дѣйствительно принадлежитъ славянофиламъ, но серьезное изученiе особенности русскаго народа и та вѣрная оцѣнка есть достоянiе позднѣйшаго времени, особой категорiи изслѣдователей, дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ, а не сантиментально преданныхъ интересамъ народа. Знакомство съ работами этихъ изслѣдователей внушаетъ самое глубокое и непритвор-

ное уваженіе къ нимъ. Самая работа ихъ обѣщаетъ въ будущемъ несомнѣнно плодотворные результаты.

Къ числу особенностей русскаго народа, какъ намъ кажется, слѣдуетъ отнести способность отрѣшиться отъ традицій, отъ установившихся предвзятыхъ взглядовъ. Съ необычайною легкостью русскій человѣкъ, вообще, и русскій простолюдинъ, въ особенности, отворачивается отъ взглядовъ и ученій цѣлой жизни, воспитанныхъ въ немъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Недавно намъ привелось быть свидѣтелемъ такой сцены: въ обширномъ кругу интеллигентныхъ людей, за круглымъ столомъ, впереди всѣхъ сидѣлъ простой русскій крестьянинъ Зосима, въ засаленномъ полушубкѣ, и излагалъ предъ нами свое религіозное міровоззрѣніе, въ основу котораго онъ ставилъ на первомъ планѣ пророчества. Всѣ наши доводы и возраженія онъ разбивалъ безпощадной логикой, вооруженной своего рода скептицизмомъ, коего девизомъ онъ избралъ часто повторяемое имъ изрѣченіе: «всякъ человѣкъ—ложь есть». Неподкупный критическій умъ давалъ Зосимѣ возможность тщательно анализировать всякія отвлеченныя понятія и искать для нихъ реальной почвы. Онъ намъ показался гигантомъ мысли, выросъ въ нашихъ глазахъ выше всѣхъ окружавшихъ его интеллигентовъ на этомъ вечерѣ. Извѣстно, какъ много хламу и предвзятыхъ взглядовъ накопилось въ нашихъ даже точныхъ наукахъ.—Что́, подумали мы, станется со всѣми этими гипотезами и лжетеоріями въ наукѣ, когда въ ней поселится въ будущемъ какой-нибудь Зосима, съ своимъ неподкупнымъ, безпощаднымъ критическимъ анализомъ? Какую пертурбацію произведетъ онъ въ ея хаотическомъ столпотвореніи!.. Но онъ навѣрное очиститъ ее отъ гнетущей ее массы заблужденій... — Намъ возражали, что Зосима — мужикъ, а не какой-нибудь Лютеръ.—Вѣрно, но позвольте, скажите пожалуйста, въ день появленія всѣхъ этихъ Лютеровъ, кто предвидѣлъ въ нихъ Лютеровъ? Вѣдь Лютерами они стали лишь впослѣдствіи, въ теченіи или даже въ концѣ своей дѣятельности, и съ самаго начала ни они сами, ни окружающіе ихъ не предугадывали въ нихъ ни Лютеровъ, ни реформаторовъ, ни выдающихся личностей вообще. Значитъ, заблуждаемся мы, требующіе, чтобъ каждый Зосима предсталъ предъ нами неиначе, какъ въ образѣ Лютера, въ образѣ уже признаннаго реформатора, и тогда мы предъ нимъ поклонимся. Правъ, значитъ, Зосима, недовольный окружающей его тьмою и ложью, и ищущій свѣта и правды прежде всего и во что бы то ни стало!.. Зосима значитъ прежде всего то, что называется такъ мѣтко на Руси— «цѣльная натура», неиспорченная воспитаніемъ и цивилизаціей. «Цѣльная натура», дѣйствительно, рѣдкое, исключительное явленіе; «цѣльная натура» нерѣдко вноситъ собою что-то новое въ рутину жизни, и обновляетъ ее и видоизмѣняетъ ея направленіе и теченіе.

Такой «цѣльной натурой» безспорно былъ и Павелъ Ивановичъ Якушкинъ!

Строй русской жизни дѣлаетъ нарожденіе «цѣльныхъ натуръ» явле-

ніемъ въ высшей степени цѣннымъ и полезнымъ. Недостатокъ свободы слова, отсутствіе общественнаго мнѣнія и общественныхъ учрежденій, могущихъ двигать общественную жизнь, полный застой мысли и крайняя вялость общественной дѣятельности, — все это вмѣстѣ взятое, ставитъ «цѣльныя натуры» въ исключительныя условія и придаетъ имъ особенно цѣнное значеніе.

Трудно рѣшить, что, при существующемъ строѣ русской жизни, важнѣе и цѣннѣе: люди чистой науки для науки или люди науки для жизни, публицисты и общественные дѣятели? Намъ кажется, что, не умаляя ни на волосъ значеніе первыхъ, вторые стоятъ значительно выше.

Мы живемъ въ странѣ съ весьма исключительными особенностями. Въ этой странѣ человѣку, получившему высшее образованіе, очень легко сдѣлаться болѣе или менѣе значительной спицей въ колесницѣ, пріобрѣсти (какими бы то ни было путями — все равно) весьма солидное положеніе, запастись весьма изряднымъ обезпеченнымъ капиталомъ, украсить свою беззаботную и далеко не хитрую службу множествомъ отличій и ранговъ. Все это очень и очень удобно и легко при извѣстномъ отношеніи къ окружающимъ условіямъ и къ существующему строю. Но несравненно труднѣе стать въ противорѣчіе съ этимъ строемъ, не искать мірскихъ благъ, какъ вознагражденія за «извѣстныя» заслуги, отрѣшиться отъ принятыхъ формъ общественнаго положенія и искать удовлетворенія своей души въ чемъ-то иномъ. Всю жизнь оставаться честнымъ человѣкомъ и не увлекаться страстью къ наживѣ, не эксплоатировать чужаго труда и проводить въ жизнь опредѣленные и извѣстные принципы, при извѣстномъ строѣ,—это положительно подвигъ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ соблазнъ и даже поощреніе идти инымъ путемъ.

Нужно еще замѣтить, что большинство нашей общественной интеллигенціи не отличается воспитаніемъ общественной доблести и общественныхъ характеровъ: большинство проявляетъ какую-то робость, поражающую своею безпричинностью; эта робость большею частью сводится на преобладаніе интересовъ «шкурнаго вопроса» и выражается страхомъ за обезпеченное свое положеніе. «Цѣльныя натуры» не боятся утраты пріобрѣтенныхъ благъ и завоеваннаго положенія; цѣльнымъ натурамъ, признаться, и терять-то нечего... Оттого «цѣльныя натуры» не страдаютъ отъ страха за свою шкуру и не бросаются въ глаза своею робостью. Они идутъ смѣло къ задуманной цѣли ими самими проложенными путями, не сворачивая въ сторону, и безъ всякихъ компромиссовъ съ совѣстью. Имъ не нужно лавровъ, они не ждутъ награды и поощренія, сама работа ихъ питаетъ, поддерживаетъ, облагораживаетъ и держитъ на высотѣ призванія.

Кажется, что таковы отличительныя черты истинныхъ народниковъ, людей, исключительно преданныхъ интересамъ народа, какъ ихъ понимаетъ самъ народъ, а не тѣ мнимые «народники», которые навязываютъ ему кабинетные вымыслы...

Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Россіи жилось,

вообще, довольно сносно. Каждый, въ отведенной ему сферѣ, зналъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, чтобы считаться на своемъ мѣстѣ. Лучшіе люди стремились впередъ и выдвигали на первый планъ свои добрые инстинкты, припрятавъ дурные...

Въ Самарѣ особенно какъ-то жилось спокойно и уютно. Тогдашній губернаторъ Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ—безукоризненной честности баринъ — считалъ своимъ point d'honneur'омъ не мѣшать выборнымъ учрежденіямъ развиваться... Въ Самарѣ почти при каждомъ учрежденіи была группа людей мыслящихъ и въ высшей степени гуманныхъ. При губернской самарской больницѣ (земской) старшимъ врачемъ состоялъ докторъ Кулаевскій—свѣтлая, честная, гуманная личность, чуть не идеалъ благородныхъ стремленій.

Однажды, осенью, въ концѣ сентября 1871 г., въ дождливые скучные сумерки прислуга *докладываетъ* мнѣ, что пришелъ кто-то, не то баринъ, не то изъ мужиковъ. Встрѣтивъ нежданнаго гостя, легко было догадаться, въ чемъ вся суть, когда посѣтитель назвалъ свое знаменитое имя: Павелъ Ивановичъ Якушкинъ! Нѣсколько минутъ спустя, это ужь былъ не гость, а дорогой членъ семьи, запросто, въ интимной бесѣдѣ сообщившій причину своего внезапнаго появленія.

Павелъ Ивановичъ былъ въ русскомъ костюмѣ, съ ситцевымъ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ въ карманѣ. Впечатлѣніе «мужичка» нѣсколько портило то, что онъ носилъ очки. Въ карманѣ у него постоянно была бутылочка съ веселящимъ сердце снадобьемъ, и онъ очень много курилъ. Въ немногихъ словахъ П. И. объяснилъ намъ, что онъ, самъ не зная за что, долго проживалъ въ Красномъ Яру астраханской губерніи; въ данную-же минуту ему позволили переѣхать въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ самарской губерн. По прибытіи въ Самару, губернаторъ Аксаковъ тотчасъ же хотѣлъ его выслать въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ,въ какую-нибудь трущобу. Нужно было устроить такъ, чтобы П. И. поступилъ въ больницу, чтобъ болѣзнь его не скоро прошла и— онъ могъ отдохнуть нѣсколько въ Самарѣ, гдѣ все-же было больше гуманныхъ людей и легче жилось, чѣмъ гдѣ нибудь въ уѣздномъ городишкѣ. 4 октября Павелъ Ивановичъ поступилъ въ больницу въ мое отдѣленіе. Онъ на это имѣлъ неотъемлемое право уже потому, что организмъ его былъ совершенно расшатанъ. Онъ постоянно страдалъ сердцебіеніемъ, удушьемъ, часто и сильно кашлялъ, а безсонница и нравственныя терзанія иногда доводили его до гибельныхъ злоупотребленій спиртными напитками. Въ больницѣ онъ пользовался исключительными привиллегіями и *полной свободой* (?). Это значитъ, что, оправившись нѣсколько отъ болѣзни, онъ могъ выходить куда угодно и вообще смотрѣть на больничную койку, какъ на временную квартиру, которой необходимость заставляла держаться; въ противномъ случаѣ, полиція грозила выслать куда нибудь въ уѣздъ.

Внѣ больницы Павелъ Ивановичъ близко сошелся и очень полюбилъ

извѣстнаго драматическаго актера, Модеста Ивановича Писарева. Онъ также часто посѣщалъ г. Андреевскаго, теперешняго редактора «Зари». Нерѣдко вся эта компанія сходилась и проводила время въ литературномъ собесѣдованіи. Была у насъ одна знакомая дѣвица, дочь крестьянина, дочь народа, съ киргизскимъ обличьемъ. Она очень хорошо пѣла русскія народныя пѣсенки, и Павелъ Ивановичъ очень любилъ усѣсться у рояля и вмѣстѣ съ нею пѣть:

Мы и пѣть будемъ и играть будемъ,
А смерть придетъ, помирать будемъ!

Нерѣдко Пав. Ив. любилъ разсказывать эпизоды изъ своихъ похожденій. Изъ нихъ мы поняли, что въ его похожденіяхъ, Боже упаси, рѣшительно не было никакой политической подкладки... Всѣ его хожденія въ народъ имѣли чисто литературныя цѣли и отчасти этнографическія: изученіе нравовъ, обычаевъ, знакомство съ міровоззрѣніями народа.

Думаю, что не впаду въ преувеличеніе, если скажу, что Павелъ Ивановичъ *первый* понялъ необходимость узнать, что желаетъ собственно народъ самъ и что желаютъ за него другіе? Въ этомъ вся его заслуга! Онъ, какъ Колумбъ, первый открывшій Америку, — первый проложилъ путь въ народъ для тщательнаго его изученія и ознакомленія съ его завѣтными думами. Въ этомъ отношеніи пальма первенства безспорно принадлежитъ ему и онъ по праву можетъ считаться родоначальникомъ настоящихъ народниковъ.

Во все время пребыванія П. И. въ Самарѣ, онъ никогда ничего опредѣленнаго не высказывалъ относительно себя лично. Были-ли у него какія-нибудь надежды, желалъ-ли онъ чего нибудь инаго, лучшаго, ждалъ-ли онъ какихъ-нибудь перемѣнъ въ жизни,—рѣшительно ничего сказать не могу. Кажется, что онъ жилъ, какъ говорятъ малороссы: «абы день до вечера». Повидимому, онъ былъ очень радъ, что вырвался изъ могилы, именуемой Краснымъ Яромъ, и до того былъ доволенъ этимъ воскресеньемъ, что не желалъ ничего лучшаго,—только бы ему не мѣшали хоть тутъ спокойно доживать свой вѣкъ. Литература—одна литература была, дѣйствительно, его храмъ, его святая святыхъ. Но онъ любилъ только литературу для народа и отъ народа, и всякая иная ему казалась дребеденью... Былъ у него одинъ богъ—народъ. Ему онъ вѣрилъ, ему поклонялся, и этотъ богъ земли русской былъ, по его мнѣнію, недосягаемо великъ. Едва-ли мыслимо иначе любить народъ, какъ любилъ его П. И. Якушкинъ, какъ любилъ онъ всѣ его хорошія и дурныя особенности.

Мы не видѣли человѣка въ жизни, настолько чуждаго суетности, настолько чуждаго стремленія къ личному счастью, заботливости о пріобрѣтеніи личнаго благосостоянія, какимъ всегда предъ нами являлся Якушкинъ. Человѣкъ чистой идеи и—больше ничего: достойный прототипъ всѣхъ истинныхъ народниковъ!

За все время кратковременнаго пребыванія въ Самарѣ. жизнь Павла Ивановича замыкалась больницей и двумя тремя знакомыми. Никуда онъ

не ходилъ, ничѣмъ особенно не интересовался: онъ не былъ въ своей сферѣ, среди любимой имъ стихіи—среди народа.

Вскорѣ по вступленіи въ больницу, Павелъ Иванов. настолько оправился, что сталъ выходить въ своемъ обычномъ и оригинальномъ костюмѣ.

Въ концѣ ноября онъ заразился въ больницѣ возвратной горячкой и заболѣлъ довольно серьезно. Хотя онъ перенесъ эту болѣзнь, но организмъ его на столько былъ истощенъ, что уже не могъ оправиться вполнѣ, сталъ все больше и больше хирѣть и умеръ отъ истощенія. Мы рѣшились вскрыть его и вотъ что, между прочимъ, оказалось: По снятіи мозговыхъ оболочекъ, обнаружился студенистый эскудатъ и потемнѣніе паутинной оболочки—ясные слѣды хроническаго воспалительнаго состоянія мозга. По разрѣзѣ мозга, мѣстами замѣтно было жировое перерожденіе. Сердце было покрыто толстымъ слоемъ жира, а самое сердце вялое, дряблое, мѣстами претерпѣло жировое перерожденіе; легкія болѣе всего были повреждены: они были изъѣдены гнойничками — кавернами. Печень, селезенка и почки — все жировой дегенераціи. Словомъ организмъ представлялъ характеристическіе признаки глубокого пораженія отъ хронически дѣйствовавшей причины. Какъ только разнеслась молва, что Павелъ Ивановичъ умеръ, тотчасъ нашлось нѣсколько добрыхъ людей, пожелавшихъ отдать послѣдній долгъ усопшему и — онъ былъ погребенъ съ рѣдкими въ провинціи заявленіями сочувствія и уваженія. Въ первый разъ въ Самарѣ хоронили частнаго человѣка съ музыкой.. Но мы хоронили Якушкина.

Павелъ Ивановичъ былъ рѣдкая, исключительная личность, что называется «цѣльная натура». Ему безспорно принадлежитъ починъ въ дѣлѣ изученія быта народа въ народѣ же. Всю свою жизнь онъ оставался неизмѣнно вѣренъ себѣ и умеръ на 52 году своего безупречнаго служенія русскому народу. Онъ жилъ жизнью народа, страдалъ русскимъ народнымъ недугомъ, прохворалъ народной русской болѣзнью—голоднымъ тифомъ, и умеръ на больничной народной койкѣ среди безпомощнаго бѣднаго русскаго люда... Никогда мы отъ него не слыхали ни одного слова ропота, какъ будто все случилось такъ, какъ тому и слѣдовало быть. И умеръ онъ, не оставивъ по себѣ ни гроша. Онъ все молилъ судьбу дотянуть до полученія денегъ изъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», чтобы быть погребеннымъ на свои трудовыя деньги. И дѣйствительно, въ день его погребенія было получено на его имя изъ помянутой редакціи нѣсколько рублей за его литературные труды.

— Припоминая все мое прошлое,—сказалъ предъ смертью Павелъ Ивановичъ,—я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя!

Не всякому суждено отправиться на тотъ свѣтъ съ такой чистой совѣстью и съ такимъ спокойствіемъ за все свое прошлое. Намъ остается лишь завидовать такой счастливой долѣ и пожелать, чтобъ свѣтлый образъ этого хорошаго человѣка не затерялся въ пучинѣ забвенія и вѣчно жилъ-бы предъ глазами подростающихъ поколѣній.

ПСКОВСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЪ ЯКУШКИНЫМЪ.

„Надѣньте нѣмецкое платье—вы становитесь подозрительнымъ народу; надѣньте русское—вы навлечете на себя подозрѣніе полиціи".
„Русская Бесѣда".

Памятное, надѣлавшее въ свое время чрезвычайнаго шуму и послужившее предметомъ цѣлой литературы, столкновеніе Якушкина съ полиціей въ Псковѣ не можетъ, конечно, быть обойдено въ его біографіи. Пожалуй, оно не лишено и общаго историческаго значенія для характеристики той горячей освободительной эпохи, отличавшейся и въ обществѣ и въ литературѣ, съ одной стороны, оживленнымъ прогрессивнымъ движеніемъ, съ другой,—молодымъ протестомъ и отрицаніемъ по отношенію ко всему, что носило рутинную, мрачную печать дискредитированнаго предшествовавшаго режима.

Для исторіи этого интереснаго момента въ развитіи нашей гражданственности псковское приключеніе Якушкина—само по себѣ куріозное и траги - комическое — составляетъ, намъ кажется, не лишнюю страничку. Сверхъ того, оно очень поучительно, даже и для нашихъ дней, еще въ томъ отношеніи, что показываетъ — съ какими препятствіями, непріятностями и лишеніями сопряжено у насъ для представителей интеллигенціи сближеніе съ народомъ и непосредственное, живое изученіе его! Русскій этнографъ съ самыми невинными и благими намѣреніями, отправляясь въ среду народа, рискуетъ собой почти въ такой-же степени, какъ иной европейскій путешественникъ, отваживающійся проникнуть въ какую нибудь невѣдомую, дикую и заколдованную для иноземцевъ страну... Это очень грустно, но это почти такъ.

Для ознакомленія нашихъ читателей съ «псковской Одиссеей» Якушкина, мы помѣщаемъ здѣсь его собственный живой разсказъ о ней. Возстановлять же здѣсь всю, возбужденную его разсказомъ, обширную литературу по этому предмету находимъ лишнимъ, да она заняла-бы

и очень много мѣста. Въ концѣ мы сообщимъ только библіографію ея и опишемъ вкратцѣ ея ходъ, отмѣтивъ наиболѣе характеристическіе въ ней эпизоды, съ необходимыми извлеченіями.

I.

Письмо Якушкина къ редактору „Русской Бесѣды".

Моя поѣздка въ Псковскую губернію не удалась по причинамъ, совершенно отъ меня независящимъ и именно по слѣдующимъ. Разскажу вамъ случившееся со мною во всей подробности. Досаду, негодованіе, отвращеніе, словомъ всѣ испытанныя мною ощущенія я передавать вамъ не стану, да и некогда. Вы сами хорошо поймете это, и безъ моихъ писаній. Ограничусь однимъ вѣрнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ самаго факта.

Объѣздивъ Талабское (по географіямъ Псковское) озеро, обойдя мѣста около Изборска и Печоръ, я 22 августа пришелъ во Псковъ, гдѣ хотѣлъ дней на пять остаться потому, во первыхъ, что я немного простудился, а, во вторыхъ, потому, что хотѣлъ привести въ порядокъ свои отрывочныя замѣтки.

Хозяева мои, Егоръ Васильевичъ Васильевъ и его супруга, были ко мнѣ очень внимательны; желая ихъ избавить отъ лишнихъ хлопотъ, я самъ отправился въ полицію прописать свой паспортъ. Это было часовъ въ 5, послѣ обѣда.

Въ полиціи дежурный квартальный надзиратель сказалъ мнѣ, что я для прописки своего паспорта долженъ идти въ первую часть.

— Сдѣлайте одолженіе: пропишите мой паспортъ! сказалъ я какому-то чиновнику, входя въ канцелярію первой части.

Чиновникъ взялъ мой паспортъ, посмотрѣлъ на него, потомъ взглянулъ на меня, и, кажется, его поразила моя одежда: я былъ одѣтъ порусски.

— Вы губернскій секретарь Якушкинъ? спросилъ онъ, недовѣрчиво смотря на меня.

— Точно такъ.

— Я покажу вашъ видъ частному приставу, сказалъ онъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я.

Этотъ господинъ пошелъ въ присутствіе къ частному приставу; черезъ минуту вернулся и пригласилъ меня идти къ частному, тоже въ присутствіе.

— Что вамъ? спросилъ меня частный, сидѣвшій за присутственнымъ столомъ въ бѣлой рубашкѣ и въ халатѣ на распашку. Его высоко-

благородію видно не хотѣлось сказать мнѣ *вы*, а съ *ты* оно относиться ко мнѣ не рѣшилось, потому оно благоразумно избѣжало мѣстоимѣній.

Онъ держалъ мой паспортъ, ему было сказано, зачѣмъ я пришелъ, самъ онъ позвалъ меня въ присутствіе, а потому и вооросъ его показался мнѣ страннымъ.

— Пришелъ просить записать мой паспортъ, отвѣчалъ я.

— Губернскій секретарь, грозно проговорилъ частный: какъ же можно такъ одѣваться?

— По роду моихъ занятій, отвѣчалъ я, со всевозможною учтивостью— мнѣ необходимъ этотъ костюмъ.

— Какія такія занятія, которыя требуютъ мужикомъ одѣваться?

Я подалъ ему письмо редактора «Русской Бесѣды», которымъ подробно объяснялись мои занятія, требующія мужицкаго платья.

— Всѣ бумаги фальшивыя, сказалъ онъ, прочитавъ письмо, какому-то господину, сидѣвшему за тѣмъ же столомъ. Тотъ господинъ посмотрѣлъ на бумаги, покачалъ головою и ничего не сказалъ.

— Подписи фальшивыя, бумаги фальшивыя! повторилъ частный, обращаясь ко мнѣ.

— Если фальшивыя подписи, какъ вы думаете, то вы, какъ мнѣ кажется, должны меня арестовать.

— Не разговаривать! крикнулъ разгнѣванный частный, такъ что стекла задрожали.

— Я долженъ вамъ сказать, господинъ частный приставъ, что я съ вами, какъ съ частнымъ человѣкомъ и говорить не хочу, а какъ частному приставу я долженъ вамъ отвѣчать на сдѣланное мнѣ замѣчаніе и, какъ частный приставъ, вы должны меня выслушать.

— А, такъ!... Пожалуйте, милостивый государь, въ канцелярію... Посмотримъ!...

Въ канцеляріи чиновники, слышавшіе мой разговоръ съ частнымъ, недружелюбно на меня посматривали и въ полголоса, однако такъ, чтобъ я слышалъ, поговаривали о фальшивыхъ бумагахъ.

— Да и не фальшивый видъ, заключилъ одинъ: полиція по одному подозрѣнію можетъ всякаго задержать.

— Неугодно ли *вамъ* немного потрудиться: пойдти съ господиномъ квартальнымъ въ полицію! сказалъ частный, входя черезъ полчаса въ канцелярію, видимо желая сострить на мой счетъ.

Угодно, неугодно, а надо было идти, куда приказано,—и я, не говоря ни слова, отправился съ квартальнымъ въ полицію.

— За что васъ арестовали? спросилъ меня, провожавшій меня, квартальный.

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Для чего вы одѣваетесь мужикомъ?

Я ему объяснилъ и показалъ письмо отъ редактора «Русской Бесѣды».

— Вѣрно васъ завтра выпустятъ, сказалъ квартальный, прочитавъ письмо.

— Какъ завтра? спросилъ я, не вѣря въ возможность арестовать человѣка на цѣлую ночь безвинно, по одной прихоти.

Квартальный не отвѣчалъ; ему было совѣстно исполнять приказаніе частнаго. Я это замѣтилъ, и мы замолчали. Я рѣшился не давать воли своему гнѣву, этого требовало и благоразуміе.

— Гдѣ дежурный? спросилъ квартальный, когда мы вошли *въ полицію*.

— Ушелъ почивать домой, отвѣчалъ солдатъ десятскій изъ малороссіянъ.

— Позвать ундера!

Пришолъ унтеръ-офицеръ, повидимому лицо въ полиціи значительное, которое солдатъ величалъ Николаемъ Ѳедосѣевичемъ Ѳедосѣевымъ приведшій меня квартальный шепнулъ ему что-то и скрылся.

— Пожалуйте въ эту комнату! сказалъ мнѣ господинъ Ѳедосѣевъ, указывая на *дежурную* комнату или, какъ здѣсь называютъ, на дворянскую (арестантскую).

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я ему, входя въ дворянскую: отошлите записку къ полиціймейстеру,—я сейчасъ напишу!

— Извините, отвѣчалъ тотъ,—я не могу этого сдѣлать: отъ г. полиціймейстера строгій приказъ — не посылать къ нему изъ полиціи никакихъ записокъ.

— Я долженъ здѣсь ночевать?

— Должны.

— Не могу-ли я у васъ попросить псковскихъ газетъ? скучно такъ сидѣть,—стану читать.

— Съ большимъ удовольствіемъ; я вамъ и свѣчку дамъ, читайте.

— Не хотите-ли ужинать? спросилъ меня г. Ѳедосѣевъ, входя ко мнѣ затѣмъ съ кипою «Псковскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Дневника».

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ я; не хочется.

— Покушайте, настаивалъ Николай Ѳедосѣевичъ, щи славные! Можетъ у васъ денегъ нѣтъ, робко прибавилъ онъ, такъ денегъ мнѣ не надо: щи я выплю за окно—все равно, мнѣ ихъ дѣвать некуда.

Какъ ни совѣстно было отказаться отъ такого радушнаго и честно предложеннаго ужина, я отказался.

— Можно здѣсь курить? спросилъ я у Ѳедосѣева.

— Курите, сколько хотите! отвѣчалъ тотъ. — Только я боюсь пожара,—такъ я солдата тутъ поставлю.

— Нѣтъ, не безпокойтесь,—я курить въ такомъ случаѣ не буду.

— Курите, пожалуйста — солдатъ во всякомъ случаѣ будетъ — курите, не курите—солдатъ тутъ обязанъ быть.

Ѳедосѣевъ ушелъ; я закурилъ папироску и сталъ просматривать «Псковскія Вѣдомости». Въ одномъ нумерѣ этихъ газетъ было объяв-

леніе о выходѣ книжки «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ другомъ—«Сына Отечества»: другихъ статей въ литературномъ отдѣлѣ не оказалось; но я никакъ не могъ заснуть. Диванъ, на которомъ я сидѣлъ, былъ такъ устроенъ, что на немъ не только лежать, но и сидѣть было довольно трудно; да къ тому же солдатъ, легшій у дверей, довольно сильно оказывалъ свое присутствіе.

— Вы не спите? спросилъ онъ меня часу въ двѣнадцатомъ.

— Да спать нельзя, отвѣчалъ я ему.

— Э! нельзя? Тутъ еще можно; вотъ, случается, въ арестантскую запрутъ: тамъ человѣку и дышать не можно, народу оттуда не выпускаютъ, тамъ и *поскудите*, духъ такой — быть нельзя, проговорилъ солдатъ малороссійскимъ выговоромъ и опять захрапѣлъ.

Я снова принялся за вѣдомости и никакъ не думалъ, что мнѣ тотчасъ же придется побывать въ арестантской, въ которой *быть нельзя*, по отзыву солдата! Я захотѣлъ открыть окно; не зная хорошенько полицейскихъ обычаевъ, я опасался разбудить солдата и потому довольно тихо подошелъ къ окну.

— Куда ты, собачій сынъ? крикнулъ проснувшійся солдатъ: въ окно хочешь выпрыгнуть! Я тебя...

Какъ я ни увѣрялъ его, что не хочу, да и не могу выпрыгнуть со втораго этажа,—солдатъ не вѣрилъ.

На шумъ пришелъ господинъ Ѳедосѣевъ.

— Вамъ не угодно было тутъ сидѣть? сказалъ онъ: вы хотѣли выпрыгнуть въ окно,—пожалуйте въ арестантскую!

Меня повели въ арестантскую.

Вы знаете, что я хожу по деревнямъ, выбираю избы для ночлеговъ поплоше; стало быть къ грязи присмотрѣлся, но такой грязи, какую я нашелъ въ *арестантской*, не дай Богъ вамъ видѣть: я буквально цѣлую ночь присѣсть не могъ: комната... нѣтъ не комната, а подвалъ, довольно большой, перегороженный, неизвѣстно для чего, пополамъ, съ мокрымъ поломъ, на которомъ *поскудятъ* и который никогда не чистятъ; съ однимъ окномъ въ четверть вышиной и въ аршинъ длиной... И этотъ подвалъ никогда не отворяютъ!

— Ты за что попалъ? спросилъ меня одинъ арестантъ, мальчикъ лѣтъ 18, какъ я увидалъ на другой день по утру, потому что въ арестантской огня не было.

— Не знаю, братъ!

— Вѣрно стянулъ что?

— Нѣтъ, пока Богъ помиловалъ...

— А ты за что? спросилъ я его въ свою очередь.

— Да отъ барина сбѣжалъ; напился пьянъ, да на улицѣ и подняли. Вотъ одиннадцать дней, какъ держатъ, хоть бы въ баню пустили.

Баня этому мальчику была необходима: каждый волосъ на головѣ буквально былъ усѣянъ извѣстными насѣкомыми.

— Что жъ съ тобою будетъ?

— А приведутъ меня къ господамъ моимъ; тѣ ту же пору половину головы обрѣютъ, выпорютъ, а тамъ черезъ три дня еще выпорютъ, а тамъ еще черезъ три дня выпорютъ:—до трехъ разъ, да и оставятъ.

— А развѣ бывало ужъ съ тобой это?

— Въ другой разъ... Не знаешь ли ты, человѣкъ милый, сказки какой? спать не хочется.

Я сталъ ему разсказывать исторію Ветхаго Завѣта.

— Однако я вижу, ты изъ книгъ говоришь, сказалъ мужикъ, выходя изъ за перегородки нашей арестантской, и до того времени спавшій.

— Вѣрно ты слыхалъ, а можетъ и самъ читалъ эти книги? спросилъ я его.

— Попы читаютъ, отвѣчалъ тотъ позѣвывая. Скажи, человѣкъ *душевный*, за что тебя схватили? спросилъ онъ меня.

— Я не мужикъ, а надѣлъ мужицкое платье; за это и посадили.

— Какъ, за мужицкую одежу?

— Да, за мужицкую одежу.

— Да развѣ мужикъ не человѣкъ?

На этотъ вопросъ я не зналъ, что могу сказать, а потому и не отвѣчалъ ему.

— Мужикъ тоже человѣкъ! убѣдительно говорилъ мой новый товарищъ. Разсказывай, что въ книжкахъ читалъ! прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

Я сталъ продолжать разсказъ исторіи Ветхаго Завѣта. Дошло дѣло до Іосифа.

— А, другъ любезный, спросилъ меня мужикъ: Іосифа прекраснаго?

— Ну-да, Іосифа прекраснаго...

— Говори, говори! одобрительно проговорилъ мужикъ.

— Сидѣлъ Іосифъ въ темницѣ, въ которой сидѣли также хлѣбодаръ и виночерпій...

— Все равно, какъ мы здѣсь въ тюрьмѣ сидимъ, другъ душевный!— перебилъ меня мужикъ. Присядь, да разсказывай: что ты все стоишь? Присядь!

Я отказался отъ его приглашенія: разсказывать мнѣ наскучило и я спросилъ мужика: за что онъ сидитъ?

— А вотъ видишь ты, другъ душевный, заболѣла у меня губа; пошелъ, другъ душевный, къ волхвамъ, а тѣ волхвы дали мнѣ траву— прикладывай молъ къ больной губѣ. И разнесло жь губу — сказать нельзя!. Прихожу къ барынѣ... а барыня у насъ милосердая... «Ты, говоритъ, теперь человѣкъ убогій,—ступай, самъ корми свою душу». Вотъ въ третьемъ году напился я пьянъ,—завалился на улицѣ; меня поднялъ Архипка... десятскій здѣсь... переночевалъ. По утру въ присутствіе, къ полицмейстеру.—«Зачѣмъ пьянъ напился»? —Такъ и такъ: получилъ деньги за работу... «Посадить!»... крикнулъ тотъ. Ну, другъ любезный, здѣсь царство небесное; а не приведи тебѣ Гос-

подь побывать въ земскомъ судѣ—просто быть нельзя!.. Повели меня, добраго молодца, изъ полиціи въ земскій судъ, продержали меня ровно двѣ недѣлечки, а тамъ отправили къ становому, въ станъ... У станового я тебѣ скажу, другъ любезный, сказать нельзя какъ хорошо: выйдешь себѣ на крылечко, закуришь трубочку и сидишь... Становой мимо пройдетъ, крикнетъ:—«Ѣлъ щи?» Ты ему, самъ разумѣй, скажешь: ѣлъ, не ѣлъ ли.—«Не ѣлъ! дать щей».—Вотъ, другъ любезный, продержали въ Изборскѣ въ стану дней пять, послали къ барынѣ, а барыня говоритъ: не надо мнѣ его. Меня опять къ становому, отъ него въ земскій судъ, изъ суда въ полицію, а тутъ ужъ выпустили.

— А теперь то тебя за что взяли? спросилъ я.

— Видишь, другъ любезный, работалъ я у мужика... верстъ пять отъ города... хлѣбъ убиралъ; хозяинъ привелъ меня въ питейный. Деньги всѣ мнѣ отдалъ, да и поилъ на свои... Было, другъ душевный, выпито не мало!.. Пошелъ я домой, да и зашелъ подъ дилижансы: отыскали тамъ меня, да въ полицію; было 80 копѣекъ—и тѣ пропали!

— Слава Богу! сказалъ я.

— Какой—славу Богу? 80 копѣекъ, говорятъ тебѣ, пропали!

— На 80 копѣекъ опять бы напился, опять бы взяли, сказалъ я.

— Куда жъ дѣть? напился бъ... а, пожалуй, и взяли бъ: мнѣ такое счастье! Какъ напьюсь, такъ и возьмутъ: и во хмѣлю хорошъ.

— Опять бы продержали недѣлю, продолжалъ я.

— Ну, нѣтъ! недѣлей не обойдешься: дай Богъ въ мѣсяцъ покончить; да и то еще какъ Богъ приведетъ!

— Теперь же что съ тобой будетъ?

— Теперь опять въ земскій судъ, а тамъ къ становому; становой пошлетъ къ барынѣ, а та барыня опять скажетъ: «а ты мнѣ не надобенъ.»— Опять поведутъ въ станъ въ Изборскъ, а изъ Изборска въ земскій судъ, а изъ того земскаго суда въ полицію. А тутъ увидитъ полковникъ, полицмейстеръ, скажетъ собачьяго сына, да и выпуститъ... Я ничего не боюсь, прибавилъ онъ: сидѣть помалу случается, скучно бываетъ, а я духу не боюсь!..

Разсвѣло. Было около 9 часовъ, пріѣхалъ въ полицію частный приставъ.

— Гдѣ губернскій секретарь Якушкинъ? къ частному!

Повели меня вверхъ.

— Какъ вы смѣли надѣвать ордена? спросилъ меня ласковымъ голосомъ частный.

— Какъ ордена? спросилъ я, изумившись.

— Его видѣли въ орденахъ въ среду, а онъ не знаетъ! продолжалъ частный.

— Кто же видѣлъ?

— А вотъ кто! сказалъ онъ, указывая на служащаго въ полиціи чиновника, который былъ въ присутствіи.

— Да, я видѣлъ. Вы шли отъ собора, заговорилъ чиновникъ: я посмотрѣлъ на грудь, а грудь вся орденами завѣшана... Я еще подумалъ: какой молодецъ!

— Въ этотъ день вы не могли меня видѣть въ Псковѣ, отвѣчалъ я ему,—не только въ орденахъ, но и безъ орденовъ: я въ этотъ день былъ въ Изборскѣ у тамошняго благочиннаго.

— Это мы справимся! сказалъ, улыбаясь, частный.

— Я васъ прошу справиться.

— А какъ вы, милостивый государь, въ окошко хотѣли выпрыгнуть? самымъ любезнымъ голосомъ продолжалъ частный.

Не помню, отвѣчалъ ли я что нибудь на этотъ вопросъ. Кажется, нѣтъ.

Пріѣхалъ полиціймейстеръ. Съ перваго раза видно было, что онъ человѣкъ, что называется, *добрѣйшій*, съ ловкими добрѣйшими манерами и веселаго нрава...

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Псковскую губернію?—спросилъ онъ, когда меня снова ввели въ присутствіе.

Я ему, вмѣсто отвѣта, показалъ письмо отъ редактора «Русской Бесѣды».

— Гдѣ вы учились?

Я ему сказалъ.

— Да... Вотъ ваши бумаги, возьмите ихъ!

— Гдѣ вы остановились? спросилъ онъ.

— У Егора Васильевича Васильева, отвѣчалъ я.

— Въ конторѣ рижскихъ дилижансовъ?.. знаю! Прощайте, можете идти, куда угодно!

— Позвольте, полковникъ! заговорилъ я, немножко обиженный такой милостью.—Ежели я виноватъ, то долженъ быть наказанъ: я не хочу отъ васъ никакой милости; а ежели понапрасну меня задержали здѣсь цѣлую ночь, то вы должны наказать того, кто меня сюда посадилъ.

— Да чѣмъ же васъ обидѣли? спросилъ меня полиціймейстеръ.

— Какъ чѣмъ? спросилъ я, удивленный этимъ вопросомъ: цѣлую ночь просидѣлъ здѣсь... Развѣ я подозрительный человѣкъ?

— О, нѣтъ! отвѣчалъ онъ: было бы хоть мало подозрѣнія, я-бъ васъ не выпустилъ! У насъ это не считается за порокъ, продолжалъ любезно полиціймейстеръ: у насъ свои чиновники... и тѣхъ сажаютъ.

— Ваши чиновники могутъ не обижаться.

— Чего вы хотите? прервалъ онъ меня.

— Позвать прокурора и объявить ему это происшествіе.

— А а!.. Къ губернатору! крикнулъ полиціймейстеръ.

Квартальный надзиратель съ будочникомъ повели меня, но не къ губернатору, котораго въ Псковѣ въ то время не было, я къ какому-то «начальнику», управлявляющему губерніей. Этого начальника на ту пору не было дома. Черезъ четверть часа пріѣхалъ полиціймейстеръ.

— Его превосходительство ѣдутъ, торопливо проговорилъ дежурный чиновникъ, взглянувъ въ окно.

Полицiймейстеръ вышелъ въ сѣни, поговорилъ о чемъ-то съ его превосходительствомъ.

Вошло его превосходительство.

— Я думаю послать за справкой въ Малоархангельскъ, въ земскiй судъ,—сказалъ онъ, просмотрѣвъ мои бумаги.

— Помилуйте, ваше превосходительство!—сказалъ я, вспомнивъ недавнiе разсказы о томъ, какъ въ полицiи и земскомъ судѣ скоро дѣла дѣлаются: это долго протянется...

— Довольно долго, а вы пока посидите въ полицiи!

Меня обратно привели въ дворянскую. Минутъ черезъ десять вошелъ ко мнѣ полицiймейстеръ, наговорилъ любезностей, назвалъ меня «мой милый» и ушелъ. Едва успѣлъ онъ уйти, какъ вошелъ старикъ квартальный.

— Что ты задумалъ? закричалъ онъ; — съ самимъ полковникомъ *) (энергическое слово)... Да и какъ ты, губернскiй секретарь, смѣлъ носить мужицкое платье? — Я тебя въ Сибирь упеку (энергическое слово)... Я своему Государю подпоручикъ, хоть худенькое платье, да все дворянское...

Вовсе не чувствуя самолюбiе свое оскорбленнымъ квартальнической бранью и не желая перебранкою становиться съ нимъ на одну доску, я ему не отвѣчалъ на слова, не смотря на то, что эта брань продолжалась болѣе часа. Къ вящему моему удовольствiю, этотъ господинъ не позволялъ затворять дверей, и всѣ просители, приходившiе въ полицiю, считали долгомъ *подивиться* на меня.

Былъ часъ уже четвертый, а ѣсть мнѣ не хотѣлось, и я снова не могъ не отказаться отъ предложеннаго мнѣ Николаемъ Ѳедосѣевичемъ обѣда.

— Милый мой! проговорилъ полицiймейстеръ, входя ко мнѣ въ дворянскую на другой день поутру. Зачѣмъ вы здѣсь сидите?

— Вамъ угодно было посадить меня.

— Ступайте, сейчасъ же ступайте!

Я вышелъ. Разстроенный, не ѣвши и не спавши почти двое сутокъ, я не захотѣлъ ни минуты оставаться во Псковѣ и ушелъ въ г. Островъ. Въ это время я перемѣнилъ свою поддевку на худенькiй кафтанишко. На третiй день возвратился во Псковъ и взялъ билетъ, чтобы по чугункѣ ѣхать въ Петербургъ.

Я былъ уже въ вагонѣ и очень спѣшилъ уѣхать. Почему-то все еще боялся приключенiй. Къ несчастiю, мои опасенiя оправдались. Когда я думалъ — обойдется ли дѣло безъ нихъ, раздался громкiй голосъ въ дверяхъ вагона:

— Кто здѣсь въ очкахъ?

---

*) Подполковниковъ въ этомъ быту всегда величаютъ полковниками.

Дѣло очевидно касалось меня, но я промолчалъ.

— Да тутъ нѣтъ въ очкахъ, — проговорилъ какой-то мужиченко. Лѣзь подъ лавку! шепнулъ онъ, толкая меня локтемъ.

Я не рѣшился на этотъ подвигъ.

— Я его узнаю, сейчасъ же узнаю! кричалъ какой-то квартальный, влѣзая въ вагонъ, и съ этими словами, схвативъ меня за воротъ, вытащилъ изъ вагона.

Этотъ квартальный, какъ послѣ оказалось, имѣлъ удивительныя предчувствія: они, по его словамъ, никогда его не обманывали, и, къ несчастію, эти предчувствія заставляли его думать обо мнѣ Богъ знаетъ что.

Здѣсь же былъ и частный.

— Э!—кричалъ квартальный: да ты не простая птица! Пять минутъ назадъ своими глазами видѣлъ тебя въ плисовой поддевкѣ. Ты у меня заговоришь! Зачѣмъ переодѣваешься?

— Пять минутъ назадъ вы не могли видѣть меня въ плисовой поддевкѣ: гораздо раньше я ее перемѣнилъ, отвѣчалъ я.

— Каковъ! продолжалъ квартальный, обращаясь къ частному: своими глазами видѣлъ его въ плисовой поддевкѣ; — я за нимъ два часа смотрѣлъ.

— Я самъ видѣлъ, рѣшилъ частный.

— Что ты на это скажешь? грозно крикнулъ квартальный.

— Нельзя-ли слово *ты* выкинуть изъ нашего разговора? сказалъ я.

Квартальный было расходился; но частный его усмирилъ.

Около насъ собралось довольно много мѣщанъ и мужиковъ. Изъ этой толпы слышались слова: «ученаго схватили»... Эти слова были произнесены многими съ замѣтнымъ ко мнѣ сочувствіемъ.

Квартальный съ частнымъ поѣхали къ полиціймейстеру, а меня будочникъ повелъ въ полицію, откуда, пріѣхавшій за мной, квартальный повезъ къ полиціймейстеру.

— Здравствуйте, мой милый!—сказалъ мнѣ полиціймейстеръ, когда я вошелъ къ нему: какой костюмъ!

— Скажите, полковникъ,—спросилъ я: за что меня схватили?

— За переодѣванье, мой милый!

— Пять минутъ назадъ я видѣлъ его въ плисовой поддевкѣ, проговорилъ, улыбаясь, частный.

— И я тоже, подтвердилъ квартальный: мы его караулили.

Опять повели меня въ полицію, гдѣ я высидѣлъ снова шесть дней!.. Я хотѣлъ писать въ Петербургъ, въ Москву, къ своимъ знакомымъ; но мнѣ не позволили. На третій день мнѣ задали какіе-то *вопросные пункты:* какого я вѣроисповѣданія? женатъ или нѣтъ? есть ли дѣти и гдѣ оныя находятся? знаю ли я грамотѣ? и т. п. Я тотчасъ же написалъ, что я вѣроисповѣданія православнаго, холостъ, грамотѣ знаю, и отдалъ эти *вопросы* квартальному, который мнѣ сказалъ: напрасно торопились—эти бумаги раньше недѣли никуда не пойдутъ.

Сидѣли-ли вы въ карцерѣ? — скучно сидѣть одному! Но вы не можете себѣ представить, что испытываетъ человѣкъ, когда его не оставляютъ ни на минуту одного, а въ моей комнатѣ постоянно и день и ночь сидѣлъ десятскій.

— Христа ради, позвольте мнѣ написать моимъ знакомымъ! нѣсколько разъ говорилъ я полиціймейстеру.

— Пишите, милый мой, пишите, *мечтайте!* обыкновенно отвѣчалъ онъ. Но вотъ бѣда: никто не брался отнести мои письма на почту, боясь учинить беззаконіе.

Погода была дурная и довольно холодная; полицію стали оклеивать новыми обоями и всѣ окошки открыли.

— Позвольте мнѣ, хоть одну строчку написать въ Москву! сказалъ я полиціймейстеру, когда тотъ на четвертый день вошелъ ко мнѣ и успѣлъ уже назвать меня «мой милый».

— Пишите, кому хотите!

— Здѣсь никто не берется отнести мои письма на почту,—прикажите!

— Эй квартальный! крикнулъ полиціймейстеръ. Я, тебя...

Не помню хорошенько всей фразы, сказанной полиціймейстеромъ квартальному; могу только сказать, что эта фраза была очень энергична.

Разумѣется, я воспользовался этимъ позволеніемъ и тотчасъ же написалъ три письма. Позволеніе я получилъ въ исходѣ 12-го часа, по почтѣ принимаютъ до 12 часовъ; я торопился и, вѣрно, мои письма не совсѣмъ складно были написаны. Одно изъ нихъ было адресовано къ одному довольно значительному лицу въ Москвѣ...

— Скажите пожалуйста, говорили мнѣ потомъ въ полиціи: видно по вашимъ письмамъ, да и сами вы говорите, что вашими занятіями интересуются *такіе* люди; какъ же они допускаютъ васъ до такого положенія?

— Какъ, до такого?

— Да помилуйте, худой кафтанишко!...

Этимъ господамъ я никакъ не могъ растолковать, для чего я ношу такое платье.

— Что вы здѣсь дѣлаете, мой милый? спросилъ меня полиціймейстеръ, входя ко мнѣ на шестой день въ дворянскую.

— Помилуйте, полковникъ, отошлите меня въ острогъ, здѣсь быть нельзя, вы сами видите!

— Въ острогѣ хуже... А даете ли мнѣ слово—выѣхать изъ Пскова... нынче же.

— Непремѣнно выѣду!

— Ну, прощайте, мой милый!... Ничего объ немъ не писать!—крикнулъ полиціймейстеръ въ канцелярію.

Я въ тотъ же день уѣхалъ изъ Пскова.

Какъ ни непріятны мнѣ воспоминанія объ этой исторіи, но и въ ней мнѣ видны свѣтлыя минуты: съ искреннимъ удовольствіемъ я вспоминаю

участіе, которымъ я пользовался отъ полицейскаго унтеръ-офицера Николая Ѳедосѣевича Ѳедосѣева; никогда не забуду жены десятскаго, которая приходила ко мнѣ съ предложеніемъ поиграть въ мельники. Трудно представить себѣ, какъ эти добрые люди, видя человѣка въ несчастіи, искренно, родственно желали облегчить минуты тяжкаго моего плѣна.

Посылаю имъ привѣтъ, жму руки имъ и десятскому; который заподозрѣлъ меня и засадилъ въ арестантскую не дворянскую — *въ ней же быть нельзя*, и который послѣ совѣстился взглянуть на меня и избѣгалъ со мною встрѣчи!

Долгомъ считаю сказать: 1) Что ни Николаю Ѳедосѣевичу, ни кому изъ десятскихъ, ни ихъ женамъ — я не далъ ни копѣйки; да и никому изъ полицейскихъ чиновниковъ, кромѣ древней серебряной копѣйки, которую я отдалъ самъ квартальному надзирателю подъ сохраненіе и которая, я увѣренъ, будетъ мнѣ возвращена.

2) Что никто моихъ бумагъ (у меня другихъ вещей съ собой не было) не осматривалъ; три раза арестовывали безъ допроса; три раза выпускали, и каждый разъ выпускали, говоря, что я человѣкъ неподозрительный.

3) Обо мнѣ никакихъ справокъ не дѣлали.

Если полиція находила мой видъ незаконнымъ, то не имѣла права меня миловать. Если находила мои бумаги фальшивыми, какже меня выпустили? Если свидѣтельство чиновника, о надѣванныхъ, будто бы, мною орденахъ, и квартальнаго (хваставшаго предчувствіями) о моемъ переодѣваньи, были уважительны, отчего не было произведено слѣдствіе? Если онѣ ложны, то какже допускать подобную легкость лжесвидѣтельства съ личностью и терпѣть такихъ людей въ полиціи? Какже можно такъ обращаться съ личностью человѣка? Этотъ произволъ не выкупается ни гвардейскою любезностью полиціймейстера, ни позднею учтивостью частнаго пристава.

II.

Отвѣтъ Гемпеля на статью Якушкина.

22-го Августа г. Якушкинъ былъ представленъ мнѣ приставомъ 1-й части, за неимѣніемъ законнаго вида, вмѣсто котораго г. Якушкинъ предъявилъ копію съ прошенія, поданнаго имъ становому приставу Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда. Въ прошеніи томъ было сказано, что г. Якушкинъ въ 1857 году потерялъ отпускной билетъ, выданный ему изъ Харьковскаго уѣзднаго училища, безъ обозначенія числа

и мѣсяца, и должности, которую онъ занималъ въ уѣздномъ училищѣ. Это обстоятельство, прямо противорѣчившее закону, по которому никто не можетъ проживать безъ установленнаго вида, заставило меня задержать г. Якушкина и представить, вмѣстѣ съ его видомъ, г. исправляющему должность начальника губерніи. Г. управляющій губерніею нашелъ видъ г. Якушкина совершенно незаконнымъ и велѣлъ задержать его впредь до полученія о немъ справокъ, почему я заарестовалъ г. Якушкина при полиціи, въ дежурной комнатѣ и велѣлъ сдѣлать сношеніе о дѣйствительности его показанія съ харьковскимъ уѣзднымъ училищемъ и малоархангельскимъ земскимъ судомъ. Послѣ того, 23-го августа утромъ, придя въ полицію, я зашелъ въ комнату, гдѣ находился г. Якушкинъ, и объяснилъ ему, какія могутъ быть послѣдствія его оплошности отъ неимѣнія при себѣ законнаго вида, на что г. Якушкинъ сказалъ мнѣ, что онъ уже разъ былъ задержанъ какимъ-то становымъ и потомъ, вслѣдствіе его просьбы, освобожденъ; при этомъ г. Якушкинъ убѣдительно просилъ меня объ освобожденіи его изъ подъ ареста. Будучи тронутъ просьбою г. Якушкина и по человѣческому чувству состраданія, я повѣрилъ клятвамъ г. Якушкина въ дѣйствительности званія его и въ томъ, что неимѣніе законнаго вида есть одно его незнаніе всѣхъ формальностей, и, несмотря на отвѣтственность, могущую пасть на меня за неточное исполненіе приказанія г. начальника губерніи, освободилъ его изъ подъ ареста, взявъ съ него честное слово—на другой день отправиться изъ Пскова.

При этомъ, разсмотрѣвъ поношенный костюмъ г. Якушкина, который состоялъ изъ поношенныхъ кучерской плисовой поддевки и такихъ же шароваръ, спущенныхъ въ голенище, я предложилъ ему на дорогу 1 р. сер., отъ котораго онъ не только не отказался, но который съ удовольствіемъ принялъ.

25-го августа полиція получила секретную бумагу изъ Верровскаго Орднунгъ-Герихта, что въ одну корчму заходили двое прохожихъ и у одного изъ нихъ, при расплатѣ за обѣдъ, замѣчено было нѣсколько депозитныхъ билетовъ. На другой день, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ корчмы, тотъ, у котораго были деньги, найденъ убитымъ. Описанный въ бумагѣ костюмъ товарища убитаго имѣлъ большое сходство съ костюмомъ г. Якушкина. Это возбудило во мнѣ невольное подозрѣніе на г. Якушкина и я тотчасъ приказалъ приставу 1-й части и квартальному надзирателю 2-го квартала—разузнать, не находится ли еще въ городѣ г. Якушкинъ. По справкамъ оказалось, что онъ былъ въ одномъ кабакѣ, и заложилъ тамъ свою плисовую поддевку и потомъ ушелъ — куда, неизвѣстно. Въ тотъ же вечеръ приставъ и квартальный съ десятскимъ отправились на станцію желѣзной дороги и нашли г. Якушкина, сидѣвшаго въ вагонѣ 3 класса; замѣтивъ квартальнаго, онъ снялъ очки и сталъ прятаться за сидѣвшаго съ нимъ рядомъ мужика: тогда приставъ задержалъ его и представилъ прямо ко мнѣ. Тутъ первое, что бросилось

мнѣ въ глаза, было то, что г. Якушкинъ, вмѣсто своей прежней плисовой поддевки, былъ теперь переодѣтъ въ сѣрый—оборванный полукафтанъ, и находился въ нетрезвомъ видѣ. Онъ началъ мнѣ приносить жалобы, что его задержали, не зная за что; но я былъ столь осмотрителенъ, что не объясняя ему причины, могущей его оскорбить, сказалъ только, что г. приставъ задержалъ его потому, что нѣсколько дней тому назадъ, видѣлъ его въ плисовой поддевкѣ, а теперь въ изорванномъ сѣромъ полукафтанѣ, что и возбудило его невольное подозрѣніе. Тутъ же я замѣтилъ г. Якушкину, что онъ въ нетрезвомъ видѣ, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что всѣ умные люди любятъ выпить. Послѣ этого, найдя лишнимъ объясняться съ нимъ далѣе, я попросилъ его снова остаться подъ арестомъ, до времени полученія о немъ справокъ, и велѣлъ унтеръ-офицеру, находящемуся при полиціи, исполнять, по возможности, желанія г. Якушкина, снабжать его обѣдомъ и прислуживать ему. Спустя три дня, я узналъ отъ директора псковской гимназіи, что г. Якушкинъ дѣйствительно изучаетъ бытъ русскаго народа и что по этому предмету есть его статьи, помѣщенныя въ «Русской Бесѣдѣ». Вслѣдствіе этого, я велѣлъ его освободить изъ подъ ареста и, попросивъ къ себѣ, объяснилъ ему вторично, что по письменному виду его, я долженъ бы былъ задержать его впредь до полученія справокъ, и что это должно продлиться не менѣе трехъ мѣсяцевъ, но что я согласенъ освободить его, такъ какъ я получилъ о немъ нѣкоторыя удовлетворительныя свѣдѣнія отъ директора гимназіи. При этомъ я совѣтовалъ ему отправиться прямо въ Москву, для полученія законнаго вида на проживаніе во всѣхъ городахъ.

Г. Якушкинъ, прощаясь со мною, просилъ дать ему еще денегъ; я отдалъ бывшіе при мнѣ въ то время 3 р. 7 к. сер., и съ того времени не знаю, куда отправился г. Якушкинъ. Спустя нѣсколько дней, я узналъ, что г. Якушкинъ, во время своего ареста, взялъ у унтеръ-офицера Ѳедосѣева, находящагося при полиціи, 10 руб. сер., которые я тогда же приказалъ уплатить изъ моего жалованья. А когда получилъ изъ Москвы отъ г. Аксакова 50 р. сер., для передачи г. Якушкину, то я въ тотъ же день отправилъ ихъ обратно, не упомянувъ даже изъ деликатности, что г. Якушкинъ взялъ у меня 4 р. 7 к. и отъ унтеръ-офицера Ѳедосѣева 10 р. сер., которые и понынѣ, въ теченіе болѣе $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, не возвращены.

Что касается до обвиненія меня г. Якушкинымъ въ томъ, что я посадилъ его въ общую арестантскую, то это объясняется слѣдующимъ образомъ: г. Якушкинъ, во время перваго ареста, въ три часа ночи, замѣтивши, что находившійся при немъ дежурный десятскій задремалъ—отворилъ окно и свѣсилъ ноги, намѣреваясь, вѣроятно, спрыгнуть. Десятскій услыхалъ стукъ, схватилъ его за руки и закричалъ. На крикъ пришелъ унтеръ-офицеръ Ѳедосѣевъ и, побоявшись, чтобы г. Якушкинъ снова не повторилъ своего намѣренія, до моего прибытія посадилъ его въ общую арестантскую.

Таковы были обстоятельства этого дѣла. Правъ ли я *юридически*— пусть судитъ публика; а что я долженъ былъ поступать *юридически*— въ томъ, надѣюсь, согласится всякій, кто вспомнитъ, что я лицо оффиціальное, человѣкъ, обязанный руководствоваться статьями закона и не отступать отъ нихъ ни на шагъ. Крайне непредставительная личность г. Якушкина, постоянно нетрезвый видъ его, переодѣванья, сопряженныя съ этимъ другія постороннія обстоятельства, о которыхъ я говорилъ выше, отсутствіе законнаго вида, все это должно было, по неволѣ, возбудить мое подозрѣніе.

Что касается до моей гвардейской любезности, надъ которою такъ мило шутитъ г. Якушкинъ, то я, право, не могу ручаться, что не назвалъ г. Якушкина «мой милый». Такое выраженіе невольно вырывается у человѣка, когда передъ нимъ стоитъ другой—оборванный, въ нетрезвомъ видѣ и принимающій, какъ милость, рубль, три рубля, да еще и копѣйки. Я бы не упоминалъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, еслибъ г. Якушкинъ не самъ вызвалъ меня на это. Ужъ если онъ началъ говорить о моей любезности, то не мѣшало бы ему прежде упомянуть о той, которая дала ему средство выѣхать изъ Пскова.

Въ заключеніе, замѣчу еще одно: въ статьѣ своей г. Якушкинъ между прочимъ посылаетъ поклонъ и дружески жметъ руку полицейскому унтеръ-офицеру Ѳедосѣеву... Я думаю, что этому человѣку было-бы гораздо пріятнѣе получить, вмѣсто теплаго привѣта, десять руб. сер., которыми онъ снабдилъ г. Якушкина и которыхъ этотъ послѣдній до сихъ поръ не потрудился выслать. Такое забвеніе уменьшаетъ умилительное впечатлѣніе, производимое дружбою г. Якушкина къ бѣдному унтеръ-офицеру. Я сказалъ все. Знаю, какъ трудно мнѣ бороться въ печати съ г. Якушкинымъ; на его сторонѣ—талантъ, даръ смѣяться забавно и остро, роль жертвы всегда возбуждающая сочувствіе, предубѣжденіе публики противъ полиціи, наконецъ нѣкоторыя ошибки съ моей стороны; въ свою защиту я призову одну истину, истину, которую подтверждаютъ факты и которую такъ умышленно и сказалъ г. Якушкинъ. Положа руку на сердце, могу сказать, что, какъ человѣкъ, я высказалъ и доказалъ *фактически* свое сочувствіе къ г. Якушкину, а, какъ лицо офиціальное, не имѣлъ никакого права отступить отъ законнаго порядка. Правда, я нарушилъ этотъ порядокъ тѣмъ, что, изъ снисхожденія, выпустилъ г. Якушкина изъ подъ ареста до собранія нужныхъ справокъ; но, надѣюсь, никто изъ публики не поставитъ мнѣ этого въ вину, хотя передъ начальствомъ своимъ я и обязанъ отвѣчать за нарушеніе постановленій.

Псковскій-полицеймейстеръ Валерьянъ Гемпель.

«Спб. Вѣд.» 1860 г., № 239.

III.

Возраженіе Якушкина на письмо Гемпеля.

Г. псковскій полиціймейстеръ въ отвѣтѣ своемъ на мою статью, помѣщенную въ V книгѣ «Бесѣды», старается, оправдывая себя, бросить тѣнь сомнѣнія на справедливость моего разсказа, на мои поступки и даже на поведеніе. Отвѣчаю г. Гемпелю немедленно по прочтеніи его статьи, и разскажу дѣло съ полнымъ чистосердечіемъ.

Совершенно соглашаясь съ г. Гемпелемъ, что мой видъ долженъ былъ ему показаться незаконнымъ (хотя я по немъ проживалъ четыре года сряду), я, къ сожалѣнію моему, никакъ не могу съ нимъ согласиться ни въ чемъ остальномъ.

Г. Гемпель говорилъ, что я былъ ему представленъ 22-го августа, а выпущенъ 3-го, это не вѣрно. Я былъ задержанъ 22-го, часу въ 5 или 6-мъ послѣ обѣда, отосланъ въ полицію, и, не смотря на мои просьбы, никто не смѣлъ не только меня представить къ полиціймейстеру, но даже отнести къ нему отъ меня записку, потому что, какъ мнѣ говорили, отъ г. полиціймейстера былъ строгій приказъ: изъ полиціи никакихъ записокъ не посылать. Вслѣдствіе этого меня оставили въ полиціи на ночь а 23-го около 12 часовъ, въ присутствіи, представили меня г. Гемпелю и онъ, прочитавъ мой незаконный видъ и письмо редакціи «Русской Бесѣды», отпустилъ меня—безъ всякихъ поученій. Когда я не согласился на эту милость и просилъ пригласить г. прокурора, меня повели къ управляющему губерніей, который и приказалъ засадить меня вновь въ полицію. Только уже 24-го числа г. Гемпель выпустилъ меня—но не предлагая 1 руб. на *бѣдность*, не говоря наставленій и безъ всякой моей просьбы. Въ ночь съ 22-го на 23-е августа, меня дѣйствительно перемѣстили въ арестантскую; но г. полиціймейстеръ, (узнавъ объ этомъ 23-го числа, не повѣрилъ словамъ десятскаго, будто бы я хотѣлъ выпрыгнуть въ окно со втораго этажа, безъ сапогъ и поддевки, которыя я снялъ на ночь. Притомъ я долженъ замѣтить, что я г. полиціймейстера никакъ не обвиняю въ томъ, что онъ засадилъ меня въ арестантскую: засадилъ меня г. Ѳедосѣевъ, по разсказамъ десятскаго; не обвиняю и десятскаго, который могъ думать, что я дѣйствительно хочу выпрыгнуть въ окно. Одно мнѣ кажется страннымъ: тогда г. полиціймейстеръ, не зная меня, не вѣрилъ въ мое покушеніе выпрыгнуть въ окно; еслибы повѣрилъ, то вѣроятно бы и не выпустилъ изъ подъ ареста. *Теперь же*, зная обстоятельно, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и что я не бродяга, утверждаетъ, что я «отворилъ окно и свѣсилъ ноги, намѣреваясь, вѣроятно, спрыгнуть.»

Господинъ полиціймейстеръ по секретной бумагѣ изъ Верровскаго Орднунгъ-Герихта могъ, по своей проницательности, подозрѣвать меня, могъ и въ третій разъ посадить въ полицію; но я прошу его припомнить, что именно ему объявилъ, гдѣ я перемѣнилъ поддевку на худой каф-

танъ, а именно въ Любятовѣ у мужика, а не въ кабакѣ и не въ Псковѣ; какъ же онъ пишетъ: «по справкамъ оказалось, что онъ (т. е. я) былъ въ одномъ кабакѣ и заложилъ тамъ свою плисовую поддевку?» Эта справка *невѣрна*. Я прошу его повѣрить эту *справку*, тѣмъ болѣе, что это, кажется, можетъ повести къ открытію преступленія; развѣ такимъ образомъ производятся слѣдствія и справки по важнымъ уголовнымъ дѣламъ?

«Тутъ же я замѣтилъ г. Якушкину, пишетъ г. Гемпель, что онъ въ нетрезвомъ видѣ, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что всѣ умные люди любятъ выпить» Этого я не могъ отвѣчать, потому что не получалъ отъ него такого замѣчанія. Вотъ доказательство: когда меня вытащили изъ вагона, частный приставъ обратился къ начальнику Псковской станціи на желѣзной дорогѣ и требовалъ, чтобы взятый мною билетъ на проѣздъ оставался и на будущее время дѣйствительнымъ; это требованіе не было уважено, билетъ могъ служить на проѣздъ только августа. Но начальникъ станціи и другіе служащіе на желѣзной дорогѣ могутъ засвидѣтельствовать, что я такого замѣчанія получить не могъ. Оборваннымъ я ходилъ; но когда же видѣлъ меня пьянымъ г. полиціймейстеръ? Въ полиціи я напиться не могъ, а въ другомъ мѣстѣ мы съ нимъ не встрѣчались.

Я бы рѣшительно не скрылъ этого обстоятельства, еслибъ оно только было. По роду моихъ занятій, мнѣ приходится бывать и на свадебныхъ крестьянскихъ попойкахъ, записывать пѣсни и въ кабакахъ и въ трактирахъ. Да, именно въ *кабакахъ*. Я нѣсколько лѣтъ сряду, по порученію П. В. Кирѣевскаго, ходилъ по Россіи разнощикомъ съ коробкою, слѣдовательно подвергался всѣмъ внѣшнимъ неудобствамъ такого грубаго образа жизни; за то былъ вознагражденъ обиліемъ пѣсенъ и сказаній, записанныхъ мною нерѣдко въ какомъ нибудь темномъ углу кабака или подвала, отъ подпившаго странника или гуляки. Очень часто случалось съ ними и выпить.

Когда меня привели къ нему, взявши изъ вагона, г. Гемпель былъ очень любезенъ, приглашалъ меня выпить у него чаю (отъ чего я отказался) и велѣлъ *выдать на мое содержаніе 1 руб. сер.*, сказавъ, что по закону мнѣ должно выдавать по чину сколько-то копѣекъ въ день; этотъ рубль былъ переданъ отъ него Ѳедосѣеву. Не объ этомъ-ли рублѣ упоминаетъ г. полиціймейстеръ? Этотъ рубль я не замедлю возвратить г. Гемпелю,—но я не предполагалъ, что онъ тратилъ на мое содержаніе изъ суммъ не казенныхъ. Ежели мой послѣдній визитъ г. полиціймейстеру онъ считаетъ за прощальный визитъ, я очень радъ, что онъ ему такимъ показался; къ несчастію, я не могу не признаться въ истинѣ. Дѣло было вотъ какъ: г. полиціймейстеръ послалъ мой билетъ, когда меня выпустили уже изъ полиціи (на 6-й, а не черезъ три дня, какъ увѣрялъ г. Гемпель), на станцію желѣзной дороги для обмѣна на новый; я остался у унтеръ-офицера Ѳедосѣева ждать посланнаго. Когда прис-

ланъ былъ отвѣтъ въ полицію, а оттуда къ полиціймейстеру, я пошелъ къ нему; но вмѣсто новаго билета получилъ—прежній, старый, недѣйствительный. *Никакихъ 3 руб. 7 коп. я отъ него никогда не получалъ.* Это даже гвардейски не любезно.

Я зналъ, что на рубль серебромъ поить чаемъ, кормить обѣдомъ и ужиномъ нельзя; г. Ѳедосѣевъ меня и поилъ и кормилъ, а потому я считалъ себя обязаннымъ благодарить его: онъ человѣкъ не богатый и я ему предложилъ выслать изъ Москвы 10 руб., изъ которыхъ часть просилъ употребить на угощеніе его товарищей. Но такъ какъ мое обѣщаніе отблагодарить его могло показаться не вѣрнымъ и пустословнымъ, ибо я уѣзжалъ совсѣмъ вонъ изъ Пскова, то мнѣ захотѣлось дать г. Ѳедосѣеву, не смотря на его отказы, письменное удостовѣреніе въ томъ, что эти деньги будутъ ему непремѣнно доставлены. Вслѣдствіе этого я оставилъ ему *росписку* въ томъ, что я *долженъ ему 10 рублей*, которые обязуюсь отдать къ январю или декабрю, навѣрное не помню. Непонятно, почему г. полиціймейстеръ не упомянулъ *ни слова* объ этой роспискѣ, которая, даже въ томъ случаѣ, если и дѣйствительно я *взялъ* деньги у Ѳедосѣева, свидѣтельствуетъ, что въ этомъ дѣлѣ не было съ моей стороны никакого затаеннаго, худаго умысла. Напрасно г. полиціймейстеръ заботился объ уплатѣ этихъ денегъ изъ своего жалованья. Деньги г. Ѳедосѣеву высланы мною 31-го октября сего года (слѣдовательно прежде появленія статьи г. Гемпеля въ *Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ*, и до истеченія срока), въ чемъ имѣется и росписка московскаго почтамта за № 20.

Напрасно также г. Гемпель старается увѣрить, что ему трудно бороться со мною, и выставляетъ свое положеніе какъ бы беззащитнымъ: поле голословныхъ обвиненій обширно и я болѣе отвѣчать г. Гемпелю не буду.

Предоставляю теперь самой публикѣ судить, въ какой степени оправданіе г. псковскаго полиціймейстера выдерживаетъ критику. По моему мнѣнію поступки полиціи остаются все тѣми же произвольными; справки по уголовнымъ дѣламъ непростительно опрометчивы; лжесвидѣтельство, о которомъ я говорю въ своей статьѣ, возмутительно легкимъ, а арестантское помѣщеніе при полиціи все также похожимъ на коровій хлѣвъ или собачью конуру.

Москва. 6-го ноября 1859 года.

„Спб. Вѣд.“ 1860 г., № 250.

На этомъ далеко не кончилась литература «псковской исторіи».

Во первыхъ, она была очень близко принята къ свѣдѣнію въ офиціальныхъ сферахъ. Было произведено формальное слѣдствіе въ Псковѣ, результатомъ котораго явилось *офиціальное описаніе* приключенія съ Якушкинымъ, съ копіями документовъ, напечатанное въ «Рус. Инвалидѣ» (1860 г., № 259). Затѣмъ, тюремное вѣдомство, съ своей стороны, обра-

тило вниманіе на состояніе мѣстъ заключенія въ Псковѣ. Директоръ Спб. тюремнаго комитета, Лебедевъ 3-й, лично осмотрѣлъ эти мѣста и, удостовѣрившись въ ихъ отвратительномъ состояніи, содѣйствовалъ приведенію ихъ въ надлежащій и даже блестящій видъ на средства Псковскаго комитета. Все это Лебедевъ 3-й подробно изложилъ въ «Рус. Инвалидѣ» и заключилъ свою статью патетическимъ дифирамбомъ гласности: «Таковы де первыя послѣдствія справедливо цѣнимой гласности!.. Начнемъ-же, во имя ея, ничего не прибавляя и ничего не утаивая!» и т. д.

Обличенный полиціймейстеръ не успокоился на своемъ первомъ отвѣтѣ Якушкину, признанномъ, даже друзьями послѣдняго, — очень ловкимъ, литературнымъ и даже «побѣдоноснымъ». Онъ напечаталъ въ «Моск. Вѣд.» еще «Варіантъ къ статьѣ Якушкина», гдѣ опять-таки поется гимнъ гласности. Самое обличеніе себя Якушкинымъ, Гемпель «съ особеннымъ удовольствіемъ» признаетъ «знаменательнымъ явленіемъ» въ томъ отношеніи, что тутъ гласность, обращаясь къ суду общественнаго мнѣнія, впервые отпраздновала свою побѣду.

Въ числѣ множества статей, замѣтокъ и даже стиховъ о «псковской исторіи», появившихся въ тогдашней журналистикѣ, особенное вниманіе обратила на себя серьезная и дѣльная статья г. Унковскаго, взглянувшаго на дѣло съ юридической точки зрѣнія, въ интересахъ правъ личности. Впрочемъ, самое вѣрное объясненіе нашла себѣ эта «исторія» въ тогдашней «Русской Бесѣдѣ», хотя и очень сочувственно отнесшейся къ заключенію своего сотрудника, т. е. Якушкина, но едва-ли не ранѣ другихъ органовъ разглядѣвшей излишнюю вздутость и утрировку произведеннаго по этому поводу шума.

Шумъ этотъ «Бесѣда» объясняла «новостью такого явленія въ Россіи (т. е., гласнаго протеста полицейскому произволу), неровнымъ ходомъ нашего развитія, нашей непривычкой къ спокойному отправленію обязанностей, налагаемыхъ на всѣхъ насъ жизнью общественной, недовѣрчивостью къ нашимъ новымъ правамъ, вполнѣ естественнымъ и исторически законнымъ».

Свое объясненіе «Бесѣда» заключила такими словами: «это дѣло показало намъ, что наше правительство не только не препятствуетъ нынѣ обращаться къ общественному мнѣнію съ гласнымъ указаніемъ безпорядковъ и злоупотребленій офиціальной власти, но даже готово воспользоваться справедливыми указаніями. Мы рады, что можемъ по совѣсти выразить ему нашу искреннюю, свободную благодарность за такое уваженіе къ обществу; желаемъ, чтобъ оно продолжало идти и дальше тѣмъ же благороднымъ путемъ, не смущаясь и не останавливаясь на полдорогѣ».

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ

ВЕЛИКЪ БОГЪ ЗЕМЛИ РУССКОЙ!

„Никѣмъ же враги гонимы, только властію Божіею; мудрость бо плотская, что содѣяла?“

Кто живалъ въ деревняхъ далеко отъ столицъ, тотъ помнитъ, какою неожиданностію для всѣхъ былъ знаменитый высочайшій рескриптъ виленскому военному генералъ-губернатору; всѣ встрепенулись и съ судорожнымъ смиреніемъ ждали съ минуты на минуту: одни — всѣхъ благъ земныхъ, другіе — всѣхъ бѣдъ. Этихъ ожидающихъ, принадлежащихъ двумъ противнымъ лагерямъ, вы нашли бы во всѣхъ классахъ, во всѣхъ сословіяхъ. Въ рядахъ и того и другаго лагеря было много дворянъ-помѣщиковъ и крѣпостныхъ мужиковъ. Одно мнѣ кажется въ особенности замѣчательнымъ: вольные изстари крестьяне (государственные, экономическіе), рѣшительно всѣ вольноотпущенные, а также рѣшительно всѣ аристократы-крѣпостные крестьяне смотрѣли на ожидаемое улучшеніе крестьянскаго быта съ страшною непріязнію; отъ этого улучшенія они видѣли для себя совершенную гибель, и — не знаю, искренно ли, — тоже для крѣпостныхъ.

Толки дворянъ, сочувствовавшихъ этому преобразованію крестьянъ, извѣстны: чего они ждали и чего еще и теперь ждутъ отъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, мы знаемъ изъ литературныхъ статей, появлявшихся безъ счету во всѣхъ нашихъ журналахъ.

Надежды освобождаемыхъ высказывались не такъ громко. Многіе прислушивались къ недосказаннымъ рѣчамъ крѣпостныхъ крестьянъ и выводили свои рѣшительныя заключенія.

Большею частью, толки крестьянъ вращались около одного пункта: земля будетъ наша. Они говорили, что землю «самъ Богъ зародилъ, что баринъ и пахать-то не умѣетъ — что онъ съ землей будетъ дѣлать?»

Это мнѣніе, что земля будетъ крестьянская, еще крѣпче утвердилось, когда было объявлено, что дворовые люди не получаютъ надѣла землей.

— Дворовые люди не получаютъ земли, не разъ мнѣ случалось слышать:—отъ того что дворовые люди не умѣютъ пахать земли; да вѣдь и дворяне тоже пахать не умѣютъ; зачѣмъ же имъ земля?

Съ другой стороны слышались и слухи другіе. Помѣщики говорили, что они лучшіе полицейскіе чиновники, лучшіе сборщики податей. Не будетъ этихъ чиновниковъ-помѣщиковъ, водворится безначаліе.

— Не будетъ изъ этого пути, говорили государственные крестьяне:—какъ можно господскаго, подневольнаго человѣка вольнымъ сдѣлать?

— Вы же вольные, а вѣдь тоже мужики?

— Мы!... Мы дворянской крови, только не пишемся дворянами!

— Съ мужикомъ безъ палки не сладишь! говорили вольноотпущенные, только наканунѣ почти вышедшіе изъ крѣпостной зависимости.

— Какъ же съ вами ладятъ?

— Мы... мы... не всякому то Богъ далъ...

— Какъ *я* буду ладить съ мужикомъ? Тогда мужикъ *меня* и слушать не станетъ: теперь написалъ къ барину, — кто самъ воли на то отъ барина не имѣетъ,—баринъ велитъ въ солдаты отдать, въ Сибирь послать... А тогда что? пойдетъ безначальщина!

— Нѣтъ, ничего не будетъ, говорили другіе: — не даромъ про волю и говорить перестали.

— Какъ перестали?

— Да такъ, перестали и перестали!

— Толковали про слободу, говорили еще другіе, а есть, которые и теперь еще говорятъ! толковали, толковали про слободу: слобода всѣмъ будетъ, а теперь стали въ сипацу загонять.

Эмансипація—слово, должно быть, и хорошее; но это слово—эмансипація, перешедшее въ устахъ народа въ *сипацу*, означало что-то не совсѣмъ ладное.

Какъ бы то ни было, а пришлось волею, не волею идти въ сипацу. Послѣ извѣстныхъ рескриптовъ всѣ стали ждать манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Тутъ-то пошли новые толки и толки уже о томъ, какъ приметъ народъ на первый разъ эту волю, да и какая будетъ воля?

Замѣчательно, какъ созрѣвалъ въ умахъ помѣщиковъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

— Да что же это значитъ? спрашивала одна барыня, когда ей прочитали рескриптъ.

— Уничтожается крѣпостное право, отвѣчали ей.

— И крѣпостныхъ крестьянъ не будетъ? Крѣпостныхъ совсѣмъ не будетъ?

— Совсѣмъ не будетъ.

— Ну, этого я не хочу! объявила барыня, вскочивъ съ дивана.

Всѣ посмотрѣли на нее съ недоумѣніемъ.

— Рѣшительно не хочу! Поѣду *сама* къ государю и скажу: я скоро умру, послѣ меня пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ, а пока я жива, я этого не хочу.

— Какъ у меня отнимутъ мое? слыхалъ я вскорѣ послѣ объявленія рескрипта виленскому генералъ-губернатору. Вѣдь я человѣкомъ владѣю: мнѣ мой Ванька приноситъ оброку въ годъ по пятидесяти цѣлковыхъ... Отнимутъ Ваньку, кто мнѣ за него заплатитъ, да и кто его цѣнить будетъ!

— Никто не споритъ, что владѣть человѣкомъ, какъ какою нибудь вещью, безнравственно! говорили тѣ же самые люди, едва прошло мѣсяца два послѣ первыхъ толковъ: за людей мы не стоимъ,— крестьянъ должно освободить, но скажите Христа-ради, за что же у меня землю отнимутъ и отдадутъ другому?

— Необходимо крестьянамъ дать землю, заговорили еще позднѣе:— это необходимо для насъ самихъ; мужику нечего будетъ ѣсть: поневолѣ пойдетъ на большую дорогу, сядетъ подъ мостъ, проѣзду никому не будетъ; дневной разбой пойдетъ!

Наконецъ дозволено было просить государя объ освобожденіи крестьянъ. По губерніямъ собрались дворяне: надо писать адресы... дозволено и адресы подавать.

— Мы подпишемъ адресъ безъусловный! говорили одни.

— Не должно подписывать безъусловнаго адреса! толковали другіе.

— Дать мужикамъ землю!.. Мужиковъ нельзя отпустить совсѣмъ безъ земли!.. Не давать мужикамъ земли! шумѣли въ одномъ собраніи.

Толковали, толковали и подписали безъусловный адресъ рѣшительно всѣ.

Дозволили и писать, и подавать проекты объ освобожденіи крестьянъ.

Стали и писать, и подавать проекты объ освобожденіи крестьянъ. Благородные дворяне, не бравшіеся никогда за перо, стали писать проекты, стали читать эти проекты; только мало охотниковъ было слушать эти проекты.

Разсказываютъ: входитъ *нѣкто* во время выборовъ въ домъ дворянскаго собранія, заходитъ въ буфетъ и находитъ тамъ всѣхъ дворянъ.

— Что вы здѣсь господа дѣлаете? спросилъ онъ одного изъ дворянъ.

— Водку пьемъ! отвѣчалъ тотъ, закусывая только что выпитую рюмку соленымъ грибкомъ.

— Что же не идутъ въ залу собранія?

— Да что же тамъ дѣлать?

— Какъ что?

— Да тамъ Семенъ Петровичъ читаетъ свой проектъ, что самъ написалъ.

— Ну, такъ слушать этотъ проектъ?

— Нечего тамъ слушать, никто и не слушаетъ! Одинъ и читаетъ...

Заглянулъ этотъ *нѣкто* въ залу: тамъ одинъ баринъ читаетъ, а другой баринъ этого барина съ видимымъ вниманіемъ слушаетъ.

— Тамъ Семена Петровича кто-то слушаетъ, сказалъ онъ, воротившись опять въ буфетъ.

— А это вѣрно Петръ Семеновичъ. Ну да, это Петръ Семеновичъ!

— Отчего же одинъ только Петръ Семеновичъ слушаетъ Семена Петровича?

— Тому нельзя не слушать!

— Отчего же?

— Нельзя: Петръ Семеновичъ долженъ Семену Петровичу...

Да и въ самомъ дѣлѣ: если Петръ Семеновичъ не станетъ слушать Семена Петровича, Семенъ Петровичъ потребуетъ долгъ съ Петра Семеновича, а у Петра Семеновича и денегъ на ту пору, можетъ быть, нѣтъ.

А проекты были великолѣпные!.. Одни предлагали такъ, другіе иначе. Одни говорили, что, конечно, крестьянамъ, хотя и составляютъ они помѣщичью собственность, необходимо даровать свободу, но при этомъ не должно забывать и права помѣщиковъ на ихъ собственность; а потому предлагали всѣхъ крестьянъ выкупить за цѣну чрезвычайно умѣренную. А именно, такъ какъ за человѣка, отданнаго въ рекруты, казна платитъ 300 руб. сер., то и за освобожденіе слѣдуетъ заплатить по тому же разсчету; а какъ, сверхъ того, крестьянамъ нужна земля, то и за землю должны дать помѣщику изъ казны: за коноплянники по 200 руб., а за распашную по 150 руб.

— Помилуйте, говорили этому писателю: да вѣдь вы хотите взять за часть вашего имѣнія въ десять разъ больше, чѣмъ стоитъ все имѣніе!

— Этотъ выкупъ должна произвести казна, а казна должна быть великодушна.

— При всемъ великодушіи казнѣ и деньги нужны; а ежели въ казнѣ не хватитъ столько денегъ, сколько нужно по вашимъ разсчетамъ? Тогда какъ?

— Да что казна?!.. Не о томъ вопросъ!.. Вы согласны-ли съ моимъ проектомъ? спрашивалъ писатель своихъ согражданъ, сообщая имъ вкратцѣ на словахъ свой проектъ.

— Всѣ согласны! Всѣ согласны! отвѣтствовали сограждане. — На этихъ условіяхъ всѣ согласны!

И проектъ объ освобожденіи крестьянъ переписывался крѣпостнымъ писаремъ и отсылался куда слѣдуетъ, а сочинитель проекта получалъ заслуженное уваженіе и начиналъ пользоваться авторитетомъ государственной головы.

— Читали вы проектъ такого-то? спрашивалъ одинъ господинъ другаго.

— А вы читали?

— Великолѣпный!... гуманный!... Представьте: всѣхъ крестьянъ безъ всякаго возмездія помѣщики отпускаютъ на волю. Но тутъ представляется два вопроса: первый, гдѣ мужикамъ взять землю, потому что мужикамъ земля необходима, безъ земли мужикъ пропадетъ. Второй вопросъ вытекаетъ изъ перваго. Первый вопросъ рѣшается чрезвычайно удачно и чрезвычайно просто. Земля мужикамъ нужна; а какъ земля въ нашихъ губерніяхъ вся барская и мужикамъ отдать эту землю нельзя, то переселить мужиковъ на вольныя земли въ Сибирь, разумѣется на казенный счетъ. Теперь—мужиковъ переселили въ Сибирь, кто же намъ будетъ работать? Это второй вопросъ, который тоже совершенно рѣшается: для помѣщиковъ должно выписать работниковъ изъ Германіи и Сѣверной Америки, гдѣ какъ извѣстно, земледѣльцы очень искусные!

Отсылался и этотъ проектъ... Мало этого, всѣ составители проектовъ задумали печатать свои произведенія, редакторы журналовъ были засыпаны проектами, изъ которыхъ одинъ былъ лучше другаго... но увы!—читателей этихъ журналовъ редакторы не разсудили за благо познакомить съ этими великолѣпными произведеніями...

— Слышали вы, Иванъ Михайловичъ послалъ свой проектъ въ «Современникъ?» спрашивалъ меня одинъ господинъ, разсказавъ кстати и самый проектъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Какъ вы думаете, скоро напечатаютъ проектъ Ивана Михайловича?

— Право, я и этого не знаю.

— Прекрасный проектъ; ежели этотъ проектъ кому не понравится...

Недѣли черезъ двѣ, черезъ три, я опять встрѣтилъ этого господина.

— Вѣдь проектъ Ивана Михайловича не напечатали, объявилъ онъ мнѣ.

— Еще рано; можетъ быть, еще и напечатаютъ, отвѣчалъ я.

— Нѣтъ не напечатаютъ: ему пишутъ изъ Петербурга, что не напечатаютъ, и проектъ назадъ отдали...

— Скажите, пожалуйста, почему же этотъ проектъ не напечатали въ «Современникѣ»?

— Право, не знаю.

— Ну, однакожь?

— Я думаю, не хорошъ.

— Нѣтъ! проектъ прекрасный!

— Вѣроятно не согласенъ съ направленіемъ журнала, въ который посылалась статья.

— Чтожь изъ этого? спросилъ онъ, совершенно не понимая, въ чемъ дѣло.

— Ну, тогда не напечатаютъ.

— Какъ! онъ будетъ врать чортъ-знаетъ что, а тутъ и дѣла не позволяютъ сказать! горячился мой собесѣдникъ.

— Какъ не позволяютъ! Печатайте въ другомъ журналѣ.

— А какъ ни въ другомъ, ни въ третьемъ не станутъ печатать?

— Тогда пусть печатаетъ самъ отдѣльной брошюркой.

— А это можно?

— Можно.

— Какъ же это сдѣлать?

— Отдать въ цензуру, послѣ въ типографію; напечатаютъ—продавать.

— Вѣдь въ типографію надо деньги впередъ заплатить, а послѣ продавать?

— Да, впередъ.

— Ну, нѣтъ, слуга покорный! Тамъ еще пожалуй своихъ денегъ не выручишь!

— Можетъ быть.

— Нѣтъ! по моему не такъ: издаешь журналъ, печатаешь проекты,—печатай всѣ!

— Да вѣдь и журналъ, кромѣ траты денегъ, можетъ имѣть другой интересъ въ статьѣ...

— Какой тамъ интересъ! Просто сказать: проектъ напишетъ какой нибудь записной писатель, у котораго и штановъ-то нѣтъ,—печатаютъ... А нашъ братъ напишетъ, безштанные господа ходу не даютъ...

Не смотря на эту несправедливость, во всѣхъ журналахъ было очень много толковъ, да и теперь продолжаются, объ устройствѣ крестьянскаго быта; и большая часть журнальныхъ статей по этому предмету принадлежитъ помѣщикамъ.

Собрались губернскіе комитеты и разъѣхались; съѣздили въ Петербургъ депутаты отъ губернскихъ комитетовъ и вернулись; стали ждать манифеста. Простой народъ ждалъ этого манифеста отъ праздника до праздника: не пришелъ къ рождеству, придетъ, думалъ народъ, къ свѣтлому празднику; свѣтлый праздникъ обманулъ, не обманетъ петровъ день... Образованный классъ ждалъ манифеста къ какому нибудь вы-

сокоторжественному дню: къ дню коронаціи, тезоименитства государя или наслѣдника. И тутъ-то пошли толки, какъ приметъ народъ на первый разъ желанную волю.

— Скажите пожалуйста, спрашивалъ меня тогда одинъ мой знакомый литераторъ:—скажите, успѣетъ мать моя пріѣхать въ Москву изъ деревни?

— Отчего же не успѣетъ?

— Да вѣдь будутъ безпорядки послѣ объявленія крестьянамъ свободы... какъ вы думаете?

— Безпорядковъ, вѣроятно, никакихъ не будетъ, отвѣчалъ я, хоть мнѣ и очень не хотѣлось отвѣчать:—вы сами изучаете и русскую исторію и бытъ русскаго народа, вамъ должно быть это лучше извѣстно...

Встрѣтился я на одномъ постояломъ дворѣ съ господиномъ, ѣхавшимъ въ своемъ тарантасѣ.

— Что, хозяинъ, народъ ждетъ, чай, не дождется воли? спросилъ онъ дворника.

— Какъ, родной, ваше благородіе, не ждать: тогда мужички сподобятся свѣтъ увидать! отвѣчалъ хозяинъ-дворникъ.

— То-то пойдетъ потѣха! заговорилъ посмѣиваясь баринъ.

— На что потѣха! отъ этого спаси Богъ!... Дай Господи эту благодать съ миромъ, съ любовью принять!

— Надо бы съ любовію, продолжалъ баринъ, а безъ потѣхи дѣлу не обойтись.

— Обойдется, Богъ дастъ!

— Нѣтъ, не обойдется!

— Обойдется: спроси, кого хочешь! утверждалъ хозяинъ-дворникъ.

— А давай спросимъ! Какъ ты думаешь, спросилъ онъ меня:—станутъ тѣшиться?

— Нѣтъ, не станутъ.

— Ты это почемъ знаешь? спросилъ онъ меня уже гораздо болѣе строгимъ голосомъ.

— Да я не знаю, почему должна произойти какая-то потѣха... и что такое эта «потѣха?»

— Эй, малый! крикнулъ онъ проѣзжавшему съ возомъ мужику, не обращая больше вниманія на меня.—Малый! ты изъ какихъ? Господскій что ли, или вольный?

— Былъ господскій, угрюмо и какъ-то нехотя отвѣчалъ проѣзжій мужикъ.

— А теперь?

— Да и теперь пока господскій.

— Какъ «пока» господскій?

— Пока царь волю всѣмъ пришлетъ, по тѣхъ поръ и мы господскіе...

— Хорошъ у васъ баринъ?

— Хорошъ!... господа развѣ бываютъ плохи? господа всѣ хороши!

— Все бы, чай, погулять надъ бариномъ? продолжалъ приставать господинъ.

— Тѣшиться, не тѣшиться было прежде, а на послѣдяхъ и толковать объ этомъ нечего!

Въ этомъ вопросѣ, партіи рѣзко отличались классами: извѣстнаго сорта помѣщики увѣрены были, что произойдетъ нѣчто такое, что извѣстно было подъ таинственнымъ наименованіемъ «потѣхи»; весь народъ зналъ, что не изъ-за чего даромъ въ Сибирь идти.

Около 10 марта 1861 года былъ прочитанъ манифестъ 19-го февраля. Но прочитанъ онъ былъ не вездѣ толково и ясно: отсюда толкованья, отсюда нелѣпицы.

Такъ, напримѣръ, мнѣ случалось слышать, что «воля отъ трехъ царей пришла». Оказывалось, что такое пониманіе отъ того произошло, что высочайшій титулъ былъ невнятно прочитанъ...

Другіе толки были еще страннѣе.

— Эта воля давно, братцы, пошла, толковалъ при мнѣ толпѣ мужиковъ и крестьянъ отставной солдатъ.

— А какъ давно?

— А такъ давно, когда еще былъ живъ самъ польскій король въ своемъ польскомъ королевствѣ.

— Наврядъ это такъ!...

— Такъ! и въ указѣ сказано: что эту волю еще батюшка царь Николай Павлычъ задумалъ, а мы при немъ и Польшу-то покончили...

Въ одномъ селѣ старикъ попъ сталъ читать съ амвона въ церкви манифестъ; разбиралъ плохо и, плохо разбирая, прочиталъ:

— О сѣни... о сѣни... нѣтъ, ребята! Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ!...

Народъ вообразилъ, что въ манифестѣ сказано что-то о сѣнѣ, чего священникъ не хочетъ читать. Заставили читать дьякона, но о сѣнѣ все-таки ничего не было. Взяли манифестъ, вышли изъ церкви и стали читать сами.

Какъ бы то ни было, а воля отъ одного царя пришла, стали ждать еще двѣ воли... Ожиданія скоро сбылись: пришла и другая воля—прислано высочайшее положеніе 19 февраля съ царскими послами, какъ звалъ народъ генераловъ свиты его величества и флигель-адъютантовъ. Эта другая воля была въ одномъ городѣ получена раньше, въ другомъ позже.

— Отчего воля не всѣмъ заразъ сказана?—допытывались мужики.

Небрежность въ разсылкѣ экземпляровъ положенія была невѣроятная: во многія деревни было прислано, вмѣсто полныхъ экземпляровъ положенія, нѣсколько экземпляровъ нѣкоторыхъ листовъ; напримѣръ, въ Орловской губерніи раздавали въ одной деревнѣ тетрадь *не сши-*

тую изъ 20 экземпляровъ правилъ о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабской области; въ другой деревнѣ—дополнительныя правила о приписныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ... И такихъ экземпляровъ было множество.

— У насъ что за воля!... у насъ воля 87 листовъ, а вотъ графскимъ привезли на 193 листахъ, братецъ ты мой! съ завистію говорилъ мнѣ одинъ мужикъ.

Всѣ единогласно говорятъ, что царская воля вездѣ принята со страхомъ и трепетомъ, какъ что-то священное, святое, не смотря на то, что она была объявлена чиновниками, которые, неизвѣстно по чьему приказанію, составляли разныя легенды:

— Помѣщики знали, что вамъ на волѣ лучше будетъ; вотъ они и просили государя дать вамъ волю, а вашъ баринъ прежде всѣхъ! вразумлялъ одинъ такой чиновникъ, объявляя волю мужикамъ.

Зачѣмъ все это говорилось? Затѣмъ ли, чтобы мужики, видя явную реторику въ одномъ, не вѣрили ничему вообще?

— Какъ прослышали мы эту волю, говорили мужики:—сами себѣ не вѣримъ!... Столько прежде говорили, что ужь и всякую вѣру потеряли! Одначе воля пришла: самъ чиновникъ изъ губерніи пріѣхалъ; привезъ волю, собралъ сходку, съ каждаго двора по человѣку, а и два ничего. Сталъ толковать сходкѣ; толковалъ тотъ чиновникъ много пустаго. Потолковавши сколько ему было нужно, говоритъ:—А кто у васъ, ребята, старше всѣхъ?—Мы глянули другъ на дружку да и говоримъ:—«Старше старосты у насъ человѣка нѣту». —Нѣтъ, говоритъ чиновникъ:—староста старше всѣхъ васъ чиномъ, а мнѣ укажите, кто старше всѣхъ годами? — Мы опять переглянулись промежъ собою. — «Годами старше Арсенія Петрова у насъ старика нѣту; Арсеній Петровъ самый старый у насъ старикъ!»—Ну, подойди сюда ко мнѣ, Арсеній Петровъ! кликнулъ чиновникъ. Подошелъ этотъ самый Арсенъ Петровъ. — На, говоритъ чиновникъ: — на тебѣ волю: держи! — А самъ суетъ ему въ руки книгу,—ту самую волю: Арсенъ такъ и упалъ на колѣночки!—«Я человѣкъ, говоритъ, старый, не смогу сдержать воли!» — Какъ загогочетъ чиновникъ, а Арсенъ еще пуще заробѣлъ!... Кланялся, кланялся, а все таки волю ему на руки сдали!.. Взяли эту волю: читать надо, что въ той волѣ сказано? У насъ дьячокъ есть, Афонькой зовутъ: малый шустрый и письменный тоже; порядили того дьячка Афоньку волю читать; запросилъ полтинникъ денегъ, полштофа водки—дали! Только сталъ читать дьячекъ эту волю—не могитъ читать ту волю!.. А для того не могитъ, что та воля на четыре грани написана: и туда верни, и сюда верни, а намъ читай всю волю сряду!... Такъ даромъ и отдали водку и деньги!.. Можетъ, знаешь у Афросимовскихъ садовникъ есть, въ Москвѣ учился: вотъ тотъ можетъ волю читать!.. Тотъ объявилъ штофъ водки и цѣлковый денегъ... Что же ты думаешь?—вѣдь еще полштофа надбавили!... Какъ сталъ читать съ утра, такъ только

на другой день къ вечеру кончилъ: половина барщины спитъ, другая слушаетъ! половина барщины спитъ, другая слушаетъ!... Такъ и прочиталъ!...

— Что же вы поняли? спрашивалъ я тѣхъ мужиковъ.

— А что поняли?!.. Тебѣ говорятъ: та воля на четыре грани написана!

— Для чего же вы читали ту волю, коли изъ васъ никто и понять ее не можетъ?

— А такъ, другъ любезный, законъ велитъ! А мы, другъ любезный, отъ закону не прочь!...

Я бы не сталъ разсказывать этого случая, если бы онъ былъ рѣдкимъ исключеніемъ; но къ несчастью воля была прочитана почти повсемѣстно такимъ образомъ... Чиновникамъ и помѣщикамъ крестьяне не вѣрили; поневолѣ имъ пришлось нанимать выгнанныхъ дьячковъ, подъячихъ, да промотавшихся помѣщиковъ. И должно сказать правду: эти люди читали *волю* добросовѣстно; желаніе ли добра крестьянамъ, боязнь ли страшной отвѣтственности за ложное толкованіе, то ли и другое вмѣстѣ дѣйствовало на чтецовъ, но я не встрѣчалъ ни одного умышленнаго толкователя изъ этихъ грамотѣевъ-чтецовъ; да изъ чтецовъ вообще было мало и толкователей: всѣ боялись ошибиться, а ошибиться было легко!... Многихъ изъ этихъ чтецовъ ловила полиція, но кажется ни одного, кромѣ извѣстнаго Антона Петрова, не нашли виновнымъ.

Весной, въ 1861 году, я былъ у П—ва въ Мценскомъ уѣздѣ. П—въ, поподчивавъ своихъ мужиковъ водкой, повелъ съ ними такую рѣчь:

— Вы знаете, что я васъ никогда не обманывалъ ни въ чемъ?

— Знаемъ, батюшка Иванъ Васильичъ, знаемъ!... Ни въ чемъ, какъ есть ни въ чемъ никогда ты насъ не обманывалъ! загомонили мужики.

— Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу: по положенію приказано въ два года уставныя грамоты написать...

— Такъ-съ!...

— Въ этихъ грамотахъ должно сказать, сколько вамъ дано земли, какая земля и сколько съ васъ оброку за ту землю, по закону, слѣдуетъ, или какая работа за землю, вмѣсто оброка, положена.

— Такъ-съ!...

— Да вѣдь вамъ читали новое положеніе?

— Читать-то читали! какъ-то недовольно заговорили мужики.

— Ну, такъ вѣдь въ положеніи объ этихъ грамотахъ прямо сказано?

— Развѣ сказано?

— Да вѣдь вы сами же читали? какъ же вы спрашиваете, сказано ли?

— Да чтожъ, что читали!...

— Развѣ плохо вамъ читали? Развѣ не все поняли въ положеніи?

— Да ничего не поняли! Гдѣ тамъ понять?!.. Мы люди не письменные!

— Ну, такъ я же вамъ говорю правду: приказано уставныя грамоты написать. Ежели мы согласимся сами объ землѣ, какая вамъ отойдетъ, какая мнѣ, сами напишемъ грамоту; а не сойдемся, заспоримъ,— пріѣдетъ отъ казны чиновникъ, тотъ насъ разведетъ.

— Нѣтъ, Иванъ Васильичъ! До казны не пущать! Расходиться самимъ! Какъ ни на есть, а расходиться промежъ собой безъ казны! До казны доводить послѣднее дѣло!

— Отчего же?

— Отъ того: ты заплатишь, — тебѣ землю нашу отрѣжутъ; наша пересилитъ,—тебя обидятъ!

— Ну, такъ давайте сами въ землѣ разберемся. Вамъ отдамъ всю землю ближнюю, а себѣ беру дальнюю: такъ хорошо будетъ?

— Какъ не хорошо! Чегожь лучше, Иванъ Васильичъ! Намъ вся ближняя!

— Такъ и грамоту сейчасъ напишемъ. Старики! станемъ грамоту писать!

— Грамоту-то, Иванъ Васильичъ, грамоту-то ты писать погоди!

— Отчего же?

— Да такъ, погоди: вѣдь надъ нами не каплетъ! Куда намъ спѣшить?

— Чего же ждать?

— Да посмотримъ, какъ люди станутъ дѣлать, такъ и мы съ тобой тогда ужъ! Вѣдь самъ знаешь: теперь дѣло на цѣлый вѣкъ идетъ; стало, надо хорошенько пораздумать да поразмыслить!

— Да вы сами говорите, что я васъ не обману, сдѣлаю по закону...

— Какъ тебѣ, Иванъ Васильичъ, не вѣрить! Безпремѣнно по закону сдѣлаешь! Объ этомъ и толку нѣтъ!

— Отчего же теперь не хотите грамоты писать, когда мнѣ всѣ вы вѣрите?

— А надо правду сказать! заговорилъ одинъ старикъ, попьянѣе, а потому, можетъ быть, пооткровеннѣе другихъ:—это точно, что ты досселева насъ не обманывалъ, да теперь вѣдь дѣло-то вѣковое! Посмотримъ, какъ другіе, такъ и мы!...

Послѣ этого и говорить было нечего, и мой хозяинъ ушелъ не только со сходки, но и совсѣмъ со двора къ своимъ сосѣдямъ въ гости; а я пошелъ въ домъ. Спустя нѣсколько времени, ко мнѣ въ комнату вошли человѣка четыре мужиковъ, съ волей подъ мышкой у одного; за этими мужиками стали входить и еще по одному, по два, такъ что въ нѣсколько минутъ въ моей комнатѣ собрались всѣ мужики, пировавшіе до этихъ поръ на дворѣ.

— Что вамъ, старики, надо? спросилъ я вошедшихъ ко мнѣ мужиковъ.

— Да вотъ, Павелъ Иванычъ, сдѣлай такую милость, покажи намъ въ нашей волѣ тое мѣсто, гдѣ сказано: кто эту книгу будетъ читать, того безпремѣнно сѣчь! предложилъ мнѣ одинъ изъ пришедшихъ стариковъ, подавая свой экземпляръ положенія или, по ихнему, свою волю.

— Нѣту, братцы, такого мѣста въ вашей волѣ, отвѣчалъ я старикамъ.

— Есть! право, есть!...

— Да нѣту, во всей книгѣ нѣтъ такого мѣста.

— Поищи, пожалуйста, право найдешь! настаивали подгулявшіе старики.

— Нѣту такого мѣста во всей книгѣ; эту книгу я сколько разъ читалъ,—такого мѣста не видалъ! да и для чего же было бы вамъ давать такую книгу, которую читать не велѣно; эту книгу и дали всѣмъ нарочно съ тѣмъ, чтобы ее всѣ читали!

— Вѣрное тебѣ слово говоримъ, что есть такое мѣсто, гдѣ сказано: кто эту книгу будетъ читать, безпремѣнно сѣчь... Ужь сдѣлай же такую твою милость, покажи намъ тое только мѣстушко; намъ больше ничего не надобно! пожалуйста, возьми эту самую книгу, да поищи это намъ мѣстушко.

— Этого мѣста во всей книгѣ этой нѣтъ; стало быть и искать нечего.

— Такъ нѣтъ этого мѣста во всей книгѣ? спросилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Нѣтъ!...

— А такое мѣсто есть, что всѣ сады, всѣ амбары барскіе намъ слѣдуютъ?

— И такого мѣста нѣтъ; а если ты будешь это говорить, то безпремѣнно будутъ пороть.

— Такъ нѣтъ такого мѣста во всей этой книгѣ, говоришь ты?

— Нѣту!

— Дай же, я тебѣ покажу! И съ этими словами онъ поднесъ мнѣ положеніе, сталъ перевертывать листы, и нашелъ послѣднюю страницу манифеста по клейму, приложенному вмѣсто печати (мужики были неграмотные).—На, читай эту страницу!

— Я сталъ читать: «.... Дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій...»

— Читай еще!... читай еще!... Тутъ!... тутъ оно! Читай! заговорили радостно въ толпѣ:—тутъ оно сказано...

— «... Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю...»

— Это мѣсто!... Это мѣсто!... Читай, читай!

— «... и собираютъ плоды ея...»

— Ну, что? спросилъ съ торжествомъ мужикъ.

— А что?
— Да что ты прочиталъ?
— Прочиталъ: чтобъ вы хорошенько работали землю и собирали тогда...
— Плоды?
— Ну да: будешь хорошо пахать, посѣешь рожь,—рожь и родится хорошо; вотъ тебѣ и плоды...
— Нѣтъ, Павелъ Иванычъ! посѣешь рожь, рожь и родится, а плодовъ все-таки не будетъ! Плоды въ садахъ, а сады-то барскіе; а какъ плоды намъ, стало и сады къ намъ отойдутъ!... Вотъ что!
— Пустое, братцы, болтаете!... Здѣсь не такъ сказано...
— Читай! читай еще!
— «... чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ...»
— Ну, а это что?
— А это вотъ что; будете хорошо работать, будутъ у васъ житницы полныя, вы и берите сѣмена...
— Ишь куда!... не туда, баринъ, прешь!... Какія у насъ житницы?!... Амбаришки! Куда тутъ житницы!... Амбаришки!... А то полныя житницы! заговорили въ толпѣ.
— Правду вамъ говорю, старики! сущую правду...
— Правду!... хороша правда!... Читай еще!... читай! читай!
— «... на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ, пріобрѣтенной въ собственность...»
— А это что, по твоему?
— Это значитъ: засѣвай землю, которую даетъ тебѣ баринъ пользоваться, или ту землю, которую самъ купишь, пріобрѣтешь въ собственность.
— Про барскую землю тутъ и помину нѣтъ, а говорятъ: постоянно ты землей пользуйся, а, коли хочешь, купи. Только для чего же я покупать стану землю, коли и такъ можно ее пахать? хочешь пахать—бери землю; а не хочешь пахать — покупай!... А намъ не пахать—и дѣлать съ землей нечего!...
— Не такъ вы, братцы, толкуете...
— Читай-ко еще, такъ будетъ!... Ты знай свое дѣло: читай, а мы ужь разберемъ!... Читай!...
— «... Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ...»
— Это какъ, по твоему, Павелъ Иванычъ, обозначаетъ?
— Вы теперь свободные люди; сперва ходили на барщину, а теперь, какъ землю выкупите, такъ свободно, какъ хочешь, такъ и работай; вотъ тебѣ и свободный трудъ...
— Такъ, да не такъ! Сказано: перекрестись и только!—тамъ, значитъ, и пошелъ сейчасъ свободный трудъ! Какая тутъ купля?

— Ой, братцы, будутъ васъ за эти ваши толки больно наказывать!...

— Наказывать долго-ли? Было бы за что!

— За самые за эти ваши толки...

— За эти слова сѣчь не за что: это царская воля!

Этимъ-то мужикамъ написано было Положеніе...

Ну-съ, хорошо. Только наѣхали отовсюду особы разныя и начали дѣйствовать. Ну, извѣстно, особа народъ знаетъ мало, а знаетъ-ли, нѣтъ-ли, однихъ пейзанъ. И за всѣмъ тѣмъ—либералы. Поэтому были очень частыя сцены... Попробуемъ изобразить одну. Дѣйствующія лица: 1) господинъ, пріѣхавшій было къ пейзанамъ, но послѣ узнавшій, что онъ дѣло имѣетъ не съ пейзанами, а съ простыми мужиками, и потому въ первый періодъ своей дѣятельности принимавшій пейзанъ съ жалобами безъ всякаго разбора и безъ разбора же распекавшій и помѣщиковъ, и чиновниковъ (исправника хотѣлъ, какъ носились слухи, къ позорному столбу прибить!), а потомъ, когда пейзане надоѣли, круто повернувшій къ системѣ сѣченья; 2) барыня, увѣренная, что *у холопа не душа, а паръ все равно, какъ у коровы*, и непонимающая невозможности ей самой сѣчь людей—своихъ холоповъ и необходимости до сыта кормить ихъ. Дѣйствіе происходитъ въ Орлѣ въ 1861 году, въ первый періодъ дѣятельности, то есть въ пейзанскій.

Особа. Почему вы, сударыня, не явились ко мнѣ по первому требованію?

Барыня. Ахъ, отецъ родной! Да я думала, что ты самъ ко мнѣ пожалуешь: вѣдь я дама, какъ чесно̀й человѣкъ! Думала, самъ ко мнѣ пріѣдешь!

Особа. На васъ, сударыня, ваши люди жалуются, что вы ихъ совсѣмъ не кормите.

Барыня. Ахъ они хамы!... Да я ихъ въ Сибирь, хамовъ! какъ они смѣютъ жаловаться, какъ чесно̀й человѣкъ! Да я, какъ чесно̀й человѣкъ, десяти тысячъ рублей серебромъ не пожалѣю...

Особа (вспыливъ). Какъ?!... Такъ вы меня считаете взяточникомъ?!..

(Идутъ распеканціи, угрозы барынѣ; барыня удаляется со стыдомъ).

Сцена вторая, тамъ же и въ тотъ же пейзанскій періодъ.

Мужики приходятъ съ просьбой защитить ихъ отъ обидъ и притѣсненій.

— Кто же васъ обижаетъ? спрашиваетъ особа, принявъ ихъ, какъ истыхъ пейзанъ, въ залѣ, а не въ передней.

— Да вотъ, твоя свѣтлая свѣтлость! Въ уѣздномъ судѣ съ насъ взятку просятъ! Помилуй!...

— Сколько съ васъ просятъ?

— Просятъ девять рублей тридцать одну копѣйку съ половиной, твоя свѣтлая свѣтлость *)!

---

*) Цифру я поставилъ для красоты слога, настоящей не помню, но только вѣрно, что были рубли съ копѣйками. *Авт.*

— Кто съ васъ проситъ?

— Да всѣ въ судѣ просятъ! Говорятъ, что слѣдуетъ съ насъ столько требовать.

— Это грабежъ! Дневной грабежъ, братцы!

— Грабежъ!... Какъ есть грабежъ дневной, твоя свѣтлая свѣтлость!

— Позвать сюда полиціймейстера!—гаркнула особа.

Сейчасъ же явился полиціймейстеръ.

— Какъ! у васъ взятки берутъ?

— Какъ? гдѣ? ваше сіятельство! спрашиваетъ оторопѣвшій полиціймейстеръ, зная, что нѣтъ такой полиціи въ мірѣ, въ которой бы не брали взятокъ.

— У васъ берутъ! кричитъ особа:—у васъ, въ уѣздномъ судѣ!...

— Какъ, ваше сіятельство? Въ уѣздномъ судѣ? говоритъ полиціймейстеръ, у котораго совершенно отлегло отъ сердца, какъ только онъ услыхалъ, что дѣло идетъ объ уѣздномъ судѣ, а не о полиціи.

— Да! у васъ, въ уѣздномъ судѣ!...

— Да помилуйте, ваше сіятельство: я не судья, я полиціймейстеръ!

— Это все равно; это у васъ въ городѣ, а въ городѣ вы за всѣмъ должны смотрѣть!

— Меня изъ суда выгонятъ, ваше сіятельство, если я стану тамъ кричать о взяткахъ.

— Знать ничего не хочу!... Вы виноваты, не оправдывайтесь! Ступайте сейчасъ въ уѣздный судъ, узнайте, кто смѣетъ требовать деньги съ этихъ несчастныхъ мужиковъ?

Полиціймейстеръ уѣхалъ и черезъ минуту воротился изъ уѣзднаго суда.

— Ну что? кричитъ опять особа:—узнали, кто просилъ съ мужиковъ взятку?

— Узналъ, ваше сіятельство; только съ мужиковъ не взятку просятъ, а въ пользу казны деньги, которыя съ нихъ слѣдуютъ по закону.

— Какъ по закону?

— Такъ, по закону съ мужиковъ слѣдуетъ взыскать девять рублей съ копѣйками.

— Не можетъ быть такого закона, который бы приказывалъ съ бѣдныхъ мужичковъ требовать столько денегъ! Нѣтъ такого закона!

— Есть, ваше сіятельство; не было бы такого закона, секретарь не осмѣлился бы такъ рѣшительно отвѣчать вашему сіятельству, скорѣе бы отперся...

— Что вы мнѣ говорите!... Поѣзжайте, привезите ко мнѣ секретаря съ закономъ...

Привезли секретаря, который, въ свою очередь, привезъ съ собою томъ свода законовъ.

— Какъ вы смѣете требовать взятки съ бѣдныхъ мужичковъ? крикнула справедливо разсерженная особа на секретаря, едва успѣвшаго ввалиться въ комнату.

— Помилуйте, ваше сіятельство...

— Что тутъ миловать!... Какъ вы смѣли требовать взятку съ мужиковъ?

— Я не требовалъ никакой взятки, ваше сіятельство...

— Что же вы требовали?

— Съ нихъ по закону должно взыскать; имъ и объявлено это въ присутствіи суда.

— Покажите мнѣ законъ!

— Извольте смотрѣть, ваше сіятельство, сказалъ секретарь, указывая на статью свода законовъ.

— А въ моемъ есть? спросила особа.

Этотъ вопросъ обозначалъ, что особа, предположивъ себѣ, что ее въ провинціи непремѣнно будутъ обманывать, привезла изъ Петербурга свой экземпляръ свода законовъ, въ которомъ, разумѣется никакой фальши быть не могло.

— А въ моемъ есть? спросилъ онъ секретаря, подавая ему свой экземпляръ свода законовъ, ибо самъ отыскать, хоть и въ своемъ законѣ, не могъ.

— Есть и въ вашемъ, ваше сіятельство, объявилъ секретарь и, къ великому удивленію, нашелъ этотъ законъ и въ его петербургскомъ законѣ.

— Ну, хорошо! сказала немного озадаченная особа. — Вотъ вамъ, братцы, деньги, прибавила она, обращаясь къ мужикамъ и отдавая имъ свои деньги...

Таково было положеніе вещей въ такое время, когда старый порядокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старыя власти, которыми онъ держался, разомъ рухнули. Помѣщики отъ власти были сейчасъ же устранены, съ предоставленіемъ имъ права посылать своихъ людей (временно-обязанныхъ) къ становому; становымъ приставамъ, какъ разнеслись тотчасъ же слухи, прислано было секретное предписаніе не сѣчь людей, присылаемыхъ для этой операціи помѣщиками. Помѣщики стали присылать людей для наказанія къ становымъ и, къ величайшему своему недоумѣнію, съ примѣсью негодованія, увидали, что самъ становой NN, любимый и уважаемый именно за искусство смирять строптивыхъ рабовъ, даже этотъ становой — не наказываетъ присланныхъ къ нему. Мужики тоже замѣтили, и изъ любопытства охотно ѣздили къ становому съ посланнымъ отъ барина, и не безъ удовольствія сообщали барину, что становой ихъ наказывать не сталъ!... И такова вышла задача, что становаго совсѣмъ бояться перестали.

— И что за оказія такая, братцы мои! говорили мужики:—бывало, ѣдетъ становой, всѣ поджилки дрожатъ; а теперь пріѣдетъ — ничего, уѣдетъ—тоже ничего!...

Въ это время вдругъ разыгралась страшная комедія. Всѣ мужики, рѣшительно всѣ, которыхъ загоняли въ сипацу или, говоря высокимъ слогомъ, освобождали отъ крѣпостной зависимости, всѣ хотѣли *справ-*

лять царскую волю, то есть отбывать барщину по положенію и часто, не понимая положенія, совершенно неумышленно, грѣшили противъ него, за что были усмиряемы. Если къ этому прибавить, что многимъ изъ господъ не нравилась и самая работа по положенію, то сдѣлается понятнымъ, почему такъ часто мужики считались возмутившимися.

Первый бунтъ, происшедшій по случаю сипацы, про который мнѣ удалось слышать, былъ въ Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда во многихъ деревняхъ. Мужики вычитали въ положеніи *трехденку*: три дня работать на барина, три на себя. Воля пришла въ началѣ великаго поста, а въ это время въ деревняхъ работъ почти никакихъ нѣтъ. Вдругъ являются на барскій дворъ всѣ крестьяне поголовно, отъ мала до велика, и старые старики, и старухи, и дѣти и взрослые—всѣ, сколько есть!

— Что вамъ, братцы, надо? спрашивалъ ихъ помѣщикъ:—зачѣмъ пришли?

— Работать, батюшка, работать! отвѣчали и мужики и бабы.

— Теперь работать нечего, отвѣчалъ имъ баринъ:—работы нѣтъ никакой.

— Что хочешь, заставь дѣлать, батюшка!

— Я же вамъ говорю, что теперь работы у меня для васъ нѣтъ никакой.

— Теперь батюшка, нельзя не работать! Заставь хоть что нибудь работать...

— Не нужна мнѣ ныньче ваша работа; ступайте домой.

— Нельзя этого сдѣлать: это дѣло не твое, это казна! Царь указалъ быть трехденкѣ, мы на трехденку и пришли... Сдѣлай милость, заставь что нибудь работать!...

— Ну, чистите дворъ, когда хотите! приказалъ баринъ и ушелъ отъ нихъ.

Народу собралось до 200 человѣкъ, дворъ былъ до 200 квадратныхъ сажень; дворъ былъ вычищенъ въ одну минуту, но работники не уходили съ барщины, а тутъ же копались на дворѣ.

— Ступайте домой, ребята! сказалъ имъ помѣщикъ, опять выходя къ нимъ:—кончили работу?

— Давай работы еще!

— Да нѣту, братцы, работы никакой ныньче, отвѣчалъ имъ помѣщикъ.

— Можно ли идти домой? спрашивали мужики недовѣрчиво.

— Можно, можно, братцы! уговаривалъ ихъ баринъ.

— Не было бы намъ худа? Не было бы намъ бѣды отъ этого какой?

— Не будетъ бѣды, не будетъ никакого худа; ступайте домой!

Мужики разошлись по домамъ.

Въ другой деревнѣ пришедшихъ мужиковъ заставили (тоже человѣкъ до 200) прорыть нѣсколько сажень канавки въ снѣгу, для стока вешней воды, чѣмъ мужики остались тоже довольны. Эти два бунта остались

безъ усмиренія. Впрочемъ, не всегда обходилось такъ благополучно.

— Ну, какъ, братцы, у васъ воля идетъ? спросилъ я разъ въ кабакѣ мужиковъ, сперва поподчивавъ ихъ водкой.

— Что ты, братъ? отвѣчали мнѣ съ испугомъ мужики:—про волю не толкуй!

— Отчего же?

— Наказывать будутъ!

— За что же?

— А за то: про волю, сказано, никто толковать не смѣй! Вотъ тебѣ и вся недолга.

— Не правду вы, братцы, говорите; про волю не запрещено говорить, только надо говорить дѣло, надо говорить то, что сказано въ положеніи; а, конечно, если станешь толковать что нибудь не такъ, станешь нарочно народъ смущать...

— Это все едино!.. Сказано тебѣ: объ волѣ толковать никакъ не моги!.. Объ волѣ станешь толковать, безпремѣнно сѣчь станутъ! Все тутъ теперь тебѣ сказано...

— Во-первыхъ, мы не станемъ пустаго болтать, настаивалъ я:—а во-вторыхъ, межъ нами, кажется, ни одного пустаго и человѣка нѣтъ, и въ доносъ идти некому...

— Теперь, можетъ, и нѣту, а зайдетъ кто... тутъ кабакъ... А мы вотъ тебѣ что скажемъ: бери ты съ собой свою водку, пойдемъ къ намъ; ты у насъ и переночуешь... Дома и толкуй, о чемъ знаешь: дома свои стѣны не выдадутъ!

— Живите, братцы, посмирнѣе! сказалъ я, войдя съ ними въ избу и садясь за столъ.

— Какъ, братецъ ты мой, не смирно жить? На послѣдяхъ передъ волею бунтовать не приходится! что и не такъ—лучше смолчать, на себѣ перенесть; мы и зарокъ такой сдѣлали: кто станетъ бунтовать, своимъ судомъ съ тѣмъ расправиться, а до суда дѣлу не доходить.

— Такъ-то лучше, братцы, продолжалъ я:—а то вѣдь будетъ для васъ же хуже...

— Знамое дѣло, что хуже!

— Чуть мало что—приведутъ къ вамъ солдатъ...

— Да и теперь сѣкутъ, перебилъ меня одинъ изъ мужиковъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ.

— Какъ? за что?.. за бунтъ?

— Какой тамъ бунтъ!.. Бунта никакого нѣтъ!

— Не можетъ быть, чтобъ ни за что, ни про что наказывали; вѣроятно за какое нибудь дѣло?

— А можетъ быть, и за дѣло какое; только это никому неизвѣстно.

— Развѣ что нибудь случилось?

— Видишь, пріѣхалъ чиновникъ, согналъ окольныхъ людей со всего околодка... человѣкъ триста нагналъ... собралъ сходку, вышелъ,

да какъ крикнетъ:—«Хочешь голову срубить,—голову срублю; хочешь повѣсить,—повѣшу; хочешь такъ сказнить,—такъ сказню!.. Тебѣ и не надо въ Сибири быть,—въ Сибирь пошлю, въ Сибири будешь!...» Да и долго, долго онъ толковалъ.

— Да объ чемъ же?

— А все объ томъ же!... А тамъ какъ крикнетъ:—«всѣхъ сѣчь!...» Какъ сказалъ онъ то слово... а ребята всѣ въ полѣ пахали, въ своемъ клину подъ паръ землю подымали... Что ты будешь дѣлать?... Поймали Матюшку, такъ мальчонко лѣтъ одинадцати... «Садись, молъ, Матюшка, верхомъ, бѣги въ поле скорѣй, кличь народъ съ поля сѣчься!» Побѣжалъ верхомъ Матюшка въ поле, кличетъ: «ступай сѣчься!»—Ну, кто услышитъ, сейчасъ лошадь изъ сохи, да и домой—сѣчься... А тутъ еще, на счастье, ѣдетъ Матюшка мимо сусѣдскаго поля, и тамъ тоже поднимаетъ парину батракъ изъ подъ Орла, Васильемъ звать.—«Бѣги, Василій, кричитъ ему Матюшка: бѣги, зови народъ сѣчься! Ты бѣги въ тотъ клинъ, я въ этотъ!...» Василій, знамо дѣло, выпрегъ изъ сохи лошадь, погналъ тоже сзывать народъ; вдвоемъ живо собрали. Пріѣхали всѣ домой, ихъ передрали, они опять уѣхали въ поле пахать, а чиновникъ въ Орелъ поѣхалъ...

— Какъ? всѣхъ наказывали?

— А кто ихъ знаетъ: много сѣкли! Василій батракъ... и дѣловъ-то его всѣхъ было, что въ деревню пріѣхалъ, отработали!—А вѣдь и другіе окольные были... тѣмъ ничего! значитъ, не попались на глаза!

— Да онъ бы сказалъ, что его не за что, что онъ не виноватъ.

— Вотъ такъ!... стоитъ изъ дерьма тамъ толковать!

— Онъ бы сказалъ, что онъ не здѣшній!

— Скажи!... Скажутъ—«бунтуешь!...» А у насъ, братъ, бунтовать никто не соглашается!

Еще мнѣ привелось слышать объ одномъ несчастномъ въ Архаровѣ Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губерніи. Должно замѣтить, что архаровцы, получивши манифестъ 19 февраля, положили на сходкѣ—не бунтовать, а вести волю, какъ царь велѣлъ. Вели они волю, вели, да и довели до усмиренія: пріѣхалъ исправникъ усмирять архаровцевъ. Зачинщикъ недоразумѣній ушелъ, кажется, въ Іерусалимъ Богу молиться еще до усмиренія, и усмиряли безъ него. Усмиреніе было оригинальное: собрали всѣхъ мужиковъ, и какъ исправнику всѣхъ усмирять не было свободнаго времени, то онъ усмирялъ десятаго; въ числѣ этихъ десятыхъ былъ одинъ мужикъ, пришедшій *наканунѣ* изъ Одессы за паспортомъ; его высѣкли и дали паспортъ, и онъ, такъ мирно и патріархально пробывши одинъ день на родинѣ, отправился на другой день опять въ Одессу.

Случается иногда, что мужики, слѣдуя своему обычному праву, дѣйствуютъ по своему убѣжденію совершенно правильно, а по своду законовъ оказываются преступниками и часто уголовными преступни-

ками, потому только, что законъ имъ совершенно не знакомъ. Мужики, въ простотѣ сердечной, думаютъ, что нашимъ печатнымъ закономъ можно сдѣлать черное бѣлымъ, бѣлое чернымъ, какъ понадобится, смотря по обстоятельствамъ, нраву судьи. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ Малоархангельскомъ уѣздномъ судѣ объяснялъ это одинъ богатый мужикъ, призванный туда по одному казусу. Дѣло состояло въ слѣдующемъ.

Жилъ-былъ въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, откупившійся на волю, мужикъ Хомичевъ, торговавшій лѣсомъ, пенькой, дегтемъ, и, имѣя землю, обработывалъ ее наемными работниками. Этотъ Хомичевъ въ воскресенье заѣхалъ въ кабакъ Зацѣпу взять водки: не выпить водки, а взять домой. Ему, какъ имѣющему дѣло постоянно съ мужиками, необходима была для дома водка, да и самъ онъ съ пріятелемъ дома или въ гостяхъ испивалъ, хоть дѣла своего никогда не забывалъ. Хомичевъ заѣхалъ въ кабакъ въ воскресенье, взялъ водки и уѣхалъ; въ субботу, спустя недѣлю ровно, пришелъ въ этотъ же кабакъ Зацѣпу какой-то человѣкъ, выпилъ водки и умеръ; пошло слѣдствіе о умертвіи человѣка въ кабакѣ Зацѣпѣ, и Хомичевъ былъ призванъ въ Малоархангельскій земскій судъ, какъ прикосновенный къ дѣлу. Нечего и говорить, какъ испугался суда этотъ прикосновенный; всѣ знаютъ, какъ простой народъ боится суда. Приходитъ Хомичевъ въ земскій судъ.

— Сдѣлайте милость, говоритъ онъ чиновникамъ:—освободите отъ суда, оправдайте меня!

— Нельзя никакъ, отвѣчаютъ ему чиновники, желая побольше съ него взять взятку;—надо все дѣло по *закону* дѣлать.

— Да гдѣ же законъ? спрашиваетъ Хомичевъ чиновниковъ этого суда.

— Вотъ законъ, указали ему чиновники на лежащій на столѣ томъ свода законовъ.

— Это законъ! Хорошо; вотъ переверни его, говоритъ Хомичевъ:—все будетъ законъ?

— Все законъ будетъ, отвѣчаютъ Хомичеву чиновники.

— Какъ ни поверни — хочь этимъ бокомъ, хочь этимъ, продолжалъ Хомичевъ, переворачивая въ рукахъ законъ:—какъ хочешь поверни,—все законъ будетъ?

— Все законъ.

— Такъ ты сдѣлай по закону, да по моему! убѣждалъ Хомичевъ, къ крайнему удовольствію чиновниковъ, которые видѣли всю глупость мужика, такъ понимающаго законъ.

— А и дѣла-то никакого не было за нимъ, прибавилъ чиновникъ, разсказавшій мнѣ этотъ казусъ:—его и позвали-то въ судъ, чтобы съ него что нибудь сорвать; извѣстно, что Хомичевъ мужикъ богатый.

Ежели не совсѣмъ правильно, то довольно вѣрно Хомичевъ объяснилъ народное понятіе о печатныхъ законахъ. Народъ каждый день видитъ, что печатный законъ можно нарушить безнаказанно, и что онъ нарушается явно тѣми, которые приставлены смотрѣть за сохраненіемъ законовъ. Въ одномъ городѣ, въ 1855 или 1854 году, загорѣлся домъ,

въ которомъ была фабрикація фосфорныхъ спичекъ, что было въ то время *закономъ* запрещено.

— Здѣсь дѣлаются фосфорныя спички! кричалъ на нѣмца полиціймейстеръ:—отъ этого и домъ загорѣлся!

— Я спичекъ не дѣлалъ, оправдывался испуганный нѣмецъ.

— Какъ ты смѣешь еще лгать? Я самъ покупалъ твои спички! грозно кричалъ полиціймейстеръ:—какъ ни пошлешь за спичками, все твоей фабрики приносятъ!... А ты говоришь: «не дѣлалъ!...»

— Что же полиціймейстеръ прежде не прекратилъ эту запрещенную закономъ фабрикацію? спросите вы, читатель, но какъ полиціймейстера объ этомъ никто не спросилъ, то я и не знаю, что бы онъ на этотъ вопросъ отвѣтилъ.

Что законы или совсѣмъ не исполняются, или исполняются плохо— объ этомъ простому народу толкуютъ и сильные и не сильные міра сего. Всѣ знаютъ, какъ смотрятъ начальствующіе на мастеровъ писать просьбы, на мужиковъ, по суду отъискивающихъ своихъ правъ; но вѣрно никто такъ ясно не растолковалъ этого мужикамъ, какъ нѣкоторый мудрый администраторъ, и притомъ администраторъ не изъ мелкихъ.

Пріѣзжаетъ онъ въ свою мценскую деревню; сосѣдніе государственные крестьяне приносятъ ему хлѣбъ-соль; онъ, принявъ хлѣбъ-соль, держалъ къ нимъ таковую рѣчь:

— Вы, мужики, въ палату въ Орелъ не ходите; окружному начальнику, какое бы ни было ваше дѣло, не жалуйтесь; ежели же вамъ случится какая нужда, приходите къ моему бурмистру, онъ васъ и разсудитъ, а чего не сдѣлаетъ самъ, напишетъ ко мнѣ, я ужь непремѣнно сдѣлаю по вашему...

Теперь, какъ мужику понять, для чего же существуетъ законъ, учреждающій и палату государственныхъ имуществъ, и окружныхъ? По моему, понять нельзя. Именно поэтому простой человѣкъ такъ крѣпко держится за свои старинные, отцовскіе законы, которые, хоть и не печатаются, но за то строго сохраняются. Многіе изъ этихъ старинныхъ законовъ печатнымъ закономъ уничтожены; но гораздо большая часть этихъ законовъ не тронута сводомъ законовъ: какъ же тутъ знать, можно ли поступать по этому обычному закону, не уничтоженному, не замѣненному другимъ печатнымъ закономъ? Напримѣръ, скажемъ о мірской сходкѣ. Мірскую сходку имѣлъ право всякъ собрать; теперь это очень недавно запрещено: позволено собирать сходку только мірскому старостѣ. Сходка имѣла право суда, даже уголовнаго безъ аппеляціи, постановлять новые праздники, запрещать въ извѣстные дни извѣстныя работы; эти законы, уложенные въ извѣстной деревнѣ, должны были быть святы для всякаго, кто случайно приходилъ въ эту деревню, по пословицѣ: «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ». Въ настоящее время сходку дозволяется собирать, какъ я

сказалъ, только старостѣ; сходкѣ дозволено разсуждать о разныхъ, въ положеніи вычисленныхъ, дѣлахъ *и тому подобныхъ*, да еще и *не тому подобныхъ*, а *иже* (и), *твердо* (т) *покой* (п)...

Все это для мужиковъ ново; что же мудренаго, что они иногда грѣшатъ противъ неизвѣстнаго для нихъ закона, дѣйствуя по стариннымъ обычаямъ, не отмѣненнымъ, по ихъ мнѣнію, никакимъ новымъ указомъ? Въ началѣ воли, многія деревни положили на сходкѣ въ извѣстные дни не работать, считать за праздники; мужицкіе праздники часто не сходятся съ барскими, а тѣмъ болѣе съ календарскими; торжественныхъ дней мужики не знаютъ, но за то крѣпко вѣрятъ, что въ Ильинъ день работать нельзя: будешь работать въ Ильинъ день—хлѣба не будетъ, на Бориса и Глѣба—не будетъ хлѣба, на царяграда *)—побьетъ хлѣбъ градомъ. Еще должно прибавить, что въ извѣстные дни нельзя работать только извѣстную работу: нельзя косить, нельзя жать хлѣбъ, но можно возить, вязать, сѣно гресть; по пятницамъ нельзя прясть, платье зо́ловать—золой мыть, но безъ золы, чистой водой—грѣха нѣтъ. Вотъ и положили мужики праздники, и сами соблюдали ихъ строго, и за другими смотрѣли; а какъ по закону: «съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходить»,—то запрещали и наемнымъ работникамъ пахать въ свои уложенные праздники барскую землю. Пошли жалобы безъ числа, мужиковъ усмирили; мужики съ твердостію вынесли усмиреніе, но въ свои праздники все-таки не работали и въ своихъ деревняхъ другимъ на барской землѣ работать не позволяли.

— Что вы, братцы, шумите, бунтуете?! говорилъ я не разъ мужикамъ, не позволявшимъ работать на барской землѣ вольнонаемнымъ работникамъ.

— Тутъ бунта никакого нѣтъ, отвѣчали мнѣ:—а работать нынче у насъ никому нельзя.

— Отчего же?

— А отъ того, сталъ работать разъ, одинъ только годъ, на царя-града, такъ и пойдешь работать до окончанія вѣка! отвѣчали мнѣ постоянно. А я спрашивалъ объ этомъ болѣе чѣмъ въ семи губерніяхъ.

— Ну, вы и не работайте сами; зачѣмъ же другимъ запрещать работать?

— Э! Все равно заставятъ цѣлый вѣкъ на тотъ праздникъ на барщину работать.

— Это же почему?

— Потому, господа скажутъ: такіе же мужики у насъ работали на Ильинъ день, а вотъ эти не хотятъ, а эти вотъ мужики бунтуютъ!...

---

*) 11 мая празднуется обновленіе Царя града, а мужики празднуютъ не Царю-граду, а царю-граду, что хлѣбъ побиваетъ въ полѣ. *Авт.*

Ну и, разумѣется, заставятъ работать на какой хочешь праздникъ, на самое свѣтло Христово воскресенье!... что сдѣлаешь?....

Откуда же эти слухи, откуда эти толкованія? не разъ любопытствовалъ я. И мужики, обыкновенно, безъ всякаго замѣшательства указывали мнѣ на лицо, разсказавшее имъ, въ родѣ этой, какую нибудь небылицу; лица эти были солдатики, выгнанные чиновники и, къ моему крайнему удивленію, помѣщикъ М***, прогнавшій большую часть своихъ людей на волю, обвиненный за дурное обращеніе съ людьми мировымъ посредникомъ, объявляющій откровенно всѣмъ, что онъ ничего не боится, никакой тамъ выдуманной гласности, что про него, пожалуй, пиши не только на колоколѣ, а хоть на всей колокольнѣ, что про него писали и въ «Отечественныхъ Запискахъ»...

И этимъ слухамъ мужики вѣрятъ и строго берегутся. И праздники свои берегутъ, и трехденку (ходить три дня на барщину) соблюдаютъ, и къ своему барину на четвертый день въ недѣлѣ, ни за какія деньги, работать не пойдутъ и не наймутся. Мнѣ случалось часто видѣть у Ивана работниковъ, нанятыхъ на четвертый день въ Петровой деревнѣ, а у Петра—изъ Ивановой: у своего же барина не хотѣли наниматься ни за какую плату.

Отказывались барину работать на четвертый день совсѣмъ не изъ желанія сдѣлать барину зло, а часто даже сожалѣя о баринѣ, горюя, что баринъ трехденкой, по закону уложенной, не справится съ своими работами, а нанять работниковъ негдѣ....

Въ прошломъ (1861) году хлѣбная уборка была не хороша: безпрерывные дожди мѣшали убирать съ поля хлѣбъ, такъ что работай и всю недѣлю, — хлѣбъ все-таки попортился бы въ полѣ, а тутъ еще трехденка господъ прихлопнула!... Что тутъ дѣлать? Въ одной деревнѣ мужики видятъ, что барскій хлѣбъ въ полѣ гніетъ—на трехденку дожди шли, а теперь вотъ и хлѣбъ обсохъ, такъ трехденка кончилась.... И порѣшили: чѣмъ свѣтъ запречь сколько у кого есть лошадей и возить барскій хлѣбъ на барское гумно, а передъ обѣдомъ, какъ барину выѣзжать на поле—баринъ постоянно выѣзжалъ въ поле передъ обѣдомъ,—всѣмъ ѣхать домой, чтобы баринъ не зналъ, кто именно возилъ и, слѣдовательно, не могъ ни на кого сослаться, хоть и желалъ бы когда мужиковъ надуть. Эта продѣлка бывала во многихъ мѣстахъ, и многіе помѣщики обидѣлись такимъ недовѣріемъ крестьянъ. Одинъ же помѣщикъ созвалъ мужиковъ, поднесъ имъ водки и спрашивалъ: кто возилъ, кто первый придумалъ такую штуку? Но ему никого не назвали.

— Я знаю, что вы перевезли хлѣбъ, отчего же вы не хотите сказать кто? спрашивалъ помѣщикъ.

— Да на что тебѣ знать? Благо, что перевезенъ хлѣбъ, ну и слава Богу!...

— Я хочу за тѣхъ, кто хлѣбъ возилъ, казенныя подати за этотъ годъ заплатить!...

Но мужики и на это не поддались: водки выпили, а все-таки не сказали, кто хлѣбъ возилъ! Такъ рѣшено было на сходкѣ, и этого рѣшенья крѣпко держались, хоть сходка была и незаконная, которая, слава Богу, кончилась благополучно. Никто не узналъ про ту сходку, никакого штрафа ни съ кого не взяли, что не всегда бываетъ.

Въ одномъ имѣніи плотина требовала починки; помѣщикъ далъ матеріалу, а крестьяне, нуждаясь этой плотиной для проѣзда, починили эту плотину въ свои дни, не отъ барщины, думая, что баринъ, имъ дозволитъ ѣздить черезъ плотину. На это дозволеніе они имѣли полное право разсчитывать; не знаю, вездѣ или только въ той мѣстности есть положеніе: мосты и плотины на барской землѣ тогда только чинятся мужиками барскимъ матеріаломъ въ свои дни, когда мужики пользуются этими мостами; и, во вторыхъ, еще потому, что баринъ и до этого времени не запрещалъ мужикамъ ѣздить черезъ плотину. Въ самую возку съ поля хлѣба, едва починена была мужиками въ свои дни плотина,—вдругъ баринъ запретилъ ѣздить черезъ плотину! Разумѣется, мужиковъ это сильно затруднило: вмѣсто полуверсты до хлѣба (черезъ плотину), въ объѣздъ стало пять верстъ, а потому они могли перевезти въ день, вмѣсто двадцати копенъ, только двѣ. — Мужики собрали сходку... сходка оказалась незаконною...

На сходкѣ были толки, какъ помочь бѣдѣ; хлѣбъ надо возить сейчасъ же, непремѣнно въ тотъ же день, а черезъ плотину ѣздить нельзя: баринъ жердочкой перегородилъ; баринъ вздумаетъ проѣхать— жердочку сниметъ, проѣдетъ—и опять заложитъ, опять мужикамъ проѣхать нельзя; самимъ принять жердочку,—скажутъ бунтъ!... Думали, думали, толковали, толковали, а все изъ бѣды вывернуться не могли; рѣшено было, черезъ барскую плотину не смѣть ѣздить никому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на барскую мельницу, для которой и плотину чинили, молоть хлѣбъ изо всей деревни никакъ не возить, хоть эта мельница и въ самой деревнѣ, а возить хлѣбъ молоть за пять верстъ. Сперва на барскую мельницу шла девятая мѣрка за помолъ: пусть же барину она не достается, а идетъ другому; хоть и дальше возить, да ужь вѣрно дѣлать нечего!... Всѣ говорили такъ единогласно.

— Какъ, старики, быть? – заявилъ одинъ изъ сходки, когда уже состоялось рѣшеніе:—я послалъ возъ ржи на барскую мельницу нонче поутру; что съ той рожью дѣлать: перемолоть ли ее ужь на барской мельницѣ, или свезти на другую?

— Свезти!... свезти на другую! зашумѣла сходка: — сейчасъ же увезти возъ съ барской мельницы!

Сказано—сдѣлано: ту же минуту всѣ пошли на барскую мельницу, взяли возъ съ рожью, привезенный ихнимъ мужикомъ и, какъ лошади не было, отвезли на себѣ въ деревню, во дворъ къ хозяину ржи.

Баринъ подалъ просьбу и мировому посреднику и въ земскій судъ: пришли-десять мужики съ метлами, долотами и другими смертоносными оружіями... произвели дебошъ... убытку столько-то... а потому съ мужиковъ убытки взыскать, а съ бунтовщиками поступить по всей строгости законовъ.

Мировой посредникъ произвелъ слѣдствіе; открылось все дѣло, и онъ рѣшилъ: 1) Сходка была *незаконная*, староста не имѣлъ права собирать сходки для разсужденій, какъ возить мужикамъ хлѣбъ съ поля, когда обыкновенная дорога была запрещена, и сходка не имѣла права запрещать сама себѣ возить рожь на барскую мельницу. 2) Насчитанные бариномъ тысячные убытки—ложны; убытку, ежели только считать это убыткомъ, баринъ понесъ лишь столько, сколько стоитъ девятая часть увезенной съ мельницы не перемолотой ржи; цѣна этой части—пятнадцать копѣекъ серебромъ. Но ежели принять во вниманіе, что платятъ обыкновенно только за произведенную работу, а рожь еще не мололи, то и убытку нѣтъ никакого.

Мужики однако же не хотѣли облегчающихъ обстоятельствъ и, по предложенію мироваго посредника, рѣшили немедленно заплатить барину пятіалтынный.

Сходка все-таки найдена была *незаконною*, мужики все-таки оказались виноватыми, а между тѣмъ мировой посредникъ, рѣшавшій это дѣло, былъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ посредниковъ; что же бы сдѣлалъ съ этимъ дѣломъ другой, болѣе искусный?

И какъ легко обвиняются мужики въ бунтахъ и въ грабежахъ, а никто, въ то же время, не хочетъ обратить вниманія, что уголовныхъ преступленій, съ учрежденія мировыхъ посредниковъ, стало значительно меньше. Мнѣ говорили многіе мировые посредники, что съ самаго начала ихъ службы міру, въ ихъ участкахъ не было *ни одного уголовнаго дѣла*; вообще на мироваго посредника смотрятъ не какъ на чиновника, а какъ на міроваго слугу, на мірскова своего человѣка, а своего человѣка бояться нечего. Правда, что въ большой семьѣ не безъ урода, поэтому и въ большой семьѣ мировыхъ посредниковъ, вѣроятно, найдутся дурные люди, невѣрно понимающіе свои обязанности и отношенія къ міру, но мировые посредники все-таки были величайшимъ благомъ и для крестьянъ, и для господъ; одно то, что дѣла рѣшаются быстро, уже многое выкупаетъ: нѣтъ проволочекъ, нѣтъ лишней безполезной траты времени.

Послѣ обнародованія положенія, но когда еще не было мировыхъ посредниковъ, была подана просьба однимъ помѣщикомъ на своихъ крестьянъ: помѣщикъ обвинялъ крестьянъ въ дневномъ грабежѣ. Крестьяне пріѣхали изъ другой его деревни въ сумскую деревню, кажется, за сто верстъ, срубили столько-то деревьевъ; цѣна каждому дереву одинъ рубль серебромъ: всего вышла довольно круглая цифра. Пошло

слѣдствіе, стали выписывать мужиковъ изъ деревень за сто верстъ въ городъ.

— Какъ было дѣло? спросилъ судебный слѣдователь одного изъ вызванныхъ въ городъ мужиковъ, которыхъ спрашивать должно было по одиночкѣ.

— Какъ было дѣло, грѣхъ такой случился! отвѣчалъ мужикъ:— привезли мы барину изъ нашей деревни на восьми (кажется) подводахъ хлѣбъ; привезли ввечеру, ссыпали и поѣхали домой; отъѣхавши отъ этой деревни версты двѣ, не доѣзжая до того лѣсу, остановились ночевать въ полѣ...

— Отчего же вы не ночевали въ деревнѣ, а поѣхали въ поле? спросилъ слѣдователь.

— Какъ можно въ деревнѣ!... Чѣмъ же въ деревнѣ кормить лошадей? А въ полѣ, отпрегъ лошадь, пустилъ на дорогу — лошадь и сыта!... Мы такъ спокон вѣку ѣзжали...

— Ну, хорошо!... а дальше какъ дѣло было?

— Поутру встали, запрягли лошадей, поѣхали; ѣдемъ лѣсомъ... а лѣсъ-то нашъ... думаемъ, срубимъ себѣ по парѣ оглобель, благо топоры съ нами есть...

— Лѣсъ барскій, а не вашъ! замѣтилъ судебный слѣдователь:—въ барскомъ лѣсу нельзя безъ спросу рубить!

— Мы того не знали; прежде всегда рубили; для себя руби, сколько хочешь, на продажу только не смѣй, а запрету мы ни отъ кого не слыхали; вотъ и вырубили по парѣ оглобель, поѣхали... Около обѣдовъ остановились кормить тоже въ полѣ, подъ лѣсомъ...

— Отчего же вы въ этомъ лѣсу не вырубили, а рубили прежде? Изъ другаго лѣсу было и везти ближе.

— Изъ этого лѣсу нельзя хворостинки вырубить: лѣсъ не нашъ; а то, пожалуй, и еще ближе лѣсъ есть: у насъ подъ самой нашей деревней есть лѣсъ, да не нашъ, а чужой; какъ же ты его возьмешь?!... Только отпрягли лошадей, пустили, а тутъ и ѣдетъ прикащикъ барскій. — «Рубили барскій лѣсъ»? спрашиваетъ прикащикъ.—Вырубили, говоримъ, по парочкѣ оглобель, а кто и двѣ парочки. — «Какъ вы смѣли рубить барскій лѣсъ?» говоритъ прикащикъ.—Мы ни отъ кого никакого запрету не слыхали, говоримъ мы. — «Вотъ ужо вамъ будетъ запретъ»!... Переписалъ, сколько кто нарубилъ, отдалъ намъ записку. «Нате, говоритъ, записку, отдайте вашему старостѣ, и лѣсъ ему сдайте.» Мы пріѣхали домой, отдали и записку, и лѣсъ барскому старостѣ... Только и всего...

— Что стоитъ, по вашему мнѣнію, лѣсъ, который вы вырубили? спросилъ, наконецъ, слѣдователь.

— Сказать тебѣ по божьему: и цѣны не знаемъ, отвѣчалъ спрошенный мужикъ.

— Какъ же не знаешь?

— Да ты посуди: въ городѣ пара оглобель стоитъ пятіалтынный; а тутъ надо дерево срубить, обдѣлать оглоблю, привезти въ городъ, да простоять сколько времени, пока продашь оглоблю ту... Ну самъ и считай, что стоитъ?...

— Почемъ же положить?...

— Почемъ хочешь положи, да возьми поскорѣй деньги — только отпусти, только еще насъ не тревожь; вотъ и такъ который разъ приходимъ въ городъ, болтаемся, а вѣдь дома работа!...

— Не крали бы барскій лѣсъ!...

— Да развѣ такъ крадутъ?!... Поутру украсть, днемъ везти по большой дорогѣ у всѣхъ на виду!... И добро бы что, а то пару оглобель... Говорятъ: отняли у насъ. Кто у насъ отнималъ? Никто не отнималъ; прикащикъ только переписалъ, да и велѣлъ отвезти, мы и отвезли, и отдали барскому старостѣ, тотъ ихъ положилъ... Посмотри и теперь: всѣ до одной оглобельки цѣлы, никто не покорыстовался!...

Какъ ни хотѣлъ судебный слѣдователь поскорѣе кончить это дѣло, но не могъ: должно было послать въ другую губернію отношеніе къ кому-то, чтобъ оцѣнилъ лѣсъ... Чѣмъ кончилось дѣло и кончилось ли еще,—я не знаю; но, вѣрно, мужиковъ еще требовали въ городъ, хотя впослѣдствіи открылось, что они говорили правду.

Конечно никто не скажетъ, что этотъ случай можно назвать воровствомъ, не только дневнымъ грабежемъ, а всякій припишетъ это только незнанію. Но и это незнаніе многіе заподозрѣваютъ.

— Не бойтесь, мужикъ никогда не ошибется, когда дѣло идетъ въ его пользу; мужикъ только тогда ошибется, когда ему это выгодно!— слыхалъ я не разъ отъ многихъ и помѣщиковъ, и чиновниковъ.

Но едва ли это такъ.

Ѣхалъ обозъ съ казенными вещами; при обозѣ, какъ водится, былъ офицеръ. Дорога была грязная, и извозчики поѣхали не дорогой, а коноплянниками сзади деревни. Мужики, а съ ними и сельскій староста той деревни, выскочили, стали прогонять извозчиковъ съ коноплянниковъ на дорогу, и, какъ водится, произошла драка довольно сильная; разбитыхъ до крови было много и съ той, и съ другой стороны; только мужики не стали хвастаться своими ранами, а извозчики, какъ отчасти справедливо себя считали чиновниками, принесли жалобу исправнику, потому что мировыхъ посредниковъ тогда не было еще. Исправникъ вытребовалъ къ себѣ въ городъ дравшихся мужиковъ и всѣхъ отпустилъ, кромѣ старосты; сельскаго старосту посадилъ въ острогъ.

— За что же одного только старосту посадилъ въ острогъ?— спрашивалъ я воротившихся мужиковъ.

— Такъ ужь оно выходитъ, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ:— такой случай вышелъ; мірской староста лишонъ тѣлеснаго наказанія, вотъ исправникъ со всѣми съ нами посправился... «А тебя, говоритъ старостѣ, наказывать нельзя: ты лишонъ тѣлеснаго наказанія!... Такъ

вотъ тебѣ!»... Ужь и возилъ же онъ его! да за-мѣсто тѣлеснаго наказанія въ острогъ засадилъ!...

— Да развѣ это не тѣлесное наказаніе? спросилъ я послѣ этого объясненія.

— Нѣтъ не тѣлесное; коли-бъ его разложили, вотъ было бы тѣлесное наказаніе!

Вѣроятно со мной многіе согласятся, что эти мужики *тѣлесное наказаніе*, ежели и не совсѣмъ вѣрно понимали, то никакъ не въ свою пользу это тѣлесное наказаніе толковали.

Иногда мужики бываютъ уголовными преступниками, потому что, сами не зная, что они сдѣлали преступленіе, объявятъ о немъ начальству. Промолчи самъ—никто бы и не узналъ, ничего бы и не было.

Въ деревнѣ случился пожаръ или, кажется, въ нѣсколькихъ деревняхъ одной волости сгорѣло нѣсколько дворовъ; мировой посредникъ объявилъ волостному старшинѣ, что погорѣвшіе крестьяне могутъ получать изъ казны вспомоществованіе, и что для этого нужно составить списки погорѣвшимъ. Волостной старшина съ волостнымъ писаремъ написали этотъ списокъ и подали мировому посреднику.

— Списокъ написанъ такъ, только недостаетъ еще подписей сельскихъ старостъ, сказалъ мировой посредникъ, просмотрѣвши поданный ему волостнымъ старшиной списокъ погорѣвшимъ.

— Сельскіе старосты наши не грамотны; они писать не умѣютъ, отвѣчалъ старшина.

— Это все равно: пусть кого нибудь попросятъ за себя руку приложить къ этому списку; они только должны засвидѣтельствовать, что у этихъ крестьянъ дѣйствительно погорѣли ихъ дворы.

Волостной старшина поѣхалъ въ волость, приказалъ кому-то подписаться за неумѣющихъ грамотѣ старостъ и вновь подалъ мировому посреднику по своему разумѣнію совершенно правильный списокъ. Послѣ оказалось, что волостной голова не соблюлъ обряда — не приказалъ довѣренному лицу подержать за руку довѣрителей, и отъ того весь сыръ боръ загорѣлся!...

— Какъ ты это сдѣлалъ? спрашивали на мировомъ съѣздѣ предстоящаго старшину съ нѣсколькими старостами.

— Виноватъ! Что и говорить—виноватъ!... Помилуйте; безъ всякаго злова умысла согрѣшилъ!...

— Вы не давали рукъ? спросили сельскихъ старостъ.

— Нѣтъ, не давали.

— Какъ же, сельскіе старосты рукъ не давали, а вмѣсто ихъ подписано, руки ихъ приложены?

— Такъ ужь грѣхъ такой видно случился, лукавый попуталъ видно!... Приношу къ нимъ вотъ—здѣсь показалъ старшина на своего мироваго посредника—они и говорятъ: «все такъ, да старосты не подписались: за старостъ надо руки приложить, кому старосты прикажутъ»... Пріѣз-

жаю домой, думаю: пошлешь по деревнямъ, да пока еще прiѣдутъ... велѣлъ подписать, да и отвезъ бумагу!... А послѣ, видитъ Богъ!—я сказывалъ старостамъ «господа старосты! я въ такомъ-то дѣлѣ за васъ руки далъ»... Они говорятъ: «ничего»! Вотъ и все! А я и не зналъ, что грѣхъ такой случится... На первый разъ простите, будьте милостивы! прибавилъ онъ, кланяясь мировому съѣзду земнымъ поклономъ.

— Говорилъ онъ вамъ послѣ? спросили сельскихъ старостъ, когда старшина кончилъ свой разсказъ.

— Говорилъ, отвѣчали старосты:—да мы на волостномъ старшинѣ за это и не ищемъ...

Дѣло уголовное—фальшивыя подписи!...

На этотъ разъ съ волостнымъ старшиной поступили по возможности милостиво; но онъ все-таки остался виноватъ.

Мужики всячески хотятъ дѣйствовать по закону, по царской волѣ, но къ несчастiю не всегда имъ это сходитъ съ рукъ.

У одного помѣщика орловской губернiи А** на 106 верстъ въ длину и на 40 — 60 верстъ въ ширину сплошнаго имѣнiя, въ томъ числѣ 75,000 десятинъ лучшаго въ Россiи лѣсу; и на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ разоренные въ конецъ крестьяне. Въ 1861 году, послѣ объявленiя положенiя 19 февраля, А*** созываетъ своихъ мужиковъ, объявляетъ имъ *волю*, говоритъ, что царь указалъ впередъ мужикамъ работать только три дня на барщину. Мужики, разумѣется, обрадовались такой царской милости, потому что имъ случалось работать на барщинѣ не три дня въ недѣлю, а всѣ дни, сколько ихъ есть въ недѣлѣ, и притомъ считая день въ 24 часа; работали и день и ночь, а семь дней на барщину было дѣломъ почти постояннымъ. Потомъ А*** было предложено работать не три дня на барщину, какъ сказано въ положенiи, а взять годовой урокъ: всякiй дворъ (*) долженъ былъ обработать въ каждомъ клину по 10 десятинъ; кромѣ того сѣнокосы и проч. Годовой урокъ возможный, но не легкiй даже и для хорошихъ, исправныхъ крестьянъ (особенно въ 1861 году, когда въ хлѣбную уборку шли сильные дожди), для мужиковъ же А*** этотъ урокъ былъ еще труднѣе. Я уже сказалъ, что мужики были всѣ разорены, и у очень многихъ изъ нихъ не было совсѣмъ лошадей; слѣдовательно крестьяне отказывались отъ годоваго урока совсѣмъ не по трудности его, а просто по невозможности выполнить, такъ какъ при этомъ требовалось обезпеченiе исправнаго выполненiя круговою порукой.

— Намъ нельзя брать годовую работу, говорили мнѣ крестьяне А***.

(*) Домашнее раздѣленiе на дворы; у А*** дѣлились рабочiе на дворы; 8 тяголъ составляли дворъ. *Авт.*

— Отчего же?

— Какъ намъ можно? Царь указалъ быть трехденкѣ, а мы не станемъ трехденки сполнять?!!

— Когда баринъ говоритъ, тогда можно и царской трехденки не справлять.

— Какъ же это такъ? Царь указалъ одно; баринъ указываетъ другое; станемъ мы сполнять барскую, не царскую волю. Хорошо!... Не станемъ мы сполнять царской воли, станемъ мы работать по барскому приказу. Пріѣдетъ кто, спроситъ: «Работаете ли вы, ребята, по царски, какъ царь указалъ; справляете ли трехденку»? Мы скажемъ: нѣтъ, царской трехденки не справляемъ. «Отчего же вы царской воли не сполняете?» спроситъ онъ; а мы опять: баринъ не приказалъ справлять по царски, а приказалъ работать по своему, по барски. «А кто больше: царь или баринъ твой»? Царь больше. «Какъ же вы, скажетъ онъ, какъ вы смѣете не справлять царской воли, царскаго указу, а послушались барина»? Что ты тутъ ему скажешь?!... Вотъ и будетъ бѣда!...

И вышелъ изъ этого бунтъ съ усмиреніемъ.

Другой бунтъ у того же А*** былъ такого же рода. Впрочемъ мужикъ, разсказывавшій мнѣ исторію этого бунта, вполнѣ оправдываетъ А*** и обвиняетъ бунтовавшихъ мужиковъ.

— Мужики тѣ хохлы, говорилъ онъ.—Великимъ-то постомъ имъ около барскаго дома работу нашли; а пришла святая недѣля, бочекъ—нѣтъ!... На винокуренномъ заводѣ водки много курятъ, а лить ту водку некуда, хоть на земь лей!.. Что тутъ дѣлать?!... Вотъ и сказано тѣмъ хохламъ съ понедѣльника на святой недѣлѣ бочки дѣлать. А хохлы: царь указалъ праздники; не хотимъ бочки работать всю свѣтлую недѣлю! А того дурни не размыслятъ: не станутъ работать бочекъ, куда лить водку? Не на земь же въ самомъ дѣлѣ!... Не стоять же такъ винокуренному заводу!... Хохловъ подѣломъ наказывали!...

Мнѣ случилось видѣть самому, какъ эти же мужики хлопотали не идти *прочь отъ закона*. Шелъ я поздно вечеромъ въ одну изъ деревень А***, вижу, стоитъ за огородами, позади деревни, толпа мужиковъ... Э! думаю, сходка!... Въ настоящее время, когда сходки раздѣлены на законныя и незаконныя, мужики часто собираютъ сходки по ночамъ, въ какомъ нибудь скрытномъ мѣстѣ, чтобы кто не провѣдалъ, кому знать не должно, чтобы послѣ всему міру въ отвѣтъ не идти...

— Объ чемъ, старики, сходка? спросилъ я, подойдя и поклонясь сходкѣ.

— Да все объ своихъ дѣлахъ, человѣкъ любезный, отвѣчалъ мнѣ одинъ, тогда какъ остальные, отвѣтивъ на мой поклонъ, осматривали меня молча.

— Объ какихъ же дѣлахъ такихъ? опять спрашивалъ я, входя въ самую сходку.

— Да вотъ видишь, человѣкъ любезный! До царской воли барину мы каждую весну носили яйца, съ каждаго тягла приказано было носить. Вышла царская воля, яйца запрещено намъ, мужикамъ, барину давать. Только намъ все словно опасно!.. Вотъ собрали мы сходку, положили собрать барину яйца, отдать кому слѣдуетъ... хорошо. Забрали, снесли... ничего: Богъ помиловалъ!.. За тѣ яйца никакого намъ наказанія не было!... Проходитъ малое время — выдаютъ намъ за тѣ яйца деньги... Теперь, что съ тѣми деньгами дѣлать?...

— Что же, мало что-ли заплатили за тѣ вамъ яйца? спрашивалъ я.

— Да не объ томъ рѣчь... Пропади пропастью совсѣмъ и деньги тѣ!... А что съ тѣми деньгами дѣлать? Возьмешь тѣ деньги—бѣда!.. понесешь тѣ деньги въ барскую контору, опять бѣда!

— Баринъ самъ прислалъ деньги?

— Самъ, самъ! Никто не просилъ!... самъ прислалъ!... Куда просить! заговорила сходка.

— А самъ прислалъ, и толковать нечего; берите себѣ деньги, сказалъ я.

— Хорошо тебѣ говорить, берите!... А какъ ты ихъ, эти-то деньги, возьмешь?...

Такъ на этой сходкѣ и не было рѣшено, что съ этими деньгами дѣлать; вѣроятно были и еще сходки, и столь же беззаконныя, какъ и эта, и объ этомъ же самомъ предметѣ; только я не былъ на другихъ сходкахъ и не знаю чѣмъ кончилось дѣло о деньгахъ за яйца.

Въ самый развалъ этой сумятицы, не спѣша, мѣсяца черезъ четыре послѣ объявленія манифеста, были понемножку назначаемы мировые посредники: скажутъ нѣсколькимъ помѣщикамъ, что они—мировые посредники въ такомъ-то уѣздѣ, потомъ въ томъ же уѣздѣ назначутъ еще, а тамъ еще, такъ что наконецъ и набралось достаточное число посредниковъ. Посредники открыли сельскія общества, выбраны были старосты, волостные головы. Посредники были благодѣтелями народа: едва мировые посредники вступили въ должность, какъ порядокъ началъ установляться. Хотя многіе мировые посредники и сѣкли мужиковъ, да въ одиночку. Судъ мировыхъ посредниковъ пришелся по сердцу русскому народу. Этотъ судъ тѣмъ хорошъ, что скоръ: мировой посредникъ сейчасъ разсудитъ, ежели нужно, здѣсь же и накажетъ, и дѣло кончитъ безъ всякихъ проволочекъ.

Мировыхъ посредниковъ можно раздѣлить на три разряда. Къ первому разряду принадлежатъ такіе мировые посредники, которыхъ не любятъ ни помѣщики, ни мужики; этого сорта мировые посредники преимущественно смотрятъ на себя, какъ на чиновниковъ, и какъ чиновники, считаютъ себя начальниками надо всѣми; кого только захватило положеніе на указанныхъ имъ участкахъ; всѣ ихъ подчиненные: и помѣщики, и крестьяне, и купцы, и мѣщане, и попы, всѣ здѣсь постоянно

живущіе и всѣ вновь временно, хоть на одну минуту, въ ихъ владѣнія зашедшіе... Либералы ли они—Богъ ихъ знаетъ!... Но либеральничаютъ эти чиновники-посредники всѣ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не приходилось изъ такихъ посредниковъ видѣть ни одного, который бы на рѣчахъ не былъ либераломъ. Они отличаются особенно порядочностію: у нихъ и канцелярія въ порядкѣ, и число нумеровъ исходящихъ безчисленно... На сходкахъ они держатъ себя величаво; ежели начнутъ что говорить сходкѣ, то мужикъ можетъ любоваться ихъ краснорѣчіемъ сколько угодно, но понять, по своему мужицкому образованію и по непривычкѣ къ канцелярскому краснорѣчію, совершенно не можетъ. Таковой посредникъ караетъ и мужиковъ, но распекаетъ и помѣщиковъ, дѣйствующихъ не совсѣмъ согласно съ видами его, посредника... Но къ счастію такихъ посредниковъ мало, и теперь они, по бо́льшей части, разбились по другимъ разрядамъ. Часть ихъ перешла на сторону посредниковъ, любимыхъ помѣщиками и составляющихъ второй классъ. Эти втораго класса господа рѣшительно всѣ либералы; но либерализмъ ихъ особенный; этотъ ихъ либерализмъ очень любезенъ помѣщикамъ, въ родѣ Пѣночкиныхъ—Тургеневскихъ. Судьба привела меня видѣть одного изъ первыхъ такихъ либераловъ-посредниковъ.

Въ то время когда назначались мировые посредники, однимъ изъ самыхъ первыхъ въ орловской губерніи былъ назначенъ мировымъ посредникомъ... назовемъ его хоть какъ нибудь... или лучше пусть будетъ онъ безъ имени; не онъ одинъ такой, ихъ много... Когда онъ былъ назначенъ въ эту должность, то счелъ своею обязанностію заѣхать къ будущему товарищу по будущей службѣ.

— Намъ надо дѣйствовать по возможности однообразно, сказалъ онъ послѣ первыхъ рекомендацій и любезностей хозяину — тоже будущему посреднику.

— Это необходимо, отвѣчалъ хозяинъ: лучше и для насъ, гораздо лучше...

— И гораздо лучше для мужиковъ, перебилъ либеральный посредникъ:—ежели мы станемъ дѣйствовать различно, могутъ возникнуть между мужиками толки: станутъ говорить, не понимая хорошенько дѣла, что мировые посредники дѣйствуютъ не по закону, а по своему произволу.

— Да, это правда...

— Мужиковъ наша обязанность пріучать къ легальности, пріучить мужика, чтобъ онъ уважалъ законъ!...

Потомъ пошелъ толковать о вредѣ для крестьянъ крѣпостнаго права, коснулся не добрымъ словомъ помѣщиковъ, находилъ, что теперешнее неутѣшительное нравственное состояніе помѣщиковъ совершенно логично вытекаетъ изъ прежней жизни рабовладѣтелей; что крѣпостное право портитъ не столько рабовъ-крестьянъ (онъ крѣпостныхъ отъ рабовъ не хотѣлъ отличать), сколько портитъ господъ, пользующихся крѣпостнымъ правомъ... Потомъ еще болѣе либеральничалъ...

— У меня у самого есть дѣло, заговорилъ уже за ужиномъ посредникъ-либералъ, — которое касается меня лично и подлежитъ тоже вѣдѣнію мироваго посредника. Вотъ въ чемъ дѣло: мужики два года тому назадъ просили у меня позволенія купить себѣ земли; имъ это дозволили съ условіемъ, чтобъ они владѣли этой землей 15 лѣтъ, а послѣ 15 лѣтъ чтобъ эта земля сдѣлалась барскою. Теперь какъ быть съ этой землей? Взять ее у мужиковъ сейчасъ нельзя, да я и не хочу незаконно поступать, потому что мужики не владѣли еще срочныхъ 15 лѣтъ этой землей; а какъ сдѣлать съ ними условіе?

Отъ мироваго посредника слышать подобную рѣчь всѣмъ показалось довольно страннымъ.

— На чьи деньги куплена земля? спросилъ хозяинъ:—на ваши или на мужицкія?

— Разумѣется, на мужицкія, отвѣчалъ совершенно убѣдительно либеральный посредникъ.

— А когда на мужицкія деньги куплена земля, стало быть, она и принадлежать должна мужикамъ.

— Но какъ же, заспорилъ посредникъ:—какъ же? тогда условіе не будетъ соблюдено!..

— Какое тамъ условіе?...

— Какъ, какое условіе!... Условіе, заключенное между помѣщикомъ и крестьянами...

— Позвольте васъ спросить: какое же могли съ вами крестьяне заключать условіе, когда они были ваши крѣпостные крестьяне? Условіе могутъ заключать только двѣ стороны, совершенно одна отъ другой независимыя. Поэтому условія тутъ никакого не было, да и быть не могло; а просто вы хотѣли воспользоваться положеніемъ мужиковъ и получить на мужицкія деньги еще клокъ земли.

— Но согласитесь со мной сами: я до этого времени имѣлъ на то право... полное право!

— Никакого вы права, ни просто права, ни полнаго права—никакого вы не имѣли!

— Какъ, не имѣлъ права?... При существованіи даже крѣпостнаго права?...

— Даже и тогда не имѣли права притѣснять крестьянъ!... Злоупотреблять помѣщичьею властью и тогда, какъ и теперь, закономъ запрещалось!... А какъ вы назовете это, какъ не злоупотребленіемъ помѣщичьей властью?!..

— Нѣтъ! я имѣлъ право дозволить и не дозволить крестьянамъ купить землю... Никто не зналъ, что освободятъ крестьянъ!...

— Должны были знать!...

— Какъ?...

— Какъ мировой посредникъ теперь, вы должны были и прежде знать, что крестьянъ освободятъ!..

— Это почему?

— Кто сильно чего хочетъ, тотъ сильно вѣритъ, что то будетъ; мировые посредники должны были этого сильно желать... Поэтому и вы...

— Я тоже сильно желалъ!...

— Какъ же вы предложили, могли предложить вашимъ крестьянамъ подобныя *условія*?!..

— Это условіе предложено не мною; я купилъ это имѣніе на этихъ условіяхъ... съ правомъ черезъ 15 лѣтъ взять у мужиковъ эту землю...

— Это все равно: какъ вы могли купить имѣніе съ этимъ грязнымъ правомъ?!..

— Я, разумѣется, не воспользуюсь этимъ правомъ; я только такъ спросилъ...

— Стало быть, и спрашивать объ этомъ было вамъ не для чего.

— Я, какъ мировой посредникъ, хотѣлъ знать ваше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ... Я подарю эту землю мужикамъ... но въ другихъ имѣніяхъ могутъ быть подобные этому случаи...

— Не дарите и вы земли мужикамъ вашимъ, не совѣтуйте и другимъ помѣщикамъ дарить такую землю крестьянамъ: земля купленная должна принадлежать тому, кто заплатилъ за нее деньги; какъ же вы будете дарить чужое?!..

Послѣ сего не совсѣмъ впрочемъ либеральнаго разговора, мы опять стали либеральничать... еще пуще прежняго!...

Спустя нѣсколько времени, мнѣ привелось объ этомъ посредникѣ много слышать, и слухи эти были, при всемъ ихъ кажущемся разнообразіи, до-нельзя однообразны; вся разница заключалась въ воззрѣніи: что одни находили дурнымъ, то другимъ представлялось самымъ лучшимъ.

— Что, братъ, у васъ новые порядки? заговорилъ я, проѣзжая одно село, съ проходившимъ мужикомъ.

— Новые-то новые порядки! отвѣчалъ онъ, поклонившись мнѣ и идя рядомъ со мною.

— А что-жь?...

— Да такъ, братъ!... Какая такая воля пришла, объ какой волѣ никто не слыхивалъ!... Хуже всякой неволи!

— Какъ же хуже? Теперь ты ничего не боишься, ни отъ кого никакой обиды; кто тебя обидѣлъ, пошелъ къ своему мировому посреднику, тотъ тебя отъ всякой обиды защититъ; только самъ не дѣлай дурнаго дѣла. За дурное дѣло, самъ знаешь, никто не похвалитъ...

— Зачѣмъ хвалить!... А ты знаешь нашего *посредственника*? Посредственниками мужики называютъ мировыхъ посредниковъ.

— Нѣтъ не знаю!... А кто у васъ мировымъ посредникомъ? спросилъ я.

— А у насъ *такой-то*... Тутъ мужикъ назвалъ господина того самаго, съ которымъ я уже встрѣчался и объ которомъ уже говорилъ выше.

— Ну что, каковъ онъ у васъ?

— У насъ-то ничего!... у насъ ему и дѣла никакого нѣтъ!... Намъ-то что!...

— Нѣтъ, не у васъ однихъ, не въ вашемъ селѣ; а какъ мужики его любятъ?...

— А на что ему наша любовь-то?... Что онъ будетъ съ нею дѣлать, съ нашею любовью-то?...

— Ну, все-таки любятъ?..

— Что любить-то!... Извѣстное дѣло: барскую руку держитъ!... Какъ не приди, все за барина...

— И всѣ мировые посредники барскую руку держатъ?

— Нѣтъ!... Куда всѣ!... Есть, что дѣло и по божью ведутъ: мужикъ виноватъ, мужика накажетъ; а и баринъ провинился въ чемъ, то и съ барина съ того тоже взыщетъ...

— Не можетъ быть, чтобы вашъ посредникъ безъ вины безо всякой наказывалъ мужиковъ.

— Кто тебѣ говоритъ, безъ вины наказывалъ... Только ужь очень насъ штряхами доѣзжаетъ!...

— Какими штряхами?

— А штряхъ:—деньги ни за что берутся, вотъ и выходитъ тебѣ штряхъ!...

— Какъ ни за что?

— А такъ: вина твоя такая, сѣчь тебя не за что; сажать тебя на хлѣбъ на воду—тоже вина малая; дѣлать-то съ тобой нечего, вотъ и штряхъ! Какъ стряхнутъ твою мошну, вотъ ты и знай... лучше-бъ ужь больше провинился: наказали-бъ, да и пустили; а штряхи-то эти другому на цѣлый вѣкъ отзовутся!...

— Не надо только попадать въ вину какую, а то штряховъ не будетъ! наставительно произнесъ я.

— А какъ ты, человѣкъ любезный, не попадешься въ чемъ: у нашего посредника всякая вина виновата!...

— Какъ такъ: всякая вина виновата?

— А такъ: малая какая бездѣлица, только бы ему узнать, сейчасъ тебѣ штряхъ!... Не разберетъ тебѣ, что дѣло-то плевое, нестоющее вниманія, а такъ сейчасъ штряхъ на тебя!... Отъ того и называется штряхомъ, что ни за что берется!... А нашъ посредникъ до этихъ штряховъ большой охотникъ!...

Всякій образованный человѣкъ пойметъ, что мужикъ, объяснявшій мнѣ значеніе штрафовъ, въ своихъ сдержанныхъ отзывахъ, былъ совершенно несправедливъ къ своему посреднику: разумѣется что всякая вина виновата!... Скоро послѣ этого и я видѣлъ, что этотъ посредникъ, хоть и строгъ, но справедливъ. На мировомъ съѣздѣ, когда были толки о волостномъ старшинѣ, приложившемъ по незнанію за старостъ руки

(случай, объ которомъ я уже выше говорилъ), то этотъ мировой посредникъ настаивалъ, чтобы съ этимъ волостнымъ старшиной поступили по всей строгости законовъ, какъ съ составителемъ фальшивыхъ документовъ; не желалъ даже обращать вниманія на смягчающія обстоятельства, имѣя въ виду показать сильный примѣръ всѣмъ волостнымъ старшинамъ. Почему мужики называли его *барскимъ* посредственникомъ, это будетъ понятно изъ слѣдующихъ толковъ о смѣнѣ одного сельскаго старосты. Одинъ мировой посредникъ (другой—не этотъ) объявилъ на съѣздѣ, что мужики одного сельскаго общества не довольны своимъ сельскимъ старостой, что мужики давно просили о смѣнѣ этого старосты, а въ настоящее время они на него жалуются за то, что онъ имъ не далъ и не даетъ отчета въ общественныхъ деньгахъ, которыя уже истрачены старостой. Тогда нашъ мировой посредникъ принялъ сторону сельскаго старосты: какъ же власть, хоть и эту, можно смѣнять самимъ мужикамъ? Хотя и настаивалъ ихній мировой посредникъ на необходимости смѣны этого старосты; но нашъ мировой посредникъ, руководствуясь означенными аргументами, сильно воспротивился, и побѣда осталась за нимъ!.. И такимъ образомъ, когда отъ него одного зависитъ рѣшеніе дѣла, то власть имѣющіе всегда правы; ежели же сойдутся двѣ власти—-то права высшая власть. При мнѣ жаловались ему, что волостной старшина его участка разругалъ старосту, когда тотъ пришелъ къ нему съ жалобой, и совсѣмъ не занялся дѣломъ, за которымъ приходилъ староста къ старшинѣ. Нашъ посредникъ и здѣсь слиберальничалъ: на эту жалобу даже не обратилъ вниманія... Извѣстнаго воззрѣнія помѣщики сильно на него надѣятся: мало-мальски кто изъ таковыхъ помѣщиковъ не доволенъ своимъ посредникомъ, то сейчасъ проситъ мировой съѣздъ замѣнить мироваго посредника посредникомъ-либераломъ, называя его или просто по имени, отечеству и фамиліи, или сосѣднимъ мировымъ посредникомъ, когда онъ дѣйствительно сосѣдній мировой посредникъ. И такова игра природы, что ни одинъ помѣщикъ таковой, ни одна помѣщица таковая не попросили ни разу въ этомъ уѣздѣ другаго посредника... Такъ онъ полюбилъ ихъ, такъ онъ строго блюдетъ помѣщичьи интересы, что часто это случается даже противъ желанія самихъ помѣщиковъ. Пріѣзжаетъ онъ къ одному помѣщику писать уставную грамоту. Помѣщикъ объявляетъ ему, что хочетъ сдѣлать уступку въ пользу крестьянъ... Надо было видѣть, какъ перепугался нашъ мировой посредникъ; онъ отъ этой уступки ожидалъ всеобщаго возстанія, ежели не поголовной рѣзни!...

— Что вы хотите со мною сдѣлать? говорилъ онъ помѣщику:— вы мнѣ этимъ испортите весь участокъ!.. Всѣ мужики въ участкѣ будутъ указывать на вашу уставную грамоту!.. Я васъ прошу: не дѣлайте этого!..

Но, увы! къ нашему съ нимъ негодованію не сдѣлалось такъ, какъ намъ хотѣлось!..

— Хоть въ уставную грамоту этой уступки не пишите, на словахъ это сдѣлайте! молилъ онъ.

Не внялъ и этой мольбѣ помѣщикъ: помѣщикъ думалъ, что мужики могутъ его самого заподозрить, если онъ обѣщанное на словахъ не подтвердитъ письменно въ уставной грамотѣ... И въ грамоту уставную занесли и эту уступку... Не стало по нашему!..

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ страшныхъ заботахъ: слухи ли пронеслись, или офиціально дали знать, что губернаторъ ѣдетъ осматривать волости; и онъ принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы губернаторъ остался доволенъ имъ.

— Слышалъ ты, губернаторъ ѣдетъ осматривать волости? спрашивалъ онъ волостнаго старшину на сходкѣ, собранной по случаю введенія въ томъ имѣніи уставной грамоты.

— Слышалъ! отвѣчалъ старшина казенно-почтительнымъ образомъ, титулуя его, кажется, вашимъ высокоблагородіемъ или батюшкой, не помню.

— Когда слышалъ, такъ надо быть готовымъ къ пріѣзду губернатора.

Волостной старшина вѣрно зналъ, какъ надо быть готовымъ къ пріѣзду губернатора.

— Все готово, отвѣчалъ волостной старшина: — хоть сейчасъ пріѣзжай губернаторъ. Что было готово, онъ не сказалъ, но посредникъ понялъ.

— Все готово? спросилъ посредникъ.

— Все готово! отвѣтилъ старшина.

— Все?

— Какъ есть все!

— А положеніе знаешь? спросилъ посредникъ волостнаго старшину.

— Какъ, то есть, положеніе? спросилъ волостной старшина посредственника.

— Положеніе 19 февраля знаешь-ли? уже построже спросилъ посредникъ.

— Да вѣдь я не грамотный!.. Какъ же мнѣ выучить это положеніе? заговорилъ волостной старшина.

— Какъ! Что-жь такое, что ты не грамотный?!.. Вѣдь ты молитвы учишь? Сказывай, ты молитвы знаешь?

— Знаю...

— Такъ чтобы ты и положеніе мнѣ выучилъ! Чтобъ какъ молитву зналъ!.. Чтобы къ пріѣзду губернатора непремѣнно все положеніе, какъ молитву, твердо зналъ! подтвердилъ посредникъ волостному головѣ.

— Слушаю-съ! былъ отвѣтъ.

И выучитъ волостной старшина это положеніе 19 февраля, непремѣнно выучитъ!.. Случалось же мнѣ, да вѣроятно и не мнѣ одному случалось слышать, какъ солдаты читаютъ свои *пунктики*; солдаты

тоже не грамотные. Пунктики эти начинаются, кажется, такъ: «солдатъ есть имя великое, знаменитое...» Стало быть можно, хоть и трудно, а можно и положеніе такъ же выучить, и, вѣроятно, волостной этотъ старшина, исполняя приказаніе своего посредственника, къ пріѣзду губернатора выучитъ все положеніе 19 февраля; а губернаторъ, видя такое усердіе мироваго посредника, представитъ этого посредника къ наградѣ—чиномъ или орденомъ и тѣмъ поощритъ его къ дальнѣйшимъ подвигамъ, столь же для отечества полезнымъ.

Третій сортъ мировыхъ посредниковъ—это люди простые, знающіе бытъ крестьянъ и любимые крестьянами за безпристрастіе въ разборѣ жалобъ. Но этихъ посредниковъ мнѣ случалось видѣть мало, а потому объ нихъ и говорить мнѣ не приходится. Лучше скажемъ нѣсколько словъ о сельскихъ властяхъ: о волостныхъ старшинахъ и сельскихъ старостахъ.

Эти новые казенные чиновники рѣзко дѣлятся на два разряда: къ первому и лучшему принадлежатъ люди, выбранные въ эти должности изъ молодежи, не искушенные еще властію, не бывшіе до этого времени никакими начальниками; ко второму — люди и до этого времени бывшіе начальниками по назначенію помѣщиковъ, бывшіе старостами, бурмистрами, прикащиками. Первые строго смотрятъ, чтобъ *законъ былъ соблюденъ*, строго смотрятъ, чтобъ барекія и казенныя повинности были исполнены, не позволяютъ взятокъ ни подъ какимъ видомъ, ни подъ какимъ названіемъ, не позволяютъ ни себѣ, ни другимъ. Одному малоархангельскому волостному старшинѣ, молодому человѣку лѣтъ 27 — 28, помѣщикъ предлагалъ десять цѣлковыхъ за исполненіе своихъ обязанностей; тотъ, исполнивши должное требованіе помѣщика, не взялъ этой взятки, обидѣлся и принесъ жалобу на помѣщика мировому посреднику. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ наняты писаря съ тѣмъ, чтобы они учили крестьянскихъ дѣтей грамотѣ; волостные старшины не позволяли *принимать* этимъ учителямъ никакой *благодарности* не только съ временно-обязанныхъ крестьянъ своей волости, но и за ученіе дѣтей государственныхъ крестьянъ. Съ крестьянами они справедливы, строго требуютъ отъ нихъ должнаго; но не поддаются и помѣщикамъ, хотя никогда не позволяютъ себѣ никакой дерзости въ отношеніи къ нимъ.

— Какъ же вы ладите съ господами? Вотъ хоть съ Н. или съ М.? спрашивалъ я не разъ, указывая на такихъ помѣщиковъ, которые отличались своею требовательностію и уже нѣсколько разъ жаловались на своихъ мировыхъ посредниковъ.

— Да съ тѣми ладить легко! исполняй все, что онъ скажетъ тебѣ дѣльное по закону...

— Ну, а ежели онъ скажетъ тебѣ что недѣльное, вѣдь ты долженъ отказать?

— Зачѣмъ отказывать?—не нужно: господа этого страхъ какъ не любятъ.

— Да какъ же ты сдѣлаешь незаконное, чего по закону не слѣдуетъ?

— И отказать не откажу, и сдѣлать не сдѣлаю. Мнѣ господъ не выучить, такъ и читать имъ проповѣдь не стоитъ; а скажешь ему: я бы для васъ съ превеликою радостію все сдѣлалъ, да боюсь, такъ-ли оно выйдетъ? Я спрошу мироваго посредника... Какой и побоится посредника...—«Нѣтъ, скажетъ, не говори посреднику, я и такъ обойдусь» а рѣдкій скажетъ «спроси»; спросишь посредника, тотъ не прикажетъ, ты опять таки правъ: барину тому ты отказа не дѣлалъ, ему и сердиться на тебя нѣтъ причины.

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличаются сельскіе чиновники, выбранные изъ прежнихъ чиновниковъ, бывшихъ при помѣщикахъ. Они выбраны или по требованію, или по указанію, или *по желанію* мировыхъ посредниковъ, или изъ боязни ослабить прежнюю власть. Вѣрнѣй всего, что на будущихъ выборахъ мало будетъ изъ этихъ людей выбрано вновь на должности. Они держатъ себя съ простыми смертными величаво, а съ начальниками униженно; они ужь разбираютъ людей: къ первымъ, то есть къ простымъ смертнымъ они относятъ не однихъ мужиковъ, но и бѣдныхъ или въ чемъ нибудь ищущихъ у нихъ помѣщиковъ; къ другимъ — всѣхъ власть имѣющихъ: своихъ начальниковъ, сильныхъ помѣщиковъ, богатыхъ поповъ, даже мужиковъ, когда въ нихъ нужда есть. Съ такимъ господиномъ ссориться не слѣдуетъ: онъ можетъ, какъ человѣкъ знакомый съ властію, и наказать, и помиловать.

— Да какъ же, Арсенъ Васильичъ, говорилъ я одному волостному старшинѣ, бывшему сперва барскимъ бурмистромъ: — такъ вѣдь, пожалуй, и дѣлать нельзя; все-таки ты долженъ по закону дѣлать?

— Я и сдѣлаю по закону, отвѣчалъ Арсенъ Васильичъ: — я сдѣлаю по закону, и отъ закона не отступлю, и барину уважу. Человѣкъ самъ тебя уважаетъ, какъ же ты его не уважишь?...

— Какъ же ты уважишь человѣку?

— Да вотъ хоть баринъ, который того стоитъ, хоть, къ примѣру, на мужиковъ тебѣ жалуется: разберешь дѣло, и хоть мужики правы, а все на тѣхъ мужиковъ штрафъ наложишь, потому баринъ самъ того стоитъ; а не стоитъ того баринъ, такъ хоть и виноваты мужики —ничего не сдѣлаешь.

— Да какъ же, Арсенъ Васильичъ, на правыхъ мужиковъ штрафъ накладывать? Ну, какъ тѣ мужики обидятся, да жаловаться пойдутъ?

— Въ штрафахъ мнѣ никто запретить не можетъ; штрафъ въ законѣ указанъ.

— Ну, а какъ жаловаться пойдутъ къ мировому посреднику или еще къ кому?

— Нѣтъ, не пойдутъ, отвѣчалъ рѣшительно Арсенъ Васильичъ: — не пойдутъ! Мужикъ жаловаться по судамъ не любитъ.

— Ну, а если съ мужика возьмутъ взятку? Вѣдь у васъ берутъ взятки?

— Ни мировой посредникъ, ни одинъ волостной старшина — ни-ни!... Избави Господи!...

— Ну, а волостной писарь?

— Тѣ.... Да вѣдь я думаю, чтó взятка? Взятку я своему писарю позволю взять, самъ позволю, потому знаю, какую взятку и какому писарю. Писарь мое дѣло исполняетъ, меня слушаетъ, у меня находится въ повиновенiи — какъ же я ему не позволю взять?!... Ну, а сталъ изъ повиновенія выходить, я такому писарю не позволю ни съ кого ни одной копѣечки взять.

— Какую же взятку по твоему, Арсенъ Васильичъ, можно дозволить взять?

— Мало ли!... Да вотъ хоть билеты мужики берутъ, въ заработки идутъ.... Чтожь, можно!... По четвертаку, по двугривенному можно взять: я своему позволилъ и слова не говорю.

И мужики видятъ, что съ нихъ берутъ взятки и тоже ничего, не обижаются; мужики видятъ, что волостному писарю не брать взятокъ — придется умирать съ голоду: на 60 — 90 рублей, при купленномъ хлѣбѣ и всемъ съѣстномъ, — жить нельзя и простому мужику; а волостной писарь, хоть и плохонькой, но все-таки въ родѣ чиновника. Мужики даютъ взятки волостнымъ писарямъ и не обижаются; но строго смотрятъ, чтобы сельскій староста, волостной старшина не брали взятокъ *отъ барина,* чтобы отъ того ихъ дѣлу порухи какой не вышло. А потому, если помѣщикъ позволитъ что нибудь сельскому старостѣ, напримѣръ, лошадь, на которой ѣздитъ староста на барскія работы, пустить къ барскому корму, то всѣ мужики тотчасъ же пустятъ всѣхъ своихъ лошадей къ барскому корму, думая, что имѣютъ на это право.

И не смотря на такое устройство сельскихъ управленій и сельскихъ властей, мужики мировыми посредниками болѣе довольны, чѣмъ государственные крестьяне — окружными.

— Какой судъ лучше? спрашивалъ я одного временно-обязаннаго крестьянина Мценскаго уѣзда: — вашъ судъ, или однодворческій, то есть, судъ у государственныхъ крестьянъ?

— Нашъ все-таки получше будетъ супротивъ однодворческаго суда, отвѣчалъ мужикъ.

— Чѣмъ же лучше?

— А тѣмъ: короче. У однодворцевъ придешь жаловаться, ужь тебя тягаютъ-тягаютъ, тягаютъ-тягаютъ.... и туда сходи, и сюда поди.... къ тому поди съ просьбой — бумагу подай; другому такъ на словахъ скажи.... всю твою душеньку измучаютъ; а послѣ все-таки накажутъ. А у насъ пришелъ къ мировому посредственнику съ какой жалобой:

онъ тебя сейчасъ же разсудитъ, сейчасъ же взыщетъ и ступай домой!... Держать не станетъ!

— Чѣмъ же лучше вашъ судъ, когда все-таки ведетъ къ одному концу?

— Какъ же можно равнять мироваго посредственника и окружнаго твоего?

— Отчего же нельзя равнять?

— Нашъ мировой посредственникъ здѣшній житель; мировой посредственникъ здѣсь и родился, здѣсь и умретъ, а пока живъ, здѣсь ему жить придется; сдѣлаетъ что ужь сильно противъ закону, ему на міръ и глазъ показать нельзя будетъ; гдѣ помирволитъ своему брату барину, а гдѣ и побережется.... да и барину помирволитъ, все хоть одной сторонѣ лучше сдѣлаетъ.... А окружной твой.... съ вѣтру пришелъ, что ему?—ныньче здѣсь, завтра тамъ!... Кто узнаетъ, какія чудеса онъ выдѣлывалъ?

Помѣщики тоже, насколько могутъ, довольны судомъ; случается, остаются недовольны мировымъ посредникомъ, желаютъ перемѣны мироваго посредника, но рѣдко хотятъ перемѣнить судъ мировыхъ посредниковъ на болѣе организованный, болѣе улучшенный, уѣздный или земскій судъ. И, конечно, они еще скорѣе бы помирились съ своимъ настоящимъ положеніемъ, если бы у нихъ были деньги или хоть кредитъ. При наступившей насущной необходимости въ деньгахъ, денегъ найти рѣдко можно; казенныя кредитныя учрежденія всѣ закрыты, и именно въ ту минуту, когда застала нужда въ деньгахъ; изъ частныхъ рукъ занять подъ залогъ имѣнія или нельзя совсѣмъ, или же заемъ сопряженъ съ большими препятствіями, а безъ залога рѣдко удается, и то за большіе проценты. Да у кого и есть капиталы, тотъ тоже сидитъ безъ денегъ: помѣщикамъ нужно съ вольнонаемными работниками разсчитываться иногда каждый день чистыми деньгами, на это нужны мелкія деньги: а у насъ еще до начала эмансипаціи нельзя было размѣнять большой ассигнаціи не только на серебро, но и на мелкія ассигнаціи. Денегъ у помѣщиковъ нѣтъ, крестьяне исполняютъ трехденку, и баринъ хоть что хочешь дѣлай,—мужики не станутъ работать семи дней въ недѣлю. Это все такъ подѣйствовало на помѣщиковъ, что они даже не скрываются.

— Слышали вы, мой Ванька не могъ мѣста найти въ городѣ?... Пущай его.... небось, вспомнитъ господъ! Кто его съ такой семьей возьметъ? говорила барыня о своемъ бывшемъ выѣздномъ лакеѣ, которому, по его специальности, довольно трудно отыскать себѣ мѣсто.

— Слышали вы, спрашивалъ одинъ баринъ другаго барина; — слышали вы, мужики вернулись назадъ?

— Какіе мужики?

— А тѣ, что пошли на заработки за Харьковъ, на Донъ! Вер-

нулись назадъ! тамъ все выгорѣло, весь хлѣбъ, вся трава.... дождей не было, все и выгорѣло....

— Ну, и пускай ихъ нужду узнаютъ!

— Пускай, пускай ихъ нужду узнаютъ: къ намъ же придутъ — поклонятся!

Въ такое-то время мировыми посредниками пишутся и повѣряются уставныя грамоты, при чемъ требуется отъ мужиковъ, чтобъ они подписались подъ уставной грамотой. Мужики, зная, что гдѣ рука, тамъ и голова, не подписываются.

— Отчего вы не подписываетесь, рукъ не даете? спрашивалъ я не разъ.

— А какъ руки дать? Кабы мы знали что̀, для чего рукъ не дать! А то тамъ напишутъ Богъ знаетъ что, а тебя заставляютъ руки давать; дашь руки, повороту не будетъ; скажутъ, сами мужики такъ захотѣли!

— На то законъ есть: что сказано, то должно сдѣлать.

— Былъ бы законъ, сталъ бы нашъ посредственникъ много толковать!

— Посредникъ хочетъ согласія вашего.

— На чорта ему наше согласіе! Теперь вотъ отрѣжутъ землю у мужиковъ, да какъ мужики рукъ не дадутъ, опять отдадутъ.

— Нѣтъ, не отдадутъ той земли, которая отойдетъ отъ мужиковъ къ барину.

— А ты не врешь?

— Нѣтъ не вру.

— Ой-ли? А у насъ ужь которымъ вернули; мировой посредственникъ сперва отрѣзалъ, а тамъ самъ и вернулъ.

— Это какъ же?

— Сказалъ посредственникъ: еще годъ владѣйте мужики всей землей.

И по всей Орло́вской губерніи такое дѣло случилось: у мужиковъ отрѣзали землю, сколько приходилось болѣе высшаго душеваго надѣла, и отдали барину съ посѣяннымъ хлѣбомъ, а потомъ губернское присутствіе приказало дозволить мужикамъ посѣянный хлѣбъ взять въ свою пользу....

БУНТЫ НА РУСИ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ недоразумѣній часто изъ ничтожнаго случая выростаетъ страшное дѣло, отъ непониманія дѣла часто важное кажется ничтожнымъ.

Мы съ народомъ въ настоящее время живемъ такъ, какъ въ повѣсти «Гайка» Людмила съ матерью: мы очень любимъ народъ, только не хотимъ изучать его нуждъ, а, сидя въ кабинетѣ, сочиняемъ его истинныя потребности; народъ, въ свою очередь, не понимая нашихъ гуманныхъ началъ, смотритъ на насъ недовѣрчиво. Еще надо прибавить, что мы даемъ всему видъ таинственности и все скрываемъ отъ народа, даже то, что напечатано въ газетахъ, поэтому народъ вѣритъ всему, что ему скажетъ какой нибудь пройдоха подъячій, бѣглый солдатъ, и ничему не вѣритъ, что ему скажетъ помѣщикъ или какой нибудь начальникъ *). Онъ подозрѣваетъ, что по большей части бываетъ и справедливо, что ему не все сказано и что самая суть дѣла не объявлена; за толкованіями дѣло не станетъ: найдется проѣзжій, прохожій изъ ихняго же брата, которому, равно какъ и далевскому матросу, объясняющему причину вѣтровъ, совѣстно чего бы то ни было не знать, и тотъ ему толкуетъ, какъ ему хочется.

Въ особенности народъ туго вѣритъ во всѣ улучшенія, придуманныя образованными людьми. Вотъ случай, изъ котораго видно, какъ смотритъ народъ на придуманныя улучшенія.

---

*) Разумѣется, когда начальникъ скажетъ, что объявленъ наборъ, какъ не повѣрить!..

Авт.

Пріѣзжаетъ одинъ господинъ, сдѣлавшій улучшенія въ своихъ деревняхъ, въ одну изъ улучшенныхъ своихъ деревень. Была собрана сходка.

— Ну братцы, каково поживаете? спросилъ господинъ у собравшейся сходки.

— Спасибо, батюшка! по твоей милости живемъ — слава Богу! отвѣчали изъ сходки.

— А когда, старики, было лучше жить, теперь, или прежде? При мнѣ или до меня?

— До тебя, батюшка, какіе порядки были? Никакихъ порядковъ не было! Какъ пошли новые порядки, пошла и жизнь новая — не въ примѣръ лучше прежней! Спасибо твоей милости за порядки!

— Живите, братцы, хорошенько: теперь жить хорошо; будете жить хорошо, сдѣлаю еще лучше!

Вдругъ всѣ въ ноги.

— Батюшка! не дѣлай лучше, и теперь такъ хорошо, что жизнь коротка, сдѣлаешь лучше—просто жить нельзя будетъ!..

Господинъ, какъ видно, старался сдѣлать *лучше* и сознавалъ, что онъ сдѣлалъ *лучше*, а на дѣлѣ вышло, что для лучшаго—жизнь коротка!

Мужикъ рѣшительно не вѣритъ ни во что, что выдумано образованными, на все смотритъ съ недовѣріемъ; не вѣритъ даже въ самое, повидимому, неважное, напримѣръ—въ переименованіе. Въ Курской губерніи лѣтъ десять тому назадъ было ужасное происшествіе: государственные крестьяне захотѣли быть по прежнему однодворцами, а какъ на Руси нѣтъ просто однодворцевъ, а есть, какъ они отъ кого-то слышали, западные однодворцы, то и они захотѣли быть западными однодворцами. На ихъ бѣду въ то время въ Курской губерніи былъ петербургскій баринъ, который поѣхалъ усмирить *бунтъ*. Что это былъ за бунтъ, можно понять изъ того, что ремонтеръ, проѣзжавшій съ ремонтными лошадьми чрезъ бунтующееся село, взялъ тамъ овса, сѣна, подводы, за что отъ него никто не хотѣлъ брать ни копѣйки, и только въ городѣ онъ узналъ, что онъ ночевалъ у бунтовщиковъ.

Петербургскій баринъ пріѣхалъ для усмиренія къ бунтовщикамъ, приказалъ священнику отслужить обѣдню, послѣ которой сказать приличную рѣчь, а послѣ обѣдни велѣлъ у церкви собраться сходкѣ. Священникъ отслужилъ обѣдню, сказалъ рѣчь и петербургскій баринъ сталъ на паперти разсуждать о чемъ-то съ бабами, — мужиковъ въ церкви не было, они всѣ были на сходкѣ.

— Знать дѣло съ бабами толковать! крикнули изъ сходки, собравшейся по приказу у церкви:—ты иди на міръ да и толкуй!

Господинъ этотъ растерялся. Народъ захохоталъ, господинъ еще больше сконфузился—народъ еще больше хохотать, господинъ, не сказавъ ни одного слова, уѣхалъ и приказалъ прислать солдатъ *для усмиренія бунта*.

Пріѣхали солдаты и пріѣхалъ губернаторъ.

— Что вы буяните? крикнулъ губернаторъ на собравшійся народъ, стоявшій безъ шапокъ.

— Нѣтъ, батюшка, буянства за нами никакого нѣтъ! отвѣчали изъ толпы.

— Какъ не буяните! чѣмъ вы хотите быть?

— Западными однодворцами, батюшка!

— А знаете, что такое западные однодворцы?

— Нѣтъ, не знаемъ, батюшка...

— Такъ я вамъ разскажу: сперва были все однодворцы, на западѣ однодворцы и взбунтовались. Царь захотѣлъ отмѣтить небунтовщиковъ и назвалъ ихъ своими крестьянами, государевыми крестьянами, а бунтовщикамъ сказалъ: — оставайтесь вы западными однодворцами! Такъ вы хотите называться бунтовщиками?

— Нѣтъ батюшка, не хотимъ!

— Такъ вы согласны, братцы, называться государственными крестьянами?

— Нѣтъ, не согласны, отвѣчалъ одинъ крестьянинъ изъ толпы.

— Высѣчь его! крикнулъ губернаторъ.

Его наказали.

— А вы согласны? спросилъ опять губернаторъ, когда кончилось наказаніе.

— Всѣ согласны!

— Попа!

Пришелъ попъ, привелъ всѣхъ къ присягѣ, бунтъ былъ усмиренъ, но тѣмъ не менѣе экзекуція или, какъ мужики называютъ, сѣкуція была поставлена.

Еще надо прибавить, что при всѣхъ начинаніяхъ, въ которыхъ народъ видитъ свою прямую выгоду, онъ не вѣритъ въ хорошій конецъ; такъ, въ настоящее время, когда рѣшается великій крестьянскій вопросъ, мужики, рѣшительно ничего не зная, что дѣлается, по своему разсуждаютъ: «Толковали, толковали, что слобода будетъ; а теперь, говорятъ, въ сипацу загоняютъ!» Сипаца по нашему не хорошее слово, а эмансипація—настоящее дѣло!...

Кромѣ недовѣрія къ образованному классу, поводомъ къ такъ называемымъ бунтамъ часто служитъ непониманіе, незнаніе своихъ правъ въ настоящее время. Прочитайте въ «Русской Бесѣдѣ» статью Иванищева: вы увидите, какъ была сильна сходка очень недавно. Сходки никакимъ указомъ никакихъ правъ не лишали; напротивъ, народъ всячески хотятъ увѣрить, что права ихъ расширены. Почему же народъ долженъ знать, что міръ не можетъ теперь дѣлать того, что дѣлалъ прежде? Часто міръ дѣлаетъ постановленіе, по его мнѣнію, совершенно законное, а оно признается противозаконнымъ, а постановившіе — бунтовщиками.

П. И. Мельниковъ мнѣ разсказывалъ, что крестьяне одной деревни разъ послали своему барину доносъ на своего старосту, который былъ назначенъ не отъ міра, а помѣщикомъ. Помѣщикъ, получая хорошій оброкъ съ крестьянъ и постоянно исправно, не обратилъ никакого вниманія на этотъ доносъ. Какъ только узнали объ этомъ крестьяне — собрали сходку, на которой было положено сосчитать старосту и донести барину, сколько онъ укралъ, т. е. сколько лишняго перебралъ и утаилъ отъ барина; а что онъ воровалъ, въ этомъ не могло быть для крестьянъ никакого сомнѣнія. Но бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ, такъ и этимъ мужикамъ не удалось ничего сдѣлать: староста написалъ, что мужики *бунтуютъ*, а баринъ просилъ начальство усмирить *бунтъ*; ну, разумѣется, и усмирили...

Но, по моему мнѣнію, если приговоры сходки не ладятъ иногда съ существующими нынѣ законами, то не слѣдуетъ забывать, что простой человѣкъ и теперь еще не отвыкъ смотрѣть на сходку такъ, какъ смотрѣлъ на нее въ старину.

Разскажу еще одинъ подобный случай.

Это было въ Нижегородской губерніи, лѣтъ сорокъ назадъ, еще до основанія министерства государственныхъ имуществъ. Въ то время нѣсколько десятковъ тысячъ душъ было приписано къ казенному конному заводу, и надъ этими крестьянами былъ поставленъ офицеръ — начальникъ, и его крестьяне очень любили: онъ ихъ не притѣснялъ и по судамъ не волочилъ (а второе, по мнѣнію крестьянъ, еще лучше перваго). Одинъ разъ къ нему привели крестьяне мужика той же деревни, въ которой жили и сами, и объявили, что приведенный мужикъ укралъ у одного изъ нихъ лошадь. Тотъ, по обыкновенію, отвѣчалъ: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю». Но улики были такъ сильны, что начальникъ ему прямо сказалъ:

— Признаешься—за лошадь заплатишь, я тебя высѣку; а какъ большая вина, то и больно высѣку; а не признаешься — отдамъ подъ судъ: изо всего видно, что ты укралъ лошадь, тебя подъ плети подведутъ. Теперь я все сказалъ: какъ знаешь—такъ и дѣлай.

Тотъ, подумавши, повинился, заплатилъ за лошадь и былъ наказанъ.

Деревня была зажиточная и ни у одного изъ крестьянъ ни воровъ, ни плутовъ въ роду не было, а потому всѣ стали упрекать въ глаза этого мужика воромъ. А какъ есть и еще пословица: «Не пойманъ, не воръ», то онъ захотѣлъ избавиться отъ нареканія доносомъ.

Вскорѣ послѣ этого происшествія, пріѣхалъ изъ Петербурга, по словамъ крестьянъ, какой-то генералъ-ревизоръ. Когда по принятому правилу, начальникъ былъ удаленъ со сходки и уѣхалъ, ревизоръ спросилъ: «нѣтъ ли недовольныхъ начальникомъ?».

— Есть! отвѣчалъ крестьянинъ, укравшій у сосѣда лошадь.

— Какая твоя претензія?

— Начальникъ меня высѣкъ.

— За что?

— А такъ; ни дай, ни вынеси!

— Это правда?

— Правда, какъ передъ Богомъ...

— Правда, старики? спросилъ начальникъ у крестьянъ сходки.

— Вретъ, ваше благородіе! обманываетъ тебя, батюшка! загалдила вся сходка.

— Да высѣкъ онъ его? спросилъ начальникъ, видя всеобщее негодованіе.

— Высѣкъ—что правда, то правда!

— За что?

— А вотъ за что... и было разсказано все дѣло, какъ было.

— Мало тебя пороли, сказалъ ревизоръ-генералъ и пошелъ обѣдать къ начальнику.

Ревизоръ уѣхалъ, не сказавъ ни слова начальнику; тѣмъ бы дѣло должно было, казалось, и кончиться, но оно едва не имѣло ужасныхъ послѣдствій.

Наши крестьянскія семейства хвалятся:

«Что у насъ въ роду воровъ не было,
Ни воровъ, ни плутовъ, ни разбойниковъ!»

Цѣлыя общества хвалятся тѣмъ, что у нихъ воровъ отъ вѣку не было, а также и ябедниковъ и доносчиковъ. Мнѣ случалось слышать нѣсколько разъ: «Ступай куда хочешь, спроси про нашу деревню: никто дурнова слова не скажетъ; это не то, что вотъ взять, Гора-Липовица: тѣ еще за нашихъ дѣдовъ конокрадами слывутъ.» Въ числѣ другихъ и это село, объ которомъ идетъ рѣчь, славилось тѣмъ, что въ немъ еще за дѣдовъ не было ни ябедниковъ, ни доносчиковъ, а потому крестьяне были возмущены доносомъ, да еще неправымъ, свего сочлена.

Передъ вечеромъ крестьяне позвали на судъ доносчика въ мірскую избу.

— У насъ отродясь доносчиковъ не было, стали они говорить:— а вотъ онъ сталъ ябедникомъ; а для того на расправу!..

Мужики придумали слѣдующую казнь: привязать доносчика за ноги къ перемету и зажженными лучинами колоть его, пока умретъ!.. Сказано—сдѣлано.

Когда стала совершаться казнь, преступникъ закричалъ благимъ матомъ и, на его счастье, староста услыхалъ его крики, прибѣжалъ въ избу и перерубилъ веревку, которой былъ привязанъ доносчикъ, и не медля поѣхалъ за начальникомъ.

— Что вы, братцы, хотите дѣлать? спрашивалъ прискакавшій, испугавшійся начальникъ. Бѣда будетъ!..

— За тебя, батюшка, ваше благородіе! отвѣчали мужики:—вѣдь на тебя доносилъ?!.

— За любовь спасибо, братцы, только киньте это дѣло: всѣмъ, и вамъ и мнѣ, будетъ бѣда...

— Какая тутъ бѣда? Міръ приговорилъ: стало по правдѣ; безъ вины не стали бы съ нимъ такого дѣла дѣлать...

И начальнику большихъ трудовъ стоило убѣдить крестьянъ, что они подобнымъ образомъ не имѣютъ права наказывать...

Ничего нѣтъ хуже для народа, какъ совершенное незнаніе, что съ нимъ дѣлаютъ или хотятъ дѣлать: онъ вѣритъ всѣмъ нелѣпостямъ, которыя ему разскажетъ какой нибудь пройдоха, въ особенности когда это подтверждается словами какого нибудь извѣстнаго лица. Такъ въ прошломъ году въ рабочую пору управляющій однимъ имѣніемъ, заставляя крестьянъ усиленно работать, говорилъ: «Теперь работайте! Къ первому сентября будете вольные, тогда васъ самъ чортъ не заставитъ работать на барина!» Поэтому не удивителенъ слѣдующій случай. Въ Псковской губерніи одна помѣщица жила постоянно въ очень хорошихъ отношеніяхъ со своими крестьянами, и никогда ни она на мужиковъ, ни мужики на нее не жаловались; только въ одинъ прекрасный день они собрали сходку, порѣшили, что они вольные, и послали четырехъ выборныхъ къ барынѣ съ этимъ извѣстіемъ. Барынѣ сказали о ихъ приходѣ, и она вышла къ нимъ.

— Что вамъ надо? спросила она.

— Да къ твоей милости, отвѣчали тѣ.

— Что же надо?

— Міръ прислалъ

— Зачѣмъ же?

— Да объявить твоей милости, что мы стали теперь вольные.

— Какъ такъ?

— Да такъ: становому указъ пришелъ сказать намъ волю.

— Что жь онъ, сказалъ вамъ волю?

— Нѣтъ, не сказывалъ.

— Отчего же?

— Да такъ! Господа закупили, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, вѣдь ты не такая, господа закупили, становой-то и держитъ указъ подъ сукномъ, а намъ воли не сказываетъ.

— Отъ кого-же вы это слышали?

— Солдатикъ приходилъ, такъ сказывалъ.

— Вы сами говорите, что я не изъ такихъ, которые становыхъ подкупаютъ, я сама подписала бумагу объ волѣ; такъ и теперь не хочу мѣшать вамъ: соберите сходку, позовите становаго и пусть онъ вамъ скажетъ волю, коли указъ у него есть.

— Благодаримъ покорно, матушка!

Выборные пришли на сходку, объявили, что имъ сказала барыня, и сейчасъ же послали за становымъ.

Становому вѣрно сказали, зачѣмъ его зовутъ, онъ немедленно прiѣхалъ прямо къ сходкѣ, не заходя къ помѣщицѣ.

— Что надо, ребята? спросилъ онъ:—зачѣмъ меня звали?

— Да вотъ, батюшка, твое благородiе, повѣсти намъ волю, окажи твою милость!

— Какъ же я это сдѣлаю?

— Да у тебя указъ есть про волю, ты этотъ-то указъ-то и прочитай намъ.

— Такого указа, братцы, нѣтъ у меня, и читать стало быть нечего!

— Какъ нѣту, ваше благородiе, есть: мы вѣрно знаемъ, отвѣчалъ одинъ изъ толпы.

— Я же тебѣ говорю, что нѣтъ: былъ бы указъ, какъ же бы я его вамъ не прочелъ, я не о двухъ головахъ!

— Да я жъ тебѣ говорю, ваше благородiе, вѣрно — есть, отвѣчалъ тотъ же мужикъ.

— Такъ ты мнѣ не вѣришь?

— Да какъ вѣрить-то!..

— Ну, отойди, братъ, въ сторону!

Мужикъ, не понимая зачѣмъ, однако отошелъ.

— Ну, а ты вѣришь? спросилъ становой другаго мужика.

— Воля твоя, ваше благородiе, указъ есть!

— Отойди и ты!

Отошелъ и этотъ мужикъ, и сталъ рядомъ съ первымъ.

— И ты не вѣришь? спросилъ онъ третьяго.

— Есть, батюшка, указъ!

— Отойди въ сторону! Розогъ! крикнулъ становой. — Я васъ никогда не обманывалъ, а вы мнѣ не вѣрите!

Принесли розогъ, становой приказалъ высѣчь троихъ невѣрующихъ и уѣхалъ домой, не разговаривая съ прочими. Должно замѣтить, что онъ наказывалъ не за бунтъ, а за то только, что ему не повѣрили и что онъ ни до усмиренiя бунта, ни послѣ не заѣзжалъ къ барынѣ: крестьяне видѣли, что между ними стачки никакой не было.

Уѣхалъ становой; сходка послала къ барынѣ четырехъ выборныхъ: двухъ поротыхъ, двухъ не поротыхъ.

— Что скажете? спросила ихъ барыня.

— Былъ становой, указа-то нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?

— Да нѣту! Вотъ Алешка да Митька, объяснялъ выборный, указывая на двухъ товарищей: — да еще Сережка не повѣрили ему, становому-то, такъ тотъ ихъ выпоролъ!

— За то, что не повѣрили?! И больно?

— Нѣтъ! Коли бъ они какую грубость сдѣлали, а то только не повѣрили! Не больно: только блохъ попугалъ!

— Какъ же теперь жить станемъ? спросила выборныхъ барыня.

— Да какъ жить?! надо по старому.

— А по старому, такъ по старому.

И опять зажили по старому!

Если бы становой сталъ наказывать мужиковъ за бунтъ — едва ли-бъ могло такъ кончиться. Да еще это вопросъ: наказалъ ли бы онъ? Пожалуй, міръ и не выдалъ бы...

А вотъ еще былъ какой казусъ.

Къ одному моему пріятелю въ декабрѣ или въ концѣ ноября приходитъ разъ мужикъ, его крестьянинъ, съ такою рѣчью:

— Знаешь, Иванъ Васильичъ, вѣдь къ новому году будемъ всѣ вольные, вотъ что!..

— Дай Богъ, отвѣчалъ Иванъ Васильичъ: — да почему же ты это знаешь?

— Слушай, сталъ онъ говорить полушопотомъ: — изъ Питера пришелъ указъ за семью золотыми печатями, и тотъ указъ не велѣно вскрывать до новаго года; а какъ новый годъ придетъ, указъ вскроютъ, вотъ и объявятъ тогда всѣмъ волю.

— А ежели указа такова не было, а можетъ и не будетъ?..

— Постой, Иванъ Васильичъ! Золотыя печати не ломаютъ, указъ не вскрываютъ: отъ того и зима не ложится, а все поводки.

— Ну, это хорошо; а пока такова указа не вскроютъ, живите смирно по прежнему. — Чего буянить на послѣдяхъ-то?..

Этого мужикамъ не могъ разсказать ни одинъ образованный человѣкъ, это или сочинилъ, или можетъ быть видѣлъ во снѣ человѣкъ близкій къ природѣ, которому кажется, что въ его даже обыденныхъ дѣлахъ сама природа принимаетъ участіе.

Этотъ разговоръ не имѣлъ никакихъ дурныхъ послѣдствій: мужики ждали спокойно новаго года, а съ новымъ годомъ и зимы; новый годъ прошелъ, зимы все не дождались: все одни поводки.

Но другой случай чуть не заставилъ его поплатиться, и поступи онъ не такъ, — не скоро бы могъ справиться. Онъ приказалъ насыпать обозъ, хотѣлъ продавать хлѣбъ; мужики объявили, что они не хотятъ продавать хлѣба...

— Отчего, братцы, вы не везете хлѣбъ въ городъ? спросилъ онъ мужиковъ.

— Хлѣбъ-то нашъ будетъ весь, отвѣчали ему: — такъ мы продавать не желаемъ!

— Не можетъ быть, чтобъ весь хлѣбъ былъ вашъ!

— Будетъ, Иванъ Васильичъ.

— Нѣтъ, не будетъ! и вотъ почему: кто больше хлѣба продаетъ: мужикъ или баринъ?

— Знамое дѣло — баринъ! у мужика какой хлѣбъ: что сработалъ, то и съѣлъ.

— И этотъ хлѣбъ, коли подѣлить, будете продавать или нѣтъ?

— Какая неволя продавать! Подѣлимъ да и разберемъ по домамъ.

— Такъ. Стало быть у господъ хлѣба не будетъ, имъ и продавать нечего; чѣмъ же города питаться будутъ, чѣмъ солдатъ кормить, изъ чего водку гнать?

— А что, ребята, пустяки наболтали; вправду, изъ чего водку гнать, чѣмъ города кормить?! Прости, Иванъ Васильичъ, за нашу глупость! Хлѣбъ отвеземъ въ городъ.

Запрягли лошадей и повезли въ городъ *барскій* хлѣбъ.

Но такъ не всегда оканчивается: иногда отъ тупоумія нѣкоторыхъ господъ, эти происшествія принимаютъ грозный размѣръ и дѣло самое пустое часто ведетъ за собою раззореніе цѣлыхъ селъ и деревень. Я знаю одно такое происшествіе, которое едва не имѣло самыхъ страшныхъ послѣдствій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проѣзжалъ одинъ господинъ черезъ Рязанскую губернію, гдѣ у него было большое имѣніе и въ которомъ ни онъ, ни отецъ его никогда не бывали. Въ селѣ его носились только темные слухи, что баринъ ихъ проживаетъ то въ Питерѣ, то въ чужихъ земляхъ, то на теплыхъ водахъ, и никто во всей деревнѣ не могъ думать, чтобы баринъ ихъ когда нибудь завернулъ въ свою вотчину, въ чемъ они были отчасти правы: этотъ господинъ и не завернулъ бы къ нимъ и на этотъ разъ, когдабъ ему не пришлось ѣхать къ кому-то въ гости и въ ближнемъ городѣ не сказали бы ему чиновники, что подъ городомъ есть большое село, принадлежащее ему. Господинъ этотъ объявилъ желаніе ѣхать въ свое имѣніе, надѣлъ какой-то шитый мундиръ, сѣлъ на предложенныя чиновниками дрожки и поѣхалъ.

Должно сказать, что большая часть имѣній, управляемыхъ своимъ выборнымъ старостой, живутъ очень хорошо, и въ такихъ имѣніяхъ рѣдко бываютъ случаи воровства или, тѣмъ болѣе, убійства; ежели тамъ не бываетъ установленной полиціи, за то весь міръ смотритъ за человѣкомъ предосудительнаго поведенія и при первой возможности избавляется отъ него, напримѣръ: отдадутъ въ солдаты, слѣдовательно земской полиціи дѣла тамъ рѣшительно нѣтъ никакого, и никто, какъ бы притязателенъ ни былъ, не рѣшится ѣхать въ такую деревню для неправыхъ поборовъ; онѣ по большой части принадлежатъ барину, живущему въ Петербургѣ, а это, какъ извѣстно, для нѣкоторыхъ провинціаловъ имѣетъ ужасающую силу. Къ числу такихъ селъ принадлежало и имѣніе петербургскаго господина: исправникъ тамъ никогда не бывалъ и его никто не видывалъ; дѣлъ не было, а безъ дѣла кому охота таскаться по судамъ. Становаго и совсѣмъ не было (кажется, былъ боленъ), а его должность исправлялъ какой-то молодой человѣкъ веселаго нрава: пріѣдетъ, съиграетъ на гитарѣ, споетъ пѣсенку и уѣдетъ, а за нимъ повезутъ сѣна или овса, муки... но эта дань прино-

силась не становому, а артисту; мужики его очень любили и звали его *миленькимъ*.

День былъ праздничный, часовъ пять послѣ обѣда; народу около кабака уже много толпилось, когда баринъ пріѣхалъ въ свою вотчину.

— Здѣсь староста? спросилъ баринъ, подъѣзжая къ собравшимся мужикамъ.

— Здѣсь! отвѣчалъ, выходя изъ толпы, староста: — что тебѣ надо?

— Я вашъ баринъ!

— Что? что? зашумѣла толпа.

— Говорятъ вамъ, сталъ толковать баринъ: — вы мои, а я вашъ баринъ.

— Нашъ баринъ живетъ въ Питерѣ!

— Я изъ Питера и пріѣхалъ.

— Какой ты баринъ, — ты шутъ!

— Какой шутъ? спросилъ баринъ, озадаченный этимъ немного рѣзкимъ сужденіемъ. — Я вамъ говорю, друзья мои, я вашъ баринъ, увѣрялъ баринъ, въ воображеніи котораго рисовался уже бунтъ... Онъ всячески старался въ началѣ погасить его.

— Полно врать, отвѣчали изъ толпы: — ѣзжали и мы въ городъ, видали всякихъ господъ, а пока Богъ не приводилъ видѣть такого, какъ ты... Ты, братъ, лучше, чѣмъ болтать пустяки, какую ни на есть штуку покажи, дѣвокъ позабавь: останешься и самъ, братецъ, нами доволенъ, отблагодаримъ.

Баринъ хотѣлъ опять что-то говорить; но мужики заулюлюкали на него и тотъ долженъ былъ уѣхать отъ возмутившихся крестьянъ.

Дѣло, кажется, ясно: все произошло отъ недоразумѣній. Когдабъ мужики узнали въ баринѣ своего барина — тогдабъ... Но объ этомъ послѣ.

Баринъ прискакалъ въ городъ.

— У меня въ деревнѣ бунтъ, возмущеніе, объявилъ онъ встрѣтившимъ его чиновникамъ.

— Какъ бунтъ?!

— Да бунтъ! подтверждалъ баринъ: — меня тамъ не узнали, или вѣрнѣе, не хотѣли узнать. Я ихъ сталъ уговаривать, но они рѣшительно не дали мнѣ одного слова сказать, и я принужденъ былъ уѣхать!

— Скажите, пожалуйста! говорили чиновники: — а вѣдь мужики какіе были смирные...

— Чтожь будемъ дѣлать, господа?

— Что прикажете, то и сдѣлаемъ, отвѣчали почти въ одинъ голосъ чиновники.

— Съѣздите пожалуйста въ мою деревню, сказалъ баринъ одному изъ нихъ: — меня могутъ *не узнать*; а васъ, какъ ихъ начальника, не могутъ, должны *узнать*.

— Должны, должны, отвѣчалъ чиновникъ-начальникъ, увѣренный, что его узнаютъ по обычаю и пріемамъ, хоть до этихъ поръ онъ лично ни съ кѣмъ не былъ знакомъ въ той деревнѣ: сей же часъ ѣду.

Чиновникъ, ревнуя заявить себя въ глазахъ петербургскаго барина, прискакалъ въ бунтующее село прямо къ толпѣ, собравшейся у кабака.

— Гдѣ староста? крикнулъ онъ.

— Здѣсь! что надо?

Едва чиновникъ увидѣлъ старосту, вцѣпился ему въ бороду и замеръ.

Въ это время баба вышла изъ кабака: она вынесла въ большой деревянной чашкѣ соленыхъ огурцовъ на закуску.

— Что дерешься, шальной? крикнула она на чиновника и, вѣроятно, чтобъ слова ея имѣли вѣсъ, довольно сильно толкнула его чашкой по лбу.

Чиновникъ воротился къ барину съ явными признаками усердія къ службѣ; это усердіе выражалось довольно большой шишкой на лбу.

— Какъ! васъ били?! закричалъ баринъ, увидавъ возвратившагося чиновника.

— Что жь дѣлать — служба!

— Да, сказалъ, помолчавъ, баринъ: — нечего дѣлать, зло надо въ началѣ прекратить: напишите въ Рязань, чтобъ тамъ распорядились присылкою войскъ для усмиренія деревни, а я напишу въ Петербургъ.

И стали писать: одинъ въ Рязань за войсками, другой въ Петербургъ, никому неизвѣстно, зачѣмъ.

— Зачѣмъ это пишете, Антонъ Антоновичъ? сказалъ вице-становой *миленькій*, подходя къ Антону Антоновичу: — не пишите, право, не пишите, для васъ самихъ лучше будетъ.

— Да, вѣдь, вонъ приказалъ! отвѣчалъ съ горемъ Антонъ Антоновичъ, указывая на другую комнату, въ которой что-то сочинялъ петербургскій баринъ.

— И ему скажите—не пишите: такъ, молъ, уладится еще лучше.

— А какъ уладить?

— Я улажу.

— Попробую: пойду скажу ему; наврядъ только согласится, очень его ужь мужики обидѣли!

Антонъ Антоновичъ пошелъ къ петербургскому барину и доложилъ ему, что исправляющій должность становаго берется убѣдить крестьянъ-бунтовщиковъ, одинъ безъ военной помощи.

Баринъ приказалъ сейчасъ же позвать къ нему такого хитреца.

— Вы хотите ѣхать въ мое имѣніе, усмирить тамъ бунтъ? спросилъ петербургскій баринъ входящаго *миленькаго*.

— Ежели позволите, я отправляюсь сейчасъ же, отвѣчалъ тотъ.

— Вы знаете: бунтъ въ началѣ легче прекратить, послѣ труднѣй будетъ.

— Знаю-съ.

— Поэтому, я думаю, должно какъ можно скорѣе донести и требовать помощи.

— Вы извольте писать въ Петербургъ, а вотъ они въ Рязань, а я пока съѣзжу въ ваше имѣніе; ежели я не успѣю вернуться скоро, то часъ другой можно обождать, не посылать.

— Вы жизнь свою подвергаете опасности; на что вы надѣетесь?

— На единаго Бога... для пользы.

— Ежели такъ — съ Богомъ!..

Эти писаки стали писать, а *миленькій* поскакалъ въ бунтовщикамъ.

— Что вы надѣлали, братцы! крикнулъ *миленькій*, влетая въ самую толпу на тройкѣ.

— Какъ, что надѣлали? Ничего за собой не знаемъ! отвѣчали изъ толпы.

— Ничего не знаете?! Баринъ вашъ пріѣзжалъ къ вамъ, а вы его не хлѣбомъ-солью встрѣтили, а прогнали!

— Когда былъ баринъ?

— Нынче пріѣзжалъ, а вы его шутомъ обозвали, такъ онъ и уѣхалъ.

— Что ты, *миленькій*!...

— Слушай, это разъ; а вотъ будетъ два: вашъ баринъ присылалъ къ вамъ чиновника и тому морду подправили...

— Это что старосту за бороду трясъ?

— Чиновникъ! теперь дѣлайте, что знаете! сами кашу заварили, сами и расхлебывайте.

Мужики переполошились.

— Это Фенька-дура его чашкой въ морду ткнула, пусто бъ ей было!

— Прощайте, братцы, сказалъ *миленькій*, садясь опять въ свой экипажъ.

— Постой, *миленькій*, куда бѣжишь! Научи! что намъ дѣлать?

— Я не знаю, что вамъ дѣлать; что хотите, то и дѣлайте.

— Э, какой! Будто насъ не знаешь? Научи, сами тебя уважимъ, отблагодаримъ!

— Ну коли такъ: отходите, старики, въ сторону! крикнулъ *миленькій*.

Старики отошли въ сторону и *миленькій* отобралъ изъ нихъ человѣкъ 50-тъ попредставительнѣй; онъ на это дѣло мастеръ былъ: онъ даже разъ участвовалъ въ благородномъ спектаклѣ.

— Слушай, старики! сталъ учить ихъ *миленькій*:—сейчасъ ступайте во дворъ къ барину; какъ во дворъ, — всѣ поклонъ въ землю и не вставай; выйдетъ къ вамъ баринъ — все лежи и до тѣхъ поръ

лежать, пока не проститъ; проститъ — поднесите хлѣбъ-соль и опять въ землю, и не вставать, пока не приметъ той хлѣба-соли. Приметъ хлѣбъ-соль—встать да третій разъ въ землю—зовите въ его барскую вотчину, въ ваше село пожаловать, и все-таки лежать, пока не скажетъ, что пріѣдетъ къ вамъ!

— Хорошо, батюшка, хорошо, родимой! сдѣлаемъ все по твоимъ словамъ!..

Миленькій поскакалъ въ городъ, а старики-артисты пошли вслѣдъ за нимъ.

Едва успѣлъ *миленькій* войти въ квартиру барина, какъ самъ баринъ его встрѣтилъ: онъ опасался за его жизнь и все время просмотрѣлъ въ окошко, поджидая его, а потому не успѣлъ окончить своего посланія въ Петербургъ.

— Ну, что Богъ далъ? спросилъ баринъ входящаго *миленькаго*.

— При помощи Божіей, привелъ въ повиновеніе все село!

— Неужели?.. такъ скоро!..

— Почетные мужики идутъ за мной слѣдомъ просить у васъ прощенія.

Въ самомъ дѣлѣ, спустя нѣсколько времени, мужики ввалились во дворъ и растянулись на землѣ, какъ училъ *миленькій*.

Баринъ опять надѣлъ свой загадочный костюмъ и вышелъ на крыльцо.

— Что вамъ надо?

— Милости пришли просить: прости насъ, что не признали твоей милости! завопили мужики, не вставая съ земли.

Баринъ сталъ говорить рѣчь, говорилъ болѣе получасу, и должно быть очень хорошую, потому, что мужики не поняли ни одного слова. Наконецъ простилъ. Мужики встали, одинъ сталъ подносить барину хлѣбъ-соль, а всѣ опять (по программѣ *миленькаго*) повалились въ ноги. Баринъ опять прочиталъ рѣчь не короче и не хуже первой и изволилъ принять хлѣбъ-соль. Мужики встали.

— Батюшка баринъ! осчасливь насъ, людишекъ твоихъ: пожалуй въ свою вотчину, на наше село! закричали и опять въ ноги.

Баринъ опять таки прочиталъ подобную же рѣчь и обѣщалъ побывать въ своей вотчинѣ, на ихнемъ селѣ.

Мужики тогда только окончательно встали; баринъ, довольный своимъ краснорѣчіемъ, пошелъ въ домъ, а мужики пошли на свое село.

На другой день чиновникъ, такъ неудачно ѣздившій усмирять бунтъ, предложилъ барину проводить его по уѣзду; но баринъ, поблагодаря его, просилъ проводить себя *миленькаго*. *Миленькій* сразу смекнулъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Позвольте мнѣ прежде съѣздить, сказалъ онъ барину:—не ровенъ случай: не было бы какой непріятности вамъ.

Баринъ, разумѣется, согласился, и *миленькій* полетѣлъ на село.

— Собирайся и старъ и малъ!—крикнулъ онъ, пріѣхавъ въ село;—сейчасъ баринъ будетъ; чтобъ всѣ были на площади, а какъ баринъ подъѣдетъ, валисъ на землю и кричи ура!

Миленькій вернулся въ городъ.

— Ну, что почтеннѣйшій, спросилъ его баринъ:—какъ идутъ дѣла?

— Слава Богу: все благополучно; мужики ваши хотѣли вамъ приготовить угощеніе, только, извините мою дерзость, я не приказалъ.

— И прекрасно сдѣлали! Поѣдемте.

Едва баринъ въѣхалъ въ село, какъ всѣ мужики, бабы, дѣвки, дѣвчонки, ребятишки упали въ ноги и закричали: ура!... Баринъ сталъ что-то говорить, а мужики, не получа наказа отъ *миленькаго*, все лежали на землѣ и кричали свое *ура*! Наконецъ *миленькій* подошелъ къ одному и толкнулъ; тотъ поднялся, а за нимъ и вся толпа встала и кончила *уру*. Баринъ опять сказалъ рѣчь, послѣ которой онъ приказалъ купить на два цѣлковыхъ водки и приказалъ поднести крестьянамъ изъ своей рюмки. Объ этой рюмкѣ крестьяне долго толковали, для чего она сдѣлана: вѣрно не для водки, изъ такой крохотной невиданное дѣло пить водку, а должно быть изъ нея пьютъ что нибудь да забористое.

Послѣ этого баринъ уѣхалъ и на прощаньи подарилъ *миленькому* серебряный портъ-сигаръ, въ которомъ было положено тридцать папиросъ (но то были не папиросы, а пятидесятирублевыя бумажки, свернутыя на подобіе папиросъ). Потомъ обѣщалъ опредѣлить дѣтей на казенный или на свой счетъ въ петербургскія заведенія.

Миленькій, простившись съ бариномъ, прямо поѣхалъ въ усмиренную деревню, гдѣ, говорятъ, тоже не безъ удовольствія, простился.

Замѣчательно, что образованные люди стараются всему дать особый толкъ; недоразумѣніе, жалоба—у нихъ все бунтъ! другаго слова и нѣтъ въ ихъ словарѣ.

Я сидѣлъ съ покойнымъ Михаиломъ Александровичемъ Стаховичемъ у него въ деревнѣ. Часа въ два ночи прискакалъ нарочный изъ Ельца. *) Мы вышли на крыльцо.

— Зачѣмъ пріѣхалъ?

— Бунтъ!

— Гдѣ?

— Цѣлое село ** взбунтовалось!

— Гдѣ бунтовщики?

— Въ Ельцѣ.

— Что они дѣлаютъ?

— Спятъ на дворѣ земскаго суда.

— Ну, хорошо! ступай спать!

---

*) Стаховичъ былъ уѣзднымъ предводителемъ. *Авт.*

На другой день бунтовщики въ земскомъ судѣ на колѣняхъ принесли жалобу Стаховичу; тотъ имъ сказалъ, что они тѣмъ виноваты, что *всѣ* пришли, бросивши работу; что можно было бы придти одному, а потому онъ приказалъ имъ изъ себя выбрать троихъ и другъ друга наказать розгами.

Толпа зашумѣла:

— Иди, Ванька!

— Ладно!

— Да ты, Андрюшка! да вотъ еще хоть Антошку возьмите.

— Ну, ладно, ладно!..

Пошли Ванька, да Андрюшка, да Антошку съ собой взяли, другъ друга перепороли, тѣмъ и бунтъ кончился!..

А то есть такіе господа, которые отыскиваютъ бунты и ужасно сердятся, когда не находятъ ихъ, а видятъ одну тишину. Такъ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ въ Полтавской губерніи одинъ чиновникъ вызвался *узнавать духъ народа*. Запасся какимъ-то фальшивымъ паспортомъ, переодѣлся и отправился. Отъѣхавъ верстъ сто отъ Полтавы, пошелъ въ шинокъ, тамъ было много народу.

— Здравствуйте! сказалъ чиновникъ.

— Здравствуй и ты! получилъ въ отвѣтъ.

— Я полякъ.

— Ага!

— Вотъ и билетъ у меня!

— Да не надо!

— Да ты посмотри.

— А ну, посмотрю! сказалъ бывшій здѣсь писарь, къ которому подступилъ чиновникъ.

— Ну, что?

— Билетъ! отвѣчалъ писарь, возвращая билетъ: — билетъ, какъ билетъ!

— Я пришелъ бунтовать!

— Противъ кого?

— Противъ царя!

Въ это время чиновникъ получилъ отъ писаря довольно сильный ударъ кулакомъ въ зубы.

— Какъ ты смѣешь драться? Я чиновникъ!

— Какъ чиновникъ?

— На читай!

И чиновникъ показалъ писарю настоящій свой чиновничій видъ.

— Какъ же это такъ: у тебя два вида?

— Два; вотъ этотъ настоящій!

— А можетъ быть и этотъ фальшивый.

— Нѣтъ, этотъ настоящій!

— У насъ вотъ какъ: руки скрутить, да и въ городъ!

— Ты этого сдѣлать не смѣешь!

— А посмотримъ! Народъ бунтовать пришелъ, такъ можетъ и смѣю!

Связали этого господина и представили въ городъ. Какъ вы думаете, что сдѣлалъ этотъ господинъ? Казалось бы, онъ, какъ ревнитель общественнаго покоя, долженъ былъ быть доволенъ такимъ состояніемъ *духа* народа; нѣтъ, онъ объявилъ, что мужики бунтуютъ и его поколотили!

Нѣкоторые господа непремѣнно видятъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ—бунты и не хотятъ видѣть, что всѣ желанія бунтовщиковъ ограничиваются тѣмъ, чтобы довести свои жалобы до царя. Страшный новгородскій бунтъ, по мнѣнію народа, не былъ бунтомъ, а карою царскихъ будто бы измѣнниковъ, и единственною ихъ цѣлію было показать царю измѣнниковъ, которыхъ будто бы набольшіе покрывали. Въ это время ѣхалъ изъ Старой Русы офицеръ изъ нѣмцевъ и везъ съ собою какое-то лекарство; вдругъ на него напали бунтовщики.

— Стой! что везешь?

— Ядъ! отвѣчалъ тотъ.

— Какъ ядъ?

— Да, ядъ—васъ отравливать!

— А! къ царю его и съ ядомъ!

Нарядили тройку, четверыхъ караульныхъ и повезли хитраго господина въ Петербургъ.

Впрочемъ, я видѣлъ одинъ только разъ и одного только очень опаснаго заговорщика въ одномъ губернскомъ городѣ.

Лежалъ я послѣ обѣда съ книжкой на диванѣ и ко мнѣ пришелъ одинъ гарнизонный юнкеръ.

— У меня голова болитъ, хочу заснуть—не пройдетъ ли? сказалъ я, желая его выпроводить.

— Спите, отвѣчалъ тотъ:—а я сяду, поговорю!

Я сталъ читать, онъ сталъ говорить.

— Знаете, я заговоръ дѣлаю! сказалъ онъ черезъ полчаса.

— Какъ такъ? спросилъ я.

— Да, заговоръ!

— Гдѣ?

— Здѣсь, въ городѣ.

— Противъ кого же?

— Разумѣется, противъ правительства.

— Съ кѣмъ же вы дѣлаете заговоръ?

— Одинъ.

— Ну, дай Богъ часъ!

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

I.

Я живу въ Енотаевскѣ, Астраханской губерніи. 27-го ноября, въ 1870-мъ году, поутру, я, Богодушинъ и мировой посредникъ Воробьевъ были у Грибановскаго. Мирно бесѣдуя, мы никакъ не думали, что близь насъ народъ бушуетъ и міръ, того и гляди, обрушится. Вдругъ влетаетъ исправникъ В. И. Грудницкій, а за нимъ и Хитунъ.

— А я васъ ищу! обратился исправникъ къ мировому посреднику Воробьеву, въ попыхахъ не успѣвши со всѣми поздороваться.

— Я васъ вездѣ ищу! Былъ у васъ дома.

— Что такое?

— Въ Никольскомъ бунтъ!

Не знаю, что сдѣлалось съ моими собесѣдниками, а я вздрогнулъ.

— Какъ бунтъ? крикнулъ Воробьевъ.

— Да, бунтъ! И вы причиной этого бунта!

— Скажите, пожалуйста, въ чемъ дѣло?

— Въ Никольскомъ бунтъ: стряпчему, становому ѣсть ничего не даютъ! И вы все это сдѣлали... Сейчасъ же поѣзжайте въ Никольское, а я не поѣду. Васъ еще можетъ и послушаютъ, а меня выгонятъ... Понадобятся военныя силы... Губернаторъ останется недоволенъ... Сейчасъ же поѣзжайте... Вы причиной этого бунта.

— Да скажите, пожалуйста, я здѣсь при чемъ? добивался посредникъ.

— Вы приказали не давать ѣсть полицейскимъ чиновникамъ!

— Какъ! Что такое?

— Да, вы приказали, чтобы мужики ничего не давали чиновникамъ полиціи, повторилъ исправникъ.

— Нѣтъ, я этого не говорилъ крестьянамъ, сказалъ посредникъ, а на вопросъ крестьянъ: должны-ли крестьяне даромъ кормить чиновниковъ? — я сказалъ, что безденежно не обязаны, но за деньги чтобы непремѣнно приносили что потребуютъ.

— Мужики ничего не приносятъ на земскую квартиру, заявилъ исправникъ Грудницкій.

— И не понесутъ! вмѣшался въ разговоръ Грибановскій, нашъ хозяинъ.

— Вотъ видите! заявилъ исправникъ, слыша подтвержденіе своихъ словъ.

— Да, не понесутъ, продолжалъ Грибановскій, потому что нѣкоторые чиновники мужикамъ денегъ не платятъ, а что принесено на земскую квартиру—берутъ и предлагаютъ продавцамъ возвратиться по домамъ своимъ съ миромъ.

— Этого быть не можетъ!

— Вотъ какой со мной былъ случай: въ этомъ же селѣ Никольскомъ я хотѣлъ купить яблоковъ сотни двѣ; десятскій мнѣ принесъ для обращика два яблока, объявилъ цѣну, я и велѣлъ принести яблоки на земскую квартиру. Черезъ нѣсколько минутъ возвращается десятскій безъ яблоковъ.—«Яблоковъ не даютъ» объявилъ мнѣ десятскій.— Это почему? «Безъ денегъ не даютъ». — Я безъ денегъ и не хочу брать: пусть принесутъ, я сейчасъ и деньги отдамъ —«Не вѣрятъ.»— Почему?—«Учены, говорятъ: на земскую квартиру, что ни принеси— конецъ!» Нечего дѣлать: послалъ деньги — мнѣ и яблоки принесли, и цѣна была настоящая и счетъ вѣренъ.

— Это могло, замѣтилъ исправникъ, какому нибудь дураку взбрести въ голову, что чиновникъ ему денегъ не отдастъ.

— Со мной тоже случилось, сталъ разсказывать Хитунъ. Пригласилъ насъ становой приставъ Эпиктетовъ на охоту: и лошади, говоритъ, будутъ вамъ готовы и поужинаемъ вмѣстѣ на земской квартирѣ. Рано поутру мы, охотники, отправились на охоту, а гостепріимный нашъ хозяинъ еще спалъ. Возвратились съ охоты — хозяинъ уѣхалъ. Мы попросили что нибудь закусить... Каково же было наше удивленіе, когда мы получили такой отвѣтъ: «Вчера ѣли-ѣли, пили-пили—денегъ не платили, нынче опять за то же?»—Какъ не платили денегъ? — «Кто же платилъ?»—Эпиктетовъ, приставъ заплатилъ. — «Какъ-же, заплатилъ!.. Развѣ онъ платитъ когда?!.» Нечего дѣлать! мы заплатили за вчерашній ужинъ, отдали впередъ деньги — намъ, разумѣется, уже и вѣры не было—намъ пообѣдать дали; послѣ мы узнали, что и за лошадей деньги не отданы, и за лошадей тоже мы сами заплатили!.. Разумѣется, мы случайно узнали о такомъ безобразномъ для хозяина госте-

пріимствѣ, а то могло случиться, что уѣхали бы, не разсчитавшись ни за ужинъ, ни за лошадей.

— Какъ бы то ни было, сказалъ исправникъ посреднику, вы причиной этого бунта, вы и поѣзжайте; устройте, какъ знаете, а я боюсь— я не поѣду.

Чего исправникъ боялся? Вечеромъ я пошелъ къ мировому посреднику, мнѣ хотѣлось узнать болѣе подробно о вновь открытомъ бунтѣ. Вѣсти получилъ совсѣмъ не отрадныя: требовались уже военныя силы.

— Нѣтъ ли еще чего новаго изъ Никольскаго? спросилъ я у озабоченнаго мироваго посредника.

— Письмо получилъ отъ исправника.

— По этому же дѣлу?

— Да, по этому.

— Что же онъ пишетъ?

— Да вотъ прочитайте, отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ письмо.

Я прочиталъ; письмо это меня озадачило: исправникъ прямо писалъ, что въ с. Никольскомъ бунтъ и что бунтъ этотъ возбужденъ мировымъ посредникомъ, что нужна военная сила, и т. п.

— Исправникъ пишетъ, что вы взбунтовали Никольское, сказалъ я мировому посреднику, подавая ему письмо.

— Какъ видите!

— Поѣдете въ Никольское?

— Завтра ѣду.

На другой день мировой посредникъ, а почти вслѣдъ за нимъ и исправникъ уѣхали въ бунтующее село.

Вечеромъ я пошелъ къ уѣздному стряпчему И. Г. Кобякову, ѣздившему въ с. Никольское продавать описанное у крестьянъ имущество: онъ только что пріѣхалъ оттуда, и мнѣ хотѣлось узнать, какъ и по какому поводу начался этотъ грозный бунтъ, требующій для усмиренія военной силы?

— Скажите пожалуйста, спросилъ я Кобякова, въ Никольскомъ бунтъ?

— Бунтъ, бунтъ!

— Съ чего же онъ поднялся?

— А такъ, со смѣхомъ отвѣчалъ онъ: отъ того и бунтъ, что мужикъ у насъ пока еще очень глупъ.

— Такъ только сдуру и началъ народъ бунтовать?

— Почти что такъ.

— Какъ, вы говорите—почти; стало быть, кромѣ дурости народа, была и еще какая другая причина?

— Разумѣется, была. Да все это такъ мужики повели глупо!

— Скажите, пожалуйста, въ чемъ дѣло?

II.

— Дѣло началось такъ, началъ свой разсказъ судебный стряпчій: Поповицкій подрядилъ никольскихъ мужиковъ вывозить соль съ озера; сдѣлали контрактъ, гдѣ было написано: вывозить соль мужикамъ съ такого-то озера, кормъ скоту и достаточный водопой долженъ быть отъ Поповицкаго; мужики получаютъ задатку столько-то, а въ случаѣ неисправности платятъ за круговой порукой неустойки столько-то. Хорошо, Мужики пріѣзжаютъ на озеро, а на этомъ озерѣ у Поповицкаго соль не готова — вывозить нечего!.. Смѣшно, право! Мужикамъ бы заявить кому слѣдуетъ и дѣлу бы конецъ! Не такъ ли?

— Кажется, что такъ.

— Нѣтъ, слушайте, какъ дѣло пошло! весело продолжалъ свой разсказъ стряпчій. Поповицкій повезъ тѣхъ мужиковъ на другое озеро, а на этомъ озерѣ соль-то есть, да корму мало и водопою совсѣмъ недостаточно. Мужики, я говорю, народъ глупый: имъ бы сейчасъ заявить и тутъ бы хоть кончить, а они сдуру стали соль вывозить! Да еще какъ. — Уговоръ былъ вывозить трехпудовыми мѣшками, а у Поповицкаго — врешь! — вывози пятипудовыми, а счетъ выводи трехпудовыми. Мужики не соглашаются вывозить соль съ озера на пристань и требуютъ, примѣрно, 4 коп. съ пуда. Пуды же считаютъ мѣшками: нѣсколько мѣшковъ съ солью свѣшаютъ, а какъ мѣшки одинаковой мѣры, то по вывѣшеннымъ мѣшкамъ высчитываютъ количество соли. Обманъ можетъ заключаться въ томъ, что, вмѣсто вывѣшенныхъ мѣрныхъ небольшихъ мѣшковъ, солепромышленники отпускаютъ съ озера соль солевозчикамъ большими, а разсчетъ идетъ по числу мѣшковъ малаго вѣса. Хорошо! могли мужики на этомъ кончить?

— Я думаю—могли.

— Слушайте же: наступили жары; воды, корму мало, а тутъ, вмѣсто трехпудовыхъ, пятипудовые мѣшки, скотъ сталъ дохнуть. Что дѣлать?! Мужики сдуру все-таки соль вывозятъ; на задатки почти всю вывезли. Мужикамъ стало, сказать вамъ по мужицки, въ немоготу. Заявили... Да кому, вы думаете, заявили?

— Право, не знаю.

— Заявили мужики акцизному надсмотрщику... Что сдѣлаетъ надсмотрщикъ? Заявили они ему:—корму, воды нѣтъ, мѣшки не трехпудовые, какъ по уговору слѣдуетъ, а пятипудовые, скотъ дохнетъ, и— уѣхали домой. Виноваты мужики?

— Нѣтъ, правы.

— Кто долженъ неустойку платить?

— Какъ кто?

— Мужики-ли не исполнили своихъ условій, или Поповицкій?
— Поповицкій.
— Какъ же Поповицкій?
— Неужели мужики?
— Разумѣется, мужики.
— За что же?
— А за то, что мужикъ глупъ!
— Что же они сдѣлали въ этомъ дѣлѣ глупаго?
— Мужики заявили надсмотрщику?
— Надсмотрщику.
— А надо было заявить полиціи.
— Что же дальше?
— А дальше вотъ что: Поповицкій подалъ искъ, требуетъ съ мужиковъ неустойки... Мужикамъ-бы слѣдовало требовать съ Поповицкаго неустойки, а тотъ съ мужиковъ... Да еще какую штуку выкинулъ?! Мужики взяли сколько тамъ мѣшковъ, хотѣли жаловаться: разсчетъ, молъ, былъ на трехпудовые мѣшки, а мы возили-де вотъ какіе! Поповицкій свое: мужики захватъ сдѣлали—мѣшки захватили... Прислали тѣ мѣшки у мужиковъ отобрать... Мужики-то дураки и отвѣта дать не умѣютъ, и мѣшковъ-то отдать не хотятъ: улика, покажемъ мѣшки—правы будемъ! Вздумали хитрить!.. Тутъ имъ шепнулъ кто-то, кому надо было: — «Говорите, что мѣшки мыши поѣли!..» Мужики и стали на томъ:—мѣшки мыши поѣли!.. А не знаютъ, что за благопріятель ихъ надоумилъ! Пошло слѣдствіе; тотъ, кому надо, подставилъ мужикамъ ходока, ну, и вышло такъ, что мужики виноваты, съ мужиковъ неустойка! Мужики денегъ не платятъ—описывать у мужиковъ имущество! А какое тамъ имущество?!. Поѣхалъ въ Никольское Эпиктетовъ (становой)... А Эпиктетовъ свое дѣло знаетъ. Надо было описывать у пятидесяти слишкомъ хозяевъ, а онъ хорошаго человѣка мимо... Этого мимо, другого мимо, нашлось только двое, у которыхъ описывать надо, ну и описалъ... У одного Денисова мужика нашлось всего имущества: зеркало, кошма (войлокъ), таганъ да ружье... только и всего! Просто, смѣхъ!

— Изъ за этого смѣху и бунтъ пошелъ? спросилъ я веселаго собесѣдника, такъ добродушно разсказывавшаго мнѣ эту исторію.

— Изъ-за этого, отвѣтилъ онъ шутливо, сморщивъ брови и кивнувъ головой: изъ-за этого! А кажись, и дѣло пустое...

— Чѣмъ же начался этотъ бунтъ?

— Какъ чѣмъ? Ну, извѣстно бунтъ... Всѣ мужики бунтуютъ. Всѣхъ должниковъ болѣе пятидесяти человѣкъ... Всѣ и бунтуютъ...

— Что же они дѣлаютъ?

— Намъ ѣсть ничего не даютъ.

— Совсѣмъ не давали?

— За курицу просили восемьдесятъ копѣекъ! За одну только курицу восемьдесятъ копѣекъ серебромъ!

— Въ этомъ и бунтъ?

— Нѣтъ, описаннаго имущества не давали, у другихъ должниковъ описывать не даютъ, съ кольями... какъ войско какое кольями отстаиваютъ скотъ, лошадей,—начальства не послушались!

— Въ чемъ ослушались?

— Да во всемъ... Сперва мужики думали, что мы не чиновники, а покупщики, пріѣхали покупать.

— Стало быть, они и не виноваты?

— А чортъ ихъ знаетъ!.. Сталъ Александръ Андреичъ брать зеркало, а баба кричитъ: «мое зеркало!.. Въ приданое принесла!» Зеркало, точно, бабье: на какого чорта старику зеркало?! Александръ Андреичъ велѣлъ лошадь привести, а мужики съ кольями, съ дубинами... Мужиковъ—должниковъ больше пятидесяти человѣкъ, да и прочіе ихъ руку держатъ; что тутъ сдѣлаютъ десятскіе? Я самъ, самъ къ нимъ вышелъ и самъ имъ говорилъ... Вы знаете какъ я говорю?

— Знаю.

— Ну, а они не слушаются!

— Что же вы говорили?

— Да я хорошо говорилъ! Я имъ говорилъ: «Вы меня знаете... Вы меня видите... Вы мужики... Вы должны законовъ слушаться... Мы—законъ вашъ! Гдѣ вашъ законъ? Мы—вашъ законъ... Вы знаете»... Да, я все сказалъ!

— Мужики же что?

— Мужики все свое орутъ: «насъ должниковъ больше пятидесяти человѣкъ за общей порукой, а продаютъ только двухъ! Какая, говорятъ мужики, тутъ правда?» Я имъ свое, а они свое... Двухъ арестовали, велѣли въ городъ доставить: въ острогъ засадить надо.

— Только двухъ?

— Двухъ только... А послушай они меня—ничего бы и не было, и продажа не состоялась-бы.

— Почему?

— Покупщиковъ не было! лукаво улыбаясь, полушопотомъ, какъ бы по секрету сказалъ стряпчій.

— Для чего же вы всю эту суматоху подняли?

— Страху задать! попугать было надо.

— Положимъ, страху надо было задать, а тутъ не только страху задали, но и въ острогъ двоихъ засадили.

— Надо, чтобы мужики начальство знали.

— Я не знаю: стряпчій и становой приставъ начальство надъ мужиками?

— А какъ же!..

Въ это время вошелъ въ переднюю молодой парень.

— Что тебѣ надо? спросилъ хозяинъ.
— Изъ села Никольскаго.
— Что-же надо?
— Стариковъ привезъ.
— А, это арестантовъ... Гдѣ они?
— Сдалъ въ полицію.
— Завтра въ острогъ засажу! строго замѣтилъ стряпчій, а нынче пусть въ тигулевкѣ *) переночуютъ.
— Въ вашей тигулевкѣ рамъ нѣтъ, замѣтилъ я: теперь холодно.
— Ничего, переночуютъ!.. Ты—десятскій?
— Нѣтъ, не десятскій.
— Кто же ты?
— Братъ десятскаго.
— Ну, ступай!
— Совсѣмъ домой?
— Совсѣмъ.
— Какъ же такъ неосторожно посылаютъ такихъ ужасныхъ преступниковъ, зачинщиковъ бунта съ однимъ только человѣкомъ и то совершенно постороннимъ для полиціи? спросилъ я.
— Что-же тутъ удивительнаго?
— Бунтовщики могли уйдти.
— Куда?
— Какъ куда? просто бѣжать отъ наказанія.
— Куда имъ бѣжать?
— Могли не послушаться этого парня...
— Я приказалъ.
— Парня могли-бы не послушаться...
— Меня-бы послушались, рѣшилъ стряпчій.
— А ежели-бы и васъ не послушали?
— Меня?!..
— На то они и бунтовщики, чтобъ не повиноваться начальству.
— Мнѣ не повиноваться?!
— Хотя бы и вамъ.
— Посмотрѣлъ-бы я!..

---

*) Арестантская. *Авт.*

III.

Въ Енотаевскѣ публика по вечерамъ собирается на горѣ, откуда видъ на Енотаевку (такъ называютъ протокъ Волги, на которомъ стоитъ городъ) довольно хорошій, да къ тому-же поставлены двѣ лавочки для отдыха гуляющимъ, на одной изъ нихъ, устроенной въ родѣ бесѣдки, собирается аристократическая здѣшняя публика. Здѣсь-то, черезъ нѣсколько дней послѣ ареста бунтовщиковъ, я встрѣтилъ стряпчаго.

— Что ваши бунтовщики? спросилъ я его.

— Сидятъ въ острогѣ.

— А бунтъ что?

— Василій Игнатьичъ, исправникъ, усмирилъ... Ну, разумѣется, пріѣхалъ самъ, растолковалъ, убѣдилъ... Донесъ обо всемъ и проситъ назначить коммиссію для слѣдствія надъ бунтовщиками, въ особенности надъ зачинщиками.

— Дѣло, видно, плохо.

— Какъ плохо?

— Пожалуй, мужиковъ и въ Сибирь сошлютъ.

— Можетъ и сошлютъ.

— А вы хотѣли мужикамъ только страху задать.

— По дѣломъ имъ!

— По какимъ-же?

— А какъ хорошо исправникъ донесеніе написалъ! не отвѣчая на мой вопросъ, заговорилъ стряпчій: —Вотъ, батюшка, слогъ! Не мѣшало бы и вамъ у него поучиться, подсмѣивался надо мною стряпчій.

— Что-же онъ донесъ?

— Да написалъ: «я пріѣхалъ, убѣдилъ, мои убѣжденія сильно подѣйствовали на бунтующихся крестьянъ; одною энергіей, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, убѣдилъ, такъ что въ вооруженной военной силѣ не предстоитъ надобности.» Я думаю, Василію Игнатьевичу что-нибудь да будетъ.

— Чего же можетъ ожидать Василій Игнатьевичъ?

— Какъ чего?! почти съ ужасомъ вскрикнулъ стряпчій:—Первое дѣло — и онъ состроилъ очень серьезную физіономію — бунтъ; во вторыхъ, полицейская власть требуетъ военной силы, еще—лица прокурорскаго надзора... А тутъ, самолично! Самолично—бунтъ уничтожилъ! Въ этихъ случаяхъ требуютъ войскъ для усмиренія, а тутъ, вдругъ, единымъ, такъ сказать, словомъ все, весь бунтъ уничтоженъ! Непремѣнно Василію Игнатьевичу что-нибудь да будетъ. Объ этомъ губернаторъ донесетъ министру, а министръ того и гляди—вонъ куда! При этомъ онъ показалъ надъ головой куда-то очень высоко.—Исправникъ

просилъ уже назначить комиссію для слѣдствія надъ бунтомъ, а въ особенности надъ зачинщиками... этихъ надо допечь!..

— А ежели коммиссія отыщетъ, что этотъ бунтъ былъ не такъ опасенъ, какъ объ немъ писали начальству, тогда что?

— Ни одинъ благородный человѣкъ не согласится промѣнять своего брата, чиновника, на какого-нибудь сиволапаго мужика.

— Но если правда на сторонѣ сиволапыхъ?

— Все равно! рѣшительно и утвердительно сказалъ стряпчій: — ежели и были какіе недосмотры со стороны полиціи, коммиссія все покроетъ.

Только видѣвшій усмиреніе и усмирителей крестьянскихъ бунтовъ можетъ судить о томъ, что въ то время выносятъ горемычныя головы бунтовщиковъ, и я никакъ не могу понять, какъ хватаетъ духу у нѣкоторыхъ начальниковъ поднимать бунты для того только, чтобы послѣ усмирять?.. Поднимаетъ бунты большею частію ближайшее къ крестьянамъ начальство; изрѣдка отставной приказный или прохожій солдатикъ. Прокламаціи, раскидываемыя въ народѣ, какъ было въ началѣ 60-хъ годовъ, не могли имѣть на народъ ни малѣйшаго вліянія и не имѣли: писаны были эти прокламаціи людьми, не знавшими народа, писаны для безграмотнаго народа и часто такъ безтолково, безсмысленно, что и болѣе образованному человѣку въ этихъ прокламаціяхъ трудно было хоть что-нибудь понять. Начальство-же дѣйствуетъ для крестьянъ вразумительно. Возьмите хоть этотъ бунтъ: по мнѣнію мужиковъ и самого стряпчаго, мужики могли требовать неустойку, судъ приговорилъ мужиковъ заплатить Поповицкому; для уплаты неустойки должно было описать слишкомъ 50 хозяйствъ, оно описано только у двухъ... Какъ тутъ ни разбирай, а мужики имѣли сильный поводъ не вѣрить въ безгрѣшность полиціи, и бунтъ могъ подняться и по донесенію Знаменскаго *). По разсказамъ очевидца, стряпчаго Кобякова, бунтъ начался, требуется военная сила; двое уже сидятъ въ острогѣ... Исправникъ, хотя и усмирилъ энергическими мѣрами этотъ бунтъ, но все таки надо было ожидать для крестьянъ много дурного: пойдетъ розыскъ зачинщиковъ, ссылка въ Сибирь, для менѣе виноватыхъ — усмиреніе...

Черезъ нѣсколько дней въ Енотаевскѣ стали носиться болѣе утѣшительные слухи: заговорили, что бунтъ не имѣлъ большихъ размѣровъ.

23-го ноября пріѣхалъ въ Никольское мировой посредникъ Воробьевъ и нашелъ Знаменскаго, спокойно и мирно сидящаго на земской квартирѣ.

— Что вы здѣсь дѣлаете? спросилъ его, послѣ обычныхъ привѣтствій, мировой посредникъ.

---

*) А. А. Знаменскій, засѣдатель полицейскаго управленія, въ то время исправлялъ должность становаго пристава. *Авт.*

— Скотъ у мужиковъ описываю.

— Какъ дѣла идутъ?

— Да такъ себѣ... половину дѣла сдѣлалъ.

— Стало быть, скоро и кончите?

— Сейчасъ же. У меня и донесеніе къ исправнику готово.

— У васъ здѣсь бунтъ былъ?

— Какой бунтъ? съ удивленіемъ спросилъ исправляющій должность становаго пристава.

— Какъ, какой бунтъ? возразилъ Воробьевъ, въ свою очередь удивившійся этому вопросу.

— Никакого бунта у насъ не было, у насъ все тихо, отвѣчалъ Знаменскій: завтра кончу опись и уѣду.

Къ Воробьеву, какъ къ мировому посреднику, явились старшина и старосты.

— Что у васъ здѣсь было? спросилъ онъ ихъ.

Ни старшина, ни старосты не могли понять, чего допытывается отъ нихъ мировой посредникъ.

— У васъ бунтъ былъ?

— Никакого бунта не было.

— Какъ не было?

— Мы ни объ какомъ бунтѣ и не слыхали.

На другой день Воробьевъ собралъ мужиковъ — должниковъ.

— Что вы, старики, здѣсь подѣлываете? обратился онъ къ нимъ.

Бунтовщики не поняли, въ чемъ дѣло?

— Вы полицейскихъ чиновниковъ не слушаетесь.

— Какъ не слушаемся?!

— Вѣдь, вы не послушались станового пристава?

— Да становой намъ ничего и не приказывалъ; онъ съ нами ни одного слова не сказалъ.

— Какъ ни слова не сказалъ?

— Разговоръ у него точно былъ съ Колесниковымъ, да съ Денисовымъ, такъ тѣхъ въ городъ повезли.

— Тѣ, что-ли, бунтовали?

— Да и тѣ не бунтовали, а такъ только, разговоръ былъ, — бунта никакого не было.

29-го ноября часовъ около 9 вечера, когда описи были уже написаны и подписаны, пріѣхалъ въ Никольское исправникъ Грудницкій. Поговоривъ съ Знаменскимъ, собралъ сотскихъ и десятскихъ, и держалъ къ нимъ рѣчь. Стенографа на ту пору въ с. Никольскомъ не случилось, а потому и рѣчь эта съ должною точностію не записана; но въ утѣшеніе читателей я скажу, что рѣчь Грудницкаго, обращенная къ подвластнымъ ему сотскимъ и десятскимъ, хоть и отличалась силою, но напечатана быть не могла, такъ какъ въ энергической рѣчи Василія Игнатьевича состояло на половину словъ, не получившихъ, къ

несчастію, въ печати правъ гражданства. А потому я рѣчь привожу въ сокращенномъ видѣ.

Должно быть Знаменскій былъ недоволенъ дѣйствіями этихъ полицейскихъ чиновъ и сказалъ объ этомъ исправнику; а потому и не удивительно, что исправникъ, при своей энергіи, обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

— Вы, с. д., передъ начальствомъ стоять не умѣете!... Я васъ выучу!... Руки по швамъ, с. д!... Куда смотришь?! Смотри прямо мнѣ въ глаза! Я васъ всѣхъ въ Сибирь сошлю!... Не увидите вы своего Никольскаго!... Не увидите, с. д.!

Сказавъ сію рѣчь, исправникъ часовъ около 12 уѣхалъ изъ Никольскаго, не видавъ никого изъ мятежниковъ, хотя и пробылъ въ селѣ около 3-хъ часовъ.

На другой день уѣхалъ изъ Никольскаго и Знаменскій.

Изъ Енотаевска исправникъ послалъ въ Астрахань донесеніе, которое, хотя, какъ надо полагать и отличалось красотою слога и энергіей, но погрѣшало тѣмъ, что въ него вкрались многія, разумѣется, мелкія неточности. Такъ, онъ доносилъ, что, хотя и могла предстоять необходимость въ вооруженной военной силѣ, но что онъ, исправникъ, своею энергіей, не прибѣгая къ жестокимъ мѣрамъ, бунтъ уничтожилъ. Точнѣе было-бы выразиться такъ: «я, исправникъ, никакого бунта не видалъ, а, при своей энергіи, десятскихъ и сотскихъ разругалъ, и разругалъ ихъ непечатнымъ словомъ, и, поругавъ ихъ довольно, изъ с. Никольскаго уѣхалъ!...» Но это такая мелкая неточность, о которой и говорить не слѣдуетъ. Все же прочее совершенно вѣрно: онъ доносилъ, что былъ въ с. Никольскомъ. Это, повторяю, совершенно вѣрно. Далѣе, въ своемъ донесеніи исправникъ просилъ составить коммиссію для производства слѣдствія надъ бунтовщиками.

— Бунтъ, бунтъ! Въ с. Никольскомъ бунтъ! со всѣхъ сторонъ слышалось по всему городу Енотаевску.

Долго ждали, но дождались: коммиссія, для производства слѣдствія надъ бунтовщиками, для отысканія зачинщиковъ и поджигателей, была наряжена. Въ составъ этой комиссіи вошли: енотаевскій судебный слѣдователь П. И. Шестоперовъ, помощникъ енотаевскаго исправника М. И. Пензенскій и засѣдатель черноярскаго уѣзднаго суда О. В. Стишевскій.

Шестоперовъ, сейчасъ-же по назначеніи въ эту комиссію, отнесся къ енотаевскому полицейскому управленію съ предложеніемъ отдать на поруки арестованныхъ бунтовщиковъ. Вѣроятно онъ, разсмотрѣвъ дѣло, не считалъ ихъ очень опасными для общества. Полицейское управленіе бунтовщиковъ не выпустило, а послало ихъ за крѣпкимъ карауломъ въ Никольское и приказало держать тамъ строго, что-бы они не могли сговориться съ другими бунтовщиками, еще пока не арестованными. Шестоперову-же послали бумагу, да такую бумагу, что пришлось ахнуть.

Полицейское управленіе предъявило такія требованія, которыя превзошли требованія и самого Пія IX, папы римскаго. Пій IX собралъ вселенскій католическій соборъ и хотѣлъ, чтобы этотъ соборъ призналъ непогрѣшимость его, папы. Енотаевское же полицейское управленіе безъ всякаго собора само признало свою непогрѣшимость и требовало, чтобы и мысли не имѣть, что оно погрѣшимо.

Наконецъ, 15 февраля въ Никольскомъ открылась коммиссія... И, о, ужасъ! Бунта не оказалось! Усмирять было не кого! Для чего исправникъ тратилъ свою энергію — неизвѣстно! На что требовалась военная вооруженная сила — невѣдомо!...

Донесенія этой комиссіи я не читалъ; разсказовъ-же про этотъ бунтъ въ Никольскомъ столько я слышалъ, что утвердительно могу сказать: я этотъ бунтъ знаю во всѣхъ подробностяхъ. Вотъ какъ онъ происходилъ на самомъ дѣлѣ.

IV.

25 ноября 1870 г. въ с. Никольское пріѣхалъ Знаменскій, за станового пристава, и Кобяковъ, какъ уѣздный стряпчій, для продажи описаннаго имущества крестьянъ Денисова и Колесникова за долгъ Поповицкому. Долгъ этотъ, до 1,800 рублей, лежалъ болѣе чѣмъ на 50 хозяевахъ за круговой порукой. Хотя и было только описано у двухъ, разверстки между должниками не сдѣлано и покупщиковъ не было, тѣмъ не менѣе Знаменскій и Кобяковъ энергически принялись за порученное имъ дѣло, что и послужило началомъ бунта.

Сперва Знаменскій и Кобяковъ, предводительствуя сотскими, десятскими и понятыми, отправились открывать бунтъ къ крестьянину Денисову. Открытіе бунта происходило такъ.

Знаменскій съ своимъ войскомъ пришелъ къ Денисову и потребовалъ для продажи описанное имущество, а именно: зеркало (крестьянское дешевое), кошму, 2 тагана калмыцкихъ и ружье.

— Ружья, ваше благородіе, нѣтъ дома, виноватъ — на хуторѣ, объявилъ крестьянинъ Денисовъ.

— Какъ на хуторѣ? крикнулъ Знаменскій.

— Виноватъ, ваше благородіе! сейчасъ нѣтъ дома, пошлю за этимъ ружьемъ на хуторъ, извинялся Денисовъ.

— Таганы гдѣ?

— Таганы не мои: таганы калмыцкіе, ваше благородіе, калмыку и отдалъ. Я тогда же говорилъ ихъ благородію, что опись дѣлалъ (Эпиктетовъ), что таганы калмыцкіе.

— А кошма, зеркало?

Въ это время приняла участіе въ бунтѣ баба—сноха Денисова.

— Зеркало и кошма мои! заявила она.

— Какъ твои?

— Я ихъ въ приданое принесла.

— Чѣмъ ты докажешь?

— Что тутъ доказывать! Извѣстное дѣло: женина постель, всегда жена мужу приноситъ постель въ приданое... Вотъ я и принесла ту кошму—на ней и спимъ! И зеркало мое: на что оно старику?

Въ самомъ дѣлѣ, мужику, старику лѣтъ за 70, не предвидѣлось крайней необходимости въ бабьемъ зеркалѣ.

— Это зеркало? спросилъ Знаменскій, подойдя къ зеркальцу и взявши его за уголышекъ.

— Это! отвѣчала бунтовщица баба и сама взялась за зеркало, съ другого уголышка.

Подержался Знаменскій за зеркало, подержалась и баба; подержались и отошли.

— Здѣсь морду побьютъ! изъ чего-то заключилъ Знаменскій.

Всѣ промолчали.

— Надо актъ составить!

Знаменскій составилъ актъ и повелъ свое войско во дворъ къ крестьянину Колесникову. Такъ кончилъ онъ первое дѣйствіе этой трагедіи и, должно заключить, постыдно кончилъ, ибо удалился съ поля бунта безъ всякихъ трофеевъ. Во дворѣ Колесникова бунтъ былъ открытъ такъ. У Колесникова была описана лошадь. Когда вошелъ во дворъ къ нему съ своимъ войскомъ Знаменскій, Колесниковъ эту, много вреда надѣлавшую, лошадь велъ въ поводу.

— Гдѣ описанная для продажи лошадь? спросилъ Колесникова Знаменскій, стоявшій, по воинскому обычаю, во главѣ войска.

— Вотъ она, ваше благородіе! отвѣчалъ бунтовщикъ.

— Давай лошадь! приказывалъ Знаменскій.

— Нельзя мнѣ давать этой лошади.

— Какъ нельзя?

— Я, ваше благородіе, контрактомъ обязался возить земскую почту, эта лошадь почтовая.

— Давай лошадь! прикрикнулъ Знаменскій, подскочилъ къ лошади и схватилъ ее за узду.

— Возьмите деньги, ваше благородіе! отвѣчалъ Колесниковъ, держа лошадь за поводъ.

— Давай лошадь!

— Моихъ денегъ, ваше благородіе, за волостнымъ правленіемъ больше ста рублей.

— Давай лошадь! кричалъ Знаменскій.

— Лошадь ста рублей не стоитъ, ваше благородіе! возьмите всѣ

деньги въ волостномъ правленіи: волостное правленіе мнѣ должно за ѣзду на земскихъ лошадяхъ...

— Давай лошадь!

— На чемъ-же почту повезу ваше благородіе? продолжалъ бунтовать Колесниковъ.

— Давай лошадь!

Въ войскѣ Знаменскаго состоялъ сельскій староста, тоже въ нѣкоторомъ родѣ власть. Усматривая, что дѣйствія главноначальствующаго смѣхъ могутъ произвести въ толпѣ понятыхъ и постороннихъ зѣвакъ, которыхъ, собралось не мало, и тѣмъ унизить высшую власть, а его, старосты, тѣмъ паче, онъ предложилъ судъ скорый и правый.

— Да что съ нимъ долго возжаться, ваше благородіе, сказалъ онъ Знаменскому: посадить его въ холодную!

«Его благородіе его и послушалъ», какъ выражался послѣ этотъ скоро и право рѣшающій староста.

— Посадить его въ холодную! приказалъ десятнику Знаменскій.

Колесникова повели въ холодную и, когда онъ бросилъ поводъ, Знаменскій выпустилъ изъ рукъ узду, и лошадь—причина всему злу—была оставлена для грядущихъ бѣдствій, для сильнѣйшаго развитія бунта!..

Въ донесеніи Знаменскаго было сказано, что Колесниковъ «схватилъ лошадь ту и потащилъ ее за узду». Выраженіе это тоже, какъ видно изъ разсказа объ этомъ эпизодѣ бунта, не точное; я полагаю, что фраза эта, какъ очень складная, будто рифмованная, употреблена для украшенія и усиленія стиля автора.

Возвратившись изъ похода противъ бунтовщика Колесникова, Знаменскій придумалъ посадить въ холодную и бунтовщика Денисова. Сейчасъ же посланъ былъ отрядъ къ Денисову, съ строгимъ приказаніемъ взять его въ плѣнъ.

Денисовъ оказался до того малодушнымъ, что сдался въ плѣнъ побѣдоносному врагу, безъ всякаго сопротивленія; по взятіи-же въ плѣнъ онъ бунтовалъ немного, да и что можетъ сдѣлать несчастный плѣнникъ?!

Бунтовалъ же Денисовъ такъ.

— Ваше благородіе, отпустите! сказалъ плѣнникъ, когда его представили грозному усмирителю.

— Въ холодную! рѣшилъ Знаменскій. Ему должно быть очень понравился судъ правый и скорый, придуманный для Колесникова старостой.

— Въ холодную!

— Я, ваше благородіе, деньги отдамъ.

— Въ холодную!

— Ружье, ваше благородіе привезли съ хутора.

— Отвести его въ холодную!

Денисова и отвели въ холодную.

Знаменскій, упоенный такимъ быстрымъ успѣхомъ, придумалъ взять въ плѣнъ и лошадь, описанную для продажи у Колесникова. Немедленно было послано войско взять ее. Самъ Знаменскій, считая этотъ походъ маловажнымъ, не предводительствовалъ сотскими, десятскими понятыми людьми, толпою зѣвакъ, и эта ошибка главнокомандующаго была причиною пораженія его войска.

Ко двору Колесникова войско двинулось не стройными рядами, какъ бы надлежало хорошо дисциплинированной арміи, а безпорядочными толпами, что не обѣщало счастливаго окончанія похода; послѣдствія оправдали эти предположенія.

Хотя во дворѣ Колесникова гарнизонъ его былъ малочисленъ и плохо вооруженъ, но его энергія и дисциплина были выше всякой похвалы. Весь гарнизонъ состоялъ изъ слѣдующихъ частей: а) молодуха, б) солдатка, в) старуха. Эта послѣдняя часть гарнизона хотя и могла дѣйствовать только одною рукою (на другой рукѣ у ней былъ ногтоѣдъ), но обладала энергіею и краснорѣчіемъ. Она-то и была виновницею пораженія непріятельской арміи.

Молодуха съ ребенкомъ на рукахъ, солдатка и обреченная въ плѣнъ лошадь были во дворѣ, когда приближалось нестройными толпами войско.

Едва гарнизонъ замѣтилъ приближеніе непріятеля, сейчасъ-же, предугадывая его намѣренія, принялъ рѣшительныя мѣры. Молодуха заперла ворота, солдатка схватила хворостинку и загнала въ хлѣвъ лошадь, и не покидая своего оружія, прибѣжала на помощь къ молодухѣ, оберегавшей ворота.

Прибывшій непріятель требовалъ немедленной сдачи крѣпости; молодуха, съ ребенкомъ на рукахъ, попросила объявить ей причину непріязненныхъ дѣйствій.

— Отворяй ворота! крикнулъ непріятель.

— Для чего? спросилъ гарнизонъ.

— Давай лошадь! крикнулъ непріятель.

Въ отвѣтъ послѣдовало презрительное молчаніе.

Въ лагерѣ осаждавшихъ тоже были герои. Такъ одинъ сотскій выказалъ неимовѣрную храбрость: одинъ, безъ всякаго оружія, перелѣзъ черезъ заборъ, отворилъ ворота и впустилъ осаждавшихъ въ осажденную крѣпость.

Казалось, что побѣда и слава останется за осаждавшими. Но часто врагъ, въ началѣ битвы побѣдитель, оказывается при ея окончаніи побѣжденнымъ и постыдно бѣжитъ съ поля сраженія.

Такъ случилось и теперь.

Когда молодуха и солдатка допустили непріятеля ворваться въ крѣпость и онъ торжествовалъ уже свою побѣду, явилась старуха, обладавшая хотя и одной рукою, но и геройскимъ духомъ.

— Что вы съ бабами воюете? спросила она вторгнувшагося во дворъ непріятеля.

— Лошадь давай! отвѣчалъ непріятель.

— Дуракъ! замѣтила благоразумная женщина: — развѣ баба безъ хозяина можетъ отдать со двора лошадь?

Непріятель умолкъ.

— Вы мужика моего взяли, объявила героиня: — приведите его и пусть онъ вамъ даетъ что хочетъ, а я безъ хозяина лошади не отдамъ!

Непріятельское войско, услышавши такую разумную рѣчь героини, устыдилось и, понуривъ головы, удалилось, не сдѣлавъ осажденнымъ никакого зла.

Лошадь, за которою приходило цѣлое войско, осталась во владѣніи старухи!

Знаменскій, получивъ донесеніе о пораженіи своего войска, распалился гнѣвомъ великимъ. Онъ видѣлъ, что войско его деморализовано, что съ этимъ войскомъ бунта, какъ надо, не устроишь, а ежели устроишь, то не усмиришь! Что дѣлать?. Не всякій-бы тутъ нашелся. Александръ же Андреевичъ Знаменскій нашелся! Надо требовать регулярнаго войска, вооруженной военной силы!—рѣшилъ онъ.

Напиши Знаменскій начальству, что ему хочется бунтъ устроить и послѣ этотъ бунтъ усмирить, и что для этой цѣли ему необходимы регулярныя войска, начальство не прислало-бы ему вооруженной военной силы и никакой потѣхи не было-бы. Онъ это-то зналъ, а потому прямо донесъ, что бунтъ уже бунтуетъ и что надо прислать вооруженную силу.

— Бунтъ бунтуетъ, спроситъ начальство: какъ же онъ бунтуетъ? Нашелся и здѣсь Знаменскій.

Призвали грамотнаго мужика, заставили его написать со словъ Ястребова (повѣренный Поповицкаго) рапортъ отъ имени сотскихъ Знаменскому. Въ этомъ рапортѣ доносилось, что они, сотскіе, пошли за лошадью къ Колесникову, а тамъ ихъ встрѣтила толпа, болѣе чѣмъ въ 50 человѣкъ, вооруженныхъ палками, чуть не картечницами и ружьями, и что они, сотскіе, безъ вооруженной силы усмирить бунта никакъ не могутъ.

Призвали сотскихъ.

Подписывай рапортъ! приказывалъ Знаменскій.

Сотскіе, не знавши, какой рапортъ подписывать, смотрѣли во всѣ глаза на своего начальника.

— Есть у васъ грамотный? спросилъ Знаменскій.

— Я грамотный, отозвался сотскій Петровъ.

— Подписывайся за всѣхъ!

Петровъ прочиталъ рапортъ.

— Да вѣдь этого, ваше благородіе, не было, сказалъ онъ.

— Какъ не было?! крикнулъ Знаменскій.

— Мы этого ничего не видали, ваше благородіе.

— Подписывай рапортъ!

— Мы объ этомъ вашему благородію и не говорили никогда, твердили свое сотскіе.

— Подписывай рапортъ!

— Какъ-же подписывать, коли мы про это ничего не знаемъ?

— Не подпишите—я васъ при бумагѣ въ городъ пошлю! прикрикнулъ на мятежныхъ сотскихъ Знаменскій.

Сотскіе, думая, что изъ-за подписи ничего не будетъ и не желая совершить путешествія при бумагѣ въ городъ, подписали рапортъ.

Донесеніе о бунтѣ пошло куда слѣдуетъ; бунтовщики Денисовъ и Колесниковъ отосланы въ острогъ и Знаменскій сталъ описывать хозяйства всѣхъ должниковъ. Когда опись уже была окончена и Знаменскій собирался выѣхать въ Енотаевскъ, въ Никольское пріѣхалъ исправникъ, укротилъ вышеозначеннымъ способомъ бунтъ и донесъ, что въ военной силѣ надобности не предстоитъ, потому что онъ усмирилъ бунтъ своей энергіей, не прибѣгая къ жестокимъ мѣрамъ, и просилъ только назначить коммиссію для производства слѣдствія надъ бунтовщиками.

Коммиссія открыла, что бунта никакого не было, что крестьяне Колесниковъ и Денисовъ совершенно невинны, и они 19 февраля 1871 года были выпущены изъ подъ ареста.

Колесниковъ и Денисовъ пробыли въ острогѣ съ 26 ноября 1870 года по 19 февраля 1871 года, включая время, употребленное на проѣздъ изъ Никольскаго въ Енотаевскъ и обратно.

Крестьяне найдены невинными, бунта никакого не оказалось и они освобождены. Слѣдственная коммиссія донесла объ сочинителяхъ—усмирителяхъ этого бунта и, вѣроятно, эти господа никакихъ орденовъ не удостоились. Казалось бы и дѣлу конецъ. Что въ самомъ дѣлѣ много толковать о сиволапыхъ мужикахъ?! Правда, Колесниковъ и Денисовъ сиволапые только въ глазахъ Кобякова и нѣкоторыхъ другихъ господъ, совершенно постороннихъ ихъ обществу, а потому въ крестьянскомъ быту мало обращаютъ вниманія, хорошо или дурно эти господа думаютъ объ комъ-бы то ни было изъ нихъ. Между своими же они люди почетные, а почетъ въ простомъ народѣ даромъ не дается. Почетъ Колесникова и Денисова вполнѣ заслуженный ихъ честною, трудовою семидесятилѣтнею жизнью. И вдругъ нашла гроза, безсмысленная стихійная сила и все разбила!.. Я не говорю, сколько страдали и физически и морально эти несчастные, пробывши въ острогѣ почти три мѣсяца. Но что имъ предстояло испытать по выходѣ изъ острога, объ этомъ, вѣроятно, никто и не подумалъ! На почетномъ пиру, кто-нибудь, поглаживая бороду, съ усмѣшкой проговоритъ: «разумѣется, мы дураки: по острогамъ не сиживали!» Или какой-нибудь пьянчужка, которому не-

счастный отказалъ когда-то въ шальной рюмкѣ, крикнетъ на улицѣ: «почтенный! каково тебѣ въ острогѣ жилось?!» Мальчишки, и тѣ, при малѣйшей дѣтской злобѣ на несчастнаго, будутъ, бѣгая около, кричать на него: «Острожный!... Острожный!»..

И все это въ послѣдніе дни ихъ честной и трудной жизни будетъ имъ напоминать, что они не тѣ люди, почетные, какими были прежде, а люди шельмованные—острожные!..

ЧИСТИ ЗУБЫ,

А ТО МУЖИКОМЪ НАЗОВУТЪ!

Солнце приближалось къ западу; прекрасный осенній день близился къ окончанію; въ воздухѣ была тишина невозмутимая; груди дышалось легко... Но, впрочемъ, вечера я описывать не стану, а желающіе могутъ прочитать описаніе этого вечера въ «Усладѣ» Жуковскаго; я скажу кратко: солнце приближалось къ западу, а я приближался къ деревнѣ и догналъ мальчика лѣтъ десяти, въ худомъ армячишкѣ.

— Какъ деревня прозывается? спросилъ я мальчугана, чтобъ какънибудь разговоръ завести.

— Назиловка, дядюшка, бойко отвѣчалъ тотъ.

— А ты самъ откуда?

— Да изъ назиловскихъ.

— Гдѣ-жъ ты былъ?

— А я былъ въ Порхомовкѣ; тамъ у насъ училище, такъ я изъ училища; учитель насъ распустилъ, которые подальше, — вотъ я и иду домой въ Назиловку.

— Давно ты въ училищѣ?

— Да вотъ третью осень туда хожу.

— Что-жъ, всѣ слова въ азбучкѣ знаешь?

— Эвона!... Да я тебѣ, дяденька, всѣ слова наизусть скажу!

— Что ты?!

— А вотъ слушай: азъ, буки, вѣди, глаголь, добро... зачастилъ мой новый знакомый.

— Постой, постой! А читать умѣешь?

— И читать азбучку умѣю!

— Ну, а другія книжки?

— Тѣ, дядя, не пробовалъ.

— А прочитай что нибудь изъ азбучки?

Мальчикъ мой порылся въ своей азбучкѣ, нашелъ мѣсто, гдѣ читать можно, и сталъ читать:

— «Будь-благочестивъ-уповай-на-Бога.»

— Постой!

— А что̀?

— Что̀ ты прочиталъ?

— Будь благочестивъ, уповай на Бога.

— Что̀-жь это значитъ? ..

Мальчикъ призадумался; думалъ-думалъ, но никакъ не могъ придумать, что́ такое значитъ: «будь благочестивъ и уповай на Бога?» Я, по крайнему своему разумѣнію, растолковалъ ему эту премудрость.

— Э! понялъ, дядя! радостно крикнулъ мальчикъ: —это значитъ: работай честно, никому худа не дѣлай, подати справляй самъ и на мірскую шею не лѣзь. Это и значитъ: благочестивъ! А худо пришлось: молись Богу, Богъ тебя помилуетъ, значитъ, уповай!... Уповай, значитъ: надѣйся.

— Да ты малый умный.

— «Почитай родителей, уважай начальниковъ»...

— Ну, а это что̀ сказано?

Мальчикъ призадумался; мнѣ не хотѣлось ему подсказывать: пусть самъ догадывается.

— Знаю! крикнулъ мальчикъ: — понялъ.

— Ну, разскажи.

— Почитай — значитъ: вотъ тебѣ родитель — знай, что онъ тебѣ родитель; вотъ тебѣ сосѣдъ — знай, все равно, что считай его за сосѣда.

— Уважай начальниковъ? сталъ я подбивать мальчика.

— *Уважай*, значитъ: какъ увидишь начальника, прямо ему шапку снимай, а нужно, и въ ножки поклонись!

— Ка̀къ такъ?! спросилъ я, немного озадаченный такимъ толкованіемъ.

— Да такъ, дядя.

— Нѣтъ, не такъ: *почитай* и *уважай* почти все равно.

— Нѣтъ, не все равно! бойко заговорилъ мальчуганъ: — разбойника, вора я и долженъ почитать за вора, а старшину, голову, будь самые разбойники, встрѣтишь — изволь шапочку снять!

— Что ты врешь!

— Нѣтъ не вру! Зубы чистить будутъ!

— Для чего-же?

— А чтобъ мужикомъ не назвали.

— Что̀?

— Не будешь чистить никому зубы, тебя сейчасъ же мужикомъ обзовутъ.

— Гдѣ-же ты этой мудрости набрался?

— А вотъ въ азбучкѣ...

— Гдѣ-же, покажи?

Мальчикъ пробѣжалъ нѣсколько строкъ и сталъ читать:

— «Чисти зубы, не то мужикомъ назовутъ»: вѣдь такъ?

— Покажи твою книжку, оторопѣло я проговорилъ.

Мальчикъ, злорадостно улыбаясь, подалъ книжку. Прочиталъ: «Чисти зубы — мужикомъ назовутъ»... Посмотрѣлъ на обертку: вижу — азбука, стоитъ 3 копейки, стало быть, издана для народа.

Какъ ни мудры-хитры были наши образователи народа въ началѣ 50-хъ годовъ, но я все-таки не думалъ, что *мужика* можно ругать *мужикомъ*.

— Ты, братъ, не такъ толкуешь, робко заговорилъ я. — *Зубы чистить* — значитъ: зубы мыть.

— А для чего мыть? Они и такъ бѣлы!

— А для того...

— Эй, дядя! закричалъ мой собесѣдникъ мимо идущему мужику: — подойди-ко сюда!

Мужикъ подошелъ къ намъ.

— Что́, парень, ныньче выучился? ласково спросилъ онъ у мальчика.

— Теперь выучился! радостно заговорилъ мальчикъ. — А вотъ этотъ дядя, прибавилъ онъ, смѣясь и указывая на меня: — не знаетъ, что́ такое зубы чистить; говоритъ: «мои зубы»... а чего ихъ мыть, они и такъ бѣлы!

— Что̀? спросилъ мужикъ.

— Вотъ и нашъ учитель намъ зубы чиститъ, а самъ вѣдь тоже не изъ большихъ бояръ: сперва и самъ былъ мужикомъ.

— А теперь?

— Теперь до ундеровъ дослужился.

— За что́ же онъ зубы чиститъ?

— А чтобы мужикомъ не обзывали! Онъ колотушку въ макушку дастъ: ты мужикъ-мужикомъ, скажетъ, завсегда мужикомъ и останешься.

— За что же онъ бьетъ учениковъ? спросилъ я подошедшаго мужика-дядю.

— А для порядку, отвѣчалъ мужикъ-дядя: — чтобъ къ нему почтеніе, значитъ, всякъ имѣлъ.

— Да зуботычиной, пожалуй, уваженія и не добудешь?

— Разговаривай!

— А безъ зуботычины нельзя развѣ уже и совсѣмъ?

— Да ты пойми только, убѣдительно сталъ пояснять мнѣ дядя-мужикъ:—станетъ учитель парнишку бить; я самъ, знаешь, мужикъ—это дѣло понимаю; безъ этого ученья не бываетъ; ну, а мать его или тётка — дѣло бабье — въ толкъ того не возьмутъ, а мальчишку жаль: сейчасъ къ учителю съ своимъ почтеніемъ.

— Да вы бы перемѣнили учителя.

— А для чего?

— Да какъ же онъ только для одного почтенія дерется...

— Безъ этого ученья не бываетъ: учителя — знай за учителя!

— А то мужикомъ назовутъ? перебилъ я.

— Какъ есть мужикомъ обзовутъ! убѣдительно подтвердилъ дядя-мужикъ.

— Да развѣ мужикъ бранное слово? спросилъ я мужика.

— Бранное, не бранное, а все не хорошо! серьёзно отвѣчалъ тотъ.

Я засмѣялся.

— Да что-же ты смѣешься? съ сердцемъ спросилъ меня дядя-мужикъ.

— Да ка́къ-же не смѣяться: зубы надо другому чистить, а то мужикомъ мужика назовутъ! Вѣдь ундеръ, вашъ учитель, такой же мужикъ, какъ и ты.

— Э, нѣтъ!... Обзови его мужикомъ... не то, что мальчишка какой, а хоть тебѣ сто лѣтъ будь: прямо въ бороду и вцѣпится.

— Это по твоему и значитъ, какъ въ азбучкѣ написано: «Зубы чисти, а то мужикомъ назовутъ?»

— Это такъ и значитъ: бей всякаго въ рыло—почтеніе всякъ къ тебѣ будетъ имѣть!...

— Наврядъ!

— Да я вотъ что тебѣ, братъ, скажу, заговорилъ дядя, подсаживаясь къ намъ:—вотъ какое дѣло теперь у насъ идетъ... О повѣстилъ это намъ окружной: сходъ собрать, старшину выбирать. Хорошо... Собрали это мы сходъ, да и мѣкаемъ: кому старшиной быть? Одинъ старикъ объявляетъ — Петру быть; другой — Сидору, третій еще кому!... Только кто-то и скажи: «не быть ни Петру, не быть ни Сидору, а быть не быть Ванькѣ Силагину!» Такъ всѣ со смѣху и померли!... У Ваньки того Силагина избенка развалилась, двора, почитай, что и совсѣмъ нѣтъ, хлѣба никогда не бывало своего: свою землю въ наемъ отдавалъ; возьметъ денежки, пропьетъ, а самъ по міру пойдетъ,—тѣмъ и питался!

— Какой же онъ старшина? спросилъ я.

— Стой; слушай!

— Да чѣмъ же дѣло кончилось?

— А вотъ чѣмъ: старички загомонили, а тотъ все свое: «Ваньку

Силагина, да Ваньку Силагина, больше быть некому, некому!» — Да для чего некому? — «А вотъ для чего: выберемъ мы мужика степеннаго, онъ намъ—вотъ какъ въ книжкѣ сказано — зубы чистить будетъ, захочетъ бариномъ быть! А Ваньку возьмемъ себѣ старшиной, Ванька міръ уважать будетъ... противъ міра не пойдетъ: мы будемъ хозяева, а Ванька мірской слуга будетъ...» Старики посмѣялись-посмѣялись... «Быть Ванькѣ старшиной!» порѣшилъ міръ. И сталъ Ванька старшиной!... Знаешь ли, другъ любезный, что̀ отъ Ваньки этого вышло?

— А что̀?

— Ну, какъ ты думаешь?

— Право, не знаю.

— А вотъ что: сидитъ это Ванька въ своей избенкѣ подъ окошечкомъ, идетъ тамъ какой человѣкъ мимо, по улицѣ. Ну, самъ знаешь, шапку долой, поклониться надо... А Ванька: «Эй, поди, крикнетъ, мужикъ, сюда»! Мужикъ, шапку подъ мышку, къ нему въ избенку... бывало, а теперь посмотри какіе хоромы... мужикъ въ избу, а Ванька прямо̀ его лясь въ зубы: «Ахъ ты мужикъ! я тебя вонъ откуда завидѣлъ, а ты шапку только теперь изволилъ снять!... Да развѣ ты думаешь, что я равный тебѣ? Да развѣ ты не знаешь, что я твой начальникъ?...» А самъ въ зубы — лясь, да лясь!... Вотъ-те, думаемъ, и уваженіе!... Вотъ-те и міру слуга!... Ужь если Ванька Силагинъ не мужикъ; ужь если Ванька Силагинъ лѣзетъ вонъ изъ мужиковъ, значитъ, мужикомъ плохо называться! А за дѣломъ какимъ — просто къ нему не ходи: водка — водкой, дружба — дружбой, а денежки на столъ. Да и съ деньгами придешь, коли зубы не вычиститъ — молебенъ отслужи! Это все правда! Какой теперь дворъ завелъ себѣ! Просто палаты!... А чѣмъ взялъ? Зубы всякому чистилъ; всѣ и поняли, что не Ванька, а, изволишь видѣть, Иванъ Петровичъ тебѣ начальникъ. И не Силагинымъ сталъ прозываться, а какъ-то по благородному.

— Какъ по благородному?

— Да мы и не скажемъ, по нашему оно ужь оченно плохо выходитъ; при бабахъ и сказать нельзя! сказалъ мужикъ-дядя, засмѣялся и рукой махнулъ.

— Да какъ же? допытывалъ я мужика, желая узнать прозвище благородное, котораго при бабахъ и сказать нельзя.

— И не спрашивай!... Мужикъ-дядя еще больше захохоталъ.

— Да какъ же?

— Спроси у племянника! отвѣчалъ тотъ, во всю мочь заливаясь смѣхомъ.

— А какъ?

— Благомудровъ! улыбаясь, отвѣчалъ какъ-то лукаво мальчикъ: — Только мужики его не такъ называютъ.

— Кто-жь ему придумалъ такое мудреное прозвище? спросилъ я.

— Писарь!... писарь! захлебываясь смѣхомъ, отвѣчалъ дядя-мужикъ: — писарь-то у насъ пьяница... ученый!...

— Да для чего же ему надо было перемѣнять свое прозвище на другое?

— А писарь говоритъ: Иванъ Петровичъ Силагинъ — это по мужицки, продолжая смѣяться, отвѣчалъ дядя: — а я вамъ, Иванъ Петровичъ, а я вамъ скажу по благородному...

— Ну, и назвалъ?

— Э-хе!... Назвалъ!... Э-хе-хе!... право, такъ и назвалъ... Э-хе-хе... Какъ, какъ, парнишко?

— Благомудровъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— А ты вотъ, братъ, говоришь, прибавилъ мужикъ-дядя: «мой зубы!»... Нѣтъ, братъ: чисти зубы!... Вотъ тебѣ мой наказъ!... Мой себѣ Ванька Силагинъ зубы сколько хочешь, все бы Ванькой Силагинымъ и остался, а сталъ Ванька всѣмъ зубы чистить, сталъ Ванька — Иваномъ Петровичемъ!... Да и не Силагинъ... А-ха-ха!... Какъ, племяшка?... Охъ!... грѣхъ!...

— Благомудровъ! отвѣчалъ смѣясь племяшка дядя-мужика.

— Зачѣмъ же вы такого себѣ старшину выбирали? спросилъ я.

— А чортъ его зналъ, что онъ такой выйдетъ?!... Думали всѣ выбрать хорошаго...

— Ну, спасибо на бесѣдѣ, сказалъ я, вставая.

— Тебѣ на томъ же!

— Прощайте, братцы!

— Прощай! отвѣчалъ дядя-мужикъ: — только знай, какъ надо зубы чистить!

Пошелъ я опять въ путь, а самъ думаю: мужикъ-дядя, кажется, правду сказалъ: надо всѣмъ зубы чистить, чтобы мужикомъ не обозвали, и, повидимому, мы объ одномъ только и хлопочемъ: кому можно — зубы чистить.

Вотъ Ванькѣ Силагину зубы чистили всѣ, кто только могъ; теперь Иванъ Петровичъ дѣлаетъ то же.

Не помню, читалъ ли, или слышалъ я слѣдующую исторію.

Передъ выборами пріѣзжаетъ къ предводителю одинъ вліятельный помѣщикъ. Хозяинъ, разумѣется, и жаренымъ и печенымъ подчуетъ, ухаживаетъ, бѣгаетъ за нимъ, чуть языкъ не высунетъ. Показываетъ свое хозяйство, а какъ и хозяинъ и гость были охотники, то зашли на псарный дворъ.

— Ванька! крикнулъ хозяинъ: — змѣйкиныхъ щенятъ!

Ванька побѣжалъ за змѣйкиными щенятами. Принесли змѣйкиныхъ щенятъ.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ предводитель своего гостя: — которыхъ надо оставить, а которыхъ закинуть... которые, по вашему мнѣнію, лучше?

Гость призадумался.

— Которые?

— Право не знаю.

— Которые лучше?

— Этого отгадать нельзя.

— Однакожъ?

— Этого отгадать нельзя, рѣшилъ влiятельный помѣщикъ. — Вѣдь вотъ и мы на выборахъ выбираемъ вашего брата; думаешь, хорошаго человѣка выбираемъ, а выберешь... Такая дрянь!.. Такъ вотъ все равно и щенятъ выбирать...

Мiръ выбираетъ предводителя, Ваньку Силагина — предводителя; Ванькѣ Силагину всякъ по своему зубы чиститъ. А войдетъ онъ въ силу — мiръ не назоветъ его мужикомъ.

Съ такими думами я зашелъ въ какую-то деревню.

— Гдѣ здѣсь переночевать? спросилъ я встрѣтившагося мнѣ мужика.

— Да гдѣ хочешь!

— А у тебя можно?

— Можно.

— Сдѣлай одолженiе. А водки можно?

— Можно.

— Пойдемъ въ кабакъ.

— Можно.

Мы вошли въ кабакъ, подошли къ прилавочку, спросили водки.

— Да дайте три стаканчика, сказалъ я, подавая цѣловальнику пятирублевую ассигнацiю — въ то время еще ассигнацiи ходили(?).

— Съ нашимъ величайшимъ удовольствiемъ! отвѣчалъ цѣловальникъ. Въ то время еще и цѣловальники процвѣтали; теперь они называются шинкарями.

— Кому прикажете поднести? развязно, точно московскiй половой, спросилъ цѣловальникъ.

— Надо съ хозяина начинать, отвѣчалъ я. Пожалуйста!

— Нѣтъ-съ... увольте.

— Ну, такъ поднесите ему, сказалъ я, указывая на будущаго своего хозяина.

Такимъ порядкомъ я познакомился съ цѣловальникомъ и у насъ начались разговоры.

— Вы изъ какихъ-такихъ мѣстовъ? спросилъ меня цѣловальникъ.

Я сказалъ.

— Такъ-съ!

— Вотъ я толковалъ сейчасъ съ однимъ мужикомъ: въ книжкѣ написано: «Чисти зубы, не то мужикомъ назовутъ...», и — разсказалъ ему наши разговоры и какъ мужикъ это объяснялъ.

— Чудное право дѣло! ухмыляясь сказалъ цѣловальникъ.

— Какъ чудное?

— Мужикъ правъ.

— Какъ-такъ?

— Ей-Богу, правъ!

— Да какъ же правъ-то?

— Да я вамъ лучше исторію скажу.

— Пожалуйста.

— Былъ у насъ мужичонка; наборъ пришелъ, очередь за нимъ была, пошолъ въ солдаты... А малый былъ ловкій: безъ мыла въ васъ влѣзетъ! Прослуживши тамъ сколько времени, пожалованъ въ ундера. Ундеру, сами знаете, 12 лѣтъ отслужилъ, коли грамотѣ знаешь — офицеръ. А онъ грамотѣ зналъ, стало быть и офицерство получилъ. Получимши, сударь ты мой, это онъ офицерство, изъ полковыхъ вонъ, да въ становые произошелъ. Какъ же въ становыхъ онъ поступалъ? А?

— А какъ?

— А вотъ, я вамъ скажу, какъ... Дѣло было при мнѣ, почитай... Заведется въ селѣ кляуза; ее, эту кляузу, не скоро и выведешь!.. Суды пойдутъ... и Боже мой!... И пословица говоритъ: *поссорь Богъ народъ, накорми воеводъ*... У насъ поссорились два сосѣда; ѣдутъ судиться. Сперва, какъ надо, бросятъ жеребьи: чья лошадь, а чья тѣлега; запрягутъ лошадь, сядутъ оба въ ту тѣлегу, только не рядушкомъ, а задъ съ задомъ!... Право, такъ.

Я засмѣялся.

— Да что вы смѣетесь! Я еще вамъ вотъ что скажу: ѣдутъ они; дорогой одинъ станетъ нюхать табакъ и толкаетъ другова локтемъ. «Сердитъ, а сердитъ — не назоветъ Иваномъ, тамъ, или Петромъ, а *сердитъ* — сердитъ, хочешь понюхать?» Тотъ молча понюхаетъ, и во всю дорогу больше никакихъ разговоровъ не бываетъ. Такъ и эти сосѣди доѣхали до становаго. Всѣ знали становаго повадку: какъ только явится къ нему мужикъ, прямо въ бороду!—оттаскаетъ, оттаскаетъ, какъ должно, тогда только станетъ объ дѣлѣ толковать.

Пріѣхали наши сосѣди къ становому.

— Что вамъ надо? спрашиваетъ у нихъ писарь становаго.

— А такъ и такъ, говорятъ ему:—судиться пріѣхали къ его благородію.

Разумѣется, сейчасъ писарю въ ручку: одинъ четвертакъ, другой полтинникъ. Писарь-то съ полтинника прежде пустилъ... Становой по двое къ себѣ никогда не допущалъ: все въ одиночку.

Входитъ первый—съ полтинника.

Становой его раза-два въ морду хватилъ, а послѣ и спрашиваетъ:

— Что тебѣ надо? По какому дѣлу?

Мужикъ-то этотъ знаетъ, какъ дѣло повести: сейчасъ цѣлковинькой становому на столикъ.

— Ну, разсказывай!

— Да это, ваше благородіе, дѣло-то такое, что Сибирью самою пахнетъ.

— Разсказывай!

— Купилъ, значитъ, я себѣ, ваше благородіе, бревнушекъ, хотѣлъ себѣ еще клѣтушечку поставить новую, а та ужь стара стала...

— Дѣло разсказывай!

— А сусѣдъ курей-то, курей развелъ!

— Тебѣ-то какое дѣло?

— Мои-то бревнушки всѣ измарали: просто, въ руки взять нельзя...

— А-а! ступай!

Первой сосѣдъ вышелъ, вошелъ другой.

— Куръ развелъ! закричалъ становой, и давай лупить мужика. Ужь онъ лупилъ его, лупилъ; бросилъ... — Ступай вонъ, пока цѣлъ!

Мужикъ выбѣжалъ, а тамъ писарь дожидается.

— Ну, что? спрашиваетъ писарь:—какъ твои дѣла пошли?

— Что дѣла?

— А что?

— Обидѣлъ!

— Какъ?

— Исколотилъ... и слова не далъ сказать!... Вошелъ, прямо въ морду!

— Плохо!

— Ужъ знамое дѣло, что плохо!

— Постой: я къ самому схожу.

Писарь пошелъ къ становому.

— Какъ же тебя не бить, объявилъ писарь, воротившись отъ становаго: — сосѣдъ-то твой далъ становому цѣлковый, а ты ему чтó поднесъ?

— Да я два дамъ!

— Дашь два цѣлковыхъ — на два цѣлковыхъ и поколотитъ; нашъ баринъ на это хорошъ: правдою живетъ!

— Какъ же дать?

— Ступай къ нему.

Мужикъ пошелъ къ становому, далъ два цѣлковыхъ; становой кликнулъ самъ перваго сосѣда и таску задалъ на два цѣлковыхъ. Тотъ къ писарю.

— Какъ же такъ? Я же его благородію заплатилъ, а онъ же меня и поколотилъ, да еще и больнѣй: ужь его благородіе надо мною маился-маился...

— Нельзя, другъ! Ты сколько далъ?

— Цѣлковый.

— А тотъ два!

— Да я три дамъ.

— А дашь, и того откатаетъ! Да откатаетъ не на два рубля — на три!

Этотъ понесъ три рубля; а какъ становой правдой жилъ, то врага его откаталъ не на два, а на три рубли.

Опять къ писарю; писарь объявляетъ, что тотъ далъ три рубли; даютъ четыре, пять... ихъ по перемѣнку бьютъ...

— Охъ, уморился!... Черти! наконецъ закричалъ становой:—Черти, оба сюда!

Подсудимые явились.

— Запорю до смерти! крикнулъ становой: — миритесь!... миритесь сейчасъ!... Запорю!...

— Я... я готовъ, ваше благородіе! я... да вотъ не знаю, какъ Ѳедоръ Алексѣичъ...

— Ну!...

— Ежели... Алексѣй Ѳедоровичъ согласенъ, я отъ миру не прочь...

— Кланяйтесь мнѣ въ ноги за правый судъ! приказалъ становой.

Тѣ поклонились.

— Хорошо разсудилъ?

— Уму научилъ! заговорили оба *).

— Такъ видите, заключилъ цѣловальникъ: — не почисти онъ имъ зубы, чтó бы вышло? Теперь по полусотенной съ брата сошло — и конецъ; а судись они по судамъ — больше бъ вышло! За то становаго этого и уважаютъ, и мужичье ему же спасибо сказываютъ.

— Да вы смѣетесь, спросилъ я цѣловальника: — за чтò это становаго уважаютъ?

— Именно за это!

— Странно.

— Да вотъ я вамъ скажу: у насъ исправникъ, придетъ къ нему баба на бабу-жь съ жалобой... Ужь онъ ихъ судитъ, судитъ: какъ да какъ? Бабы... разумѣется, бабье дѣло... одна станетъ говорить чтò, другая не дастъ слова той сказать. Крикъ, гамъ такой поднимутъ! Чуть не подерутся... А исправникъ все слушаетъ!... Слушаетъ, слушаетъ, да и скажетъ: «помиритесь!» Такъ зачѣмъ же къ нему и ходить: захотѣли бъ помириться — сами-бъ помирились!... И никто его не уважаетъ!

— Не любятъ?

— Смѣются надъ нимъ!

— Какъ смѣются?

— А такъ: соберутся двѣ бабы: — «пойдемъ, скажутъ, къ исправнику судиться», «пойдемъ». Ну, и пойдутъ, а исправникъ ихъ и судитъ!

---

*) Фактъ: одна должность перемѣнена. *Авт.*

— А къ становому бабы ходятъ судиться? спросилъ я цѣловальника.

— Э-э! махнулъ рукой цѣловальникъ, и на такой глупый вопросъ отвѣта не далъ, только рукой махнулъ.

Я сталъ сомнѣваться въ моемъ толкованіи словъ азбуки: — *чисти зубы*. Припомнилъ я, что въ Бѣлгородѣ одинъ чиновникъ, совершенно посторонняго вѣдомства, приказалъ отлупить фухтелями (зубы чистить— не надо принимать въ буквальномъ смыслѣ) почтмейстера, за то, что по закону на станціи не полагалось столько лошадей, сколько ему было нужно; какъ этотъ же доблестный мужъ въ Суржѣ (по географіямъ Суджѣ) на улицѣ выпоролъ градскаго голову за грязныя улицы...

Сталъ я молиться Богу: Господи, дай мнѣ пониманія!... Какъ же мнѣ, положимъ, большой генералъ, какъ же мнѣ будетъ зубы чистить, положимъ, полковнику: вѣдь полковникъ отъ тѣлеснаго наказанія избавленъ?! Помолясь Богу, я легъ спать. Я не успѣлъ еще заснуть: предо мною явился нѣкій мужъ.

— О, безпутный мужъ! сталъ онъ говорить: — ты не знаешь, что устами младенца тебѣ правда объявляется?... И ты думаешь, что какому нибудь полковнику зубы нельзя чистить?... О!...

— Не знаю.

— Вѣрь!...

— Какъ, отче...

— Былъ твоимъ наставникомъ благочестивый мужъ Иванъ Иванычъ Давыдовъ?

— Былъ, отче.

— Что́ онъ тебѣ говорилъ?

— Много, отче, Иванъ Иванычъ говорилъ намъ хорошихъ словесъ.

— А лучше?

— Всѣ хороши.

— А я тебѣ скажу, безпутный мужъ, что́ лучшее имъ сказано: «Не надо знать, чтобы вѣрить, а надо вѣрить, чтобы знать!»

— Говорилъ и это.

— Вѣрь! сказалъ мужъ:—устами младенца тебѣ истина открывается! Гряди въ сей губернскій градъ; войдешь въ сей градъ, налѣво будетъ домъ, а въ томъ домѣ и кабакъ и харчевня. Гряди и увѣруешь!

Видѣніе скрылось.

Поутру я посмѣялся своему сну и отправился въ путь; прошелъ верстъ пять — губернскій городъ!... прошелъ шаговъ двадцать — налѣво домъ, а въ томъ домѣ кабакъ и харчевня!.. Мужъ правду говорилъ... Дай, зайду!

И зашелъ.

Харчевня, въ которую я вошелъ, по вывѣскѣ была Европой, но по наружности была только Европой Восточною: намъ извѣстно, что

по географіямъ Арсеньева и К° Европа есть Восточная, есть и Западная. Мнѣ на этотъ разъ пришлось быть въ Европѣ Восточной. Входишь въ первую комнату: буфетчикъ (слово западное) въ будто-бы бѣлой рубашкѣ стоитъ за прилавкомъ, сзади его на неисчислимомъ ряду полокъ — чашки, чайники... Половые бѣгали и суетились (оптическій обманъ), все равно какъ мой пріятель Кузьма, бывшій въ Британіи, но волею судебъ переселенный въ Московскій.

Буфетчикъ, по обыкновенію съ полуулыбкой, полукланяясь, указывалъ рукой, привѣтствовалъ меня словами: — пожалуйте, господинъ.

Я на ту пору былъ господинъ въ донельзя изгрязненной свитѣ съ котомкой за плечами.

Вхожу въ другую комнату: за нѣсколькими столами сидятъ мужики, а за однимъ — человѣка четыре чиновниковъ. Съ мужиками я натолкался; дай, послушаю — чиновничьей бесѣды.

— Приходитъ это онъ въ присутствіе, разсказывалъ одинъ изъ чиновниковъ, человѣкъ повидимому испытавшій волны морскія на житейскомъ морѣ: — приходитъ въ присутствіе. «Есть исходящій? Есть входящій?» да таково грозно... Сталъ смотрѣть, видимъ: ни рожна не понимаетъ. Что спроситъ: «Есть?» Какже-съ, есть!... Видимъ, что барину хочется на кого нибудь покричать, а кричать не на кого!... Да выручилъ Студенковъ писарь! И парнишка такъ: лѣтъ 18 — 19!... Лѣтъ пять тому назадъ квартальный взялъ у Ефимовны козу; у квартальнаго жена была больна, такъ ей и велѣно было пить козье молоко, потому что у козы молоко теплѣе коровьяго: у козы хвостъ короткій, а у коровы длинный, отъ того и тепло... Только случай такой вышелъ: у квартальнаго жена померла и та, Ефимовнина, коза издохла... Вотъ Студенковъ къ Ефимовнѣ: «Проси на квартальнаго за козу съ приплодомъ за пять лѣтъ». — «Да какъ же?» — «Ты только визжи, говоритъ Студенковъ: — а я самъ буду разсказывать». Мы этого ничего не знаемъ... слышимъ пискъ, визгъ въ пріемной!... признаться сказать, всѣ перепугались.

— Это что̀? крикнулъ *самъ*.

Всѣ молчатъ, только ногами сѣменятъ.

— Узнать!

Побѣжали.

— Толку не добьешься, доносятъ самому: — какая-то баба плачетъ.

— Какая баба плачетъ?

— Не знаемъ-съ...

Выбѣжалъ *самъ* въ переднюю.

— Что̀ ты?

— Охъ! Коза!... Коза!... батюшка мой, многомилостивый! завопила баба.

— Какая коза?

— Ой! коза!... коза...

— Да какая коза?

— Что́ вы со мной дѣлаете? закричалъ на насъ *самъ*. — Все хорошо, одной козы нѣту!... Да что́ вы думаете! Да что̀ вы дѣлаете?... На кого вы надѣетесь?

И пошелъ, и пошелъ... Ну, думаемъ, Богъ пронесъ тучу!...

Хотѣлось *самому* поругаться (разумѣй *зубы чистить*), ему это удовольствіе и сдѣлали — и онъ ублаготворенъ и мы не причемъ.

НЕБЫВАЛЬЩИНА.

I.

Никто столько не видывалъ видовъ, сколько нашъ братъ — странникъ: чего только не увидишь, чего не услышишь? И всѣ впечатлѣнія новы, встрѣчи неожиданны. Оттого-то на Руси такъ много путешественниковъ или, какъ ихъ народъ называетъ: странниковъ. Большинство, и огромное большинство, странниковъ-богомольцевъ, странствуетъ по монастырямъ и церквамъ, прикрываясь только душеспасительною цѣлію, а въ самомъ дѣлѣ ихъ прельщаетъ перемѣна впечатлѣній; а впослѣдствіи эта жажда новизны доходитъ до какой-то нравственной распущенности: хочется мѣсто перемѣнить и только; какъ ни хорошо жить дома, а все куда-то хочется; просто — на мѣстѣ не сидится. Простой человѣкъ объясняетъ свое желаніе шляться тѣмъ, что онъ «*хочетъ Богу трудиться*», хочетъ этими трудами пользу душѣ принести, а странники, заподозрѣнные въ большей развитости, бродяжничество свое прикрываютъ пользой наукѣ; они тоже объявляютъ, что хлопочутъ о наукѣ. Какъ странники-богомольцы, такъ и странники съ *ученой цѣлью* совершенно не приготовлены для своихъ трудовъ. И въ самомъ дѣлѣ, я знаю *только одного* путешественника по Россіи, приготовленнаго къ своимъ работамъ, — г. Тарачкова, учителя естественныхъ наукъ орловскаго кадетскаго корпуса, ѣздившаго по средней полосѣ Россіи, писав-

шаго въ орловскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ и издавшаго въ послѣдствіи свои замѣтки въ Орлѣ, и можетъ быть по этому или по своей спеціальности не совсѣмъ извѣстнаго читающей публикѣ. Другіе же странники и не думали себя готовить къ чему бы то ни было. Возьмите вы хоть путешественниковъ—собирателей нашихъ народныхъ пѣсенъ (Кирѣевскій умеръ), сказокъ и тому подобнаго; думали ли они когда нибудь заниматься своимъ дѣломъ? Собирателю пѣсенъ, напримѣръ, кромѣ умѣнья читать и писать, должно знать музыку; пѣсня, записанная безъ голоса, теряетъ половину своего значенія, а изо всѣхъ собирателей нѣтъ ни одного, который бы могъ записать самый простой мотивъ. При изданіи пѣсенъ необходимо сравнить ихъ съ другими, по крайней мѣрѣ славянскими пѣснями, а изъ насъ никто не знаетъ ни одного славянскаго нарѣчія... Впрочемъ, я долженъ оговориться: никто кромѣ В. А. Безсонова... А впрочемъ, какой же онъ собиратель? Вѣдь онъ собиралъ пѣсни по чужимъ сборникамъ, да по сочиненіямъ Симеона Полоцкаго; а при своей жадности къ этому дѣлу, голоса для этихъ пѣсенъ подобралъ изъ мотивовъ разныхъ итальянскихъ оперъ; странствія же его было немного: онъ странствовалъ только по Москвѣ, да, кажется, разъ съѣздилъ къ кому-то въ гости верстъ за сто, да тамъ и записалъ отъ одной горничной *стихъ духовный*. Кто не вѣритъ мнѣ въ этомъ, того могу попросить посмотрѣть изданіе П. А. Безсонова—Каликъ перехожихъ; но вѣдь это удается одному г. Безсонову. Но о П. А. Безсоновѣ — въ другомъ мѣстѣ, а теперь, повторивши, что изъ всѣхъ странниковъ-наблюдателей одинъ только г. Тарачковъ знаетъ зачѣмъ пошелъ въ странствіе, я скажу, что если вы спросите каждаго изъ странствующей братіи, ученыхъ ли наблюдателей надъ русской народностью, или странниковъ-богомольцевъ, вамъ разскажутъ много и много такихъ встрѣчъ и приключеній, о которыхъ человѣку не странствовавшему никогда и въ голову не можетъ придти.

Едва вы вышли изъ дому въ путь, какъ васъ ожидаютъ встрѣчи съ простымъ людомъ и начальствомъ. Съ простымъ людомъ встрѣтиться не бѣда: отъ него отдѣлаться было въ прежнее, крѣпостное время легко, не смотря на его любопытство.

Идете вы путемъ-дорогой въ мѣстахъ, въ которыхъ васъ никто не знаетъ, да и ближайшій вашъ знакомый живетъ верстахъ въ двухстахъ, а то и больше. Попадается вамъ попутчикъ изъ ближайшей деревни.

— Здравствуй, почтеннѣйшій! заговариваете вы съ нимъ; — Куда Богъ несетъ?

— А мы вотъ въ ту деревню,—отвѣтитъ вамъ мужикъ:—Мы тутошніе...

— Тутошніе? спросите вы, чтобы какъ нибудь вызвать его на разговоры.

— Тутошніе, родимый! Мы изстари тутошніе... А ты отколь идешь? Ты вѣдь не здѣшній?

— Не здѣшній, почтенный, не здѣшній.

— Отколь же идешь?

— Да я изъ-за Москвы.

— Изъ-за Москвы?... Знаю... А по какимъ такимъ дѣламъ идешь? спроситъ онъ, не для того, чтобъ узнать съ полицейской цѣлью, кто вы, зачѣмъ идете, а единственно изъ любопытства, если не для того только, чтобъ не молчать дорогой, а поболтать отъ скуки.

— По какимъ такимъ дѣламъ идешь?

— А по своимъ, добрый человѣкъ.

— А? По своимъ! скажетъ онъ, какъ будто совершенно понялъ откуда, куда и зачѣмъ вы идете, нимало не обидясь вашимъ, въ такой степени яснымъ отвѣтомъ.

Потомъ вы съ нимъ разговоритесь; онъ вамъ будетъ благодаренъ, если вы примете, или хоть покажете участіе въ его горѣ, о которомъ русскій человѣкъ любитъ потолковать со всякимъ; а если вы ему покажетесь и его изба будетъ по пути,—зазоветъ васъ къ себѣ обѣдать или ночевать. Впрочемъ, это было сперва, еще до 19 февраля, теперь не то. Въ былыя времена поймаешь бродягу, поведешь къ начальству, самаго затаскаютъ по судамъ, станутъ спрашивать: какъ поймалъ, гдѣ поймалъ, да и сдѣлаютъ причастнымъ къ дѣлу, не радъ будешь, что и поймалъ недобраго человѣка; а теперь начальство—мировой посредникъ, а мировой посредникъ свой человѣкъ: приведешь къ нему или хоть къ сельскому старостѣ—тебѣ ничего не будетъ: сдалъ на руки— тебя сейчасъ же и отпустятъ. А потому встрѣча съ простымъ мужикомъ, кому бы то ни было, какъ бы кто ни былъ извѣстенъ за нехорошаго человѣка, ни для кого не опасна, тогда какъ въ старые годы, встрѣтиться въ деревенской глуши съ начальствующимъ лицомъ иногда значило попасться въ бѣду, а чѣмъ ниже было начальство, тѣмъ было хуже. Напримѣръ, у меня была встрѣча съ сотскимъ... Но я долженъ сказать нѣсколько словъ о тогдашнемъ моемъ путешествіи.

Я тогда былъ еще студентомъ московскаго университета. Въ одинъ прекрасный день купилъ рублей на десять разнаго товара, уложилъ въ коробку и отправился въ путь; и съ этой коробкой, — коробейникомъ пришелъ въ одно большое село, одной изъ неблизкихъ отъ Москвы губерній. Въ этомъ селѣ я и положилъ имѣть свою главную квартиру. Познакомившись съ сыномъ моего хозяина, парнемъ лѣтъ 20-ти, мы съ нимъ не разставались недѣли двѣ. Пообѣдавши съ нимъ часу въ 9-мъ поутру, мы съ нимъ отправились *торговать* по сосѣднимъ деревнямъ, и, надо правду сказать, пѣсенъ собрали много, денегъ же наторговали одинъ двугривенный, потому что мой товаръ былъ *безцѣнный*. Такъ напримѣръ, какъ вы опредѣлите цѣну этому товару: 3 пары серегъ стоили мнѣ двѣ копѣйки ассигнаціями, по тогдашнему—грошъ;

сколько я долженъ былъ брать за одну пару? Поэтому я за свой товаръ разсчитывался пѣснями, и одной только неотвязчивой попадьѣ за двугривенный продалъ платокъ; и по сю пору не знаю, дорого или дешево отдалъ этотъ платокъ.

Поторговавши такимъ образомъ часовъ до четырехъ, мы возвращались домой, гдѣ уже собрался веселый народъ: парни, дѣвки, старики, старухи... всѣхъ возрастовъ людъ, кто только желалъ выпить, сколько кому хотѣлось; всѣ ждали, вѣроятно, съ большимъ нетерпѣніемъ моего возвращенія, чтобы веселить и веселиться...

Повадился ко мнѣ, на мою главную квартиру, какой-то сотскій; правда, сидѣлъ онъ у меня не долго: придетъ, выпьетъ и уйдетъ. Но при этомъ благоразуміи онъ оказывалъ мнѣ страшную непріятность: люди, желающіе выпить—народъ веселый, а этотъ народъ веселый податей платить, разумѣется, не совсѣмъ былъ охотникъ.

Придетъ бывало этотъ господинъ, всѣ веселы, всѣ радостны... а придетъ это начальство — всѣмъ неловко, всѣ видятъ себя не такъ, какъ они должны себя про себя понимать, и какъ они должны себя держать передъ начальствомъ.

— Не ходи ты, братъ, когда у меня поютъ и пляшутъ, говорилъ я не разъ,—а приходи одинъ на одинъ, я тебѣ сколько хочешь водки дамъ. Вѣдь ты видишь—ты мнѣ мѣшаешь...

— Хорошо, хорошо! обыкновенно говаривалъ онъ мнѣ; а между тѣмъ прихаживалъ ко мнѣ всякій разъ на вечеръ, когда были у меня гости веселые, не забывая въ тоже время приходить ко мнѣ и поутру.

Сижу я разъ въ избѣ за столомъ. Избранный на ту пору мой пріятель сидѣлъ съ правой руки и распоряжался штофомъ, стоявшимъ на столѣ, а пѣсни пѣвшій—съ лѣвой, и, какъ теперь помню, лѣвый мой сосѣдъ пѣлъ:

А и я то, православный царь,
Не хочу мужиками ругатися,
А татарамъ потѣшатися!
Не добро татарамъ тѣшиться
Надъ русскими православными,
А тѣшиться ли не тѣшиться—
Мужику ли надъ татарами.

Едва успѣлъ кончить пѣсню мой сосѣдъ, вошелъ сотскій... Всѣ замолчали...

— Здравствуй! обратился ко мнѣ сотскій, взявшись за штофъ, стоявшій на столѣ.—Здравствуй, братъ!

— Здорово! отвѣчалъ я съ большимъ и очень съ большимъ неудовольствіемъ: на ту пору этотъ сотскій былъ до крайности лишнимъ.

Сотскій сталъ наливать изъ штофа въ стаканъ водку, потихоньку, не торопясь.

— Зачѣмъ пьешь водку? спросилъ я не совсѣмъ любезно сотскаго.

— А вотъ, Иванычъ, водочки хочу пить, отвѣчалъ тотъ, нѣсколько смѣшавшись.

— А водка-то твоя?

— Молчи, человѣкъ любезный! заговорилъ еще больше смѣшавшись сотскій.

— Молчать можно, а ты водки все таки не трогай; водка не твоя, да тебя никто и не подчивалъ.

Представьте себѣ положеніе этого господина; онъ — сотскій — все таки начальство, хоть малое, а какъ ни разсуждай, все начальство, и это начальство опозорено передъ подначальственными людьми, самыми гуляками, за которыми накопилось пропасть недоимокъ, и которыхъ это начальство каждое утро за эти недоимки драло за вихоръ.

Начальство обидѣлось.

— Такъ водки не даешь? спросилъ сотскій; — водки твоей и попробовать нельзя?

— И пробовать нельзя. Я тебѣ сколько разъ говорилъ: приходи по-утрамъ и пей сколько хочешь, а только по-вечерамъ не мѣшай.

— Ну, ладно! заговорилъ пріосанясь сотскій; — А за какимъ такимъ дѣломъ, парень, ты здѣсь шатаешься?

— Да вѣдь ты знаешь, что я торгую?

— Какая чортъ торговля? Гроша мѣднаго ни отъ кого не бралъ.

— Ну, ужь это мое дѣло.

— А, пожалуй, и не совсѣмъ твое! Ты на-первыхъ скажи: отколь ты сюда забрался?

— Это дѣло ты заговорилъ, господинъ сотскій: на это можно отвѣчать.

— Да ты дѣло говори: отколева ты пріѣхалъ.

— Изъ Москвы, господинъ сотскій.

— А пашпортъ есть?

— И пашпортъ есть.

— А покажи!

Я досталъ свой видъ и передалъ сотскому, тотъ взялъ, разложилъ его на столѣ и сталъ внимательно въ него всматриваться; долго, очень долго глубокомысленно на него глядѣлъ, и только глядѣлъ, а не читалъ, потому что онъ былъ не грамотный, и потомъ заключилъ такъ:

— А пашпортъ-то твой, парень, фальшивый!

— Это какъ ты узналъ?

— Узналъ!

— Вѣдь ты грамотѣ не знаешь, какъ же ты могъ узнать, еслибы и въ самомъ дѣлѣ пашпортъ былъ фальшивый?

Сотскій этимъ замѣчаніемъ еще больше обидѣлся.

— Да что съ тобой много толковать! рѣшилъ сотскій — пойдемъ къ становому, онъ тебя разберетъ.

Такого результата отъ моего отказа въ водкѣ, отъ сотскаго я никакъ не ожидалъ, но какъ дѣло уже было сдѣлано и пардону просить было нельзя, сотскій могъ подумать и богъ-знаетъ что, то я, собравши все свое имущество, отправился къ становому. Сотскій изъ моихъ же пріятелей выбралъ четверыхъ конвоировать меня; но это было лишнее: за нами пошли всѣ, кто только былъ въ избѣ: болѣе двадцати человѣкъ; а какъ вышли изъ избы, къ намъ стали приставать всѣ встрѣчные, такъ что мы вышли изъ деревни толпою человѣкъ во сто, и всѣ ввалились въ другую деревню, версты за четыре, въ которой жилъ становой приставъ. Въ этой деревнѣ тоже всякій встрѣчный приставалъ къ нашей толпѣ.

Деревня, въ которой жилъ становой, выстроена была въ одну линію, передъ рѣчкою, на полугорѣ. Почти середи деревни, въ избѣ съ крашеными окнами, квартировалъ становой, и передъ этой избой мы и остановились.

— Береги ловчѣй! приказывалъ сотскій мужикамъ, меня конвоировавшимъ. — Я знаю этого парня: плутъ; какъ разъ стречка дастъ! Поди послѣ, лови!

Отдавъ это приказаніе, сотскій пошелъ къ становому, а меня, какъ по чину недостойнаго войти въ комнату начальства, оставили со всей толпой у крыльца. Толпа хоть говорила и въ полголоса, но все таки шумѣла; но, когда черезъ четверть часа вышелъ становой, все замерло. Всѣ скинули шапки; одинъ только я, поклонившись становому, надѣлъ опять шапку. Становой вышелъ въ халатѣ, и замѣтно было, что онъ возсталъ отъ послѣобѣденнаго сна; и еще было замѣтнѣе, что онъ за обѣдомъ *время проводилъ не праздно*, другими словами сказать: за обѣдомъ господина становаго выпито было не мало.

— Что за человѣкъ? спросилъ меня становой, благоразумно избѣгая мѣстоименія: *ты* сказать—можетъ быть и неловко, а *вы*—можетъ быть и не стоитъ.—Что за человѣкъ?

— *Императорскаго московскаго университета университантъ*, отвѣчалъ я, желая придать себѣ болѣе значенія, а потому и не назвался студентомъ университета, думая, отчасти справедливо, что становой слыхалъ только о студентахъ семинарій, съ которыми церемониться нечего.

— Что же вы здѣсь дѣлаете? спросилъ меня становой, болѣе благосклоннымъ голосомъ.

— Собираю остатки нашей національной поэзіи, отвѣтилъ я.

— Какъ?

— Остатки нашей національной поэзіи, опять отвѣчалъ я недоумѣвающему становому.

— Какой поэзіи?

— Національной.

— Да вы говорите просто: что такое вы дѣлаете?

— Я вамъ сказалъ.

— Ну, какъ вы собираете эту поэзію?

— Записываю.

— Что записываете?

— Пѣсни, сказки...

— А ты откуда пришелъ? вопросилъ, пріосанившись, становой.

— Изъ Москвы.

— Изъ Москвы за пѣснями?

— Изъ Москвы за пѣснями.

— Какъ, такой-сякой! Пословица говоритъ: въ Москву за пѣснями ѣздятъ, а ты изъ Москвы сюда за пѣснями пріѣхалъ!

И пошелъ, и пошелъ мой становой. Обижаться мнѣ было нечѣмъ: становой ругалъ собственно говоря не меня; я былъ въ то время въ качествѣ декораціи; толпа вся безъ шапокъ, одинъ только человѣкъ стоитъ въ шапкѣ, и этого-то шапочнаго ругаютъ нецензурными словами.

Бабы, мужики, мнѣ сочувствовали и гораздо болѣе меня принимали къ сердцу то оскорбленіе, которое мнѣ дѣлалъ своею бранью становой.

— Да за что же онъ надъ тобою такъ изругается, голубчикъ ты мой? говорила одна баба, приложа правую руку къ щекѣ, а лѣвой поддерживая локоть правой.

— Ты, родненькій, не горюй, говорила другая — онъ у насъ добрый, только сердце свое сорветъ, а то ничего... Отойдетъ сердце, самъ послѣ жалѣть тебя будетъ...

Такъ продолжалось около получаса. Вижу я—ѣдетъ на бѣговыхъ дрожкахъ одинъ *столичный* помѣщикъ (столичнаго помѣщика отъ деревенскаго—легко отличить), лѣтъ 25.

— Кто это ѣдетъ? спросилъ я у одного мужика, конвоировавшаго меня.

— Да это князь Н—ій, отвѣчалъ тотъ.

Князь Н—скій ѣхалъ крупной рысью, но, увидѣвъ большую толпу, поѣхалъ шагомъ.

Князь! крикнулъ я—князь, пожалуйте сюда.

Князь подъѣхалъ.

— Увѣрьте, пожалуйста, князь, господина становаго пристава, что студенту московскаго университета можно ходить собирать мужицкія пѣсни.

Становой замолчалъ въ ту же минуту какъ подъѣхалъ князь Н—ій.

— А вы студентъ московскаго университета? спросилъ князь, вѣжливо мнѣ поклонясь.

— Да, студентъ.

— Ваша фамилія?

— Якушкинъ.

— Не угодно ли вамъ будетъ отдохнуть у меня нѣсколько времени?

— Сдѣлайте одолженіе!

— Такъ садитесь! сказалъ онъ, подвигаясь ближе къ передку дрожекъ.

Я, не торопясь, поставилъ на дрожки свою коробку съ товаромъ, потомъ самъ сѣлъ на дрожки; князь тронулъ лошадь, поклонился становому, я, въ свою очередь, также поклонился, и мы поѣхали... Становой только улыбался.

Это было давно; по крайней мѣрѣ лѣтъ двадцать тому назадъ. Съ тѣхъ поръ становые перемѣнились; а чтобы не сказать голословно, я вамъ разскажу слѣдующій казусъ.

У одного, очень хорошаго и образованнаго помѣщика, сосѣдніе мужики хлѣбъ лошадьми побивали, и онъ спустилъ разъ, спустилъ другой... Наконецъ, ему не въ терпежъ стало: послалъ за становымъ.

Пріѣхалъ становой, разобралъ дѣло и рѣшилъ, что мужики точно виноваты.

— Прикажете наказать мужиковъ розгами? спросилъ становой помѣщика.

— Нѣтъ; избави Господи! отвѣчалъ тотъ. А вы возьмите себѣ съ нихъ по полтиннику... или, тамъ, сколько...

— Вамъ или себѣ?

— Да... разумѣется... себѣ! Мнѣ ихъ денегъ совсѣмъ не надо! Возьмите для себя.

— Взялъ бы по полтиннику, отвѣчалъ становой — да полтинниковъ-то у нихъ у самихъ мало!.. Нѣтъ, ужь въ другой разъ мнѣ этого, батюшка, не говорите!..

— Чтожь, братецъ ты мой, говорилъ мнѣ этотъ помѣщикъ: — со стыда сгорѣлъ!.. Вотъ, мы съ тобой и учились, а вѣдь не умѣемъ понять, что хорошо и что дурно...

Наученный опытомъ, я съ начальствомъ никогда не ссорился.

Разъ приходитъ ко мнѣ сотскій, съ которымъ я уже завелъ большую дружбу.

— Павелъ Иванычъ, таинственно заговорилъ онъ:—Павелъ Иванычъ!

— Что тебѣ?

— Тебя велѣно поймать!

— Это за что?

— А чортъ ихъ знаетъ, Павелъ Иванычъ! Исправникъ говоритъ: поймать!

— Да за что же?

— Онъ, говоритъ исправникъ, не торгуетъ, а товары такъ раздаетъ; вѣрно, недобрый человѣкъ!

— А ежели бы я и даромъ раздавалъ?

— Онъ, говоритъ исправникъ, или лавку обокралъ, или отъ солдатчины бѣгаетъ!

— Съ чего же это онъ взялъ? спросилъ я не совсѣмъ покойнымъ голосомъ.

— Онъ, говоритъ исправникъ, по всѣмъ деревнямъ дебоширства дѣлаетъ.

— Какія же?

— А чортъ его знаетъ.

— Что же теперь дѣлать?

— И ума не приложу.

— Да вѣдь ты меня не будешь ловить? спросилъ я, очень сомнѣваясь, что получу для себя выгодный отвѣтъ. — Не будешь меня ловить?

— Избави Господи!

— Что же дѣлать?

— Найми лошадь; я тебѣ въ этомъ дѣлѣ помогу, — ступай въ губернію!

Сотскій мнѣ нанялъ лошадь, и я по его совѣту отправился въ губернскій городъ. Въ губернскомъ городѣ жилъ мой пріятель, у котораго я и остановился.

Послѣ разспросовъ о моихъ успѣхахъ мы сѣли обѣдать. Едва начался обѣдъ, какъ къ крыльцу нашей квартиры летомъ-подлетѣла тройка.

— Это мой дядя пріѣхалъ, сказалъ мнѣ мой хозяинъ: исправникъ, отъ котораго ты только что такъ успѣшно убѣжалъ... но онъ добрый человѣкъ.

— А! Ко щамъ! Ко щамъ! закричалъ дядя-исправникъ еще изъ передней.

— Милости просимъ, дядя, милости просимъ! проговорилъ хозяинъ.

— Да какъ не просить милости? отвѣчалъ на это приглашеніе дядя-исправникъ;—право, братъ, голоденъ, какъ самая голодная собака!

Дядя-исправникъ сѣлъ за столъ.

— Ну, чтожь водки? спросилъ дядя.

— Кушай, дядя, кушай! привѣтливо отвѣчалъ хозяинъ: — водка на столѣ.

Онъ выпилъ рюмку водки и, не успѣвъ съѣсть нѣсколькихъ ложекъ щей, остановился.

— Знаешь что? обратился дядя къ своему племяннику-хозяину. Знаешь что?

— А что?

— Появился въ нашемъ уѣздѣ мошенникъ, да вѣдь какой, когдабъ ты зналъ!

— Какой же?

— Просто, братецъ ты мой, поймать не могъ: ускользаетъ, да ускользаетъ!

— Да что же онъ такое сдѣлалъ?

— Пока еще ничего!.. А ты подумай: цѣлый мѣсяцъ ходитъ по нашему уѣзду разносчикомъ, товаровъ хоть бы на грошъ тебѣ продалъ, а такъ, товаръ разбрасываетъ дѣвкамъ, да молодымъ бабамъ. Пить, говорятъ, пьетъ, а этимъ дѣломъ не занимается.

— А хочешь, дядя, я тебѣ покажу этого человѣка? спросилъ, смѣясь, хозяинъ, которому я уже успѣлъ разсказать про собиравшуюся надо мной грозу.

— Да какъ же?!!

— Да вотъ онъ самый! смѣясь отвѣчалъ хозяинъ своему дядѣ-исправнику.

Дядя-исправникъ даже вздрогнулъ.

— Ну, батюшка Павелъ Ивановичъ! сказалъ дядя-исправникъ, когда ему разсказали въ чемъ дѣло:—ежели бы васъ поймали, не знаю—заковалъ бы я васъ или не заковалъ?.. Право, не знаю, но ужь вѣрно пріѣхали бы вы сюда на казенный счетъ, а не нанимать бы вамъ лошадей: непремѣнно прислалъ бы васъ прямо къ губернатору. Кто васъ, теперешній народъ, кто васъ, знаетъ—зачѣмъ вы ходите?

II.

Но не всегда бываютъ встрѣчи, нашему брату опасныя только для себя: бываютъ эти встрѣчи иногда кажущіяся опасными и для встрѣтившихъ васъ. Разскажу вамъ слѣдующій со мною случай.

Пошелъ я изъ Москвы торговать въ одну не изъ самыхъ близкихъ губерній, отъ этой старой нашей столицы. По методѣ, мной тогда принятой, я остановился въ одной деревенской избѣ, и оттуда дѣлалъ свои экскурсіи. Въ одинъ прекрасный день, часовъ въ восемь поутру, я обѣдалъ—мужики обѣдаютъ лѣтомъ всегда около этого вре-

мени. — И я никакъ не могъ думать, что мой обѣдъ будетъ прекращенъ совершенно неожиданнымъ для меня случаемъ.

— Здѣсь разносчикъ? вопросилъ, входя въ избу, лакей въ ливреѣ, на которой было хоть не полное количество пуговицъ, но этотъ недостатокъ выкупался большимъ, сколько нужно, числомъ гербовъ на его изодранной ливреѣ.—Здѣсь разносчикъ?

— Здѣсь! отвѣчалъ я нехотя; да и не отвѣчать-то мнѣ нельзя было, по пословицѣ: назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ; такъ и мнѣ, назвавшемуся торгашемъ, нельзя было отказаться отъ своего принятаго званія.

— А! Здѣсь?—приказывалъ лакей. — Пойдемъ къ господамъ: господа требуютъ.

Дѣлать было нечего; волей-неволей, а я отправился къ господамъ.

Прихожу къ господамъ и, какъ по чину мнѣ не полагалось идти дальше передней, дальше меня и не пустили.

Остановился я въ передней; вдругъ выбѣгаютъ ко мнѣ барышень девять или десять, хоть и не совсѣмъ въ приличномъ нарядѣ, но за то всѣхъ хоть сейчасъ подъ вѣнецъ.

Въ одну минуту вся моя коробка была на воздухѣ или, точнѣе сказать—въ рукахъ барышень.

— Какой у тебя товаръ дурной! говорила одна сестрица.

— Какой есть, барышни! отвѣчалъ я имъ смиренно.

— Какой есть!! ворчали тѣ брюзгливо и крайне ко мнѣ не въ расположительномъ тонѣ.

— Какой есть, барышни, какой есть! Не взыщите пожалуйста! опять отвѣчалъ я этимъ барышнямъ, не желая показаться имъ тѣмъ, кѣмъ я въ самомъ дѣлѣ былъ.

— Это что у тебя? вдругъ радостно вскрикнула одна изъ барышень, отыскавши въ моей коробкѣ двѣ банки, каждая немного поболѣе стакана одна съ бѣлымъ порошкомъ, другая съ краснымъ.—Это что такое?

— Это, отвѣчалъ я,—въ одной банкѣ румяна, а въ другой бѣлила.

— И хорошія эти бѣлила и румяна?.. Хорошія или дурныя? хорошія, хорошія?—забормотали одна за другой мои барышни.

— Какъ кому покажутся.

— А можно посмотрѣть?

— Отчего же: можно.

Мои барышни развязали эти двѣ банки, взяли по щепоткѣ этихъ порошковъ и, какъ люди въ этомъ дѣлѣ опытные, начали пробовать на рукѣ: намочатъ руку, насыплютъ бѣлилами, румянами, разотрутъ, подойдутъ къ окну, посмотрятъ и уже потомъ вскрикнутъ:

— Ah! que c'est beau! Ah! que c'est beau!

— А что стоютъ двѣ эти банки? спросила одна изъ барышень плохо скрывая свой восторгъ при такомъ важномъ открытіи.

— Дешевле двадцати пяти цѣлковыхъ взять нельзя, проговорилъ я довольно серьезно.

— Какъ дорого! какъ дорого! закричали мои барышни.

Да и въ самомъ дѣлѣ, цѣна была неподходящая: обѣ эти банки никакъ не дороже двадцати пяти копѣекъ, а я запросилъ двадцать пять рублей; на это была слѣдующая причина: этотъ товаръ былъ для меня необходимъ. Въ каждой деревнѣ за пѣсни—бѣлилами да румянами я только почти и разсчитывался; продай эти двѣ банки, я долженъ бы былъ отправиться въ городъ затѣмъ только, чтобы купить опять эти дорогія двѣ банки съ бѣлилами и румянами.

— Ah! que c'est beau! Ah! que c'est beau! услышавши такую баснословную цѣну, еще усиленнѣе кричали мои барышни, пачкая свои бѣлыя ручки бѣлилами и румянами безъ всякаго сожалѣнія ни къ своимъ рукамъ, ни къ моему товару.

— Très joli!.. Да ты говори настоящую цѣну, наконецъ обратились ко мнѣ барышни.

— Меньше двадцати пяти рублей за эти двѣ банки мнѣ взять никакъ нельзя.

Барышни торговаться, я не уступаю ни копѣйки; барышни еще усиленнѣе мажутъ свои руки и торгуются. Я все стою на своемъ.

— Меньше двадцати пяти цѣлковыхъ мнѣ взять никакъ нельзя, твердилъ я.

— Хочешь—цѣлковый? спросила меня одна изъ барышень.

— Какъ можно цѣлковый! Я никогда не торгуюсь, объявляю настоящую цѣну.—Барышни еще больше торговаться.

— Donnons lui deux roubles! стали барышни совѣтоваться между собой.

— Возьми два рубля, опять стали приставать ко мнѣ барышни.

— Я вамъ уже сказалъ, что меньше двадцати пяти рублей взять никакъ не могу.

Барышни опять стали совѣтоваться.

— Trois roubles on peut donner.

— Да я меньше двадцати пяти рублей не возьму; какъ можно отдать за какіе нибудь три рубля! отвѣчалъ я, наскучивъ торгомъ, который продолжался болѣе часа.

— Какіе три рубля? быстро спросила меня барышня.

— Вы вотъ совѣтуетесь съ вашими сестрицами дать мнѣ за банки три рубля; а за три рубля я отдать ихъ никакъ не могу.

— А ты развѣ говоришь по французски?

— Немного понимаю.

— Да ты гдѣ учился?

— Я и теперь учусь.

— Гдѣ?

— Въ московскомъ университетѣ. Я тогда былъ еще студентомъ московскаго университета.

— Гдѣ?!!

— Въ московскомъ университетѣ.

— Какъ?!

— Обыкновенно какъ.

— Въ университетѣ!! взвизгнули барышни и всѣ посыпали вонъ изъ комнаты, а я сталъ помаленьку убирать свой товаръ.

Дѣло приняло чрезвычайно курьезный видъ.

— А—а!! а—а... что это—мистификація? спросилъ меня, входя, почтенный старецъ, отецъ семейства. Старецъ этотъ былъ толстый, лысый, усатый и въ халатѣ, и по всему видно было, что этотъ почтенный господинъ, прослуживъ сколько ему было надо, ни о чемъ не думалъ.

— Это мистификація? А—а?

— Только невольная, смиренно отвѣчалъ я, укладывая свой товаръ въ коробку и ожидая сильной грозы, и отъ этой грозы для себя сильной бѣды.

— Какъ невольная?

— Невольная.

— Это почему?

— Я хожу по деревнямъ не продавать, а совершенно съ другой цѣлью.

— Съ какой цѣлью?

— Собираю остатки народной поэзіи.

Мой господинъ совсѣмъ посоловѣлъ; онъ объ этихъ диковинкахъ никогда и не слыхивалъ. Замѣтьте, что этому казусу прошло больше двадцати лѣтъ.

— Какіе же остатки народной поэзіи? спросилъ меня баринъ болѣе тихимъ голосомъ.

— Пѣсни, сказки, повѣрья, обычаи, отвѣчалъ я, закрывая свою коробку крышкой.

— И только? уже совсѣмъ робкимъ голосомъ спросилъ меня помѣщикъ.

— И только.

— Да вы гдѣ учились?

— Я и теперь учусь.

— Гдѣ?

— Въ московскомъ университетѣ.

Это совершенно озадачило помѣщика.

— Въ университетѣ?! не то онъ еще спрашивалъ меня, не то воскликнулъ это отъ удивленія. Этого простому смертному понять было совершенно нельзя.

— Да, въ университетѣ.

— И ходите за пѣснями, за сказками, и все только за одними мужицкими?.. Да?..

— Только за мужицкими.

О, любезные читатели! Вы не можете понять, какую бурю произвели эти мои совершенно невинныя слова въ душѣ этого высокопочтеннаго господина! Посудите сами: повѣрить моимъ словамъ—чортъ знаетъ что такое: дѣло совершенно имъ неслыханное; за такое дѣло, пожалуй, и подъ судъ попадешь, коли не отправишь къ становому собирателя... Да и не повѣрить-то тоже нельзя—дуракомъ назовутъ! Что тутъ дѣлать? Однако, славянское гостепріимство одержало побѣду въ мою пользу.

— Да вѣдь это трудно, заговорилъ помѣщикъ, какъ-то смѣшавшись:—вѣдь это трудно... человѣку... воспитанному... нѣсколько... такъ сказать... образованному... съ мужиками?..

— Этого я вамъ не скажу, отвѣтилъ я, съ величайшимъ удовольствіемъ замѣтивши, что мнѣ отъ этой встрѣчи большой бѣды ждать нечего.

— Да вѣдь все съ мужиками?

— Нѣтъ; я иногда захожу отдохнуть и къ помѣщикамъ,—знакомымъ, ежели по пути.

Баринъ совсѣмъ растерялся.

— Да-а-съ?!!

— Да-съ.

Баринъ взглянулъ на меня болѣе довѣрчивымъ, болѣе ласковымъ взглядомъ.

— А... а... не угодно ли вамъ, милостивый государь, будетъ и у меня сколько нибудь отдохнуть, хоть недѣлю, хоть двѣ—для меня все равно: мы по деревенски.

— Нѣтъ, благодарю васъ, не могу.

— Это почему?

— Не могу столько времени отдыхать; мнѣ теперь время дорого, отвѣчалъ я, не желая столько времени убить въ этомъ семействѣ, положимъ, хоть и очень почтенномъ, но все таки мнѣ этого не хотѣлось.

— Да мы васъ не станемъ удерживать; пробудете нѣсколько дней и съ Богомъ!.. Христосъ съ вами! ужь молилъ помѣщикъ.—И Христосъ съ вами!

— И на нѣсколько дней не могу!..

— На одинъ день...

— Право, мнѣ время дорого.

— Хоть пообѣдайте съ нами!..

— Очень вамъ благодаренъ, но только...

— А ежели только,—то вы обѣдаете у меня! радостно заговорилъ помѣщикъ, какъ будто и Богъ знаетъ какую штуку сдѣлалъ.

Я уже сталъ забрасывать свою коробку за плечи, но, услыша такого рода просьбу, снялъ съ себя коробку, поставилъ ее на каминъ и снялъ съ себя верхнее платье.

— И отлично!.. И отлично! твердилъ помѣщикъ.

— Я не знаю, чѣмъ заслужилъ такое ваше ко мнѣ расположенiе? отвѣчалъ ему на это я.

— Какъ чѣмъ?.. Очень радъ!..

— Очень вамъ благодаренъ...

— Очень радъ!.. Очень радъ!..

Кто не живалъ въ русскихъ деревняхъ, тотъ не пойметъ, чему такъ обрадовался этотъ господинъ; кто же хоть немного наблюдалъ за деревенскою жизнью помѣщиковъ (въ давно прошедшее время, до 19 февраля), тотъ съ разу вамъ скажетъ, что помѣщикъ этотъ *искренно* былъ радъ видѣть у себя *новаго человѣка*; до того пуста была ихъ обыденная жизнь, что они были рады всякому гостю, кто бы онъ ни былъ, будь этотъ гость хоть приходскiй попъ или знакомый заѣзжiй разносчикъ-володимiрецъ, а еще лучше ежели сосѣдъ-помѣщикъ; съ тѣмъ можно и въ преферансикъ по копѣйкѣ передвинуть *). Помѣщикамъ между собою не о чемъ было говорить.

— Очень радъ!.. Очень радъ!..

— Покорно васъ благодарю...

Мы вошли въ залъ.

Вы вѣрно знаете, какъ трафаретно расположены помѣщичьи дома и въ деревняхъ, и въ городахъ: передняя, залъ, гостинная, спальня, корридоръ, нѣсколько комнатъ заднихъ и дѣвичья.

И такъ мы вышли изъ передней въ такъ называемый помѣщиками залъ.

— Очень радъ! твердилъ помѣщикъ.

— Очень благодаренъ! въ свою очередь повторилъ и я.

— А какъ васъ зовутъ? спросилъ онъ меня, отъ радости забывши спросить объ этомъ прежде.—Позвольте спросить: какъ васъ зовутъ?..

Я назвался.

— Ну, такъ, Павелъ Ивановичъ, погостите у насъ хоть немножко, хоть нѣсколько деньковъ.

— Этого, къ моему крайнему сожалѣнiю, рѣшительно не могу.

— Это почему?

— Дѣла!

— Ну, хоть одинъ день!

Я сталъ раздумывать: одинъ день куда ни шолъ, да къ тому же и ночь, можетъ, не даромъ пройдетъ, свѣчку вѣрно дадутъ, стало быть, можно замѣтки свои нѣсколько въ порядокъ привести.

---

*) Интересно бы было знать: на сколько уменьшилась цифра сбыта колодъ картъ съ многознаменательнаго 19-го февраля? *Авт.*

— Одинъ денечекъ!

— Мнѣ, право, совѣстно!..

— Э!.. Ну, полно!

— Извольте!..

— Вотъ и славно! крикнулъ, обрадовавшись, мой новый хозяинъ: а вотъ сейчасъ и мои барышни придутъ, чтобъ вамъ не скучно было!..

— Очень вамъ благодаренъ.

— Да! Вы пьете водку?

— Д—да!.. Немного.

— Эй!.. Человѣкъ! крикнулъ еще болѣе обрадовавшійся баринъ,— человѣкъ!

Вышелъ лакей.

— Водки!

Человѣкъ пошелъ за водкой.

— Какъ радъ!.. Какъ радъ!.. Какъ радъ! въ сотый разъ твердилъ мой неожиданный хозяинъ.

— Очень благодаренъ, я въ свою очередь тоже въ сотый разъ повторялъ этому барину.

Принесли водку, въ двухъ, по обыкновенію, графинахъ: въ одномъ сладкая, въ другомъ горькая. При этомъ, разумѣется, на подносѣ были и грибы, и селедка, и копченая ветчина и т. д., что обыкновенно бываетъ для закуски при выпиваніи водки: такъ называемыя *спохмѣльныя кушанья.*

— Какую вы, Павелъ Ивановичъ, изволите водку кушать? ласково спросилъ меня хозяинъ.

— Горькую, Петръ Семеновичъ.

Мы выпили.

— Очень радъ! опять заговорилъ хозяинъ.

— Очень благодаренъ! опять затвердилъ я.

— А можно по другой? какъ-то заискивая, ласково смотря, спросилъ меня хозяинъ.

— И по другой можно!

Мы опять выпили.

— Да вы закусите хорошенько!..

Мы и закусили.

Когда было выпито и закушено довольно, стали влетать къ намъ въ залъ барышни—дочери... Да всѣ причесанныя, да всѣ приглаженныя, да всѣ опрятныя:—хоть сейчасъ въ столицу!... И куда дѣвалось это прежнее неряшество?! Я думаю, что онѣ не имѣли никакого желанія передъ разносчикомъ очень чиниться, а для самихъ ихъ чистота и опрятность были дѣломъ совершенно лишнимъ; но передъ человѣкомъ ихъ круга, за какого онѣ, повидимому, меня приняли, имъ неловко было явиться *неглиже*, а потому, воротнички на нихъ были безукоризненно чисты, а платья такъ и шурстѣли отъ крахмала.

— Пойдемте въ гостинную, сказала одна барышня, послѣ обычныхъ привѣтствій.

Мы съ барышнями пошли въ гостинную, а баринъ куда то скрылся.

— Ахъ, какъ вы насъ удивили, Павелъ Ивановичъ! залепетали одна за другой барышни.

— Позвольте узнать: чѣмъ?

— Да какъ же, Павелъ Ивановичъ!..

И какъ эти барышни узнали, что меня зовутъ Павломъ Ивановичемъ?.. Можетъ быть, догадливый человѣкъ и скажетъ какъ это онѣ узнали, но для меня это осталось тайною или, какъ говорилъ блаженныя памяти Кайдановъ: покрыто мракомъ неизвѣстности.

— Удивили! Удивили!

— Чѣмъ же?

— Пришли разносчикомъ! лепетала одна сестрица.

— Разносчикомъ! визжала другая.

— Разносчикомъ! подвизгивала третья.

— На это были причины, о которыхъ я уже имѣлъ честь объявить вашему батюшкѣ.

— Какія?.. Какія?.. Какія? сыпалось на меня со всѣхъ сторонъ.

Я сказалъ.

— Что, Павелъ Ивановичъ, въ сухомятку съ барышнями разговаривать?! закричалъ баринъ, входя въ комнату,—пойдемте-ка, выпьемте по одной: скоро обѣдать!

Я глянулъ на барина, баринъ также преобразился: изъ сальнаго халата онъ вылѣзъ и нарядился въ сюртукъ, и былъ — баринъ какъ баринъ, какъ быть должно.

— Пойдемъ-ка, выпьемъ!

— Пойдемте!

Мы въ залѣ выпили, закусили и опять вернулись въ гостиную къ барышнямъ, которыя хотѣли мнѣ что-то сказать, что ясно видно было, да не рѣшались.

— А у васъ, Павелъ Ивановичъ, мои барышни бѣлила да румяна, какъ слышно, покупали? заговорилъ баринъ, садясь на диванъ и пережевывая закуску.

— Да, торговали....

— Ахъ, какой вы, папа!

И это «ахъ какой вы, папа!», изъ десяти прекрасныхъ устъ, повторялось по крайней мѣрѣ разъ тридцать, а можетъ быть и гораздо, гораздо больше..

— Ха-ха-ха! ревѣлъ баринъ.

— Папа! папа! пищали барышни.

— Бѣлиться вздумали!... Румяниться вздумали! задыхаясь отъ смѣха, кричалъ баринъ.

— Не вѣрьте, не вѣрьте папѣ, Павелъ Ивановичъ, не вѣрьте! визжали несчастныя барышни.

— Я и не вѣрю!

— Нѣтъ?.. Ха-ха-ха! Не хотѣли бѣлиться, не хотѣли румяниться; такъ вы скажите Павлу Ивановичу: за какимъ дѣломъ вамъ понадобились и бѣлила и румяна! Ха-ха-ха, за какимъ дѣломъ? На что?

— Вѣдь вы знаете, папа!

— Ничего не знаю, рѣшительно отвѣчалъ папа, чтобы подзадорить дочекъ.

— Я вамъ скажу, Павелъ Ивановичъ, для чего, заговорила, потупившись, одна барышня.

— Ха-ха-ха! А ну, говори!

— У насъ есть кормилица...

— Кормилица!.. Ха-ха-ха!

— Которую мы всѣ любимъ, лепетала барышня.

— Ври, ври! бормоталъ баринъ.

— Видите, Павелъ Ивановичъ, у насъ есть кормилица, которую мы очень, очень любимъ, заговорила другая барышня,—а теперь...

— Что теперь? забормоталъ опять баринъ, захохотавъ во всю мочь.

— Теперь...

— Что теперь?

— Увидѣли у васъ бѣлила и румяна...

— Ну?

— Вотъ и хотѣли ихъ купить для своей кормилицы, которую мы очень любимъ, проговорила, зардѣвшись, барышня. — Это совершенная правда.

Я, какъ вѣжливый кавалеръ, совершенно съ этимъ согласился; не согласиться было съ этимъ совершенно невозможно: такъ убѣдительно она говорила.

— Повѣрьте, это для кормилицы, для кормилицы, Павелъ Ивановичъ!

— Да тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, отвѣчалъ я.

— Ничего необыкновеннаго, подтвердили почти въ одинъ голосъ всѣ барышни.

— Врите! крикнулъ папа.

— Какой вы, папа, право

— Толкуй!..

— Право, папа...

— Пойдемте, Павелъ Ивановичъ, выпьемъ водочки, да вмѣстѣ пообѣдаемъ, провозгласилъ баринъ, а то что съ дѣвками даромъ толковать!

— Пойдемте, пойдемте! отвѣчалъ я, чтобы какъ нибудь прекратить эту довольно оригинальную и тяжелую для всѣхъ сцену.—Пойдемте!

Мы пошли обѣдать. Пообѣдали. Послѣ обѣда меня не пустили, оставили ночевать, на другой день обѣдать и только послѣ обѣда я могъ пуститься опять въ дорогу.

На прощаньи я предложилъ барышнямъ для ихъ «кормилицы, которую онѣ такъ любятъ», по банкѣ бѣлилъ и румянъ.

— Сколько мы вамъ должны, Павелъ Ивановичъ? спросили меня барышни.

— Ничего вы мнѣ не должны, отвѣчалъ я, передавая свой товаръ.

— Какъ?!

— Да такъ,—ничего.

— Вѣдь эти банки вамъ что нибудь да стоютъ? опять заговорили барышни.—Что они вамъ стоютъ?

— Двадцать копѣекъ.

— Такъ, стало быть, мы вамъ должны все таки десять копѣекъ? конфузясь, отвѣчали барышни.

— Нѣтъ, ужь позвольте мнѣ ихъ не получать.

Барышни еще больше сконфузились.

Я простился и ушелъ.

III.

Мнѣ право жаль, что я не умѣю составить картину, имѣя подъ руками все: и содержаніе, и краски; и что у меня одного только недостаетъ, какъ сгруппировать въ одну картину все, что было у меня подъ рукой. Поэтому я буду продолжать свою небывальщину такъ, какъ началъ.

Дѣло было на святой недѣлѣ во владимірской губерніи; а въ этой губерніи, въ это время, часто бываетъ середина или, лучше сказать, начало весны: вездѣ въ поляхъ снѣгъ таетъ, прогалинки показываются, а въ вершинахъ (поорловски) или въ оврагахъ зажоры *) становятся.

---

*) Зажорами называется жидкій снѣгъ; вешняя вода въ оврагахъ разжижаетъ снѣгъ. *Авт.*

Я уже говорилъ, что я въ то время съ *коробкомъ* торговалъ; остановишься, бывало, въ какой нибудь деревнѣ, а уже изъ этой деревни свои походы дѣлаешь.

Вотъ пошолъ я въ походъ со своей стоянки, обходилъ нѣсколько деревень и поздно вечеромъ пошолъ на главную свою квартиру, только тутъ бѣда со мной случилась: надо было свернуть изъ деревни направо, а я пошелъ все прямо; шолъ, шолъ, — все деревни нѣтъ, а въ полѣ зги божіей не видать!.. Прошолъ я верстъ 5, 6... должно быть, и около десятка верстъ набралось, я все иду впередъ... Вышелъ я на торную дорогу и обрадовался: должно быть, жилье близко... Только радость моя была не долгая: не успѣлъ я спуститься подъ горочку, ступить шагу, какъ очутился выше пояса въ зажорѣ!.. Это меня озадачило!.. Вернуться назадъ, выскочить изъ зажора: опять придется идти столько же, да еще хорошо ежели столько же, а то пожалуй и въ ту деревню, изъ которой вышелъ, не попадешь... И немного думавши, я пошолъ впередъ... Зажоръ все глубже, все глубже... прошолъ я зажоромъ саженъ пять, выбрался на твердую дорогу. День-то былъ теплый, а къ ночи заморозило. Выскочилъ я изъ зажора, на мнѣ все платье заледенѣло... Выбравшись на твердую дорогу, сталъ я подниматься на гору... Вдругъ слышу лай собакъ... Э! думаю, деревня близко! Прохожу еще нѣсколько шаговъ—кабакъ! Я къ кабаку.

— Эй, хозяинъ, отопри! крикнулъ я, постучавши кулакомъ въ окно кабака.

— Кто тамъ? спросилъ меня цѣловальникъ изъ кабака, впрочемъ, не показывая на дѣлѣ, что онъ желаетъ всякому отворить кабакъ и отпустить водки. Закономъ запрещено водкой ночью торговать: въ бѣду попадешь.

— Отопри пожалуста!

— Да ты кто такой?

— Прохожій.

— Что-жь тебѣ надо?

— Бѣда случилась.

— Какая бѣда?

— Въ зажорѣ чуть не утонулъ.

— Въ зажорѣ?

— Ну да, въ зажорѣ.

— Это подъ горой?

— Ну да, подъ горой, отвѣчалъ я, едва переводя духъ отъ холода.

— Экой ты, братецъ!..

Съ послѣднимъ словомъ цѣловальникъ, не обуваясь, вскочилъ и проворно отворилъ мнѣ двери въ кабакъ.

— Иди сюда!.. Здѣсь темно, такъ ты по голосу иди!.. Иди за

мной,—говорилъ цѣловальникъ.—Сюда за мной! Я сейчасъ огонь выкрешу... вздую огонь...

Должно замѣтить, что это было около двадцати лѣтъ назадъ, а тогда фосфорныя спички еще не входили во всеобщее употребленіе.

— Иди сюда!

Мы вошли въ кабакъ.

— Сейчасъ огня достанемъ! заговорилъ ободрительно цѣловальникъ, и началъ добывать огня.

Въ минуту мой, Богомъ посланный на ту пору, хозяинъ и свѣчку зажегъ.

— Однако дѣло дрянь! сказалъ мой хозяинъ. — Право, парень, дѣло, какъ есть дрянь!..

— Да какъ видишь, отвѣчалъ я: просто весь смерзъ; боюсь, не простудиться...

— Какъ же тебя угораздило такъ?

— Дорогой ошибся.

— А ты откуда шолъ?

Я сказалъ.

— А, знаю!..

— Дай, пожалуйста, копѣекъ на пять водки! попросилъ я хозяина, который уже вертѣлся около полокъ, установленныхъ шкаликами, косушками, штофами, полуштофами...

— Какъ не дать?.. теперь водка первое дѣло!.. Выпьешь — согрѣешься: не выпьешь—согрѣнья ни отъ чего не получишь, потому не отъ чего...

— Потому-то и хочу выпить...

— На, пей! сказалъ цѣловальникъ, откупоривъ косушку и наливая въ стаканъ водку.

Я, зная кабацкіе обычаи: надо сперва заплатить деньги за водку, а ужь послѣ пить, сталъ доставать деньги.

— Да пей, парень! послѣ заплатишь!

— Все равно: сейчасъ отдамъ.

— Пей, тебѣ говорятъ! грозно уже крикнулъ на меня цѣловальникъ.

Я выпилъ, вынулъ пять копѣекъ серебромъ, разумѣется, мѣдными деньгами, и отдалъ цѣловальнику; только водка на меня не произвела рѣшительно никакого дѣйствія: такъ я перезябъ.

— Выпей еще стаканчикъ! обратился ко мнѣ цѣловальникъ, видя, что первый стаканъ не оказывалъ должнаго дѣйствія.

— Больше пить не могу!

— Денегъ, что ли, нѣтъ? таинственно, вполголоса спросилъ меня цѣловальникъ.

— Нѣтъ, не то...

— Я тебѣ, парень, отъ себя поднесу, еще таинственнѣй проговорилъ цѣловальникъ.

— Деньги у меня есть...

— Это все едино, а ты выпей еще стаканчикъ.

— Да, ей Богу, не могу!..

— Эхъ ты, озорная голова! крикнулъ на меня цѣловальникъ: говорятъ тебѣ: пей! такъ, стало быть, надо пить!.. Не стану я сдуру всякаго поить водкой!.. А тебѣ подношу: надо христіанскую душу отъ смерти спасти!.. Пойми ты...

— Ну, давай!..

Цѣловальникъ налилъ еще стаканъ, я выпилъ, и вынулъ изъ кармана еще пять копѣекъ и подалъ хозяину.

— Не надо, парень! объявилъ тотъ, не принимая отъ меня денегъ.—Право, не надо!..

— У меня же есть деньги...

— Ну, и слава Богу! держи про себя, настаивалъ цѣловальникъ:— держи, парень, про себя... Деньги всегда, парень, нужны...

— Спасибо тебѣ, хозяинъ, на добромъ словѣ, сказалъ я, а деньги ты все таки, какъ хочешь, а возьми.

— Да тебѣ жь говорятъ...

— Какъ хочешь, а, пожалуйста, возьми! и съ этими словами положилъ деньги—пять копѣекъ—на стойку.

Хозяинъ съ видимымъ неудовольствіемъ взялъ со стойки деньги и положилъ въ ящикъ.

— А ты вотъ что, хозяинъ, началъ говорить я: ежели хочешь для меня добро сдѣлать, пусти меня переночевать у тебя. Дорогъ я не знаю, я не здѣшній...

— Ну, нѣтъ, пареникъ, этого сдѣлать нельзя!..

— Отчего же?

— Заѣдетъ какой повѣренный!..

— Что жь за бѣда?

— Какъ, что за бѣда?.. Да тутъ такая бѣда — совсѣмъ пропадешь...

— Отъ чего жь пропадешь-то?

— Какъ отъ чего? У насъ строго наказано: въ кабакъ ни подъ какимъ тебѣ образомъ не пускать ночевать; а коли ты пустилъ кого ночевать къ себѣ въ кабакъ, то за это съ тебя большой штрафъ и изъ кабака вонъ... Вотъ что!.. А то для чего не пустить?!..

— Ну, стало быть, дѣлать нечего, прощай!.. спасибо за угощенье! сказалъ я, собираясь уходить.

— Да куда ты? постой!

Я остановился.

— Вотъ что я тебѣ скажу, пареникъ—заговорилъ цѣловальникъ:—

тутъ сейчасъ деревня; такъ ты ступай въ деревню... до деревни какихъ нибудь саженъ двадцать будетъ.

— Да въ эту пору въ деревнѣ-то, пожалуй, ночевать и не пустятъ, отвѣчалъ я.

— Оно точно: пожалуй и не пустятъ, медленно проговорилъ цѣловальникъ.

— Вотъ видишь ты...

— Однако, мы это дѣло поправимъ.

— Какъ же?

— Иванъ! крикнулъ цѣловальникъ.

За перегородкой что-то зашумѣло.

— Иванъ, мой батракъ, прибавилъ цѣловальникъ, обращаясь ко мнѣ:—онъ тебя проводитъ: ему отопрутъ.

Вышелъ изъ-за перегородки Иванъ.

— Вотъ, братъ Иванъ, проводи паренька, хоть къ Семену во дворъ, приказывалъ Ивану хозяинъ:—видишь, какъ убрался!..

— Гдѣ ты такъ отдѣлался? спросилъ меня Иванъ, позѣвывая и почесывая себѣ спину.

Я и Ивану разсказалъ.

— Ишь ты, грѣхъ какой! отвѣтилъ Иванъ.

Въ минуту Иванъ одѣлся.

— Прощай хозяинъ! сказалъ я, когда Иванъ былъ уже совсѣмъ готовъ провожать меня.—Спасибо за ласку; вѣкъ твоего добра ко мнѣ, хозяинъ, не забуду!

— Постой, погоди! сказалъ цѣловальникъ.

— Продрогъ ужь я очень...

— То-то! выпей еще.

— Нѣтъ, не могу.

— Такъ вотъ что: возьми съ собой шкаликъ—придешь въ избу, можетъ, и захочется выпить, въ избѣ и выпьешь.

— Ну, спасибо, хозяинъ, и съ этими словами я полѣзъ въ карманъ за деньгами—заплатить за шкаликъ.

— Говорятъ тебѣ: твоихъ денегъ мнѣ не надобно, крикнулъ на меня цѣловальникъ.—Береги деньги!..

— Да у меня есть...

— Ну, и славу Богу! Ступай!..

По рекомендаціи Ивана меня пустили въ Семенову избу. Я, весь мокрый, не переодѣваясь, залѣзъ на теплую печку, заснулъ и по-утру проснулся и сухой, и совершенно здоровый.

Этотъ случай не исключительный; стой этотъ фактъ отдѣльно—онъ бы не имѣлъ никакого значенія, и я выбралъ именно этотъ со мной случай, единственно потому, что здѣсь замѣшанъ цѣловальникъ; а цѣловальникъ по мнѣнію и народному, и всѣхъ людей жившихъ на Руси или хоть часто ее проѣзжающихъ—человѣкъ отпѣтый, которому не дорога

христіанская душа, который только и бьется изъ-за того, какъ бы побольше денегъ набрать, какъ бы съ міру христіанскаго послѣднюю рубаху снять, а тамъ хоть всѣ пропадай...

Не буду указывать на множество подобныхъ фактовъ, а укажу только еще на одинъ, по моему мнѣнію, тоже очень замѣчательный.

Ходилъ я въ Переяславскомъ (Залѣсскомъ) уѣздѣ; подвигался отъ Троицы и къ Ростову, и потомъ опять назадъ, вправо и влѣво, а въ Переяславлѣ мнѣ все какъ-то не удавалось побывать. Я былъ почти у самаго Ростова, и хоть путь мой лежалъ въ Ярославль, но все таки вернулся въ Переяславль: въ переяславской почтовой конторѣ я ждалъ получки, т. е. полученія писемъ, посылокъ, денегъ, которыя просилъ своихъ знакомыхъ посылать ко мнѣ въ Переяславль. Кончивши свои дѣла на почтѣ, я отправился въ трактиръ обѣдать. Кто странствовалъ по Россіи, не только по проселочнымъ дорогамъ, а хоть и по самому битому тракту, тотъ знаетъ, какъ трудно человѣку въ обильной Россіи быть сыту. Кто же не странствовалъ, въ качествѣ странника, по великой и обильной Россіи, тотъ рѣшительно не можетъ себѣ представить, чѣмъ насыщается православный людъ. Вѣроятно изъ моихъ читателей на половину не знаютъ, что такое—пустыя щи, поэтому я и берусь объяснить, какъ приготовляется это немудрое кушанье. Должно взять горшокъ, положить въ него сѣрой капусты (т. е. самаго дурнаго качества, не очищенной отъ верхнихъ, жесткихъ и песочныхъ листьевъ), налить воды; этотъ горшокъ съ капустой и водой поставить на огонь или на вольный духъ и кипятить до тѣхъ поръ, пока вамъ не надоѣстъ. Когда вамъ наскучитъ смотрѣть, какъ кипятъ ваши щи—эти щи готовы; вы должны вылить эти щи въ большую чашку, поставить на столъ, положить ложки и пригласить общество обѣдать; ежели вы достаточно богаты, когда всѣ усядутся за столъ, торжественно солите эти пустыя щи; ежели же вамъ достатокъ не позволяетъ такой роскошии то вы каждому члену общества даете по маленькой щепоти соли, которую онъ можетъ кушать съ чѣмъ ему угодно; но ежели у васъ есть корова, да къ тому же случится мясоѣдъ, то на всю семью вливаютъ въ эти пустыя щи нѣсколько ложекъ снятаго молока, а иногда и цѣльнаго; къ этому прибавляютъ по куску хлѣба, который зачастую имѣетъ способность горѣть пламенемъ и который, разумѣется, раздается непремѣнно каждому. Хоть около Ростова и лучше крестьянскій столъ, но все таки я обрадовался, войдя, послѣ долгаго поста, въ европейскій трактиръ...

— Что прикажете? спросилъ меня засуетившійся половой, изъ вѣжливости сильно подергивая плечами, а отчасти и ногами, и всѣмъ тѣломъ.

— А что у васъ есть? спросилъ я, садясь за столикъ, который въ туже минуту былъ покрытъ половымъ бѣлой, но не совсѣмъ чистой салфеткой.

— Все что прикажете...
— Что у васъ готово?
— Все что прикажете.
— Какой у васъ супъ?
— Сейчасъ узнаю.
— Узнай, пожалуйста!
Половой побѣжалъ и чрезъ минуту вернулся.
— Супу сегодня не готовили никакова, объявилъ онъ мнѣ.
— Не готовили?
— Не готовили.
— Отчего же не готовили?
— А такъ—не требуется.
— Какъ же ты говорилъ, что все у васъ есть? Я спросилъ супу—какова нибудь,—супу-то никакова и не оказалось у васъ.
— Супу точно не оказалось! почти съ удивленіемъ подтвердилъ мой половой.
— Нѣтъ ли котлетъ?
— Сейчасъ узнаю!..
Убѣжалъ опять половой.
— Нѣтъ, такова кушанья у насъ не готовятъ, объявилъ опять мнѣ, возвращаясь, половой.
— Что же у васъ есть?
— Все что прикажете, опять забормоталъ половой.—Все что прикажете: чай есть, водка есть...
— Чѣмъ же закусить?
— Закуска есть всякая...
— Да какая же? спросилъ я, начиная уже терять всякое терпѣніе.
— Какую прикажете... сельди есть... прикажете приготовить? Въ одну минуту...
— У васъ сельди!.. Сжарь пожалуйста селедку, сказалъ я, вспомнивъ, что Переяславль славится своими сельдями.
— Какъ сжарить? спросилъ меня, розиня ротъ отъ удивленія, половой.
— Прикажи пожалуйста сжарить въ сметанѣ.
— Да вѣдь этого нельзя!—замялся половой.—Этого нельзя... это выйдетъ не скусно...
— Въ Москвѣ я ѣдалъ переяславскихъ сельдей, выходило скусно, сказалъ я, не понимая хорошенько причины упорнаго отказа половаго мнѣ въ сельди.
— Вы кушали переяславскія, обрадовавшись, заговорилъ половой, а у насъ вѣдь не переяславскія: у насъ, изволите видѣть, сельди московскія... мы прямо изъ Москвы голландскія селедки получаемъ!
— Какъ изъ Москвы?

— Самыя, что ни на есть лучшія!.. настоящія голландскія, прямо изъ самой Москвы!

— Ты не готовь, а принеси сюда показать твои сельди, сказалъ я половому.

— Для чего не показать!

Половой пошелъ въ буфетъ, возвратился черезъ нѣсколько секундъ, неся на тарелкѣ ржавую селедку.

— Эта селедка не здѣшняя?

— Никакъ нѣтъ!.. Самая московская!

— Да мнѣ хочется здѣшней, переяславской селедки, все таки настаивалъ я.

— Мы селедки получаемъ изъ самой Москвы, твердилъ мнѣ половой:—изъ самой Москвы...

— А мнѣ нужно свѣжей переяславской!..

— Такой мы не держимъ.

И тогда я понялъ, что въ Москвѣ надо искать Переяславля, а въ Переяславлѣ Москвы.

— Можно селянку сдѣлать, таинственно мнѣ проговорилъ половой полушопотомъ.

— Давай хоть селянку!

— Постную?

— Нѣтъ, давай скоромную!

— Извольте.

Принесъ мнѣ этотъ половой селянку, вычурно вертя руками, поставилъ сковороду на столъ. Хлѣбнулъ разъ, другой — плохо... а какъ *голодъ не тетка*, то я всю ее съѣлъ.

Въ переяславскомъ уѣздѣ мнѣ дѣлать было нечего, я нанялъ вольныхъ лошадей до Ростова; тогда еще дорога отъ Москвы до Ярославля не была передана въ однѣ руки—содержателя вольныхъ почтъ. По дорогамъ, гдѣ существуютъ вольныя почты, вы не имѣете права, да почти и никакой возможности ѣхать иначе, какъ не на почтовыхъ; а потому вы поневолѣ должны брать *вольную почту*, и передвигаться съ мѣста на мѣсто съ скоростію *12 верстъ въ 18 часовъ*; тогда какъ эти 12 верстъ на вольныхъ лошадяхъ можно было проѣхать минутъ въ 40 и за гораздо меньшіе прогоны.

И такъ, я взялъ вольныхъ лошадей и отправился въ Ростовъ. Не успѣли мы отъѣхать нѣсколькихъ верстъ, какъ я почувствовалъ, что мнѣ мое лакомство въ переяславскомъ трактирѣ не проходитъ даромъ: сильныя спазмы въ желудкѣ заставили меня вспомнить, что я ѣлъ трактирную, да еще въ трактирѣ уѣзднаго города, селянку.

— Остановись на минуту! сказалъ я своему ямщику, который ѣхалъ такъ-себѣ, и не хорошо и не дурно.

— Что тебѣ? спросилъ ямщикъ.

— Да остановись!

Ямщикъ остановился. Я, охая и кряхтя, вылѣзъ изъ своей телѣги.

— Что съ тобой?

— Ничего, отвѣчалъ я.

— Какъ ничего? какъ-то не совсѣмъ привѣтливо отнесся ко мнѣ ямщикъ:—на тебѣ лица человѣческаго нѣтъ!

— Такъ, что-то понездоровилось...

— Понездоровилось?!...

— Ну, да!...

— Ахъ, дуй-те горой! съ большимъ уже озлобленіемъ крикнулъ на меня мой ямщикъ.

— За что-же ты сердишься?

— Чего не сказалъ, что болѣнъ?...

— Я былъ здоровъ.

— То-то здоровъ!.. теперь мнѣ что дѣлать прикажешь?

— Везти на станцію, а тамъ сдашь другому...

— Кто же тебя со станціи повезетъ?

— Отчего-же?

— А какъ издохнешь! Кому охота за тебя передъ судомъ въ отвѣтъ идти? кто захочетъ отвѣчать?

— За что же отвѣчать?

— Какъ не отвѣчать?.. затягаютъ по судамъ!

— Ну, пріѣдешь на станцію, я останусь на той станціи, сказалъ я, чувствуя всю справедливость доводовъ ямщика.

— На какой станціи?

— На которую пріѣдемъ.

— Да развѣ мы ѣдемъ на казенную станцію? Самъ знаешь: мы ѣдемъ не на казенную, ѣдемъ на свою, гнѣвно пояснялъ мнѣ ямщикъ.—А онъ говоритъ—на станцію!..

— Это все равно: какая бы ни была станція, на какую станцію пріѣдемъ, я тамъ и остановлюсь.

— Такъ тебя и пустятъ!..

— Отчего же?

— А издохнешь! крикнулъ на меня ямщикъ.—Мнѣ не охота за тебя отвѣчать, а другой пойдетъ подъ судъ! уже не такъ грозно, какъ насмѣшливо наставлялъ меня ямщикъ.

— Что-же дѣлать? спросилъ я ямщика.

— Что дѣлать! сказалъ ямщикъ и замолчалъ, сердито посматривая на меня.

— Вотъ что я придумалъ, сказалъ я ямщику, немного помолчавъ:— я вотъ что вздумалъ...

— Что вздумалъ?

— Тебѣ отвѣчать за меня не слѣдъ, продолжалъ я,—другому тоже; такъ оставь меня здѣсь, а самъ ступай домой: я какъ нибудь пе-

ребьюсь до завтра, а завтра, ежели не полегчаетъ, какъ нибудь доплетусь назадъ до Переяславля...

— Долго думалъ, хорошо и выдумалъ!! съ пренебреженіемъ сказалъ ямщикъ.

— Почему же не дѣло?

— Дѣло!.. какъ есть дѣло!

— Да вѣдь ты получилъ за станцію прогоны; мнѣ они не нужны, я ихъ не возьму назадъ: оставлю у тебя.

— Дѣло!.. Садись!...

— Все равно, я здѣсь останусь! сказалъ я, не влѣзая въ свою телѣгу.

— Что ты толкуешь!.. Гдѣ видано, чтобы христіанскую душу, при смерти, да еще глядя на ночь, покинуть въ чистомъ полѣ?!..

При помощи ямщика я влѣзъ въ телѣгу, мой ямщикъ тронулъ лошадей и мы буквально понеслись: вѣроятно не всякому курьеру удавалось такъ быстро ѣздить!

— Эхъ, вы, миленькія!.. крикнетъ ямщикъ и махнетъ на лошадей кнутомъ,—и лошади еще быстрѣй помчатся.

— Издохнешь!.. Какъ есть, издохнешь, скажетъ онъ, глядя на меня, и опять:—Эхъ, вы миленькія!

Мы мчались, не разбирая ни рвовъ, ни овраговъ, толчки были страшные, и эта ѣзда была въ то время для меня не совсѣмъ пріятна. При каждомъ толчкѣ я чувствовалъ страшныя боли; но остановить ямщика я не хотѣлъ: ему, видно, хотѣлось меня сбыть съ рукъ—боялся суда, а оставить на дорогѣ—тоже нельзя: христіанская душа въ чистомъ полѣ ночью погибнетъ.

— Издохнешь! Какъ есть издохнешь! скажетъ онъ, оглядываясь на меня, когда уже я сильно начну стонать.

— Да мнѣ теперь лучше...

— Видно!!...

— Мнѣ же лучше знать...

— Лучше!.. А посмотри-ко на себя!..

И опять:—«эхъ вы, миленькія!» Опять мы мчались, что было силы у лошадей...

— Что я тебѣ скажу, хозяинъ! ласково заговорилъ ямщикъ, немного пріостанавливая свою тройку.—Послушай меня, пожалуйста, хозяинъ.

— Изволь говорить; буду слушать.

— Можешь ты на самое малое времячко, хозяинъ, можешь ты помолчать, да не охать?

— Я не понимаю, о чемъ ты говоришь? отвѣчалъ я ямщику и въ тоже время охнулъ.

— Здѣсь охай, хозяинъ, здѣсь ничего...

— Гдѣ же не охать?

— А тамъ на селѣ... на самой той станціи-то, хозяинъ, не охать... вотъ что, хозяинъ...

— Почему же тамъ не охать?

— Не охай, пожалуйста, хозяинъ, на станціи то!.. Вѣдь всякъ, хоша и имѣетъ въ себѣ христіанскую душу, а и то сказать, всякъ суда боится, всякъ самъ себя бережетъ! Будешь охать,—кто тебя повезетъ? Повезти не повезутъ, ночевать тоже хвораго человѣка не пустятъ; что мнѣ тогда съ тобой будетъ дѣлать?!..

— Постараюсь, братецъ, не охать...

— Чѣмъ стараться, ты просто не охай!..

— Ежели смогу...

— Смоги немножко! упрашивалъ меня совсѣмъ жалобнымъ голосомъ ямщикъ:—сдамъ тебя единою минутою!

— Ну, хорошо!

— Смотри жь: не охать!.. Теперь охай сколько хочешь, а пріѣдешь на станцію ни-ни!..

— Хорошо, хорошо.

— Теперь, хозяинъ, сиди! Ямщикъ подобралъ возжи, махнулъ кнутомъ, крикнулъ: «эхъ, вы, миленькія!»—и мы, промчавшись версты двѣ во весь духъ, остановились у постоялаго двора, гдѣ мой ямщикъ хотѣлъ сдать меня другому.

Кто ѣздилъ на вольныхъ, тотъ знаетъ, какъ идетъ перепряжка лошадей: пока выпрягутъ старыхъ лошадей, пока сторгуется старый ямщикъ съ новымъ, пока запрягутъ новыхъ лошадей, проходитъ иногда болѣе часу. На этотъ же разъ не успѣли выпрячь лошадей изъ моей телѣги, какъ изъ воротъ постоялаго двора выѣхала свѣжая тройка. Мой ямщикъ торопилъ всѣхъ; только и было слышно, какъ онъ увѣрялъ дворника и ямщика:

— Да я же тебѣ говорю: хозяинъ хорошій, не обидитъ!.. Я же тебѣ говорю...

— Гдѣ вещи, хозяинъ? спросилъ меня, подъѣхавшій ко мнѣ, новый ямщикъ.

— Какія тебѣ вещи?! вступился за меня старый ямщикъ:—говорятъ тебѣ: вещей никакихъ нѣтъ—одинъ вотъ тебѣ мѣшочекъ—вотъ тебѣ и все...

— Семь рублей? спросилъ новый ямщикъ стараго, укладывая *мои вещи*—мѣшочекъ, и оправляя въ телегѣ, чтобы мнѣ было лучше сидѣть.

— Семь, отвѣтилъ старый ямщикъ, подсаживая меня въ телѣгу.— Семь рублей въ Ростовѣ получишь съ хозяина; хозяинъ добрый, не обидитъ!.. Я-жь тебѣ говорю.

— Какъ семь рублей? спросилъ я, садясь въ телѣгу:—развѣ ты не знаешь сколько?..

— Да какъ же, хозяинъ?! заговорилъ, оторопѣвъ, старый ямщикъ: вѣдь такъ договоръ былъ...

— Я по договору тебѣ всѣ деньги отдалъ, отвѣчалъ я:—за мной теперь всего осталось только два рубля.

— Какъ два?

— Только два рубля и осталось, настаивалъ я, думая, что мой ямщикъ хочетъ меня обмануть.

— Когда жь ты мнѣ отдавалъ деньги? спросилъ меня, озлобившись, ямщикъ; да и нельзя было не озлобиться: будь я здоровый человѣкъ, онъ бы нашелъ на меня расправу, а больнаго, да и еще при смерти больнаго, на какой ему судъ вести?

— Когда ты мнѣ деньги платилъ?

— Въ Переяславлѣ тебѣ при выѣздѣ, а прежде когда нанималъ тебя ѣхать въ Ростовъ, отвѣчалъ я.

— Сколько же ты далъ въ Переяславлѣ?

— Всего далъ три цѣлковыхъ.

— А за тобой теперь сколько?

— Два.

— Чего два?

— Два цѣлковыхъ.

— Такъ объ чемъ же ты толкуешь? обрадовавшись, спросилъ ямщикъ.—Я то что же говорю семь рублей,—два цѣлковыхъ развѣ не все едино?.. Экой голова!..

Тогда я только понялъ, что я считалъ на серебро, по новому, а мой ямщикъ на ассигнаціи, по старому.

— Старому ямщику на водочку, скинувши шапку и склоняя голову не то впередъ, не то на бокъ, сталъ просить старый ямщикъ.

Я сталъ доставать изъ кармана деньги, какъ то неловко повернулся, колики опять начались, я сильно охнулъ.

— Не надо, хозяинъ! Не надо! заговорилъ ямщикъ, испугавшись, что своими стонами дамъ знать, что я болѣнъ, а когда узнаютъ объ этой проклятой болѣзни,—никто и не повезетъ меня, и я останусь у него на рукахъ.

— Трогай, братъ! крикнулъ онъ новому ямщику:—я хозяиномъ и такъ много доволенъ!.. Останешься, братъ, доволенъ и ты: будешь, братъ, и меня, и хозяина послѣ благодарить!.. Съ Богомъ!..

Мы тронулись и тронулись во весь духъ... Предоставляю читателю размыслить: что со мной тогда было?..

— Нельзя ли, братъ, потише, сказалъ я ямщику, когда мы отъѣхали отъ станціи уже верстъ около пяти.

— А что? спросилъ, оборачиваясь ко мнѣ, ямщикъ.—Развѣ съ телѣги ты, хозяинъ, слѣзть хочешь?

— Нѣтъ, слѣзать не слѣзу, а ты все таки пожалуйста поѣзжай братъ, потише!

Съ версту мы проѣхали шагомъ, и я сталъ было хоть немного отдыхать, и почти уже сталъ забываться....

— Эхъ, вы, миленькія! гаркнулъ на тройку ямщикъ, и мы опять понеслись; я очнулся и застоналъ...

— Тише!... пожалуйста тише!...

— Да что съ тобой?

— Животъ, братъ, болитъ....

— И больно болитъ?

— Просто мочи моей нѣту!

— Ахъ ты, голова жь моя горькая! крикнулъ ямщикъ.—Ну, что я съ тобой, хозяинъ, буду дѣлать?..

— Вези въ Ростовъ.

— А какъ живой не доѣдешь?

— Доѣду, ничего!

И мой ямщикъ погналъ лошадей во весь духъ и, не слушая моихъ просьбъ, скакалъ всю дорогу.

— А куда, хозяинъ, везть? спросилъ меня ямщикъ, когда мы были уже близко Ростова.

— Вези на постоялый дворъ!

— Знакомыхъ развѣ у тебя нѣтъ въ Ростовѣ?

— Нѣту.

— Ахъ, ты голова моя горькая!..

Ямщикъ задумался и поѣхалъ шагомъ.

— Слушай, хозяинъ, что я тебѣ скажу, сталъ упрашивать меня ямщикъ заискивающимъ голосомъ:—Не ѣзди на постоялый дворъ.

— Гдѣ же я остановлюсь?

— Гдѣ хочешь!..

— Я и хочу на постояломъ дворѣ.

— На постояломъ не пустятъ!

— Отчего?

— Кому мило, другъ любезный, къ себѣ въ домъ мертвое тѣло принять?!..

— Я еще пока не мертвый...

— А издохнешь? съ сердцемъ закричалъ на меня ямщикъ,—издохнешь, тогда мертвое тѣло?

— Ну, тогда...

— То-то тогда!

— Что жь мнѣ дѣлать?

Ямщикъ задумался.

— А вотъ что, хозяинъ любезный, ласково уже сказалъ ямщикъ.— Я съ тебя, хозяинъ, и денегъ твоихъ за прогоны не возьму, только ты у заставы слѣзь, да попросись у будочника въ будку отдохнуть....

— Нѣтъ, слѣзть-то я слѣзу, а деньги, которыя тебѣ за дорогу слѣдуетъ, я все таки тебѣ отдамъ.

Мы подъѣхали къ шлагбауму, неизвѣстно для чего тогда стоявшему. Я вылѣзъ изъ телѣги и разсчитался съ ямщикомъ.

— Правду сказалъ, хозяинъ, твой старый ямщикъ: буду доволенъ и твоей милостью, и этимъ мошенникомъ—твоимъ то старымъ ямщикомъ!...

— Какую же правду?

— Я было за дорогу-то эту чуть самъ не издохъ!.. Вотъ какую сказалъ онъ правду!.. Самъ чуть не издохъ!..

— Это отчего?

— Отъ страху!.. Ну, думаю, какъ до дому живаго сѣдока не довезу:—пропала тогда моя бѣдная головушка!..

— Ну, извини, пожалуйста...

— Ничего!.. Прощай, хозяинъ!.. Выздоравливай!.. Охъ вы! крикнулъ онъ на лошадей и въ минуту скрылся изъ глазъ.

Я вошелъ въ будку. Было часа четыре утра, а потому часовой еще спалъ. Стражи сего города Ростова, да и всякаго града стражи, хорошо знали, что шлагбаума украсть не было никакой возможности; почему же этимъ стражамъ въ ночное время, снявши съ себя воинскіе доспѣхи, не отдаться Морфею? Ростовскій стражъ былъ въ объятіяхъ Морфея, когда я вошелъ въ будку.

— Кавалеръ, а кавалеръ! сталъ я будить стража, слегка толкая его подъ бока:—кавалеръ!..

Кавалеръ промычалъ.

— Да проснись же, кавалеръ!..

Кавалеръ наконецъ открылъ глаза.

— Пусти, пожалуйста, меня, кавалеръ, въ будку немного отдохнуть.

— Что тебѣ надобно? спросилъ меня кавалеръ, позѣвывая и лѣниво почесывая спину.

— Животъ разболѣлся—позволь немножко у тебя, кавалеръ, хоть немножко въ твоей будкѣ полежать...

— Вотъ больницу нашелъ!..

— Пожалуйста...

— Пошолъ вонъ!.. Развѣ здѣсь больница?

— Ну, если не хочешь пустить полежать, отведи меня куда знаешь...

— Нашелъ няньку!..

— У меня билета нѣтъ, я безпаспортный, съ отчаянія рѣшился я сказать стражу:—а безбилетныхъ ты долженъ ловить...

— Ночью?! насмѣшливо спросилъ меня стражъ.—Ночью тебя прикажешь ловить—что-ли?

— И ночью надо ловить.

— Дождешься! Ободняетъ хорошенько, тогда тебя, ежели ужъ тебѣ такъ хочется, тогда и поймаютъ.

Это рѣшеніе меня озадачило: какъ, въ самомъ дѣлѣ, дожидаться, пока хорошенько ободняетъ, и тогда меня арестуютъ, и то только ежели я самъ этого захочу? Я тогда въ этомъ ничего не понималъ,

теперь ничего не понимаю, да, думаю, и читатель ничего не пойметъ; даже могу прибавить, для большаго вразумленія, что это происшествіе истинное, не вымышленное.

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ я съ отчаяніемъ стража, такъ хитро понимавшаго свои обязанности.

— А что хочешь!

— Пусти хоть за деньги!

— А сколько дашь?

— Сколько тебѣ надо?

— Давай четвертакъ—пущу!

— Изволь, только, пожалуйста, положи меня куда нибудь, сказалъ я, обрадовавшись:—Пожалуйста поскорѣй.

— Давай деньги!

Я отдалъ ему четвертакъ.

— Постой же, братъ, я тебѣ соломки постелю, сказалъ часовой, засовывая куда-то четвертакъ.

Онъ постлалъ мнѣ соломки и я завалился на эту, не очень хитрую постель, а мой хозяинъ, уложивши меня, опять легъ и заснулъ.

Въ этой хороминѣ я пролежалъ почти цѣлый день; хозяинъ стражъ цѣлый день провозился съ шиломъ надъ какимъ-то сапогомъ; только временемъ добродушно подчивалъ меня то водкой съ перцомъ, то квасомъ съ солью, то обѣдомъ; и въ этомъ мирномъ гражданинѣ не замѣтно было никакихъ воинскихъ, приличествующихъ стражу, качествъ.

— Послушай-ка братъ, заговорилъ часа въ четыре будочникъ:— ты, я вижу, малый — простота! Теперь скоро придетъ квартальный; увидитъ тебя здѣсь, и тебѣ и мнѣ — морду раскваситъ... Возьми назадъ свой четвертакъ и ступай себѣ съ богомъ куда знаешь!.. Коли не будетъ мѣста, гдѣ переночевать, — приходи въ сумеркахъ опять сюда.

Сознавая всю силу его доводовъ, а къ тому же чувствуя себя гораздо лучше, я согласился съ его мнѣніемъ.

— Прощай, кавалеръ! сказалъ я, выходя изъ будки.

— Прощай, братъ, не поминай лихомъ! отвѣчалъ кавалеръ.—Не пріютишься нигдѣ, милости просимъ опять къ намъ.

Колики мои унялись, и я, походя по Ростову около часа, направилъ свой путь къ Угличу.

Не успѣлъ я отойти отъ города и полуверсты, какъ опять схватили меня колики, и до того сильныя, что я упалъ на землю... Коекакъ я добрался уже въ сумерки до какой-то деревни, верстахъ въ двухъ-трехъ отъ Ростова... У крайней избы лежала колода, и я повалился на эту колоду. Около избы играли дѣти, чуть ли не со всей деревни туда собравшіяся.

— Э! э! четвероглазый!.. четвероглазый! со всѣхъ сторонъ обступивши меня, закричали мальчишки.

Должно замѣтить, что я, собравшись осматривать Ростовъ, надѣлъ очки, да и забылъ ихъ снять при входѣ въ деревню.

— Четвероглазый! четвероглазый! сыпалось на меня.

— Скажите, братцы, кому постарше, обратился я къ дѣтямъ съ просьбой.—Скажите, что больной пришелъ: не пустить ли кто переночевать меня?

— Четвероглазый!... четвероглазый!...

— Эхъ, вы, ребятки! сказала одна дѣвочка лѣтъ 11—12: — эхъ, вы, ребятки! Грѣхъ, большой грѣхъ смѣяться надъ больнымъ человѣкомъ!...

Съ этими словами дѣвочка скрылась, и ребятки присмирѣли: перестали кричать и довольно дружелюбно на меня посматривали.

Черезъ нѣсколько минутъ эта дѣвочка привела ко мнѣ свою мать—женщину лѣтъ за тридцать.

— Что, другъ, болѣнъ? спросила меня женщина, дотронувшись слегка до моего плеча.

— Болѣнъ, матушка.

— Пойдемъ къ намъ въ избу, у насъ въ избѣ ты и переночуешь...

— Спасибо, матушка!

— Не за что, пойдемъ!

Мать съ дочерью помогли мнѣ привстать, отвели къ себѣ въ избу, положили на постель и цѣлую ночь—то ставили мнѣ горшки на животъ, то прикладывали къ животу горячую золу.

— Слушай, другъ, сказала мнѣ хозяйка, когда уже взошло солнце:—ступай отъ насъ куда знаешь!

— Это же отчего? спросилъ я, никакъ не ожидая отъ этой радушной женщины такого предложенія.

— Да такъ, ступай!...

— Отъ чего же?

— Избави Господи—умрешь у насъ, придетъ мой хозяинъ домой, какъ собаку меня изобьетъ!..

Дѣлать было нечего,—я отправился въ путь, и на этотъ разъ не останавливаясь; горшки, зола ли помогли, только я выздоровѣлъ.

IV.

Шелъ я путемъ дорогою, стороною незнакомою; попался я на свадьбу—на дѣвичникъ. Свадьба была не а̀хти мнѣ: мужикъ—хозяинъ былъ не богатый, а я, относительно, былъ богачъ. Самъ собою, безо всякой просьбы, купилъ я полведра водки и за каждую пѣсню, которою величали меня дѣвки, платилъ по пятаку (тогда деньги ходили на ассигнаціи). А потому меня считали за большаго гостя. Помню, какъ теперь, дѣвки величали меня такъ:

А и кто у насъ
Большой набольшій?
Большой набольшій
Воеводою?
Воеводою
Да и Павлушка,
Большой набольшій
Да Ивановичъ.
Пріѣзжаетъ онъ
Въ свою вотчину;
Онъ и въ вотчину
И во дѣдину.
Онъ и судъ даетъ
Все по правдѣ-то:
Онъ и съ правова
Беретъ сто рублей,
Съ виноватова
Беретъ тысячу;
А съ доносчика,—
Что и смѣты нѣтъ!

Когда дѣвушки нашли у меня такіе *досуги*, то послѣ меня спросили на голосъ:—

Слышалъ ли, Павелъ сударь?
Слышалъ ли, Ивановичъ?
Про тебя мы пѣсню пѣли,
Про твое ли про досужество!...

Этотъ спросъ, разумѣется, сопровождался поднесеніемъ тарелки, на которую я положилъ опять таки пятакъ.

— А ужъ мы тебя, Павелъ Иванычъ, теперь величать не станемъ, шепнула мнѣ одна дѣвушка.

— Отчего такъ?

— Нельзя, другіе гости обидятся; тебя и такъ больше всѣхъ величали.

— Да Христосъ съ вами! величайте кого хотите; лишь бы весело всѣмъ было.

— Нѣтъ, мы гостей не станемъ величать теперь: надо жениха съ невѣстою.

И запѣли, какъ матушка родная уговаривала свою доченьку посадить мила дружка на кроватушку,

Разговоры разговаривать,
Про его родню разспрашивать.

Добрый молодецъ (по пѣснѣ), тряхнувъ кудрями, такъ отвѣчалъ:

У меня семья веселая!
У меня родня богатая:
По губерньямъ—губернаторы,
По уѣздамъ—все исправнички,
А по меламъ—славны головы!

Пропѣли, тогда стали отецъ-мать благословлять жениха-невѣсту иконой.

Пало перо
Перо легкое!
То не перо
То не легкое:
Палъ Иванъ,
Палъ Ивановичъ,
Передъ образомъ,
Богородицей,
Всепречистою;
Передъ батюшкой
Да родименькимъ,
Передъ матушкой
Да родимой-то!
А и всѣмъ имъ—
Слава—по ровну!..

Стало быть конецъ и дѣвичнику...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Долго ли, коротко-ли, а дѣвичникъ справили и надо искать ночлега. Мои собесѣдники, кто вполпьяна, а кто и совсѣмъ пьянъ; какъ тамъ ни разговаривай, а оставаться нельзя: надо было или цѣловаться, или драться; я же въ то время не имѣлъ охоты ни къ тому, ни къ другому, а потому счелъ за лучшее—уйти.

Опять пошелъ я стороною незнакомою... А ночь—хоть деньги считай!... Вышелъ я изъ избы и пошелъ въ городъ. Только что я вышелъ на дорогу—мнѣ большой обозъ порожнякомъ по пути.

— Путь во Богѣ! крикнули изъ обоза мнѣ.

— Путь во Христѣ! отвѣтилъ я, снявши шапку и поклонившись міру.

— Куда Богъ несетъ?

— Въ городъ.

— Въ городъ?

— Да, въ городъ.

— Садись! Мало подвеземъ, заговорили мужики:—садись... садись, мало подвеземъ.

Я сѣлъ.

— Отколь, человѣкъ? спросилъ меня мужикъ, съ которымъ я сѣлъ на сани.

— Изъ-подъ Москвы.

— А! Изъ-подъ Москвы?

— Изъ-подъ Москвы?...

— Ну, да, изъ-подъ Москвы.

— Гм... гмъ...

— А вы откуда?

— А мы изъ Жигаловки! отвѣтилъ тотъ съ достоинствомъ.

— Гдѣ эта Жигаловка?

Мужикъ посмотрѣлъ на меня не то съ презрѣніемъ, не то съ недоумѣніемъ.

— Гдѣ Жигаловка?

— Да, гдѣ Жигаловка?!

— Жигаловка?

— Да, Жигаловка.

— Да развѣ въ Москвѣ не знаютъ про Сергѣя Жигаловскаго?

— Можетъ и знаютъ; только я не слыхалъ.

— А вотъ какой у насъ Серега: дай ему цѣлковый: «поди за водкой!» — «Я водки не хочу!...» А водку любитъ: — во! Душа!.. «Да пожалусто... душа!..» Слѣзетъ съ печки: «Ну, дай пошлю...»—Выйдетъ на крылечко, посмотритъ: есть кто, пошлетъ, а нѣтъ—самъ ни за какія тысячи не пойдетъ.

— Ужь будто и совсѣмъ не пойдетъ? спросилъ я, будто не довѣряя его словамъ.

— Да ты знаешь, какъ онъ живетъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— А вотъ какъ: живетъ онъ въ лѣсу... Дрова, значитъ, рукой подать... Палкой швырнуть—докинешь... Холодно въ избѣ, дѣться не куда. Онъ пойдетъ, дровъ нарубитъ, печку стопитъ. Станетъ въ избѣ холодно, онъ на печку взлѣзетъ; на печкѣ холодно, онъ въ самую печку проползетъ! Вотъ какой! Станетъ холодно въ печкѣ, онъ опять дровъ охапку нарубитъ Вотъ какой!.. А въ Москвѣ будто не знаютъ Жигаловскаго Серегу?

— Должно быть знаютъ, недовѣрчиво отвѣчалъ я:—только я не знаю.

— Вѣрное слово говорю: знаютъ.

Мы немножко помолчали.

— А вы куда ѣдете? спросилъ я моего спутника по дорогѣ.

— А мы въ лѣсъ ѣдемъ, *любящій* *) человѣкъ; въ казенный лѣсъ...

— Зачѣмъ?...

— А дровецъ нарубить.

— Лѣсъ-то казенный?!

— Казенный, другъ любящій!

— Братцы, дѣло плохо!

— А чѣмъ плохо?

— Лѣсъ-то казенный, а не твой!? По закону будетъ это кража.

— Вона, куда заѣхалъ!..

— Да какъ же?

— Ворами насъ не обзывай! Мы не воры! спроси по околодку: былъ у насъ воръ?

— Да это хоть и такъ...

— А какъ же?

— Вѣдь лѣсъ-то казенный?

— А садилъ лѣсъ-то кто нибудь? Твой лѣсъ-то садилъ кто?

— Да... ты...

— То-то и есть. Божья благодать — для всѣхъ, какъ есть для всѣхъ!

— Ты должо́нъ возчувствовать! заговорилъ убѣдительно старикъ, одинъ изъ обоза.—Ты это возчувствуй: кто работаетъ, тому за работу, за его потъ значитъ, и плата идетъ. Вотъ къ примѣру пахотьбу взять: ты вспахалъ, взборонилъ, засѣялъ; опять запахалъ; ждешь цѣлый годъ, что Господь зародитъ. Зародитъ Господь—не вотъ возьмешь!... А ты

---

*) Эта форма глагола *любящій* мнѣ встрѣчалась нѣсколько разъ въ Орловской, Рязанской, Тульской, Воронежской губ., частію въ Калужской., вообще въ черноземной полосѣ. И мнѣ кажется, что не можетъ быть болѣе комплимента, какъ сказать, что ты такой человѣкъ, который можетъ *любить*. *Авт.*

ее въ самое горячее времячко сожни, свяжи, да въ копны положи... Вотъ ежели тѣ копны взять — кража!.. За эту кражу передъ Богомъ отвѣтъ должо́нъ будешь держать!... Для того должонъ будешь отвѣтъ держать, что здѣсь, на той копнѣ, потъ, кровь человѣчья лежитъ... Я работалъ, трудился, ночей не досыпалъ, а ты взялъ ее матушку да и поднялъ! Мои слезы на тебѣ взыщутся!.. А лѣсъ, ты говоришь: кто его садилъ?—Богъ!—Кто его берегъ-ростилъ?—Все таки Богъ!.. Такъ ты не моги говорить, что твой лѣсъ: лѣсъ Божій!.. Спроси у стариковъ: «Чей лѣсъ?»—Лѣсъ въѣзжій! скажутъ тебѣ тѣ старики.

— Какъ въѣзжій?

— А такъ въѣзжій: кто значитъ въѣхалъ въ лѣсъ, тотъ и руби.

— А поймаютъ? спросилъ я, удивляясь такого рода доводамъ.

— А поймаютъ: знамо дѣло! Поймаютъ, хоть въ казенномъ лѣсу, хоть въ барскомъ, подъ отвѣтъ попадешь, для того, что не всѣмъ это понятно... Попадешься—судить станутъ.

— А когда попадешься?! возразилъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, повидимому надѣявшійся на себя.

— Все въ *руцѣ* Божіей, отвѣчалъ разказчикъ: — все въ руцѣ Божіей!

— Я тебѣ, парнюга, разскажу дѣло, заговорилъ одинъ торопливый мужиченко: — разскажу дѣло, такъ дѣло! Тридцать лѣтъ воровали всѣмъ міромъ: всему міру хорошо было; одинъ изъ міру воровать не хотѣлъ—сколько муки отъ господъ перетерпѣлъ—чуть въ Сибирь не угодилъ!

— А какъ такъ?

— А вотъ какъ: былъ баринъ, а у того барина лѣсу — что и Господи мой!.. Тотъ баринъ и объявляетъ: «кто возьметъ изъ лѣсу хворостинку, тому закачу сто хворостинокъ куда слѣдуетъ; а кто вырубитъ бревно,—тому выну изъ бока ребро!»—Ну, хорошо!.. Вотъ пріѣзжаетъ къ тому барину одинъ благопріятель. «Такъ и такъ, говоритъ барину тому благопріятель:—ты за твоимъ лѣсомъ ночей не спишь; а лѣсъ твой твои же мужики, какъ косой, косятъ!»—А тотъ благопріятель былъ тоже баринъ, сосѣдъ тому барину, и хотѣлъ онъ тайкомъ попользоваться изъ сосѣдскаго лѣсу, да мужики свои не допустили:—«Нашъ, говорятъ, лѣсъ!»—А сосѣдъ-то говоритъ:—«Не вашъ лѣсъ, а барскій»!.. Сколько тамъ ни говорилъ, а мужики сосѣду лѣсу не дали! Вотъ сосѣдній помѣщикъ озлился да и донесъ тому барину. Баринъ сейчасъ за старосту!—«У тебя лѣсъ воруютъ!» крикнулъ баринъ... Что ужь было старостѣ: одинъ Богъ вѣдаетъ!..—«У тебя лѣсъ мой воруютъ!» кричитъ баринъ. А староста одно твердитъ: — «Никакъ нѣтъ-съ! Ни одного прутика вывезти никто не смѣетъ!»—«Поѣдемъ къ лѣсу!» кричитъ баринъ. А староста ужь знаетъ свое:—«Поѣдемте, говоритъ, сударь!»—«Вели сѣдлать мнѣ лошадь!..» Осѣдлали барину лошадь, поѣхалъ; староста за нимъ. Поѣхали къ лѣсу. Только не доѣзжая до

лѣсу съ версту, а то можетъ и меньше, баринъ остановился, смотритъ: лѣсъ стѣной стоитъ! Повернулъ лошадь, назадъ. — «Ступай за мной»! крикнулъ онъ старостѣ, да во всѣ лопатки домой, а староста за нимъ!.. Пріѣзжаютъ они домой. — «Я тебя, староста, говоритъ баринъ, истязалъ—вотъ тебѣ награжденіе» —и даетъ старостѣ цѣлковый. Пріѣзжаетъ къ барину другой сосѣдъ, начнетъ говорить про лѣсъ—тотъ же исходъ. Подумали сосѣди, подумали: изъ доносовъ толку нѣтъ, одна только съ бариномъ остуда — и бросили!.. Выбудетъ одинъ староста, назначитъ баринъ другаго, и тому наказъ:—«за лѣсомъ смотри, за хворостину—сто хворостинъ; за бревно—ребро; а не будешь ты, староста, смотрѣть: тебя на поселеніе, всѣхъ твоихъ дѣтей въ солдаты, а дворъ твой весь разворочу!» Смѣнился одинъ староста, смѣнился другой, нашло время быть старостой мужику степенному, Василіемъ Петровичемъ звать. А Василій Петровичъ былъ мужикъ степенный: передъ Богомъ не совретъ. Баринъ ему опять свои рѣчи; «Береги лѣсъ; не то домъ твой раззорю, тебя въ Сибирь пошлю, дѣтей твоихъ въ солдаты отдамъ!» —Василій сперва на перво барину въ ноги: — «Освободи ваша милость отъ начальства!..» —Только баринъ и слышать не хотѣлъ.—«Ты, говоритъ, мнѣ рабъ, а я тебѣ баринъ; что захочу, то изъ тебя и сдѣлаю: захочу старостой—старостой и будешь! Захочу свинопасомъ—будешь и свиней пасти!..» Что подѣлаешь?! А баринъ былъ нравный!.. «Коли такъ, говоритъ новый староста, такъ извольте, говоритъ, лѣсъ осмотрѣть, да и сдать мнѣ».—«Я, говоритъ баринъ, лѣсъ осмотрѣлъ не такъ давно».—«А что въ томъ лѣсу дѣлается, спрашиваетъ староста, что въ томъ лѣсу вы видѣли?» «Тамъ въ лѣсу благополучно», говоритъ баринъ.—«Будь благополучно, говоритъ староста, всею душею взялъ бы беречь ваше барское добро, а слушая вашъ грозный наказъ, долженъ сказать, что лѣсу, почитай, что и нѣту!» — «Какъ!» —крикнулъ баринъ. Полетѣлъ къ лѣсу, опять не доѣзжая версты — видитъ, лѣсъ стоитъ. Вернулся домой—за новаго старосту!—«Цѣлъ лѣсъ?» спросилъ баринъ старосту, расправившись съ нимъ.—«Почесть весь вырубленъ»... Опять за расправу!.. Староста все свое: «вырубленъ, да вырубленъ!» — Сколько баринъ ни бился, староста все свое: «вырубленъ лѣсъ; почесть ничего не осталось!» —Барина зло взяло...—«Снарядить, говоритъ, подводчиковъ!..» Снарядили подводчиковъ, посадили старосту, баринъ далъ такую бумагу, чтобъ старосту въ Сибирь послать, и поѣхали въ городъ. Только привозятъ Василія Петровича въ городъ, старосту-то этого, къ исправнику, а на счастье Василія исправникъ-то его зналъ: дѣла съ нимъ по своему имѣнію дѣлывалъ, чаями Василія Петровича паивалъ. Какъ увидатъ исправникъ Василья-старосту въ кандалахъ, такъ ажно ахнулъ!..—«Ты, говоритъ, какъ ко мнѣ такимъ манеромъ попался?—За какую такую вину?» —Василій стоитъ, молчитъ.—«За какую такую вину? допытывается исправникъ: можетъ, кто на тебя облыжно донесъ?»—«Нѣтъ, говоритъ Василій Петровичъ:—я отъ міра не отказчикъ, на

міръ не доносчикъ, такъ и міръ про меня дурнаго ничего не скажетъ».— «Такъ за что же?»—«Баринъ приказываетъ лѣсъ хранить—соблюдать»...—«Да вѣдь лѣсу нѣтъ»! говоритъ исправникъ; и ужъ всѣмъ было въ округѣ извѣстно, что лѣсъ изведенъ.—«Я такъ и докладывалъ его милости».—«А онъ?»—«А онъ»... «Ну того не вернешь! сказалъ исправникъ, а теперь поѣдемъ къ твоему барину». Посадилъ исправникъ старосту съ собой въ сани, а все въ кандалахъ, привезъ къ помѣщику.— «За какую такую вину, спрашиваетъ барина исправникъ, чѣмъ провинился передъ вами Василій Петровъ, что вы его посылаете въ Сибирь?»—«А такъ и такъ, говоритъ баринъ, я самъ вижу, лѣсъ, а онъ говоритъ, что лѣсъ почесть весь вырубленъ!»—«Не напрасно ли наказываете?» —«Какое напрасно!..»—«А поѣдемте, посмотримте, говоритъ исправникъ.—«Поѣдемте, говоритъ баринъ, да возьмемте и «Ваську». Поѣхали, взяли и Ваську, то есть того Василія Петровича.—«Видите лѣсъ?» спрашиваетъ баринъ исправника, подъѣзжая къ лѣсу.—«Ничего не вижу!» говоритъ исправникъ. — «Какъ?» — «А такъ: въѣдемъ въ лѣсъ, тамъ посмотримъ.»—Въѣхали въ лѣсъ, а лѣсу то и нѣтъ!.. только для виду одна опушка оставлена, чтобъ барину лѣсъ былъ видѣнъ, а въ лѣсу не то, чтобъ порубка воровски воровалась, а порубка на хозяйскую ногу пошла: срубы рубили, доски пилили!..—«Кто жь это?» спросилъ баринъ исправника.—«Да все ваши мужички», говоритъ исправникъ.—«Кто именно»? опять спросилъ баринъ ужъ у Василія Петровича.—«Да всѣ!»—Поѣхали, по деревнѣ: у всякаго мужичка въ каждомъ дворѣ на продажу и доски напилены и срубы порублены...

Тутъ только баринъ опомнился: простилъ Василія Петровича, поцѣловалъ въ голову и рубль серебрянный далъ, а все-таки старостой оставилъ.

— Вотъ видишь, правда свое взяла! сказалъ я, когда разсказчикъ кончилъ.

— Взяла! пробормоталъ одинъ.

— А не болталъ бы—лучше бы было, проговорилъ другой.

— Нечего говорить, подтвердилъ третій:—для обоихъ было бы лучше.

— Какъ для обоихъ?

— А такъ для обоихъ: и для барина было бы хорошо, и для Василія; а я еще скажу, что и для третьяго—для барщины.

— Я что-то не пойму...

— А вотъ понимай: у барщины былъ бы лѣсъ; Василія того бы не мучили; а барину тотъ лѣсъ былъ не надобенъ, коли онъ потребенъ былъ ему на поглядку: смотри сколько душѣ угодно! Всѣмъ было добро!

— Барину-то какое же добро: вѣдь его же лѣсъ вырубленъ?

— Лѣсъ Божій!

— Ну, а ежели я его купилъ? спросилъ я, желая во что бы то ни стало переспорить такое удивительное рѣшеніе.

— А... купилъ, дѣло другое; тамъ твоя кровь, ты свои кровныя деньги заплатилъ; ты тамъ караулъ поставишь!.. Тамъ прутика не возьмешь!

Пока мы калякали, то поднимаясь пѣшкомъ на гору, то садясь опять на одни изъ саней, прошло болѣе часу; мои попутчики стали сворачивать съ большой дороги на проселокъ.

— Дай Богъ вамъ часъ! сказалъ я, раскланиваясь съ ними.

— Тебѣ — путь дорога! изъ всей толпы робко отозвался одинъ голосъ.

— Прощайте.

— Богъ по пути! промолвилось какъ будто по обычаю.

— А ты куда идешь? рѣшительно спросилъ меня одинъ.

— Да я уже говорилъ, что иду въ городъ, отвѣчалъ я.

— А по скорому дѣлу?

— Нѣтъ, спѣшить мнѣ некуда, опять отвѣчалъ я на тотъ спросъ.

— А некуда, поѣдемъ съ нами.

— Время, братцы, позднее; теперь пока до города дойду—спать можно.

— Какъ не можно.

— Время ночное, гомонили мужики одинъ за другимъ.

— А хоть и позднее время, рѣшительно объявилъ мнѣ все тотъ же мужикъ, который сталъ первымъ меня допытывать:—время хоть и позднее, а ты пойдемъ съ нами.

— Это зачѣмъ?

— А чортъ тебя знаетъ, что у тебя на умѣ! Пойдешь въ городъ, да объявишь... что тогда подѣлаешь!

— А ты, другъ любезный, пойдемъ съ нами; мы тебѣ вреды никакой не сдѣлаемъ, а мы будемъ, другъ любезный, безъ опаски.

Дѣлать было нечего, я поѣхалъ съ ними.

— Тебѣ здѣсь дѣлать нечего, сказалъ мнѣ одинъ изъ добродушнѣйшихъ воровъ:—такъ ты садись на пёнышекъ, да трубочку покури.

Я такъ и сдѣлалъ: сѣлъ на пень, закурилъ трубку и посматривалъ, какъ воры возьмутся за свои промыслы.

— А, ну съ Богомъ! сказалъ одинъ.

— Съ Богомъ! проговорили другіе.

Мужики помолились на востокъ и принялись рубить лѣсъ.

— Какое древо ты валишь? крикнулъ одинъ изъ воровъ на другаго.

— А развѣ не видишь!

— Да что видѣть-то?

— Древо...

— Древо. А какое древо?

— Вотъ ты съ нимъ и разговаривай! заговорилъ со мной му-

жикъ:—дерево—дрянь! Какъ есть дрянь! Гниль, одна гниль! А онъ его съ корня снимаетъ!..

— Да ну, ладно! По мнѣ все равно, оправдывался виновный;—я думалъ, древо не годное...

— А тебѣ годно?

— Ну, да все равно.

И съ этими словами онъ сталъ валить мачтовый дубъ.

— Опомнился!

— Ну, полно, не пили ты меня: самъ вижу, что оплошалъ.

— Оплошалъ, А тутъ дѣло спѣшное!..

Только мой резонеръ стукнулъ разъ топоромъ, стукнулъ другой, и подошелъ ко мнѣ:

— Вѣдь вотъ человѣкъ! Ему всякое древо подъ топоръ идетъ, а онъ выбираетъ, что ни есть самое лядащее!..

— Да на дрова вѣдь и то дерево, кажись, годилось бы:..

— Какъ не годиться!

— Ну, такъ что жь?

— Да время дорого!

— Въ этомъ дѣлѣ, пожалуй, я тебѣ и не повѣрю: было бы время дорого, ты бы рубилъ дрова, а то вотъ ты со мной калякаешь.

— А для чего не калякать?

— Время дорого.

— За нами не гонятъ!

Какъ бы то ни было, а дровъ не спѣша нарубили сколько надобно.

Нарубили дровъ, поклали на воза, увязали, стали собираться въ городъ.

— А ты пойдешь съ нами? спросили меня, тронувши лошадей.

— Разумѣется съ вами, отвѣчалъ я.

— А куда-жь идти, какъ не съ нами? заговорили мужики.

— Да вѣдь теперь вамъ бояться нечего, сказалъ я имъ: — вѣдь теперь хоть доноси начальству, хоть нѣтъ, что вы рубили дрова, вамъ все равно...

— Намъ все едино, все едино!

— Такъ для чего-жь съ вами-то?

— Да для тебя не такъ бозязно..

— Тебя съ нами ни кто не обидитъ!

Стали выѣзжать изъ лѣсу на большую дорогу, я пошелъ рядомъ съ однимъ мужикомъ. Разговорились мы съ нимъ, какъ кому живется, какъ у кого жизнь бываетъ.

— Моя, братъ, жизнь — изъ жизни жизнь! Со мной дѣлывались такія тоски-печали, что какъ станешь вспоминать—все нутро воротитъ!

— Коли такъ горько тебѣ вспоминать про бывалое, сказалъ я:—такъ нечего объ томъ и говорить; что старыя раны разбереживать?

— А я вотъ какое тебѣ слово скажу, другъ ты мой любезный...

Добро ужъ ты мнѣ какъ-то по душѣ пришелся: какое тебѣ слово скажешь, слово душевное, то слово у тебя въ душѣ, въ твоей душѣ то слово отзывается!.. Вотъ что я тебѣ скажу: вспомнишь про свою жизнь, я тебѣ сказалъ—нутро воротитъ, а все, кажется, только про то бы и толковалъ. А знаешь, отчего все это бываетъ?

— Да, братъ...

— Нѣтъ, вотъ я тебя, братъ, еще спрошу: любилъ-ли ты свою прежнюю полюбовницу, какъ сестру свою родную? Сестру родную отъ одного съ тобой отца-матери?

— Что-то ты загадочно говоришь...

— То-то загадочно!.. Для тебя загадочно, а для меня быль... да такая быль, что вспомнишь и самъ не знаешь, что на сердцѣ дѣлается: и жутко становится, и радостно-то!...

Мы помолчали нѣсколько минутъ, а можетъ быть и четверть часа.

— Ты знаешь, какъ я женился? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, не знаю.

— Не знаешь. Вотъ я тебѣ разскажу. Въ нашей деревнѣ нашъ первый дворъ: и хлѣба всегда вволю, и лошади, и скотина всегда противъ людей водилась, да и теперь, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, отъ людей не отстаемъ. А я и теперь, какъ видишь, все-таки впередъ людей гляжу; а былъ молодъ: первое разъ — изъ богатаго дома, другое—изъ себя парень красовитый былъ; ну, и тоже надо сказать, работа изъ рукъ не валилась: косить, что ли тамъ, — всегда передомъ иду. Вотъ по этому то самому случаю первымъ женихомъ по деревнѣ, почитай, считался я: всякой дѣвкѣ хочется и въ дворъ хорошій пойти, хоть за какого ни-на есть лядащаго; а тебѣ я про себя уже разсказывалъ, стало, и болтать объ томъ дѣлѣ больше нечего. Вотъ было мнѣ объ ту пору лѣтъ восемнадцать... Нѣтъ, больше: двадцатый годъ пошелъ. Отецъ мнѣ и говоритъ: «пора, молъ, тебѣ жениться». Разъ онъ сказалъ то слово, и другой сказалъ, а я все думаю: какъ, милый, мнѣ жениться? А потому я такъ думалъ, что была у меня полюбовница, дѣвка изъ нашей же деревни, Анютой звали. Анна Петровна, то есть та-то Анюта, была дѣвка изъ двора не такъ чтобы задорнаго: коли хлѣбушко есть — хорошо, а нѣтъ — не прогнѣвайся!.. А только Анюта, Анна Петровна, была дѣвка одно слово работница, а изъ себя, вотъ все равно, какъ въ пѣснѣ поется:

Словно кралечка написанная,
Да изъ карточки вырѣзанная...

И спознался я съ этой Анной Петровной, а и спознался съ Анной почитай обманомъ. «Я тебя, говоритъ, всѣмъ сердцемъ, всей душой

своей люблю; сколько силы-мочушки у меня есть, всю за тебя отдамъ! Бери меня, какъ есть я теперь дѣвка... ни въ чемъ тебѣ запрету нѣтъ; только не губи ты меня понапрасну, объяви: возьмешь замужъ за себя?» Да такъ стала жалостно, да любовно говорить... А сама-то все дрожитъ, что меня ажъ проняло... А я былъ на дѣвокъ ходокъ... Какъ взглянула на меня—все бы такъ ей и отдалъ, такъ бы на ней и женился... Куда тутъ думать о другой дѣвкѣ... Я сталъ тутъ божиться, что во всю свою жизнь буду ее любить, что коли батюшка-родитель не соизволитъ на ней жениться, ее за себя замужъ взять, во-вѣкъ ни на комъ не женюсь; а будетъ неволить — въ солдаты наймусь! А она опять свое: «Ты, говоритъ, не бойся мнѣ правду сказать: мнѣ все едино, кромѣ тебя за мужъ ни за кого не пойду: кого любить, любить буду, я людей не постыжусь... Хоть на день, а ты меня полюбишь...» Я ей опять клясться, божиться... Такъ мы съ ней и спознались... И жили мы съ ней передъ людьми хоть и зазорно, а межъ собой хорошо: ни я противъ нее слова, ни она супротивъ, — ни — Господи Боже мой!.. Вотъ и жили мы такъ-то до того самаго слова батюшкинаго, до того слова батюшкинаго, что пора пришла время жениться. А батюшка спровѣдалъ про Анну: всѣ на деревнѣ ужь знали, что я съ этой Анной живу... Такъ батюшка такъ думалъ: Анна хоть и не изъ хорошаго дома, да дѣвка работящая, въ дому будетъ помощница, а всѣ ужь знали, что она только и свѣту видѣла, что во мнѣ; и батюшка про то зналъ. Такъ онъ отъ этой свадьбы и не прочь былъ, а еще для моей же души хлопоталъ, чтобъ я съ Анной не въ грѣхѣ жилъ: закономъ бы весь грѣхъ порѣшилъ. Хорошо. Только сказалъ мнѣ отецъ: женись, — я сталъ думать: я изъ дому хорошаго, за меня пойдетъ замужъ не то что любая дѣвка по нашей деревнѣ, а и по всему околодку — стоитъ только кличъ кликнуть!.. А про ту Анну сталъ я такъ думать: до суда Божія, до вѣнца, еще она со мной спознапалась, а женись на ней—всѣ люди на смѣхъ поднимутъ: на распутной дѣвкѣ, скажутъ, женился!.. Только я такъ думалъ, думалъ, и надумалъ, что Анна мнѣ не жена. Отецъ больше приставать—женись!- а я больше думать: Анютка мнѣ не жена! Сталъ я присматриваться къ другимъ дѣвкамъ... И приглянулась мнѣ дѣвка, Марьей звать, теперь жена мнѣ... Первое изъ семьи богатой, родня тоже, дѣвка работящая, изъ себя видоватая... Отецъ говоритъ: «женись! на комъ хочешь, говоритъ, женись!»—Онъ все думалъ, что я на Анну укажу. А я послѣ своихъ думъ и говорю: «если поизволишь, посылай сватовъ за Марью!» Отецъ посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ, да такъ не хорошо посмотрѣлъ.—«Не будетъ ли, дитятко, грѣха на твоей душенькѣ?» говоритъ отецъ, а я молчу.—«Что-жь, посылать сватовъ за Марью?»— «Посылай», говорю отцу... Послали сватовъ, тамъ рады. Дѣло сразу подѣлали: порѣшили свадьбѣ быть на Михайловъ день — у насъ престолъ. Съ той поры я къ Аннѣ ни ногой, а до свадьбы еще таки

оставалось: Марью ту пропили за меня еще до Покрова. И все-то времячко я и самъ не свой; жду не дождусь, какъ съ Марьей подъ вѣнецъ стану: Марья была дѣвка смирная, тоже умная, да только какъ взглянетъ, бывало, на меня, такъ, бывало, вся и зардѣетъ. Малый-то я ужь очень изъ себя ловокъ былъ, — вотъ оттого-то я и любилъ больше Марью. Аннѣ, бывало, что скажешь про свое, она скажетъ, что дѣло, а что не дѣло, то какъ топоромъ отрубитъ: ты, говоритъ, не дѣло говоришь. Вотъ такъ и такъ это дѣло повести надо... А ты и стоишь дуракъ дуракомъ, и при всемъ людѣ хоть пѣсню пой:

Красна дѣвица молодца
Поборола, поборола!
При всемъ честномъ людѣ
Осрамила, осрамила!...

А ты стоишь! А послѣ по ее сдѣлаешь—и выйдетъ такъ!.. И не то, чтобы она говорила какъ нибудь это, хотя меня на разумъ навести, али съ насмѣшкой какой. Нѣтъ. А такъ просто: добра мнѣ ищучи!.. А мнѣ передъ ней какъ-то совѣстно... Марья не то: что скажешь ей—все хорошо; сама видитъ — плохо, а говоритъ—хорошо! Вотъ и теперь: что бы ты ни задумалъ сдѣлать—все хорошо; пьянъ напьешься—и то хорошо: «Послѣ трудовъ повеселить себя надо!..» А вѣрное слово тебѣ скажу— до́ пьяна я безъ дѣла не пью:—престолъ когда у насъ, али на свадьбѣ у кого, на крестинахъ; а такъ чтобы — ни-ни!.. Въ одномъ только и поперечитъ: съ дѣтьми не мутить! Что хочешь дѣлать дѣлай, а дѣтей своихъ не обижай!.. Такъ окрысится, хоть на кого, что по неволѣ отъ нея отойдешь!.. Вотъ какая!.. А не тронешь дѣтей — что хочешь, то и дѣлай, слова поперечнаго не услышишь! Вотъ за самое за это и полюбилась мнѣ Марья. Какъ теперь помню: жду не дождусь того времячка, какъ съ Марьей подъ вѣнецъ стану судъ Божій принять. Только пришло и то времячко... во вѣкъ мнѣ его не забыть!.. Стали свадьбу играть—я былъ радостенъ. Все справили, какъ законъ велитъ; поѣхали къ вѣнцу въ Божью церковь... А надо ѣхать мимо двора Петрова, того двора, гдѣ Анна та Петровна жила. Какъ поѣхали мы мимо Аннина двора, а Анна-то стоитъ на крылечкѣ, схватилась за столбы точеные, — такъ бы ей и на ногахъ не устоять: вся дрожма̀ дрожитъ!.. Какъ увидала меня радостнаго, да веселаго, мимо ея двора съ другой къ вѣнцу ѣдучи, да какъ вздрогнетъ, да какъ крикнетъ: «Прощай, другъ! На тебя, душа, мой прежній полюбовничекъ, не сержуся!»—Такъ меня отъ этихъ рѣчей словно варомъ окатило!.. И сказала тѣ самыя рѣчи при всемъ при народѣ: самъ знаешь, со свадьбой сколько народу ѣдетъ, а она никого не постыдилась, сама покаялась—была полюбовницей!.. «Была полюбовни-

цей!» такъ и стоитъ въ ушахъ у меня... А какъ глянулъ на Машку, на невѣсту на свою — духъ замеръ. Допрежь этихъ словъ въ Машкѣ своей души не слышалъ, а теперь рыло свое поворотить къ ней — просто мочи нѣтъ!.. Какъ пришли въ церковь Божію, какъ насъ попъ-батюшка перевѣнчалъ, какъ заставилъ цѣловаться, — хоть убей! по сю пору не помню. Повезли насъ домой, поѣхали мы мимо Аннина двора — хоть бы тебѣ собака тявкнула: ничего не слышно, ничего не видно!.. Привезли насъ домой, посадили за столъ, пошелъ тотъ столъ, а я на жену свою на новобрачную и смотрѣть не могу!.. Гости по обычаю, какъ законъ велитъ, приговариваютъ: «горько!» Цѣловаться съ женой надо, а у меня съ души претъ! Не помню, какъ насъ изъ-за стола вывели, какъ спать положили; ничего не помню!.. Тамъ, по закону сколько время спустя, пришелъ дружко, сваха поднимать насъ, молодыхъ... Дружко-то, и затрясся, а сваха совсѣмъ таки присѣла!.. Смотрятъ они, а я на свою новобрачную звѣремъ гляжу!.. Сваха взвизгнула, а дружко: «Дѣло плохо, говоритъ, свадьба испорчена!..»

Какъ кинулся я — не въ избу, гдѣ родители, родственники радости дожидались, а кинулся я куда глаза глядятъ!.. Не день прошелъ такъ, не два, а сколько недѣль, — силъ моихъ не стало!.. Пришелъ я опять къ Аннѣ Петровнѣ. — «Силъ моихъ нѣтъ, Анна Петровна, безъ тебя прожить; давай еще съ тобой въ любви поживемъ!» — «Нѣтъ, говоритъ, другъ, ты теперь законъ принялъ, въ законѣ и живи, а я твоему закону не нарушница!!» — Сколько къ ней ни приставалъ, одно слово: «я твоему закону не нарушница!..» Да такъ мнѣ тошно пришлось, что хоть на себя руки поднимай!.. Семья видитъ, дѣло плохо. Собралась вся родня, стали думать, какъ дѣлу помочь, и порѣшили: позвать Аннину тетку... А Аннина тетка: родитъ-ли кто, ее зовутъ, горшокъ на брюхо накинуть — ее зовутъ: знахаркой слыла... Позвали ту тетку, стали всей родней ее чествовать. Почествовали ее сколько надобно, и стали говорить: что такъ и такъ — свадьба испорчена; помоги горю, приворожи мужа опять къ своей женѣ! — «Нѣтъ, говоритъ тетка: — я ворожить не умѣю: николи не ворожила... (она не хотѣла только признаться, а была всѣмъ завѣдомо знахарка), николи не ворожила, а по мѣрѣ силъ на пользу ближняго, какъ Христосъ велитъ, тружусь. Вотъ и теперь такое слово скажу: пусть молодежены оба вмѣстѣ пойдутъ къ Анютѣ, да и спросятъ у ней христіанскаго прощенія; у Анюты душа ангельская; проститъ, дастъ Господь, Богъ и помилуетъ!» — Чтожь ты думаешь?!.. Вѣдь отворожила всю эту порчу свадебную! — Ступай, говорю женѣ, снаряжайся, пойдемъ, говорю, *ты* со мной!.. а мнѣ жену-то свою Богомъ данную, и по имени-то назвать было противно!.. Подходимъ мы съ женой къ Аннину двору — боязно; входимъ въ избу, смотримъ, а она, моя голубушка! сидитъ за столомъ, не въ переднемъ углу, а такъ поодаль, за оконичкомъ, правой рученькой головушку подперла, а сама-то вся такая болѣзная да сиротливая... Какъ взгля-

нулъ я на нее, ажь духъ во мнѣ замеръ! А Анюта сидитъ и не слышитъ, какъ мы въ избу вошли. Мы стоимъ передъ нею, — а она не видитъ... Марья, жена моя, какъ взвизгнетъ, да прямо въ ноги ей кинулась!.. Я за женою—тоже Аннѣ въ ноги!.. Анна какъ взглянула на насъ, что снѣгъ вся побѣлѣла, да какъ бросится на шею къ Марьѣ, да какъ стала ее цѣловать!.. «Любила, говоритъ, я друга: всю бы душу за него отдала бы. Теперь ты его люби... А я вашему закону не нарушница»!.. А я стою, какъ ни причемъ... Только смотрю: Анна Петровна такая стала веселая... «Садитесь, говоритъ, за столъ: вы у меня гости дорогіе!» — Сѣли мы за столъ, стали насъ подчивать. Сама налила себѣ стаканчикъ водки, да и говоритъ: «горько!» — Какъ я посмотрѣлъ на свою жену: въ первой мнѣ жена за жену показалась!.. И такъ мнѣ на душѣ показалось радостно!.. Анна говоритъ: «горько!» Я Марью цѣлую, и не то чтобы по нуждѣ, а такъ какъ надо жену мужу цѣловать! Смотрю на Анну, на Марью — радуюсь!.. Марья мнѣ жена, а Анна ровно сестра мнѣ родная!.. Пошелъ я съ Марьей домой. — «Пойдемъ, Маша, говорю, задворками». Такъ Маша ажъ вся замлѣла: въ первые отъ меня послѣ вѣнца ласковое слово услыхала!.. Послѣ того Анна Петровна къ Машѣ понавѣдываться стала; стала Маша родить, а родины были трудныя, трое сутокъ бѣдная мучилась!.. Такъ Анна три ночи глазъ съ глазомъ не смыкала! А какъ родился мальчишка, такъ ей радости было, почитай, больше чѣмъ родному отцу съ матерью!.. Вотъ она какая!.. Теперь у насъ живетъ она въ деревнѣ бобылкою, и только у ней радости и есть, какъ бы моихъ съ Марьею дѣтей чѣмъ ни на есть утѣшить: одному рубашку сошьетъ, другому шапочку какую приладитъ... Живетъ она бобылкою, про бобылокъ ты знаешь довольно; а спроси ты кого хочешь про Анну Петровну бобылку, никто дурнаго слова не скажетъ; а за прежнюю ея гульбу со мной, не то чтобы въ укоръ что сказать или дурнымъ словомъ обозвать, а и такъ никто не промолвится.

Этотъ разсказъ сократилъ мнѣ дорогу: мы подъѣхали къ самому городу.

— Вы гдѣ будете ночевать, братцы? спросилъ я у городской заставы.

— А гдѣ ночевать??.. Скоро базаръ начнется; такъ мы прямо на площадь; тамотко и обождемъ.

— Ну, такъ прощайте, братцы! Я пойду гдѣ нибудь въ теплѣ отдохну.

— Прощай, братъ!—сказалъ одинъ.

— Послушай, братъ, прибавилъ другой: — послѣ ранней обѣдни выходи на базаръ; продадимъ дрова, станемъ могарычи запивать, тебѣ поднесемъ.

Много спустя, послѣ ранней обѣдни я вышелъ на базаръ.

— Эй! парень!.. ступай сюда! ступай!..

Я вошелъ въ кабакъ.

— Забылъ что-ли, заговорили мужики, мои ночные товарищи, что мы обѣщались тебѣ поднести?

— Нѣтъ, не забылъ, да мнѣ не надо: я и самъ могу васъ поподчивать.

— А ты этого говорить не моги: мы обѣщались, мы и поднесемъ, а твоего не хотимъ!

Я съ ними выпилъ и распрощался, кажется, навсегда.

V.

Я пріѣхалъ въ Орелъ, остановился въ гостинницѣ; на другой день ко мнѣ входитъ коридорный.

— Васъ спрашиваетъ какой-то господинъ.

— Кто такой?

— Не знаю-съ.

— Зачѣмъ? Проси.

Входитъ ко мнѣ въ нумеръ баринъ не высокаго росту, прилизанный, въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ, въ калошахъ; шапку, правда, при входѣ снялъ.

— Здравствуйте, сказалъ онъ, входя въ комнату и подавая мнѣ руку.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

— Мнѣ до васъ есть дѣло.

— Прошу садиться.

Онъ сѣлъ.

— Чѣмъ могу вамъ служить? спросилъ я пришедшаго господина.

— Я къ вамъ съ просьбою, отвѣчалъ баринъ.

— Позвольте узнать?

— Я думаю, что и вамъ будетъ пріятно исполнить мою просьбу; просьба моя такого рода объяснилъ мнѣ, улыбаясь, баринъ.

— Позвольте узнать?

— Вотъ извольте видѣть: у меня мельница; я отдалъ эту мельницу въ арендное содержаніе, на моей попрудкѣ; сперва мнѣ попрудка ничего не стоила: вышлю лишь мужиковъ, они и запрудятъ; а теперь не пошлешь мужика—шалишь... Я и говорю мельнику: твоя попрудка— бери мельницу; а не хочешь — другому отдамъ. Тотъ не захотѣлъ взять на себя попрудку, я сдалъ другому; а старый мельникъ къ губернатору. Губернаторъ посмотрѣлъ на контрактъ и велѣлъ согнать новаго мельника, а держать по прежнему старому мельнику.

— А и контрактъ былъ у васъ заключенъ съ прежнимъ мельникомъ?

— Былъ! быть-то былъ! отвѣчалъ баринъ, лукаво, очень лукаво улыбаясь.

— Такъ какъ же?

— Да какой контрактъ?

— Какъ какой?

— Да я тамъ закорючку ввернулъ.

— Закорючку?

— А губернаторъ не обратилъ вовсе вниманія на этотъ пунктъ; это, говоритъ, мошенницкая штука, да и водворилъ стараго мельника.

— Скажите!..

— А у меня дѣти, я для нихъ долженъ хлопотать! Я хлопочу не для себя: мнѣ, собственно мнѣ—ровнешенько ничего ненужно!..

— Чѣмъ же я вамъ могу быть полезнымъ? спросилъ я, никакъ не понимая, для чего мнѣ было знать объ этихъ мельникахъ, объ мельницѣ, губернаторѣ и даже о существованіи самаго помѣщика.

— Развѣ не понимаете?

— Рѣшительно не понимаю.

— Рѣшительно? допытывался, улыбаясь, мой собесѣдникъ.

— Рѣшительно.

— Да вы напишите на этотъ сюжетецъ какую нибудь хорошенькую повѣсть.

— Изъ этого сюжетца никакой повѣсти не выйдетъ, отвѣчалъ я.

— Неужто?

— Никакой повѣсти не выйдетъ.

— Ну, *такъ* напечатайте.

— Какая же изъ этого будетъ польза для васъ? спросилъ я.

— Будетъ! отвѣчалъ баринъ, съ твердымъ убѣжденіемъ въ пользѣ для него гласности въ этомъ дѣлѣ.

— Пожалуй! отвѣчалъ я.

Черезъ недѣлю я былъ въ Малоархангельскѣ; ко мнѣ пришелъ знакомый священникъ, разговорились мы съ нимъ; входитъ дворникъ и говоритъ, что меня кто-то спрашиваетъ.

— Проси.

Человѣкъ вышелъ и черезъ минуту вернулся.

— Проситъ баринъ васъ вызвать на крыльцо, объявилъ мнѣ дворникъ.

— Что ему нужно?

— Не объявляетъ.

— Скажи ему, что выйдти къ нему не могу, сказалъ я, а ежели ему угодно меня видѣть, проси его придти сюда ко мнѣ.

Черезъ минуту входитъ ко мнѣ баринъ лѣтъ за 50, съ усами, съ перваго разу видно было, что этотъ господинъ—военная косточка.

— Я къ вамъ по дѣлу! закричалъ онъ, входя ко мнѣ и подавая развязно мнѣ руку.

— Что прикажете?

— По секрету, таинственно проговорилъ вошедшій, по секрету, милостивый государь!

— Позвольте, батюшка, васъ просить выйдти на минуту въ другую комнату, попросилъ я священника.

Священникъ вышелъ.

— Видите въ чемъ дѣло: напишите мнѣ статью...

— Какую?

— Я послалъ къ становому людей наказать...

— Батюшка! пожалуйте сюда, позвалъ я священника,—секретъ, кажется, небольшой!..

— Да, небольшой, подтвердилъ господинъ, можно и при батюшкѣ.

— Что же вамъ угодно? спросилъ я.

— Такъ изволите видѣть: послалъ я людей къ становому наказать хорошенько.

— За что?

— А такъ, фантазія пришла!

— Фантазія?

— Ну да, фантазія! Я управляю имѣніемъ съ полною отъ помѣщика довѣренностію...

— Что же становой?

— А что становой?!... Не сталъ наказывать, а мнѣ велѣлъ сказать, что наказалъ!... Каково?

— Вы почему же узнали?

— Какъ не узнать!... Я привелъ ихъ въ комнату, двери на замокъ... Раздѣвайся!... Смотрю: ни одного рубчика на тѣлѣ!.. Ну, скажите, поролъ становой этихъ людей?

— Что же вамъ отъ меня нужно?

— Напечатайте этотъ казусъ!..

Никакъ не понимая пользы гласности для этихъ господъ въ этихъ дѣлахъ, я обратился за толкованіемъ къ нѣкоторымъ помѣщикамъ.

— Да что ваша гласность?! запальчиво заговорилъ одинъ помѣ-

щикъ:—ваша гласность выѣденнаго яйца не стоитъ!... Пишутъ, пишутъ; а какая польза!... да что пользы!... хоть волоскомъ кто тряхнулъ ли отъ этой вашей гласности?!.. Голоси сколько хочешь!...

Другой господинъ еще энергичнѣй выразился.

— По мнѣ, пожалуй, голоси обо мнѣ что хочешь!... Обо мнѣ голосили, голосили,—а я все свое дѣлаю!... Ужь обо мнѣ писали во всѣхъ журналахъ и газетахъ!... всѣмъ полнымъ именемъ, отечествомъ и фамиліей величали, а я все-таки буду свою линію тянуть!...

Третій господинъ, болѣе понимающій россіянъ, совершенно отвергалъ пользу гласности; но совершенно по другимъ причинамъ.

— Какою гласностію, какимъ краснорѣчіемъ проберешь нашего брата!! говорилъ онъ:—насъ и нѣмымъ краснорѣчіемъ—дубиной—не вдругъ ошибешь, а вы суетесь съ вашею гласностію!...

Да и о чемъ голосить въ самомъ дѣлѣ? Посмотрите вы губернскія вѣдомости; тамъ вы найдете во многихъ отдѣлы подъ названіемъ: «Наша общественная жизнь», «N—скія замѣтки» и проч. Чтожъ вы тамъ найдете? «Г-ну Б. за его добрыя дѣла поднесли жители картину и кубокъ». Ну, слава Богу, думаете вы, г. Б. на картину посмотритъ, читаете, что выпьетъ, послѣ и закусить можетъ. Берете другую газету и изъ кубка «благодѣтельная барыня для бѣдныхъ благотворительный спектакль устроила и, что бѣдные никогда не забудутъ»... Думаете вы, да намъ-то какое до этого дѣло?

Въ нѣкоторыхъ газетахъ, въ «мѣстномъ отдѣлѣ», извѣщаютъ, что съ 1865 г. будутъ издаваться «въ Петербургѣ и Москвѣ разныя изданія», а своихъ происшествій — неимѣется; но нѣкоторыя редакціи объявляютъ, «что Иванъ Петровъ, крестьянинъ, скоропостижно умеръ, Петръ Ивановъ — скоропостижно умеръ». Царство небесное, думаете вы. Къ чему тутъ гласность?... Да что говорить, если ужь послѣ 19 февраля, во 2 № Псковскихъ вѣдомостей, за 1865 г.

«Псковское Губернское Правленіе объявляетъ, не окажется-ли *кому принадлежащимъ* арестантъ, бродяга Иванъ Андреевъ, примѣтами онъ: 35 лѣтъ, *вѣроисповѣданія православнаго* (примѣта!) росту... и проч... особыхъ примѣтъ нѣтъ»...

Можетъ быть, найдется и теперь баринъ у этого арестанта, которому онъ принадлежитъ.

Какая у насъ гласность!

ПРЕЖНЯЯ РЕКРУТЧИНА И СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ.

ПО ПѢСНЯМЪ.

Новѣйшее законодательство сдѣлало значительныя и благодѣтельныя перемѣны въ системѣ наборовъ, въ срокахъ службы, въ наказаніяхъ нижнихъ военныхъ чиновъ и т. д. Совершенно перемѣнилось обращеніе командировъ съ солдатами, почти нѣтъ въ настоящее время ни одного офицера, который не обращалъ бы вниманія на внутреннюю солдатскую жизнь. Все это не приминетъ, конечно, принести самые лучшіе результаты, и очень вѣроятно, что со временемъ, самый взглядъ нашего народа на рекрутство измѣнится существеннымъ образомъ. Но долгое существованіе прежней, тяжелой системы оставило въ народѣ слѣды, выразившіеся въ пѣсняхъ, разсказахъ, присловьяхъ. Мнѣ кажется, что именно теперь, въ виду уничтоженія стараго порядка, не безъинтересно собрать въ одно цѣлое все, въ чемъ выразилъ народъ свое воззрѣніе на рекрутчину и солдатскій бытъ.

Пусть настоящій этюдъ послужитъ памятью о давнемъ, тяжеломъ, но, къ счастію, и отходящемъ прошломъ. Очень можетъ быть, сказалъ я выше, что даже и о бывшемъ солдатствѣ народъ станетъ думать и пѣть иначе; но еще и до сего времени въ русскихъ деревняхъ, на солдатство народъ смотрѣлъ какъ на несчастіе, на бѣду, которая можетъ разогнать, разорить какую угодно семью. Такъ, въ одной пѣснѣ поется:

Въ мужика было богатаго
Да и были три сына хорошіе,
Охъ, вышло на нихъ несчастьице,
Что большое несчастьице, бѣдушка великая:
Что и вышла на нихъ рекрутчина, и т. д.

Объ эту бѣдушку, не малую, большую, — солдатство, разбивалась какая угодно удаль. Одинъ говоритъ:

Никогда у меня, раздобраго молодца,
Такого горя не бывало,
А вотъ нынѣшній день, братцы, день-денечикъ,
Тоска—горе меня обуяла!
Что куютъ-то, куютъ меня, раздобраго молодца,
Куютъ во желѣзы,
Что везутъ-то, везутъ меня, разудалаго молодца,
Везутъ во солдаты.

Въ другой пѣснѣ разсказывается про всю молодецкую гульбу, среди которой застала раздобраго молодца *рекрутчина.*

Попила-ль моя головушка,
Пила-ль—погуляла
Не за батюшкой, не за матушкой;
Буйной головою,
Не за братцевой, не за сестрицыной,
За легкой работой!....
Что со радости мои кудрюшки
Со радости вьются,
Что со горя ли со кручинушки
Русыя сѣкутся!..
Охъ, зачуяли мои кудрюшки
Надъ собой невзгоду,
Охъ и ту ли невзгоду—
Большое солдатство!

Тоска и печаль заставляла раздобрыхъ молодцевъ плакать и обращаться къ своимъ близкимъ съ такою скорбью:

Растоскуйся ты, моя сударушка, по мнѣ разгорюйся!
Что ни самъ ли то я, самъ раздобрый молодецъ, самъ по себѣ взорвался!
Обижаютъ меня сиротинушку злые люди:
Что и ловятъ меня сиротинушку злые люди,
Что и ловятъ меня сиротинушку, ловятъ во солдаты!

На этотъ вопль откликаются всѣ друзья и сродники, а душа красна-дѣвица:

Какъ сказали другу
Да на царскую службу—
Плакала, рыдала,
Слезы проливала,—
Всю ночь не спала!

Напрасно ее уговариваютъ:

Ты не плачь, не плачь, красная дѣвушка!
— Не сама я плачу, плачутъ ясныя очи,
Что и сами слезы, слезы изъ глазъ катятся,
Что везутъ, отдаютъ дружка во солдатушки,
Въ молодые его, дружка, рекрутики.

Отъ этой тоски-горя бѣжали тогда кто куда могъ; кто въ лѣса, кто въ монастырь къ знакомымъ старцамъ и монахинямъ, переждать наборъ, но нигдѣ раздобрый молодецъ не былъ безопасенъ:

Обижаютъ его, сиротинушку, злые люди,
Что и ловятъ его, сиротинушку, ловятъ во́ солдаты.

Которому удается отбѣгаться отъ рекрутчины, а котораго

Поймали добраго молодца, поймали у прилуки,
Что у той ли у прилуки, у красной у дѣвки.

Видитъ мужикъ, что не всегда и отбѣгаешься, сталъ придумывать, какъ дѣлу помочь, какъ бы канцелярскимъ порядкомъ рекрутчину обойти. Вздумали *сказки расписывать*: большая семья записана въ одну ревизскую сказку, рекрутъ непремѣнно слѣдуетъ; разобьютъ семью по бумагѣ на двѣ семьи; обѣ семьи небольшія и рекрута не берутъ... Узнали и про это *злые люди*, выдумали *самовольный раздѣлъ*.

Сказанъ наборъ. Вотъ въ семьянистой избѣ старикъ отецъ думаетъ:

Кому-жь, дѣтушки, идти во солдатушки?
. . . .
Что и старшаго сына жаль отдать,

А середняго не хочется.

. . . .

Что меньшой-то сынъ—
Тотъ въ разумъ не вошелъ...

Обыкновенно рѣшаютъ:

Идти ли не идти сыну меньшему!...

Вотъ теперь начинается новая сцена:

Во слезахъ сказалъ родный батюшка:
Что идти ли не идти сыну меньшему,
Сыну меньшему Иванушкѣ.

. . . .

Въ возрыданьицѣ матушка словъ не вымолвила.

Едва сказанъ наборъ, тотъ, за кѣмъ стоитъ рекрутская очередь,—

. . . . припечалится,
Молода жена расплачется,
Малы дѣти разрыдаются!..

Въ былое время, назначеннаго въ рекруты, такъ называемаго *годнаго*, сейчасъ по назначеніи заковывали въ желѣзы, и ни одна рекрутская пѣсня не обходится безъ этихъ ненавистныхъ, незаслуженныхъ *желѣзъ*, воспѣвая, какъ куютъ руки-ноги добру молодцу во желѣзы.

Однихъ только наемщиковъ и охотниковъ не ковали во желѣза; за тѣми много было караульщиковъ; но эти несчастные выдумывали такія безобразія, что они не заслужили въ народѣ рѣшительно ни одной пѣсни, по крайней мѣрѣ, я ни одной не слыхалъ. Въ охотники обыкновенно нанимается самый безпутный народъ. Наемщикъ бросаетъ всю семью, часто жену съ дѣтьми, безъ гроша денегъ, скудно оставляя имъ нѣсколько рублей, пропивая самъ сотни, а нерѣдко и тысячи во время своей гульбы. Они обыкновенно, при наймѣ, выговариваютъ, сколько времени гулять. Кромѣ условленной платы деньгами, въ это время хозяинъ, т. е. нанимающій за свою семью, дѣлается самымъ покорнымъ слугой своего охотника; что бы тотъ не потребовалъ,—хозяинъ долженъ

подавать, куда бы тотъ ни захотѣлъ ѣхать—хозяинъ долженъ везти; что бы тотъ ни истратилъ—хозяинъ долженъ заплатить.

Кто не видалъ, какъ этотъ безпутный людъ, съ крикомъ и гамомъ, махая краснымъ платкомъ, обнявшись съ дешевыми красавицами, окруженный не сродниками, не пріятелями, а караульщиками, ѣздилъ по улицамъ? Разъ только въ Мценскѣ увидали охотника, гуляющаго съ сродниками.

— Просто на всѣхъ ужасъ нагналъ, говорилъ одинъ изъ очевидцевъ этого безобразія.—Пьяный самъ, а тутъ сестра родная пляшетъ... а тутъ мать, пьяная! Просто неподобно!

А должно быть и между этими безпутными, безобразными бывали люди, да и хорошіе люди.

— Надо охотника искать! говорилъ мнѣ *настоящій* мужикъ, мужикъ стоющій, т. е. мужикъ зажиточный; а почетность въ деревняхъ даромъ не достается, и ежели мужикъ пользуется почетностью, то эта почетность—вполнѣ заслуженная.

— Мнѣ не случалось слышать, чтобъ хорошій человѣкъ пошелъ своей охотой за чужую семью наемщикомъ въ солдаты.

— Бываетъ и хорошій человѣкъ: не нанялся бы въ солдаты, а нужда какая пришибетъ — не самъ онъ нанимается, нанимаетъ нужда его.

— А тебѣ и такихъ случалось видѣть?

— Да не знаю, какъ тебѣ и сказать: и видѣлъ, и нѣтъ. Возили мы барскую рожь во Мценскъ; заѣхали ночевать, а у нашего хозяина гость, тоже мужикъ. Пиръ такой идетъ!.. Во! Вдвоемъ за ночь четверть выдули: послали въ кабакъ взять четверть, а къ утру хоть бы опохмѣлиться осталось! Хорошо! Только видимъ: съ ними парень, такъ, лѣтъ двадцати пяти; онъ то и есть охотникъ. Чтожь ты думаешь? Не только, чтобы онъ за столъ сѣлъ, а въ избѣ то почесть не сидѣлъ; все на дворѣ стоялъ, а водки хоть бы тебѣ каплю въ ротъ взялъ! А лицо то такое жалостливое, да такое смутливое... За этимъ и присмотру никакого:—«Этотъ говоритъ хозяинъ,—не уйдетъ. Этотъ у меня не гуляетъ»! Стало быть этотъ былъ и путный, а вотъ нанялся же охотникомъ.

Вотъ единственный случай, въ которомъ наемщикъ былъ, *по подозрѣнію*, хорошимъ человѣкомъ. Повторяю, что о наемщикахъ я не знаю ни одной пѣсни, но добрыхъ молодцевъ народъ провожаетъ пѣсней до гробовой доски.

Поймаютъ молодца, скуютъ и станутъ чествовать. Никто на него не сердится, за нимъ нѣтъ никакой вины, а ежели и была—ему всякая вина отпустится; но куютъ не изъ сердцовъ, а изъ предосторожности, чтобъ не убѣжалъ. По этому отдатчикамъ въ обязанность становилось обычаемъ ублажать гожихъ: отдатчики должны хорошо кормить гожихъ, и почти всегда поить водкой. Но эти люди не предавались такому развратному разгулу, какъ наемщики, потому что не имѣли воли, а

главное — у нихъ оставалась семья, родина, отъ которыхъ охотникъ добровольно отказывался.

Гожаго, сковавъ, сажали на пару лошадей и везли къ пріему въ городъ, въ которомъ находится рекрутское присутствіе. А на парѣ лошадей мужикъ ѣздитъ только въ одномъ еще случаѣ—на свадьбахъ. Это обстоятельство не упущено пѣснею:

Посадили меня, раздобраго молодца,
Въ козырныя сани,
Повезли то меня только разудалаго
Въ городъ—во губерныю,
Привозили меня, раздобраго молодца,
Меня ко пріему.

Все, что поражаетъ человѣка при пріемѣ въ рекруты, высказано въ пѣснѣ со всѣми подробностями:

Привели меня, раздобраго молодца,
Меня ко пріему,
Раздѣвали меня, раздобраго молодца
До бѣлаго тѣла,
. . . .
Ставили меня, сиротинушку,
Въ казенную мѣру.
Какъ и стали они, меня сиротинушку,
Они стричь и брити...
Охъ, ужь брейте вы мои кудерушки,
Брейте, не жалѣйте!
. . . .
Привезли то меня, сиротинушку,
Меня ко пріему,
Всѣ пріемщички ли на сиротинушку
Они вздивовались:
Да и гдѣжъ тотъ ли сиротинушка,
Гдѣ жъ онъ уродился?

Забрили лобъ—все еще не солдатъ, все еще онъ можетъ убѣжать,—съ бѣглеца взыску нѣту, пока присягу не принялъ на царскую службу. Народъ думалъ, что рекрутъ принималъ присягу на царскую службу только на 25 лѣтъ, а что послѣ 25 лѣтъ солдатъ воленъ идти на всѣ четыре стороны.

Пока не пригоняли молодаго рекрута къ присягѣ, всякій крестьянинъ помогалъ ему, когда тотъ задумывалъ бѣжать.

Забрили лобъ, пригнали къ присягѣ, и вотъ гонятъ молодыхъ солдатъ,—

А за ними идутъ матушки родныя;
Во слезахъ они пути-дороженьки не видятъ.
Какъ возговорятъ солдаты молодые:
Эхъ, вы матушки, вы матушки родныя,
Не наполнить вамъ синя моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами!

А болѣе забубенныя головы прощались со своими разлапушками-сударушками:

Прощай, бабы, прощай дѣвки!
Намъ теперя не до васъ—
Во солдаты везутъ насъ!

Посмотримъ, какъ народъ смотрѣлъ на солдатское житье-бытье. Для этого я опять обращаюсь преимущественно къ народнымъ же пѣснямъ. Но при этомъ я долженъ оговориться. Есть два рода солдатскихъ пѣсенъ: однѣ, даже при поверхностномъ взглядѣ въ самомъ дѣлѣ, оказываются поддѣльными подъ народныя пѣсни; другія—чисто народныя.

Эти пѣсни почти не поются народомъ, а ежели и поются, то какъ пѣсни *модныя* и, разумѣется, болѣе полированнымъ людомъ, напр. фабричными.

Есть другія пѣсни, въ которыхъ говорятъ совершенно другое.

Мужикъ, поступая въ солдаты, начиналъ совершенно иную жизнь; все мѣнялось: образъ жизни, занятія, одежда, прическа. И надо сказать, что тогда многое было, какъ намъ кажется, не только лишнее, но иногда и вредное.

— Ныньче какая служба! говорилъ мнѣ отставной солдатъ еще до 1855 года. — Ныньче что за служба! Нѣтъ, послужили-бы по нашему! Это взять теперь хоть солдатскую одежду...

Въ эдакой то одеждѣ, да еще ученье, въ которыхъ рекрутъ не видалъ цѣли, да и какъ растолковать рекруту пользу учебнаго шага, пунктиковъ?

Пѣсенъ мало, разсказовъ же про прежнія ученія вы можете много слышать,—лишь бы была у васъ охота. Старики солдаты,—разумѣется, отставные,—поразскажутъ вамъ.

Къ войнамъ до-Петровскаго времени народъ прилегалъ всей душой; простая цѣль тѣхъ войнъ была понятна народу. Надо бы было указать на самую старинную русскую военную пѣсню, на пѣсни про владиміро-

выхъ богатырей, и въ особенности, на пѣсню о Полку Игоревѣ, но я думаю, что и безъ этого можно обойтись. Мы возьмемъ лучше пѣсни про войны Московскаго царства. Какъ видно по этимъ пѣснямъ сердечное участіе народа въ этихъ войнахъ! По сборнику пѣсенъ И. В. Кирѣевскаго, я полагаю, что самая старинная пѣсня солдатская про куликовскую битву. Но этой пѣсни у меня нѣтъ подъ рукой, а ежели бы и была, я не имѣлъ бы права ее приводить. Не буду также ссылаться на пѣсню, записанную Желѣзновымъ про Рыжечку, хотя эти пѣсни и помогли бы мнѣ. Начнемъ съ пѣсенъ временъ Іоанна Грознаго. Пѣсня про взятіе Казани-города сохранилась въ народѣ во многихъ варіантахъ и по всѣмъ варіантамъ видно, что народъ съ участіемъ смотрѣлъ на эту войну, да и видѣлъ народъ достаточную причину самаго гнѣва Грознаго на Казань-городъ.

Они бѣлому царю всякое грубіянство оказываютъ,
Ужь и вотъ тебѣ, бѣлый царь, Казань-городъ взятъ!
Оттого-то бѣлый царь разсердился, распылился на Казань-городъ.

Въ другихъ варіантахъ это обстоятельство разсказываетъ проза:

Что татары же по городу похаживали,
Что грозна-царя Ивана Васильевича поддразнивали *).
Что и тутъ-то нашъ грозенъ царь прикручинился.

Царь Грозный велѣлъ подкопы подкопать подъ казанскія стѣны, велѣлъ пушкарямъ въ тѣ подкопы бочки зелья — пороху накласть и поставить двѣ зажженныя свѣчи, одну въ порохъ, чтобы произвести взрывъ, другую у царя, чтобъ видѣть, какъ скоро произойдетъ взрывъ. Сгорѣла свѣчка, стоявшая передъ царскимъ шатромъ,—а взрыва еще нѣтъ! Царь Грозный распалился на пушкарей:

Приказалъ грозный царь тѣхъ пушкарей казнить.

На счастье случился тутъ молодой пушкарь, что годами еще молодъ былъ, а разумомъ можетъ и постарше всѣхъ.
Этотъ пушкарь сказалъ царю:

Не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить!
Въ тиши, въ погребу долго свѣчи теплятся,
На бую на вѣтру скоро свѣчи горятъ.

*) Этому стиху есть и еще варіантъ, неудобный для печати. *Авт.*

Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить, какъ взорвало всѣ стѣны Казань-города.

Этотъ пѣсенный разсказъ совершенно согласенъ съ офиціальнымъ разсказомъ лѣтописей. Стало быть всѣ знали, какъ шла осада, за что понадобилось такое скорое наказаніе, всѣ подробности этого дѣла. Къ самому царю, къ Грозному, да еще въ ту минуту, когда этотъ Грозный царь распалился, разгнѣвался, обратился молодой пушкарь съ совѣтомъ. Въ этой пѣснѣ видно участіе, которое принималъ въ дѣлѣ всякъ, даже молодой пушкарь.

Въ пѣснѣ про осаду Пскова Баторіемъ разсказано все, съ начала до конца; какъ началась война, отчего, какими путями шелъ король-собака на батюшку, на Опсковъ городъ; однимъ словомъ, вся псковская компанія эта разсказана одною пѣснею.

Копилъ то, копилъ король силушку,
Копилъ то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ то онъ силушки—смѣты нѣтъ.
Мало, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ.
Накопивши онъ силы—на Русь пошелъ;
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
На три города, на три стольные:
На первый на городъ на Полоцкій,
На другой то городъ--Велики-Луки,
На третій, на батюшку на Опсковъ градъ.
Онъ и Полоцкій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики-Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходитъ онъ подъ батюшку, подъ Опсковъ градъ,
Становился, собака, въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ, собака, на золотъ стулъ,
Смекалъ то онъ силушку по три дня,
По три дня и по четыре:
Много ли силушка убыла,
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ ротъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ.
Тутъ же онъ, собака, возрадуется:
—Охъ, вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
Мечитесь скоро въ зеленые луга,
Въ зеленые луга государевы... *)
Бери свово коня Бахмута,
Поѣзжай во батюшку во Опскопъ-градъ:
Во городъ въѣзжай, не спрашивай,
Ко двору подъѣзжай,—не докладывай,
Во палаты входи—не бей челомъ;
Клади ярлыки на дубовы столы,
За столами сидитъ воевода царевъ

*) Здѣсь долженъ быть пропускъ. *Авт.*

Карамышевъ, Семенъ Константиновичъ.
—Охъ, ты гой еси воевода царевъ,
Карамышевъ, Семенъ Константиновичъ!
Отдай городъ Опсковъ безъ бою,
Безъ бою и безъ драки великія,
Безъ того уголовія смертнаго!
Я на первомъ часу возьму Опскопъ градъ,
На другіемъ часу стану чистити,
На третьемъ часу стану столъ становить,
Стану пить, веселиться, прохладиться,
Князей твоихъ бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
Донскихъ казаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,
А тебя, воевода, казнить буду!—
Возговоритъ воевода царевъ
Карамышевъ, Семенъ Константиновичъ:
— Блуденъ сынъ король съ королевичемъ,
Съ паномъ гетманомъ Ходкевичемъ,
И съ воинскимъ конемъ Вороновичемъ!
Не отдамъ я тебѣ города безъ боя,
Безъ боя и безъ драки великія,
И безъ того уголовія смертнаго!
Какъ съ вечера солдаты причащалися,
Со полуночи ружья чистили.
По бѣлой зорѣ, какъ куры пропѣли,
Не туча съ тучей сходилася,
Не зоря съ зорей смыкалася,
Сходилися два войска, два великія,
Бѣлаго царя съ королевскимъ.
Тутъ ѣздитъ разъѣзжаетъ удалой добрый молодецъ,
Еще то ли воевода царевъ,
Карамышевъ, Семенъ Константиновичъ:
Кому у насъ на бою, братцы, божья помощь?
Помогъ богъ воеводѣ Московскому,
Карамышеву, Семену Константиновичу,
Побилъ силу королевскую:
Всѣхъ латничковъ, сиповщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ;
Насилу король самтретей убѣжалъ.
Бѣгучи онъ, собака, заклинается:
— Не дай, боже, мнѣ въ Руси бывать!
Ни дѣтямъ моимъ и не внучатамъ!
И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ!

Про пѣсни временъ самозванщины, про Скопина-Шуйскаго, должно тоже сказать: и въ этихъ пѣсняхъ видно народное участіе во всѣхъ дѣлахъ; они всякому были извѣстны, всякъ стоялъ за ту сторону, гдѣ онъ видѣлъ, по своему, сторону правую.

Теперь, какъ мной уже сказано въ началѣ, военная служба совершенно измѣнила характеръ; лучшимъ доказательствомъ тому служитъ добровольное поступленіе на службу многихъ охотниковъ. Въ самомъ

дѣлѣ, народъ уже хорошо сознаетъ преимущества нынѣшней службы, но не можетъ вдругъ отдѣлаться отъ прежнихъ своихъ воззрѣній; ему все кажется еще, что это хорошее случайно можетъ измѣниться. Но придетъ время, даже можетъ быть скоро, когда онъ убѣдится, что улучшенія въ военной службѣ прочны, и что довѣрять имъ онъ можетъ вполнѣ. Мнѣ случалось слышать не мало солдатскихъ бесѣдъ, изъ которыхъ видно, что сдѣланныя въ ихъ быту улучшенія они хорошо сознаютъ.

МУЖИЦКІЙ ГОДЪ.

Степными губерніями, какъ извѣстно, называютъ губерніи: воронежскую, курскую, тамбовскую, тульскую и орловскую; послѣднія двѣ не совсѣмъ степныя, потому что въ тульской губерніи лѣсовъ много, только къ Новосилю ихъ мало, а въ орловской губерніи почти цѣлые уѣзды: брянскій, трубчевскій, сѣвскій, да больше чѣмъ на половину карачевскій, дмитровскій,—сплошь покрыты лѣсами, и эти-то мѣста, а съ ними и сосѣднія, также лѣсистыя, и называются Полѣсьемъ. Въ Полѣсьѣ земля плохая, одинъ песокъ; а по степи черноземъ, да такой черноземъ, что часто толще аршина слой этого чернозема. Казалось бы, что въ степи и жить лучше, и мужикъ противъ полѣхи богаче; а на дѣлѣ выходитъ не то: полѣха—тотъ кто живетъ въ лѣсу—не въ примѣръ богаче того, кто живетъ на самомъ лучшемъ черноземѣ. А если еще прибавимъ, что степняку приходится и работа труднѣе, то поневолѣ приходитъ въ голову: отчего же это—одинъ живетъ на лучшей землѣ, другой на худшей; одинъ работаетъ больше, другой меньше; а первому жить хуже другаго?

Посмотримъ, какъ живетъ мужикъ въ самой степи, въ хлѣбородномъ мѣстѣ. Всю степную полосу можно раздѣлить еще на двѣ полосы: въ южной полосѣ сѣютъ коноплю, овесъ, гречу, рожь и пшеницу; пшеницы даже больше, чѣмъ ржи, а въ сѣверной—всѣ эти хлѣба, исключая пшеницы, которой почти не сѣютъ—не родятся; а какъ пшеница самый дорогой хлѣбъ, а на обработку ея идетъ столько же труда, какъ и на обработку ржи, то это дѣлаетъ большую разницу въ барышахъ мужика, положимъ, курскаго, и мужика тульскаго, хоть у послѣдняго конопли и больше, чѣмъ у перваго, да все-таки она не такъ выгодна, какъ пшеница: за коноплей хлопотъ больше, да и удобренія требуетъ больше. Такъ посмотримъ, какъ живетъ народъ въ сѣверной—ржаной части, въ которой, вѣроятно, и пословица сложилась: *матушка рожь всѣхъ дураковъ кормитъ, а пшеница по выбору.*

Если какой нибудь господинъ изъѣздитъ на почтовыхъ лошадяхъ, по шоссейной дорогѣ, Россію, то и тогда не замѣтитъ никакой разницы между одною мѣстностью и другою: таже прямая дорога, тѣже станціи, тѣже ямщики, смотрители; ѣхать на долгихъ, да по большой дорогѣ, тоже мало замѣтнаго; тѣже дворники зазываютъ проѣзжихъ съ овсомъ въ рукѣ, тѣже постоялые дворы съ большими навѣсами по всему двору. Проѣхавъ отъ Москвы прямо къ югу верстъ триста, свернемъ въ сторону, хоть вправо, хоть влѣво—это все равно; ѣхать далеко отъ большой дороги—не надо. Отъѣзжайте отъ большой дороги версты двѣ-три, и довольно: здѣсь нѣтъ уже того однообразія, какое встрѣчается на станціяхъ и на постоялыхъ дворахъ. Но если вы свернете на проселокъ—увидите большое различіе въ жизни мужиковъ, живущихъ въ очень близкихъ мѣстностяхъ.

Свернете вы въ сторону на проселокъ, проѣхавъ версты 2—3, нападете на какую нибудь деревушку; въ ней десятокъ, другой черныхъ избенокъ, объ одномъ, двухъ окошкахъ; избенки всѣ не очень весело смотрятъ: которая еще стоитъ, а которая и совсѣмъ на боку... Деревушка эта стоитъ на какомъ нибудь пригорочкѣ, который только въ этой степи называютъ горой; въ другомъ мѣстѣ его бы и не замѣтили. Подъ пригорочкомъ стоитъ прудъ, съ грязными берегами; этотъ прудъ и запруженъ вчастую только для водопоя: надо же скотину напоить; запрудишь, гнилой ручей пересохнетъ, все лѣто безъ воды, а безъ воды жить нельзя; стало быть, не мудрено, что берега грязны: скотина разбила. Случается, что прудъ пригожается еще: иногда можно и мельницу поставить; хоть объ одномъ камушкѣ, а все-таки мельница. Бываютъ мельницы и большія, да тѣ мельницы не мужицкія: либо барскія, либо купеческія; а если онѣ и общественныя—толку отъ нихъ тоже мало: мельницы эти отдаютъ въ наемъ купцамъ или кому другому; тому отъ мельницы и барышъ, а міру отъ нея мало что перепадетъ. Въ нашей же деревушкѣ прудъ безъ мельницы, прудъ мутный; вода въ этомъ прудѣ до того мутна, что и пить ту воду человѣку нельзя; горю этому мужики однако помогли: нарыли колодцевъ, стали воду доставать бадейками. Кто просто опуститъ бадью изъ рукъ на веревочкѣ, а глубокъ колодезь—придѣлали журавля; а еще глубже или на журавль слеги не хватило, то кое-какое колесо, а чаще простой валикъ,—тѣмъ колесомъ и достаютъ воду. Зимой такую деревушку, всю и съ прудомъ, до того заноситъ снѣгомъ, что и не видно, гдѣ избы стоятъ, гдѣ прудъ; да до того заноситъ, что и воротъ отворить нельзя; такъ скотъ и на водопой не гоняютъ, а то, если можно, черезъ крыши переходятъ.

Въѣзжаемъ мы въ эту деревню на восходѣ солнышка раннею весной: въ оврагахъ снѣговая вода бѣжитъ, прудъ надувается; но снѣгъ еще не сошелъ, только на пригрѣвѣ высохло. На сухомъ-то мѣстѣ въ концѣ деревни собрались крестьянскія дѣвушки, всѣ разряженныя: съ

чистыми полотенцами на головѣ, съ лентами въ косѣ, въ бѣлыхъ льняныхъ рубашкахъ, въ нарядныхъ поневахъ, всѣ обутыя,—правда, что обуты которыя и въ лапти, а то есть которыя и въ коты. Подъѣзжаете ближе и слышите—дѣвки пѣсни поютъ:

Весна красна
На чемъ пришла,
На чемъ пришла,
Пришла, пріѣхала?
— „На кобылѣ вороной—
Съ сохою, съ бороной"!

— Что дѣвки пѣсни поютъ? спроситъ какой нибудь заѣзжій на ту пору въ деревушку:—теперь великій постъ, а здѣсь дѣвки пѣсни поютъ!

— Законъ такъ велитъ! отвѣтили бы тому заѣзжему человѣку:—вѣдь нонче Благовѣщенье.

— Какъ законъ велитъ дѣвкамъ великимъ постомъ пѣсни пѣть? будетъ допытываться тотъ:—да еще въ такой большой праздникъ—Благовѣщенье,—до обѣдни!...

— Дѣвки тѣ не пѣсню поютъ.

— Какъ не пѣсню?

— А такъ не пѣсню! отвѣтитъ тотъ, кого спрашивали:—не пѣсню; это весну закликаютъ.

Проѣзжій человѣкъ и изъ этого ничего не пойметъ, опять станетъ допытываться: какъ это весну закликаютъ, для чего, да почему? И будутъ ему толковать, а онъ все-таки ничего не пойметъ, ничего здѣсь не скажетъ, только, выѣхавши изъ той деревни, всѣхъ дураками обзоветъ.

— Дураки! скажетъ онъ:—великій постъ, такой большой праздникъ, а тутъ дѣвки во все горло пѣсни дерутъ, какую-то весну закликаютъ.... Грѣхъ какой творятъ!...

А тутъ и не понимать-то нечего: всякій, кто маломальски учился, знаетъ, что давно-давно, вотъ ужь скоро 900 лѣтъ будетъ, какъ русскіе прадѣды нашихъ прапрадѣдовъ православную вѣру приняли, а прежде этого были у нихъ богами—домовой, лѣшій, водяной... вотъ хоть теперь и весна-красна... Этимъ-то они богамъ прежде и службу справляли, да и до сихъ поръ простой народъ трудно увѣритъ, что этихъ домовыхъ да лѣшихъ и на свѣтѣ-то никогда не было. Вотъ хоть бы и весна красна—развѣ это живая весна? Хоть ты ей молись, хоть ты ее брани, весна все таки придетъ; за весной лѣто, а тамъ зима; и закликать ихъ нечего. Вотъ простой народъ, не зная порядкомъ ничего, домовыхъ да лѣшихъ ругаетъ, и веснѣ красной по прежнему молится, такъ какъ ей еще до православной вѣры молились,—все еще весну закликаютъ и по прежнему дѣвки поютъ:

Весна красна,
На чемъ пришла?

Напѣлись дѣвки до сыта и разошлись по домамъ, а дома ужъ обѣдъ собираютъ: накрыли столъ чистымъ настольникомъ, положили ложки, ковригу рѣшотнаго хлѣба, хоть и не чистаго,—этотъ годъ, пожалуй, до нóвины не дотянетъ, такъ еще съ зимы стали бабы печь изъ муки съ мякиною. Всѣ помолились на иконы и всей семьей сѣли за столъ. Старикъ накроилъ хлѣба, старуха поставила большую чашку вáрева на столъ; всѣ взяли по ломтю хлѣба, по ложкѣ и перекрестились. Хлѣбнули по ложкѣ, положили ложки на столъ и заѣли хлѣбомъ; потомъ опять взяли по ложкѣ варева, положатъ опять ложки, пока хлѣбъ ѣдятъ... и все такъ благочестиво, такъ истово...

— Не прибавить ли еще, родные? спрашиваетъ старуха-хозяйка, увидавши, что въ чашкѣ ужъ варева не стало.

— Подлей! отвѣчаетъ хозяинъ.

Съѣли еще чашку, испили квасу-сыровцу, встали, вышли изъ за стола и всѣ опять стали Богу молиться—за обѣдъ Бога благодарить.

Что же такое они ѣли? Вѣдь нынче Благовѣщенье—праздникъ, разрѣшеніе не только вина и елея, да и на рыбу разрѣшеніе, стало быть, и рыбки было въ варевѣ? Нѣтъ, рыбки-то у нихъ не было—въ своемъ прудѣ рыба не водится, а хоть бы и водилась, такъ не про какого нибудь мужика, а про тѣхъ, кто побогаче мужика: отдали бы на откупъ рыбную ловлю въ прудѣ, а откупщикъ позволилъ бы развѣ взглянуть на рыбу, да и то еще если бы позволилъ, а то и взглянуть не даетъ—прогонитъ... Купить для праздника Господня рыбки? Купилъ бы... да купила-то—не хватило!.. Что же они ѣли? А вотъ что: сварила баба щей пустыхъ, да забѣлила ихъ конопляным сокомъ: масла постнаго тоже не хватило...

На другой день всѣ мужики стали собираться къ работамъ, что лѣтомъ идутъ: кто сталъ соху ладить, кто борону справлять, кто сбрую чинить. Послѣ Благовѣщенья скоро за пахотьбу приниматься; не даромъ старики говорятъ, что о Благовѣщенье и на саняхъ недѣли или переѣздишь или не доѣздишь; а снѣгъ сойдетъ, земля оттаетъ, надо овесъ сѣять: вѣдь овесъ сѣять опаздывать нельзя; и пословица говоритъ: «овесъ сѣй хоть въ золу, да въ пору, а въ дождь сѣй рожь». Придетъ пора сѣять овесъ, тутъ ужъ некогда ждать.

Вотъ и совсѣмъ весна наступила: земля отошла, мужики помолились Богу—засѣяли овесъ, и только стали землю подъ рожь пахать—а у котораго еще съ озими паръ поднимать, а тамъ опять за пашню подъ озимое, гулять некогда—надо еще засѣять гречиху; а въ петровки другая работа—сѣнокосъ подойдетъ! Бабамъ тоже свое дѣло: пеньку мять, овесъ полоть, капусту сажать, а которая и картошку посадитъ—тоже дѣла не оберешься!..

Рано утромъ ѣдетъ мужикъ въ поле, на своемъ загонѣ овесъ ломать; лошаденка у него нельзя сказать, чтобъ ужъ очень на видъ-то хороша была, да за то лошадь, хоть и старая, да выносливая, а всего

то за нее дадено восемь рублей—только!.. стало быть, и красоты отъ нея ждать большой нечего!... Пріѣхалъ на свой загонъ, соху поставилъ какъ надо, снялъ шапку, помолился на востокъ Богу, и принялся пахать; пашетъ, а самъ пѣсню какую-то замурлычитъ, то галку кнутомъ стебнетъ—а галокъ за нимъ штукъ семь перелетываетъ: онъ палицей подниметъ землю, а съ землей выворотитъ съ сотню земляныхъ червей; такъ галки, какъ завидятъ, гдѣ мужикъ пашетъ, такъ за тѣмъ мужикомъ и перелетываютъ!.. Пахалъ мужикъ, лошаденка у мужика пріустала, да и самому пожевать захотѣлось. Выпрягъ онъ свою лошаденку изъ сохи, спуталъ ей переднія ноги и пустилъ на неподнятый еще паръ; а самъ вытащилъ изъ какой-то тряпки круто посоленый кусокъ хлѣба, перекрестился на востокъ, сѣлъ около сохи, съѣлъ свой кусокъ бережно; крошку хлѣбную ронять не годится: хлѣбъ даръ Божій! потомъ легъ, заснулъ немножко, а тамъ опять пахать! Выпахалъ мужикъ уже больше полъосминника, больше осьмой части сороковой десятины; теперь обѣдать пора. Выпрягъ опять онъ лошаденку, оставилъ соху на загонѣ, сѣлъ на нее верхомъ и трушкомъ поѣхалъ домой; а къ тому времени и баба съ работы вернулась, собрала обѣдъ; мужикъ пообѣдалъ, чѣмъ Богъ послалъ, отдохнулъ, и опять пахать до поздняго вечера.

Бабы, дѣвки тоже цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, на работѣ; мальчишка лѣтъ 10, и тотъ помогаетъ отцу въ полевыхъ его работахъ; мальчикъ десяти лѣтъ ужь бороноволокъ: прицѣпятъ борону къ лошаденкѣ, посадятъ верхомъ, онъ и пашню заборонуетъ не хуже большаго мужика, и лошадь напоитъ, и въ ночное сгонитъ: тому тоже работа, положимъ, работа не большая, работа веселая, а все-таки работа: не будь мальчугана, пришлось бы самому большому справлять ребячье дѣло!... и эту трудную работу принесла весна, которая:

Пришла пріѣхала
На кобылѣ вороной
Съ сохою, съ бороной.

Чего же обрадовался народъ этой красной веснѣ, которая выгнала поголовно весь народъ изъ дому въ поле? Почему наши прадѣды радовались веснѣ красной—я не скажу, а почему теперь народъ радуется ей—я понять не могу: труды, работа неустанная, безпрерывные труды, часто и въ праздники работа, которую и отложить нельзя—вотъ что значитъ весна въ степной полосѣ Россіи. И работаетъ мужикъ безропотно, не скучая работой даже: видно, сама работа его занимаетъ. И въ самомъ дѣлѣ, простой человѣкъ только и живетъ своей пашней, ее только одну и любитъ: что ему за дѣло, что какіе-то два

короля воюютъ, что какого-то генерала смѣнили? Эти міровыя дѣла тогда только его интересуютъ, когда прямо его касаются; война съ нашимъ царемъ—наборъ будетъ, пожалуй, достанется идти работнику, пахать некому будетъ, нанять надо—надо отстаивать свою землю-кормилицу. Послушайте, о чемъ толкуютъ старики, сидя вечеркомъ по праздникамъ у какой-нибудь избы на завалинкѣ—все объ однихъ земляхъ, о погодѣ, о дождяхъ.

Работа нѣсколько унялась, не кончилась совсѣмъ — работы и въ вѣкъ не кончить всей, а только что унялась—теперь можно и къ сосѣду въ другой приходъ на праздникъ поѣхать. Престольный праздникъ у мужиковъ празднуется по возможности хорошо; на этотъ праздникъ по праздничному собираются всѣ родные и пріятели. Всякъ сходитъ въ церковь къ обѣднѣ, а время нѣтъ, то зайдетъ въ церковь Богу свѣчку поставить и выйдетъ изъ церкви, набожно перекрестясь, а у церкви сидятъ старцы съ чашечкой въ рукѣ, и поютъ стихъ про Лазаря, Егорія, Ѳедора Тирона, да этихъ стиховъ много, а теперь поютъ и про вознесеніе Христово.

Пройдетъ мужикъ мимо старцевъ, подастъ христову милостыню и пойдетъ на ярмарку: кому надо что купить, кому что продать. У мужика къ этому времени пенька готова, а на ярмарку съѣзжаются изъ ближнихъ городовъ купцы, которые скупаютъ пеньку; другому надо лошадь купить, а иной горемыка послѣднюю коровенку тащитъ; деньги нужны: дома соли даже нѣтъ.

Но когда войдешь въ красный рядъ—тутъ уже все смотритъ празднично. По обѣимъ сторонамъ стоятъ палатки изъ холста; самыя ближнія заняты, разумѣется, барскимъ товаромъ: конфектами, чаемъ, помадой, духами работы Мусатова или Ралле, шампанскимъ домашняго приготовленія и всѣмъ, чего требуетъ изъ бакалеи какой-нибудь не очень прихотливый помѣщикъ или помѣщица. Въ другихъ также красный товаръ барскій:—ситцы, сукна, канифасы; впрочемъ, и крестьянскій товаръ здѣсь держатъ; а дальше пойдетъ ужь одинъ крестьянскій: въ однихъ дешевые пряники, которыхъ никакимъ зубомъ простому человѣку и не укусить, а которые есть и мягкіе, да ужь больно не прихотливы—на одномъ суслѣ замѣшаны. Здѣсь, кромѣ этихъ пряниковъ, найдете рожки, черносливъ, орѣхи разные: и простые каленые, и кедровые, найдете и подсолнечниковъ. А тамъ еще лавки съ краснымъ товаромъ, но съ товаромъ уже простымъ: платки росписные, кушаки, шапки, шляпы...

На ярмаркѣ всякаго мужика, бабу, чествуютъ купцы: какъ бы много покупщиковъ не столпилось въ лавкѣ, торгашъ всѣмъ успѣетъ товаръ какой кому надо показать.

— Покажи-ка ситцу получше! говоритъ одна баба купцу, приходя въ лавку съ краснымъ товаромъ.

— А покажи платковъ! приказываетъ другая.

— Съ нашимъ почтеніемъ, отвѣчаетъ купецъ первой бабѣ, выкладывая на прилавокъ нѣсколько кусковъ ситцу.

— А платковъ-то?..

— Какихъ тебѣ, лебедка, требуется? Для старухи какой, или самой носить? такъ и выбирать будемъ.

— Мнѣ поцвѣтнѣй выбери.

— Самой, значитъ! замѣчаетъ купецъ.

— Ты дай мнѣ ситцу показистѣй, требуетъ одна баба:—а то какіе ты показываешь?!..

— Что ни на есть самые лучшіе: всѣ купчихи тотъ ситецъ носятъ!

— Разсказывай!...

— Мнѣ все равно! Я и другихъ покажу... Кому что требуется. Не понравятся ли эти? спрашиваетъ купецъ, показывая другіе ситцы.

— Нѣтъ ли получше платковъ? говоритъ другая баба:—эти какъ будто ужь не тово!..

— Какихъ же лучше надо? Ты, молодка, взгляни хорошенько: это ли не товаръ? какого тебѣ лучше?

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О КРЫМСКОЙ ВОЙНѢ.

Великая война для Россіи съ западомъ меня застала въ Харьковской губерніи, въ богоспосаемомъ городѣ Богодуховѣ; а городъ Богодуховъ стоитъ совсѣмъ въ сторонѣ, въ такой глуши, что этому городу приходилось читать газеты по крайней мѣрѣ недѣли двѣ спустя послѣ выхода ихъ въ Петербургѣ. Газеты, разумѣется, получали сильные, ежели не всего міра, то всего Богодухова, какъ города, такъ и всего богодуховскаго уѣзда. Знакомые съ почтовою богодуховскою конторою, желающіе знать газетныя новости, въ день прихода почты приходили въ почтовую контору и ждали съ нетерпѣніемъ прихода почты, а съ этимъ и всѣхъ новостей. Другіе же, не такъ высоко поставленные на ступеняхъ административной іерархіи, довольствовались слухами изъ вторыхъ и третьихъ рукъ объ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ. Въ этихъ-то кружкахъ часто приходилось слышать разговоры, разсказы, совершенно немыслимые ни въ какомъ кружкѣ ни въ Москвѣ, ни въ Питерѣ. И эти разговоры шли не въ какомъ нибудь мѣщанскомъ или купеческомъ обществѣ, нѣтъ, такъ говорили въ *благородныхъ* обществахъ, въ домахъ дворянъ.

Я разъ былъ у одного помѣщика отъ 10 — до 12 (по старому) душъ; тамъ рѣчь зашла о политикѣ.

— Слышалъ, братъ, Ѳедоръ Иванычъ, какъ наши-то ребята, солдаты русскаго царя работаютъ?

—Слышать-то я слышалъ, да не знаю, какъ вамъ и сказать, Андрей Петровичъ, такія дѣла!

— А вы знаете, какъ дѣло было?..

— Настоящаго-то дѣла я не знаю...

— А вотъ: турченинъ выслалъ подъ нашего царя своего генерала Калафата, а нашъ русскій царь своихъ противъ него генераловъ. Наши генералы станутъ изъ пушекъ палить въ того генерала Калафата... а у генерала Калафата шаровары широкія... попадетъ ядро изъ пушки въ тѣ штаны, ядро и запутается:—никакого вреда той турецкой арміи и не сдѣлаетъ!.. Видитъ русскій царь—дѣло плохо!... «Дай, пошлю, говоритъ русскій царь, подъ того Калафата генерала Одесту!»—Послалъ это русскій царь Одесту... а Одестъ генералъ—человѣкъ хитрый, хитрый!.. Одестъ генералъ сталъ въ Калафата калеными ядрами палить: ядро попадетъ въ штаны Калафату генералу, штаны загорятся... Дай Богъ штаны чинить, а куда ужь тутъ объ арміи думать!.. А Одестъ-то все палитъ да палитъ!.. Такъ всю армію Одестъ Калафатову и побилъ!.. Такъ всю и побилъ!..

Въ другихъ кружкахъ, читающихъ газеты, разговоры шли съ большею сообразительностію.

— Вы знаете, зачѣмъ послали генерала Муравьева подъ Карсъ городъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— А хотите, я вамъ скажу?

— Пожалуйста!

— А вотъ генералъ Муравьевъ возьметъ Карсъ, а послѣ Эрзерумъ, говорилъ мнѣ богодуховскій политикъ, показывая на карту Зуевскаго атласа:—а тамъ возьметъ Синопъ, а тамъ подойдетъ къ Скутари!.. А Скутари у самаго порога Константинополя!.. Вотъ тогда-то мы и запремъ англичанина въ Черномъ морѣ!.. А запремъ—никого и не выпустимъ... Константинополь возьмемъ: всѣ выходы запремъ!..

Въ Харьковѣ были хоть другіе толки, но немногимъ чѣмъ отстающіе отъ богодуховскихъ. Черезъ Харьковъ изъ Крыма въ то время изъ подъ Севастополя проѣзжало ежедневно по крайней мѣрѣ четыре курьера въ Петербургъ съ донесеніями, и для харьковцевъ въ буквальномъ смыслѣ сбывались слова сказки: «по усамъ текло, а въ ротъ не попало»... Курьеры ѣздили, только въ Харьковѣ ни слова ни кому не говорили и, мы узнавали все-таки изъ газетъ, которыя получали изъ Петербурга.

Стали въ Харьковъ привозить раненыхъ... Назначено было устроить больницы для двухъ, кажется, тысячъ больныхъ. Пересылка раненыхъ въ Харьковъ, была больше чѣмъ неудовлетворительна... Одинъ только разъ всѣ были удивлены единогласною благодарностью распорядителю транспорта всѣхъ находящихся въ этомъ транспортѣ больныхъ, хотя въ транспортѣ и было, кажется, нѣсколько сотенъ, но никто изъ нихъ безъ благодарности не вспоминалъ о начальникѣ послѣдняго.

Слухи объ этотъ дивномъ начальникѣ ходили въ Харьковѣ такіе.

Въ одинъ прекрасный день, къ генералъ-губернатору приходитъ молодая дѣвушка.

— Квитанцію пожалуйте, ваше превосходительство! говоритъ она генералъ-губернатору.

— Какую квитанцію? спрашиваетъ тотъ, никакъ не ожидая отъ этой особы такой просьбы.—Какую квитанцію?

— Я раненныхъ изъ-подъ Севастополя привезла...

— Ты? изъ-подъ Севастополя?...

— Я, ваше превосходительство.

— Какъ такъ?

— Партія-то больныхъ поручена была офицеру; съ офицеромъ этимъ я давно была знакома, ну, и въ Севастополь съ нимъ поѣхала; изъ Севастополя его и послали въ Харьковъ, съ ранеными. А на дорогѣ... Такой грѣхъ случился!.. На дорогѣ онъ заболѣлъ... Хорошо еще что я тутъ случилась: не стоять же больнымъ середь дороги! Взяла я у него всѣ деньги... кому можно повѣрить деньги? Повѣришь кому, тотъ истратитъ, отвѣчать придется! Вотъ я взяла деньги, да сама и повезла транспортъ.

— Что же, благополучно ты довезла? спросилъ генералъ-губернаторъ?

— Слава Богу, ваше превосходительство! Кажется, ничего дурнаго во всю дорогу не было.

— Много денегъ истратила?

— Много, ваше превосходительство.

— И свои деньги тратила?

— Гдѣ своихъ взять?!.. У меня еще и казенныхъ много осталось: извольте получить, сказала дѣвушка, подаяая деньги.

Генералъ-губернаторъ взялъ деньги и—ахнулъ!... Онъ, зная *справочныя* цѣны, никакъ не думалъ, чтобы такъ дешево можно было довезти больныхъ до Харькова.

— Только пожалуйста, ваше превосходительство, квитанцію прикажите поскорѣй выдать, а то мой-то пожалуй и безъ меня душу Богу отдастъ: при смерти лежитъ.

— Хорошо ли ты людей довольствовала?

— Кажись, всѣмъ довольствовала, ваше превосходительство: ни одинъ солдатикъ во всю дорогу не печаловался.

— А въ книжкѣ у тебя расписывались?

— Какія тамъ книги!.. я не грамотная!..

— Хорошо, ступай!..

— А какъ-же квитанція?..

— Приди послѣ.

— Да когда же?

— Хоть часа черезъ три.

— Такъ я стану собираться назадъ, ваше превосходительство: мой-то при смерти лежитъ!...

— Хорошо, хорошо, ступай!..

Послали спросить солдатъ: довольны ли они распоряженіями этой дѣвушки во время пути?

— Матери родной не надо! отвѣчали тѣ:—во всю дорогу сама за всѣми присматривала, сама за всѣми ухаживала!..

— Нѣтъ ли отъ кого на нее жалобы?

— Какая жалоба?!.. Матери родной, и той бы такъ всѣмъ не угодить!. Ундерамъ всѣмъ руки прижала.

— Какъ ундерамъ?

— А такъ: какой ундеръ не по ней:—«я тебя арестую, говоритъ, ты у меня не балуй!»... Вотъ всѣ ее и слушали, оттого и порядки были:..

Пришла эта дѣвушка къ генералъ-губернатору; тотъ далъ ей, какъ слухи носились, двадцать пять рублей серебромъ за ея заслуги и отпустилъ.

Славная была, должно быть, дѣвушка!

Передамъ я вамъ еще слѣдующій разсказъ ратника.

Живши въ Харьковѣ, трудно было не видать раненыхъ, а ежели кто хотѣлъ поговорить съ ними, то такихъ вещей наслышался бы, что долго и не позабылъ бы...

Я любилъ съ ними разговаривать, и меня всегда поражало добродушіе солдатъ, а въ особенности ратниковъ. Какъ теперь вижу одного обоянскаго ратника, лежавшаго за ранами въ харьковскомъ временномъ госпиталѣ.

— Гдѣжъ тебя угораздило? спросилъ я у него.

— Знамое дѣло, подъ самымъ Севастополемъ былъ: подъ Севастополемъ и хватило.

— Да ты что дѣлалъ въ Севастополѣ?

— Палилъ.

— Какъ палилъ?

— Изъ пушекъ палилъ!

— Ты вѣдь не умѣешь палить?

— Насъ, братецъ ты мой, учили палить изъ пушекъ, отвѣчалъ ратникъ, строго посмотрѣвъ на меня.

— Учили?

— Цѣлыхъ, братецъ ты мой, три дня учили палить! Палить изъ пушки, не учимшись, совсѣмъ нельзя.

— И въ три дня ты выучился?

— Какъ есть выучился!...

— И стрѣлялъ?

— Мало того—палилъ: на караулѣ стоялъ, всю, значитъ, службу справлялъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ, примѣрно, поставятъ тебя караулить бомбу, ядро... Ты, какъ завидишь эту бомбу, и долженъ кричать: бомба!..

— Да какъ же ее ты завидишь?

— Это все видно!.. Вотъ летитъ, ты и кричишь: бомба! а то: ядро!

— Какъ же тебя угораздило? повторилъ я свой вопросъ, желая узнать, при какихъ обстоятельствахъ былъ раненъ этотъ знатокъ артиллерійскаго дѣла.

— Да какъ хватило бомбой въ землю, въ стѣну, то есть: стѣнку-ту обвалило, меня до половины той землей да камнями и засыпало! Спасибо еще добрымъ людямъ, скоро отрыли, а то бы пришлось и совсѣмъ пропадать!..

Меня всегда поражало благодушіе раненыхъ разсказчиковъ объ ихъ подвигахъ, равнодушіе или, лучше сказать, крайнее отсутствіе самохвальства въ разсказахъ людей, бывшихъ въ страшныхъ опасностяхъ. Ежели они не знали пунктиковъ, въ настоящее время уничтоженныхъ, ежели они не умѣли отвѣчать начальству, какъ требовалось, за то никто не умѣлъ такъ умирать, какъ умиралъ русскій солдатъ или ратникъ.

Я вамъ разскажу нѣсколько случаевъ изъ временъ севастопольской бойни 1854—55 года.

Собрались ратники; ихъ пріѣхалъ смотрѣть начальникъ.

— За что идешь драться со врагами? спрашивалъ начальникъ одного ратника.

— За вѣру, царя и отечество! бойко отвѣчалъ ратникъ, наученный этому отвѣту своимъ начальствомъ.

— А ты? спрашивалъ онъ другаго ратника.

— За вѣру, царя и отечество!

— А ты? спросилъ онъ третьяго.

Ратникъ сконфузился и молчалъ.

— Говори же, за что? спрашивалъ начальникъ.

— Да такъ, за бездѣлицу...

— Какъ за бездѣлицу? спросилъ озадаченный начальникъ.

— Да такъ, за бездѣлицу: двѣ мѣрки конопель укралъ...

— Что?!

— Укралъ двѣ мѣрки конопель, баринъ въ ратники и отдалъ.

И вотъ этотъ-то человѣкъ, такъ глупо отвѣчавшій, разсказывалъ мнѣ про свои подвиги, которые онъ и подвигами не признавалъ. Разсказывая про свои подвиги, онъ такъ же подсмѣивался надъ собой, какъ и при разсказѣ объ этомъ отвѣтѣ.

— Бывалъ ты въ сраженіяхъ? спросили этого ратника, когда мы уже съ нимъ вдвоемъ посмѣялись надъ его отвѣтомъ.

— Какъ же, бывалъ, отвѣчалъ тотъ, какъ-то лукаво посмѣиваясь.

— Гдѣ? въ какомъ сраженіи?

— Да все тамъ же, подъ Севастополемъ!

— Въ какомъ же сраженіи?

— Подъ самымъ Севастополемъ.

— Чья-жь взяла?

— Чья?—Знамо дѣло: ихъ!..

— Отчего же непремѣнно: ихъ? допытывался я, напередъ предугадывая его отвѣтъ.

— Знамо отчего!

— Да отчего?

— Измѣна!.. Вотъ отъ чего!

— Какая же измѣна?..

— Ну самъ, разсуди, заговорилъ мой ратникъ:—какъ не измѣна? Собрали всю силу, сколько не было подъ Севастополемъ нашей силы, всю собрали, собрали и пустили на *него*. Хорошо!.. Бросились мы на *него*, взяли одинъ порядокъ, взяли другой; какъ взяли другой, кинулись на третій; а взяли бы третій—лоскъ ему-бъ, совсѣмъ лоскъ, какъ есть!... А тутъ: Тру-ту-ту! Тру-ту-ту!..

— Это что?

— А это въ трубу заиграли! отвѣчалъ ратникъ, съ видимымъ враждебнымъ чувствомъ:—въ трубу заиграли, отступай, значитъ, назадъ! А зачѣмъ отступать? Два порядка взяли, остался только одинъ третій, и вся наша!... А тутъ отступай!.. Ну, нѣтъ, думаемъ, ребята, постоимъ!.. Ступай впередъ!.. А нашъ-то дружинный кричитъ:—«Назадъ, ребята! назадъ! Худо будетъ!..» Знамо дѣло, думаемъ, худо будетъ, коли начальникъ за измѣну взялся!.. Глядимъ назадъ, а наши-то всѣ назадъ побѣжали,.. Видимъ, однимъ намъ не справиться, ну и мы за ними бѣжать! А *онъ*-то какъ сталъ въ насъ палить, палить въ насъ!.. И сколько тутъ кроволитія было, и Боже мой!.. А все измѣна!...

— Почему же ты думаешь, что измѣна?

— Да вѣдь дружинный-то нѣмецъ!

— Какой нѣмецъ, сказалъ я:—онъ и по-нѣмецки ни одного слова не знаетъ!

Я зналъ этого дружиннаго: онъ былъ чисто русскій, и про него можно было сказать, что его дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ ни слова не зналъ по-нѣмецки; а во внукѣ, кромѣ фамиліи, ничего не было нѣмецкаго.

— Вѣдь онъ самъ раненъ, говорилъ я, желая разувѣрить подозрительнаго сподвижника.

— Какъ же:—безъ обѣихъ ногъ остался!...

— А ты говоришь...

— Да что говорить! прервалъ онъ меня, махнувъ рукой — что говорить!

Мы помолчали.

— И сколько тутъ ратниковъ было! началъ ратникъ: — раненыхъ однихъ, объ убитыхъ я не говорю: убитыхъ—страсть!... Одинъ Богъ святой знаетъ, сколько было убитыхъ, а раненыхъ сколько!..

— Что же, ихъ лечили?

— Лечить-то лечили...

— Такъ что же?

— Лежать плохо было.

— Кроватей, я знаю, не было; раненыхъ было очень много, нельзя было кроватей напастись...

— Какія тебѣ кровати!..

— Соломки подстелютъ и то хорошо, продолжалъ я.

— Куда тебѣ соломки! Собери со всего свѣта солому, и той на эту силу не достало бы!... Такъ лежали!..

— И всѣ такъ?..

— Ну, нѣтъ! Которые попадались къ милосердымъ, тѣмъ хорошо было: лекарствами лечутъ, чаемъ тебя поютъ, мало того—и поплачутъ надъ тобой!..

Я живо себѣ представляю, какъ должны были дѣйствовать женскія слезы на солдатъ и ратниковъ среди всѣхъ ужасовъ севастопольской войны.

— А страшно было?

— Какъ не страшно!

— Какъ же вы впередъ всѣ шли, и назадъ вернуться не хотѣли?

— Да вѣдь онъ пришелъ вѣру нашу рушить, порядки свои у насъ заводить! Тутъ некогда, другъ душевный, думать, что страшно, что не страшно!

Это мужество поразительно: это не дикая дерзость, не безумная храбрость, нѣтъ! Здѣсь человѣкъ, сознавая всю опасность, признавалъ необходимость подвергать свою жизнь этой опасности, чтобы спасти свою вѣру и свои порядки.

Слышалъ я другой разсказъ.

— Страшно было! говорилъ одинъ раненый ратникъ.

— Чего же страшно?

— Какъ не страшно?! Стоимъ мы эдакъ кучечкой... какъ хватитъ ядромъ,—парню голову и отхватило!.. Смотримъ, и не признать, кто лежитъ: не то Ванька Сѣрыхъ, не то Ванька старостинъ!.. Безъ головы лежитъ, — и не признаешь! Послѣ уже узнали, что Ивану Сѣрыхъ голову снесли.

— А все стояли?

— Все стояли, потому нельзя: онъ прорветъ.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

I.

ИЗЪ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Тверь, 29 ноября 1858 г.

Вчера я пріѣхалъ въ Тверь съ тяжелымъ поѣздомъ; дорога была скучная; отъ нечего дѣлать, я подсѣлъ къ мужикамъ; разговорились о Кокоревѣ; кто-то похвалилъ домъ его въ Москвѣ, близь Покровки.

— Небось цѣлковыхъ шесть стоитъ, замѣтилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Бываютъ дома и дешевле, отвѣтилъ на это другой.

— Какъ, дешевле шести цѣлковыхъ? сказалъ я.

— Много дешевле.

— Какіе же такіе дома?

— А вотъ, что одна то лошадь домовъ по двадцати возитъ!

— Въ этихъ домахъ всякому жить придется! замѣтилъ сѣдой старикъ, покачавъ головою: называются только они гробами, а то та же домовина, стало быть—домъ!

Въ моемъ вагонѣ везли кондукторовъ, которые отъ нечего дѣлать перепились и поминутно ссорились между собою. Одинъ изъ нихъ, старый отставной ундеръ, сильно негодовалъ на молодежь; такъ называлъ онъ своихъ товарищей, тоже отставныхъ ундеровъ съ сѣдыми усами.

— Молодежь эта, говорилъ онъ, не умѣетъ служить Богу и Великому Государю, не умѣетъ... Тоже служитъ, говоритъ; да какъ служитъ, спрошу

я?—не по нашему: я служилъ... служу... буду служить—не по ихнему. До гробовой доски буду служить! Въ наше время служили не по нынѣшнему. Вотъ хоть къ примѣру взять, были мы подъ Варною, тогда съ Туркомъ война была, а въ ту пору я служилъ въ Преображенскомъ. Вышелъ приказъ такой: со всей гвардіи вызвать 120 человѣкъ охотниковъ, такъ куда тебѣ 120 — 12 тысячъ вызвалось! Начальники и велѣли жеребій трясти. Стали трясти: вышелъ жеребій мнѣ. Фельдфебель былъ у насъ Петровъ; тотъ давалъ мнѣ 50... 100 рублей, пусти только его съ моимъ жеребьемъ, да я не взялъ! А былъ тогда еще рядовымъ!

Много онъ и еще разсказывалъ; но какъ онъ на каждой станціи прохлаждался, то языкъ его выговаривалъ все невнятнѣй и невнятнѣй, а наконецъ и совсѣмъ отказался служить. Пріѣхавъ въ Тверь, я пошелъ въ трактиръ ужинать, гдѣ ко мнѣ подошелъ одинъ господинъ храброй наружности. Мы съ нимъ разговорились и сей господинъ оказался, сверхъ моего ожиданія, какимъ-то чиновникомъ или писцомъ при комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Между прочимъ онъ говорилъ мнѣ, что комитетъ рѣшилъ печатать всѣ свои протоколы, чѣмъ писецъ былъ сильно недоволенъ: «Для чего, кому надо знать? Прикажутъ, когда придетъ время!»

Сегодня по утру я пошелъ отыскивать Рж. и Р.; въ Твери я былъ въ первый разъ; Рж., по просьбѣ М. П. Погодина, могъ указать мнѣ на что особенно надо взглянуть, а Р., какъ секретарь губернскаго правленія, могъ, при пѣшеходномъ моемъ путешествіи по Тверской губерніи, оказать большую помощь: я знаю по опыту, какъ трудно растолковать нѣкоторымъ особамъ, особливо становымъ съ братіею, цѣль моихъ походовъ, а секретарю, да еще губернскаго правленія, не то что нашему брату, во всемъ повѣрятъ. Но, къ моему великому горю, я ни того, ни другаго не нашелъ въ Твери; они оба уѣхали въ Москву. За розысками ихъ я опоздалъ къ обѣднѣ въ соборъ, который мнѣ очень хотѣлось видѣть. Отъ нечего дѣлать, я отправился въ трактиръ «чаевать», и тамъ напалъ на купцовъ, пришедшихъ туда тоже чайку попить. Не могу вамъ сказать, какъ у насъ зашелъ разговоръ; кажется, одинъ изъ насъ попросилъ газету у другаго. Мы разговорились и сѣли за одинъ столъ. Перекинувъ нѣсколько словъ, я спросилъ ихъ, какъ идетъ торговля послѣ открытія чугунки: сильнѣе или упала? Вѣроятно значительно увеличилась?

— Увеличилась!.. Какое увеличилась?—не въ примѣръ туже пошла!

— Отъ чего-же?

— Какъ отъ чего? Москва стала ближе. Теперь кому что надо купить, заплатилъ 1 р. 15 к., да и въ Москву; а тамъ онъ хоть и не дешевле купитъ, да думаетъ: во ста мѣстахъ побываю. Теперь ни одна свадьба не бываетъ безъ поѣздки въ Москву! Сперва этимъ товаромъ, такъ сказать по нашему, краснымъ, на два милліона въ розницу Тверь торговала, а теперь на 200 тысячъ! На два милліона, то есть, въ розницу, торговала на ассигнаціи, а 200 тысячъ серебромъ, все-таки это выходитъ 700 тысячъ; а остальные-то гдѣ взять?

— Вы говорите про торговлю краснымъ товаромъ, а какъ же у васъ идетъ хлѣбная торговля?

— То же и съ хлѣбомъ! Хлѣба везутъ по Волгѣ много, изъ Твери еще больше, да только хлѣбъ насквозь проходитъ: въ одну заставу ввезутъ, въ другую вывезутъ; съ Волги на желѣзную дорогу, да и вся недолга! Вотъ Новгородъ сперва какъ горевалъ, что желѣзная пойдетъ мимо; а теперь желѣзная дорога такъ отрѣзала, что вся та сторона къ нему потянула! Вся сторона: Псковъ, Курляндія, Лифляндія, Швеція! Теперь въ Новгородѣ то и дѣло что строятся: вотъ недавно купецъ... купецъ... забылъ какъ прозывается... вотъ, по Волхову пойдешь, такъ на углѣ будетъ... забылъ! Такъ этотъ купецъ поставилъ домъ во сто тысячъ, да тысячъ серебромъ! А у насъ ноноче сильныхъ людей, богачей нѣтъ. Ты знаешь, Михайло Яковлевичъ, сказалъ онъ, обращаясь къ своему товарищу, старицкаго купца, Ивана Дементьева?

— Безпоповаго-то, *) что въ прошломъ году умеръ? Знаю.

— Что за сила была! одинъ всей здѣсь торговлей ворочалъ: въ Старицѣ жилъ самъ, а въ Твери никакого хлѣба безъ него не покупали!

— А умеръ собакой! отозвался какой-то господинъ въ чуйкѣ, тоже изъ купцовъ.

Мои товарищи примолкли.

— Отчего же собакою? сказалъ я.

— Да вотъ видите, сударь ты мой, продолжалъ господинъ въ чуйкѣ: умираетъ онъ, совсѣмъ умираетъ; знаетъ, умретъ безъ святыхъ таинъ — всю родню и родъ засудятъ, такъ и пріобщился; а похоронъ справлять не велѣлъ: позвали только восемь поповъ, а ни архіерея, ни архимандрита—никого не позвали, да такъ похороны и справили! И тѣхъ бы не справили, коли можно бъ было,—тѣмъ и кончили!

— У нихъ, вѣрно, старыхъ книгъ много? спросилъ я.

— Много. Умеръ отецъ моего тестя,—онъ былъ изъ такихъ же, такъ онъ оставилъ пудовъ тридцать старинныхъ книгъ! Да я всѣ ихъ во Ржевъ спустилъ: тамъ до этого охотники!

— Да и я охотникъ; коли есть у васъ еще, я куплю, сказалъ я.

— А на что-же вамъ: у васъ, какъ кажется, борода стриженая? спросилъ онъ меня.

Я ему сказалъ, для чего мнѣ нужны старыя книги и рукописи. Купецъ смекнулъ.

— Понимаемъ! Если хотите достать, то сходите къ Т*-Б*. у него два прозвища; онъ живетъ у старой аптеки; у него своя лавка тамъ есть. Да еще сходите къ Ж*, а этотъ живетъ за Волгою во второй улицѣ: у нихъ много книгъ, можетъ быть они и продадутъ вамъ. На Ж* сильно гораздо

---

*) Безпоповый, т. е., раскольникъ безпоповщинскаго толку, „Филиповщина есть", какъ мнѣ сказалъ одинъ здѣшній мѣщанинъ. *Авт.*

не надѣйтесь, онъ самъ старой вѣры; а у Т*-Б*, если онъ еще не все растранжирилъ, купите, да и задешево купите, отецъ его былъ человѣкъ крѣпкій, любилъ покойникъ старыя книги, а какъ старикъ-то померъ, достались эти старыя книги сынкамъ, они и пустили ихъ въ ходъ: сперва подѣлили, а потомъ на перегонки во Ржевъ. Во Ржевѣ это запримѣтили: за рубль десять копѣекъ платили. Коли осталось — и вамъ продадутъ ихъ съ удовольствіемъ.

Собесѣдникъ мой Михайло Яковлевичъ Барсуковъ, обязательно предложивъ мнѣ свои услуги, пригласилъ меня къ себѣ вечеромъ на чай. Узнавъ что я изъ Орла, онъ много разспрашивалъ объ орловскомъ пожарѣ. Разговорившись о пожарѣ, одинъ изъ собесѣдниковъ разсказалъ мнѣ случай, бывшій въ Твери.

— Былъ въ Твери пожаръ, и какой-то мужиченко одинъ-одинешенекъ отстоялъ домъ, да не одинъ домъ: загорись тотъ домъ — много бъ города сгорѣло! Взлѣзъ этотъ мужиченко на крышу, подаютъ ему воду, воды недостало, стали давать квасъ; такъ и не далъ дому загорѣться. На низу противъ вѣтру было жарко стоять, а по вѣтру еще хуже! Да еще сказать: на верху духу больше, колижъ еще къ тому сказать, что на его сторону вѣтеръ былъ—просто быть нельзя! Ему кричатъ снизу: «Слѣзь, слѣзь! Пропадешь по напрасному! Слѣзь!» А тотъ, знай, свое дѣло дѣлаетъ: поливаетъ крышу то водой, то квасомъ; такъ и не слѣзъ! И какъ ужъ онъ тамъ стоялъ, Богъ его знаетъ! Такъ-то этотъ мужиченко и отстоялъ домъ; не самъ отстоялъ— такъ ему Богъ далъ! Ну, когда Богъ помиловалъ, хозяинъ и даетъ ему сѣренькую, 50 рублей бумажку, значитъ,—такъ мужиченко... а и мужиченку всему-то грошъ цѣна—такъ мужиченко не беретъ!—«Не я, говоритъ, отстоялъ твой домъ: отстояла твой домъ Мать пречистая Богородица Владимірская, такъ ты ей, матушкѣ Владимірской Богородицѣ и помолись, да ее матушку, и поблагодари». Такъ и не взялъ!

Тверь, 30-го ноября.

Михайло Яковлевичъ Барсуковъ, церковный староста тверской Знаменской церкви, разсказалъ мнѣ, что у нихъ въ церкви есть восковой образъ Владимірской Богородицы, по всей Твери считающійся за явленный и чудотворный, и что его носить по домамъ не разрѣшено.

Мнѣ разсказывала здѣшняя баба про эту икону слѣдующее:

«Явилась она лѣтъ за пятьдесятъ, можетъ и больше; явилась она портомойкѣ. Жила женщина благочестивая въ работницахъ у одного тверскаго купца; ея дѣло было по утру пораньше встать, горницу прибрать, воды наносить, обѣдъ сготовить, послѣ обѣда всѣхъ уложить, а тамъ самоваръ поставить, чаемъ напоить, ужинъ приготовить. Сказать правду: день-ночь работай на хозяина,—спи на себя. Пошла эта благочестивая женщина на Волгу

бѣлье, рубашки мыть. Видитъ она, моя матушка, женщина благочестивая, видитъ, что волной что-то къ ней прибиваетъ, смотритъ — воскъ плыветъ. Взяла она тотъ кусокъ, бережнехонько положила, да и отнесла домой. Хозяинъ былъ строгій: всякъ день надѣвалъ чистыя рубашки; не то что по субботамъ, или къ празднику тамъ, а всякъ день, какъ сказано. Бѣлья было, стало быть, много. На утро эта женщина благочестивая опять пошла на Волгу бѣлье мыть. Стала она бѣлье мыть, къ ней плыветъ еще кусокъ воску; она и этотъ кусокъ взяла домой. Принесла домой, сложила эти два куска, они и срослись, видитъ—образъ Пречистой Богородицы Владимірской. Только она сложила эти два куска не ровно,—такъ и теперь, по сю пору, рубчикъ остался посреди.»

Эту икону запрещаютъ брать на домъ, «да все таки берутъ, говоритъ Барсуковъ:—не хочется съ попомъ ссориться!»

— Зачѣмъ же съ попомъ ссориться, изъ-за чего? Въ Москвѣ Иверскую берутъ на домъ. Пусть берутъ и вашу Владимірскую. Ваше дѣло.

— Да вѣдь иконы-то берутъ въ другихъ мѣстахъ не по нашему. Иверскую, какъ вы къ примѣру взяли, везутъ въ каретѣ, съ честію: благочиніе соблюдено, а нашу матушку подъ полу, да и пошелъ! Крадучись—вотъ что нехорошо! А какъ, видя большую заступу отъ иконы, не пустить ее въ домъ? Несовершенное дѣло!

Еще Барсуковъ разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ камень, найденный при нивеллировкѣ улицы, съ надписью: «здѣсь лежитъ Микола попъ»... дальше онъ не помнитъ.

По указанію Барсукова, я ѣздилъ къ Ж*, за рѣчку Тьмагу, но ничего не нашелъ. Впрочемъ Барсуковъ мнѣ обѣщалъ поискать и, буде найдетъ что, меня увѣдомить. Возвратившись отъ Ж*, я понесъ въ лавку къ Барсукову статью М. П. Погодина, и «Путь Севастопольцевъ» Кокорева, за что былъ приглашенъ Барсуковымъ въ трактиръ чайку попить. Къ намъ подсѣлъ еще одинъ господинъ въ чуйкѣ, его товарищъ.

Мой новый собесѣдникъ сталъ разсказывать о раскольникахъ. Догматовъ ихъ онъ не зналъ, зналъ только одно, что они безпоповые, да еще, что они всѣмъ *мірщатъ* *). Такъ, мужъ женой мірщитъ, жена мужемъ. — «Ужъ на что мальчишки, и тѣ туда же! Разъ я ѣздилъ за Тверцу. Та сторона за Тверцой такъ и называется Азія. Азіяты настоящіе, всѣ безпоповые. Стоитъ, этакъ, чашечка, я и возьми ее, водицы хотѣлъ испить; какъ закричитъ мальчишка, этакъ лѣтъ семи, а то шести, какъ закричитъ: «Чашку мою мірщитъ, чашку мірщитъ!» Отецъ молчитъ. Я ему: Ну и жена чашку мірщитъ?—«И жена чашку мірщитъ».—Ну, а спать вмѣстѣ, это не мірщитъ? —

---

*) Старообрядцы, особенно безпоповщинскіе, называютъ православныхъ *мірскими*. Всякое общенье съ мірскими называется *мірщеньемъ*. Мірщить вещь—значитъ поганить ее. „Жена мужемъ мірщитъ“, т. е. попрекаетъ его въ мірщеньи, а потому и брезгаетъ имъ. Должно замѣтить, что всѣ раскольники, какого бы толку ни были,—не міряне, и потому другъ другомъ не *мірщатъ*. *Авт.*

«Это нужда, стало не мірщитъ». Поди съ ними! А то вотъ было дѣло: были два брата—одинъ былъ головой, а другой былъ празднинскій **), голова-то былъ православный, а празднинскій безпоповый; жили они врозь, т. е. въ отдѣлѣ. Голова-то и пріѣзжаетъ къ брату, къ безпоповому-то, на праздникъ. У нихъ былъ престольный праздникъ; надо садиться обѣдать, безпоповый и говоритъ: «Вы погодите садиться». А кромѣ головы еще были православные.—«Мы пообѣдаемъ сначала, а вы послѣ. Намъ съ вами мірщитъ». Голова ничего: «Обѣдайте, говоритъ, мы хоть и послѣ». Отобѣдали они; ну, осталось у нихъ въ чашкѣ сколько тамъ щей, каши, что-ли; только они, не сполоснувши чашки, подлей туда еще, да и поставь на столъ. Какъ схватитъ голова чашку, да въ лицо брату: — «Вамъ отъ насъ мірщитъ, а намъ отъ васъ, думаешь, не мірщитъ? и намъ мірщитъ!» Какъ пошла драка, весь праздникъ дуромъ свернули, послѣ въ судъ: ужъ судили-судили, а чѣмъ порѣшили—этого я не знаю навѣрно».

Поутру ходилъ къ обѣднѣ, къ Знаменью; церковь не очень старинная и небольшая. Ее испортили пристройкой: къ совершенно круглой церкви придѣлали корридоръ, и какъ въ низу нельзя было сдѣлать въ этомъ узкомъ корридорѣ ни одного придѣла, то придумали устроить хоры, а на хорахъ два придѣла. Изъ церкви вмѣстѣ со мной пошелъ одинъ здѣшній купецъ (онъ мнѣ не сказалъ своей фамиліи). Мы съ нимъ разговорились, и онъ мнѣ плакался на княгиню Б.

— Я, говорилъ онъ, торговалъ желѣзнымъ товаромъ и по Твери былъ однимъ изъ сильныхъ людей, торговцевъ. Дѣла велъ съ княгинею большія, да еще и не съ ней, а съ ея батюшкомъ покойникомъ все время вели дѣла. Только приходитъ время платить ей, а тутъ мой должникъ обанкрутился, да не то-что въ правду, а такъ, притаился. Я къ княгинѣ: «Потерпи, матушка, хоть недѣльку, еще съ батюшкой торговали»,—а со мной она торговала лѣтъ сорокъ. Мнѣ теперь лѣтъ семьдесятъ, да и въ ту пору было лѣтъ шестьдесятъ.—«Съ батюшкой торговались, говоритъ моя княгиня, батюшка деньги и бралъ; а я съ тобой торговалась, мнѣ ты и платишь; пересталъ платить—въ острогъ!»—Куда тебѣ! все продали съ аукціона: было товару на пятьсотъ тысячъ—продали на двѣсти. Съ аукціона продавали—еле-еле съ процентами расплатился, а продавай-ка самъ—не ходилъ бы по міру!

Чудовская станція, 2-го декабря.

Вчера вечеромъ выѣхалъ изъ Твери и ничего не могу сказать про нее; кажется, она сильно сбивается на такъ много любимый мною славный городъ Харьковъ. Да и сами жители говорятъ про свои родные города одно и тоже;

**) Разскащикъ мнѣ это слово объяснилъ, что онъ былъ празднымъ, т. е. не на службѣ; это не вѣрно—праздницкими называются у кого престольный праздникъ. *Авт.*

въ Харьковѣ я слышалъ поговорку: «Харьковъ городокъ — Петербурга уголокъ». Въ Твери то-же говорятъ, что «Тверь—Петербургская сторона»! «По плану перестроена» *), вотъ единственная похвала Твери, которую мнѣ удалось слышать отъ тверитянина. Про Тверь старую, про Тверь богатую, какъ она осталась въ пѣсняхъ (и то не тверскихъ), и помину нѣтъ; кой-гдѣ промелькнетъ старое названіе улицы, церкви, но все-таки главная улица въ Твери—Милліонная. Въ два дня, которые я пробылъ въ ней, мнѣ не удалось видѣть ни одного тверскаго женскаго наряда: всѣ въ нѣмецкихъ платьяхъ.

Не Тверь старую, не ту Тверь, которая послѣдняя стояла за удѣлы, а часть Петербурга, по-петербургски благоденствующую, я видѣлъ въ Твери. Это не то, что Ярославль. Когда мнѣ привелось лѣтъ 12—13 назадъ быть въ Ярославлѣ, я сказалъ одному ярославскому посадскому, что Москва лучше Ярославля: посмотрѣли бъ вы, какъ горячо вступился онъ за батюшку-Ярославль-городъ! Когда я напомнилъ ему про святыни московскія, онъ сказалъ:—«Да, это правда! Да Москва-то на крови стоитъ, а на Ярославлѣ ни капли крови человѣческой нѣтъ!»

Изъ Твери поѣздъ (тяжелый) выходитъ въ 10 часовъ вечеромъ, а я забрался туда въ концѣ 9-го, не знавши, что въ Твери поѣздъ стоитъ цѣлый часъ. При мнѣ одна старуха просила всѣхъ кондукторовъ и офицеровъ взять ее съ собой, потому-что у ней денегъ нѣтъ ни копѣйки—всѣ потратила въ Твери: она солдатка, такъ ей надобно было изъ кантонистовъ дѣтей выписывать, и надобно было ей всего-то ѣхать до Волочка, а тамъ въ сторону. Плакала старуха, кланялась въ ноги, но всѣ начальствующіе ей отказали: не имѣемъ, говорятъ, права.—Признаться вамъ сказать, меня удивляла эта брутовская стойкость, это «чувство законности» даже при такихъ обстоятельствахъ!

На чугункѣ въ вагонѣ два какіе-то юноши свели коллежскаго ассесора изъ нѣмцевъ и русака мужика, обоихъ пьяныхъ; станціи двѣ или три поили ихъ еще: они то цѣловались, то бранились, наконецъ кондукторъ долженъ былъ принять мѣры, чтобъ драма не перешла въ мимическое представленіе, и развелъ ихъ. По уходѣ своего врага-пріятеля, коллежскій ассесоръ сталъ бранить русскую полицію, русскій народъ, и много-много онъ говорилъ, пока одинъ изъ самыхъ простодушнѣйшихъ мужиковъ не пообѣщалъ поколотить его, если онъ не замолчитъ.

— Да молчи же ты! Ступай куда хочешь: кромѣ Россеи земель много!— крикнулъ мужикъ и нѣмецъ замолчалъ.

Въ Вышній-Волочокъ мы пріѣхали въ три часа по полуночи, гдѣ я и остался. Когда поѣздъ двинулся, я пошелъ къ извощикамъ, которые, зная часъ прихода поѣздовъ, пріѣзжаютъ къ этому времени. У самой станціи на снѣгу лежало мужиковъ человѣкъ 15.

— Что вы, братцы, тутъ дѣлаете? спросилъ я.

— Машины, ваше степенство, ждемъ; да холодно гораздо. Самъ смотри:

---

*) Одна изъ лучшихъ улицъ—Набережная, всѣ дома—каменные и всѣ до одного, по правую сторону отъ Проломной улицы,—совершенныя казармы. *Авт.*

часа два ждемъ, а еще до утра далече; вѣдь въ Москву машина отойдетъ утромъ. Не въ терпежъ пришло: хоть по копѣйкѣ, или тамъ сколько за ночлегъ заплатили бъ, да негдѣ,—кругомъ жилья нѣтъ!

Я имъ посовѣтывалъ идти въ контору, какъ они называли станціонный домъ, и уѣхалъ. Не знаю—пустили-ли ихъ туда, а то, въ самомъ дѣлѣ, имъ бѣднымъ пришлось не въ терпежъ: на дворѣ было морозно, да и вѣтеръ былъ порядочный.

Пріѣхавъ въ Вышній-Волочокъ, я сейчасъ же легъ, а на другой день пошелъ посмотрѣть городъ. Волочокъ довольно хорошо выстроенъ, но показался мнѣ какъ-то непривѣтнымъ. А кажется тамъ чего-чего нѣтъ: и клубъ, и кофейная; въ кофейную собираются господа кофе, шоколадъ кушать; въ клубѣ назначены вечера карточные, вечера танцовальные,—только на улицахъ народу нѣтъ. Впрочемъ, и дурное время выбралъ я для осмотра Волочка, надо пріѣхать лѣтомъ во время судоходства.

Мнѣ захотѣлось посмотрѣть здѣшній каналъ и шлюзъ, хотя, правду сказать, зимою не много увидишь. Тамъ стоялъ какой-то старикъ, съ которымъ мы разговорились. Я у него спросилъ, что сдѣлала имъ желѣзная дорога: поднялась ли торговля отъ чугунки?—«Да, кажись, другъ любезный, ни поднялась, ни опустилась; какъ была, такъ и есть. Вотъ только овесъ пошелъ шибче, прошлый годъ со всѣхъ мѣстовъ къ Волочку потянули, и сухопутьемъ—и на судахъ, а отсюда на чугунку, да и въ Питеръ; особливо зимой сильно овесъ идетъ».

— Да отъ чего же по водѣ не отправляютъ овса въ Питеръ? Здѣсь есть пароходы.

— И по водѣ отправляютъ, только пароходовъ здѣсь нѣтъ. Да и на что они, отъ нихъ проку никакого. Вотъ нынче развелись пароходы въ Твери: стерляди были ни по чемъ!

— Ты говоришь, рыбу распугали; какъ же такъ всю рыбу распугали,— этимъ лѣтомъ въ Твери стерляди-то были ни по чемъ?

— А вотъ видишь ты: рыбу распугали изъ своихъ мѣстовъ, она и бросилась вся въ рознь; теперь-то ее много, да вόду-то ей больше не будетъ.

Какъ-то проходя вдоль чугунки, подошелъ я къ одной будкѣ и, закуривъ папироску, спросилъ у солдата, что онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Да ничего,—отвѣчалъ онъ: начальство велѣло, какъ идетъ поѣздъ, палкой честь отдавать, караулъ дѣлать,—только сорвется поѣздъ съ дороги, съ рельсовъ, за хвостъ не удержишь.

Новгородъ, 4 декабря.

Воля ваша, а нашъ вѣкъ—вѣкъ «блага и пользы». Мы всѣ хлопочемъ нынче о пользѣ ближнему; взгляните на любое объявленіе объ изданіи журнала, для чего онъ издается? «Наши дамы сознали, что женщины... образо-

ваніе... только съ этой цѣлью мы рѣшились для общей пользы издавать журналъ». Въ другомъ читаемъ: «Давно чувствовалась потребность въ газетѣ, которая-бы за дешевую цѣну распространяла въ народѣ свѣдѣнія, знанія... поэтому мы для общей пользы...» Одно только забываютъ господа, заботящіеся объ общественной пользѣ, забываютъ спросить самихъ себя—съумѣютъ ли они сдѣлать какую-нибудь пользу? А то, пожалуй, вмѣсто пользы и вредъ выйдетъ! Это мнѣ пришло въ голову больному, а болѣнъ-то я сдѣлался отъ «пользы», которую мнѣ навязали! Дѣло вотъ въ чемъ: изъ Чудовской станціи до Новгорода ходятъ ежедневно дилижансы,—одинъ казенный, другой графскій, графа Г. Въ казенномъ мнѣ не хотѣлось ѣхать—онъ неудобно устроенъ: внутри кареты сидѣнье не поперегъ, какъ въ обыкновенныхъ, а вдоль, влѣзаютъ сзади, и садятся затылкомъ къ окну; мнѣ кажется, что, впродолженіи семидесятиверстной дороги, вѣтеръ сильно надуетъ въ затылокъ. Я сталъ распрашивать про частные дилижансы, а казенный между-тѣмъ уѣхалъ, и я пошелъ отыскивать кондуктора графскаго дилижанса, но его нигдѣ не оказывалось. Съ помощію гривенника я только могъ узнать, что кондукторъ пьянъ и рѣшительно къ дѣлу неспособенъ. Дѣлать было нечего, я сталъ терпѣливо ждать минуты отъѣзда, и пошелъ обѣдать въ гостинницу, которая здѣсь очень чисто содержится. За обѣдомъ хозяинъ говорилъ мнѣ, что этотъ дилижансъ «не для аферы устроенъ, а собственно для того, чтобъ проѣзжающимъ было хорошо: вѣдь ямщикъ запроситъ съ васъ и Богъ-знаетъ какую цѣну, а нечего дѣлать — дадите!» Вотъ и устроили этотъ дилижансъ по таксѣ,—значитъ «для пользы»,—и дѣйствительно, дилижансъ отправляется очень аккуратно, тотчасъ по приходѣ поѣзда желѣзной дороги. Какъ только пріѣхалъ поѣздъ, я съ одной стороны, пьяный кондукторъ съ другой, бросились къ дилижансу.

— Есть мѣсто?

— Есть—извольте садиться!

Влѣзаю: не успѣлъ еще сѣсть, за мной еще господинъ, еще и еще.

— Есть мѣсто? проговорилъ женскій голосъ.

— Есть!

— Ну, какъ тѣ не грѣхъ? проговорилъ одинъ изъ ямщиковъ (которыхъ здѣсь много стоитъ на тройкахъ, парахъ, въ одиночку). Какъ не грѣхъ отбивать у насъ работу? И добро-бы для себя хлопоталъ, а то чортъ знаетъ для кого!

Но не смотря на эту рацею, барыня все-таки влѣзла въ карету.

— Есть мѣсто, есть мѣсто? слышалось отовсюду, но кондукторъ, возчувствовавъ весь грѣхъ отбивать работу, закричалъ: «Пошелъ! мѣста нѣтъ!», всползъ кое-какъ на козлы и мы поѣхали.

На ходу мы стали размѣщаться; оказалось, что всѣхъ мѣстъ семь, а насъ было пятеро, чему мы, конечно порадовались,—просторнѣе! Едва мы усѣлись, о ужасъ! мы замѣтили, что дверецъ въ каретѣ не имѣется. Вмѣсто дверецъ висѣлъ какой-то клокъ кожи; клокъ, который ни справа, ни слѣва, въ одномъ мѣстѣ на вершокъ, въ другомъ на четверть, не закрывалъ отверстія.

Я погоревалъ объ этомъ вслухъ; баринъ, сидѣвшій тутъ (какъ послѣ оказалось членъ комитета по крестьянскому дѣлу), смѣясь, проговорилъ: «И ты, мужичокъ, этимъ огорчаешься? Не хорошо! Ха, ха, ха! Каково! мужичокъ вошелъ въ карету, нашелъ недостатки. Прошу покорно»! *). Я его назвалъ «вашимъ благородіемъ» и сказалъ, что онъ, въ качествѣ барина, долженъ заступиться за мужичка: «вѣдь мужичокъ заплатилъ деньги, такъ надо, чтобъ мужичокъ даромъ денегъ не платилъ». Пока мы такъ пріятно бесѣдовали, мы замѣтили, что одного стекла въ окнахъ кареты нѣтъ; еще немного проѣхали—свѣчи стали валиться въ фонаряхъ; въ обыкновенный фонарь вставили свѣчку, она, разумѣется, отъ тряски нерессорнаго экипажа, никакъ не могла держаться; мы остановились, зажгли снова фонарь, но черезъ пять минутъ таже исторія; мы бросили. Въ темнотѣ мы сдѣлали открытіе: крыша кареты во многихъ мѣстахъ отстала, такъ-что въ щель проходилъ палецъ. Надо замѣтить, что эти кареты еще очень недавно ходятъ.

Можете судить о моемъ горестномъ положеніи: я ѣхалъ въ вагонѣ по чугункѣ, одѣваться тепло было не для чего, сѣлъ въ карету—тоже; но послѣ оказалось, что я сижу на механически устроенномъ сквозномъ вѣтру. Пріѣхали на станцію, я упросилъ одного пассажира наружнаго мѣста помѣняться со мной, и онъ (о, несчастный!) согласился. На этой же станціи баринъ, назвавшій меня мужичкомъ, извинялся, и хоть я его увѣрялъ, что единственное мое желаніе — походить на мужика, и что я очень радъ, что могу казаться мужикомъ, онъ все-таки не могъ повѣрить, что онъ меня ни мало не обидѣлъ. Вторую станцію я проѣхалъ хорошо: ночь свѣтлая, хоть вѣтеръ, да не сквозной, а внутри кареты темно и вѣтеръ чувствительнѣе; да къ тому же на козлахъ сидѣлъ мальчикъ, кажется, сынъ ямщика; я его перетащилъ къ себѣ, а онъ въ благодарность цѣлую дорогу пѣлъ мнѣ пѣсни: «Конченъ, конченъ дальній путь», «Во пустынюшку мальчикъ удаляюсь», и тому подобныя. Да одну пѣсню про Ярославль-городъ. Ярославль городъ и здѣсь, на битой дорогѣ, не потерялся. Пѣсню, которую пѣлъ мнѣ мальчикъ, я зналъ прежде, она сложена про пожаръ Ярославля; но я его заставилъ пропѣть два раза, мнѣ хотѣлось прислушаться къ выговору. Такъ, онъ выговаривалъ: ёму вмѣсто ему, загоряеться вмѣсто загорается, полторы вёрсты вмѣсто полторы версты, рýучей, поглядишь... Еще въ этой пѣсни поется:

Загоралася одна лавочка
Съ черными соболями,
Съ писаными картами...

На слѣдующей станціи насъ не пустили въ станціонный домъ. Почему?—мы не знаемъ: ѣхали мы, кажется, въ дилижансѣ и на почтовыхъ лошадяхъ. Здѣсь же потеряли мы одного пассажира; онъ пошелъ въ ямскую избу за-

*) Надо замѣтить, что я былъ въ полушубкѣ и съ бородой. *Авт.*

курить папироску, да и пообогрѣться немножко, а какъ здѣсь не подаютъ сигналовъ, и пьяный кондукторъ не смотритъ — всѣ ли пассажиры, то онъ съ папироской во рту вышелъ изъ избы въ ту минуту, когда экипажъ уже тронулся. И этому господину предоставили удовольствіе бѣжать версты двѣ и кричать сколько ему угодно: нашъ дилижансъ такъ стучалъ и дребезжалъ, что ничего не было слышно. Несчастный господинъ, имѣя полное право бѣжать еще далѣе, воротился однако на станцію, размышляя такъ: догнать не догоню, а назадъ идти будетъ дальше. Пріѣхали въ Новгородъ въ четвертомъ часу, хоть и обѣщались привезти въ первомъ.

— Извольте выходить!

Мы всѣ выскочили, кондукторъ сталъ стучаться въ гостинницу. Гостинницу отперли и мы услышали голосъ:

— Нумеровъ нѣтъ!

— Пойдемъ въ новую гостинницу, предложилъ кондукторъ: тамъ гостинница того же хозяина.

Мы туда—тамъ тоже услышали: «нумеровъ нѣтъ!»

— Теперь, господа, сказалъ кондукторъ: извольте идти куда хотите, нумеровъ нѣтъ, здѣсь ночевать негдѣ!

Представьте себѣ мое бѣдственное положеніе: въ незнакомомъ городѣ, въ четыре часа ночи, на улицѣ, съ кучею вещей. Что бы вы стали дѣлать? Подумавъ немного, я приказалъ кондуктору везти себя къ графу Г., т. е., содержателю полезнаго заведенія дилижансовъ. Это немножко удивило кондуктора.

— Да вы знакомы съ нимъ? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, незнакомъ.

— Такъ зачѣмъ же ночью идти къ нему?

— Какъ зачѣмъ?-ночевать!

— Ночевать въ конторѣ можно.

— Можно? Такъ отчего-же ты меня прямо не провелъ въ контору?

— Помилуйте, я вамъ предлагалъ, да вы не хотѣли...

И солгалъ кондукторъ, вовсе и не предлагалъ, а всячески старался спровадить съ рукъ поскорѣе.

Приходимъ въ контору: прекрасный номеръ, гдѣ рѣшительно ничего не напоминаетъ конторы, а просто—нанятой номеръ для проѣзжающихъ. На другой день въ контору пришелъ нашъ забытый путникъ, взялъ вещи, разсказалъ про свое горе и ушелъ.

Изъ этой повѣсти можно вывести слѣдующее нравоученіе: если хочешь сдѣлать пользу, дѣлай самъ; если увидишь, что въ томъ дѣлѣ, за которое взялся, ты дуракъ,—брось: и тебѣ будетъ дурно и другимъ плохо; самъ будешь работать, да будешь знать толкъ въ дѣлѣ—будетъ хорошо; заставить же пьянаго холопа дѣлать добро для спасенья барской души — довольно трудно.

Новгородъ, 5-го декабря.

Познакомился съ И. К. Купріяновымъ и Н. К. Отто, учителями гимназіи, и съ Отто ѣздилъ вчера по Новгороду. Городъ по плану выстроенъ! Новгородъ чрезвычайно похожъ на кладбище, усѣянное памятниками. Умерла воля новгородская, остались одни памятники, да и тѣ по возможности испорчены. Не стану вамъ говорить о новгородскихъ древностяхъ, — вы найдете много описаній; но разскажу вамъ, что я чувствовалъ при осмотрѣ ихъ. Сперва мы поѣхали въ здѣшній Кремль. Рядомъ съ Св. Софіею стоятъ присутственныя мѣста извѣстной казенной постройки, а между ними стоитъ что-то въ родѣ тѣхъ верстовыхъ столбовъ, которые торчатъ на шоссе подъ Москвой. Это изволите видѣть «памятникъ». Что долженъ напоминать этотъ памятникъ, право, не знаю, спросить даже не хотѣлось. Послѣ уже я узналъ, что этотъ памятникъ поставленъ за 12-й годъ дворянами. Изъ софіевскаго собора мы пошли въ грановитую палату. Трудно вообразить себѣ, что нибудь свѣтлѣе, радостнѣе этой палаты. Эта палата—палата пиршествъ Новгородцевъ у своего епископа. Но образованные люди и ее не оставили въ покоѣ: передѣлали ее на церковь, и иконостасомъ отгородивши часть, какъ бы отрѣзали кусокъ отъ цѣлаго, да и украсили по своему. «Сперва она была росписана попроще», сказалъ мнѣ провожавшій монахъ, «а теперь разукрасили получше». Но все таки не могли испортить, какъ ни старались!

Еще мнѣ понравился разсказъ священника въ Никольскомъ соборѣ про очень древній образъ Николая Чудотворца.

— Эта икона, какъ стоитъ, такъ и должна стоять; принять ее никакъ невозможно: печать консисторская къ ней приложена. Сія икона много чудесъ дѣлаетъ, да «власти» не дозволяютъ.

Раскрылась рука Господня и Новгородъ долженъ пасть! Вы, вѣрно, знаете, что когда росписывали софійскую церковь, то писцы, написавши Христа съ благословляющей рукой, увидѣли на другой день по утру руку сжатую; писцы поправили — на другое утро тоже. Наконецъ они услыхали голосъ: «писцы, не пишите меня съ благословляющей рукой; напишите съ сжатой дланью; въ этой рукѣ я держу Новгородъ, когда раскроется рука — падетъ Новгородъ.» Это преданіе мнѣ разсказалъ одинъ здѣшній мѣщанинъ, и прибавилъ: «ручка уже стала разжиматься; больше половины разжалась...» Часто случается, что въ церкви кромѣ попа, да дьячка народу нѣтъ, но въ Великомъ Новѣгородѣ этого не хотѣлось бы видѣть. Мы ѣздивши по церквамъ во время вечеренъ, находили всѣ церкви пустыми, а въ одной изъ самыхъ древнихъ церквей, въ церкви Спаса, и попа не нашли: попъ пошелъ, кажется, въ острогъ служить; видите, этотъ попъ служитъ и здѣсь, и къ острогу *прикомандированъ*.

Спасо-Пископецъ, 8-го декабря.

Вчера я выѣхалъ изъ Новгорода на биржевомъ извощикѣ съ И. М. М., который проводилъ меня до Ракомы *).

Пріѣхавъ въ Ракому, извощикъ остановилъ лошадь у своего знакомаго мужика, а самъ пошелъ съ нами на пóсидки.

— Войдете, господа, Богу помолитесь, предупредилъ онъ насъ на пути въ избу, въ которой были пóсидки.

Мы вошли, изба была просторна, въ ней не было ни одного стола; близь передняго угла горѣлъ свѣтецъ съ лучиною, кругомъ стѣнъ по лавкамъ сидѣли дѣвки, до двадцати пяти, и всѣ за пряжей. Дѣвки были одѣты въ сарафаны и повязаны пестрыми бумажными платками по московски: свернувъ платокъ косынкою и подвязавъ подъ подбородкомъ.

— Здравствуйте, красныя дѣвушки! сказали мы, помолясь Богу.

— Здравствуйте, мóлодцы хорóши! отозвались въ отвѣтъ однѣ изъ нихъ.

— Милости просимъ! проговорили другія, продолжая прясть.

— Надо дѣвушкамъ свѣчей купить, сказалъ въ полголоса извощикъ.

— Сколько? спросили мы.

— Да сколько хотите: какая дѣвушка понравится, той и затóпите.

— Намъ всѣ нравятся, можно всѣмъ затопить?

— Это еще лучше: значитъ вся пóсидка понравилась.

Мы дали нашему наставнику три рубля и велѣли купить пять фунтовъ свѣчей шестерику. Онъ побѣжалъ.

— Садитесь, мóлодцы хорóши, къ нашимъ дѣвушкамъ! сказала одна дѣвка побойчѣй другихъ.

— Позволь мнѣ около тебя сѣсть! проговорилъ я, подойдя къ одной дѣвушкѣ.

— Садитесь, рóдненькій, садитесь! отвѣчала она, не много подвигаясь, чтобъ дать мнѣ мѣсто.

Между тѣмъ нашъ извощикъ принесъ свѣчей.

— На-те вамъ свѣчи и сдачу, сказалъ онъ, подавая мнѣ и то и другое. Свѣчи пять фунтовъ стоятъ цѣлковый, вотъ вамъ два рубля.

— Затопляй свѣчи! отвѣчалъ я, принимая сдачу.

Тотъ подошелъ къ свѣтцу, въ которомъ горѣла лучина, зажегъ пукъ свѣчей и, подходя къ дѣвушкамъ, передъ каждой ставилъ по свѣчкѣ между льномъ и личинкою **).

— Вамъ почтеніе сдѣлали, тихонько проговорила моя сосѣдка.

— Какое почтеніе? спросилъ я.

---

*) Ракома очень старинная деревня: тамъ былъ дворъ Ярослава 1, въ лѣтописяхъ объ ней въ первый разъ упоминается по случаю избіенія Ярославомъ Новгородцевъ.

**) Здѣсь не употребляютъ гребня, а личинку, къ которой привязываютъ ленъ.

Авт.

— А какъ-же: съ васъ взяли цѣлковый за пять фунтовъ свѣчей; много брали, отъ того и́ уважили.

— А съ васъ сколько-жъ берутъ?

— Мы не покупаемъ; покупаютъ на́ши мо́лодцы, да покупаютъ они не фу́нтами, а по свѣчкѣ, по двѣ; такъ съ нихъ-то берутъ за кажинную свѣчку 4 копѣйки; почесть, четвертакъ фунтъ-то обойдется.

Въ избу стали входить молодцы хоро́ши, по одному, по два и больше. Каждый изъ нихъ, перекрестясь передъ иконой, говорилъ: «Здравствуйте, красныя дѣвушки!», и получалъ въ отвѣтъ привѣтливое: «Здравствуйте, молодецъ хорошій!»

Многіе изъ нихъ затопляли свѣчи, ставили за личинки дѣвушкамъ, тѣ отвѣчали имъ поклономъ: «Спасибо, добрый молодецъ!», не прерывая работы; а коли пѣлась пѣсня, однимъ поклономъ, не прерывая и пѣсни. Затѣмъ молодцы садились около дѣвушекъ только когда мѣсто не было занято другимъ; въ послѣднемъ случаѣ молодецъ, поставивъ свѣчку, отходилъ въ сторону или садился около другой. У многихъ дѣвушекъ горѣло уже по двѣ свѣчи. Дѣвушки въ полголоса разговаривали съ мо́лодцами.

— Чтожъ вы дѣвушки не поете? проговорилъ кто-то изъ толпы молодцевъ безъ мѣстъ, т. е. изъ числа тѣхъ, которые стояли около дверей.

— Да попоемъ-те пѣсенокъ, попоемъ-те пѣсенокъ нашихъ! отозвалось нѣсколько дѣвушекъ изъ тѣхъ, какъ я замѣтилъ, около которыхъ не было молодцевъ хорошихъ.

Дѣвушки запѣли:

Не сиди-тко Дунюшка, Дунюшка поздно съ вечира *),
Ты не жги-ль, Дунюшка, огня до билова дня,
Что до билинькаго до денечка, до краснова солнышка.
Что до утренней-то зари Дунюшка притомилася,
На тесовенькую кровать спать Дуня ложилася.
Что повидѣлся Дунюшкѣ сонъ нерадостянъ.
Ни про батюшку Дунюшки сонъ, ни про ро́дную матушку,
Что повидился **) Дуни сонъ про мила дружка,
Про милянькаго дружка, Дуни, только про Иванушка.
Вотъ сказали только про не (во), — во даляхъ живя ***),
Да не въ Питерѣ живя, ни въ славно́й Москвѣ,
Что́ работать мой милой въ Новѣгородѣ,
Да работу работать, родненькой мой, не тяжелую,
Не въ работникахъ живя, миляньк̇ой, да онъ не въ прикащикахъ.
Ёнъ живетъ мой милой — самъ хозяиномъ,
Ставитъ миляньк̇ой, ставитъ домы каменны.

---

*) Sic. Я записалъ ее съ соблюденіемъ мѣстнаго выговора и ударенія.

**) Я заставлялъ эту пѣсню пропѣть нѣсколько разъ, и каждый разъ пѣли въ 6-мъ стихѣ повидѣлся, въ 8-мъ стихѣ повидился.

***) Т. е., живетъ въ далекихъ мѣстахъ. *Авт,*

— Славная пѣсня! сказалъ я своей сосѣдкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ эта пѣсня мнѣ понравилась: ложилась Дунюшка не на простую кровать, а на тесовенькую; живетъ мой милой не въ работничкахъ не въ прикащикахъ. — самъ хозяиномъ; да и не пустымъ дѣломъ милой занимается: ставитъ дома каменны!

— Славная пѣсня, дѣвушка! нѣтъ ли у васъ еще, спойте!

— Какъ не быть у насъ пѣсенокъ хорошихъ! отвѣчала моя сосѣдка; послушай нашихъ пѣсенокъ хорошихъ!

Дѣвушки запѣли еще пѣсни, но, на мою бѣду, не совсѣмъ хорошія. Желая показать, что онѣ дѣвушки полированныя, затянули романсы. Впрочемъ, надо правду сказать, довольно трудно было узнать эти романсы: такъ были передѣланы и слова, а въ особенности голоса. Кстати прибавлю, что здѣсь поютъ превосходно; здѣшнія пѣвицы поютъ своими голосами и не насилуютъ ихъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Орлѣ, Тулѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ: тамъ и женщины, и дѣвушки стараются пѣть потолще, т. е., по возможности контръ-альтомъ. Еще прибавлю, что здѣшніе голоса хоровыхъ пѣсенъ не испорчены солдатскими пріемами. Вѣрно вамъ случалось слыхать хоръ солдатъ, фабричныхъ и т. п., припомните: запѣваетъ запѣвало; казалось бы, что все будетъ и въ самой разгульной пѣснѣ мирно и свѣтло. Не тутъ-то было! Вдругъ, по командѣ, всѣ судорожно подхватываютъ; за этимъ подхватомъ пѣсня опять пойдетъ своимъ чередомъ, но этотъ перерывъ васъ непріятно поражаетъ. А случается, что пѣсня и оканчивается тоже вдругъ по командѣ! Михайло Александровичъ Стаховичъ, котораго мы такъ неожиданно лишились и отъ котораго мы многаго могли ожидать, говорилъ мнѣ, что подъ команду стали у насъ пѣть со временъ Суворова. На сколько это справедливо, я не берусь рѣшать; могу только сказать, что въ деревняхъ по солдатски не поютъ; мужики, да къ тому коли еще бывалые, случается затягиваютъ:

Графъ Пашкевичъ предводитель
Громкимъ голосомъ вскричалъ....

Но отъ женщинъ мнѣ не случалось слышать такихъ пѣсенъ, хотя и онѣ поютъ солдатскія, только не эти; мнѣ часто попадалась, особенно въ послѣднее время, слѣдующая пѣсня:

Какъ сказали другу —
Да на царскую службу!
Плакала — рыдала,
Слезы утирала,
Всеё ночь не спала....

Эту пѣсню я слышалъ въ Орловской губерніи, и въ Новгородской, и отъ солдатъ и отъ женщинъ. Въ солдатскихъ хорахъ запѣваетъ одинъ, а передъ третьимъ стихомъ т. е. передъ словами: «плакала рыдала», какъ будто бросаются на пѣсню, врываются въ нее. Пѣвицы же пристаютъ къ пѣснѣ; тоже одна запѣваетъ, а остальныя начинаютъ пѣть, когда которой вздумается одна съ слова «царскую», другая съ «рыдала», третья «ночь не спала», какъ придется. Пѣсня идетъ свободно, легко; видно, что пѣсня поется, а не служба справляется. Моя сосѣдка разговаривала со мной, но продолжая въ тоже время участвовать въ пѣснѣ, бросивъ мнѣ нѣсколько словъ, начинала пѣть, разумѣется, съ того слова или даже слога, который тогда пѣлся.

— Походимте дѣвушки, походимъ, повеселимъ молодцевъ! заговорили нѣкоторыя.

— Походимъ, походимъ!

— Ну, молодцы хороши, ходите кто нибудь!

Не вставая съ мѣстъ и продолжая прясть, онѣ запѣли:

Какъ по первой по порошѣ,
Какъ по первой по порошѣ,
Ходилъ молодецъ хорошей.

При началѣ этой пѣсни, вышелъ одинъ молодецъ хорошій съ платкомъ и сталъ ходить около пѣвицъ; при словахъ пѣсни:

Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ
Шелко́вой-то онъ платочекъ
Дѣвкѣ на колѣни....

онъ бросилъ платокъ дѣвкѣ на колѣни; та взяла, не спѣша погасила свои свѣчи и поставила прялку *) на лавкѣ къ сторонѣ и вышла на средину. Пѣсня, по обыкновенію всѣхъ хороводныхъ (или какъ здѣсь называютъ короводныхъ), оканчивалась поцѣлуемъ. Послѣ чего, когда молодецъ сѣлъ, стала ходить дѣвушка и бросила

Шелковый платочекъ
Парню на колѣнки.

Парень вышелъ при концѣ пѣсни, поцѣловалъ дѣвку и началъ ходить подъ ту же пѣсню. Когда дѣло дошло до шелковаго платочка, онъ бросилъ

*) Прялкой называютъ здѣсь донце со личинкой; а настоящую прялку самопрялкой. *Авт.*

его на колѣни моей сосѣдкѣ, а когда ей пришлось бросить этотъ платочекъ, она бросила на колѣни мнѣ. Дошла очередь и мнѣ выбирать: желая за любезность сосѣдки, выбравшей меня, отплатить ей такою же любезностью, я вызвалъ ее же.

— Рóдненькій, послушай что я тебѣ скажу, сказала сосѣдка, садясь около меня, у насъ такъ не водится: я тебѣ кинула шелковый платочекъ, а ты тужъ пору и мнѣ. Такъ-то будетъ зазорно.

— Да отъ чего же зазорно? спросилъ я.

— Да ужъ такъ у насъ не повелось, отвѣчала она. Пожалуста, рóдненькій, теперь на первый разъ возьми другую дѣвушку, а на другой разъ хоть и меня!

Съ часъ продолжался хороводъ, потомъ опять начали пѣть простыя пѣсни: часу до перваго ночи продолжались посидки, я не дождался окончанія и ушелъ, не помолясь на иконы и не простясь.

— Куда тутъ молиться! сказалъ мнѣ мой настáвникъ, выходя вмѣстѣ со мною; — какъ кончится посидка, всякъ дружень схватитъ друженицу, да и пойдетъ куда нужно!

— Какъ, при всѣхъ? спросилъ я.

— А чтожъ, колибъ одну, а то вѣдь всѣхъ потащатъ!

— Ну, а если у которой нѣтъ дружня?

— А солдаты на что?

— Что-жъ ты не хваталъ? спросилъ я его.

— Бока берегъ, баринъ, отвѣчалъ онъ: тутъ у кажинной дѣвки есть дружень, такъ она ужъ съ нимъ и водитъ дружбу. А посторонній сунься-ка: всѣ ребята, не то что одинъ дружень, всѣ на тебя накинутся, да такъ вздуютъ!

— А какъ же солдаты-то? спросилъ я.

— Хороша и дѣвка, коли между своими дружня не найдетъ! Коли дѣвка между своими парнями дружня не нашла—значитъ, отпѣтая!

Здѣсь должно прибавить, что не всѣ дѣвушки заходятъ далеко съ своими дружнями; большею частію дружень беретъ за себя дружницу совершенно цѣломудренную. Разумѣется, не обходится безъ грѣха; и хотя незаконное рожденіе ребенка считается позорнымъ, но не исключаетъ дѣвушку — мать изъ общества: онѣ выходятъ за мужъ чаще не за дружня, а на пóсидкахъ и въ хороводахъ участвуютъ на равнѣ съ другими дѣвушками.

Изъ Ракомы я пошелъ къ Спасо-Пископцу (Спасъ-Епископецъ). На пути около Самокражи, мнѣ попался спасо-пископскій крестьянинъ, ѣхавшій на лошади въ саняхъ.

— Не по пути ли, ваше степенство? спросилъ онъ меня. Коли по пути, подвезть можно.

— Я иду, почтеннѣйшій, въ Спасо-Пископецъ, отвѣчалъ я ему.

— Садись со мной! сказалъ онъ: на лошади въ саняхъ все лучше, чѣмъ ногами работать..

Я сѣлъ на сани и мы доѣхали до Спасо Пископца. Узнавши, что здѣсь

есть харчевня, гдѣ и чай найдется, я предложилъ Леонтію Ивановичу (такъ звали крестьянина) пойдти со мной чайку напиться, на что онъ согласился.

— Пойду, только лошадь на мѣсто поставлю, сказалъ онъ: сей-часъ приду.

Я вошелъ въ харчевню, которая помѣщалась въ двухъ комнатахъ и кухнѣ, и въ которой никого не было, кромѣ хозяина да полового мальчика.

Я велѣлъ подать себѣ чаю.

— На сколько человѣкъ прикажете? спросилъ меня хозяинъ.

— На двухъ, отвѣчалъ я.

— Чаю на двухъ, молодцы! пропѣлъ хозяинъ.

Черезъ пять минутъ пришелъ Леонтій Ивановичъ, а черезъ десять подали намъ чай, до того дурной, что я, при всемъ моемъ уваженіи ко всякому чаю, никакъ не могъ выпить и одного стакана.

— Вода, видно, не хороша? сказалъ я Леонтію Ивановичу.

— Нѣтъ, кажись, ничего, отвѣчалъ онъ.

Я съ этимъ никакъ не могъ согласиться, и спросилъ хозяина, какую онъ воду налилъ?

— Вода-то у насъ не совсѣмъ хороша, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ: для чаю вовсе не годится. А если къ тому еще прибавить прикажете, коли воды возьмешь изъ куба, полѣнишься самоваръ поставить, совсѣмъ пить нельзя: рыбой сильно отзываетъ.

— А ты какой налилъ?

— Да для скорости изъ кубика, отвѣчалъ онъ.

— А можно самоварчикъ поставить?

— Да я не зналъ, что вамъ не покажется; вотъ этимъ, указалъ онъ на моего собесѣдника, что хочешь подай — все выпьютъ! А вамъ сейчасъ самоваръ нагрѣю.

— А что будетъ стоить? спросилъ я.

— Цѣна таже: десять копѣекъ съ двухъ, у насъ лишняго не берутъ.

Самоваръ былъ поставленъ. Леонтій Ивановичъ, между тѣмъ, занимался чайкомъ, не обращая вниманія на нашъ разговоръ, даже и тогда, когда до него рѣчь коснулась.

Я у него спросилъ, чѣмъ онъ занимается?

— Мы ловцы, отвѣчалъ онъ: я просто ѣзжу, а мой братъ вата́маномъ. Меньшимъ вата́маномъ, прибавилъ онъ, въ двойникахъ; а захоти: самъ двойникъ наберетъ.

Я сталъ спрашивать у него объ ихъ промыслахъ.

— Про наши промыслы сказать кромѣ хорошаго нечего: сами апостолы были рыбарями, по нашему сказать, ловцами. Наши промыслы легкіе, веселые, особливо зимой—гораздо хороши!

— А зимой у васъ рыбу не такъ ловятъ, какъ лѣтомъ? спросилъ я, чтобъ какъ нибудь вызвать его на разговоръ.

— Зимній ловъ, само собою разумѣй, не лѣтній, началъ Леонтій Ивановичъ: зимой скопляются тридцать два человѣка, а лѣтомъ въ двойникѣ бываетъ всего на все только двадцать.

Я, какъ самовидѣцъ, могъ повѣрить его разсказы въ настоящее время, только про зимній ловъ, потому и сталъ спрашивать: какъ они зимой рыбу ловятъ?

— Настоящіе ловцы зимніе, я говорю, въ два невода ловятъ: это двойники, началъ разсказывать Леонтій Ивановичъ, отъ времени до времени прихлебывая чаекъ: вотъ соберется народъ, человѣкъ двадцать ловцовъ или тамъ тридцать, у кажиннаго ловца шестнадцать сажень сѣтей, а у кажинныхъ двухъ ловцовъ есть по лошади съ санями, со всею снастію, какъ за-пречь надлежитъ. Соберутся ловцы, человѣкъ двадцать, а больше станутъ собирать до тридцати одного ловца. Наберутся скоро: на это дѣло охотника много у насъ! Послѣй (sic!) того скопятся, да и спросятъ: «кому быть ватаманомъ»? —Положатъ на кого: на Ивана-ли Петрова, на Ѳедора-ли Васильева, всѣ къ тому Ѳедору Васильеву и идутъ. А коли случится тутъ Ѳедоръ Васильевъ, то тутъ же ему и объявятся, коли же нѣтъ его на ту пору, съ ними идутъ къ нему на домъ. И выбираютъ они ватаманомъ ловца ловкаго, да и знамаго: надо кнѣи (мотня, матка), снасти (веревки) въ долгъ взять. Ловцы сѣти сами вяжутъ, а то и купить не дорого: шестнадцать сажень сѣтей можно взять за десять цѣлковыхъ; ну, а кнѣю, всегда покупаютъ въ городѣ; за пару кнѣй надо дать 300 рублей ассигнаціями, а дорога пенька—всѣ 100 цѣлковыхъ отдашь; да за снасти цѣлковыхъ 50. По этому самому и выбираютъ ватамана знамаго, чтобъ ему въ городѣ все что надо въ долгъ дали. Приходятъ къ нему на домъ въ избу... А тотъ Ѳедоръ Васильевъ сидитъ, будто ничего и не знаетъ. — «Что вамъ надо ребята»? скажетъ онъ, да скажетъ онъ такъ сурово. «Зачѣмъ пришли?» А тѣ ему въ отвѣтъ: — «Такъ и такъ: насъ скопилось тридцать одинъ человѣкъ съ сѣтьми и лошадьми: будь нашимъ большимъ ватаманомъ!» А коли нѣтъ тридцати одного ловца, то скажутъ: «Насъ собралось двадцать, тамъ, что-ль, человѣкъ, али двадцать пять, остальныхъ самъ набери. Будь намъ ватаманомъ большимъ, безъ тебя намъ въ двойникахъ ходить не приходится. Тотъ, по обычаю, сперва наперво поломается: начнетъ говорить, что, «у меня де на то и разума не хватитъ, а безъ большаго разума, какъ я за такое дѣло возьмусь»?—Да это онъ такъ только разговоры разговариваетъ, поговоритъ, и станетъ у нихъ большимъ ватаманомъ. Тутъ большой ватаманъ спроситъ:— «Кого же мы, ловцы, поставимъ малымъ ватаманомъ?» Ну, тѣ и положатъ: къ примѣру сказать, хоть на тебя, али тамъ на меня али еще на кого; тотъ тоже отговаривается, да только поменьше, да и гораздо поменьше, пойдетъ въ малые ватаманы. Тамъ большій ватаманъ скажетъ:—«Кому рѣльщикомъ быть?» Рѣльщикъ ватаману подручный, тоже большой человѣкъ,— безъ рѣльщика ватаманъ водки не пьетъ. Выберутъ двухъ рѣльщиковъ, кажинному ватаману по рѣльщику, а кажинному ватаману и кажинному рѣльщику по пѣхарю, да еще четыре воротильщика, что воротъ ворочаютъ, а остальные просто ловцы. Ну, а когда не наберется тридцать два ловца, у кого есть сѣти да лошадь, нанимаютъ рублей за десять серебромъ въ зиму казаковъ—такъ у насъ зовутъ бездомныхъ работниковъ. Какъ только всѣхъ

выберутъ, затопятъ (затеплятъ) Богу свѣчку, помолятся Богу, поцѣлуютъ образъ-икону. Помолясь, и ни одинъ уже ловецъ не отойдетъ въ другой двойникъ, не моги до поры до времени слова сказать! Помолясь Богу и отстать нельзя: недаромъ Бога цѣловали! Помолясь Богу, сядутъ за столъ, выпьютъ винца (вино это и обѣдъ—большой ватаманъ покупаетъ, а послѣ съ добычи вычитаютъ). За столъ посадятъ большаго ватамана въ передній уголъ, а малый ватаманъ угощаетъ.

— А жена большаго ватамана? перебилъ я.

— Той когда же? отвѣчалъ Леонтій Ивановичъ: той въ пору успѣть подавать! Вотъ и скажетъ большой ватаманъ:—«Ну, ребята, собираться тогда-то, а пока надо невода, баломуты справить.» Всѣ уже и слушаютъ. Какъ прикажетъ ватаманъ, такъ и скопится къ нему вся братія невода сшивать. Кажинный принесетъ съ собою свою сѣть шестнадцать сажень, сошьютъ въ четыре крыла: по два крыла на неводъ. А бо́льшій ватаманъ, человѣкъ бывалый, выбираетъ день легкій, гла́за, да и дурнаго дѣла боится. Случается ватаманъ и самъ на тѣ дѣла ходокъ, тотъ самъ перехитритъ; если же плохъ—дожидается пока главные дѣльцы на озеро поѣдутъ; а то такъ сдѣлаетъ: будешь съ нимъ бокъ о бокъ ловить—у него тоня въ триста рублей и больше, а ты на рубль серебра! А то и того хуже, грязи захватишь, весь день провозишься, бываетъ—пробьешься и двое сутокъ.

— Скажи пожалуйста, Леонтій Ивановичъ, спросилъ я, какъ это грязи захватишь?

— А эта грязь бываетъ, ваше степенство, когда ледъ неблагополучно станетъ: въ большіе вѣтры станетъ озеро, дѣлаются бугры льду съ низу и борютъ невода, такъ бываетъ, что невода ночуютъ подо льдомъ: назадъ вытягиваютъ, а то сперва вытянутъ одно крыло, а послѣ другое.

— Ну, а выбравши день, у кого собираются? спросилъ я. Да и когда же день тотъ назначаютъ?

— А назначаютъ тотъ день у насъ зимніе ловцы, какъ только озеро станетъ, продолжалъ Леонтій Ивановичъ: всѣ сходятся къ большому ватаману, затопятъ свѣчу, выпьютъ винца, пообѣдаютъ, все тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, и съ того часу ватаманъ бо́льшой полный хозяинъ, хоть до полусмерти убьетъ кого: никто до поры до времени не смѣй слова сказать. Пообѣдаютъ и поѣдутъ на озеро. Въ этотъ день они только одну тоню и сдѣлаютъ: своего счастья попытать; да и рыбу ту не продаютъ, сами съѣдятъ. Послѣ того уже ватаманъ скажетъ день, въ который скопляться на настоящій ловъ. Соберутся и поѣдутъ. Закинутъ тоню, вынутъ. Бо́льшой ватаманъ сказано всему хозяинъ: вынутъ тоню, онъ и скажетъ мокряку, за сколько ее рыбакамъ, отдавать; мокрякъ и не смѣетъ ее дешевле спустить.

— Мокрякъ кто такой? спросилъ я моего разскащика.

— А мокрякъ изъ нихъ же бываетъ, по очереди, отвѣчалъ онъ. Нынче одинъ мокрякъ, завтра другой, всѣ бываютъ, окромѣ ва̀тамановъ и рѣльщиковъ; для того, нельзя имъ у себя денегъ держать. Какъ скажетъ ва̀таманъ мокряку цѣну, тотъ дешевле не можетъ продать, дороже—лучше для

всей братіи,—дороже—продавай. А коли рыбаки ватаманской цѣны не дадутъ: мокрякъ ночь ночуй, не дадутъ на другой день—другую; на третій день только съ озера можно рыбу свезти. Самъ ватаманъ не можетъ: отъ того что.... ну, да это послѣ. Вотъ какъ мокрякъ продастъ рыбу, деньги возьметъ у рыбаковъ, и пойдетъ къ братіи на другую тоню. Другую тоню, если бываетъ, онъ же продаетъ; сколько тонь закинутъ въ тотъ день—во всѣхъ онъ мокрякъ и всѣ деньги себѣ подъ сохранъ беретъ. Ватаманъ себѣ ни гроша не оставляетъ. Даромъ хоть отдавай всю, пока ватаманомъ,—никто слова сказать не скажетъ, только денегъ брать не можетъ.

— Да какъ же такъ? Ну, онъ сойдется съ какимъ нибудь обманщикомъ, будетъ говорить, что даромъ отдаетъ, а съ него будетъ деньги брать? спросилъ я.

— Этого на братіи сдѣлать нельзя, убѣдительно сказалъ Леонтій Ивановичъ, а почему этого сдѣлать на братіи нельзя, не сталъ онъ и разговаривать объ такомъ, по его мнѣнію, невозможномъ дѣлѣ.

— Какъ скопится у ловцовъ много денегъ, большой ватаманъ и велитъ расправѣ быть. Скопятся.—Большой ватаманъ сядетъ за столъ, а всѣ ловцы стоятъ. Большой ватаманъ и скажетъ: «У тебя столько-то денегъ!» А тотъ ловецъ, къ которому тѣ слова были, ему подастъ деньги. Тамъ у другаго спроситъ, возьметъ и тоже положитъ на столъ. Оберетъ у всѣхъ, кто въ мокрякахъ былъ, и всѣ деньги тѣ на столѣ лежатъ. Ватаманъ при всѣхъ пересчитаетъ деньги. Всѣхъ денегъ, къ примѣру, двѣсти рублей; изъ этихъ денегъ за кнѣи можно отложить сто, что-ль, рублей, на церковь Божію столько-то, за прогулы*) столько, на водку, если ловъ былъ хорошъ! И никто ему на то ни слова не скажетъ, хоть всѣ деньги пропить велитъ! Отложивъ сколько надо, ватаманъ дѣлитъ всѣмъ ловцамъ: на ловца съ лошадью двѣ части, а на пѣшаго одну, и отдаетъ тѣ деньги кажинному ловцу самъ въ руки, и себѣ оставляетъ равную часть. Такія-то расправы бываютъ во всю зиму до четверга, пятницы, или субботы на масляной. Тогда ватаманъ велитъ быть большой расправѣ. Большая расправа бываетъ такая же, какъ малая, только большой ватаманъ отсчитываетъ на той большой расправѣ деньги, коли остались что, да этого и не бываетъ, за кнѣи, да за снасти, а на водку не откладываетъ, а послѣ скажетъ: «надо на церковь Божію отложить!» Если хорошъ былъ въ ту зиму ловъ, отложатъ больше: бываетъ рублей пятнадцать, а бываетъ и по рублю, и тѣ деньги отдаютъ попу, на Святой недѣлѣ, на церковь. И на то ему никто не говоритъ не слова; развѣ какой изъ другаго прихода, такъ скажетъ: «дай мнѣ, ватаманъ, мою часть, не хочу я своей церкви обижать!» Ватаманъ и отдаетъ ему часть, а тотъ отнесетъ деньги эти въ свою церковь, а спорить не смѣетъ. Какъ только кончится расправа, ватаманъ встанетъ, да и спроситъ: «хотите ли, братцы, на тотъ годъ со мною рыбу ловить?» Если онъ не хорошо, имъ служилъ, всякъ ему правду свою выскажетъ, разберутъ неводъ, всякъ свою

---

*) На общіе прогулы, на угощенія у большаго ватамана. *Авт.*

сѣть, кнѣю, снасти продадутъ, деньги раздѣлятъ и разойдутся. Колижъ все было ладно, ловцы ватамана поютъ водкой, а ватаманъ подноситъ всей братіи. Гульба пойдетъ такая, что и Боже мой! На тотъ пиръ никому, кромѣ той братіи, и придти нельзя; развѣ когда бо́льшой ватаманъ позоветъ.... Пройдетъ масляница,—въ понедѣльникъ на первой недѣли зубы полоскать; да такъ наполощутся, что во вторникъ, а то и въ среду опохмѣляться надо! Кончится гульба, ватаманъ скажетъ: опять выѣзжать. Опять выѣдутъ на озеро и ловятъ пока забереги *) пойдутъ, съ тѣмъ же ватаманомъ, коли хорошо служилъ,—а нѣтъ, такъ съ новымъ, которому обѣщались на зиму. Пойдутъ забереги и разойдутся до зимы, а зимой ужъ приходятъ къ ватаману своему.

Простившись съ Леонтіемъ Ивановичемъ, я хотѣлъ ѣхать на озеро посмотрѣть ловцовъ на мѣстѣ, да въ субботу былъ Николинъ день, вчера воскресенье; нынче не поѣхали.

— Заворожка вышла, говорили мнѣ: такъ, братецъ ты мой, отдѣлаютъ, что на десять цѣлковыхъ во всю недѣлю не наловишь; знамое дѣло, ловца тоня кормитъ, такъ одинъ другова и боится; вотъ и положили ѣхать завтра; всѣ и остались, да и гуляютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, гульба идетъ страшная! Человѣкъ болѣе полутораста по улицѣ поютъ пѣсни и ѣздятъ на ловецкихъ лошадяхъ.

Спасо-Пископецъ, 9 декабря.

Наканунѣ я нанялъ лошадь съ проводникомъ ловцомъ, который чѣмъ свѣтъ разбудилъ меня, и мы вышли съ нимъ на улицу.

Почти передъ самымъ солнцемъ съѣхались на улицѣ въ Спасо-Пископцѣ три двойника. Каждый двойникъ стоялъ отдѣльно отъ другаго, и я сталъ около одного изъ нихъ, именно того, къ которому принадлежалъ мой провожатый. Бо́льшой ватаманъ подъѣхалъ, посмотрѣлъ на всю братію и, не спѣша, степенно спросилъ:

— Всѣ наши здѣсь?

Ловцы переглянулись другъ на друга, и (тоже не спѣша) отвѣтили ему голосовъ въ шесть—семь: «Всѣ!»

— Ну, съ Богомъ! сказалъ ватаманъ, снялъ шапку, а за нимъ и вся братія перекрестилась нѣсколько разъ на востокъ, сѣли и поѣхали. Большой ватаманъ впереди, малый за нимъ, тамъ два рѣльщика и у каждаго изъ нихъ по пѣхарю, а за ними на четырехъ лошадяхъ ворота съ воротильщиками, на двухъ лошадяхъ съ кругами (толстыми веревками, сложенными въ круги), на шести лошадяхъ невода. Въ одно время съ ними отправились и другіе двойники, въ такомъ же порядкѣ, какъ и первый.

---

*) Забереги, т. е. когда вода покажется около береговъ. *Авт.*

По отъѣздѣ ловцовъ, я съ своимъ товарищемъ пошелъ пить чай и на этотъ разъ самъ хозяинъ попросилъ меня подождать самоварчика: «изъ кубика-де вода будетъ не такъ-то хороша».

— Скажи пожалуйста, спросилъ я своего проводника за чаемъ, издалека пріѣхали эти ловцы?

— Да изволишь видѣть, ваше степенство, всѣ поозо́ры, кто ловцомъ, т. е. кто рыбу ловитъ, а кто рыбакомъ—кто рыбу покупаетъ; только всѣ въ озерѣ, всѣ озеромъ живутъ. А зимніе двойники на этомъ берегу отъ Юрьева до Ретли*), а надъ всѣми ими Спасо-Пископецъ: сюда всѣ рыбаки скопляются.

Напившись чаю, мы поѣхали на озеро. Ильмень въ полую воду подходитъ къ самому Спасо-Пископцу, а сильною водою и берега подмываетъ; въ послѣдніе двадцать лѣтъ около Спасо-Пископца отмыло саженъ на двадцать. Старики помнятъ берегъ на версту дальше нынѣшняго. Когда вода сойдетъ,—до озера версты двѣ. Зимой нельзя замѣтить, гдѣ начинается озеро: такъ пологи берега.

— А какая вода лучше для ловцовъ, спросилъ я своего спутника, сильная или малая?

— Какъ можно! отвѣчалъ онъ: въ малую воду рыба лучше ловится: рѣки мелѣютъ, рыба и сваливается въ озеро; а въ сильную—вся по рѣкамъ разойдется, да въ рѣкахъ почитай все лѣто и живетъ; для насъ, зимнихъ двойниковъ, все едино, а для лѣтнихъ гораздо, гораздо хуже.

Выѣхавъ на озеро, мы взяли нѣсколько на востокъ отъ дороги на Ужинъ и, проѣхавши версты двѣ-три, увидали до восьмисотъ саней съ сѣдоками: на саняхъ непремѣнно сѣдокъ, хотя бы мальчикъ, или даже дѣвочка.

— Зачѣмъ столько народу собралось? спросилъ я своего проводника.

— А рыбу покупать у двойниковъ-ловцовъ, отвѣчалъ онъ: это все рыбаки. Сюда пріѣзжаютъ верстъ за пятнадцать, а то и больше.

Шумъ былъ страшный между рыбаками; но очень немногіе, не болѣе сотни, толковали о дѣлѣ, прочіе же разговаривали кой о чемъ; дѣти играли. Изъ толковавшихъ о дѣлѣ на первомъ планѣ стоялъ мужикъ, съ окладистой бородой, въ новомъ дубленомъ полушубкѣ, сверхъ котораго былъ надѣтъ на распашку тулупъ тоже дубленый.

— Всѣ двойники на озерѣ? спросилъ онъ громкимъ, зычнымъ голосомъ.

— Теперь всѣ выѣхали! проговорили нѣкоторые.

— Ну, слушай! крикнулъ первый, отступнова—рыбакамъ на кажинную дугу по гривеннику!

---

*) Эти селенія слѣдующія: Спасъ-Пископецъ, Лука, Погостъ, гдѣ живутъ крылошане, Самокража, Ондворъ, Козынево, Бабки, Мо́рино, другое Мо́рино, Ракома, Троица, Юрьево, Медвѣжья Голова, Розшибъ, Три Отроки, Лѣсья Горка, Милославское (Милѣславьсько), Моисѣевица, Егорій, Васильевское, Лукиншино, Сдринага, Карстово Донецъ, другой Донецъ, Верховье, Хотинъ, Лпбоѣжа, Гвоздецъ, Липица, Заболотье, Курицкая, Новолокъ, Еровица, Ероново, Ямокъ, Островокъ, Сергова, Завола. *Авт.*

— Какъ можно по гривеннику! зашумѣли въ толпѣ: теперь ловъ хорошій! Не грѣхъ прибавить! Рубль пять надо дать! Три гривенника!

— Еще что тамъ врать! вскрикнулъ опять дубленый тулупъ: сказано по гривеннику, и будетъ!

Въ толпѣ еще раздавалось: «Три гривенника! Четвертакъ! Хоть пятиалтынный бы дать!»; но тулупъ сталъ толковать съ своими, т. е. съ дѣловыми.

— Ну, давай разсчетъ дѣлать: сколько рыбаковъ надо оставить, началъ тулупъ: къ Спасо-Пископскимъ на двухъ по 8, да Егору Степанову 7; на Самокражу Семенову 6, да Ивану Петровичу 8...

— Къ Петру Семенычу можно прибавить, сказали въ толпѣ.

— Будетъ и шести! заспорили другіе.

— Будетъ и шести! сказалъ тулупъ: на Ретлю *) пять: онъ прошлую недѣлю плохо ловилъ: рыбаки за нимъ даромъ проѣздили!...

Такимъ образомъ, иногда немного поспоривъ, иногда настаивая, иногда уступая, онъ разсчиталъ на десять двойниковъ 68 человѣкъ рыбаковъ. — «Кто на озерѣ останется?» спросилъ онъ послѣ разсчета: «отходи!»

Въ сторону отошло человѣкъ до восьмидесяти; сосчитали, бросили жеребій кому отходить; потомъ сосчитали, сколько дугъ осталось, и оставшіеся рыбаки на всякую дугу дали по гривеннику. Съ каждой дугой, т. е. запряженной лошадью долженъ быть кто нибудь, хоть маленькая дѣвочка; въ противномъ случаѣ дуга лишается права на отступной гривенникъ.

Я сѣлъ въ сани и поѣхалъ на тоню.

— Скажи пожалуйста, спросилъ я своего проводника: за что же рыбаки платятъ отступнаго всѣмъ, кто пріѣдетъ на озеро?

— Такой законъ, ваше степенство, отвѣчалъ мнѣ мой проводникъ: всѣ рыбаки, сколько ни наесть, отъ Юрьева до Ретли, всѣ пріѣзжаютъ; а чтобъ даромъ не ѣздить, получаютъ, значитъ, по гривеннику. Да и всѣмъ даютъ, кто на озерѣ случится: коли хотите, подходите, и вамъ дадутъ, прибавилъ онъ усмѣхаясь.

— Нѣтъ, за это спасибо, сказалъ я, а скажи пожалуйста: зачѣмъ законъ такой положенъ? Вѣдь ихъ подводъ слишкомъ семьсотъ осталось, по гривеннику выходитъ слишкомъ семдесять рублей, — эти деньги съ ловцовъ же выручаютъ.

— Безъ этого нельзя, отвѣчалъ онъ: имъ тоже хлѣбъ надо дать, оттого такой законъ изъ поконъ вѣку и положенъ: мы за этимъ не гонимся! Да и правду сказать, не всегда столько народу и скопляется: другой разъ пріѣдетъ дугъ пятьсотъ, не больше.

Мнѣ говорилъ мой проводникъ, что онъ за себя поставилъ козака на этотъ день, чтобы ѣхать со мною.

---

*) На всемъ озерѣ десять большихъ ватамановъ-двойниковъ; всѣ они живутъ на западномъ берегу: въ Спасо-Пископцѣ 3, въ Самокражѣ 2, въ Милославскѣ 2, у Егорья 1, съ Малаго Бору (Борку) и съ Ретли 1. Еще есть одинъ съ Трехъ-Острововъ, у того въ двойникѣ 8 человѣкъ. *Авт.*

— Сколько ты заплатилъ за день козаку? спросилъ я его.

— Да заплатилъ дорого: пятнадцать копѣекъ, отвѣчалъ онъ: «случается дешевле нанимаемъ».

— Какъ же такъ: ты нанялъ работать за пятнадцать копѣекъ, а тѣ даромъ получаютъ почти по стольку же?

— Да онъ безъ лошади!

— Но все же мнѣ кажется, что козаку супротивъ рыбаковъ дали мало.

— Да козаку-то заплатилъ я одинъ, говорилъ мнѣ проводникъ, а рыбакамъ міръ платитъ: оно и легко. Ваше степенство говоришь: съ насъ съ ловцовъ рыбакамъ деньги сходятъ. Слушай: всѣхъ двойниковъ десять, въ кажинномъ двойникѣ тридцать два человѣка; это выходитъ всѣхъ 320 человѣкъ; да съ Трехъ-Острововъ Тарасъ Ивловъ,—у того 8 человѣкъ: имъ и легко платить; а я одинъ отдавай деньги своему козаку!

Противъ этой логики я спорить не могъ.

— Скажи пожалуйста, спросилъ я, немного помолчавъ: я хочу купить у ловцовъ рыбы?

— Сперва, когда жеребій трясли, отвѣчалъ онъ, можно-бъ было: недостало бы жеребья—купилъ, а теперь ни за какія деньги тебѣ ловецъ не продастъ: нельзя; всю рыбу продавай рыбакамъ, что по жеребью достались.

— Ну коли дешево дадутъ?

— Два дни все-таки не смѣй съ озера свозить, а на третій день вези куда хочешь; только это ужъ плохо: поволочится по льду, лицо и сдастъ; да и прогулъ къ тому жъ!

— Какъ же рыбаки покупаютъ у ловцовъ, допрашивалъ я проводника: одинъ передъ другимъ цѣну набиваютъ, или столкуются прежде?

— Какъ можно набивать цѣну! отвѣчалъ проводникъ: этакъ въ задоръ войдешь, и не вѣсть что надѣлаешь! Рыбаки тоже покупаютъ рыбу скопомъ: ты говоришь—покупаю, торгую на рубль, я говорю на два, тотъ на три; такъ и дѣлятъ всю рыбу.

— А если я скажу, что всю рыбу оставляю за собой, сказалъ я, не понимая въ чемъ дѣло: тогда какъ же другіе-то?

— Да не то, проговорилъ онъ мнѣ съ досадою, видя мою непонятливость: не то: сколько у кого капиталу, тотъ противъ капиталу и беретъ часть.

— А если я скажу, что у меня капиталу сто тысячъ, а у меня ихъ нѣтъ?

— Міръ не обманешь! отвѣчалъ онъ мнѣ, и я не сталъ больше на это возражать.

Проѣхавши версты полторы-двѣ по озеру, мы увидѣли ловцовъ, которые вынувши одну тоню, ѣхали на другую.

— Отчего у большаго ватамана лошадь-то хуже всѣхъ? спросилъ я у проводника.

— Такъ случилось, отвѣчалъ онъ мнѣ: эта лошадь не ватаманская; ватаманская вонъ подъ кругами.

— Отъ чего же онъ на своей лошади не ѣздитъ?

— Случается ѣздитъ и на своей, когда очередь достанется, отвѣчалъ онъ: лошадей запрягаютъ по очереди; ватаманъ свою лошадь отдаетъ на братію, для того, что для лошади работа не ровна—запасъ тяжело возить, рѣльщика легче.

— А если лошадь пропадетъ?

— Случается падетъ, или въ щель *) угодитъ: міромъ съ добычи покупаютъ.

Калякая съ своимъ товарищемъ, мы проѣхали за ловцами, ѣхавшими въ прежнемъ порядкѣ, еще версты полторы или двѣ; потомъ большой ватаманъ взялъ нѣсколько вправо, а малый влѣво, каждый съ своимъ неводомъ, рѣльщиками, пехарями и проч. Когда ватаманы разъѣхались на полверсты или немного менѣе, большой ватаманъ показалъ мѣсто *сливаломъ*—такъ, съ сѣткой лопата, какъ мнѣ еще прежде объяснили.

— Становись здѣсь! сказалъ ватаманъ.

— Значитъ, нашелъ мѣсто, гдѣ задорку быть, т. е. поддавкѣ, вполголоса проговорилъ мнѣ мой провожатый: сейчасъ пехаря... ишь какъ пхутъ пехаря пешнями!

Въ-самомъ-дѣлѣ пехаря молодецки работали своими пешнями (ломъ съ рукояткой) и разомъ пропехали задорокъ, или поддавку, т. е. прорубили прорубь въ квадратный аршинъ.

— Здѣсь не пропхнутъ въ задорокъ рѣль-то (шестъ), рѣль-то десять саженъ печатныхъ, продолжалъ мой товарищъ: здѣсь мѣсто мелкое.

Въ-самомъ-дѣлѣ, ватаманъ приказалъ прибавить еще пролубь аршина на два въ длину и на четверть въ ширину, такъ что эта пролубь имѣла форму лопаты. Потомъ спустилъ въ задорокъ свою рѣль, къ которой была привязана веревка въ палецъ толщиною, потомъ рѣльщикъ опустилъ свою. Пехаря, расходясь подъ тупымъ угломъ, чтобъ распустить неводъ почти во всю его длину, пробивали для ватамана и рѣльщика углы, т. е. дырья въ четверть кругомъ; ватаманъ пошелъ правою стороною, а рѣльщикъ лѣвой, оба съ кутой **), которою, опуская ее въ углы, ловили рѣль и гнали впередъ; случалось, что рѣль не попадала на уголъ, тогда ватаманъ или рѣльщикъ, какъ случится, сякомъ ***) щупали рѣль и проводили къ углу; иногда рѣль зацѣ-

---

*) Въ большіе морозы на Ильменѣ озерѣ ледъ трескается во всю длину или ширину отъ берега до берега и даетъ щели, въ оттепель ледъ сдвигается и, разумѣется, сходится не по прежнему, а находитъ одна льдина на другую, и образуетъ гряду, которую на дорогахъ пробиваютъ. Щели ловцы тоже считаютъ своею обязанностію на дорогѣ задѣлывать, что очень не трудно: отколятъ льдину и подвинутъ къ трещинѣ.

**) Кута дѣлается изъ деревянной палки толщиной пальца въ два съ половиной и длиной аршина $2^1/_2$; къ одному концу придѣлываются вилочки, которыми захватываютъ рѣль и гонятъ впередъ, а съ другаго очень пологую дугу въ ширину груди; когда рѣль зацѣпитъ за ледъ, на эту дугу налягутъ, рѣль спустится ниже и ее легко гнать впередъ.

***) Сякъ—деревянный шестъ съ загибиной. *Авт.*

плялась подо льдомъ, рѣльщикъ наваливался на куту, рѣль спускалась ниже и проходила. Углы пехаря рубили одинъ отъ другаго на разстояніи саженъ девяти, а когда вышли тонкія веревки, къ нимъ привязали круги, т. е. толстыя веревки, за которыя тянутъ неводъ. Тонкія веревки *спускаютъ* руками, а толстыя *тянутъ воротами* *). Малый ватаманъ въ то же время дѣлалъ тоже самое, только стоялъ не съ правой стороны, а съ лѣвой, т. е. противъ большаго ватáмана, а его рѣльщикъ противъ рѣльщика большаго ватáмана. Когда они подошли одинъ къ другому, на половину или и немного больше, они стали съуживать неводъ. Когда ватáманы сошлись, пехаря пробили высохъ (пролубь, аршина въ два въ длину и четверти въ три шириной).

— Кольца! сказалъ большой ватаманъ.

Пехаря, не говоря ни слова, въ одну минуту прорубили четыре дыры, тоже въ четверть кругомъ, отступя отъ высоха на аршинъ.

— Это для чего? спросилъ я у товарища своего, съ которымъ мы подошли къ высоху.

— А вонъ видишь кольца—для нихъ, отвѣчалъ онъ, указывая на четыре шеста, длиною аршина три, на концахъ которыхъ были на-крѣпко придѣланы желѣзныя кольца, вершка два съ половиною въ діаметрѣ.

— А эти кольца для чего?

— Нижнюю тетиву къ землѣ прижимать, нето вся рыба внизъ уйдетъ, станутъ неводъ вытягивать, вытянутъ близко къ высоху, неводъ-то и привздынется, а какъ кольцами-то навалятся, рыбѣ-то въ нихъ уйдти и нельзя, а коли выскочитъ изъ одного невода, въ другой сигнетъ; все тутъ останется.

Стали показываться крылья невода.

— Держи кольца! громко сказалъ большой ватаманъ, становясь съ сливаломъ противъ высоха.

Колечники опустили въ колечныя дыры свои кольца и сильно на нихъ навалились.

Стали вытаскивать неводъ; по мѣрѣ того какъ вынимали изъ воды, его укладывали на сани. Ловцы въ кожаныхъ передникахъ и въ тягухахъ (рукавицахъ, что воды не боятся) подошли, стали въ два ряда и начали тянуть неводъ; въ это время колечники сильно напирали на нижнюю тетиву своими кольцами, воротильщики воротами тянули канатъ.

— Зазѣвался! крикнулъ большой ватáманъ на одного колечника, который, повернувшись на мгновеніе, далъ приподняться на четверть своему крылу.

Большой ватаманъ весело посматривалъ, съ какимъ-то достоинствомъ, выбрасывая сливаломъ ледъ изъ высоха, притащенный неводомъ.

— Это-то и есть грязь, вполголоса сказалъ мнѣ мой товарищъ.

---

*) Ворота: утверждаютъ вертикально на саняхъ ось, на которую надѣваютъ бочку, на бочку же наворачиваютъ канатъ, а чтобъ сани не двигались, къ нимъ привязываютъ топоръ, который вбиваютъ въ ледъ. *Авт.*

Еще далеко было до кнѣи, а въ крыльяхъ уже много попадалось рыбы и вцѣпившихся раковъ, но ловцы на рыбу не обращали никакого вниманія; она оставалась на тѣхъ же крыльяхъ, только мальчишки, которыхъ было здѣсь десятка полтора, увидавъ крупную рыбину *), бросались за нею. Большею частію на мальчишекъ не обращали вниманія; только крикнетъ кто-нибудь изъ ловцовъ, коли ему мѣшаютъ:

— Куда ты, малецъ!... Э, пострѣлъ!

На что малецъ-пострѣлъ тоже съ своей стороны рѣшительно не обращалъ никакого вниманія, лѣзъ за другой рыбиной, на что тотъ же ловецъ не говорилъ ему ни слова.

Но возгласы были очень рѣдки, и ловцы, молча, сильно тянули неводъ: во всемъ было видно какое-то удивительное спокойствіе, величавость.

— Эко сколько этой дряни—раковъ набралось! сказалъ мой проводникъ.

— Отъ чего же дряни? спросилъ я.

— Да вѣдь ракъ вцѣпится въ неводъ, его и не отцѣпишь, отвѣчалъ онъ: случится весь неводъ стянутъ; такъ мы ихъ ногами мнемъ... руками ничего не сдѣлаешь.

— А вы раковъ не продаете?

— Кому на озерѣ продашь! А въ городъ везти нельзя: ракъ морозу боится.

На крыльяхъ больше-и-больше показывалось рыбы, мальчишки чаще-и-чаще бросались за большой рыбиной

— Матка близко! крикнулъ большакъ.

Всѣ ловцы, тянувшіе неводъ, дружно встряхнули крылья невода и вся рыба, взлетѣвъ на сажень къ верху, свалилась въ высоху.

— Разомъ! разомъ! опять крикнулъ ватаманъ.

И опять ловцы встряхнули рыбу къ маткѣ.

— Матка показалась, сказалъ ловецъ.

— Кольца отнимай! отдалъ приказъ большой ватаманъ.

Пущенныя колечниками кольца почти вылетѣли изъ воды.

Стали вытаскивать матню. Рыба въ ней заполоскалась, забилась. Вытащивъ матню, отнесли ее отъ высоха сажени на двѣ и высыпали рыбу на ледъ. Большой ватаманъ подошелъ къ рыбѣ; къ высоху подошелъ малый ватаманъ; и его ловцы стали вытаскивать свой неводъ, тѣмъ же порядкомъ, только безъ колечниковъ; кольца были вынуты въ одно время съ первыми. Большой ватаманъ *сливаломъ* сталъ отбрасывать большую рыбу въ сторону, а рыбаки, наскобливъ топоромъ снѣгу, стали имъ пересыпать рыбу, чтобъ не смерзлась. Вынули матню малаго ватáмана, а рыбу высыпали отдѣльно; большой ватáманъ и тамъ отбрасывалъ большую рыбу; рыбаки тоже пересыпали снѣгомъ. Большой ватáманъ что-то шепнулъ одному ловцу, на тотъ разъ бывшему мокрякомъ, и всѣ отошли, и рыбаки и ловцы, въ сторону.

---

*) Рыбиной называется *одна* рыба; *рыба*—имя собирательное. *Авт.*

— Теперь, ваше степенство, училъ меня проводникъ: коли хотите, можно поподчивать ватамановъ.

Я изъявилъ на это свое согласіе.

— Петръ Егоровичь, Алексѣй Семеновичь! сталъ онъ звать ватамановъ: подойдите сюда: вотъ его степенство хочетъ васъ поподчивать.

Къ намъ подошли четыре мужика, два ватамана и два рѣльщика, въ крѣпкихъ тулупахъ, въ осташковскихъ сопогахъ.

— Здравствуйте, ваше степенство! сказалъ мнѣ большой ватаманъ, снявъ шапку, поклонился мнѣ и тотчасъ же надѣлъ; онъ, сознавалъ, что такому человѣку, какъ большой ватаманъ, непристойно стоять безъ шапки ни передъ какимъ лицомъ.

Всѣ мнѣ поклонились и тоже надѣли шапки; я имъ тоже поклонился.

— Что, ваше степенство, началъ большакъ: пріѣхали посмотрѣть на наши промыслы?

— Да, пріѣхалъ полюбоваться, отвѣчалъ я.

— На наши промыслы много народу ѣздитъ взглянуть, степенно сказалъ ватаманъ.

Мой проводникъ между тѣмъ досталъ два полуштофа водки, одинъ сунулъ, ни слова не говоря, рѣльщику, а другой откупорилъ.

— Забылъ, бѣда, стаканчикъ захватить, торопливо проговорилъ онъ: да и закусить не взялъ. Большой ватаманъ, дай рукавицу!

— У насъ и закусить найдется, сказалъ ватаманъ, подавая рукавицу: горячаго нѣтъ, а рыбничекъ *) у всякаго за пазухой; безъ того нельзя: цѣлый день не ѣвши нельзя; варить на озерѣ негдѣ, такъ хоть сухова пожуешь.

Мой проводникъ налилъ въ рукавицу водки и поднесъ большому ватаману.

— Подноси его степенству, сказалъ онъ, отстраняя рукавицу и указывая на меня.

— Я не хочу, отвѣчалъ я ему: я привезъ водку, васъ поподчивать.

— Намъ, безъ васъ пить не приходится, проговорили и ватаманы и рѣльщики: безъ хозяина какое питье! Безъ хозяина питья не бываетъ!

Я хлебнулъ; мнѣ подали начатый рыбникъ. Мой проводникъ долилъ и подалъ большому ватаману.

— Будь здоровъ! сказалъ онъ мнѣ и полегоньку вылилъ.

Проводникъ, поднеся другому ватаману, откупорилъ другой полуштофъ, далъ рѣльщику рукавицу, исправлявшую должность рюмки, налилъ въ нее водки, встряхнулъ, посмотрѣлъ на полуштофъ, еще подлилъ и отрывисто сказалъ: «пей!» Тотъ выпилъ; напослѣдокъ онъ вылилъ остальное и подалъ другому рѣльщику.

— Ну, ваше степенство, возьми у насъ рыбки, сказалъ мнѣ большой ватаманъ.

— Сдѣлай одолженіе, продай!

---

*) Пирогъ съ рыбой. *Авт.*

— А много ли вашему степенству надо? спросилъ меня большой ватаманъ.

— Да на уху только, отвѣчалъ я.

— Объ этомъ тебѣ съ нами нечего разговаривать! Семенъ, сказалъ онъ, обращаясь къ моему проводнику: отбери его степенству рыбки получше—на ушку, да лещика два-три побольше—зажарить!

Мнѣ не хотѣлось даромъ брать у нихъ ни рыбки на ушку, ни лещика зажарить; но мой Семенъ выбралъ рыбу что ни есть лучшую, завязалъ въ платокъ и положилъ въ сани. Дѣлать было нечего. Я, сказавши *спасибо*, получилъ въ отвѣтъ «не начемъ» и поѣхалъ къ другой тонѣ.

— Грязи хватили! сказалъ мнѣ мой Семенъ, еще далеко не доѣзжая до другаго двойника: Вишь: ватаманъ большій у пешни лежитъ.

Я не велѣлъ останавливаться, и мы проѣхали мимо ватамана, который угрюмо лежалъ около неконченнаго угла, въ которомъ торчала пешня. Мы отправились въ Спасо-Пископецъ; на третью тоню ѣхать не хотѣлось: я прозябъ, да къ тому же мой Семенъ увѣрялъ, что мы подаренную рыбу живую довеземъ домой. «А изъ живой рыбы, сравнить нельзя, хороша уха!» Онъ положилъ рыбу подъ полу, и мы, въ самомъ дѣлѣ, ѣли уху изъ живой рыбы.

— Вотъ когда *патъ* бываетъ, говорилъ мнѣ за ухой мой хозяинъ: ватаманъ веселъ бываетъ.

— А что такое патъ? спросилъ я.

— А это значитъ: тоню большую вытащитъ, отвѣчалъ онъ: бываетъ матку и не вынуть; такъ ватаманъ сливаломъ рыбу-то вычерпываетъ, пока матка не полегчаетъ!

Въ Спасо-Пископцѣ я познакомился съ тамошнимъ дьячкомъ, который мнѣ подарилъ *запись о вкладахъ*. Онъ ѣздилъ долго искать ихъ и очень издержался, поэтому обрадовался, избавившись отъ соблазна. Я привожу здѣсь ее потому, что у насъ не было, кажется, нигдѣ напечатано ни одной записи.

Вотъ она въ точной копіи, съ сохраненіемъ всѣхъ неправильностей языка, безсмыслицъ и приписокъ, сдѣланныхъ рукою дьячка:

Запись о вкладахъ *)

1. У Богатырскихъ воротъ на юркѣ котелъ серебра и мѣди.
2. Тамъ же противъ большихъ песковъ подъ орѣшникомъ котелъ.
3. Тамъ же въ бору найдешъ черный пень и близъ того пня огневище старинное, то подъ огневищемъ котелъ артельный.

*) Приписи, сдѣланныя дьячкомъ, напечатаны курсивомъ. *Авт.*

4. Тамъ же въ бору найдешъ каменный крестъ на сопкѣ, вышина креста два аршина, то подъ нимъ сундукъ въ крестѣ мѣдномъ и вырѣзано у сего города поклажа.

5. Не доходя промежицы набито на камнѣ два слѣда. И подлѣ втораго камня краснаго, то подъ нимъ подголовокъ золота.

6....... *) мостъ, лежитъ плоской камень, то надъ нимъ крестъ, то за дорогой котелъ серебра.

7. Близъ церковища въ лѣсу подъ горой засыпано два котла.

8. За мшариной на дорогѣ подъ самимъ церковищемъ — вынятъ въ погребу.

9. Подъ церковью въ погребу 12-ть бочекъ серебра и церковной утвари.

10. Тамъ же противъ алтаря, по старинной дорогѣ, сундукъ съ серебромъ и серебрянной посудой.

11. Не доходя Флора и Лавра сажень 10-ть, тамъ лежитъ камень бѣлый, примѣтами на немъ выбитъ подносъ, то подъ нимъ котелъ.

12. У Меньщиковыхъ погребъ потайной, а ходъ въ него съ задняго погреба на право въ углу за щекотуркою, и онъ весь подъ дворомъ, и въ немъ 6-ть бочекъ серебра.

Въ полѣ кладовъ.

1. Близъ Нарвы за 25 верстъ, близъ почты, на немъ же лежитъ камень, а на камнѣ набитъ крестъ, и отмѣрь на полдень 7 саженъ... найдешъ три сундука съ деньгами.

2. За Варламьевыми воротами, близъ красной сосны, отмѣрь 4 сажени и тамъ котелъ. Тамъ же еще на восходъ 17 сажень отмѣрь отъ того мѣста, и тутъ есть кладъ.

3. На прудахъ старокаменная часовня и тутъ подъ порогомъ котелъ съ деньгами.

4. Тамъ же возлѣ ручья лежитъ камень, набитъ съ примѣтами утка, сабля, и то оберти около носа уткина, то тамъ 7 котелковъ.

5. Близъ старинныхъ заводовъ кирпичныхъ на ручью котелъ. Плита есть, выбито два котла, на полдень отмѣрь либо 1 сажень либо 10-ть, и копай.

6. Изъ Зябкова или изъ Зядкова Бредней (?) на берегу найдешь двѣ сопки, какъ сѣнныя кучи, то между ними отмѣрь по сажени, то найдешь въ обѣихъ сторонахъ по бочкѣ денегъ.

7. Тамъ же садъ выискать и подъ онымъ садомъ три сундука.

8. У Поспова Корыта выше близъ часовни стоитъ *не разобрать* **) примѣтъ-рябина, отмѣрь шагъ, и тамъ копай—котелъ.

9. Близъ пожни есть рѣчка Поспова и рѣчка Мѣдновка. У послѣдней возлѣ часовни стоитъ крестъ безъ головы и то супротивъ его сугорокъ, не далеко каменный, то подъ нимъ сундукъ зарытъ костьми и каменьями.

---

*) Въ подлинникѣ затерто это мѣсто.

**) Напечатанное курсивомъ означаетъ помѣты самаго дьячка. *Авт.*

10. Въ Азбаранѣ въ ручью два котла между ракитникомъ въ луговинѣ, съ деньгами.

11. Близъ башни подъ стѣною сундукъ, примѣта надъ нимъ красный камень, на камнѣ назначено сундукъ не великъ, котелъ съ деньгами, копай.

12. На рѣчкѣ Поддасевкѣ найдешь красный камень на бору и на немъ набита повареда, а оттуда хвостомъ выбитъ, то тамъ котелъ съ деньгами.

13. На томъ же бору найдешь—роги набиты на камнѣ, то и отмѣрь 12 шаговъ отъ камня на востокъ, то тамъ котелъ.

14. На бойницѣ найдешь малую рѣль на островкѣ, подъ сею рѣлью въ корню котелъ.

15. И тамъ же близъ ключовъ найдешь два камня, на нихъ набито по кресту, то между нихъ деньги опущены.

16. За Великой рѣкой близъ Покровской церкви во святыхъ воротахъ. *Ужъ вынято.*

17. На столобцѣ близъ Мшары есть ключъ обросши травой, то въ немъ три ствола ружейныхъ опущено червонцевъ.

18. У Владьемскаго моста подъ четвертой *неразобрать* подъ столбомъ сундукъ.

19. Тамъ же есть примѣты норы—въ поры въ одну между широкою въ углу кубокъ серебра.

20. Въ городѣ Трехъ Святителей монастырь, предъ алтаремъ саженъ восемь бочка сороковая денегъ.

21. За Потетнинымъ въ песку, супротивъ Молошной горки, въ песку сундукъ.

22. Близъ кирпичнаго завода на межникѣ выбитъ *неразобрать* котелъ, то на полдень отмѣрь сажень, и тамъ котелъ.

23. На зимней дорогѣ не доходя Поклонной горки, близъ кривой сосны въ березникѣ же, между сопокъ, есть полубочекъ съ деньгами.

24. На старинной Порховской дорогѣ за 2-мъ домомъ гродней (?) по лѣвую сторону забору, найдешь двѣ сопки, какъ сѣнныя копны, то между нихъ двѣ бочки мѣдныхъ пятаковъ.

25. Тамъ же есть двѣ сопки, станутъ противъ Горнева, что старовѣровъ кладутъ, котелъ съ деньгами.

26. Тамъ же есть на ручью каменной выкладъ, то подъ нихъ сундукъ серебра.

27. Не доходя рѣчки Кеби на дорогѣ на камнѣ слѣдъ человѣческій, на полдень отмѣрь сажень—котелъ съ деньгами.

28 По одну сторону Ханскаго шляха въ сопкахъ ящикъ съ червонцами.

29. За перевозомъ между двухъ горокъ въ гору впущена фура—*неразобрано* съ Литовскимъ королемъ.

30. Идти въ Радынку есть восточный ручей, близъ того ручья на гору, между двухъ вересинъ, двѣ сумы переметны съ деньгами.

31. Еще близъ того восточнаго ручья есть на рѣкѣ островокъ, на немъ камень, то есть подъ нимъ котелъ.

32. На спускѣ на перевозѣ есть мостокъ дубовый, сажень, то подъ нимъ три котла: въ двухъ серебро, а въ третьемъ серебряная посуда, 12-ти братіями, по 30-ть фу...

33. У Пателеймона за порогомъ котелъ въ старой часовнѣ.

34. Въ воротахъ пивной котелъ серебра.

35. Противъ алтаря, въ бору или въ гору, смотря по мѣсту, за 25 дороги или сзади дороги, близъ ивова куста, дверь въ погребъ и то въ погребу 4 бочки со всякими деньгами.

Конецъ.

Писано со старинной бумаги, нечаяннымъ маneромъ найденной.
Желаю всякому.

Я пригласилъ этого дьячка ѣхать съ собою на озеро, на что тотъ согласился, даже взялъ довольно сходную цѣну за свою лошадь, и захватилъ для меня тулупъ, а какъ на мнѣ былъ только одинъ полушубокъ, то этотъ тулупъ спасъ меня отъ многихъ бѣдъ. На ту пору на дворѣ была сильная стужа, да къ тому же и съ вѣтромъ. Проѣздивъ съ этимъ товарищемъ по озеру, мы очутились на южномъ берегу Ильменя, около древняго села Ужина *). Мнѣ не хотѣлось возвращаться назадъ, и мы поѣхали на Ужинъ. Мой товарищъ привезъ меня на постоялый дворъ, гдѣ сперва мы вошли въ общую избу, а послѣ, вѣроятно по рекомендаціи дьячка, меня попросили войти въ другую чистую избу, чему признаться я былъ радъ, пробывъ на морозѣ болѣе 6 часовъ. Тамъ нашелъ я юнкера, квартировавшаго въ этой избѣ. Мы съ нимъ разговорились, и онъ мнѣ разсказалъ очень много любопытнаго про свою армейскую жизнь. Выслушавъ его, вы вѣрно согласились бы, что самая несчастная жизнь—это жизнь юнкера на *вольныхъ квартирахъ*. Юнкеру обыкновенно отводятъ лучшую избу въ деревнѣ, но онъ долженъ жить вмѣстѣ съ хозяиномъ, а хозяинъ смотритъ на этого бѣднаго постояльца, какъ на самаго заклятаго своего врага: поставь къ нему солдата — солдатъ и дровъ нарубитъ, и воды принесетъ, и дѣлается какъ-будто семьяниномъ, онъ со всей семьей дѣлитъ хлѣбъ-соль, да дѣлитъ и трудъ; а баринъ, поставленный на квартиру, остается, хоть поганенькимъ, а все-таки бариномъ, и хозяинъ, не смѣя явно его бранить и дѣлать ему непріятности, старается насолить этому барину сколько можетъ. Разговорившись о житьѣ бытьѣ юнкерскомъ, я услыхалъ отъ него слѣдующее:

— Былъ я постоемъ на Терёхѣ, началъ онъ разсказывать: пришли на село подъ вечеръ, мнѣ отвели, разумѣется, какъ юнкеру, квартиру хорошую, у богатаго мужика. Немножко осмотрясь, я велѣлъ хозяйкѣ давать ужинать. Хозяйка не даетъ часъ, не даетъ другой. Я и прикрикнулъ на нее. Гляжу несетъ моя хозяйка мнѣ ужинъ: какую-то похлёбку, щи-ли, не знаю, только *въ черепкѣ*. Ну, думаю, здѣсь раскольники, вѣрно всѣмъ мірщатъ,

*) Первый разъ упоминается въ исторіи при Иванѣ III. [illegible] *Авт.*

поѣмъ и изъ черепка... Хозяйка поставила на столъ черепокъ, а черепокъ этотъ года два не мытъ;—я, грѣшный человѣкъ, взбѣсился и отвѣсилъ хозяйкѣ пощечину одну, другую... Хозяйка только взвизгнула, да на улицу... А тамъ у нихъ такой колокольчикъ прилаженъ; она въ тотъ колокольчикъ и давай набатъ бить; сейчасъ же собрался народъ; моя хозяйка и пожалуйся имъ на меня: — «Приколотилъ меня, говоритъ: сама не знаю за что.» Мужики потолковали межъ собой, потомъ отдѣлились отъ сходки человѣка четыре (сходка же оставалась на мѣстѣ), и пришли ко мнѣ. «За что,—говорятъ, — прибилъ ты, твое здоровье, свою хозяйку?» Я имъ разсказалъ все дѣло, какъ было.—«Правда?» спросили они хозяйку. Та молчитъ. Мужики посмотрѣли, посмотрѣли на нее и говорятъ ей: — «Пойдемъ же съ нами.» Мужики пошли впередъ, баба за ними прямо на сходку, тамъ разсказали міру про все, да такую ей встрепку задали!..

Мы проговорили съ этимъ господиномъ до вечера, по деревенски, довольно поздняго: часовъ до девяти. Въ это время вошли въ избу извощики и полѣзли на печь грѣться.

— Плохо братъ сдѣлали, проговорилъ одинъ изъ нихъ, ворочаясь на печи.

— Да что сдѣлаемъ хорошо то, отозвался другой.

— А какъ замерзнетъ?

Я спросилъ у нихъ, о чемъ они горюютъ?

— Да вотъ видишь ли, другъ любезный, сталъ говорить одинъ изъ нихъ: ѣхали мы семь человѣкъ, у каждаго человѣка по три лошади. Мятель, падора ты видишь какая на дворѣ, а на озерѣ просто быть нельзя... У нашего товарища лошади и притомились, нейдутъ. Мы было всѣ скопомъ и порѣшили ждать на озерѣ, пока Богъ проститъ. Такъ вишь нельзя: въ ногахъ товарищъ валяется: «Ступайте, братцы, вамъ, говоритъ, изъ-за меня не пропадать!» Мы такъ и сякъ, туда и сюда: проситъ малый... Мы и поѣхали.

Легли спать. Мнѣ не спалось, да и извощикамъ тоже: на разсвѣтѣ пріѣхалъ отсталый извощикъ на одной лошади, а двухъ лошадей отпрягши привязалъ къ санямъ, да и бросилъ. Извощики вскочили, достали гдѣ-то полштофа водки и сунули въ руки пріѣзжему товарищу. Тотъ приложилъ его къ губамъ и до тѣхъ поръ не отнималъ, пока всего полштофа не высушилъ; послѣ того его положили на печь, накрыли полушубкомъ или, кажется, двумя, дали ему вздремнуть часа два и разбудили. Мятель была страшная: на улицу и днемъ страшно было выдти.

— Ободняло, сказалъ будившій: поѣдемъ за возами; я возьму свою лошадь, да онъ даетъ свою, да вотъ онъ съ нами на своей ѣдетъ.

Тотъ зѣвнулъ, перекрестился и сталъ не спѣша одѣваться.

— А далеко вашъ товарищъ оставилъ свои возы? спросилъ я.

— Экой ты, ваше степенство, простой человѣкъ: въ ту самую падору хочешь версты знать!.. Ильмень отъ Ужина до Пископца двадцать три версты, а теперь и дороги нѣтъ; можетъ и за Взвадъ заѣхалъ!

— Ну, а какъ возы разобьютъ?

— Этого сдѣлать нельзя, утвердительно сказалъ одинъ изъ извощиковъ».

— Отъ чего же?

— Здѣсь озеро кругомъ!

Извощики отправились, а мы съ юнкеромъ сѣли за чай. Спустя полчаса вернулись провожавшіе, я пригласилъ одного изъ нихъ на чашку чаю.

— Проводили своего товарища? спросилъ я.

— Проводили, ваше степенство.

— Спрашивали про возы, видѣли ихъ?

— Встрѣтился обозъ, говоритъ, одинъ возъ разбитъ; да совралъ: тому быть нельзя.

— Отчего же?

— Здѣсь озеро кругомъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ: часа въ три пріѣхали эти извощики съ возами, которые всѣ оказались цѣлы.

Старая Руса, 13-го декабря.

Добрался я наконецъ до Старой-Русы. Военныя поселенія, такъ сказать, заслонили собою память о старинѣ. Пользуясь досугомъ, спѣшу записать кое-какія собранныя мною свѣдѣнія о торговлѣ.

По Ильменю, Ловати и Полѣсти суда, которыя преимущественно строятся въ Холмѣ, доходятъ до Старой-Русы: лѣтомъ ходитъ сюда разъ въ недѣлю пассажирскій пароходъ и буксируетъ суда, въ-особенности *самины*, очень тяжелыя на ходу; онѣ строятся длиной отъ 7 до 10 саженъ, шириною отъ $1^1/_2$ до 2 саженъ, глубиною отъ 2 до 3 аршинъ; самина называется также *голубятницею*; на саминахъ клади кладутъ отъ 4,000 до 2,000 пудовъ дровъ, овса больше, сѣна меньше: сѣно парусить, и при небольшомъ противномъ вѣтрѣ самина съ сѣномъ должна стоять; на саминѣ только 3 человѣка рабочихъ, а потому на ней дешевле провозъ. За медленностію хода, пассажировъ на саминѣ не возятъ. Пассажировъ и легкій товаръ возятъ въ *лодкахъ* извозницкихъ, которыя тоже плоскодонны, длиною отъ 3 до 4 сажечъ, шириною въ одну сажень; онѣ дѣлаются съ палубою на носу, и у передней части палубы двѣ мачты, парусъ ставятъ косой, *латинскій*, какъ выразился купецъ С***. Изъ плоскодонныхъ судовъ были прежде *семерки*, въ 7 саженъ длиною, глубиною отъ 4 до 5 аршинъ, съ двумя мачтами; также *водовики*, которые еще больше *семерокъ* и того же устройства; но, за мелководьемъ рѣкъ и озера, ихъ замѣнили саминами. *Рушинка*, или *Руська лодка*, иначе и чаще называемая *сойма*, вошла въ употребленіе не больше 10—15 лѣтъ; строится съ килемъ длиною 3 сажени, шириною 1 сажень,

глубиною $1^{1}/_{2}$ аршина; она сшивается кореньями и потомъ сбивается желѣзными скобами; на ней рѣдко возятъ товары, а больше пассажировъ; это судно называется *рѣйнымъ*: можетъ рѣять, т. е. лавировать. *Полулодокъ*—та же сойма, только гораздо шире, и нѣсколько длиннѣе, а потому и на ходу не такъ легка. На полулодкѣ рабочихъ бываетъ отъ 4 до 8 человѣкъ; но какъ она можетъ поднять до 8,000 пудовъ легкаго товара и до 6,000 п. сѣна, то провозъ на ней обходится дешевле, чѣмъ на другихъ судахъ. Всѣ лодки дѣлаются съ двумя мачтами и почти всѣ съ палубами. *Сѣнныя барки*, крытыя, на которыя кладутъ отъ 7 до 8,000 пудовъ сѣна. Она на мѣстѣ стоитъ до 300 р., на ней 8 человѣкъ рабочихъ, идетъ до Питера 9 недѣль, а случается и все лѣто. Коли нѣтъ своей барки, то нанимаютъ и платятъ за провозъ съ пуда 7—8 к. При каждомъ суднѣ бываетъ непремѣнно маленькая лодка, которая здѣсь называется *пáвозка*. На этихъ судахъ идетъ товаръ въ Петербургъ. Главный товаръ: сѣно, дрова, овесъ и ленъ; не въ большомъ количествѣ: кожи, говядина, тряпье, рожь, яблоки. Отъ устья Шелони до устья Ловати, съ береговъ Ильменя, съ Осташкова, Демьянска, Холма, Старой-Русы, Сольцы, Порхова, Острова и Пскова черезъ Ильмень проходитъ въ Питеръ товара, по разсказамъ здѣшнихъ старожиловъ, на сумму до 4.300,000 р. сер. Изъ одной Старой Русы въ этотъ годъ отправлено: льну до 70,000 пуд., цѣною около 3 р. 60 к. сер. за пудъ. Кромѣ того отправляли много *кудели* или *изгребы* и пакли. Паклей называютъ очески отъ льна при чисткѣ, самые грубые, когда снимутъ со льна паклю, при дальнѣйшей его чисткѣ, идетъ изгреба. За провозъ льна берутъ копѣекъ по шести отъ Старой-Русы до Питера. Овса, по цѣнѣ до 3 р. 20 к. серебр., идетъ до 100,000 четвертей; овесъ бываетъ до 2 р сер., а нынче былъ дорогъ. Сѣно берутъ прямо съ пожней (съ покосовъ); по рѣкамъ Полисти и Ловати, а вообще по берегамъ Ильменя. Лучшимъ же сѣномъ считается Бронницкое, которое идетъ ко Двору. Дрова больше берутъ на Ловати. Вся вообще торговля по озеру Ильменю съ Новгородомъ и Питеромъ, съ основанія военныхъ поселеній, значительно упала. Такъ напримѣръ: изъ одной Старой-Русы отправлялось, по разсказамъ купцовъ, одного льна до 250,000 пуд., а теперь лучшая цифра не превышаетъ нынѣшней, т. е. 70.000 пуд. Вообще военныя поселенія разстроили хозяйство народное, въ особенности въ первые года: когда мужики ходили на ученья, имъ не до работы было; а теперь при обращеніи поселенцевъ въ государственныхъ крестьянъ, вѣроятно, положеніе ихъ улучшится, но пока оно еще не устроилось.

Въ Старой-Русѣ бываютъ слѣдующія гулянья, которыя здѣсь называются праздницкими: праздницкая Женъ Мѵроносицъ у церкви Успенія, Троицкая у церкви Троицы, Духовская у церкви Св. Духа, Преображенская противъ церкви Спаса Преображенія за рѣкой, Кузьмо-Демьянская противъ бывшаго монастыря, говорятъ, очень древняго, уничтоженнаго Аракчеевымъ при постройкѣ для военныхъ поселеній *провіантскаго и солянаго магазиновъ*; праздницкая еще бываетъ, тоже противъ бывшаго монастыря на другомъ берегу, близъ слободы Перхина или Пéрина, Егорьевская — весной, Никольщина —

весной и зимой, Дмитріевщина, Веденщина—у приходскихъ церквей. Ивановщина теперь празднуется, не по прежнему; сперва, до Аракчеева, накануне Ивана Купала, за ворота ставили выкопанный кустъ *дѣдовника* (рѣпейника?), который и стоялъ тутъ, пока совсѣмъ завянетъ, а вечеромъ, тоже накануне, на улицахъ раскладывали кучи жигучей крапивы, чрезъ которыя перепрыгивали парни и дѣвушки. Теперь этотъ обычай вывелся; только на праздницкихъ *хороводы играютъ*.

Старая-Руса, 14 декабря.

Я познакомился съ А. А. С. Онъ занимается много русской исторіей. У него написаны огромныя три тетради, въ которыхъ между прочимъ есть вещи и хорошія; онъ отъискиваетъ мѣста около Русы, упоминаемыя въ лѣтописяхъ. Онъ мнѣ разсказалъ замѣчательную исторію о бывшемъ здѣсь архивѣ. Когда Аракчеевъ сталъ устраивать солдатскій «заводъ», всѣ дѣла, находившіяся въ архивѣ, велѣно было передать военному начальству. Начальство распорядилось такъ: всѣ дѣла и бумаги до-петровскія выбросило на улицу. С. говоритъ, что онъ съ такого выброшеннаго подлинника списалъ опись Старой-Русы, составленную при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, послѣ сдачи Шведами Новгорода. Была и другая опись Русы и опись пожней, составленная при Алексіѣ Михайловичѣ, но тоже утрачена. У. С. я видѣлъ хронографъ прекраснаго письма, въ листъ, на 740 листахъ, оканчивающійся 1613 годомъ; шлемъ, найденный въ курганѣ Кіевской губерніи, и Псалтирь, печатанную, кажется, при Грозномъ. Потомъ ходили мы по городу: городъ какъ городъ, всѣ наши города *на славный Питеръ городъ* сбиваются: улицы прямыя, широкія и хорошо выстроенныя, съ магазинами модъ, водокъ и проч., набережныя очень красиво отдѣланы, лавокъ около 200. На постройку позволено брать изъ городскихъ суммъ деньги по 5% съ уплатою при займѣ части суммы и процентовъ, но берутъ очень неохотно. До уничтоженія солдатскихъ поселеній, въ думѣ городской предсѣдательствовали господа офицеры, которые и распоряжались постройками. А было когда-то время и Старой-Русы: въ 1467 году въ моръ умерло 28 поповъ, 1,500 монаховъ, да народу мелкаго, христіанъ православныхъ, 9,000, да отъ Ивана III бѣжавшіе 9,000 утонули въ Ильменѣ: народу выбыло не мало! А все-таки при Иванѣ Грозномъ съ однѣхъ соловарень старорусскихъ сходило въ царскую казну 18,000 тогдашнихъ рублей; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Старой-Русѣ было 400 соловарень и 300 лавокъ около теперешнихъ ваннъ.

С. мнѣ говорилъ, что до Аракчеевщины въ Старой-Русѣ было 18 первогильдейскихъ капиталовъ. Теперь еще указываютъ на всю набережную, застроенную купеческими домами, которымъ только и дѣло было, что соль варить; но переулки, въ которыхъ прежде жили работники-соловары и *трепцы*,

теперь опустѣли. Трепцовъ, т. е. тѣхъ, которые ленъ трепали, сперва было до 2,000, а теперь не доходитъ и до тысячи.

С. повелъ меня на соловарни; онѣ только недавно стали отдаваться въ арендное содержаніе (за 15,000 р. сер.), а прежде состояли въ казенномъ управленіи. Вы не можете вообразить какое странное впечатлѣніе дѣлаетъ видъ разрушающихся домовъ, въ которыхъ помѣщались чиновники, казенные управляющіе, соляное управленіе, соляная полиція и тому подобное... Эти соловарни отобраны отъ горожанъ и устроены казеннымъ образомъ при Екатеринѣ II. Мой чичероне повелъ меня на одну городильню на самый верхъ, по полуразрушенной, частію безъ перилъ, и покрытой гололёдкою, лѣстницѣ. На мой вопросъ — «за чѣмъ туда идти?» онъ только сказалъ: «увидите», и я, покоряясь ему, кой-какъ карабкался за нимъ. Наконецъ онъ привелъ меня на какой-то полуразвалившійся балконъ. «Здѣсь» — сказалъ онъ — «сидѣла мать отечества, Екатерина Вторая Великая!» Я его поблагодарилъ и просилъ повести меня еще къ ваннамъ. Ванны очень красиво, европейски устроены. Соляное маленькое озеро не замерзаетъ, и не дорожки, а крытыя галлереи кругомъ.

Нынче хотѣлъ уйдти изъ Русы, да сказалъ мнѣ С., что у фонъ-З***, постоянно здѣсь живущаго, есть много книгъ, рукописей и вещей. Я сей же часъ послалъ къ нему просить дозволенія посмотрѣть его кабинетъ и получилъ отъ него разрѣшеніе на завтрашній день въ 4 часа. Еще могу сказать одно, что соборъ здѣшній, по словамъ С., очень древній; этотъ соборъ былъ некрасивъ. Графъ Аракчеевъ, какъ человѣкъ образованный, не захотѣлъ его такъ оставить; а какъ новый соборъ было дорого строить, то онъ только украсилъ древній: придѣлалъ къ нему много хорошихъ украшеній, дурныя вещи сломалъ, и вышелъ *Соборъ Военныхъ Поселеній* — хоть куда! Въ этихъ же видахъ онъ сломалъ церковь Іоанна Предтечи, гдѣ теперь стоитъ часовня. Когда рыли фундаментъ для этихъ пристроекъ, отрыли кладбище. Многіе скелеты нашли перевернутыми и въ нихъ по забитому осиновому колу. Вы вѣрно знаете, что умершимъ колдунамъ, чтобы они не пугали міръ православный, вбиваютъ, коли они ходятъ покойниками по міру, перевернувши ничкомъ, осиновый колъ въ спину, да и опять закапываютъ.

Кстати: вотъ нѣсколько названій травъ, записанныхъ мною со словъ здѣшняго мужика Григорія Абрамова.

Сорокопритoчная: «отъ сорока притокъ; впадаётъ отъ сорока притокъ; владаётъ по сухимъ мѣстамъ; плетется въ середкѣ, какъ прутчичекъ (шнурокъ), а по бокамъ, какъ копѣечка».

Мядушникъ: «отъ грудей пьютъ; по мокрымъ мѣстамъ шапкой ростетъ, розовенькой копѣечкой; помогаётъ отъ многихъ болѣзней».

Суконникъ: «точно какъ бѣлое сукно; какъ идете по бору, такъ на бору ростетъ».

Заячья кислица: «она и *скусомъ* кислая, а сама такая гладкая. Когда женщинѣ *разрѣжаться* — такъ та трава».

Въ Новѣгородѣ на Крещенье многіе купаются въ пролуби, а въ Старой-Русѣ этимъ суевѣріямъ не вѣрятъ.

Старая-Руса, 15 декабря.

Ныньче поутру ходилъ къ г. фонъ З***. У него кабинетъ набитъ его работою: тонко вырѣзанныя изъ кости разныя вещицы, картонныя коробочки и т. п., все показываетъ его нѣжную душу. Разъ ѣздилъ онъ на охоту, и у него расковалась лошадь. Онъ заѣхалъ въ кузницу подковать ее, и нашелъ тамъ двѣ кольчуги: одну двойчатую, другую простую; первая прекрасно сохранилась и отличной отдѣлки: каждое колечко украшено маленькою пуговкою. Шлемъ, у котораго одинъ только наушникъ оторвался; одиннадцать стрѣлъ, длиною до 5 четвертей, дерево совершенно смотритъ новымъ; стрѣлы эти оканчиваются желѣзнымъ копьецомъ, вбитымъ въ стрѣлу, которая послѣ, должно быть, струной связана, а съ другой стороны на четверть съ 4 сторонъ перёна, т. е. въ стрѣлѣ вдѣлана гривка пера; нагрудникъ, у котораго нижняя часть сдвижная; два меча, одинъ русскій, другой рыцарскій. Онъ разспросилъ кузнеца, гдѣ онъ нашелъ, что́ далъ, и что́ хочетъ съ ними дѣлать? Тотъ отвѣчалъ, что купилъ у мужика, а тотъ, пахавши землю, выкопалъ изъ земли (на мѣстѣ Шелонской битвы), купилъ за рубль серебромъ, а теперь думаетъ перековать на подѣлку. Г. фонъ-З*** былъ великодушенъ: онъ предложилъ кузнецу рубль сереб. и два пуда желѣза; кузнецъ охотно согласился и фонъ З*** сдѣлался владѣльцемъ этихъ вещей. Кромѣ того, у него же я видѣлъ перстень, на которомъ вырѣзанъ драконъ или что-то подобное; крестъ въ вершокъ, на которомъ превосходно сохранились изображенія: посреди Спаса, на верху ангела, а по бокамъ и внизу по два Евангелиста; эти двѣ вещи серебряныя. Далѣе: двѣ серьги серебряныя, на каждой серьгѣ два подвѣска, украшенные камнями; эти серьги толщиною почти въ ржаную соломину; ружье венеціанское, съ вычурнымъ замкомъ, который заводится ключомъ: кремень падаетъ на быстро вертящееся огниво, которое находится среди замка́; это ружье прекрасно отдѣлано мозаикой, украшено арабесками, — и т. д.; пистолетъ съ двуми стволами, стрѣляющими въ одно время, съ ножемъ посреди, съ мѣдной ложей. Замѣчательно, что всѣ эти вещи найдены на мѣстѣ Шелонской битвы.....

Когда я предложилъ г. фонъ-З*** уступить мнѣ вещи, онъ запросилъ за двойчатую кольчугу, шлемъ, 4 стрѣлы и нагрудникъ 150 р. сер., за два меча 10 р. сер. При этомъ былъ С. и сталъ его уговаривать не продавать: пропадутъ дескать. Г. фонъ-З-*** на это очень равнодушно отвѣчалъ, что ежели ему дадутъ деньги, то ему все-равно — пропадутъ ли они, или нѣтъ. «Я охотникъ, страстный охотникъ, прибавилъ онъ нѣмецко-русскимъ языкомъ, а дадутъ деньги — пусть пропалъ!»

Отъ него мы пошли въ городское училище, въ которомъ два класса, и два учителя въ военныхъ мундирахъ (изъ унтеръ-офицеровъ — теперь коллежскіе регистраторы, кажется), и одинъ священникъ: въ этомъ училищѣ

учатъ Закону Божію, Ариѳметикѣ до десятичныхъ дробей, да Грамматикѣ первую часть. Учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ до 85. Для такого города, какъ Старая-Руса, довольствоваться этимъ училищемъ слишкомъ мало, а потому двѣ мадамы завели пансіоны; у одной мадамы 8 дѣвочекъ, а у другой до 15 дѣвочекъ и мальчиковъ. Въ одинъ изъ нихъ я заходилъ: учатъ дѣвицъ — сама содержательница, да сестра, да племянница, да священникъ: другихъ учителей нѣтъ, да и достать негдѣ.

С. Ужинъ, 26 декабря.

Вчера около 12 часовъ вышелъ изъ Русы. Руса хоть и не та Руса, которая была до Аракчеева, все-таки очень торговый городокъ: въ уѣздномъ городѣ больше 100 лавокъ открытыхъ; это хоть бы другому и губернскому! Лавки всѣ бо́льшею частію съ крестьянскимъ товаромъ; это тоже хорошо: стало-быть этотъ городъ строенъ не для Питера, а для жителей. Пройдя съ версту отъ города, я сошелся съ мужикомъ изъ Бологижа. Онъ слышалъ, что въ Старой Русѣ будутъ продавать водку задешево, и пошелъ въ городъ къ обѣднѣ, но слухъ оказался ложнымъ, и онъ проходилъ даромъ. Доро́гой онъ разговорился и разсказалъ про «Аракчеевщину». Пріѣхалъ Аракчеевъ и сталъ всѣхъ брить, только стариковъ за 60 лѣтъ оставилъ. Сталъ Аракчеевъ деревни *въ связи ставить*: Звозъ, Мозольчино, Лозьево, Дубки-Бабки, Гущино — всѣ перевелъ въ Дубовицу. Вотъ другой годъ какъ имъ свободу дали, они и стали переходить на старыя мѣста, Гущино уже все перешло. Мой спутникъ зазвалъ меня къ себѣ обѣдать. Мужики живутъ вообще очень богато, земли у нихъ довольно; на душу высѣваютъ 10 мѣръ ржи и 20 овса, кромѣ пожней. Однимъ они обижаются: сперва брали у нихъ по мѣркѣ — съ души, а теперь отобрали у нихъ земли съ 30 душъ одну десятину, и заставляютъ ее обработывать. Этимъ они вообще недовольны. Не знаю, правду ли онъ говорилъ, что Аракчеевъ завелъ такой порядокъ: мальчика, какъ подростетъ, требовали въ училище, гдѣ учили грамотѣ, а кромѣ того маршировкѣ, а какъ войдетъ въ лѣта, то отправляли въ полевые полки. Три сына есть — трехъ возьмутъ, одинъ — и одному не спускаютъ. Только такой порядокъ былъ не долго: года черезъ два дали *кафтанчики форменные*, велѣли всѣмъ бороду брить, голову стричь, да начальства много понадѣлали, съ тѣмъ и оставили. А теперь другой годъ пошелъ, какъ и начальство отбросили, оставили однихъ своихъ. Съ тѣхъ поръ мы и обросли, прибавилъ разсказчикъ. И въ-самомъ-дѣлѣ обросли: теперь трудно найти бывшаго поселянина бритаго и стриженнаго. Здѣсь въ Бологижѣ во время обѣда (мы опоздали къ обѣду и обѣдали вдвоемъ), мальчикъ лѣтъ 10 (сынъ хозяйскій, принесъ кучу костей. Они собираютъ кости и продаютъ *булынямъ* за самую бездѣлицу: у одной дѣвочки было набрано костей до $3^1/_2$ фунтовъ, да тряпья

комокъ, и объ ней какъ объ счастливицѣ говорятъ, что она получила 3 коп. сер. Рѣдко случается, чтобъ эти вещи, тряпье и кости, продавались за деньги, большею частію за кренделёкъ, серёжку и т. д.

При самомъ выходѣ изъ Бологижа мнѣ попались тверскіе крестьяне. Они были въ Ростовѣ (Ярослав. губ.), набрали тамъ огородныхъ сѣмянъ и скипидару, и ѣхали за Чудовскую станцію. Ихъ было шесть подводъ, на каждой подводѣ хозяинъ и работникъ, которому хозяинъ платитъ до весны отъ этой поры, т. е. всего недѣль за 12, по 10 руб. сер. У каждаго *сѣмянщика*, какъ они здѣсь называются, есть свои знакомые. Каждый хозяинъ зарабатываетъ за всѣми расходами отъ 45 до 60 руб. сер. Когда я встрѣтился съ этими сѣмянщиками и просилъ ихъ подвезти меня, то они, какъ народъ торговый, не соглашались, какъ только же я объявилъ, что «около кабака будетъ привалъ», они всѣ бросились на возы и просили сѣсть. Проѣзжая черезъ Чернецъ, Большо-Учно, мои попутчики сходились вмѣстѣ, шли пѣшкомъ и пѣли пѣсни. У одного изъ нихъ былъ замѣчательный голосъ, только манера его не хороша: походила очень на тургеневскаго рядчика. Этотъ господинъ жилъ въ Питерѣ и тамъ *образовался*. Они и теперь каждое лѣто ѣздятъ въ Питеръ и тамъ торгуютъ, а на зиму пріѣзжаютъ домой, пробудутъ дома недѣли двѣ, три, въ Тверской губерніи, а послѣ *заѣзжаютъ* въ Ростовъ, берутъ сѣмена и ѣдутъ по своимъ знакомымъ. Распродавши, за 500 верстъ отъ дома, свои товары, они часто продаютъ и лошадей, и сани, а сами великимъ постомъ возвращаются домой по чугункѣ.

Ныньче на улицѣ собрались *дѣвицы* и парни, и ходили въ хороводѣ. Здѣсь хороводъ водятъ такъ: по одну сторону стоятъ въ линію дѣвицы, а по другую тоже въ линію парни. Поютъ пѣсни, не хороводныя, а какія попало; первый парень подходитъ къ дѣвицѣ, поклонится ей, возьметъ ее за руку и проведетъ ее по всему ряду, опять поклонятся другъ другу и станутъ сзади всѣхъ, дѣвушка къ дѣвицамъ, а парень къ молодцамъ; потомъ другая пара такимъ же порядкомъ, потомъ 3-я, 4-я, сколько найдется. Тамъ опять 1-я, 2-я, и такъ далѣе. Наконецъ остановятся и пойдутъ такимъ же образомъ въ другую сторону. Пробывши на улицѣ часа три, я самъ пошелъ въ хороводъ, да и случилась бѣда: я не зналъ, что надо дѣвушкѣ поклониться— они и осмѣяли; но послѣ все обошлось хорошо. Какъ расходится хороводъ, парни закричатъ: о! о! ура! о! о! И нечего грѣха таить: большею частію парни дѣвушекъ «кто въ овинъ, кто подъ тынъ», — какъ разсказывалъ мнѣ старикъ крестьянинъ.

Шимской перевозъ, 2-го января 1859 г.

Новый годъ, сколько я ни ходилъ по улицамъ въ Ямъ-Мшагѣ, встрѣтилъ не такъ, какъ мнѣ хотѣлось; посидокъ не было: подъ праздникъ грѣхъ собираться на посидки. По улицамъ народу было мало; мятель дула страш-

ная, и въ Ямъ-Мшагѣ у меня никого не было изъ знакомыхъ. А въ этотъ вечеръ, говорятъ, хорошо бываетъ: дѣвушки сходятся по три, по четыре и льютъ олово, ходятъ на ручей, отгребаютъ камушки и по нимъ судятъ, каковъ будетъ женихъ: коли камушекъ гладкій и женихъ будетъ гладкій, коли шершавый, то и женихъ шершавый; пѣтуха межъ кучекъ съ овсомъ пускаютъ. По утру пошелъ къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни, познакомившись съ священникомъ, осматривалъ церковную библіотеку. Въ ней я нашелъ: Цвѣтную Тріодь, напечатанную при Іоаннѣ и Петрѣ; обличеніе Никитино, написанное при Алексіѣ Михайловичѣ; синодикъ, въ которомъ изъ царей Петръ упоминается почти послѣднимъ, и то приписано другою рукою. Замѣчательно, что онъ названъ Великимъ, но послѣ это названіе замарано, потомъ написанъ Петръ III совершенно другой рукой и новѣйшимъ почеркомъ, а весь синодикъ полууставомъ. Въ этомъ синодикѣ упоминаются роды Сергіевыхъ, Ушаковыхъ, Скворцовыхъ, Ямскихъ-Охотниковыхъ, Устиновыхъ, Черменецкихъ, Володимеровыхъ, Щербаковыхъ. Въ настоящее время Скворцовыхъ, Ямскихъ-Охотниковыхъ, Черменецкихъ, Володимеровыхъ и въ окружности нѣтъ. Здѣсь же видѣлъ образъ Соборъ Богородицы. Церковный староста, здѣшній крестьянинъ Василій Васильевичъ Часный, разсказывалъ мнѣ, что этотъ образъ украденъ раскольниками въ 1823 году изъ Базловки. Этотъ образъ пишется такъ: Богородица на верху, а соборъ апостоловъ внизу. Раскольники, отрѣзавши нижнюю часть, верхнюю бросили въ пролубь въ р. Мшагу, гдѣ и была она найдена, а нижнюю и по сю пору не нашли. Послѣ обѣдни мы отправились къ священнику, куда скоро пришелъ В. В. Часный, а потомъ содержатель станціи, того же села крестьянинъ. Они много говорили о названіи мѣстностей: я имъ далъ Погодинскую брошюру, и просилъ узнать—какія изъ названій сохранились до сихъ поръ. Вотъ что̀ между прочимъ они мнѣ разсказали: Въ Свинортѣ стоитъ обыденная церковь Ивана Богослова. Царь Иванъ Грозный, проѣзжая чрезъ Свинортъ, въ день своихъ имянинъ, приказалъ ее выстроить; она вся сдѣлана изъ плиты, а не изъ кирпича. Въ этой церкви, говорятъ они, есть чаша деревянная: даръ Грознаго въ день освященія. Послѣ пошли мы съ В. В. къ содержателю почтовыхъ станцій. Онъ, какъ самъ говоритъ, застаровѣръ, но у него все на дворянскую ногу: диваны, кресла, зеркала, закуска дворянская, и въ заключеніе муфта, которую носитъ его жена. Одно только напоминаетъ православный домъ: въ обоихъ углахъ образа. Изъ его оконъ я видѣлъ *окрутниковъ*. Нѣсколько парней, человѣкъ 5—6, окрутились (нарядились) *рыцарями*. Изъ рубахъ женскихъ, изъ юбокъ, шалей сдѣлали курточки, коротенькія юбки, на голову намотали шали, соломы, и вышло что-то въ родѣ шлемовъ, потомъ завернули тоже шалями лица до носа. Въ такомъ нарядѣ окрутники ѣздятъ только на новый годъ, отъ обѣда до вечера, разумѣется, какъ подобаетъ рыцарямъ, верхами. Пробывши здѣсь полчаса или нѣсколько больше, я поѣхалъ съ В. В. къ нему, и у него остался довольно долго, слушая его разсказы.

Жители Ямъ-Мшаги всѣ хлѣбопашцы, у нихъ, какъ и у всѣхъ здѣсь,

земля раздѣляется на выти, на каждую выть полагается 12 душъ, на каждую выть высѣваютъ 12 четвериковъ. Случаются урожаи самъ-десять, а средніе самъ-4, самъ-5. Кромѣ того занимаются ловлею рыбы: ловить мережами начинаютъ съ полнаго разлива до Николы, а потомъ со Спаса — пока вода станетъ. Рыба водится слѣдующая: щука, язь, окунь, сопа, плотнякъ (плотва), «у самую Миколу лещь съ икрой», налимъ, изрѣдка судакъ и сиги. Весною, по рѣкѣ ставятъ заколы: на 20 верстахъ заколовъ 15 ставится. А на за́водяхъ у устья заколы эти ставятъ поперегъ рѣки, выбирая гдѣ мельче, изъ лучинокъ, т. е. изъ досчечекъ пальца въ 2—3 толщиною. Эти лучины перепутываютъ мочалой изъ старыхъ кулей или чѣмъ придется. Лучины привязываются одна къ другой какъ можно ближе, чтобъ рыба не могла пройдти, когда же вода станетъ сбывать, рыба начнетъ сваливаться къ низу, къ самому заколу. Тоже одинъ изъ главнѣйшихъ здѣсь промысловъ составляетъ извозничество. Во время послѣдней войны здѣшніе извощики выѣзжали на 400 и болѣе подводахъ (по 3 подводы на человѣка, стало быть болѣе 100 извощиковъ). Другими ремеслами они стыдятся заниматься: топоръ взять въ руки ни за что́! Въ послѣднее время выучились человѣкъ 18 портняжничать, а прежде ѣздили сюда портные ярославскіе. Долго я сидѣлъ у почтеннаго Василія Васильевича. Надо правду сказать, что рѣдко отыщется такой крестьянинъ: онъ образованъ, и я видѣлъ у него исторію Карамзина и Энциклопедическій Лексиконъ. Онъ ихъ читаетъ толкомъ и при всемъ томъ любитъ свое крестьянство, и живетъ, какъ онъ выразился: «по закону Божію, какъ Богъ велѣлъ». Когда я ему объявилъ — за чѣмъ я хожу, — онъ съ разу понялъ и обѣщалъ помогать. Отъ него я пошелъ домой. У моего хозяина, который и бѣднѣе и грубѣе Василья Васильевича, были гости—его племянница, изволите видѣть, отдана замужъ за нѣмца. Такъ эта пара, по жаловала къ «дяденькѣ», и они всѣ трое пировали и кутили. Не вдругъ смекнувъ, въ чемъ дѣло, и не зная гостей, я присѣлъ къ нимъ. Барыня сейчасъ со мной заговорила: «Какъ здѣсь дурно проводятъ святки; никакихъ такихъ хорошихъ удовольствій не дѣлаютъ. Вотъ у насъ въ Сольцѣ, это можно чести приписать! Сдѣлаютъ вамъ лодку!!...» — «Врешь, дура, лодку какъ есть и съ мачтой поставятъ на полоза!» обозвался дяденька русской нѣмки. «Ну и выходитъ сдѣлаютъ! Запрягутъ лошадей, да такъ и катаютъ! А въ Новгородѣ!...» Я оставилъ ихъ, замѣтилъ въ книжку все слышанное и видѣнное, да и легъ спать.

Я думалъ, что день мой кончился; нѣтъ: только что я заснулъ, пришелъ отъ становаго пристава разсыльный, разбудилъ меня и просилъ, впрочемъ очень вѣжливо, пожаловать къ становому. Я подумалъ-подумалъ и пошелъ: онъ отъ меня стоялъ черезъ нѣсколько дворовъ. Прихожу. Этотъ почтенный господинъ сидитъ въ халатѣ и пьетъ пуншъ съ какимъ-то торговымъ мужикомъ (какъ послѣ я узналъ, отцомъ той, которая вышла за нѣмца). «Почему вы, милостивый государь, не явились ко мнѣ сейчасъ по прибытіи въ Ямъ-Мшагу?»—«Да ежели позволите вамъ сказать откровенно,—отвѣчалъ я: не имѣлъ ни желанія, ни охоты, ни надобности».—«Я все-таки начальникъ,

а къ начальнику всегда должно являться; этого наконецъ вѣжливость требуетъ». Я видѣлъ, что начальнику не угодно было меня посадить, взялъ стулъ и подсѣлъ къ столику; это его немного озадачило.—«Позвольте узнать: зачѣмъ вы сюда прибыли?»—Я сталъ ему разсказывать, онъ не понимаетъ, я ему показалъ письмо ко мнѣ отъ редакціи «Р. Бесѣды» на бланкѣ съ печатью — онъ пришелъ въ недоумѣніе; но надо было видѣть ужасъ «начальника», когда я ему сказалъ, что Географическое Общество, состоящее подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, посылаетъ многихъ для этой же цѣли. — «А у васъ есть какая-нибудь бумага отъ него?»—«Меня не Общество отправило, но я все-таки имѣю отъ него предложеніе собирать пѣсни, сказки и т. под.» (Я въ-самомъ-дѣлѣ получилъ такую бумагу отъ Общества по ходатайству В. И. Даля). — «И подписана она Обществомъ?» — «Нѣтъ однимъ генералъ-адъютантомъ Литке». — «Сдѣлайте одолженіе, доставьте мнѣ ваши бумаги завтра поутру». На другой день поутру, часовъ въ 8, ко мнѣ приходитъ разсыльный за бумагами. Я отослалъ. Жду часъ, жду другой; надо идти, а нельзя: бумаги не возвращены!... Наконецъ я посылаю хозяина. Онъ возвратясь и говоритъ, что становой самъ идетъ. Ну, думаю, хочетъ меня вѣжливости учить: знать, съ визитомъ идетъ. Входитъ становой и эксъ-становой, котораго я видалъ прежде.—«Здравствуйте батюшка!» — «Здравствуйте, батюшка; прошу покорно садиться», сказалъ я, ему указывая на стулъ. — «Все то у васъ бумаги, все то бумаги, сказалъ онъ усаживаясь. Да никакъ у васъ хозяина дома нѣтъ?»—«Да, кажется».—«Прекрасный человѣкъ, вашъ хозяинъ!... А я васъ выпустить не могу-съ!»—«Это почему?»—«А такъ-съ! позвольте-съ! позвольте осмотрѣть ваши вещи!»—«Съ большимъ удовольствіемъ: извольте...» — «Нѣтъ, милостивый государь, одинъ я не стану... эй! сюда?» Съ этими словами въ комнату ввалилось человѣкъ десять или больше народу.—«А, вотъ что́: по посидкамъ ходите, ко мнѣ не явились! Это понятые. Гдѣ ваши вещи?» Я ему указалъ на портфель: у меня только и было вещей, а остальныя я оставилъ въ Новѣгородѣ. Становой, спросивъ у хозяйскихъ: «все-ли?», сталъ разсматривать бумаги и читать ихъ вполголоса: «самина... рушинка ..» и засмѣялся, а за нимъ и всѣ понятые. Добрался онъ до пѣсенъ: «Скоро Дунюшка»... Отставной становой не утерпѣлъ, засмѣялся, и во все горло запѣлъ: «Дунюшка, Дунюшка притомилася!..»—«Да кто жъ эту пѣсню не знаетъ?» говорили понятые, смѣясь изъ угожденія становому: «у насъ любую дѣвку спроси—споетъ!» Долго бъ эта исторія еще продолжалась, если бы становой не отыскалъ писемъ ко мнѣ. Онъ хотѣлъ ихъ читать вслухъ, но я рѣшительно не позволилъ. Тутъ было между другими письмо отъ Купріянова и мое заготовленное письмо къ Ч.; первый ѣздилъ по Новгородской губерніи съ предписаніемъ отъ Губернатора; поэтому становой его зналъ, а къ Ч. я писалъ наканунѣ и по счастію съ полнымъ титуломъ на конвертѣ. Это меня спасло отъ дальнѣйшихъ бѣдъ. Становой сконфузился и сталъ отдавать назадъ мои вещи. Но—каюсь—я разсердился и требовалъ, чтобъ онъ далъ мнѣ какую-нибудь бумагу, по которой я бы могъ на него жаловаться. Онъ сперва не хотѣлъ, но такъ-какъ я на-

ставалъ, то онъ объявилъ, что можетъ составить актъ. Пошли мы къ нему въ канцелярію, вещи мои понесли за нимъ, тамъ составили какой-то глупѣйшій актъ; при этомъ еще случилось маленькое несчастіе: украли у меня нѣсколько тетрадокъ, при переноскѣ вещей въ канцелярію. Вѣрно соблазнился какой нибудь понятой: мужики папиросы дѣлаютъ изъ всякой бумаги; думаю и мои тетради пошли тоже на папиросы.

Отъ становаго я прямо пошелъ въ Шимское. Уже начинало смеркаться и погода была не совсѣмъ хорошая. Народъ здѣсь до-нельзя привѣтливый: мнѣ попался водовозъ и предлагалъ стать на дровни, за бочкой, и я насилу отговорился только тѣмъ, что могъ замочить полушубокъ. Подходя къ Шимскому, уже довольно поздно, я встрѣтилъ мужика:—«Куда же ты, родной,—сказалъ онъ: ты пережди до завтра въ Шимскомъ, а завтра, Богъ дастъ, найдешь обратныхъ—доѣдешь!» Я поблагодарилъ его за совѣтъ, мы разошлись, и онъ запѣлъ: «Спаси Господи люди Твоя»....

Новгородъ, 6-го января.

Нынче ходилъ на водоосвященіе. Я стоялъ у самой Іордани. Со мной рядомъ было нѣсколько мужиковъ, одинъ изъ нихъ съ совершенною увѣренностію говорилъ: «вотъ какъ погрузятъ въ воду крестъ, вода выступитъ». И точно: едва крестъ былъ погруженъ, вода выступила—отъ народа хлынувшаго къ пролуби, сдѣланной въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Іордани, чтобъ умываться и пить освященную воду. Двое молодцовъ раздѣвшись (когда они успѣли—Богъ ихъ знаетъ!), бросились въ пролубь! Несчастный будочникъ закричалъ запретъ, да ужъ поздно. Купальщики окунулись три раза, вылѣзли изъ пролуби, и стали одѣваться, не торопясь одѣлись и пошли потихоньку, какъ-будто послѣ сытнаго обѣда. Полицейскій солдатъ постоялъ около пролуби съ полчаса и ушелъ. Едва онъ ушелъ, опять стали купаться: одинъ за другимъ человѣкъ до 50 перекупалось. Я слышалъ, какъ одинъ изъ выкупавшихся, идя не спѣша, говорилъ: «послѣ купанья легче дѣлается».... Дѣвушки тоже купаются. Собирается ихъ нѣсколько, становятся кругомъ пролуби, чтобъ покрыть раздѣвающуюся, и потомъ нѣкоторыя изъ нихъ купаются; не умѣющія же плавять, какъ мужчины, такъ и женщины, кидаются въ рѣку на кушакѣ, или взявшись за палку.

Въ Новгородѣ на стѣнной колокольнѣ показываютъ колоколъ, про который мнѣ разсказывали слѣдующее: ѣхалъ Грозный царь съ Торговой стороны на Софійскую. Въѣхалъ онъ на большой мостъ (его теперь нѣтъ). Въ то время ударили въ колоколъ, подъ Иваномъ конь палъ на колѣна. Грозный велѣлъ у колокола отрубить уши. Теперь этотъ колоколъ перелитъ. Въ Псковѣ есть такое же преданіе, тамъ тоже показываютъ колоколъ безъ ушей, онъ лежитъ на колокольнѣ на плахахъ, и въ него звонить нельзя.

Былъ въ Новгородскомъ уѣздномъ училищѣ. Когда я шелъ туда, никакъ не думалъ найти то, что нашелъ. Мнѣ все казалось, что Новгородское училище должно быть похоже на Обоянское, Богодуховское, Харьковское и всѣ училища, которыя мнѣ Богъ привелъ видѣть, а ихъ было не мало. Я имѣлъ случай испытать все счастіе быть учителемъ въ уѣздныхъ училищахъ, и въ уѣздныхъ, и въ губернскихъ городахъ. Одинъ разъ я шелъ по улицамъ просвѣщаемаго мною города, навстрѣчу мнѣ попался ученикъ. Тотъ мнѣ поклонился, я велѣлъ ему надѣть шапку, сталъ съ нимъ разговаривать и шутить. Поговоривъ минуты двѣ, мы съ мальчикомъ разошлись. Увидала это какая-то старуха и замѣчательно оригинально выразила свое неудовольствіе:—«Вотъ такъ учитель! нечего сказать! Нѣтъ, сперва учителя не таковы были, бывало ученикъ увидитъ учителя—за версту бѣжитъ; а попался подъ руку, такъ отпотчуетъ, что на-поди! Сиди дома! А это что за учитель—ученикъ передъ нимъ въ шапкѣ стоитъ!»... При входѣ въ Новгородское уѣздное училище, я вспомнилъ эту старуху: то-то бы она, горькая, сердилась! Ученики нетолько на улицахъ не бѣгаютъ отъ учителей, да и въ классахъ-то смотрятъ по человѣчески. Я прошелъ въ третій классъ, и, по просьбѣ смотрителя, спрашивалъ учениковъ. Вопросы были не совсѣмъ для дѣтей легкіе, напр., я спросилъ у одного ученика: когда исторія въ первый разъ упоминаетъ о Новгородѣ, и что онъ знаетъ объ этомъ городѣ еще? Мальчикъ, подумавъ съ минуту, сталъ разсказывать чрезвычайно толково; видно было, что онъ соображалъ и говорилъ свое, а не заученное на память, какъ говорится, на зубокъ. Другихъ я спрашивалъ изъ географіи, грамматики—тоже! Смотритель подалъ мнѣ какую-то ученическую тетрадку. Я думалъ, что это неизмѣнный разборъ: *Столъ* имя сущ. мужеск. рода и т. д., и не спѣшилъ взглянуть въ нее. Но представьте себѣ—что я нашелъ въ этой тетрадкѣ: ученическія сочиненія, и не на обыкновенныя темы: «ученіе полезно, добродѣтель пріятна»... Нѣтъ, здѣсь, не было ни одного сочиненія о *высокихъ предметахъ:* одинъ разсказываетъ, какъ его захватила буря на Ильменѣ-озерѣ, другой тоже какую-то обыденную для него вещь. Но видно, что онъ самъ разсказываетъ, языкомъ довольно правильнымъ и замѣчательно яснымъ. Про правописаніе я не могу ничего сказать, кромѣ того, что я прочиталъ цѣлое сочиненіе, и нашелъ одну ошибку, да и ту надо приписать опискѣ, потому-что запятыя, *яти* и *ести* и тому подобныя хитрости поставлены правильно. Вспомнилъ я еще одного профессора университета, который говаривалъ студентамъ, отвѣчающимъ на экзаменѣ своими словами, а не по тетрадкѣ: «Лучше автора не скажете, а потому совѣтую отвѣчать какъ у васъ записано». А тутъ въ уѣздномъ училищѣ приказываютъ отвѣчать «не слово въ слово, а толково». Еще послѣдняя замѣтка объ этомъ прекрасномъ училищѣ. Всѣ ученики ходятъ всякій въ своемъ платьѣ, прическу носятъ тоже свою, кто въ скобку, кто по нѣмецки, а въ Харьковскомъ учебномъ округѣ—всѣ въ мундирахъ и острижены по формѣ.

Зашелъ я въ трактиръ напиться чаю, разговорился съ однимъ господи-

номъ, онъ мнѣ сказалъ, что у него есть библія, написанная на кожѣ, и еще книга старая, да онъ не знаетъ—какая. Я распорядился чтобы онъ доставилъ эти книги къ К... для Погодина.

Юрьевъ монастырь, 10 января.

Ныньче, часовъ въ 12, отправился я къ Юрьеву, правымъ берегомъ Волхова. Для меня это была совершенно новая и оригинальная картина: на полномъ земномъ пейзажѣ—быстро текущая рѣка. Все кругомъ сковано зимой, одинъ только Волховъ остался вольнымъ Новгородцемъ! Ударятъ сильные морозы—и онъ поддается; ничто сдѣлаешь!—присмирѣетъ и онъ, покроется льдомъ, да не надолго; опять сломитъ ледяныя оковы и понесется быстро, вольно!

На самомъ Волховѣ заколовъ не дѣлаютъ; нельзя: суда ходятъ; да и Волховъ глубокъ, а зоколываютъ *озёрки*, т. е. заливы волховскіе, которые иногда лѣтомъ и пересыхаютъ. Когда весной вода въ маленькихъ рѣчкахъ и озеркахъ войдетъ въ берега, тогда начинаютъ заколы. Заколываютъ такимъ образомъ: вбиваютъ поперегъ всей рѣки или устья озерка 2 ряда кольевъ, такъ чтобы колья одного ряда не были противъ кольевъ другаго, и на искось; потомъ между этими рядами вбиваютъ *лучину*, тонкія дощечки въ руку, или въ 3, въ 2 пальца шириною, а длиною смотря по глубинѣ, такъ чтобы лучина выходила изъ воды. Лучина вбивается одна отъ другой близко, только чтобы вода проходила. Къ кольямъ привязываютъ перекладины, а къ перекладинамъ привязываютъ лучину. Иногда заколываютъ съ лодокъ, а иногда, когда мелко, идутъ въ воду, по поясъ не больше. Тогда закольщики надѣваютъ *штаны*, т. е. широкіе кожанные штаны съ сапогами вмѣстѣ сшитые, доходящіе до полгруди, запрятывая туда и полушубокъ. Чтобъ узнать—годны ли для работъ на заколахъ штаны, ихъ до-полна наливаютъ дегтемъ; не пройдетъ деготь—и вода не пройдетъ; пройдетъ деготь—мастеру штаны назадъ отдаютъ.

Г. Зарубинъ мнѣ говорилъ, что закольщики, надѣвая такіе штаны, наливаютъ ихъ теплою водою и тогда идутъ въ воду. Это онъ видѣлъ на Взвадѣ (большая деревня). Въ другихъ мѣстахъ этого не дѣлаютъ, а просто на чистоту: надѣваютъ штаны, а коли мелко, то и просто сапоги, да и въ воду. Сдѣлавши заколъ, ждутъ, пока вода станетъ сбывать. Рыба, какъ извѣстно, весной идетъ въ гору; когда же вода начнетъ сбывать, рыба вмѣстѣ съ водой идетъ внизъ и, подойдя къ заколу, тамъ остается; пройдти негдѣ; тогда ее очень легко брать; а какъ часто озерки совершенно высыхаютъ, то ни одной *рыбины* въ заколѣ не оставятъ, всю возьмутъ; развѣ какая выше въ ямѣ останется, рыбинъ десятка полтора. На рѣчкахъ дѣлаютъ нѣсколько заколовъ, всякъ себѣ; а на озеркахъ и ручьяхъ одинъ;

озерки отдаются на откупъ *). Около самаго Новагорода есть заколъ на озеркѣ, который, говорятъ, ходитъ до 4,000 р. сер.

Дорогой къ Юрьеву мнѣ не попался ни одинъ попутчикъ; были только встрѣчные; меня всегда поражаютъ *поозеры* своею привѣтливостію. Это не робкая вѣжливость человѣка, забитаго холопствомъ; нѣтъ, этотъ съ вами вѣжливъ, но совѣтую и вамъ быть съ нимъ тоже. Всякій, встрѣтившій васъ, непремѣнно скажетъ вамъ: «здравствуй, молодецъ хорошій», или «здравствуйте, ваше степенство»!

Въ Юрьевъ монастырь, или какъ здѣсь выговариваютъ *морастырь*, или *номастырь*, я пришелъ до вечеренъ. Около лѣтняго большаго собора три могилы монаховъ, изъ которыхъ самый замѣчательный, кажется тѣмъ, что былъ духовникомъ благодѣтельницы монастыря, какъ сказано на памятникѣ графини А. А. Орловой, другой—братъ его, третій—Шилкинъ или Шишкинъ, не помню. Три брата Орловыхъ: Алексѣй, Григорій и Өеодоръ, какъ я послѣ узналъ, похоронены въ самомъ соборѣ. Монахи всѣ заняты своими дѣлами и я насилу добился, гдѣ будетъ служба, и то не отъ монаха, а отъ мальчика, штатнаго, который приходитъ сюда ежедневно изъ Юрьевой слободы. Про богатство иконостасовъ монастырскихъ церквей нечего и говорить: всѣмъ извѣстно, что графиня Орлова большую часть всего своего имѣнія отдала этому монастырю чрезъ руки Фотія, бывшаго Юрьевскимъ архимандритомъ. Разсказываютъ, что въ этомъ монастырѣ при Фотіѣ изъ ризницы пропало разныхъ вещей и камней на 800,000 руб. (асс. или сер. не знаю). Изъ Петербурга пріѣхали производить слѣдствіе. Фотій отправился къ Орловой (она жила въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ монастыря), сказалъ ей, что она дала въ монастырь камни, вѣрно не добромъ отцомъ ея нажитые, и что вѣрно Богу не угодно принять такой даръ. Орлова сдѣлала всѣ пропавшія вещи лучше прежнихъ и упросила въ Петербургѣ не производить слѣдствія. Иконостасъ по этому очень богатъ, утварь тоже; но я былъ удивленъ тѣмъ, что въ церкви народу было довольно, а передъ иконами горѣла всего одна грошовая свѣча, поставленная какимъ-то горемыкою. Даже лампады не всѣ были зажжены. Служба шла очень долго: до $7^1/_2$ часовъ. Стемнѣло совершенно, идти было некуда; я спросилъ у одного монаха: могу ли я переночевать въ монастырѣ? Но тотъ, вѣрно обрадовавшись, что вырвался изъ церкви, только глянулъ на меня и пробѣжалъ мимо; я къ другому—тоже. Наконецъ одинъ послушникъ мнѣ сказалъ, чтобъ я шелъ за народомъ изъ монастыря. «Тамо-тко и гостинница монастырская». Вышедши изъ монастыря, я пошелъ за толпою, но оказалось—не въ ту сторону: надо было идти направо, а я пошелъ налѣво; я вернулся и къ счастію попалъ на богомольца, который довелъ меня въ гостинницу, куда бы

---

*) Говорятъ, что сперва въ откупныхъ мѣстахъ позволялось ловить рыбу удочками; есть и пословица: *„на уду запрету нѣтъ“*. Теперь же откупщикъ обязываетъ тѣхъ, кто въ его заколѣ ловитъ удочкой, продавать ему рыбу за условленную прежде цѣну. *Авт.*

я одинъ ни за что не попалъ. Надо было обойти кругомъ весь монастырь, пройдти бани, разныя службы, и проч. Гостинница состоитъ изъ двухъ половинъ—мужской и женской. Мужская—довольно большая комната, съ чугунною и русскою печью; кругомъ широкія лавки, у передняго угла столъ, посреди виситъ ночникъ; перегородкой отгороженъ небольшой чуланъ—келья повара. Когда мы вошли въ гостинницу, тамъ было человѣкъ 10—12 богомольцевъ и богомолокъ, или какъ здѣсь говорятъ, *странныхъ* и *странницъ*. Послѣ почти четырехъ-часовой службы всѣ устали и сидѣли молча около 10 минутъ. Потомъ разговорились. Поваръ, парень лѣтъ 25, въ подрясникѣ и монашеской шапкѣ, обратясь ко мнѣ, спросилъ: «Откуда, рабъ Божій?»—Изъ Москвы почтеннѣйшій.—«Доброе дѣло, рабъ Божій, задумалъ доброе дѣло!»—«А ты, рабъ Божій, откуда?» спросилъ онъ другаго.—Я-то?—«Ну да, ты откуда?»—Мы дальніе.—«А сколь далеко?»—Да изъ за Чудова, Новгородской губерніи.—«Ну,это еще не гораздо далеко, верстъ 70!»—«А, долбежники! подхватилъ тверской мѣщанинъ: долбежники!»—Отъ чего же долбежники? спросилъ я.—«Какъ отъ чего! Можетъ-быть ты слышалъ: еще за нашихъ дѣдовъ былъ царемъ Иванъ Васильевичъ Грозный, слышалъ?»—Слыхалъ.—«Ну, такъ вотъ этотъ самый Иванъ Васильевичъ Грозный долбешкой гонялъ новгородцевъ въ Волховъ топить!»—За что же онъ ихъ топилъ?—«А этого я тебѣ сказать не могу. Вѣрно какую ни на есть огрубность сдѣлали.»—А ты откуда? спросилъ московскій мѣщанинъ, приведшій меня въ гостинницу, очень благообразный мужикъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ:—ты откуда? спросилъ онъ отставнаго солдата—Мы недальніе: всего верстъ за двадцать отсюда.—«Богу пришелъ потрудиться?» продолжалъ москвичъ.—Нѣтъ, не хочу грѣшить; дѣло есть въ Новѣгородѣ; такъ я нонче переночую въ морастырѣ, завтра пораньше сбѣгаю въ городъ, подамъ просьбу а къ обѣду опять въ морастырь.—«Какую просьбу?»—Да вотъ какую: мы сперва наперво были люди господскіе. Господа отдали меня, и служилъ я, мои родненьки, Богу и великому Государю ровно 27 годочковъ. А какъ пошелъ на службу, осталась у меня жена (годокъ только съ ней и пожилъ), осталась жена, да грудной мальчикъ. Прихожу въ-чистую, а сынъ прежъ меня приходилъ по желтому билету *) и опять ушелъ: его тоже въ солдаты отдали, остались и у него двое дѣточекъ. Чѣмъ кормиться, чѣмъ питаться?.. Всѣ на него жалобно взглянули, послышались въ разныхъ углахъ вздохи. Многіе перекрестились со словами:—«Господи, Боже мой! Господи помилуй!» Пока мы балякали, поваръ, надѣвши фартукъ, поставилъ на столъ ведро квасу, къ которому и стали подходить: сперва одинъ, нѣсколько погодя другой. Поваръ поставилъ ближе къ переднему углу чашку щей. Всѣ, помолясь Богу и умывши руки изъ висѣвшаго тутъ же рукомойника, сѣли за столъ, мужчины въ переднемъ углу, женщины съ краю. Поваръ поставилъ корзинку съ ложками, всякъ сталъ брать себѣ ложку. Замѣчу мимоходомъ: богомольцы брали какую попало, только москвичъ одну ложку взялъ съ ряду,

---

*) Т. е. въ безсрочный отпускъ. *Авт.*

а другую выбралъ и подалъ мнѣ; странницы же стали выбирать, и сперва шопотомъ, потомъ громче и громче, а наконецъ и громкимъ крикомъ изъявлять свое неудовольствіе: ложекъ не было хорошихъ! Поваръ стоялъ, усмѣхался, и съ самою добродушною улыбкою поддразнивалъ ихъ. Наконецъ все угомонилось; всѣ примолкли.—«Дадутъ намъ хлѣба?» спросилъ я шопотомъ своего сосѣда москвича.—«Тутъ сухари накрошены»,—отвѣчалъ онъ мнѣ тоже тихо, я попробовалъ щей; ничего, ѣсть можно: съ рыбой, хоть и изъ сѣрой капусты. Подъ конецъ блюда этого, поваръ роздалъ всякому по ломтю хлѣба. Кончивши щи, послѣ предложенія «подлить еще», отъ чего всѣ отказались, намъ подали кашицу съ конопляннымъ масломъ. Кашица была даже и очень хороша. Поваръ всѣхъ угощалъ очень радушно. Поужинали, встали изъ за стола, помолились Богу и начали опять говорить.—«При графинѣ было не то, — пропищала скороговоркой одна странница:—при графинѣ подавали всегда три блюда; три блюда хорошія; сперва подадутъ щи хорошія съ рыбой, а тамъ кашу крутую съ масломъ, а тамъ, по праздникамъ, пироги съ кашей; а на передній уголъ, хоть и второй руки, а все-таки изъ пшеничной муки.»—«Да нынче, родненькая, суббота», проговорилъ сперва незамѣченный мною мужичокъ юродивый. Онъ былъ небольшаго роста, волосы черные съ сильною просѣдью; видно было, что онъ рѣдко причесывался, но волосы его сами собой сложились въ чудныя кольца. Лицомъ онъ былъ худощавъ, глаза голубые, и какъ будто испуганные; но это ни чуть не мѣшало ему быть прекраснымъ; такого добросердечія, простоты, искренности—не часто случается видѣть. Послѣ какъ я ни старался заговаривать съ нимъ, онъ, улыбаясь, только говорилъ: — «да, да, да, да».

— А вы откуда? спросилъ москвичъ повара.—«Мы изъ Демьянска.»—Чтожь, монашествуете?—«Да, послугъ справляемъ.»—А давно монашествуете?—«Двухъ *годъ* нѣту: въ маѣ два будетъ.»—«Вретъ! изъ мужиковъ», проговорилъ отставной солдатъ вполголоса: «по найму!» Въ комнатѣ было тихо, а потому нельзя было не слыхать этихъ словъ; однако поваръ не слыхалъ или не хотѣлъ слышать, и ничего не отвѣчалъ. Изволите видѣть— повару захотѣлось ночваниться: все-таки монашескій санъ выше крестьянскаго!

— А много у васъ монашествующей братіи? опять спросилъ москвичъ повара.

— Да 93 человѣка,—отвѣчалъ тотъ: только они не всѣ здѣсь живутъ.

— А гдѣ же?

— Съ версту, а не то версты полторы будетъ, тамъ скитъ у насъ есть; какой монашекъ запьется, такъ того въ скитъ и сошлютъ. Вотъ отецъ П., хорошій монахъ, да разъ грѣхъ попуталъ: напился, ну это еще бы ничего... а вотъ куда сатана дернулъ: уѣхалъ въ городъ баловаться, а тамъ его поймали, да къ отцу архимандриту и привели. Тотъ ужь его изчунялъ, изчунялъ... Ну, изъ монастыря въ скитъ не послалъ, для того, что пѣрвый разъ: про отца П. кого хочешь спроси, ни онъ къ кому въ келью, ни къ нему кто — никогда! Монахъ чистый, монахъ честный, постникъ какой; а вотъ

Богъ же попустилъ лукаваго искусить... ну, а другова какова замѣтитъ отецъ архимандритъ, сейчасъ въ скитъ, а отца П. не захотѣлъ срамить.

Во время этого разговора богомолки всѣ ушли въ женское отдѣленіе, а богомольцы стали укладываться на ночь спать. Я и москвичъ были одѣты лучше всѣхъ; насъ обоихъ величали всѣ (кромѣ повара, который всѣхъ называлъ рабами Божьими) «ваше степенство». Всѣ ложились, оставались мы только двое, не выбравшіе мѣстъ для ночлега. Какъ вы думаете, какія мѣста намъ достались, самыя худшія? Далеко ошиблись! Самыя лучшія! Москвичъ поспѣшилъ занять худшее изъ двухъ оставшихся мѣстъ.

Монастырская прислуга ходитъ каждый день, кромѣ пятницы и субботы: прислужники шьютъ, воду носятъ и другія работы исправляютъ на монаховъ.

Едва только мы размѣстились, какъ поваръ замѣтилъ, что у многихъ, въ томъ числѣ и у насъ, нечего было постлать, ни положить въ головы; онъ сейчасъ пошелъ за свою перегородку, принесъ нѣсколько войлоковъ, обшитыхъ тикомъ, и подушекъ. Я выпросилъ у него свѣчку и сталъ перебирать свои дневники.

Едва всѣ уснули, какъ кто-то застучалъ въ окно. Москвичъ всталъ, вышелъ на крыльцо.—«Спрашиваютъ, гдѣ въ Ракому проѣхать», сказалъ онъ и опять легъ спать. Я забылъ сказать, что здѣсь былъ нищій мальчикъ, лѣтъ 10. Я его уговаривалъ лечь на лавкѣ, но онъ легъ, вмѣстѣ съ юродивымъ, почти на голомъ полу, чему я послѣ позавидовалъ: не успѣлъ я лечь, какъ на меня напали клопы, такъ что я цѣлую ночь не могъ уснуть, зажегъ свѣчу и опять за дневникъ.

С. Юрьино, 11-го января.

Поутру я проснулся поздно, когда уже пришли богомольцы отъ ранней обѣдни. Богомолки засуетились, выпросили у повара самоваръ и унесли въ свою половину. Одна принесла келейнику босовики. «Спасибо, спасибо мой дорогой, спасибо, что поберегъ мои ноженьки», говорила она.—Мнѣ спасибо не надо, говорилъ онъ шутя: а ты мнѣ рубль сер. дай! Та засмѣялась и ушла. Я спросилъ, какіе босовики она ему принесла? — «Да вотъ ея башмаченки сохли, такъ я ей свои босовики давалъ», отвѣчалъ онъ. Народу противъ вчерашняго прибавилось. Кто-то проговорилъ: «Страдницы безъ чаю быть не могутъ!»—«Да, не могутъ! а дома чай и перекусить нечего», отозвался другой. — «Всякія бываютъ; бываютъ и такія: срамничаютъ, а не страдничаютъ! Вотъ было, рабы Божіи», проговорилъ поваръ: «вотъ смѣху было! На той недѣли приходитъ сюда страдница. Я, говоритъ, дворянка! Полковницкой дочкой сказывается. Ну, полковницкой дочки отвелъ я особую келью.

Только вижу полковницкая дочь *головата* [1]) гораздо: того дай, другаго принеси... Я прихожу къ ней, да и говорю, — надоѣла крѣпко, — говорю: матушка, если ты дворянка, покажи видъ. — Какъ ты смѣешь спрашивать у меня видъ? Какъ ты смѣешь требовать?—Требовать я не требую, говорю я: а если не покажешь, иди въ общую братскую. Та схватила мѣшочекъ свой, да изъ монастыря бѣжать. А тутъ случился сотскій, къ ней: — Покажи видъ! Та туда, сюда... Я сотскій, говоритъ, покажи, не пущу: къ становому представлю!.. Какъ показала она видъ-то... То-то смѣху... солдатская дочь!...

— Богомолокъ простыхъ не бываетъ, проговорилъ кто-то: все дворянки!— «Не угодно ли кому кипяточку?» спросила вбѣжавшая богомолка. Нѣсколько мгновеній никто не отвѣчалъ, а потомъ всѣ въ одинъ голосъ проговорили: «благодаримъ покорно, никому не нужно!»

Заблаговѣстили къ обѣднѣ, я пошелъ въ церковь. Та же бѣдность освѣщенія, что́ и вчера: нѣсколько грошовыхъ свѣчей поставили богомольцы и только! По окончаніи обѣдни, я попросилъ монаха, какъ послѣ оказалось, отца П., показать мнѣ ризницу и библіотеку монастырскія. Въ библіотеку онъ вызвался меня повести послѣ обѣда; о ризницѣ сказалъ, что не можетъ ее самъ показать, а ризничій уѣхалъ. Я пошелъ въ гостинницу, тамъ народу было гораздо больше вчерашняго: человѣкъ около 50. Мнѣ ужасно хотѣлось курить; въ общей братской я не зналъ — можно ли? Я вчера выходилъ на крыльцо, теперь пошелъ на Волховъ. Выкуривъ папироску, вернулся въ гостинницу; тамъ уже садились за столъ. Та же исторія съ ложками, тѣ же блюда, все то же; даже опять та же богомолка спрашивала пироговъ; поваръ-келейникъ тоже отвѣчалъ, что нѣтъ. Только какъ народу было много, то обѣдали за двумя столами: за верхнимъ сидѣли мужчины, а за нижнимъ женщины и ребятишки. Во время обѣда пришла нищая, преразбитная баба. Съ ней зашучивалъ келейникъ, просилъ у нея денегъ.—«А ты думаешь нѣтъ у ней денегъ? сказалъ одинъ богомолецъ. Тамъ около насъ есть нищая,—такая же. Въ третьемъ году у ней украли 700 рублей, да вотъ мѣсяцъ тому назадъ, еще 320 рублевъ!»—Да это Алена? спросили нѣкоторыя.—«Она; приходила она къ намъ, такъ говорила, что еще и золотыхъ съ сотню наберетъ. Воровъ нашли, да только денегъ-то осталось 35 рублей; они признались, что деньги *ейныя* (ея)».

Послѣ обѣда я пошелъ отыскивать П. Онъ встрѣтилъ меня въ коридорѣ и мы прямо пошли въ библіотеку, не заходя къ нему въ келью. Про библіотеку я не стану ничего говорить: Погодинъ былъ здѣсь и видѣлъ, что Фотій привелъ ее въ порядокъ, она и помѣщается въ его лѣтней кельѣ, разумѣется, исправленная и *очищенная*. Фотій былъ благочиннымъ во всѣхъ новгородскихъ монастыряхъ, а потому занялся во всѣхъ *очисткою* библіотекъ. Онъ, какъ мнѣ сказывали крестьяне Юрьевской слободы, выбралъ изъ всѣхъ монастырскихъ библіотекъ *вредныя* книги, привезъ ихъ въ Юрьевъ

---

*) Т. е. въ головѣ много выдумокъ. *Авт.*

монастырь, разложилъ костеръ и приказалъ ихъ при себѣ сжечь. Одинъ крестьянинъ укралъ одну книжку, которую выпросилъ у него какой-то солдатъ. Да, я забылъ сказать, что до осмотра библіотеки, я подошелъ къ одному монаху, сидѣвшему за оградой монастырской, подъ благословеніе: «Господь благословитъ! проговорилъ онъ, я простой монахъ.» Какъ ни старался я съ нимъ заговорить, но монахъ не поддавался.—Ловите ли вы рыбу? спросилъ я его.—«Нѣтъ-съ! Господи спаси и помилуй!» Въ это время другой монахъ (какъ я послѣ узналъ, самъ ловецъ), въ накидку ряска, клобукъ на бокъ, но не отъ щегольства, а такъ, самой свирѣпой наружности, покупалъ рыбу у рыбака. Не сторговались. — «Ишь проклятый, сказалъ онъ, подходя къ моему монаху, 20 руб. проситъ!»—Серебромъ, батюшка? спросилъ я.—«А ты еще на ассигнаціи считаешь?» — А много ли рыбы? — «А не считалъ.» — Сколько же вы давали?—«Ты бы слушалъ, если хотѣлъ знать.» Повернулся онъ, да и пошелъ. — «Отецъ А., сказалъ мой монахъ, что жъ ты свѣчи мнѣ!»—Да вѣдь ты взялъ!—«Да ей Богу же не бралъ! Взялъ бы, чему же еще просить!»—Врешь, взялъ! — «Да лѣшій ты этакой... (я не берусь сказать на кого походилъ отецъ А.....)—Ну! занесся! равнодушно проговорилъ отецъ А.—«Этакаго лѣшаго и свѣтъ не видалъ», возражалъ изъ всѣхъ силъ мой монахъ. — Приходи — дамъ; вѣдь отъ тебя не отвяжешься: взялъ не взялъ—нужно дать.

Послѣ этой сцены я пошелъ къ отцу П., для осмотра библіотеки. Штатный служка проводилъ меня къ нему и дорогой сказалъ, что отецъ А. давалъ за рыбу (а рыба была одни язи), по 2 р. 50 к. сер. за пудъ.

Новгородъ, 16 января.

Изъ Юрьева монастыря я пошелъ опять къ Ильменю, не разсчитывая на успѣхъ работы, а съ единою цѣлію себя повеселить. Желалъ бы я, чтобъ кто нибудь, видя Ильмень-озеро, не какъ декорацію, а Ильмень съ жителями, съ духомъ Новагорода Великаго, остался къ нему равнодушнымъ!

Не такъ сдѣлалось, какъ я хотѣлъ! А все таки, слава Богу, сдѣлалось къ лучшему. Пройдя съ версту по лѣвому берегу Волхова, подъ Юрьевскою слободою, увидалъ старика рыболова, починивавшаго свои мерёжи. Я къ нему подошелъ, и онъ вскорѣ пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ на мерёжи. Я разумѣется отправился съ нимъ.

— Ты, дядя, всегда одинъ ѣздишь на мерёжи? спросилъ я, садясь въ лодку.

— Коли тихая погода, отвѣчалъ старикъ, да старухѣ не досугъ—одинъ ѣзжу; ну, а коли вѣтры, лодку будетъ сносить, одному ѣхать нельзя, возьму старуху. Я вынимаю, она лодкой поправляетъ. У насъ все такъ дѣлается; лѣтомъ, зимой ли, все выѣзжаютъ на озеро вдвоемъ, мужъ съ женой. Теперь ты возьмешь весло, какъ стану мерёжу кидать.

— Весло-то я возьму, да на врядъ помогу: не знаю, что надо дѣлать.

— Поможешь!.. Глянь-ко, глянь, проговорилъ онъ, указывая на Юрьевъ монастырь: что твои звѣздочи горятъ главы-то на *комостырѣ*. Графиня *), дай ей Господи царство небесное, золотила главы чтó ни на есть самымъ чистымъ золотомъ.

— А ты знавалъ графиню?

— Какъ не знавать! Душа была у ней чистая; какъ жила графиня, *хорошо было: хоть пеи-пъшъ—ротъ-ухо!* **) Бывало Фотій кого побьетъ, напишетъ записку, да и пошлетъ къ графинѣ, а та тужь пору — золотой и выдастъ.

— А Фотія ты зналъ?

— Какъ не знать! Я пришолъ разъ къ обѣднѣ, Фотій служилъ, отошла обѣдня, я къ Фотію подъ благословеніе и *тесъ* ***). «Приди ко мнѣ», говоритъ онъ мнѣ. Я пришолъ, онъ далъ записку: отнеси, говоритъ, графинѣ. Я только подалъ записку не самой графинѣ, лакею, что-ль какому, мнѣ и выдали золотой. У графини все деньги были золотыя; къ ней возили въ боченкахъ.

Пріѣхали мы на мерёжи, и когда мнѣ старикъ передалъ весло, я оказался не совсѣмъ способнымъ; но какъ вѣтру не было, то старикъ и безъ моей помощи поставилъ мерёжи, а вынимать ихъ и помощь моя не нужна была. Въ мерёжахъ попалось очень много раковъ (мы привезли ихъ до 250) и десятка три или четыре небольшихъ налимовъ, отъ 5 до 7 вершковъ.

Пока старикъ ставилъ и вынималъ мерёжи, и разсказывалъ про вѣтры на Ильменѣ, я вынулъ свою записную книжку, и записалъ слѣдующее, отъ слова до слова.

1) *Крестовый западъ*: возьмется, скрестится противъ сиверика, креститъ Волховъ; нѣтъ хитрѣе вѣтра.

2) *Подъ-сиверный западъ*: все одинъ дуракъ: пойдетъ катать... Милосердый Господи, пыхнуть не дастъ...

3) *Сиверикъ:* онъ хоть задуетъ когда—да прямо, все легче.

4) *Востокъ:* этотъ легче вѣтеръ.

5) *Зимнякъ:* прямо въ Зубки (деревня); эти два вѣтра съ крышъ не рвутъ; это не вѣтеръ, коли я ѣду, куда хочу; а то вѣтеръ, коли съ берега ѣхать не куда.

6) *Озерникъ:* отъ Старой-Русы; самый чудесный! Если придетъ Божья половина—ау!..

7) *Чистый полуденникъ:* прямо пойдетъ съ Ужина къ Питеру—славно! Озерникъ да полуденникъ для ловцовъ—Господь хлѣбъ даетъ!..

8) *Шелонникъ:* у насъ называется, когда по Шелони идетъ.

---

*) Гр. Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская.

**) Sic!

***) Это слово, безъ опредѣленнаго, кажется, смысла, употреблено здѣсь старикомъ, чтобы выразить, какъ онъ скоро попалъ подъ благословеніе, сунулся. Онъ сопровождалъ это движеніемъ руки, подносимой подъ благословеніе.

9) *Мокрякъ*: когда дуетъ на Юрьево отъ Ракомы.

10) *Падъра:* самая страшная буря.

Для проходящихъ барокъ что ни лучшiе — Шелонникъ да Мокрякъ, для ловцовъ Озерникъ-Полуденникъ, да Шелонникъ, да Зимнякъ самые лучшiе: рыбы понагонитъ.

— Написалъ? спросилъ меня старикъ, когда я закрывалъ записную книжку.

— Написалъ, отвѣчалъ я ему.

— Прочитай.

Я прочиталъ.

— Все вѣрно.

Мой старикъ сталъ вынимать мерёжи, вытряхивать изъ нихъ раковъ и налимовъ, и у насъ на нѣсколько минутъ прекратился разговоръ.

— Какой это столбъ стоитъ? спросилъ я старика, указывая на столбъ, очень похожiй на верстовый, хотя большой дороги и не было. Мы въ это время были подъ самымъ скитомъ Юрьевскимъ, извѣстнымъ въ народѣ подъ именемъ Перюньскаго *).

— А вотъ видишь ты, какое дѣло было, началъ разсказчикъ: былъ звѣрь-змiяка, этотъ звѣрь-змiяка жилъ на этомъ самомъ мѣстѣ, вотъ гдѣ теперь скитъ святой стоитъ, Перюньской. Кажинную ночь этотъ звѣрь-змiяка ходилъ спать въ Ильмень озеро съ Волховскою коровницею. Перешелъ змiяка жить въ самый Новгородъ; а на ту пору и народился *Володимеръ*—князь въ Кiевѣ; тотъ самый Володимеръ князь, что привелъ *Руссею* въ вѣру крещенную. Сказалъ Володимеръ князь: «всей землѣ Русской—креститься». Ну и Новгороду — тожь. Новгородъ окрестился. Чорту съ Богомъ не жить: Новый-Городъ схватилъ змiяку Перюна, да и бросилъ въ Волховъ. Чортъ силенъ: поплылъ не внизъ по рѣкѣ, а въ гору — къ Ильмень-озеру; подплылъ къ старому своему жилью, — да и на берегъ! Володимеръ князь велѣлъ на томъ мѣстѣ церковь рубить, а дьявола опять въ воду. Срубили церковь: *Перюну* и ходу нѣтъ! Отъ того эта церковь назвалась Перюньскою; да и скитъ тоже Перюньской.

— А столбъ то какой?

— Да на то и поставленъ: мѣсто гдѣ, значитъ, Перюнъ изъ Волхова выскочилъ. Въ Новѣ-городѣ, я помню, ставили столобочекъ, ставили съ царемъ, такъ тамъ солдаты въ барабаны били, въ музыку играли, честь отдавали, попы молебенъ пѣли. А здѣсь принесли солдатики столбушекъ, вковали, да и ушли. Да только не сказали народушку: какой такой съ чего запали, да и ушли. Да только не сказали народушку: какой такой съ чего зародился *той* столобикъ. А ѣхали-то изъ Грузина: отъ Новагорода до Грузина считается 90 верстъ, 90 верстъ ѣхали съ *столобомъ* и поставили столобъ.

Послѣ я узналъ, что этотъ «столобочекъ-памятникъ» ни что иное, какъ верстовой столбъ, поставленный водяною коммуникацiею.

*) Это не совсѣмъ Перюньскiй и не совсѣмъ Перунскiй, а звукъ какой-то среднiй между у, ю и ы. Въ книгахъ монастырь называется Перынь. *Авт.*

Причалили мы къ тому мѣсту, откуда поѣхали, мой дядя заднимъ концомъ весла досталъ кнейку, т. е. сѣтку, навязанную на обручи, и сталъ перекладывать рыбу изъ лодки къ кнею, потомъ вынулъ тѣмъ же весломъ другую кнею и туда переложилъ раковъ. Я хотѣлъ купить у него раковъ, но онъ не продалъ, пригласилъ къ себѣ, и когда я согласился, досталъ опять обѣ кнеи, изъ одной отобралъ налимовъ съ десятокъ, а изъ другой раковъ съ сотню, положилъ въ шапку и мы отправились къ нему въ домъ.

— Попробуй, братъ, нашей рыбки: попробуй, изъ Волхова рыба слаще озерной: тамъ грѣха много, кажинный ватаманъ съ нечистою силою знается.

Пришли. Хозяинъ отдалъ хозяйкѣ и рыбу и раковъ варить, а я послалъ за водкой.

— При покойникѣ Фотіѣ все было лучше: вотъ кабакъ, и тотъ былъ: умеръ Фотій—кабакъ снесли.

Принесли водки, уха поспѣла, и мы сѣли обѣдать втроемъ: хозяинъ съ хозяйкой, да я. Послѣ обѣда старуха начала разсказывать про чудеса.

— Вотъ у моего хозяина, говорила она: есть сестра, и теперь жива, выдали ее замужъ, да на свадьбѣ-то ихъ и испортили. Покажись молодому, будто молодая до него гуляла, онъ ее и поколотилъ. Ну, ничего, отошла свадьба; стали они жить вдвоемъ. Какъ-только мужъ придетъ домой обѣдать,—жена кричать, а мужъ ее бить. Кажинный день жена кричала, а мужъ ее билъ. Спасибо, пришелъ добрый человѣкъ, въ три дня все покончилъ: надъ дверьми было ввернуто пѣтунье *) перо, въ полу (а полъ былъ изъ барочнаго лѣсу) вынули изъ дырки — гвоздемъ было заколочено — волосья, уголь и соль. Выкинулъ онъ эту дрянь, да не велѣлъ мужу жену колотить, все и прошло. Жена первый день покричала-таки, на другой поменьше, а на третій и кричать перестала.

Пообѣдавъ, я пошелъ къ Волхову: попавшагося мнѣ ловца я попросилъ перевезти меня на ту сторону.

— Отъ чего у васъ Волховъ не мерзнетъ? спросилъ я своего перевозчика.

— А вотъ отъ чего, сталъ говорить тотъ, переставъ грестъ весломъ: Еще за нашихъ дѣдовъ, еще Питеръ былъ не подъ нашимъ владѣніемъ, былъ царь Грозный, Иванъ Васильевичъ. Пріѣхалъ царь Грозный въ Новгородъ, пошелъ къ Софіи къ обѣднѣ. Стоитъ Иванъ царь, Богу молится; только глядитъ — за иконой бумага видится. Онъ взялъ ту бумагу, и распалился гнѣвомъ! А ту бумагу положили по *насердкамъ* духовники, а какая та была бумага, никто не знаетъ. Какъ распалился Грозный царь—и велѣлъ народъ *рыть* въ Волховъ; царь Иванъ сталъ на башню, что на берегу налѣво, какъ отъ сада идешь на ту сторону; сталъ Грозный на башню, стали народъ въ Волховъ рыть: возьмутъ двухъ, сложатъ спина съ спиной, руки свяжутъ, да такъ въ воду и бросятъ; какъ въ воду—такъ и на дно. Нарыли народу на 12 верстъ; тамъ народъ остановился, нейдетъ дальше, нельзя Грозному народу больше рыть! Послалъ онъ посмотрѣть за 12 верстъ вершниковъ—отъ

*) Т. е. пѣтушье. *Авт.*

чего мертвый народъ внизъ нейдетъ. Прибѣжали вершники назадъ, говорятъ царю: мертвый народъ стѣной сталъ. — Какъ тому быть»? закричалъ царь: «давай коня!» Подали царю коня; царь сѣлъ на-конь и поскакалъ за 12 верстъ. Смотритъ — мертвый народъ стоитъ стѣной, дальше нейдетъ. Въ то самое времячко стало царя огнемъ палить: сталъ огонь изъ земли кругомъ Грознаго выступать. Поскакалъ царь Иванъ Васильевичъ прочь; огонь за нимъ; онъ скачетъ дальше, огонь все кругомъ!... Царь соскочилъ съ коня, да на колѣночки сталъ, Богу молиться. «Господи! прости мое согрѣшеніе». Огонь и пропалъ. Пріѣзжаетъ царь въ Новгородъ; тамъ черезъ сколько времени пришелъ къ митрополиту обѣдать въ постный день. Митрополитъ поставилъ на столъ *рѣдьчину* *), а царю кажется—голова кобылья!—«Чѣмъ ты меня подчуешь, митрополитъ?» говоритъ царь· «теперь постъ, а ты поставилъ мясо, да еще какое—кобылью голову, что ѣсть и въ скоромный день грѣхъ большой!» Митрополитъ усмѣхнулся, да и говоритъ:—«Ѣсть кобылью голову грѣхъ, а народъ губить—святое дѣло!» Благословилъ митрополитъ ту рѣдьчину; царю и показалась рѣдьчина—рѣдьчиной. Съ-тѣхъ-поръ Волховъ и не мерзнетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Грозный царь народъ рылъ: со дна Волхова тотъ народъ пышетъ... А гдѣ народъ становился за 12 верстъ, тамъ Хутынскій монастырь царь поставилъ....

---

*) *Рѣдьчина*, какъ и *рыбина*—означаетъ *одну* рѣдьку или рыбу, а *рѣдька* и *рыба* у народа—имена собирательныя. *Авт.*

II.

ИЗЪ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

---

15 августа 1859 г.

Я пріѣхалъ въ Псковъ рано поутру, 10 августа, и, немного отдохнувъ, пошелъ ходить по городу. Псковъ не великъ, но какъ-то правильно и красиво стоитъ на холмахъ. Благодаря тому, что этотъ городъ въ сторонѣ, онъ и не тронутъ: улицы небольшія и идутъ какъ-то причудливо, то повернутъ вправо, потомъ влѣво, то раздѣлится иная на двѣ. Церкви большею частію очень маленькія и довольно старинныя. Я входилъ въ нѣкоторыя, однакожъ не видалъ, можетъ быть и случайно, старыхъ иконъ; тѣ же, на которыя мнѣ указывали, какъ на старинныя, сильно подновлены и—къ сожалѣнію—довольно неискусно; но я увѣренъ, что Подключникову была бы здѣсь работа. Подойдя къ Кремлю, стѣны котораго почти разрушены, встрѣтилъ я стараго дьячка, пригласившаго меня въ соборъ, который въ настоящее время бѣлятъ и поновляютъ въ немъ иконы. Въ этомъ соборѣ почиваютъ мощи святыхъ князей Гавріила-Всеволода и Довмонта, и Христа-ради-юродиваго Николы. Провожатый показывалъ мечи св. князей: Довмонта небольшой, а Гавріила-Всеволода длинный съ гербомъ и надписью на рукояткѣ: honorem meum nemini dabo (чести своей никому не отдамъ). Къ намъ подошли еще два дьячка и мы цѣлой толпой пошли въ склепъ, гдѣ похоронены какія-то княжескія дѣти и 5 епископовъ. Первый изъ похороненныхъ здѣсь епископовъ Симонъ, умершій въ 1755 году, очень уважаемъ здѣшними жителями: многіе приходятъ къ нему съ молитвою и получаютъ, говорятъ, облегченіе. Отсюда я полѣзъ наверхъ; и когда подошелъ подъ самую крышу, мнѣ пред-

лагали взойти на нее, но я отказался и довольствовался видомъ изъ окна. Видъ оттуда великолѣпный: подъ самыми ногами рѣка Великая, которая, извиваясь, показывается въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вдали чуть виднѣется Талабское озеро; по ту сторону, какъ разъ напротивъ, какая-то деревенька, а немного поправѣй стоитъ очень уединенно женскій монастырь; и все это на совершенно ровномъ мѣстѣ, такъ-что и конца не видно!

— Этотъ соборъ строенъ царемъ Петромъ 1-мъ, сказалъ мнѣ проводникъ, выходя изъ церкви: а когда освѣщали этотъ соборъ, самъ царь пріѣхалъ на освященіе, и самъ апостола читалъ.

Потомъ показывали мнѣ какіе-то *покои*: маленькій одноэтажный каменный домъ, построенный на мѣстѣ сломанной для этого церкви.

Возвратясь изъ собора, я подговорилъ плыть съ собою здѣшняго мѣщанина Алексѣя Ѳедоровича Полякова: онъ досталъ челнокъ и мы отправились съ нимъ на веслахъ, внизъ по Великой. Едва успѣли мы отплыть съ версту, нагнали *будару*.

— Бударка-то *порозня*, сказалъ Алексѣй Ѳедоровичъ, такъ мы свою лодочку привяжемъ къ бударкѣ, намъ и полегче будетъ.

— Будару тянутъ бичевой, такъ намъ и не позволятъ привязать, замѣтилъ я ему.

— Нашъ корабль небольшой, тяготы не сдѣлаетъ, отвѣчалъ онъ, да къ тому же мнѣ всѣ тутъ знакомы: лѣтъ какихъ сорокъ, слишкомъ, бѣгалъ на своей ладейкѣ со Опскова на Юрьевъ; теперь только сталъ старъ, такъ этимъ лѣтомъ и продалъ свою будару, да скучно — куплю осенью: осенью ладьи дешевы, а весной ранней можно большія деньги заработать.

Мы повернули къ плывшей бударѣ, и въ-самомъ-дѣлѣ Алек. Ѳед. былъ знакомъ съ хозяиномъ этой будары.

— Иванъ Ивановичъ, ты? спросилъ онъ, привязывая свою лодку къ бударѣ около руля.

— А! Алексѣй Ѳедоровичъ! куда Богъ несетъ? отвѣчалъ тотъ, приподнявъ шапку.

— Вотъ съ добрымъ человѣкомъ по Талабску озеру покататься хотимъ.

— Доброе дѣло, доброе дѣло! проговорилъ онъ и запѣлъ довольно нескладно:

«Младъ чиновникъ возвращался
Къ отцу, къ матери домой».

— Малый молодой, а ловкій, сказалъ мнѣ Алек. Ѳедор., и богатый, какихъ нибудь отъ роду лѣтъ 30, а свою будару справилъ: тысячу восемсотъ заплатилъ.

— Серебромъ? спросилъ я.

— Да, серебромъ.... Да ты посмотри какая бударина-то: такъ скажешь, что дешево.

— А можно взлѣзть на будару?

— Отчего же? Можно... Эй, Иванъ Иванычъ! крикнулъ онъ: человѣкъ хочетъ на будару къ тебѣ лѣзть!

— Милости просимъ, милости просимъ! отвѣчалъ хозяинъ будары.

Я довольно неловко полѣзъ на будару: нашъ челнокъ вертѣлся при малѣйшемъ движеніи, а надо было стать на край челнока, потомъ перепрыгнуть четверти на три или на цѣлый аршинъ вверхъ на лѣсенку, и послѣ по лѣсенкѣ, совершенно прямо стоящей, перебраться еще аршина на 3 вверхъ, наконецъ, ухватившись за край (бортъ) будары, переползти въ будару. Процедура этой лазни доставила немало добродушнаго смѣха, какъ Ивану Ивановичу, такъ и моему доброму Алексѣю Өедоровичу. Кончилось однако все благополучно и я былъ въ бударѣ.

— Не знаю, какъ тебя по имени-отчеству величать, — проговорилъ, смѣясь, мой новый хозяинъ,—а лазить ты не большой мастакъ!

— Да вотъ какъ видишь... отвѣчалъ я, едва переводя духъ.

Кое-какъ перелѣзъ я на палубу и сѣлъ на парусъ, свернутый копной впереди мачты.

— Ты изъ коихъ мѣстъ? спросилъ меня хозяинъ, оставаясь около руля.

Я ему сказалъ.

— Тяни! крикнулъ хозяинъ двумъ работникамъ, тянувшимъ *бечеву.*

— Куда идешь? спросилъ я, когда Иванъ Иванычъ, поработавъ рулемъ, успокоился.

— А въ Устье-погостъ, въ Назимовское село, коли знаешь, отвѣчалъ тотъ: купилъ лебастръ въ деревнѣ Дубникѣ близъ Изборска, да купилъ-то я за дешево... лебастръ былъ копѣйки по 3 пудъ, а много-много три съ половиной; только прослышалъ я, что въ Питерѣ купецъ откупаетъ весь лебастръ въ нашемъ краю; хочетъ, знаешь, добрый человѣкъ, цѣну поднять... Я и купи 16.000 пудовъ по 4 к. Купецъ сталъ давать всѣмъ, кто только ломаетъ, по 6 коп., а то и по 7 за пудъ: мои-то мужики, *наламамши* мнѣ лебастру, передали тому купцу, а я, пріѣхамши грузить—да и стой! Я къ окружному въ Опсковъ, говорю такъ и такъ: не погуби; моя благодарность сколько силъ хватитъ.... — «Мнѣ, говоритъ, твоя благодарность не нужна; объ этомъ и не помысли, а что надо по закону—сдѣлаю». Сейчасъ послалъ за мужикомъ; тотъ было туда-сюда, да какъ зуботычинъ сколько скушалъ—признался! — «Ну, говоритъ окружный, хочешь: лебастръ давай, хочешь—700 руб. штрафу, а не хочешь: все продамъ, а удовлетворю; все продамъ, а взыщу — впередъ не мошенничай! Вотъ тебѣ сроку до завтра!» А мужикъ-то *тышичникъ* *).... думалъ-думалъ — взялся доставить лебастру.... А лебастръ нынѣ въ цѣнѣ: въ Лифляндіи много берутъ для земли: вздымаетъ—позему класть не надобно!

---

*) Т. е. тысячникъ. *Авт.*

— А тамъ почемъ? спросилъ я.

— Что́ Богъ дастъ!

Послѣ я спросилъ у Алексѣя Өедоровича о лифляндскихъ цѣнахъ на алебастръ.

— Да хозяинъ за́ провозъ беретъ 5 к. съ пуда, а свой товаръ лучше; ты и считай!

Наконецъ мы пріѣхали въ Устье; работники перешли на ладью, бросили якорь, закинули канатъ на берегъ и всѣ пошли въ шакшу (каюту) съ кафельной печью около руля, куда пришелъ и мой дѣдъ Алексѣй Өедоровичъ.

— Хозяина надо поподчивать было чаемъ, да ребята будутъ обижаться: они чаю не любятъ, а къ водкѣ привычны; такъ какъ скажешь Павелъ Ивановичъ? и не дожидаясь моего отвѣта, дѣдъ приказалъ одному работнику Ивану грѣть чайникъ, другаго, Лёву, послалъ за штофомъ, а мы перебрались въ *хозяйскую* шакшу (безъ печи) на носъ.

Напившись чаю, поужинавъ ухой, мы легли спать.

Часовъ въ 6 поутру мой дѣдъ разбудилъ меня:—Чай готовъ.

Втроемъ: хозяинъ будары, Алексѣй Өедоровичъ и я въ хозяйской сѣли за чай.

— Ты думаешь легкое дѣло ладьей править, сталъ мнѣ говорить Алексѣй Өедоровичъ: дѣло трудное, будара по дну 12 саженъ и отъ носу до кормы—14, а по бока́мъ такъ 17, да́ отъ краю до днища двѣ сажени печатныхъ; такъ стало въ водѣ-то она сидитъ, при полномъ грузѣ, 8 пядъ, 2 аршина значитъ: такъ хозяинъ должо́нъ знать, гдѣ ходъ въ рѣкѣ, трахтъ то-есть,—а то и немного сопцемъ (рулемъ) свихнешься, ладьѣ мало-мало пристать надо.... здѣсь въ рѣкѣ дно мягкое... пристань будара ко дну—часа 4 провозишься, а то и сутки промаешься пока судно назадъ стянешь.... а тамъ глядишь *повѣтрь* (попутный вѣтеръ) пройдетъ.... такъ ты сколько простоишь: противъ вѣтеръ пойдетъ, судамъ ходу нѣтъ,—ты и стой! Мнѣ разъ пришлось на́ самомъ этомъ мѣстѣ девять дёнъ простоять, да́ и не по своей винѣ, а такъ, отъ сердца... У насъ, знаешь, парусъ круглый, въ 12 саженъ *), такъ дѣлается: къ нижней *раинѣ* **) по концамъ пристегнутъ, а къ верхней, въ частую... такъ четверти на двѣ привязка отъ привязки... привяжутъ, да и вздынутъ на *перыши* ***) на самый верхъ на *стыръ* (мачту); такъ при вѣтрѣ сила большая: небывалому и не справиться. Такъ ѣду я въ прошломъ.... нѣтъ въ запрошломъ году.... объ эту пору, ѣду я въ Юрьевъ и вотъ *въ* самой *Головы* ****) попадается мнѣ Ванька Сутугинъ, изъ нашихъ же.... сопцомъ угодилъ не туда, да и засѣлъ! Знамое дѣло, не оставить человѣка въ напасти.... а повѣтрь, повѣтрь.... душа *картитъ* (болитъ), что не вы-

*) Круглый—квадратный.

**) *Раины*—бревна съ небольшимъ 12 саженъ, къ концамъ стесанныя; нижняя раина не подымается.

***) Вертикальный воротъ.

****) Мѣсто гдѣ начинается озеро; въ *Головѣ* довольно мелко четвертей 5 глубины, суда при переходѣ этого мѣста скидаютъ часть груза. *Авт.*

ѣхалъ! Провозился я съ Ванькой часа 4, повѣтрь и прошла, и простоялъ я 9 суточекъ, ровно 9 сутокъ. А работникамъ ты все-таки плати.

— А почемъ хозяинъ платитъ работникамъ? спросилъ я.

— Да не ровно: за *сходъ* (т. е., сходить въ одинъ конецъ отъ Опскова до Юрьева или отъ Юрьева до Опскова), за сходъ хорошему работнику 10 цѣлковыхъ, а на лѣто платятъ, смотря по человѣку, и 40 и 35, а то и всѣ 50 надо дать. Да къ тому прибавь 2 становыхъ якоря по 8, а то и по 12 пудовъ, да 2 якоря завозныхъ по пуду положить, да *вытягъ* (якорь, на которомъ становятся въ рѣкахъ) $1^1/_2$ п,. да 4 каната; *здымница*, что канатъ поднимаютъ; *ростуги* (канаты, сдерживающіе мачту), бичевы 120 саженъ; тянутся, коли пóвѣтри нѣтъ, парусá ставить нельзя; *крясы* зелѣзные *).... Сочти все: хозяину дорого стоитъ....

— Во сколько времени можно доѣхать до Юрьева?

— Какъ Богъ дастъ: коли хорошая повѣтрь, въ недѣлю добѣжишь.

— А на будару много положишь?

— Да на какую будару? Есть будары, что 12 т. пудовъ положишь, только рѣдко, а на эту будару больше 6 т. не положишь.

— Теперь положу только 4, проговорилъ хозяинъ: *въ Головы* обгружаться **) не буду.

— Стало получишь 200 рублей за сходъ? спросилъ я Ивана Ивановича.

— Чтò Богъ дастъ, отвѣчалъ онъ: а по чемъ чай брали? спросилъ онъ меня.

Я видѣлъ, что Ивану Ивановичу не хотѣлось посвящать меня въ свои счеты, которые были, кажется, ясны,—и не сталъ его больше разспрашивать.

Немного погодя я съѣхалъ на берегъ. При этомъ кстати замѣтить, въ Устьѣ пристань хороша: самыя большія здѣшнія суда свободно пристаютъ вплоть къ берегу.

Погостъ Устье и имѣнье г. Назимова стоятъ на самомъ берегу р. Великой, а ближе всего къ берегу—церковь, старинной постройки, съ стѣнной колокольней. Я отъискалъ священника, который былъ такъ обязателенъ, что взялся самъ показать церковь. Въ церкви, можетъ-быть, и старые образа, да только поновленные; самая большая достопримѣчательность этой церкви—паникадило, на которомъ значится 7117 годъ (1609).

Осмотрѣвъ эту церковь, мы съ священникомъ взяли лодку и поѣхали въ деревню Горки, лежащую на островѣ, тоже Горки, покупать рыбы на уху.

— Много здѣсь рыбы, не въ озерѣ, а въ рѣкѣ? спросилъ я у гребца.

— Въ рѣкѣ? Нúчóва. Туточка, какъ кончится Великая, да до Талабска озера, говорятъ, 77 рѣкъ, между кажинымъ островомъ рѣка; а ни въ одной теперь ни одной рыбины не словить; весной много понагонитъ; весной большой бываетъ ловъ: понагонитъ снѣтка, крупной, а теперь ни одной не поймать.

---

*) Крясы—крюки, которыми подымаютъ товаръ въ барку; здѣсь говорятъ зелѣзо вм. желѣзо.

**) Перегружаться. *Авт.*

— Вотъ ты сказалъ: «говорятъ, здѣсь 77 рѣкъ», а ты не знаешь, сколько именно рѣкъ?

— Да рѣки не считаны; кто ихъ считалъ? Вотъ главныя рѣки: Ворона рѣка—проходъ суднамъ; Гладышня—тоже проходъ; не то что Ворона, а все проходъ; а тамъ Средняя, Выкупка, Ершовка, Скоруха... да всѣхъ и не пересчитаешь.

— Всякой есть имя?

— А ка́къ же, всякой!

— Скажи, пожалуйста, всѣ поименно.

— А Богъ ихъ знаетъ! вотъ тоже острова: Гладышня, гдѣ печи, Ситно, Долго́й.... а всѣхъ не пересчитаешь, для того: видишь сколько ихъ! *)

Въ Горкахъ купили рыбы на 5 копѣекъ столько, что достало на уху мнѣ и всѣмъ спутникамъ; рыба была мелкая, это правда, теперь крупной не ловятъ, но все-таки на 5 копѣекъ...

Хозяинъ будары уѣхалъ за алебастромъ, а потому работники его, оставшись въ суднѣ, ничего не дѣлали. Когда я вышелъ послѣ обѣда, часовъ въ 7 на палубу, ко мнѣ подошелъ работникъ Иванъ, малый лѣтъ 26—27, темнорусый, статный и видный изъ себя.

— Пришелъ ты, Павелъ Иванычъ, посмо́трѣть на наши промыслы? спросилъ онъ.

— Да, такъ пріѣхалъ покататься.

— Хочешь, я тебѣ покажу штуку; такую штуку, какихъ ты, можетъ, сродясь не видывалъ, а можетъ, и не увидишь. Хочешь?

— Сдѣлай одолженіе.

Онъ на минуту ушелъ и вернулся назадъ съ компасомъ въ рукахъ.

— Видѣлъ?

— А что такое?

— А вотъ видишь, это по нашему называется компасъ: всякіе вѣтры компасъ показываетъ.

— Какой же вѣтеръ лучше?

— Всякій вѣтеръ способенъ, коли по пути; только всякій вѣтеръ свое названіе имѣетъ.

— Этотъ какъ называется? спросилъ я указывая на №.

— Это Сиверикъ, курчавый бываетъ: какъ задуетъ—волна курчавая; а это Сточень къ Востоку съ меженняго (лѣтняго) бываетъ; Тепликъ повыше Востоку; это Полуденникъ; Мокрякъ—съ мокраго мѣста; примѣчаютъ: подуетъ Мокрякъ—дождь идетъ; Чухонскій Поперечень, Западъ, Русскій Поперечень.... вотъ и всѣ вѣтры... По тѣмъ вѣтрамъ всѣ суда ходятъ: будары, полубударницы, троеночки, четверки **).

---

*) Я не могъ записать всѣхъ названій; а псковичамъ, казалось бы, надо было обратить на это вниманіе.

**) Такъ называются суда по количеству поднимаемой клади; на малыхъ судахъ—на троеночкѣ, на четверкѣ, по одной каютѣ. *Авт.*

Показавъ мнѣ эту штуку, мой Иванъ отнесъ ее и снова вернулся ко мнѣ.

— Хорошо вамъ теперь, сказалъ я: лежи на боку, да ѣшь хозяйскій хлѣбъ....

— Эхъ, добрый человѣкъ! проговорилъ Иванъ. Я вѣдь нанялся на сходъ: мнѣ чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; вотъ Лёвкѣ—счастье: онъ лѣтній!...

Еще разъ переночевавъ на ладьѣ, 12 числа по утру я отправился на самое озеро—на Талабско, какъ здѣсь называютъ, или на Псковское, какъ въ географіяхъ пишутъ. Я уже прежде говорилъ, что р. Великая раздѣляется на множество рукавовъ; мы ѣхали по главному—по р. Воронѣ. Вдали на озерѣ виднѣлись суда; одни шли къ Пскову на парусахъ, другія, шедшія къ Юрьеву, стояли на якоряхъ: ждали повѣтри. При самомъ входѣ въ рѣку (изъ Вороны въ Великую) стояла будара.

— Эта будара на мель стала, сказалъ мнѣ Алек. Өедор.: надо было держать лѣваго берега, а онъ вишь какъ вправо забралъ. Не скоро стянется

— А много стягиваться надо?

— Какое много: какой-нибудь сажень, да и того—нѣтъ!

Отъ будары были брошены два якоря, а хозяинъ съ двумя своими работниками, налегаясь всѣмъ тѣломъ, тянули якорь на пёрыши.

— Помогай Богъ! крикнулъ Алексѣй Өедоровичъ, когда мы поровнялись съ работавшими.

— Милости просимъ! отвѣчали тѣ.

— Что, сѣла на мель?

— Ничего не подѣлаешь: якорь не держитъ, Алексѣй Өедоровичъ, самъ знаешь: дно мягкое, якорь-то и ползетъ.... Бьемся, бьемся, а всего-то стянуться во поколь! Онъ показалъ далѣе отъ кормы на полъ аршина.

— Надо было вамъ праваго *) берега держать....

— Надо, Алексѣй Өедоровичъ, надо...

— Дураки! тихо сказалъ мнѣ Алек. Өедор., когда мы довольно отъѣхали отъ будары: тутъ малый ребенокъ не ошибется, а онъ вишь гдѣ затесался. Въ устьяхъ не хитро: тамъ всего на самой глуботѣ шесть пядъ.

Наконецъ мы выѣхали изъ Вороны въ открытое озеро, а вдали показались острова: Талабско, Таловенецъ, Верхній, Съемско, Ражитицъ.

— На Талабскѣ теперь деревня не Талабска, сказалъ Алексѣй Өедоровичъ,—а Александровскій посадъ.

— Давно жъ это переименовали?

— А вотъ видишь: какимъ-то случаемъ былъ тамъ, заѣхамши какъ-то, царь Александръ Павловичъ,—вотъ, чѣмъ наградить, онъ и велѣлъ называться не Талабско, а Александровскимъ посадомъ, да и дали имъ полицію, ратушу. Разумѣется, чести больше, а жить хуже.

Вѣтеръ былъ не очень силенъ, но, какъ я послѣ узналъ, не было никакой возможности пускаться въ озеро: никто въ самую тихую погоду, нетолько вдвоемъ, но и одинъ, не побѣжитъ въ челнокѣ до Талабска.

---

*) Имъ праваго, а по теченію рѣки лѣваго. *Авт.*

Впрочемъ мнѣ ѣхать до Талабска и не было надобности, ловцы въ озерѣ на глубокомъ мѣстѣ не ловятъ, а около береговъ, на мелкомъ мѣстѣ. Отъѣхавъ верстъ 5 по озеру, мы подъѣхали къ ловцамъ.

— Пусть вытаскиваютъ запасъ, сказалъ Алексѣй Ѳедоровичъ:—послѣ подъѣдемъ.

Я согласился и спросилъ, какъ у здѣшнихъ ловцовъ составляются артели?

— Больше семействами, а не то скопятся два семейства и ловятъ. Выберутъ изъ старшихъ жерника, т. е. хозяина (главнаго начальника), да половчѣй кого *коромщика*; жерника—бросать *запасъ*, неводъ по нашему, коромщика—управлять ладьей, а остальные ловцы просто съ рукавицами, или изполовщики—изъ части ловятъ; а не то просто работники, вотъ тебѣ и вся *дружина*. Чаще всего, хозяинъ добудетъ запасъ, да и подбираетъ работниковъ или изполовщиковъ, и самъ же хозяинъ назначаетъ, кому быть жерникомъ, кому коромщикомъ; ну, тѣмъ и часть, или половину прибавитъ супротивъ простаго ловца, когда дѣлятъ рыбу, а зимой еще бываетъ *комора*: его дѣло стряпать, лошадямъ воды приготовить; тотъ на половинной части.

— Дѣлятъ какъ же рыбу?

— А вотъ какъ: всю добычу разбиваютъ на 24 *части* (а вотъ этотъ хозяинъ, Яковъ Андреевичъ, дѣлитъ на 22), такъ всѣмъ ловцамъ, а всѣхъ ловцовъ, на двухъ лодкахъ 12 человѣкъ, кажинному ловцу по одной долѣ; да кромѣ той доли коромщику, жернику—для того, работа тяжела—еще доля, на ловцовъ выходитъ 14 частей; остальныя части хозяину на запасъ (неводъ съ принадлежностями). А придетъ время тяжелѣй къ самой осени—хозяинъ догонитъ дружину до 16 человѣкъ: частей-то хозяину придетъ и меньше. Это вотъ Яковъ Андреевичъ — человѣкъ хорошъ: — а у другихъ дѣлятъ на 24 части: такъ на ловцовъ выходитъ 10 частей, да коромщику съ жерникомъ по 2 части, за запасъ остается хозяину 10 частей; а не вся дружина—такъ еще больше того хозяинъ беретъ себѣ.

— Какая цѣна работнику?

— У насъ все равно, нѣтъ работника, посылай работницу; нѣтъ своихъ, нанимай; у насъ нанять можно; ловцу что ни есть лучшему надо дать въ лѣто 50 руб. серебра, а поплоше, то и 25, а работницѣ цѣна знамая: — 20 цѣлковыхъ!

Стали вынимать неводъ, по здѣшнему запасъ; мы подъѣхали, когда уже все было кончено и ловцы собирались на новую тоню.

— Уговори, дѣдъ, сказалъ я Алексѣю Ѳедоровичу: уговори ихъ взять меня съ собою на лодку.

— Уговаривать нечего: подъѣдемъ — садись на ту, гдѣ семь человѣкъ; тамъ занятнѣе—тамъ весь запасъ лежитъ.

Мы причалили къ большой лодкѣ.

— Помогай Богъ, Яковъ Андреевичъ! крикнулъ Алексѣй Ѳедоровичъ жернику.

— Милости просимъ, Алексѣй Ѳедоровичъ! отвѣчалъ тотъ, скидавая шапку: Куда Богъ несетъ?

— А вотъ съ добрымъ человѣкомъ пріѣхали вашихъ промысловъ взглянуть, какъ здѣшніе *жихари* (жители) пробываютъ.

— Доброе дѣло, доброе дѣло!

— Такъ вотъ что́, Яковъ Андреевичъ, возьми ты молодца къ себѣ: пусть посмотритъ всѣхъ нашихъ обычаевъ,—ему занятно.

— Милости просимъ, милости просимъ!

Я сталъ перебираться на лодку, которую мнѣ указалъ Алексѣй Ѳедоровичъ.

— Только ты, дядя, не мѣшай, сказалъ обращаясь ко мнѣ Яковъ Андреевичъ: ты садись на носъ и сиди смирно.

Я обѣщалъ и по его приказанію сѣлъ на носъ.

— Съ Богомъ! крикнулъ Яковъ Андреевичъ. Обѣ лодки (на одной было 5, на другой съ жерникомъ 7 человѣкъ) поѣхали почти рядомъ: отъѣхавши отъ прежней тони съ полверсты, съ нашей лодки перекинули на другую лодку бичеву, привязанную къ правому крылу запаса; тамъ, перехвативши, привязали ее къ своему канату, накрученному на баранъ (вертикальный во́ротъ).

Когда лодки разъѣхались сажень на 15, на другой лодкѣ бросили якорь, мы же поплыли сперва довольно покойно; но едва бичева, брошенная на другую лодку, натянулась, какъ жерникъ закричалъ:

— Навались!

За нимъ всѣ, съ крикомъ «Навались! Нажми! у! у! (в)другъ—(в)другъ!», стали работать веслами, перегибаясь подъ острымъ угломъ впередъ и, взмахнувъ весломъ, опрокидывались назадъ почти въ горизонтальномъ положеніи; жерникъ въ это время, захватывая охапками запасъ, сталъ бросать въ воду. Вы можете судить объ усиліяхъ гребцовъ: запасъ въ 250 саженъ былъ выкинутъ не болѣе, какъ въ 2 минуты; но ихъ усилія въ сравненіи съ усиліями жерника совершенно ничтожны: жерникъ въ эти двѣ минуты выкинулъ неводъ, въ которомъ было, какъ меня здѣсь ловцы увѣряли, до *трехсотъ* пудовъ вѣсу *)!

Запасъ былъ весь выкинутъ, ловцы успокоились и тихо стали гресть; жерникъ сѣлъ на кормѣ; поставили баранъ и бичева стала распускаться; когда вся бичева, около 120 саженъ, вышла, бросили якорь и стали запасъ тянуть на баранъ.

Въ другой лодкѣ и въ то же время воротили другой баранъ и тянули къ себѣ другое крыло запаса.

Крылья запаса показались у насъ въ лодкѣ; вынули якоря какъ въ нашей, такъ и въ другой, и обѣ поплыли, распуская бичеву дугою, одна къ другой. Другая ладья, зашедши за нашу, бросила якоря, наша сдѣлала тоже.

---

*) Разумѣется—это сильно преувеличено, хотя, впрочемъ, пеньковый неводъ, чрезвычайно частый, въ 250 саж. одной длины, не говоря о ширинѣ, да въ добавокъ еще *мокрый*, долженъ тяжело вѣсить. *Авт.*

человѣка по 3, по 4, перемѣняясь, стали *тянуть* баранъ. Вытянули всю бичеву. Тогда съ другой ладьи, отвязавъ бичеву отъ запаса, перекинули *петину* (привязанную къ запасу веревку) на нашу, и всѣ ловцы (между которыми была дѣвка Марья), надѣвъ кожанные передники, закрывающіе и плечи, перепрыгнули въ нашу ладью, и всѣ стали тянуть запасъ въ лодку, одни за верхнюю тетиву, другіе за нижнюю. Едва увидали на крыльяхъ одну рыбину, какъ жерникъ сталъ бить воду весломъ — пугать рыбу; отъ испугу рыба, идущая отъ запаса къ лодкѣ должна была вернуться въ запасъ. Жерникъ, перешедши въ другую лодку, разъѣзжалъ около тони и чаще билъ весломъ. Показалась матка; нижнюю тетиву скорѣй старались вздернуть на лодку. Наконецъ и нижняя и верхняя тетивы матки были въ лодкѣ. Жерникъ подвинулъ другую лодку къ нашей такъ, что матка, бывшая еще въ водѣ, была между лодками. Тогда къ жернику перепрыгнули человѣка 3 или 4 и перенесли верхнюю тетиву къ нему въ лодку. Я, по совѣту своего проводника, тоже перешелъ къ нему. Жерникъ взялъ сакъ, четверика въ три, сталъ брать рыбу изъ матки и ссыпать въ ящикъ, сложенный изъ досокъ во всю средину лодки, такъ что въ него можно было всыпать четвериковъ до 60.

Къ намъ подъѣхалъ мужикъ, лѣтъ 35, и смотрѣлъ на работу ловцовъ; мальчишекъ, дѣвченокъ съ полдесятка стояло, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ лодки, по колѣно и выше въ водѣ: мы были болѣе полуверсты отъ берега и вода была довольно холодна, но на это они рѣшительно не обращали вниманія.

Жерникъ захватилъ своимъ сакомъ рыбы четверика 2 и высыпалъ въ лодку.

— Смотри, смотри, какъ рыба закипитъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ ловцовъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, высыпанная мелкая рыба, отъ $1^1/_2$ до $^1/_2$ вершка, прыгая, очень походила на кипучую воду, какъ видомъ, такъ и шумомъ.

— Дѣвка Машка потягивай, а не то... крикнулъ молодой ловецъ и прибавилъ еще слово неудобное для печати; но это поощреніе было не поощреніемъ, а любезностью, потому что дѣвка Машка все время, не развлекаясь ничѣмъ, сильно тянула запасъ, да теперь, когда слегка только придерживали матку, ей и потягивать было не зачѣмъ.

Жерникъ взялъ сакомъ еще рыбу, тоже высыпалъ, потомъ еще, и наконецъ приказалъ поднять матку; когда вода изъ матки стекла, всю остальную рыбу пересыпали прямо въ лодку. Всей рыбы было поймано въ эту тоню четвериковъ 12—14.

— Глянь-ко, глянь, какъ кипитъ *соболекъ!* сказалъ мнѣ жерникъ.

— Какой соболёкъ?

— А вотъ эта рыба у насъ зовется соболькомъ, или еще хохолкомъ или тамъ хохликомъ.... разно называется.

— Да вѣдь тутъ разная рыба?

— Разная, больше окуньки, малая часть снѣтка, ершика, а все по нашему соболёкъ. А коли самая маленькая—то по нашему уклейка.

Когда рыба была вся ссыпана, ловцы стали расправлять запасъ, а жерникъ захватилъ совкомъ рыбы и высыпалъ въ мѣшокъ, подставленный пріѣзжимъ мужикомъ, потомъ высыпалъ въ другой разъ, взглянулъ на мужика тотъ полупросительно, полунастоятельно смотрѣлъ на него, не отнимая мѣшка; жерникъ всыпалъ еще съ полсовка, такъ-что всей рыбы далъ онъ около 3-хъ—4-хъ гарнцевъ; тогда мужикъ свернулъ мѣшокъ, снялъ шапку, поклонился и пустился въ дружелюбные разговоры съ ловцами. Ребятишки и дѣвчонки стали робко приближаться къ хозяйской лодкѣ; сперва подошли двѣ дѣвочки; хозяинъ каждой всыпалъ по неполному совку (менѣе гарнца) рыбы въ подолъ.

Немного погодя пришло еще ребенка три; отъ берега по водѣ выше колѣна бѣжали еще мальчиковъ и дѣвочекъ тоже около 5, всѣ они робко подходили, и всѣмъ имъ или хозяинъ, или какой-нибудь ловецъ бросалъ въ подолъ неполный совокъ рыбы.

Запасъ *) былъ собранъ, ладьямъ надо было ѣхать на другую тоню; я остался въ ладьѣ жерника и мы поплыли.

— Откуда у тебя, любезный, ловцы? спросилъ я Якова Андреевича.

— Да все, человѣкъ любезный, изъ здѣшнихъ жихаревъ, отвѣчалъ тотъ.

— Маша у васъ работница?

— Нѣтъ, сама хозяйка: *ейный* отецъ мнѣ приходится родной братъ.

— Какъ же при дядѣ родномъ дѣвкѣ говорятъ всякую непристойность?

— Ребятамъ не закажешь! отвѣчалъ тотъ: да и наши дѣвки къ этому привычны.

Я замолчалъ.

— Вонъ... вонъ виднѣется церковь, — видишь? сталъ говорить хозяинъ: это Толабско, на самомъ озерѣ стоитъ, все въ лѣсу, и лѣсъ сосновый, чудный такой. Въ прошломъ году вихремъ сорвало до 2,000 деревъ; а деревья были саженъ по 10 и больше. Вихо́ръ этотъ шелъ грядой, какъ просѣку сдѣлалъ!

— Отчего вы здѣсь не закидываете неводъ?

— А *сита*-то!

— Какая сита́?

Онъ указалъ на тростникъ, который росъ въ озерѣ на саженной глубинѣ, и подымался, на аршинъ слишкомъ, надъ водой.

---

*) Запасъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) *Клячь*, которая идетъ къ *гужалъ* или *пятамъ*, 30 саженъ: къ крылу каждая яча 2 вер.; къ этому пришивается 2) *середка*, тоже къ каждому крылу 40 саженъ, яча $1^1/_2$ вер. Потомъ 3) *частый*, длины 30 саженъ, яча 1 вер. Потомъ 4) *перши*, длины 30 саженъ, яча $^1/_2$ вершка или меньше; наконецъ 4) *гили*, до $^1/_8$ вершка, изъ которыхъ дѣлается и матка. Это запасъ зимній, т. е. самый большой; лѣтній дѣлается рѣдко такой величины; впрочемъ и зимній и лѣтній бываютъ меньше, но во всякомъ случаѣ, пропорціонально названнымъ частямъ. Малый запасъ называютъ *мутникомъ*. *Авт.*

— А по берегамъ ростетъ камышъ, — продолжалъ хозяинъ: по нашему *троста*.

Вытянули неводъ, опять стали подходить дѣти за рыбой; хозяинъ давалъ имъ рыбу съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Э, пропади вы совсѣмъ! ворчалъ онъ, кидая совкомъ, въ подолъ имъ, рыбы.

— За что же ты имъ даешь? спросилъ я жерника.

— Да какъ не дать? отвѣчалъ хозяинъ. Вода ихняя: не дашь рыбы, они не дадутъ воды; сами они не ловятъ, а тогда и намъ здѣсь не ловить.

—Вся вода въ озерѣ чья-нибудь?

— Нѣтъ, только около береговъ — жихаревъ, а середь озера вода вся вольная.

Въ это время подплылъ хозяинъ запаса, въ лодкѣ съ 3 женщинами-гребцами, перемѣнилъ свою лодку на лодку съ рыбой и поплылъ къ *печамъ;* съ нимъ отправился и я, и Алексѣй Ѳедоровичъ, привязавши свою лодку къ нашей. Отъѣхавъ немного, мы поставили парусъ и направились на островъ, гдѣ были поставлены *печи*. Не доѣзжая нѣсколько до печей, хозяинъ весело крикнулъ:

— Эй! Евсегнѣюшка! Печи топи, печи топи!

— Затоплены! отвѣчалъ съ берега Евсегнѣюшка.

— Всѣ топи! всѣ топи!

— Всѣ затоплены!

— Евсегнѣй у меня за печника,—сказалъ онъ мнѣ: отъ кажинной печи по 7 коп. получаетъ; случается въ день раза три всѣ печи стопитъ, а у меня ихъ 10; такъ другой день придется ему больше двухъ рублей.

Сошедши на берегъ, я пошелъ къ печамъ, которыя стояли отъ берега въ 7—8 саженяхъ. Въ сараѣ были поставлены 10 огромныхъ печей: по 4 печи съ обѣихъ сторонъ и 2 печи у третьей стѣны. Каждая печь внутри была почти квадратная, болѣе сажени, съ подомъ изъ квадратнаго кирпича, собственно для этого приготовляемаго, 5 печей топились.

— Всѣ печи будешь топить? спросилъ я печника, поздоровавшись съ нимъ.

— Надо всѣ топить: да вдругъ-то топить нельзя, одинъ со всѣми заразъ не справишься.

Хозяинъ, между-тѣмъ, съ помощію тѣхъ же женщинъ и еще двухъ молодцовъ изъ своей семьи, сыпалъ мѣркой рыбу изъ лодки въ корыта, по три мѣры въ корыто. Отъ лодки на берегъ была перекинута доска и по этой доскѣ тащили корыта, потомъ поднимали и носили къ печамъ. Всего улову оказалось 31 мѣра.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ я хозяина: ты сушишь всю рыбу; какъ же ты разсчитываешься съ своими ловцами?

— Ловцамъ деньги плачу, отвѣчалъ хозяинъ: беру мѣру по рублю на ассигнаціи, а высушу—продамъ въ городѣ по 10—12 коп. сереб. гарнецъ,

а тое рыбу, что теперь наловятъ, завтра повезу на рынокъ въ городъ: тамъ что дадутъ, то и подѣлимъ.

Алексѣй Өедоровичъ, отобравши рыбы покрупнѣе, развелъ на берегу огонь и заварилъ уху для всѣхъ.

Когда немного прогорѣли первыя пять печей, печникъ затопилъ остальныя, черезъ часъ первыя совершенно прогорѣли, и печникъ сперва отгребъ уголья въ передній правый уголъ, потомъ зажегъ длинную лучину, просунулъ въ отдушинку, нарочно для того сдѣланную съ правой стороны устья, вершка въ 3 длиной и 2 шириной,—вымелъ одну за другой печи, насыпалъ въ каждую на подъ мелкаго песку, чтобъ рыба не приставала къ поду, и потомъ сталъ насыпать рыбу: насыпавъ—закрывалъ заслонку.

— Соли вы не кладете? спросилъ я.

— На собольковъ не кладемъ, отвѣчалъ мнѣ печникъ: а на снѣтковъ кладемъ, фунтовъ по 5 на печь; а захочешь получше, то и 12 положишь. Только, когда снѣтковъ сушишь—печи не закрываешь; снѣтковъ труднѣй сушить; надо умѣлому. Собольковъ перевернешь раза два и хорошо; а тѣхъ надо знать, когда и какъ повернуть.

Печникъ засыпалъ остальныя пять печей; Алексѣй Өедоровичъ сварилъ уху; изъ дровъ и заслонки сдѣлали столъ, и всѣ, перекрестясь, сѣли за этотъ столъ. Я забылъ сказать, что женщины, убравъ рыбу, вымыли внутри лодку и уѣхали, захвативъ съ собой рыбы. Послѣ ужина Алексѣй Өедоровичъ постлалъ мнѣ на берегу рогожку и я завалился спать.

Проснувшись на другой день, я пошелъ къ *печи*. Въ сараѣ было много народу, потому-что въ этотъ день не ѣздили на озеро; хозяинъ съ жерникомъ поѣхали въ городъ продавать рыбу, которую наловили ловцы послѣ нашего отъѣзда къ печамъ, какъ мнѣ сказывали, мѣръ 6, не больше; они эту рыбу не стали сушить, а положили продать и деньги раздѣлить, былобъ чѣмъ праздникъ встрѣтить. Около печей въ сараѣ спали три дѣвки-ловца, съ которыми молодые парни-ловцы шутили: будили ихъ, дѣлали имъ громко предложенія, не совсѣмъ цѣломудренныя. Въ заднемъ углу сарая разсказывалъ старикъ-ловецъ другому ловцу, что значитъ постъ, въ особенности пятница.

— Знаешь ли ты: кто 12 пятницъ,—говорилъ онъ,—ни чѣмъ не оскоромился, тому всѣ грѣхи, сколько ни на есть, всѣ прощены будутъ, и на томъ и на этомъ свѣтѣ.

— Этимъ не спасешься! возразилъ другой: надо Богу больше молиться.

— Какъ будешь молиться, отозвался старикъ. (Надо вамъ сказать, что старикъ этотъ былъ себѣ такъ, *благой*, не состоящій ни въ какой должности, пришедшій неизвѣстно за чѣмъ и уходившій неизвѣстно куда). Этимъ однимъ, продолжалъ онъ, что будешь ходить въ церковь, да молиться безъ усердія — мало возьмешь; а вотъ я вамъ скажу, мои родненькіе, вотъ что: былъ-себѣ одинъ мужикъ—такъ-себѣ; отъ роду тотъ мужичокъ и въ церковь не ходилъ, Богу не маливался; разъ пришелъ въ церковь, Богу помолился на святой недѣлѣ, да и навѣки свою душеньку спасъ... Какъ будешь молиться!

Мой Алексѣй Ѳедоровичъ успѣлъ вскипятить чайникъ, заварить чай, устроить чайный столикъ. Онъ пригласилъ меня; я въ свою очередь пригласилъ печника.

— Какъ Богъ дастъ родъ снѣтку,—заговорилъ печникъ: бабы, случается, весной рѣшетомъ ловятъ около Загорицъ, немного повыше отсюда, по правому же берегу Великой.

— Когда сушка идетъ лучше? спросилъ я печника.

— Съ первины, осенью, снѣтокъ жирный: положишь въ печь—стекаетъ, да и ссыхаетъ: съ двухъ мѣръ одна выходитъ; стало *утирки* (потери) много бываетъ, а весной снѣтка сушишь — съ прибавкомъ выходитъ: положишь четверикъ—полгарнца прибытку будетъ. Снѣтка труднѣй сушить, чѣмъ хохлика; а какъ другой разъ привезутъ много—просто совсѣмъ смаешься; въ большомъ запасѣ, да коли оба жерника знающіе—много наловятъ.

— Зимой два жерника?

— И зимой и лѣтомъ бываетъ по одному, бываетъ и по два, какъ случится,—отвѣчалъ печникъ: большой запасъ—два жерника; малый запасъ—одинъ!...

— Который же старше?

— А оба старшіе,—отвѣчалъ тотъ: всякъ на своемъ крылѣ; сойдутся *вмѣстяхъ*, вмѣстяхъ и совѣтуютъ. Жерникъ великое дѣло; бываетъ, хозяинъ запаса за ловца, а работникъ за жерника, коли у работника въ головѣ больше, чѣмъ у хозяина: такъ на лову хоть какъ ругай жерникъ хозяина, тотъ слова не смѣетъ сказать. Случается — побѣднѣй народъ скопляется, такъ ставятъ всѣ по частинкѣ, а все-таки слушаютъ только двухъ жерниковъ.

— У котораго жерника бываетъ больше гребцовъ? спросилъ я у Алексѣя Ѳедоровича.

— Который подъ вѣтромъ—тому меньше, отвѣчалъ онъ, а который идетъ на вѣтеръ—тому больше надо.

Въ это время подошелъ къ намъ старый ловецъ, толковавшій о постѣ по пятницамъ: ему тоже Алексѣй Ѳедоровичъ налилъ стаканъ чаю.

— Зимній ловъ лучше, сталъ онъ говорить: зимою, пока еще снѣгъ не палъ на ледъ, сквозь ледъ все видно; вотъ сдѣлаютъ пролубь, запустятъ запасъ и станутъ тянуть къ *корыту* *) станутъ тянуть запасъ полегонечку, а жерникъ ляжетъ ничкомъ на ледъ. Нѣтъ снѣтка—жерникъ лежитъ смирно; станетъ показываться снѣтокъ—жерникъ станетъ подымать ногу; подыметъ и опуститъ, подыметъ и опуститъ; а какъ много попадетъ снѣтка — ногу подыметъ и не опускаетъ; закричитъ—чтобъ тянули запасъ проворнѣй, кричитъ, ругаетъ! Тогда и ребятамъ веселѣй тянуть; тянутъ, кричатъ: «тяни, ребята, тяни! у жерника нога въ *стоячень*!» Знамое дѣло, снѣтка много—тянуть надо сильнѣй: не то снѣтокъ уйдетъ.

— При ловцѣ скажи-ко ты про зайца или лисицу, сказалъ мнѣ, смѣясь, Алексѣй Ѳедоровичъ.

---

*) *Корыто*—пролубь, въ которую вынимаютъ запасъ. *Авт.*

— Отчего, не сказать? вѣдь ты говоришь?

— Я человѣкъ старый,—отвѣчалъ онъ: меня тронуть не посмѣютъ, а ты не говори; ловцы за это сердятся гораздо: дурная примѣта; да къ тому жъ у насъ дурнаго ловца *заячникомъ* дразнятъ. Кому надо сказать заяцъ — назови *кривень*; надо сказать лисица—говори—*хвостуха*; тогда ничего.

— А вотъ было, братцы мои, смѣху, сказалъ молодой бѣловолосый, съ самою добродушною физіономіей, ловецъ, который, прислушавшись къ нашему разговору, подошелъ къ намъ: вотъ было смѣху,—пришелъ на тони къ намъ со Звѣнковца Ванька Карышъ *), мы и подступили къ нему: «Какихъ, молъ, ты звѣрей знаешь?»—Тотъ сдуру-то: «Я, говоритъ, знаю: волка, лисицу, зайца»... Только онъ вымолвилъ то слово, на него всѣ кинулись, раздѣли, и давай пороть передниками (кожанными); а вотъ дѣдушка сталъ приговаривать: «Насъ двѣнадцать братовъ, тринадцатая камора, четырнадцатый Микола, пятнадцатый Петръ-Павелъ; а ты, гузка, лежи, не поворачивайся, говори не проговаривайся!» Выпороли на эти слова—и пустили... То-то смѣху было!...

Побалякавъ еще немного, мы съ Алексѣемъ Θедоровичемъ простились и поѣхали къ *Опскову* (Пскову).

— Вотъ здѣсь былъ городокъ, сказалъ мнѣ Алексѣй Θедоровичъ, указывая на лѣвый берегъ Великой, когда мы немного проѣхали погостъ Устье и Назимовскую гору.

— Чей же такой городъ былъ?

— Говорятъ—царицы Ольги, отвѣчалъ онъ: да тому быть нельзя.

— Почему же?

— За что **)? а за то: этотъ берегъ (западный) весь край *забранный*; да и этотъ (восточный) пустой былъ. На нашей сторонѣ былъ Сороковой боръ, и въ томъ бору жилъ вольный народъ: холопъ бѣглый, такъ — какой грѣшникъ (преступникъ).. Забѣгутъ въ какую деревню: прикажутъ пиво варить, а не то—грабить... Бывало, поймаютъ которыхъ—вѣшать... Бабка моя жила 120 лѣтъ, сама видѣла висѣлицу въ Чертовомъ Ручью, что́ для такого народу была сдѣлана... Война была частая: то Шведъ подойдетъ, то Литва, то Нѣмецъ изъ-подъ Риги; пройдутъ, да вплоть до самаго Опскова и вычистятъ; ну, до Опскова вычистятъ, а въ самый Опсковъ ни разу никто не входилъ, ни одинъ злодѣй. А остатняя война Шведская: дошелъ Шведъ до Печоръ—да и полно! А прежде Литовскій царь Баторій подступалъ: на Терёхѣ въ монастырѣ Пантелеймоновомъ шатры разбивалъ; въ *Лыбутѣ*, 17 верстъ вверхъ по *водѣ*, прямо переправлялся со всею своею силою.

— Лыбута ***) городъ или село?

— Нѣтъ, просто деревня.

---

*) *Карышъ*—карась.

**) Здѣсь говорятъ *за-что*, *вм.* почему.

***) Говорятъ и Лыбуста, но Выбутой не называютъ, какъ въ одной книжкѣ сказано. *Авт.*

Надо замѣтить, что здѣсь погостами называютъ села, селомъ — сельцо, т. е. гдѣ есть барскій домъ; а деревнею—гдѣ нѣтъ ни церкви, ни барскаго дома.

— Только эта деревня знатна гораздо за тѣмъ: въ той деревнѣ Лыбутѣ родилась царица благовѣрная россійская Ольга; родилась она въ крестьянскомъ званіи и была перевозчицей, а за тѣмъ, что гораздъ изъ себя красавица была, да и гораздъ хитра была—царицей сдѣлалась, а тамъ во святыя вошла.

— Какъ же такъ это случилось?

— А вотъ слушай: съ первоначалу жизни, немного по послѣ, была, какъ сказано, Ольга крестьянка перевозчицей въ Лыбутѣ. Разъ перевозитъ она князя Всеволода...

— Какой такой князь Всеволодъ?

— Всеволодъ, да и Всеволодъ—не знаю... Увидалъ Всеволодъ Ольгу и помыслилъ на Ольгу; а этотъ князь былъ женатъ. Сталъ тотъ князь говорить Ольгѣ, а Ольга ему на тѣ его на пустыя рѣчи отвѣтъ: «Князь! зачерпни рукой справа водицы, испей!» Тотъ зачерпнулъ, испилъ.—«Теперь, говоритъ Ольга, теперь, князь, зачерпни слѣва испей и этой водицы, Князь зачерпнулъ, и слѣва водицы испилъ.«—Какая же тутъ разнота: та вода и эта вода?» спрашиваетъ Ольга у князя.—«Никакой тутъ разноты нѣтъ, говоритъ князь: все одна вода.» — «Такъ, говоритъ Ольга, что жена твоя, что я, для тебя все равно.» Князь Всеволодъ зардѣлся, замолчалъ и отсталъ отъ Ольги. Да и много она князей перевела: котораго загубитъ, котораго посадитъ въ такое мѣсто... говорятъ тебѣ: гораздъ хитра была. Спустя сколько времени Ольга пошла за князя замужъ, только не за Всеволода, а неизвѣстно за какова. Тогда много князей было, и всякій своимъ царствомъ правилъ, а всѣ между собой родня были и всѣ промежъ себя воевали: хотѣлось всякому у другова царство его отнять. Пошолъ войною на мужа Ольгинова его двоюродный братъ, да и убилъ его. Убилъ мужа Ольги, да и прислалъ къ ней пословъ мириться: только Ольга которыхъ посадила за столъ, обѣдать, да и приволила ихъ въ волчью яму, что подъ тѣмъ столомъ вырыта была; а которыхъ зазвала въ баню, а тамъ обложила баню хворостомъ, да и сожгла всѣхъ; а послѣ самого ихъ князя убила, на его царство сѣла и стала двумя царствами править. Прошло сколько времени, поѣхала Ольга въ Царь-городъ къ тамошнему царю въ гости. Какъ увидалъ ее тамошній царь:—«Выходи, говоритъ, за меня замужъ!» Ну, а Ольгѣ какая неволя была идти замужъ? Сама себѣ царица, а выйди замужъ: мужъ глава женѣ.—«Ты, говоритъ Ольга, православный, а я поганая (она тогда не крестимшись была), такъ мнѣ не приходится за тебя идти.» — «Ну, такъ крестись,» говоритъ царь. — «А ты будь моимъ крестнымъ!»—«Хорошо!» говоритъ. Перекрестилась Ольга, приняла крещеную вѣру. — «Теперь давай вѣнчаться, Ольга,» говоритъ царь. А Ольга ему: — «Нельзя—ты мой крестный!» Такъ и провела.

— Грозный царь Иванъ былъ здѣсь? спросилъ я, когда тотъ, кончивъ разсказъ про Ольгу, замолчалъ.

— Какъ же, былъ, отвѣчалъ Алексѣй Θедоровичъ: сколько разъ былъ! Про два раза-то и я знаю.

— Разскажи пожалуйста, какъ это было.

— Первый разъ царь Грозный пріѣзжалъ: Новогородцы нажаловались. Опсковъ тогда былъ не особая губернія, какъ теперь, а была тогда все одна Новгородская. Царь за какую-то заслугу сдѣлалъ Опсковъ — губерніею, а Новогородцы послали войско—опять привести Псковичей подъ свою волю. Только Псковичи такого звону задали Новогородцамъ, что тѣ насилу ноги уплели. Видятъ Новогородцы, что сила не беретъ, послали Грозному сказать: «Псковичи, молъ, бунтуютъ.»—А какой тутъ бунтъ?! Ну, цари, разумѣется, этого не любятъ; Грозный распалился гнѣвомъ, поѣхалъ къ Опскову; не доѣхалъ Грозный царь до Опскова за 6 верстъ, становился онъ въ Любятовѣ. Прослышали Псковичи, что Грозный царь пришелъ подъ Опсковъ громить Опсковъ и стоитъ въ Любятовѣ, съ полуночи зазвонили въ колокола къ заутрени: Бога молить, чтобъ Богъ укротилъ сердце царево. Грозный царь тогда былъ заснумши въ Любятовѣ; какъ ударили въ большой колоколъ, царь вздрогнулъ и проснулся. — «Что такое? говоритъ: — зачѣмъ такой звонъ?»—«Псковичи Бога молятъ, говорятъ ему, чтобъ Богъ твое царское сердце укротилъ.» Поутру Микола Христоуродливый велѣлъ всѣмъ, всякому хозяину, поставить противъ своего дома столикъ, накрыть чистою скатёрткою, положить хлѣбъ-соль и ждать царя. Попы въ золотыхъ ризахъ, съ крестами, образами, съ зажженными свѣчами, народъ—общество, *посадники* пошли встрѣчать Грознаго, и встрѣтили у Петровскихъ воротъ. Только показался царь Иванъ Васильевичъ, откуда не возьмись Микола Христоуродливый, на палочкѣ верхомъ, руку подперъ подъ бокъ, — прямо къ царю... Кричитъ: «Ивашка, Ивашка! ѣшь хлѣбъ-соль, а не человѣчью кровь! Ѣшь хлѣбъ—хлѣбъ-соль, а не человѣчью кровь! Ивашка, Ивашка!».... Царь спросилъ про него:—Чтó за человѣкъ?—«Микола Христоуродливый,» ему сказали; царь—ничего—проѣхалъ прямо въ соборъ. А Микола Христоуродливый заѣхалъ, все на палочкѣ верхомъ, заѣхалъ впередъ; только царь съ коня, а Микола: «Царь Иванъ Васильевичъ! Не побрезгай моими хоромами: зайди ко мнѣ хлѣба-соли кушать», — а у него была подъ колокольнею маленькая келейка. Царь пошелъ къ нему въ келью. Микола посадилъ царя, накрылъ столъ, да и положилъ кусокъ сырого мяса. — «Чѣмъ ты меня подчуешь! крикнулъ Грозный-царь:—Какъ ты подаешь мясо: теперь постъ (а тогда былъ постъ или пятница—не знаю), да еще сырое! Развѣ я собака?» — Ты хуже собаки! крикнулъ на царя Микола Христоуродливый; хуже собаки!.. Собака не станетъ ѣсть живаго человѣчья мяса, — ты ѣшь! Хуже ты, царь Иванъ Васильевичъ, хуже собаки! Хуже ты, Ивашка, хуже собаки! Царь затрепенулся, испугался и уѣхалъ изъ Опскова никакого зла не сдѣламши!

— Другой же разъ когда онъ былъ? спросилъ я Алексѣя Θедоровича, когда тотъ кончилъ разсказъ.

— Другой разъ Грозный царь былъ здѣсь въ Опсковѣ, когда онъ былъ ѣхамши подъ Ригу воевать; подъ Ригу онъ ѣхалъ: на Изборскъ, на Печоры.

На то время въ Печорахъ архимандритомъ былъ преподобный Корнилій. Былъ Грозный пріѣхамши въ Печоры; стрѣчалъ его съ крестомъ,— иконами Корнилій преподобный. Благословилъ его Корнилій, да и говоритъ:— «Позволь мнѣ, царь, вокругъ монастыря ограду сдѣлать.»—Да велику ли ограду ты, преподобный Корнилій, сдѣлаешь? Маленькую дѣлай, а большой не позволю.— «Да я маленькую, говоритъ Корнилій преподобный: я маленькую,—коль много захватитъ воловья кожа, такую и поставлю.»—Ну, такую ставь! сказалъ засмѣявшись царь. Царь воевалъ подъ Ригою ровно семь годовъ, а Корнилій преподобный тѣмъ временемъ поставилъ не ограду, а крѣпость; да и царское приказаніе выполнилъ: поставилъ ограду на воловью кожу: онъ разрѣзалъ ее на тоненькіе-тоненькіе ремешки, да и охватилъ большое мѣсто, а кругомъ то мѣсто и огородилъ стѣной, съ башнями,—какъ есть крѣпость. Воевалъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ Ригу семь лѣтъ и поѣхалъ назадъ. Проѣхалъ онъ Новый-Городокъ *), не доѣхалъ Грозный 12 верстъ до Печоръ, увидалъ съ Мериной горы—крѣпость стоитъ.—«Какая такая крѣпость!» закричалъ царь... Распалился гнѣвомъ и поскакалъ на Корниліеву крѣпость. Преподобный Корнилій вышелъ опять встрѣчать, какъ царскій чинъ велитъ: съ крестомъ, иконами, съ колокольнымъ звономъ. Подскакалъ царь къ Корнилію преподобному: — «Крѣпость выстроилъ! закричалъ царь; — на меня пойдешь!» Хвать саблей, и отрубилъ Корнилію преподобному голову. Корнилій преподобный взялъ свою голову въ руки, да и держитъ передъ собой. Царь отъ него прочь, а Корнилій преподобный за нимъ, а въ рукахъ все держитъ голову. Царь дальше; а Корнилій преподобный все за нимъ, да за нимъ... Царь видитъ то, сталъ Богу молиться, въ грѣхахъ отпущенія просить; сталъ царь Богу молиться, Корнилій преподобный и умеръ. Такъ царь ускакалъ изъ Корниліевой крѣпости въ чемъ былъ, все оставилъ: коляску, сѣдло, ложки... кошелекъ съ деньгами забылъ... Такъ испугамшись былъ... Послѣ того подъ Опсковъ и не ѣздилъ.

Въ этихъ разсказахъ мы проѣхали Житницкій дворъ.

— Видишь сопочки **)? спросилъ меня Алексѣй Ѳедоровичъ, указывая на западный берегъ: тамъ батареи стояли; Литва подходила, такъ поставила, хотѣла Опсковъ взять; а наши поставили на этомъ берегу (на восточномъ) свои батареи и не пустили. Затѣмъ, нашимъ стоять лучше было: наши батареи стояли у самаго устья р. Камёнки....—А съ чѣмъ ѣхали? крикнулъ онъ мимо плывшей лодкѣ, въ которой сидѣлъ старикъ съ тремя бабами.

— Съ уклейкой,—отвѣчали съ лодки.

— А хорошо ѣли уклейку?

— Плохо!

— Почемъ покупали?

— По три копѣйки серебромъ за гарнецъ.

---

*) Нейгаузенъ.

**) Сопочками здѣсь называютъ всякую курганообразную гору. *Авт.*

— А на Горкѣ рубль тридцать покупали (ассигнаціями за четверикъ)! Назадъ везешь?

— Назадъ!

— Этъ съ Будыжи мужикъ, сказалъ Алексѣй Ѳедоровичъ, обращаясь ко мнѣ: у нихъ на Будыжи живетъ мужикъ, Платономъ Семеновымъ зовутъ, лѣтъ ему 120 будетъ, охотникъ по монастырямъ ходить; вотъ такъ ловецъ! Внуки у него съ сѣдыми бородами, ну, а противъ его не выйдутъ. Пойдетъ у нихъ плохой уловъ, старый поѣдетъ на озеро самъ, пересмотритъ, переправитъ запасъ,—опять пойдетъ рыба.... Смотри: правый берегъ Великой—песокъ, лѣвый—камень; крупный камень отбираютъ, теперь на чугунку много идетъ, а мелкій здѣсь остается. А песокъ нашъ въ Лифляндію на зеркальный заводъ возятъ; повезли было въ самую Калугу—да далеко, выгодъ мало.

Разговаривая, мы проѣхали Загорицы, Неготь Кусву, Писковицъ, Гладково.

— Знаешь, зачѣмъ это село зовется Гладково?

— Зачѣмъ?

— Баринъ тутъ былъ такой щедривый, его и прозвали Гладкимъ, а по немъ и село стало зваться Гладково.... А тамъ будетъ Конско, а тамъ Овсище, а противъ Овсища Микольскій Волокъ, здѣсь была церковь;—церквище и теперь видно; а пониже церквища—какой-то погребъ. Сперва, старики говорятъ, лѣтъ 80 не больше, городъ былъ до самаго Овсища: лѣтъ 150 назадъ моръ былъ, много народу повымерло и стали селиться ближе къ собору....

— Что ты каменьевъ по дну накидалъ? закричалъ вдругъ Алексѣй Ѳеодоровичъ мочившему пеньку мужику:—а еще старостой зовешься!

— А! Алексѣй Ѳедоровичъ! отвѣчалъ тотъ: — какъ тебя Богъ милуетъ?

— А дѣти гдѣ? что самъ мочишь пеньку-то?

— А дѣти въ городѣ, Алексѣй Ѳедоровичъ! тамъ и пьютъ, тамъ и закусываютъ....

— А вотъ Перино *), продолжалъ Алексѣй Ѳедоровичъ, когда мы проѣхали Подвишенье: сперва былъ монастырь Миколы Перинскаго; сперва было тутъ озеро, садъ. Уничтожили монастырь—куда что́ дѣлось... осталось одно церквище на сопкѣ! Вотъ Снятна гора, а на горѣ стоитъ Снятной монастырь, тамъ наши архіереи живутъ,—прибавилъ онъ, проѣхавъ Хотицы на восточномъ, и Манькино, Бацьковицы на западномъ берегу.

— Ты не знаешь, отчего гора называется Снятна гора? спросилъ я Алексѣя Ѳедоровича.

— Какъ отчего? отвѣчалъ онъ. — Здѣсь стоялъ монастырь: подступила Литва и сняла монастырь *той* **); а монахи заперлись въ церкви, — ихъ тамъ поганая Литва и сожгла. За тѣмъ и гора прозывается: Снятна́ гора.

---

*) Перино, Перино; среднее между *и* и *ы*.

**) Здѣсь говорятъ: *той, тоя, тое*, вм. *тотъ, та, то; евойный, ая ое*, вм. *егоный, ая ое*, вм. *ея*.

А видишь ты часовенку впереди, подальше отъ берега? подъ самой той часовенкой схоронены тѣ монахи, что въ церкви сгорѣли.

Незнаю, отъ того ли называется гора Снятна—Снятной горой, или нѣтъ, но она очень похожа на снятую гору: верхняя часть какъ будто срѣзана очень ровно, снята.

— Гдѣ народъ чище живетъ? спросилъ я Алексѣя Өедоровича.

— Какъ то есть чище?

— На которомъ берегу, на западномъ или восточномъ, напр., дѣвки меньше шалятъ?

— На западномъ, по нашему въ Забраномъ Краю, народъ, какъ можно, гораздъ тише; а на нашемъ старомъ, хуже — баловливѣй; а въ Талабскѣ, или вотъ на Чудскомъ берегу, тамъ живутъ раскольники; дѣвки-то — лѣтъ по четырнадцати, по пятнадцати ходятъ кирпичи рѣзать; какъ пошла—такъ и загуляла!...

— Неужели всѣ дѣвки?

— Гдѣ же ты найдешь такую землю, что всѣ дѣвки гуляютъ? Много дѣвокъ гуляютъ—и то плохо! Хозяйскія дѣвки смирно живутъ; а работницы... подобьется хозяинъ, хозяйскій сынъ... а то хозяйской работникъ какой... Какъ можно всѣ?! Былъ одинъ только, одинъ городъ Содомъ и Гоморъ, и тотъ Богъ гнѣвомъ наказалъ...

— Порченыхъ у васъ много?

— Порченыхъ, говорятъ, было довольно, только на моей памяти не было: старые попы заклятіе дѣлали—волхвы и поотстали отъ своихъ дѣловъ. Даютъ женщинамъ лекарство, дѣвкамъ еще, чтобъ любила... Сколько здѣсь островов было! продолжалъ, спустя немного, Алексѣй Өедоровичъ, а теперь вотъ только три: Длинный, Солодожный, да Кусовка, гдѣ сѣно монастырское; еще подъ самымъ подъ Опсковомъ Степановскій Лугъ; вотъ и всѣ. А острова большую помогу дѣлаютъ: перегонятъ на тѣ острова скотъ, лошадей, а то на лодкахъ перевезутъ; такъ ни пастуха, ни пастушки *) никого не надо...

Чѣмъ ближе подъѣзжаешь ко Пскову, тѣмъ гуще и гуще растетъ трава по Великой, отъ которой подымались на поверхность желтенькіе, очень красивые, маленькіе цвѣточки.

— Здѣсь-то рыбы! заговорилъ Алексѣй Өедоровичъ: здѣсь-то рыбы,—тою травой рыба питается. А поймать нельзя: въ тинѣ весь запасъ изорвешь, а ничего рыбѣ не сдѣлаешь!... ни одной поймать нельзя; удочкой — и то нельзя.

Я спросилъ у своего спутника, находятъ ли тутъ гдѣ клады около Пскова?

— Находятъ, только въ руки не дается: нашъ Сыренскій (т. е. изъ деревни Сыренской) ѣхалъ на лодочкѣ здѣсь ночью около Вонючаго Ручья; видитъ на Волокѣ свѣча теплится,—онъ спрыгнулъ съ лодки, да туда; ви-

*) Тамъ должность пастуховъ большею частію исправляютъ женщины. *Авт.*

дитъ икона Божіей Матери, а передъ иконой свѣча теплится, а внизу больше 100 бочекъ золота; Сыренскій-то захватилъ сколько смогъ, да въ лодку. Сидитъ въ лодкѣ да и думаетъ, что мало взялъ; думалъ, думалъ—пошелъ въ другой разъ, принесъ и другой разъ,—все мало; пошелъ въ третій—взялъ въ третій, принесъ въ лодку, хотѣлъ ѣхать... Какъ наскочитъ *не наша сила*, стала лодку *пружитъ* *); тотъ туда сюда—пружитъ, да и полно!.. «А, пропади ты нечистая сила!» сказалъ онъ съ сердцовъ. Какъ сказалъ онъ то глупое слово, и нечистая сила и золото, все пропало! Смотритъ: и самъ стоитъ на *кряжѣ* **): нечистая сила напустила на него, ему и казалась вода!..

Мы пріѣхали во Псковъ, и я, простясь съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ, отправился къ своимъ прежнимъ хозяевамъ, Егору Васильевичу и Александрѣ Ивановнѣ Васильевымъ. У нихъ было много проѣзжихъ. При конторѣ дилижансовъ отдѣльныхъ нумеровъ нѣтъ, а только двѣ общія комнаты, въ которыхъ помѣщаются всѣ проѣзжіе безплатно. Александра Ивановна, считая себя не въ правѣ помѣстить меня въ обшія комнаты, потому что я могъ стѣснить другихъ проѣзжихъ, *казенныхъ*, все таки пріютила меня. Въ восьмомъ часу поутру стали проѣзжіе выѣзжать на чугунку, такъ какъ машина отправляется въ 8 часовъ. Послѣ всѣхъ выѣхалъ старикъ, съ очень добрымъ лицомъ. Онъ во все время не сказалъ со мной ни слова; но во всѣхъ его разговорахъ съ другими видны были и привѣтливость, и доброта. Послѣ я узналъ, что этотъ старикъ былъ польскій магнатъ, и что лице его не обманывало, при выѣздѣ онъ далъ въ пользу бѣдныхъ 10 рублей серебромъ, только неофиціально, а одному частному лицу—для раздачи бѣднымъ.

Изборскъ пригородъ, 17 августа.

15 Августа я выѣхалъ изъ Пскова и пріѣхалъ въ Изборскъ довольно поздно. Сначала меня поразило шоссе: едва пробита одна дорожка, да и та съ грѣхомъ пополамъ. Случалось, впрочемъ очень рѣдко, встрѣтить кого нибудь, тогда одинъ съѣзжалъ съ дороги и дожидался, пока другой проѣдетъ, точно такъ, какъ по нашимъ проселочнымъ дорогамъ при встрѣчѣ съ обозомъ. На разстояніи около 30 верстъ до Изборска шоссе захватило только одну деревню Дубняки, и то какъ-то не совсѣмъ, да сельцо Бибиково; самый Изборскъ остался съ полверсты въ сторонѣ.

Въ Изборскѣ кривыя улицы, избы угломъ на улицу; крыши съ большимъ навѣсомъ впереди, безъ всякаго украшенія; заборъ—тынъ: навкось складенный изъ шестовъ; но вы сейчасъ замѣтите, что здѣсь много чухонцевъ. Здѣсь попадаются окна не русскія: квадратныя съ тремя переплетами

---

*) Погружать, топить.
**) Материкъ, не островъ. *Авт.*

снизу вверхъ и тремя же отъ права налѣво. Не знаю, сохранили ли улицы прежнее названіе, или названы недавно: Подгорная, Невская, Садницкая, Маслинская. Эти улицы извиваются между садами и довольно свѣжими домами; перерѣзываются другими улицами, которыя и названій не имѣютъ. Когда я подходилъ къ здѣшнему Кремлю, мнѣ попалась дѣвка лѣтъ 50-ти.

— Къ собору, родной, идешь? спросила она меня.

— Къ собору, отвѣчалъ я.

— Ты приходи къ намъ на крестный ходъ, заговорила дѣвка: крестный ходъ бываетъ — куда какъ у насъ весело — говорить нечего! Въ нашъ Словенецъ-Изборьскъ много ходитъ народу. Икону—образъ кругомъ города носятъ.

Я спросилъ у нее, какая у нихъ икона?

— Икона наша изъ полону вывезена. Былъ нашъ Изборьскій въ полону въ невѣрныхъ земляхъ, и явилась тому полонённику Матушка Богородица. «Возьми меня, говоритъ, и иди самъ изъ невѣрной земли; тебѣ никто въ дорогѣ ничего не сдѣлаетъ, и придешь ты съ моей помощью счастливо до самаго своего дому — до Изборьска». Въ Изборьскѣ тогда жила вдова богомольная; жила эта вдова около Плосской башни; такъ этой вдовѣ и отдалъ полонённикъ *тую* икону. Стояла та икона у ней ровно тридцать лѣтъ; а послѣ явилась во-сняхъ вдовѣ и объявилась, что она чудотворная. Тогда весь народъ и сталъ ходить сюда молиться ей, Матушкѣ. Сколько разъ переносили ее въ Опсковъ, только она, Матушка, все-таки сюда объявлялась. Видятъ—дѣлать нечего, ее и оставили въ Изборьскѣ. Нашъ городъ отъ того, и называется *богоспасаемый городъ*. Сперва городъ нашъ былъ большой, хорошій, самъ князь Рюрикъ жилъ здѣсь....

Извѣстно, что въ Изборскѣ княжилъ Труворъ; замѣчательно, что имя Рюрика сохранилось въ памяти народной: мнѣ не одинъ разъ случалось слышать, что Рюрикъ княжилъ въ Изборскѣ.

Простившись съ словоохотливой старухой, я пошелъ кругомъ Кремля, видъ со всѣхъ сторонъ чрезвычайно хорошъ и далекъ; вообще городъ съ своими четырьмя церквами, зелеными садами, очень красивъ. Погулявъ по городу, я пошелъ въ одну избу, гдѣ узналъ, что есть самоваръ, чай пить Изба была очень опрятная, всѣ лавки и столъ были выкрашены красною, масляной краской, перегородка раскрашена тоже масляной краской, разноцвѣтными узорами.

— Не хочешь ли ягодокъ? спросила меня хозяйка, женщина лѣтъ за 50, очень благообразной наружности, предлагая мнѣ горсть невзрачныхъ сливъ.

— Почемъ продаются у васъ сливы?

— Да ты та́къ возьми—безъ денегъ, отвѣчала она: нонче дешевы, 60 коп. (ассигнаціями) мѣра; а въ другой годъ *ану* (*ону*, ее), за мѣру-то за то не купишь; этотъ годъ меды дороги, медовъ нѣтъ, а гдѣ и достанешь— такъ двугривенный фунтъ! Варить-то ягодъ и неварятъ, оттого и ягоды дешевы. А то вотъ въ той избѣ, вонъ третья направо съ той стороны,

около *ровеня* *) *арбанъ* **) стоитъ, такъ тотъ хозяинъ много яго дъ варилъ: теперь сбѣжалъ.

— Какъ сбѣжалъ? спросилъ я.

— Съ пуста такъ сбѣжалъ: былъ онъ сборщикомъ, затратилъ казну, да и сбѣжалъ тихимъ матомъ. А такой, бывало, обо всемъ *опытъ беретъ* ***): ленъ *тягатъ* ****) что ли... у насъ одни мужики ленъ сѣютъ, тягаютъ, бабы только прядутъ.... *****) А, да никакъ самоваръ поспѣлъ...

Напившись чаю, я опять пошелъ въ Кремль. Уже вечерѣло. Дѣвки съ пѣснями ходили по улицамъ, потомъ остановились на *Горкѣ*, небольшой площади среди города, водили хороводы. Пѣли пѣсни довольно извѣстныя

«Я посѣю ли млада́ младѐнька
Цвѣтиковъ маленько».

«Заиньку» и т. п. Въ хороводѣ здѣсь при мнѣ ходили только дѣйствующія лица, а остальныя сидѣли на завалинкѣ, дѣвки по одну сторону, ребята по другую.

— Здравствуй, ро́дный, сказалъ мнѣ старикъ, когда я пришелъ къ Проломнымъ воротамъ въ Кремлѣ.

— Здравствуй, отвѣчалъ я: скажи пожалуйста, отчего эти ворота зовутся Проломными?

— Вотъ отъ чего: подступала Литва и становилась на Митинской горѣ, видишь налѣво; теперь тамъ Митина деревня. Стрѣляла Литва та изъ пушекъ по Изборьску, пробила она вороты и народу много погубила. Подъ валомъ лежатъ убіенные войны; и когда крестный ходъ—всегда останавливаются: поминовеніе бываетъ. Какъ пробила Литва вороты, стали обносить кругомъ города чудотворную икону Корсунской Богородицы—Литва сама себя перерѣзала; а которые остались — такъ тѣ разбѣжались. Съ тѣхъ поръ и зовутъ ихъ Литовскими воротами или Проломомъ.

— Часто нападали на вашъ городъ?

— Какъ не нападать! Нашъ городъ не нынче строенъ: Опсковъ построенъ давно, Изборьскъ триста лѣтъ прежде стоялъ. Теперь только онъ обѣднялъ, а прежде былъ стольный городъ; первый князь русскій Рюрикъ жилъ въ Изборьскѣ.

— Неизвѣстно, на которомъ мѣстѣ?

— Подлинно неизвѣстно, только надо полагать—близко собора.

---

* Колодезь.
**) Анбаръ.
***) Заботится.
****) Брать ленъ, пеньку; вообще драть,—вытягивать.
*****) Это не всегда, а большею частію. *Авт.*

Печоры—пригородъ, 18 августа.

Вчера около 10 часовъ я вышелъ изъ Изборска въ Печоры. Немного пройдя, я сошелся съ косцами, которые шли косить ячмень или, какъ они называли, *жито* или *житмень*.

— Какъ вамъ, братцы, Богъ урожай далъ? спросилъ я.

— Да ка́къ тебѣ сказать—не знаю, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ: гдѣ пониже, да земля понѣжнѣй, — хлѣбъ, ленъ хорошо уродился; а то не гораздо.

— Вы откуда?

— А вотъ неподалечку деревня есть — Конецки (Конечки) зовется; такъ мы оттуда.

— Много у васъ земли?

— По четверти на душу высѣваемъ.

— Дѣлите землю ежегодно?

— Нѣтъ; какъ наступитъ ревизія, всю ниву озимую, яровую, паръ, дѣлимъ по́-ровну по душамъ. У меня три души, мнѣ шестикомъ три полоски отмѣрютъ, да и отрѣжутъ, у другаго 5 — тому 5 полосокъ; только бы въ одномъ мѣстѣ. Сперва только бросятъ жеребій, кому за кѣмъ землю мѣрить.

Дорога изъ Изборска къ пригороду Печоры до́нельзя безлюдна. Кромѣ этихъ косцовъ, мнѣ попались навстрѣчу только два чухонца, которые шли въ конторку, какъ они называли волостное правленіе, на сходку; да еще догнала какая-то коляска четверней. Вотъ и всѣ встрѣчи, а я пробылъ въ дорогѣ часовъ 5 — 6; да прибавьте къ этому: отъ самаго Изборска до Печоръ на разстояніи 20 верстъ, нѣтъ ни одной деревни на большой дорогѣ. Не помню я, кто-то глумился надъ кѣмъ-то, сказавшимъ что чухонцы убѣгаютъ большихъ дорогъ, рѣкъ, озеръ. Этотъ господинъ думаетъ, что русскіе ихъ оттѣсняютъ. Мнѣ кажется болѣе справедливымъ замѣчаніе Печерскаго жихаря (жителя): «Полувѣрцы, какъ ихъ здѣсь зовутъ, сказалъ онъ мнѣ, полувѣрцы землю пахать очень любятъ; такъ имъ больше ничего и не нужно; хоть за версту, а то за полверсты, а убѣжитъ отъ дороги».

Эта дорога идетъ холмистыми мѣстами, покрытыми бо́льшею частію мелкимъ березнякомъ; а частію, на расчищенныхъ мѣстахъ, пашнями. Въ настоящее время овесъ и ячмень только начинаютъ косить, ленъ еще частію стоитъ зеленый, нѣкоторый еще и цвѣтетъ. Вчера около Изборска, да и почти по всей дорогѣ сѣяли; нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей сѣютъ въ одну сторону: правой рукой бросаютъ влѣво; поэтому имъ приходится пройти вдвое больше; потомъ запахиваютъ и боронуютъ. Бороновать — въ Орловской, Рязанской губерніи считается и для работника и для лошади легкою работою; здѣсь не то: боронуютъ парою и не прямо, а кругомъ: работникъ или работница, перекинувшись на возжахъ назадъ, заставляютъ лошадей кружиться почти на одномъ мѣстѣ, и лошади, которыя здѣсь хороши,

съ трудомъ могутъ работать; впрочемъ я видѣлъ — боронуютъ и на одной лошади, а послѣ того боронуютъ прямо. Иначе бороновать нельзя: вся пашня усѣяна въ буквальномъ смыслѣ камнями, отъ вершка до 2-хъ величиною, даже на хорошо взборонованной землѣ много камней величиною въ орѣхъ лѣсной. Здѣсь удобряютъ землю особеннымъ способомъ — *тютежи* жгутъ: берутъ хворостъ, обкладываютъ землей, такъ-что эти *тютежи* имѣютъ форму призмы, длиною смотря по величинѣ хвороста, а въ вышину до трехъ четвертей, и потомъ зажигаютъ; когда тютежи сгорятъ, ихъ разбрасываютъ; такихъ тютежей дѣлаютъ столько, чтобъ пережечь всю землю, вершка на два или на три въ глубину.

Я сошелъ съ большой дороги и подошелъ къ одному пахарю, полувѣрцу лѣтъ пятидесяти, одѣтому по-русски, въ шляпѣ съ огромными полями.

— Помогай Богъ!

— Спасибо! отвѣчалъ тотъ: спасибо, добрый человѣкъ. Посѣяли — надобно бы дождеца, да Богъ не даетъ.

— Здѣсь будешь сѣять? спросилъ я, указывая на вспаханную цѣлину.

— Теперь нельзя, одна дернина: на будущій годъ засѣю — хорошо уродится.

Около дороги часто попадаются чисто вырѣзанные на землѣ, вершка въ полтора глубиною, знаки.

Эти знаки или гербы полувѣрцы кладутъ на своихъ участкахъ, чтобъ знать, кому чинить дорогу, и надо правду сказать: дорога здѣсь очень исправна.

На 9-й верстѣ лежитъ озеро *Устицъ*, окруженное горами, покрытыми лѣсомъ.

Въ коренной Руси такого уединеннаго мѣста отыскать рѣшительно не возможно; къ такому озеру непремѣнно бы пришли и построились, а Чухонецъ хоть за полверсты, а ушелъ и отъ озера. На берегу его, на крутой горѣ и очень красивомъ мѣстѣ, стоитъ гранитный крестъ около $1^1/_2$ аршина вышиной, на которомъ на верхней части высѣченъ крестъ, а на прочихъ надпись: «.... 1748 году Малороссійскіе полки были зде..... в походу Лубенскій.....», двѣ строки я не могъ прочитать.

Отойдя верстъ 14 отъ Изборска, я пошелъ въ деревню, которая виднѣлась въ сторонѣ: мнѣ пришлось идти до той деревни съ версту полемъ, засѣяннымъ горохомъ, капустой, картофелемъ. Въ рабочую пору и въ русскихъ деревняхъ не скоро кого нибудь отыщете, но все-таки скорѣй, чѣмъ въ чухонской. Я прошелъ всю деревню и въ послѣдней только нашелъ хозяевъ дома. Я попросилъ молока у чухонки; та плохо понимала по-русски; но все-таки поняла и объявила, что молока нѣтъ. Я пошелъ въ избу, гдѣ былъ хозяинъ.

— Да какого тебѣ: кислаго? спросилъ онъ.

— Да хоть кислаго; я заплачу.

Хозяинъ, ничего не говоря, вышелъ, а черезъ минуту хозяйка принесла небольшую чашку молока, хлѣба, и ушла. Я поѣлъ, хотѣлъ разсчитаться, но

не съ кѣмъ было: всѣ хозяева ушли! Все не по-русски. Русскій всегда радъ гостямъ; онъ непремѣнно потолковалъ бы, спросилъ бы о новостяхъ; а чухонецъ любитъ землю пахать: ему ни до чего другаго дѣла нѣтъ. Избы у нихъ тоже не русскія: въ двухъ стѣнахъ, квадратныя, аршина въ полтора окна, раздѣленныя переплетами на 9 квадратовъ, въ углу на лавкѣ стоитъ кіотъ съ иконами; столъ стоитъ близъ лавки посреди стѣны; въ сѣняхъ тоже икона.

Печерскій монастырь стоитъ по обѣ стороны лощины, по бокамъ крутыхъ горъ; онъ начинаетъ показываться верстъ за семь, но потомъ опять прячется за лѣсомъ, а совсѣмъ открывается, когда уже подойдешь къ самому монастырю, окруженному огромными стѣнами, съ полуразрушенными башнями. Стѣны и башни сложены изъ плитняка, часто довольно крупнаго; но попадаются большіе камни: есть до аршина въ поперечникѣ. Эти камни лежатъ въ стѣнѣ по одному между мелкими, или по нѣскольку. Стѣны были обведены валомъ и рвомъ, въ которомъ и теперь частію видна вода. Я всходилъ на Михайловскую башню, очень не высокую, но откуда видъ по лощинѣ и вдоль — очень хорошъ. По выходѣ изъ монастыря (по здѣшнему номастырь) я нашелъ трехъ мальчиковъ, играющихъ въ слѣдующую игру: одинъ изъ нихъ, указывая при каждомъ словѣ, поочереди на себя, на другаго и на третьяго, говоритъ:

Чикирики
Микирики
Погосту
Жучикъ
Крючикъ
Костка
Хрупъ!

Кому пришлось *хрупъ*, того посылаютъ отбѣжать куда нибудь; остальные въ это время прячутся и ихъ должно искать. Посидѣвъ немного съ ними, я пошелъ и встрѣтился съ однимъ здѣшнимъ старожиломъ, котораго и зазвалъ къ себѣ на чай.

— Давно ли монастырь стоитъ? спросилъ я его.

— Давно, еще за Грознаго царя, — сталъ говорить мой собесѣдникъ: были въ Изборьскѣ отецъ съ сыномъ, оба благочестивые люди и охотники на птицу, на звѣря ходить. Пришли эти отецъ съ сыномъ на это самое мѣсто, гдѣ теперь пещеры, и понадобилось имъ на что-то древо. А въ старые годы тутъ дремучій лѣсъ стоялъ; срубили они древо, а то древо повалило съ корня другое, и отъ того древа открылась пещера; на стѣнѣ пещеры была надпись: «Богомъ зданная (созданная) пещера». Въ срединѣ той пещеры пѣли ангели и *благоханье* было слышно. Отецъ съ сыномъ вошли

въ ту пещеру и нашли тамъ тѣло монаха Марка. Тѣло оставили они въ гробу, а сами пошли въ Изборьскъ. Съ-тѣхъ-поръ сталъ открываться монастырь, стали строить церковь; только переднюю стѣну выведутъ, а тѣ просто изъ песку въ горѣ вырѣжутъ. Пещеръ тамъ на сколько — не извѣстно. А говорили только, что эти пещеры съ Кіевскими сходятся. Сперва-то можетъ и сходились, ну а теперь много обвалилось.

— Случалось ли, чтобъ непріятель бралъ монастырь? спросилъ я.

— Нѣтъ, никогда ни одинъ не входилъ. Подступалъ Стефанъ Баторій подъ нашъ монастырь, такъ Николай Угодникъ днемъ верхомъ ѣздилъ вокругъ монастыря, а по ночамъ пѣшо́й ходилъ; а съ Угодникомъ было сорокъ мучениковъ. Баторій ничего и не сдѣлалъ. Это все правда: въ писаніи есть.

— Въ какомъ писаніи?

— Не знаю въ какомъ, а только есть.

Какъ-то разговоръ дошелъ до Риги.

— Говорятъ: Рига рано ли, поздно — провалится, сказалъ онъ: по тому случаю, что изъ-подъ Риги къ Питеру подъ Неву ходъ подведенъ, въ случаѣ войны, отъ непріятеля.

— А моя родительница была въ Ригѣ, — перебила моя хозяйка, баба лѣтъ 40: моя родительница была въ Ригѣ, гдѣ былъ подошедши тогда Шведъ, при ней и случилось. Прежде Ригою управляла королевна. Вотъ эту королевну, мать что́-ли, или не знаю кто — прокляли. Эта самая королевна черезъ сколько лѣтъ выходитъ изъ рѣки, проситъ у часоваго креста. Часовой не посмѣлъ дать креста королевнѣ; на другой день поставили на то мѣсто двухъ часовыхъ; ну она, ка̀къ бы тамъ ни было, обратилась въ свое мѣсто. Народъ болтаетъ: дай часовой ей крестъ — королевна была бы опять въ Ригѣ, Ригой бы правила, а часовой на ея мѣстѣ.

— Чѣмъ здѣсь народъ занимается? спросилъ я своего хозяина (изъ чухонцевъ).

— Бо́льшею частію всѣ землепашцы; а то здѣсь многіе занимаются: сапоги, пастолы (по-русски поршни — кожанный лоскутъ, которымъ обвязываютъ ногу).

— Многіе здѣсь занимаются этимъ промысломъ?

— По нашимъ Печорамъ должно-быть человѣкъ 50; у насъ 4 завода небольшихъ, по два работника, да подмастерье; подмастерье этотъ всѣми заводами управляетъ. А то еще хозяева сдаютъ по домамъ шить сапоги, по 20, по 25 к. сер. за пару; а послѣ везутъ на ярморки въ погостъ *Лизавета Захарьевна* *), въ Рянино: тамъ мыза большая, бумажный, пильный заводъ; мельница — муку, соль съ Талабска мелетъ; такъ кожевенники наши возами на ту ярморку сапоги, пастолы возятъ; воза по два возятъ. А то у кого есть цѣлковыхъ 10, 20, тотъ купитъ себѣ товару, нашьетъ сапогъ и отвезетъ самъ на ярморку; который паръ 20, который паръ 40.

Нынче я ходилъ въ монастырь и смотрѣлъ ризницу. Иконъ старинныхъ,

---

*) Погостъ Елисавета и Захарія. *Авт.*

по-крайней-мѣрѣ не подновленныхъ, нѣтъ; явленной иконы Успенія Богородицы я не могъ видѣть: она стоитъ въ довольно темномъ мѣстѣ, а ктому же она вся покрыта дорогою жемчужною ризою. Въ ризницѣ мнѣ показывали золотые сосуды съ слѣдующею надписью: «7189 году сіи сосуды золотые вдомъ Пречистой Богородицы Псковской Печерской монастырь далъ вкладу Борисъ Васильевичъ Бутурлинъ, а прямое имя Иванъ, съ женою своею Татьяною, по тестѣ своемъ Семенѣ Алексѣевичѣ Вихоревѣ и по тещи своей инокини схимницы Капетелины по ихъ приказу въ вѣчное поминовеніе».

Въ этихъ сосудахъ около 3-хъ фунтовъ вѣсу. Еще тамъ нѣсколько серебряныхъ ковшей: Ивана Грознаго, царевича сына Грознаго, князя Юрья Ивановича, Макарія архіепископа Новгородскаго, Бориса Еремеевича; кружки Густава-Адольфа, короля Шведскаго; Щербинина; чаша, пожертвованная Михаиломъ Ѳедоровичемъ, серебряный горшокъ — дьякомъ Сидоровымъ; нѣсколько крестовъ съ мощами, между которыми одинъ сдѣланъ въ 7098 году въ іюнѣ по повелѣнію игумена Милетія съ братіею, а въ немъ 118½ золот. вѣсу.

Я прежде говорилъ, что Грозный оставилъ здѣсь, какъ говоритъ народъ, всѣ свои вещи. Здѣсь показываютъ, кромѣ ковшей, ложку, вилку, ножикъ, трубу, пороховницу, кошелекъ для денегъ, двѣ цѣпи; на одной, говорятъ, Грозный носилъ кошелекъ, другая *царская*, на которой онъ носилъ крестъ; болѣе 30 монетъ золотыхъ иностранныхъ; арчакъ, потникъ отъ сѣдла, и чепракъ, который былъ затканъ золотомъ, но золото вынуто на потребы монастырскія.

Еще мнѣ показали перстень съ зеленымъ камнемъ, на внутренней сторонѣ котораго надпись: «Перстень царицы и великія княжны Анастасѣи». Ея же серьги, съ лазоревыми камнями, обдѣланныя жемчугомъ.

Обязательный отецъ намѣстникъ Никаноръ показалъ мнѣ библіотеку. Тамъ мало любопытнаго: ее пересматривалъ митрополитъ Евгеній, бывши архіереемъ Псковскимъ, и все интересное взялъ. Я вскользь просматривалъ синодики, которыхъ здѣсь 6; въ одномъ записаны роды: князей Шаховскихъ, Петруши *стрелца* Сумина, *Грошихи.*

Ежели бы я не боялся оскорбить скромность отца намѣстника, я бы много могъ сказать о немъ. Рѣдко можно встрѣтить такое истинное благочестіе; я сказалъ: истинное; этимъ словомъ я не передалъ своей мысли. Представьте себѣ свѣтлаго, добродушно-веселаго человѣка, при которомъ и вамъ дѣлается свѣтло, при которомъ вамъ въ голову не придетъ ни одна несвѣтлая мысль. Онъ очень жалѣлъ, что многія драгоцѣнности, между которыми замѣчательны ризы, епатрахиль тяжелая (вся засыпанная жемчугомъ) остаются безъ всякой пользы.

— Будь эти вещи въ Москвѣ,—говорилъ онъ—многіе бы смотрѣли на нихъ, многіе бы учились; а здѣсь кому онѣ нужны.

Посмотрѣвъ пещеры, гдѣ хоронятся умершіе изъ братіи и изъ свѣтскихъ, гдѣ между другими похоронено тѣло монаха Марка, я простился съ о. намѣстникомъ и получилъ отъ него просфору.

Печоры, 19 августа.

Прощаясь съ Печорами, прибавлю нѣсколько строкъ. Печоры стоятъ на красивомъ мѣстѣ на берегу рѣки Пачковки. Большая часть жителей полувѣрцы, т. е. чухонцы; но образованные изъ нихъ стыдятся своего происхожденія и говорятъ, что они рижскіе нѣмцы, хотя по-нѣмецки не говорятъ. Меня увѣряли здѣсь, что почти пятая часть дѣвокъ выходитъ замужъ, имѣя уже дѣтей; но что хорошій отецъ не позволитъ шалить дочери.

Еще одно слово: графъ Витгенштейнъ послѣ 1812 года, приписывая свои побѣды особенной помощи Божіей, много жертвовалъ въ здѣшній монастырь и выстроилъ на горѣ новую церковь, довольно хорошей архитектуры, и, говорятъ, хорошо украсилъ.

Изборскъ, 20 августа.

Отойдя съ версту отъ Печоръ, я встрѣтилъ мужика лѣтъ тридцати. Мнѣ хотѣлось съ нимъ заговорить и я попросилъ у него огня, закурить папироску.

— Изволь, миленькой, отвѣчалъ мужикъ, можно; кстати и я покурю; сядемъ-ко.

Мы сѣли, и я сталъ у него разспрашивать, но, къ несчастію, онъ не могъ ничего мнѣ разсказать.

— У насъ народъ не любопытный, сказалъ онъ мнѣ на прощанье: по иншимъ мѣстамъ на спросъ не скажешь—стыдно, а у насъ ни почемъ!

Прежней дорогой мнѣ идти не хотѣлось, я взялъ вправо и зашелъ къ священнику въ погостъ Залѣсье; этотъ священникъ мнѣ разсказалъ, что у нихъ всѣ занимаются хлѣбопашествомъ, въ озимомъ полѣ сѣятъ одну только рожь, которая у крестьянъ даетъ самъ-пятъ, а у помѣщиковъ самъ-десятъ, а иногда и самъ—12; потому-что помѣщики сѣютъ не простую рожь, а муравьевку, обсильванскую и друг. Яровое поле засѣваютъ преимущественно житомъ, т. е. ячменемъ и льномъ, а отчасти овсомъ; нѣкоторые сажаютъ въ полѣ капусту, потому-что въ полѣ червь не ѣстъ. Ячмень родится самъ-3, 4 и 5, овесъ—самъ-3 и то рѣдко. Ленъ зерномъ—самъ-3, 4; ежели мѣра льна дастъ три пуда волокна — урожай считается хорошимъ; но случается, что съ 10 гарнцевъ получаютъ льна 10 пудовъ или 20 *пудковъ*. Ленъ здѣсь

продаютъ на пудки (20 фунтовъ). Хлѣбъ здѣсь кладутъ въ стойки (копны), а послѣ везутъ на гумно и складываютъ въ *одѣнья* *)—небольшія скирды; въ стойкахъ бываетъ около 30 сноповъ, а въ одѣньяхъ безъ счету.

Нравственностью здѣшніе жители вообще не могутъ похвалиться; обычай выдавать дѣвку замужъ, когда ей далеко минетъ за 20 или за 25 лѣтъ, мужчинамъ жениться отъ 25 до 30, —много мѣшаетъ чистотѣ нравовъ, но и зная это, все-таки съ трудомъ вѣришь, что въ Залѣсьѣ, напримѣръ, какъ оказывается по собраннымъ мною справкамъ, на 70 рожденій 12 незаконныхъ. Замѣчательно, что полувѣрцы нравственнѣе русскихъ; русскіе и полувѣрцы никогда не мѣшаются женитьбой, и потому это замѣтнѣй. Такъ, мнѣ здѣсь же сказывали, что въ Лифляндіи знали только два случая о незаконнорожденныхъ и то потому, что въ то время солдаты стояли, и разумѣется, эти двѣ несчастныя дѣвки пропали, тогда какъ между нашими на этотъ проступокъ смотрятъ не очень строго: женихи обѣгаютъ дѣвокъ, у которыхъ есть дѣти, да и то не совсѣмъ; зато на посидкахъ и въ хороводахъ онѣ—первыя.

Отъ священника я пошелъ довольно рано и дошелъ до Рацова, гдѣ зашелъ въ избу; въ избѣ сидѣла одна старуха; поздоровавшись, я попросилъ у ней пообѣдать.

— Изволь, рóдный, отвѣчала та, да ужъ не погнѣвайся: хлѣбушка дадимъ, кваску хлѣбни, а больше ничего нѣтъ. Въ разоръ разорили, кормилецъ! Баринъ-то, говорятъ и добрый, да что толку-то? Управляющій чухна, что хочетъ, то и дѣлаетъ. Вотъ дома теперь только я, да старикъ мой; да и то дома, что боленъ...

Вошелъ больной старикъ, едва передвигая ноги; старуха еще больше стала хныкать. Помочь имъ я не могъ и я, захвативъ у нихъ кусокъ хлѣба, ушелъ. Отойдя отъ Рацова версты съ двѣ, я присѣлъ на берегу озера.

— Какъ прозывается это озеро? спросилъ я мальчика, лѣтъ 14-ти, бѣжавшаго по дорогѣ.

— Куцино, отвѣчалъ тотъ.

— Деревня близко есть?

— Есть, прокричалъ на ходу мальчикъ, повернулся въ лѣсъ и скрылся; должно-быть пошелъ за орѣхами.

Вѣрно, этотъ мальчикъ изъ полувѣрцевъ. Русскій непремѣнно бы остановился, спросилъ зачѣмъ нужно знать и, можетъ быть, робѣя, а все-таки вступилъ бы въ разговоръ. Думая о старухѣ, у которой я только былъ, о пробѣжавшемъ мальчикѣ, не помню какъ я заснулъ и проснулся, когда солнце было довольно низко; возвращаться назадъ въ Рацово мнѣ не хотѣлось, и я, понадѣясь на счастье, пошелъ впередъ отъискивать ночлега; но счастье стало мнѣ измѣнять или можетъ быть судьба стала меня готовить

---

*) За Окой не большія скирды называются: *одоньи*, *одонки*. *Авт.*

къ псковскимъ невзгодамъ... Было уже очень поздно, когда я подошелъ къ хутору какого-то нѣмца.

— Куда идешь, добрый человѣкъ? спросилъ меня работникъ, стоявшій у воротъ.

— Въ Изборскъ, почтенный, отвѣчалъ я; далеко-ли отсюда до Изборска?

— До Изборска недалеко, двѣ версты, сказалъ онъ: да ты не ходи, идти нельзя,—волковъ много; а ночуй у нашего нѣмца, у него просторно.

Я обрадовался приглашенію, но совершенно напрасно. Нѣмецъ на мою просьбу объявилъ, и то смиловавшись, что одну только версту опасно будетъ идти, а тамъ другая верста пойдетъ полемъ; а полемъ — нѣтъ никакой опасности.

Когда меня такимъ образомъ успокоивалъ нѣмецъ, и успокоивалъ очень радушно, а все-таки не пустилъ ночевать, я вспомнилъ про Перовскаго. Въ 1812 году онъ былъ взятъ въ плѣнъ и его повели во Францію. Дорогой онъ износилъ сапоги, потеръ ноги такъ, что едва могъ идти. Во всей Германіи онъ не могъ выпросить себѣ сапогъ: всѣ нѣмцы о немъ только сожалѣли, а сапоги ему были брошены изъ перваго окна—во Франціи.

— Воды можно у васъ попросить? спросилъ я, совершенно успокоенный нѣмецкимъ краснорѣчіемъ.

— Воду кушай, воду кушай!

Напившись, я пошелъ къ Изборску и первую версту прошелъ благополучно; при выходѣ изъ лѣсу я замѣтилъ мужиковъ; по крику можно было догадываться, что они шли съ попойки. Не доходя до нихъ нѣсколько саженъ, я остановился, выкурилъ папироску, а мужики все стояли. Не хотѣлось съ ними сходиться, а дѣлать было нечего, и я пошелъ къ нимъ.

— Братецъ, постой, братецъ! кричали они мнѣ, когда я поровнялся съ ними.

— Что вамъ надо братцы? спросилъ я, не подходя близко къ нимъ.

— Да ты не бойся, братецъ! Мы сами хозяева, подойди пожалуйста поближе.

— Что же вамъ нужно, братцы? сказалъ я подойдя къ нимъ.

— Ты въ Изборскъ идешь; отведи парня до дому.

— Доведи, другъ, кричалъ предлагаемый мнѣ въ товарищи мужикъ, безъ шапки, кафтана и сапогъ.

Онъ былъ пьянъ, другіе же, какъ я замѣтилъ, были совершенно трезвы.

— Отчего же вы сами не ведете его? спросилъ я, опасаясь за пьянаго.

— Да намъ некогда, отвѣчали тѣ: намъ завтра на работу идти. Видимъ— человѣкъ пьяный, бѣжитъ, — какъ одного пустить; а мы и не изъ той деревни...

Я взялъ подъ руку пьянаго и привелъ его домой, и на другой день узналъ, что онъ былъ въ гостяхъ у своей сестры, отданной замужъ въ другую деревню; тамъ подгулялъ и вздумалъ идти домой. Зять снялъ съ него все—шапку, кафтанъ и сапоги, и, не могши его уговорить остаться ноче-

вать, пустилъ. На дорогѣ напалъ онъ на незнакомыхъ и тѣ повели его домой, а, увидавъ меня, сдали мнѣ на руки.

Поутру я пошелъ къ отцу Александру; онъ мнѣ разсказывалъ, что полувѣрцы иногда постовъ не соблюдаютъ, но что во всемъ прочемъ они очень религiозны. Такъ напримѣръ: въ церковь ходятъ часто; выстроены въ Изборскѣ три богадѣльни и каждая изъ нихъ стоитъ отъ 50 до 60 руб. сер; содержатся онѣ также на счетъ прихожанъ. Въ праздникъ приносятъ священнику 1 или 2 *кокоры* *), а въ каждую богадѣльню по 10. Въ платѣ священникамъ очень честны; такъ напр., въ праздники кропятъ скотъ святой водой; по обычаю должны платить по три копѣйки съ каждой штуки, и всегда исправно платятъ, никогда не обсчитываютъ въ числѣ штукъ. Еще показалось мнѣ замѣчательнымъ: Изборскъ отъ Залѣсья 12 — 14 верстъ; а въ Изборскѣ, по-крайней-мѣрѣ въ приходѣ отца Александра, на сто рожденiй—одинъ незаконный.

Пошли мы, послѣ чаю, гулять на Шумильну гору, изъ которой, на самомъ близкомъ разстоянiи одинъ отъ другаго, бьютъ 11 ключей, и у самой горы стоитъ мельница.

— Мельнику обѣщано: будешь вѣрно молоть—вода будетъ; обмѣривать станешь—воды не станетъ, сказалъ мнѣ мужикъ, прiѣхавшiй на мельницу. Сталъ обмѣривать,—воды стало меньше.

Воды дѣйствительно стало меньше: нѣкоторые ключи пошли другими руслами, мимо пруда.

Потомъ отецъ Александръ показалъ мѣсто, гдѣ, по народному преданiю, находится могила *царя* Трувора, и разсказалъ, что богомольцы, идущiе въ Печоры, заходятъ въ Изборскiй соборъ къ здѣшней иконѣ Корсунской Богородицы; больные изъ нихъ берутъ камень, накладываютъ на больное мѣсто и всходятъ на гору противъ Сѣверной башни.

Псковъ, 22-го августа.

Дорога изъ Печоръ до Изборска безлюдна, да не больше народу и на дорогѣ между Изборскомъ и Псковомъ. Въ сторонѣ отъ большой дороги есть деревни, какъ я уже говорилъ; но въ этихъ деревняхъ тоже мало жизни. Я по дорогѣ услыхалъ первую пѣсню, пѣсню русскую, только за 12 верстъ отъ Пскова, потому-что, думаю, нельзя называть пѣснью *«и-го-го! и-го-го!»*, что неразъ кричали полувѣрцы, парни и дѣвки, ѣхавшiе въ ночное. Я ходилъ и по большой дорогѣ и по проселкамъ—вездѣ одно! Повернулъ къ Талабскому озеру—то же безлюдье. Проходивъ безъ толку нѣсколько дней въ этихъ мѣстахъ, я пришелъ въ Устье къ знакомому уже мнѣ священнику,

*) Кокора—круглый фунта въ 3—4 хлѣбъ изъ лучшей домашней муки. *Авт.*

который былъ такъ добръ, что повѣрилъ мои наблюденія и сдѣлалъ мнѣ много очень полезныхъ замѣтокъ.

— Куда идешь, добрый человѣкъ? крикнулъ мнѣ догнавшій меня на доброй лошади мужикъ, поровнявшись со мной, когда я отошелъ отъ Пскова версты двѣ.

— А ты куда ѣдешь? спросилъ я, не отвѣчая на его вопросъ; да и довольно трудно было мнѣ отвѣчать, куда иду: я этого и самъ не зналъ.

— Привозилъ изъ Новоржева господъ на чугунку, теперь домой ѣду коли по дорогѣ—подвезу, бойко говорилъ мужикъ.

Я присѣлъ къ нему въ телѣгу, и онъ началъ скороговоркою говорить:

— Взялъ я, братецъ ты мой, въ Новоржевѣ двухъ господъ, взялъ ихъ довезти до чугунки, до машины, по знакомству только, а то, братецъ мой, самъ знаешь: пора рабочая, лошадь дома нужна; возьмешь деньги, самъ не радъ будешь деньгамъ... А по знакомству можно... Съ другихъ не взялъ бы по пяти цѣлковыхъ, а съ нихъ только по три...

Мнѣ кажется, что онъ и своихъ знакомыхъ господъ не много уважилъ. За 136 верстъ, съ двухъ, на одной лошади, можно и не уваживши взять шесть рублей.

Мы ѣхали по шоссе, которое идетъ изъ Пскова на петербургско-варшавскую дорогу, тоже каменную. Псковское шоссе идетъ на пять верстъ до послѣдней дороги и перпендикулярно въ нее упирается. Я разспрашивалъ многихъ: почему каменную дорогу проложили такъ далеко отъ Пскова? но мнѣ на это никто не могъ сказать ничего. Тѣмъ болѣе это странно, что новая чугунка проложена отъ Пскова очень близко, никакъ не дальше версты, и только въ этомъ одномъ мѣстѣ дороги, и каменная и чугунка, такъ далеко—версты на три слишкомъ—расходятся; въ другихъ же мѣстахъ онѣ сходятся на нѣсколько десятковъ саженъ и идутъ параллельно, до самаго г. Острова. Когда мы подъѣхали къ мосту на р. Терехѣ, я простился съ своимъ спутникомъ и пошелъ къ вновь строющемуся мосту на той же рѣкѣ, для желѣзной дороги, саженяхъ въ двадцати отъ стараго.

Дѣятельность была сильная: рабочихъ было много; одни привозили на тройкахъ огромные камни, другіе тесали камень, третьи копали, возили землю. Я взошелъ на временный деревянный мостъ, подъ который подводили постоянный каменный и разговорился съ рабочими. Отъ нихъ я узналъ, что въ настоящее время рабочимъ плата очень хороша: рабочему 50 к. сер., а мастеру, каменьщику, менѣе рубля не платятъ. Потолковавъ немного съ рабочими, я пошелъ опять на шоссе: чугункой идти не ловко, а другія артели, какъ мнѣ сказывали, стояли далеко. Пройдя немного по каменкѣ, я перешелъ по каменному мосту рѣку Многу и мнѣ захотѣлось пить.

— Дайте пожалуйста напиться, сказалъ я, подходя къ окну избы, стоявшей на самомъ берегу. У окна сидѣли двѣ женщины, и, услыхавъ мою просьбу, одна вскочила и пошла, а другая вслѣдъ ей проговорила:

— Надо бы странному человѣку квасу испить, да квасу-то нѣтъ.

— Сама знаю,—послышалось изъ избы: надо бы квасу, да гдѣ возьмешь квасу-то?

Спустя минуту, она вынесла мнѣ на улицу воды.

— Спасибо, матушка, сказалъ я, возвращая ей, напившись кружку. Она одной рукой приняла кружку, а другою стала шарить около моей руки—желая всунуть мнѣ что-то въ руку.

— Ты человѣкъ странный,—торопливо говорила она: тебѣ пригодится; возьми, возьми!

— Спасибо, матушка,—отвѣчалъ я: мнѣ не надо; лучше кому другому подай.

— И другому подамъ.... а ты-то возьми!

Я взялъ у ней полкопѣйки серебромъ, и хотѣлось мнѣ эти деньги сберечь, но не удалось: за псковскими арестами! Простясь съ ней, я пошелъ дальше.

— Здорово, землячекъ! крикнулъ, догоняя меня, отставной солдатъ:— Куда Богъ несетъ?

— Здравствуй,—отвѣчалъ я: иду, любезный, къ Острову. Не по дорогѣ-ли?

— Почитай до самой Подрѣзицы по дорогѣ; пойдемъ вмѣстѣ; закуримъ трубочки, поболтаемъ.

Онъ закурилъ трубку, я папироску, и пошли вмѣстѣ, болтая кой-о-чемъ.

— Зайдемъ въ будку, землякъ,—сказалъ онъ, когда мы поровнялись съ одной будкой, поставленной для солдатъ, служащихъ на шоссе. Тутъ живутъ знакомые: солдатъ съ женой; зайдемъ, квасомъ напоятъ, а захочемъ, такъ и самоваръ поставятъ.

Мы вошли въ довольно просторную и очень опрятную комнату, перегороженную на двѣ части. Хозяина—солдата не было дома, и насъ приняла хозяйка, полуобрусѣлая чухонка, у которой мой спутникъ, поздоровавшись, попросилъ квасу. Хозяйка ту же минуту подняла дверь, сдѣланную въ комнатѣ въ полу, сходила въ погребъ и принесла намъ большую кружку очень хорошаго квасу.

— Такая бѣда! заговорила она, когда мы усѣлись, такая бѣда: сперва торговала квасомъ, яблоками.... все-таки нѣтъ, нѣтъ.... а копѣйка лишняя набѣжитъ; а вотъ теперь.... не смѣй торговать—да и полно!

. . . .

Хозяйка подчивала насъ чаемъ, но мы отказались, простились съ ней, и пошли дальше.

— Она богата,—сказалъ мнѣ дорогою мой товарищъ: мужъ у ней человѣкъ крѣпкій, а она хозяйка, и огородъ развела, да и торговала помалу.... деньги есть. А ни что: люди добрые.... Близко Подрѣзица, расходиться скоро: мнѣ надо влѣво брать; зайдемъ, выпьемъ по шкалику; на разставаньи такъ и быть—поднесу!

Я отказался отъ его угощенія и мы разстались: онъ пошелъ въ кабакъ, а я повернулъ въ Подрѣзицу, лежащую въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ боль-

шой дороги; на самой дорогѣ стояла харчевня, но мнѣ не хотѣлось въ ней останавливаться.

— Пусти, добрый человѣкъ, переночевать, сказалъ я хозяину, подходя къ одной избѣ.

— Эхъ, ты! отвѣчалъ тотъ: въ плисовой поддевкѣ ходишь, а въ деревню ночевать повернулъ! Ступай въ харчевню, да возьми особую комнату.

Я пошелъ въ другую избу, тоже получилъ отказъ; въ третью я не захотѣлъ идти, а какъ было еще довольно рано, то пошелъ дальше.

— Помогай Богъ! сказалъ я, подходя къ солдату, который, вмѣстѣ съ малымъ лѣтъ двадцати, убиралъ разными камушками сотку, т. е. знакъ на шоссе, который ставятъ черезъ каждыя 100 саженъ.

— Спасибо, землякъ, спасибо! отвѣчали они вотъ, братъ, сотки убираемъ.

— Много же вы ихъ въ день уберете? спросилъ я.

— Да много: коли не полѣнишься, отвѣчалъ солдатъ, такъ въ день-то сотки четыре уберешь. Я не работаю; я такъ, вотъ ему помогаю, прибавилъ онъ, указывая на парня.

— Пустая работа, сказалъ парень, совсѣмъ пустая: работаешь, работаешь; пройдетъ, скотина какая, а то человѣкъ какой, копнетъ ногой,— опять работай! И добро бы большая краса была!...

Стало вечерять, когда я подошелъ къ Суслову. На шоссе выходитъ только одинъ постоялый дворъ или, по-здѣшнему, харчевня. Въ харчевнѣ меня не пустили ночевать, хоть я и предлагалъ плату за ночлегъ.

— Ступай, братъ, въ деревню: мы сами нанимаемъ; значитъ—деньги платимъ, отвѣчалъ мнѣ дворникъ на мою просьбу, вѣрно, не надѣясь и хорошую плату.

— Пусти, добрый человѣкъ, переночевать, сказалъ я первому попавшемуся мнѣ мужику.

— Милости просимъ, отвѣчалъ тотъ; милости просимъ! Пойдемъ въ избу, закусимъ мало, чѣмъ Богъ послалъ.

Хозяинъ избы, очень благообразный мужикъ, лѣтъ 38, только-что вернулся съ поля; подойдя къ своему двору, онъ нашелъ у воротъ своего сына, мальчика лѣтъ двухъ, взялъ его на руки, и мы вошли въ избу.

— Не обезсудь, добрый — человѣкъ, сказалъ онъ: бѣдность! Я-бъ тебя не такъ угостилъ. Малюха! крикнулъ онъ, обращаясь къ своей дочери, дѣвочкѣ лѣтъ 14: малюха, накрой-ка столъ, сядемъ, поѣдимъ; вотъ и странный съ нами. Вотъ, братъ, — сказалъ онъ мнѣ: вотъ у меня хозяйка! Сперва была и жена, да Богъ взялъ; хорошіе люди видно и Богу нужны! Осталось четверо дѣточекъ, да пятая вотъ хозяйка; а тутъ на бѣду еще выбрали въ десятскіе.... У насъ десятскіе по выбору: выбираютъ на полгода; полгода отслужилъ, выбираютъ другаго....

— Отчего же ты не женишься? спросилъ я у хозяина: этой хозяйкѣ гдѣ же справиться со всѣмъ домомъ?

— Да видишь ты, отвѣчалъ онъ: хорошая за меня, видя нашу бѣдность, не пойдетъ, взять лядащую—какая будетъ хозяйка? Жену взять можно! а хозяйку въ домъ, мать дѣтямъ — пройди весь свѣтъ, не отыщешь! Теперь дочкѣ трудно, — да безъ мачихи! Двухъ сынковъ: одному четыре года, другому шесть, — отдалъ въ пастушки, все съ хлѣба долой, да и малюхѣ моей все легче.

Помолясь Богу, мы съ хозяиномъ сѣли за столъ, который *малюха* (т. е. маленькая) подвинула къ окну; она же принесла молока, вареннаго картофелю, очень хорошаго хлѣба, и сама сѣла съ нами. За ужиномъ разговаривали мало, хозяинъ иногда подчивалъ меня, или просилъ прибавить молока или подвинуть къ нему картофель. Во время ужина я осматривалъ избу. Изба была довольно большая, довольно опрятная и съ поломъ; у самаго входа въ избу налѣво стояла печь и на загнѣткѣ висѣлъ котелъ, а направо столъ; иконы стояли въ кіотѣ въ углу наискось отъ печи; кіотъ былъ поставленъ на четверть отъ лавки и потому подъ иконами нельзя было сѣсть, стало-быть и передняго угла не было. Въ четвертомъ углу стояла кровать— къ лавкѣ были придѣланы еще двѣ доски. Здѣшнія избы похожи больше на чухонскія; съ новогородскими имѣютъ онѣ одно сходство: какъ псковскія, такъ и новогородскія, ставятъ въ два этажа, хоть часто первый этажъ занимается скотомъ.

Поужинавъ, малюха послала отцу постель: подвинула къ лавкѣ скамью, положила постель — мѣшокъ набитый сѣномъ, въ родѣ перины, положила подушку; потомъ и мнѣ, въ качествѣ страннаго, дала подушку. Мы съ хозяиномъ легли, а молодая хозяйка стала кормить двухъ своихъ маленькихъ братьевъ. Хозяину не спалось, мнѣ тоже; но когда онъ сталъ разсказывать о будущемъ Россіи, не думаю кто бы могъ заснуть. Онъ говорилъ о пользѣ желѣзныхъ дорогъ; но при этомъ прибавилъ, что настоящій вопросъ, объ улучшеніи крестьянъ, гораздо больше имѣетъ значенія для насъ. На этотъ вопросъ онъ сперва смотрѣлъ съ религіозной точки, а потомъ и съ экономической.

— Я человѣкъ вольный, — говорилъ онъ: мнѣ врать не изъ чего; повѣрь мнѣ — лучше будетъ: мужикъ на барщинѣ того не сработаетъ, что на себя; да и такъ на барина не сдѣлаетъ, какъ для себя; и барину будетъ лучше, и мужику совсѣмъ хорошо. Не вовсе, знать, Господь на насъ прогнѣвался!

— Эй! кто тутъ?.... раздался подъ окномъ голосъ: вставай скорѣй! кричалъ кто-то, стуча кнутовищемъ въ окно. Вставай! десять подводъ нарядить надо!

— Ладно! проговорилъ мой хозяинъ: вотъ видишь, братецъ ты мой: день на работѣ, а ночь на побѣгушкахъ; смаялся такъ..... А на горе, — солдаты идутъ *вверхъ*.....

— Куда вверхъ? спросилъ я.

— А изъ Питера въ Варшаву, пусто имъ будь! отвѣчалъ тотъ, лѣниво

одѣваясь: *вверхъ* у насъ называется къ Варшавѣ; *а внизъ* — къ Питеру..... За чѣмъ это солдатъ гонятъ туда?....

Я молчалъ.

— А гонятъ много! — бормоталъ хозяинъ: а за чѣмъ — Господь ихъ знаетъ! сказалъ онъ, выходя изъ избы.

Мнѣ спалось дурно, и я слышалъ, какъ мой хозяинъ передъ свѣтомъ вернулся домой: онъ, войдя въ избу, потихоньку раздѣлся, подошелъ къ кровати, на которой спала его дочь съ маленькими братьями; потомъ легъ. Едва стало разсвѣтать, хозяинъ всталъ и разбудилъ дѣтей. Дочь пошла доить корову, а сына, мальчишку лѣтъ 3, отецъ заставилъ *подпахать*, подместь полъ.

— Надо къ работѣ пріучать,—сказалъ онъ мнѣ: съмолоду не привыкнуть работать, подъ старость ѣсть нечего будетъ.

Мы съ хозяиномъ простились, онъ съ дочерью пошелъ на работу въ поле, я на строющуюся чугунку; одни ребятишки остались дома; предложилъ было я хозяину за ночлегъ денегъ, но тотъ только махнулъ рукой и ушелъ, такъ что я уже послѣ него вышелъ изъ избы: онъ уже совсѣмъ собрался, а я еще собирался.

На строющейся чугункѣ я сталъ бродить между рабочими. Протолкавшись часу до 11-го, я попросилъ у одного пить.

— Да у насъ вода, отвѣчалъ тотъ мнѣ: ты ступай вонъ туда — тамъ квасомъ напоютъ.

Я пошелъ, куда мнѣ было сказано, и вошелъ въ крытую землянку. Въ ней двѣ женщины, *очень опрятно одѣтыя*, варили въ огромныхъ котлахъ обѣдъ для рабочихъ, около входа сидѣлъ какой-то мужикъ. Я у нихъ попросилъ напиться.

— Изволь, родимый, изволь, — сказала одна изъ женщинъ, зачерпнула корцомъ квасу и подала мнѣ; кушай, родненькій!.

Квасъ былъ очень хорошъ, и я отъ души сказалъ спасибо, отдавая корецъ и усаживаясь въ землянкѣ.

— Какія вы щеголихи, сказалъ я, обращаясь къ поварихамъ.

— Да нельзя, родимый, отвѣчала одна: съ насъ спрашиваютъ за это, сами ли въ грязи, кругомъ ли грязь — за все спрашиваютъ.

— Нельзя ли вамъ дать мнѣ щей, я заплачу, что стоитъ, сказалъ я.

— И!... Избави Господи!.. Грошъ возьмешь — бѣда: прогонятъ. Такъ кушай, сколько хочешь... Да кстати и щи уварились, — говорила женщина, наливъ щей, положивъ большой кусокъ говядины, и подавая мнѣ. У насъ на всѣхъ достанетъ, не то какъ у другихъ хозяевъ.

— А вы чьихъ?

— А Гладина — купца. Купецъ Гладинъ есть въ Питерѣ, тамъ онъ подрядъ снялъ выставлять рабочихъ на дорогу.

Первый разъ мнѣ случилось ѣсть у рабочихъ такія щи; хоть бы въ любомъ московскомъ трактирѣ подали вамъ такихъ, вы бы не обидѣлись. Пообѣдавъ, я пошелъ къ другой артели, которая уже обѣдала.

— Хлѣбъ да соль, братцы! сказалъ я подходя къ нимъ.

— Милости просимъ хлѣба-соли кушать, отвѣчали мнѣ подвигаясь, чтобъ дать мѣсто.

— Гладинскіе работники лучше ѣдятъ, сказалъ я, хлѣбнувъ кашицы безъ говядины и даже безъ масла.

— Гладинъ хорошо кормитъ рабочихъ не съ проста, — отвѣчалъ мнѣ одинъ: сытый работникъ вдвое противъ голоднаго работаетъ; кормитъ хорошо; ну всякому и хочется попасть къ нему; у него что́ ни лучшіе работники, — плутуетъ, значитъ.

— Да ка́къ же плутуетъ? — спросилъ я озадаченный такимъ заключеніемъ: платитъ хорошо, кормитъ хорошо,—значитъ на правду дѣло ведетъ.

— Да такъ-то оно, такъ!...

— Гладинскаго хлѣба много даромъ ѣдятъ, — прибавилъ другой: кто хошь приходи, квасу, хлѣба, а то и щей — дадутъ.

Рабочіе легли отдыхать, а я пошелъ по чугункѣ въ поле. Погода была не совсѣмъ хороша, но мнѣ не хотѣлось идти въ какую-нибудь деревню и я присѣлъ около чугунки. Здѣсь мѣста большею частію болотистыя, а какіе-то прохожіе развели огонь, — полѣнились затушить, болото и загорѣлось; на сажень кругомъ, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, вспыхивалъ огонекъ; невдалекѣ пастушки, двѣ дѣвочки, одной лѣтъ 18, другой около 12, пасли стадо. Меньшая пробѣжала мимо меня, догоняя свинью.

— Передъ дождемъ не удержишь свинью въ стадѣ, — сказала она мнѣ, вернувъ свинью: чуетъ дождь — бѣжитъ домой.

— Что́ же вы не гасите болото? спросилъ я ее.

— На той недѣлѣ будемъ гасить, отвѣчала она: а то выгоритъ болото, скотъ пасти негдѣ будетъ.

Просидѣвъ до сумерокъ, я пошелъ на каменную дорогу и вошелъ въ первую харчевню: на варшавско-петербургской каменной дорогѣ я не видалъ ни одной деревни: однѣ харчевни стоятъ уединенно, изрѣдка къ харчевнѣ (т. е. постоялому двору) присосѣдился кабакъ или конторка, какъ здѣсь называютъ волостныя правленія и сельскія расправы.

— Ступай направо! сказала хозяйка, когда я спросилъ у нея, можно ли ночевать. Можно, отчего жъ нельзя?!

Въ той же корчмѣ пристали и солдаты, которые вели арестантовъ: одинъ арестантъ сильно натеръ ногу и не могъ дойти до этапной станціи. Хозяйка, слѣпая старуха, послала всѣмъ постели, и арестантамъ и солдатамъ, она очень хлопотала, чтобъ расковать арестантовъ, но солдаты, не смотря ни на предложенныя постели, ни на безденежный ужинъ, не рѣшились исполнить ея просьбы. На другой день я пошелъ въ Псковъ; зашелъ на почту справиться — нѣтъ ли ко мнѣ писемъ, и ушелъ въ Любятово, гдѣ пообѣдалъ и купилъ серебряную копѣйку, найденную въ этотъ же день на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Грозный, когда шелъ громить Псковъ. Часа въ 4 послѣ обѣда я былъ на псковской станціи желѣзной дороги, гдѣ просидѣлъ до 8 часовъ. Взялъ билетъ, сѣлъ въ вагонъ.... Дальнѣйшія происшествія считаю излишнимъ повторять.

III.

ИЗЪ УСТЮЖСКАГО УѢЗДА.

Пестово, 20 іюля 1860 г.

Дорогу отъ Боровичей до Пестова, въ особенности первую половину ея никакъ нельзя назвать веселою: вся она идетъ рѣдкимъ мелкимъ лѣсомъ. Сначала, пока не надоѣстъ своимъ однообразіемъ, она довольно красива, совсѣмъ не похожа на большую, не шире проселочной, и извивается точно проселочная, да и самыхъ верстовыхъ столбовъ на ней не было, ихъ ставили только при мнѣ, по случаю проѣзда губернатора; но ѣхать такими однообразными мѣстами и мелколѣсьемъ, изъ за котораго ничего не видно, болѣе ста верстъ, согласитесь сами, не очень весело! Изрѣдка только мелькнетъ какое-нибудь озерцо и опять тоже, тоже и тоже... Правда, что въ одномъ мѣстѣ приходится ѣхать верстъ пять по берегу Меглина, довольно большаго озера (верстъ 20 въ длину) и здѣсь открываются виды великолѣпные; но эти какія нибудь пять верстъ совершенно теряются въ несносныхъ ста верстахъ. Да и самый лѣсъ до крайности однообразенъ: большею частію боръ, т. е. сосновый, а частію ельникъ; попадается иногда осина, а еще рѣже береза! Проѣхавъ озеро, я замѣтилъ вправо отъ дороги за рѣчкой Меглиной, которая здѣсь выходитъ изъ озера, нѣсколько кургановъ, по здѣшнему сопокъ; съ дороги ихъ можно насчитать до шести; на нѣкоторыхъ изъ нихъ растутъ столѣтнія деревья.

— Это какіе курганы? спросилъ я своего ямщика.

— Это не курганы, это сопки! отвѣчалъ тотъ.

— А много ихъ?

— Да десятка два будетъ.

— Не знаешь, откуда они взялись?

— Нѣтъ, не знаю; старики, можетъ, и знаютъ.

Проѣхавъ версты полторы, мы пріѣхали въ деревню Устюцко, въ которой, по случаю Ильина дня, и на улицѣ, и въ харчевнѣ шелъ пиръ горой: на улицѣ дѣвки и бабы въ нарядныхъ сарафанахъ, нѣкоторыя въ кумачныхъ, взявшись за руки, шли въ рядъ и распѣвали пѣсни, только дѣвки отдѣльно отъ молодицъ. Въ харчевнѣ старики угощались по своему. Я велѣлъ своему ямщику остановиться и зашелъ въ харчевню. Въ одной комнатѣ сидѣли за столами по нѣскольку человѣкъ, довольно подпившихъ, и обѣдали, а въ другой пили чай и водку. Шумъ какъ въ той, такъ и въ другой былъ страшный, но ни одного неприличнаго слова я не слыхалъ: разговоръ былъ большею частію назидательный.

— Старца убить—не спасенье получить! слышалось изъ одного угла.

— У бабы сердце—что у кошки! неслось изъ другаго: кошку разсердишь, вцѣпится, не скоро оторвешь; ну, и бабу разозлишь, не вдругъ отгонишь.

Я спросилъ водки, велѣлъ поднести ямщику и самъ выпилъ; хозяинъ на закуску далъ кусокъ рыбнаго и кусокъ хлѣба испеченнаго изъ гороховой и ржаной муки.

Закусивъ, я сѣлъ и закурилъ папироску; ко мнѣ подошелъ какой-то пономарь.

— Не знаете-ли вы», спросилъ я у него, какія это сопки у васъ за рѣчкой?

— Какъ не знать? знаю! отвѣчалъ тотъ.

— Какія же?

— Ты хочешь рыть, что ли?

— Да чтожъ тамъ рыть?

— Я знаю, я тебѣ укажу: въ одномъ золото, въ другомъ серебро, а въ третьемъ церковные сосуды.

Нельзя было не замѣтить, что мой собесѣдникъ, вѣроятно, по случаю Ильина дня, сильно подгулялъ.

— Коли вы вѣрно знаете, гдѣ золото, и серебро и церковные сосуды, такъ отчего же сами не берете? спросилъ я его.

— Какъ же я одинъ буду рыть? Вдвоемъ-то я знаю какъ...

— Да какія это сопки? перебилъ я его.

— Эти сопки еще съ литовскаго раззоренія, еще...

Хозяинъ перебилъ нашъ разговоръ, войдя съ чашкой пива, которымъ сталъ угощать меня, и отъ котораго я не хотѣлъ отказаться, въ чемъ и не раскаявался: пиво было такъ хорошо, что лучше и желать нельзя было.

— Сами пиво варите? спросилъ я хозяина.

— Сами, ваше здоровье!

— Какъ же? въ ссыпчину? братчиной?

— Нѣтъ, всякъ самъ по себѣ!

Выкуривъ папироску, я вышелъ на крыльцо, гдѣ стояло нѣсколько бабъ,

и самую хорошенькую, какъ я послѣ узналъ невѣстку хозяйскую, мой ямщикъ довольно безцеремонно цѣловалъ и обнималъ.

Я сѣлъ на телѣгу и мы тронулись.

— Кланяйся, Капитонушка, сестрицѣ, братцу, дѣткамъ, всѣмъ, всѣмъ! кричала хозяйская невѣстка моему ямщику.

— Хорошо, буду кланяться! отвѣчалъ ей ямщикъ. Она изъ нашей деревни, прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ.

Часовъ въ шесть вечера мы пріѣхали въ Пестово, мнѣ не хотѣлось дальше ѣхать, и я, закусивъ, пошелъ по деревнѣ. Избы выстроены обыкновенно, по-новгородски въ два этажа; верхній для жилья, нижній для скота; дворъ весь крытый, какъ говорятъ отъ снѣга; противъ каждаго двора черезъ улицу—холодное строеніе для амбаровъ и т. п. Такъ какъ здѣшняя сторона—лѣсистая и лѣсъ потому почти ни почемъ, то всѣ крыши деревянныя. Избы, двери, сарай, все покрыто дранью особеннымъ образомъ: избы рубятся изъ толстыхъ бревенъ до крыши со всѣхъ четырехъ сторонъ; послѣ съ передней и съ задней стороны изъ такихъ же бревенъ надстроиваются треугольники, на которые кладутъ переплеты, далеко выпуская ихъ впередъ; къ этимъ переплетамъ прикрѣпляютъ деревянные крюки толщиною въ руку. Крюки эти обыкновенно дѣлаютъ изъ молодой ели; ель срубаютъ съ частію толстаго корня, который стелется по землѣ, а на эти *крюки* кладутъ *жолобъ*, выдолбленный изъ толстаго бревна; потомъ настилаютъ на крышѣ дрань, вкладывая нижній конецъ въ жолобъ, и наконецъ верхніе концы какъ съ той, такъ и съ другой стороны, покрываютъ однимъ жолобомъ. Верхній жолобъ называется *княземъ*. Если дрань коротка, то кладутъ еще жолобъ, или два, между нижнимъ жолобомъ и княземъ, нижній изъ нихъ подпирается *распорками,* упираясь въ самый нижній, слѣдующій такими же распорками во второй жолобъ и т. д.; такимъ образомъ на всю крышу не требуется ни одного гвоздя.

— Долго эта крыша можетъ простоять? спросилъ я одного мужика, который подошелъ ко мнѣ.

— Хорошо покроешь, отвѣчалъ, тотъ: лѣтъ двадцать простоитъ!

— Да вѣдь нижніе концы, въ жолобѣ, да и самъ жолобъ гніетъ, какъ же двадцать лѣтъ простоитъ?

— Нельзя, чтобъ не гнило, а все простоитъ.

— Которая крѣпче крыша, такъ крытая жолобами да распорками, или крыша, пробитая гвоздями?

— Съ гвоздями крышѣ не устоять двадцати лѣтъ!

— Отчего же?

— Отъ желѣзнаго гвоздя дерево сильно портится, а въ нашей крышѣ—одно дерево; чему тутъ портиться.

— И всѣ такъ кроютъ?

— Да обличь *) насъ всѣ такъ.

---

*) Облччь—по близости. *Авт.*

Я разговорился съ этимъ мужикомъ; мы подошли къ моей квартирѣ и сѣли на крылечко. Онъ, какъ оказалось, былъ тоже не здѣшній, только не дальній и пріѣхалъ *стоять настойку*, т. е. онъ обязанъ былъ возить чиновниковъ земской полиціи и разсыльныхъ и поэтому простоять извѣстное число дней, когда его смѣнитъ другой.

— Почемъ у васъ теперь пудъ сѣна? спросилъ я.

— У насъ теперь сѣна на пудъ не продаютъ, отвѣчалъ онъ; теперь у насъ продаютъ, съ нови-то продаютъ копнами.

— А копна почемъ?

— Да копѣекъ 25, а то и 20.

— Въ копнѣ много пудовъ?

— Да поболѣ пяти будетъ.

— И всегда оно у васъ такъ дешево бываетъ?

— Какое всегда! Зимой сами по тридцати копѣекъ за пудъ покупать будутъ! Зимой дорого!

— Такъ для чего же теперь продаютъ?

— Подижъ ты!..

Мой собесѣдникъ зѣвнулъ, перекрестился, сказалъ: «Господи! прости мои прегрѣшенія!» и замолчалъ.

— Ну, а хлѣба у васъ, какъ?

— Да и хлѣба плохо! Всѣ, какъ есть, градомъ поколотило!

— Какъ всѣ?

— Всѣ, какъ есть! Какая пенька была,—какъ серпомъ, срѣзало; ни одной былочки живой!

— И много десятинъ?

— Да всего-то будетъ со всѣмъ, съ рожью, съ овсомъ, съ житомъ *)—всего будетъ десятинъ съ пять!

— Это у тебя у одного?

— Нѣтъ, у меня да еще у церковниковъ; всѣхъ-то десятинъ съ пять.

— А какъ у васъ хлѣбъ родится?

— Да если положить хорошенько навозу, или на *лединахъ*—на этихъ лединахъ дѣлаютъ росчисть, такъ хлѣбъ хорошо родится... а въ первый годъ, я скажу тебѣ, и сказать нельзя, какъ хорошо!..

— Какъ вы это дѣлаете?

— А вотъ какъ: выберешь ледину... лѣсокъ меленькій... такъ въ оглоблю,—а то и въ слегу, такъ дѣла нѣтъ... Выберешь ледину, да не на болотѣ, а на высокомъ мѣстѣ... на болотѣ какой будетъ хлѣбъ?.. Выберешь ледину: съ лѣта срубишь лѣсокъ, повалишь его, онъ за лѣто-то и попросохнетъ, пролежитъ зиму, а на весну около Николы вешняго и заорешь... заорешь, да и сѣй сейчасъ же хлѣбушко.

— Для чего же вы жжете лѣсъ? спрашивалъ я, можно бы лѣсъ свезти куда—нибудь, продать.

---

*) Жито ячмень. *Авт.*

— А кто его купитъ?

— Въ городъ свезти; тамъ на дрова купятъ.

— Въ нашемъ городѣ въ Устюжнѣ, никто тѣхъ дровъ и не купитъ; у насъ хорошія дрова сорокъ копѣекъ сажень.

— Вы поэтому ихъ и жжете?

— Нѣтъ, не поэтому; это только разъ; а вотъ и два: надо землю пережечь. Какъ зажжешь лѣсъ тотъ и онъ сгоритъ, послѣ и смотришь, на которомъ мѣстѣ земля не перегорѣла, наберешь дровъ, на то мѣсто положишь, да и зажжешь, надо и тому мѣсту перегорѣть.

Въ Псковской губерніи, я видѣлъ, чухонцы тоже дѣлаютъ расчистки; *) они жгутъ тютежи; кладутъ лѣсъ, на него насыпаютъ земли, послѣ того зажигаютъ, земля перегораетъ и эту землю послѣ разсыпаютъ по полю; этимъ способомъ, при меньшемъ количествѣ лѣса, перегораетъ большее количество земли. Но такъ труднѣе, надо землей обсыпать собранный въ кучи лѣсъ и потомъ эту землю разсыпать по всему полю, тогда какъ устюжскій способъ не требуетъ такихъ хлопотъ: надо срубить только лѣсъ и послѣ зажечь, а не собирать его въ кучи, не обсыпать землей, не разметывать послѣ эту землю по полю.

Къ намъ подошелъ хозяинъ, у котораго мы остановились.

— О чемъ это вы калякаете? спросилъ онъ насъ.

— Да вотъ съ его степенствомъ про ледины толкуемъ, какъ разчистки дѣлать, отвѣчалъ мужикъ.

— Какой же вы хлѣбъ сѣете, на лединахъ сначала?

— По боровымъ мѣстамъ рожь.

— По какимъ боровымъ?

— По такимъ, гдѣ боръ былъ, сосна росла.

— Ну, а не по боровымъ?

— Тамъ лучше жито родится...

— Это правда, сказалъ хозяинъ, садясь къ намъ; по боровымъ родится такая рожь! сама двѣнадцать бываетъ! а по ельнику лучше не сѣять ржи; сѣй сперва жито, а послѣ рожь... Такъ уже заведено...

Къ намъ стали подходить одинъ по одному мужички, и наконецъ около насъ собралась довольно порядочная кучка.

— Отчего вы не орете вашихъ сопокъ, спросилъ я?

— Да какъ же можно ихъ орать? отвѣчали мнѣ: Онѣ не теперь стоятъ; онѣ насыпаны еще въ досельные **) годы; еще въ литовское разоренье ихъ насыпали.

— Давно это было?

— Ни дѣды, ни прадѣды не помнятъ. Старики только помнятъ про

---

*) Въ другихъ мѣстахъ разчистки называются кулигами. Замѣчательно, что въ лѣтописи Велички встрѣчается слово *пядина*.

**) Давнишніе; досейные, т. е. до сего времени. *Авт.*

литовское разореніе, а молодые которые, такъ и не слыхали про литовское самое разореніе; даже было ли какое разореніе и того не знаютъ.

— Для чего же сопки насыпали тѣ въ литовское разореніе? спросилъ я у разговорившихся мужиковъ.

— Какъ для чего? У кого есть золото, серебро, положатъ, да и насыпятъ, — вотъ тебѣ и сопка! А то церковные сосуды, оклады съ образовъ тоже въ сопку!

— А вотъ у насъ въ Вышнемъ-Волочкѣ, сталъ говорить другой мужикъ, тоже въ досельные годы, тоже въ литовское разореніе, куда дѣть церковные сосуды, колокола, оклады съ образовъ?—вотъ и опустили ихъ въ рѣку...

— Въ какую рѣку?

— Да забылъ, какая; такъ рѣчонка какая-то. Это вѣдь не въ самомъ Вышнемъ Волочкѣ, а въ селѣ Грибнѣ; такъ въ томъ селѣ Грибнѣ и опустили колокола, сосуды, оклады въ тую рѣку; такъ какъ пойдетъ бывало въ церкви какая служба, у нихъ подъ водою пойдетъ своя; старики говорятъ, что сами слыхали звонъ колокольный.

— А ты слыхалъ?

— Нѣтъ, я не слыхалъ, а старики сказывали, что слыхали...

— Когда къ землѣ ухомъ приложиться, перебилъ другой.

— Нѣтъ такъ было слышно, особенно на Свѣтло-Христово Воскресенье ясно было слышно.

— Отчего же пересталъ звонъ?

— Звонъ не пересталъ; перестало слышно только, а звонъ есть, отвѣчалъ утвердительно разсказчикъ.

— А отчего же перестало слышно?

— Ну, это такъ Богъ далъ.

— Сопки есть у васъ около Вышняго Волочка?

— Есть и сопки; есть и тамъ клады.

— Давно ли же они положены?

— Все въ литовское разореніе; какой положенъ съ заклятіемъ, а какой и просто безъ заклятія; найди только, а то безъ всего прямо бери.

— Что же, находилъ кто нибудь?

— Находили, да малость. А то пріѣзжали большой кладъ искать, да не нашли; видишь ты: обличь того же Грибна, былъ погостъ Шибаново; сперва церковники перевели тотъ погостъ Шибаново въ Грибно; захотѣли церковники на народѣ жить; теперь, какъ пошла размежевка, они опять размежевались постарому; а это было въ ту пору, когда они жили въ деревнѣ, пріѣзжали мужики отыскивать кладъ; въ записи у этихъ мужиковъ были записаны примѣты клада, только тамъ было написано: «ступай въ погостъ Шибаново, что близь Грибна». Пріѣхали мужики, спрашивали, гдѣ погостъ Шибаново; имъ никто не сказалъ: всѣ забыли; искали, искали, съ тѣмъ и уѣхали, старики вспомнили, что Щибановымъ назывался прежній погостъ.

— А у насъ, такъ изъ Новгорода чиновникъ пріѣзжалъ, лѣтъ десять тому назадъ, чиновникъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ исправникомъ; рыли они сопки; вотъ какъ поѣдешь отсюда къ Устюжнѣ, такъ не доѣдешь до Мологи

съ версту такъ, тамъ сопки есть... только они рыли маленькія сопки, а большихъ не трогали; рыли, рыли, все ничего не нашли, никакого клада, нашли какой-то церковный сосудъ, да бусы, и только...

Послѣ мнѣ говорили, что чиновникъ этотъ былъ Игнатьевъ; я послѣ осматривалъ курганы, которые онъ разрывалъ; мнѣ кажется, что они стоятъ того, чтобы ими подробнѣе заняться. Игнатьевъ или другой господинъ, который разсматривалъ эти курганы, не имѣлъ или средствъ, или можетъ быть, времени; у него работали два дня десять человѣкъ, и если онъ съ такимъ числомъ людей и въ столь короткое время нашелъ такія вещи, то, вѣроятно, при большихъ усиліяхъ, можно добиться большихъ результатовъ.

Было уже довольно поздно, пригнали изъ поля скотъ, и здѣшніе мужики, ѣздившіе въ сосѣднія деревни на праздникъ (на престольный), стали возвращаться домой, только не всѣмъ равно посчастливилось.

— Откуда Богъ несетъ? спросилъ мой хозяинъ возвращавшихся въ двухколесной таратайкѣ двухъ мужиковъ.

— Изъ Тимоѳеева, отвѣчалъ одинъ, поздоровавшись съ нами шапкой: да только плохо пировали.

— Что такъ?

— Да такъ! Приходитъ къ Левкинымъ какой-то мужиченко, проситъ пива; ему поднесли; проситъ еще, еще поднесли; проситъ опять,—надоѣлъ, его и выгнали, выгнали мужика, а тотъ и кричитъ: «непочли меня? весь праздникъ дуромъ поставлю!» Чтоже ты думаешь? Напустилъ на Тимоѳеево пчелъ, пять столбовъ (ульевъ), шельмецъ этакій, напустилъ! Пчелы весь народъ, коней, всѣхъ перепятнали. Напали на моего коня; я перерубилъ гужи, — отпрячь не успѣлъ коня, перерубилъ, да въ воду! Тѣмъ только и спасъ его, совсѣмъ было заѣли.

Знаменское, 21 іюня.

Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Мологѣ, по большой устюжской дорогѣ, тѣмъ лѣсъ становится крупнѣе, и преимущественно боръ, т. е. лѣсъ сосновый. Однако это вѣрно нужно приписать особенному случаю: ямщикъ мнѣ говорилъ, что ихъ помѣщикъ завелъ у себя правильную рубку лѣса; большія деревья онъ рубитъ, небольшія оставляетъ и строго смотритъ, чтобъ ихъ напрасно не портили. Такъ у него заведено давно, поэтому немудрено, что въ его лѣсу встрѣчаются чаще, чѣмъ въ другихъ лѣсахъ, большія деревья. Кстати здѣсь замѣчу, что отъ Боровичей до Мологи, какъ я уже говорилъ, лѣсъ преимущественно боръ, ельникъ; попадается осина и очень рѣдка береза. За Мологой къ Устюжнѣ лѣсъ гораздо мельче; строеваго лѣса я не видалъ и чаще попадается береза.

Жаль смотрѣть, какъ уничтожаются здѣсь лѣса; не говорю уже о леди-

нахъ, выжигаемыхъ на мѣстахъ, гдѣ ростетъ мелкій лѣсъ; макушка (верхняя часть дерева), деревья вершковъ пяти въ отрубѣ, часто идутъ на ледину; также нерѣдко попадаются деревья вершковъ 8 — 10 въ отрубѣ, которыя лежатъ поперегъ дороги и гніютъ.

— Вотъ здѣсь чиновникъ съ исправникомъ копали сопки, сказалъ мнѣ ямщикъ, не доѣзжая съ версту до рѣки Мологи.

Я велѣлъ остановиться и пошелъ посмотрѣть на курганы; одинъ ближній къ дорогѣ былъ разрытъ. Судя по вынутой землѣ и глубинѣ ямы (не глубже одного аршина), должно думать, что работали мало.

Черезъ десять минутъ мы переѣзжали на паромѣ рѣку Мологу и перевощикъ вступилъ въ моимъ ямщикомъ въ разговоръ.

— Кому праздникъ, говорилъ онъ, а намъ въ праздникъ работы куда больше противъ простого дня!.. Вчера на праздникъ такъ валомъ и валили! Туда, на праздникъ-то, поѣхали такіе-то радостные; ну, а съ праздника всѣ перемѣченые; кто ни ѣхалъ, всякъ хвалился!...

— Да, и въ Пестовѣ говорили, сказалъ ямщикъ: какой-то мужикъ пчелъ что-ли напустилъ?

— Напустилъ! ни одного человѣка, ни одной лошади не осталось нетронутой; всѣмъ досталось.

— Какъ же это онъ сдѣлалъ? спросилъ я.

— Да это-то сдѣлать просто, отвѣчалъ перевощикъ: у насъ было до семидесяти столбовъ (ульевъ), въ одинъ часъ всѣ поднялись!..

— Подняться-то, положимъ, поднялись; положимъ, это и сдѣлать легко, какъ же можно сдѣлать, чтобъ онѣ летѣли, куда онъ прикажетъ?

— Подижъ ты! кажись и не завозжаны, а посылаетъ, куда вздумается! Намъ съ тобой не сдѣлать, а ему стоитъ плюнуть!

— Великъ проѣздъ здѣсь? спросилъ я у перевощика.

— Теперь сталъ великъ; не было чугунки, ѣзда была по Тихвинкѣ, тамъ былъ главный трактъ; построили чугунку, вся ѣзда перешла сюда; по Тихвинкѣ, почитай, ни кто и не ѣздитъ.

Переѣхавши Мологу, мы опять пустились по большой дорогѣ, а проѣхавъ версты двѣ-три, свернули на проселочную, которая почти ничѣмъ не отличалась отъ большой, тоже ѣхали лѣсомъ, тѣже вѣтви лѣзли къ намъ въ телѣгу, тѣже полосы, засѣянныя хлѣбомъ, часто не шире одного аршина, выбѣгали на дорогу. Я замѣтилъ нѣсколько сосенъ вершковъ 10 въ отрубѣ, у которыхъ всѣ сучья были обрублены и только на самой верхушкѣ было оставлено нѣсколько вѣтокъ.

— Для чего это очищаютъ сосны? спросилъ я своего ямщика, указывая на подчищенныя сосны.

— Да такъ, мужикъ вздумаетъ смѣхъ сдѣлать, возьметъ да сучья всѣ и посрубитъ.

— Сосна вѣдь можетъ засохнуть.

— Безпремѣнно засохнетъ, отвѣчалъ ямщикъ, подхлестывая правую пристяжную.

Кто ѣзжалъ на ямскихъ лошадяхъ, тотъ могъ замѣтить, что правую пристяжную чаще другихъ поощряютъ кнутомъ; часто ямщикъ и не для поощренія ее подгоняетъ, а такъ, отъ нечего дѣлать, для своего развлеченія; поэтому на правую сторону запрягаютъ такую лошадь, которая не очень много обращаетъ вниманія на такія усиленныя поощренія.

Чѣмъ дальше отъѣзжаешь отъ рѣки Мологи и тѣмъ чаще можно видѣть сосны, изъ которыхъ мужикъ смѣхъ сдѣлалъ, т. е. съ обрубленными вѣтвями.

Вспомнилъ я Н. А. Е. «Малороссіяинъ, говорилъ онъ, понимаетъ красоту въ деревѣ, въ цвѣткѣ. Какой цвѣтокъ хорошенькій, скажетъ онъ: какъ это дерево распустило вѣтви! Русскій совсѣмъ иначе смотритъ ни это дерево: Славное бревно! слега, оглобля выйдетъ изъ этой березы!»

Мнѣ кажется, онъ правъ: при Мологѣ дерево приноситъ пользу; тамъ можно дерево срубить и сплавить въ Нижній; чѣмъ дальше отъ сплавной рѣки, тѣмъ дерево дешевле, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совершенно теряетъ всякую цѣнность; вотъ мужикъ и дѣлаетъ изъ него смѣхъ. На цвѣты русскій тоже не обращаетъ сильнаго вниманія. Приведу отрывокъ извѣстной пѣсни.

Выростала трава шелковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревые,
Какъ пошли духи малиновые;
Ужъ я той травой выкормлю коня....

Русскій скоро нашелъ *полезное* употребленіе и травѣ шелковой, и цвѣтамъ лазоревымъ!...

Воскресенье, 24 іюля.

Я познакомился съ А. Ф. Румянцовымъ, который уже давно здѣсь управляетъ нѣсколькими деревнями, и онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

Здѣсь сѣютъ слѣдующіе хлѣба: рожь, овесъ простой и иркутскій, ячмень который здѣсь называютъ житомъ; сѣютъ также ленъ и коноплю, но только не для продажи, а для домашняго обиходу; изъ конопли бьютъ для поста масло, а изъ пеньки веревки вьютъ; ленъ на рубашки идетъ. Яровой пшеницы сѣютъ мало и то только помѣщики; а озимой пшеницы, гречи, проса, совсѣмъ не сѣютъ.

Ржи высѣваютъ на десятину 1 четверть; она родится сама—сема (седьма) и сама — шеста, а иногда и сама — десята. Средняя цѣна ржи здѣсь три рубля серебромъ; но когда на низу недородъ, то доходитъ и до пяти рублей серебромъ; здѣшній же урожай на цѣну хлѣба не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія.

Овса обыкновеннаго высѣваютъ на десятину три четверти, а иркутскаго двѣ; простой овесъ даетъ самъ 3 и самъ $3^1/_2$, а иркутскій самъ 5. Цѣна ему отъ одного рубля восьмидесяти копѣекъ до двухъ рублей серебромъ. По открытіи московской чугунки, овса много идетъ въ Вышній-Волочекъ. Ячменя на десятину высѣваютъ $1^1/_2$ четверти; онъ даетъ отъ самъ 4 до самъ 8 и до самъ 12; средняя цѣна ячменю три рубля серебромъ.

Рожь сѣютъ въ августѣ и стараются кончить посѣвъ къ 15 числу и никакъ не позже 20; но случается опоздать, тогда сѣютъ и въ сентябрѣ. Если въ ручьяхъ и озерахъ вода пересохнетъ за лѣто, то сѣютъ новыми сѣменами, а не просохнетъ—старыми. Старая вода — старыя сѣмена, говорятъ здѣсь: новая вода — новыя сѣмена.

Овесъ начинаютъ сѣять до Ильина дня (20 іюля) за 10 недѣль, за 9, и на 8-й недѣлѣ—настоящій сѣвъ. «На осьмой недѣлѣ овесъ всякъ валомъ валитъ,» какъ говоритъ народъ.

Яровую пшеницу сѣютъ въ началѣ мая до 10 числа, слѣдовательно, ранѣе овса, потому что она боится осеннихъ морозовъ.

Ячмень, коноплю, ленъ сейчасъ же сѣютъ послѣ овса.

Сѣнокосы убираютъ поздно, нѣкоторые послѣ уборки хлѣба, т. е. въ концѣ августа и даже въ сентябрѣ.

Рожь начинаютъ жать послѣ Ильина дня, продолжаютъ жать и въ августѣ. Сперва складываютъ снопы въ груды: поставятъ одинъ снопъ, кругомъ его приложатъ 8 сноповъ навкось такъ, чтобъ только колосъ лежалъ на среднемъ снопѣ, а огузокъ, (нижняя часть снопа)—въ нѣкоторомъ разстояніи, и сверху покрываютъ снопомъ, который ставятъ огузкомъ вверхъ, а колосьями закрываютъ колосья нижнихъ сноповъ. Эти груды оставляютъ на нѣсколько дней, пока просохнетъ рожь, а потомъ свозятъ ихъ на *одрахъ* *) и складываютъ въ скирды, грудъ 60—70 въ каждой, тутъ же въ полѣ: гуменниковъ здѣсь нѣтъ. Здѣшнія поля непремѣнно требуютъ унавоживанія подъ каждый озимый хлѣбъ, а потому всѣ посѣвы близки къ жильямъ, всѣ скирды у всѣхъ на глазахъ и не требуютъ особеннаго сторожа.

Въ началѣ августа убираютъ ячмень, а около 10-го числа овесъ. Овесъ кладутъ въ груды, въ которыхъ только пять сноповъ. Здѣсь, какъ рожь, такъ и ячмень и овесъ, никогда не косятъ, а всегда жнутъ.

Коноплю и ленъ убираютъ около 10—15 сентября. Когда худо родятся конопля или ленъ или мало того и другаго, то эти хлѣба сажаютъ на одинъ овинъ, потомъ молотятъ и опять таки вмѣстѣ мочатъ, а ячмень, говорятъ, поспѣваетъ изъ засѣка въ засѣкъ (закромъ въ амбарахъ) въ шесть недѣль,

---

*) Одры устроиваютъ слѣдующимъ образомъ: къ осямъ или къ цѣлой телѣгѣ придѣлываютъ вдоль два бруса, въ концахъ которыхъ вколачиваютъ палки, длиною до $1^1/_2$ аршина; эти палки связываются между собою, задняя съ задней, передняя съ передней, также палками, въ нѣсколько рядовъ. На эти одры кладутъ хлѣбъ и прижимаютъ его палкой, которая привязывается къ одру. На одеръ кладутъ отъ 5 до 6 грудъ ржаныхъ. *Авт.*

т. е. возьмутъ изъ засѣка на посѣвъ ячмень и черезъ 6 недѣль онъ успѣетъ созрѣть, его уберутъ, перемолотятъ и свезутъ въ засѣкъ *).

Я уже говорилъ, что лѣсъ здѣсь не берегутъ; причину этого немудрено понять: онъ здѣсь очень дешевъ. Г. Румянцевъ мнѣ говорилъ, что лѣсъ, при хорошей сплавной рѣкѣ, почти что ни по чемъ. Къ владѣльцу лѣса сприѣзжаетъ покупщикъ, считаетъ, сколько пятерику, шестерику, семерику, осьмерику (т. е., 5, 6, 7, 8 вершковъ въ отрубѣ) и за каждый изъ этихъ пней даетъ не дороже 5 коп. сереб. Если же лѣсъ не на сплавной рѣкѣ, то такому лѣсу нѣтъ никакой цѣны. Послѣ полюбовнаго размежеванія побольше стали беречь лѣса, нѣкоторые помѣщики приставили даже сторожей; а до размежеванія, когда лѣса были въѣзжими, государственные крестьяне, у которыхъ не было своихъ лѣсовъ (да если они и были, то имъ не позволяли уничтожать этихъ лѣсовъ), покупали у господскихъ мужиковъ еловую кору для крышъ по пяти копѣекъ *ассигнаціями* съ дерева. Мужикъ ѣхалъ въ лѣсъ, рубилъ лучшія деревья, потому что съ небольшаго дерева кора для крышъ не такъ удобна,—мала, снималъ съ нихъ кору, а самыя деревья оставались безъ всякаго употребленія и сгнивали на мѣстѣ. Теперь этого не дѣлаютъ; но все таки лѣсъ очень дешевъ; такъ, купецъ Поздѣевъ при сплавной рѣкѣ заплатилъ за 12,000 десятинъ строеваго лѣсу совсѣмъ съ землею *одинадцать тысячъ рублей ассигнаціями.* Это, впрочемъ, особенный случай, но отъ 10 до 15 рублей обыкновенная цѣна; мелколѣсье на болотѣ, въ которомъ деревья въ оголоблю, не дороже полутора рубля серебромъ.

Самую лучшую избу можно купить за тридцать и никакъ не дороже 40 рублей ассигнаціями. Замѣтьте, что здѣсь избы строятъ въ два жилья и подъ крышу подставляютъ бревна такъ же часто, какъ и подъ желѣзную; изъ такой избы—орловскихъ, тамбовскихъ избъ выйдетъ двѣ, а малороссійскихъ хоть 3, а не то и всѣ четыре!

Въ Устюжнѣ кубическая сажень дровъ продается отъ 30 к. до 1 руб. 20 к. серебромъ; по рублю 20 к. продаютъ лучшія березовыя дрова; самыми дешевыми считаютъ ольховыя, еловыя. При такой цѣнѣ на дрова, рабочіе не могутъ много выручать денегъ; они получаютъ такъ мало, меньше чего и получить, кажется, нельзя: за срубку кубической сажени дровъ, рабочій получаетъ пять копѣекъ серебромъ, на своемъ хлѣбѣ, только съ хозяйскимъ приваркомъ.

Здѣсь земля тоже очень дешева: въ пустоши отъ 5 до 10 р. десятина, смотря по качеству земли; но отводная, т. е., хорошо удобренная, гораздо дороже. Само собою разумѣется, что цѣна земли увеличивается разными обстоятельствами; напр., если чужая земля подходитъ къ самому вашему дому, то вы дадите за эту землю, не смотря на ея качество, очень дорого, тогда какъ другой за нее дастъ, можетъ быть, и не болѣе самой дешевой цѣны.

---

*) Это, говорятъ, бываетъ въ жаркое лѣто. Нынче лѣто было жаркое, а ячмень начали жать не ранѣе 5 августа. *Авт*

25 іюля.

Я ѣздилъ съ г. Румянцевымъ къ Николѣ въ церковь. Она—какъ и всѣ сельскія церкви; въ библіотекѣ ея тоже—какъ обыкновенно: ничего особеннаго нѣтъ; книгъ не больше трехъ, одна временъ Ѳедора Алексѣевича, и двѣ Ивана и Петра I; еще есть выпись изъ писцовыхъ книгъ, извѣстныхъ у нашихъ мужиковъ подъ названіемъ *крѣпей*, т. е., крѣпостей, актовъ на земли, которыми они очень дорожатъ. Вотъ всѣ достопримѣчательности церковнаго архива.

Въ церкви было не очень много народа, по случаю рабочей поры; было-бы и того менѣе, еслибъ одна баба не принесла ребенка причащать, другая въ долбленомъ сосновомъ гробѣ хоронить...

— Каждый день приносятъ по одному, а то и по два, сказалъ мнѣ священникъ, указывая на гробъ.

Къ обѣднѣ многіе пріѣхали въ телѣгахъ и я узналъ, что колеса здѣсь покупаютъ по 1 рублю серебромъ за станъ, т. е. за четыре колеса; что ободья гнутъ изъ осины, ступицы дѣлаютъ изъ березы, а спицы изъ рябины.

29 іюля, Знаменское.

Ныньче я пошелъ походить и сошелся съ однимъ мужикомъ, которому было лѣтъ подъ пятьдесятъ.

— Тебѣ не здоровится, ваше здоровье? спросилъ онъ меня.

— Да, я боленъ.

— Чѣмъ ты боленъ?

— У меня лихорадка.

— А! трясуха! Вотъ тебѣ лекарство: возьми ты живаго рака, положи въ чашечку, да залей виномъ; и дай ты постоять вину, пока ракъ замретъ; рака выкинь, а вино выпей. Ляжешь спать, во *сняхъ* тебѣ приснится ракъ. «Экую дрянь ты пьешь!» скажетъ ракъ, а на утро той лихорадки и не будетъ.

Про это средство мнѣ приходилось слышать не разъ.

— А то еще хорошо полынь пить, продолжалъ онъ, да полыни у насъ, жаль, нѣту!—Полынь тоже отъ трясухи хорошо...

Въ самомъ дѣлѣ здѣсь полынь не растетъ.

8 августа, Знаменское.

Сегодня сѣяли здѣсь рожь и я вышелъ въ поле, гдѣ уже были староста и шесть человѣкъ мужиковъ, которые должны были сѣять; у каждаго изъ нихъ было *сѣтиво* *), въ сѣтива они насыпали ржи, пошли къ тому мѣсту, отъ котораго надо было начинать, сняли шапки, какъ староста, такъ и мужики, потомъ сѣли. Посидѣвъ молча нѣсколько времени, они встали, помолились Богу на всѣ четыре стороны, начиная съ восточной, и одинъ сказалъ:

— Благослови, хозяинъ!

— Богъ благословитъ, отвѣчалъ тотъ.

И тогда начали сѣять. Здѣсь сѣютъ на обѣ стороны, т. е. бросаютъ сѣмена и вправо и влѣво. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣютъ въ одну сторону, въ послѣднемъ случаѣ сѣятель долженъ вдвое больше пройти съ сѣменами.

Когда посѣяли, явились съ боронами **) мальчики, но было также нѣсколько и дѣвочекъ между ними; старшему изъ нихъ было не больше двѣнадцати лѣтъ, всѣ верхомъ. Видно было, что они съ удовольствіемъ начали боронить. Старшіе ушли и одни дѣти боронили.

— Ты усталъ! сказалъ я одному мальчику: хочешь домой?

— Нѣтъ ничего! отвѣчалъ тотъ, весело подхлестывая свою лошадь шерстянымъ щегольскимъ поводомъ.

10 августа, Знаменское.

Вчера часу въ седьмомъ утра, я пошелъ по дорогѣ въ деревню Иванцево и мнѣ пришлось идти озимымъ полемъ, которое все было покрыто жнецами и жницами; потолковавъ съ нѣкоторыми, я замѣтилъ одну жницу, которая обратила на себя мое особенное вниманіе.

— Который годъ этой работницѣ? спросилъ я.

— Да вотъ съ Ильина дня девятый годокъ пошелъ, отвѣчали мнѣ.

— Зачѣмъ же вы заставляете ребенка работать столь трудную работу?

— Кто ее заставляетъ?! своя охота!

— А много она нажнетъ?

— Сноповъ десять, а то и больше!

Въ нашихъ деревняхъ дѣти очень рано начинаютъ помогать въ работахъ своимъ родителямъ. Мальчишка лѣтъ четырехъ уже помогаетъ: водитъ поить лошадей; лѣтъ осьми—боронитъ; такъ въ Знаменскомъ большіе

---

*) Корзинка для сѣмянъ, которую привѣшиваютъ на кушакѣ через плечо

**) Бороны дѣлаютъ здѣсь изъ суковатыхъ плахъ, связанныхъ вмѣстѣ, слѣдовательно, безъ вбитыхъ зубьевъ. *Авт.*

мужики только спахали, а скородили дѣти. Отойдя отъ жнецовъ съ полверсты, я встрѣтилъ бабу, которая шла очень скоро и бранилась во все горло, не смотря на то, что она одна была только въ полѣ.

— Чтобъ они издохли! кричала она; чтобъ на нихъ на томъ свѣтѣ черти воду возили!

— Кого ты угощаешь такъ, голубушка? спросилъ я.

— А лѣшій ихъ знаетъ!...

— Какъ же такъ? ругаешь, а сама не знаешь кого!

— Хлѣбъ—овесъ повыбили, чтобъ имъ пусто было!..

— Ты бы пошла къ тому, кто выбилъ, говорилъ я, да въ глаза бы его и разругала; ты вѣдь здѣсь ругаешь его, а онъ и не слышитъ.

— Кто знаетъ, кто выбилъ, чтобъ ему... кричала баба, уходя отъ меня.

Трудно повѣрить тому, кто самъ не видалъ, какъ мало уважается у насъ трудъ. Да къ чему говорить про крѣпостной трудъ, которому скоро пропоютъ вѣчную память; про воспитанныхъ помѣщицъ, которыя заставляли мужиковъ въ рабочую пору чистить въ саду дорожки! Сами мужики смотрятъ на трудъ сосѣда какъ на что-то, не заслуживающее никакого вниманія, рѣдкое поле, засѣянное хлѣбомъ, вы найдете безъ потравъ; если мужикъ видитъ, что онъ можетъ сократить дорогу десятью саженями, но ему придется ѣхать чужимъ засѣяннымъ полемъ, онъ не задумается: броситъ торную дорогу и поѣдетъ полемъ. Мнѣ кажется, въ Малороссіи съ большимъ уваженіемъ относятся къ чужому труду; мнѣ тамъ, можетъ быть случайно, не доводилось видѣть въ хлѣбахъ пробитой дороги, что у насъ попадается зачастую, хотя здѣсь поля и огорожены, а въ Малороссіи о загородкахъ полей никто и не слыхалъ.

Когда я пришелъ въ Иванцово, сталъ накрапывать дождь.

— Переждите въ избѣ дождь-то, сказалъ мнѣ мужикъ болѣзненнаго вида, сидѣвшій на крыльцѣ избы подъ навѣсомъ.

Разумѣется я согласился на это предложеніе съ большимъ удовольствіемъ и зашелъ къ мужику въ избу просторную и довольно опрятную.

— Куда вы *идитѣ*? спросилъ меня хозяинъ, когда мы съ нимъ усѣлись на лавкѣ.

— Пробираюсь на ваше Большое озеро.

— Люди работаютъ, а я такъ вотъ дома дожидаюсь желѣзной лопатки, пока Богъ по душу пошлетъ.

— Ты боленъ?

— Другой годъ пошелъ, все хвораю; я съ топоромъ ходилъ, *) крылъ крышу да и свалился, бокомъ то пришелся на балку, три ребра и переломилъ; побѣжали туже пору къ Вознесенью за Ѳедоромъ Павловымъ,—за лекаремъ. Тамъ у барина свой такой лекарь есть крѣпостной... Прибѣжалъ Ѳедоръ Павлычъ, кинулъ кровь; очнулся, да съ тѣхъ поръ живота не подыму, никакъ не справлюсь...

---

*) Т. е., былъ плотникомъ. *Авт.*

— Ты бы къ лекарю сходилъ.

— Ходилъ и къ лекарю. — Дышать, молъ, не могу; грудь, говорю, всю задавило. — Тебѣ, говоритъ, надо банокъ къ груди поставить. — Сколько? спрашиваю. — Да побольше, говоритъ. — Я опять къ Ѳедору Павловичу. — Ставь банки къ груди! лекарь велѣлъ. А много?—Да приказалъ побольше.— А побольше, такъ всѣ поставлю. — Было у Ѳедора Павлова четырнадцать банокъ; онъ всѣ четырнадцать и поставилъ, а все легче нѣтъ!.. Нѣтъ, знать травы не мять, росы не топтать, а съ молитвой ждать желѣзной лопаты!...

Все это было сказано спокойно, съ совершеннымъ отсутствіемъ малѣйшаго отчаянія, и мнѣ припомнился разсказъ Тургенева «Смерть» и слова его: «Удивительно умираетъ русскій мужикъ! онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ»!..

— Я человѣкъ больной, продолжалъ, вставая мой хозяинъ, а тутъ вотъ еще Богъ горе послалъ: посмотрите-ко!

Онъ отдернулъ пологъ у кровати, которая стояла въ углу, и я увидалъ больную женщину.

— Вотъ двадцать лѣтъ лежитъ! не то, что съ мѣста встать, повернуться не можетъ; съ полгоду съ ней что-то приключилось, такъ и осталось.

— Кто же у тебя работаетъ?

— Дочка дѣвка есть, да другая солдатка; онѣ и работаютъ. Вѣдь у насъ бабы не сѣютъ, дровъ не рубятъ, а то всякую работу работаютъ. Посѣять, я посѣю, а онѣ заборонятъ, да и дровъ тоже я нарублю. Не Богъ знаетъ сколько...

— У васъ не одно только хлѣбопашество, есть работа и въ лѣсу? спросилъ я.

— Теперь въ лѣсу у насъ работы нѣтъ, прошли тѣ годы! До межовки бывало, съ осени да до масляной работникъ пудовъ 50 одной сѣры *) наскоблитъ, а теперь всему запретъ; въ казенномъ лѣсу поймаютъ, въ острогъ засадятъ; господа въ свои лѣса тоже не пущаютъ; а въ прежніе годы,—всякому своя была воля: кто хочешь приходи, хоть свой, хоть чужой, только работай! Прошлый годъ наши мужики повезли сѣру эту въ Вышній-Волочекъ; тамъ такіе заводы есть, сѣру чистятъ... да билета-то не взяли и въ Волочкѣ ихъ поймали.—Гдѣ билетъ?—Дома, говорятъ, забыли.— Ступай одинъ за билетомъ! — Сѣру подъ залогъ. Мужикъ прибѣжалъ изъ Волочка къ старостѣ; староста далъ билетъ: изъ своихъ лѣсовъ сѣру скоблили, ну и выдали сѣру, а думали, что совсѣмъ она пропадетъ.

— По чемъ продается сѣра?

— Не ровно: за пудъ и по 25, и по 30, и по 35 коп. сер., какъ случится; это нечистая съ корой, кору-то перемипаютъ съ сѣрой, чтобъ коры-

---

*) Смолы, которую скоблятъ съ ели. *Авт.*

то не видно было; а за чистую сѣру дадутъ и 40 и 45 коп. сер. за пудъ. Въ сплошномъ лѣсу въ день пудовъ 5 наскоблить можно.

— Вы теперь сидите деготь?

— И деготь мало сидимъ! Сперва я и самъ сидѣлъ, а теперь и на деготь запретъ вышелъ. Я больше сидѣлъ корчажный деготь; корчажный всюду идетъ; а ямнаго не сидѣлъ, тотъ идетъ только на подмазку... Да и выгоднѣе корчажный, въ Устюжнѣ 2 руб. сер. за пудъ, а ямный копѣекъ 80, 90, не дороже...

Тутъ онъ мнѣ сталъ объяснять, какъ мужики сидятъ деготь; объясненій этихъ я пересказывать не стану; скажу только, что корчажный деготь гонятъ изъ одной бересты, а ямный—изъ бересты и еловой смолы.

Перекрестясь въ передній уголъ и простясь съ хозяиномъ, я вышелъ изъ избы. Замѣчу здѣсь мимоходомъ, передній уголъ въ степныхъ губерніяхъ находится въ углу, ближайшемъ ко входной двери, а печь въ дальнемъ; здѣсь наоборотъ: печь у двери, а образа стоятъ въ дальнемъ углу. Въ степныхъ губерніяхъ спятъ на веретьяхъ *) или дерюгахъ **), а здѣсь почти у каждаго есть сѣнникъ, т. е. большой мѣшокъ, набитый сѣномъ. Повидимому, должно бы быть на оборотъ: въ степныхъ губерніяхъ и сѣна больше...

Выйдя изъ избы, я пошелъ къ Большому озеру; по одну его сторону было яровое поле, а по другую парина, которую мѣстами пахали подъ рожь.

— Помогай Богъ! сказалъ я, подойдя къ одному пахарю.

— Милости просимъ! отвѣчалъ мужикъ, поклонясь мнѣ.

— Какъ мнѣ пройти къ Большому озеру?

— Да тамъ занятнаго ничего нѣтъ, сказалъ онъ, показавъ сперва дорогу: кругомъ лядина, болото, а посередь—озеро.

— Много въ озерѣ рыбы?

— Какое много! ставятъ вейтеря; и въ вейтерь ***) другой разъ не попадается; а попадется, такъ все одинъ карась, такъ вершка по полтора, не больше. Да мы рыбой и не занимаемся; вотъ землю орать наше дѣло; хорошенько взорешь такъ, чтобъ *челюзны* ****) не было, такъ и хлѣбъ будетъ...

Въ концѣ поля я нашелъ срубленныя деревья, которыя будутъ жечь весной, а за ними болото, поросшее мелкимъ лѣсомъ; деревья, болѣе крупныя вершка въ 3—4 при корнѣ, или засохли совсѣмъ, или еще засыхали, а ель и сосна блекли и незамѣтно, безъ всякихъ видимыхъ признаковъ, теряли жизнь; на березѣ сперва лупилась береста, потомъ кора и береста пропадала. Въ этомъ лѣску ходили лошади, съ колокольцами *****) на шеѣ безъ всякаго присмотра, несмотря на то, что часто слышите про волковъ: тамъ волкъ

*) Грубая ткань изъ пеньки.

**) Тоже.

***) Вейтерь, вентерь—корзина изъ прутьевъ, съ узкимъ горломъ, въ которое рыба войдя, уже не можетъ выйдти.

****) Челюзна, огрѣхъ—незапаханная полоса земли, по ошибкѣ пропущенная.

*****) Колокольцы дѣлаютъ, большею частію, изъ желѣза, овальной формы. *Авт.*

зарѣзалъ овцу, тамъ — двухъ коровъ, тамъ — лошадь; но все—Богъ, и—надѣясь на него, мужики смѣло пускаютъ лошадей и скотъ безъ пастуха. Я пошелъ дальше и пришелъ къ озеру, — мѣсто совершенно уединенное: никакого звука не слышно было, кромѣ звука журавлей, которые здѣсь водятся въ изобиліи; ихъ не ѣдятъ, а потому и не трогаютъ, развѣ дѣти, когда найдутъ молодого журавля или, найдя гнѣздо, вынутъ яица. Во многихъ мѣстахъ на озерѣ плавали дикія утки, а поправѣе отъ берега виднѣлся челнъ *)...

22 августа, Богуславъ.

Вчера отъ У*.... я пошелъ къ Устюжнѣ, а потомъ повернулся къ Весьегонску; дорога вездѣ одна и таже, виды все тѣже: почти вездѣ болота, покрытыя мелкимъ лѣсомъ, пустоши, **) заросшія такимъ же лѣсомъ, частію подрубленнымъ подъ расчистки для посѣва на будущее лѣто. Изрѣдка попадается пустошь, покрытая жидкимъ какимъ нибудь ячменемъ, овсомъ, а вдали то тамъ, то тамъ дымъ: въ одномъ мѣстѣ болото ***) горитъ, въ другомъ ледина ****), а тамъ и строевой лѣсъ, что, впрочемъ, не считается лѣснымъ пожаромъ. Кто не видалъ, какъ здѣшній народъ смотритъ на лѣсъ, тому едвали будетъ понятно такое пренебреженіе къ лѣсу; если горитъ болото или ледина, на это рѣшительно никто не обращаетъ никакого вниманія.

— Отчего вы, братцы, не гасите болота? спрашивалъ я: вѣдь вы на этомъ болотѣ сѣно косите, а на горѣломъ болотѣ трава не растетъ.

— Какая тамъ трава! обыкновенно отвѣчали мнѣ: болото сгоритъ, пойдетъ ивнякъ.

— Такъ что же вы не гасите?

— Когда за этимъ возиться! Пойдутъ скоро дожди, землю-то промочатъ и болото погаснетъ.

Съ лединами тоже самое, хоть тотъ же самый вредъ, потому что когда ледину выжигаютъ для посѣва, то лѣсъ срубаютъ и тогда перегораетъ только извѣстный нужный слой земли и остается зола, которая служитъ удобреніемъ, а при пожарѣ ледины, земля выгораетъ очень глубоко и какъ

---

*) Челны дѣлаютъ изъ двухъ бревенъ; берутъ два бревна вершковъ 5 въ діаметрѣ и въ сажень длиною, долбятъ ихъ на подобіе корытъ и потомъ связываютъ; въ нихъ ѣздятъ стоя, становясь въ оба корыта.

**) Пустошью называются дальнія поля, которыя не унавоживаютъ; сдѣлавъ нѣсколько посѣвовъ, ихъ оставляютъ до тѣхъ поръ, пока на нихъ не выростетъ лѣсъ, который жгутъ и тогда опять сѣютъ.

***) Здѣшнія болота почти всегда покрыты мелкимъ лѣсомъ.

****) Ледина пустошь, покрытая мелкимъ лѣсомъ, удобная для посѣва. *Авт.*

горятъ одни коренья, деревья же только валятся на землю, то выгорѣвшая лядина остается совершенно никуда негодной землей.

Строевой лѣсъ начинаютъ гасить, когда пожаръ уже принимаетъ значительные размѣры или когда загорается казенный лѣсъ. Тогда нельзя не гасить, начальство приказываетъ.

Я хотѣлъ было пробраться дальше къ Вологдѣ, но рѣшительно не могъ: ни лихорадка, ни обстоятельства не позволили мнѣ пускаться вдаль и я рѣшился воротиться въ Питеръ только другой дорогой, почему пошелъ не на Боровичи, а на Весьегонскъ.

Невицы, Весьегонскаго уѣзда, 23 августа.

— Чтожъ, мало нажалъ? спросилъ я, близъ Сторожкова, жавшаго рожь у самой дороги.

— Лишь-то пришелъ, отвѣчалъ тотъ, приподнимая шапку, лишь-то пришелъ!

Я присѣлъ на дорогѣ, закурилъ папироску; мужикъ сѣлъ подлѣ меня и мы разговорились. Онъ сталъ разсказывать про своего барина.

— Нашъ баринъ, говорилъ онъ, большой баринъ; въ Питерѣ живетъ; одного жалованья отъ Царя, братецъ ты мой, одного жалованья идетъ нашему барину въ мѣсяцъ 25,000 руб., а ты самъ знаешь, на такомъ мѣстѣ съ другихъ сторонъ сколько наплыветъ!.. Такъ вотъ ты и считай! А самъ онъ ничего не дѣлаетъ: пятьдесятъ человѣкъ.... а всѣ тѣ 50 человѣкъ — господа! Такъ вотъ они то все и пишутъ.... Унасъ здѣсь по деревнямъ говорятъ: «Въ Питерѣ не знаютъ, чѣмъ его ужъ и награждать, барина то нашего: всѣ чины произошелъ»!

Послѣ я узналъ, что его баринъ точно живетъ въ Питерѣ, что онъ статскій совѣтникъ; сколько онъ жалованья получаетъ, я не знаю, но мнѣ кажется, если въ Питерѣ подумаютъ, чѣмъ его награждать, то, можетъ быть, и найдутъ.

Странное дѣло! наши крестьяне рѣдко отзываются съ большимъ жаромъ о своихъ прямыхъ отношеніяхъ къ помѣщику, а любятъ похвастаться, что ихъ баринъ — графъ такой-то, князь такой-то, или что ихъ баринъ всѣ чины превзошелъ!..

Поговоривъ объ этомъ баринѣ,—я пошелъ дальше и остановился немного отдохнуть у знакомаго уже мнѣ священника, въ погостѣ Николы, и отъ него услыхалъ слѣдующее преданіе:

Когда Иванъ Грозный взялъ Казань, то сталъ выводить оттуда татаръ, нѣкоторыхъ перевелъ въ Вологду, и желая ихъ совсѣмъ перевесть, заставилъ ихъ копать каналъ, чтобъ пустить воду изъ ручья, за 4½ версты въ Вологду; но татары, полагать надо, были инженеры плохіе: каналъ то-они

прорыть—прорыли, только вода шла не изъ ручья въ р. Вологду, а Вологда пошла въ ручей. Этотъ каналъ называется Золотухой.

Отъ погоста Николы верстахъ въ двухъ начинается Тверская губернія, и отецъ Василій, проводя меня до границы, простился со мною. Мѣстность сперва было показалась другою: поля какъ-то больше, горизонтъ шире, но это только сначала; дальше опять то же, что и сзади; тѣ же полоски, шириною аршина въ $1^1/_2$ выбѣгали изъ лединъ, тѣ же ледины, тѣ же загороди.

— Помогай Богъ! поздоровался я съ пахавшимъ мужикомъ, который выѣзжалъ съ полосы на дорогу очистить соху.

— Милости просимъ! отвѣчалъ тотъ, обивая прилипшую къ сохѣ землю.

— Что рано посѣялъ?

— Ранній сѣвъ къ позднему не ходитъ въ засѣкъ: знаешь пословицу? говорилъ мужикъ ухмыляясь; а и гдѣ рано? Другіе много уже посѣяли.

Я присѣлъ; мужикъ, вѣрно, обрадовавшись случаю покалякать съ посторроннимъ, пересталъ пахать.

— Скажи, Христа ради, спросилъ я: какая тамъ вдали виднѣется деревня?

— А вотъ это? Невицы! отвѣчалъ тотъ: Невицы, а все Пушковщиной прозывается; на 15 верстъ все Пушковщина, всѣ деревни—все Пушковщина; по тому самому и мы пушкари!

— Отчего же такое прозвище?

— А вотъ отчего: былъ царь императоръ Павелъ первый... еще и дѣдовъ нашихъ не было на свѣтѣ; можетъ, при отцахъ-то нашихъ дѣдовъ жилъ императоръ Павелъ I, а при немъ былъ нашимъ бариномъ Мусинъ-Пушкинъ. За какую-то заслугу царь любилъ того Пушкина. Пушкинъ и говоритъ разъ царю: «сдѣлай, царское величество, божескую милость:—обмѣняй ты мнѣ: я тебѣ отдамъ всю мою Пушковщину, а ты мнѣ дай Лысково».. Лысково-село такое есть на низу, на Волгѣ... «Возьми, говоритъ царь; только дуракъ ты, скажу я тебѣ, Пушкинъ: попроси ты у меня Лысково такъ, я отдалъ бы и такъ, а теперь давай Пушковщину въ обмѣнъ». Пушкинъ взялъ Лысково, а намъ сказана воля.

— О чемъ болтаете? послышался сзади голосъ.

Я оглянулся: облокотясь на загородь, стоялъ старикъ, шедшій, вѣрно, съ работы.

— А! это ты, Ѳедоръ Ѳомичъ! крикнулъ разсказщикъ, вотъ человѣкъ спрашиваетъ, за что мы пушкарями прозываемся?

— Царь императоръ Павелъ I, дай Богъ ему вѣчную память, объявилъ насъ вольными, сказалъ пришедшій.

— Я говорилъ ему тоже, что при царѣ Павлѣ; дѣды еще не помнятъ...

— Ну, это ты совралъ, перебилъ его пришедшій: я помню, моя матка на барщину ходила.

— А вотъ что царь Павелъ здѣсь отродясь никогда не бывалъ, такъ это

точно что не бывалъ, продолжалъ Θедоръ Θомичъ: да не то, что царь Павелъ, а, опричь царя Петра, ни одинъ царь не былъ.

— А царь Петръ былъ?

— Петръ былъ.

— А давно?

— Тотъ за дѣдовъ былъ! того никто и не помнитъ; въ ту пору канаву копали; такъ онъ часто изъ Москвы на канаву въ Питеръ ѣздилъ, а дорога-то шла на Волочокъ (Вышній) и на Весь (Весьегонскъ); такъ, значитъ, и здѣсь проходила дорога.

— Долго копали канаву?

— Про то не знаю и врать не хочу, отвѣчалъ старикъ, а только народу много загубили; сколько денегъ потратили, и сказать нельзя!..

— Старики говорятъ, перебилъ мой первый знакомый: старики говорятъ, у канавы одинъ берегъ—мѣшки съ деньгами, а другой—головы человѣческія.

— Это только такъ говорится, возразилъ старикъ, а дѣло было не такъ; берегъ—мѣшки съ деньгами, это значитъ: денегъ столько истратили; другой берегъ—головы человѣческія, это значитъ: народу столько на канавѣ перемерло.

— А еще говорятъ: откупщики понастроили кабаковъ, такъ въ тѣхъ кабакахъ столько денегъ пропито! а вино-то было дурное, отъ того вина и народъ такъ вымиралъ.

— А про грознаго царя Ивана не слыхалъ ты? спросилъ я старика.

— Про грознаго царя не слыхалъ, нѣтъ! отвѣчалъ старикъ а про Пугачева слышалъ.

— Что же ты про него слышалъ?

— Сильный былъ воитель; только онъ здѣсь не былъ, не заходилъ сюда.

— Однако мнѣ пора опять за работу, сказалъ пахарь: дай Богъ вамъ путь!

— Спасибо! отвѣчалъ мужикъ: доори, а мы пойдемъ своей дорогой.

Въ Невицахъ я попросился переночевать въ первой попавшейся мнѣ избѣ; женщина лѣтъ сорока съ словами: «милости просимъ!» отворила дверь и я вошелъ въ избу.

— Что, родимый, чай странному человѣку и поѣсть можно? чай проголодался?

— Да, матушка, дай чего нибудь поѣсть!

— Ныньче я картоши (картофель) *) варила; погоди, я тебѣ въ чашечку налью.

Послѣ картошей, хозяйка мнѣ дала морошки съ молокомъ. Это кушанье приготовляется такъ: кладутъ морошку въ горшокъ, ставятъ въ печь и когда ягоды довольно упрѣютъ, протираютъ ихъ чрезъ рѣшето; морса этого оставляютъ и на зиму ведра по три и по четыре.

---

*) Картофель еще называютъ земляными яблоками. *Авт.*

— Сколько жь тебѣ, хозяюшка денегъ надо? спросилъ я хозяйку, вставая изъ за ужина.

— А за что же деньги, родной?

— Какъ за что? за ужинъ?

— И родимый! Богъ съ тобой! картошки свои, молочко свое; ягодъ Богъ пока много зародилъ; за что-же брать-то? И то сказать: какъ же я возьму деньги съ страннаго человѣка?

— Да у меня деньги есть...

— И не говори этого! а коли у тебя есть, такъ поставь Богу свѣчку, вотъ и все!—А куда Богъ несетъ? круто поворотила баба, чтобъ покончить непріятный для нея разговоръ.

Поутру опять хозяйка меня накормила и опять не взяла никакой платы.

— Какъ мнѣ пройти въ Нефедьево? спросилъ я хозяйку, сказавъ ей спасибо за завтракъ.

— А вотъ ты спроси у моего мальца! отвѣчала она: онъ у насъ знаетъ, а я тебѣ на скажу.

— Онъ же почемъ знаетъ?

— Онъ ходилъ со слѣпенькимъ, такъ всѣ мѣста знаетъ; слѣпой-такой богатый; и добро-бы хорошо стихи пѣлъ, а то Лазаря, да Егорья, вотъ и все; а много собираетъ! Моему парнишкѣ отъ Николы вешняго до десяти дней послѣ Петрова дня цѣлковый по уговору заплатилъ; одному слѣпому ходить нельзя, такъ слѣпой поводыря нанимаетъ.

23-го августа, Нефедьево.

— Сколько верстъ отсюда до Вышняго Волочка? спросилъ я, выйдя изъ Невицъ.

— Извѣстно дѣло! отвѣчалъ мнѣ мужикъ, котораго я спрашивалъ: малый ребенокъ тебѣ скажетъ: до Волочка сто восемьдесятъ верстъ будетъ; это вѣрно!

— Какъ же мнѣ около самой Устюжны говорили, что до Вышняго Волочка считается отъ Устюжны сто восемьдесятъ верстъ?

— Это все равно, что отъ Устюжны, что отъ насъ, отъ Невицъ, — все тѣже сто восемьдесятъ верстъ!

— Да вѣдь изъ Устюжны въ Волочокъ надо идти на Нефедьево?

— На Нефедьево!

— Какъ же такъ, и отъ Устюжны и отъ Невицъ все сто восемьдесятъ верстъ? Вѣдь до Невицъ надо пройти...

— Пройдешь еще верстъ сорокъ, перебилъ меня мужикъ, тамъ тебѣ меньше пойдетъ.

— Какъ? а то будетъ все сто восемьдесятъ?

— Все будетъ сто восемьдесятъ.

— Это что-то хитро!

— А правду тебѣ сказать: кто здѣсь мѣрялъ дорогу? Никто! Мѣряла баба клюкой, да и махнула рукой: быть тутъ сто верстъ!.. Вотъ и тутъ тоже.

Кто ѣзжалъ по проселочнымъ дорогамъ, тому этотъ разговоръ не покажется невѣроятнымъ; спрашиваете вы: сколько верстъ до такого-то мѣста? «Верстъ будетъ 10, да и того не будетъ», отвѣтятъ вамъ. Вы проѣдете верстъ пять и опять спрашиваете, сколько осталось? «Верстъ 15, а то еще и больше»! получите совершенно неожиданно въ отвѣтъ; иногда верстъ не опредѣляютъ, а скажутъ вамъ: «Близко! проѣдешь болото, да два поля, да двѣ пустошки, да лѣску немножко—вотъ тутъ тебѣ и будетъ!» Но мнѣ отъ русскихъ, собственно русскихъ, не случалось слышать, на разстояніи ста верстъ, одного и того же отвѣта—180 верстъ.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ я, пошапковавшись, лежащаго у дороги пастуха, сколько верстъ до Волочка? Мнѣ отъ самой Устюжны говорятъ: сто восемьдесятъ верстъ; скоро-ли будетъ меньше?

— Да ты кого спрашивалъ?

— Кто попадется, того и спрашивалъ.

— Да кого: русскаго или корелу?

— И русскихъ, и корелу.

— Нѣтъ, русскихъ ты не спрашивалъ; вѣрно, одну корелу; корела—та не знаетъ; корела сидитъ дома; корела землю оретъ, вотъ и все! а нашъ братъ русскій всегда кругомъ ходитъ; стало знаетъ; и въ Питеръ ходитъ, и въ Боровичи, и въ Волочокъ, на барки, значитъ.

— Сколько же верстъ до Волочка?

— Самъ я не ходилъ на Волочокъ, а люди говорятъ, что до Устюжны, что до Волочка, что до Боровичей—сто восемьдесятъ верстъ; все равно тѣ же сто восемьдесятъ верстъ.

— Ну, а отсюда?

— И отсюда, говорятъ, что до Волочка, что до Боровичей все-таки сто восемьдесятъ верстъ.

— И ты, какъ корела, дома сидишь?

— Нѣтъ, прошлый годъ ходилъ къ большому Соловецкому... маленькій-то у насъ и дома есть,—приходъ у насъ Соловецкій... Такъ ходилъ я къ большому Соловецкому на море; братъ былъ боленъ, Богу обѣтъ далъ, сходить къ большому Соловецкому; обѣтъ-то далъ, да и померъ, не сходивши къ чудотворцамъ; пришла весна, я и говорю старикамъ: «Ищите себѣ на это лѣто другаго пастуха, а я пойду Богу молиться». Ну, и сходилъ за брата на море къ большому Соловецкому.

— А то ты всегда въ пастухахъ?

— Всегда въ Сушигорицахъ пастухомъ живу, у *царяднова* *) ночую и

---

*) Очереднаго. *Авт.*

ужинаю; обѣдать не обѣдаю: возьмешь съ собою хлѣбца, соли, да тѣмъ и пробавляешься, еще хорошо, коли вода близко, а то просто замучаешься!...

— Работа пастуху, кажется, небольшая?

— Какъ, братецъ ты мой, работа небольшая, дождь, *сиверà*, а ты все въ полѣ, да въ полѣ!.. А то еще волки одолѣваютъ: вотъ третьяго дня трехъ коровъ зарѣзали; погналъ я стадо домой, а три коровы за кусты зашли; мнѣ и не въ примѣту; тамъ онѣ остались, такъ и пропали!

— Кто же за нихъ отвѣчать будетъ?

— А кому отвѣчать? никто не отвѣчаетъ!

Коровы очень разбрелись, пастухъ схватилъ берестовую трубу, аршина въ два длиною, затрубилъ въ нее и коровы опять стали собираться къ кучу, не смотря на то, что отъ музыки моего новаго пріятеля скорѣе можно было разбѣжаться: арія, которую онъ разыгрывалъ на своемъ инструментѣ, была немногимъ хуже арій доѣзжачихъ, когда тѣ скликаютъ изъ лѣсу или изъ острова собакъ.

— Отчего ты только трубишь? спросилъ я, ты бы лучше какую нибудь пѣсню игралъ.

— У насъ здѣсь не умѣютъ играть, только трубятъ; вотъ подъ Москвою, такъ тѣ ужъ какъ тебѣ играютъ-то, какъ играютъ! Я ходилъ Богу молиться, а здѣсь былъ пастухъ изъ подъ Москвы; слышалъ я, хорошо играетъ!... Только на другой годъ не остался; съ волкомъ не справился, волкъ одолѣлъ!

— Какъ же ты справляешься?

— Я привыченъ, а къ осени и я одинъ не справлюсь, подпаска даютъ, съ царяднова двора мальчишку даютъ для того, что къ осени волкъ больно смѣлъ бываетъ.

IV.

ИЗЪ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Орелъ, 30-го марта, 1861 г.

Городъ Орелъ, какъ извѣстно, построенъ очень недавно. Не свѣряясь съ лѣтописями,—да это и не подходитъ къ моей задачѣ,—я разскажу исторію города Орла по здѣшнимъ изустнымъ сказаніямъ; впрочемъ, у насъ есть подъ руками «Исторія города Орла», написанная здѣшнимъ мѣщаниномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Басовымъ въ 1837 году, а какъ она составлена тоже по изустнымъ преданіямъ, то я буду пользоваться и этою «исторіею».

По преданіямъ, до временъ Ивана Грознаго за литовскими набѣгами, до самой Орлы (Орешка), никакихъ поселеній не было; а какъ Грозный сталъ строить много городовъ, то по благословенію московскаго митрополита Макарія *Богослова*, въ 1565 году былъ построенъ и Орелъ. Говорятъ, что при впаденіи рѣки Орлика въ Оку, на правомъ берегу Орлика, гдѣ теперь стоитъ церковь Богоявленія, росъ большой дубъ, а на томъ дубѣ водились Орлы; поэтому рѣка назвалась Орлой, а городъ Орломъ. Едва городъ сталъ населяться, какъ наступили смуты: явились самозванцы. Въ исторіи Басова объ этомъ времени такъ сказано: «*Грѣхъ ради нашихъ, по напущенію Божію, былъ гладъ въ Россіи три лѣта; въ то время появился въ польскомъ королевствѣ самозванецъ, по имени Гришка Отрепьевъ, назвался царевичемъ Дмитріемъ, и обольстилъ короля и вельможъ, которые ему, Отрепьеву, и повѣрили, и далъ ему король войска...*»

Самозванецъ Гришка Отрепьевъ, или Гришка-Разстрижка, какъ зоветъ

его народъ, съ королевскимъ войскомъ пошелъ на Москву и въ Брянскѣ былъ встрѣченъ царскимъ войскомъ; но царское войско, вмѣсто отпора, цѣловало крестъ Гришкѣ-Разстрижкѣ. И стало у Разстрижки много войска: всѣ войска съ двухъ царствъ—со всего царства русскаго и со всего королевства польскаго. Сталъ Гришка-Разстрижка въ Брянскѣ и послалъ, какъ и заправскіе царскіе указы и въ Москву, и въ Тулу, и въ Рязань, и въ Калугу, и въ *Орловское Городище*; а указъ написалъ такой: «всѣ знай: я Гришка-Разстрижка — царевичъ Дмитрій, а Борисъ Годуновъ, всѣхъ бояръ, народъ надулъ! Онъ самозванецъ, а я настоящій царь», и всѣ города во всей *Россіи* цѣловали Разстрижкѣ крестъ; только одинъ городъ—Орловское городище, не сталъ цѣловать ему креста: для того,—царскій братъ родной Иванъ Өедоровичъ Годуновъ былъ здѣсь воеводою; онъ и укрѣпилъ народъ здѣшній своему брату царю Борису Годунову. Тогда Гришка со всѣми своими полками бросился на Орелъ и всѣхъ гражданъ казнилъ и перевѣшалъ, а которые остались въ живыхъ, тѣхъ разослалъ по разнымъ городамъ *).

Послѣ того Гришка пошелъ на Москву; на Москвѣ сперва-наперво онъ всѣхъ прельстилъ; ну, да скоро дознались до подлиннаго, что Разстрижка точно Разстрижка, а не Дмитрій царевичъ; какъ скоро признали его Гришкой-Разстрижкой, такъ и убили его шельмеца, какъ собаку.

Убили Гришку, проявился другой самозванецъ, Петрушка **) Болотниковъ; этотъ Петрушка Болотниковъ собралъ шайку бродягъ, всякой сволочи, къ нему пристали и бояре... только не всѣ, а много таки бояръ пристало; тогда Петрушка Болотниковъ бросился на Орелъ, и сталъ изъ Орла указы посылать; а когда не стали тѣхъ указовъ слушать, онъ перешелъ въ Калугу, *гдѣ и убіенъ бысть*, и вся та сволочь, татары, какіе съ нимъ были, крымскіе, ногайскіе, бросились по разнымъ городамъ и стали города жечь, и Орелъ городъ весь выжгли до послѣдняго двора.

Послѣ всего этого, выбранъ былъ царемъ на русское царство Михайло Өедоровичъ Романовъ; а поляковъ изъ Москвы выгонять стали, тѣ бросились къ Орлу и остановились по рѣкѣ Орлицѣ, на Царскомъ Броду; тогда царь Михайло послалъ на нихъ князя Пожарскаго и гражданина Минина, которые ихъ выбили на кромскую дорогу, а потомъ послали ихъ къ Окѣ. Поляки отошли къ тому мѣсту, гдѣ рѣка Цанъ впадаетъ въ Оку, верстъ за 10 отъ Орла, и построили себѣ городокъ; этотъ городокъ и теперь виденъ, прозывается онъ Лисовскимъ курганомъ; ну, только князь Пожарскій и оттуда ихъ выгналъ и они бросились къ Кромамъ. Тамъ ихъ отбилъ воевода и въ Кромы не пустилъ; поляки—къ Болхову, и тамъ ихъ дѣло не подошло; они побѣжали къ городу Бѣлеву, тамъ ихъ князь Пожарскій и гражданинъ Мининъ и порѣшили!

---

*) Въ исторіи г. Басова сказано: что это было въ 1602 году, и хоть ему сказывалъ столѣтній старецъ за вѣрное, но должно быть ошибся: самозванецъ появился въ московскомъ царствѣ только въ октябрѣ 1604 года.

**) Болотникова, сподвижника втораго самозванца, звали Иваномъ. *Авт.*

Когда поляковъ не стало, народъ весь усмирился; царь Михайло, благословясь у своего роднаго батюшки Филарета Никитича, патріарха московскаго, приказалъ срубить въ память убіенныхъ деревянную церковь во имя Введенія Божіей матери *), и въ 1636 году срубили церковь уже на лѣвомъ берегу Орлика и стали опять строить городъ; сперва, говорятъ, было только пять *дворцовъ* **), и всѣ пять избушекъ стояли лицомъ къ рѣкѣ Орлику, а на старомъ мѣстѣ были огороды и виднѣлись кое-гдѣ отъ стараго города развалины.

Городъ сталъ строиться на правомъ берегу Орлика; съ полверсты выше стараго мѣста были построены воеводскія палаты и соборная церковь; на правомъ берегу Оки почти не было строеній, и въ концѣ Ильинки ***) или на Новосельской улицѣ стоялъ глаголь (Г), на этомъ глаголѣ людей вѣшали; на этомъ мѣстѣ въ настоящее время, какъ говорятъ, 3-й части съѣзжій домъ стоитъ и питейная контора; но только или было нѣсколько глаголей, или онъ переносился на разныя мѣста; такъ, Басову разсказывала старуха, что «*житель города Орла Иванъ Өедоровичъ, за разные его нехорошіе поступки и за бродяжничество, и тутъ же за воровство, былъ повѣшенъ на глаголь; глаголь стоялъ за Орликомъ* (на лѣвомъ берегу Орлика), *гдѣ теперь старый Окуловъ домъ.*»

— Мы стояли, говорила старуха:—съ этой стороны (на правой) у самаго берега и все было видно; да и тѣнь-то въ водѣ видна была; все было видно: какъ рвался то, какъ метался, какъ кричалъ... а повѣсили его за ребра.

— А давно это было?

— А какъ придти Пугачеву, передъ тѣмъ временемъ: передъ самой пугачевщиной; тогда за царя была у насъ царица Катерина Алексѣевна. Еще должно сказать, что около Никитской церкви, среди лѣсу, стоялъ убогій домъ, куда зимой сносили мертвыхъ изъ бѣдныхъ семействъ, гдѣ они лежали до вторника Өоминой недѣли; въ этотъ день сходился народъ изъ города и изъ деревни, торжественно хоронили всѣхъ, и въ этотъ день, по разсказамъ стариковъ, бывала значительная ярмарка.

О постройкахъ церквей, часовенъ, воеводскихъ домовъ, я говорить не буду; я думаю для читателей, незнающихъ положенія Орла, это незанимательно; да и для самихъ жителей орловскихъ это описаніе лишено-бы было большей части интереса, такъ какъ нынѣшній Орелъ *по плану произведенъ*, всѣ улицы перемѣнились, зданія, церкви перенесены на другія мѣста, и на бывшій, только что рождавшійся Орелъ, совсѣмъ не походитъ, а потому я разскажу нѣсколько историческихъ воспоминаній города Орла.

Изъ историческихъ лицъ здѣсь болѣе всѣхъ помнятъ Петра Перваго,

---

*) При этой церкви былъ послѣ женскій монастырь, который теперь переведенъ къ церкви Рождества Богородицы.

**) Уменьшительное отъ слова *дворъ*, то-есть *дворишко*.

***) Площадь, на которой теперь базаръ. *Авт.*

разсказываютъ, что онъ проѣзжалъ черезъ Орелъ; черезъ Оку его перевозили на паромѣ (тогда моста на Окѣ во все лѣто не строили).

Сперва перевозили самого императора, а тамъ поѣхали за его бричкой что ли, коляской ли,—не знаю, какъ назвать, такъ говорилъ мнѣ батюшка; бричечка безъ рессоръ, говорилъ мнѣ одинъ старикъ. Пока привезли царскую коляску съ того берега, царь стоялъ на этомъ берегу, и царю поднесли вмѣсто хлѣба-соли—блюдо малины; и стоялъ онъ на берегу, говорятъ, такой суровый, строгій.

Замѣчательно, что Петръ Первый здѣшнимъ народомъ прилагается, часто вовсе не къ мѣсту, ко многимъ пѣснямъ, даже и не историческимъ; такъ въ пѣсни о смерти генерала здѣсь поютъ:

Царя Бѣлаго гусары
Петра Перваго...

Или про татарскій полонъ:

Отпусти меня
На святую Русь,
Въ свою сторону,
Къ императору
Къ Петру Первому.

Собственно же пѣсенъ, относящихся къ Петру Первому, ни въ Орлѣ, ни въ Орловской губерніи, я не слыхалъ ни одной, хотя и помнятъ его; такъ, о вышеописанномъ проѣздѣ его черезъ Орелъ разсказываютъ, что Петръ ѣхалъ на *Преславное Полтавское* сраженіе; основаніе Пушкарской и Стрѣлецкой слободъ также приписываютъ (что и достовѣрно) петровскимъ преобразованіямъ, впрочемъ мало уважая эти преобразованія. Разсказываютъ, что пушкари московскіе забунтовали противъ Петра, Петръ и велѣлъ ихъ переселить по разнымъ городамъ; которыхъ прислали въ Орелъ, тѣхъ поселили особой слободой, и стала та слобода прозываться Пушкарской; послѣ дознался Петръ, что съ пушкарями вмѣстѣ за одно были и стрѣльцы; онъ и стрѣльцовъ разбилъ по разнымъ тоже городамъ; переселенные въ Орелъ—поставили подъ Орломъ Стрѣлецкую слободу.

Въ прежнее время, да не такъ еще давно, кругомъ всего города Орла стоялъ лѣсъ, только за Богоявленіемъ и сѣяли хлѣба, а то все лѣсъ; старики, которые есть еще, помнятъ здѣшніе лѣса, помнятъ и жителей тѣхъ лѣсовъ—страшныхъ разбойниковъ. Про злодѣйства ихъ и теперь разсказываютъ со страхомъ.

— Здѣсь кругомъ верстъ на сто, а то и на другое сто—все лѣса были, говорилъ мнѣ здѣшній старожилъ:—лѣса были дремучіе, а въ тѣхъ лѣсахъ

не столько звѣря было дикаго, сколько разбойниковъ. Недаромъ орловцевъ зовутъ «промышленныя головы», а то и другая поговорка есть: «Орелъ да Кромы,—старинные воры; Ливны всѣмъ ворамъ дивны; Елецъ всѣмъ ворамъ отецъ; да и Карачевъ на поддачу!».. Вотъ, слыхалъ ты, къ примѣру взять, Рытикъ Ѳедька—чего чего онъ ни дѣлалъ! Поймаютъ его, засадятъ въ острогъ, скуютъ руки ему, ноги, а онъ напишетъ угольками на стѣнѣ лодку, плеснетъ на лодку водой, сядетъ въ лодку со всѣми острожными, да и поплыветъ куда ему надо! Сколько разъ его ловили, сколько разъ онъ пропадетъ, да и пропадетъ изъ острога! Насилу догадались: какъ попроситъ пить, такъ дадутъ квасу, а воды хоть распросись — ни ложки... ну, и извели. А то еще былъ Кудеяръ; этотъ, гдѣ-гдѣ не разбойничалъ: и къ Калугѣ, и къ Тулѣ, и къ Рязани, и къ Ельцу, и къ Воронежу, и къ Смоленску — вездѣ побывалъ, вездѣ свои станы разставлялъ, и много кладовъ позарылъ въ землю, да все съ проклятіями: страшный колдунъ былъ. И какою поганой силой владѣлъ: раскинетъ на берегу рѣчки, озера, такъ какого ручья, раскинетъ полушубокъ или свиту, и ляжетъ спать; однимъ глазомъ спитъ, другимъ сторожитъ, нѣтъ ли погони гдѣ; правый глазъ заснулъ, лѣвый сторожитъ: а тамъ лѣвый спи, правый сторожи,—такъ въ перемѣну; а какъ завидитъ гдѣ сыщиковъ, вскочитъ на ноги, броситъ на воду полушубокъ, на чемъ спалъ, и станетъ тотъ полушубокъ не полушубокъ, а лодка съ веслами; сядетъ Кудеяръ въ ту лодку и поминай какъ звали... Такъ и издохъ своей смертью,—никакъ изловить его не могли, какъ тамъ ни старались.

— Давно онъ жилъ?

— Давно! Видишь ты: въ Брянскѣ прошла Десна рѣка, за Брянскомъ дальше Десна рѣка, до Кудеяра все прямо текла, а при Кудеярѣ луку дала.

— Какъ луку дала?

— А вотъ, какъ: сперва шла прямо, *а послѣ* крюкомъ пошла, крюкомъ выгнулась.

— Отчего же Десна луку дала?

— Вотъ отчего: на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лука, былъ дремучій лѣсъ, и въ томъ лѣсу Кудеяръ притонъ имѣлъ, а въ томъ лѣсу на самомъ берегу на Деснѣ стоялъ дворишко, или два, — такъ выселочекъ небольшой. Въ этомъ выселкѣ жилъ мужикъ степенный, мужикъ настоящій, и велъ онъ порядки по-Божьи: людей не забижалъ, дурными дѣлами не занимался, и была у него дочь прераскрасавица-красавица, и полюбилась она этому Кудеярищу-разбойнику; у хорошаго мужика дѣвка-дочь не зашалитъ, да и дѣвка-то не такая была, чтобъ прельститься на разбойника. Кудеяръ и такъ и сякъ—все его дѣло не выгораетъ! Захотѣлъ Кудеяръ дѣвку силкомъ захватить. Присмотрѣлъ онъ пору-времячко, когда отецъ съ матерью на работу что ли пошли, на крестины ли къ кому, — только во всей избѣ однимъ одна эта дѣвка осталась. Глядитъ дѣвка въ окно, видитъ, Кудеяръ въ избу идетъ; та двери на запоръ и сидитъ ни жива, ни мертва... Сталъ Кудеяръ въ двери стучаться.

— Что тебѣ надо? спрашиваетъ дѣвка: — зачѣмъ пришелъ?

— Пусти, говоритъ Кудеяръ: — надо!

— Да что надо-то?

— А мнѣ тебя надо: съ собой хочу взять, — долго я этого времени дожидалъ! Отвори скорѣй!

— Не отворю, говоритъ дѣвка:—ступай, разбойникъ этакой, ступай откуда пришелъ!

— А не хочешь волею, рыло воротишь, такъ силою заставлю полюбить!

Какъ сказалъ эти слова Кудеяръ—и сталъ двери ломать; а дѣвка, сама не своя, схватила икону Пресвятой Владычицы Богородицы, что въ переднемъ углу стояла, — схватила да въ окно и выпрыгнула, не успѣла дѣвка выскочить въ окно, какъ Кудеяръ разломалъ дверь и въ избу смотритъ, а въ избѣ никого нѣтъ. Глядь въ окно: видитъ дѣвка къ рѣчкѣ Деснѣ бѣжитъ; онъ за ней въ догонку побѣжалъ; дѣвка отъ него, онъ за ней; совсѣмъ ужь было догналъ, только дѣвка подбѣжала къ Деснѣ и стала молиться: «Матушка, Пречистая Богородица! Матушка, Десна-рѣка! не сама я тому виною,— пропадаю отъ злаго человѣка!» — Сказала тѣ слова и бросилась въ Десну-рѣку; и Десна-рѣка тотъ же часъ на томъ мѣстѣ пересохла и въ сторону пошла, луку дала, такъ-что дѣвка стала на одномъ берегу, а Кудеяръ, разбойникъ, очутился на другомъ! Такъ Кудеяръ никакого зла и не сдѣлалъ; а другіе говорятъ, что Десна какъ кинулась въ сторону, такъ волною-то самого Кудеяра захватила да и утопила.

— А еще про старинныхъ разбойниковъ—про кого народъ здѣсь не разсказываетъ?

— Да народъ болтаетъ еще про попа Ерему.

— Что, попъ Ерема тоже былъ колдунъ?

— Нѣтъ, какъ попу можно! попъ крестомъ!

Орелъ, 2-го апрѣля.

Разсказываютъ еще про разбойниковъ Сироту, Зерина или Зельнина. Сирота звѣрства не дѣлалъ, больше мошенничалъ; его нѣсколько разъ ловили, кажется, разъ двѣнадцать, и онъ каждый разъ находилъ способы уходить изъ острога. Говорятъ, что входя, пойманный, въ судъ, онъ обращался къ судьямъ съ слѣдующею рѣчью:

«Господа судьи! вы меня поберегите, я васъ поберегу, такъ-то хорошо будетъ и вамъ и мнѣ!»

И въ самомъ дѣлѣ выходило хорошо и судьямъ и Сиротѣ; онъ указывалъ на богатыхъ мужиковъ, какъ на своихъ сообщниковъ, тѣхъ привозили въ судъ, брали съ нихъ все, что могли, потомъ сводили на очныя ставки съ Сиротой; на очныхъ ставкахъ Сирота отпирался, что онъ того человѣка знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Наконецъ онъ былъ окончательно пойманъ

и, кажется, сосланъ въ Сибирь. Разбойничалъ онъ очень недавно: лѣтъ тридцать тому назадъ, проживалъ около Липовицы лѣтъ двѣнадцать, и несмотря на то, что онъ почти ни отъ кого не скрывался, его никто не рѣшался поймать: всѣ знали, что изъ суда Сироту выпустятъ, а Сирота послѣ краснаго пѣтуха подпуститъ. Про пожаръ и вспоминать страшно; пожаръ, по поговоркѣ, хуже всякаго вора: воръ хоть стѣны оставитъ, а пожаръ и стѣнъ не оставитъ.

Сирота сложилъ пѣсню, которую и теперь можете услыхать въ Орловской губерніи. Вотъ эта пѣсня:

Сирота-ли, Сирота,
Ты сиротушка!
Сиротецъ, удалецъ
Горе — вдовкинъ сынъ.
Да ты спой, Сирота,
Съ горя пѣсенку!
— „Хорошо пѣсни пѣть,
Да побѣдавши;
Я и я ли молодецъ
Легъ не ужиналъ,
По утру рано всталъ,
Да не завтракалъ;
Да плохой былъ обѣдъ,
Коли хлѣба нѣтъ!
Нѣтъ ни хлѣба, нѣтъ ни соли,
Нѣтъ ни кислыхъ щей.
Я пойду ли, молодецъ,
Съ горя въ темный лѣсъ,
Я срублю-ли, молодецъ,
Я иголочку!
Я иголочку, я дубовую,
Да я ниточку
Я вязовую!
Хорошо иглой шить
Подъ дорогой жить:
Ужь и разъ-то я стебнулъ
Да я сто рублей,
А другой-то разъ стебнулъ
Да я тысячу.
А какъ третій разъ стебнулъ —
Казны смѣты нѣтъ!“
Сирота ты, Сирота!
Ты сиротушка,
Гдѣ твоя казна?
Во сыромъ бору
Подъ сосною;
Подъ сосною
Подъ земною!

Про Зельнина разсказываютъ, что онъ разъ зарѣзалъ женщину въ лѣсу ни за грошъ.

Шла черезъ лѣсъ беременная баба, на встрѣчу той бабѣ Зельнинъ, разбойникъ.

— Здравствуй, баба! говоритъ Зельнинъ.

— Здравствуй, батюшка.

— Узнала ты, баба, меня?

— Нѣтъ, кормилецъ, не признала.

— Я Зельнинъ!

Баба такъ и обмерла, да въ ноги.

— Батюшка! у меня ничего нѣтъ; возьми одежку, какая есть; отпусти, пожалуйста; не меня одну пустишь,—пустишь еще душу; душу, что у меня въ утробѣ: я беременна.

— Давно я искалъ беременной бабы.

— Да на что жь тебѣ, родимый, беременная баба? говоритъ, перепугавшись, та баба.

— А посмотрѣть, какъ младенецъ въ утробѣ своей матери сидитъ, какъ онъ тамъ находится.

— Батюшка! кормилецъ!...

— Да что толковать!

Хватилъ Зельнинъ бабу въ брюхо, пропоролъ животъ бабѣ, да и сталъ смотрѣть, какъ лежитъ младенецъ въ утробѣ своей матери, а на бѣду его, ѣхалъ обозъ, — ну, и застали молодца на дѣлѣ; скрутили руки назадъ, да въ острогъ!...

Приходилъ народъ въ острогъ, спрашивали у Зельнина: «какъ младенецъ во чревѣ своей матери сидитъ? Какъ онъ тамъ находится?»

— Вотъ такъ! скажетъ Зельнинъ, и скорчится: показываетъ, какъ младенецъ сидитъ; скорчится, засмѣется—и пойдутъ его корчи ломать, ломать самого Зельнина; и до самой смерти сидѣлъ Зельнинъ въ острогѣ, какъ помѣшанный. А и смерть его была не легкая: судъ присудилъ Зельнина повѣсить.

Когда сказали Зельнину, что́ судъ присудилъ, то онъ только засмѣялся, какъ будто это дѣло несбыточное.

— Ну, это еще посмотримъ, говоритъ Зельнинъ: — кто кого повѣситъ: или меня, Зельнина, палачъ Камчатниковъ, или я, Зельнинъ, того палача Камчатникова!

Въ то время палачомъ въ Орлѣ былъ орловскій мѣщанинъ Камчатниковъ. Услыхалъ Камчатниковъ про похвальбу Зельнина.

— Ну, говоритъ, посмотримъ! Богъ не выдастъ, говоритъ пословица, свинья не съѣстъ!

А зналъ Камчатниковъ, что Зельнину трехъ здоровыхъ мужиковъ на одну руку было мало... Зельнинъ силачемъ по всему городу слылъ.

Пришло время Зельнину расплачиваться за свои тяжкіе грѣхи; сперва повели его въ церковь, исповѣдали, причастили святыхъ таинъ; послѣ дали

въ руки толстую желтаго воску свѣчу и повели на висѣлицу его за большимъ карауломъ; какъ ни хвастался Зельнинъ своей силой, а пришло дѣло къ расправѣ, задрожалъ... пока дошелъ изъ церкви до висѣлицы,—всѣ руки воскомъ залилъ. Пришли къ висѣлицѣ, взвели его на рундукъ, который былъ поставленъ спереди висѣлицы... а народу собралось весь городъ: самъ воеводы пріѣхалъ смотрѣть, какъ палачъ Камчатниковъ будетъ съ Зельнинамъ поступать.

Когда взвели Зельнина на рундукъ, Камчатниковъ, не трогая еще Зельнина, закричалъ громкимъ голосомъ:

— Господинъ воевода! прикажи мнѣ надъ нимъ свою волю взять!

— Когда онъ тебѣ даденъ въ руки, отвѣчалъ воевода:—то воля твоя съ нимъ, какъ хочешь!

Тогда Камчатниковъ вынулъ изъ кармана припасенную веревочку, сложилъ Зельнину руки, ладонь къ ладони, пальцы къ пальцамъ, и перевязалъ ему пальцы по парно, потомъ надѣлъ ему на голову шнурокъ, а послѣ петлю и толкнулъ его съ рундука. Зельнинъ рванулся всей силой,—думалъ веревку перервать. Тогда былъ законъ такой: кто съ висѣлицы сорвется, тому все прощалось. Но какъ Зельнинъ ни силенъ былъ, веревки все-таки не оборвалъ; палачъ Камчатниковъ за похвальбу на него сердитъ былъ и веревку припасъ крѣпкую; такъ и кончился Зельнинъ.

Убійство матери, съ единственною цѣлію видѣть ребенка во чревѣ, приписываютъ многимъ; подобное преступленіе должно быть было сдѣлано давно и такъ поразило всѣхъ, что его приписываютъ многимъ злодѣямъ-разбойникамъ.

Орелъ, 4-го апрѣля.

Лѣтъ около ста тому назадъ, жилъ купецъ Никита Ивановичъ Давыдовъ; на дочери этого Давыдова былъ женатъ Медвѣдевъ, а у Медвѣдева въ домѣ жилъ самъ воевода; стало быть Давыдовъ былъ въ силѣ. Нанялъ онъ у купца Олябьева харчевню, въ которой самъ Олябьевъ калачи пекъ.

Приходитъ Давыдовъ рано по утру въ харчевню; Олябьевъ подрѣзалъ калачи ножомъ, хотѣлъ въ печь сажать; Давыдовъ сталъ Олябьева гнать изъ харчевни.

— Дай, говоритъ Олябьевъ:—калачи спеку, тогда сей же часъ и выйду изъ харчевни.

— Ступай, кричитъ Давыдовъ: — ступай сейчасъ! Давыдовъ сильно на воеводу надѣялся..

Слово за слово, дошло дѣло до драки; у Олябьева на бѣду былъ ножикъ, которымъ онъ калачи подрѣзалъ, и пырнулъ онъ тѣмъ ножомъ Давыдова въ животъ.

Давыдовъ бросился изъ харчевни въ тайную канцелярію къ воеводѣ; только добѣжалъ до половины дороги — упалъ; изъ окна увидала лекарка, схватила иголку и зашила Давыдову животъ; тотъ сперва пошелъ все-таки въ тайную канцелярію, показалъ воеводѣ раны и тогда уже отправился домой пѣшкомъ, а къ вечеру умеръ.

Олябьева взяли подъ караулъ.

Бургомистромъ тогда былъ Степанъ Степановичъ Кузнецовъ; человѣкъ онъ былъ великій; любилъ честь, чтобы всѣ его боялись и кланялись; когда что говоритъ, чтобы всѣ его слушали. Къ несчастію Олябьева, Кузнецовъ дослуживалъ срокъ, и на слѣдующихъ выборахъ онъ зналъ, что его не выберутъ. Народъ сталъ Кузнецову смѣяться: «вотъ ты бургомистръ, а Олябьева дѣла не могъ кончить, да и не кончишь. Не твоего ума это дѣло!...» и эти слова показались Кузнецову за великую обиду. Не долго думалъ онъ, приказалъ привести на площадь Олябьева, кликнулъ палача Ивана, онъ же Голованъ-Волокитинъ-Кореневъ, и сталъ Олябьевымъ разыскивать. Пытки тогда были разныя: какого обливали на морозѣ холодною водою, иныхъ сѣкли на перекресткахъ плетьми, инымъ крячили головы, инымъ хомутъ надѣвали; а какъ добьются правды, тогда станутъ по винѣ наказывать: кнутомъ бить, да ноздри рвать, а то и совсѣмъ повѣсятъ... Сталъ Кореневъ разыскивать Олябьевымъ: надѣли на него *хомутъ;* Олябьевъ закричалъ благимъ матомъ... разнеслось по улицамъ: «Кузнецовъ разыскиваетъ Олябьевымъ.» Одни побѣжали смотрѣть на казнь, другіе бросились къ Степану Окулову. Степанъ Окуловъ по всему Орлу за перваго силача слылъ, да и работники у него были подобраны молодецъ къ молодцу—ребята удалые... Прибѣжалъ народъ къ Окулову, кричитъ:

— Кузнецовъ на площади Олябьевымъ разыскиваетъ! Олябьевъ кричитъ не своимъ голосомъ, жалостнымъ голосомъ!

Какъ Окуловъ вскочитъ, крикнетъ своихъ работниковъ, сейчасъ прибѣжало человѣкъ 18 работниковъ, ухватили дубье, рогачи да на площадь — Олябьева отбивать. Окулову очень жалко стало Олябьева: у Окулова сердце было очень жалостливое. А тѣмъ временемъ прибѣжали на площадь къ Кузнецову сосѣди Окулова.

— Убѣгай куда, кричатъ ему:—бѣжитъ вонъ самъ Степанъ Окуловъ съ товарищами!

Бургомистръ Кузнецовъ зналъ ухватку Степана Окулова, узналъ, что тутъ придется многимъ пить смертную чашу, не сталъ дожидаться Окулова, а побѣжалъ чрезъ рѣку Оку въ бродъ, а на ту пору былъ поводокъ; прибѣжалъ онъ на дворъ къ Ивану Пастухову, да тамъ и спрятался... Увидѣлъ народъ, что бургомистръ убѣжалъ и народъ разсыпался во всѣ стороны. Палачъ Кореневъ видитъ — дѣло плохо! Самъ бѣжитъ... на площади остался одинъ Олябьевъ въ хомутѣ, безъ всякаго движенія: какъ хомутъ ему надѣли, такъ руки и вывихнулись—лопатки назадъ, такъ до смерти и ходилъ...

— Гдѣ бургомистръ? крикнулъ Окуловъ Степанъ, прибѣжавъ съ своими товарищами на площадь.

Только никто ему не отвѣтилъ: на площади народу не было, а Олябьевъ только стоналъ, а отвѣчать не могъ.

— Отыскать Кузнецова!

Товарищи Окулова бросились за Кузнецовымъ, отыскивали по всему городу, но отыскать не могли, а привели только одного палача Коренева.

— Гдѣ бургомистръ? спросилъ его Окуловъ, весь дрожа отъ ярости, замахиваясь на него дубовымъ рогачомъ.

— Не знаю, едва проговорилъ палачъ отъ страху.

Онъ думалъ, что тутъ его смертный часъ насталъ.

— Снять съ Олябьева хомутъ, сказалъ Окуловъ своимъ товарищамъ: — надо высвободить его.

Какъ ни старались товарищи, какъ ни хлопоталъ самъ Окуловъ, все-таки хомута снять не могли: станутъ снимать, Олябьевъ закричитъ, у тѣхъ и руки опустятся.

— Снимай ты! приказалъ тогда Степанъ Кореневу-палачу.

Палачъ сейчасъ же снялъ хомутъ, тогда Олябьевъ поклонился Окулову и всѣмъ его товарищамъ.

— Спасибо вамъ, сказалъ онъ:—спасибо всѣмъ вамъ, добрые люди, что не оставили меня у моего смертнаго часу!

— Не на чемъ, отвѣчалъ Окуловъ, и пошелъ домой; Олябьевъ тоже, какъ его ни измучили, а пѣшкомъ побрелъ во-свояси.

Когда выздоровѣлъ Олябьевъ, пошелъ въ Петербургъ къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, съ просьбой на бургомистра Кузнецова; царица за такой его, Кузнецова поступокъ, приказала: Кузнецова сослать въ Таганрогъ, Олябьева отъ всякаго суда освободить, да еще въ пользу его со всего суда штрафъ взять.

Сослали Кузнецова въ Таганрогъ; только онъ тамъ недолго прожилъ; вышелъ манифестъ, а по тому манифесту его вернули опять въ Орелъ, гдѣ Кузнецовъ жилъ до самой смерти своей.

— Кузнецовъ былъ сердитъ за что нибудь на Олябьева? спрашивалъ я разсказчиковъ.

— Нѣтъ, отвѣчали мнѣ:—Кузнецовъ былъ человѣкъ большой, а Олябьевъ маленькій; бургомистръ Кузнецовъ, чай, и совсѣмъ не зналъ Олябьева.

— Какъ же Кузнецовъ рѣшился, не дождавшись суда, разыскивать Олябьевымъ?

— Да такъ сдуру! порядки старые забросили, а къ новымъ еще не привыкли. Сперва такія-то дѣла на міру рѣшали; міръ, извѣстное дѣло, не ошибается: одинъ совретъ, десять человѣкъ правду скажутъ; а какъ подѣлали бургомистровъ, да поставили ихъ по городамъ, они и задумали, что бургомистръ замѣстъ цѣлаго міра дѣла рѣшать можетъ. Отъ этой-то необразованности Кузнецовъ и разыскивалъ самъ собою Олябьевымъ; ну, Кузнецова и хотѣли наказать, а міръ—какъ накажешь? Міра наказать нельзя!

Орелъ, 7-го апрѣля.

Здѣсь разсказываютъ про многихъ разбойниковъ; но замѣчательно, что народъ про нихъ вспоминаетъ съ сочувствіемъ. Сироту, Дуброву, Тришку Сибиряка, Засарина и другихъ народъ выставляетъ протестовавшими и — только; злодѣянія разбойниковъ, злодѣйства безъ цѣли, я разсказалъ всѣ, или почти что всѣ; но удалыя шутки *всѣ* разсказать довольно трудно; только въ нихъ есть *одно*: это защита слабыхъ отъ сильныхъ, бѣдныхъ отъ богатыхъ, и въ особенности господскихъ крестьянъ отъ злыхъ помѣщиковъ. Разскажу нѣсколько такихъ происшествій.

Тришкѣ Сибиряку, который жилъ тому лѣтъ 20—25-ть назадъ, разбойничалъ въ Орловской, Смоленской губерніи, и *не загубилъ ни одной христіанской души*, приписываютъ, какъ послѣднему, всѣ удалыя штуки, объ которыхъ тотъ можетъ быть и самъ не слыхивалъ, которыя сохранились въ народѣ, какъ легенды.

Услыхало начальство, что Тришка Сибирякъ разбойничаетъ и приказало его поймать во что-бы-то ни стало; кажись, какъ и не поймать: то въ томъ мѣстѣ покажется середи бѣлаго дня, то въ другомъ, да еще и скажется: «я, молъ, Тришка Сибирякъ»; а все изловить никакъ не могли!

Въ женскомъ монастырѣ былъ праздникъ; къ обѣднѣ собралось народу— полная церковь; вокругъ церкви—народъ... къ концу обѣдни монахини пошли съ кружкой на храмъ собирать, подходятъ къ какому-то купцу, тотъ и выкинулъ на тарелку 1000 руб.; обходили церковь съ кружкой, монахини сказали матери игуменьѣ, что купецъ, вонъ, стоитъ, 1000 рублей на тарелку положилъ.

— Поди, говоритъ казначеѣ мать игуменья, спроси, какъ его зовутъ; надо записать въ книгу—поминать на вѣчныя времена.

Казначея поклонилась матери игуменьѣ, подошла къ тому купцу и спрашиваетъ его:

— Матерь игуменья приказала спросить, какъ васъ зовутъ; надо васъ, за вашу добродѣтель, за святую милостыню, въ книгу записать; поминать васъ станемъ на вѣчныя времена.

— А меня, говоритъ купецъ, меня зовутъ Трифономъ, прозываюсь;— Тришка Сибирякъ.

Казначея такъ и обомлѣла.

— Какъ? какъ? говорила казначея, а сама ни жива, ни мертва стоитъ.

— Тришкой Сибирякомъ зовутъ, матушка, зовутъ Тришкой Сибирякомъ!..

Пока опомнилась казначея, пока пошла къ матери игуменьѣ, разсказала игуменьѣ, — а Тришкинъ и слѣдъ простылъ! На томъ мѣстѣ гдѣ стоялъ Тришка,—Тришки нѣтъ; бросились за нимъ изъ церкви, и тамъ невидно!... Только смотрятъ, лежитъ на паперти свита синяя, да борода какая-то! Тутъ только догадались, что у Тришки была подвязана борода; ну, какъ его

сыщешь, какъ признаешь, когда онъ бороду отвязалъ? такъ на ту пору и не нашли!...

Узналъ Тришка Сибирякъ: въ Смоленской губерніи живетъ баринъ; у этого барина — его мужикамъ житья не было; всѣхъ въ разоръ-разорилъ! Прослышалъ про того барина Тришка Сибирякъ: «надо, думаетъ, проучить хорошаго барина, безъ науки тому барину жить — вѣкъ дуракомъ слыть; стало, надо его на умъ навести, чтобы ему на тотъ народъ нестыдно свои очи выставить!..» Посылаетъ ему Тришка письмо, а въ письмѣ было написано: «Ты, баринъ, можетъ, и имѣешь душу, да анаѳемскую; а я, Тришка, пришелъ къ тебѣ повернуть твою душу на путь — на истину. Ты своихъ мужиковъ въ разоръ-разорилъ, а я думаю теперь, какъ тѣхъ мужиковъ поправить. Думалъ я думалъ, и вотъ что выдумалъ: ты виноватъ, ты и въ отвѣтѣ будь. Ты обижалъ мужиковъ, ты ихъ и вознагради; а потому прошу тебя честію: выдай мужикамъ на каждый дворъ по пятидесяти рублевъ (а тогда еще на ассигнаціи считалось); честію прошу, не введи ты меня, баринъ, во грѣхъ — разсчитайся по Божіи.»

Получилъ баринъ то письмо, — не то, что спокоиться, а выше въ гору пошелъ: больше озлился, сталъ мужиковъ перебирать, сталъ допрашивать: кто подметное письмо принесъ? А мужики про то дѣло и не вѣдали... Такъ тому письму баринъ не внялъ, вѣры письму не далъ. Проходитъ сколько тамъ время, баринъ прочиталъ еще письмо отъ Тришки: «ты моимъ словамъ не повѣрилъ; я не люблю этого; только вотъ что я скажу тебѣ: не въ моемъ обычаѣ за первую вину казнить; а по моему, за первую вину, только научить надо; вотъ тебѣ какая выучка: не хотѣлъ ты дать мужикамъ по пятидесяти рублевъ, дай по сту; это тебѣ наука. Только мужиковъ трогать не моги: съ живаго кожу сниму; мужики въ томъ невиноваты. Жду три дня.»

Прошло три дня—баринъ ни кому ни слова: денегъ жаль и за мужиковъ приниматься боится — со шкурой своей барской разстаться не хочется; хоть и не дорого своя шкура обошлась, только эту снимутъ,—другой не скоро и наживешь. Стало, надо беречь пока эту...

Пока баринъ раздумывалъ, Тришка написалъ еще письмо:

«Просилъ я тебя, баринъ, честію мужикамъ помочь тысячью — ты не помогъ; просилъ тебя помочь двумя; ты мои слова ни во что поставилъ. Теперь жди меня, Тришку, къ себѣ въ гости. А какъ тебѣ, барину, надо сготовиться, какъ бы получше гостя принять, даю тебѣ сроку двѣ недѣли— сготовься. Только пироги, что въ Тулѣ печены, по нашему ружьями зовутъ—не надо, не готовь: я до нихъ не охотникъ.»

Получилъ баринъ это письмо, сталъ снаряжаться, какъ бы гостя непрошеннаго принять такъ, чтобы самому не остаться не при чемъ. Всѣхъ своихъ мужиковъ, всю дворню собралъ, роздалъ всѣмъ ружья; послалъ и въ городъ сказать: гостя молъ жду.

Къ пріему гостя было сготовлено все какъ слѣдуетъ; съ самаго ранняго утра всѣ были на ногахъ; на барскомъ дворѣ толкотня страшная, всѣ съ

ружьями, просто ко двору приступу нѣтъ!... Передъ раннимъ обѣдомъ пришли солдаты съ офицеромъ.

— За чѣмъ пожаловали? спрашиваетъ баринъ у офицера.

— Такъ и такъ, говоритъ офицеръ: наслышаны мы, что къ вамъ нынче обѣщался пріѣхать воръ Тришка Сибирякъ; такъ изъ города меня съ моей командой и прислали къ вамъ на подмогу.

— Очень благодаренъ, говоритъ баринъ: хоть я и не боюся Тришки, а все-таки народу больше — лучше. Милости просимъ съ дорожки закусить чѣмъ Богъ послалъ, пойдемте ко мнѣ въ домъ, а солдатушки ваши пусть здѣсь останутся, я имъ сюда велю вынести водки, закусить...

Пошелъ баринъ съ офицеромъ въ домъ, приказалъ подать сейчасъ закуску. Закусили, стали толковать о томъ о семъ, баринъ и повеселѣлъ. Выпилъ еще. Офицеръ еще приободрился: такъ и сыпетъ про войну, гдѣ онъ воевалъ, когда, какъ... да на рѣчахъ-то вышелъ такой легкій....

— Ужь какъ я вамъ благодаренъ, говоритъ баринъ: — какъ вамъ благодаренъ и сказать нельзя! съ вами я не только Тришки, а просто никого не боюся. Что мнѣ Тришки бояться, скажите мнѣ?

— Разумѣется, говоритъ офицеръ: чего бояться Тришки!

Сказалъ это офицеръ, посмотрѣлъ кругомъ: видитъ въ комнатѣ только они вдвоемъ съ бариномъ сидятъ, а больше никого нѣтъ.

— Коли вы, баринъ, говоритъ офицеръ: — не боитесь Тришки, мнѣ и подавно его бояться нечего!...

— Отчего жь такъ? спросилъ баринъ.

— Оттого такъ, баринъ, что я тотъ самый и есть Тришка Сибирякъ; такъ мнѣ самому себя бояться не приходится.

Баринъ такъ и обомлѣлъ отъ великой робости.

— Слушай, сказалъ Тришка, а самъ изъ кармана пистолетъ вынулъ: — слушай, просилъ я у тебя, баринъ, тысячу, не для себя просилъ, а просилъ для твоихъ же рабовъ, — ты не далъ; наказалъ тебѣ: просилъ двѣ тысячи, ты и тутъ не восчувствовалъ! Теперь ты давай мнѣ двадцать тысячъ: двѣ тысячи я отдамъ твоимъ мужикамъ, а остальные, что тамъ останется, на свою братію возьму: надо что нибудь и намъ съ твоей милости на водку получить. За такую науку какъ не взять!...

Баринъ стоитъ, только глазами хлопаетъ: никакъ того дѣла въ толкъ не возьметъ...

— Полно, баринъ, глазами-то хлопать, разсчитаемся честно, да и Богъ съ тобою и со всѣмъ; мнѣ некогда, пора домой.

— У меня деньги, говоритъ баринъ, какъ опомнился: — въ другой комнатѣ; ты здѣсь погоди, я тебѣ сейчасъ все сполна принесу.

— Охъ, баринъ! молодецъ баринъ: подростешь—плутъ будешь! Думаешь надуть? Васъ мало обманываютъ, а то еще онъ хочетъ обмануть!

— Да, я право... да я ей Богу, забормоталъ баринъ.

— Ничего, баринъ, сочтемся! Ты ступай спереди, а я хоть и сзади,

только знай пальцемъ кивнешь — въ затылокъ пулю пущу. Ты дѣлай свое дѣло, а я свое сдѣлаю.

Баринъ пошелъ передомъ; а позади барина Тришка Сибирякъ. Вышли за двери, а въ другой комнатѣ народу-то народу! Да всѣ съ ружьями!

Перешли еще въ другую комнату—тамъ никого нѣтъ... Отсчиталъ баринъ денежки, ровно двадцать тысячъ, отсчиталъ, отдалъ Тришкѣ, остальныя завернулъ, и опять подъ замокъ.

— Видишь, я не въ тебя, я слово держу: обѣщалъ быть у тебя въ гостяхъ—былъ; далъ слово взять двадцать тысячъ—взялъ двадцать, больше не беру; а хоть видишь самъ, и всѣ бы отнялъ, нечего дѣлать, всѣ своими руками бы отдалъ. Теперь проводи ты меня хоть за версту отъ деревни, а тамъ и простимся.

Баринъ проводилъ самъ, самолично Тришку съ товарищами за ворота, а тамъ еще версты полторы, да и раскланялся...

— Смотри-жь, на прощаньи наказываетъ Тришка барину: смотри жь, мужиковъ не обижать. Обидишь мужиковъ, Богъ тебя обидитъ, а то, можетъ, и я грѣшный къ тебѣ тогда въ гости побываю!

Съ тѣхъ поръ баринъ шолковый сдѣлался! Что значитъ хорошая наука—много значитъ!

И много онъ училъ ихъ братію! Ѣдетъ разъ мужичонко съ возомъ; а на возу было накладено, что и на хорошей лошади не свезти; а у мужичонка была лошаденка плохенькая, а еще и поклажа-то барская; съ которой стороны ни поверни, все тяжело!... Ѣдетъ мужикъ съ возомъ, горе мычитъ, а на встрѣчу ему катитъ шестерикомъ самъ баринъ. Поровнялся баринъ съ мужикомъ.

— Стой! кричитъ баринъ: — стой, что ты тихо ѣдешь? Отчего у тебя лошадь не везетъ?

Не успѣлъ баринъ хорошій раскричаться какъ надо, какъ изъ-за куста выросъ какой-то мужикъ, снялъ шапку, низехонько поклонился барину, да и говоритъ:

— Пожалуйста, баринъ, ваше благородіе, окажи такую милость: подари ты этому мужику лѣвую пристяжную...

— Какъ ты смѣешь, мужикъ, мнѣ это говорить, дуракъ! закричалъ баринъ.

— Ужъ сдѣлай милость, пристаетъ мужикъ: — подари мужику лѣвую пристяжную!...

— Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить? да знаешь, что я съ тобою сдѣлаю!?... да кто ты такой?...

— А осмѣлюсь вашей милости доложить: я человѣкъ небольшой, а прозываюсь Тришка Сибирякъ.

Какъ услыхалъ баринъ, что передъ нимъ стоитъ Тришка Сибирякъ, куда и прыть вся дѣлась!...

— А, говоритъ, здравствуй, Триша! Возьми лошадь, какую хочешь;

пусть мужичокъ доѣдетъ до дому, я и пятерикомъ доѣду, лошади ничего не сдѣлается; послѣ только пусть назадъ приведетъ.

— Нѣтъ ужь, баринъ хорошій, подари пожалуйста мужичку совсѣмъ лошадку; а ты прикупишь еще лошадку, а то и пятерикомъ проѣздишь, и пятерикомъ тебѣ чай можно... На своихъ лошадяхъ ты ѣздишь не далеко, а подальше, чай, на сотскихъ!

— Изволь, Триша, изволь! я для тебя, Триша, и совсѣмъ могу это сдѣлать, могу и подарить!

— Только ужь не изволь, баринъ хорошій, лошадки отнимать у мужика. Не для себя прошу, прошу для твоего же здоровья: ты знаешь, можетъ, мой обычай; не введи, для Христа, меня во грѣхъ.

— Изволь, изволь!

Припрегъ мужикъ къ возу лѣвую пристяжную, да съ крестомъ да молитвой благополучно и до дому доѣхалъ, да еще и послѣ сколько на той лошади ѣздилъ...

Никого Тришка Сибирякъ *не обижалъ крѣпко*, развѣ какого барина лихаго до крестьянъ, что разъ поучитъ—не послушаетъ, другой разъ поучитъ—въ толкъ не возьметъ, такъ такому лихому подъ колѣнками жилки подрѣжетъ—«чтобъ не оченно, говоритъ, прытко бѣгалъ!» Вотъ только и всего!..

Велѣно было поймать Тришку во что бы то ни стало. Поѣхалъ отыскивать Тришку исправникъ; пріѣзжаетъ исправникъ на станцію, на станціи сидитъ купецъ, пьетъ чай съ пуншемъ.

— Не угодно ли вашему благородію чайку покушать? спросилъ купецъ исправника.

— Пожалуй! отвѣчалъ исправникъ, подсаживаясь къ столику:—пожалуй, на дворѣ-то ужь очень холодно.

— Холодно-съ, извольте-ко-съ чашечку...

Слово за слово и пошелъ разговоръ.

— Куда ѣдете ваше благородіе?

— Да вотъ туда-то.

— А позвольте спросить: по какой надобности ѣдете, ваше благородіе?

— Тришку Сибиряка надо поймать.

— Почему жь вы, ваше благородіе, знаете, что тамъ Тришка Сибирякъ долженъ быть?

— Мнѣ передали, что Тришка Сибирякъ нынѣшній день поѣдетъ отсюда, съ этой станціи туда-то; а передали мнѣ самые вѣрные люди.

— Такъ-съ... а хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, какъ ваше благородіе изловите этого разбойника Тришку Сибиряка. Очень бы хотѣлось!...

— Что жь, это можно.

— Какъ же, ваше благородіе?

— Да поѣдемъ со мной вмѣстѣ.

— Сдѣлайте милость, батюшка, ваше благородіе! дѣло-то ужь очень занятное.

— Изволь, изволь.

Напились они чаю, да и поѣхали вмѣстѣ въ исправницкой бричкѣ; дорогой больше толковали все о Тришкѣ: какъ его, разбойника, исправникъ своими руками поймаетъ, и самъ его въ городъ въ острогъ засадитъ.

— Какъ же вы, ваше благородіе, узнаете этого разбойника, Тришку Сибиряка?

— Какъ не узнать! у меня примѣты его имѣются, говоритъ исправникъ.

— А позвольте взглянуть.

Исправникъ подалъ купцу примѣты.

— «Волосы русые, брови черные, сталъ читать купецъ, лѣтъ отъ роду тридцать»... Баринъ, да вѣдь это, пожалуй и на меня смахиваетъ!...

Глянулъ исправникъ, съ нимъ точно сидитъ не купецъ, а самъ Тришка Сибирякъ.

— Слушай, исправникъ, заговорилъ Тришка, васъ дураковъ мало обманываютъ, а ты еще и меня хотѣлъ обмануть! Вотъ тебѣ и наказаніе: ступай пѣшкомъ домой!

Нечего дѣлать, исправникъ вылѣзъ изъ брички, да и бричка-то была новая, вылѣзъ да поплелся домой—откуда пришелъ, а Тришка покатилъ куда ему надо было!

Тришка Сибирякъ, какъ я уже сказалъ, что его смѣшиваютъ съ Засоринымъ, Сиротой, Дубровой и другими, то и всѣ они никого не убивали; только ужь когда честію не возьмешь — злыхъ помѣщиковъ учили, и тою же наукой подъ колѣнками жилки подрѣзывали, и опять-таки для того все, чтобъ не швыдко бѣгали.

Орелъ, 10-го апрѣля.

Сохранились и теперь преданія: что до назначенія Орла губернскимъ городомъ, на рѣкѣ Окѣ моста не было, и что въ самый годъ этого назначенія началось здѣсь судоходство; въ первый разъ отправились только двѣ маленькія барки по 12 саженъ длиною, и какъ дѣло было для орловцевъ новое, то почти весь городъ провожалъ эти барки верстъ за десять. И теперь есть старики, которые помнятъ, что въ Орлѣ былъ одинъ только трактиръ, одна табачная лавка; будочниковъ, пожарныхъ солдатъ совсѣмъ не было: на пожаръ сбѣгались и тушили сами жители; которые опаздывали или совсѣмъ не приходили, съ тѣхъ брали пени. По ночамъ караулили по очереди сами хозяева, и между очередными караульщиками случались караульщицы— женщины и дѣвушки.

— Зачѣмъ же будочниковъ завели? спросилъ я старика, разсказывавшаго мнѣ это.

— А затѣмъ, батюшка, отвѣчалъ старикъ: — больно задорно стало; въ одной улицѣ караульщикъ, въ другой караульщица; долго ли до грѣха! Сейчасъ грѣхъ, какъ есть грѣхъ!...

— Такъ и тогда доходило до грѣха?

— Какъ не доходить, доходило! А все грѣха въ тѣ времена было куда меньше! а жили веселѣе: скромнѣе жили, по Божію, оттого хорошо и было... Вотъ я тебѣ докладывалъ: у насъ въ Орлѣ всего только одинъ трактиръ и былъ, Теленковъ прозывался... Стоялъ онъ супротивъ Егорьевской церкви... Такъ и въ томъ-то одномъ трактирѣ народу почесть не бывало! А зайдетъ какой въ трактиръ, да узнаетъ отецъ, такой задастъ трактиръ — три недѣли на мѣсто сѣсть не сядетъ; а провѣдаютъ по городу про холостаго, такъ пальцами тычутъ: «вонъ, говорятъ, трактирщикъ изъ трактира ползетъ». Да такому парню и дѣвку не скоро сыскать: весь городъ исходи, ни одна дѣвка замужъ не пойдетъ! А теперь что? зайдетъ въ трактиръ... и трактировъ-то сколько развелось! идетъ всякій въ трактиръ, при отцѣ родномъ... да тамъ еще табачище проклятый закуритъ.

— Куда же заходили выпить?

— Была пѣвчая.

— Тоже трактиръ?

— Нѣтъ, какъ можно! тамъ можно было спросить чего: водки, пива, закусить чего, подадутъ; а закуришь табачище, хоть кто будь, по шеямъ проводятъ, ни на кого не посмотрятъ!...

— Отъ этого и трактиромъ не назывался?

— Нѣтъ, не отъ этого, не отъ табаку; для того пѣвчей назывался, что тамъ пѣвчіе были, пѣсни разныя пѣли; а кто прикажетъ, и по духовному могли; а кому и простую пѣсню споютъ, пожалуй и съ торбаномъ.

— Съ однимъ только торбаномъ?

— Нѣтъ, и гудки и рожки разные были въ той пѣвчей; только этихъ органовъ проклятыхъ не было...

— Давно же эта пѣвчая уничтожилась?

— Она-то и не уничтожилась...

— Да гдѣ же она?

— На трактиръ повернули.

— Ты помнишь эту пѣвчую?

— А какъ не помнить?! Лѣтъ пятьдесятъ тому привезли органъ. Сперва народу повалило въ пѣвчую, протолпиться нельзя было. Да и кругомъ-то пѣвчей—народу труба нетолченная.

— И ты ходилъ слушать?

— Ходилъ, глупъ былъ.

— Отчего же глупъ?

— А оттого глупъ: не зналъ я, что это грѣхъ большой! Вотъ отчего!

— А!...

— То-то, другъ, а!

Мой собесѣдникъ хотѣлъ идти домой, а мнѣ не хотѣлось съ нимъ такъ скоро разстаться; чтобъ остановить его, я спросилъ:

— Давно новый соборъ строится?

— Да лѣтъ за шестьдесятъ будетъ. Былъ у насъ царь-императоръ Па-

велъ Петровичъ и былъ онъ имянинникъ на Павла исповѣдника; такъ губернія положила для императора Павла Петровича,—Павлу исповѣднику соборъ построить. Стали собирать со всѣхъ деньги, да и по сю пору собираютъ, а все никакъ этого собора не отстроятъ.

— Отчего же?

— А оттого: церковь, по писанію, положено ставить алтаремъ на востокъ, а этотъ соборъ куда смотритъ?

— Кажется, на востокъ.

— На какой востокъ...

— Куда же?

— Посмотри на другія церкви: всѣ смотрятъ на самый востокъ, а этотъ больше на полдень подался.

Въ самомъ дѣлѣ, новый соборъ алтаремъ стоитъ не прямо на востокъ, а на Ю. Ю. В.

— Такъ отъ этого и соборъ не отстроивается?

— Отъ самаго отъ этого... Отстроили было совсѣмъ, а тамъ опять перестроивать надо... Вотъ и теперь снова перестроиваютъ, да вѣдь тоже самое будетъ!

— Что будетъ?

— Отстроютъ, начнется служба, а тамъ...

— Была уже служба въ этомъ соборѣ?

— Какъ же, была! И обѣдню служили и другія службы справляли; да вотъ, хоть бы взять: Яковъ Ѳедоровичъ Скарятинъ когда умеръ, отпѣвали въ новомъ соборѣ.

— Отчего же его въ соборѣ отпѣвали?

— Баринъ былъ именитый, службусвою справлялъ при томъ самомъ императорѣ Павлѣ Петровичѣ; какъ померъ императоръ Павелъ, такъ Яковъ Ѳедоровичъ и служить пересталъ. Должно быть отъ этого и хоронили его въ новомъ соборѣ.

— Похоронили въ новомъ соборѣ?

— Нѣтъ, только отпѣвали, а хоронить его повезли въ его вотчину, верстъ за сто отъ Орла.

— Ты говоришь, что сперва лучше было жить; скажи же, пожалуйста, чѣмъ же лучше было? сказалъ я своему собесѣднику.

— Было все проще, было все по божью! до Балашова *) губернатора,

*) Генералъ-адъютантъ Балашевъ въ 1820 году былъ назначенъ рязанскимъ, тульскимъ, орловскимъ, воронежскимъ и тамбовскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ это время орловскимъ губернаторомъ былъ, кажется, Шрейдеръ, который много хлопоталъ объ улучшеніи города. *Авт.*

не было же мостовыхъ; улицы были маленькія, узенькія, да и крашеныхъ домовъ, почитай, и совсѣмъ не было.

— Чѣмъ же это лучше?

— Это-то, пожалуй, и не лучше, да жизнь-то была куда лучше!.. проще гораздо было!.. Тогда этихъ платьевъ и не знали!

— Въ чемъ-же тогда ходили?

— Да вотъ какъ, примѣромъ сказать! Старики, сердовый народъ, сойдутся, ни на одномъ не увидишь, бывало, сюртука, что теперь пошли: всѣ въ кафтанчикахъ, кушачкомъ такъ подпоясаны, а сверху свитка надѣта; сапоги простые, большіе; а зимою въ полушубкахъ; пуговки серебряныя, а сверху шуба лисья, на ноги кеньги... не продрогнешь!.. На головѣ треушокъ...

— Лѣтомъ носили треушки?

— Лѣтомъ старики тогда поярковыя шляпы носили; шляпа-то сама была небольшая, а крылья были обширныя; отъ солнца, отъ дождя и хорошо!

— Молодые не такъ ходили?

— Молодые не такъ! Выйдетъ, бывало, молодчикъ, — на немъ кафтанчикъ лучшаго сукна; кафтанчикъ съ валиками, сорокъ-восемь валовъ назади, не то что нынче складки... подпояшется кушачкомъ шелковымъ, кушачокъ-то сложитъ складку — то въ четверть, а то и больше; сапожки надѣнетъ козловые, каблуки бѣлою бумагою строченые, носы острые, длинные... на головку накинетъ колпачокъ *); а колпаки были высокіе — вершка въ четыре, отороченные бархаткой; а какой щеголекъ повяжетъ на колпачокъ ленту разноцвѣтную, а то еще и двѣ, да и пойдетъ мимо красныхъ дѣвушекъ!..

— Къ дѣвушкамъ можно было подойти поговорить съ ними?

— Ни, ни! Какъ можно! [illegible].

— Какъ же онъ пройдетъ мимо красныхъ дѣвушекъ? гдѣ же можно было пройдти мимо дѣвушекъ?

— Какъ гдѣ? на улицѣ!

— Зачѣмъ же дѣвушки выходили на улицу?

— Невѣститься, другъ, невѣститься!

— Какъ это невѣститься?

— Какъ невѣститься-то? Да это дѣлалось просто; а кто и теперь живетъ по старому, такъ и теперь еще невѣстятся: въ праздникъ послѣ обѣда вынесутъ за ворота стулъ, поставятъ отъ калитки аршина на два; выйдетъ дѣвушка, разряженная что ни на есть въ лучшее платье, сядетъ на то стуло, да и станетъ пощелкивать кедровые орѣшки, а то и просто подсолнушки... А молодцы по улицѣ похаживаютъ, да невѣстъ себѣ выглядываютъ... Только въ старыя времена куда не въ примѣръ лучше было!..

— Отчего же?

---

*) Шляпа гречишникомъ.

— Оттого лучше, что все было по старому, какъ я тебѣ, другъ, говорилъ; а теперь что?!

— Какъ же по старому?

— По старому дѣвушка надѣнетъ, бывало, рубашку тамбурную, какъ только можно лучше; надѣнетъ юбку золотой парчи, да юбка-то обложена позументомъ хорошимъ или газомъ; на головкѣ у ней платочекъ, весь шитый золотомъ; жемчугъ *) во всю шею, въ ушахъ серьги большія — *по полуфунту* (?) бывали... Да какъ набѣлится, нарумянится — просто молодцамъ сухота!.. А теперь—что ужь и говорить!..

— Чѣмъ же теперь-то хуже?

— Какъ, другъ, чѣмъ? Теперь какъ одѣваются дѣвки? Глянуть срамно! А около тѣхъ дѣвокъ парни-то всѣ оборвыши, такъ и лебезятъ, такъ и лебезятъ!.. А въ старые годы — ни, ни!.. Пройдетъ парень мимо дѣвушекъ, отвѣситъ поклонъ, да и полно, а заговорить и не помысли!..

— И зимой въ однѣхъ рубашкахъ дѣвушки за воротами сидѣли, невѣстились?

— Нѣтъ, какъ можно! Только зимой больше на рѣку ходили, бѣлье стирали, бѣлье мыть.

— Какъ? и богатыя?

— Да, и богатыя; только вѣдь это одинъ примѣръ былъ: пойдутъ, бывало, какъ и въ самомъ дѣлѣ хозяйки хорошія, работницы; пойдутъ бѣлье мыть, а какое ужь тамъ мытье? просто, одно слово, только слава, что работа, а другая путемъ и рубашки не намочитъ!.. Дѣвки пойдутъ на рѣчку, а парни за ними!..

— Ну, а на хороводахъ, скажи пожалуйста, дѣвушки съ парнями сходились вѣдь и тогда?

— На какихъ хороводахъ? Это, можетъ быть, ты хочешь сказать про корогоды?

— Да, про корогоды.

— Корогоды—это, по нашему, танки водить.

— Такъ какъ же сперва у васъ танки водили: однѣ дѣвушки или вмѣстѣ съ молодцами?

— Это только теперь стали водить танки и парни и дѣвки вмѣстѣ, а прежде однѣ только дѣвушки; а парни только вокругъ похаживали... Прежде и благочестія-то было больше!..

— Отчего-же?

— А Богъ-знаетъ! Антихристъ, что-ли, скоро народится, народился ли ужь онъ, окаянный,—кто про то знаетъ?

— Сперва-то, другъ, и въ Бога больше вѣрили, и въ церковь чаще хаживали! На крещенье, на преполовенье, на Спаса, послѣ водоосвященія на іордани, всѣ, кто во всемъ платьѣ, а кто и раздѣнется до-нага, да и въ

---

*) Здѣсь говорятъ «земчугъ». *Авт.*

рѣку!.. На святой недѣлѣ всѣ сходятъ на колокольню, на колокольнѣ-то труба не толченая! Всякому хочется хоть три разочка въ колоколъ ударить, оттого цѣлый годъ здравъ будеши! А чтобъ на Святой хоть одну церковную службу пропустить—бѣда! Застанутъ на постелѣ—всего водой зальютъ: ушатовъ двадцать, тридцать на тебя выльютъ... не опаздывай!..

— Вѣдь такъ можно и простудиться.

— Отъ этого, другъ, простудиться нельзя: для того, что все это дѣлалось не во зло, а во тѣлесное и душевное здравіе!

— Старухи хаживали на улицу?

— Зачѣмъ старухамъ на улицу!

— Такъ-таки изъ дому никуда и не выходили?

— Какъ изъ дому не выходить, выходили; старухи наши ходили въ косыхъ кокошникахъ: накроетъ кокошничекъ кисейнымъ покрываломъ, надѣнетъ шубку шелковую или китайчатую, смотря по достаткамъ, возьметъ въ руки палочку, да и пойдетъ, куда ей тамъ надобно: въ церковь ли Божію, въ гости ли къ кому!..

Орелъ, 18 апрѣля.

Былъ я верстъ за шестнадцать отъ Орла, въ селѣ Лавровѣ, которое раскинулось очень привольно и на живописномъ мѣстѣ, немного правѣй старой большой кромской дороги; во всякомъ, или почти во всякомъ дворѣ есть садъ, что еще больше придаетъ красоты этому селу. Замѣчательны здѣсь постройки: село Лаврово по плану еще не совсѣмъ передѣлано, а потому улицы идутъ довольно свободно; бо́льшая часть избъ стоятъ во дворѣ, а на улицу выходятъ только одни заборы, глухія стѣны нежилыхъ строеній, да ворота.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ я старика, хозяина избы, въ которой я остановился:—скажи, пожалуйста, для чего вы строите избы на дворѣ; на улицу окнами, мнѣ кажется, веселѣй бы было?

— Такъ-то оно такъ, отвѣчалъ старикъ:—да и въ садъ окнами не очень, кажись, скучно; а подумаешь, можетъ, скажешь, что такъ-то и лучше; кто къ чему привыкъ, такъ тому и лучше; наши дѣды такъ-то дѣлали, да и намъ позволили!

— Въ садъ окнами мнѣ и самому кажется лучше; да вѣдь хорошо, когда садъ есть; а коли нѣтъ, тогда какъ?

— У насъ и сады-то пошли оттого, что во дворъ окнами избы ставили, а не на улицу.

— Это почему?

— Скучно смотрѣть въ голую стѣну, ну, и станешь разводить садочекъ, посадишь яблонку, заведешь огородецъ; пустоты-то не станетъ, оно и повеселѣй самому сдѣлается...

— Старики для чего же съ самаго начала ставили такъ избы: когда заводились дома, садовъ еще вѣдь не было?

— Тогда нельзя было.

— Отчего же?

— Оттого, что Литва находила зачастую. Ворота какъ запрешь, ну, Богъ дастъ, и отсидишься: стрѣлять-то не куда; а окна на улицу—кто ей, Литвѣ-то, кто не велитъ по окнамъ стрѣлять.

— А Стрѣлецкая слобода, Пушкарная, по большой дорогѣ деревни всѣ,—тѣ построены на улицу. Не нападала на нихъ, что-ль, Литва?

— На нихъ не нападала.

— Да вѣдь это отъ васъ близко?

— Намъ-то отъ нихъ близко, да имъ-то до насъ будетъ далеко, проговорилъ старикъ съ усмѣшкой.

— Какъ же это такъ? Я что-то этого не пойму!

— Этого скоро и не поймешь! А вотъ скажу, сразу поймешь. Изволишь видѣть: мы здѣсь исконные, а они здѣсь вновѣ живутъ, такъ они Литвы-то и не видали.

— А какъ давно они сюда перешли?

— Былъ царь Петръ, первый императоръ, такъ онъ ихъ съ Москвы сюда перевелъ. Это помнилъ мой покойный дѣдушка; вотъ, говоритъ, они-то *загрустовались!* И, Боже мой! Очутились они, сердечные, что птица на вѣтрѣ!.. Наши дѣды и прадѣды — всѣ садушки *) были: у каждаго, стало быть, садочекъ былъ; а они что? Были пушкарями—пушкарь; а стрѣлецъ—стрѣляй! а отъ пушкаря, аль стрѣльца какой садушокъ выйдетъ?.. Сказано, говоритъ, въ писаніи: отъ лоси — лосенокъ, отъ свиньи поросенокъ! *Пòмстили* **) они, пòмстили. Садовъ, говорятъ, намъ не развести; на голый дворъ, да въ заборъ глядѣть — прискучаетъ; давай избы на улицу ставить, все такъ-то будетъ веселѣе... Ну, такъ и построились! А которые построились на большой дорогѣ,—тѣ для выгоды своей: проѣдетъ какой проѣзжающій, видитъ изба стоитъ, кормить лошадей надо,—ну, и заѣдетъ.

— А вы давно здѣсь живете?

— Мы-то давно.

— А какъ?

— Да давно, отвѣчалъ старикъ, какъ-то нехотя.

— Ты вѣрно, вѣдь, слыхалъ отъ своихъ стариковъ что нибудь о первыхъ старикахъ, которые сюда переѣхали, здѣсь дворы поставили, избы порубили, сады поразвели? Ты вѣдь и самъ человѣкъ, кажись, не молодой.

— Куда молодой!

— То-то же! Вѣрно что нибудь слыхалъ? настаивалъ я.

— Слыхать-то слыхалъ, да разсказывать-то что?

— Что слыхалъ, то и мнѣ разскажи.

---

*) Садовники.

**) Помыслили. *Авт.*

— Много съ нами грѣха было! Чего, чего съ нами ни дѣлали! А все, по милости Божіей, живемъ! Да и то сказать: какъ безъ горя вѣкъ прожить? Нѣтъ того древа, чтобъ птица не сидѣла; нѣтъ того человѣка, чтобъ съ горемъ не спознался!

— Какое же у васъ горе было?

— Какъ какое? Сперва-на-перво сказано было нашимъ дѣдамъ... куда дѣдамъ! Можетъ и прадѣды не помнятъ!.. Сказано было нашимъ старикамъ: «ступай селись въ здѣшнія мѣста, бери земли сколько хочешь; только смотри за Литвой... Тогда еще Литва была... Смотри за Литвой, чтобъ русскихъ земель не разоряла; воюй ее, поганую!» Пришли мы сюда, забрали земли сколько кому надобно было, построились и стали служить царю всей вѣрой-правдою; и всѣ мы были тогда дворянами.

— Да чѣмъ же лучше дворянину жить, чѣмъ простому крестьянину, да еще вольному?

— Какъ не лучше? съ дворянина и рекрутъ не берутъ!

— Зато дворяне всѣ служатъ, а изъ васъ которому придется. Развѣ то, что позволено было крестьянъ сперва дворянамъ держать?

— А ну ихъ, крестьянъ-то!

— Такъ что же? спросилъ я.

— А учоба! При учобѣ человѣкъ—весь! (Sic!)

— Какъ же такъ вы изъ дворянъ, да въ простые мужики перешли?

— Поди же ты!.. Былъ царь Петръ, первый императоръ, тотъ и велѣлъ всѣхъ насъ, дворянъ, что кучами живутъ, всѣхъ тѣхъ дворянъ въ простые мужики повернуть. Ну, и повернули!

— Какъ же такъ?

— Да такъ, что Литвы не стало!

— Что же вамъ-то отъ этого?

— Видишь: была Литва—съ ней мы и воевали; не стало той Литвы — съ кѣмъ воевать? А императоръ первый и говоритъ: «хочешь быть дворяниномъ, такъ у меня воюй! а не хочешь, такъ я васъ всѣхъ въ мужики поверну!»—Рады воевать, мы говоримъ ему, ваше императорское величество, да воевать не съ кѣмъ. — «Я, говоритъ, императоръ: вамъ войну найду всѣмъ! Кто хочетъ, иди за мной на войну»... а онъ страшнѣющій воитель былъ...« а кто не хочетъ — тотъ мужикомъ дѣлайся»!—Царь нашелъ войну; которые изъ нашихъ пошли съ царемъ воевать, тѣ остались дворянами; а которые пооставались дома, тѣхъ спервоначалу однодворцами подѣлали, а послѣ и въ самые крестьяне повернули.

— Давно васъ въ крестьяне повернули?

— Во! давно! Это всѣ помнятъ!

— Когда же вамъ лучше было?

— Разумѣется, въ старые годы!

— Отчего же?

— А все отъ того!.. Сперва-то и хлѣбъ родился лучше, и правды было больше! Станетъ, бывало, хлѣбушекъ родиться, станешь радоваться. А те-

перь что? Выйдешь на поле, взглянешь... знай: съ голоду не умрешь, да и сытъ не будешь: ни сытъ, ни голоденъ!..

— Отчего же это такъ?

— Какъ отчего? начальства было меньше, да и начальство было не такое: сперва, въ наши годы, къ начальнику идешь, Богу молишься, молишься, — ну, пойдешь; дорогой-то остановишься раза три, думаешь, думаешь: идти, али вернуться? Придешь къ начальнику; тотъ какъ выйдетъ — прямо тебѣ въ зубы, а тамъ еще, еще... А какъ натѣшится, тогда только спроситъ: какое твое дѣло?—ну и всякому опаска была!.. А какъ скажешь ему свое дѣло, да увидитъ онъ, что твое дѣло не дѣло, а бездѣлье, такъ — не роди мать на свѣтъ!.. Запоретъ!.. А теперь что? Повздорятъ двѣ бабы, и бабы то изъ одного двора, да и къ начальству на судъ! Придутъ къ начальству, у него, у начальника-то, на дому подымутъ крикъ, гамъ... Ну, начальническое ли дѣло бабъ судить? Нѣтъ, къ прежнему начальству бабы на судъ не ходили!.. Повадь простаго человѣка судиться, дома сидѣть не станетъ, все по судамъ будетъ таскаться; кольми паче бабье дѣло!.. А то еще и самъ начальникъ во всякую малость лѣзетъ.

— Ты говоришь, что сперва дрались начальники; сперва вѣдь и взятки брали начальники...

— А теперь чай не берутъ?!

— Зачѣмъ же вы ходите судиться, зачѣмъ бабъ не останавливаете?

— Что дѣлать, другъ! И сами знаемъ что не слѣдуетъ, а все идешь на судъ!

Послѣ обѣда я опять сошелся въ саду съ тѣмъ же старикомъ; сперва разговорились о погодѣ, а тамъ о примѣтахъ: какъ узнать, какое лѣто будетъ.

— Ну, журавль пролетитъ, а гусь послѣ, Господь лѣто хорошее дастъ. Встрѣтишь — гусь пролетитъ: слава тебѣ, Господи, дождались лѣта!.. Да теперь и примѣтъ-то не разберешь!

— Отчего же?

— А кто ее знаетъ! А можетъ и теперь найдутся мудрые люди, и теперь чай всякую тебѣ вещь разсудятъ! Вотъ я тебѣ притчу скажу. Еще до ноева потопленія жилъ царь Соломонъ премудрый; былъ этотъ Соломонъ премудрый еще въ молодыхъ лѣтахъ и не взлюбилъ его отецъ-родитель; и какихъ, какихъ онъ ему задачъ не задавалъ; а у Соломона на всякую задачу—отгадка была. Разъ отецъ задалъ ему такую задачу: «пріѣзжай ты ко мнѣ: ни на дворъ, ни на улицу, ни пѣшкомъ, ни на жереби, ни на ослѣ; ни одѣтъ, ни нагъ, ни сытъ, ни голоденъ!» Что жь сдѣлалъ Соломонъ премудрый? Снялъ рубашку, окутался неводомъ, взялъ въ руку калачъ, сѣлъ верхомъ на козла, пріѣхалъ къ отцову двору, отворилъ ворота да и сталъ въ воротахъ: переднія ноги у козла на дворѣ, заднія на улицѣ; и выходитъ ни на дворѣ, ни на улицѣ; да самъ калачъ жуетъ: ни сытъ, ни голоденъ! Что и толковать: человѣкъ былъ *дошлый*, до всего доходилъ! Въ нынѣшнія времена, какой и хорошій человѣкъ, да дѣть не куда! Вотъ Петръ царь,

первый императоръ, до всего доходилъ, а до одного не дошелъ: лаптя сплесть не умѣлъ, что у насъ каждый мужикъ, мальчишка—сдѣлаетъ!

— До чего же Петръ царь доходилъ?

— До всего доходилъ.

— До чего же?

— Планиду зналъ!

— Какую планиду?

— Видишь ты: я тебѣ говорилъ, что онъ страшный воитель былъ... Нашелъ на Петра царя Мазепа, Литва съ сильною войною...

— Мазепа—кто такой?

— А Мазепа съ той стороны, съ литовской... Сошлись Царь Петръ съ Мазепой подъ Плотавой...

— Плотава—городъ какой?

— Не знаю, Плотава, да и Плотава. У Литвы—Мазепа, а у царя Петра былъ дѣдушка Суворовъ... Только въ старыя времена война не такая была, воевали не по нонѣшнему; какъ сойдутся, окопаются окопомъ, да и воюютъ кряжами...

— Какъ кряжами?

— Привяжутъ кряжъ, пень какой, привяжутъ на веревку, и повѣсятъ на окопъ; какъ кто полѣзетъ на окопъ, веревку подрѣжутъ, кряжемъ того и убьетъ.

— И царь Петръ такъ воевалъ?

— Тоже такъ воевалъ... Вотъ сошлись двѣ рати, окопами окопались, стоятъ. Только Петръ царь и говоритъ дѣдушкѣ Суворову: «Пойду, дѣдушка Суворовъ, я на литовскій окопъ!»—Не пущу! говоритъ дѣдушка Суворовъ.— «Пусти», опять говоритъ царь Петръ.—Не пущу, опять-таки ему дѣдушка Суворовъ. — «Тебѣ говорятъ: пусти!..» — Не пущу! — «Посмотри, говоритъ царь, посмотри на небо.»—Ничего на небѣ нѣтъ!—«Стань же ты мнѣ, дѣдушка Суворовъ, на правую ножку!» — Сталъ дѣдушка на правую царю ножку.—«Глянь, говоритъ царь, глянь на небо!»—Глянулъ тотъ на небо и видитъ: сила небесная надъ царемъ, сила несмѣтная! Ангелы небесные... крылья у нихъ, аки колесница (?)!.. И никто ихъ не видалъ, только про нихъ въ апокалипсисѣ сказано; только одинъ царь Петръ ихъ и зрѣлъ: планиду зналъ... Какъ увидалъ дѣдушка Суворовъ ту силу небесную, — «ну, говоритъ, теперь пущу: иди!»—Ну, и одолѣлъ царь Петръ Литву тое.

Орелъ, 20 апрѣля.

На пристани я нашелъ стараго бурлака, который уже нѣсколько лѣтъ не ходитъ на баркахъ; а съ молоду онъ хаживалъ и до Нижняго.

Сталъ я у него разспрашивать про Петра перваго.

— Петру царю, первому императору, не дойти никакъ до Грознаго царя до Ивана, что еще на Москвѣ царилъ, когда еще и самаго Питера не было.

— Чѣмъ же Грозный лучше Петра?

— Грозный во всякомъ дѣлѣ толкъ разсуждалъ; а Петръ на кого разсердился—голову долой и вся не долга!

— Здѣсь въ Орлѣ я про Грознаго не слыхалъ...

— Отъ кого здѣсь услыхать-то?! Вотъ я хаживалъ на баркахъ, такъ тамъ чего не узнаешь!

— Что же ты про Грознаго слыхалъ?

— Разсудительный царь былъ, простой человѣкъ былъ, всякую вину разсудитъ, да по мѣрѣ вины и накажетъ; а коль разсудитъ — вины нѣтъ, ну и ничего. Подъ Коломной слышалъ я, мнѣ сказывали, а я тебѣ скажу вотъ что: любилъ царь Грозный на охоту ѣздить, за всякою птицею, за всякимъ звѣремъ. Ѣздитъ онъ, ѣздитъ, уморится и заѣдетъ къ простому мужику отдохнуть въ простую избу. Пріѣдетъ въ избу, сядетъ въ передній уголъ, покушаетъ чѣмъ Богъ пошлетъ; а хозяевамъ прикажетъ царь: безпремѣнно всякому свое дѣло дѣлать. «Я, скажетъ, не хочу никому мѣшать»—Пріѣзжаетъ онъ какъ-то разъ къмужику отдохнуть, сѣлъ за столъ, сталъ кушать. А у мужика былъ сынишка лѣтъ двухъ, а то и того не было... да такой мальчишка шустрой былъ... Бѣгалъ онъ по лавкѣ, бѣгалъ, подбѣжалъ къ царю, да какъ хвать царя за бороду, тогда цари еще бороду носили. Какъ прогнѣвится царь!.. «Сказнить ему голову!» кричитъ царь. Приходитъ хозяинъ, отецъ того мальчонки. — «Прикажи слово сказать!» — Коли умное скажешь—говори, кричитъ Грозный, а глупое скажешь—и тебѣ голову сказню!—«Зачѣмъ глупое говорить, царю надо умное говорить! Безъ вины ты хочешь моему сынишкѣ голову сказнить!»—Какъ безъ вины? Онъ меня за бороду схватилъ! «Это онъ сдѣлалъ по своей несмышленности, для того, что онъ еще въ младомъ возрастѣ. А вели ты, царь, принести чашу золота, а я нагребу чашу жару изъ печи; коли онъ хватится за золото, значитъ онъ въ разумѣ, сказни его; а коли хватится за жаръ, то онъ хваталъ тебя за бороду отъ своей несмышленности...» Хорошо! говоритъ царь. Принесли царскіе слуги чашу золота, а мужикъ нагребъ изъ печи жару — угольевъ; поставили чаши на лавку, подвели младенца, тотъ и хватается за жаръ. — «Вотъ видишь, царь», говоритъ мужикъ. — Вижу! говоритъ царь; спасибо, что ты меня отъ грѣха избавилъ; за это твоего сына пожалую.— Взялъ Грозный царь съ собой мужицкаго сына, выростилъ его, а послѣ и въ большіе чины его предоставилъ *).

---

*) Этотъ анекдотъ слышалъ я еще въ Рязанской губерніи, и не помню отъ кого въ Москвѣ. *Авт.*

Орелъ, 24 апрѣля.

Про теперешній Орелъ сказать много нечего: послѣ многихъ страшныхъ пожаровъ онъ поправляется очень не быстро; на всѣхъ улицахъ, даже самыхъ главныхъ, вы часто встрѣтите пустыри, обгорѣлые дома; днемъ увидите тоже на всѣхъ или почти на всѣхъ улицахъ фонарные столбы; ночью же городъ освѣщается фонаремъ, зажженнымъ у квартиры полиціймейстера; мнѣ говорили, что еще гдѣ-то есть два фонаря, но я ихъ не видалъ, а поэтому объ нихъ и говорить не могу. Страсть къ собакамъ и къ публичнымъ обѣдамъ, кажется, отличительная черта орловцевъ. Днемъ и ночью собаки стаями ходятъ рѣшительно по всѣмъ улицамъ; меня увѣряли, что здѣсь въ Орлѣ собаки не кусаются, хотя въ полицію приходили увѣрять въ противномъ; но все-таки какъ-то не совсѣмъ пріятно, когда на васъ кидаются десять-пятнадцать влюбленныхъ собакъ... Послѣ собакъ, орловцы очень любятъ публичные, торжественные обѣды: пріѣдетъ новый губернаторъ — ему обѣдъ; разстается начальникъ съ губерніей—ему обѣдъ; выберутъ старшину въ клубъ—ему обѣдъ; выгонятъ изъ старшинъ въ клубѣ — члены клуба и его чествуютъ обѣдомъ!

— Охотники у васъ до обѣдовъ, сказалъ я одному здѣшнему чиновнику:— всѣмъ даете обѣды.

— Мы даемъ только достойнымъ своимъ начальникамъ, отвѣчалъ чиновникъ.

— А выгнанному старшинѣ за что клубъ обѣдъ давалъ?

— Чтобъ поощрить теперешняго.

А должно замѣтить, что эти обѣды очень хороши: я знаю, что для такихъ обѣдовъ посылали на почтовыхъ изъ Орла въ Москву за однимъ теленкомъ.

Усохъ, Трубчевскаго уѣзда,
15 іюня 1861 г.

— Какъ пройдти въ Трубчевскъ? спросилъ я, выходя изъ Кокоревки, встрѣтившагося мнѣ мужика лѣтъ за пятьдесятъ.

А ступай ты прямо на Острую Луку, а тамъ выйдешь на Усохъ, а тамъ и самъ Трубчевскъ тебѣ будетъ, ноньче рано еще придешь въ городъ.

— Сколько верстъ до города?

— До Острой Луки отъ насъ считается 20 верстъ; а то и всѣхъ 25 верстъ будетъ, да отъ Острой Луки до города 20,—тамъ уже мѣрныя версты: столбы стоятъ; вотъ и считай: верстъ 40 хорошихъ будетъ, да дорога-то ходовата.

— Ну, прощай! спасибо на добромъ словѣ.

— Постой немножко; я забѣгу только въ избу, захвачу зипунъ, пойдемъ вмѣстѣ, мнѣ надо на мельницу; а двоимъ все-таки веселѣе.

Черезъ минуту онъ вышелъ и мы отправились съ нимъ.

— Ты зачѣмъ идешь на мельницу? спросилъ я своего спутника.

— Мельницу прорвало весной, плотину надо чинить, такъ затѣмъ и иду.

— Своя мельница?

— Кабы своя—чужая! Мнѣ не слѣдъ было и наниматься-то во чужихъ людяхъ, да что будешь дѣлать! Пришлось на старости лѣтъ на чужихъ работать, а допрежь и дома было своей работы довольно.

— Отчего-жь теперь пошелъ на чужую работу?

— Такъ, грѣхъ случился.

— Какой-же грѣхъ съ тобой случился?

— Богъ видно наслалъ; за грѣхи ли онъ караетъ, такъ ли за что испытуетъ, а только вотъ что я скажу: остался я съ матушкой послѣ батюшки только одинъ, почитай, работникъ; а братцевъ у меня было шестеро; пришелъ братъ одинъ, что послѣ меня, пришелъ въ законные года—женилъ... меня-то еще покойникъ батюшка оженилъ... Пришло время другому — другаго женилъ; женилъ я и третьяго. На ту пору объявили наборъ. Помолились мы Богу: кому идти? Я и говорю: «я, братцы родимые, пойду за васъ служить Богу и великому государю; только вы сами думайте: хорошо ли то будетъ?» Матушка такъ и всплеснула руками:—«кому идти—тотъ пойдетъ, говоритъ матушка, а тебѣ идти не слѣдъ: ты всему дому голова, да и братья тебя почесть должны!» Тутъ одинъ братецъ и замялся:—милому, говоритъ, надо дома оставаться, а постылому, вѣрно, за милаго въ солдаты идти! — «Молчи, говоритъ матушка, ты мнѣ постылый, что-ли?» — Вѣрно, постылый! — «На-ко укуси-ка пальчикъ, опять-таки говоритъ матушка, укуси этотъ пальчикъ, а то хоть и этотъ: всей вѣдь рукѣ больно!.. Такъ-то и матери любаго сына жаль, за всякаго сына вся утроба раздирается!.. Тутъ пришло горе, надо всѣмъ разобрать, какъ бы такъ горе разгоревать, чтобъ всѣмъ не пропасть! Отдадимъ старшаго брата, снимемъ съ дома голову — всѣ пропадемъ!.. Я вамъ мать, худа никому не хочу; а по моему разуму вамъ бросать жеребьи, а старшему...» мнѣ, то есть, прибавилъ разсказчикъ: «старшему быть надлежитъ дома». Тутъ братья всѣ загомонили: «старшій не бери жеребья, а мы, меньшіе, промежь себя кинемъ по жеребью!» На томъ и порѣшили. Кинули жеребьи; достался жеребій брату Михайлу, тому самому, что съ матушкой было заспорилъ; тутъ однако и онъ не сталъ спорить. Снарядилъ я его, какъ Богъ указалъ, отвелъ въ присутство, сказали малому—«лобъ!» поплакалъ... пошелъ этотъ въ солдаты. Пришелъ еще наборъ, еще братцу забрили лобъ... Сказали и еще наборъ, и опять-таки на насъ чередъ пришелъ! Племянникъ поймалъ меня въ полѣ... а племянникъ у насъ въ домѣ былъ отъ старшаго моего еще братца, что при батюшкѣ еще на погостъ свезли... такъ послѣ этого-то брата остался мальчонка; вы-

росъ племянникъ, поступилъ въ года, что и законъ принять *) можно; сталъ я ему невѣсту пріискивать, только племянникъ мнѣ говоритъ: «нѣтъ дядюшка, не надо, не хочу я жениться, холостымъ еще похожу». Ладно. Проходитъ еще сколько времени, вижу, малый смирный, работникъ хорошій, надо женить! Сыскалъ невѣсту; невѣста, вижу самъ, очень ужь малому по сердцу пришлась... Повѣнчали. Прошелъ годъ съ чѣмъ-то, народился у племянника сыночекъ, мнѣ внукъ, значитъ... Тутъ-то и сказанъ былъ наборъ... Поймалъ меня тутъ-то въ полѣ племянникъ.—«Дядюшка, говоритъ, не мечи промежъ насъ жеребья».—«Какъ, другъ, не метать? Тебѣ дома хорошо жить, въ солдаты не хочется; такъ-то и всякому!»—«Не объ томъ я говорю, дядюшка любезный»... а малый, былъ почтительный... «Не объ томъ я говорю, дядюшка любезный; а вотъ что надо сказать: отдадимъ мы со двора еще дядю, бабушка не вынесетъ: двухъ сыновей старушенка отдала,—какъ убивалась!.. третьяго отдастъ — совсѣмъ помретъ!.. Думалъ я думалъ, говоритъ, и положилъ: дядей въ солдаты еще не пускать, а скажутъ наборъ,- жеребья не брать; идти въ солдаты мнѣ—безъ жеребья! — Оттого-то я, говоритъ, и жениться не желалъ, а пожелалъ я охотою за дядей служить! Только на грѣхъ мой дѣвка попалась, что и отъ ней отступиться нельзя... сгубилъ и ее горькую! А все-таки своего положенія не покидаю: баба моя оставайся, тамъ что Богъ дастъ... а мнѣ идти въ солдаты!..» Только это онъ мнѣ хоть и говорилъ, а все-таки я ему по его не сдѣлалъ: и все-таки жеребій всѣмъ далъ; племянникъ не сталъ брать, я за него взялъ; попалъ жеребій моему брату, а племяннику жеребья не досталося. «Все, говоритъ тотъ, все ты, дядя, пустое замыслилъ: идти мнѣ въ солдаты!» Повезъ я брата и племянникъ за мной увязался... что ты будешь дѣлать!.. Иду съ братомъ въ присутство, племянникъ съ нами. Какъ только сказали брату—«лобъ», а племянникъ, какъ тутъ! «Я, говоритъ, иду за дядю охотой!..» Господа посмотрѣли на парня. «А когда ты охотой идешь, дай Богъ часъ!..» Забрили ему лобъ, а брата выпустили, и денегъ за это ни копѣйки не взяли. Теперь слушай: «жили мы—слава Богу! Ни ссоры, ни свары никакой! Вотъ и приходитъ братъ солдатъ съ краснымъ билетомъ, и другой приходитъ — съ жолтымъ. Приходятъ: и матушка, и всѣ, и я такъ взрадовались, что ну!.. Матушка только и радовалась: вотъ, вотъ дождалась Божьей милости: всѣ ея дѣтки въ кучу собрались... Да не такъ вышло, не такъ Богъ далъ, какъ думка была... Пошла свара, разладъ... Ты то дѣлаешь, а братья, особенно старшій солдатъ, тотъ свое. Что ты будешь дѣлать! — «Не ходи, братья, говоритъ старшій солдатъ, куда хозяинъ пошлетъ». Это онъ меня прозвалъ хозяиномъ; а самъ ты знаешь: какъ дому безъ хозяина жить?! Я и говорю; «братцы, племяннички милые! я васъ выростилъ, выкормилъ, выпоилъ, надо было въ солдаты идти, надо было женить — все сдѣлалъ: сами знаете, больше четырехъ сотъ цѣлковыхъ выдалъ. Теперь вотъ что вамъ скажу: не желаю я быть хозяиномъ; постановьте вы сами себѣ хозяина, я

---

*) Законъ принять—вступить въ бракъ. *Авт.*

буду работать». Ребятамъ стало будто и задорно.—«Нѣтъ, говорятъ, дядюшка, никому иному, какъ тебѣ приходится быть хозяиномъ; ты и будь нашимъ хозяиномъ».»—«Ладно, говорю, только не было-бъ худого». Стали жить по старому: я опять-таки хозяиномъ въ дому; только пошло еще хуже. Матушка старушка,—а ей теперь за 90 лѣтъ, — матушка говоритъ: «не жить вамъ, дѣтки, видно вмѣстѣ: подѣлитесь!» Стали дѣлиться... Когда дѣлежъ безъ ссоры бываетъ?!.. Я говорю: «раздѣлимъ, братцы, весь домъ, все добро на четыре жеребія: одинъ жеребій мнѣ, другой одному солдату, третій другому солдату, а четвертый внуку, что отъ племянника пошелъ. Кажись—по божьему? Кинемъ, говорю, жеребьи». Такъ что-жь ты думаешь? братья на то не пошли: «ты укажи, говорятъ, каждому жеребій». Бились, бились, до міру доходили, на міру насъ и подѣлили. Дворъ нашъ изо всего села былъ, а теперь... хуже насъ ни одного нѣтъ... Я на старости какой работникъ; ну, а изъ солдатъ, самъ знаешь, какой ужь хозяинъ!

У мельницы мы съ нимъ разстались; я пошелъ дорогой, которую онъ мнѣ указалъ, а онъ на мельницу.

Дорога пошла лѣсомъ; лѣса здѣшніе совсѣмъ не похожи хоть на новогородскіе: сѣверные лѣса до утомительности однообразны; здѣшніе южные, напротивъ; сѣверные лѣса бо̀льшею частію состоятъ изъ одной какой-нибудь породы: пойдетъ сосна, сосна и идетъ если не на сотни верстъ, то вѣрно на десятки; пойдетъ ель — все одна ёлка; рѣдко и эти двѣ близкія породы перемѣшиваются; и по этому-то лѣсу, въ сѣверныхъ губерніяхъ; изрѣдка попадается тощая березка или осинка... Въ малороссійскихъ лѣсахъ, за очень немногими исключеніями, вы не знаете, не можете сказать: изъ какой породы деревьевъ лѣсъ: тамъ и сосна, и ель, и берестъ, и орѣшникъ, и ольха... Трубчевскіе лѣса составляютъ переходъ отъ сѣверныхъ лѣсовъ къ южнымъ: ежели нѣтъ разнообразія южныхъ малороссійскихъ лѣсовъ, то нѣтъ и того дикаго, хоть и величественнаго, однообразія лѣсовъ новогородскихъ. Жителю сѣверной Россіи трудно понять гоголевскій эпитетъ—«зеленокудрый» лѣсъ; въ Трубчевскѣ это легче дается: вы какъ бы предчувствуете, что есть лѣса, которые можно назвать зеленокудрыми, и только въ благословенной по климату Малороссіи вы назовете лѣса — зеленокудрыми, хоть бы и не подсказалъ этого слова славный малороссъ.

Этотъ лѣсъ въ очень немногихъ мѣстахъ вырубаютъ: помѣщики и казна продаютъ по нѣскольку десятинъ. Я шелъ по лѣсу уже болѣе трехъ часовъ и напалъ на мужиковъ, которые отдыхали у дороги.

— Скажите, братцы, гдѣ можно напиться? спросилъ я, разбудивши этихъ мужиковъ.

Многіе на меня, пожалуй, вознегодуютъ: какъ осмѣлился безпокоить пейзановъ, которые послѣ тяжкаго труда, можетъ быть, только-что заснули; я пожалуй и принесу повинную, но только спрошу, чтобы сдѣлали въ моемъ положеніи мои обвинители: вышелъ я изъ Кокоревки, выпивъ только кружку воды и ничего не ѣвши, не думая, что мнѣ придется идти безлюднымъ, песчанымъ мѣстомъ верстъ пятнадцать, я не спѣшилъ; но когда одолѣла

меня жажда, не знаю, что со мною было; и теперь безъ ужаса не могу вспомнить о послѣднемъ часѣ, проведенномъ въ этомъ лѣсу, до этой встрѣчи. Сперва нестерпимая жажда долго меня мучила, потомъ невообразимо-непріятная дрожь довела меня до того... что я хорошо понималъ, почему голодный волкъ нападаетъ на людей, когда, будучи сытъ, онъ боится людей...

— Нѣтъ ли у васъ воды, братцы? спросилъ я проснувшихся мужиковъ.

— Нѣтъ, братецъ, воды нѣтъ у насъ, отвѣчалъ одинъ изъ проснувшихся мужиковъ:—а вотъ ступай ты по дорогѣ; пройдешь версты полторы, тамъ гляди тропочку влѣво... тропочка торная будетъ, такъ ты ступай по этой тропочкѣ, и дойдешь ты до криничиньки...

— Видишь ты, человѣкъ совсѣмъ измаялся, вступился другой мужикъ:—куда ему найдти твою криницу! Вставай, братцы! Пойдемъ вмѣстѣ...

— А и то правда! отозвались другіе.—Пойдемъ-те, братцы, и намъ пора: на жару немного отдохнешь...

— И Господь-знаетъ, что за жара!..

— А отчего жара? Оттого и жара, что сухмень стоитъ: отъ той отъ сухмени всякое быліе пропало: которую гречку посѣяли — та взошла; а конопля поднялась на вершокъ, ту мушкара съѣла; засѣяли въ другой разъ, въ другой разъ не взошла... Господня воля...

Кое-какъ мы прошли версты полторы или двѣ, повернули влѣво по торной тропочкѣ и нашли криницу, вырытую въ лѣсу, шириною вершковъ шесть и глубиною не болѣе полуаршина... Ни стакана, ни ковша ни у кого не было, и мы, захвативъ шапкой воды, жадно стали пить...

— Теперь можно и трубочки покурить, заговорилъ одинъ, утирая усы, кажется, послѣ третьей шапки воды.

— Теперь можно... А ты, почтенный, отнесся ко мнѣ съ этимъ титуломъ другой:—искуриваешь?

— Искуриваю...

— Не хочешь ли: у меня важный табакъ.

— Спасибо, другъ, у меня есть свой.

— Ты куда идешь?

— Въ Стародубъ.

— А зачѣмъ?

— По своимъ дѣламъ.

— По своимъ дѣламъ, поддакнулъ мнѣ мой собесѣдникъ, будучи совершенно удовлетворенъ моимъ отвѣтомъ.

— А вы откуда? спросилъ я.

— То есть: откуда идемъ, или сами откуда?

— Ну, хоть сами откуда?

— А сами мы изъ Гнилева, идемъ теперь въ то самое Гнилево.

— Гдѣ были?

— Были мы въ лѣсу.

— На работѣ?

— На работѣ: лѣсъ пилили.

— И свой, и не свой; какъ знаешь, такъ и считай... загадалъ мнѣ освѣжившійся водою мужикъ, надѣвъ свой колпакъ и опять пускаясь въ путь.

— Какъ такъ?

— А все-такъ: былъ лѣсъ нашъ, съ-изстари нашъ; а теперь велѣно за этотъ лѣсъ платить деньги; заплатишь деньги — руби; а нѣтъ — какъ хочешь!.. Бѣда да и только...

— Вы теперь лѣсъ пилили? спросилъ я, когда мой резонеръ кончилъ свой монологъ.

— Пилили.

— Какъ же вы покупаете лѣсъ?

— Теперь по десятинамъ.

— Почемъ платите за десятину?

— Да платимъ розно: *есть* десятина двадцать цѣлковыхъ; *есть* тридцать; а *есть* что и *дасе* и всѣ сорокъ... Побольше лѣсу да покрупнѣе, то и подороже, а порѣже, да помельче — то и подешевле; всякому лѣсу своя цѣна.

— Куда же идетъ вашъ лѣсъ?

— А то-же розно: и на срубъ, а то и пилимъ.

— А что у васъ стоитъ срубъ?

— То же розно: есть двадцать цѣлковыхъ, есть—двадцать пять; а коли въ крюкъ рублена изба, то и за тридцать пять не купишь. Только въ крюкъ рубимъ рѣдко, все больше просто.

— Что же, вы разбираете: какое дерево на срубъ идетъ, и какое въ пилку на доски?

— А то какъ же? Безъ разуму никакого дѣла не сдѣлаешь.—Вотъ хоть взять такого лѣшаго (тутъ онъ онъ указалъ на огромную сосну): взять этого лѣшаго; какъ его повернешь на срубъ? Отрѣжешь сколько, семь тамъ аршинъ, восемь, девять, что ли, изрѣжешь на доски, а макушки,—тѣ потоньше будутъ, тѣ ужь на срубъ пойдутъ.

— А пилите сами?

— Какой сами, а какой и отдаемъ...

— Пилимъ, еще отозвался мужикъ: — за сотню семи-аршинную шесть рублей, а то приходится и десять копѣекъ отъ шнура взять.

— Какъ отъ шнура?

— Мы шнуромъ отбиваемъ для пилки, какъ пилу вести; такъ отъ каждаго шнура и беремъ, попадетъ по десять копѣекъ...

— Ой, братцы мои! смерть моя приходитъ ко мнѣ!.. застоналъ одинъ мужикъ, лѣтъ двадцати пяти: — смерть моя приходитъ: весь я изгорѣлся, все нутро во мнѣ запылало...

— Что съ тобой? вскрикнулъ я, испугавшись.

— Ступайте, други, я хоть здѣсь полежу.

— Видишь ты, усталъ молодецъ, заговорилъ опять мой резонеръ: — маленько отдохнетъ, и придетъ домой.

— Пойдемте, братцы, пусть его отдохнетъ.

— Какъ же его одного оставить? вступился я.

— Что?

— Вѣдь онъ заболѣлъ, какъ же мы одного-то тутъ въ лѣсу оставимъ?

— Да объ чемъ ты толкуешь?

— Какъ объ чемъ?

— Что же намъ-то здѣсь дѣлать?

— А какъ мы въ лѣсу одного больнаго оставимъ? все еще я настаивалъ.

— А вотъ погоди: пойдемъ въ городъ, наймемъ ему няньку, дѣвку лѣтъ двадцати; какъ пойдетъ малый въ лѣсъ, и та нянька съ нимъ; ему въ лѣсу и не страшно съ нянькой будетъ.

Болѣе всѣхъ потѣшался этимъ разсказомъ тотъ, о комъ шла здѣсь рѣчь: удовольствіе это, соединенное съ насмѣшкою надъ моей неуступчивостью, видимо было на его лицѣ.

— Да что толковать, пойдемъ.

Видя, что дѣйствительно толковать нечего, я согласился на предложеніе, и мы отправились.

— Пойдемте, братцы, правѣе: крюку немного будетъ; а тамъ мочежинка будетъ, въ той мочежинкѣ мы и напьемся.

Мы пошли правѣй, нашли мочежинку—болотную лужу—напились, закурили трубки и опять пошли дальше.

— Ты куда идешь? опять спросили меня.

— Я ужь говорилъ вамъ:—въ Стародубъ.

— Стало на Трубчевскъ.

— Пойдемъ съ нами на Глинево; дорога хоть и идетъ на Острую Луку, да и тутъ почитай, что и крюку не будетъ: только дорога ужь очень тебѣ хороша: все лугомъ будетъ.

— Тутъ дорога травальше будетъ, подговаривалъ другой.

— Какъ травальше? спросилъ я.

— Да ты не изъ здѣшнихъ мѣстъ?

— Нѣтъ, не изъ здѣшнихъ.

— А въ вашихъ мѣстахъ не такъ говорятъ, какъ у насъ? Все, чай, такой же народъ живетъ?

— Такой же, только говоръ другой.

— Какъ говоръ другой?

— Другой! подтвердилъ другой мужикъ:—былъ я въ ратникахъ, ходилъ въ Крымъ: тамъ совсѣмъ говоръ другой: ты скажешь: дорога хороша; а онъ скажетъ только «якши»; ты скажешь: дорога дурна; а онъ тебѣ болтнетъ только: «ёкъ»,—только и словъ!..

— Ну, а травальше, какъ скажетъ тотъ? спросилъ я ратника, бывалаго человѣка.

— Травальше значитъ—якши.

— Ну, а чей говоръ лучше?

— Тотъ говоръ лучше: словъ меньше.

Мы повернули вправо отъ большой дороги и пошли лугомъ; по всему видно было, что Ивановъ день близко, пора знахарямъ и лекаркамъ травы собирать: отъ всего луга несло сильнымъ запахомъ меда; весь лугъ покрытъ былъ цвѣтами.

— Такъ медомъ и несетъ! Славно! проговорилъ съ видимымъ удовольствіемъ одинъ изъ моихъ товарищей.

— Славно! отозвался другой.

— Богъ создаетъ благодать!..

— А хороша у васъ земля? спросилъ я.

— Какая наша земля! Наша земля самая что ни-на-есть хмазовая, самая хмазовая...

— Какая хмазовая?

— Онъ, видишь ты, этого не понимаетъ, проговорилъ бывалый, толкнувъ локтемъ небывалаго.—Хмазовая, милый человѣкъ, по нашему, необразованному, что ни самая дурная; вотъ это и означаетъ хмазовая земля.

— А хорошо, богато вы живете?

— Какой хорошо! заговорилъ было бывалый человѣкъ: — какой хорошо!

— Не совсѣмъ мы ладно живемъ, перервалъ его небывалый: — а нечего Богу грѣшить: травальше другихъ. Возьми сосѣдей; такъ супротивъ тѣхъ мы—паны! Да еще какіе паны? На нихъ посмотришь, да и на насъ взглянешь, такъ ты скажешь: мы изъ другаго царства живемъ, изъ другихъ земель пришли!

— Тѣ мужики сами виноваты предъ Господомъ Богомъ; за то и терпятъ.

— А чѣмъ они согрѣшили?

— А тѣмъ: придешь ты къ хозяину, хозяинъ гостю умышленный, зловредный, правды у него нѣтъ!..

— Скажи ты пожалуйста, хоть ты и чужой здѣсь человѣкъ, можно ли тому быть: долины земли за сто верстъ; ширки больше сорока верстъ; и на всей той землѣ народъ живетъ, и все люди православные,—какъ же такъ стало, что на той землѣ ни одного праведнаго нѣтъ?

— Какъ не быть!

— А коли есть, что же ты скажешь: отчего такъ тѣ мужики живутъ?

— Такъ Богъ далъ!

— Богъ-то такъ далъ; да отчего же ни у одного хозяина нѣтъ избенки маломальски исправной, а всѣ одноглазыя—по одному окошку, — всѣ одноглазыя, да безъ шапки, безъ крышки, значитъ...

— Никто, какъ Богъ!...

Послѣ этого заключенія, мы прошли нѣсколько минутъ не разговаривая.

— Богъ на помочь! проговорила встрѣтившаяся намъ баба, съ серпомъ черезъ плечо.

— Помогай Богъ! обозвались ей.

— Съ трудовъ?

— Съ работы!

— Куда она идетъ? спросилъ я, когда мы разошлись съ этой бабой.

— Траву жать.

— Развѣ у васъ траву жнутъ?

— Случается — и жнутъ.

— Косить, кажется, легче?

— Бабѣ косить — не идетъ!

— Отчего же?

— А такъ! Бабѣ ни косить, ни сѣять хлѣбъ, рожь, овесъ не приходится: ея дѣло капусту, что ль, картофель сажать; а сѣять бабѣ нельзя.

— А пахать можно?

— Пахать, боронить можно.

Мы подошли къ Деснѣ, переправились на другой берегъ въ лодкѣ, которыхъ здѣсь стояло по обоимъ берегамъ до восьми, и взобрались по крутой горѣ до Глинева.

— Пойдемъ ко мнѣ, приглашалъ меня одинъ изъ моихъ случайныхъ товарищей.

— А то хоть и ко мнѣ, приглашалъ другой.

— Спасибо на добромъ словѣ, отвѣчалъ я:—очень ужь я усталъ, и ввалился въ первую попавшуюся мнѣ избу. Изба эта стояла на дворѣ, на улицу выходили ворота и заборъ, по орловскому обычаю; но сама изба сильно смахивала на хату: внутри была, хоть и плохо, да выбѣлена, окна были въ двухъ стѣнахъ, печь у самыхъ дверей; печь чорная, но съ печуркой, тогда какъ въ орловскихъ, рязанскихъ избахъ печь къ противоположной отъ дверей стѣны и окна только съ одной стороны. Передній уголъ — въ дальнемъ отъ дверей углѣ, а въ орловскихъ избахъ въ ближайшемъ.

— Здравствуй, хозяйка, сказалъ я, войдя въ избу, сидѣвшей тамъ старухѣ.

— Здравствуй, родимый! Да какъ же ты умаялся! Ляжь тутъ-то на лавочку, отдохни; ляжь; семъ-ко я подложу тебѣ подъ головку, говорила и въ то же время хлопотала старуха.—Да выпей водицы; только одной воды не пей, — это не хорошо будетъ; а ты вотъ возьми кусочекъ хлѣба, посоли, послѣ пожуй, да и запей водицей; напоила бъ тебя и квасомъ, да, видитъ Богъ, квасу ни ложки нѣтъ...

Когда я немного отдохнулъ, ко мнѣ подошла сноха моей хозяйки.

— Ты ныньче еще не обѣдалъ? спросила она меня.

— Нѣтъ, еще не обѣдалъ.

— Погоди я тебѣ бурачковъ налью.

— Она налила въ чашку бураковъ, положила предо мной ковригу хлѣба, пододвинула соль.

— Кушай на здоровье! сказала она.

— Сходи-тко, налей въ чашечку молочка, прибавила старуха хозяйка.

Сноха пошла за молокомъ.

— И какъ не измаяться въ такую жару да сухмень! заговорила словоохотливая старуха: — вишь какая сушь стоитъ! И Господь знаетъ, что-то будетъ! На коноплю какая-то мушкара напала: по инымъ мѣстамъ всю коноплю мошка эта цоѣла, земля какъ будто вчера только вспахана; а безъ

конопли, что дѣлать, чѣмъ питаться?! Просто головушка наша грѣшная! Отъ сухмени отъ этой и скотъ-то весь попадалъ: весь, таки весь...

— У васъ падежъ былъ?

— Какое былъ! и теперь такъ варомъ и варитъ: по всему округу падежъ, ни одного села не миновалъ.

— У васъ молоко есть?

— Есть, родимый, осталась коровка одна; бережемъ молочко для хвораго человѣка, для странняго... а сами ужъ давно не знаемъ, какое такое молоко бываетъ...

Поѣвши, я прилегъ на лавку и думалъ немного хоть заснуть, но кучи мухъ не позволили имѣть хоть маленькую надежду на это покушеніе. Въ избу вошли три дѣвочки, внучки старухи, изъ которыхъ старшей было не болѣе двѣнадцати лѣтъ.

— Что, дѣточки, нагулялись? спросила ихъ старуха.

— Нагулялись, бабушка!

— А нагулялись, — на полотьбу, дѣточки!

— Мать говорила, бабушка, что ныньче на полотьбу не идти, сказала одна дѣвочка, лукаво посматривая на мать.

— Какъ не идти? сказала бабушка.

— Да не идти, бабушка!

— Какъ же такъ, Марья? обратилась старуха къ снохѣ, которая въ то время кроила хлѣбъ. — Овесъ полоть надо.

— Надо, матушка.

— А какъ же не идти?

— Да это дѣвчонка такъ только балуетъ; я вотъ и хлѣбъ крою, въ поле взять, говорила Марья, раздавая дѣтямъ ломти хлѣба.—Надо полоть, нельзя такъ день за день оставить.

— Что же онѣ наработаютъ? спросилъ я.

— Какъ что?

— Да вѣдь меньшей, чай, и девяти годковъ нѣтъ, — какая же она работница?

— На какую работу, другъ, сказала старуха, на какую работу! На эту работу и маленькая, что большая все одно; да и надо съизмалу ребенка пріучать ко всякому трудному дѣлу: первое — тебѣ помощникъ; а самое главное — ему наука...

— Сколько надо денегъ за обѣдъ? спросилъ я, надѣвая свою сумку и собираясь уходить.

— И, что ты, родимый! отвѣчала хозяйк"в

— Да вѣдь я ѣлъ бураки, молоко...

— Полно, родимый, оставь...

— Молока у васъ у самихъ нѣтъ...

— Полно, отстань, глупый человѣкъ!...

Я подошелъ къ одной дѣвочкѣ и хотѣлъ дать ей на орѣхи да на пряники, но старуха накинулась и на внучку и на меня.

— Что ты дѣлаешь, безбожникъ эдакой! ребенка въ соблазнъ вводишь!... Да и ты дура вздумала, обратилась старуха къ внучкѣ: — съ страннаго человѣка за свою хлѣбъ-соль деньги брать? Есть ли у тебя крестъ-то на шеѣ... Есть ли крестъ на шеѣ!...

— Да я, бабушка, и не брала... заговорила испуганная внучка, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ она сдѣлала величайшее преступленіе. — Это онъ мнѣ хотѣлъ дать, а все-таки я бы не взяла...

Дѣти съ матерью пошли овесъ полоть, а я, разспросивъ дорогу, пошелъ на Трубчевскъ.

— Да ты, родной, не найдешь дороги, сказала мнѣ на прощаньи старуха: — дай-ко я тебѣ покажу дорогу.

Говоря это, она прошла со мною за ворота, прошла улицу, вывела за деревню и указала дорогу.

Я пошелъ полемъ, которое въ разныхъ мѣстахъ пахали и скородили и мужчины и женщины, и пройдя версты двѣ или три, вышелъ на большую дорогу.

— Помогай Богъ, сказалъ я, подходя къ двумъ мужикамъ, лежащимъ подъ ракиткой у большой дороги, и не разглядѣвъ, чѣмъ они занимаются.— Что подѣлываете?

— А вотъ что!—Съ этими словами онъ началъ хлопать своего товарища по носу картами: они играли въ карты, въ веселую игру—*по носкамъ*.

— Какъ же вы, братцы, играете въ карты, когда люди пашутъ; всякій часъ дорогъ, а вы вышли въ поле, да въ карты играете?

— Такъ надо!...

— Какъ же надо?

— А вотъ видишь ты, сказалъ другой изъ играющихъ: — мы, братецъ ты мой, на пунктикахъ стоимъ.

— На какихъ пунктикахъ?

— На пунктикахъ: какой чиновникъ проѣдетъ, то ты и должонъ того чиновника везти; для этого три пары на каждомъ пунктикѣ и стоитъ завсегда.

— Да гдѣ же лошади?

— Лошади на пунктикѣ.

— А пунктикъ, гдѣ?

— Въ Острой Лукѣ.

— Вѣдь Острая Лука отсюда далеко?

— Четыре версты будетъ.

— Ну, какъ чиновникъ проѣдетъ, а васъ на мѣстѣ нѣтъ, вѣдь вамъ пожалуй и плохо будетъ.

— Не проѣдетъ никакой чиновникъ!

— Какого лѣшаго сюда чортъ понесетъ, прибавилъ другой: — намъ вѣдь это дѣло не въ первой.

— Ну, братцы, это ваше дѣло! Прощайте!

— Счастливо!...

Въ Усохѣ я нашелъ И. П. Б—ва, который говорилъ мнѣ, что при немъ когда копали въ лѣсу колодезь, на глубинѣ, около двухъ аршинъ, нашли осколокъ музыкальнаго инструмента — *утки*. Вѣрно всѣмъ случалось слышать, какъ мальчикъ, приложивъ къ губамъ глиняную *утку*, выигрывалъ незатѣйливые звуки; но можетъ быть, никому не приходило на мысль, что эти утки видны по всей Россіи, въ остзейскихъ губерніяхъ и, можетъ быть, еще гдѣ нибудь? Никому не захотѣлось узнать, какъ велико производство этихъ утокъ и какъ давно употребленіе ихъ между народомъ. Я могу только сказать, что ни одна ярмарка, какъ бы велика она не была, не обходится безъ утокъ; а на маленькихъ ярмаркахъ, бывающихъ у церквей, празднующихъ престолъ, этотъ товаръ, если не главный, то вѣрно изъ главныхъ.

Сабурово*), Малоархангельскаго уѣзда, 20-го августа 1861 г.

— Наша деревня—деревня новая, говорилъ мнѣ сабуровскій крестьянинъ Ѳедоръ Васильевичъ Синицынъ:—мы первые сюда сведенцы. Мы съ изстари зовемся Синицыными, а какъ насъ сюда перевели, то и колодезь сталъ зваться Синицынымъ, и верхъ тоже Синицынымъ. А до насъ и колодезь и верхъ никакъ не звался.

— Отъ чего же деревня стала зваться Сабуровымъ? спросилъ я Ѳедора Васильевича.

— Этого я не знаю отчего, отвѣчалъ тотъ, только наша деревня всегда звалась Сабуровымъ.

— Нѣтъ, должно быть не всегда, Васильичъ! По бумагамъ видно, что у нее есть еще и другое прозвище.

— Какъ другое?

— Да такъ другое: по бумагамъ пишется «деревня Сабурово, Судель **), колодезь тожъ.» Стало быть, было и другое названіе.

— А можетъ и прозывалась Судель колодезь,—я этого не знаю; только колодезь у насъ былъ не то, что теперь—старики помнятъ—нашъ колодезь такъ былъ, что за пять верстъ слышно было: да и вы, чай, помните: развѣ онъ такой былъ! Прудъ то былъ глубокій, преглубокій, а теперь что?.. Подъ деревней теперь скотъ ходитъ: трава ростетъ; въ самое мочливое лѣто, ногъ не замочишь, а вѣдь здѣсь была глубина непомѣрная: не такъ еще давно ребятишки здѣсь утонули; коихъ вытащили—откачали; а кои такъ и остались—на погостъ снесли.

— Сперва лѣса были?

— Лѣса были! какіе лѣса?! Тутъ кругомъ были лѣса, да все дубовые!

---

*) Должно замѣтить, Сабурово было имѣніе Якушкиныхъ. *Изд.*

**) Судель, т. е. Судославовъ; Ярославовъ—Ярославль. *Авт.*

А теперь лѣсовъ то почти и нѣтъ; заведется какая рощица, сейчасъ же ее и на срубъ! За избой-то ѣхать, кому надо избу срубить, ѣхать надо и незнать куда!

— Вы откуда сюда были переведены?

— Мы то Синицыны сведены сюда изъ подъ Болхова. Мы сперва были господина Кожина; такъ Кожинъ насъ еще сюда и свелъ; а тамъ мы достались Арсеньеву—во приданое къ Арсеньеву пошли. А ужъ у Арсеньева вашъ дядюшка насъ купилъ, да еще наведенцевъ изъ подъ Вязьмы пригналъ. Съ тѣхъ поръ мы и стали вамъ податны.

— Поэтому у Кожина здѣсь была земля?

— Наврядъ была, должно быть, не было?

— На какую же землю онъ васъ перевелъ, когда у него здѣсь своей земли не было?

— Можетъ быть и была какая малость: а то у насъ вся земля здѣсь *отбойная*.

— Какъ отбойная?

— Отбойная все равно какъ *дубинная*, толковалъ Ѳедоръ Васильевичъ.

— Да я все таки не понимаю, какая земля отбойная, дубинная?

— Дубинная земля значитъ, кто дубиной землю отобьетъ, земли-то сперва было много: всякъ бери сколько хочешь; а какъ народу то народилось много, земли то и не стало хватать по прежнему, и стали дубьемъ другъ у друга отнимать. Кто отбилъ, того и земля. Нашъ Кожинъ и захватилъ себѣ такъ землю нашу сабуровскую, самарскую: все было кожинско, и вся земля отбойная, дубинная.

— Скажи пожалуйста: какъ отбивали, когда отбивали землю?

— Этого я сказать не могу, когда отбивали, а отбивали землю: возьметъ кто косу, кто цѣпъ, да косой или цѣпомъ и отбиваютъ.

Припоминаю теперь разсказъ объ этомъ, слышанный мной здѣсь же нѣсколько лѣтъ тому назадъ; мнѣ разсказывалъ здѣшній же крестьянинъ, кто именно, не помню, но въ моихъ замѣткахъ сохранился его разсказъ.

— Пойдемъ бывало землю отбивать, говорилъ онъ, да не столько изъ корысти, сколько изъ охоты!.. Придетъ весна, надо землю подъ яровое пахать, или осень подъ озимое... Теперь ѣдемъ пахать, возьмешь только соху, да хлѣбца кусокъ и все!.. А прежде не такъ: берешь соху, и хлѣба съ собой возьмешь, да ужь безпремѣнно съ собой заберешь и косу, и цѣпъ; а кто оглоблю захватитъ. Выѣдешь на загонъ *) а тамъ тебя ужъ ждутъ съ тѣмъ же гостинцемъ, что и ты припасъ; а тѣ тоже и съ цѣпами, и съ косами, и съ дубинами; а какъ сойдутся и почала... чья возьметъ! А какъ взяла наша, запашешь землю. А запахалъ землю, никто тронуть не моги: зародитъ тебѣ Богъ хлѣбушка, ты и бери...

— И по вѣкъ твоя земля, которую засѣешь разъ? спрашивалъ я.

— Какъ можно, по вѣкъ? отвѣчали мнѣ: ты хлѣбъ собери, а земля опять таки ничья, земля была вся Божія. На будущій годъ опять тоже.

*) Часть поля, засѣянная однимъ хлѣбомъ, принадлежащая одному хозяину.

— Да и съ сѣнокосомъ все тоже: ты скосилъ траву, убирай сѣно: а я у тебя отбилъ, не далъ скосить—ну и сѣно мое...

Возвращусь къ бесѣдѣ моей съ Федоромъ Васильевичемъ.

— А ты помнишь прежнихъ господъ? спросилъ я его.

— Кожина не помню, а Арсеньева тутъ знаютъ.

Вашъ дядюшка умеръ скоро за французомъ *), а до него былъ Арсеньевъ у насъ.

— Чтожъ про него говорятъ?

— Баринъ былъ хорошій, порядки любилъ.

— Хорошо жили?

— Жили хорошо! вотъ хоть нашъ дворъ или взять еще Корявыхъ... хорошо жили...

— Чѣмъ-же?

— Богато жили! сколько земли пахали, сколько лошадей держали; ѣдутъ, бывало, батраки Коряваго, что твой барскій обозъ; да и лошади жъ были!..

— Старики пахали тоже отбойную землю?

— Нѣтъ, мужикамъ какъ можно отбивать!.. Это совсѣмъ не мужицкое дѣло, гдѣ мужику отбивать: мужику не справиться съ бариномъ. А у мужика и земли нѣтъ и отбивать стало нечего.

— Какую же землю старики пахали, когда, какъ ты говоришь, что и помногу старики пахали?

— А то же у господина брали.

— Какъ, отбойную?

— Нѣтъ, отбойную какъ возьмешь, какъ съ ней ты справишься! Отбойную для барина; а мужикъ нанималъ барскую крѣпостную.

— Откуда жъ бралась крѣпостная земля, когда всякъ, кто могъ, отбивалъ себѣ земли?

— У сильнаго барина не отбить земли! барщина большая; вотъ такой то баринъ захватитъ земли, продержитъ ее столько лѣтъ, та земля тому барину и крѣпостная; ту землю мужики и нанимали.

— И по многимъ мѣстамъ землю отбивали?

— Да здѣсь вездѣ: куда хочешь рукой махни: къ Ливнамъ, Новосилю, къ Курску все едино, все одинъ порядокъ былъ... Да и цѣна за землю была не то, что теперь,—христіанская.

— Почемъ же?

— Почемъ доподлинно ходила въ наемъ десятина, этого я сказать тебѣ не могу, а только за самую пустую цѣну. Ты самъ знаешь, что подъ озимую, десяти лѣтъ нѣтъ, десятина ходила шесть цѣлковыхъ, а теперь подъ десять подходитъ; ну а при нашихъ старикахъ и той цѣны неслыхано; десятина-то говорятъ ходила полтина на ассигнаціи, а то и того дешевле.

— А съ сѣнокосомъ какъ же?

---

*) Вскорѣ послѣ 1812 года. *Авт.*

А тамъ какъ стало дороже, дороже, все дороже. Теперь хоть и не нанимай вовсе той земли!.. Сперва то и люди жили богатѣй!.. Теперь и народъ то обѣднялъ!

— Отчего же народъ обѣднялъ? спросилъ я.

— Какъ не обѣднять?.. Кои пообмерли дворы, а кои и такъ: раззорились во дворѣ, раздѣлются, вотъ жизнь совсѣмъ ужъ не та и пойдетъ, не прежняя!..

— Отчего же?

— Какъ можно прежней жизни быть! И работниковъ меньше, и хозяйства меньше. Вотъ оттого должно обѣдняли—это разъ; а то знаешь, П. И., Корявые отчего обѣдняли?

— Нѣтъ, не знаю.

— Я тебѣ говорилъ, что Корявые у насъ первые богачи были, да супротивъ Корявыхъ и на сторонѣ поискать, не скоро и съищешь. Да и съ какими людьми знался, хлѣбъ-соль водилъ! Да не то что на поклонъ ходилъ, а говорю я тебѣ, хлѣбъ-соль водилъ. Вотъ хочь Ч**; такъ тотъ Ч** ѣздилъ къ нему просто въ гости, какъ къ своему брату.

— Про Корявыхъ ты говорилъ; отчего же Корявые теперь обѣдняли?

— Съ отцомъ поссорились... Съ старикомъ еще, съ богачемъ то; старикъ взялъ деньги всѣ, да и закопалъ въ землю; а въ кое мѣсто закопалъ, про то никому и не сказалъ!.. Какъ померъ большакъ, схоронили, а тамъ стали деньги искать. Весь домъ перерыли, весь дворъ перекопали, да гдѣ съищешь? Не ты положилъ, не ты и съищешь!

— Такъ и не нашли?

— Такъ и не нашли.

— У старика только одинъ сынъ и былъ: можетъ помнишь Алексѣя Корявaго?

— Помню, помню. За что же отецъ на дѣтей разсердился?

— Такъ этотъ Алексѣй Корявый не почиталъ своего отца, отецъ то деньги, всѣ что было, зарылъ въ землю, ни кому! Деньги спряталъ, а сына проклялъ. А съ отцовскимъ проклятіемъ какое житье? Богъ никакого счастья не дастъ ни въ чемъ, за что ни возьмешься.

Сабурово 23-го августа.

Сабуровскіе крестьяне наняли пастуха изъ своихъ же мужиковъ, съ уговоромъ: пасти скотъ отдѣльно отъ табуна, потому что коровы легко могутъ забодать лошадь. Въ рабочую пору всѣ заняты сильно, всѣ мужики то на жнитвѣ, то хлѣбъ косятъ, то въ скирды возятъ. Мартынъ, хозяинъ двора, обязавшійся выставлять ежедневно пастуха, въ эту пору послалъ

пасти бабу, а бабѣ одной гдѣ справиться? Она и спустила вмѣстѣ и табунъ, и стадо; да на ея бѣду грѣхъ и случился: корова пропорола бокъ лошади лошадь и издохла. Хозяинъ лошади пришелъ къ мировому посреднику съ съ жалобою на Мартына.

— Такъ и такъ, говоритъ, Мартынъ взялся не спускать стада съ табуномъ, а баба Мартынова не уберeглась, грѣхъ и случился: корова моей лошади бокъ спорола, лошадь издохла.

— Судиться будете—хуже будетъ, отвѣчалъ мировой посредникъ, а вы съ Мартыномъ скажите старикамъ, что они вамъ скажутъ, на томъ и порѣшите.

Спустя нѣсколько дней, мы пошли съ посредникомъ на деревню по этому дѣлу; хозяинъ лошади опять приходилъ съ жалобою. Мы вошли въ избу и послали за хозяиномъ лошади. Черезъ нѣсколько минутъ явились и позванные.

— Здравствуй Мартынъ! Что это вы не поладили объ лошади? спросилъ посредникъ Мартына, кода тотъ, войдя въ избу, перекрестился на образа и поклонился намъ.

— Да вотъ, Николай Ивановичъ, какъ не поладили: міръ что порѣшилъ, тому и быть: міръ порѣшилъ, грѣхъ пополамъ, я и не стою противъ того, да Василій *) несообразно проситъ.

— Я, Николай Ивановичъ, на міръ ни обижаюся, что міръ сказалъ, тому и быть должно: положилъ міръ грѣхъ пополамъ, ну и пополамъ, такъ и пополамъ! Да Мартынъ-то цѣну кладетъ за лошадь ужъ больно обидную....

— За твою лошадь семь цѣлковыхъ обидно? прервалъ его Мартынъ.

— А какъ же не обидно? Какую ты лошадь купишь за семь цѣлковыхъ? А я кладу всего за лошадь десять цѣлковыхъ.

— Не грѣхъ ли будетъ тебѣ, Василій? сказалъ Мартынъ. Посмотри, Василій, на Бога.

— Слушай, дядя Мартынъ, отвѣчалъ скороговоркою Василій, вѣдь, грѣхъ какъ есть твой весь.

— Знаю, что мой грѣхъ! Не былобъ моего грѣха, не стоялъ бы и здѣсь.

— Была бъ худенькая лошаденка, я бъ на ней пахалъ, продолжалъ Василій, а какъ лошади не стало, вѣдь я нанималъ сѣять.

— Знаю, что нанималъ.

— Посѣять заплатилъ цѣлковый!

— Знаю и то, да что жь изъ этого?

— Я, дядя Мартынъ, того, какъ передъ Богомъ! Я того не ищу! я только лошадь десять цѣлковыхъ кладу.

— Да не стоитъ того твоя лошадь.

— Слушай, дядя Мартынъ, вотъ что: я тебѣ дамъ три съ полтиною серебра, купи мнѣ такую лошадь!

---

*) Я не могу сказать, точно ли хозяина лошади звали Василіемъ; впрочемъ, дѣло не въ имени, а потому и будемъ звать хозяина лошади Васиіелмъ. *Авт.*

— Гдѣ я буду покупать тебѣ лошадь?

— А по моему вотъ что, вмѣшался въ разговоръ хозяинъ избы, который сидѣлъ съ нами на лавкѣ, по моему пусть міръ скажетъ, чего стоитъ лошадь.

— А право, дядя Мартынъ, пусть міръ скажетъ, заговорилъ Василій, пусть міръ цѣну положитъ...

— Да что міръ?

— Какъ что міръ? еще скорѣе заговорилъ Василій, какъ что міръ? Міръ, дядя Мартынъ, ни для тебя, ни для меня, душой не покривитъ: міръ правду скажетъ...

— По моему, сказалъ посредникъ, тебѣ, Мартынъ, мириться надо; пойдешь судиться, за лошадь таки заплатишь, да, пожалуй, еще и штрафъ съ тебя положатъ; взялся за дѣло, да не исполнилъ.

— Какъ прикажешь, Николай Ивановичъ, такъ и будетъ, отвѣчалъ Мартынъ.

— Въ этомъ дѣлѣ я приказывать не могу, сказалъ посредникъ, а мой только совѣтъ такой: лучше вамъ помириться, до суда не доходить; дойдешь до суда, тебѣ, Мартынъ, хуже будетъ.

— Да вѣдь десять цѣлковыхъ, Николай Ивановичъ, дорого будетъ.

— Это твое дѣло—не мирись!

— Только хуже будетъ, проговорилъ хозяинъ избы, право, братъ Мартынъ, хуже будетъ.

— Такъ помириться, Николай Ивановичъ? еще спросилъ Мартынъ мироваго посредника.

— Ну, слушай, Василій! Хочешь ты мнѣ сдѣлать зло, Богъ съ тобою, я на тебя зла не хочу!..

— Да что ты, дядя Мартынъ! Господь съ тобою! Какое тебѣ зло хочу сдѣлать? Что ты?

— Ну, да хорошо! Отвѣчаю пять рублей! До суда не хочу доходить, Богъ съ тобою!

— Ну, и спасибо, братцы, что помирились, сказалъ посредникъ, до суда ходить—самое послѣднее дѣло.

Тяжущіеся проговорили что-то въ родѣ благодарности и прощенія.

Тяжущіеся вышли, а вслѣдъ за ними и мы.

А не любятъ мужики этого «штряха», какъ они называютъ этотъ проклятый штрафъ.

Оттого и завелся *штряхъ*, говорятъ мужики, что ни за что деньги берутъ: даромъ стряхнутъ.

Мнѣ кажется, что въ этомъ процессѣ замѣчательно, что міръ присудилъ заплатить хозяину за лошадь только половину цѣны, хотя онъ нисколько не былъ ни въ чемъ виноватъ, а терялъ другую половину и, несмотря на это Василій, повидимому, обиженный міромъ, все таки ссылался на міръ, а Мартынъ, которому міръ, по принятымъ нами понятіямъ, помирволилъ, отказывается отъ оцѣнки міромъ лошади.

Вѣрно въ русскомъ народѣ существуютъ по сю пору свои законы, кромѣ свода законовъ.

Малоархангельскъ, 25-го августа.

Много селъ на Руси—произведенныхъ въ города, но вѣрно нѣтъ ни одной деревни, которая бы менѣе Малоархангельска имѣла правъ на подобную честь: славный городъ этотъ постройкою хуже многихъ деревень, торговли никакой, стоитъ на краю уѣзда и около Курской губерніи, а вдобавокъ и вдали отъ всякой дороги; была почтовая дорога черезъ Малоархангельскъ изъ Орла въ Ливны, да и то нынѣшній годъ уничтожена; теперь почта ходитъ въ Ливны, черезъ село Липовицу, оставляя Малоархангельскъ верстахъ въ сорока слишкомъ, въ сторонѣ. Обозы также не ходятъ на этотъ городъ: транспортная контора идетъ на Губкино. Но все таки Малоархангельскъ и по географіямъ, и по уѣзднымъ судамъ—городъ, и въ этомъ городѣ, сего августа 25-го дня, былъ съѣздъ мировыхъ посредниковъ.

Засѣданія мировыхъ посредниковъ для всѣхъ открыты и мнѣ удалось быть при первомъ засѣданіи въ Малоархангельскѣ.

Я пришелъ еще до открытія засѣданія и потому могу разсказать объ немъ подробно, но я думаю, что и краткій разсказъ будетъ имѣть большой интересъ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ предводителемъ дворянства, какъ президентомъ, чиновникъ отъ правительства предложилъ формулировать засѣданія, формулировать занятія, формулировать жалобы просителей и еще что-то такое формулировать. Всѣ посредники съ этимъ мнѣніемъ согласились.

— Такъ какъ многія дѣла намъ придется рѣшать на основаніи вышедшихъ циркуляровъ министерства и губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, продолжалъ тотъ же чиновникъ, то я предлагаю заняться прежде всего чтеніемъ этихъ циркуляровъ.

Съ этимъ мнѣніемъ тоже согласились; секретарь сталъ читать циркуляры; чтеніе продолжалось долго и продолжалось бы еще, еслибъ не вмѣшался одинъ изъ мировыхъ посредниковъ.

— Мы, господа, всѣ эти циркуляры читали, сказалъ онъ, большой нужды нѣтъ повторять эти циркуляры. Не лучше ли ихъ прочитать послѣ, а теперь позвать просителей: теперь пора рабочая, мужику каждый часъ дорогъ; за нашимъ чтеніемъ этихъ циркуляровъ, мужикамъ просителямъ придется ждать, пожалуй, нѣсколько дней. И съ этимъ мнѣніемъ тоже всѣ согласились.

— Только на слѣдующій разъ, прибавилъ чиновникъ, должно будетъ читать циркуляры прежде, а послѣ уже принимать просителей.

— Тогда нужно намъ собираться ранѣе двадцать пятаго числа, отвѣчали

ему, положимъ двадцать четвертаго, а крестьянамъ объявить, чтобъ они являлись къ двадцать пятому.

— Въ губернскихъ вѣдомостяхъ можно объявить...

— Не только въ губернскихъ, я полагаю въ столичныхъ... въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» тоже можно...

— Можно и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», одобрилъ секретарь.

— Я думаю, сказалъ предводитель, по церквамъ можно объявить тоже.

— Да, и по церквамъ можно...

— Теперь можно просителей впустить? спросилъ одинъ мировой посредникъ.

Съ этими словами этотъ посредникъ вышелъ изъ комнаты и черезъ минуту вернулся съ крестьянами—просителями.

— Вотъ проситель, сказалъ посредникъ, я разскажу вамъ его просьбу и его дѣло.

Дѣло состояло въ томъ, что мужики хотѣли взять при размежеваніи съ бариномъ землю не въ одномъ мѣстѣ, а клоками, въ разныхъ мѣстахъ, лучшую землю, не обращая вниманія на неудобство черезполосицы. Посредникъ отказалъ имъ въ ихъ просьбѣ и предложилъ имъ прислать отъ себя выборныхъ на съѣздъ мировыхъ посредниковъ. Эти выборные, въ настоящее время, являются первыми просителями.

— Вы объ чемъ просите? спросилъ выборныхъ предводитель, когда было разсказано ихъ дѣло мировымъ посредникомъ.

Крестьяне начали разсказывать; оказалось, что мировой посредникъ вполнѣ передалъ ихъ просьбу.

— Ваша просьба, братцы, не дѣльная, сказалъ крестьянамъ предводитель, вамъ отказалъ вашъ мировой посредникъ, и здѣсь вамъ тоже отказываютъ; по вашей просьбѣ ничего сдѣлать нельзя.

Мужики поклонились и хотѣли идти.

— Этого такъ сдѣлать нельзя, заговорилъ чиновникъ отъ правительства.

Мужики остановились, надежда блеснула въ ихъ глазахъ и они отвѣсили по низкому поклону чиновнику отъ правительства: въ одномъ лицѣ они видѣли свое спасеніе.

— Этого сдѣлать нельзя.

— Какъ нельзя? Какъ же?

— Эту просьбу надо формулировать; вы, сказалъ онъ посреднику, который разсказывалъ дѣло, вы это дѣло такъ прекрасно знаете, вы и формулируйте.

Надо было видѣть лицо крестьянъ, когда они услыхали этотъ протестъ. Мнѣ кажется, что если-бы дѣло и совершенно рѣшилось въ ихъ пользу, они и тогда бы не болѣе обрадовались: такъ много они полагали надежды на своего воображаемаго посредника.

Мужики еще разъ отвѣсили по поклону ему.

— Для чего же здѣсь формулировать? спросилъ мировой посредникъ.

— Какъ для чего? отвѣчалъ чиновникъ отъ правительства,—насъ можетъ спросить объ этомъ дѣлѣ вотъ хоть и губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, какъ мы будемъ отвѣчать?

— Для этого довольно записать ихъ просьбу, отвѣчалъ мировой посредникъ.

— Надо формулировать, продолжалъ чиновникъ отъ правительства.

Чѣмъ этотъ споръ кончился, я понять не могъ.

Первые просители ушли, были введены другіе. Этимъ тоже было отказано, хотя ихъ дѣло было и правое: они были переведены на безводное мѣсто; они жаловались, производилось слѣдствіе, жалоба, кажется, найдена справедливою, и дѣло ихъ пошло законнымъ порядкомъ, а поэтому посредники имъ ничего и не умѣли сдѣлать, имъ это было объявлено.

Ушли и эти просители.

— Вотъ господинъ такой-то, объявилъ секретарь, письменную просьбу подалъ.

Господинъ такой-то подошелъ къ предводителю, сталъ противъ секретаря, стоявшаго рядомъ съ кресломъ предводителя.

— Читайте просьбу, сказалъ предводитель секретарю.

Секретарь сталъ читать, а господинъ, подававшій просьбу, стоялъ, не спуская глазъ, противъ секретаря. Господинъ этотъ просилъ, чтобы его, по его бѣдному состоянію, называли мелкопомѣстнымъ, хоть за нимъ и числится больше 20 душъ.

Такъ какъ мелкопомѣстными по положенію называются дѣйствительно мелкопомѣстные, то это дѣло признано такой важности, что посредники положили представить это дѣло въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Потомъ читана была жалоба одной помѣщицы на одного посредника; жалоба была курьезная. Видите: въ имѣніе мужа, лѣтъ двадцать назадъ, переведены мужики, принадлежащіе женѣ; теперь дѣлаютъ умозаключеніе такое: мужики чужіе не имѣютъ права на выкупъ земли, которую они теперь обработываютъ для себя; а какъ они въ томъ имѣніи, гдѣ приписаны, не владѣютъ землей, то и тамъ они лишаются этого права; а потому она этимъ мужикамъ земли не даетъ. Помѣщицѣ кажется будетъ отказано.

Потомъ пришло нѣсколько ратничихъ просить отъискать ихъ мужей: живы они или померли; однѣмъ надо деньги за мужей получить, другимъ—замужъ выходить. Имъ обѣщано похлопотать.

Опасаясь передать не совсѣмъ правильно, я не повторяю разговоръ крестьянъ съ предводителемъ и посредниками; но считаю долгомъ сказать, что крестьянъ выслушивали терпѣливо, объявляли имъ рѣшеніе, разсказавъ прежде, почему такъ рѣшено. Вообще глядя на человѣческое обращеніе мировыхъ посредниковъ съ крестьянами, отъ этого учрежденія должно ожидать многаго.

V.

ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Челнскій монастырь, 24 іюля 1861 г.

Простясь съ трубчевскими знакомыми, я пошелъ черезъ Челнскій монастырь къ Чернигову. Большая дорога идетъ горой; но пѣшеходы ходятъ въ монастырь лугомъ, т. е. низомъ. Эта дорога очень живописна: справа крутая, отвѣсная гора, покрытая лѣсомъ, изъ котораго кое-гдѣ виднѣются хаты, пасѣки, а слѣва—ровный лугъ, поросшій кустарникомъ, по которому прихотливо извивается Десна, Десенки, маленькіе ручейки...

— Какая эта деревня? спросилъ я встрѣтившагося мужика старика, указывая на виднѣвшуюся изъ лѣсу на горѣ деревню.

— А деревня Темная.

— Вольная, или господская?

— Теперь господскихъ деревень нѣтъ: Господь Богъ положилъ въ сердце царю—всѣ деревни сдѣлать вольными.

— Да сперва-то деревня Темная была вольною, или господскою? опять спросилъ я.

— Удѣльная.

— Должно—быть старая старинная?

— Какъ міръ стоитъ, такъ и та деревня стоитъ, толячо сперва она не такъ называлась: не называлась Темной.

— Какъ же?

— Называлась Красной деревней.

— Почему же ее стали звать Темной?

— Ты, можетъ, слыхалъ, городъ Трубчесскъ былъ за княземъ Трубецкимъ, не за теперешними Трубецкими, а за прежнимъ, что жилъ лѣтъ за сто, а то и еще больше, до насъ. Такъ за тѣмъ княземъ Трубецкимъ былъ и городъ Трубчесскъ и всѣ села и деревни, что подъ Трубчесскомъ стоятъ, весь *Трубческій* уѣздъ, стало быть и Темная за нимъ же была. И былъ у того князя сынъ, княжичъ—большой охотникъ съ малыхъ лѣтъ за охотою, съ ружьемъ ходить, съ собаками. Пошелъ этотъ княжичъ разъ за охотою, подошелъ онъ къ этому самому мѣсту, заприметилъ дикую птицу, приложился изъ ружья, выстрѣлилъ... Только утица та поднялась, перелетѣла Десну и пала. Княжичъ видитъ: птица пала; раздѣлся и поплылъ на тотъ берегъ за той утицей. Поплылъ княжичъ черезъ Десну, судорога ногу что-ли свела, это случается... такъ ли ужъ Богъ далъ, только княжичъ не доплылъ до берегу; не доплылъ—утонулъ... Бросился народъ его вытаскивать, побѣжали къ старому князю... прибѣжалъ князь... вытащили княжича, а тотъ ужь Богу душу отдалъ: какъ ни качали и на рукахъ и на бочкахъ *) откачать не могли. «Откуда бросился княжичъ въ Десну?» спросилъ старый князь у народа—«Да вотъ изъ подъ самой Красной деревни», сказалъ народъ въ отвѣтъ старому князю.—«Какая такая Красная деревня?»—«А вотъ эта самая».—«Какая она Красная! эта деревня Темная!» Съ тѣхъ поръ и пошла та деревня зваться Темною деревнею, а не Красной. Посмотри: кругомъ деревни Любовно, Хотьяново; все прозвища хорошія; одна только эта деревня—Темная.

Дорога шла кустарникомъ, и я, пройдя съ версту отъ Темной, наткнулся на кучу мужиковъ, лежащихъ подъ кустомъ.

— Здраствуйте, братцы!

— Здорово, почтенный!

— Семъ-ко я съ вами отдохну.

Я сѣлъ и закурилъ папиросу.

— Дай ко мнѣ, человѣкъ почтенный, огоньку, я и себѣ сдѣлаю цигарочку, сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Не хочешь ли моего табаку? спросилъ я у него.

— Нѣтъ, не хочу; въ вашемъ табаку скусу такого нѣтъ, какъ въ нашемъ; нашъ будетъ скуснѣй.

Съ этими словами онъ досталъ изъ кармана листъ печатной бумаги, оторвалъ клиномъ вершка въ три отъ него кусокъ, плотно свернулъ его трубочкой, насыпалъ въ эту цигарку табаку.

— Дай-ко огоньку, сказалъ онъ, кончивъ свою многосложную и довольно трудную работу.

— Изволь, любезный! Да неужели же твоя цигарка лучше моей? въ твоей цигаркѣ больше бумаги, да еще и замасленной, чѣмъ табаку.

---

*) Къ сожалѣнію и теперь эти способы въ сильномъ употребленіи, не только между простымъ народомъ, но и въ болѣе образованномъ. *Авт.*

— Бумага не мѣшаетъ, отвѣчалъ тотъ рѣшительнымъ, недозволяющимъ возраженій тономъ,—бумага та и цигаркѣ только больше скусу придаетъ.

— Куды идешь, почтенный человѣкъ? спросилъ меня, позѣвывая и крестя ротъ, другой мужикъ.

— Развѣ не видишь? отвѣчалъ за меня первый, поплевывая въ сторону,—развѣ не видишь? въ Челнскій монастырь; тутъ, кажись, дорога одна!

— А вы откуда? спросилъ я, оставшись очень доволенъ отвѣтомъ за меня.

— Яни (они) деготь гнали.

— А ты, любезный?

— А мы по своей части.

— Гдѣ же вы деготь гнали? спросилъ я, мирясь съ отвѣтомъ говоруна.

— А все больше по господскимъ лѣсамъ, отвѣчалъ тотъ же говорунъ.

— Что-жъ, нанимаетесь?

— Нѣтъ, сами сидимъ, проговорилъ одинъ изъ работниковъ,—самимъ лучше.

— Яни отъ ведра, прибавилъ говорунъ.

— Какъ отъ ведра?

— Два ведра себѣ, третье барину.

— Много же можно заработать въ годъ?

— А какъ придется.

— Да сколько же?

— И сказать того никакъ невозможно; деготь гнать—дѣло огневое, не угадаешь никакъ.

— Да прошлый годъ сколько ты заработалъ? спросилъ я неподатливаго на слова работника.

— Да прошлый годъ я себѣ рублей пятьдесятъ серебра принесъ домой

— Прошлый годъ хорошъ былъ?

— Ничего.

— Кабы изъ своего лѣсу гнать деготь—не въ примѣръ лучше, заговорилъ опять говорунъ:—изъ своего гонишь все твое; а изъ барскаго—третье ведро: какъ ты тамъ себѣ хочешь, а третье ведро изволь отдать барину, чей лѣсъ.

— У васъ своего лѣсу нѣтъ?

— Нѣтъ, есть.

— Отчего же вы изъ своего не гоните?

— Не даютъ.

— Отчего же?

— Да оно только слава, что нашъ, а то не нашъ, даромъ не даютъ, а все купить надо.

— Да вы изъ какихъ?

— Мы изъ удѣльныхъ.

— Стало быть и лѣсъ не вашъ, а принадлежитъ къ удѣльнымъ имѣніямъ.

— Стало-быть такъ.

— Что жъ вы, хорошо живете?

— Теперь ничего.

— А прежде?

— Прежде всего бывало.

— Отчего же теперь лучше?

— Народъ сталъ обходительнѣй.

— Какой народъ?

— А начальство.

— Это правда, что правда, заговорилъ опять мой говорунъ:—сперва къ начальству, не то что подойти, да поговорить, а и взглянуть-то не всякій сунется; ну а теперь на счетъ этого стало просто: за своей нуждой иди прямо къ начальнику: нынѣ дурнаго слова не скажетъ начальникъ тотъ.

— Чиновнаго народу много, проговорилъ одинъ изъ артели, до сихъ поръ упорно молчавшій.

— Чиновниковъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, изъ своего брата, изъ мужиковъ, чиновнаго народу ужъ очень много.

— Вѣдь чиновники изъ мужиковъ вездѣ есть? Безъ чиновниковъ какже быть?

— Вездѣ есть чиновный изъ брата своего мужиковъ, да не столько, сколько у насъ, отвѣчалъ еще угрюмѣй тотъ же мужикъ:—у насъ больше.

— Сколько же у васъ?

— Да у насъ на деревнѣ 400 душъ, то есть всѣхъ жителей 400 человѣкъ, и сколько ты думаешь у насъ чиновнаго народу изъ мужиковъ?

— Я не знаю.

— Человѣкъ пятьдесятъ будетъ!

— Какъ 50?

— Пятьдесятъ то будетъ вѣрныхъ, не было бы больше: ты вотъ что скажи!

— Какіе-жъ такіе чиновники?

— Голову, писаря считать нечего... а вотъ: два благонамѣренныхъ, шляховой и лепортовщикъ... да всѣхъ и не пересчитаешь.

— Чтожъ они, берутъ съ васъ взятки?

— Что онъ возьметъ съ мужика? съ мужика ему взять нечего.

— Какое же вамъ дѣло до чиновнаго народу? съ васъ они ничего не берутъ: пусть ихъ живутъ.

— Да вѣдь тебѣ работать надо, а тутъ тебя выберутъ въ какіе не на есть лепортовщики, — работать и не работай, а въ нору только службу справляй.

— А все вамъ не въ примѣръ лучше жить, чѣмъ господскимъ мужикамъ, сказалъ говорунъ.

— У какого барина?

— Да, хоть у А—на.

— Э!.. А—нъ шиломъ грѣетъ, проговорилъ тотъ, усмѣхаясь, — шиломъ грѣетъ... печетъ!..

Челнскій монастырь, 25 іюня.

Челнскій монастырь стоитъ верстахъ въ десяти отъ Трубчевска, на крутой горѣ, покрытой лѣсомъ, и изъ монастыря не видно ни одной деревни: такъ и кажется, что, войдя въ этотъ монастырь, оторвешься отъ всего остальнаго міра,—до того мѣсто уединенно. Но это только пока вы не вошли въ монастырскую ограду. Едва вы ступили шагъ въ ограду, видите, что здѣсь тѣже люди, тѣже желанія, тѣже опасенія и тотъ же самый народъ, какой и въ селахъ и въ деревняхъ; монаховъ съ перваго разу не замѣтите; по всему монастырскому двору разсыпанъ былъ народъ: мужики, раскинувшись подъ тѣнью деревъ и церквей, спали; бабы—богомолки изъ окрестныхъ деревень, собравшись кучками, шушукались; бабы торговки громко тараторили.

Я пришелъ въ субботу передъ всенощною,—поэтому народу было болѣе обыкновеннаго.

Въ говорѣ народа слышится одно: начала новой жизни, созданныя 19 февраля; въ этомъ говорѣ слышатся и радость, и надежда, и страхъ... не за будущее, нѣтъ—народъ увѣренъ въ своемъ хорошемъ будущемъ, боится народъ преступить законъ, сдѣлать не по закону и тѣмъ замедлить исполненіе царской воли. А отъ недоразумѣній—какія ужасныя бываютъ послѣдствія.

— Гдѣ братская? спросилъ я у перваго попавшагося мнѣ монаха.

— А вотъ, отвѣчалъ монахъ, махнувъ рукой на братскую,—ступай сюда, здѣсь братская.

Въ братской было народу много, и мужчинъ и женщинъ; разговоръ шелъ довольно оживленный и почти общій: одно теперь у всѣхъ на умѣ...

— Вамъ что! говорила одна баба богомолка:—что хочешь, то и дѣлай, не дѣлай беззаконія какого и только... а намъ, мои матушки родныя, просто головушку всю закрутило...

— Да вы чьихъ? спросилъ какой-то не то монахъ, не то послушникъ.

— А—ыхъ мы, А—скіе...

— О чемъ же у васъ головы закрутило? Али жирно наѣлись на теперешней волѣ?

— Когда было, родимый! Давно-ли воля то сказана? такъ туже пору и отъѣшься! Какъ можно родимый.

— А что только у насъ дѣлается! сказалъ, вздохнувъ, одинъ мужикъ, сидѣвшій въ сторонѣ.

— А что?

— И сказать не знаю какъ.

— Да вы чьихъ?

— Мы ничьихъ.

— Вольные?

— Нѣтъ, удѣльные.

— А у васъ-то что́?

— У насъ землемѣры землю межутъ—вотъ что!

— Да не у васъ однихъ: землемѣры вездѣ ходятъ, вездѣ у всѣхъ землю мѣряютъ.

— Вездѣ мѣряютъ, а пока еще Богъ миловалъ: пока еще нигдѣ земли не рѣжутъ.

— Да у насъ еще пока тоже Богъ миловалъ, продолжалъ старикъ: — землю мѣрять мѣряютъ, вѣшки становятъ, а земли рѣзать не рѣжутъ!..

— А пусть ихъ мѣряютъ!

— У насъ не одну землю мѣряютъ.

— Какъ не одну землю?

— Десну мѣряютъ! проговорилъ старикъ, къ ужасу всѣхъ слушателей...

— Какъ Десну?

— Десну!

— И ты видѣлъ?

— Всѣ видѣли...

— Я, браты мои, диву дался, заговорилъ одинъ: — что такое это означаетъ? воду Богъ создалъ, вода у насъ вольная: кто хочешь, по этой водѣ ступай, бери эту воду, сколько себѣ знаешь; сколько тебѣ надо, столько и и бери... и эту то воду Божiю мѣряютъ!.. Своими-бъ глазами не видалъ,— людямъ-бы и вѣры не далъ... да и вѣрить-то какъ?

Я вышелъ изъ братской; на крыльцѣ и въ сѣняхъ бабы толковали все о той-же волѣ.

— И что такое дѣлается, одинъ Богъ святой знаетъ! Спросишь, кто грамотный да путный, тотъ тебѣ про волю и говорить не станетъ, а какой— безпутный — того наплететъ, что́ и не разберешь... послушаешь того безпутнаго — просто, мои, родныя матушки, просто голову сниметъ... Ужъ такая бѣда, что и сказать нельзя!

— Послушаешь—выпорютъ! поддакнула дура, тоже старушка богомолка.

— Куда выпорютъ!

— Выпорютъ, родимая!

— Коли-бъ выпороли, да тѣмъ бы и дѣло повершили? Въ книгу, моя родная, запишутъ!

— Запишутъ! какъ есть—запишутъ! заговорили слушавшiя богомолки.

На дворѣ подъ деревомъ сидѣла куча мужиковъ, и я подсѣлъ къ нимъ.

— Здравствуйте!

— Здравствуй, почтенный!

— Объ чемъ толкуете?

— Да все про волю.

— Что же про нее, про волю, много толковать? слава Богу, что воля эта вышла.

— Такъ-то оно, такъ!

— А еще же что?

— А вотъ что: было у насъ начальство, господа, теперь насъ отъ господъ отобрали и никакого намъ начальства не даютъ, теперь у насъ никакого начальства нѣтъ.

— На что же вамъ начальство?

— Ну, спросить о чемъ, хоть бы о той же волѣ, и спросить некого, никто ничего не скажетъ *).

— А теперь начальство стало—не начальство, подтверждалъ другой мужикъ.

— Это какъ?

— А вотъ какъ: бывало ѣдетъ становой, услышимъ колокольчикъ—поджилки дрожатъ! А теперь ѣдетъ становой — ничего, и уѣдетъ становой — тоже ничего!

— Это-то и хорошо!

— Это хорошо, да спросить что не у кого.

— Да что вы будете спрашивать?

— Какъ что, другъ? обо всемъ теперь надо спроситься: порядки заводятся новые, а мы люди неграмотные, — какъ разъ въ бѣду влѣзешь, совсѣмъ съ головой влѣзешь!

— Да вотъ хоть бы у насъ, прибавилъ другой мужикъ:—мало-мало въ такую бѣду было попали, что и... Тутъ мужикъ только рукой махнулъ, а ни одного слова не сказалъ: видно, что они ждали большой какой-то бѣды

— Да вы Апраксинскіе?

— Апраксинскіе.

— Да́, у васъ недалеко было до бѣды, да и до большой бѣды, другъ ты мой!

— Какъ небольшой!

— Какъ еще это Богъ помиловалъ!

— Его святая воля!

— Какая-жъ у васъ бѣда была? спросилъ я этого мужика.

— Большой бѣды Богъ миловалъ, а была-бы. Вотъ какъ вышла воля, насъ, мужиковъ, баринъ собралъ, объявилъ намъ царскую волю, — хорошо. «Вы, говоритъ, живите смирно, да со мной ладно».—Мы ему поклонились.— «Вы работали, говоритъ опять таки баринъ, — вы работали на дворъ по шестнадцати десятинъ въ клину, теперь работайте по десять».

— Какъ на дворъ? спросилъ я.

— У нихъ по дворамъ разсчитано, объяснилъ мнѣ другой мужикъ:—въ твоемъ дворѣ три работника, три работницы, да въ томъ двору пять работниковъ да пять работницъ,—значитъ одинъ дворъ, восемь работниковъ, восемь работницъ—вотъ тебѣ и цѣлый дворъ выходитъ. Это у нихъ такъ заведено ужъ изстари.

— Это такъ! продолжалъ разсказщикъ. — «Теперь, говоритъ баринъ, работайте дворомъ по десять десятинъ». Мы на это ни одного слова не ска-

---

*) Тогда въ Орловской губерніи еще не были назначены мировые посредники.

зали, поклонились только. «Ну, говоритъ, прощайте!» Мы опять поклонились, поклонились мы барину, да и разошлись. Послѣ стали толковать промежъ себя: чью намъ волю сполнять, царскую, или барскую? Царь указалъ мужику трехденку, бабамъ двухденку *), а баринъ не желаетъ царской трехденки,—какъ тутъ барина слухать? Думали, думали и придумали сполнять царскую волю, а барской не сполнять: выходитъ на трехденку, а сколько дворомъ сработаешь, больше десяти десятинъ—барскіе!

— Куда больше сработать! дай Богъ и десять десятинъ сработать, и то въ пору!.. Больше!..—заговорили мужики,—больше какъ ни сработалъ! Сработалъ!..

— Ну, да тамъ что Богъ дастъ! продолжалъ разсказщикъ.—Еще и то положили: велитъ баринъ на трехденку на лошадяхъ выѣзжать,—всѣмъ на барщину на лошадяхъ и выѣзжать, всѣмъ безпремѣнно!

— Безлошадникамъ—то **) какъ же? спросилъ кто-то изъ слушавшихъ этотъ разсказъ.

— Сказано, всѣмъ!

— Да вѣдь у васъ во всѣхъ деревняхъ на половину, пожалуй, будетъ безлошадниковъ.

— Ну, ужъ всѣ выѣзжай на лошадяхъ!

— Да какъ же?

— И объ этомъ на міру говорили, порѣшили: у кого нѣтъ лошади, возьми у кого двѣ, а чтобъ барская трехденка не стояла, чтобъ на міръ попреку не было, на томъ и порѣшили, и положили объявить о томъ барину, управляющему, что-ли, кому надо, по начальству, чтобъ грѣха какого не вышло.

— Такъ, по закону, по закону! подтвердили другіе,—по самой царской волѣ!

Я подошелъ къ другой толпѣ.

— Ты только то посуди: земля твоя, ты самъ — свой, живи, никого не забиждай,—и тебя пальцемъ тронуть никто не можетъ, ты ведешь дѣло по Божью, и никто ни тебя, ни твоего дому, ни твоей земли, говорю, не можетъ тронуть, а своровалъ въ чемъ—судъ! Судъ разсудитъ—ты виноватъ.—Виноватаго въ Сибирь!

— Да хоть въ Сибирь!

— А праваго никто обиждать не моги! продолжалъ первый.—Привелъ бы Господь только, чтобъ всѣ настоящіе порядки произведены были!

— Народъ болтаетъ: настанутъ новые порядки, и всѣ суды пойдутъ праведные: хоть будь ты какой богачъ, хоть тысячами бросай, а коли проворовался—спуску не будетъ, въ Сибирь или чего кто стоитъ.

— Сказано, свѣту будетъ поновленіе.

---

*) Т. е. мужикамъ работать три дня въ недѣлю, бабамъ два.

**) Мужики, обрабатывающіе землю и по бѣдности не имѣющіе лошадей; такому мужику очень трудно справиться. *Авт.*

— А! П. И. здравствуйте! сказалъ, подходя ко мнѣ, отецъ П. съ которымъ меня познакомили въ Трубчевскѣ. — Хотите посмотрѣть нашъ монастырь, нашу ризницу?

Разумѣется, я на это согласился съ радостію, и мы пошли съ нимъ по монастырю.

Въ Челнскомъ монастырѣ вся постройка новая, одинъ только корпусъ, въ которомъ находится теплая церковь — довольно старинной постройки. Иконъ стараго письма я не видѣлъ ни одной; книгъ старыхъ, рукописей тоже нѣтъ: самая замѣчательная рукопись — синодикъ прошлаго вѣка, изъ отораго видно, что князья Трубецкіе до послѣдняго времени не оставляли Челнскаго монастыря. Такъ, подъ 1768 годомъ въ синодикъ вписанъ князь Алексѣй Никитичъ, бывшій ктиторомъ монастыря. Чудотворной здѣшней иконы Богородицы я не видалъ: лѣтомъ эта икона въ ходъ идетъ, большую часть лѣта пробываетъ въ Трубчевскѣ, гдѣ жители приносятъ ее къ себѣ въ домъ и служатъ ей молебны, которые поютъ очередные монахи изъ Челнскаго монастыря. Челнская чудотворная икона приплыла къ мѣсту, на которомъ теперь стоитъ монастырь, по Деснѣ въ челнѣ, — поэтому и монастырь получилъ названіе Челнскаго. Преданіе говоритъ, что она писана преподобнымъ Алимпіемъ, знаменитымъ кіевскимъ иконописцемъ.

— Гдѣ здѣсь, батюшка, пройти къ пещерамъ? спросила меня богомолка старуха, когда я вышелъ за монастырскую ограду полюбоваться мѣстностію монастыря.

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Пойдемъ, батюшка, вмѣстѣ поищемъ. Какъ не найдти? чай, народъ пойдетъ къ пещерамъ, и мы за народомъ.

— Пойдемъ, матушка!

— Вотъ сюда, сюда, подъ гору, говорила старуха, сходя съ крутой горы.

— Подъ гору-то ты, матушка, сойдешь, сказалъ я: — какъ только на гору взбираться будешь?

— Отчего же не взобраться?

— Да видишь, какая крутизна; а тутъ, на бѣду, никакой тропиночки не видно; по дорожкѣ все бы легче было.

— Ничего, родимый.

— А какъ не взойдешь?

— Молитвы Клеопа преподобнаго помогутъ.

— Котораго Клеопа преподобнаго?

— А вотъ того, который въ этихъ пещерахъ спасался.

— Давно онъ жилъ?

— Нѣтъ, не очень давно.

— Что-жъ, народъ его помнитъ?

— Какъ не помнить! человѣкъ святой былъ! А молиться станетъ, — сказываютъ, за всеночной всякій канонъ долго пѣлъ!.. Не даромъ Десна рѣка свой путь перемѣнила.

— Это какъ?

— Она текла, Десна-то, подъ самымъ номастыремъ, а за молитвы Клеопа, вишь гдѣ пошла!

— Да чѣмъ же теперь лучше?

— А какъ же? Номастырь, номастырскую гору не подмываетъ.

Заштатный городъ Погаръ, Черниговской губерніи, 26 іюля.

Изъ монастыря я, послѣ обѣдни, пошелъ на дорогу, идущую изъ Трубчевска на Погаръ. Я уже говорилъ, что Челнскій монастырь окруженъ со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, и по этому лѣсу, съ одной стороны монастыря, разсыпаны курганы и на многихъ изъ нихъ ростутъ вѣковыя деревья. Говорятъ, что еще въ самое недавнее время весь правый берегъ Десны былъ покрытъ дремучими лѣсами; теперь этихъ лѣсовъ нѣтъ; если и попадаются, то очень небольшіе, какъ, напримѣръ, около Челнскаго монастыря. Говорятъ, что въ старыхъ дремучихъ лѣсахъ было множество кургановъ. Что ихъ было больше теперешняго, это вѣроятно, но и теперь эти курганы идутъ непрерывною цѣпью по крутому правому берегу Десны; по крайней мѣрѣ, я могу сказать, что эту цѣпь кургановъ видѣлъ отъ Усоха до Челнскаго монастыря. Въ самомъ Трубчевскѣ—городище, Городокъ—не что иное, какъ курганы.

— Кормилецъ, батюшка! Христа ради, сотвори твою святую милостыньку!

Я оглянулся: сзади меня стоялъ старикъ въ довольно ветхой свиткѣ, безъ сумы и подсумка.

Черезъ минуту мы съ нимъ были пріятелями.

— Сядемъ-ко здѣсь, сказалъ я ему, садясь около дороги:—я закурю папироску. Ты куришь?

— Не вживаю.

— А не вживаешь, не надо.

— Ты то кури, мнѣ это ничего, говорилъ онъ, присаживаясь возлѣ меня,—ты кури!

— Какіе здѣсь курганы, дѣдушка? Откуда они у васъ взялись? спросилъ я его.

— То не курганы, то татарскія могилы, отвѣчалъ старикъ, улаживаясь получше сѣсть.

— Зачѣмъ же татаръ хоронили здѣсь?

— Это было лѣтъ за сто, а то глядишь—и больше, номастырь нашъ Челнскій—былъ богатый номастырь. Услыхали татары про богачество номастырское... а татары вѣры не нашей, татары вѣры поганой, имъ что номастырь? Они грѣха не знаютъ-ти-святой номастырь, церковь-ти ограбить... имъ все равно, ти церковь, ти просто домъ!.. Задумали татары, номастырь этотъ Челнскій ограбить, собрали силу несмѣтную и пошли на номастырь... Только игуменъ со старцами подняли чудотворную икону Челнской Богородицы и обошли кругомъ номастыря; тогда татарове всѣ переслѣпли. Страхъ

на нихъ такой напалъ... видѣть-то не видятъ ничего... отъ страху этого они и почали саблями другъ отъ друга отмахиваться... Отмахивались, отмахивались, да другъ дружку, сами себя, всѣхъ до одного и позарубили... Старцы видятъ такое чюдо матушки Богородицы, вышли изъ номастыря, выкопали ямы, побросали, какъ собакъ какихъ поганыхъ, ихъ тѣла въ тѣ ямы, да заметали землею; оттого и пошли эти курганы.

— А за Трубчевскъ къ Усоху — тамъ какіе курганы? Тоже татарскія могилы?

— Не, тѣ—не могилы.

— А что жъ?

— Тѣ курганы.

— Отчего жъ пошли тѣ курганы?

— А кто ихъ знаетъ! Мало ли народъ что болтаетъ! всего не переслушаешь.

— Что же народъ болтаетъ?

— Болтаетъ народъ, что всѣ тѣ курганы какіе-то Кудеяры насыпали... кто ихъ знаетъ?

— Какіе же такіе Кудеяры были?

— Болтаютъ, что изстари жилъ какой-то народъ, Кудеярами прозывался; народъ былъ—злодѣй, безбожный, съ нечистою силою знался... вотъ тѣ Кудеяры и курганы понасыпали.

— Для чего же они, эти Кудеяры, курганы тѣ понасыпали? добивался я у старика.

— Говоритъ народъ, отвѣчалъ старикъ, значительно понизивъ голосъ,— говоритъ народъ, что въ тѣхъ курганахъ золото, серебро, да камни самоцвѣтные, да свѣчи восковыя; тѣ Кудеяры понакладывали, да тѣми курганами все золото, серебро позасыпали.

— Для чего же?

— Клады клали.

— Находили эти клады?

— Нѣтъ, не слыхалъ я, чтобъ тѣ клады кому въ руки дались: ихъ достать никакъ нельзя.

— Отчего же?

— Съ большими заклятіями положены.

— Будто теперь никто ужъ и не знаетъ заклятій?

— Видно, мало знающихъ.

— А никто не пытался достать эти клады?

— Какъ не пытался? пытался, да только толку въ томъ мало: роютъ, роютъ, а все ничего не выроютъ. Вотъ первый Бугаевскій баринъ... какъ пойдешь къ Погару, Бугаевка тебѣ по пути будетъ... такъ старый Бугаевскій баринъ все имѣніе на клады потратилъ, а такъ и умеръ: ни одного клада не нашелъ... А сколько денегъ потратилъ? все имѣніе продалъ на клады эти.

— Отцы наши, кормильцы! заголосилъ сзади меня тонкій бабій голосъ.

Я обернулся: сзади меня стояла женщина лѣтъ тридцати съ небольшимъ, съ виду очень здоровая, держа за руку мальчика лѣтъ пяти или шести. Какъ мальчикъ, такъ и сама женщина были до-нельзя грязно одѣты: по взгляду видно было, что они своей одеждой хотѣли произвести сильный эффектъ на благочестивыхъ богомольцевъ.

— Ты отколь? спросилъ ее довольно грозно мой прежній собесѣдникъ старикъ.

— Да мы изъ Любовна! отвѣчала женщина.

— А вы, родимый, сами-то изъ какихъ такихъ мѣстовъ?

— Мы крестьяне господина Апраксина, отвѣчалъ какъ-то съ разстановкой старикъ.

— Апраксинскіе! протяжно, не то подтвердительно, не то вопросительно, проговорила женщина.

— Да̀, мы Апраксинскіе! строго заговорилъ старикъ. А ты, баба молодая, работать не работаешь, а по міру ходишь; по міру ходишь—святой милостыней питаешься.

— А что жъ, что питаюсь?!

— А то, что грѣхъ большой!

— Какой же грѣхъ?

— Да кто тебѣ святую милостыню подастъ, на твою душу всѣ грѣхи того, какъ на шею жерновъ—вотъ что!.. Вотъ какой грѣхъ!.. Баба ты еще молодая, а ходишь по міру, святой Христовой милостыней побираешься да питаешься!

— А самъ-то ты не побираешься?! самъ Христовымъ святымъ именемъ не кормишься?! завопила женщина-побирушка, горячась все болѣе и болѣе. Вишь какой святой! А ты посмотрѣлъ бы у меня на дворъ да на хату, да послѣ того тыбъ меня и казнилъ, коли стою! Я побираюсь, а онъ свой хлѣбъ ѣстъ!.. У меня пять человѣкъ дѣтей, а работниковъ только и есть, что я одна!.. Тоже учитъ!.. А работниковъ только я, да вотъ еще на помогу чертенокъ!

Тутъ женщина—не извѣстно, для какой причины—дала своей помогѣ довольно значительнаго подзатыльника, мальчишка-помога разревѣлся.

— Чего ты? крикнула на него мать, мазнувъ его по глазамъ, по носу и губамъ своимъ грязнымъ рукавомъ, думая тѣмъ привести въ надлежащій порядокъ несчастнаго ребенка.—Чего еще разревѣлся?.. Вишь учить умѣетъ, продолжала она опять въ пользу моего собесѣдника—учить умѣетъ, а самъ, небось, по міру ходитъ, милостыней Христовой святою питается, а другимъ, поди ты, другимъ—грѣхъ.

— Я, матушка, слѣпъ.

Тутъ только я замѣтилъ, что мой собесѣдникъ слѣпой. Онъ такъ вольно себя держалъ, что я никакъ этого не подозрѣвалъ; но довольно было взглянуть ему въ глаза, чтобъ увѣриться въ справедливости его словъ: на обоихъ глазахъ были бѣльма.

— А что жъ, что ты бѣльмастый! кричала баба,—а вишь, какой кряжи-

стый, да здоровый!.. Да и съ бѣльмами-то своими, захотѣлъ-бы, нашелъ работу? Какой здоровый, а работать, небось, солоно!

— Матушка! заговорилъ старикъ,—матушка, кость только у меня широка, костью я широкъ, а силы-то: на гору взойду—задыхаюсь; право, на гору не взойду.

— Задыхаешься! на гору не взойдешь!.. а какъ посмотрѣть въ хатѣ, то подъ кутомъ, небось, что твой кладъ!.. Тамъ, небось, деньжищевъ-то у проклятаго!

— Нѣтъ, матушка, не обиждай! Сродясь сумки да подсумки не надѣвалъ! Прошу Христа ради хлѣба насущнаго, даждь намъ днесь; а про запасъ, видитъ Богъ, видитъ Богъ отродясь не просилъ! Станешь просить милостыню, другой день именемъ Христовымъ вымолишь хлѣба и на мѣсяцъ, такъ тотъ мѣсяцъ и по міру не хожу!

— Разсказывай!

— Да и разсказывать-тонечего!

— Знаемъ мы васъ...

— Дай Богъ тебѣ путь-дорогу, человѣкъ почтенный! сказалъ приподымаясь старикъ.

— Не поминай лихомъ! отвѣчалъ я.

— Али совѣсть взяла? цѣла свое баба,—али стыдно стало, какъ самому правду стали высказывать!

Старикъ повернулъ въ монастырь, баба юркнула въ лѣсъ, а я пошелъ на большую дорогу, подвигаясь впередъ къ Погару.

Жаръ былъ страшный, дождя давно не было; даже душно было; но все таки богомольцевъ по дорогѣ было много, въ особенности богомолокъ, и съ дѣтьми и безъ дѣтей.

— Далеко-ли до Бугаевки? спросилъ я одну женщину, которая вела за руку сынишку лѣтъ четырехъ, возвращаясь отъ обѣдни.

— Недалеко, родной, недалеко: верстъ какихъ шесть будетъ, а то еще пять... больше пяти не будетъ.

Простой народъ не любитъ обижать—всегда хочетъ порадовать хоть однимъ простымъ словомъ, такъ и теперь: отъ Челнскаго монастыря до Бугаевки верстъ пятнадцать, да, кажется, и семисотныхъ верстъ *). Я это зналъ и спросилъ женщину только, чтобъ съ нею заговорить. Она не хотѣла меня огорчать предстоящимъ длиннымъ путемъ, и потому, хоть на словахъ да сократила дорогу.

Кстати припомню, что на вопросъ одного проѣзжаго: сколько верстъ осталось ѣхать? мужикъ отвѣчалъ: десять верстъ.

— Какъ десять?

— Да десять, батюшка.

---

*) Когда проложили линію до шоссе отъ Курска до Харькова, то число верстъ увеличилось, хоть дорога и прямѣй сдѣлана. Это объясняется тѣмъ, что сперва версты были семисотныя, т. е. въ 700 сажень, а не въ 500, какъ теперь. *Авт.*

— Ты врешь дуракъ! крикнулъ разсердившійся, неизвѣстно за что, проѣзжій.

— Чего ты ругаешься? сказалъ мужикъ: — скажу двадцать, и двадцать поѣдешь, здѣсь стоять да кричать не останешься; сколько скажу, столько и поѣдешь!

И такъ, женщина мнѣ обѣщала только пять верстъ, вмѣсто пятнадцати или всѣхъ двадцати.

— Да какъ же такъ? спросилъ я ее: — говорятъ, отъ Челнскаго монастыря до Погара двадцать пять верстъ слишкомъ, а отъ Бугаевки останется до Погара только верстъ десять; поэтому должно быть отсюда до Бугаевки болѣе пяти-шести верстъ?

— Поэтому выходитъ больше, соглашалась со мной женщина.

— Ты сама откуда?

— Изъ Любовни, родимой.

— А куда ходила?

— Къ обѣднѣ, родимой.

— И мальчишку, что ли, водила? сынокъ, чтоль, твой?

— Сынокъ, сынокъ мой, водила къ обѣднѣ: причащала, надо съ малыхъ лѣтъ пріучать Бога бояться.

— Правда, тетушка, правда твоя.

— Какъ не правда, родимой!.. Что, Васютка, уморились твои ноженьки? обратилась она къ своему сыну.—Дай возьму тебя на рученьки, ножки твои отдохнутъ.

Женщина взяла на руки мальчика, сняла съ головы повязанный сверхъ кички платокъ, закрыла голову сыну, и тотъ ту жъ минуту заснулъ.

Въ монастырѣ всѣ женщины, повязывая платкомъ кичку, распускали сзади по спинѣ концы платка, который—замѣтить кстати—обыкновенно бываетъ темнаго цвѣта; между тѣмъ, какъ здѣсь, вездѣ я встрѣчалъ женщинъ повязанныхъ платкомъ, тоже поверхъ кички чалмообразно. Этотъ головной уборъ тѣмъ болѣе похожъ на чалму, что самая кичка очень низка и что сложенный платокъ толсто наматывается книзу. Панёвы здѣсь встрѣтилъ такія, какихъ въ Великой Россіи я не видалъ: здѣшняя панёва состоитъ изъ четырехъ, или иногда изъ трехъ полотнищъ матеріи, приготовляемой изъ шерсти исключительно для панёвъ, и эти полотнища не сшиваются, а подвязываются кушакомъ, какъ занавѣски; ежели панёва состоитъ изъ трехъ кусковъ, то спереди панёва не закрываетъ рубашки. Но во всякомъ случаѣ, состоятъ ли изъ трехъ или четырехъ кусковъ,—надѣваютъ передникъ. Лѣтній костюмъ дѣвушекъ немногосложенъ: головной уборъ состоитъ изъ платка, сложеннаго шарфомъ, которымъ обертываютъ голову, не закрывая макушки и завязывая спереди, волосы заплетаютъ или въ одну косу всѣ, или оставляютъ около ушей по локону, не заплетенному, или совсѣмъ не заплетаютъ. Остальной нарядъ — рубашка, подпоясанная поясомъ: иногда надѣваютъ передникъ, который закрываетъ грудь животъ и ноги до колѣнъ.

— Отчего въ церкви, спросилъ я женщину, когда она усыпила своего

сына,—отчего въ церкви всѣ женщины были не такъ повязаны платкомъ, какъ обыкновенно?

— Какъ же можно, родимый, въ церкви платокъ скрутить? Въ церкви такъ нельзя.

— Отчего же?

— Да ужъ нельзя: въ церкви надо платокъ распустить. Хоть старуха, хоть молодая, а какъ идешь въ Божію церковь, повязывай платокъ что есть лучшій и концы распусти.

— Платокъ у васъ всегда купленный?

— У насъ только и наряду купленнаго, что платокъ одинъ; да и тотъ прежде, въ старые годы, не покупали: полотенцемъ повязывали, хоть и въ церковь идти; теперь дома-то и ходимъ съ полотенцемъ, а идти куды-все платочкомъ повяжешь. А дома то все свое носишь, не купленное.

— Полотенце вѣдь тоже надо вышить красными хоть нитками; краску надо, чай, тоже покупать?

— И, гдѣ покупать! Всего, другъ не накупишься. Да какая у насъ и краска-то. Пойдешь въ лѣсъ, наскоблишь шкурки съ яблонки, вотъ тебѣ и вся краска готова.

— Когда же надо яблонку скоблить? спросилъ я: лѣтомъ, или зимой?

— Вотъ объ эту пору и скоблить надо. Зимой у насъ никто и не скоблитъ.

— Яблонка-то вѣдь портится?

— Портится, да что въ ней толку-то? Здѣсь лѣсная яблонка кислая, съ лѣсной яблонки яблочка не скушаешь. А съ хорошей какъ можно скоблить? Мы съ хорошей не скоблимъ.

— Вѣдь краски разныя; какъ же вы красите одной яблонкой?

— Яблонкой красимъ въ красное, въ черное—ольховой корой, въ желтое—пупавки, а то и сандалу прибавляемъ.

— А что, тетушка, можно зайти къ тебѣ пообѣдать? спросилъ я, когда мы подходили къ Любовну.

— Да и звать-то мнѣ тебя не зачѣмъ, отвѣчала баба:—печь ноньче не топила, да не знаю, досталъ ли хозяинъ мой хлѣба-то; а то во всей хатѣ во-каково кусочка не сыщешь!

— Да я тебѣ, родная, за обѣдъ твой заплачу, что будетъ стоить, сказалъ я. «Можетъ быть» думалъ я, «что баба скупится».

— И, родимый! Христосъ съ тобою! Что ты заплатишь? Коли бъ у насъ постоялый дворъ держали; а то хлѣбъ есть—какъ не накормить человѣка? да бѣда-то вся въ томъ: хлѣба, какъ есть, кусочка крошечнаго въ хатѣ нѣту...

— Отчего же у васъ такая бѣдность?

— Христосъ ее знаетъ!.. Такъ, видно, Богъ далъ... Хозяинъ у меня человѣкъ больной...

— Чего же онъ не лечится?

— Лечился, родной, лечился.

— Да что жъ?

— На лекарство не йдетъ.

— Кто же его лечилъ?

— Да всѣ лечили! и здѣсь всѣ лекарки, и въ городѣ къ лекарямъ ѣздилъ...

— Чѣмъ же вы питаетесь?

— А что Богъ дастъ.

— Господа, что ль кормятъ?

— Мы не господскіе.

— Какіе же?

— Мы удѣльные.

— Да вѣдь надо что-нибудь ѣсть; дома хозяинъ больной, хлѣба не добудетъ.

— Я работаю.

— И всю семью кормишь?

— Чего не заработаю, міръ подаетъ.

— Что же ты, по міру ходишь?

— А что сдѣлаешь? Придется ѣсть нечего,— нужда заставитъ и по міру идти.

— И сынишка твой ходитъ по міру?

— Изъ лѣсу въ поборъ не пускала! какъ то рѣшительно отвѣчала баба.

— Отчего же?

— И сама то пойду, такъ дѣтямъ про то не скажу; чтобъ дѣти про это и не знали.

— Отчего же?

— Привыкнетъ христарадничать съ измалку,—работать то и не заставишь послѣ.

— Дѣло, родная!

— Какъ не дѣло, родимый!.. Ну, прощай, родимый! Спасибо тебѣ за путь, за дорогу!

— Спасибо и тебѣ.

Женщина пошла на деревню, а я присѣлъ у колодезя, гдѣ уже сидѣло нѣсколько человѣкъ прохожихъ изъ за Трубчевска, возвращавшихся съ лѣсныхъ работъ домой на рабочую пору, и богомольцевъ изъ Челнскаго монастыря.

— Что, братцы, спросилъ я, поздоровавшись:—можно здѣсь у кого пообѣдать?

— Ну, нѣтъ, братъ, отвѣчали мнѣ:—здѣсь въ Любовно не пообѣдаешь— негдѣ.

— Отчего же?

— А для того: хлѣба ни у кого нѣтъ.

— И не покупаютъ?

— Купила то нѣтъ; а то для чего нельзя? было-бъ купило—былъ бы и хлѣбъ.

— Народъ что ли ужъ очень бѣденъ?

— Куда жъ богатъ! Нашъ братъ мужикъ завсягды деньгами считается; объ деньгахъ мы и не толкуемъ; стало быть бѣденъ, коли и хлѣба корки нѣтъ.

Изъ Любовна я повернулъ влѣво и зашелъ въ Хотяиновѣ въ одну избу. Изба стояла на некрытомъ дворѣ; противъ избы, аршинахъ въ пяти, стоялъ амбаръ, соединенный съ избой развалившимся навѣсомъ. Избушка была худенькая, маленькая: не болѣе 6—7 аршинъ въ свѣту, т. е. отъ одной стѣны до другой, и безъ сѣнецъ. Когда я вошелъ, пожилая женщина что-то наливала въ деревянную чашку для мальчика лѣтъ трехъ.

— Здравствуй, хозяйка!

— Здорово, родимый!

— Можно у васъ отдохнуть?

— Отдохни, кормилецъ! Видишь, какая жара стоитъ. Объ эту пору куда пойдешь?

— Ну, хозяюшка, дай пожалуйста напиться.

— Изволь, родимый, испей водицы; вода холодная, только что съ колодезя принесла. Да ты не пей такъ-то воды: на жару это не хорошо, говорила привѣтливая хозяйка: — на жару выпьешь чистой водицы—жажду не утолишь, жажда пуще возьметъ; а ты возьми кусочекъ хлѣбца, пожуй, да водицей и запей.

— Дай же мнѣ кусочекъ хлѣба, попросилъ я хозяйку, когда она мнѣ поднесла ковшикъ воды.

— Да у меня хлѣба ни крошки нѣту! отвѣчала, съ самымъ веселымъ взглядомъ и улыбкой, моя хозяйка.

— Какъ нѣтъ?

— Да ни крошечки!

— Чѣмъ же вы питаетесь?

— А на, попробуй! сказала она, подвигая ко мнѣ чашку, изъ которой ѣлъ мальчикъ.

Я попробовалъ: что-то жидкое, пряное, безвкусное, травянистое.

— Что это такое? спросилъ я.

— Каша, кормилецъ.

— Изъ чего ее варила?

— А пойдешь въ поле, ржи натрешь да и сваришь: рожь-то не дозрѣла, такъ теперь на кашу на день натрешь, тѣмъ и кормишься... Коли бъ посолить хоша, то скуснѣй была бъ, а то соли-то нѣтъ; а безъ соли скусу того въ кашѣ не будетъ.

— И молока нѣтъ?

— У насъ на деревнѣ не сыщешь ни у кого: падежъ былъ—всѣхъ коровъ повычистило.

— Плохо жъ вы, родная, живете.

— Э, кормилецъ! У людей и того нѣтъ. Есть, что и хуже насъ грѣшныхъ живутъ.

— А развѣ есть?

— Какъ не быть!

— Да гдѣ же?

— Возьми хоть а—скихъ: тѣ еще куды хуже насъ, бѣдные, мучаются!

— Чѣмъ же вы лучше живете?

— У насъ хоть лошадка есть; все работать можно; а работать будешь—и хлѣбъ, Богъ дастъ, будетъ, а тѣ—безлошадники, на половину лошадей нѣтъ: какъ имъ справляться? имъ по-вѣкъ справиться нельзя.

— Сходи, хозяюшка, перебилъ я хозяйку, подавая ей мелочи около рубля серебромъ,—сходи купи хлѣба, поѣдимъ.

— Да у насъ столько не купишь печенаго хлѣба, сказала хозяйка, взглянувъ на деньги.

— Все равно, ты муки купи, да хлѣбовъ напеки.

— Да тебѣ какъ же ждать?

— Я послѣ зайду, тогда и поѣмъ, отвѣчалъ я, выходя изъ избы.

Послѣ неудачной попытки пообѣдать въ Хотяиновѣ я пошелъ къ Бугаевкѣ, дорогой пустынной, то лѣсомъ, то полемъ. И для кого такая широкая дорога между Трубчевскомъ и Погаромъ (въ 30 саженъ) я никакъ догадаться не могу. По дорогѣ изъ Бугаевки я видѣлъ одного только мужика, вышедшаго съ проселка.

— Куда идешь? спросилъ я.

— Да бѣда надо мной такая стряслась, что одинъ только Богъ святой знаетъ, какъ бѣду эту и разхлебать будетъ... Горе такое...

— Какое горе?

— Какъ другъ, не горе? Лошадь пропала!

— Давно пропала?

— Да ужъ третій день бѣгаю, спрашиваю; да гдѣ ее съищешь! Знать, совсѣмъ въ чистую пропала.

— Хорошая лошадь?

— Хороша ли, дурна, все свой животъ?... А вору какая же воля брать дурную? Воръ, разумѣется, выбираетъ, что ни самую лучшую изъ всего табуна.

— Откуда жъ у тебя увели лошадь?

— Со двора проклятый свелъ. Стали мы ужинать; поужинали, хотѣли въ ночное ѣхать, а тутъ хвать—лошади нѣтъ! Кинулся туда, сюда, — нѣтъ, какъ нѣтъ!.. И ума не приложу, что съ головушкою горькою своей дѣлать.

— Жаль мнѣ тебя, братъ, а помочь, самъ знаешь, помочь этому дѣлу не могу.

— Куда помочь!

— Часто у васъ лошадей крадутъ?

— Какъ не часто!... Только и послышишь: то тамъ тройку свели, то тамъ пару; недѣли не будетъ, какъ около насъ никакъ ужъ лошадей семь свели.

— За одинъ разъ?

— Нѣтъ, нонче сведутъ у меня, завтра у тебя... Такъ обидѣли, такъ обидѣли...

— Скоро хватились, какъ же вы не догнали вора? спросилъ я.

— А какъ его догонишь? Загонитъ ее въ лѣсъ, тамъ его, вора-то, и не найдешь.

— Услышишь: лошадь заржетъ...

— И лошадь у вора никогда не заржетъ...

— Не заржетъ?

— Не заржетъ. Воръ привяжетъ къ хвосту камень; хочетъ лошадь заржать, надо лошади хвостъ поднять, а въ хвосту камень; лошадь вспомнитъ про камень и не заржетъ.

Отъ Хотяинова или Хотьяиновки до Бугаевки нѣтъ ни одной деревни; только версты за двѣ стоитъ въ лѣсу небольшой хуторъ. Выйдя изъ этого лѣсу, вы сейчасъ же переходите въ Черниговскую губернію. Здѣсь мѣсто вышло пуповиной и передъ вами открывается великолѣпный ландшафтъ: поле, склоняясь въ лѣвую сторону, мѣстами примыкаетъ къ рощамъ, а мѣстами теряется за горизонтомъ; едва верстъ за десять виднѣется Погаръ; вправо у самой опушки нѣсколько крестовъ. Ужъ не могилы-ли несчастныхъ корчемщиковъ?

Въ Бугаевкѣ первый шинокъ, стало быть *вольница*, стало быть и Малороссія началась. Сколько разъ мнѣ ни случалось въѣзжать въ Малороссію, я замѣчалъ всегда шинокъ почти на самой границѣ и въ этомъ шинкѣ народу вездѣ труба нетолченая!.. Кто ѣдетъ въ Малороссію—встрѣчу справляетъ съ вольницей; кто выѣзжаетъ въ Россію—прощается съ шинкомъ, съ хорошей вольной водкой. Великороссіяне, живущіе часто за десять верстъ отъ границы, тоже часто заходятъ погулять въ шинокъ. Вѣдь шинокъ не то, что кабакъ. Въ кабакѣ, кромѣ водки, можно найти только прошлогодніе калачи, бублики и изрѣдка ржавую селедку. Да и самъ цѣловальникъ не похожъ на хозяина: у цѣловальника за-частую и хозяйства никакого нѣтъ, и весь домъ не домъ, а одинъ кабакъ. Въ шинкѣ для кабака собственно отведено небольшое мѣсто, а въ остальномъ домѣ вы найдете мѣсто и отдохнуть, и закусить вамъ подадутъ.

Такъ и въ Бугаевкѣ мнѣ, по постному положенію, подали луку съ квасомъ. Хмѣльнаго народу, по обыкновенію, въ шинкѣ было много, и все бабы: однѣ шли съ богомолья изъ Челнскаго монастыря, другія пришли съ какихъ-то крестинъ—доканчивать крестины... Костюмъ былъ на всѣхъ одинъ, но говоръ слышался и южнорусскій и сѣверный, и, какъ сѣверный говоръ сбивался на южный, такъ и въ южномъ много слышалось сѣвернаго. Во многихъ кучкахъ запѣвали пѣсни или совсѣмъ малороссійскія, или хотя и русскія, но большею частію на малороссійскій ладъ. Малороссійскіе напѣвы, впрочемъ, слышатся довольно далеко отъ границы Малороссіи: я слыхалъ эти напѣвы въ Малоархангельскомъ, Мценскомъ уѣздахъ Орловской губерніи и даже въ Новосильскомъ Тульской губерніи; а въ Кокоревкѣ, за сорокъ верстъ отъ Трубчевска къ Дмитровкѣ, гдѣ мнѣ случилось быть на свадьбѣ, я не

слыхалъ ни одного напѣва свадебной пѣсни сѣверно-русскаго: всѣ южные.

Въ шинкѣ все шло громче и громче, шумнѣй и шумнѣй, и все безтолковѣй и безтолковѣй. И я, видя, что тамъ дѣлать нечего, пошелъ по деревнѣ. У одного двора сидѣлъ у воротъ мужикъ.

— Помогай Богъ! сказалъ я ему, усаживаясь около него на какую-то колоду.

— Милости просимъ! отвѣчалъ мужикъ. — Садись, братъ, отдохни со мной.

— Эко, сколько народу у васъ въ шинкѣ! сталъ я заговаривать съ нимъ.

— Народъ, знаешь, идетъ со всѣхъ сторонъ въ Бугаевку въ шинокъ: здѣсь водка дешовая, да и *крѣпоче*, чѣмъ въ Трубчевскѣ; вотъ народъ и взялъ такую *призвычку* ходить въ Бугаевской шинокъ: другой, сердечный, бѣжитъ и не вѣсть откуда на дешевку.

— Скажи пожалуйста, отчего у васъ на этой сторонѣ деревни хаты стоятъ на дворѣ, а на той, къ барскому дому—на улицу?

— На той сторонѣ постройка старинная: какъ дѣды строились, такъ и теперь строютъ: а тамъ почали строить все по новому, всѣ хаты на улицу.

— Отчего же?

— Тамъ господскіе живутъ; господа ихъ и перестроили на свой ладъ, а мы люди вольные, мы козаки,—живемъ, какъ наши отцы, наши дѣды намъ позволили.

— Теперь вѣдь нѣтъ господскихъ крестьянъ; бывшіе господскіе будутъ перестраиваться по старому, или же такъ и останутся, какъ господа имъ построили?

— Нѣтъ, такъ и останутся... куды имъ!..

— Отчего же?

— Они мужики.

— Теперь всѣ вольные почти совсѣмъ, только временно обязанные; а уладятся съ господами, и совсѣмъ будутъ вольные люди тогда.

— Все будутъ мужики.

— Да отчего же?

— Сказано въ писаніи: отъ лося родится лосенокъ, отъ свиньи — поросенокъ.

— Ну, такъ что́ жъ?

— Мужикъ привыкъ подъ господскимъ страхомъ жить; безъ этого страху мужикъ пропадетъ; настоящимъ человѣкомъ не сдѣлается никогда.

— Это, братъ, не ты говоришь—зависть твоя говоритъ! сказалъ я ему на это.

— Помогай Богъ! проговорилъ я чуйкѣ; какъ послѣ оказалось, это былъ погарскій мѣщанинъ сапожникъ, человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти или восьми, рослый и здоровый.

Я обрадовался новому собесѣднику: разговоръ нашъ съ прежнимъ товарищемъ былъ какъ-то неловокъ—или мнѣ приходилось согласиться съ нимъ, или спорить. Согласиться мнѣ не хотѣлось, а спорить — значитъ учить, а

отъ этого я рѣшительно разъ навсегда отказался: изъ этого ничего никогда не выйдетъ, да и время даромъ только пропадетъ.

— Объ чемъ толкуете? спросилъ мѣщанинъ, тоже присаживаясь къ намъ.

— Да все объ волѣ.

— А что объ волѣ толковать?

— А то толковать, отвѣчалъ мой мужикъ-козакъ,—то толковать, что отъ этой воли всѣмъ будетъ плохо.

— Нѣтъ, дядя, сказалъ мѣщанинъ. Ты возьми только то: всѣ будутъ вольные; всякому человѣку богатѣть можно, никто его и не тронетъ, тогда и нашему брату-мѣщанину не въ примѣръ лучше будетъ. Теперь что ты возьмешь съ мужика? съ голаго, что съ святого, взять нечего!..

— А разбогатѣетъ мужикъ?

— Разбогатѣетъ мужикъ.. Тогда и ты около него поживишься, сытъ все будешь!

— Это какъ?

— А такъ: взять теперь хоть меня; сошью я сапоги; много у меня мужикъ купитъ? онъ бы и радъ купить сапоги тѣ, да купить то не на что́; мужикъ безъ сапогъ, а ты безъ денегъ! Теперь ты, положимъ, рыбу ловишь; мужикъ бы и взялъ у тебя рыбки, да взять то нельзя: безъ денегъ ты ему рыбки не дашь; ты и сиди со своей рыбкой, а денегъ-то и у тебя нѣту, и тебѣ купить что надо, ты не покупаешь, какъ ни плохо, а такъ пробавляешься.

— Отъ лося—лосенокъ, отъ свиньи — поросенокъ! проговорилъ угрюмо козакъ.

— Нѣтъ, дядя! попомни мое слово: все пойдутъ лоси; свиньямъ воду не будетъ, всѣ свиньи переведутся...

— Переведутся?

— Переведутся, дядя.

Оба замолчали.

— Пойдти напиться, сказалъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, козакъ.

— Вынеси и мнѣ водицы, попросилъ мѣщанинъ: — ишь жара какая стоитъ!

Козакъ вынесъ воды и подалъ мѣщанину.

— Будь здоровъ кушамши, прибавилъ онъ съ поклономъ, когда мѣщанинъ взялъ ковшъ съ водой въ руки и началъ пить.

— Благодаримъ покорно, отвѣчалъ тотъ, выпивши воду.

— Не хочешь ли и ты? спросилъ меня козакъ:—вода у насъ ужъ очень легкая.

— Сдѣлай милость, дай, дядя!

Козакъ опять принесъ воды, и съ тѣмъ же привѣтомъ подалъ мнѣ.

— Славная вода! сказалъ я, поблагодаривъ хозяина и отдавая ему ковшъ.

— И вода у насъ хороша, да и озеро у насъ такое доброе. Такого другаго и не сыщешь.

— Чѣмъ же оно доброе?

— А тѣмъ оно доброе: никогда никому никакого зла не сдѣлало; никто изъ самыхъ стариковъ не запомнитъ, чтобъ наше озеро малому ребенку какую *вреду* сдѣлало.

— Какой же вредъ можетъ сдѣлать озеро?

— Въ нашемъ озерѣ ни ребенокъ... да не то что ребенокъ, а надо сказать цыпленокъ, и тотъ не утонулъ. Ти лѣто, ти зима—озеру все равно, все озеро доброе.

— Какъ называется ваше озеро?

— Святое озеро называется.

— Почему жъ его такъ назвали?

— А потому его назвали Святымъ, что озеро доброе очень.

До Трубчевска отъ Дмитровки дорога иногда идетъ лѣсомъ, а отъ Трубчевска къ Погару лѣсъ идетъ дорогою: среди распаханныхъ полей, на которыхъ не видите ни кусточка, лежитъ широкая дорога, указной тридцати-саженной мѣры, и по этой-то дорогѣ ростетъ лѣсъ, оставляя довольно мѣста для прохожихъ и для немногочисленныхъ проѣзжающихъ, а равно и проѣзжающіе—лѣсу.

— Чей это хуторъ? спросилъ я встрѣтившуюся мнѣ бабу, отойдя отъ Бугаевки верстъ шесть или семь.

— Это не хуторъ.

— А что́ жъ?

— Это шинокъ.

— Въ шинкѣ можно напиться?

— Что же? можно.

— Я пошелъ къ шинку.

— Здравствуй, служивый! сказалъ я сидѣвшему на порогѣ отставному солдату.

— Здравствуй, братъ!

— Можно попросить напиться?

— Можно: попроси у жида.

— Здѣсь шинкарь жидъ?

— Жидъ; здѣсь все пойдутъ шинкари жиды, въ Бугаевкѣ былъ послѣдній шинкарь изъ русскихъ.

— Тамъ отчего же русскій?

— По всей той границѣ шинкари изъ русскихъ, трубчевскій откупщикъ снялъ всѣ шинки по границѣ, да и насажалъ изъ русскихъ, чтобъ водку въ Россію не перевозили.

Я вошелъ въ шинокъ, а за мной и отставной солдатъ. Въ шинкѣ сидѣла жидовка-дѣвка, лѣтъ 20 слишкомъ, да жидовка-женщина, лѣтъ подъ сорокъ.

— Эй, жидова! крикнулъ за меня солдатъ.—дай человѣку напиться чего, да поскорѣй!

— Да чего же? спросила оторопѣвшая жидовка.

— Да чего-нибудь! Только ты, почтенный, воды не пей: хуже пить захочется; а спроси-ка полкварты пива—лучше будетъ.

— Коли станешь со мной пить, спрошу пива, отвѣчалъ я солдату,—а то не надо.

— Пожалуй! побалуемъ пивомъ! Эй, жидова! скорѣй полкварты пива давай.

— Только пойдемъ изъ шинка, тамъ гдѣ нибудь выберемъ мѣстечко, тамъ и пива выпьемъ.

— Пойдемъ сядемъ на бугорокъ.

— Давно въ отставкѣ? спросилъ я солдата, когда мы съ нимъ сѣли за пиво.

— Да ужъ давно: съ 834 года на-чистую уволенъ, отвѣчалъ солдатъ.

— Когда жъ ты въ службу пошелъ?

— Въ службу пошелъ я въ 806 году.

— Долго же ты служилъ!

— Да послужилъ таки Богу и великому государю; всего на все моей службы больше двадцати-восьми лѣтъ насчитаешь.

— Много, чай, видѣлъ на своемъ вѣку?

— Какъ не видать?

— Ну, а когда лучше было служить: въ прежнія времена, хоть въ 806 году, или теперь?

— Съ которой стороны возьмешь: съ одной стороны было лучше прежде, съ другой теперь стало лучше. Льготы солдату стало больше.

— Чѣмъ же?

— Одежа стала легче. Теперь что солдатская одежа? Все равно—ничего!.. Самъ и одѣнется, самъ и раздѣнется... Выскочитъ зачѣмъ изъ фронта,—самъ и раздѣлся, самъ и одѣлся, и опять во фронтъ.

— А въ старину?

— Въ старину было—не то. Бывало, не раздѣнешься самъ, а одѣваться—не то что самъ, а одинъ и не одѣнешь! Бывало, веревкой опояшутъ да кряжемъ скручиваютъ, а поверхъ веревки протупею надѣнутъ. Опять взять штаны, что лѣтнія, что зимнія натянутъ—вошь не подлѣзетъ; все равно, какъ обольютъ штанами ногу ту!.. А станутъ пудрить!..

— А тебя развѣ пудрили?

— А какъ же?

— И косу носилъ?

— Нѣтъ, косы не носилъ, а такъ барашкомъ завивали, да пудрой посыпали.

— Кто же? Другъ друга?

— Нѣтъ, солдатъ такъ не сдѣлаетъ; на это были особенные парукмахыры; завьетъ тебя парукмахыръ, натретъ голову саломъ, а послѣ мукой посыпетъ; кисти у нихъ такія были; возьметъ онъ кисть эту, обмокнетъ въ муку, наставитъ кисть на голову, да и толкаетъ кулакомъ по кисти, а мука-то на тебя и сыпется... Бывало завтра надо въ парадъ, такъ съ вечера

начнутъ убираться... намажутъ голову саломъ, обсыпятъ тебя мукой, такъ спать-то и нельзя: муку оботрешь, волосики помнешь!.. Такъ и сидишь цѣлую ночь, и къ стѣнкѣ прислониться нельзя, и на руку не облокотишься!.. Да и муку-то покупали на солдатскія же деньги.

— Сами солдаты покупали муку?

— Нѣтъ, изъ солдатскихъ денегъ вычитали на муку, а покупало — начальство. Да и вся служба солдатская стала не та... Какая теперь служба? солдата никто не смѣй пальцемъ тронуть! Этого я не хвалю. У насъ, бывало, солдатъ учить можно было, а теперь какъ его выучишь? Бить его нельзя: какъ ему службу, нужду солдатскую укажешь? безъ битья рекрута въ настоящіе солдаты и не произведешь!

— Отчего же?

— Такъ, не произведешь.

— А солдату теперь лучше.

— Солдату? какъ можно! На половину... куда на половину!.. Третіей части прежней службы не осталось.

— Чѣмъ же сперва было лучше?

— Начальство было лучше.

— Чѣмъ же начальство было лучше?

— А всѣмъ, за что ни возьмешь! — Тогда были начальники крѣпкіе, твердые...

— Тѣ крѣпкіе начальники били солдатъ, а теперешніе, ты самъ говоришь, не бьютъ.

— Да и за солдата не стоятъ.

— А прежніе стояли?

— Стояли!.. Теперь солдата поставятъ въ хату къ мужику, все равно, что его и нѣтъ у тебя на квартирѣ... Да еще что? Хозяину тотъ солдатъ воду носитъ, дрова рубитъ... Ну, а прежде—придетъ, бывало, на квартиру солдатъ,—спроситъ солдатъ чего, хоть птичьяго молока, хозяйка давай!

— Ну, а ежели нѣтъ у хозяйки?

— Гдѣ хочешь доставай хозяйка, хоть жаромъ духъ пускай, а солдату давай!..

— Что жъ, хозяева жаловались начальникамъ вашимъ? спросилъ я.

— Жаловаться?!.. Ну, этого не было!

— Отчего жъ?

— Ну, нѣтъ! жаловаться не ходили: пожалуется—хуже будетъ хозяину.

— Отчего жъ теперь солдаты такъ не дѣлаютъ?

— Попробуй-ка, теперь какой солдатъ то̀ сдѣлать, такъ сейчасъ къ начальнику, а отъ начальника теперь никакой заступы!

— А при тебѣ были другіе начальники? спросилъ я, когда тотъ перестал говорить.

— Всякіе были; я только одно скажу: старинные начальники—заступу дѣлали солдату—только за службу и спрашивали.

— А за службу спрашивали?

— За службу спрашивали. Былъ у насъ майоръ изъ хохловъ же, изъ насъ;—ну, а на службѣ—держи ухо востро!—меньше двухсотъ палокъ и не отсчитывалъ...

— И любили его солдаты?

— Нельзя было не любить: своего ни за что́ солдата не выдастъ... А и лихой былъ командиръ: ничего не боялся, никого отродясь не трусилъ, хоть кто будь. Разъ мы пришли въ Петербургъ; привели насъ на какую-то улицу Грязную; на этой улицѣ Грязной сталъ смотрѣть насъ Аракчеевъ.

— А ты видалъ Аракчеева?

— Какъ не видалъ? Тутъ же на смотру былъ Аракчеевъ; такъ былъ маленькій, черномазенькій, каржавенькій.

— Такъ что же Аракчеевъ на смотру?

— Пріѣхалъ это Аракчеевъ смотрѣть насъ... тогда къ царскому параду готовились... И то не такъ, и это не такъ! И то дурно, и это не хорошо!..

— И Аракчеевъ ничего?

— На ту пору ничего; только вышли мы на Царицынъ Лугъ; вышли наши армейскіе, вышла и гвардія. Пріѣхалъ самъ царь Александръ Павловичъ, и Аракчеевъ пріѣхалъ. Царь скомандовалъ, Аракчеевъ скомандовалъ гвардіи, да не ту команду объявилъ,—гвардейцы и перемѣшались. А тутъ майоръ верхомъ на лошади... а и лошадка была плохенькая: такъ кобылка куцынькая... Майоръ-то перещеголялъ гвардейцевъ,—и своихъ армейцевъ выставилъ!..—А тутъ подъѣхалъ царь.—«Спасибо, майоръ, спасибо!» говоритъ царь майору,—а Аракчеевъ такъ и остался.

— Такъ ничего майору Аракчеевъ и не сдѣлалъ? спросилъ я разсказщика.

— На ту пору ничего.

— А послѣ?

— Послѣ къ чему-то привязался Аракчеевъ.

— А Аракчеева солдаты любили?

— Да Аракчеева никто не любилъ: ни великій князь Константинъ, ни генералы, ни солдаты.

— А въ сраженіяхъ Аракчеевъ каковъ бывалъ? спросилъ я.—Хорошъ?

— Аракчеевъ и въ сраженіяхъ не былъ ни въ одномъ.

— А ты бывалъ въ сраженіяхъ?

— Э-э! бывалъ! Я въ самое сраженіе-то почитай всю службу прошелъ.

— А въ какихъ же ты сраженіяхъ былъ?

— Да я всѣ кампаніи выслужилъ: и съ французомъ, и съ шведомъ, и съ туркомъ... Только съ французомъ больше всѣхъ войны у насъ было: сперва мы пруссаку помогали, а тамъ война у насъ была съ французомъ же, какъ французъ Москву сжегъ; а тамъ сами къ французу два раза ходили.

— И ты бывалъ?

— А какъ же? бывалъ!

— Такъ ты много-таки видывалъ?

— Видывалъ! Сперва говаривали: «бывалый человѣкъ: не изъ семи пе-

чей хлѣбъ ѣдалъ», а я про себя скажу: не въ семи царствахъ-государствахъ хлѣбъ ѣдалъ!

— Въ какихъ же ты царствахъ-государствахъ хлѣбъ ѣдалъ?

— А давай считать. Пруссаку помогали, у пруссака были, — это разъ; подъ турка ходили, турокъ—два; у шведа—три; какъ француза гнали, тутъ земель много прошли.

— Какія жъ тамъ земли?

— Тамъ много всякихъ: тамъ Саксонія, Буварія, Австріяны—такъ, жемигульный народъ... Еще земля, гдѣ наша царевна Марія Павловна живетъ,—не велика земля, не большая, а хорошо живутъ... да тамъ много земель, и не пересчитаешь.

— Хорошо тамъ живутъ?

— Всяко бываетъ: кои хорошо, а бываетъ кои, что и дурно, а то и вовсе плохо.

— Гдѣ же плохо?

— Да вотъ хоть Австріяны.

— Австріяны плохо живутъ?

— Плохо! Сами то Австріяны, настоящіе, тѣ живутъ хорошо; а другимъ-то у нихъ ужъ очень плохо!

— Какимъ же другимъ?

— Ты развѣ не знаешь? Была Польша царство, а сосѣдомъ у Польши царства: Австріяны, Пруссакъ, да мы; сосѣди сговорились промежъ собой, да и расписали по себѣ Польшу. Такъ приписнымъ-то къ Австріянамъ, не настоящимъ, ужъ очень плохо! бѣдно живутъ!

— А прочія земли?

— Турокъ живетъ не хорошо; у тѣхъ повѣрья нехорошія.

— Какія жъ у нихъ повѣрья?

— У насъ Христосъ, Богородица, Николай Угодникъ, а у турокъ только и есть, что одинъ Мугамедъ.

— Какой Мугамедъ?

— У турокъ онъ самый и есть за всѣхъ. А такъ, распутный человѣкъ. «Вина», говоритъ, «не пей, а женъ сколько хочешь держи». Вотъ и вся ихъ вѣра; а турокъ ему одному только и молится!

— Только одному и молится?

— Одному! Вотъ еще шведъ не ловко живетъ; не то, чтобъ не хорошо, а такъ: за большимъ хлюстомъ не гонится,—ему этого не надо совсѣмъ.

— А другія царства?

— Тѣ хорошо живутъ. Вотъ что Буварія, что Саксонія, что земля, гдѣ живетъ наша царевна; живутъ—и Боже мой!.. Вотъ еще французъ...

— Какъ тѣ живутъ?

— Да вотъ я у француза два раза былъ, а больше полфунта хлѣба въ день и не съѣшь.

— Отчего?

— Того да сего хватишь—ну, и сытъ!... фрукты разные... А вина простаго нѣтъ: все вино ренское!

— Ренское вино лучше нашего?

— Ренское лучше: выпьешь стаканъ, два, хоть и три—ни рукой, ни ногой не владѣешь, а не ошалѣешь, память не отшибетъ. Нашей водки выпьешь два стакана—и память всю отшибетъ, и на другой день голова болитъ, а отъ ренскаго и голова не болитъ.

Гриневъ, 27-го іюля.

— Какая у васъ рѣка? спросилъ я переправлявшихся на паромѣ со мною козаковъ съ возами дровъ, подъ самымъ городомъ Погаромъ.

— Наша рѣка прозывается Судогость, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ: вода ужь очень сладкая, оттого и называется Судогостію.

— Я какъ-то въ толкъ не возьму; вода сладкая въ рѣкѣ, оттого и рѣка называется Судогостію.

— Вода сладкая, рѣку и назвали Сладостію; рѣка наша сперва такъ и называлась.

— Какъ же она теперь называется не Сладостію, какъ ты говорилъ, а Судогостію?

— Татары такъ ее назвали: по нашему сладость, а по татарски судогость, все одно и тоже слово. *)

— Да нашъ и городъ сперва былъ не Погаръ, прибавилъ другой козакъ.

— А какъ же?

— Сперва онъ прозывался Радовое.

— Не Радовое,—Радувуль, поправилъ первый козакъ.

— Это все равно: что Радувуль, что Радовое, а только не Погаръ. Сперва, кто ни заѣдетъ въ нашъ городъ—всѣхъ радовало; а тамъ, какъ сталъ нашъ городъ горѣть: то ноньче пожаръ, то завтра другой... да пожары какіе были? весь городъ выгоритъ! «Какой говоритъ народъ, это Радувуль? Это Погаръ!» Съ тѣхъ самыхъ поръ и стали называть Погаромъ.

— Для кого Погаръ, а для кого остался все тотъ же Радувуль: у насъ въ городѣ всѣ живутъ по закону, какъ Богъ велѣлъ.

— Я думаю, есть и всякіе?

— Какъ не быть! А все-таки про нашъ городъ ничего дурнаго нигдѣ ты не услышишь... А сколько изъ нашихъ простыхъ козаковъ, сколько въ хорошіе люди вышли, въ чиновные...

— Кто же?

Онъ мнѣ сказалъ нѣсколько именъ.

— Да не то, что вышли въ люди, это бы ничего; а то важно, что въ хо-

*) Это же я слышалъ отъ О. А. Круковскаго, привѣтливостію котораго я пользовался, бывши въ Погарѣ. *Авт.*

рошіе люди: какому-бъ служить и не въ нашемъ городѣ, а онъ служитъ въ Погарѣ: «я, говоритъ, лечить, учить буду въ своемъ городѣ!» И отъ своихъ ближнихъ не отрекается: приди къ нему родня хоть въ какой свиткѣ—все родня!

Похвалу своему городу, своей родинѣ, вы услышите часто отъ многихъ— только на чужбинѣ; на мѣстѣ же, дома, мнѣ привелось слышать только другой разъ: одинъ разъ я слышалъ въ Ярославлѣ, а другой здѣсь въ Погарѣ... Что за счастливые въ самомъ дѣлѣ эти два города!

Поднявшись на крутую гору, вы въ самомъ центрѣ города Погара. Много есть на Руси деревень, за какія то услуги, произведенныхъ въ города, и эти города какъ то неловко назвать городомъ; къ числу такихъ мѣстечекъ повидимому принадлежитъ и Погаръ городъ, только къ его титулу «городъ» прибавлено извинительное слово—«заштатный»: все какъ-то не такъ совѣстно.

Мнѣ кажется, что мы только изъ трусливой учтивости называемъ, титулуемъ «городами» Богодуховъ, Валуйки, Нижнедѣвицкъ, точно также какъ пьяная баба титулуетъ «кавалеромъ», а часто и «вашимъ благородіемъ» будочника, который ее тащитъ въ часть. Это сходство еще увеличивается, ежели припомнимъ, что эти славные города, тѣмъ только и отличаются отъ нетитулованныхъ деревень, что въ нихъ есть разные *суды*, къ которымъ простой народъ причисляетъ и *часть*, въ которую, какъ и вообще въ судъ, безъ денегъ ходить нельзя...

Точно также и въ Богодуховъ и въ Новый Осколъ мужикъ ѣдетъ съ деньгами, только не для покупокъ какихъ: тамъ и купить то ничего нельзя; а ежели ѣдетъ туда мужикъ, то, вѣрно, есть *дѣло* какое, въ которомъ могутъ помочь частные, становые пристава, городничіе, исправники... А потому и эти деревни надо почтить хоть какимъ нибудь титуломъ, хоть *городомъ* назвать!.. Но я долженъ сознаться, что моя гипотеза можетъ встрѣтить возраженія, а потому приведу примѣръ безкорыстнаго титулованія.

Городъ Елецъ стоитъ на Соснѣ рѣкѣ, и этой Соснѣ Елецъ обязанъ своими многочисленными богатыми мельницами; многія мельницы приносятъ доходу болѣе 1000 р. сер., и горожане жили себѣ покойно, пока ихъ тщеславіе не одолѣло; и обидѣла Елецъ таже рѣка Сосна, по милости которой городъ славится своей знаменитой елецкой крупичатой мукой! А вышло и дѣло такое, что и перенесть горе было нельзя! И вышло всё отъ ученья: стали дѣти въ училище ходить (въ Ельцѣ купцы есть милліонеры, а потому многіе посылаютъ дѣтей и въ уѣздное училище, гдѣ иногда дѣти ихъ доходятъ и до третьяго класса), стали дѣти географію учить, и выучили по географіямъ господъ Арсеньева и Ободовскаго, что Мценскъ стоитъ на *судоходной* рѣкѣ Зушѣ; Бѣлевъ—на *судоходной* рѣкѣ Окѣ... Одинъ только почти Елецъ *стоитъ не на судоходной* рѣкѣ Соснѣ! Городу безчестье большое! Какъ тутъ быть?..

На счастье города, городской голова былъ хорошъ, рачителенъ до города; сталъ голова хлопотать—сдѣлать рѣку Сосну въ Ельцѣ судоходною; поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать; да ѣздилъ не разъ, не два, а хлопоталъ,

говорятъ, лѣтъ десять, и кончилъ таки, что назвали судоходною. Пріѣхалъ голова изъ Петербурга съ бумагою, въ которой объявлена Сосна—рѣкою *судоходною*! Отслужили на Соснѣ молебенъ съ водоосвященіемъ, окропили Сосну святою водою и зажили по прежнему; только что Соснѣ дали титулъ судоходной, а то мельницы мелютъ все тѣ же и такую же елецкую крупичатую муку; по судоходной Соснѣ плаваютъ тѣ же суда; у каждаго мельника есть лодка и плавать можно, когда мельница не спущена... все по прежнему; но городъ успокоился: теперь Елецъ стоитъ на судоходной рѣкѣ!.. Разсказчикъ мнѣ говорилъ, что Сосна уже болѣе 15 лѣтъ какъ стала судоходною и городу чести прибавилось!..

Погаръ городъ, кажется, не такъ честолюбивъ: онъ довольствуется званіемъ заштатнаго города, и съ этимъ званіемъ соединенною властію—частнымъ приставомъ.

Кромѣ этого отличія отъ простыхъ деревень, Погаръ имѣетъ уѣздное училище, про которое сказать ничего не могу: я былъ въ вакаціонное время, стало быть и училище видѣть не могъ, но меня поразило то, что въ такомъ городѣ, какъ Погаръ, полный комплектъ учителей, а болѣе всего разсказы, будто во всѣхъ училищахъ Кіевскаго округа—то же!..

И такъ, Погаръ довольствуется званіемъ заштатнаго города; а былъ и Погаръ городомъ. Еще до татаръ стоялъ городъ Родогостье; потомъ сталъ зваться и Радувуль и Радовое, а наконецъ и Погаръ... Былъ этотъ городъ и княжескимъ, былъ сотеннымъ мѣстечкомъ Стародубовскаго полка, наконецъ и заштатнымъ городомъ; но какъ взглянете изъ за Судогоста на этотъ городокъ, засыпанный весь садами, то, вѣрно, скажете, что Погаръ—городъ, и городъ, который стоитъ на веселомъ мѣстѣ. Верстъ за десять отъ Бугаевки показываются Погарскія церкви, и вы никакъ не ожидаете найти такой маленькій городъ; придя только въ городъ, невольно спросите: для кого же построены 9 церквей? Я въ церквахъ погарскихъ не былъ, но повидимому можно сказать, что онѣ очень бѣдны.

— Сколько у васъ церквей, сказалъ я козаку-хозяину, у котораго въ хатѣ остановился въ Погарѣ,—а всѣ церкви съ виду бѣдны.

— Бѣдны, отвѣчалъ козакъ:—приходы не большіе, съ чего и богатымъ имъ быть? А приходы такъ бѣдны, такъ бѣдны, что не только церковь, а и попъ бѣдствуетъ! А объ дьяконѣ у насъ и не спрашивай...

— Дьяконъ еще бѣднѣй?

— Объ дьяконѣ въ Погарѣ не спрашивай.

— Отчего же?

— Да въ Погарѣ дьякона нѣтъ.

— Во всѣхъ девяти церквахъ дьякона нѣтъ?

— Во всѣхъ девяти и нѣтъ.

— И никогда не было?

— Какъ не быть! Были, только теперь во всемъ Погарѣ-городѣ ни одного дьякона нѣтъ.

— Отчего жъ такъ?

— А Богъ святой знаетъ!

— Давно вашъ городъ стоитъ?

— Отъ начала вѣка нашъ городъ! Въ нашемъ городѣ сперва самъ сотникъ жилъ.

— Какой сотникъ?

— Чинъ такой былъ: все равнó, что губернаторъ; Погаръ стало быть былъ тоже губернія.

— А какъ давно въ Погарѣ сотники были? спросилъ я у козака-хозяина.

— Да и были они еще не такъ давно: были старики козаки, что и видали самихъ сотниковъ.

— А теперь нѣтъ сотниковъ, прибавилъ другой казакъ, самой невоинственной наружности, братъ хозяина.

— Отчего же?

— Перевелись!

— Насъ было и въ мужики записали, да такъ ужъ Богъ помиловалъ, да и добрые люди помогли.

— Точно, что добрые люди помогли, подговаривалъ флегматически братъ хозяина.

— Ты знаешь Гриневъ? спросилъ меня хозяинъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Не знаешь. Какъ пойдешь отсюда, отъ Погара къ Стародубу, такъ на половинѣ пути будетъ...

— Къ Погару ближе, перебилъ братъ.

— Къ Погару будетъ ближе, продолжалъ хозяинъ.—Такъ этимъ Гриневымъ завладѣлъ Безбородко. Завладѣлъ Безбородко Гриневымъ, захотѣлъ и Погаромъ владѣть. Сталъ просить царя... царицу: тогда царица была... сталъ просить царицу отдать ему и Погаръ городъ.

— И отдала бы царица Безбородку Погаръ-городъ, добавилъ опять братъ.

— Отдала-бъ, согласился хозяинъ,—да я и говорю, что Богъ помиловалъ, да добрые люди помогли: пріѣхалъ Кочубей, сказалъ городу, что Безбородко хочетъ за себя взять городъ. Какъ тутъ быть? Кочубей ихъ опять таки научилъ: взять царскую грамоту... А царская грамота у насъ царя Алексѣя Михайловича и въ грамотѣ сказано: быть Погару до скончанія вѣка—городомъ. Взять ту грамоту и идти къ царицѣ просить: не отдавать Погара Безбородку, а оставить попрежнему — вольнымъ городомъ. Хорошо. Выбрали громадой трехъ козаковъ: первый былъ Козелъ, другой Розько, а третій Попинака. Взяли тѣ казаки старую грамоту, пошли въ Питеръ. А тамъ въ Питерѣ царица умерла, а сталъ царить царь Павелъ. Царила царица — Безбородко силу большую имѣлъ; сталъ царить царь—Безбородкѣ силы той ужъ нѣтъ!... Показали царю казаки грамоту, царь и указалъ: Погару оставаться попрежнему городомъ *).

---

*) Не знаю, цѣла ли эта грамота, но, вѣроятно, здѣсь идетъ дѣло о грамотѣ, которою царь Алексѣй Михайловичъ подтвердилъ городу магдебургскія права. *Авт.*

Около Погара и въ сосѣднихъ уѣздахъ много сѣютъ конопли: начиная отъ Кромскаго уѣзда, конопли сѣютъ не только на огородѣ, но и въ поляхъ, разумѣется, удобренныхъ подъ коноплянникъ; а поэтому въ Погарѣ главная торговля пенькой и въ особенности конопляннымъ масломъ. Мнѣ говорили, что пять-шесть здѣшнихъ купцовъ, главныхъ купцовъ, отправляютъ отсюда до 15,000 берковцевъ чистой пеньки. Эти купцы, скупая пеньку нечищенную, нанимаютъ трепачей*), т. е. работниковъ пеньку трепать — чистить, большею частію, какъ мнѣ говорили, изъ русскихъ и преимущественно изъ Орловской и Калужской губерній. Нанимаются ли они артелями, или всегда по одиночкѣ, я утвердительно сказать не могу; но мнѣ кажется, что между трепачами артелей нѣтъ; всякій получаетъ плату отъ пуда очищенной пеньки, лично самимъ заработанную плату, или заработанную цѣлой *семьей*. Главный промыселъ здѣшнихъ жителей—маслобойни, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, олейны; олейнъ здѣсь въ городѣ болѣе *ста*, на которыхъ бьютъ преимущественно шапочный олей, т. е. конопляное масло, а не кошелевый; продавливаютъ масло изъ конопли черезъ мѣшокъ или колпакъ, сдѣланный изъ шерсти, а не изъ лыкъ, отчего и олей бываетъ лучше; поэтому погарскій олей, говорятъ, извѣстенъ по всей Малороссіи и даже, прибавилъ разсказчикъ, въ Кіевѣ. Сколько выдѣлываютъ здѣсь олею, я узнать не могъ; но, судя потому, что въ Погарѣ и въ окрестныхъ деревняхъ всю зиму по большей части работаютъ однѣ только бочки для олея, вывозимаго изъ одного Погара, то можно предполагать, что выдѣлывается значительное количество. И не одинъ Погаръ занимается маслобойнями, а и по деревнямъ ихъ здѣсь много; мнѣ говорили, что въ Стародубскомъ уѣздѣ есть даже паровыя маслобойни.

Я зашелъ къ С. А. Мефедову; онъ занимается собираніемъ пѣсенъ, какъ текстовъ, такъ и голосовъ, и потому не удивительно, что онъ близко принимаетъ къ сердцу цѣль моихъ походовъ, и всячески хотѣлъ помочь мнѣ въ моихъ разспросахъ. А какъ онъ самъ уроженецъ Погара, то онъ зналъ, кого спросить, а въ повѣркѣ собранныхъ мною свѣдѣній, онъ для меня не могъ быть никѣмъ замѣнимъ. Преподобный Несторъ говоритъ, что въ Россіи жили разныя племена. Мнѣ кажется, что внимательно изучая бытъ нашего народа, и теперь можно указать на границы поселеній разныхъ племенъ. Но для этого надобно обращать вниманіе на все: на пѣсни, повѣрья и въ особенности на обряды, архитектуру домовъ и расположеніе дворовъ и одежду. Какъ ни просто устройство нашей деревенской избы, но въ разныхъ мѣстахъ — разныя избы.

Въ Малоархангельскомъ, Ливенскомъ уѣздахъ и вообще къ Рязани и Воронежу, деревни строятся большею частію въ одну линію; старой постройки избы, кажется, обыкновенно стояли во дворѣ, а теперешней—на улицу чаще; во всякомъ случаѣ—въ одну линію: ежели не избами, то дворами, начиная

*) По 80 коп. ассигн. отъ пуда. Хорошій работникъ можетъ перечистить до 5 пудовъ пеньки въ день.

кажется съ Никольскаго, Орловскаго уѣзда, деревни стоятъ ломаной линіей; между двумя избами небольшая площадка: на одной сторонѣ ворота во дворъ, а въ глубинѣ этой площадки ворота на задворокъ, гдѣ сѣно, сохи, бороны. Къ Рязани же и къ Воронежу, задворки стоятъ противъ избы, черезъ улицу.

Теперь опишу дворъ и домъ богатаго жителя Погара. Домъ стоитъ на углу улицы; вы входите съ улицы въ сѣнцы, изъ которыхъ одна дверь ведетъ въ свѣтлицу, другая въ свѣтелку, третья въ пекарню, четвертая въ пристѣнокъ, пятая на улицу и шестая во дворъ; въ свѣтлицѣ три окна, въ свѣтелкѣ и кухнѣ по одному. Печь стоитъ между дверьми, ведущими въ свѣтлицу и свѣтелку. Войдя въ свѣтлицу, по одну руку у васъ стоитъ печь, по другую судникъ — шкафъ съ посудой. Со двора на улицу ходъ въ ворота, около воротъ клѣть, которая иногда называется хижа и строится въ глубинѣ двора. Рядомъ съ клѣтью—повѣть. Подъ повѣтью дровы, сѣнникъ, погребъ съ повѣткой подъ навѣсомъ, около другихъ сторонъ двора черезъ форточку, т. е. калитку, ходъ въ садокъ.

Теперь перечислю названіе одежды. Про мужскую я многаго сказать не могу: свитка, кожухъ и бѣлая рубашка съ прямымъ воротомъ на выпускъ, т. е. сверхъ штановъ; въ деревняхъ бросается въ глаза колпакъ, т. е. шапка изъ войлока, очень похожая на круглыя шляпы гречневики, только съ полями пальца въ три шириною, которыя плотно лежатъ къ тульѣ; да изрѣдка зипунъ: свита съ перехватомъ назади.

Женщины въ Погарѣ повязываютъ голову поверхъ колпака платкомъ; эта повязка очень напоминаетъ казацкую шапку. Сперва дѣвушки носили одну кладочку, теперь же часто повязываютъ голову по женски, выпуская только сзади или косу во всю длину съ лентой въ концѣ или складываютъ вдвое; концы волосъ подкладываютъ подъ низъ.

Какъ женщины, такъ и дѣвушки, носятъ: юбку, которую здѣсь называютъ сподницей, или саянъ, кабатъ-сарафанъ, кохту, шушунъ. Панёвъ въ городѣ не видалъ, въ деревняхъ же носятъ панёвы больше *круглыя*, т. е. сшитыя.

У всякой женщины и у всякой дѣвушки есть свои собственныя *скрыни* и *кублы* съ замками, гдѣ онѣ сохраняютъ принадлежащія имъ вещи — наряды, холсты и проч. Скрыня — это сундукъ, а кубла или купель — ушатъ съ крышкой, которая закладывается брускомъ, продѣтымъ сквозь ручки ушата и послѣ запирается замкомъ.

Ничто въ настоящее время такъ быстро не теряется, какъ старинный костюмъ: что носилось обыкновенно лѣтъ десять назадъ, то теперь сдѣлалось вещью, нужною только для кабинета антикварія. Мнѣ хотѣлось достать для русскаго географическаго общества однодворческій костюмъ Малоархангельскаго уѣзда, и, не смотря на все мое стараніе, новаго всего костюма я достать не могъ. Даже заказать теперь некому: мастера перевелись; и я долженъ былъ довольствоваться подержанными, поношенными вещами.

О головныхъ уборахъ должно сказать тоже: кички быстро уничтожаются,

а дѣвушки... Я вспомнилъ слова одной однодворки — дѣвушки въ Малоархангельскомъ уѣздѣ; она говорила: «На праздникъ-то и мы принарядимся: мы, дѣвушки, волосы въ плетеночки заплетемъ и косу корзиночкой прикладаемъ; ну, а дамамъ этого нельзя.»

Кичка очень неудобна; я не пожалѣю, если она повсемѣстно замѣнится чѣмъ нибудь... только не плетеночками... не корзинкой... А жаль будетъ, если въ настоящее время не будутъ описаны всѣ костюмы, употребляемые русскими. Да и многое скоро пропадаетъ: съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, распространится грамотность, а съ грамотностію потеряютъ святость прадѣдовскіе обычаи и забудутся народомъ...

Ходаковскій горевалъ, что послѣ московскаго пожара въ двѣнадцатомъ году не были возстановлены въ Москвѣ доисторическія городища, а выстроили опять городъ Москву. Городища, можетъ быть, и можно бы было возобновить, разрушивши Москву; а старые обычаи, повѣрья, забытые народомъ, нельзя возстановить, хоть бы снова воскресло крѣпостное право, по желанію немногихъ...

Сказавши нѣсколько словъ объ жильѣ, одеждѣ Погарцевъ, надо сказать и объ ихъ языкѣ; не бравши на себя обязанности составлять грамматику ихъ говора, приведу лучше нѣсколько пѣсенъ, съ удержаніемъ выговора.

1. Пѣсня, когда сѣютъ конопли.

Старенькій дѣдька
Па горыду ходя
И аре́ и скародя,
Канапельки сѣя
Мыладая *) малодка.
У воротъ стояла
Гылубовъ зманяла:
Гуля, гуля, галубчикъ,
На дѣдовы кано́пли!
Штобъ мнѣ мыладѣ
Кынапель ни брати
И пасканней не мяти!

2. Жнивная, поется когда идутъ вечеромъ съ жнива домой.

У поле идуть
Икъ (какъ) пчолачки гудуть;

---

*) *Молодая, молодка* я не умѣю написать совершенно такъ, какъ произносится: *Молодая* произносится почти какъ *мыладая*, а *молодка*—почти какъ *малодка.* *Авт.*

Азъ поля идуть,
Пѣсенки пають!
Дѣвки маладыя,
Серпы сталявыя!
Станавите сталы дубовыя,
Наливайтя кубки медовыя...

3. Поется на масляной.

Надъ нашимъ, надъ горадымъ Потарамъ
Стояли, святили мѣсички чатыри:
Стояли, святили зорички чатыри:
Маладому Самсоньку — красная Марьичка,
Красный Софьюшки—мыладой Иванька!

Самсонько, Марьичка, Софьюшка, Иванъ — имена случайныя: кого величають, тѣхъ имена и поютъ.

4. Хороводная.

Заплитайся, плетень, заплитайся!
Завивайся, труба залатая!
Заверни, кумка крясатая!
Охъ сиръ скраводничакъ!
Патапивъ малыхъ дѣточекъ,
Да не въ сиръ, да не въ масличко,
У сахорное яблачко!...

Расплетайся, плетень, расплетайся!
Развивайся, труба залатая!
Разверни, кумка залатая!
Охъ сиръ скраводничакъ!
Патапивъ малыхъ дѣточекъ
Да не въ сиръ, да не въ масличко,
У сахорное яблачко...

При первомъ куплетѣ этой пѣсни всѣ играющіе заплетаются въ плетень, а при второмъ — расплетаются.

5. Хороводная.

Карагодъ великъ, улица мала,
Нѣкуды вѣтру прохолодати,
Жаркому сонцу разгулятися,
Буйному вѣтру расшататися;
А усё за бабами, усё за старыми.
Мритя вы, бабы, мритя вы, старыя.
Па-три, па чатыри,
Па семира въ яму,
У вадну суботу,
Штобъ была безъ клапо́ту.
Карагодъ великъ, улица мала;
Нѣкуды вѣтру прохолодати,
Жаркому сонцу разгулятися
Буйному вѣтру разшататися,
А усё за дѣвками, все за красными!
Идитя вы, дѣвки, идитя вы, красныя,
Па три, па чатыри.
Па семира замужъ,
У вадну нидѣлю,
Штобъ люди глядѣли, —
У вадинъ тано́чикъ,
Падъ адинъ вяночекъ!

Подъ эту пѣсню играющіе бѣгаютъ попарно по улицѣ; передняя пара дѣлаетъ ворота: возьмутся рука за руку, и въ эти ворота всѣ пробѣгаютъ; поэтому этотъ хороводъ называютъ «бѣгучимъ», или по здѣшнему — бягучихъ.

6. Хороводная.

Ти чували, ти видали
Маю жану Танку?
«Не чували, не видали
Твою жану Танку!»
А хоть жа вы не чували, не видали,
Дакъ я самъ бачивъ.
«Хоть жа ты и бачивъ,
Да мы табѣ не дадимъ.»
А я каши наварю
Сваю жану вазьму.
«А мы кашу паядимъ,
Табѣ жаны не дадимъ».

Я пираговъ напеку,
Сваю жану вазьму.
«Мы пираги паядимъ,
Табѣ жаны не дадимъ!»
А я пива наварю,
Сваю жану вазьму!
«А мы пиво попьемъ *),
Табѣ жаны не дадимъ!»
А я камень подпущу,
Сваю жану вазьму.
«А мы камень перебьемъ,
Табѣ жаны не дадимъ!»
А я стрѣлу подпущу,
Сваю жану вазьму.
«А мы стрѣлу переломимъ,
Табѣ жаны не дадимъ!»
А я перстень подпущу,
Сваю жану вазьму!
«Мы перстень на ручку,
Тваю жану якъ сучку!
Гей, жана, да дому;
Дѣти кричать,
Ѣсти хочуть.
А на полыцы
Три паляницы,
То имъ дай,
То имъ дай».

Напѣвы пѣсенъ есть и малороссійскіе, есть и великорусскіе. С. А. Меѳедовъ для меня записалъ нѣсколько напѣвовъ.

— Не осталось ли какихъ памятниковъ владычества Литвы въ Погарѣ? спрашивалъ я здѣсь одного горожанина.

— Николаевская церковь была сперва костеломъ, а теперь она передѣлана на православную.

— Остались въ этой церкви какія нибудь книги, образа изъ стараго костела?

— Нѣтъ, кажется; тамъ только остался Галецкій, который тамъ похороненъ.

— Кто такой этотъ Галецкій?

— Галецкій былъ большой воинъ. Я учился у дьякона, онъ тогда еще былъ дьякомъ... мы тогда мели церковь... дьячекъ и уронилъ въ церкви гривенникъ; гривенникъ покатился, да подъ полъ; подняли мостовину и вынули гривенникъ. Такъ я самъ въ ту пору видѣлъ склепъ, гдѣ лежитъ Галецкій.

*) Попьемъ, а не папьёмъ. *Авт.*

Тутъ же нашли образъ святителя Николая; образокъ не большой, вершка въ полтора, а вмѣсто рамки — мѣдный блятъ въ полъаршина.

— А грамотъ никакихъ не осталось?

— Говорятъ, есть грамота царя Алексѣя Михайловича. Царь той грамотой пожаловалъ Погаръ на вѣки вѣчные быть городомъ.

— Гдѣ былъ сперва городъ?

— Главный городъ сперва былъ на Замковой горѣ; тамъ сперва и замокъ стоялъ.

Замковая гора у самой Судогости, очень крута и на нее взъѣхать можно только въ одномъ мѣстѣ, и то, какъ мнѣ говорили, здѣсь сдѣлана насыпь, а сперва былъ подъемный мостъ. Эта гора имѣетъ видъ урѣзаннаго конуса. Вершина горы — заросшая всякою дрянью площадь въ нѣсколько сажень, и на ней теперь одна только яма; стоявшія здѣсь войска построили себѣ манежъ, который, выходя изъ города, разорили.

— А кладовъ здѣсь близко не находили?

— Близко не находили, отвѣчала бывшая здѣсь хозяйка, — а вотъ сказываютъ, какое было дѣло: стоялъ столбъ, и всѣ знали, что тутъ кладъ лежитъ; и кто-кто не приходилъ къ столбу отрывать клада,—весь столбъ подкопали кругомъ, такъ что весь столбъ подбили, чуть-чуть и столбъ-то держался: а все клада того никто достать не могъ. Разъ у того столба пасъ малецъ *) монастырскій товаръ **). «Говорятъ, здѣсь кладъ лежитъ, думаетъ малецъ, семъ-ко я попытаюсь!...» Солнце было совсѣмъ на закатѣ, малецъ и началъ копать у самой головы ***)—что отъ столба тѣнь. Копнулъ разъ, другой— жерновный камень... малецъ копать еще — золото!...

— А здѣсь кладовъ не находили?

— Нѣтъ, разъ копали подъ фундаментомъ, такъ нашли много платья, когда рыли, отвѣчала хозяйка.

— Какое же платье?

— Фартушки разные...

— Еще разъ тоже рыли, напали на могилу, прибавилъ нашъ собесѣдникъ: такъ въ могилѣ нашли водку; и водка та была желтая, — сперва хоронили всѣхъ покойниковъ съ водкой.

— Въ гробъ клали водку?

— Не знаю, ти въ гробъ клали водку, или такъ въ могилу. Не могу того вѣрно сказать.

Послѣ какъ-то мы договорились до братщинъ, которыя теперь въ Погарѣ уничтожились.

— Какъ же вы собирали братщину? Кто ее собиралъ? спросилъ я.

— Да кому придется, тотъ ее и собиралъ; сперва собиралъ ее церковный староста, а какъ я былъ церковный староста, такъ я не сталъ собирать самъ, а отдавалъ другимъ.

---

*) Мальчикъ. — **) Скотопромышленники рогатый скотъ называютъ товаромъ. — ***) При концѣ тѣни. *Авт.*

— Отчего же?

— Да такъ, пьянства много, а церкви прибыли нѣтъ: только и барыши что попу да конторѣ.

— Какой конторѣ?

— Откупщику; водку покупали у откупщика: нашъ городъ былъ на откупу.

— А попу какой же былъ барышъ?

— Попу съ самого начала надо нести кварту водки святить, ну, и несутъ попу кварту водки, да платокъ.

— Какъ же собирали братщину, когда?

— У кого престольный праздникъ, тѣ и собираютъ братщину. Самые простые люди ходили по дворамъ, выпрашивали по гривнѣ, а у богатыхъ— сколько дастъ; деньги отдавали церковному старостѣ. Тотъ покупалъ водки, постѣнки *), всего, что надо... Спросятся у откупщика, наварятъ меду, а воскъ что выйдетъ—сдѣлаютъ свѣчу въ церковь... накупятъ всего, а остальныя деньги, что отъ покупки останется, тоже на церковь... Придетъ праздникъ,—ну, всѣ собираются и пьютъ.

— А изъ другаго прихода могли приходить?

— Всѣ могли.

— А женщины?

— И бабы ходили.

— А кто не давалъ денегъ въ братщину?

— Кто тамъ разбирать станетъ? Всѣ, кто хочетъ — приходи и пей, сколько хочешь!... Только тамъ на братщинѣ собирались самые простые, а другіе не ходили...

— Считалось неприличнымъ?

— Пьянство было большое!... А тамъ еще на другой, на третій день станутъ свѣчу пропивать.

— Купятъ постѣнка, станутъ варить медъ, останется воскъ; изъ того воска сдѣлаютъ свѣчу. Кто ноньче собиралъ братщину и если не хочетъ на будущій годъ собирать, тотъ отдаетъ свѣчу тому, кто будетъ на будущій годъ; и свѣчу эту несутъ всѣ, передаютъ охотнику и придаютъ денегъ сколько нибудь. Ну, и опять пьянство!

— Гдѣ же собирались братщины?

— Да у кого нибудь, а больше по братскимъ домамъ.

— А у васъ были братскіе дома?

— И теперь есть; а сперва у всѣхъ были, у швецовъ свой, а у кузнецовъ свой; ну, а теперь одинъ только у швецовъ.

— Большой домъ?

— Нѣтъ, такъ хатка; имъ давали за ихъ братскій домъ тридцать-пять рублей серебромъ только.

— А когда была у васъ послѣдняя братщина?

*) Соты меду.

— Да лѣтъ десять назадъ, а можетъ быть и пятнадцать лѣтъ будетъ, какъ перестали.

— Отчего же теперь перестали?

— Да тутъ откупа пошли; сперва водка у насъ была дешевая, а тутъ пошли откупа, водка вздорожала, братщину тѣми деньгами, что сперва обходились, ужъ и не справишь.

— Теперь опять водка подешевѣла.

— Подешевѣла, да все не прежняя цѣна, да и кому собрать братщину? не для чего!

Стародубъ, 28-го iюня.

— Здорово, почтенный! Не проходили здѣсь два молодца? спросилъ меня погарскiй мѣщанинъ, когда я, выходя поутру изъ Погара, закуривалъ папироску.

— Не замѣтилъ, почтенный.

— Вѣрно, прошли: забѣгалъ въ кузницы—тамъ ихъ нѣтъ... да въ шинкѣ подождутъ.

— А вы куда собрались?

— Идемъ въ Гриневъ: садъ хочемъ скупить.

— Что́, какъ ноньче сады?

— Плохи, очень плохи! За садъ въ прежнiе годы платили 500 р. сер., а ноньче за этотъ садъ не знаешь, какъ дать и сто; весна была очень для садовъ дурна: морозы были.

— Много здѣсь садовъ?

— Было много; теперь только стали сады падать: тѣхъ доходовъ отъ садовъ нѣтъ. Бывало, наши погаровцы яблоки возили въ самую Москву; а теперь изъ нашихъ мѣстъ въ Москву ни одного яблока не возятъ; весь яблокъ въ Москвѣ курскiй, а нашъ яблокъ здѣсь по нашимъ мѣстамъ весь расходится; дальше ему ходу нѣтъ.

— Отчего же вы перестали возить въ Москву ваши яблоки? Вѣрно, не выгодно?

— Какое не́ выгодно! Выгодно, да та бѣда, что народъ въ Погарѣ обѣднѣлъ; въ Москву-то и ѣздить стало некому.

— А, можетъ, есть и другая какая причина, сказалъ я, — но отчего же народъ въ Погарѣ обѣднѣлъ?

— Какъ въ наши времена, другъ, мѣщанину не обѣднѣть.

— Отчего же мѣщанину? Придутъ плохiя времена—и мужикъ, и баринъ, также какъ и мѣщанинъ, обѣднѣетъ...

— Какъ можно мужика съ мѣщаниномъ сравнить! Мужикъ раззорится, коли бѣда какая надъ нимъ стрясется; а пройдетъ бѣда, мужику опять справиться можно; а мѣщанинъ безъ всякой бѣды на разоръ идетъ. Мужикъ что? у мужика земля своя есть, и съ податями справиться можно: пришелъ хлѣбу недородъ—разорился; опять таки есть къ чему руки приложить: къ той же землѣ. А мѣщанину гдѣ взять? что у мѣщанина есть? А съ мѣщанина податей больше сбирается; съ нашего брата берутъ и подушныя, и

городскія, и квартирныя и земскіе сборы... и солдатъ къ тебѣ во дворъ ставятъ, а мало-мальски хата у тебя хороша—офицера поставятъ. Да еще вотъ что тебѣ скажу: чѣмъ ты податями справнѣе, тѣмъ для тебя хуже; ты платишь исправно подати за себя, а я и совсѣмъ не плачу; ты за меня и плати; мою душу на тебя положатъ; твою же справку передъ казной тебѣ же въ вину ставятъ!... Не слыхалъ ты, любезный, у насъ болтаетъ народъ, что эти порядки скоро у насъ перемѣнятся?

— Нѣтъ, любезный, не слыхалъ.

— А дай-то Господи! А по всему видно, что старымъ порядкамъ не жить долго.

Около обѣдовъ я пришелъ въ Гриневъ, и первое, что мнѣ бросилось въ глаза въ этомъ хорошенькомъ мѣстечкѣ, это мужикъ, бѣдно одѣтый, стоявшій безъ шапки передъ какимъ-то лакеемъ или дворовымъ въ картузѣ, сюртукѣ, но безъ сапогъ. Мужиковъ объ чемъ-то просилъ лакея, низко ему кланялся, и тотъ, повидимому, начиналъ было уже соглашаться на его просьбу, но, на бѣду мужика, прошла какая-то дѣвка, лакей хлопнулъ ее около спины; дѣвка засмѣялась...

— Послѣ! крикнулъ лакей мужику и пошелъ съ дѣвкой.

— Паночку! просилъ мужикъ.

— Сказано послѣ, такъ и послѣ! прокричалъ на ходу лакей, не останавливаясь.

Мужикъ постоялъ нѣсколько, постоялъ, развелъ руками и пошелъ куда-то.

— Гдѣ, братъ, пообѣдать? спросилъ я его.

— Ступай въ шинокъ.

— А шинокъ гдѣ?

Мужикъ только рукой махнулъ; вѣроятно, ему было не до разговоровъ.

Въ шинкѣ меня встрѣтила жидовка въ нѣмецкомъ платьѣ, до нельзя замасленномъ чепцѣ и до невозможности взъерошенномъ рыжемъ парикѣ.

— Что тебѣ надо? крикнула она на меня не совсѣмъ ласково, подвигаясь къ загородкѣ, за которой стояла водка.

— Нельзя ли, хозяйка, сдѣлать у васъ яичницу? спросилъ я ее вмѣсто отвѣта.

— Отчего? можно! проговорила она совершенно другимъ голосомъ.—Пожалуй сюда, здѣсь лучше. Только мужики сидятъ.

— Почему жъ вы думаете, что я не мужикъ?

— Какъ же можно! Вы яичницу спрашиваете: стало быть не простой человѣкъ!

Хозяйка юркнула, только мелькнули развивавшіяся на полъ-аршина сзади ленты, теперь неизвѣстно какого цвѣта, но смолоду, вѣроятно, бывшія желтаго; а я вошелъ въ указанную мнѣ комнату, въ которой принимаются не простые люди. Тамъ я нашелъ тоже не простого человѣка-мѣщанина.

— Здравствуйте, почтенный! сказалъ я ему, войдя въ комнату и садясь на лавку.

— Здравствуйте, любезный! Откулича путь держите?

— Иду изъ Погара въ Стародубъ.

— Такъ-съ! А по какимъ такимъ дѣламъ-съ занимаетесь?

— Такъ, по своимъ дѣламъ.

— Вы, не живописецъ? Такъ, можетъ, живописью изволите заниматься-съ?

— Да. А васъ откуда Богъ несетъ?

— Мы торгуемъ краснымъ товаромъ.

— По господамъ ѣздите?

— Нѣтъ съ, больше по мужикамъ.

— Вы съ коробкой ходите?

— Нѣтъ-съ, какъ можно съ коробкой! Мы на лошади, у насъ лошадь есть!.. Это такъ какой-нибудь, тотъ, точно, можетъ ходить пѣшкомъ съ коробкой...

Въ этомъ шинкѣ такимъ образомъ я получилъ два урока, какъ узнать простого человѣка отъ не простого: кто требуетъ яичницу, тотъ не простой; кто ѣдетъ на лошади, тотъ тоже не простой.

— Почему же вы по господамъ не ѣздите? спросилъ я разносчика.

— Отъ господъ можно пользу получать, часомъ и хорошую пользу, ну, а съ мужичка лучше.

— Да отчего же?

— Какъ-съ можно мужика смѣшать съ бариномъ? Съ барина того не возьмешь, что съ мужика!

— Съ мужика больше?

— Какъ можно-съ! Барину я отдамъ платокъ какой за тридцать серебра, больше не выпросишь, а съ мужика я меньше сорока пяти за тотъ платокъ и не возьму! А то и полтину дастъ!

— Сколько же вы берете барыша на рубль?

— Этого сказать нельзя: мы такъ никогда и не считаемъ, да и сосчитать того дѣло невозможное!

— Какъ же вы цѣну назначаете?

— А такъ, на это у насъ своя привычка есть; безъ привычки и торговать нельзя!

— На сколько жъ вы въ день продаете?

— А это, сколько Богъ дастъ: иной день, на семь цѣлковыхъ; а то Богъ поможетъ — и на десять продашь. Это я разсказываю про эту пору—про лѣтнюю; а зимой лучше; зимой продашь и на двадцать пять, и на тридцать серебромъ случается.

— А сколько жъ вы на себя въ день прохарчите? На себя и на лошадь?

— Это тоже не ровно: иной день рубль серебра, иной полегче выйдетъ денекъ—и семью гривнами отдѣлаешься... А придется, выпьешь, съ усмѣшкой прибавилъ онъ, выпьешь и—рубля мало!

— Такъ ежели вы продадите въ день на семь рублей, въ тотъ день вамъ убытокъ?

— Какъ можно въ убытокъ торговать!

— Да ежели вы много на себя истратите?

— Такъ что́ же-съ? Сколько ни истратилъ, все на товаръ разлагаешь.

— Сколько-бъ не истратили?

— Сколько и истратишь на себя, сколько отошлешь домой; вѣдь дома жена, дѣти, имъ тоже пить — ѣсть надо, домой имъ тоже посылаешь; все на товаръ и раскладываешь.

— Такъ считая, вы берете очень большой процентъ?

— Какой большой!

— Какъ же, продадите на семь рублей...

— Да что же, что на семь-съ? Вы извольте положить: товаръ чего стоитъ, ну, положимъ, хоть товаръ хозяину стоитъ четыре рубли, а то и всѣ пять; да лошадь прокормить, да на себя истратишь... такъ и выйдетъ, что барышъ самый пустой: какой-нибудь рубль серебра достанется... Да когда-бъ все на деньги продавали, а то всѣмъ беремъ: и яицами и перевеслами... правда и то—продаемъ съ барышомъ...

— А вы гдѣ берете товаръ?

— Да такъ, по городамъ.

— Не на фабрикахъ?

— Колибъ на фабрикѣ взять товаръ-съ, я вамъ скажу: безпремѣнно было-бъ выгоднѣй, да только намъ на фабрику къ самому фабриканту и ходу нѣтъ!

— Это почему же?

— А потому: первое дѣло — какой такой у насъ товаръ есть? Товару у насъ есть у кого на сто, у кого много-много на полтораста рублей... положимъ, хоть на всѣ двѣсти, такъ изъ-за такой бездѣлицы ѣхать на фабрику за 500 верстъ и не стоитъ! Это-съ первое дѣло; теперь другое; мы по городамъ кредитъ имѣемъ, такъ въ кредитъ товаръ и беремъ.

— На много берете товару?

— Сколько нужно, столько и возьмемъ-съ; намъ вѣрютъ-съ; а для того намъ вѣрютъ, что мы сами свои дѣла аккуратно ведемъ. Всякій хозяинъ аккуратъ любитъ-съ. Возьму я у хозяина товаръ въ долгъ; продамъ тотъ-съ товаръ, сколько слѣдуетъ хозяину — деньги отдамъ; такъ мнѣ хозяинъ-то опосля того на сколько хочешь повѣритъ...

— Ну, однако, на сколько же?

— Да вотъ хоть я: послѣдній разъ отдалъ хозяину тридцать рублей, а товару взялъ на пятьдесятъ рублей.

— И каждый разъ вы за товаромъ сами ѣздите къ вашему хозяину въ городъ?

— Какъ можно! хозяинъ самъ выѣзжаетъ съ товаромъ, или высылаетъ съ кѣмъ.

— Такъ и хозяинъ вашъ беретъ самъ по себѣ барышъ съ этого товара?

— А то какъ же? беретъ!

— Ну, а хозяину вашему много барыша отъ вашего товара очищается?

— А кто его знаетъ! Намъ про это никакъ-съ невозможно и узнать-то! Только теперь барыши пошли не прежніе!

— Давно жъ стало барышей меньше?

— А вотъ съ самаго указа объ волѣ.

— Это жъ отчего?

— Отчего? Сперва народъ зануженный былъ: другой во весь вѣкъ-то въ деревнѣ просидѣлъ за барской работой; а какъ вышла воля, — имъ и повольготнѣе стало, отпустило имъ-то; то тотъ, то тотъ въ городъ съѣздитъ, продастъ что́, да въ городѣ, что́ нужно изъ нашего товару, въ городѣ и купитъ.

— У васъ стали меньше покупать?

— Нѣтъ, и у насъ стали больше покупать.

— Отчего же у васъ барышей меньше? спросилъ я, понимая въ чемъ дѣло.

— Мужики стали цѣну разбирать... больше въ цѣнѣ толку знать.

— Неужели же такъ скоро и цѣну узнали товарамъ? Кажется, еще недавно и указъ объ волѣ вышелъ?

— Цѣны-то настоящей они хоть не узнали, да все въ городѣ берутъ по городской цѣнѣ. А то другіе мужики берутъ товаръ, сами продаютъ... ну, да это, Богъ дастъ, не надолго!...

— Почему же не надолго?

— Просить будемъ, чтобъ мужикамъ запретить торговать, а чтобъ торговать однимъ мѣщанамъ.

— Ну, а какъ васъ не послушаютъ?

— Послушаютъ безпремѣнно! Въ Орлѣ сходка объ этомъ была; на сходкѣ и порѣшили: просить, чтобъ мужикамъ запретили торговать, а питались бы они своей землей.

— Ежели же и сходки вашей не послушаютъ? Тогда что?

— Какъ сходки не послушаютъ! Мужики и теперь отъ насъ, отъ мѣщанъ, прячутся.

— Что жь имъ прятаться?

— Какъ что? а поймалъ, да къ становому!

— Ну, а становой что?

— Становой что хочетъ, то и сдѣлаетъ... И ничего не сдѣлаетъ, да мужику-то къ становому въ гости не хочется...

Привычная къ гоньбѣ хозяйка-жидовка, пока мы толковали, приготовила мнѣ пообѣдать. Не успѣлъ я съѣсть своей яичницы, какъ вошелъ ко мнѣ сперва жидъ—шинкарь, потомъ хозяйка съ дочкой или невѣстой, замужней жидовкой лѣтъ 12—13. Хозяинъ обратился ко мнѣ съ просьбой списать портретъ со всего его семейства. Я отговорился отъ этой чести; но настоящимъ заправскимъ живописцамъ хорошо бы было нарисовать молодую жидовку для патологическаго кабинета: такого изнеможеннаго лица, такого неподвижно-тупаго взгляда, такой видимой вонючести во всемъ — не скоро встрѣтишь, да развѣ только вы еще увидите мальчика—монастырскаго служку. Говорятъ, что у жидовъ это происходитъ отъ ранняго брака; у монастырскихъ служекъ, вѣроятно, отъ какихъ нибудь другихъ причинъ.

Изъ Гринева въ попутчики мнѣ Богъ послалъ стараго козака рыбака

который гдѣ-то здѣсь взялъ на откупъ озеро, какъ онъ называетъ, или прудъ по нашему.

— У насъ все называютъ озеромъ, говорилъ козакъ; — въ другихъ мѣстахъ называютъ прудомъ, а то ставомъ; а у насъ все зовутъ озеромъ; только въ бумагахъ писать не позволено — озеро, а пиши — прудъ. Тутъ дѣло было по судамъ. Одинъ говоритъ: тотъ-то, такой-то завладѣлъ моимъ озеромъ. А другой пишетъ: что озера никакого тутъ нѣтъ, да и не было никогда. Пріѣхалъ судъ, суду денегъ отсыпали, судъ и говоритъ, что тотъ-то, чей прудъ, виноватъ, пустова проситъ: никакого озера тутъ нѣтъ, да такого озера никогда и не было!... Въ это время небольшая змѣйка, испуганная нами, быстро переползла съ дороги на лугъ.

— Э! кажись гадюка-то ползучая! крикнулъ мой старый козакъ.

— Какая ползучая?

— Видишь: гадюка-то ползаетъ.

— Кажется, всѣ гадюки ползаютъ?

— Нѣтъ, есть, что и не ползаютъ, отвѣчалъ козакъ. Ты знаешь, сколько стай ихъ бываетъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Гадюка шести стай бываетъ: стая гаевая, стая гноевая, еще ползучая, летучая; еще подколодная да серёновая.

— И ты всѣ стаи видалъ?

— Нѣтъ, не всѣ; а летучую видѣлъ.

— Какая же летучая гадюка?

— Летучая гадюка, все равно, какъ щука, только съ крылушками съ красными.

— Гдѣ же ты видѣлъ летучую гадюку?

— А это иду разъ я лѣсомъ, а летучая гадюка и лежитъ: сама, какъ щука, крылья красныя, какъ бумажныя, и языкъ высунула, какъ копье красное... Такая страшная, что не приведи Господи!

— А серёновая какая?

— Серёновой я самъ не видалъ; серёновая гадюка больше бываетъ, какъ serenъ покажется.

— Какой серенъ?

— Серенъ по нашему называется: великимъ постомъ бываетъ снѣгъ, сверху днемъ растаетъ, а ночью опять замерзнетъ; вотъ это по нашему и называется — серенъ.

— Какъ же узнать серёновую гадюку?

— Серёновую-то? Ту какъ не узнать! Съ серёновой гадюкой не дай Богъ и встрѣтиться!

— Отчего-же?

— Самая страшная гадюка эта серёновая: по серену ползетъ — серенъ таетъ, по травѣ ползетъ — трава горитъ!... Коли тебя увидитъ серёновая гадюка, отъ той не убѣжишь!

— Ну, а кто-нибудь видалъ серёновую гадюку? спросилъ я.

— Какъ, чай, не видать? Никто бы не видалъ ту гадюку, никто бы и не зналъ, что она на свѣтѣ есть...

— Какихъ же гадюкъ у васъ больше?

— Летучую я только разъ всего видѣлъ, серёновой—совсѣмъ не видалъ; а другихъ видишь зачастую.

— Какую же чаще?

— А тѣ все равно: то самъ увидишь, то услышишь—тамъ скотину попортила, а тамъ человѣка укусила.

— А случалось, что отъ гадюки люди или скотъ умирали?

— Нѣтъ, я не видалъ самъ, а какъ, чай, не бывать? Да и люди говорятъ, что бывало.

— Отчего же у васъ никто не умиралъ отъ гадюки?

— Мы лечимся: сейчасъ, какъ укуситъ гадюка, сейчасъ и бѣжишь ти къ знахóрю, ти къ знáхоркѣ, — тѣ и лечутъ.

— Много у васъ знахорей?

— Безъ нихъ бы совсѣмъ пропали: городской лекарь не вылечитъ.

— Знахори чѣмъ же лечутъ?

— Знахори больше наговариваютъ, а то и лекарства у нихъ свои бываютъ.

— Ты не знаешь этихъ лекарствъ?

— Одно лекарство у нихъ у всѣхъ: надо найти три свѣжихъ могилы, взять земли съ тѣхъ могилъ, прикладывать—дѣлаетъ пользу... только безъ наговору мало помогаетъ и могильная земля.

— А ты не знаешь наговоровъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— А видалъ, какъ лечутъ?

— Какъ не видать! Укуситъ гадюка, опухъ пойдетъ; знахарь поставитъ тебя противъ себѣ, да и станетъ отчитывать,—опухъ и пройдетъ. Только не всякій знахарь всякую гадюку отчитаетъ. Пошелъ у насъ мужикъ на могилки, видитъ на тѣхъ могилкахъ ягоды растутъ, онъ и сталъ рвать тѣ ягоды, рветъ онъ тѣ ягоды, а гадюка выползи изъ могилки, да и укуси его за палецъ... Палецъ и óпухъ, а тамъ опухъ пошелъ по всей рукѣ... всю руку такъ и рветъ!... Мужикъ побѣжалъ къ знахоркѣ; знахорка стала отчитывать, — рвать перестало, а опухъ не проходитъ. Мужикъ пошелъ къ другому знахорю; сталъ знахорь отчитывать тотъ опухъ, — óпухъ то больше пошелъ, да еще и рвать опять стало. Тотъ мужикъ кинулся къ третьему знахорю. Какъ тотъ вошелъ къ этому знахорю: «Ты, говоритъ знахорь, ты охочъ до ягодокъ; сладки на могилахъ ягодки? Тебѣ, говоритъ, отчитали, да зуба той гадюки не вычитали; надо зубъ вычитать». Пошелъ знахорь съ тѣмъ мужикомъ на могилки, гдѣ ягоды мужикъ бралъ; сталъ знахорь ту гадюку звать, что мужика укусила за палецъ, и ползетъ та гадюка: такъ, маленькая, побольше пальца. — «Эта, говоритъ знахарь, гадюка тебя укусила; эта гадюка всѣмъ старшая; ну, да мы съ ней справимся!» Пошелъ знахорь съ мужикомъ домой и гадюку съ собой кликнулъ, и та гадюка ползетъ за нимъ!... Пришли

они къ знахорю всѣ втроемъ: знахорь, мужикъ да гадюка та; и сталъ знахорь гадюку допытывать... Ужъ онъ мучилъ ее, мучилъ...

— Какъ: билъ?

— Нѣтъ, однимъ наговоромъ!... Мучилъ гадюку, да и отпустилъ домой, а мужику говоритъ: «Ты приходи завтра, завтра и дѣло сдѣлаю». Пришелъ на завтра опять мужикъ къ знахорю... Такъ что жъ ты думаешь? Зубъ-то той гадюки у того мужика сквозь все тѣло прошелъ!

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ: гадюка укусила мужика за палецъ, а какъ сталъ знахорь отчитывать, зубъ-то вышелъ въ ногу!

— А ты видѣлъ этотъ зубъ?

— Самъ видѣлъ! да не я одинъ видѣлъ, всѣ видѣли; мужикъ тотъ зубъ домой принесъ.

— Какой же зубъ?

— А такъ какъ конопляное зернушко: съ виду и не узнаешь, что зубъ гадюки!...

— Пробовали вы раздавить этотъ зубъ? Можетъ быть, и заправское было конопляное зернушко?

— Какъ же можно раздавить! Не то, что зубъ, а самое гадюку раздавить—большая вреда бываетъ. Я былъ такъ еще небольшой малецъ. Слышу я, что у гадюки ноги подъ кожей. Убилъ я гадюку, да и зачалъ ее лупить, съ нее кожу драть... сало-то съ гадюки и потекло по рукамъ, все равно какъ олея... Доискивался я ногъ у гадюки... Увидалъ отецъ, прибѣжалъ, меня за чубъ, гадюку закинулъ... Чтожъ ты думаешь? Руки всѣ покраснѣли, свербятъ! Недѣли три знахорка отчитывала, насилу отчитала!

— А, можетъ быть, и такъ, безъ всякаго отчитыванія бы прошло само?

— Куда пройти! У насъ мужикъ нашелъ пороснуюгадюку, да какъ хватитъ ее дубиной, а та какъ брызнетъ ему передъ смертію на губу... вотъ третій годъ отчитать никакъ не могутъ...

— Что жъ, болитъ?

— Нѣтъ, болѣть не болитъ, только красно, свербитъ, да мокнетъ. Подсохнетъ мало; это сойдетъ, да опять станетъ мокнуть; просто — на народъ стыдно показаться съ той губой!

— Да онъ бы въ городъ къ лекарю сходилъ.

— Въ городѣ не помогутъ. Знахорка — какъ можно!—знахорка лучше. Одному мужику ужъ въ ротъ влѣзъ; такъ тотъ ѣздилъ, ѣздилъ по городскимъ лекарямъ, а все толку никакого не было!

— Знахорка помогла?

— Знахорки помогли.

— Да, можетъ быть, и ужъ ему въ ротъ никогда не влазивалъ?

— Вотъ и городскіе лекаря тоже говорили; а какой не влазивалъ, когда самъ онъ своими глазами видѣлъ? Спитъ онъ, разинувши ротъ; только слышитъ онъ: ужъ ему въ горло ползетъ; тотъ проснулся, а ужъ только хвостикомъ вильнулъ, весь уже къ нему вползъ!...

— Какая же у того мужика болѣзнь была?

— А такъ: боленъ ничѣмъ не боленъ, а такъ, великая тоска нападаетъ.

— Тебѣ далеко идти со мной по одной дорогѣ? спросилъ я послѣ небольшаго молчанія.

— Нѣтъ, не далеко; да тебѣ все одна дорога — Царева.

— Какая Царева?

— А эта самая Царева дорога и есть, по которой мы съ тобой идемъ.

— Откуда же начинается Царева дорога?

— Начинается Царева дорога отъ самой отъ Дмитровки *) и идетъ до самаго Стародуба.

— Отчего же она прозывается Царевой?

— Да кто ее знаетъ! Разно народъ болтаетъ: одни говорятъ, что когда царь Петръ на Литву подъ Полтаву ходилъ, такъ здѣсь приказалъ дорогу проложить. Тогда здѣсь все лѣса были; Петру царю нельзя было свою армію здѣсь вести по лѣсамъ да по болотамъ; царь и приказалъ просѣки прорубить, мосты помостить... Оттого, говорятъ, и дорога прозывается Царевой. А другіе болтаютъ, что за Трубчевскомъ былъ царскій винокуренный заводъ; такъ говорятъ, отъ того завода дорога стала царской; кто ее знаетъ!... Ну братъ прощай! мнѣ вправо надо, авось успѣю къ утру жидамъ рыбки наловить.

— Ты для жидовъ ловишь?

— Не то, что для однихъ жидовъ, да кромѣ жидовъ рыбы-то никто и не покупаетъ; ну, а жидъ безъ рыбы не дыхнетъ!

— Дай Богъ часъ побольше наловить!

— Дай Богъ и тебѣ путь — дорогу, отвѣчалъ онъ мнѣ, и мы разстались.

Дорога Царева отличается отъ другихъ обыкновенныхъ большихъ дорогъ во-первыхъ тѣмъ, что по Царевой дорогѣ вы почти не видите проѣзжающихъ, взамѣнъ которыхъ вы видите лѣсъ, растущій на дорогѣ; во вторыхъ— изобиліемъ верстовыхъ столбовъ: ежели вы пройдете десятки верстъ и не увидите ни одного столба,—не огорчайтесь; придетъ другой десятокъ верстъ и все наверстаетъ: на каждой верстѣ стоятъ двѣ версты, рядушкомъ одна верста старой формы, другая новой; и въ-третьихъ безлюдьемъ.

— Что будутъ до Стародуба деревни? спросилъ я встрѣтившуюся бабу, когда мнѣ достаточно надоѣло это безлюдье.

— Да подъ Стародубомъ будетъ Мериновка, отвѣчала та мнѣ.

— А до Мериновки не будетъ жилья?

— Не будетъ.

— Да вонъ, кажется, дымокъ изъ-за лѣсу; тамъ кто-нибудь живетъ?

— Да тамъ никого пе живетъ.

— Отчего же дымъ?

— Да тамъ жидова́ живетъ.

---

*) Т. е,. городъ Дмитровскъ, Орловской губерніи. *Авт.*

— Развѣ жидова не люди? сказалъ я и отправился къ жидовѣ.

Жидъ — шинкарь и красильщикъ; стало быть человѣкъ для всѣхъ нужный; но вы удивитесь, видя обращеніе съ нимъ народа: это не пренебреженіе, тѣмъ менѣе не ненависть, но что-то такое, чего я выразить не могу. Народъ здѣшній смотритъ на жидову, какъ на животное. Ежели мужикъ проситъ въ долгъ горѣлки, то далеко не унижается; а между собою о нихъ и при нихъ мужики говорятъ, не стѣсняясь никакими выраженіями и вполнѣ выражая свое объ нихъ понятіе. Мнѣ ни въ одномъ кабакѣ не случалось слышать такихъ разсказовъ при женщинѣ, будь она московка или малороссіянка, какіе вы услышите при женщинахъ-жидовкахъ, даже въ трезвомъ видѣ.

Передъ вечеромъ я пришелъ въ Стародубъ.

VI.

ИЗЪ КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Уколово, 26-го августа, 1861 г.

Изъ Малоархангельска, *) я поѣхалъ въ Курскъ прямо, не заѣзжая въ Коренную, да въ Коренную и заѣхать было не для чего. Я бывалъ въ ней нѣсколько разъ. Посадъ подъ монастыремъ, какъ и всякій посадъ или уѣздный городъ; постоялые дворы, въ которыхъ никто не останавливался; лавки съ пряниками, дегтемъ и разными товарами, которыхъ никто не покупаетъ. Вотъ и все... Только что монаховъ въ Коренной много, да я монаховъ много и такъ видалъ, и собственно для монаховъ ѣхать въ Коренную не рѣшался.

— Теперь ѣхать въ Коренную незачѣмъ, говорилъ мнѣ мой ямщикъ.

— Отчего-же?

— Да что тамъ дѣлать? Дѣло другое ярмарки придутъ; ну, на ярмарку можно ѣхать.

— Хорошія ярмарки въ Коренной?

— Какъ хорошія? Еще бы не хорошія! На девятой пятницѣ ярмарка идетъ въ Коренной, такъ та ярмарка первая по всей Россіи!

— Будто ужъ и первая?

— Первая! Это вѣрное слово!

— Ну, а Макарьевская?

— Макарьевская—особая статья!

— Которая же лучше?

— То Макарьевская, а то Коренная!

— Ну, а все таки?

— На Макарьевской я не бывалъ; а въ Коренную на девятую пятницу

---

*) См. выше послѣднее письмо изъ Орловск. губ. (Малоархангельскъ).

купцы товару навезутъ, господа понаѣдутъ... и Господи мой... Трактировъ понастроютъ, цыгане понаѣдутъ!...

— Та, положимъ, и хороша ярмарка на девятую пятницу; ну, а на Рождество Богородицы, всѣ говорятъ, пустая самая ярмарка бываетъ.

— Какъ же пустая!... Я тебѣ скажу: кушаковъ со всего свѣта навезутъ! Во какъ!...

— Не бойсь, ты скажешь, что и въ вашемъ Малоархангельскѣ хорошо торгуютъ?

— Малоархангельскъ что! Въ нашемъ Малоархангельскѣ только кошатники!

— Какъ кошатники?

— А такъ: кошекъ скупаютъ, да кошекъ бьютъ; шкуры продаютъ, тѣмъ только и живы!...

— Будто только тѣмъ и живутъ?

— Нѣтъ это, только такъ говорится, а кошками одними, какъ проживешь, съ кошекъ немного какой корысти получишь... И въ Малоархангельскѣ всѣмъ торгуютъ.

— Да чѣмъ же?

— Вотъ купецъ у насъ Коньковъ есть; такъ тотъ Коньковъ солонину солитъ; пройди весь свѣтъ бѣлый, лучше той солонины во всемъ свѣтѣ ты не сыищешь!...

Въ самомъ дѣлѣ, Малоархангельскъ славился своей солониной, а можетъ быть и теперь малоархангельская солонина въ славѣ; впрочемъ, наврядъ: мнѣ говорили, что купецъ Коньковъ теперь пересталъ заниматься соленіемъ солонины.

— А, Василій, здорово! крикнулъ встрѣтившійся ямщикъ, ѣхавшій порожнякомъ, моему ямщику.

— Здорово! отвѣчалъ мой ямщикъ.

— Въ Уколово?

— До Уколова. А ты изъ Уколова?

— Изъ Уколова. Мои дома?

— Нѣтъ уѣхали.

— Куда?

— За сѣномъ на кошкахъ поѣхали.

— За сѣномъ? спросилъ ямщикъ, не разслыхавши остроты моего Василія.

— Да, за сѣномъ.

Ямщики пошапковались *) и поѣхали во всю рысь, всякъ своею дорогою.

— Куда жь ѣхать на кошкахъ, какъ не за сѣномъ, сказалъ Василій, съ усмѣшкой обратясь ко мнѣ.

— Эхъ, братъ, дорога не хороша, видишь какая грязь! сказалъ я ямщику.

*) Т. е., вмѣсто поклона, взялись только за шапки.

— Не искать намъ съ тобой хорошей дороги; хороша, дурна—все ѣхать надо, по хорошей дорогѣ и не вѣсть куда заѣдешь, отвѣчалъ онъ, засмѣясь во все горло.

Многіе, можетъ быть, и въ этомъ не увидятъ никакой остроты; но это была острота, настоящая острота.

Я вспомнилъ по этому поводу своего пріятеля Бориса Петровича. Этотъ Борисъ Петровичъ человѣкъ до нельзя бывалый: онъ и бурлачилъ, и извозничалъ, былъ кучеромъ и лакеемъ, кажется, и постоялый дворъ содержалъ; такъ что мой Борисъ Петровичъ, по многосторонности своихъ занятій, могъ бы поспорить съ Сучкомъ Тургенева, а по бывалости, пожалуй, и переспорить. Я его узналъ, когда онъ былъ лакеемъ, и всегда видалъ его готовымъ подтрунить, поострить, а я таки часто видалъ, что его остроты становили въ тупикъ. Разскажу вамъ нѣсколько такихъ случаевъ.

Борисъ Петровичъ былъ въ то время кучеромъ. Въѣзжаетъ онъ на тройкѣ съ колокольчикомъ въ Орелъ. Не успѣлъ онъ въѣхать въ городъ, какъ останавливаетъ его будочникъ.

— Ты съ колокольчикомъ?

— Съ колокольчикомъ.

— Да какъ же съ колокольчикомъ?

— А тебѣ не нравится?

— Какъ...

— Не нравится тебѣ; возьми, да и подвяжи.

Будочникъ и подвязалъ колокольчикъ.

Борисъ Петровичъ и самъ бы подвязалъ, да ему нельзя было съ козелъ слѣзть: онъ иногда и лишнее перепуститъ, такъ и на ту пору онъ сильно выпивши былъ...

Другой разъ, тоже въ дорогѣ, онъ ѣхалъ уже лакеемъ.

— Борисъ Петровичъ, говоритъ ему кучеръ, Борисъ Петровичъ, мостъ, кажись, не хорошъ.

— Да, не хорошъ. Ну, ступай; намъ его съ собой не брать, сказалъ покойно Борисъ Петровичъ.

Кучеръ поѣхалъ черезъ мостъ и проѣхалъ; и послѣ только догадался, что онъ разсказывалъ Борису Петровичу про мостъ не только для того, чтобъ сообщить свое мнѣніе объ этомъ мостѣ, но чтобы Борисъ Петровичъ хорошенько осмотрѣлъ мостъ, и, если понадобится, отпрегъ пристяжную или и обѣихъ, а какъ Борису Петровичу не хотѣлось то отпрягать лошадей, то опять запрягать, онъ и сказалъ кучеру, что моста съ собой не брать, стало быть ѣхать надо!

И ко всему бывало онъ поговорку найдетъ. Разъ какъ-то мы заговорили про водку.

— А знаете вы, что пьяница? спросилъ меня мой Борисъ Петровичъ, слыхали?

— Нѣтъ, не знаю, Борисъ Петровичъ.

— По пьяницѣ и домокъ тянется; а кто пьетъ, гдѣ беретъ?

— Тоже не знаю.

— Пьяницѣ Богъ даетъ, а кто не пьетъ—чортъ беретъ.

Начните вы говорить съ Борисомъ Петровичемъ о божественномъ и тутъ Борисъ Петровичъ не ударитъ себя лицомъ въ грязь: и о божественномъ можетъ съ вами поговорить и разсказать много.

— Слыхалъ ты, Борисъ Петровичъ, что́ о Соломонѣ премудромъ? спросилъ я его разъ.

— Какъ про Соломона премудраго не слыхать! отвѣчалъ Борисъ Петровичъ.

— Что же ты слышалъ?

— Да много...

— Разскажи что нибудь.

— Соломонъ премудрый все зналъ, одного только не узналъ, сказалъ Борисъ Петровичъ.

— Чего же?

— Не узналъ Соломонъ премудрый, не узналъ глубины морской!

— Отчего же онъ не попытался?

— Пытался, да ничего не вышло, а ужъ на что премудрый былъ: такъ и зовется Соломонъ премудрый!

— Почему же Соломону премудрому не удалось узнать глубину морскую?

— Задумалъ это Соломонъ узнать глубину морскую: какая такая есть глубина морская? Хорошо. Взялъ съ собой Соломонъ премудрый большой фонарь, обвязалъ себя веревкой, и велѣлъ спускать себя на дно морское. Стали спускать Соломона премудраго на дно... Куда еще до дна?... До дна еще далеко осталось... До дна морского можетъ и на сотую часть не опустили, какъ вдругъ ракъ... большой такой ракъ!... «Куда ты, говоритъ ракъ Соломону премудрому, куда ты»?—На глубину морскую, говоритъ Соломонъ премудрый.—«Что тебѣ тамъ надо»? говоритъ ракъ.—Хочу глубину морскую узнать!—«Да ты кто такой»? спрашиваетъ ракъ у Соломона премудраго.—Я, говоритъ,—Соломонъ премудрый; все я, Соломонъ премудрый, на землѣ знаю, одной только глубины морской не знаю.—«Да и знать тебѣ не надо! крикнулъ ракъ, ты на землѣ, Соломонъ,—премудрый, а я ракъ на глубинѣ морской премудрый!—Да какъ пихнетъ Соломона клешней, такъ Соломонъ скорѣе веревку дергать, чтобъ къ верху тащили!... Такъ Соломонъ премудрый и не узналъ глубины морской.

Курскъ, 27-го августа.

— А говорунъ мой Василій! сказалъ я своему хозяину въ Уколовѣ, къ которому меня привезъ мой ямщикъ.

— Такъ... зубоскалъ! отвѣчалъ хозяинъ.

— Чѣмъ зубоскалъ? Свое дѣло правитъ, какъ надо, оттого и весело на свѣтѣ живется!

— Такъ то оно такъ! промолвилъ хозяинъ, а все таки надо и про душу вспомнить!...

— Что жь дурнаго веселымъ быть? Развѣ лучше насупясь сидѣть?

— Да и зубоскалить нечего!...

— Отчего же и не позубоскалить?...

— Лучше про божественное, про что подумать, да про божественное поразмыслить!

— Про что же, про божественное?

— А то про божественное: какъ, отчего, какая причина дѣется... вотъ что!

— Какъ какая причина дѣется?

— А такъ: вотъ возьми хоть осину-ту, *) поразмысли: отчего у той осины листъ безустанно дрожмя дрожжитъ? какъ тихо, какъ вѣтру нѣтъ, а посмотри на осину: на осинѣ листъ все дрожитъ, все дрожитъ!...

— Слыхалъ я, что оттого осина дрожитъ, что на осинѣ Іуда удавился, сказалъ я.

— Бабы болтаютъ!

— Какъ болтаютъ?

— А такъ болтаютъ! Іуда удавился не на осинѣ; Іуда удавился на дубѣ:

— Отчего же осина дрожитъ?

— Осина дрожитъ отъ слова Божія!

— Этого я не слыхалъ!

— То-то не слыхалъ, то-то не слыхалъ! А ты объ этомъ поразмысли, да поразсуди!...

— Разскажи пожалуйста: отчего же осина дрожитъ? Какъ это отъ слова Божія осина задрожала?

— Слышалъ, что Іуда Христа, Бога нашего, за жидовскіе серебренники продалъ?

— Это слышалъ.

— А какъ продалъ Іуда Христа, жиды Христа на крестѣ распяли, Іуду страхъ взялъ... Задумалъ злодѣй удавиться...: «Ни одно дерево не смѣй, говоритъ Господи, ни одно не смѣй принимать на себя Іуду-христопродавца!» Сказалъ Господи: кто слова Господня не послушаетъ?.. Всякому дереву, стало, нельзя принимать на себя Іуду христопродавца... Кинулся Іуда къ березѣ, что росла у самаго пресвѣтлаго рая... кинулся къ той березѣ, сдѣлалъ мотокъ, взлѣзъ на самую верхушку, взлѣзъ да и повѣсился!.. Только и береза умна была: нагнула верхушку до самой земли, да и скинула съ себя Іуду; только скинула береза Іуду не въ пресвѣтлый рай, а на нашу грѣшную землю. Оттого у березы и вѣтья (вѣтки) такія гибкія: какъ хо-

---

*) Частица то простымъ народомъ склоняется. [illegible] *Авт.*

чешь гни, хоть узломъ вяжи—все не сломится... Побѣжалъ Іуда-христопродавецъ, побѣжалъ къ горькой осиночкѣ, къ самой молоденькой осиночкѣ. «Молодая осиночка—разумомъ глупешенька!» думаетъ Іуда... А Богъ-то на что?.. Вотъ про это и забылъ злодѣй!.. Прибѣжалъ Іуда къ той осиночкѣ и повѣсился на горьконкой!.. Какъ вздрогнетъ осиночка!.. Какъ быть горьконькой!.. Божьяго слова не послышала... А разумомъ-то глупешенька, и не соберется съ своей памятью, что ей дѣлать? Только Господи и говоритъ: «Не бойся ты, горькая осина! Не съ злаго умыслу ты это надѣлала; не по злу, а по своему глупому разуму; тебѣ за это грѣха не будетъ; скинь съ себя Іуду-христопродавца»! Осина и скинула съ себя Іуду-христопродавца. Съ того-то слова Божія осина и по теперь дрожитъ: вотъ отчего... «Прими дубъ на себя Іуду-христопродавца»! сказалъ Господи. Дубъ и принялъ на себя Іуду-христопродавца; и грѣха тутъ дубу нѣтъ: принялъ на себя дубъ Іуду по слову Божію. Оттого то у дуба вѣтьи такія крѣпкія; да и весь дубъ такой крѣпкій, да твердый: крѣпче дуба на свѣтѣ дерева нѣтъ... одно только и есть крѣпче: это купарисово дерево...

— Это же дерево отчего крѣпко? спросилъ я, когда замолчалъ разсказчикъ.

— Изъ купарисова древа крестъ на Христа дѣлали, на купарисовомъ древѣ иконы святыя пишутъ, оттого купарисово древо и крѣпче всѣхъ крѣпче всѣхъ, крѣпче самаго дуба...

— Этого я прежде не слыхалъ...

— Всякому своя причта есть!.. Всякому своя, говорю я тебѣ!.. Всякому былію своя причина.

— Неужто всякому былію?

— Всякому, какъ есть!

Я вспомнилъ давно слышанный мною разсказъ про гречку, и тогда мною незаписанный.

— А гречкѣ какая причина? спросилъ я, думая не повторитъ ли мнѣ хозяинъ разсказа про гречку.

— Гречка... гречкѣ причина крупиничка.

— Какъ крупиничка?

— А такъ крупиничка... отъ крупинички и гречка по нашей землѣ пошла, все это отъ этой крупинички.

— А давно пошла отъ этой крупинички гречка по нашей землѣ?

— Да съ самой той крупинички... Жила на Руси дѣвушка ужъ такая раскрасавица, что и сказать нельзя!.. И богобоязный человѣкъ была эта дѣвушка! Старики еще разсказывали нашимъ старикамъ, а тѣ старики сами слышали отъ своихъ стариковъ, эта-то дѣвушка ни одной службы Божіей не прогуливала; и не чтобы въ праздникъ большой, въ воскресенье что ли, а такъ каждень, каждень къ заутренѣ, къ обѣднѣ, къ вечернѣ, а есть всеночная, и ко всеночной сходитъ! Сказано, богомольный человѣкъ была... Жила эта дѣвушка съ своими родителями, съ своимъ отцомъ матерью, всему роду своему, племени только славу клала... Только за ея добродѣтель, чтоли,

захотѣлъ Богъ ее наказать искусомъ... Знамое дѣло: Богъ кого любитъ, того и наказуетъ. Захотѣлъ и эту крупижечку Господи наказать...

— Какую крупижечку?

— А все эту же дѣвушку.

— А она крупижечкой звалась?

— Нѣтъ, не крупижечкой, это только такъ говорится, отвѣчалъ разскащикъ.

— Какъ же ее Господь наказалъ?

— А такое Богъ послалъ наказаніе: наслалъ Литву ли поганую, а кто говоритъ татаръ, разно говорятъ... Только Литва-ли, татары ли набѣжали на Россею, да прямо на то село самое, гдѣ жила эта дѣвка съ своимъ отцомъ; коихъ жителевъ побили, порубили, коихъ показнили, коихъ мечу предали, а красныхъ дѣвушекъ, молодицъ, которыхъ въ полонъ взяли... И вышло такъ: дѣвкѣ досталось въ полонъ идти, а родителевъ злодѣи показнили—головушки отрубили и христіанскія ихъ тѣла поганымъ псамъ бросили... Такъ Богъ попустилъ!... Взяла Литва ту дѣвушку въ полонъ и повезла ее въ свою поганую Литву и отдала ее татарину. А у татаръ, извѣстное дѣло, женъ сколько хочешь бери; у татаръ жены покупныя, сколько хватитъ денегъ, столько и женъ бери. Такъ татаринъ задумалъ свою полоняночку за себя взять. Полоняночка билась, билась: не хотѣлось ей за татариномъ быть. Да и какой будетъ мужъ для христіанской души—поганый, некрещеный татаринъ?.. Только билась дѣвка, отбивалась, а кто ее знаетъ, можетъ и силой на любовь къ татарину пошла? Одни говорятъ, что дѣвка отбилась; другіе болтаютъ, что дѣвка съ татариномъ законъ приняла; только и законъ приняла ни вольной волею, а силомъ... Ну, да какъ бы тамъ ни было, а дѣвка съ бѣлой зари до поздчей ночи, а съ поздней ночи до бѣлой зари, дѣвка ревмя реветъ, плачетъ убивается, все тоскуетъ по своему дому... «Батюшки съ матушкой говоритъ и нѣтъ въ живыхъ...» (а ее отца и мать на глазахъ у ней злодѣи загубили). «Батюшки съ матушкой нѣтъ живыхъ, а все бы хотѣлось побывать въ своемъ дому, хоть бы однимъ глазкомъ глянуть на могилки родителей!» Дѣвка плачетъ, молится, святую милостыньку раздаетъ и все объ одномъ Бога проситъ: какъ бы домой побывать. Подастъ святую милостыньку, а сама скажетъ: «Моли обо мнѣ старый человѣкъ, чтобъ быть мнѣ на своей Рассеюшкѣ!» И много она Богу молилась, и много она святой милостыни пораздавала... Стоитъ разъ дѣвка на колѣночкахъ, Богу молится, а подъ окошечкомъ: «Кормилицы наши, родные! сотворите свою святую милостыню!» Встала дѣвка съ своей праведной молитвы, откроила краюшку хлѣба. «На, говоритъ, старъ-человѣкъ, прими мою милостыню, да моли обо мнѣ Бога небеснаго, мать пречистую Богородицу: душа просится побывать въ своемъ дому. Не даетъ Господь живой побывать, хоть бы Богъ привелъ моимъ косточкамъ лежать рядышкомъ съ моими родителями, съ моимъ отцомъ—матерью!» А нищенькій то былъ святой человѣкъ. Принялъ святой человѣкъ милостыню, сказалъ слово—дѣвка Богу душу и отдала, умерла.

— Какое же слово сказалъ святой человѣкъ? спросилъ я разскащика.

— Какое слово сказалъ человѣкъ, того не извѣстно, а только, какъ

сказалъ святой человѣкъ свое слово, дѣвка умерла. Умерла-та дѣвка и похоронили ее не по нашему обряду-христіанскому, а по ихнему обычаю поганому—татарскому. Только силенъ Богъ. Схоронили дѣвушку, на полянку насыпали землицы, а на той землицѣ и выросла-та дѣвушка праведная.

— Какъ выросла?

— Не сама собой выросла-то праведная, а выросла только душа ея: пошла по ея могилочкѣ гречка, а гречка-то и была душа самой той праведницы. Проходитъ тамъ сколько время, пришла опять нищая братія къ тому дому, гдѣ жила полоненная дѣвица, за святою Христовою милостынею. Разъ пропѣла нищая братія: «Кормилицы наши батюшки! сотворите свою святую, Христову милостыню!» Другой, пропѣла: «Сотворите свою святую милостыню!» А все въ окошечко не подаютъ. «Что за причина такая, думаетъ нищая братія, сколько разъ ни приходили, всегда намъ полоняночка наша съ Руси, русская, подавала свою Христову, святую милостыню, а нонече того нѣтъ?»—«Оттого нонече того нѣтъ, говорятъ нищей братіи, оттого нѣтъ святой милостыни, что ваша полоняночка съ Руси, русская померла». Заплакала нищая братія. «Пойдемъ на могилу и поклонимся, говоритъ нищая братія, для того, что душа ея была милосливая; вѣрно же душа Богу угодила.» Спросили гдѣ могилка, пошли на могилку, да какъ глянули, ажно та душа на могилкѣ гречишкой выросла! А гречишки до той поры и на свѣтѣ не было.

— Почему же они догадались, что гречишкой та душа на могилкѣ выросла?

— А ужъ такъ вѣрно Богъ далъ. Смотрятъ, цвѣтъ отъ гречишки чистый, да бѣлый: ровно какъ душа ея была передъ Богомъ чистая, да бѣлая!.. Взяла нищая братія ту гречишку и понесла на свою, на Рассеюшку. Оттого и пошла по землѣ гречишка у насъ.

— А прежде не было на землѣ у насъ гречишки? спросилъ я, когда остановился разсказщикъ.

— Прежде не было. И посмотри ты: гречиха не боится ни сухменнаго лѣта, ни дождю, а какъ подуетъ вѣтеръ съ восточной стороны, гдѣ та праведница въ полону была, такъ того вѣтру боится. Какъ подуетъ съ той стороны вѣтеръ, опять ту тоску полонную на нее нагонитъ—гречихи и не будетъ! Ты и знай: цвѣтетъ гречиха, радуется ея душа, значитъ, праведная, а какъ на цвѣту задуетъ вѣтеръ, востоскуется душа, цвѣтъ опадаетъ и гречихи не будетъ.

— Ну, а крупиничка гдѣ же?

— Эта самая и есть крупиничка.

— Да вѣдь ты разсказывалъ про гречишку, добивался я, думая еще что нибудь выпытать у старика, который любилъ пораздумать, да поразмыслить, хотя и очень хорошо зналъ, что про гречишку отъ него больше не услышишь, да, кажется, другой легенды про гречиху и нѣтъ.

---

*) Въ Орловской, Курской, Рязанской губерніяхъ рѣдко говорятъ *гречь*, больше—*гречиха*. *Авт.*

— Ты разсказывалъ про гречишку, а ты разскажи про крупиничку.

— Да вѣдь это все едино, что крупиничка, что гречишка; вѣдь крупу-то изъ чего дѣлаютъ?

— Знаю, что изъ гречихи.

— Вотъ то-то же. Оно и выходитъ: что про гречишку разсказать, что про крупиничку—все едино.

— Отчего же ты сказалъ, когда я тебя спрашивалъ про гречишку, что гречкѣ причина крупиничка?

— А это у насъ такъ ужъ говорится: крупиничка, а гречишкой такъ никто не говоритъ. Пока хозяинъ разсказывалъ, хозяйка приготовила мнѣ закусить.

— На-тко, родимый, закуси, сказала она, ставя на столъ, покрытый чистымъ настольникомъ, яичницу; до Курска, самъ знаешь, дорога не рукой возьмешь: народъ считаетъ тридцать верстъ...

— Спроси-ка, бабушка, ямщикъ за водкой бѣгалъ; вѣрно теперь принесъ.

— Далеко ли отъ насъ кабакъ—какъ не принести: давно молодецъ водку принесъ.

— Давай-ка намъ сюда: мы съ старикомъ выпьемъ, да и тебѣ, старухѣ, поднесемъ.

— Охъ ты, родимой мой!..

Старуха принесла водку, поставила на столъ и я налилъ рюмку.

— Кушай хозяйка, сказалъ я, поднося ей налитую рюмку.

— Э, гдѣ же это видано: ты хозяинъ, твоя водка, ты сперва и кушай: покажи намъ дорогу!

— Вашей милости начинать, промолвилъ старикъ, обращаясь ко мнѣ.

— Бабушка! а бабушка! кричала вбѣжавшая въ избу дѣвочка, лѣтъ десяти: бабушка! вѣдь твоя курица отъискалась! Право-ну, родимая моя бабушка, твоя курица отъискалась...

— Какая курица? спросила старуха.

— Да твоя, родимая бабушка, что анаднысь еще пропала, такъ та-та отъискалась.

— Гдѣ-жъ она?

— Да на задворкѣ, бабушка!

— На задворкѣ?

— Да, съ цыплятами бабушка!

Старуха поспѣшно отрѣзала ломоть хлѣба, захватила горсточку соли, посолила хлѣбъ, положила себѣ за пазуху и сѣла въ переднiй уголъ, не обращая никакого вниманiя ни на меня, ни на мою водку.

— Что-жъ, бабушка, выкушай водочки? сталъ я ее подчивать, когда она сидѣла подъ иконами и вѣроятно про себя читала какую нибудь молитву или заклятiе, для благополучнаго исхода дѣла.

— Выкушай бабушка, водочки!

Старуха молчала.

— Не тронь ее! сказалъ мнѣ вполголоса старикъ, до того молчавшiй.

— Отчего же?

— Она дѣло дѣлаетъ.

— Какое дѣло? Она такъ сидитъ, прибавилъ я, будто не замѣчая, что она, въ самомъ дѣлѣ, дѣло дѣлала.

— Молчи! ты этого дѣла не знаешь, проговорилъ наставительно старикъ.

Старуха, посидѣвъ минуты двѣ, встала и пошла изъ избы, не говоря ни съ кѣмъ ни слова.

— Какое же старуха дѣло дѣлала? спросилъ я старика, когда старуха вышла.

— Развѣ ты не слыхалъ: курица домой пришла?

— Что же изъ этого?

— Курица пропадала, нанесла яицъ, сама высидѣла, да сама и домой пришла!

— Это-то я все знаю, только все не знаю, что старуха дѣлала, когда сидѣла здѣсь на лавкѣ?

— Молитву читала.

— Какую молитву?

— Молитву все равно, какую знаешь, ту молитву и читай; здѣсь не въ молитвѣ толкъ.

— А въ чемъ же?

— Въ этомъ дѣлѣ толкъ въ хлѣбѣ да соли, а молитву какую ни прочитай.

Мы сѣли со старикомъ за столъ; сперва я выпилъ рюмку, потомъ хозяинъ.

— Что нынѣшній годъ хороша была Коренная? спросилъ я послѣ завтрака.

— Куда хороша!.. Этой ярмаркѣ пропасть совсѣмъ. Ей больше не жить видно!

— Отчего же?

— Оттого, что Москва стала близко.

— Какъ такъ, Москва стала ближе?

— Да и сказать нельзя, какъ ближе! поддразнивалъ меня старикъ: ближе, я тебѣ говорю.

— Ты скажи, пожалуйста толкомъ, хозяинъ: я никакъ не пойму тебя! Москва, кажется, все стоитъ на одномъ мѣстѣ, Коренная тоже не двинулась съ мѣста, а ты все одно свое толкуешь: Москва стала ближе, да Москва стала ближе.

— Да и не къ Коренной только Москва подвинулась, а и ко всѣмъ мѣстамъ.

— Какъ же такъ?

— А вотъ какъ бывало: баринъ чтоль какой, купецъ что-ли-ча опять, станетъ собираться въ Москву: ужъ онъ собирался, собирался, ужъ онъ думаетъ, думаетъ, да когда то поѣдетъ... А-то и совсѣмъ Москву-ту отложитъ... а поѣдетъ, такъ ужъ онъ и молебны служитъ и Богу свѣчки ставитъ!.. И поѣдетъ сердечный-то на своихъ лошадкахъ; и ѣдетъ онъ до той Москвы недѣли двѣ, а то и за двѣ перевалитъ. А нынче что? Ныньче вздумалъ ѣхать въ Москву, на третій день въ Москвѣ; въ двѣ недѣли-то онъ назадъ вернется, да и въ Москвѣ еще много дѣловъ понадѣлаетъ.

— Да, это правда твоя.

— Какъ же теперь Москва-то не ближе стала ко всѣмъ городамъ, ко всѣмъ мѣстамъ?

— Правда, правда! ближе!

— Вотъ теперь и разумѣй: Коренной не жить! Коренной живота не надолго!

— Отчего же?

— Москва стала ближе!

— Что же?

— А то: встарину кому что надо купить, пріѣзжали въ Коренную, а господа-то на цѣлый годъ въ Коренной запасались: вино, чай, сахаръ, на платье что надо, все въ Коренной покупали; больше и взять было негдѣ, а теперь ужъ эти порядки перевелись: годовыхъ запасовъ и не дѣлаютъ: что ни есть самые большіе господа, и тѣ крылья-то пообшибли; а объ гольтинѣ какой, ныньче и не спрашивай!.. Такъ то: прежнихъ запасовъ не дѣлаютъ, а въ Москву часто ѣздятъ, что надо въ Москвѣ и купятъ... Купецъ тоже въ Москвѣ товаръ закупаетъ, а въ Коренной развѣ — развѣ какой плохинькой!.. Вотъ оттого-то и Коренная пропадаетъ.

— Говорятъ, что въ Коренной сперва гораздо веселѣй, въ прежніе года, бывало? сказалъ я.

— Что ты говоришь!... Веселѣй!... Ныньче какая веселость?... Прежде бывало наѣдутъ господа—и Боже мой! Въ ряды зайдешь: барынь, бары шень... труба нетолченая! Да всѣ поразодѣты такъ!... А теперь что? Во Мценскѣ показался баринъ съ барыней... то-то смѣху было!... Барыня чудно одѣлась, а баринъ еще чуднѣй: на барынѣ шляпынька махынькая, такъ съ перышками; а на баринѣ какой-то кафтанчикъ безъ рукавовъ, рубашка красная шолковая на выпускъ, сапоги со скрипомъ... шляпочка то-жъ такая прилажена... какъ пошли они, други мой, подъ ручку съ барыней по улицѣ: мальчишекъ-то, мальчишекъ за ними! Со всего города, кажись, сбѣжались проклятые!...

— Что жъ они сбѣжались?

— Думали, что комедіанты въ городъ пріѣхали. Правое слово, думали, что комедіанты.

— Ну, а въ Коренную такіе не показывались? спросилъ я, скрѣпя сердце, подозрѣвая въ мнимомъ комедіантѣ собрата по костюму.

— Нѣтъ, еще не показывались... а кто ихъ... Можетъ и показывались, только я не видалъ и лгать не хочу; нѣтъ, не видалъ... Да и что имъ тутъ дѣлать; коли бъ прежніе ремонтеры, прежнихъ годовъ ремонтеры, ну еще куда бы ни шло! А теперь зачѣмъ имъ сюда?

— Да на что же имъ прежніе ремонтеры? спросилъ я, больше и больше не понимая въ чемъ дѣло, и на что надо для подобныхъ господъ прежніе, старыхъ годовъ ремонтеры.

— Какъ на что ремонтеры? Въ картишки перекинуть, къ цыганамъ вмѣ-

стѣ съѣздить: прежніе-то, какъ поѣдутъ къ цыганамъ—дымъ коромысломъ поднимутъ!... Тогда весело жили... Да и цыгане жъ, бывало, пріѣдутъ! было къ кому и ѣхать, было для чего и ѣхать; къ теперешнимъ ремонтерамъ, разумѣется, ежели и пріѣдутъ цыгане-то, такъ какая нибудь сволочь!...

— Да развѣ и ремонтеры прежнихъ годовъ были лучше теперешнихъ?

— Тѣ были богаче, тѣ не изъ барыша въ ремонтеры шли; только бы настоящую службу не справлять, только для того и въ ремонтеры шли; а теперь всякъ и въ ремонтеры то идетъ, чтобъ какую копѣйку нажить, изъ самой послѣдней копѣйки сами, бѣдняги, бьются!...

— Что жъ, господинъ, ямщику на водочку, сказалъ вошедшій въ избу Василій, мой старый ямщикъ, привезшій меня изъ Малоархангельска въ Уколово и сдавшій меня другому.

— Выпей, Василій, сказалъ я, подавая ему *на водку* и налитую рюмку водки.

— Покорнѣйше благодаримъ! сказалъ Василій, выпивъ рюмку.

Съ этими словами Василій отломилъ кусокъ хлѣба и посолилъ его, только не взявъ щепотью изъ солонки соли, а обмокнувъ прямо кусокъ свой въ солонку.

— А какъ посмотрю на тебя, паренекъ, посмотрю: много тебя еще учить надо! Охъ, много! сказалъ назидательно хозяинъ, медленно покачивая головою. Много, паренекъ, учить тебя надо!...

— Что такъ, дѣдушка? сказалъ Василій, подсмѣиваясь надъ старикомъ.

— Обхожденія ты, паренекъ, никакого не знаешь!... Вотъ тебѣ и «что такъ!» Да!...

— Да ты говори, дѣдъ, толкомъ; а то болтаетъ Богъ знаетъ что, его и не разберешь!...

— Да развѣ можно, глупая твоя голова, развѣ можно хлѣбъ мокать прямо въ солонку?

— А для чего жъ не можно? Обмокнулъ, стало быть можно, смѣясь отвѣчалъ Василій.

— Ты зубы-то не скаль, глупая твоя голова! Тебѣ дѣло говорятъ, такъ ты долженъ старыхъ людей слушать: старый человѣкъ тебя, глупая твоя голова, старый человѣкъ дурному никогда не научитъ!

— Да скажи ты на милость, старый ты человѣкъ, что за бѣда такая содѣялась, что посолилъ хлѣбъ?

— Посолить-то посолилъ, да какъ посолилъ? Развѣ такъ можно? Такъ только одинъ Іуда христопродавецъ хлѣбъ солилъ, когда Іисуса Христа задумалъ продать проклятымъ жидамъ! А ты, кажись, человѣкъ крещеный! Тебѣ бы можно, кажись, и руками соль взять, да посолить, коли трескать хочешь!...

— Да ты-то почему знаешь, что Іуда хлѣбъ въ солонку мокалъ? Видѣлъ что-ли самъ?

— Видѣть не видалъ, а въ церкви слыхалъ и въ книгахъ написано:

«омочивый въ солило, тотъ меня предастъ». Стало, и ты грѣхъ творишь большой.

— А что и въ правду-то въ книгахъ написано? спросилъ меня Василій.

— Въ книгахъ точно написано: «омочивый въ солило, той мя предастъ», сказалъ я; только это сказано не къ тому...

— Къ самому тому дѣлу! прервалъ меня хозяинъ. А ты что теперь еще будешь разсказывать, да посмѣиваться, да зубоскалить?... Что теперь скажешь?...

— Да что сказать-то?

— То-то, что сказать! То надо сказать: всякое дѣло надо пораздумать, да поразмыслить!... Ну, а ты, что скажешь? спросилъ меня, побѣдительно взглянувъ на меня, хозяинъ.

— Да я и сказать не знаю что, отвѣчалъ я; а вотъ есть у меня пріятель, тотъ-бы тебѣ пожалуй и сказалъ, и хорошо бы тебѣ сказалъ.

— А кто твой пріятель?

— Иванъ Өедорычъ Горбуновъ.

— А что бы сказалъ твой Иванъ Өедорычъ?

— Да онъ бы нашелъ, что сказать.

— Да что сказать то? Чтобы и онъ сказалъ-то?

— Иванъ Өедорычъ сказалъ бы: «Тутъ надо мозгами шевелить».

— Надо тутъ, надо мозгами шевелить! Надо!

— А ты говорилъ, что и Иванъ Өедорычъ тутъ ничего не скажетъ!...

— Сказалъ бы, сказалъ!

— Можетъ, и еще чтобъ нибудь сказалъ!

— Сказалъ-бы, сказалъ... Умный человѣкъ твой Иванъ Өедорычъ!

— Хорошо, я скажу ему это, когда увижу Ивана Өедорыча.

— Безпремѣнно скажи.

VII.

ИЗЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Астрахань, 9-го іюля 1868 года.

Европа граничитъ къ сѣверу—Сѣвернымъ океаномъ, къ западу—Атлантическимъ, къ югу—Средиземнымъ моремъ, къ востоку.... Объ этомъ говорятъ различно; меня учили: Азовскимъ моремъ, Манычемъ, Каспійскимъ моремъ; теперь новѣйшіе ученые, не знаю на какомъ основаніи, перенесли эту границу далеко восточнѣе. Для чего они глумятся надъ обучающимся юношествомъ, я понять не могу. Скажите, пожалуйста, какая Европа за Царицынымъ и Сарептой? Не знаю, выше Царицына по Волгѣ—Европа или Азія, но ниже—совершенная, чистая Азія. Ежели турки залѣзли въ Европу, то и европейцы залѣзли въ Азію, построили нѣсколько будто городовъ, назвали это мѣсто губерніями—Астраханской, Оренбургской (даже и прозвище губерніи европейское!)... и стала кочевая Азія — Европой! Мнѣ же кажется, ежели вы скажете, что Европа къ востоку граничитъ Дономъ, то ошибетесь только тѣмъ, что границу эту надо перенести еще западнѣе.

Къ Дону мы съѣхали около Калачинской станицы по страшно крутой горѣ; спускъ этотъ, по крайней-мѣрѣ, съ версту; о крутизнѣ его можно судить по тому, что ямщикъ порожнюю телѣгу тормозилъ, что̀ мнѣ на вѣку довелось видѣть въ первый разъ.

Подъѣхали къ перевозу; на берегу дожидалось нѣсколько телегъ, верховыхъ и пѣшихъ козаковъ. Одинъ изъ моихъ спутниковъ сейчасъ же сталъ

командовать и, какъ на его счастье, и было чѣмъ: оторвался осѣдланный жеребчикъ и бросился къ лошадямъ. Стали ловить—онъ лягаться.

— Зайди справа! кричалъ мой спутникъ.

— Да какъ зайдешь-то, служивый? Вишь, какой чортъ! сказалъ одинъ изъ казаковъ.

— А какъ?.. А вотъ какъ!..

Съ этими словами онъ сталъ подходить къ лошади; лошадь, не допуская его сажени за двѣ, стала къ нему задомъ и начала опять лягаться. Мой храбрецъ, будто какой невидимой силой, очутился саженъ за пять дальше, хотя и въ двухъ саженяхъ не представлялось никакой опасности. Всѣ захохотали.

— Что жь справа не идешь?! крикнули ему изъ толпы: — ступай справа!..

— Ты спереди! командовалъ мой спутникъ: — ты спереди заходи!.. заходи!..

Толпа надъ нимъ подсмѣивалась, но онъ этого совсѣмъ не замѣчалъ и продолжалъ распоряжаться; разумѣется, его приказаній никто не слушалъ, а лошадь была поймана.

Пришелъ съ той стороны паромъ, переѣзжающіе съ парома съѣхали, надо было переправляться съ праваго берега на лѣвый.

— Ставь нашу повозку! крикнулъ мой спутникъ, охотникъ командовать и приказывать.

— Сейчасъ, служивый!..

— Мы одни поѣдемъ!

— Какъ одни?

— Кромѣ нашей повозки—ничего не ставить.

— Отчего?

— Я не позволю!..

— Отчего такъ?

— Не хочу!..

— Нѣтъ, служивый, здѣсь не разживешься!.. Здѣсь перевозъ: казенныхъ такъ перевозимъ, а съ другихъ-прочихъ—денежки собираемъ; паромъ войску денежки даетъ!..

— Я этого знать не хочу!..

— А, пожалуй—забудь!..

Сколько не горячился служивый-проѣзжій,—его никто не слушалъ.

— Давай сюда пару! крикнулъ козакъ-перевозчикъ.

Стали отпрягать лошадей, перетаскивали на себѣ повозки на паромъ, переводили лошадей, послѣдняя лошадь заартачилась,—и какъ же ее били!.. Молоденькая лошаденка вся дрожала...

— Ты подъ жилки ее!.. ты подъ жилки! кричали со всѣхъ сторонъ, между которыми слышнѣй всѣхъ былъ голосъ моего спутника. — По мордѣ хорошенько!.. Справа—чтобъ не виляла, слѣва лупи!..

И бѣдную лошадь били и лупили и кнутьями и кольями человѣкъ болѣе

десяти, пока она не упала; ее перетащили на паромъ, связали, такъ и перевезли на ту сторону; какъ она встала, какъ ее свели съ парома, я не видалъ.

На паромѣ помѣстились всѣ, кто ждалъ парома, и нельзя сказать, чтобы было очень тѣсно. Кромѣ насъ переѣзжали Донъ козаки, и какой-то еще господинъ, который хотя и говорилъ, что онъ урядникъ, но мнѣ плохо вѣрилось—такъ у него было мало козацкаго. Одѣтъ онъ былъ въ длинный мѣщанскій сюртукъ, картузъ, на днѣ котораго, вѣроятно, было клеймо съ надписью: *isdelie w Moskve.*

— Здравствуйте, господа! сказалъ онъ моимъ спутникамъ, какъ-то развязно приподнимая свой картузъ.

— Здравствуйте! отвѣчали ему мои спутники, тоже взявшись за козырьки.

— Въ Калачъ?

— Да, въ Калачъ.

Для чего этотъ вопросъ былъ сдѣланъ, я не могу понять: паромъ ѣхалъ въ Калачъ; стало-быть, ясно видно, что и мы ѣдемъ въ Калачъ.

— Я и самъ служилъ, заговорилъ длинный сюртукъ. — Я служилъ въ Петербургѣ въ гвардіи урядникомъ...

— Гм! одобрительно крякнулъ мой спутникъ.

— У васъ есть знакомые въ Калачѣ?

— Нѣтъ, нѣту.

— Такъ остановитесь у меня; закусимъ чѣмъ Богъ послалъ, а тамъ и дальше въ путь.

— Пожалуй, робко проговорилъ мой спутникъ.

— Намъ нельзя, отозвался другой спутникъ:—намъ приказано останавливаться только на почтовыхъ станціяхъ.

— Нельзя у васъ остановиться, горестно прибавилъ мой первый спутникъ, сперва принявшій предложеніе.

— Такъ мы вотъ что́ сдѣлаемъ, предложилъ длинный сюртукъ: — вы остановитесь на станціи, а я сейчасъ закусочки, водочки тамъ изъ дому принесу...

На это согласились.

— Какой вы табакъ курите? спросилъ новый знакомецъ моего перваго спутника.

— Простой употребляемъ.

— А позвольте попробовать, сказалъ онъ ласково, протягивая руку.

— Извольте... табакъ не изъ лучшихъ...

Скоро они совсѣмъ подружились, и хоть мой спутникъ былъ довольно разсчетливъ (онъ въ дорогѣ не болѣе 3 коп. тратилъ въ день), но все-таки не могъ отказать въ трубкѣ своему новому пріятелю, надѣясь хоть разъ въ дорогѣ хорошо поѣсть.

Переѣхавши Донъ, мы пошли на почтовую станцію. Я приказалъ дать

себѣ самоваръ, а мои спутники стали ожидать новаго знакомца. Долго они ждали.

Я напился чаю, прилегъ, а козака-угостителя все-таки нѣтъ—какъ нѣтъ! Нечего дѣлать: пошелъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, купилъ на копѣйку двѣ сушеныхъ рыбины—воблы, тѣмъ пообѣдали, тѣмъ и поужинали.

— Проклятый! бормоталъ мой спутникъ—надулъ, проклятый!...

— И для чего это онъ выдумалъ? спросилъ его другой, гораздо равнодушнѣй переносившій это несчастіе.

— А чортъ его знаетъ!..

— Да и всякъ знаетъ.

— И ты знаешь?

— Да, и я знаю.

— Такъ по твоему зачѣмъ онъ брехалъ?

— Видитъ, что ты куришь трубку...

— Такъ, такъ...

— Онъ и вздумалъ изъ тебя дурня состроить.

— Такъ, такъ.

— Онъ у тебя выманилъ трубки двѣ.

— Какое двѣ?!.. Трубокъ пять, проклятый, выкурилъ, съ отчаяніемъ докончилъ обиженный.

Когда мои товарищи кончили свой болѣе, чѣмъ скромный обѣдъ, немного отдохнули, одинъ изъ нихъ отправился для закупки хлѣба на дорогу, а съ нимъ отправился и я.

Калачъ просятъ, какъ я здѣсь слышалъ, произвести въ чинъ *города*, и вѣроятно произведутъ, а пока онъ начинаетъ обстроиваться потихоньку, очень потихоньку съ одной стороны, и очень шибко и въ громадныхъ размѣрахъ съ другой. Въ Америкѣ строятъ города почти каждый день; какъ они строятся, какъ разростаются — всѣмъ извѣстно; наши русскіе путешественники по Америкѣ: Циммерманъ и другіе, были поражены быстрымъ ростомъ американскихъ городовъ. Разсказываютъ, что въ Америкѣ сколотятъ домишко, другой, и строятъ училище. Мнѣ пришлось видѣть будущій русскій городъ Калачъ и, кажется, что исторія постройки русскаго города немного отличается отъ исторій постройки американскихъ городовъ. Въ Америкѣ прежде всего строятъ училище, въ Россіи — кабакъ, присутственныя мѣста съ острогомъ, потомъ дома; а какъ во всякомъ образованномъ государствѣ по всѣмъ городамъ должны быть, хоть для приличія, училища, то выстраиваютъ домъ, прибиваютъ вывѣску — *училище*, заводятъ кой-какого учителя, и довольствуются! Какой учитель, какое училище — объ этомъ не заботятся: какого судьба пошлетъ; такъ, на всю Старую Руссу, одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ Россіи, былъ одинъ учитель, отставной унтеръ-офицеръ, и это было только нѣсколько лѣтъ назадъ.

Будущій городъ Калачъ въ настоящее время представляетъ довольно замѣчательную картину. Настоящихъ присутственныхъ мѣстъ еще нѣтъ: городъ еще не дозволился, но все-таки есть хоть почтовая станція; училища,

разумѣется, нѣтъ, объ немъ даже и помину нѣтъ; выстроено только нѣсколько домишекъ, кажется, десятка полтора и цѣлая улица кабаковъ—не домовъ, въ которыхъ помѣщаются кабаки, а цѣлая улица въ рядъ выстроенныхъ балагановъ, съ единственною цѣлію—помѣстить кабакъ. Я въ Калачѣ былъ въ началѣ апрѣля, настоящаго движенія по Дону, Волгѣ и чугункѣ между ними еще не начиналось, но кабаки были совсѣмъ не пусты: чернорабочіе на судахъ стали прибывать, работы еще не отыскивалось, они и прохаживались по кабакамъ.

— Эй! землячки! землячки! услыхали мы, проходя по этой кабацкой улицѣ:—землячки!...

Смотримъ, у кабака въ дверяхъ стоитъ нашъ новый знакомый, который хотѣлъ угощать моихъ спутниковъ.

— Землячки! поднесите стаканчикъ!...

Надо было видѣть негодованіе моего спутника.

Въ ожиданіи поѣзда въ Царицынъ, мы вернулись на станцію, гдѣ застали какого-то мѣщанина, родственника хозяина станціи. Мы скоро разговорились; оказалось, что онъ нанимался гурты гонять. О своемъ промыслѣ онъ ничего не могъ сказать мнѣ, кажется, потому, что занимался своимъ дѣломъ не разсуждая, а такъ, по привычкѣ; я даже думаю, что онъ слыхалъ слова профессора И. И. Давыдова: «не надо знать, чтобы вѣрить; а надо вѣрить, чтобы знать».

— Я думаю, трудно идти съ гуртомъ? спросилъ я его, когда мы уже съ нимъ разговорились.

— Какъ не трудно!..

— И дождь и слякоть...

— Да вотъ я вамъ скажу, началъ онъ: — стоимъ мы около Сарепты. Только дождь, вьюга, а ужь ночь... Дѣло было осенью... Водки выпить— негдѣ: въ Сарептѣ дадутъ тебѣ въ окошечко стаканчикъ, а тамъ хоть ты издохни — ни за какія деньги ни капельки не дадутъ!... Какъ быть!?.. А надо выпить... Сѣлъ на лошадь, поѣхалъ въ Сарепту. Подъѣзжаю къ окошечку, гдѣ нѣмецъ водку продаетъ. Постучался въ оконце. Нѣмецъ отворилъ оконце. «Что́ надо?» спрашиваетъ. «Дай стаканчикъ водки» говорю. «Давай деньги». Я ему въ оконце подалъ деньги, а онъ мнѣ изъ оконца подалъ стаканчикъ. Выпилъ, ну сами знаете: въ такую пору, что́ сдѣлаетъ одинъ стаканчикъ? Просить у нѣмца — это, я знаю, все равно что воду толочь... А выпить надо: продрогъ такъ, что бѣда!... Вотъ я отъѣхалъ на лошади саженъ за пятнадцать, слѣзъ, привязалъ лошадь, а самъ пошелъ пѣшкомъ не къ оконцу, а къ воротамъ... Стучусь... «Что надо?» «Пустите, говорю, переночевать: весь перемерзъ»!... Нѣмцы на этотъ счетъ народъ добрый, сейчасъ отперли, впустили. Я такъ, и такъ, говорю, перемерзъ, одолжите стаканчикъ. Взяли деньги, принесли стаканчикъ. «Ложись, говорятъ, на печь, согрѣйся». Легъ я на печь, а самъ нарочно зубами ляскаю, будто дрожу... «Нельзя ли, говорю, почтенные, еще стаканчикъ принести?»—Нельзя, говорятъ нѣмцы: больше пить нехорошо. «Да я развѣ пить? Я хочу вы-

тереться водкой: скорѣй согрѣешься».—Это можно. Взялъ деньги нѣмецъ, принесъ водки. Только я взялъ въ руки стаканчикъ, да при всѣхъ и хлопнулъ!... Какъ крикнутъ на меня нѣмцы, а я: «спасибо, говорю, я у васъ три стаканчика разомъ хлопнулъ!...» Нѣмцы ругаться, а я хлопнулъ дверью, да и былъ таковъ!... Пріѣхалъ въ гуртъ, разсказалъ своимъ ребятамъ: то-то смѣху-то было!...

— А ежели-бъ вашу лошадь украли въ эту ночь? спросилъ я:—вѣдь вы ее оставили ночью одну на улицѣ?

— Въ Сарептѣ-то?

— Да, въ Сарептѣ.

— Въ Сарептѣ не украдутъ.

— Отчего же?

— Ни Боже мой!

— Въ Сарептѣ никакихъ такихъ шалостей не дѣлается, заговорилъ хозяинъ станціи:—тамъ объ воровствѣ и не слышно Не только краденаго никому не продашь, а и своего не смѣй самъ продавать, а отнеси въ магазинъ: тамъ тебѣ продадутъ, и денежки тебѣ выдадутъ; а самъ не смѣй.

— Отчего же?

— А чтобъ цѣны другъ у друга не перебивали.

— А коли деньги кому нужны?

— Вотъ для самаго этого такъ у нихъ положено. Теперь нашему мужику деньги нужны; онъ продастъ все: что́ ни взять, хоть полцѣны, а продать надо. А у нихъ: видятъ, что тебѣ нужда неминучая — денегъ дадутъ, а ты все-таки продавать не смѣй... Какъ есть — до одного зерна все неси въ магазинъ.

Время отъѣзда приближалось и мы отправились на станцію желѣзной дороги, которая подходитъ къ самому Дону въ Калачѣ, а также и къ Волгѣ въ Царицынѣ.

Станціи на волжско-донской дорогѣ отличаются простотой своей постройки. Калачинская и царицынская такія же, какъ на Невѣ пароходныя пристани (онѣ же служатъ и здѣсь пристанями), а прочія—одноэтажные небольшіе домики. Да и къ чему возводить огромныя зданія, когда и эти совершенно достигаютъ своей цѣли? Въ этомъ случаѣ какъ собственные интересы дороги соблюдены, такъ и интересы публики ни мало не страдаютъ. Но устройство самой желѣзной дороги... да объ этомъ послѣ.

Мы пришли на станцію довольно рано, и я помѣстился на одной изъ скамеекъ, обращенныхъ къ Дону. Станція-пристань стоитъ на луговой сторонѣ Дона; противоположный берегъ нагорный, не представляетъ ничего особеннаго: обрывистые берега, горы, еще непокрытыя зеленью, да и самый Донъ, еще мало оживленный судами, все это наводитъ на что-то невеселое...

Стали собираться пассажиры: рабочіе на баржахъ, судахъ, и донскіе козаки, нѣсколько козачекъ, за исключеніемъ насъ троихъ, составляли всю третьеклассную публику, которая, перейдя чугунку, проходила за рѣшотку на пристань. Чистая же публика—купеческіе прикащики, которые здѣсь на-

зываются комиссіонерами, и купцы гуляли по ту сторону рѣшотки. Всѣ ждали поѣзда изъ Царицына, который, пробывъ въ Калачѣ около получаса, долженъ былъ отвезти насъ въ Царицынъ: поѣздъ опоздалъ и мы должны были пробыть въ Калачѣ долѣе обыкновеннаго.

— Да ты только пойми, говорилъ одинъ донецъ въ толпѣ за рѣшоткой:—сколько онъ деньжищей забралъ...

— А все-таки не погналъ бы я...

— Да Господь знаетъ, что будетъ? Хорошо, ноньче вода большая, а будь...

— Да вѣдь А*** пароходомъ два раза сбѣгалъ до ***, а теперь еще бы можно сбѣгать раза два...

— Можно, можно...

— Вода прибываетъ...

— Еще сверху воды не было...

— А*** двѣ барки изъ *** пригналъ, а будь изготовлены еще двѣ, и тѣ бы пригналъ..

— Честь и слава вамъ А***, говорили по ту сторону рѣшотки.

— Вы первый показали примѣръ многимъ...

— И кажется удачно?...

— Да, довольно удачно, отвѣчалъ А***.

— Какъ *довольно* удачно—сверхъ всякихъ ожиданій удачно.

Толки эти были о двухъ баржахъ, которыя А*** осенью пригналъ по Дону вверхъ до ***, кажется, не доходя до Воронежа нѣсколько десятковъ верстъ, нагрузилъ ихъ, а весной по полой водѣ привелъ въ Калачъ.

Я долженъ здѣсь немного объяснить, почему я не обозначаю названія мѣста, гдѣ нагружались баржи, ни имени предпріимчиваго торговца, рѣшившагося нагружать баржи для парохода, кажется, верстахъ въ 60 отъ Воронежа. Не называю собственными именами купца и мѣсто потому, что не помню *навѣрно*, а моей записной книжки, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, у меня подъ рукой нѣтъ; но мнѣ кажется, что этотъ фактъ заслуживаетъ быть извѣстнымъ.

Ко мнѣ подсѣлъ козакъ въ зеленой шубѣ.

— Вы куда, землячекъ, куда слѣдуете? спросилъ онъ меня, снимая съ одного плеча свою шубу.

— До Астрахани, а вы куда? въ свою очередь спросилъ я, желая избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ.

— Мы тоже до Астрахани.

— Только до Астрахани?

— Нѣтъ, можетъ, и дальше поѣдемъ, не знаю: мы ѣдемъ за рыбой за чистяковой, больше за воблой; удастся купить въ Астрахани, купимъ въ Астрахани; не удастся—поѣдемъ по промысламъ. Да все-таки надо поѣздить по промысламъ: надо вѣрную цѣну узнать; на мѣстѣ все вѣрнѣй узнаешь, да еще прибавить надо, что побываешь не на одномъ промыслѣ.

Я долженъ здѣсь нѣсколько пояснить, что называютъ: водами, промыслами, и проч. По рѣкамъ и терикамъ, какъ здѣсь называютъ большіе и

малые рукава Волги, по самой Волгѣ, вдоль берега на нѣсколько верстъ (иногда болѣе 15), снимаютъ, т.-е. откупаютъ воду, гдѣ, кромѣ съемщика никто не можетъ ловить рыбу; противоположный берегъ снимается и другимъ лицомъ. Но они, противобережные съемщики, не дѣлятъ Волги или рѣки, а закинувъ невода на своемъ берегу, вытягиваютъ на противоположный. Съ небольшимъ годъ тому назадъ, воды откупались и въ морѣ, иногда однимъ и тѣмъ же лицомъ верстъ на сто вдоль берега и въ ширину до трехъ-саженной глубины. Далѣе воды были вольныя, т.-е. всякій могъ ловить безпошлинно. Теперь же воды въ морѣ на откупъ не отдаются, а всякій, заплатя за промысловый билетъ 30 руб., можетъ отправиться на промыселъ въ море.

Промыслами или ватагами называются заведенія, куда привозятъ пойманную рыбу, гдѣ ее солятъ, сушатъ и гдѣ живутъ рабочіе и прикащики съемщиковъ. Разумѣется, гдѣ лучше уловъ, тамъ и строеніе бываетъ лучше, иногда бываютъ при нихъ и сады.

Красной рыбой называется: осетръ, бѣлуга, севрюга, стерлядь, а чистяковой—вобла, сельдь-бѣшенка, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ топились на жиръ, теперь же воблу сушатъ и коптятъ, а бѣшенку солятъ, а одна только тарань идетъ на жиръ. Чистяковой рыбой называются тоже: судакъ, лещь, окунь, сазанъ, линь, бѣрщъ, жирихъ и другая мелкая.

Я надѣюсь писать объ здѣшней рыбной ловлѣ, а потому теперь говорю объ этомъ коротко и опять обращаюсь къ своему разсказу.

— Вы гдѣ служите? спросилъ я козака-донца-зеленую-шубу.

— Я теперь въ отставкѣ, отвѣчалъ тотъ:—у меня теперь сынъ служитъ, а я служилъ въ Польшѣ подъ конецъ старшимъ урядникомъ.

— Такъ вы за воблой ѣдете? спросилъ я его, когда онъ мнѣ разсказалъ о своей службѣ.

— Да, за воблой.

— Вѣдь ваша тарань, донская, лучше волжской воблы?

— Какъ можно?!.. Наша тарань донская, да теперь взять волжскую воблу... на воблу и смотрѣть не станешь!

— Для чего же вы везете на Донъ воблу волжскую, когда ваша тарань гораздо лучше воблы?

— Да и не слышно было, чтобъ кто нибудь изъ донскихъ ѣздилъ на Волгу за рыбой, а вотъ Богъ привелъ! отвѣчалъ онъ.

— Отчего же это сталось?

— Тарань перевелась.

— Давно?

— Нѣтъ, не давно—лѣтъ какихъ шесть; все меньше, да меньше, а теперь, почитай, и совсѣмъ не стало этой тарани.

— Воля Божья!..

— А до этого времени ваша донская тарань далеко проходила, сказалъ я.

— Какъ не далеко!.. Въ прежнія времена отъ насъ тарань шла вверхъ—

выше Воронежа проходила, и по Украйнѣ!.. На Украйнѣ хохолъ безъ тарани жить не можетъ!.. Наша тарань до Кіева доходила.

— Какъ же они теперь?

— Теперь этой воблой пробавляются.

— А почемъ теперь вобла?

— Говорятъ, по два рубля.

— За сколько?

— Вобла тысячами продается; такъ за тысячу воблы и просятъ два рубля.

Эта цѣна послѣ подтвердилась и до конца держалась, ни мало, кажется, не мѣняясь.

— Послѣ, можетъ, и дешевле будетъ, продолжалъ козакъ:—да всякому хочется первинку привезти,—скорѣе распродашь.

— Гдѣ же вы тарань продаете?

— А куда тарань ходила,—теперь туда вобла пошла, съ горькой усмѣшкой отвѣчалъ казакъ.

Поѣздъ изъ Царицына опоздалъ, а какъ на этомъ поѣздѣ пріѣхалъ помощникъ начальника желѣзной дороги, который съ нами долженъ былъ воротиться назадъ, то мы дожидались, пока онъ кончитъ свои занятія въ Калачѣ. Но какъ всему есть конецъ, то пришелъ конецъ и нашему ожиданію—мы сѣли въ вагонъ.

Волжско-донская дорога — совершенно товарная дорога: одинъ только поѣздъ туда и обратно, въ которомъ есть вагонъ пассажирскій, раздѣленный на классы; классовъ этихъ, по обыкновенію, три; мы сѣли, разумѣется, въ третій; второй былъ пустой, а въ первомъ сидѣлъ помощникъ начальника дороги съ своими знакомыми.

Тронулись.

— А еще долго будетъ видѣнъ нашъ батюшка тихій Донъ, проговорилъ одинъ козакъ.

— Намъ не легко съ Дономъ разставаться, да и ему, нашему батюшкѣ, не хочется насъ покинуть, промолвилъ другой.

Мнѣ какъ-то странно было слышать такія сентиментальности отъ сѣдыхъ козаковъ.

Козаки со мной не разговаривали, хотя были очень любезны со всѣми, не исключая и моихъ спутниковъ. Козацкая вѣжливость, я говорю про донскихъ козаковъ, всегда поражаетъ съ перваго разу всякаго: мнѣ не случалось слышать, чтобъ старшій назвалъ молодаго Игната—Игнашкой, и чтобъ Игнатъ назвалъ стараго Егора — Егоромъ; Игнатъ стараго Егора всегда назоветъ, ежели не Егоромъ Матвѣичемъ, то по крайней-мѣрѣ—Матвѣичемъ.

Скоро разговоръ завязался между всѣми сидящими въ вагонѣ, и какъ-то коснулся до исторіи донскаго козачества.

— Мы вѣдь, прозываемся Ермаковцы, говорилъ одинъ отставной козакъ:— мы называемся Ермаковцы, по Ермаку Тимофеичу.

— Какой такой Ермакъ Тимофеичъ? спросилъ мой спутникъ:—богатырь, что ль, какой былъ?

— Большой былъ богатырь!..

— Гдѣ же онъ силу свою оказывалъ? спросилъ другой мой спутникъ.

— А видишь ты: была баталія... Да, нѣтъ!.. надо сначала тебѣ разсказывать... Донцы и теперь—оторви головы: человѣка убей — свои не выдадутъ... Да вотъ недавно: мужичку наняли стадо стеречь, а она отъ нашихъ дѣвокъ и стала парней отбивать!.. Такъ что-жь, ты думаешь, наши дѣвки съ ней сдѣлали?..

Козакъ пренаивнымъ образомъ разсказалъ, даже со смѣхомъ, какъ козачки-дѣвки мучили мужичку. Какъ мучили эту несчастную—я передать не могу: описанія этихъ мученій не могутъ быть подъ своими названіями помѣщены даже въ дѣлахъ уголовнаго суда.

— Да вѣдь такъ проучили эту погань, что и по сю пору, вотъ ужь третья недѣля, не встаетъ съ постели, а можетъ и не встанетъ. Пошли было жаловаться на нашихъ дѣвокъ, да рожна и взяли: наши своихъ не выдадутъ ни за что; сказали, что молодыя дѣвчонки съ ней поиграли—вотъ тебѣ и вся не долга!..

— А что-жь Ермакъ Тимофеичъ? спросилъ мой спутникъ:—ты про Ермака припомнилъ.

— Я къ тому и рѣчь веду... Такъ вотъ каковы наши донскіе козаки!.. Теперь сорви головы, а прежде!.. Вотъ этотъ самый Ермакъ, чего-чего онъ ни дѣлалъ!.. Соберетъ, бывало, шайку, да не тайкомъ, не въ тихомолку, а какъ есть при всемъ народѣ собиралъ себѣ товарищей. Пройдетъ, бывало, по станицѣ, да крикнетъ: «козаки-атаманы!.. Есть ли здѣсь охотниковъ идти со мной на Волгу рыбу ловить?» — Къ нему, какъ комары на огонь, всѣ и лѣзутъ!.. Соберетъ шайку, да и на Волгу!.. Тамъ ужь у нихъ своя воля: безъ оброка ни одного судна не пропуститъ; объ купеческихъ и говорить нечего; разъ бѣжало царское судно съ царской казной—и тому спуску не далъ: все до чиста обобралъ!.. Царь и распалился гнѣвомъ великимъ: — «подать, говоритъ, ко мнѣ Ермака!..» Только вышла у нашего царя война съ какимъ-то другимъ королемъ или султаномъ, не знаю, а врать не хочу,.. Пошла баталія; бились, бились, видитъ нашъ царь: дѣло плохо, наша неустойка... Отколь ни возьмись Ермакъ Тимофеичъ — яснымъ соколомъ прилетѣлъ съ своими товарищами, козаками-атаманами, на подмогу нашему царю... Да наскочилъ Ермакъ-то Тимофеичъ съ флангу, съ боку то-есть...

— Знаю, знаю, проговорилъ мой спутникъ нетерпѣливо:—знаю.

— Да какъ сталъ Ермакъ-то королевское войско лупить... Царское войско впереди, а Ермакъ съ боку, да и задку прихватилъ!.. Какъ со всѣхъ сторонъ обступили королевское войско, такъ всѣхъ и побили, ни одного живаго не оставили, никого и въ полонъ не брали, всѣхъ смерти предали!. Кончилась баталія, царь и спрашиваетъ: «кто мнѣ помогу далъ? Позвать того человѣка мнѣ!» Позвали Ермака къ царю. «Что ты есть за человѣкъ?» спрашиваетъ царь.—Я, говоритъ, Ермакъ, ваше императорское величество.— «Тотъ Ермакъ, что мою царскую казну ограбилъ?» спрашиваетъ царь. — Тотъ самый, ваше императорское величество.—«Та вина теперь тебѣ Ер-

маку отпущена, говоритъ царь: только впередъ не балуй! А теперь скажи ты мнѣ: какимъ чиномъ мнѣ тебя пожаловать?» А Ермакъ ему: «никакого чину мнѣ не надобно; а пожалуйте насъ, ваше императорское величество, всѣхъ донскихъ козаковъ тихимъ Дономъ». Царь и пожаловалъ насъ донцовъ тихимъ Дономъ, оттого мы и прозываемся донскими козаками, а по Ермаку Тимофеичу — Ермаковцами. Кликни любому донскому козаку: «эй, Ермаковецъ!» — сейчасъ откликнется: «что скажетъ, тебѣ надобно?» Право такъ!.. Хохлу скажешь: «эй, хохолъ!» — осерчаетъ, изругаетъ, пожалуй на драку пойдетъ!,. А назови Мазепой — и бѣги скорѣе: сейчасъ драться станетъ. А нашего козака назови козакомъ—«эй, козакъ!» откликнется; скажи «эй, Ермаковецъ!» тоже откликнется, развѣ только что засмѣется, а ничего, какъ есть ничего, и не осерчаетъ, да и серчать-то не изъ чего!..

— Да, мы съиздавна Ермаковцы, заговорилъ козакъ-зеленая шуба. — Пошли отъ Ермака, стало и есть Ермаковцы. И послѣ были воители, только по тѣмъ прозвища не проложено.

— Кто-же еще былъ? спросилъ кто-то.

— Да вотъ, хоть Пугача взять...

— Тоже богатырь былъ?

— Тоже воитель былъ храбрый.

— Кто-жь этотъ Пугачъ былъ?

— Говорю, воитель храбрый, простой козакъ, нашъ донской, а по прозвищу Емельянъ Пугачевъ—храбрый воитель, только пилъ ужь очень крѣпко.

— Не такъ давно: моя бабушка его видѣть не видѣла, а слышать слышала его рѣчи... на полъ-аршина отъ него была, и того меньше, а видѣть не видала! прибавилъ козакъ-зеленая-шуба.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ: бабушка моя взята изъ Дубовки; когда подъ Дубовку подходилъ Пугачъ, бабушка моя была дѣвка на выданье, женихи ужь сватались, сватовъ засылали, да у ней еще сестра была. Какъ прослышалъ ихъ отецъ, а мой выходитъ прадѣдъ, взялъ обѣихъ дочерей и посадилъ подъ полъ, а самъ съ попами въ ризахъ, съ иконами, со всѣми козаками, да съ колокольнымъ звономъ и пошли на встрѣчу Пугачу. Пугачъ ничего. Спросилъ, гдѣ всѣ начальники? Прадѣдъ вошелъ къ нему съ хлѣбомъ съ солью. «Всѣ разбѣжались», говоритъ прадѣдъ. Пугачъ принялъ. «Къ тебѣ въ гости, атаманъ, пріѣхалъ» — сказалъ Пугачъ, а прадѣдъ ему въ ноги большимъ поклономъ поклонился. Пріѣхалъ Пугачъ къ прадѣду верхомъ, лошадь, бабушкѣ говорили, вся разубранная... вошелъ въ избу, старымъ крестомъ перекрестился; сѣлъ за столъ, велѣлъ подать водки, такъ всю ночь и прогулялъ съ своими ребятами, и прадѣда съ собой посадилъ... Бабушка часто любила про Пугача разсказывать... Сама его не видала: она съ сестрой всю ночь просидѣла подъ поломъ, а что слышала и что люди ей говорили, бывало, намъ, покойница, и разсказываетъ...

— И много бабушка ваша разсказывала?

— Сама-то она почесть Пугача-то и не слыхала: цѣлыя сутки подъ

поломъ дрожмя продрожала: ей было только про свою душу помнить, а послѣ что отъ людей слышала, она и разсказывала намъ; мы еще тогда ребятишками были.

— А звѣрь былъ этотъ Пугачевъ?

— Нѣтъ! человѣкъ былъ добрый! Разобидѣлъ ты его, пошелъ противъ него баталiей... на баталiи тебя въ полонъ взяли; поклонился ты ему, Пугачеву, всѣ вины тебѣ отпущены и помину нѣтъ!.. сейчасъ тебя, коли ты солдатъ,—а солдаты тогда, какъ дѣвки, косы носили,—сейчасъ тебя, друга милаго, покозацки въ кружокъ подрѣжутъ и сталъ ты имъ за товарища... Добрый былъ человѣкъ: видитъ, кому нужда, сейчасъ изъ казны своей денегъ велитъ выдать, а ѣдетъ по улицѣ, и направо и на лѣво пригоршнями деньги въ народъ бросаетъ... Придетъ въ избу — иконамъ помолится, старымъ крестомъ, тамъ поклонится хозяину, а послѣ сядетъ за столъ. Станетъ пить — за каждымъ стаканчикомъ перекрестится!.. Какъ ни пьянъ, а перекрестится!.. Только хмѣлемъ зашибался крѣпко!..

— Ну, а кто пойдетъ супротивъ его, возьмутъ кого въ полонъ, а тотъ не покоряется—тогда что?

— Тогда что: кивнетъ своимъ,—тѣ башку долой, тѣ и уберутъ!.. А когда на площади или на улицѣ судъ творилъ, тамъ головъ не рубили, тамъ кто какую грубость или супротивность окажетъ—тѣхъ вѣшали на площади тутъ же. Еще Пугачъ не выходилъ изъ избы судъ творить, а ужъ висѣлица давно стоитъ. Кто къ нему пристанетъ, ежели не козакъ — покозацки стричь; а коли супротивъ его — тому петлю на шею!.. Только глазомъ мигнетъ, молодцы у него прiученные.. глядишь, ужъ согрубитель ногами дрыгаетъ...

Козаки, здѣсь бывшiе, только поддакивали, да никому и въ голову не приходило оспаривать доброту Пугачева. Пугачевъ Пушкина въ «Капитанской дочкѣ» взятъ изъ мѣстныхъ разсказовъ; онъ помнилъ заячью шубу Гринева, и въ тоже время кивнулъ своимъ ребятамъ: «убрать старуху!»...

— А про Стеньку Разина небось не скажетъ ни слова! шепнулъ я своему спутнику.

— А кто такой Стенька этотъ Разинъ? спросилъ тотъ меня съ большимъ любопытствомъ.

— Спроси у козаковъ.

— Скажите пожалуйста, обратился мой спутникъ къ козакамъ:—кто такой былъ Стенька Разинъ? Тоже должно полагать, великiй былъ въ свое время воитель!

— Воитель-то большой былъ воитель, этотъ Стенька, отвѣчалъ одинъ козакъ.

— Такъ что-жъ?

— Да съ Пугачевымъ или Ермакомъ—не одна стать!..

— А что?

— Пугачевъ съ Ермакомъ были великiе воители; а Стенька Разинъ и воитель былъ великiй, а еретикъ, — такъ пожалуй, и больше чѣмъ воитель!

— Что ты?!..

— Правда!..

— Какое же его было еретичество?

— А вотъ какое. Бывало его засадятъ въ острогъ. Хорошо. Приводятъ Стеньку въ острогъ. — «Здорово, братцы! — крикнетъ онъ колодникамъ. — «Здравствуй, батюшка нашъ, Степанъ Тимофеевичъ!..» А его ужъ всѣ знали!..— «Что здѣсь засидѣлись — на волю пора выбираться»... — «Да какъ выберешься?!.. говорятъ колодники: сами собой не выберемся, развѣ твоими мудростями!»—«А моими мудростями, такъ пожалуй и моими!»... Полежитъ такъ маленько, отдохнетъ, встанетъ. — Дай, скажетъ, уголь!» — возьметъ этотъ уголь, напишетъ тѣмъ углемъ на стѣнѣ лодку, насажаетъ въ ту лодку колодниковъ, плеснетъ водой; рѣка разольется отъ острога до самой Волги; Стенька съ молодцами грянутъ пѣсни—да на Волгу!.. Ну, и поминай какъ звали!..

— Такъ и убѣжитъ?

— Со всѣми колодниками!

— А часовой солдатъ отвѣчай?

— Знамо дѣло—отвѣчай!..

— Эко дѣло!..

— Только господа подъ послѣдокъ догадались, продолжалъ козакъ:—будетъ Стенька просить испить — не давай воды, пой квасомъ!.. А Стенькѣ съ квасомъ ничего не подѣлать... такъ и изловили!..

— Вишь ты дѣло-то какое!..

— Еретикъ! одно слово, еретикъ!

— Такой еретикъ: всю Астрахань прельстилъ, всѣ за него стали; одинъ только архирей. Архиреемъ въ Астрахани былъ тогда Іосифъ; сталъ Іосифъ говорить Разину: «Побойся ты Бога! перестань, Стенька, еретичествовать!» «Молчи! крикнетъ Стенька Разинъ: — молчи, батька! Не твое дѣло!» Архирей опять Стенькѣ: «Грѣхъ большой еретичествомъ жить!» А Стенька знай свое твердитъ: «Молчи, батька! не суйся, гдѣ тебя не спрашиваютъ! Сражу, говоритъ, тебя, архирея!» Архирей свое, а Стенька свое! Архирей опять-таки Стенькѣ Разину: «Вспомни про свою душу, какъ она на томъ свѣтѣ будетъ отвѣтъ Богу давать!» Стенька мигнулъ своимъ, а тѣ подхватили его да въ крѣпость, да на стѣну; а со стѣны-то и бросили козакамъ на копья!.. Тутъ архирей Іосифъ Богу душу и отдалъ...

— Вишь дѣло какое!...

— А у Разина свои козаки были?

— А какъ же, все равно, какъ у Ермака. Пошелъ по станицамъ, крикнулъ по охотниковъ на Волгу рыбу ловить! Кому надо, тѣ ужь знаютъ, какую на Волгѣ рыбу ловятъ, ну и соберутся. Такъ и Стенька Разинъ собралъ себѣ козаковъ, да съ тѣми козаками и пошелъ на Волгу, а тамъ и въ море пробрался, на персидскаго султана напалъ, сколько у него городовъ побралъ!..

— Ну, а за архирея ему никакого наказанія не было? спросили разсказщика.

— А кто его будетъ наказывать?

— Какъ кто?

— Вѣдь, чай, начальство было?

— Убилъ архирея и наказанія никакого нѣтъ? посыпались вопросы небывалыхъ.

— Чай, начальству дали знать сейчасъ же, что Стенька Разинъ архирея сразилъ.

— Много онъ боялся того начальства! отвѣчалъ разсказщикъ: — его и само-то начальство боялось: вотъ онъ былъ каковъ!

— Что-жь начальство смотрѣло?

— А вотъ что: какъ повоевалъ Стенька Персію, пріѣхалъ въ Астрахань. Пошелъ къ воеводѣ... тогда губернаторъ прозывался воеводой... приходитъ къ воеводѣ. «Пришелъ я, говоритъ, къ тебѣ, воевода, съ повинною». «А кто ты есть за человѣкъ такой?» спрашиваетъ воевода. «Я, говоритъ, Стенька Разинъ». «Какъ это ты, разбойникъ! который царскую казну ограбилъ?... Столько народу загубилъ?»—«Я, говоритъ, тотъ самый». — «Какъ же тебя помиловать можно?»—«Былъ, говоритъ Разинъ, я на морѣ, ходилъ въ Персію, вотъ столько-то городовъ покорилъ; кланяюсь этими городами его императорскому величеству; а его царская воля: хочетъ казнитъ, — хочетъ милуетъ! А вотъ и вашему превосходительству, говоритъ Разинъ, подарочки отъ меня». Стенька приказалъ принести подарочки, что припасъ воеводѣ. Принесли, у воеводы и глаза разбѣжались: сколько серебра, сколько золота, сколько камней дорогихъ! Хошь пудами вѣшай, хошь мѣрами мѣряй!.. «Примите, говоритъ Стенька Разинъ, ваше превосходительство, мои дороги подарки, да похлопочите, чтобы царь меня помиловалъ».—«Хорошо, говоритъ воевода, я отпишу объ тебѣ царю, буду за тебя хлопотать; а ты ступай на свои струги и дожидайся на Волгѣ царской отписки».—«Слушаю, говоритъ Разинъ, а вы, ваше превосходительство, мною не побрезгуйте, пожалуйте на мой стружокъ ко мнѣ въ гости». — «Хорошо, говоритъ воевода, твои гости — пріѣду». Стенька раскланялся съ воеводой и пошелъ къ себѣ на стружокъ, сталъ поджидать гостей. На другой день пожаловалъ къ Степану Тимофеичу... Тимофеичемъ сталъ, какъ подарочки воеводѣ снесъ... пожаловалъ къ Степану Тимофеичу самъ воевода! Воевода какой-то князь былъ.. одно слово все равно, что теперь губернаторъ... Самъ воевода пожаловалъ въ гости къ простому козаку, къ Стенькѣ Разину! Какъ пошелъ у Стеньки на стругахъ пиръ, просто дымъ корымысломъ стоитъ! А кушанья, вины тамъ разныя подаютъ не на простыхъ тарелкахъ, или въ рюмкахъ, а все подаютъ на золотѣ, какъ есть на чистомъ золотѣ! А воевода: «Ахъ, какая тарелка прекрасная!» Стенька сейчасъ тарелку завернетъ, да воеводѣ поднесетъ: «Прими, скажетъ, въ подарочекъ». Воевода посмотритъ на стаканъ: «Ахъ какой стаканъ прекрасный!» Стенька опять: «Прими въ подарочекъ!»

— Это все равно, что теперь у калмыковъ...

— Все одно...

— Ты къ калмыку прiѣдешь, да если совѣсть имѣешь, ничего и не хвали, а похвалилъ что—твое, безъ того тебя не отпустятъ ни за что.

— Вотъ и воевода, этотъ князь, глаза-то бестыжiе, и давай лупить: сталъ часто къ Стенькѣ въ гости понавѣдываться; а какъ прiѣдетъ — и то хорошо, и то прекрасно; а Стенька знай завертывай, да воеводѣ: «Примите, ваше превосходительство, подарочекъ». Только хорошо. Бралъ воевода у Разина, бралъ, да и брать-то ужь не зналъ что. Разъ прiѣхалъ воевода-князь на стружокъ къ Стенькѣ въ гости. Сѣли обѣдать. А на Стенькѣ Разинѣ была шуба, дорогая шуба; а Стенькѣ-то шуба еще тѣмъ была дорога, что шуба была завѣтная. «Славная шуба у тебя, Степанъ Тимофеичъ», говоритъ воевода. —«Нѣтъ, ваше превосходительство, плохинькая!»—«Нѣтъ, знатная шуба!»—«Плохинькая, ваше превосходительство», говоритъ Разинъ: ему съ шубой-то больно жаль было разстаться. — «Такъ тебѣ шубы жаль?» закричалъ воевода.—«Жаль, ваше превосходительство: шуба у меня завѣтная!»—«Погодижь ты, шельмецъ этакой, я объ тебѣ отпишу еще царю!»—«Помилуй, воевода! Бери что хочешь; оставь только одну мнѣ эту шубу».—«Шубу хочу! кричалъ воевода:—ничего не хочу, хочу шубу!» Привсталъ Стенька, снялъ съ плечъ шубу, подалъ воеводѣ, да и говоритъ: «*На тебѣ, воевода, шуба, да не надѣлала бы шуба шума!* На своемъ стружкѣ обижать тебя не стану: ты мой гость; а я самъ къ тебѣ, въ твои палаты, въ гости буду!» Воеводу отвезли на берегъ; не успѣлъ онъ ввалиться въ свои хоромы, какъ Стенька Разинъ, съ своими молодцами козаками-атаманами, нагрянулъ на Астрахань. Приходитъ къ воеводѣ Стенька. «Ну, говоритъ, воевода, чѣмъ будешь угощать, чѣмъ подчивать»? Воевода туда-сюда... А Стенька Разинъ: «Шкура мнѣ твоя больно нравится, воевода». Воевода видитъ—дѣло дрянь, до шкуры добирается!.. «Помилуй, говоритъ, Степанъ Тимофеичъ, мы съ тобой хлѣбъ-соль вмѣстѣ водили». — «А ты меня помиловалъ, когда я просилъ тебя оставить мнѣ завѣтную шубу? Содрать съ него съ живаго шкуру!» крикнулъ Разинъ. Сейчасъ разинцы схватили воеводу, повалили на земь, да и стали лупить съ воеводы шкуру, да начали-то лупить съ пятокъ!.. Воевода кричитъ, семья, родня визгъ, шумъ подняли. А Стенька стоитъ, да приговариваетъ: «А говорилъ я тебѣ, воеводѣ, шуба надѣлаетъ шуму! Видишь, я правду сказалъ—не обманулъ!» А молодцы, что лупили съ воеводы шкуру, — знай лупятъ, да приговариваютъ: «Эта шкура нашему батюшкѣ Стапану Тимофеичу на шубу!» Такъ съ живаго съ воеводы всю шкуру и содрали! Тутъ кинулись разинцы на Астрахань; кто къ нимъ не приставалъ—побили, а дома ихъ поразграбили, а кто къ нимъ присталъ, того волосомъ не обидѣли.

— Такъ и содрали съ воеводы съ живаго шкуру?

— Такъ и содрали.

— Съ живаго?

— Съ живаго.

— Ну, смерть!..

— Да вѣдь Стенька Разинъ и выдумалъ такую смерть воеводѣ. Ужь

больно шибко обирать его сталъ воевода: на что бельмы вылупитъ, то и за пазуху.

— А богатъ былъ этотъ Стенька Разинъ! проговорилъ кто-то изъ козаковъ.

— Да какъ же не богатъ! сколько разъ воеводу угощалъ! Что стоитъ одно угощеніе, вѣдь воеводѣ не поставишь полштофа выпить, да воблу на закуску! Да сколько пошло на подарки. Воевода на одно угощеніе не пошелъ бы.

— Знать, богатъ былъ!

— Коли не богатъ! говорятъ на всѣхъ стругахъ, на всѣхъ до одного шелковые паруса были! Да всѣ струги, словно жаръ горѣли: всѣ были раззолоченные, уключины были всѣ серебрянныя...

— Знамо дѣло, не столько силой бралъ, сколько еретичествомъ; всякаго добра было много, утвердительно проговорилъ слушавшій козакъ.

— Еретикъ большой былъ!

— А комара, небось, не заклялъ!

— Комара ему заклясть никакъ невозможно было, сказалъ разскащикъ.

— А для чего?

— А для того... Да дѣло было вотъ какъ: вся Астрахань за Стеньку Разина стала, всю онъ Астрахань прельстилъ. Астраханцы, кому что надо, шли къ Стенькѣ Разину; судиться ли, обижаетъ ли кто, милости ли какой просить — все къ Стенькѣ. Приходятъ астраханцы къ Разину. «Что надо?» спрашиваетъ Разинъ.—«Къ твоей милости».—«Хорошо, что надо?»—«Да мы пришли насчетъ комара: сдѣлай такую твою милость, закляни у насъ комара, отъ комара у насъ просто житья нѣтъ!» — «Не закляну у васъ комара, объявилъ Стенька: — закляну комара, у васъ рыбы не будетъ». Такъ и не заклялъ.

А хорошо бы сдѣлалъ Стенька Разинъ, ежели бы заклялъ комара: трудно себѣ представить, какими тучами они врываются въ комнату. Спать безъ полога, напримѣръ, въ Красномъ Яру, вещь немыслимая: нѣтъ ни одного бѣдняка, который спалъ бы безъ полога, дѣлаемаго изъ тастарины; стоитъ онъ не менѣе двухъ рублей, а хорошій не менѣе четырехъ. Тастарина—это рѣдкая бумажная матерія, приготовляется въ Ярославской и Костромской губерніяхъ, и употребляется на пологи и на накладку на вату, чтобы вата не проходила при стежкѣ на подкладку.

Мы пріѣхали на другую станцію и вышли; на первой станціи почти никто не выходилъ: всѣ были заняты разсказами и толками о Стенькѣ Разинѣ.

Я пошелъ на станцію; я уже говорилъ, что эти станціи—небольшіе деревянные домики; для пріѣзжающихъ одна очень уютная комната, которая для отдыха гораздо удобнѣе большихъ залъ николаевской желѣзной дороги. За прилавкомъ женщина, очень чисто одѣтая; на окнахъ цвѣты; на полу тутъ же играетъ ребенокъ, должно быть, сынъ буфетчицы... Все, думаю, хорошо: и чисто, и опрятно, и денегъ не брошено даромъ; все, что нужно—есть; о томъ, чтобы построить что-нибудь, что, не принося никакой пользы ни проѣзжающимъ, ни акціонерамъ желѣзной дороги, а только ревизорамъ

въ глаза бросается, объ такихъ вещахъ здѣсь не подумали... Европа!.. Какъ есть Европа!..

Зазвонилъ колокольчикъ, тоже поевропейски, мы сѣли въ вагонъ и двинулись. Разговоръ скоро завязался опять-таки о Стенькѣ Разинѣ.

— А вѣдь и теперь еще остались внуки, аль правнуки Стеньки Разина?

— А какъ же? На Дону и теперь много Разиныхъ, всѣ они пошли отъ Стеньки Разина.

— У Стеньки одинъ только сынъ и былъ! утвердительно объявилъ козакъ-зеленая-шуба.

— Онъ холостой былъ, возразилъ другой козакъ, вѣроятно, помнившій старину.

— Любовницъ было много.

— Можетъ, отъ любовницы и сынъ былъ, пояснилъ козакъ-зеленая-шуба.

— Отъ любовницы,—можетъ быть.

— А сынъ у него былъ, это вѣрно! говорилъ козакъ-зеленая-шуба: — про его сына еще и теперь разсказываютъ, да и на голосъ эту исторію положили, на голосъ она памятнѣй гораздо выходитъ.

— Какая же это исторія?

— А какъ сына своего Стенька Разинъ изъ астраханскаго острога выручилъ.

— Ты знаешь эту исторію?

— И на голосъ знаю.

— На голосъ здѣсь нельзя.

— Отчего нельзя?.. Можно!.. Только по шапкѣ дадутъ, съострилъ кто-то.

— Да ты словами разскажи.

— Словами можно. Какъ по городу по Астрахани проявился тамъ незнакомый человѣкъ, началъ разсказывать козакъ-зеленая-шуба:—онъ незнакомый, незнакомый, мало вѣдомый. Какъ по городу онъ, по Астрахани, баско, щебетко погуливаетъ, астраханскимъ онъ купцамъ не кланяется, господамъ-боярамъ челомъ не бьетъ, къ самому астраханскому воеводѣ на судъ нейдетъ!.. Какъ увидѣлъ добра молодца воевода изъ окна... Приказалъ своимъ адъютантамъ привести къ себѣ этого молодца, сталъ у него спрашивать: «Скажи, скажи, добрый молодецъ, какого ты роду имени? Княженецкій сынъ, боярскій, аль купеческій»? — «Я не княжецкій, не боярскій, не купеческій сынъ, говоритъ ему добрый молодецъ; — а сынъ я Степана Тимофеича, по прозванію Стеньки Разина».—«Посадить его въ острогъ!» крикнулъ воевода. А сынъ Разина все свое: «Приказалъ тебѣ батюшка кланяться, да приказалъ тебѣ сказать, что онъ, мой батюшка, Степанъ Тимофеичъ, къ тебѣ въ гости будетъ, да еще приказалъ тебѣ сказать, чтобы ты умѣлъ его угощать, умѣлъ подчивать».—«Взять его въ острогъ! закричалъ воевода: — держать его въ острогѣ, пока ему казнь выдумаю!»... А сынокъ Стеньки Разина все свое «Да приказалъ тебѣ еще мой батюшка, Степанъ Тимофеичъ, сказать: коли не сдѣлаешь, какъ онъ тебѣ приказываетъ, то онъ съ тебя, воевода, съ живаго шкуру сдеретъ!» — «Посадить въ острогъ!» крикнулъ воевода.

Отвели молодца въ острогъ, а тотъ и тамъ не робѣетъ: «Здравствуйте, говоритъ, господа колодонички! не пора ли вамъ на волюшку?» — «Какъ не пора, на то ему колодонички:—да какъ отсюда выдерешься? двери, рѣшотки желѣзныя, караулы крѣпкіе!» А Стенькинъ сынокъ: «Посмотримъ, говоритъ, господа колодонички, въ окошечко: снаряженъ стружекъ, что стрѣла летитъ; на стружкѣ мой батюшка погуливаетъ, къ астраханскому губернатору въ гости спѣшитъ». Какъ пріѣхалъ Стенька въ Астрахань, съ воеводы шкуру содралъ; пошелъ въ острогъ, сына выручилъ, всѣхъ колодниковъ выпустилъ, а послѣ весь городъ Астрахань разграбилъ: «Вы, шельмецы этакіе, не умѣли моего единороднаго сына выручить, такъ вотъ я васъ выучу»... Ну и выучилъ: колодники, что Стенька изъ острога выпустилъ, да козаки, что со Стенькой пришли, такъ пошарили!.. Три дня грабили!.. Кабаки, трактиры разбили, не столько пьютъ, сколько на земь льютъ!.. И чего-чего они тутъ ни подѣлали! знамо, колодники—отпѣтый народъ!..

— Ну, а козаки?

— Ну, и козаки хороши были!.. Пошли съ еретикомъ, какого добра ждать!..

— И козаки вмѣстѣ съ колодниками? спросилъ козака верховой мужикъ съ насмѣшкой.

— А что-жь, другъ, и козаки всякіе бываютъ: бываютъ и добрые козаки, бываютъ и лядащіе!.. всякіе бываютъ... А тѣ, что пошли съ Стенькой, народъ грабили, молодыхъ бабъ, дѣвокъ обижали, въ церквахъ съ иконъ оклады обдирали, изъ сосудовъ церковныхъ водку пили, святыми просвирами закусывали!

— Экое дѣло!

— Богъ попускалъ.

— Грѣховъ, знать, много было.

— Знать, много было!

— На́ голосъ это еще складнѣе выходитъ, замѣтилъ разсказчикъ.

— И Стенька долго грабилъ?

— Долго.

— Что же, его поймали?

— Поймать-то поймали; сколько разъ ловили, а онъ все-таки вырвется, да вырвется на волю, да и опять за свое, за тѣ же промысла примется!..

— Опять грабить?

— Опять грабить!.. Молодцы его уже знали, что Стенькѣ Разину недолго сидѣть въ острогѣ, такъ ужь и дожидаются; а Стенька выйдетъ изъ острога, возьметъ какую дѣвку съ собой за полюбовницу, да на свой стругъ и пошелъ опять на матушку Волгу съ своими ребятами рыбу ловить!..

— Небось, на какую дѣвку кинетъ глазомъ, та и его?

— Знамо!

— Что ни есть красавицъ выбиралъ?

— Роду не спрашивалъ!

— Какого тамъ роду спрашивать?!.. какая ему показалась—ту и тащатъ къ нему!.. побалуется-побалуется, да и броситъ ее... Другую возьметъ!.

— И безъ обиды пуститъ?

— Наградитъ!

— А какъ случится: какую наградитъ, а какую сразитъ до смерти... какъ ему вздумается.

— Сразитъ до смерти?.

— Да вотъ разъ какъ случилось, заговорилъ козакъ зеленая-шуба:—захватилъ Стенька Разинъ себѣ полюбовницей дочку самого султана персидскаго...

— Самого персидскаго султана?!..

— Самого султана персидскаго, продолжалъ козакъ-зеленая шуба:—ему, Стенькѣ, все равно было: султанская ли дочка, простая ли козачка,—спуску не было никому; онъ на это былъ небрезгливъ...

— Бей, значитъ, сороку и ворону,—нападешь и на яснаго сокола! ввернулъ слово козакъ.

— Что́-жь Разинъ съ султанкой этой? спросилъ жадно слушавшій верховой мужикъ.

— Ну, съ султанкой не совсѣмъ ладно вышло... облюбилъ эту султанскую дочку Разинъ, да такъ облюбилъ!.. Сталъ ее наряжать, холить... самъ отъ нее шагу прочь не отступитъ: такъ съ нею и сидитъ!.. Козаки, съ перваго начала одинъ по одномъ, а послѣ и кругъ собрали, стали толковать: что́ такое съ атаманомъ случилось, пить не пьетъ, самъ въ кругъ нейдетъ, все съ своей полюбовницей-султанкой возится!.. Кликнуть атамана!.. Кликнули атамана. Сталъ атаманъ въ кругу, снялъ шапку, на всѣ четыре стороны, какъ законъ велитъ, поклонился, да и спрашиваетъ: «Что́ вамъ надо, атаманы?» — «А вотъ что намъ надо: хочешь намъ атаманомъ быть, — съ нами живи; съ султанкой хочешь сидѣть—съ султанкой сиди!.. А мы себѣ атамана выберемъ настоящаго... Атаману подъ юбкой у дѣвки сидѣть не приходится!»—«Стойте атаманы! сказалъ Стенька: постойте маленько!..» Да и вышелъ самъ изъ круга. Мало погодя, идетъ Стенька Разинъ опять въ кругъ, за правую ручку ведетъ султанку свою, да всю изнаряженную, всю разукрашенную, въ жемчугахъ вся и золотѣ, а собой-то раскрасавица!.. «Хороша моя раскрасавица?» спросилъ Разинъ. «Хороша-то хороша», на то ему отвѣчали козаки. — «Ну, теперь ты слушай, Волга-матушка!.. говоритъ Разинъ:—много я тебя дарилъ-жаловалъ; хлѣбомъ-солью, златомъ-серебромъ, каменьями самоцвѣтными; а теперь отъ души рву, да тебѣ дарю!..» Схватилъ свою султанку поперекъ, да и бултыхъ ее въ Волгу!.. А на султанкѣ было понавѣшано и злата, и серебра, и каменья разнаго самоцвѣтнаго, такъ она какъ ключъ ко дну и пошла!.. — «Хорошо, козаки-атаманы?» спросилъ Разинъ, а тѣ... архирея сразили... самъ знаешь, какой народъ есть... — «Давно пора тебѣ, говорятъ, атаманъ, это дѣло покончить».

Мы пріѣхали на послѣднюю станцію волжско-донской желѣзной дороги.

— Теперь, почитай, и въ Царицынъ пріѣхали, проговорилъ одинъ бывалый здѣсь человѣкъ.

— Теперь пріѣхали, подтвердилъ другой, бывалый: — всего двѣнадцать верстъ осталось.

— Ты не хвались, прежде Богу помолись, благоразумно замѣтилъ третій.

— Богу всегда молиться надо, отвѣтилъ на это замѣчаніе первый: — да осталось всего двѣнадцать верстъ; тутъ пѣшкомъ добѣжать до Царицына— и то добѣжишь!

— Это, какъ Богъ дастъ!...

Къ намъ вошли въ вагонъ нѣсколько женщинъ, которыя, какъ сейчасъ же я замѣтилъ, были козачки: онѣ проходили зачѣмъ-то, которыя на станцію, которыя въ окольныя мѣста.

— Здравстуйте, Григорьичъ, заговорила одна, обращаясь къ козаку-зеленой-шубѣ: — какъ же такъ: мимо ѣдете, а къ намъ и не заглянете!...

— Здравствуйте, Арина Петровна!... Какъ васъ Богъ милуетъ? отвѣчалъ козакъ.

— Слава-Богу! слава-Богу, Данила Григорьичъ!... И не грѣхъ вамъ не завернуть къ намъ? Вѣдь и всего-то крюку версты двѣ, да и того не будетъ!...

— Эхъ, Арина Петровна!... Желѣзную дорогу не то на двѣ версты, на два аршина не подвинешь; а и будь, у самаго носу проѣдешь, а машину не остановятъ для тебя!...

— Здравствуйте, Данило Григорьичъ! залепетала другая козачка: — здравствуйте!...

— Здравствуйте, Степаннда Ильинишна, здравствуйте! добродушно отвѣчалъ козакъ.

— Роденьку нашли, Григорьичъ?

— Слава-Богу! привелъ Господь встрѣтиться вотъ здѣсь, съ Ариной Петровной.

— Ну, славу-Богу!...

— А Арина Петровна развѣ съ родни придется тебѣ, Данило Григорьичъ?

— Какъ же...

— А какъ же! перебила Степанида Ильинишна: — бабушка Григорьича изъ Дубовки, а двоюродная тётушка Петровны изъ Калачинской станицы... у дядюшки Григорьича... у тётушки Петровны... И пошла, и пошла, и пошла Степанида выводить всю родню и Григорьича и Петровны: по ее вышло, что они точно родственники, въ чемъ они и прежде не сомнѣвались; ну, а тамъ, на вредномъ для меня сѣверѣ, пожалуй, сказали бы, что Григорьичъ родня Петровнѣ потому только, что дѣдушка Петровны, да бабушка Григорьича, на одномъ солнышкѣ онучки сушили... Все родичи!...

— Чтó такъ долго стоимъ? спросилъ козакъ, вѣроятно, уже ѣздившій прежде здѣсь и знавшій обычаи желѣзныхъ дорогъ, у стоявшаго около вагона козака.

— Да что, Потапычъ! отвѣчалъ тотъ, ухмыляясь: — приходится намъ пропадать!... Насъ отъ машины отцѣпили, машина свиснула, мы и остались здѣсь одни!...

— Машина на разводы вагоны повезла, замѣтилъ другой: — тѣ здѣсь оставить надо.

— Машина не скоро придетъ, утверждалъ смѣясь козакъ: — насъ здѣсь совсѣмъ бросятъ.

— Сейчасъ придетъ!

О, несчастный козакъ! онъ, я думаю, читалъ новѣйшія географіи, въ которыхъ объясняютъ, что вся Средняя Азія лежитъ въ Европѣ, и, по простотѣ своей, повѣрилъ этимъ ученымъ составителямъ пространныхъ и краткихъ географій.

— Что́ локомотивъ долго нейдетъ? спросилъ помощникъ начальника волжско-донской желѣзной дороги, сидѣвшій въ первоклассномъ отдѣленіи нашего вагона.

— Не могу знать! отвѣчалъ кондукторъ, котораго спрашивалъ начальникъ.

— Узнать!

— Что-нибудь да сдѣлалось съ машиной, заговорили въ нашемъ отдѣленіи.

— Что нибудь плохое!...

— Не было бъ бѣды!

— Машина съ рельсовъ сошла, донесъ начальнику запыхавшійся кондукторъ.

— Что́?

— Рельсы разъѣхались!

— Какъ?

— Рельсы раздвинулись, машина и сѣла, пояснялъ прибѣжавшій кондукторъ.

Вы видали, вѣроятно, какъ маленькихъ дѣтей сажаютъ верхомъ на колѣни и качаютъ; дѣти воображаютъ, что они верхомъ ѣдутъ, качающій ребенка приговариваетъ: «Ѣхалъ-ѣхалъ мужикъ!... Ѣхалъ-ѣхалъ мужикъ!... ѣхалъ... да и провалился!» Съ послѣдними словами качающій раздвигаетъ ноги, и ребенокъ проваливается дѣйствительно. Желѣзная дорога съ нами сдѣлала то же самое: мы ѣхали-ѣхали!... Ѣхали-ѣхали... Рельсы раздвинулись, мы и провалились!...

Вы не удивляйтесь этому случаю... да это и не случай—это обычай: въ Калачъ ѣхалъ помощникъ начальника дороги, съ нимъ то же случилось... Или ужь его счастье такое плохое, что, какъ онъ ни поѣдетъ, непремѣнно съ нимъ что-нибудь да случится?!...

— Дали по телеграфу знать въ Царицынъ, что здѣсь остановка, сказалъ намъ кондукторъ.

— Для чего?

— А чтобъ тамъ, въ Царицынѣ, знали, что остановка, чтобъ еще поѣзда не пускали.

— Долго мы здѣсь простоимъ? спросили козаки стоявшаго у нашего вагона кондуктора.

— Сейчасъ справятъ!

Всѣ пошли смотрѣть, какъ машина сѣла, какъ ее подымать будутъ: я остался въ вагонѣ.

— Сколько народу сбили къ машинѣ! объявляли пришедшіе отъ машины

оставшимся въ вагонѣ.—Сколько народу сбили, и, батюшки мои!..

— Просто страсть!

— А все толку нѣтъ!

— Нѣтъ толку?

— Ни рожна не подѣлаютъ!

— Отчего жь такъ?

— Да ты взгляни на машину-то! Вѣдь въ машинѣ этой пудовъ тысяча будетъ...

— Больше будетъ...

— Взять-то не сподручно...

— Ничего не подѣлаешь...

Толпа народу безпрерывно мѣнялась: одни уходили посмотрѣть на машину, другіе—возвращались съ новыми соображеніями и съ новыми извѣстіями.

— Самъ начальникъ на машину пришелъ, говорилъ одинъ возвратившійся.

— Еще народу пригнали.

— Слава Богу!...

— Чего Слава-Богу?...

— Скорѣй машину поднимутъ, скорѣй опять поѣдемъ, скорѣй въ Царицынѣ будемъ.

— Скоро будемъ!...

— А что́?

— Машину не поднимешь народомъ: сколько хочешь сгоняй, руками не поднимешь.

— Какъ же быть!!

— Какъ быть?—ждать!...

— Придется ждать...

— Чего же ждать будемъ, мой родной? спрашивала пожилая козачка-пассажирка.

— Какъ-нибудь поднимутъ машину, утѣшали козачку:—не вѣкъ же здѣсь ей стоять.

— Сейчасъ дали знать по телеграфу въ Царицынъ и Калачъ: пріѣхали бъ на подмогу.

Ждемъ часъ, ждемъ другой, третій: ни изъ Царицына, ни изъ Калача машинъ нѣтъ.

— Скоро машина изъ Царицына пріѣдетъ? спрашиваютъ пассажиры у кондуктора.

— Скоро.

Идетъ другой кондукторъ.

— Скоро изъ Царицына машина?

— Не скоро.

— Что́ такъ?

— Изъ Царицына поѣхала машина съ инструментами, да паровъ не хватило, назадъ вернулись.

— Такъ долго еще?

— Долго: пока пары разведутъ, пока то, пока другое; времени-то много уйдетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, намъ пришлось-таки пождать: мы должны были пріѣхать въ четыре часа, но за подниманіемъ машины руками, за возвращеніемъ поѣзда съ инструментами, за недостаткомъ паровъ, мы едва-едва поспѣли въ Царицынъ къ одинадцатому часу. Простой народъ-пассажиры были крайне недовольны скрытностію прислуги.

— Сказали бы, что столько прождемъ, говоритъ одинъ:—глядишь, кто и пѣшкомъ бы ушелъ.

— Всего двѣнадцать верстъ.

— Пѣшкомъ давно бъ тамъ, въ Царицынѣ, быть, шумѣли третьеклассные пассажиры.

— Какъ не быть!

Какъ всему бываетъ конецъ, то и нашему ожиданію пришелъ конецъ: привезли инструменты, подняли машину; насъ перегнали ночью (было очень темно) на прибывшій поѣздъ, стоявшій отъ нашего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ, и мы поѣхали.

— Для чего насъ перегнали въ другой вагонъ? спрашивали любопытные кондукторовъ.

— Надо было! отвѣчалъ кондукторъ:—такъ машина стала, что ни въ задъ ни впередъ проѣзда не было, ни въ Царицынъ, ни въ Калачъ: стой на одномъ мѣстѣ.

Наконецъ мы двинулись; разговоръ, разумѣется, начался о желѣзной дорогѣ.

— Не случилось бы еще чего? спрашивала женщина-козачка, сильно оробѣвшая.

— Спаси Господи!...

— Долго ли до бѣды!.

— На этой дорогѣ и до бѣды недолго, заговорилъ, какъ видно, бывалый козакъ:—а на другихъ прочихъ, о бѣдахъ, почитай, и не слышно!... Вотъ возьми чугунку изъ Москвы въ Питеръ: тамъ и разговоровъ такихъ нѣтъ.

— А вы ѣзжали тамъ?

— Сколько разъ.

— Ну, а здѣсь дѣло другое, сказалъ козакъ-зеленая-шуба:—здѣсь, что ни поѣздъ, то бѣда.

— Срамъ сказать! продолжалъ бывалый:—начальникъ самъ только осмотрѣлъ дорогу, а черезъ пять минутъ—машина сѣла!... Чего жь смотрѣть онъ ѣздилъ?

— А то какая бѣда разъ случилась, разсказывалъ козакъ:—изъ Царицына до этой станціи двѣнадцать верстъ все въ гору, все въ гору. Взъѣхалъ поѣздъ, почитай, на самую гору, вагоны-то и оторвись отъ машины... Машина побѣжала впередъ, а вагоны было-остановились, а тамъ и стали подъ горку назадъ двигаться... Кондукторамъ, чтобъ затормозить, а они съ вагоновъ-то пососкакивали... Вагоны чѣмъ дальше, тѣмъ шибче, чѣмъ дальше,

тѣмъ шибче!... Да такъ разбѣжались за двѣнадцать-то верстъ, что твоя пуля летитъ!... Вѣдь на каждомъ вагонѣ клади больше пятисотъ пудовъ, да въ самомъ-то вагонѣ сколько!... Разбѣжался подъ гору—сила!... Какъ прилетѣлъ поѣздъ назадъ на станцію, какъ наскочилъ на вагоны, что стояли на станціи... и Господи, Боже мой!... Вагоны-то были нагружены брусьями, какъ пошли тѣ брусья щелкать по народу!... Сколько народу перепятнало—просто страсти Господни!...

— Перепятнало?...

— Да такъ перепятнало, что иныхъ и до смерти сразило, добавилъ разказчикъ.

— Извѣстное дѣло, проговорилъ кто-то: — брусомъ хватитъ, гдѣ тутъ живому быть!

— Брусья-то какъ поразщипало! продолжалъ разсказчикъ:—вотъ какъ зажигательныя спички!... Тутъ трескотни было!... Да еще спасибо что переводы были сдѣланы не на станцію, а такъ на разводъ: а то еще больше надѣлало бы бѣдъ!...

— Эка бѣда случилась!...

— Послѣ разборка пошла...

— Какая разборка?...

— А такая разборка: кого прямо на погостъ понесли, а кого черезъ больницу...

— И все-таки на погостъ?

— Все-таки на погостъ...

— Какъ, всѣхъ?

— Нѣтъ, какой и выздоровѣлъ... нельзя же безъ того!... Только самая малость.

— Тѣмъ и кончилось?

— Нѣтъ, послѣ пошла другая разборка: родственникамъ стали деньги выдавать за убитыхъ; а кого поранило, тѣмъ на вылечку, да и такъ на подмогу выдавали.

— Тоже въ больницу клали?

— И въ больницу клали, а все-таки денегъ давали; нельзя не дать.

— Какъ можно не дать?!... до той бѣды человѣкомъ былъ, а тутъ калѣкой сталъ.

— Тѣхъ денегъ и не заработаешь.

— Тѣхъ денегъ!... Не токма́ тѣхъ денегъ; душу свою не прокормишь!...

— Да, и не прокормишь...

— Тутъ-то, братцы мои, смѣху было! заговорилъ одинъ изъ чернорабочихъ при чугункѣ и пристани.—Тутъ было смѣху!.. разсказчикъ отъ одного воспоминанія и теперь расхохотался...—Приходитъ бабенка, продолжалъ онъ:—молоденькая бабенка. Тамъ посмотрѣли въ книгѣ.—«Тебѣ говоритъ, слѣдуетъ сто рублей,—получай!»—А баба-то: «Да развѣ я мужа куплю за сто рублей?»—«Ты бабенка красивая, говорятъ ей: поторгуйся и дешевле добудешь!»—Мы всѣ такъ и покатились со смѣху!... Мы смѣемся, а баба кри-

читъ!... Насъ еще больше смѣхъ разбираетъ, а баба больше кричать!... Насилу выпихнули ее за дверь!... сунули ей сто рублей да и выпихнули за дверь... Послѣ еще долго смѣялись: какъ кто скажетъ: «куплю за сто рублей мужа»—всѣ такъ животики и надорвутъ со смѣху!...

— Изъ какихъ вы? спросилъ я разсказчика.

— Былъ-съ барскій, а теперь сталъ царскій! бойко и нахально отвѣчалъ тотъ.

— При какой должности состояли?

— Я былъ дворовый человѣкъ.

— При какой же должности?

— При конюшнѣ конюхомъ... Куплю себѣ мужа за сто рублей! закончилъ онъ, и самъ себя наградилъ за свой разсказъ громкимъ и продолжительнымъ смѣхомъ.

Считаю нужнымъ прибавить, что изъ всѣхъ слушателей никто не раздѣлялъ смѣха двороваго человѣка, состоявшаго при конюшнѣ конюхомъ.

Въ Царицынъ мы пріѣхали, какъ уже я прежде говорилъ, вмѣсто четырехъ часовъ—въ одинадцатомъ. Мы отправились на почтовую станцію, ночь была очень темная и я на этотъ разъ не видалъ города.

Изъ Царицына до Астрахани сухимъ путемъ, говорятъ, дорога убійственная, а мнѣ приходилось ѣхать этой дорогой, но здѣсь меня счастье выручило: въ Царицынѣ встрѣтился со мной господинъ, который устроилъ такъ, что я могъ ѣхать на пароходѣ, и это тѣмъ труднѣе было, что съ верху не приходило еще ни одного парохода, а тотъ, который намъ попался, былъ «Волга»—товарно-пассажирскій, пріѣхавшій изъ Астрахани, и возвращавшійся назадъ. Мнѣ хотѣлось этому господину прислать, на память нашей встрѣчи, книжку, и я просилъ его вписать въ мою записную книжку свой адресъ; книжки записной у меня теперь нѣтъ, кому послать—не знаю: безъ вины передъ нимъ виноватъ!

Въ Царицынѣ, не выходя со станціи, я пробылъ сутки: дожидались отхода парохода, на что одинъ изъ моихъ спутниковъ сильно негодовалъ. Какъ ни былъ онъ бережливъ, а не ѣвши, какъ говорятъ, и попъ умретъ, то и ему надо было что-нибудь для обѣда купить; онъ отправился на базаръ, а мы съ его товарищемъ сѣли пить чай; къ намъ подсѣлъ станціонный староста, и мы за чаемъ разговорились о здѣшней желѣзной дорогѣ.

— Эта дорога—такая несчастная, говорилъ староста:—рѣдко хорошо проѣдетъ.

— Отчего же такъ?

— Да вотъ до первой станціи отъ Царицына къ Калачу мѣсто жидкое.

— Укрѣпить надо! замѣтилъ мой спутникъ, прихлебывая съ блюдечка свой чай.

— Какъ укрѣпить?

— На то мастера есть!

— Ничего и мастера не подѣлаютъ; вотъ вы ѣхали съ самимъ помощникомъ начальника; тоже офицеръ по дорожной части: въ Калачъ ѣхалъ—

провалился, изъ Калача въ Царицынъ поѣхалъ—тоже сѣлъ! Никакъ нельзя мѣста укрѣпить!

— Смотрите, какую штуку купилъ! едва бормоталъ спутникъ, вернувшійся съ базара; онъ не могъ слова сказать, не столько отъ скорой ходьбы, сколько отъ радости.

— Какую?

— Смотрите!

Съ этими словами онъ торжественно развернулъ мокрое полотенце и показалъ намъ рыбу.

— Смотрите!

— Что́ заплатилъ? спросилъ его товарищъ.

— Пять копѣекъ, торжественно и какъ-то побѣдоносно отвѣчалъ онъ своему товарищу.

— Кажется, недорого, отвѣчалъ тотъ.

— Какая это рыба? спросилъ станціоннаго старосту спутникъ-покупатель, показывая рыбу.

— Вобла.

— Дешево купилъ?

— На пять копѣекъ, пожалуй, пятокъ купилъ бы другой! отвѣчалъ староста.

— Какъ?.. пятокъ?!.

— Да ты пойми. За пять копѣекъ люди покупаютъ пять воблъ сушеныхъ, совсѣхъ готовыхъ; а эта, что она стоитъ?!. Да ты подойди къ берегу: сколько хочешь, столько и бери! Вотъ что твоя рыба стоитъ!.. А то заплатилъ пять копѣекъ!.. Обманули.

— Что ты?

— Вѣрное слово...

— Чортъ съ нею и совсѣмъ! забормоталъ покупатель: — чортъ съ ней съ проклятою.

— Съ рыбой? спросилъ я.

— Нѣтъ! съ торговкой!...

— То-то.

— Какъ она, проклятая, запросила пять копѣекъ, я и думаю: не ошиблась-ли торговка... сейчасъ за рыбу, досталъ пять копѣекъ, сунулъ ей въ руку, а самъ бѣжать... Думаю—вернетъ!

— Маху, братъ, далъ!...

— Эка бѣда случилась! горевалъ покупатель.

— Пять копѣекъ, еще небольшая бѣда, утѣшалъ его, подсмѣиваясь, его товарищъ.

— Какъ пять копѣекъ не бѣда! съ отчаяніемъ проговорилъ купившій рыбу.

— Эту рыбу—воблу, наши бабы и варить-то не станутъ, объявилъ станціонный староста.

— Какъ не станутъ?

— Да какъ же? Ее варятъ, что-ль?

— Хоть и сварить...

— Ее у насъ не варятъ!

— Что же дѣлаютъ?

— Сушатъ.

— Да вѣдь ее нескоро высушишь?!..

— Извѣстно, не ныньче — завтра высушишь! прибавилъ староста: — на солнцѣ скоро ли высушишь!

— Въ самомъ дѣлѣ, воблу не варятъ, а только сушатъ? спросилъ я станціоннаго старосту.

— Правда, и сушили мало, отвѣчалъ тотъ: — на одинъ только жиръ и шла; только для жиру воблу, да бѣшенку и ловили. А теперь и вобла и бѣшенка въ честь вошли!

— Какъ въ честь вошли?

— А такъ: воблу теперь сушатъ, отвѣчалъ староста: — и бѣшенка теперь не бѣшенка стала!

— Какъ не бѣшенка?

— Астраханская сельдь прозывается.

— Отчего же это?

— Чистяковой рыбы и здѣсь стало мало, а на Дону, говорятъ, и совсѣмъ перевелась!

— Такъ нельзя сварить эту рыбу? жалобно спрашивалъ купившій старосту.

— Нельзя.

— Сдѣлай такую милость!..

— Бабы не станутъ варить...

Однако, при моемъ посредничествѣ, дѣло было улажено и вобла была сварена.

— Вотъ вамъ и уха! сказалъ староста, ставя на столъ большую чашку съ вареной воблой.

— Спасибо, хозяинъ!

Староста принесъ двѣ ложки, мои спутники отрѣзали купленнаго на базарѣ хлѣба.

— Чѣмъ не уха?! сказалъ одинъ изъ нихъ, хлебнувъ ложку ухи: — это развѣ плоха уха?

— Ничего, отвѣчалъ ему его товарищъ: — ничего, эту уху еще ѣсть можно всякому.

— Это не уха! говорилъ первый спутникъ, жадно хлебая уху.

— Уха ничего... Право, ничего!.. Отвѣдайте, Павелъ Иванычъ, предложилъ мнѣ товарищъ.

Я попробовалъ: уха, въ самомъ дѣлѣ, *ничего*; изъ плотвы уха не лучше, а въ безрыбныхъ мѣстахъ и плотва въ чести... Да и то сказать: на безрыбьи и ракъ рыба; на безлюдьи и Ѳома дворянинъ. Здѣсь, при изобиліи рыбы, вобла—не рыба.

— Наши не ѣдятъ ни воблы, ни бѣшенки, ни сомовины, сказалъ стан-

ціонный староста:—а вотъ хохлы пріѣзжаютъ; вотъ изъ Воронежской губерніи, тѣ до смерти объѣдаются!

— Какъ, до смерти?

— Да вотъ пріѣхали въ прошломъ году хохлы изъ Воронежской губерніи; пріѣхали они за рыбой; пошли на базаръ, увидѣли сома,—торговаться!.. А у насъ сомъ аршина полтора — пятнадцать копѣекъ... Купили: принесли домой, сварили, и принялись за своего сома—такъ всего и убрали!.. А ихъ было всего трое, что-ль, четверо ли человѣкъ!.. Такъ что-жь ты думаешь?.. Ни одного въ живыхъ не осталось — всѣ передохли!.. объѣлись, значитъ, сомовиной.

— Всѣ умерли?

— Какъ есть, всѣ.

— Посылали за лекаремъ?

— Какъ-же, посылали.

— Что-жь лекарь?

— А что?.. посмотрѣлъ лекарь на хохловъ, посмотрѣлъ: при немъ хохлы и умерли.

Намъ было объявлено, что нашъ пароходъ «Волга» отправится рано поутру, а потому мы перебрались на него еще засвѣтло.

Про Царицынъ городъ я могу сказать очень мало, потому, что разъ пройдя по городу, нельзя сказать много.

Объ Царицынѣ я слыхалъ много и сидя на школьной скамьѣ, и послѣ, шляясь между народомъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что Царицынъ торговый городъ, что въ немъ одна изъ значительныхъ на Волгѣ пристаней, и что это одинъ изъ красивыхъ уѣздныхъ городовъ. О торговлѣ города и значительности его жителей я ничего не могу сказать; вѣроятно, онѣ значительны, а волжско-донская чугунка надолго упрочила значеніе Царицына, которое сильно было пошатнулось конно-желѣзной дорогой, которая шла не на Царицынъ, а на Дубовку. Отъ наружнаго вида Царицына я ждалъ больше, чѣмъ нашелъ; его сравнивать нельзя не только съ Ельцомъ, но и Бѣлгородъ, Мценскъ, Болховъ, по постройкѣ, далеко выше стоятъ его. Царицынъ своей постройкой подходитъ подъ какой-нибудь Трубчевскъ. Теперь, вѣроятно, Царицынъ очень поправится: желѣзная дорога платитъ за мѣсто, занимаемое станціей, 3,000 руб. сер. и за каждое судно, кажется, по 50 коп. Но вѣрно, что городъ выстроится не на старомъ мѣстѣ, а ближе къ станціи, которая отстоитъ отъ теперешняго города слишкомъ за полверсты, когда не больше.

На пароходѣ, благодаря хлопотамъ господина, которому я обѣщалъ книжку, намъ досталась отдѣльная каюта: машинистъ намъ троимъ уступилъ свою, и мы помѣстились самымъ лучшимъ образомъ: могли быть одни, могли ходить и въ общую каюту и на палубу. Должно замѣтить, что на пароходѣ «Волга» особыхъ каютъ нѣтъ для пассажировъ, а только одна общая.

Устроившись въ своей каютѣ, мы вышли на палубу, гдѣ еще никого не было.

— Вы видѣли капитана парохода? спросилъ я своего спутника, выйдя на палубу.

— Нѣтъ... не видалъ!...

— Какъ же вы билеты взяли?

— И билетовъ не бралъ...

— Кому-жъ вы деньги отдали?

— И денегъ никому не отдавалъ! какъ-то ужь очень зло отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Какъ такъ?

— А такъ!..

Мы замолчали.

— Развѣ здѣсь настоящій капитанъ? съ горечью заговорилъ мой спутникъ.

— А какой-же?

— Простой мужикъ!..

— Такъ-что-жъ?

— Простой мужикъ, я вамъ говорю!.. Такъ, по-мужицки, въ кафтанѣ и ходитъ.

— А все капитанъ!..

— Да я знать не хочу, что онъ капитанъ! закричалъ мой спутникъ: — знать не хочу!.. простой мужикъ!.. А тоже... капитанъ парохода!.. Знать не хочу!..

— Ежели будете себя вести прилично, то, я думаю, вамъ и не надо знать, кто капитанъ.

— А не прилично?

— Тогда узнаете.

— Какъ узнаю?

— Капитанъ васъ накажетъ.

— Какъ?!.. меня накажетъ?!..

— Васъ.

— Какъ же онъ меня накажетъ? спросилъ, гордо на меня посмотря, мой спутникъ.

— Онъ можетъ васъ связать...

— Меня?

— Васъ или другаго, кто будетъ виноватъ, продолжалъ я:—можетъ за бортъ бросить.

— Какъ?..

— Можетъ связать и бросить, отвѣчалъ я: — а можетъ и не связывая выбросить за бортъ.

— И ему ничего?

— Ничего.

— Такъ человѣкъ и пропадетъ? насмѣшливо спросилъ меня собесѣдникъ.

— Нѣтъ, не пропадетъ: капитанъ, пріѣхавши на берегъ, долженъ будетъ объ этомъ объявить начальству.

— Что́-жь онъ объявитъ?

— Какъ, за что и кого наказалъ онъ, капитанъ парохода, отвѣчалъ я, едва удерживаясь отъ хохота: до того комиченъ былъ мой собесѣдникъ.

— И только?

— И только.

Мой собесѣдникъ только руками развелъ, и молча отошелъ отъ меня...

Стали собираться пассажиры, палубные оставались на баржѣ, да и каютные, осмотрѣвъ мѣсто, переходили тоже на баржу, а вслѣдъ за ними и я пошелъ. Палуба баржи выше пароходной, и баржа стала ближе къ берегу, а потому заслоняла его бывшимъ на пароходѣ; видъ на Волгу оставался тотъ же, что и на пароходѣ.

— Родименькій, ныньче поѣдемъ? прошамкалъ старушечій голосъ.

Я оглянулся: передо мною стояла старуха вся въ лохмотьяхъ; одного ребенка она держала за руку, другаго на рукахъ; какого пола были эти дѣти — по платью рѣшить было невозможно; на нихъ были намотаны какія-то тряпки, изъ которыхъ выглядывали локти, колѣнки... Сколько лѣтъ этой женщинѣ было — я не могу сказать, а думаю, судя по ея дѣтямъ, съ небольшимъ тридцать, но на видъ было ей далеко за пятьдесятъ.

— Нѣтъ, матушка, завтра.

— Хоть бы поскорѣе, Богъ далъ! зашамкала опять молодая старуха.

— Ты куда ѣдешь? спросилъ я.

— Въ Астрахань, родименькій.

— Откуда?

— Изъ Сибири, родимый.

— Издалека, матушка...

— Мы были сосланы въ эту Сибирь, а теперь, по царской милости, возворотъ намъ пришелъ... и мы семьей думали, думали: и вернуться, и нѣтъ... вернуться — дорога дальняя, какъ съ малыми ребятишками дотащишься?. А какъ подумаешь, что хоть косточки съ родителями рядышкомъ лягутъ!.. Думали, думали... ну, и вздумали: тамъ что̀ Богъ дастъ, а идти на старое мѣсто. Вотъ и пошли, авось теперь скоро на мѣстѣ будемъ.

— Все пѣшкомъ шли?

— Все, родненькій, пѣшкомъ.

— Теперь на баржѣ поѣдете: ѣхать по водѣ все легче, чѣмъ пѣшкомъ идти.

— И, родненькій! усмѣхаясь, сказала женщина: — идешь, идешь... и не знаешь, какъ ноги двигаются!.. Не ты ногами ворочаешь, а будто ужь такъ, какъ жернова ходятъ...

— Теперь, Богъ дастъ, скоро на мѣстѣ будете, сказалъ я ей въ утѣшеніе.

— Вотъ что̀ я тебѣ, родненькій, скажу, заговорила женщина, обрадованная, что можетъ высказать свои мысли, надъ которыми, какъ она видѣла, не глумились. Вотъ что̀ я тебѣ, родненькій, скажу: какъ вышли изъ Сибири, съ тамошняго мѣста, мы думали и не дойдемъ никогда; а тамъ попривыкли: пройдемъ двадцать верстъ—хорошо; пройдемъ пять—для насъ все равно... Простоимъ день,—и то ничего!.. А какъ стали къ мѣсту близиться—

не то пошло!.. Теперь хоть каждый аршинъ земли... какой аршинъ!.. Вершокъ, и тотъ въ счетъ идетъ!.. Все хочется поскорѣй, все хочется поскорѣй!.. Богъ знаетъ, что бы далъ, только теперь не стоять!..

— Богъ дастъ, теперь доберетесь скоро до своего мѣста, утѣшалъ я женщину.

— Да сердце-то ноетъ!.. сердце-то ноетъ!.. Такъ ноетъ, что и сказать нельзя!..

Сталъ накрапывать дождь, всѣ каютные пошли въ общую каюту, а вслѣдъ за другими и я съ своими попутчиками въ свою. Намъ подали самоваръ и мы стали пить чай. Погода разыгрывалась: и дождь и вѣтеръ. Вспомнилъ я про сибирское семейство.

— Плохо теперь на палубѣ, сказалъ я, окончивъ свое чаепитіе.

— Разумѣется, плохо! проговорилъ одинъ изъ попутчиковъ, который во всю нашу дорогу ни разу ни надъ кѣмъ не командовалъ.

— Тамъ простые мужики! рѣшилъ другой попутчикъ:—они привыкли!

— Кажись, и ты не изъ большихъ господъ! замѣтилъ ему его товарищъ.

— Надо взять въ каюту одного ребенка, сказалъ я проводникамъ своимъ.

— Это зачѣмъ?

— Дождь идетъ, тамъ холодно... Вѣтеръ сильный, отвѣчалъ я спросившему попутчику.

— Куда же мы его дѣнемъ?

— Я положу съ собой на одну постель: постель довольно широка.

Мой попутчикъ отъ удивленія ротъ разинулъ: просто опалѣлъ!..

— Какъ на одну постель?

— Что-жь мудренаго?

— Такъ лучше я съ вами лягу на одну постель! рѣшилъ попутчикъ.

— Это зачѣмъ? спросилъ я, въ свою очередь озадаченный этимъ предложеніемъ.

— На постели лучше!

— На постели... вдвоемъ?

— Все лучше!

— Да вѣдь на лавкѣ вамъ постлали постель: одному покойнѣй, чѣмъ вдвоемъ.

— Все настоящая постель!

— И у васъ вѣдь настоящая постель!

— А мужичонка хотѣли положить съ собой на одну постель?!.. проговорилъ мой попутчикъ, зло посмотрѣвъ на меня.

— Мужичонку холодно, у мужичонка нѣтъ постели; а вамъ и тепло и постель есть, и я не вижу никакой надобности намъ ложиться съ вами на одной постелѣ.

— А мужичонку можно!

Я не сталъ говорить больше этому барину о нелѣпости его предложенія, пошелъ на палубу, предложилъ сибирской семьѣ взять ребенка въ каюту;

но ребенокъ расплакался, не хотѣлъ разставаться съ своими, и я вернулся одинъ.

На другой день мы выѣхали изъ Царицына около 10-ти часовъ утра: нашъ капитанъ ходилъ въ городъ хлопотать объ выдачѣ ему накладной. Капитанъ парохода былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, чрезвычайно пріятной наружности и очень внимательный ко всѣмъ пассажирамъ вообще, не разбирая ни каютныхъ, ни палубныхъ; послѣ я узналъ, что онъ былъ крестьянинъ, къ немалому моему удивленію, Владимірской губерніи, Грязовецкаго, кажется, уѣзда. Въ деревнѣ, въ которой онъ родился, по его словамъ, и рѣки нѣтъ. Какъ онъ попалъ на пароходъ, сперва, вѣроятно, рабочимъ, потомъ лоцманомъ, и теперь капитаномъ— для меня по сю пору составляетъ загадку.

— Молись Богу! сказалъ капитанъ парохода, когда все было готово къ отходу.

Я посмотрѣлъ на публику, собравшуюся изъ каюты, и палубную: одни перекрестились, другіе не обратили вниманія на слова капитана, третьи — отвернулись; рѣзко видно было, что на пароходѣ былъ не одинъ народъ, а нѣсколько: кого-кого не было на пароходѣ »Волга» въ этотъ разъ: русскіе, малороссіяне, козаки, солдаты, армяне, татары, калмыки, греки, жиды, нѣмцы, грузины...

— Смотри-ко, говорилъ одинъ палубный пассажиръ другому:—армяшки-то какъ пни стоятъ—и рожи не перекрестятъ, погань они этакая!

— На то они армяне, отвѣчалъ другой, къ которому относился первый палубный.

— Нѣтъ, ты посмотри на жидовъ, говорилъ третій:—жиды такъ совсѣмъ отвернулись.

— Тѣ, ужь сказано, жиды!

Погода разгулялась и всѣ пассажиры изъ каюты толпились кучками на палубѣ. Я разговорился съ однимъ молодымъ, лѣтъ 22 — 23-хъ, купцомъ, грекомъ, и онъ мнѣ сказалъ, что ѣдетъ въ Астрахань для закупки икры щучьей и судачей, т.-е., самаго дурнаго качества, которую на мѣстѣ почти и не употребляютъ.

— Куда же вы возите икру эту? спросилъ я его.

— Она у насъ очень идетъ и въ Турціи, и въ Греціи... Мы и въ Египетъ икру возимъ.

— Почему же вы возите икру самаго дурнаго качества, только щучью и судачью?

— У насъ эту больше любятъ, отвѣчалъ онъ: — да она и дешевле; у насъ же народъ не богатый.

— У васъ въ Греціи, въ Турціи и въ Египтѣ есть и богатые люди, развѣ и тѣ не покупаютъ лучшей икры?

— Никто не покупаетъ: въ нашихъ мѣстахъ икры лучшихъ сортовъ совсѣмъ нѣтъ.

На носовой части палубы расположились козаки, ѣхавшіе въ Астрахань за рыбой. Они подостлали себѣ войлока, шубы и въ полулежачемъ положе-

ніи разговаривали между собой. Меня всегда поражала козацкая вѣжливость: козакъ отнесется всегда съ уваженіемъ къ вашему человѣческому достоинству, потому что онъ сознаетъ свое собственное достоинство, онъ самъ лицо самостоятельное, самъ себѣ атаманъ; а потому мнѣ странно было видѣть около солидныхъ козаковъ вертящагося съ шутовскими увертками оборваннаго козака.

Я сидѣлъ около борта и ко мнѣ на лавку подсѣлъ козакъ-зеленая-шуба.

— Просто противно смотрѣть! сказалъ онъ съ негодованіемъ, указывая на оборваннаго козака.

— Да, непріятно, отвѣчалъ я.

— И какой онъ козакъ?!..

— По платью козакъ.

— По платью-то, онъ старшій урядникъ.

— Стало, козакъ.

— Какой козакъ!.. онъ у того козака нанимается, прибавила зеленая шуба, указывая на одного изъ полулежащихъ козаковъ, около котораго шутъ больше всѣхъ вертѣлся. — Пошолъ въ холопья, такъ ужь козачество оставить надо.

Утвердительно сказать я не могу, но судя по тому, чтó я видѣлъ, и отъ другихъ слышалъ, донскіе козаки не любятъ наниматься въ работники. У низовыхъ донцевъ я не былъ, да и у верхóвыхъ мало что видѣлъ. Но, проѣзжая на почтовой телегѣ отъ Новохоперска, чрезъ Урюпинскую и Усть-Медвѣдицкую станицы, на Калачъ, нельзя не замѣтить зажиточности козаковъ: избами по станицамъ и хуторамъ домовъ назвать нельзя; всѣ дома опрятны; всѣ дворы наполнены скирдами. Можетъ быть, это изобиліе всего для домашней жизни отучило козаковъ наниматься въ работники; но въ средней Россіи: въ Орловской, Тамбовской, Рязанской, Воронежской губерніяхъ изъ богатыхъ семействъ молодые люди, безъ которыхъ можно обойтись дома, идутъ въ работники. Я уже не говорю про Ярославскую, Владимірскую губерніи, откуда почти всѣ поголовно идутъ въ работники.

Можетъ быть, я и ошибаюсь, но скажите, чѣмъ вы объясните, что отъ Новохоперска до Калача, ни на одной почтовой станціи я не видѣлъ ни одного ямщика изъ козаковъ, а все уроженцы Орловской, Тамбовской, Воронежской губерній. На разстояніи четырехъ сотъ слишкомъ верстъ ѣхавши Землею войска донскаго, ни одного изъ донцевъ ямщика-работника! Содержатели почтовыхъ лошадей есть и козаки, а ямщики русскіе.

— А! посмотрите сюда, кричалъ козакъ-шутъ:—посмотрите, кумова вода подошла!

— Какая кумова вода? спросилъ я козака-зеленую шубу, сидѣвшаго со мной.

— Спросите его.

— Кумова вода, кричалъ шутъ:—кумова вода!..

— Чтó за кумова вода? спросилъ я шута.

— Кумова вода, вотъ и вся недолга!..

Я не сталъ больше спрашивать.

— А вотъ какая кумова вода! самъ заговорилъ со мною шутъ: — сказать, что-ль?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Ну, слушайте! И началъ онъ скоморошливо разсказывать, и отъ себя привирать и изъ пѣсенъ выбирать.

— Ѣхали по рѣкѣ на лодкѣ кумъ да кума, началъ свой разсказъ шутъ:— хорошо. Вотъ кумъ и говоритъ кумѣ:

Ты кумушка,
Ты голубушка!
Полюби кума кума,
Моя душечка!

— Какъ же я тебя, кумъ, полюблю? говоритъ кума:—вѣдь мы съ тобой кумъ да кума, стало быть родня!

— Такъ что-жь?

— Грѣхъ большой будетъ намъ съ тобой! твердитъ свое кума: — мы съ тобой кумъ да кума!..

— Э! нашла гдѣ грѣхъ!..

— А какъ же?

— Здѣсь не согрѣшимъ, въ другомъ мѣстѣ согрѣшимъ, все едино! пристаетъ кумъ къ кумѣ: — а здѣсь согрѣшимъ, грѣхъ, по крайней-мѣрѣ, веселый!

Кумъ пристаетъ. Кума упирается: извѣстно, бабье дѣло—ломается!

— Слушай, куманекъ любезный, сказала кума: — видишь ты эту самую рѣчку?

— Вижу.

— Видишь, куда вода бѣжитъ?

— Вижу.

— Внизъ, или вверхъ?

— Внизъ.

— Такъ слушай, куманекъ любезный! Когда вода въ рѣкѣ побѣжитъ вверхъ снизу, тогда полюблю, куманечекъ, я тебя!..

— Полюбишь?

— Тогда полюблю!

— Не обманешь?

— Нѣтъ, не обману.

— Правое слово?

— Правое слово.

— Ладно!..

Вотъ ѣдутъ кумъ съ кумой все по той же рѣкѣ. Ѣхали, ѣхали и на-

ѣхали на стрѣшную воду... Вода какъ въ кручи, къ бережку подбѣжитъ, воду-то отъ бережку назадъ отбиваетъ: вода-то будто въ гору идетъ; послѣ она опять-таки подъ низъ сходитъ, а на стрѣшной водѣ видать въ гору идетъ.

— Видишь, кума, рѣку? спрашиваетъ куманекъ свою куму на стрѣшной водѣ.

— Вижу.

— Видишь, куда вода бѣжитъ?

— Вижу.

— Вверхъ или внизъ?

— Вверхъ.

— А помнишь, кума, правое слово свое?

— Помню.

— Полюбишь, кумá, кýма?

— Полюблю.

И стала кума любить своего куманечка!..

— Оттого и прозывается стрѣшная вода—кумовой водой! кончилъ шутъ.

Въ Черный Яръ мы пріѣхали довольно поздно, забрали дровъ и остановились до утра.

— Плохо мое дѣло, Павелъ Иванычъ, обратился ко мнѣ машинистъ, съ которымъ мы въ сутки, проведенныя на пароходѣ, совсѣмъ познакомились.

— А чтó?..

— Взялся я харчить пассажировъ; а теперь-то харчить-то и нечѣмъ.

— Отчего-же вы не запаслись на мѣстѣ—въ Царицынѣ? спросилъ я.

— Запастись-то я запасся, да мало: я думалъ, что только вы, да еще одинъ баринъ потребуютъ что кушать; а набралось теперь больше десяти человѣкъ... На завтра мало провизіи будетъ.

— Въ Черномъ Яру купите.

— Черный Яръ отсюда версты четыре будетъ: туда далеко посылать.

— Отчего же мы не остановились въ самомъ Черномъ Яру?

— Здѣсь всегда останавливаются.

— Отчего-жь не въ городѣ?

— Тутъ конторки.

— Такъ въ конторкахъ купите провизію? спросилъ я.

— Въ конторкахъ купить нельзя, отвѣчалъ онъ: — а тутъ близко живутъ, у нихъ нѣтъ ничего.

Посланный вернулся съ одной щучьей икрой, которую онъ принесъ въ большой чашкѣ.

— Ничего больше не досталъ, объявилъ онъ, входя на пароходъ и подавая икру.

— Чтó будешь дѣлать?

— Все лучше, чѣмъ ничего, сказалъ я, желая утѣшить случайнаго буфетчика.

— Чѣмъ же лучше?

— Икра есть.

— Какая это икра!.. Кто эту икру ѣсть станетъ?! Икра щучья!

— Можетъ быть, и станутъ.

Когда я на другой день проснулся и вышелъ на палубу, пароходъ уже быстро шелъ внизъ по Волгѣ, и при попутномъ вѣтрѣ мы дѣлали около двадцати верстъ въ часъ, какъ мнѣ говорилъ мой хозяинъ—машинистъ.

Пассажиры палубные, пьющіе чай, и нѣкоторые каютные уже напились чаю; я попросилъ подать для меня самоваръ на палубу. Мой попутчикъ сильно противъ палубы возставалъ, но я рѣшительно ему объявилъ, что буду пить чай на палубѣ, и ежели онъ хочетъ со мной пить, то и онъ долженъ пить на палубѣ, а не желаетъ—какъ знаетъ.

— Вы кушайте на палубѣ, наконецъ, рѣшился онъ: — а я послѣ въ каютѣ.

— Какъ знаете.

— Пусть онъ пьетъ чай на палубѣ, а мы съ тобой вмѣстѣ будемъ пить, сказалъ онъ своему товарищу: — возьмемъ самоваръ въ каюту, тамъ и напьемся!

Мнѣ подали самоваръ и я усѣлся за чай, и сталъ всматриваться въ публику; палубные раздѣлились кучками: козаки, армяне, татары, всѣ народности сидѣли отдѣльно; только одинъ жидъ, отдѣлившись отъ своихъ, сидѣлъ посреди палубы и читалъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, какую-то книжку, чѣмъ онъ и вчера цѣлый день занимался.

— Святой человѣкъ! сказалъ мнѣ еврейчикъ, подсаживаясь ко мнѣ.

— Кто святой человѣкъ? спросилъ я.

— А вотъ онъ святой человѣкъ, отвѣчалъ онъ, указывая на качающагося жида.

— Почему же онъ святой?

— Все читаетъ.

— Чтó читаетъ?

— Святыя книги все читаетъ.

— Чего же онъ мотается изъ стороны въ сторону? сидѣлъ бы смирнѣй.

— Безъ этого нельзя.

— Отчего?

— Безъ этого ничего не выйдетъ.

Посмотрѣлъ я на этого святаго и подумалъ, что ежели этотъ жидъ святой, то на землѣ совсѣмъ нѣтъ грѣшныхъ людей: онъ былъ грязенъ, на лицѣ ясно было написано одно только ханженство, лицемѣріе и больше ничего... Непріятно было на него смотрѣть даже: мой собесѣдникъ былъ немногимъ лучше святаго человѣка. Онъ началъ-было еще со мною говорить, я не охотно ему отвѣчалъ, и онъ отошелъ отъ меня.

— Послушайте, сказалъ я, обращаясь къ козаку зеленой-шубѣ: — подсядьте ко мнѣ, давайте вмѣстѣ чайкомъ побалуемся: вдвоемъ все веселѣе.

— Благодаримъ покорно за чай: мы уже напились, отвѣчалъ козакъ: —

а такъ посидѣть можно; разумѣется, ничего не дѣлаешь, одному скучно, добавилъ онъ, подсаживаясь поближе ко мнѣ.

— Тутъ и дѣло будетъ: чай будемъ пить; а это дѣло не будетъ мѣшать намъ съ вами и поговорить—все веселѣе.

— Извольте, извольте...

— Кушайте, сказалъ я, наливъ чашку чаю, и подвигаясь къ нему поближе.

— Что этотъ человѣкъ все читаетъ молитвы? спросилъ я, указывая на качающагося чтеца.

— Жидъ!..

— Чтó же, чтó жидъ?

— Одно слово: жидъ!..

— Вѣдь и между евреями есть много людей хорошихъ; что же, что онъ еврей?

— То еврей, а это жидъ!..

— Я васъ не понимаю...

— Я въ Вильнѣ служилъ, а Вильна — жидовская сторона... Тамъ я на жидовъ насмотрѣлся: есть тамъ евреи, что и русскому не уступятъ; есть честные, на своемъ словѣ тверды!.. А тѳ есть жиды!.. Какъ есть жиды!..

— Да вѣдь вы были въ Вильнѣ, стало быть знаете, что жиды и евреи одинъ народъ?

— Одинъ и не одинъ!..

— Какъ не одинъ?

— А вотъ видите того человѣка? спросилъ онъ меня, указывая на козака-шута, который скоморошничалъ передъ кучей армянъ, одобрявшихъ его громкимъ смѣхомъ.

— Вижу.

— Чтó онъ за человѣкъ?

— Вашъ донской козакъ, отвѣчалъ я:—на немъ и шапка и шинель козацкія...

— По одежи еще не простой козакъ, перебилъ онъ меня: — по платью видно... видите, у этого человѣка на погонахъ-то что нашито? По одежѣ, онъ старшій урядникъ.

— Стало быть, козакъ?

— Нѣтъ, не козакъ!..

— А кто жь?

— Холопъ, шутъ, скоморохъ!.. Какъ хочешь назови!.. А только козакомъ его назвать нельзя.

— Развѣ между козаками и совсѣмъ нѣтъ дурныхъ людей? спросилъ я.

— Какъ не быть!..

— Ну, а этотъ...

— То дурной человѣкъ, да не холопъ! запальчиво проговорилъ козакъ зеленая-шуба: — холопъ не козакъ!.. Козакъ всякъ самъ себѣ атаманъ!... Вотъ-что!..

— По вашему выходитъ, что и жидъ не еврей? спросилъ я, перебивая толки о козакѣ.

— Не еврей!

— Оно, пожалуй, и правда ваша, сказалъ я усмѣхаясь: — не всякій козакъ—козакъ.

— Вотъ и этотъ шутъ, подтвердилъ зеленая-шуба: — этотъ шутъ — холопъ, а не козакъ.

Мы напились чаю, отдали самоваръ моимъ попутчикамъ, а сами остались на томъ же мѣстѣ и продолжали между собою калякать, кажется, обо всемъ.

— Ошибиться всякому можно, говорилъ мой козакъ:—всѣ люди грѣшны.

— Разумѣется.

— Иной разъ дѣло такое подойдетъ, продолжалъ козакъ:—пустое дѣло, всякая баба то дѣло разсудитъ; а на тебя ровно столбнякъ какой найдетъ! Не разсудишь—сфальшишь.

— Случается и это.

— Да вотъ старики разсказываютъ: въ какомъ-то царствѣ, не то въ королевствѣ, жилъ богатѣйшій купецъ. Поѣхалъ онъ на ярмарку, продалъ товары и ѣдетъ домой, а денегъ у него много: кожанная киса за пазухой, а въ той кисѣ десять тысячъ золотыхъ лежитъ. Ѣхалъ, ѣхалъ — все киса цѣла; сталъ подъѣзжать къ своему городу и оброни изъ запазухи кису съ золотомъ. Пріѣхалъ домой, хвать—кисы нѣтъ!.. Сейчасъ заявилъ кому слѣдуетъ: киса съ золотомъ пропала!.. А за тѣмъ купцомъ слѣдомъ ѣхалъ мужикъ... такъ мужиченко, плохенькій съ виду... ѣхалъ мужикъ, да и наѣхалъ на кису съ золотомъ, Поднялъ... «Что я съ этой казной буду дѣлать? еще и пропадешь совсѣмъ, думаетъ мужикъ, лучше заявлю находку эту кому тамъ слѣдуетъ». Пріѣхалъ мужикъ въ городъ, прямо къ городничему, что-ли, по нашему, или къ губернатору.—«Нашелъ, говоритъ, казну: обронилъ кто, знать.» — Сейчасъ послали за купцомъ. — «Ты потерялъ кису съ золотомъ?»—«Я, говоритъ купецъ.»—«Какая киса была?»—«Кожанная, жолтая, тамъ, али красная, съ такими-то и такими мохорчиками». — Такъ... посмотрѣли на кису, киса такая, какъ купецъ сказалъ.—«Гдѣ ты кису потерялъ?» спрашиваютъ купца.—«Въ такомъ-то и такомъ мѣстѣ». Позвали мужика. — «Въ какомъ мѣстѣ нашелъ кису?»—«Въ такомъ-то».—И то купецъ правду сказалъ.—«Твоя киса?» спрашиваютъ купца, да и положили кису на столъ.— «Моя!» обрадовался купецъ. «Такъ изволь получить, говорятъ купцу, а мужика наградить, какъ законъ велитъ». — Купецъ знаетъ: по закону мужику какая тамъ часть слѣдуетъ; жалко ему стало изъ пропадшей казны мужику отдѣлить.—«Надо, говоритъ, сперва казну сосчитать». — Сосчитай, говорятъ ему.—Сталъ купецъ казну считать; сосчиталъ. «Не всѣ, говоритъ, деньги».— Какъ не всѣ?—«У меня было въ кисѣ 12 тысячъ, а здѣсь всего только десять!..» А въ кисѣ-то у купца и было десять тысячъ, а двѣ-то тысячи онъ надбавилъ, чтобъ мужику часть не платить. «Въ острогъ! кричитъ купецъ въ острогъ мужика: двѣ тысячи золотыхъ укралъ!»—Мужикъ божится, клянется, что золота и не трогалъ, а купецъ знай свое: — «въ острогъ, да въ

острогъ!»—Стали господа судить: укралъ бы мужикъ деньги—всѣ бы укралъ; а какъ посмотришь: купецъ отыскалъ деньги; съ чего ему на радостяхъ врать?.. Судили, судили, а все разсудить не могли!.. Дошло дѣло до царя: и царь разсудить этого дѣла не можетъ... Приходитъ царь домой къ своей царицѣ и разсказываетъ про купцову кису: какъ пропала киса, какъ принесъ мужикъ ту кису, а купецъ говоритъ, что двухъ тысячъ золотыхъ не хватаетъ. Укралъ-ли мужикъ, купецъ ли хвастаетъ—разсудить не могу, говоритъ царь.—«Экой ты царь, говоритъ царица: такого дѣла разсудить не можешь!..» — «А ты разсудишь?» спрашиваетъ царь. — «Я разсужу!» — «А какъ?»—«Вотъ какъ: вели ты принести ту кису, да 12 тысячъ золотыхъ и прикажи купцу уложить тѣ золотые въ кису и завязать: уложитъ, завяжетъ какъ надо—купецъ правъ; не завяжетъ кисы—купецъ облыжно на мужика говоритъ».—Царь видитъ, царица разсудила правильно: послалъ за купцомъ.—«На, говоритъ купцу царь: на твою кису; на тебѣ 12 тысячъ золотыхъ; уложи золотые въ кису и завяжи какъ было».—Сталъ купецъ въ кису деньги укладывать: десять тысячъ хорошо положилъ; сталъ еще укладывать — не лѣзутъ... Тысячу-то одну онъ кое-какъ и бокомъ-то, и сщекомъ-то уклалъ: а другую, двѣнадцатую то, класть некуда: и такъ кису завязать нельзя. Тогда царь видитъ мужикову правду, а купцову неправду: купца сказнилъ, а мужика наградилъ.

Я сошелъ въ свою каюту и увидалъ преотвратительную картину: я воочію видѣлъ, какъ

Ходитъ спѣсь надуваючись.

На главномъ мѣстѣ преважно, въ шапкѣ, сидѣлъ мой попутчикъ, передъ нимъ ломался и паясничалъ козакъ шутъ; бурлакъ подобострастно подавалъ ему набитую трубку — носогрѣйку; другой торопливо зажигалъ спичку; человѣкъ пять-шесть съ подобающимъ уваженіемъ къ его особѣ стояли, не смѣя, вѣроятно, въ его присутствіи сѣсть... Духота была страшная, и я поспѣшилъ выбѣжать на палубу.

— Не можете ли вы мнѣ чѣмъ нибудь помочь? спросилъ, подходя ко мнѣ, какой-то господинъ лѣтъ двадцати, въ козацкой фуражкѣ и нѣмецкомъ пальто.

— Чѣмъ могу я вамъ помочь?

— Я не смѣю васъ безпокоить.

— Позвольте васъ попросить сказать мнѣ, спросилъ я:—съ кѣмъ имѣю честь разговаривать?

— Я профессоръ магіи.

— Въ такомъ случаѣ я рѣшительно не имѣю никакой возможности вамъ помочь.

— Я такъ и думалъ.

— Такъ для чего же вы ко мнѣ обращаетесь съ просьбой о помощи?

— Все-таки лучше.

Мы помолчали.

— Вы гдѣ учились? спросилъ я этого профессора магіи:—кто васъ училъ фокусамъ?

— Я учился въ гимназіи.

— Въ гимназіи? спросилъ я, озадаченный этимъ отвѣтомъ: — развѣ въ гимназіи учатъ фокусничать?

— Нѣтъ-съ!.. Въ гимназіи я учился разнымъ наукамъ, а магіи я самъ собою выучился: читалъ много книгъ, много упражнялся; много...

— Какія же вы книги читали?

— Все хорошія.

— Какія же?

— Хорошія.

— Вы не можете-ли припомнить названія книгъ, имена авторовъ этихъ книгъ?

— Нѣтъ-съ: теперь забылъ.

— Вы кончили курсъ въ гимназіи?

— Нѣтъ-съ, не кончилъ.

— Отчего же?

— Сталъ заниматься магіей.

— Надо бы сперва кончить курсъ въ гимназіи, а тамъ хоть бы и магіей занимались.

— Призваніе-съ!..

— Плохое призваніе.

— Что́ дѣлать!

— Куда же вы теперь ѣдете?

— Я теперь ѣду въ Екатериненбургъ.

— Куда?

— Въ Екатериненбургъ.

— Изъ Царицына на Астрахань въ Екатериненбургъ? спросилъ я.

— Да-съ.

— Какъ же вы поѣдете?

— Изъ Астрахани, гдѣ я дамъ нѣсколько представленій, поѣду на Гурьевъ, изъ Гурьева на Екатериненбургъ, а потомъ поѣду по всѣмъ сибирскимъ городамъ.

— Помилуйте!.. Да вѣдь этимъ путемъ вы дѣлаете нѣсколько тысячъ верстъ лишнихъ!

— Этимъ путемъ для меня лучше.

— Чѣмъ же лучше?

— По пути я буду магическіе опыты производить: тамъ профессоровъ магіи никогда не было.

— Гдѣ же вы будете свои фокусы показывать?

— По пути во всѣхъ городахъ.

— Да тамъ и городовъ нѣтъ.

— Буду заѣзжать къ помѣщикамъ.

— И помѣщика нѣтъ ни одного.

— Посмотрите, пожалуйста, какое прекрасное кушанье! сказалъ, подходя ко мнѣ, греческій купецъ, радостно показывая кушанье, положенное на чайное блюдечко.

— Покажите.

Вѣроятно немногіе отгадаютъ, какое было это прекрасное кушанье.

— Хорошо? спросилъ грекъ.

— Что́ это?

— Щучья икра съ деревяннымъ масломъ! отвѣчалъ грекъ, весь сіяя отъ радости.

— Пахнетъ не очень хорошо.

— Нѣтъ, очень хорошо...

Впрочемъ, о вкусахъ не спорятъ: грекамъ очень понравилось деревянное масло, самаго дурнаго качества, которое держатъ на пароходѣ для смазки машины.

Грекъ побѣжалъ кушать свое деревянное масло, а ко мнѣ подошелъ парень лѣтъ 25, въ полумонашеской одеждѣ, котораго я видѣлъ наканунѣ въ общей каютѣ, сильно выпившимъ; онъ тогда лежалъ на диванѣ и загадывалъ загадки далеко не двусмысленнаго содержанія, чѣмъ потѣшалъ армянъ-пассажировъ.

— Спаси васъ Господи! сказалъ онъ, подходя и кланяясь по монашески.

— Покорно васъ благодарю.

— Вы куда ѣдете?

— Я въ Астрахань... А вы куда?

— Я по монастырямъ — Богу трудиться, для своей души!... смиренно отвѣчалъ онъ.

— Вы монахъ?

— Нѣтъ еще.

— По платью васъ можно за монаха принять.

— Желаю быть монахомъ.

— Куда же вы теперь ѣдете?

— Въ Казань.

— Какъ въ Казань?

— Да пока въ Казань, а тамъ, ежели Богъ грѣхамъ потерпитъ, пойду въ Тобольскъ.

— Изъ Царицына въ Казань черезъ Астрахань...

— Богъ пути указуетъ...

— Хотите, я вамъ найду попутчика: онъ почти тѣмъ же путемъ въ Тобольскъ ѣдетъ

— Сдѣлайте милость!

— Извольте.

— А позвольте васъ спросить, спрашивалъ меня желающій принять монашество:—изъ какихъ чиновъ будетъ мой будущій спутникъ?..

— Чина его я не знаю.

— Занятіе?...

— Онъ фокусникъ.

— Помилуйте! и желающій принять монашество отвернулся отъ меня съ негодованіемъ.

Никакъ не ожидалъ я найдти двухъ пассажировъ, которые, не сговариваясь между собой, избрали такой оригинальный маршрутъ въ Тобольскъ. Подумавъ, я пересталъ удивляться: я и самъ, кажется, ѣду въ Москву изъ Орла на Астрахань, Красный Яръ...

— Посмотрите, пожалуйста, показывалъ мнѣ маслину грекъ, скушавшій икру съ деревяннымъ масломъ: — вотъ изъ чего дѣлается это масло... Я нашелъ это въ жилеткѣ въ карманѣ. Покушайте, пожалуйста, какъ это прекрасно-вкусно!... Какъ это прекрасно-хорошо!..

Нетолько покушать, и дотронуться я не рѣшался до маслины, пролежавшей у грека въ карманѣ болѣе мѣсяца, и поспѣшилъ удалиться и отъ грека и отъ маслины.

— Посмотрите, на сколько рѣчекъ разбилась Волга! сказалъ козакъ, показывая мнѣ на Волгу, которая чѣмъ ниже, тѣмъ болѣе усѣяна островами.

— Да, много...

— Сколько рѣчекъ, ручьевъ какая рѣка принимаетъ, назидательно проговорилъ другой козакъ: — на столько рѣчекъ та рѣка подъ конецъ и разбивается.

Я пріѣхалъ въ Астрахань; но объ Астрахани, Красномъ Ярѣ послѣ, въ другомъ мѣстѣ.

Я ничего не говорю о берегахъ Волги; отъ Царицына до Астрахани такъ однообразны эти берега, что объ нихъ и сказать нечего: правый берегъ возвышается обрывомъ иногда на нѣсколько аршинъ, а лѣвый совсѣмъ равнина нескончаемая, и все это голо до нельзя; кое-гдѣ показывается тальникъ, да еще надо прибавить, что я проѣзжалъ эти мѣста раннею весной, когда даже зелени никакой не было. Разъ только всѣ встревожились: будемъ проѣзжать мимо дворца князя Тюменя!.. Мимо дворца калмыцкаго князя! Заговорили всѣ пассажиры, не доѣзжая до дворца калмыцкаго князя еще верстъ за десять. Подъѣхали къ дворцу — очень обыкновенный помѣщичій домъ, да еще и помѣщика-то не очень богатаго.

Красный Яръ, 1869 г..

Въ Красный Яръ я прибылъ въ концѣ апрѣля поздно вечеромъ, на почтовой косной. Хотя изъ Астрахани мы выѣхали около 9 часовъ утра, до

Краснаго же Яра отъ Астрахани считается по казенному всего только 35 верстъ, но въ лодкѣ рѣдко удается проѣхать ближе 8 часовъ; а какъ почтовые гребцы не считаются здѣсь очень рьяными, то мы и пробыли въ пути болѣе 12 часовъ. Пріѣхавъ, я тотчасъ увидалъ, чѣмъ отличается Красный Яръ отъ другихъ городовъ, хотя небывшему здѣсь трудно этому повѣрить даже. Красный Яръ отличается отъ другихъ городовъ всего земнаго шара тѣмъ, что въ немъ нѣтъ жителей. Вы вѣроятно слыхали поговорку: только и ходу, что изъ воротъ да въ воду; это сказано именно про Красный Яръ: онъ стоитъ на солончаковомъ островѣ, который длиной съ версту, а шириной съ полверсты; кругомъ вода; большіе протоки Волги или, какъ здѣсь ихъ называютъ, рѣки Бузанъ и Ахтуба *), малые или по здѣшнему ерики и ильмени, т. е. озера или, лучше сказать, заливы большая часть ильменей и ериковъ пересыхаютъ къ концу лѣта, но въ полную воду они сливаются съ Волгой и по нимъ ходятъ большія суда. Въ большую полую воду заливаются всѣ острова между Краснымъ Яромъ и Астраханью, иногда такъ высоко, что поверхъ лѣсовъ ходятъ большія суда.

Красный Яръ построенъ съ спеціальною цѣлью—для строптивыхъ: сперва поселили сюда козаковъ для защиты русскихъ людей отъ воровскихъ киргизъ-кайсаковъ и калмыковъ, потомъ Петръ I-й сослалъ сюда стрѣльцовъ, и въ послѣднее время здѣсь много сосланныхъ всѣхъ сортовъ: и политическихъ преступниковъ, и за подделку фальшивыхъ бумагъ, и сосланныхъ административнымъ порядкомъ, безъ именованія рода преступленій, и по суду за разныя мошенничества; по суду ссылаются сюда на срокъ, а другіе безъ срока. Жизнь здѣсь такъ весела, что одинъ сосланный сюда мастеровой, чтобы избавиться отъ Краснаго Яра, укралъ лошадь; его поймали, продержали сколько-то въ острогѣ и опять послали въ Красный Яръ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что въ острогѣ онъ хоть немного отдохнулъ.

Можетъ быть, вы слыхали П. М. Садовскаго разсказъ про островъ царя Константина и матери его Елены, куда Наполеонъ I-й былъ сосланъ, гдѣ нѣтъ ни земли, ни воды—одна зыбь поднебесная; на картахъ этотъ островъ показанъ не на настоящемъ мѣстѣ: Красный Яръ стоитъ на этомъ островѣ, это я вѣрно знаю. Солончакъ назвать землей нельзя; воды тоже часто не бываетъ; рѣки, ерики и ильмени покрываются такимъ слабымъ льдомъ, что ни конному, ни пѣшему переходу нѣтъ; лодка тоже идти не можетъ. Такимъ образомъ сообщеніе со всѣмъ міромъ прекращается на нѣкоторое время. Я уже не говорю про почту: она, напримѣръ, и тогда не ходитъ изъ Астрахани въ Красный Яръ, когда караваны на верблюдахъ переправляются по льду; и тогда тоже не ходитъ, когда здѣшнія барыни съ дѣтьми ѣдутъ въ косныхъ (лодкахъ)—потому опасно. Существуетъ ли на свѣтѣ такое мѣсто, куда бы почта такъ опасливо и осторожно была доставляема? Положимъ, въ

---

*) Названія татарскія: *Ахтубе* по русски *Бѣлый бугоръ; Бузанъ—холодная вода.* *Авт.*

Красномъ Яру я не получилъ ни одной книжки за прошлый годъ «От Зап.», положимъ, нѣкоторыя письма пропадаютъ; неразсудительный человѣкъ можетъ назвать даже дурнымъ, что письма, адресованныя сюда, въ Астрахани запаковываются въ субботу, а отправляются въ понедѣльникъ; положимъ, ваше письмо пришло въ Астрахань (а вашему письму другой дороги нѣтъ), въ субботу, но только послѣ упаковки; но почему же оно должно ждать до другой субботы этой операціи? Затѣмъ, отправится ли это несчастное письмо въ понедѣльникъ *)—это опять вопросъ: въ зиму 1868—69 года почтѣ было часто ѣхать опасно; разъ эта опасливость продолжалась до 6 недѣль. Частныя и офиціальныя лица посылали нарочныхъ, сами пріѣзжали въ Астрахань за своей почтой и часто получали одинъ отвѣтъ: «почта запакована». Здѣсь случается, что офиціальное лицо получаетъ бумагу, въ которой подтверждается исполнить предписаніе за № 00, потомъ еще подтвержденіе, выговоры, нарочнаго,—а тотъ все не исполняетъ по очень простой причинѣ: подтвержденія, выговоры и т. п. получаются съ нарочнымъ, а само предписаніе за № 00 лежитъ запакованное въ астраханской почтовой конторѣ: ѣхать ему опасно.

Поутру пошелъ я по городу; сперва къ собору, отстоявшему отъ моей квартиры въ нѣсколькихъ саженяхъ; за соборомъ городъ окончился. Меня поразило то обстоятельство, что я не встрѣтилъ на улицахъ ни одной живой души, да и дома казались необитаемыми: окна всѣ закрыты ставнями, ворота заперты; ни на улицахъ, ни въ домахъ не слышно голоса человѣчьяго. Однѣ вороны или какъ ихъ здѣсь называютъ—корги каркаютъ и хоть отчасти оживляютъ мертвый Красный Яръ. Тоска взяла меня страшная, я вернулся на квартиру; черезъ нѣсколько минутъ пошелъ опять по городу въ противоположную отъ собора сторону; прошелъ два дома — присутственныя мѣста, училище, больница, и я опять за городомъ! Пораженъ еще болѣе: какъ, въ уѣздномъ городѣ нѣтъ острога?! Я вамъ сейчасъ опредѣлю: деревня или городъ и уѣздный ли, губернскій или столичный тотъ городъ, который вы мнѣ назовете, когда вы мнѣ отвѣтите на мои немудрые вопросы. Положимъ, вы въѣзжаете въ богатое село, въ которомъ нѣсколько церквей, нѣсколько фабрикъ, лавокъ съ разными товарами, и думаете, что это городъ.

— Есть здѣсь острогъ? спросите вы перваго попавшагося вамъ на встрѣчу.

— Нѣтъ, родимый! какой намъ острогъ? Мы и безъ острога проживемъ.

Вы ошиблись: приняли село за городъ.

Пріѣзжаете въ плохенькую деревеньку; домишки всѣ похожи на избушку

---

*) Въ Красный Яръ почта приходитъ разъ въ недѣлю: вечеромъ въ понедѣльникъ, отходитъ во вторникъ, отвѣтъ же на письмо вы должны послать по утру въ понедѣльникъ только въ слѣдующій, хоть почта и отправляется во вторникъ около 12 часовъ. Дѣло въ томъ, что запаковывается или покрайней-мѣрѣ принимается она въ понедѣльникъ по утру... Развѣ что для хорошаго человѣка... ну, тогда можно и во вторникъ. *Авт.*

Бабы-Яги, которая, то-есть избушка, стоитъ, какъ всѣмъ извѣстно, на курьихъ лапкахъ.

— Есть острогъ? спрашиваете вы.

— А какъ же! Вонъ тамъ на самой площади стоитъ.

Вы въ уѣздномъ городѣ.

— Есть острогъ? спрашиваете вы въ другомъ городѣ.

— Еще бы не было у насъ острога! У насъ и острогъ и арестантскія роты!.. У насъ все есть!..

Вы въ губернскомъ городѣ.

Въ столичныхъ городахъ изобиліе остроговъ разныхъ наименованій доходитъ до роскоши. Рѣдкое село пользуется счастьемъ имѣть тигулевку, кутузку, холодную, закланъ (разныя названія одного и того же), да и то только такое село,въ которомъ находится квартира становаго.

По острогамъ вы даже можете опредѣлить: старый ли городъ или вновь произведенный изъ деревень въ чинъ города: въ старомъ городѣ есть острогъ, есть и монастырь; въ новомъ—только одинъ острогъ. Мало этого, вы можете опредѣлить, какая часть города новая и какая старая: въ первой находится острогъ, въ старой—монастырь.

Вы даже можете не спрашивать, въѣхавши въ городъ, объ острогахъ: они, вѣроятно, въ назиданіе пріѣзжающихъ и проѣзжающихъ, строятся на видныхъ мѣстахъ. Какъ же мнѣ было не удивиться, обойти весь городъ и не увидать острога! Да въ городѣ ли я? Подхожу я къ присутственнымъ мѣстамъ, къ небольшому двухэтажному дому; онъ стоитъ между двухъ воротъ; у однѣхъ стоитъ часовой съ ружьемъ, у другихъ сидитъ солдатъ съ тесакомъ.

— Здѣсь присутственныя мѣста? спросилъ я сидѣвшаго у воротъ съ тесакомъ солдата.

— Здѣсь.

— А острогъ гдѣ?

— Да кого тебѣ тамъ надо? отвѣтилъ онъ мнѣ вопросомъ:—скажи, кого тебѣ надо, я всѣхъ тамъ знаю.

— Мнѣ никого не надо въ острогѣ; только мнѣ страшно показалось, что въ вашемъ городѣ острога нѣтъ.

— Какъ городу стоять безъ острога?.. Безъ острога какъ можно!.. Нельзя.

— Гдѣ же острогъ?

— А вотъ гдѣ! отвѣчалъ онъ, указывая на одно отдѣленіе дома:—вонъ видишь, гдѣ окна съ рѣшотками.

Гляжу: точно окна съ рѣшотками; прохожу мимо—арестанты выглядываютъ... Точно я въ городѣ!.. Одно еще меня смущало: какъ острогъ можетъ помѣщаться въ домѣ, а не въ замкѣ извѣстной архитектуры?

Иду еще улицею—вижу, и направо кабакъ и налѣво кабакъ; дальше, налѣво кабакъ, направо два кабака; глянешь въ переулокъ—и тамъ кабаки... вездѣ кабаки!.. Въ Красномъ Яру человѣку, захотѣвшему выпить, стоитъ

пройдти шаговъ двадцать (дальнее разстояніе) и онъ можетъ найдти вывѣску: *Продажа питей.*

Для кого же эти кабаки? Вѣроятно, есть же въ городѣ люди и много людей, и людей пьющихъ, когда столько столь выразительныхъ вывѣсокъ. Зашелъ въ одинъ кабакъ,—торгуютъ жидъ съ жидовкой; захожу въ другой—жидовка съ жидомъ; въ третій—жидъ съ любовницей... Увы!.. Любовница оказалась русской-православной, за что, однакожъ, порицается русскими православными не русская любовница, а любовникъ жидъ.

— Для чего у васъ столько кабаковъ? спрашиваю я молодую шинкарку-жидовку.

— Народъ пьетъ.

— Какой народъ? Да народу я не видалъ.

— Какъ не видалъ?

— Гдѣ же народъ?

— Ступайте на базаръ—тамъ и народъ увидите... Какъ народу въ городѣ не видать!..

— Гдѣ у васъ базаръ?

— Ступайте вотъ въ эту улицу налѣво, такъ и дойдете до нашего базара.

Пошелъ въ показанную улицу—никакого базара и признаковъ не замѣтилъ!..

— Позвольте васъ спросить: гдѣ базаръ? спросилъ я чиновника, возвращавшагося со службы.

— Да вотъ, отвѣчалъ онъ, указывая на заборъ.

— Гдѣ?

— Вотъ... Вотъ...

Тогда я замѣтилъ, что у забора стоятъ какія-то подмостки, что-то въ родѣ очень грубо-сдѣланнаго высокаго стула безъ крыши.

— Это базаръ? спросилъ я.

— Да-съ.

Я не зналъ, что̀ и подумать.

— Какъ базаръ?

— Рано утромъ или вечеромъ на эти подмостки кладутъ доски, на доски кладутъ говядину, рыбу, баранину и торгуютъ.

— Всякій день это бываетъ?

— Нѣтъ!.. Какъ можно!..

— По какимъ же днямъ бываетъ базаръ?

— Дней не положено, а какъ случится.

— Какъ же я узнаю?..

— Помилуйте! какъ не знать? Вотъ и теперь всѣ знаютъ, что Ахметка завтра бьетъ бычка. Всѣ уже и спѣшатъ купить; не успѣли—всю говядину расхватаютъ... Пойдешь и вернешься ни съ чѣмъ,—базаръ кончился.

— Рыбу, баранину продаютъ ли?

— Какъ случится: когда продаютъ, а когда и нѣтъ.

— Тогда какъ же?

— А тогда ужь какъ знаете... Да что говорить, прибавилъ онъ:—у насъ часто и хлѣба купить нельзя; ни за какія деньги не купишь.

— Это отчего?

— Хлѣбникъ одинъ; запьетъ,—ну, недѣлю, двѣ и пей чай безъ хлѣба!.. Пошлешь за хлѣбомъ, а вамъ вмѣсто хлѣба—«хлѣбникъ запилъ!» *).

— Чай-то можно и безъ хлѣба пить, а какъ же обѣдать безъ хлѣба?

— Къ обѣду хлѣбникъ не печетъ такого хлѣба... Чернаго, калача не печетъ.

— Гдѣ же покупаютъ?

— Всякъ себѣ дома печетъ.

— Ну, а кому понадобится?

— У шабровъ **) займетъ.

— А пріѣзжій?

— Вамъ надо?.. Походите по дворамъ: можетъ кто и продастъ вамъ.

Я недовѣрчиво посмотрѣлъ на него. Мы раскланялись съ нимъ и разстались.

Осмотрѣлся кругомъ; вижу, четыре-пять лавокъ съ разнымъ товаромъ, въ каждой лавкѣ: и съ чаемъ, и съ саломъ, и съ краснымъ товаромъ, кожами, кофе, мыломъ, желѣзными, деревянными лопатами, чайниками, чашками... Заглянулъ въ лавки; въ однѣхъ купцы, большею частію армяне, за прилавкомъ дремлютъ, въ другихъ на прилавкахъ спятъ.

Тутъ же около и между лавокъ близь десятка кабаковъ, въ одномъ домѣ даже два кабака...

Дождался вечера, собственно говоря не вечера, а часовъ четырехъ пополудни, и опять пошелъ на базаръ. Базаръ нѣсколько измѣнился: на двухъ подмосткахъ были наложены доски, на доскахъ лежалъ десятокъ-другой стерлядей, сазановъ; тутъ же около заборовъ помѣщалось нѣсколько торговокъ съ тѣмъ же товаромъ.

— Что́ стоитъ стерлядь? спросилъ подошедшій къ торговкѣ чиновникъ указывая на аршинную стерлядь.

— Просить лишняго не для чего, затараторила торговка:—мы безъ запроса!.. Тридцать копѣекъ дайте... Сами видите, какая стерлядь...

— Ты бы монета ***) просила! иронически проговорилъ чиновникъ.

— Зачѣмъ монетъ!.. Мы просимъ, что слѣдуетъ... Сами видите!..

— Вижу, вижу!.. Да ты говори толкомъ.

— Сами видите: стерлядь икряная!..

— Что жь, что икряная!..

— Одной икры больше фунта будетъ!.. Какъ можно тридцати копѣекъ не дать?

---

*) Впрочемъ, въ настоящее время въ городѣ уже два хлѣбника.

**) Шаберъ—сосѣдъ.

***) Монетъ—рубль серебромъ. *Авт.*

— Пятнадцать хочешь?

— Двадцать-пять, меньше нельзя! рѣшительно отвѣтила торговка.

— Пятнадцать!..

Торгъ состоялся на двадцати копѣйкахъ.

Чиновникъ заплатилъ деньги, взялъ стерлядь подъ жабры и отправился. Торговка осталась одна, покупателей не было; еще базаръ не разъигрался, и я заговорилъ съ торговкой

— Скажите пожалуйста, спросилъ я:—отчего покупателей нѣтъ?

— Рано еще, отвѣчала та:—вотъ погодите, станетъ и народъ прибывать, а теперь какому народу быть!.. Еще и къ вечернямъ не звонили; зазвонятъ къ вечернямъ, и народъ повалитъ: всякъ будетъ знать, что базаръ начался.

— Что́ же покупать будутъ?

— Какъ что́?

— Да гдѣ же товаръ!

— Рыбу покупать будутъ.

— Да и рыбы тоже, мнѣ кажется, на вашемъ базарѣ мало.

— Какъ мало... взгляни ко-сь! отвѣчала она, указывая рукой на лежащихъ и на землѣ, и на двухъ подмосткахъ лещей, стерлядей, сазановъ, берщей.

— Тутъ всѣхъ рыбъ-то десятка четыре, а пяти пожалуй и не наберешь, сказалъ я, посматривая на указанную рыбу.

— Какъ не быть пяти десяткамъ?.. Пять десятковъ будетъ!

— Неужто пятью десятками можно накормить весь народъ?

— Какъ можно!.. Покупаетъ у насъ только чиновникъ, да тамъ еще койкакой... А у насъ безъ рыбы ни одинъ не живетъ!..

— Тѣ гдѣ же берутъ?

— У насъ всѣ рыбаки; свою рыбу ѣдятъ!.. Какая неволя отъ своей рыбы на базарѣ покупать!.. Самъ ловитъ; такую выберетъ, какую знаетъ: ему за свою рыбу денегъ не платить.

Базаръ сталъ разъигрываться; сталъ покупатель приходить. Покупатель дѣйствительно оказался чиновникъ *и кой-какой*; а кой-какой былъ шинкарь и присланный сюда или подъ надзоръ полиціи, или на жительство. Этотъ покупатель раскупилъ почти всю рыбу цѣной отъ 20 до 2 копѣекъ за штуку; маленькихъ стерлядокъ можно было купить по 3—5 копѣекъ за десятокъ.

Часу въ восьмомъ стали расходиться.

— Отчего народа ни на улицѣ, ни въ домахъ не видно? спросилъ я старуху, неуспѣвшую еще распродать всѣхъ своихъ сазановъ, берщей.

— Мало ли народу!

— Гдѣ же народъ?

— Видѣлъ, сколько народу на базарѣ было!.. Другому и купить нечего, такъ выйдетъ поглядѣть на народъ, коли дома дѣла нѣтъ.

На базарѣ, въ самомъ дѣлѣ, было много: во время базара перебывало разнаго народа человѣкъ до тридцати, а то можетъ и больше.

— Здѣсь были чиновники; а жители здѣшніе гдѣ же? спросилъ я.

— Теперь житель въ городѣ не живетъ, отвѣчала старуха: а всякъ по своимъ мѣстамъ.

— По какимъ же?

— Какъ по какимъ?!.. Кто въ море пошелъ, кто на промыслы, кто на ватагу *), кто къ неводу. У насъ, ты самъ знаешь, всѣ рыбаки.

— Вѣдь не всѣ же уходятъ въ море, къ неводамъ; старики, дѣти, женщины, вѣроятно, не могутъ справиться съ неводомъ.

— И старый и малый, кто къ неводу негожъ, всѣ теперь въ садахъ, всѣ въ садахъ!..

— Что́ они тамъ дѣлаютъ?

— Мало ли тамъ дѣла!..

— Какія?

— Первое дѣло—червя давить...

— Какъ червя давить?

— А такъ: у насъ червя разведется—доржись! **) Такъ этого червя не давить, одинъ только годъ оставить—садъ пропалъ: года въ четыре не справишь!.. Всякій листокъ обобрать надо!.. Въ каждомъ саду и лѣстницы такія подѣланы: яблоки, груши обирать, червя ли давить, лѣстницу подставятъ, да и давятъ.

— И у каждаго сады есть?

— Почесть у каждаго! А у кого нѣтъ, тотъ нанимается къ другому, у кого есть садъ.

— Какъ же домы оставляютъ хозяева? спросилъ я словоохотливую собесѣдницу.

— А какъ оставляютъ: запрутъ на замокъ да и пойдутъ въ садъ; а то такъ цѣпочку наложутъ: всякъ и знаетъ, что хозяевъ дома нѣтъ.

— Такъ—безъ замка?

— Коли замка нѣтъ!..

— Развѣ у васъ воровъ нѣтъ?

— Какъ не быть?.. Есть!.. Есть воровка—Нестеровна!.. Такая воровка что и сказать нельзя!... Что ни положи, куда ни положи, все утащитъ! Пропало у тебя что—прямо къ ней... «Ты украла?» — Виновата, матушка, виновата!—«Говори, проклятая! говори, куда дѣла?»—Виновата! А сама въ ноги... А мнѣ что въ ея повинности: мнѣ мое давай!—«Говори, куда дѣла?»— Ицкѣ отнесла.—Ицка жидъ у насъ шинкарь есть... Пойдешь къ Ицкѣ, у Ицки и найдешь.

— Стало быть, если что пропало, къ ней и идти надо, сказалъ я:—она и скажетъ, гдѣ найти пропажу?

— Она и скажетъ.

— И то хорошо!..

— Какое хорошо!

---

*) Ватаги, промыслы—рыбацкія заведенія.

**) Здѣсь говорятъ не держись, а доржись.

— По крайней мѣрѣ, выкупить можно: хуже бы было, когда бы она не сказывала.

— Хуже то хуже...

— Вотъ видишь...

— Да что видѣть-то?! Видѣть-то тутъ нечего! Вотъ у меня котелокъ пропалъ... Котелокъ-то я тридцать копѣекъ дала... Пропалъ котелокъ, я къ Нестеровнѣ... «Ты украла, говорю».—Виновата, виновата! А сама въ ноги: такой у ней ужь обычай... «Виновата, говорю, а что мнѣ изъ твоей вины?!.. Говори, кому снесла?» «Биркѣ», говоритъ... Я къ Биркѣ... Бирка шинкарь... вонъ его кабакъ... Я къ Биркѣ. «Здравствуйте, говорю, Борисъ Моисѣичъ».—«Здравствуйте, говоритъ, Дарья Петровна.»—«А я къ вамъ по дѣлу, Борисъ Моисѣичъ.»—«По какому дѣлу, Дарья Петровна?» спрашиваетъ Бирка... Будто и не знаетъ, проклятый жидъ, что за дѣло такое... «Нестеровна была у васъ?» спрашиваю.—«Была».—«Оставила вамъ котелокъ?»—Жидъ видитъ, что я знаю: отговариваться не можетъ. — «Оставила», говоритъ. — «За сколько?»—«Да я косушку далъ: десять копѣекъ».—«Какъ говорю, десять? Нестеровна мнѣ говорила, всего за шкаликъ, за пять копѣекъ». А Нестеровна мнѣ хоть ничего не говорила, да я знаю жидовскую натуру: безпремѣнно прибавитъ...

При этомъ старуха, лукаво улыбаясь, покивала мнѣ головой.

— Что жь, Бирка отдалъ вамъ котелокъ этотъ? спросилъ я.

— А какъ же? Только я сказала, что котелокъ Нестеровна заложила за пять копѣекъ, жидъ и говоритъ: «Да, бишь за пять копѣекъ»... А сама того—вся дрожу; хочется мнѣ жида отдѣлать, да нельзя: пожалуй, и котелокъ не отдастъ... Отдала я деньги, жидъ мнѣ подаетъ котелокъ, да и говоритъ: «Вотъ вашъ котелокъ... Нарочно у себя и оставилъ Дарья Петровна, чтобъ не пропалъ вашъ котелокъ»... Я взяла котелокъ, да и давай: «Ахъ, ты жидъ проклятый!.. Жидовская харя!.. Хотѣлъ слизнуть котелокъ, да еще и прикидывается!.. Ишь благодѣтель!..» Да я много тутъ наговорила: и поганая твоя образина!.. и Бога ты распялъ, свиное твое ухо!..

— Отчего же такъ воруетъ эта Нестеровна? спросилъ я.

— Кто ее знаетъ!..

— Отъ бѣдности, можетъ быть?

— Какое отъ бѣдности!.. при мужѣ она хорошо жила; умеръ у нея мужъ, сперва плакала, мѣсяца два плакала; а тамъ какъ запила, какъ запила!.. Теперь, если есть у ней грошъ какой, или стянетъ что—сейчасъ въ кабакъ!..

— Дѣло плохое.

— Да ужь такъ плохо, такъ плохо, что и сказать нельзя.

— Да вы бы что-нибудь съ ней сдѣлали: можетъ быть, она бы и опомнилась.

— Да ужь мы чего, чего съ ней не дѣлали!.. И колотили-то ее, какъ собаку, до полусмерти, и въ тигулевку-то сажали—ничего не беретъ!.. Общество послало-было ее въ Астрахань... сказали, что тамъ есть такой усмирительный домъ, гдѣ народъ усмиряютъ, да соврали: по другимъ городамъ

есть такіе усмирительные дома, а въ Астрахани такого усмирительнаго дома нѣтъ, такъ ее назадъ и прислали.

— Только и есть одна эта Нестеровна воровка? спросилъ я болтливую старуху.

— Какое одна!.. Поди, чай, много и воровъ и воровокъ, да только тѣ не оказываются; а Нестеровна знамая воровка!

— Про другихъ же воровъ ты, бабушка, не слыхала; можетъ, на кого слава дурная пала?

— Куды услыхать?!.. что блудъ творишь, что воруешь—въ колокола не благовѣстишь, а все скрываешься!.. Да что скрывать: правда на міру, что масло на водѣ—поверхъ всплываетъ.

Съ базару я пошелъ опять по городу; улицы рѣшительно всѣ прямыя, хоть городъ очень недавно сталъ перестроиваться *по плану*; изрѣдка попадаются дома или выступившіе на улицу, или спрятавшіеся за другіе дома; улицы, дворы всѣ чисты—относительно растительности; во всемъ городѣ вы не увидите ни былинки: таково свойство солончаковъ.

— Для чего сѣно накидано на улицѣ? спросилъ я попавшагося мнѣ на встрѣчу солдата, указывая на разостланное на улицѣ сѣно.

— Грязь бываетъ... вода стоитъ послѣ полой воды... Такъ и застилаютъ сѣномъ.

— Лучше бы камнемъ?

— Какъ камнемъ не лучше!.. Да камню-то кругомъ Краснаго Яру, можетъ, на тысячу верстъ не увидишь, сколько хочешь ищи!..

И послѣ такого удобренія все-таки въ городѣ не увидите ни былинки, а потому всѣ дворы чисты; улицы тоже были бы чисты, когда бъ всякій, что кому не нужно—не выбрасывалъ бы на улицу.

Сколько я ни ходилъ, всѣ дома выстроены изъ барочнаго лѣса; какъ я послѣ узналъ, небольшіе дома покупаютъ въ Астрахани совсѣмъ готовые съ крышей, поломъ, перегородками и даже съ рамами; въ Астрахань же они привозятся, тоже готовые, съ верху, т.-е. изъ губерній, лежащихъ выше Саратова. Для постройки же домовъ по своему вкусу, покупаютъ бѣляну, большую барку, которую пригоняютъ сюда, здѣсь ее разбираютъ и изъ полученнаго матеріала строютъ.

Рѣдко вамъ попадется домикъ изъ сыраго кирпича: развѣ лѣтняя кухня, необходимая принадлежность здѣсь при каждомъ домѣ, или въ Солдатской слободѣ изба, сбитая отставнымъ солдатомъ.

Дома всѣ кажутся двухъэтажными: почти во всякомъ домѣ есть чердакъ съ комнатой и балкономъ; въ комнатахъ этихъ живутъ только лѣтомъ, зимою жить въ нихъ нельзя: въ нихъ печей нѣтъ. Въ домахъ прежней постройки оконъ на улицу очень мало; случается даже одно окно, да и то выглядываетъ не прямо на улицу, а на какой-то выступъ на улицѣ. Бо́льшая часть оконъ и рѣшительно всѣ балконы, за исключеніемъ двухъ, трехъ домовъ новыхъ, выходятъ во дворъ; говорятъ, эту постройку переняли красноярцы отъ татаръ, что́ очень вѣроятно. Во многихъ домахъ печи израз-

цовыя, съ изразцовыми столбиками; на изразцахъ разныя изображенія съ надписями: изображенъ молодой человѣкъ въ русскомъ платьѣ, сидящій на бочкѣ; подъ изображеніемъ подпись: *Храню сіе опасно.* Подъ изображеніемъ женщины въ сарафанѣ, которая держитъ въ рукахъ цвѣтокъ: *всегда мнѣ любъ,* и т. под. Хоть рѣдко, но и теперь попадаются плоскія татарскія крыши; а прежде, говорятъ, ихъ было гораздо больше; но теперешнія, обыкновенныя крыши дѣлаются здѣсь не обыкновеннымъ образомъ: сперва сдѣлаютъ татарскую и на потолокъ накладутъ земли; а потомъ, чтобы прикинуться европейцемъ, ставятъ европейскую крышу; но эта европейская крыша—оптическій обманъ, довольно наивно устроенный; сквозь эту крышу вы можете видѣть звѣзды небесныя, которыя обыкновенная крыша вамъ бы заслонила. Если дождевая вода кому польется въ домъ, то не крышу европейскую исправляютъ, а подсыпаютъ земли на татарскую. Я не говорю про старыя крыши; словъ: *старая крыша, старый домъ* въ красноярскомъ лексиконѣ не существуетъ; я пишу эти строки въ домѣ, который достался по закладной прадѣду моего хозяина назадъ тому болѣе 100 лѣтъ; когда онъ построенъ — неизвѣстно, но и теперь онъ такъ крѣпокъ, что его топоромъ не урубишь, какъ говорятъ плотники. Можетъ быть, отчасти и поэтому въ городѣ нѣтъ почти ни одной избушки, повалившейся на бокъ, какія зачастую попадаются въ нашихъ верховыхъ городахъ. Такихъ развалинъ едва-ли наберете во всемъ Красномъ Яру съ десятокъ. Всѣ дома довольно опрятны, чисты; часто ворота украшены рѣпейками; иногда даже перекладина украшена рѣзными узорами, очень похожими на узоры, вышиваемые на деревенскихъ утиральникахъ или полотенцахъ. Кстати должно замѣтить, что краснояры украшаютъ рѣзьбой и такія вещи, безъ которыхъ онѣ не только могли бы обойдтись, но гдѣ рѣзьба служитъ только помѣхою: прошу, напримѣръ, посидѣть на скамьѣ, украшенной узоромъ въ четверть вершка глубиной.

Насыпьте кучу песку въ аршинъ въ діаметрѣ, вершка въ два вышиною въ центрѣ, и вы увидите бугоръ немногимъ меньше здѣшнихъ бугровъ; на одномъ изъ такихъ бугровъ и стоитъ городъ Красный Яръ; часть бугра занята постройками, часть садами, третья, едва-ли не самая большая, между городомъ и садами — ничѣмъ не занята. Въ полую воду, когда вода не только подойдетъ къ городу, но и войдетъ въ самый городъ, когда всѣ окружающіе городъ луга покроются водой, въ то время домашній скотъ выпускаютъ на эти пастбища, на которыхъ, впрочемъ, травы нѣтъ; есть что-то въ родѣ травы; но того, что̀ называется травой, здѣсь не найдете; по этой причинѣ скотъ на этомъ пастбищѣ можетъ гулять сколько угодно, а кушать только тогда, когда вздумаетъ его хозяйка, хозяйкѣ же эта вздорная мысль рѣдко приходитъ въ голову. Идите вы изъ города хоть къ Бузану; вы видите прекрасный ровный лугъ, который заливается полою водою; кажется, должна бы быть хорошая трава; подхо̀дите ближе, и видите какую-то жидкую, тощую осоку, которую травой назвать языкъ не поворачивается; сивая зелень этой осоки, однообразіе этой сивой зелени

производитъ до-нельзя тяжелое впечатлѣніе... Вы идете по тропинкѣ, не прельщайтесь тѣмъ, что лугъ вамъ кажется ровнымъ, гладкимъ, какъ-будто бархатнымъ; едва ступите шагъ въ сторону, сейчасъ замѣтите, что здѣсь прошелъ Егорій съ гвоздемъ и еще не проходилъ Никола съ мостомъ. Вы, вѣроятно, знаете, что на Егорьевъ день земля замерзаетъ, и дороги дѣлаются не только не проѣзжими, но и непроходимыми отъ замерзшей взмѣшанной грязи; это и значитъ—Егорій по дорогѣ гвоздей насажалъ. На Николинъ день снѣгомъ покроется дорога, замостится, и тогда дѣлается возможнымъ по ней ходить. По красноярскимъ лугамъ прошелъ только Егорій съ гвоздемъ, а Никола съ мостомъ, вѣроятно, никогда и не пройдетъ, и луга останутся только съ однимъ гвоздемъ. И вотъ почему: когда полая вода покрываетъ эти луга, то скотъ выходитъ на бугоръ; станетъ сбывать вода, скотъ сходитъ еще не на высохшіе луга, и взмѣшаетъ ихъ такъ же, какъ наши дороги осенью; когда же луга совершенно высохнутъ, то колчи на нихъ такъ тверды, что и по тропинкамъ, по которымъ ежедневно ходятъ за водой, все-таки они замѣтны.

Сады здѣшніе плодовые; въ нихъ гулять тоже нельзя: такъ вѣтви свились, что вы можете только ползать, идти же нѣтъ никакой возможности и притомъ во всемъ саду вы не видите ни одной былинки; развѣ гдѣ надъ жолобомъ, по которому протекаетъ вода изъ чигиря для поливки сада. Мимо садовъ—единственно возможная прогулка. Вы идете по довольно ровной дорогѣ и у ногъ вашихъ сады. Для верховыхъ жителей это что-то непривычное; здѣсь же иначе и нельзя: садъ безъ поливки быть не можетъ, а потому устроиваютъ чигири, конныя водоподъемныя машины, проводятъ жолобомъ и канавами воду къ каждому дереву. Такъ-какъ на высокое мѣсто воду провести трудно, то возвышенность срываютъ и весь садъ выравниваютъ, а съ дороги въ садъ непремѣнно приходится идти по очень крутому спуску. У этого спуска стоятъ иногда землянки, то-есть холодныя комнаты, сдѣланныя изъ земли; близь нихъ печи для приготовленія кушанья и вышка: въ нѣсколько саженъ вышиною подмостки съ крышей, на которыхъ спятъ.

Въ воскресенье, я пошелъ въ соборъ, — единственная въ Красномъ Яру церковь,—и какъ-то необычайнымъ мнѣ показалось отсутствіе нищихъ, постоянно стоящихъ у церквей въ другихъ городахъ. Въ церкви было гораздо больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ; изъ мужчинъ только тѣ, которые невода тянутъ близь города, пріѣзжаютъ сюда на праздникъ; женщины же всѣ изъ садовъ приходятъ въ церковь. Отсутствіе нищенства и здѣсь бросалось въ глаза: всѣ рѣшительно, какъ мужчины такъ и женщины, были одѣты болѣе, чѣмъ безбѣдно; многіе же и для нашихъ городовъ—роскошно; рѣдкая женщина была повязана шелковымъ платкомъ; бо́льшая часть изъ нихъ украшали свои головы сѣтками, шиньонами... Всѣ рѣшительно молодыя женщины и дѣвушки были въ кринолинахъ и съ зонтиками въ рукахъ. Мужчины въ казакинахъ, выстеганныхъ узоромъ снаружи, въ форменныхъ казацкихъ, въ халатахъ изъ тонкаго сукна, изъ лѣтнихъ матерій, гораздо красивѣе прекраснаго пола: въ Красномъ Яру трудно встрѣтить миловидное

личико. Правда, что и между мужчинами красиваго, типическаго лица вы не встрѣтите; какого-какого народа нѣтъ въ Красномъ Яру: русскіе, малороссы, армяне, татары, корсаки, калмыки, евреи; только нѣмцами Богъ обидѣлъ... да, кажется, краснояры объ этомъ не жалѣютъ. Но при здѣшней распущенности нравовъ, въ 200—300 лѣтъ русскіе потеряли свой типъ, и еще не успѣли образовать своего астраханскаго, при-каспійскаго.

Выхожу изъ собора; передо мною идетъ толпа женщинъ и, не стѣсняясь публичностью улицы, продолжаетъ свои пересуды.

— Катька-то?!.. говоритъ одна пожилая женщина: — Катька-то?!.. Охъ, грѣхи наши тяжкіе!..

— Богатаго отца дочь!..

— А я такъ и прежде знала, что изъ той Катьки прока не будетъ, рѣшительно добавила третья.

— Какая смиренница!..

— Грѣхи наши тяжкіе!..

— Какая смиренница? рѣзко возразила третья:—хороша смиренница: по пятнадцатому году гулять пошла!..

— Э-эхъ! родная! Да можетъ, онъ, старый песъ, ее приворожилъ чѣмъ: вѣдь всяко бываетъ!..

— Али она его!..

— Посуди сама: дѣвка по пятнадцатому году, а ему вѣрныхъ-вѣрныхъ шестьдесятъ.

— Самъ ёрникъ, отецъ-то... Старикъ-то!..

— Вотъ Богъ ему и воздалъ.

— За отца страждетъ!

— Гдѣ за отца: сама виновата.

Идетъ толпа другая.

— Дурносвистовъ-то, какъ нагрузился!?.. со вздохомъ говорила одна изъ идущихъ.

— Говорятъ: по тысячѣ на лодку.

— Экое счастье!..

Дурносвистову удалось въ нынѣшнемъ году рыбу ловить, такъ этимъ богомольнымъ старухамъ и обидно.

Всѣ прошли; за всѣми ковыляетъ старыми ногами дряблая старушонка.

— Скажи, бабушка, спросилъ я ее: — объ какой это Катькѣ старухи толкуютъ?

— Объ Катькѣ?.. Языкъ чешутъ!.. зашамкала старушонка.—Имъ-то что!

— Можетъ быть, родня какая? продолжалъ я допрашивать старуху, желая во что ни стало завести съ ней разговоръ.

— Родня!.. какая родня!.. Случился съ дѣвкой грѣхъ; толковать-то не объ чѣмъ, вотъ языкомъ-то и мелютъ!.. А спроси-ко любую, не грѣшна ли она въ этомъ дѣлѣ?.. Что теперь какая изъ кожи лѣзетъ... про Катьку-ту воетъ, та сама гулящая баба была!.. Да и теперь коли сама не грѣшитъ, такъ еще больше на душу свою грѣхъ принимаетъ: молодцамъ дѣвокъ под-

водитъ! Много-ли здѣсь праведныхъ? На кого ни взглянешь—былъ грѣхъ.

— Отчего же это такъ, бабушка?

— Первое дѣло—козатчина?

— Что же козатчина?

— А то козатчина: на два года угонятъ, что женѣ дѣлать? Онъ тамъ грѣшитъ, жена дома ложе скверннтъ!.. Обоимъ грѣхъ тяжкій, да невольный.. Богъ имъ судья, а не мы грѣшные!..

— И у мѣщанъ то же?

— И у мѣщанъ то же.

— Мѣщане не ходятъ же въ двухгодичную службу, отчего и у нихъ то же?

— Другъ отъ друга берутъ: заведется эта погань въ городѣ, ты ее ничѣмъ послѣ и не изведешь!..

— Правда.

— Коли не правда!..

Старуха замолчала, но я отъ нее не отставалъ и продолжалъ допытываться.

— Первое дѣло, ты сказала, бабушка: козатчина; а другая же какая причина этой погани, которая завелась, какъ ты говоришь, въ вашемъ городѣ?

— Другое дѣло, другъ ты мой родной, это жизнь наша—питаться надо; всяка душа пить-ѣсть хочетъ; всякъ, кому только въ мочь, или къ неводу идетъ, неводъ тянуть, а кто въ море идетъ: бабы-то и остаются однѣ... Да что пересуживать?! Прощай родной!..

— Прощай бабушка.

Въ Красномъ Яру нетолько не стыдятся своего незаконнаго происхожденія, а какъ-будто гордятся этимъ.

Сяжу я разъ на берегу, невдалекѣ отъ меня сидятъ человѣкъ пять мужиковъ. Одного мужика лѣтъ сорока то называютъ Петровичемъ, то величаютъ Каспаровичемъ. На Петровича онъ отзывается какъ-то нехотя; на Каспарыча—благосклоннѣе. Бесѣда разошлась, остался одинъ Петровичъ-Каспарычъ.

— Нѣтъ-ли у васъ огня? спросилъ я, подходя къ Петровичу-Каспарычу.

— Нѣтъ-съ, нѣту: мы этимъ дѣломъ, признаться, не занимаемся, отвѣчалъ онъ съ привѣтливою улыбкой.

— Извините...

— Ничего-съ!.. Пришли полюбопытствовать на берегъ? На нашъ Бузанъ полюбоваться?

— Да... пошелъ погулять.

Мы разговорились.

— Скажите, какъ васъ зовутъ? спросилъ я, послѣ долгихъ съ нимъ толковъ обо всякой всячинѣ.

— Меня зовутъ Александромъ Каспаровичемъ, отвѣчалъ онъ съ достоинствомъ.

— А мнѣ послышалось, что васъ ваши товарищи одни называли Каспарычемъ, а другіе Петровичемъ.

— Это отъ ихъ самой необразованности! отвѣчалъ Петровичъ-Каспарычъ, снисходительно улыбаясь.

— Какъ отъ необразованности?

— А такъ!.. Онъ опять лукаво засмѣялся и показывалъ видъ, что отъ смѣху не можетъ говорить.

— Скажите, пожалуйста.

— Изволите видѣть: мой отецъ Каспаръ Богданычъ—нѣмецъ; только онъ съ моей родительницей не былъ перевѣнчанъ законнымъ бракомъ, родительница моя была замужемъ за простымъ мужикомъ; вотъ по этому мужику я Петровичъ!.. А я до подлинности знаю, что я Каспарычъ.

— Почему же вы это знаете? Мать, что ли, вамъ это говорила?

— Экой вы!..

— Что?

— Развѣ мать станетъ это сыну говорить?.. Всѣ говорятъ, что на ту пору мать съ Каспаромъ Богданычемъ гуляла!.. Стало, я по настоящему, по самому дѣлу и выхожу Каспарычъ... Какой я Петровичъ?!..

Въ другой разъ мнѣ случилось слышать подобную штуку въ трактирѣ отъ 16—17 лѣтняго мальчика.

Въ Красномъ Яру два трактира; въ одномъ даже есть комната чистая, въ которой можно остановиться и проѣзжающему, и бильярдъ есть; а другой, тотъ же кабакъ, гдѣ, кромѣ водки, ничего нельзя получить. Такъ въ трактиръ-кабакъ я и зашелъ. Черноглазый, черноволосый красивый мальчикъ подалъ мнѣ водки.

— Какой ты молодчина! сказалъ я ему.

— Наше дѣло такое.

— Ты изъ русскихъ?

— Только одна слава, что изъ русскихъ; а по настоящему, какъ есть армянинъ.

— Это какъ?

— Меня матушка съ армяниномъ прижила: какой-же я русскій?!..

— Мать тоже армянка?

— Мать, нѣтъ! та русская.

— Она замужемъ была за армяниномъ?

— Нѣтъ!.. Какое замужемъ; такъ жила!..

Желаніе ли показаться не русскими, заставило этихъ людей отказаться отъ законныхъ отцовъ, или что другое—я не знаю.

Верстахъ въ 4—5 отъ Твери тысячу лѣтъ живетъ корела: отчего мы ее не обрусили? отчего русскіе въ Якутской области не обрусили якутовъ, а и сами объякутились? Гончаровъ разсказываетъ же, что у русскаго, живущаго у якута, дѣти не умѣютъ говорить порусски, а понимаютъ только поякутски; отчего это?

Сталъ я шляться по садамъ, кабакамъ; въ садахъ нельзя сказать, чтобы работа была трудна: подставятъ лѣстницу къ дереву и давятъ-себѣ помаленьку на листьяхъ червя; это дѣлается какъ-то неспѣша и до нельзя апа-

тически; чрезъ нѣсколько минутъ останавливаются, разговариваютъ; потомъ чай пьютъ, потомъ кофе; потомъ обѣдаютъ, потомъ... а между этими *потомъ* работаютъ. Какъ говорятъ про патріарха Филарета Никитича: что онъ зналъ науку, какъ управлять царствомъ, да отчасти уразумѣлъ и священное писаніе,—такъ же можно сказать, что краснояры пьютъ, ѣдятъ, отдыхаютъ и отчасти работаютъ. Червя давить нетрудно; а завязать лошади глаза, запречь ее въ чигирь — минутное дѣло; *потомъ* лошадь сама знаетъ, что ей надо ходить: ежели есть какой мальчишка около лошади—хорошо; а часто и никого нѣтъ—и то сойдетъ.

Въ кабакахъ тоже дѣятельности мало: кабаковъ много, а покупщиковъ мало.

— Чѣмъ жить? говорилъ мнѣ шинкарь, бывшій морякъ, то-есть ходившій въ море за рыбой и, что рѣдкость здѣсь—русскій.

— Торгуете, отвѣчалъ я.

— Какая торговля?..

— Зачѣмъ же столько кабаковъ открыто: не было бы продажи, не открывали бы столько кабаковъ.

— Надо же чѣмъ-нибудь жить.

— Невыгодно держать кабакъ, занялись бы какимъ другимъ дѣломъ.

— Какое выгодно?.. Повѣрите ли вы моей совѣсти: въ эту недѣлю на три монета не продалъ.

— Вы сами хозяинъ?

— Нѣтъ, отъ хозяина.

— Сколько вы получаете?

— Бездѣлицу!.. Семь рублей въ мѣсяцъ.

— Семь рублей?

— Водку беремъ отъ хозяина по три рубля, по два рубля восемь гривенъ. Сами продаемъ распивочно двадцать-пять копѣекъ полштофъ; ну, тамъ нельзя же налить совсѣмъ полную... Солдаты сами черпаютъ изъ ведра, да и то остается лишекъ... Ведро все-таки обойдется покупателю рублей въ шесть.

— Стало быть, можно еще жить, сказалъ я: — когда вы получаете отъ хозяина семь рублей, да еще и барышъ отъ водки есть.

— Чѣмъ же тутъ жить?.. Вѣдь мы, краснояры, и къ чаю, и къ кофею люди привычные... за обѣдъ тоже безъ калачика никто не садится, проговорилъ онъ, усмѣхаясь.

— Ищите другой работы, коли, какъ вы сами говорите, кабакъ держать находите для себя не совсѣмъ выгоднымъ, ежели неубыточнымъ.

— Это время!..

— Какъ время??

— Теперь такое время! Это время для насъ самое тяжелое, и вы посмотрите, какъ краснояры зашумятъ послѣ пятнадцатаго мая!..

— Отчего вы ждете пятнадцатое мая?

— Съ пятнадцатаго мая по пятнадцатое іюля ловъ запрещенъ по рѣкамъ, всѣ ловцы и прибѣгаютъ въ городъ, а тамъ и моряки подвалятъ.

— Морякамъ какая нужда до пятнадцатаго мая: запрещенъ ловъ только въ рѣкахъ...

— Морякамъ тоже послѣ пятнадцатаго мая скоро конецъ приходитъ.

— Какъ конецъ?

— А такъ, настанутъ жары: вода въ морѣ бываетъ такая соленая, все равно, что купоросъ... На припасы нападаетъ чума — ту чуму ничѣмъ не ототрешь.

— Какая чума?

— А такъ, черная такая слизь,—ничѣмъ ты ее не ототрешь; возьмешь въ руки какой припасъ—такъ онъ весь и ползетъ: просто бросить надо.

— Поэтому моряки и съѣзжаются въ городъ послѣ пятнадцатаго мая непремѣнно?

— Послѣ пятнадцатаго, а то послѣ двадцатаго, двадцать пятаго выходятъ изъ моря; а сюда приходятъ, кто далеко стоитъ, недѣли черезъ двѣ.

— Тогда и торговля ваша лучше пойдетъ? спросилъ я шинкаря.

— Тогда такая гульня пойдетъ!.. Всю ночь напролетъ гуляютъ, по улицамъ ходятъ, пѣсни поютъ!..

На берегу та же мертвенность: нѣсколько судовъ разныхъ наименованій стоятъ на берегу; нѣсколько лодокъ привязано у берега; а нѣкоторыя только сдвинуты переднею частью на берегъ; народу же — будто Мамай прошелъ... Нигдѣ ни души.

НАРОДНЫЕ СТИХИ

и

ПѢСНИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

По поводу русскихъ пѣсенъ, изданныхъ Якушкинымъ.

(Извлеченіе изъ ст. профессора Буслаева)

Послѣ напечатанія въ «Лѣтописяхъ Русской Литературы» 1859 г. и въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860 г. русскихъ пѣсенъ и духовныхъ стиховъ, собранныхъ П. И. Якушкинымъ и обратившихъ на себя общее вниманіе любителей и знатоковъ нашей народной словесности,— одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ и авторитетныхъ судей въ этомъ дѣлѣ, профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ, посвятилъ имъ тогда же обширную ученую статью, вошедшую въ І-й томъ его книги «Русская Народная Поэзія» (1861 г.), подъ заглавіемъ: «Русскій Народный Эпосъ».

Статья эта составляетъ, конечно, лучшее предисловіе къ сборнику издаваемаго нами автора, но перепечатывать ее здѣсь цѣликомъ мы и не въ правѣ и не находимъ въ томъ надобности. Согласно заглавію, г. Буслаевъ большую часть названной статьи посвящаетъ общимъ теоретическимъ соображеніямъ и разъясненіямъ, относящимся ко всей области народнаго эпоса, ко всѣмъ сдѣланнымъ наукою пріобрѣтеніямъ въ этой области.

Такъ, онъ опредѣляетъ важное значеніе продуктовъ истинной народной поэзіи, высоко цѣнитъ чистоту ихъ «эпическаго стиля», ихъ естественность и правдивость, глубину проникающаго ихъ нравственнаго чувства и т. д. Затѣмъ г. Буслаевъ, привѣтствуя труды по изученію народности и старины, ждетъ отъ нихъ блистательныхъ результатовъ для эстетики и исторіи литературы, такъ какъ «народные элементы» дадутъ возможность правильно рѣшить «всевозможные вопросы

эстетическіе и литературные». «Надобно полагать, говоритъ онъ, что даже самыя избитыя положенія устарѣлой теоріи получатъ новый смыслъ, болѣе точное значеніе».

Далѣе, г. Буслаевъ переходитъ къ оцѣнкѣ собранныхъ Якушкинымъ сокровищъ народной поэзіи, группируетъ ихъ, останавливаясь подробно на каждой группѣ, а также, въ отдѣльности, на каждомъ замѣчательномъ и характеристическомъ явленіи народнаго творчества.

Г. Буслаевъ, между прочимъ, находитъ, что «*пѣсни бытовыя*, то есть, подблюдныя, свадебныя, хороводныя, веснянки, а также разныя причитанья и заговоры, сохранили въ себѣ гораздо больше слѣдовъ древнѣйшаго миѳологическаго эпоса, нежели пѣсни богатырскія, которыя значительно потерпѣли отъ внесенія въ нихъ элемента историческаго». Относительно *исторической пѣсни* или *былины*, онъ высказываетъ мнѣніе, что она заслуживаетъ особеннаго вниманія между прочими видами русской народной поэзіи, такъ какъ «свидѣтельствуетъ намъ, что народъ принималъ живѣйшее участіе въ историческихъ судьбахъ Руси, умѣлъ по своему очень вѣрно понимать ихъ и давать имъ мѣткую характеристику въ своихъ пѣсняхъ». «Съ точки зрѣнія собственно литературной», г. Буслаевъ ставитъ былины «несравненно выше всевозможныхъ историческихъ руководствъ или учебниковъ», а для «народа— въ его неразвитомъ, безсознательномъ, поэтическомъ періодѣ развитія,— онѣ служатъ единственнымъ и самымъ популярнымъ средствомъ къ поддержанію и укрѣпленію національныхъ силъ, развитыхъ въ народѣ его исторіею». Здѣсь авторъ подробно разбираетъ наиболѣе выдающіяся былины, записанныя Якушкинымъ, напр., пѣсни: «О Марьѣ Юрьевнѣ», «О свадьбѣ Грознаго», «Про осаду Соловецкаго монастыря» и пр.

На *духовные стихи* и *народные разсказы* религіознаго содержанія г. Буслаевъ смотритъ, какъ на «дальнѣйшее развитіе народной эпической дѣятельности», и ставитъ ихъ въ этомъ отношеніи наравнѣ съ былинами. Въ то время, какъ былины развивались изъ эпическаго начала подъ вліяніемъ историческихъ событій, духовныя пѣсни и разсказы, исходя изъ того же начала, складывались подъ вліяніемъ христіанскаго ученія и книжнаго просвѣщенія. Первыя замѣняли для народа лѣтописи, вторыя — духовную литературу. Въ духовныхъ пѣсняхъ г. Буслаевъ видитъ «замѣчательную для исторіи русскаго образованія связь устной словесности съ письменной литературой и преимущественно съ апокрифическою», причемъ, на его взглядъ нѣкоторые, сложенные народомъ, стихи этого рода «дышатъ чистыми идеями христіанства». Опять и здѣсь авторъ обстоятельно разбираетъ записанныя Якушкинымъ пѣсни и разсказы, и изъ послѣднихъ нѣкоторые, *двоевѣрные*, апокрифическаго происхожденія, приводитъ цѣликомъ для доказательства ихъ тѣснѣйшей связи съ духовными стихами. Въ этихъ стихахъ и разсказахъ особенно цѣнно, по его мнѣнію, что въ нихъ «народъ сберегъ память о древнѣйшихъ поэтическихъ преданіяхъ, случайно внесенныхъ въ наши лѣтописи

и принадлежащихъ къ драгоцѣннымъ остаткамъ древнѣйшей русской поэзіи».

Въ заключеніе своего обзора сборника Якушкина, почтенный ученый счелъ нужнымъ оградить произведенія безъискусственнаго народнаго творчества отъ фырканья фальшивой брезгливости и дешевыхъ обвиненій.

«Безусловно осуждать, говоритъ онъ, народные вымыслы въ грубости и нелѣпости очень легко съ высоты нашихъ мнимыхъ просвѣщенныхъ взглядовъ и съ точки зрѣнія чопорныхъ условныхъ приличій. Для такого бездоказательнаго осужденія нужно только какъ можно меньше знать убѣжденія и вѣрованія простаго народа и древне-русскую литературу. Отъ того-то мнимо-просвѣщенное невѣжество такъ и падко на осужденія, оскорбительныя для русской народности. Но когда будетъ указано, что эти народные вымыслы коренятся на многовѣковыхъ преданіяхъ русской жизни, и что въ нихъ выражается не только вліяніе нашей древней письменности, но и сама духовная жизнь народа, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, тогда эти вымыслы должны будутъ обратить на себя болѣе серьезное вниманіе всякаго благомыслящаго человѣка. Правда, что въ нихъ много нелѣпаго; но вѣдь это не книга, не вещь какая-нибудь, которую можно сберечь или какъ-нибудь уничтожить. Это — понятіе и убѣжденіе, думы и гаданія самаго народа во всей ихъ наивной наготѣ, переданныя въ словѣ. Жили они въ устахъ многихъ поколѣній и благополучно дожили до нашихъ временъ, когда человѣколюбіе и наука по достоинству оцѣнили ихъ высокое значеніе для исторіи человѣчества».

II.

Якушкинъ о своемъ сборникѣ пѣсенъ.

Печатая въ 1865 г. свое собраніе пѣсенъ, нашъ собиратель предпослалъ имъ отъ себя «нѣсколько словъ». Такъ онъ говоритъ, между прочимъ, что, въ виду ожидавшагося тогда выхода собранія пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, онъ считаетъ обязанностью каждаго другаго собирателя «сообщать и печатать всѣ матеріалы, какіе онъ успѣлъ собрать», въ интересахъ полноты сборника Кирѣевскаго. «Съ этою цѣлью издаю и я, говоритъ онъ, часть моего собранія», которое онъ надѣялся издать

все «въ скоромъ времени». Послѣднее намѣреніе Якушкина не исполнилось и, вѣроятно, значительная часть изъ собранныхъ имъ пѣсенъ осталась вовсе не опубликованной и, со смертью его, затерялась. Мы здѣсь даемъ *все*, что было имъ издано, а именно: 25 пѣсенъ, напечатанныхъ въ «Лѣтописяхъ Русской Литературы и Древности» за 1859 г., изд. Н. Тихонравовымъ, 6 пѣсенъ, явившихся въ литературномъ сборникѣ «Утро» за 1859 г., и все объемистое собраніе, нашедшее себѣ мѣсто въ «Отеч. Запискахъ» за 1860 г. (книги: 4, 5, 6, 7, 10 и 12) *).

Въ своемъ вышеупомянутомъ предисловіи, Якушкинъ высказываетъ свои воззрѣнія на методъ собиранія и классифицированія сокровищъ народной поэзіи.

«Хотя въ настоящее время, говоритъ онъ, казалось-бы рано подводить пѣсни подъ различные отдѣлы и хотя другая обязанность собирателя состоитъ въ томъ, чтобъ не мудрствовать лукаво и пока не извлекать изъ нихъ теорій въ пользу того или другаго историческаго и нравственнаго взгляда; но, для удобства употребленія, необходимо подвести ихъ подъ какія нибудь рубрики. Въ этомъ отношеніи, сколько я могъ убѣдиться при разсматриваніи бывшихъ у меня подъ руками матеріаловъ П. В. Кирѣевскаго, пѣсни могутъ быть безопасно раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы:

I. *Стихи духовнаго содержанія.*

II. *Пѣсни историческія*, съ которыми могутъ быть соединены и солдатскія.

III. *Пѣсни лирическія*, изъ которыхъ нѣкоторыя, по своему содержанію, нѣсколько эпическому, принадлежатъ къ области балладъ, другія къ роду элегій. Впрочемъ, баллада такъ легко переходитъ въ элегію и, наоборотъ, элегія въ балладу, что строго разграничить ихъ невозможно, по крайней мѣрѣ, до времени.

---

*) Отдѣльными изданіями собраніе пѣсенъ Якушкина выходило два раза: 1) въ 1860 г., подъ заглавіемъ: «Русскія пѣсни, собранныя П. Якушкинымъ», Спб., въ типогр. И. Глазунова, in 8⁰, 106 стр. Въ это изданіе вошла только часть пѣсенъ, ранѣе напечатанныхъ въ «Отеч. Запискахъ»; и 2) въ 1865 г., подъ заглавіемъ: «Народныя русскія пѣсни изъ собранія П. Якушкина», Спб., въ типогр. А. А. Краевскаго, in 8⁰, 288 стр. Это изданіе несравненно объемистѣе и полнѣе перваго, но значительнѣйшая часть его (весь Лирическій отдѣлъ) состоитъ, собственно, изъ стереотипныхъ оттисковъ этихъ пѣсенъ въ «Отечествен. Запискахъ». Кромѣ всего собранія, напечатаннаго въ сейчасъ названномъ журналѣ, въ этомъ изданіи повторены также всѣ пѣсни (за исключеніемъ одной), ранѣе напечатанныя въ «Лѣтописяхъ Русской Литературы»; не нашли въ немъ мѣста только пѣсни, явившіяся въ сборникѣ «Утро».

Въ свое время труды Якушкина по изученію народнаго поэтическаго творчества были привѣтствованы всей литературой и оцѣнены ею по достоинству. Когда онъ напечаталъ свое собраніе пѣсенъ въ «Отечествен. Запискахъ» — собраніе это сдѣлалось предметомъ цѣлой литературы. О немъ явились обстоятельные и очень лестные для собирателя отзывы: въ «Извѣстіяхъ Академіи наукъ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и «Отеч. Зп.», за 1860 г. (ст. А. Григорьева) въ журн. «Время» за 1861 г., кн. 4, и пр.

IV. *Пѣсни обрядныя*, то есть: а) свадебныя, б) величальныя, в) подблюдныя, г) хороводныя, и д) праздничныя.»

Этой группировки мы и держались здѣсь, и — по ней распредѣлено все предлагаемое собраніе пѣсенъ нашего автора.

Далѣе, въ своемъ предисловіи, Якушкинъ подробно останавливается на значеніи *варіантовъ*.

«Я думаю, говоритъ онъ, что варіанты пѣсенъ должны быть печатаемы *всѣ:* варіанты словъ могутъ быть подводимы подъ тексты, но варіанты содержанія должны быть сохраняемы во всей ихъ цѣлости и неприкосновенности. На это есть различные способы и методы. П. В. Кирѣевскій составлялъ пѣсню изъ различныхъ варіантовъ, относя разности въ примѣчанія и такимъ образомъ сохраняя варіанты и вмѣстѣ выводя изъ нихъ существенное содержаніе; это могъ дѣлать одинъ П. В. Кирѣевскій съ его глубокимъ знаніемъ источниковъ, съ его въ высшей степени замѣчательнымъ эстетическимъ чутьемъ и при обиліи его матеріаловъ. Но не всѣмъ такой пріемъ позволителенъ.»

Здѣсь Якушкинъ на примѣрахъ и цитатахъ показываетъ мастерство работы Кирѣевскаго, по сравненію съ такою же работою, извѣстнаго своимъ безвкусіемъ и безцеремонностью въ обращеніи съ памятниками, Сахарова. Для сравненія взята пѣсня объ осадѣ Пскова. Затѣмъ, Якушникъ приводитъ, для той же цѣли, въ параллели одну и ту-же свадебную пѣсню — въ редакціи Кирѣевскаго и въ своемъ спискѣ съ пятью варіантами *). «Пѣсня Кирѣевскаго, замѣчаетъ онъ при этомъ, составлена изъ нѣсколькихъ варіантовъ; я-же, не принимая на себя такой смѣлой задачи, только подвожу варіанты, думая, что они должны быть сохраняемы» въ неприкосновенности, «ибо каждый варіантъ представляетъ свой особый интересъ». Онъ и держится этого хорошаго правила въ своемъ собраніи, какъ увидитъ читатель.

«Важное значеніе варіантовъ въ пѣсняхъ, говоритъ онъ далѣе, особенно-наглядно выражается, напримѣръ, въ пѣснѣ о князѣ Волконскомъ и Ванѣ ключникѣ. Въ моемъ собраніи, нынѣ предлагаемомъ публикѣ, я представляю это народное созданіе въ трехъ варіантахъ, и пѣсню про молодца, въ которой разсказывается подобное же происшествіе. Какъ варіанты той же пѣсни, замѣчательны: 1) въ древнѣйшей, по всей ви-

---

*) Кромѣ этой пѣсни, Якушкинъ, для большей убѣдительности своей мысли о важности и характерности варіантовъ, привелъ еще историческую пѣсню о князѣ Голицынѣ съ кропотливымъ подстрочнымъ указаніемъ различій въ ея изложеніи по 8-ми спискамъ. Полагаемъ, что въ настоящее время убѣждать кого нибудь въ филологической и этнографической важности варіантовъ пѣсенъ — нѣтъ надобности: теперь это въ наукѣ общее мѣсто. Поэтому мы опускаемъ въ нашемъ изданіи этотъ техническій опытъ нанизыванія варіантовъ, сдѣланный Якушкинымъ *примѣрно:* если онъ и имѣетъ еще интересъ, то слишкомъ частный и спеціальный (занимаетъ онъ 4 страницы). Желающихъ ознакомиться съ нимъ—отсылаемъ къ изданію пѣсенъ нашего собирателя 1865 г.

димости, формѣ о Дунаѣ Ивановичѣ (напечатанной въ «Извѣстіяхъ Академіи»), 2) въ формѣ, сохраненной новиковскимъ пѣсенникомъ:

Гулялъ молодецъ по Украйнѣ ровно тридцать лѣтъ,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву.

3) въ смутной и темной формѣ пѣсенъ о князѣ Волконскомъ, напечатанныхъ О. М. Бодявскимъ въ № III «Чтеній» 1859 года, 4) наконецъ въ позднѣйшей, искаженной трактирной цивилизаціей формѣ: «Любила княгиня камеръ-лакея», помѣщенной во многихъ старыхъ сборникахъ пѣсенъ.

«Другая важная сторона значенія варіантовъ уясняется изъ извѣстной пѣсни:

Ахъ, ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по прежнему?...

равно относимой народнымъ творчествомъ къ Іоанну IV, Петру I, Петру II, Петру III, Екатеринѣ (вѣроятно, II), къ Павлу I и къ Александру I. Эпическія формы остаются тѣ же, но прилагаются къ разнымъ лицамъ. Такъ, еще пѣсня, сложенная про смерть Лопухина изъ эпохи «Семилѣтней войны», приложена къ французскому нашествію. Вообще географическимъ названіямъ и именамъ историческихъ лицъ не должно приписывать въ пѣсняхъ бо́льшаго значенія. Въ Новгородѣ и Псковѣ является часто и совершенно неумѣстно Иванъ IV; въ Орлѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ и проч. Петръ I; въ низовыхъ губерніяхъ: Симбирскѣ, Саратовѣ и проч. Алексѣй Михайловичъ *).

«Такъ, въ приведенной выше пѣснѣ является Карамышевъ, въ пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря Салтыковъ, лица, неучаствовавшія въ событіяхъ, о которыхъ въ пѣсняхъ разсказывается.

«Вообще я долженъ замѣтить, что баллады представляютъ гораздо болѣе варіантовъ, чѣмъ пѣсни чисто лирическія. Изъ послѣднихъ можно указать на нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, «Калина съ малиною лазоревый цвѣтъ», извѣстная въ народѣ подъ названіемъ «*Веселая бесѣдушка*», которыя рѣшительно не представляютъ варіантовъ (кромѣ выговора). Свидѣтельствуетъ ли это въ пользу ихъ древности—предоставляю рѣшить знатокамъ. Укажу еще на пѣсню: «Охъ ты садъ ли мой садочикъ», представляющую своей конструкціей большое сходство съ одной изъ древ-

*) Я имѣлъ эту пѣсню изъ Вятки, Новгорода, Костромы, Москвы, Орла, Воронежа. Всѣхъ списковъ я знаю до 20-ти. *Авт.*

нѣйшихъ славянскихъ пѣсенъ, съ пѣснею о *Розѣ*, Краледворской рукописи.

«Желательно, чтобъ изданы были голоса пѣсенъ. До сихъ поръ, кромѣ труда покойнаго М. А. Стаховича, нельзя указать ни на одно собраніе, которое сколько-нибудь удовлетворяло бы требованію истинныхъ знатоковъ. По моему мнѣнію, въ этомъ отношеніи должны быть насохраняемы варіанты мотивовъ, разнообразные по мѣстностямъ. Въ настоящее время мнѣ удалось слышать пѣсни, аранжированныя для пѣнія К. П. Вильбоа; какъ мнѣ кажется, эти аранжировки удовлетворятъ своею вѣрностью и художественностью самыхъ строгихъ судей этого дѣла.»

Свое предисловіе Якушкинъ заключаетъ пожеланіемъ, чтобы, готовившееся тогда, изданіе пѣсенъ Кирѣевскаго было окончено скорѣе.

Засимъ мы предлагаемъ цѣликомъ статью Якушкина, напечатанную въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1864 г. Статья эта, во многомъ интересная, имѣетъ значеніе не только біографическое по отношенію къ самому Якушкину, но и историческое въ литературѣ нашей, вообще, и, въ частности, въ области трудовъ, посвященныхъ собиранію и изданію сокровищъ народной устной словесности.

Статья эта заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, горячее и ѣдкое обвиненіе извѣстнаго Безсонова въ литературномъ чужеядствѣ и въ узкомъ педантизмѣ. Въ свое время она послужила къ возбужденію оживленной полемики. Якушкину Безсоновъ возражалъ въ журналѣ «День» (1864 г. № 1); Якушкинъ ему отвѣчалъ въ «Голосѣ» (1864 г. № 157). Якушкинъ здѣсь едва-ли былъ справедливъ во всемъ; споритъ онъ придирчиво, рѣзко, мѣстами опромѣтчиво, и,—конечно, статья его интересна для насъ не полемической своей стороной. Перепечатывая ее здѣсь, мы имѣли въ виду главнымъ образомъ услышать изъ устъ самого Якушкина: кто и какъ толкнулъ его на прекрасное дѣло собиранія пѣсенъ со словъ самого народа, какъ относился онъ лично къ этому дѣлу, какъ оно созрѣвало и крѣпло, и кому всего болѣе обязана русская литература его развитіемъ? Самого Якушкина статья эта освѣщаетъ съ очень выгодной стороны, какъ пламеннаго, толковаго труженика-вкладчика въ науку познанія духовной жизни и творческихъ силъ русскаго народа. Нужно, ко всему, добавить, что приводимая статья Якушкина — самая значительная и наиболѣе содержательная изъ всѣхъ (очень немногихъ) его критическихъ замѣтокъ.

III.

Кое-что объ изданіяхъ Безсоновымъ народныхъ стиховъ и пѣсенъ.

Я по сіе время не понимаю, за что такая несчастная доля постигаетъ сборникъ пѣсенъ Петра Васильевича Кирѣевскаго. Петръ Васильевичъ началъ записывать русскія пѣсни еще въ 20-хъ годахъ, слѣдовательно, болѣе 35 лѣтъ назадъ; ѣздилъ онъ по Россіи нѣсколько разъ самъ, съ единственною цѣлію записывать пѣсни; всѣ, кто только успѣвалъ записывать какую-нибудь пѣсню, доставляли ее непремѣнно Петру Васильевичу. Между сотрудниками его въ этомъ дѣлѣ вы встрѣчаете Пушкина, Гоголя, Кольцова, Даля, Языковыхъ, Погодина, Шевырева и много, много другихъ. Сколько мнѣ помнится, нѣтъ ни одной губерніи, изъ которой бы въ этомъ сборникѣ не было пѣсенъ. Прибавьте къ этому добросовѣстность собирателя, глубокую его образованность, необыкновенное эстетическое и народное чутье и болѣе тридцати-пяти лѣтъ неусыпныхъ трудовъ. Кажется, какъ при этихъ условіяхъ не достигнуть успѣха?!... И достигъ бы успѣха Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, ежели бы у него немного поменѣе было добросовѣстности и любви къ своему дѣлу, а коли хоть немного было бы нахальства; имѣя же вышеупомянутые *недостатки*, онъ не могъ сдѣлать кое-какъ; и что имъ было сдѣлано — сдѣлано хорошо. Припомнимъ, что до самой смерти Петра Васильевича никто не зналъ, не исключая и самаго *Общества любителей русской словесности*, которому теперь поручено изданіе этого сборника, никто не зналъ, что Петръ Васильевичъ не только записывалъ пѣсни, но что онъ *составлялъ* *) ихъ изъ многихъ варіантовъ, и такъ составлялъ, что никто не нашелъ не только стиха, но ни одного даже *слова*, которое бы показалось ненароднымъ: такъ глубоко понималъ нашъ первый (и по времени, и по способностямъ) собиратель народной поэзіи. Умеръ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, а съ нимъ умерла и надежда видѣть когда-нибудь сборникъ русскихъ пѣсенъ, какого мы могли ожидать при жизни Петра Васильевича.

Послѣ смерти Кирѣевскаго, родственниками его поручено было мнѣ заняться приготовленіемъ къ изданію всѣхъ оставшихся пѣсенъ. При

---

*) Подъ словомъ *составлялъ* надо разумѣть „возсоздавалъ", т. е. Петръ Васильевичъ Кирѣевскій бралъ нѣсколько варіантовъ одной и той же пѣсни и выбиралъ изъ каждаго варіанта тотъ стихъ, который казался ему лучше. При этомъ онъ указывалъ добросовѣстно именно на тотъ варіантъ, которымъ онъ пользовался. Это можетъ засвидѣтельствовать г. Безсоновъ, распоряжающійся драгоцѣнными рукописями Кирѣевскаго.

самой передачѣ мнѣ пѣсенъ В. А. Елагинымъ, я замѣтилъ страшный недочетъ въ бумагахъ: по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ стопъ бумаги, исписанной пѣснями, *не оказалось*; потомъ я узналъ, что сверхъ этой страшной потери, пропало еще множество бумагъ покойнаго Петра Васильевича, оставленныхъ имъ въ Москвѣ. Эти пропавшія драгоцѣнности извѣстны многимъ; самъ г. Безсоновъ говоритъ объ этой потерѣ. А мнѣ занимавшемуся у Петра Васильевича болѣе двадцати лѣтъ по части собиранія пѣсенъ, слишкомъ хорошо извѣстны эти рукописи.—Когда мнѣ, было поручено приготовить къ изданію пѣсни Петра Васильевича, въ тоже время В. А. и Н. А. Елагины, М. А. Стаховичъ и я, составили опись, въ двухъ экземплярахъ, всѣмъ пѣснямъ и въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ остались послѣ смерти собирателя, и всѣ четверо подписались подъ обоими экземплярами. Думая, что издавать придется мнѣ и не надѣясь издать надлежащимъ образомъ, я поставилъ въ непремѣнное условіе, что по окончаніи работъ, кѣмъ бы то ни было произведенныхъ, рукописи всѣ должны для повѣрки поступить или въ публичную петербургскую библіотеку, или въ библіотеку московскаго университета. Затѣмъ я немедленно приступилъ къ работѣ. Не мнѣ судить, хорошо или дурно вышло бы у меня собраніе, но я долженъ сказать, что, приготовивъ историческія пѣсни къ изданію и не довѣряя себѣ, я изъ орловской губерніи, гдѣ производились работы, отправился въ Москву, съ единственною цѣлью воспользоваться совѣтами тамошнихъ ученыхъ; и какъ изданіе пѣсенъ, по моему мнѣнію, въ чемъ вѣрно согласятся и многіе, должно быть исполнено подъ вліяніемъ не одной какой-нибудь партіи, а всѣхъ партій, то я и обратился за совѣтомъ ко всѣмъ. Я показывалъ историческія пѣсни П. А. Безсонову, И. Д. и И. В. Бѣляевымъ, К. С. Аксакову, Ѳ. И. Буслаеву, И. Е. Забѣлину, Т. И. Филипову, А. Н. Островскому, В. М. Ундольскому, А. С. Хомякову, И. В. Павлову, и — представьте мое великое удивленіе: ни отъ одного изъ этихъ господъ я не слыхалъ ничего, кромѣ похвалъ, ни одного замѣчанія!.. Другими словами, всѣ они одобрили мои работы по изданію русскихъ пѣсенъ. Немедленно я вернулся въ орловскую губернію и къ осени 1857 года сборникъ пѣсенъ былъ почти готовъ... Надобно быть въ этомъ дѣлѣ опредѣлительнѣе въ своихъ словахъ: мнѣ оставалось, безъ усиленнаго труда, работы еще недѣли на двѣ, на три, и притомъ такой не важной, что я легко могъ исполнить ее при держаніи корректуръ.

Въ концѣ февраля 1860 года рукописи собранія покойнаго Петра Васильевича Кирѣевскаго были переданы *Обществу любителей русской словесности*, и общество въ тоже засѣданіе изданіе рукописей поручило К. С. Аксакову, П. А. Безсонову и В. И. Далю; наконецъ, въ сентябрѣ этого года вышелъ первый выпускъ «Пѣсенъ, собранныхъ Петромъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ» (94 стр.); въ февралѣ или въ концѣ января 1861 года вышелъ второй выпускъ (96 стр.); въ апрѣлѣ или въ маѣ вышелъ третій выпускъ (124 стр.). Чтобъ кончить всю исторію изданія

этого горькаго сборника, я долженъ сказать, что комиссія, издававшая эти три выпуска, прибавила нѣсколько пѣсенъ изъ разныхъ сборниковъ, къ пѣснямъ, собраннымъ Петромъ Васильевичемъ и приведеннымъ мною въ порядокъ, по плану самого собирателя. Я этого сдѣлать не могъ; мнѣ *запрещено* было прибавлять что-нибудь къ сборнику, исключая нѣкоторыхъ старинныхъ печатныхъ сборниковъ, и именно въ уваженіе только того, что Петръ Васильевичъ самъ началъ выписки изъ этихъ сборниковъ.

Ко всему этому мнѣ не приходится говорить ни въ похвалу, ни въ порицаніе этого изданія: пусть судятъ всѣ, кто какъ знаетъ; я буду говорить собственно только о работахъ комиссіи, которой поручено изданіе этого сборника, драгоцѣннаго и по содержанію, и по имени собирателя. И я считаю тѣмъ болѣе моей обязанностью сказать свое мнѣніе, можетъ быть ошибочное, что болѣе чѣмъ кто-либо знаю объ этихъ работахъ и о томъ, что сдѣлали съ сборникомъ Петра Васильевича дѣйствующіе члены Общества любителей русской словесности, которыхъ Кирѣевскіе считали искренними своими друзьями.

«Не родись богатъ-уменъ, а родись кудрявымъ», говоритъ народъ. П. А. Безсоновъ родился совершенно кудрявымъ! Другихъ достоинствъ, по изданію русскихъ пѣсенъ, я за нимъ рѣшительно не знаю. Кто можетъ сказать, по какому несчастному случаю весь сборникъ пѣсенъ Кирѣевскаго, да и всѣ сборники пѣсенъ достались безконтрольно въ однѣ руки г. Безсонова? Гдѣ онъ проявилъ знаніе русской народной поэзіи? Онъ рѣшительно ничѣмъ не показалъ знанія народной жизни; только впослѣдствіи доказалъ отсутствіе пониманія русской поэзіи и зависть къ заслугамъ Петра Васильевича Кирѣевскаго. Чѣмъ вы объясните, напримѣръ, какъ не завистью, слѣдующее: едва узнали люди совсѣмъ не близкіе, а можетъ быть и лично незнакомые съ Петромъ Васильевичемъ, объ изданіи его собранія, какъ въ ту же минуту предложили свои сборники въ общую сокровищницу Кирѣевскаго; изъ числа многихъ я укажу на Ѳ. И. Буслаева, И. Е. Забѣлина; г. Рыбниковъ имѣя подъ руками множество пѣсенъ, не остался чуждымъ этому труду: онъ далъ нѣсколько пѣсенъ въ сборникъ Кирѣевскаго; одинъ только г. Безсоновъ, которому безконтрольно порученъ сборникъ, взялъ себѣ часть, а можетъ и лучшую, именно духовные стихи изъ сборника Кирѣевскаго, и издалъ ихъ въ своихъ «*Калѣкахъ-перехожихъ*», да при этомъ надо замѣтить, ни одной строки не вложилъ въ собраніе, порученное его благодѣяніямъ. При этомъ онъ не забылъ сказать о своихъ великихъ трудахъ (которыхъ не было), о своихъ заслугахъ, о которыхъ никто не знаетъ!.. Г. Безсоновъ объясняетъ это тѣмъ, что у него великій сборникъ стиховъ; изъ «*Калѣкъ-перехожихъ*» этого не видно, а хоть бы это была и правда, онъ по долгу чести и совѣсти не могъ бы изъ порученныхъ ему пѣсенъ брать что-нибудь. Что бы онъ сказалъ, ежели бы кто-нибудь, кому поручено сберечь сто рублей, взялъ деньги себѣ, и объяснилъ это присвоеніе слѣ-

дующимъ образомъ: «У меня больше,—у меня тысяча рублей; поэтому я и взялъ себѣ и эти сто рублей?» Но не все ли равно, деньги или пѣсни? Какъ можно было приписывать себѣ то, что сдѣлалъ другой?!. А г. Безсоновъ это дѣлалъ и дѣлаетъ съ первой строки издаваемыхъ имъ и «Пѣсенъ», и «Калѣкъ-перехожихъ» до послѣдней строки. Чтобы не упустить фразы: «*съ первой строки*», я и начну съ первой же строки предувѣдомленія перваго выпуска пѣсенъ, принадлежащаго г. Безсонову. Я совершенно утвердительно говорю—Безсонова, и убѣжденъ, что товарищи его по комиссіи не читали бумагъ Петра Васильевича, а слишкомъ довѣрчиво отнеслись къ г. Безсонову. Иначе какъ объяснить согласіе покойнаго К. С. Аксакова и В. И. Даля подписаться подъ слѣдующими словами «предувѣдомленія»:

«По мысли, руководившей постоянно Петромъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ, *комиссія*, издающая нынѣ сборникъ его пѣсенъ, не ограничивается тѣмъ, что нашла въ бумагахъ покойнаго, но присоединяетъ сюда въ пополненіе и другія пѣсни... а гдѣ нужно, въ приложеніяхъ къ выпуску, помѣщаетъ сказки, историческія показанія...» (I выпускъ).

Я повторяю, что взялъ эти строки, какъ первыя въ книжкѣ, и долженъ сказать, что здѣсь все невѣрно, или покрайней мѣрѣ неточно: въ приложеніяхъ къ выпуску помѣщать сказки, историческія показанія; это совершенно не по мысли Петра Васильевича Кирѣевскаго, а между тѣмъ Безсоновъ увѣряетъ, что онъ *постоянно* руководился мыслью Петра Васильевича. Выходитъ, что по мысли Петра Васильевича Кирѣевскаго слѣдуетъ дѣлать приложенія къ каждому выпуску, напримѣръ, къ выпуску, заключающему въ себѣ пѣсни про Илью Муромца, надобно прилагать всевозможныя приложенія про этого героя,—тогда какъ Петръ Васильевичъ говорилъ, что должно *издать всѣ пѣсни разомъ*, послѣ варіанты къ нимъ и наконецъ приложенія. Доказательствомъ моихъ словъ можетъ служить изданіе Петра Васильевича русскихъ народныхъ стиховъ, въ которомъ онъ не помѣстилъ ни одного варіанта. Ему хотѣлось, чтобы кто-нибудь взялся издать особенно сказки, и потому-то онъ не отказывалъ собранныхъ имъ сказокъ всякому, кто только собирался ихъ печатать: это можетъ подтвердить А. Н. Афанасьевъ. Я еще могу прибавить, что Петръ Васильевичъ предлагалъ мнѣ издать сказки (до изданія еще А. Н. Афанасьева) и что по его совѣту я просилъ у В. И. Даля имъ собранныя сказки, въ чемъ, впрочемъ, мнѣ было отказано. И поэтому я, получивъ въ свои руки бумаги Кирѣевскаго, отобралъ нѣсколько сказокъ, мною записанныхъ, просилъ В. А. Елагина отправить ихъ къ А. Н. Афанасьеву, который, получивъ ихъ отъ г. Елагина, ошибкой помѣтилъ ихъ, записанными Кирѣевскимъ.

Послѣ этихъ строкъ начинается самовосхваленіе г. Безсонова, который сказалъ только мимоходомъ, что и духовные стихи погодимъ издавать: не потому-ли, что я ихъ не приготовилъ къ изданію?.. или быть можетъ для того, что эти духовные стихи, какъ показываютъ факты,

пригодились для «Калѣкъ-перехожихъ» г. Безсонова? Странно! да какъ же послѣ этого г. Безсоновъ такъ беззастѣнчиво говоритъ, что онъ всякую замѣтку, даже слово Петра Васильевича Кирѣевскаго отпечаталъ «съ буквальною точностью въ самомъ даже правописаніи и въ знакахъ препинанія. Не простирая никакого притязательнаго права.... дозволилъ себѣ отдѣлить иногда красную строку!»

Объ красной строкѣ и толковъ нѣтъ, но нельзя не замѣтить г. Безсонову, такъ какъ онъ выдаетъ себя за знатока русскихъ напѣвовъ, что пѣсню должно записывать съ голоса; а по голосу стихъ выходитъ чрезвычайно разнообразенъ, и что ему, какъ пѣвцу, можетъ казаться поправкою, то другимъ покажется искаженіемъ. Не будемъ обращать вниманія и на перестановку стиховъ (стр. 2, выпускъ 1), что тоже ни къ чему не идетъ, но особеннаго вреда не дѣлаетъ, если издатель всегда оговаривается; но какъ же г. Безсоновъ говоритъ, что «порядокъ, въ которомъ размѣщены пѣсни настоящаго выпуска» и слѣдующихъ «былевыхъ, установленъ по мысли его, Безсонова?»... Да какъ же иначе можно было размѣстить пѣсни? Спросите кого хотите, какъ должно разсказывать исторію про что бы то ни было... Положимъ хоть біографію Петра Алексѣевича. Сперва должно разсказать, какъ онъ родился, потомъ какъ у Петра Алексѣевича прорѣзались зубки, потомъ какъ онъ учился издавать русскія пѣсни (при этомъ необходимы и географическія подробности), какъ издалъ пѣсни и т. д. Пр[illegible] какого-нибудь богатыря — все такъ же: какъ родился, какъ жилъ, какъ умеръ. Какая же это *оригинальная* мысль? Во всемъ изданіи г. Безсонова одна только мысль его: замѣнить западную терминологію Петра Васильевича на свою, якобы славянскую: историческія пѣсни онъ назвалъ былевыми; «варіантъ» замѣнилъ, хоть и не совсѣмъ вѣрно, словомъ «разнорѣчіе» *). Пожалуй и еще есть мысли въ

---

*) Для примѣра разницы между варіантомъ и разнорѣчіемъ, покрайней мѣрѣ какъ ее понималъ Петръ Васильевичъ, покажу на пѣсню про свадьбу Ивана Грознаго. Въ одной изъ этихъ пѣсенъ говорится про супротивника Темрюка-Мамстрюка, что у него были усы оторженые, въ сапогахъ раструбы были широкіе; а въ другой пѣснѣ говорится: Темрюка-Мамстрюка было супротивниковъ двое, и совсѣмъ непохожихъ на щеголя, о которомъ говоритъ первая пѣсня. Въ ней разсказывается, что когда дядюшка Ивана Грознаго бояринъ Романъ Никитичъ кликнулъ кличъ, что Темрюкъ-Мамстрюкъ ищетъ по всей Москвѣ супротивника, но въ то время *богатырей въ Москвѣ не случилось*, тогда

Изъ дворенушка маленькова,
Изъ избенушки худенькой
Выбѣгали два братца молоденькіе:
Фомушка маленькій
Да Петранюшка хроменькій...

Выбѣгають они и второпяхъ на бѣгу шубы надѣваютъ. Неужто это разнорѣчіе?

его примѣчаніяхъ, да какія же это мысли? Развѣ можно назвать мыслями подписи подъ пѣснями: «*не кончено?*» Почему, напримѣръ, ему показалось неконченною пѣсня, записанная г. Рыбниковымъ въ Петрозаводскѣ (стр. 84—89, выпускъ 3)? Вы спросите, г. Безсоновъ, кого-нибудь, кто толкъ знаетъ, — вамъ скажутъ, что эта пѣсня не только кончена, но въ концѣ и точка поставлена. Какой можетъ быть лучше конецъ этой пѣсни:

И ходятъ калики—кричатъ по чисту полю,
Не дорогою ходятъ, бездорожицею.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичъ:
«Ай-же вы калики перехожіе!
Что же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
И кричатъ всѣ калики громкимъ голосомъ:
«Ай-же ты, Ѳома сударь Ивановичъ!
За твою за правду за великую
Вложилъ тебѣ Господь душу въ бѣлы груди,
А за нашу за неправду за великую
Напустилъ темень на ясны очи».

Да тутъ не только конецъ, но даже, если хотите, и нравоученіе. Трудно также повѣрить, чтобы Общество любителей русской словесности помогало вамъ въ объясненіи непонятныхъ, по вашему мнѣнію, словъ. Знаменитую букву *О* (сокращенное: *общество*) вы ставите изъ скромности. Я увѣренъ, что вы, именно вы растолковали намъ слѣдующіе стихи:

Владиміръ князь убивается,
А калики-то въ путь снаряжаются.
Проситъ ихъ тутъ Владиміръ князь
Пожить, побыть тотъ денекъ у себя... (Стр. 99, вып. 3.)

Смыслъ этого мѣста ужасъ какъ труденъ; вотъ вы и поставили звѣздочку при словѣ *убивается*, а внизу и написали: «*усильно проситъ остатъся и горюетъ о разставаньи. — О...*» (т. е. другими словами: «Общество любителей русской словесности»). Или еще (на страницѣ 66, вып. 3), когда разсказано, что калики, возвращаясь въ Кіевъ, не попали на то мѣсто, гдѣ былъ зарытъ Касьянъ Михайловичъ:

Обошли маленькою сторонкой *).

---

*) Почему и этотъ стихъ не объяснить? Можно объяснить такъ: Касьянъ остался немного въ сторонѣ.

Его молода Касьяна Михайловича
Голосокъ наноситъ помалехонъку...
А и тутъ калики остоялися.
А и мѣсто стали опознавать;
Подалися малехонько — и увидѣли
Молода Касьяна Михайловича.

Вѣдь не скоро догадаешься, чей голосокъ наноситъ? Но тутъ-то Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ является благодѣтельнымъ толкователемъ и объясняетъ этотъ стихъ такъ: «*доносится голосъ Касьяна.—О.*»

И много, много подобныхъ вещей объяснялъ намъ именно г. Безсоновъ, ибо я никакъ не думаю, чтобы О могло сказать, что *печаль* значитъ *заботы, хлопоты; бурнастый — бурый.* Лисицъ бурыхъ, о которыхъ упоминаетъ Безсоновъ, видѣлъ одинъ только г. Безсоновъ, а члены О могли только видѣть лошадей бурыхъ, а лисицъ видали чернобурыхъ , бурнастыхъ... А впрочемъ Богъ ихъ знаетъ, можетъ которые и лисицъ бурыхъ видали!... Но я все-таки увѣрился, что всѣ эти объясненія принадлежатъ всецѣло П. А. Безсонову, и изъ одной только скромности заслугу подобныхъ толкованій онъ дѣлитъ со всѣми членами О. Не понимаю я только, кчему тутъ скромность?

Еще должно прибавить, что Петра Алексѣевича Господь и соображеніемъ не обидѣлъ. Соображеніе у него глубокое. Вотъ вамъ примѣръ: женъ добрыниныхъ по разнымъ варіантамъ зовутъ различно, а именно: 1) Тимоѳеевной, 2) Микулишной, 3) Григорьевной, 4) Гурьишной, 5) Никулишной... Вотъ и всѣ. Которая же изъ нихъ жена добрынина? Во вѣкъ никому не отгадать!... И не отгадывайте, а прочтите на стр. XX, вып. 2, чтó гласитъ г. Безсоновъ. А г. Безсоновъ гласитъ, что Добрыня, бояринъ, былъ женатъ *на удалой разъѣздной дѣвицѣ, Настасьѣ Никуличнѣ, дочери представителя земщины Никулы Селяниновича!*... Этого никто не могъ прежде знать, да и самъ Петръ Алексѣевичъ повертѣлъ-таки чубомъ, чтобы отыскать Добрынѣ тестя-батюшку. Да и кому придетъ въ голову женить Добрыню, княжаго племянника, на дочери мужика, который земли напашетъ, хлѣба засѣетъ, намолотитъ, пива наваритъ, гостей назоветъ, такихъ же мужиковъ, какъ и самъ, а эти мужики станутъ говорить тестю княжаго племянника такія рѣчи:

Ужь и дай тебѣ Богъ, Микулушка, пахать да орать,
Ужь и дай тебѣ Богъ, Микулушка, крестьянствовати!

А этому Микулушкѣ надо теперь ѣхать къ зятю въ гости во высокъ теремъ, да еще пожалуй, если Добрыня живетъ съ дядей, и въ теремъ самого князя Владиміра...

Я не постигаю, на чемъ основывался Безсоновъ, дѣлая подобныя произвольныя сватовства?... А вѣдь по русской пословицѣ: «яблоко отъ яблонки недалеко откатится»; «каковъ отецъ, таковъ и сынъ». Да и по пѣснямъ тоже выходитъ: у Ивана Гостинаго сына отецъ гость и самъ онъ гость, у богатыря Данила Игнатьевича сынъ тоже богатырь, у богатыря царя Саула Леванидовича сынъ тоже богатырь; у одного только Микулушки яблочко откатилось отъ яблонки. Ей бы, т. е. Микулишнѣ, шло привѣтствіе: «Тебѣ бы, Никулична, жать да молотить!» Ей же

этого теперь сказать нельзя: она сдѣлалась *удалою разъѣздною дѣвицей* — хватитъ и *за желтыя* кудри; послѣ пошла и выше, сдѣлалась и племянницей князя Владиміра, — хоть Никулична

От своего роду отказалася...

а не пошла за торгаша-*ходебщика* (?) суздальца.

Соображенія у г. Безсонова, какъ изо всего видно, не занимать стать, но пониманія того, что́ онъ написалъ, еще больше: вы напишете. *Китай*, станете читать—и выйдетъ Китай; а если г. Поприщинъ съ г Безсоновымъ станутъ читать—у нихъ выйдетъ не *Китай*, а *Испанія*!... Эта мысль моя, и я ее никому не уступлю; не такъ скроменъ, какъ Петръ Алексѣевичъ! А чтобы кто-нибудь не воспользовался этой мыслію, я приведу слѣдующія строки:

При царѣ Давидѣ Евсеевичѣ,
При старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ,
Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ — родильницы,
Чернцы по дорогамъ — разбойницы,
Сынъ съ отцомъ на судъ идетъ,
Братъ на брата съ боемъ идетъ,
Братъ сестру за себя емлетъ.

Ну, что́ вы прочитали? Вы думаете, что здѣсь говорится про ужасное положеніе общества, погрязшее въ беззаконіе, которое живетъ наканунѣ потопа, или по крайней мѣрѣ французской революціи, которому грозитъ неминуемая гибель, что эти слова сказаны съ ужасомъ? Я знаю, что вы такъ и скажете, потому что вы читаете Китай — Китаемъ, а не Испаніей! Господинъ же Безсоновъ написалъ эти стихи и прочиталъ, что это *запѣвъ — шуточная передѣлка Стиха Іерусалимскаго!...* (VIII ст. 3 вып.). Ну, не Испанія-ли это?!..

Перечтите ради-Бога еще разъ выписанные выше стихи, которые представляютъ такую полную, цѣльную картину распущеннаго общества. А между тѣмъ, привиллегированный издатель русскихъ пѣсенъ Безсоновъ, нагло увѣряетъ, что это неудачная передѣлка какого-то, стиха!...

Прочитавъ въ пѣсняхъ П. В. Кирѣевскаго замѣтки П. А. Безсонова, я столько узналъ новаго, что не могу не выразить ему своей благодарности, и вмѣстѣ съ благодарностью обратиться къ нему и съ просьбой. Сдѣлайте одолженіе, г. Безсоновъ, пишите ваши замѣтки и оставьте изданіе пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго: вамъ онѣ или не по сердцу, или вамъ

некогда. Какъ то́, такъ и другое вѣроятно. Скажите пожалуйста, чѣмъ можно объяснить, что вы, взявъ въ февралѣ 1860 года въ свои руки пѣсни Кирѣевскаго, къ 4-му февраля 1861 г. издали тощенькія книжонки,—даже и съ вашими примѣчаніями, очень тощенькими,—да тѣмъ съ ними и покончили, а теперь къ нимъ почти и рукъ не прикладываете, а въ тоже время вы, получивши позже матеріалы, издали два большихъ тома прекраснаго сборника Рыбникова, большую кипу какой-то смѣси и очень хорошаго, и до крайности несообразнаго, подъ названіемъ «Калѣкъ», да все съ замѣтками, да съ большими? Ежели вы это хоть немного объясните... Да что́ объ этомъ толковать! вы этого не объясните, а общество (О) и не посмотритъ на мою вамъ хвалу, хоть вы и еще больше обвиняйте въ *невѣжествѣ* Петра Васильевича Кирѣевскаго!... Только вамъ еще разъ просьба—оставьте пѣсни Кирѣевскаго, или займитесь изданіемъ ихъ серьезнѣе: съ чужимъ добромъ такъ не поступаютъ.

По настоящее же время изданіе пѣсенъ Кирѣевскаго идетъ непутно и страшно подозрительно...

Теперь посмотримъ, какимъ шутникомъ является г. Безсоновъ съ своими «Калѣками»...

Вотъ въ несчастныхъ калѣкахъ (т. е. книжкѣ) много мыслей Петра Алексѣевича. Но прежде чѣмъ мы станемъ говорить объ этихъ мысляхъ, воздадимъ благодарность привиллегированному издателю русскихъ пѣсенъ. Онъ «*слѣдилъ за ними* (т. е. за калѣками) *въ окружающей жизни* (?) *ходилъ за ними по деревнямъ, съ жадностію отыскивалъ и отмѣчалъ объ нихъ всѣ свидѣтельства древности... Любопытство* его *поглощено было самымъ явленіемъ, самыми лицами калѣкъ перехожихъ, ихъ положеніемъ, бытомъ, обычаями, пріемами. Стихи* онъ *выслушивалъ изучалъ всѣ ихъ напѣвы, но записывалъ мало*». И вотъ въ началѣ 1861 года, у него собралось уже до *пятисотъ стиховъ*; въ августѣ того же 1861 года возрасло *за тысячу!!!...* Когда я прочиталъ въ первомъ выпускѣ «Калѣкъ-перехожихъ», что г. Безсоновъ имѣетъ въ своихъ рукахъ до 500 стиховъ*), меня оторопь взяла: Кирѣевскому, Отто, Максимову, Филипову, Островскому, да и всякому, кто только безкорыстно и не для прославленія своего имени собиралъ стихи, болѣе *ста* стиховъ не случалось имѣть въ своихъ рукахъ; какъ не удивиться, что одному только г. Безсонову удалось собрать до 500!... Я знаю, что при бо́льшемъ трудѣ собирателей, бо́льшемъ числѣ ихъ, при болѣе обширномъ районѣ ихъ дѣйствій, число самыхъ дорогихъ пѣсенъ возрастетъ до такого размѣра, объ которомъ мы и не думаемъ, что́ доказывается сборникомъ Рыбникова; поэтому я совершенно повѣрилъ г. Безсонову, и хоть не со всѣмъ согласился, но скрѣпя сердце, промолчалъ, услыхавши, что г. Безсоновъ, съ согласія Общества любителей

---

*) У Безсонова такъ сказано: «1. Самые стихи (числомъ до *пятисотъ*)»... но благоразумно умолчено: различныхъ или нѣсколько стиховъ съ варіантами?

русской словесности и родственниковъ Кирѣевскаго, дробитъ, уничтожаетъ сборникъ, порученный ему для изданія. Теперь, зная искусство и добросовѣстность г. Безсонова, я увѣренъ, что сборникъ его можетъ заключать до 10, 100, 200 и болѣе тысячъ!... Такъ онъ безцеремоненъ въ вербовкѣ стиховъ для своихъ изданій!...

Послѣ изданія г. Безсоновымъ пяти выпусковъ «Калѣкъ-перехожихъ», мы заговоримъ другое.

Родственники ли, друзья ли Петра Васильевича Кирѣевскаго, никто не имѣлъ права его трудами позволить дѣлать имя кому-нибудь: это грѣхъ не только передъ памятью Петра Васильевича, но это уголовное преступленіе передъ обществомъ. Какъ могло Общество любителей русской словесности или кто другой позволить приписать труды покойника живому человѣку, на томъ основаніи, что покойникъ умеръ и ему не надобны блага мірскія, а живому человѣку, хоть бы этотъ человѣкъ былъ и П. А. Безсоновъ, отдать труды покойника для прославленія своего имени? Позволить на первыхъ же строкахъ трудовъ покойника *обругать* всю дѣятельность его! Какъ могло общество и всѣ знакомые позволить г. Безсонову безнаказанно написать слѣдующія строки про труды Кирѣевскаго:

«Сводить одинъ стихъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ, притомъ не приводя сихъ послѣднихъ и съ притязаніемъ, что такой долженъ быть подлинный видъ извѣстнаго стиха, каковъ онъ по происхожденію, или каковъ онъ долженъ быть въ народѣ, я считаю дѣломъ совершенно противнымъ здравому смыслу и требованіямъ науки...» (Вып. I. стр. IV),

Люди, знающіе труды и способности Кирѣевскаго! можно ли такъ говорить о дѣятельности Петра Васильевича? Я совершенно увѣренъ, что у Кирѣевскаго не было здраваго смысла для пріобрѣтенія какихъ-нибудь житейскихъ выгодъ; у г. Безсонова ихъ гораздо, гораздо больше; но скажите пожалуйста, неужели не возмущаютъ васъ эти безсовѣстно-безобразныя строки? А какъ вамъ нравится то, что во всемъ сборникѣ г. Безсонова «Калѣки-перехожіе» не видно (ибо онъ это скрылъ), что Кирѣевскій, составляя стихъ, прилагалъ къ нему варіантъ, показывая, гдѣ записанъ каждый варіантъ, и какой стихъ какого варіанта вошелъ въ сводный стихъ.

При разборѣ бумагъ Петра Васильевича мною была найдена черновая работа его надъ стихомъ *Егорій храбрый;* эта-то черновая, карандашомъ написанная работа помѣщена г. Безсоновымъ во второмъ выпускѣ на 440 стр., какъ-бы въ доказательство словъ, имъ выше сказанныхъ: хорошо ли это? Эта черновая работа, помѣщенная г. Безсоновымъ въ его «Калѣкахъ», къ несчастію мною найденная, именно какъ-бы затѣмъ помѣщена, чтобы доказать, что Кирѣевскій издавалъ пѣсни глупо, такъ какъ не только многимъ, но и самому г. Безсонову извѣстно, что П. В., составляя пѣсню изъ разныхъ варіантовъ, всѣмъ и

всякому допускалъ возможность выставлять каждый варіантъ, чтó можно видѣть въ «Русской Бесѣдѣ.»

Отдѣлавъ такимъ образомъ труды Кирѣевскаго, которымъ П. В. посвятилъ всю свою честную и добросовѣстную жизнь, г. Безсоновъ говоритъ:

«Совсѣмъ напротивъ, — я привожу сначала всѣ образы извѣстнаго стиха со всѣми разнорѣчіями, указываю, въ какихъ новѣйшихъ изданіяхъ существуютъ другіе образцы его и тогда уже, когда можно меня повѣрить источниками, свожу всѣ разнорѣчія изъ всѣхъ образцовъ въ одинъ стихъ, но такъ, что не выдаю его ни за первообразъ, ни за подлинный теперешній видъ, а представляю изучающимъ одинъ матеріалъ, сведенный изъ памятниковъ, такъ-называемый въ наукѣ Запада филологическій аппаратъ».

Съ гордымъ смиреніемъ, не хвастая, Безсоновъ говоритъ:

«*Въ каждомъ такомъ сводномъ стихѣ (carmen) начинаю тѣмъ, что по смыслу и содержанію первичнѣе, затѣмъ всё вторичное послѣдующее, а въ концѣ то, что по содержанію или складу стиха ближе къ заключенію* (?!!!).»

Колико разсудителенъ Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ!...

Позвольте теперь отнестись къ вамъ, много и много уважаемые (въ самомъ строгомъ смыслѣ) М. П. Погодинъ *) и И. С. Аксаковъ **), какъ вы могли допустить подобную брань на человѣка, котораго вы любили и дѣятельность котораго вамъ извѣстна? Вѣдь этотъ человѣкъ былъ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, про котораго ни одинъ человѣкъ ни изъ одной партіи не сказалъ ни одного дурнаго слова, а г. Безсоновъ работу Петра Васильевича находитъ противною здравому смыслу и наукѣ!... Разумѣется, если бы за эту работу взялся г. Безсоновъ, вышло бы плохо, даже очень плохо!... хуже даже его сводныхъ стиховъ; Кирѣевскимъ же были составлены стихи такъ, что никто и не зналъ, что почти всѣ стихи составлены. Хотя г. Безсоновъ и говоритъ, что у Кирѣевскаго «каждый почти стихъ сводный по особому способу, принятому покойнымъ собирателемъ», но у Петра Васильевича стихи не

---

*) М. П. Погодинъ, кромѣ общественной дѣятельности, всѣмъ извѣстной, былъ первый, который указалъ мнѣ, какъ должно изучать народную поэзію, давалъ мнѣ множество рекомендательныхъ писемъ, чрезвычайно облегчалъ мнѣ мои подъ-часъ тяжелыя странствованія; онъ все мнѣ показывалъ, отрываясь отъ своихъ занятій, какъ узнавать древнія рукописи, монеты и т. п. М. П. Погодинъ и М. Лѣсниковъ по настоящее время занимали мѣста президента и вице-президента О. Р. С.

**) И. С. Аксакову я обязанъ всѣмъ его вниманіемъ ко мнѣ и поддержкою свѣтлою личностію его въ Харьковѣ, а также и тѣмъ, что онъ доставилъ мнѣ возможность *безъ всякаго со своей стороны рецепта*, опять пуститься въ странствованія по Россіи. Иванъ Сергѣевичъ могъ предложить изучить сходку, торговлю, но не умѣетъ приказать: подбери факты къ моей статьѣ, къ моему взгляду.

сводные, а составленные, и къ каждому стиху были бы приложены всѣ варіанты, указано бы было, изъ котораго какой стихъ взятъ, если бы г. Безсоновъ не воспользовался огромнымъ количествомъ варіантовъ, находившихся въ сборникѣ, порученномъ его изданію; даже неприличнаго этого названія стихамъ Петръ Васильевичъ дать не могъ. Вотъ у Петра Алексѣевича стихи сводные, точно сводные; онъ напечаталъ всѣ стихи, ему доставленные его знакомыми, гораздо большее количество взятыхъ изъ сборниковъ Кирѣевскаго, а небольшое число самимъ имъ записанныхъ послѣ и... сдѣлалъ сводный стихъ, по образцу, называемому въ западной наукѣ *филологическимъ аппаратомъ*; да и не даромъ же Петръ Алексѣевичъ не любитъ западной науки!... У него вышелъ такой сумбуръ, что въ этомъ аппаратѣ ничего не поймешь. Скажите, г. Безсоновъ, для чего это напечатано:

Жилъ (живалъ) себѣ (на землѣ, на вольномъ
свѣту) славенъ и богатъ человѣкъ
(Какъ жилъ-былъ богатый славный богатырь):
Онъ раскочныя ѣства и богачы
(сладкую пищу) воскушалъ
(Пивалъ-ѣдалъ сладко;)
Пилъ-ѣлъ богатый—сахаръ воскушалъ;
Въ которой роскоши онъ пивалъ и ѣдалъ;
Который на свѣтѣ въ роскоши живалъ,
Пивау и ядау сластно хорошо,
Дорогіе надѣвы (одежды) и богачы (богатъ) надѣвалъ
(Дорогія одежды онъ радъ былъ носить; радъ носилъ;
возносилъ).

(*Выпускъ 1, стр. 68.*)

Я выписалъ съ буквальною точностію этотъ отрывокъ филологическаго аппарата, составленнаго по образцамъ западной науки, и нахожусь въ необходимости согласиться съ г. Безсоновымъ, что западъ глупъ!... Пожалуй, и можно этотъ сводный стихъ разложить на частные, несводные, но это можетъ сдѣлать одинъ только г. Безсоновъ; впослѣдствіи, когда онъ сочинитъ науку, какъ разбирать эти сводные стихи, можетъ-быть и будетъ такая игра, въ родѣ шарадъ, ребусовъ, можетъ-быть и будутъ заниматься разложеніемъ этихъ стиховъ,—въ настоящее же время никто не разложитъ, и разлагать не будетъ, несмотря на то, что хитрый Петръ Алексѣевичъ отгадки помѣстилъ въ началѣ своихъ загадокъ, которыя онъ назвалъ сводными стихами.

И хоть Безсоновъ и говоритъ, что Кирѣевскій дѣлалъ безсмысленно, не указывая, изъ какого варіанта взялъ стихъ или слово (въ чемъ можетъ быть помѣшала ему смерть), а самъ г. Безсоновъ погрѣшилъ тѣмъ же, не указывая на варіанты, изъ которыхъ имъ взяты слова и цѣлыя строки своихъ сводныхъ стиховъ, имѣя на то время.

Но мы можемъ надѣяться, что новая наука, наука, составленная г. Безсоновымъ, скоро явится на свѣтъ; начало уже положено въ 4-мъ выпускѣ *Калѣкъ*, въ статьѣ подъ названіемъ *«къ читателямъ»*. Но я серьозно опасаюсь, что эта наука Петра Алексѣевича окажетъ совершенно медвѣжью услугу и православію, и вѣрѣ въ возможность славянскихъ началъ: такъ хитро онъ подходитъ и къ православію, и къ славянской народности, хотя съ перваго разу кажется, что онъ за нихъ только и стоитъ.

Какъ ни трудно, но все-таки постараюсь познакомить простыхъ смертныхъ съ этою замѣчательною статьею, хоть отчасти; со всею — нѣтъ возможности, даже и для меня: а я долго изучалъ храбрые подвиги П. А. Безсонова.

Господинъ Безсоновъ разсказываетъ намъ, что русскій народъ не профанируетъ духовными пѣснями потому, что онъ православный. Православіе не нуждается ни въ какой защитѣ, — а г. Безсоновъ своей защитою хотѣлъ скорѣе поддержать православіе. Скажите пожалуйста: *при странномъ вниманіи*, *при жадности къ изученію*, какъ могъ сказать П. А. Безсоновъ, что у насъ не профанируютъ духовными пѣснями или такъ называемыми стихами, когда у него въ настоящее время находится подъ руками сборникъ Кирѣевскаго? Вѣдь многіе думаютъ, что онъ читалъ рукописи, которыя ему доставлены (О) (Обществомъ любителей) и потому могутъ страннымъ показаться эти *мысли* П. А. Безсонова. Не будемъ говорить объ *«Барыня барыня»*, слова которой совершенно не подходятъ къ религіозному напѣву; укажемъ П. А. Безсонову, что есть пѣсни:

У отца архимандрита было строгаго
Братія была веселая,
Погреба были глубокіе,
Да запоры были крѣпкіе!
. . . .

еще я скажу: ежели П. А. Безсоновъ когда-нибудь слыхалъ пѣвцовъ не приведенныхъ къ нему, но гдѣ-нибудь, на приходскомъ праздникѣ въ селѣ или на ярмаркѣ, — какъ онъ могъ не замѣтить, что слѣпцы не только пародируютъ, но даже кощунствуютъ: это можетъ засвидѣтельствовать и самъ П. А. Безсоновъ, когда онъ прочитаетъ весь сборникъ Петра Васильевича Кирѣевскаго.

Я говорю: когда онъ прочитаетъ *весь* сборникъ Петра Васильевича Кирѣевскаго,—а Безсоновъ по сю-пору всего его не прочиталъ. У него вѣдь всѣ пѣсни Кирѣевскаго; какъ же онъ могъ пропустить:

Построю я келью съ дверью,
Стану я Богу молиться:
Чтобъ меня дѣвки любили,
Крашеныя яйца носили...

или другую:

Волною морскою
У насъ подъ Москвою...

Да приведемъ цѣлую пѣсню.

Жилъ былъ старецъ одинъ наединѣ,
Построилъ старецъ келью себѣ,
Келью себѣ соломенную,
Пошелъ старецъ съ корцемъ за водой,
На встрѣчу старцу дѣвокъ хороводъ.
Пошелъ старецъ скакати плясать
Оглянулся назадъ—келья горитъ!
Много добра погорѣло въ той хороминѣ:
Ольховыя лапти, дубовыя сапоги,
Коробка съ табакомъ березовая.

Этотъ стихъ я слышалъ у церкви села Липовицы малоархангельскаго уѣзда.

«Несомнѣнныя свидѣтельства—далѣе говоритъ Петръ Алексѣевичъ—убѣждаютъ насъ, что индо-европейскіе народы... имѣли еще въ язычествѣ свои религіозныя пѣснопѣнія...»

Это сказано очень хорошо: великая ученость творца будущей науки такимъ образомъ совершенно утверждена, а потому онъ дальше смѣло говоритъ:

«... Счастливы были тѣ, которые, какъ напримѣръ славяне и праотцы германскаго племени, жили долгое время вблизи и общеніи съ античною Греціей... на тѣхъ же мѣстахъ жительства отъ Чернаго моря и Дуная до нижней Фракіи и Македоніи застигло эти племена христіанство... Вліяніе христіанства въ формѣ греческой невольно достигло ихъ и сопровождало даже на новыя мѣста жительства...»

Это вліяніе «болѣе на себѣ должны были понести славяне, долѣе другихъ остававшіеся и до конца Византіи оставшіеся сосѣдями грековъ»...

У васъ можетъ-быть возродится какой-нибудь нескромный вопросъ, могущій нарушить текучесть рѣчи Петра Алексѣевича, а потому онъ остроумно прибавляетъ въ скобкахъ: «мы не считаемъ здѣсь кельтовъ-волоховъ, какъ пришельцевъ и сосѣдей временныхъ, ни дикаго ихъ отродія—арнаутовъ или албанцевъ»!!!..

Ежели какой-нибудь непонятливый человѣкъ спроситъ: «Да почему-же на альбанцевъ не имѣло вліянія греческое христіанство?» На это въ скобкахъ сказано: дикое отродье эти албанцы! несуразный народъ!! вотъ вамъ и весь отвѣтъ!..

Далѣе Петръ Алексѣевичъ остроумно замѣчаетъ, что христіанство имѣло вліяніе на народное творчество. Это тоже его собственная мысль, за сообщеніе которой я считаю дѣломъ благодарить г. Безсонова за то, что онъ сообщаетъ точную новую вещь «что христіанство имѣло вліяніе на народное творчество?» Какое-же именно вліяніе имѣло христіанство на народное творчество — объ этомъ Безсоновъ не говоритъ, да вѣроятно объ этомъ онъ и не думалъ никогда. Творецъ живой науки продолжаетъ:

«Былины (т. е. мірскія пѣсни) и стихи во всей чистотѣ народнаго склада поются нынѣ единственно у славянъ, лучшіе же у православныхъ». Православіе, изволите видѣть, не мѣшало народному творчеству, а католичество мѣшало; это впрочемъ и понятно, такъ какъ славяне являются *вмѣстилищемъ, готовымъ и выработаннымъ сосудомъ*... «На западѣ Европы укрывались съ своимъ народнымъ сокровищемъ дольше другихъ странъ лишь въ дикихъ скалахъ, пристанищѣ скальдовъ, или за горами и своеобразіемъ Испаніи» (стр. VII). Въ самомъ же дѣлѣ эпическая поэзія можетъ существовать у однихъ православныхъ славянъ: ежели и существуютъ былины и стихи у русскихъ раскольниковъ, напр. хоть пѣсня объ осадѣ Соловецкаго монастыря, завербованная привилегированнымъ издателемъ пѣсенъ изъ историческихъ пѣсенъ въ свои «Калѣки»; то эти стихи и пѣсни у русскихъ раскольниковъ существуютъ именно потому, что Европа граничитъ къ сѣверу—Сѣвернымъ океаномъ, а къ западу—Атлантическимъ. Это совершенно вѣрно, ибо Петръ Алексѣевичъ говоритъ, что у словаковъ сохранилось «болѣе остатковъ былеваго народнаго творчества вообще, болѣе отрывковъ народныхъ стиховъ въ частности, вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими народными пѣвцами, слѣпцами: причиною быть-можетъ срединное положеніе между западомъ и востокомъ, сѣверомъ и югомъ славянства»... (стр. XII и XIII), хоть эти славяне и перемѣшаны съ мадьярами.

Я слышалъ, что нѣкій мужъ пришелъ на самый востокъ, и такъ пришелъ на востокъ, что куда не глянешь — все востокъ: впереди востокъ, назади—востокъ, направо—востокъ, на лѣво—востокъ, — все востокъ!.. Мнѣ не удалось узнать отъ него, поютъ ли на самомъ востокѣ былины и стихи?.. Впрочемъ г. Безсоновъ скажетъ намъ въ слѣдующихъ выпускахъ «Калѣкъ» и объ этомъ: при его остроумныхъ догадкахъ грѣхъ ему будетъ, если онъ не сообщитъ намъ своихъ объ этомъ мыслей. Теперь только можно догадываться, что если тамъ живутъ славяне — то поютъ былины, а нѣмцы — не поютъ; у нѣмцевъ «*по древнимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, на языкѣ уже непонятномъ для новыхъ временъ, ученымъ удалось сыскать ихъ на три слишкомъ вѣка до*

трехъ сотенъ; десятокъ-другой уцѣлѣлъ тамъ-и-сямъ въ забросѣ понынѣ». (стр. X). А у насъ, православныхъ, до г. Безсонова мы думали, что стиховъ около сотни; но г. Безсонову при его *жадности, живѣйшемъ вниманіи, поглощенномъ любопытствѣ, высматриваніи въ окружающей жизни, хожденіи по деревнямъ* (вып. 1 стр. I) удалось отыскать болѣе тысячи стиховъ, совершенно понятныхъ народу, какъ напримѣръ слѣдующій:

Salve, Jesu dulcissime,
Salve, fili pulcherrime,
Lili, lili, lili,
O dilecte fili!.. и т. д.

Кромѣ этого стиха (№ 305, вып. 4, стр. 96), языкъ котораго такъ понятенъ всему русскому народу, въ «Калѣкахъ» есть множество всякихъ стиховъ, пѣсенъ на разныхъ языкахъ; но такъ какъ эти вирши нельзя назвать стихами, даже и при какомъ угодно нахальствѣ, то г. Безсоновъ назвалъ ихъ *младшими* стихами; а настоящіе народные стихи, пѣсни, окрестилъ именемъ *старшихъ* стиховъ. Въ число старшихъ стиховъ вошли пѣсни и русскія, и малороссійскія, и сербскія; а въ число младшихъ всякая дребедень,—что́, попадалось подъ руку. П. А. Безсоновъ, слава-Богу, не брезгливъ!.. Въ число стиховъ старшихъ вошли пѣсни: сорокъ каликъ съ каликою, Софьюшка и Василій, осада Солоневецкаго монастыря и много другихъ; даже сербская пѣсня, переведенная уже Пушкинымъ, снова переведена самимъ г. Безсоновымъ и помѣщена старшимъ стихомъ. Если остаться только при этихъ стихахъ, нѣмцы-католики, неправославные будутъ имѣть больше насъ стиховъ (у нихъ до трехсотъ, а у насъ около сотни); но нѣмцы ошибаются: они не знаютъ, что имѣютъ дѣло съ г. Безсоновымъ: Петръ Алексѣевичъ выдвинулъ на нихъ *младшіе* стихи. Въ этомъ дѣлѣ издатель оказалъ способностей гораздо болѣе сына г. Добчинскаго: молодой Добчинскій, какъ увидитъ ножичекъ, сейчасъ тележку сдѣлаетъ, а г. Безсоновъ, какъ увидитъ что-нибудь написанное — сейчасъ въ стихъ хватаетъ, да еще (такой забавникъ!) подъ этою штукою примѣчаніе сдѣлаетъ, въ родѣ слѣдующаго:

«Хотя въ началѣ приведены нами стихи съ припѣвомъ въ концѣ, въ родѣ рацей (ср. и колядки), но все это книжное сочиненіе; чисто народныхъ стиховъ воскресенію нѣтъ (исключая ниже какой-то малорусскій отрывокъ): причиною конечно то, что у славянъ, въ ихъ древнѣйшемъ и общемъ мѣстопребываніи на югѣ, весна начиналась рождествомъ». (Вып. 5 стр. 15).

Вотъ, прочитаете такое примѣчаніе и задумаетесь: г. Безсоновъ хотѣлъ помѣщать въ «Калѣкахъ» народные стихи, — зачѣмъ же попали

книжные, про которые и не знаетъ: какъ такъ весна у славянъ начиналась съ рождества, т. е. съ 25 декабря? вотъ какъ вы задумаетесь надъ этимъ, а Петръ Алексѣевичъ и будетъ въ кулакъ надъ вами посмѣиваться!.. Взглянете вы на это и сами улыбнетесь, да и скажете: «шутникъ П. А. Безсоновъ! вѣдь вы обѣщали намъ стихи, а даете Богъ-знаетъ что такое!..» Но это вамъ не совѣтую говорить: вамъ покажутъ 21 стр. 4 вып., и вамъ стыдно будетъ, а на этой замѣчательной страницѣ объяснено; «часто иногда самая тонкая, едва замѣтная черта различаетъ эти отдѣлы (т. е. народные стихи и пѣсни, сложенные грамотѣями) и понимается лишь *чутьемъ*, *образованнымъ опытомъ*: въ изданіи же соблюсти эти отличія и раздѣлить стихи на особые отдѣлы при настоящемъ случаѣ невозможно!»

По этому онъ все беретъ, какъ трудолюбивый жукъ со всякой дряни собираетъ все, что ему надобно, спишетъ канту, а къ ней и примѣчаніе: «Сочинено богословомъ Фраматіемъ Дивковичемъ изъ Елашакъ... съ дозволенія инквизиціи, печатано въ Венеціи 1691 г.» (стр. 82, 83, 84... выписано 34 страницы!..) или напечатаетъ, что этотъ стихъ сочиненъ Антономъ Головатымъ, которымъ запорожскіе казаки поздравляли Потемкина (вып. 5, стр. 18). Сюда вошелъ и мѣсяцесловъ въ стихахъ, вѣроятно войдетъ такая же и арифметика, оды Державина, Шатрова; г. Безсоновъ все печатаетъ сряду, и ежели ему иногда случается не кончить по какой-то непонятной для насъ совѣстливости и вмѣсто конца написать *и прочее*, то за то часто приходится въ двухъ экземплярахъ печатать одинъ и тотъ же стихъ... т. е. не стихъ, а младшій стихъ. Вотъ напримѣръ:

Свѣтлыя въ небѣ палаты,	Свѣтлыя во небѣ палаты
Трапезы тамо богаты:	Трапезы тамо богаты:
Идите вси души праведны до той палаты	Идите дуси праведніи вси,
Тамо витати и близко Бога сѣдати,	До той палаты, тамъ обѣдати
Тамо бо велія радость,	И близко Бога стояти
И всѣмъ всемірная сладость,	Тамо бо велія радость
Поютъ музыцы, разные языцы,	И всѣмъ всемірная сладость
Песнь Богу сильну, зѣло предивну	Поютъ музыцы, разные языцы
Въ часъ веселую годину.	Пѣснь Богу сильну, презѣльну, дивну.
А грѣшницы не тужите,	Въ часъ веселья годины
Но скоро тамо идите,	А грѣшницы не тужите,
Оставите грѣхи до той утѣхи,	Но скоро тамо идите,
Въ радость премногу, къ милому	Оставите грѣхи до той утѣхи,
Любовь велію стяжите Богу,	Въ радость премногу къ великому Богу.

(Вып. 5, №№ 521 и 522 стр. 259, 257).

Подобныхъ вещей г. Безсоновъ собралъ многое множество, и объявилъ въ газетѣ «День», что «я-де П. А. Безсоновъ собралъ до 1000

стиховъ, да денегъ нѣтъ, издать не могу, такъ сокровище и пропадаетъ! Не соблаговолитъ ли кто денегъ на изданіе этихъ сокровищъ?!..» «С. П. Вѣдомости» повторили это объявленіе и «подписка шла такъ быстро и успѣшно, что совершенно доказала сочувствіе русскаго общества» къ изданію русскихъ народныхъ пѣсенъ, на что впрочемъ скажетъ теперь публика: обѣщали русскіе народные стихи, а подчуютъ младшими стихами. Всѣ думали, что г. Безсоновъ въ первой же книжкѣ, выпущенной по подпискѣ, запоетъ:

А мы, нищая братья,
Мы убогіе люди,
Должны Бога молити,
У Христа милости просити
За поящихъ, за кормящихъ,
Кто насъ поитъ и кормитъ,
Обуваетъ—одѣваетъ!..

А Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ, вмѣсто этой жалобной пѣсни «Калѣкъ-перехожихъ», какъ хватитъ въ первой же книжкѣ, въ первый же стихъ:

Патріархи тріумствуйте,
Со пророки ликовствуйте,
Со святыми торжествуйте!
Приведутся дѣвы. . (IV вып. стр. 1).

А чего тутъ ликовать?!.. Ликовать, не ликовать одному Петру Алексѣевичу Безсонову, а подписчики-то на «Калѣкъ-перехожихъ», чай, заплакали, когда денежки ихъ загули!..

Когда была окончена эта статья, я увидалъ пятый выпускъ сборника пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго. Въ этомъ выпускѣ пѣсни расположены *по мысли* г. Безсонова. Трудно только понять, по какимъ соображеніямъ расположены пѣсни этого выпуска. Напримѣръ почему пѣсня «про князя Волхонскаго и Ваньку-Клюшничка» помѣщена прежде пѣсни:

Какъ гулялъ молодецъ ровно тридцать лѣтъ,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву...

да и много подобнаго... Только я считаю своимъ долгомъ извиниться передъ г. Безсоновымъ: я невольно ввелъ его въ ошибку. Г. Безсоновъ,

помѣщая мои варіанты пѣсни «про князя Волхонскаго и Ваньку Ключничка», называетъ князя Волхонскаго «княземъ-бояриномъ». Я печатая въ «Отечественныхъ Запискахъ» эту пѣсню, *по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ* долженъ былъ называть Волхонскаго «княземъ бояриномъ», а потому и въ сборникѣ Кирѣевскаго въ моихъ варіантахъ Волхонскій называется тоже «княземъ-бояриномъ».

СТИХИ ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

1.

Стихъ про Егорія Храбраго.

Во седьмомъ году восьмой тысячи
Наѣзжалъ царище Кудрянище
Ко тому ли городу Чернигову.
Онъ князей бояръ всѣхъ повырубилъ;
Благовѣрнаго князя Өедора
Онъ подъ мечъ склонилъ,
Голову срубилъ.
Оставалося чадо малое,
Молодой Егорей свѣтло-храбрый:
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
И во лбу солнце, во тылу мѣсяцъ,
По косицамъ звѣзды перехожія.
Онъ того, собака, не пытаючи,
Началъ Егорья—свѣта мучити
Всякими муками да разноличными.
Началъ онъ Егорья топорами сѣчь:
Топоры все зубье прикрошилося,
А Егорья свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Онъ того, собака, не пытаючи,
Началъ онъ Егорья пилой пилить;
У пилы все зубье прикрошилося,
Прикрошилося, все приломалося,
А Егорья-свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило,
Онъ того собака, не пытаючи,
Началъ Егорья водой топить,
Колесомъ вертѣть:

Колесо въ щепу все приломалося,
А Егорья-свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Онъ того, собака, не пытаючи,
Началъ онъ Егорья въ котлѣ варить:
Егорей—свѣтъ въ котлѣ стойкомъ стоить,
Стойкомъ стоитъ, самъ стихи поетъ,
Стихи поетъ все херувимскіе,
Подъ котломъ растетъ трава муравлена
Растутъ цвѣточки лазоревы.
Онъ того, собака, не пытаючи,
Копалъ погреба глубокіе,
Долины погребъ двадцати саженъ,
Ширины погребъ тридцати саженъ,
Глубину погребъ сорока саженъ,
Посадилъ Егорья—свѣта съ матерью
Во тотъ погребъ во широкой:
Задергивалъ рѣшотки желѣзныя,
Желтымъ пескомъ призасыпывалъ,
Сѣрымъ каменьемъ призаваливалъ,
Муравой травой замуравливалъ.
Онъ пошелъ, собака, похваляется:
«Не бывать-ска Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
Свѣта бѣлаго, солнца краснаго».
По Егорьевой было по участи,
И по Божьей было по милости,
Стонка завѣвали вѣтры буйные
Изъ того изъ далеча чиста поля:
Мураву-траву всю размуравило,
Сѣро каменье все приразвалѣло,
Желты пески всѣ приразвѣяло,
Рѣшёточки всѣ приraздергало,
Выходилъ Егорей на святую Русь,
Увидалъ Егорей свѣта бѣлаго,
Свѣта бѣлаго, солнца краснаго,
Сталъ просить благословенія,
Благословенія матушки родимыя
Поѣхать къ Кудревяну Кудреянищу
Изместить обиды всѣ родительскія.
Унимаетъ его матушка родимая:
«Не поѣзжай: у Кудревяна Кудреянища
Есть три заставы, три великія;
Первая застава великая:
Стоятъ лѣса темные,
Они засѣли до неба;
И стиглому и сбѣглому проходу нѣтъ,
И удалому молодцу проѣзду нѣтъ.
А другая застава великая:
Стоятъ двѣ горы высокія,
Разойдутся, да вмѣстѣ столкнутся:
Ни стиглому, ни сбѣглому проходу нѣтъ,
Ни удалому молодцу проѣзду нѣтъ».

«Ой же ты—матушка родимая!
Не Божіимъ все есть изволеніемъ—
Все вражіимъ навожденіемъ!
Поѣхалъ удалый доброй молодецъ;
Пріѣхалъ къ лѣсамъ темныемъ.
«Ой все вы лѣсы, лѣсы темные!
Полноте-ко врагу вѣровать,
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта храбраго!»
Стали лѣсы по старому,
Стали лѣсы по прежнему.
Проѣхалъ Егорей-свѣты храбрый.
Пріѣхалъ къ горамъ высокимъ:
«Полноте-ко горы врагу вѣровать!
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья—свѣта храбраго!»
Стали горы по старому,
Стали горы по прежнему;
Проѣхалъ Егорей—свѣты храбрый.
Пріѣхалъ къ рѣкѣ огненной:
«Полно-ко рѣка врагу вѣровать!
Вѣруй-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья—свѣта храбраго!
Стала рѣка по старому,
Стала рѣка по прежнему.
Колотятъ платье двѣ дѣвицы,
Двѣ русскія полоняночки:
«Ой же ты удалый добрый молодецъ.
Есть еще у Кудреяна Кудреяныча.
Есть три заставы, три великія:
Первая заставь сидитъ надъ крыльцомъ птица:
Унесетъ тебя въ чисто поле,
Малымъ дѣтямъ да на съядєнье.
Надъ крыльцомъ сидитъ змѣя лютая:
Ухватитъ тебя на хоботъ свой
Унесетъ тебя въ чисто поле
Малымъ дѣтямъ ва съяденье.
Въ палатяхъ у него есть мечъ самосѣкъ,
Отсѣкетъ у тебя буйну голову!»
— Все это не Божіимъ изволеніемъ,
Все вражіимъ навожденіемъ!
«Охъ ты птица, птица, лети въ чисто поле,
Хватай поганыхъ татаровей.
Охъ ты змѣя, змѣя лютая!
Лети змѣя въ чисто поле
Хватай поганыхъ татаровей!
Охъ ты мечъ мечъ, мечъ самосѣкъ,
Ссѣки у Кудреяна Кудреянища,
Ссѣки буйну голову.»

(Арханг. губ. зап. С. В. Максимовымъ).

2.

Стихъ про Егорія Храбраго.

Во шестомъ году въ осьмой тысячи,
Да при томъ царѣ да при Ѳедору,
Да при той царицы благовѣрныя,
Да при святой Софіи премудрыя,
Спородила она да три дочери,
Да три дочери, да три любимыи,
Четвертава сына свѣтъ Егорія,
Свѣтъ Ягорія, свѣтъ Храбрава:
По колѣни въ нево ноги въ золыти,
По локоть руки въ чистымъ серибри,
Волоса на немъ, что ковыля трава. *)
Вотъ изъ той земли басурманскія,
Испавѣдывалъ царь басурманища,
Онъ са всей силаю са жидовскаю;
Онъ сикётъ и рубётъ, вы полонъ беретъ!
Заполонилъ же ёнъ да три дѣвицы,
Енъ нагналъ за аграды за рубежная,
Приставлялъ кы стаду ка звяринаму,
Кы сѣрымъ валкамъ басурепымъ-жа **).
Онъ сталъ царища басурманища,
Онъ сталъ жа въ Ягорія распрашивать,
Распрашивати, разгаваривати:
«Какова ты роду, какова племеню,
«Али барскыва, князіянскыва?»
А яму Ягорій атказываить:
А яму Храбрый атгавариваить;
«Я таво роду христьянскава.»
Ты повѣруй вѣру ты ко мнѣ царю басурманищу.
Яму Ягорій атказываить,
Яму Хвабрый атгавариваить:
«Не повѣрую вѣру я къ тибѣ къ царю!
Я повѣрую вѣру къ сымаму Христу,
Сымаму Христу—Царю Небесиаму,
Ищо матири Быгародици,
Святой Софеи премудрые,
Ищо Троицы нераздѣльный.»
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Ягорья крѣпко мучити,
Крѣпко мучити разноличными.
Пывялѣлъ Игорія воножи рѣзать:

---

*) Въ воображеніи народа Егорій представляется такимъ, какимъ пишется на иконахъ.

**) Т. е. Людей наровятъ съѣсть: такъ Ягорій волковъ прозвалъ. (прим. пѣвца).

У нажахъ канцы пытламалиси;
Мастировъ руци патымалиси;
Ничаво Игорію не вредиласи:
Уся яво тѣло суцѣляласи.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Игорія въ тапары рубить;
У тапарахъ лезья потломалиси,
Мастеровъ руци апущалиси.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Игорья ва пилы пилить:
У пилахъ зубья повытиралиси,
Мастеровъ очи помишалиси;
Ничаво Игорью ни врядилоси:
Уся яго тѣла суцилялоси!
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Егорья на маряхъ тапить
На маряхъ тапить съ бѣлымъ каменемъ.
Енъ паётъ стихи херуимскія
Да гласомъ гласить по-евангельски,
Да сверхъ жа воды Ягорій плаваить!
Ничаго Ягорью не вредилоси:
Уся яво тѣла сунилялоси.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Игорья вы смалѣ варить,
А смола кипить, яко громъ гремить,
А сверхъ воды *) Ягорій плаваить!
Ничаго Игорію ни врядилоси;
Уся яво тѣла суциляласи.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Ягорію яму капать:
Глубины яма сорока сажонъ,
Поперечины двадцати сажонъ.
Пысадили Ягорья въ глубаку яму,
Паталочили доски желѣзнаи,
Прибивали гвоздями полуженнами,
Засыпали пясками рудожелтами;
А самъ царища басурманища,
Самъ притаптывалъ, пригаваривалъ:
«Не хадить Игорію по биломъ свѣту,
«Не видать Игорію солнца краснывa,
Не видать Игорію мѣсяца яснывa!»
Изъ за горыда Русалимскава
Высхадила туча да пригрозныя,
Да пригрозныя, вятры буйнаи.
Разносили пяски рудажолтаи,
Грамава туча доски желѣзнаи:
Выходилъ Ягорій да на бѣлый свѣтъ,
Увидалъ Ягорій солнца красныя,
Увидалъ Ягорій мѣсяцъ ясныя;

*) Вѣроятно: *воды* вмѣсто *смолы*, по ошибкѣ пѣвца.

Пошолъ жа Ягорей да ва тотъ ва градъ.
Да ва томъ во гради нѣтъ ни старыва,
Нѣтъ ни старыва, нѣтъ ни малыва,
Только стаить церква саборная,
Да саборныя быгамольныя;
Да ва той церкви вы саборныя,
Адна мать пречистая Быгародица,
Святая Сафея премудрая.
Какъ святой Игорій проглаголуеть:
„Мать пречистая Быгародица,
Святая Сафея премудрая!
Ты атдай мнѣ блаасдавленіе:
Пойду я къ царищу басурманищу,
Да стану за вѣру христіянскую,
Атплачу яму дружбу прежнію.“
Она яму проглаголуить:
„Ты пади во гѣ степя,
Ты возьми каня богатырскыва,
Са всею оружію ваенныю“.
Паѣхалъ Ягорій на круты горы,
На круты горы, на талкучія.
А крутыя горы сыхадилиси,
Да негди Ягорію праѣхати.
А имъ жа Ягорій проглаголывалъ:
„А горы маи, да все крутыи!
Да вы станьте-ка съ, горы, да по старому;
Построю на васъ церкву саборнаю,
Саборнаю быгамольнаю.“
Вотъ та застава миноваласи!
Пыдъизжалъ Ягорій кы тямнымъ лясамъ,
А тямны лиса кы сырой земли прикланилиси.
А имъ Игорій проглаголывалъ:
„Ай вы ляса мои пріагромнаи,
Станьтя ляса па старому:
Я буду сѣчь, рубить сы малитвами,
Буду изъ васъ строить церкви соборныи,
Да соборныя, быгамольнаи.“
Вотъ и та застава миноваласи!
Пыдъязжалъ Ягорей кы таму стаду,
Кы таму стаду кы зверинаму;
А звѣрямъ Ягорій проглаголывалъ:
„Разойдитеся и гдѣ одинъ—два,
Пы чистымъ палямъ, пы тямнымъ лясамъ,
Да пейте, вы ѣшьте, повелѣнная“.
Вотъ и та застава миновалиси!
Стада пасили красныя дѣвушки,
Ягоріевы родныя сестрицы.
Краснымъ дѣвицамъ Ягорій проглаголуетъ:
«Вы сойдитекаси на Кіянь моря,
Вы абмойте шерсть басурманскую;
На васъ станить тѣла христіянская,
А вѣруйте Самому Христу,
Самому Христу, Царю небесному;

Ещо матери Быгародицы,
Во святой Софеи во премудрыя,
Пресвятой Троицы нераздѣлимыи...»
Подъѣзжалъ Ягорій кы таму дворцу.
На вратахъ сидитъ Великанъ птица,
Во носѣ держитъ Севру рыбу.
Када Севръ рыба пываротитси,
Всѣ синія моря выскалухнутси.
Рыбы Ягорій проглаголуить:
«Ходи жа ты, рыба, по синемъ мори».
А птицы Игорій проглаголывалъ:
«Ходи жа ты, птица, крутымъ берегамъ,
Питаиси жа, птица, бѣлай рыбицай».
Пыдъѣзжалъ Игорій къ царишу басурманищу.
Всталъ царища басурманища Ягорья упрашивати,
Ягорія упрашивати, уговаривати:
«Погоди ко си ты на три года.»
А яму Игорей атказываигъ:
«Ни на три года, ни на три часа».
Размахнулъ оружія военная,
Разсѣкъ палаты бѣлакаменны,
Досталъ царища басурманища,
Атплатилъ яму дружбу прежняю,
Дружбу прежнію, кровь гарючаю,
За тае за вѣру христьянскаю!
Слава великая Игорія похожденія!

(Малоарх. у., с. Сабурово. Пѣлъ Иванъ Кондрашовъ 1858 г. 16 мая)

3.

Стихъ про Егорьевы мученья.

При томъ царѣ, при Ѳедорѣ,
У него была царица благувѣрная,
Благувѣрная, благучестивая.
Спородила царица она три отрока:
Два отрока-отроковицы,
Третьяго отрока Егорья Храбраго.—
Изъ того ли изъ града изъ Китаева
Подымался невѣрный царь Диклитіанище;
Іерусалимъ, святой городъ, весь повыгубилъ;
Онъ князей и бояръ всѣхъ подъ мечъ склонилъ;
А онъ Божьи церквы всѣ на дымъ пустилъ;
Святыихъ образовъ подъ коней послалъ;
А благовѣрнаго царя Ѳедора
Онъ взялъ его, невѣрный царь, за желты кудри,
Отводилъ его далече во чисто поле;

Отрубилъ онъ мечемъ ему буйную голову.
А Егорья, отрока премладова,—
Онъ мучилъ его мукамъ всякіимъ разныимъ:
Онъ пыталъ Егорья батожьемъ стегать,
Батожьемъ стегать, все желѣзныимъ;
Не взяло Егорья батожьемъ стегать;
Батожья отъ Егорья всѣ переломалися,
Мастеровыя руки опущалися.
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ пыталъ Егорья и колесомъ тереть;
Не взяло Егорья колесомъ тереть:
Колесо все отъ Егорья извертѣлося;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ пыталъ Егорья и пиламъ пилить;
Не взяло Егорья и пиламъ пилить,
Всѣ пила отъ Егорья преизгибалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ пыталъ Егорья и топорамъ рубить,
И не взяло Егорья и топорамъ рубить:
Топоры всѣ отъ Егорья преломалися,
Мастеровыя руки опущалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ пыталъ Егорья во смолѣ варить,
Не взяло Егорью во смолы кипѣть.
Онъ пыталъ Егорья и на воды топить,
Не взяло Егорья и на водѣ тонуть:
Онъ противъ воды, Егорій, гоголемъ плыветъ,
Гоголемъ плыветъ, самъ стихи поетъ—
Онъ стихи поетъ, Егорій, херувимскіе,
Херувимскіе поетъ по-архангельски.
Онъ, презлой, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ беретъ Егорья за бѣлы руки,
Отводитъ далече его во чисто поле,
На славную гору Сорочинскую.
Приказалъ онъ выкопать ему глыбокъ погребъ—
Глыбиною былъ погребъ сорока саженъ—
Посадилъ онъ свѣта Егорья во глыбокъ погребъ,
Задвигалъ онъ его рѣшетками все зелѣзными,
Засыпалъ онъ песками рудожелтыми:
Онъ дубьемъ и колодьемъ заворачивалъ;
Онъ самъ, невѣрный царь, приговаривалъ:
«Не бывать теперь Егорью на бѣломъ свѣту,
Не видать Егорью солнца краснаго,
Не слыхать Егорью повелѣнья божьяго!»
Самъ пошелъ онъ, невѣрный царь,
Во свой Китай городъ,
Во свое во царство беззаконное.
Онъ Егорьевыхъ двухъ милыхъ сестеръ,
Онъ побралъ, проклятый, во полонъ къ себѣ,
Заставлялъ онъ ихъ пасти стада звѣриныя:
Звѣрей разныихъ, разноличныихъ.

Миновало тому время ровно три года:
Подымалися вѣтра буйные
На славную гору Сорочинскую;
Всѣ дубья, колодья разворачило,
И пески желтыи всѣ поразвѣяло:
Раскрывалися рѣшетки всѣ зелѣзныя.
Выходилъ Егорій вонъ изъ погреба.
Помолился Егорій на образа Спасителя;
Пошелъ Егорій Храбрый онъ въ Іерусалимъ городъ.
Іерусалимъ, ихный городъ, весь повыгубленъ;
Только оставши во святомъ градѣ, въ Іерусалимѣ,
Единая полата бѣлокаменная
Его батюшки, царя Ѳеодора,
Да еще былъ оставши второй Давыдовъ домъ.
Взошелъ Егорій Храбрый въ свои палаты бѣлокаменны
Онъ крестъ держалъ, Егорей, по писанному,
Онъ поклонъ поклонялся до сырой землѣ
Своей матушкѣ Софьѣ, царицы благувѣрныя:
«Здравствуй, родимая, родная матушка,
Софья царица, мать благувѣрная!»
Возговоритъ Егорью родная матушка:
«Ровно три года солнце не пекло
На мои палаты бѣлокаменныя;
Но топерь мнѣ солнце возсіяло
Во моихъ палатахъ бѣлокаменныхъ».
«Благослови, родимая, родная матушка,
Меня иттить ко злому царю Диклитіанищу.
Отплатить ему дружбу прежнюю,
Отлить мнѣ кровь своего батюшки».
Возговоритъ Егорью родная матушка:
«Мое дитятко ты премладое,
Гдѣ жь тебѣ иттить ко злому царю Доклитіанищу?»
Возговоритъ Егорій своей родной матери:
«Благословишь-пойду, и не благословишь—пойду».
Благословила Егорья родная матушка,
Благословила его святыимъ образомъ
Выходилъ Егорій изъ палаты вонъ:
Онъ пошелъ, Егорій, на конюшенъ дворъ,
Выводилъ коня Егорій самолучшаго,
И садился свѣтъ Егорій на коня храбраго.
Поѣхалъ свѣтъ—Егорій къ царю Диклитіанищу!
Ну, на той пути, на дороженькѣ
Повстрѣчалося Егорью несчастье великое.
Напущалъ онъ Диклитіанъ на Егорья сѣрыхъ волковъ.
Возговоритъ Егорій звѣрямъ—сѣрымъ волкамъ:
«Разойдитеся вы на всѣ четырестороны,
По степямъ, по лѣсамъ, по чистымъ полямъ;
Пейте и ѣшьте вы мое повелѣнное,
Егорьево благословенное».
Поѣхалъ свѣтъ—Егорій Храбрый къ царю Диклитіанищу;
Опять на той пути дороженькѣ
Повстрѣчалося Егорью несчастіе великое:
Посреди пути—дороженьки лежитъ тутъ змѣя горюница,

О двѣнадцати змѣя была головахъ,
О двадцати четырехъ хоботахъ.
Тутъ Егорій Храбрый пріужахнулся;
Онъ беретъ свое жезло булатное,
Жезло булатное и свой вострый мечъ.
Онъ возговоритъ, Егорій, змѣи горюницѣ:
«Отойди, змѣя, ты съ пути долой».
Передъ нимъ змѣя она попротивилась;
Онъ разсѣкъ змѣю на мелки части,
Самъ поѣхалъ Егорій Храбрый къ царю Диклитіанищу.
Пріѣзжалъ Егорій во Китай—городъ,
Ко тому дворцу, ко царскому,
Закричалъ Егорій своимъ громкимъ голосомъ:
Узналъ царь Диклитіанъ гласъ Егорьевскій.
Выходилъ царь Диклитіанъ на свой на крутой крылецъ;
Онъ поклонъ поклонялся Егорью понизешеньки,
Возговоритъ Егорій царю Деклитіанищу:
«Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую,
Ты состроишь ли во своемъ градѣ три церквы соборныя?»
Диклитіанъ царь нашему Богу не повѣровалъ,
Онъ беретъ, Егорій Храбрый, свой острый мечъ,
Отрубилъ Егорій Храбрый царю буйную голову,
А онъ ихнѣе все царство беззаконное
Привождалъ во вѣру христіанскую.

4.

Стихъ объ Алексафіи.

Посторонъ святаго града Іерусалима
На земли было три царства беззаконныихъ:
Первое царство былъ Содомъ городъ,
А второе царство былъ Гоморъ городъ,
А третье было царство Рахлинское.
На ихнее беззаконіе великое —
Да не могъ на нихъ самъ Господь смотрѣть.
Содомъ и Гоморъ Господь скрозь земли прослалъ,
А на этое третье царство, на Рахлинское,
Напущалъ Господь Богъ на нихъ змѣя лютаго,
Давали они со города скотиною
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
И ко пещерскому на прожреніе.
Во градѣ скота у нихъ мало осталося:
Давали они со города по головы,
По головы человѣческой,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.

Во градѣ людей у нихъ мало оставалося,
Собиралися всѣ жители рахлинскіе
Къ самому они царю на широкій дворъ;
Метали они жеребьемъ самоволжевымъ
Со самымъ царемъ со Агапіемъ.
Но жеребье царю доставалося
Ко лютому змѣю иттить на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.
Прикручинился царь и припечалился.
Возговоритъ ему царица рыхлинская:
„Не кручинься, царь, и не печалуйся;
У насъ есть съ тобой кѣмъ замѣнитися;
У насъ есть съ тобой дитя единое:
Она единая дочь не милая;
Она вѣруетъ вѣру все не нашую:
Богу молится она распятому;
Отдадимъ мы Олексафію ко лютому змѣю,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе“.
Многой радостью царь изнаполнился,
Приходилъ онъ въ палаты бѣлокаменныя,
Ко своей ко дщери къ одинокія;
Вызывалъ онъ въ упокой ее во особый,
Уговаривалъ онъ дочь, обманывалъ:
„Ты, прекрасная Олесафія Агапеевна,
Ты вставай-ка, Олесафія, изъ утра ранешенько,
Умывайся, дѣвица бѣлешенько,
И снаряжайся, Олесафія, хорошехонько:
Изъ утра я тебя буду замужъ давать,
Ты въ которую вѣру вѣруешь“.
Срадовалася Олексафія, взвеселилася,
На ложницу она спать не ложилася:
Всю темную ночь она Богу молилася;
Молилася она Спасу пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью-свѣту Храброму.
Между тѣмъ дѣвицы и утро пришло.
Встала Олексафія ранешенько
Умывалася она бѣлешенько,
Снаряжалась она хорошехонько.
Выходила Олексафія на крутой крылецъ.
Взглянула Олексафія на широкій дворъ:
Посреди двора было царскаго—
Тутъ стоитъ корета сама черная,
Припряжены кони неученые.
Посаженъ дѣтина въ платьѣ травурномъ;
Ино тутъ же Олексафія догадалася,
Горячимъ слезамъ она обливалася:
„Не на то меня мать спородила,
Чтобъ отдать меня во свою вѣру;
А на то меня мать спородила:
Отдаетъ меня батюшка ко люту змѣю,
Ко люту змѣю на съѣденіе,

Ко пещерскому на прожреніе".
Повели Олексафію сокрута крыльца,
Сажали Олексафію въ корету черную,
Повезли Олексафію ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змѣиному.
Выходила Олексафія изъ кореты вонъ,
Садилась Олексафія на крутой берегъ,
Ко тому ко морю ко синему.
Уѣзжалъ дѣтина въ платьѣ траурномъ:
Оставалась Олексафія одинешенька.
На листу у Олексафіи было написано:
Святые ангелы были все, архангелы.
Молилась Олексафія Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью—свѣту Храброму.
Услышалъ Господь Богъ ея моленье,
Посылалъ Господь Богъ Егорья Храбраго
Для храненія дѣвицы отъ змѣя лютаго.
Пріѣзжалъ Егорій на добромъ конѣ,
Онъ слѣзалъ, Егорій, съ коня храбраго;
Онъ поклонъ воздалъ дѣвицы низешенько:
„Богъ на помочь тебѣ, царская дочь Олексафія!"
Давалъ Егорій Храбрый свой шелковъ поводъ
Олексафіи дѣвицы на бѣлы руки:
„Подержи ты, говоритъ, Олексафія, моего коня,
А больше того смотри сама на сине море:
Когда на морѣ волна будетъ подыматися,
Изъ пещеръ змѣя лютая появлятися,
Ты тогда меня, дѣвица, ото сна сбуди".
Онъ возговорилъ Егорій, а самъ спать уснулъ.
Держала Олексафія коня храбраго,
Больше того смотрѣла на сине море.
На морѣ волна стала колыбатися,
Но тутъ же Олексафія она испугалася,
Горячими слезами она обливалася,
Начала дѣвица Егорья ото сна будить;
Не могла она Егорья ото сна сбудить.
Она жалко Олексафія сама росплакала:
Покатились у Олексафіи горючи слезы
На Егорьево на бѣло лице;
Оттого Егорій ото сна возсталъ.
Онъ беретъ свое жезло булатное,
Онъ пошелъ Егорій ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змѣиному.
Онъ бьетъ змѣю копьемъ во прожорище:
„Ты будь змѣя и кротка и смирна,
Ты пей и ѣшь мое повелѣнное,
Олексафіено благословенное".
Распоясалъ Егорій свой шелковъ поясъ,
Онъ продѣлъ змѣи насквозь прожорище,
Онъ давалъ Олексафіи на бѣлы руки,
Онъ давалъ, Егорій, самъ наказывалъ:
„Поведиткась, Олексафія, змѣя лютаго

Во свое во царство рахлинское.
Скажи батюшкѣ царю Агапію,
Пущай повѣруетъ вѣру христіанскую,
Пусть состроитъ онъ три церквы соборныя.
Ежель не повѣруетъ онъ вѣры христіанскія,
Ты пусти змѣю на свою волю,
Потребитъ змѣя ихъ всѣхъ до единаго,
Не оставитъ имъ людей на сѣмены".
Повела Олексафія змѣя лютаго
Во свое царство во рахлинское,
Становилась Олексафія посреди града,
Закричала Олексафія женскимъ голосомъ:
„Ты услышь, мой отецъ, рахлинскій царь!
Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую,
Ты состроишь ли три церкви соборны ихъ?
Ежель ты не повѣруешь вѣры христіанскія,
Я пущу змѣю на свою волю,
Потребитъ змѣя васъ всѣхъ до единаго,
Не оставитъ вамъ людей на сѣмены".
Царь со радости онъ вѣры повѣровалъ,
Онъ создалъ свою заповѣдь великую:
„Яострою три церквы соборныя:
Церковь Матери Божьей, Богородицы,
Еще Троицы Живоначальныя
И святому Егорью свѣту Храброму.
Я не разъ Егорью буду въ году вѣровать,
Я не разъ въ году—два раза".

5.

Стихъ про Бориса и Глѣба.

Востошная сдержавная
Какъ у славнымъ гради у Кееви *)
А жилъ себѣ Володимеръ князь,
Володимеръ князь Володиміравичъ;
Енъ имѣлъ сибѣ двинадцать сыновъ,
Двинадцать сыновъ любезнѣйшихъ;
Только взлюбилъ ёнъ трехъ сыновъ:
Святова и Глѣба, Бориса,
А третьива Святаапалка,
Той имѣлъ сибѣ за большаго сына.
Дѣлилъ грады на три части:

---

*) Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ варіантахъ или: «Съ восточнаго державія», или «Восточное державіе».

Что Кеевъ градъ, Черниговъ градъ Святому и Глѣбу, Борису,
Привдавъшанъ *) градъ Святополку.
Святой Полокъ пишеть листы,
Пишеть листы къ меньшимъ братьямъ:
„А вы братья, вы и меньшія!
Выѣзжайте въ чистоя поля,
Въ чистоя поля пиръ пировать,
Пиръ пировать, атца паминать".
Бяруть письмо, сильно плачуть,
Дабровъ конивъ сидлаивчи,
Въ чистоя поля ваизжаивчи,
Бѣлы шатры раскинаивчи.
Святой Полохъ наѣзжаивчи,
Глѣба нажомъ зарѣзаивчи,
Бариса капіемъ закаляивчи,
(Въ) топки болоты отволачаювчи,
Подъ гнилу колоду подкладаивчи.
Ляжать мощи тридцать три года,
Ничаво мощамъ не врядиласи,
Ни ятъ солнца ни засохли,
Ни ятъ вѣтру ни завѣтряли,
Ни ятъ дожжу ни сатлѣли.
Святому Глѣбу славу поемъ!
Ва вѣкъ слава яго ни минуитца,
Саздай намъ, Господь, сяму міру пріукрасный рай!

Малоарх. уѣз. с. Сабурово; пѣлъ Иванъ Кондрашевъ; его выучила монахиня въ Коренной.)

6.

Стихъ о пречудной царицѣ.

Ты пречудная царица, Мать Божія-Богородица!
Ты услышь-ка наше моленіе, отъ грѣшныихъ рабовъ твоихъ,
Ты прими наше слезное иногда рыдавіе,
Не лиши насъ отъ царствія отъ свово отъ небеснаго
И не предай насъ ко злой муки, ко превѣчныя.
Ай же мука, ты есь мука злая сотворена!
Но не ради насъ этая мука злая превѣчная,
Сотворена злая мука ради діавола
И ради того человѣка многобеззаконнова.
Ты живешь уже, человѣче, на разсудишь о себѣ;
Пора тебѣ будетъ, человѣче, воспокояться,

---

*) Т. е. самый бѣдненькій градъ. *Прим. пѣвца.*

На истиную путь пора будетъ обратитися.
Призови-ка, человѣче, ты отца къ себѣ духовнаго,
Исповѣдай-ка, человѣче, свои тайные грѣхи,
Но не сколько намъ не жить, всѣмъ намъ умирать будетъ.
Великому нашему всему богатству будетъ здѣсь остатися,
Не друзья, братья намъ отъ смерти, не заступщики,
И ни златомъ, ни серебромъ намъ отъ смерти не откупитися,
Слезами намъ отъ смерти будетъ не отплакаться.
Если хочешь ты, человѣче, *себѣ* до конца претерпѣть,
Ты взойди же, человѣче, во дальнія во пустыни,
Постригися ты, человѣче, во ризы черныя,
Ты надѣнька, человѣче, на себя схимушку спасеную,
Ты зазри, человѣче, на образа Создателя.
„Создатель нашъ Царь Небесный; онъ есть многомилосливъ:
Онъ, любя человѣка, Господь хранитъ, милуетъ,
Избавляетъ Господь грѣховъ человѣческіихъ много множество,
Доставляетъ онъ до царствія до свово до небеснаго,
Онъ приводитъ душу праведную до престола до Господняго».
Скоро намъ будетъ тое времячко злаго антихриста:
Время на три года будетъ и на шесть мѣсяцовъ;
Но не можетъ тогда Царь Небесный на антихриста зазрить,
Онъ сошлетъ Илью пророка съ небесъ на сыру землю,
Тогда будутъ пророки по земли пророковать
И православными христіанами пророки будутъ глаголовать:
„Ай же вы, рабы, православные христіанушки,
Не давайтеся вы лукавому на обманъ антихристу,
Соблюдайте вы свои душеньки ко спасенію,
Ко страшному ко Христовому ко пришествію“.
Возъярится тогда сердце у злаго антихриста.
Онъ беретъ злой антихристъ жезло во правую руку,
Онъ ударитъ Илію пророку жезломъ во мезинный перстъ;
Тогда падетъ кровь пророческа на сыру землю;
Отъ той крови, есь буде, отъ пророческой
Загорится наша матушка вся сыра земля:
Она выгоритъ земля на шестьдесятъ локотовъ;
Тогда повѣютъ вѣтра буйные со восточной со страны,
Разнесутся пески желтыи по край матушки земли;
Тогда горы и всѣ озера поравняются,
И всѣ глыбокіе вертепы всѣ позасыплются;
Тогда грѣшные со праведными будутъ различатися:
Праведныя души будутъ взяты на восточной стороны,
А грѣшныя души будутъ взяты на западную страну.
Между ихъ протечетъ Сіонъ-рѣка огненная,
Со шумомъ она потечетъ, рѣка огненная, со тресканіемъ
И со громомъ потечетъ она, рѣка огненная, со страшнымъ;
Пожжетъ рѣка огненная горы и каменья,
И пожжетъ рѣка огненная всѣ лѣса со звѣрями,
И пожжетъ рѣка огненная весь скотъ со птицами,
Тогда выгоритъ вся земная тварь.
Тогда будутъ престолы поставлятися,
И на престолахъ будутъ книги покладатися,
Всѣ дѣла наши и всѣ грѣхи будутъ обличатися.
Невозможно намъ отъ своихъ злыхъ дѣлъ отперетися.
Тогда сойдетъ къ намъ съ небесъ Судья праведный,

Михайла и Гавріилъ, святые архангелы;
Мы завидимъ, рабы грѣшные, свово Судью праведнаго,
Мы возвопимъ, рабы грѣшные, во многіе голосы:
„Ай же Судья ты нашъ, Боже праведный!
Не лиши ты насъ отъ царства, отъ небеснаго,
Не предай ты насъ ко злой муки ко превѣчныя!“
Возлаголетъ Судья праведный рабамъ грѣшныимъ:
„Я судья къ вамъ посланъ Божья праведная,
Не велѣлъ мнѣ Господь брать съ васъ ни злата, ни серебра,
Благословилъ мнѣ Господь Богъ разсудить васъ по дѣламъвашимъ“.
Тогда погонятъ рабовъ грѣшныихъ всѣхъ по мукамъ разныимъ;
Тогда грѣшные пойдутъ со плачіемъ, со рыданіемъ,
А праведные пойдутъ ко царствію ко небесному:
Оны со радостію пойдутъ и со веселіемъ.
Тогда страшный судъ весь и кончается.

7.

Воскресло небесное царство.

Воскреснетъ небесный Царь, и вознесется рука Его—
И рука Его да на вышніи небеса..
Егда будетъ страшный судъ, вострубятъ въ трубы ангелы,
Въ трубы позлащенныя:
Ужаснется вся вселенная; померкнетъ красное солнышко;
Потемнѣетъ свѣтелъ мѣсяцъ;
Падутъ звѣзды на землю, яко листіе со древа;
Престолы поставятся,
Вси книги поразгибнутся; дѣла наши прочитаются:
Всѣ грѣхи объявятся.

8.

Стихъ на рождество Христово. *)

Достойно есть днесь удивленія,
Духовному веселіе:
Нынѣ звѣзда на небеси явися
Паче всѣхъ святая: ты предвозвѣщаешь Бога нашего
И на землю проявляеши;
Яко *даждь нарунашъ* наидетъ.

*) Поется въ Колѣ, между заутреней и обѣдней, дѣтьми, которыя ходятъ по домамъ.

Тако Христосъ смиренный съ небеси снидетъ
И принесетъ пречистую Дѣву Марію.
Родися яко младенецъ,
Пеленами повиванъ;
Горніе чины дивятся
И земнородные человѣчи объ томъ веселятся
И вкупѣ возрадуются.
Ты же, господинъ хозяинъ, повеселися
Успѣхи насладитися!
Тому же господину хозяину пребывати желаемъ
Отъ всѣхъ васъ торжествуемъ,
Велегласно поздравляемъ!
Изыде звѣзда отъ Іакова,
Свѣтъ возсія отъ Израиля;
Дѣва Бога рожаетъ,
Ангели удивляются.
Персидскіе цари приходятъ,
Рожденному младенцу даръ приносятъ;
Тотъ же Богъ съ небесъ нисходитъ
И въ небесныя возводитъ.
За тѣмъ будь здравъ, господинъ хозяинъ,
На многія лѣта!
Многая лѣта—многая радость
Во всемъ мірѣ нынѣ намъ явися.
Богъ, Царь славы, отъ Дѣвы Маріи
Въ вертепѣхъ родися!
Тому же ангели на небеси зѣло дивятся —
Земнородный человѣцъ о томъ веселится.
Мы же тако вопіемъ Вышнему Творцу:
Слава въ вышнихъ Богу:
Мы же вопіемъ: торжествуйте!
Ликовствуйте!
Хвалу Богу дайте,
Воспѣвайте,
Взыграйте!
Даетъ вамъ Богъ, господамъ, госпожамъ,
Господиновымъ женамъ,
Во всемъ вкупѣ здравствовать!
Виватъ, виватъ, многая лѣта!
Веселися здѣсь! Благодать весь день!
Хвалу Богу пѣти нашему полу на звѣзды.
Ангелъ пастырямъ возвѣстилъ
Нарожденнаго Бога нашего,
Царь же Иродъ всѣхъ возвѣстилъ
Младенцевъ побилъ.
Били-билися,
Сѣкли и ругалися
Яко убивцы,
Злы разбойницы!
Кричатъ дѣтки, плачутъ матки,
Яко насмѣшницы
Да отъ нихъ персей отрывали,
И рубили ихъ,

И топтали ихъ.
Съ матерями вопрошали, жалко всплакались.
Тамо слезы проливали,
Жалобы матки,
И собою дѣтки!
Лежитъ воротъ крови на поляхъ снатки.
Матки ручки заломили,
Волосы дерутъ,
Умираютъ.
Съ неба гласы испущались,
Сердечно рекутъ.

(Кола; зап. *С. В. Максимовъ.*)

9.

Стихъ о великомъ страшномъ судѣ.

Жили мы, грѣшные, на вольномъ на свѣту.
Не имѣли мы ни середы, ни пятницы,
Во божію мы церкву не хаживали,
Со желаніемъ Господу не маливались,
На свои мы на грѣхи не надѣялись.
Евангельской мы книги не прослушивали,
Что было во святомъ евангельи написано, напечатано;
Мы страху Христова не устрашивали.
Были у Христа поразсужены дѣла:
Гдѣ быть ворамъ, гдѣ разбойникамъ,
Суетницамъ и клѣветницамъ и ябедникамъ.
Ворамъ-разбойникамъ быть въ огненной рѣкѣ,
Суетницамъ, клеветницамъ на висилицѣ.
Кто же у насъ во плоти взятъ во Христа?
Во плоти взятъ во Христа Илья Божій пророкъ:
Илья, Божій пророче, во пустынѣ прохаживалъ—
И много муки совидалъ;
Видѣлъ муку, видѣлъ рай, страсти божецкія,
Показалъ Илья намъ видѣть муку и рай,
Чѣмъ намъ душеньку спасти и чѣмъ въ рай взойти:
Спасти душу постами, молитвами,
И низкимъ полуночнымъ поклономъ;
Въ рай взойти святой милостыней
Да отъ своихъ трудовъ праведныхъ.
Со всходу праведнаго солнца пылаетъ огонь съ земли донебеси,
Протечетъ рѣка намъ огненная,
Возойдетъ Михайло Архангелъ на Сіонскую гору;
Затрубитъ трижды въ небесную трубу.
Тогда всѣ мертвые отъ гроба встанутъ.
И праведные рабы по правой стороны.
Переводитъ Архангелъ Михаилъ праведныхъ чрезъ огненную рѣку,
Ко нашему Авраамію, къ отцу праведному,

И приводитъ онъ ихъ ко царству небесному.
Идутъ праведные черезъ огненную рѣку,
Идутъ они по воды какъ по суши;
Огонь ихъ, поломя, не пожеретъ;
Поютъ они стихи херувимскіе,
Величаютъ они самого Христа, Царя небеснаго,
Еще матерь Пресвятую Богородицу.
Грѣшные, беззаконные рабы,
Они сами-то къ Михайлѣ приближаются,
Золотой казной спосуляются:
„О, свѣтъ грозенъ нашъ Михайло, судья праведный!
Переправь насъ грѣшныхъ черезъ огненную рѣку,
Приведи насъ ко царству небесному,
Ко нашему Авраамію, отцу праведному;
Возьми съ насъ золота и серебра
И силья наше имѣнье и богатство.“ *)
Отвѣчалъ имъ Михайло Архангелъ, судья праведный:
„Ахъ вы грѣшные, беззаконные рабы!
На что же вы ко мнѣ приближаетесь
И золотой казной своей спосуляетесь:
Есть здѣсь судья, неподкупная душа,
Я здѣсь судья съ Богомъ праведная.
Не надобно намъ ваше злато, серебро,
Ни силья, ни имѣнья ваше, ни богатество;
А намъ надобно здѣсь душевное спасеніе.
Помните-ль, какъ вы жили на вольномъ на свѣту?
Были у васъ церкви божественныя,
Во церквахъ было у васъ понаписано,
Во святомъ евангельи напечатано:
Вы того писанія не прослушивали,
На свои вы на грѣхи не надѣялись.
У васъ были судьи неправедные,
Судили вы суды не по праведному.
Праваго вы раба винователи,
Виноватаго раба ставили праведнымъ;
Вы брали съ нихъ казну несчисленную
И съ праваго и съ виноватаго.
Клали вы казну во сыру землю,
Сырой матери земли не вызнаполнили,
Своимъ душамъ мѣста не уготовили:
Идите, грядите въ рѣку огненную.“
Идутъ, грядутъ души грѣшныя;
Во огонь онѣ во поломя бросаются,
Тѣлеса на себѣ, власа обрываютъ,
Отца своего, матерь проклинаютъ!
«На что насъ отецъ съ матерью спородили,
На эти на муки на разныя?
Не терпѣли бъ мы злой муки привѣчныя,
Не слыхали бъ мы слова грознаго
Отъ самого Христа, Царя Небеснаго,

*) И силья (селенія?), имѣнье и богатство.

От Михайла Архангела, судьи праведнаго!"
Мы грозному Михайлу славу псемъ,
Всѣмъ добрымъ людямъ на память даемъ.

10.

Стихъ про душу великой грѣшницы.

По морю, по синему, по Хвалынскому
Тутъ ишли, пробѣгали черезъ карабли.
Во этыхъ корàблях святые ангели сидятъ,
На стрѣчу имъ самъ Іисусъ Христосъ, самъ Небесный Царь.
Сталъ онъ въ ангелахъ выспрашивать и выспытывать:
«Святые ангели, архангели, гдѣ вы хаживали, гдѣ гуливали,
Что слышивали, что виживали?»
«Самъ Іисусъ Христосъ, самъ Небесный Царь!
Мы хаживали на вольномъ на свѣту,
Много слышали, много видѣли,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася.
Разставши душа, сама прочь пошла
И отошедши, душа взворотилася,
Со своимъ съ бѣломъ тѣломъ попростилася:
Ты прости тѣло бѣлое мое,
Прости беззаконіе мое.
Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
Червамъ тѣло на источеніе.
Вы кости земли на преданіе.
А я, душа, къ самому Христу на спокаяніе.
На стрѣчу души самъ Іисусъ Христосъ:
Почему же ты, душа грѣхи угадываешъ?
Потому я, душа, грѣхи угадываю,
Что я жила на вольномъ на свѣту,
Середы и пятницы не пащивалась,
Великаго говлѣнія не гавливалась,
Заутрени, вечерни просыпывала я,
Въ воскресный день обѣдни прогуливала.
Въ полюшкахъ душа много хаживала,
Не по праведну землю раздѣливала:
Я межку через межу перекладывала,
Съ чужой нивы земли украдывала.
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась,
И отцу духовному не сказывала,
Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
Еще душа Богу согрѣшила:
Не по праведну покосы я раздѣливала,
Вѣшку на вѣшку позатаркивала;

Чужую полосу позакашивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Въ соломахъ я заломы заламывала *),
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Я въ поляхъ, душа, много хаживала,
Проворы въ поляхъ пораскладывала,
Скотину въ поле понапущивала,
Сусѣдній хлѣбъ повыстравливала,
Я добрыхъ людей оголаживала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Изъ коровушекъ молоки я выкликивала,
Во сырое коренье я выдаивала **).
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Смалешеньку, дитя своего проклинывала,
Во бѣлыхъ во грудяхъ его и засыпывала,
Въ утробы младенца запорчивала,
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Мужа съ женой я поразваживала,
Золотые вѣнцы поразлучивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По улицамъ душа много хаживала,
По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу: слышала,
Хоть не видѣла, скажу: видѣла;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьями оборачивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По игрищамъ душа много хаживала;
Подъ всякія игры много плясывала,
Самаго сатану воспотѣшивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Напилася душа зеленаго вина,
Отъ зеленаго вина душа пьяна была;
Померла эта душа безъ покаянья,
Безъ того ли безъ попа, безъ духовнаго.
Провалилася душа въ преисподній адъ,
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
За свое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.

---

*) Заломомъ называется особый видъ колдовства: связываютъ на корню узломъ рожь или на чью-нибудь голову, или чтобъ вынуть *спорынью* изъ хлѣба.

**) Тоже особый видъ колдовства. Дѣлаютъ на зло кому-нибудь, чтобъ корова не давала молока.

11.

Стихъ о вознесенiи Христовѣ.

На шестой было на недѣлѣ,
Въ четвергъ у насъ праздникъ Вознесенія:
Вознесся самъ Христосъ на небеса,
Со ангелами и со херувимамъ,
И со своей со небесной силой;
А нищiи Господа молили;
Много у Христа милости просили:
«Владыка Христовъ Царь небесный!
Вознесешься ты, Царь, на небесы,
Со ангелами и со херувимамъ,
И со своей со небесною силой;
Ино кто насъ поитъ, кормить будетъ,
И кто обувати насъ и одѣвати,
За что намъ Мать Божію величати,
И Тебя, Христа Бога, прославляти?»
Речетъ имъ Христосъ, Царь Небесный:
«Не плачьте мое меньшее братіе,
Дарую я вамъ гору золотую,
И пропущу я вамъ рѣку медовую,
Имѣйте златой горой владѣти,
Промежду собою раздѣляти.»
Речетъ имъ Иванъ Архiепискупъ:
«Владыко Христосъ Царь Небесный!
Не возьми мое слово въ досаду:
Не оставляй своей нищей братiи
Этыи горы золотыя.
Естьли пожертвуешь имъ гору золотую,
Наѣдутъ къ нимъ сильные люди,
И найдутъ къ нимъ немилосливыя власти,
Отоймутъ у нихъ гору золотую,
Помрутъ нищiи голодною смертью,
И позябнутъ холодною зимою.
Оставь ты своей меньшей братiи
Свое имячко Христово:
Пойдутъ нищіе по земли ходити,
Твое имя святое возносити,
Ино кто есть вѣрный христіанинъ,
Онъ ихъ пріобуетъ и пріодѣнетъ:
Ты даруй ему нетлѣнную ризу;
А кто ихъ хлѣбомъ-солью напитаетъ,
Даруй тому райскую пищу;
Кто ихъ отъ темной ночи оборонитъ,
Даруй въ раю тому мѣсто.
Кто имъ путь-дорогу указуетъ,
Незаперты въ рай тому двери».

—«Благодарю тебя, Иванъ Архіепископъ,
За твои за рѣчи дорогія,
Дарую уста тебѣ золотыя,
Въ году тебѣ праздники честныи,
Во имя Ивана Златоуста».
Мы славимъ тебя, Христа Бога.

12.

О Дмитріѣ Селунскомъ.

Сопущалися съ небесь два ангела, два архангела
Ко Димитрію Селунскому, свѣту чудотворцу.
«Ой еси нашъ батюшка Димитрій Селунскій чудотворецъ!
И хочутъ твой градъ весь повызорить,
И всѣхъ людей твоихъ повыгубить,
И Божіи домы на дымъ спустить.»
Отвѣчаетъ Димитрій Селунскій свѣтъ чудотворецъ:
«И не дамъ свой городъ я повызорить
И не дамъ своихъ людей всѣхъ повыгубить
И Божіи церкви на дымъ спустить.»
И отколь взялся Мамай безбожный, невѣрный
Невѣрный, нечестивый, и принималъ онъ силы многомножество.
Увидалъ Димитрій Селунскій свѣтъ чудотворецъ:
Имаетъ онъ себѣ добраго коня
И покидаетъ онъ ковры сорочинскіе
Беретъ онъ копіе булатное
И сколько онъ копьемъ колетъ,
А вдвое, втрое конемъ топчетъ.
И пригубилъ онъ силушки много множество,
Три тьмы, три тьмы и четыре тысячи;
И только Мамай невѣрной, нечистивый барышу получилъ—
Двухъ русскихъ сестеръ во полонь залучилъ,
Увозилъ онъ къ себѣ да во полатушки:
«Ой вы гой еси двѣ русскія сестры полоняночки!
Вы скажите мнѣ про магучаго богатыря?
Какой есть у васъ могучій богатырь?
Сколько онъ у меня силушки погубилъ
Выпишите мнѣ и вырисуйте мнѣ на коврѣ на шолковомъ».
Онѣ пишутъ и рисуютъ съ утра и до вечера,
Со вечера да до полуночи,
Со полуночи, горько плачася, Богу молятся,
На коверъ онѣ спать ложилися:
«Ужь ты гой еси, батюшка Димитрій Селунской свѣтъ, чудотворецъ нашъ
И не прогвѣвайся на насъ на грѣшныхъ здѣсь
И не изъ волюшки пишемъ изъ подъ неволюшки».
Онѣ легли да всѣ и заснулися.
И подниималася вьюга, падора.

Подымалося со полотъ верхи,
Выносило-то двухъ русскихъ-то сестеръ да полоняночекъ
И уносило ко Димитрію Селунскому свѣту чудотворцу да во Божью церкву.
По утру онѣ да пробудилися,
Димитрію Селунскому да помолимся:
Онѣ очувствовались да у Димитрія Селунскаго
Во Божьей церкви.

Сообщено *А. Григорьевымъ.*

13.

Стихъ о Лазарѣ.

Живалъ-себѣ славенъ на вольномъ свѣту,
Пивалъ, ѣдалъ сладко, носилъ хорошо,
Дорогія одежды богатъ надѣвалъ,
Про милость про Божію богатъ не давалъ.
А былъ у богатаго убогій Лазарь,
Онъ скорбенъ, болѣзненъ, онъ весь во гною.
Восползетъ убогій къ богатому на дворъ,
Воскрикнетъ убогій громкимъ голосомъ:
«Милостивый братецъ, богатый Лазарь!
Ты выслушай, братецъ, прошенье мое,
Сотвори мнѣ, братецъ, милостыню,
Про милость про Божью напой, накорми;
Не я тебѣ, братецъ, за то заплачу;
Заплатитъ богатому Господь съ небеси».
Какъ слышалъ богатый въ своемъ терему,
Выходилъ богатый на красно крыльцо,
За нимъ выходили все рабы его,
За нимъ выносили все медъ и вино.
То чаялъ богатый гостей къ себѣ въ домъ,
Чаялъ: «мои гостики возлюбленные».
А ижно убогій стоялъ у крыльца.
Какъ крикнулъ богатый громчѣ того:
«Ахъ ты смердинъ, смердинъ, смердящій ты сынъ
Да какъ же ты смѣешь къ окну подходить?
Да какъ же ты смѣешь братомъ называть?
У меня брата Лазаря въ роду не было,
Такой хворобы слыхомъ не слыхалъ.
Есть у меня братія, получше тебя,
У кого много злата, больше серебра,
Тѣ—и моя братія возлюбленная.
А вонъ твои братья, два лютые пса—
Тѣи твоя братія получше меня».
Речетъ же убогій брату своему:
«Милостивый братецъ, богатый Лазарь!
Напрасно, мой братецъ, отперся меня,

Напрасно, родимый отъ рода своего;
Одна насъ съ тобой матушка на свѣтъ родила,
Одинъ-то насъ батюшка вспоилъ воскормилъ,
Неровною долею Господь надѣлилъ;
Тебя надѣлилъ все богачествомъ.
Меня надѣлилъ все убожествомъ.
Спохватишься, братецъ, да не во время,
Вспокаешься, родимый мой—возврату не быть».
«Да чѣмъ же, убогій, ты сталъ мнѣ грозить,
А я не боюся, ничѣмъ ничего,
А я не блюдуся никѣмъ никого.
Бѣда ко мнѣ придетъ—казной откуплюсь;
Отъ вора, разбойника ружьемъ отобьюсь,
Отъ нищей отъ братіи ворота запру.
Подите, рабы мои, спихните съ двора,
Спустите; рабы мои, два лютые пса,
Пускай его псы тѣ терзаютъ всего».
Не стали же псы его ни рвать, ни терзать,
Понюхали псы его, сами прочь пошли;
Святымъ Духомъ Лазарь, онъ сытъ пребывалъ,
Святымъ Духомъ Лазарь ничемъ невредимъ;
Какъ началъ убогій молитву творить,
Какъ началъ убогій Христа величать:
«Господи, Владыко, Спасъ милостивый!
Выслушай Ты, Господи, молитву мою,
Все мою молитву неправедную,
Сошли мнѣ, Владыко, грозныхъ Ангелей
По мою по душеньку, по Лазареву.
Какъ я жилъ убогій, на вольномъ свѣту,
То-то моя душенька намучилася:
И голода, холода всего приняла;
Всякой она скверности навидалася,
Создай мнѣ, Владыко, горчѣе того!»
И самъ Господь выслушалъ молитву его,
Молитву его все праведную;
Ссылаетъ Богъ святыхъ Ангелей
Тихихъ и смирныхъ, двухъ милостивыхъ.
Какъ святые Ангели солетывали,
Вынимали душеньку все Лазареву,
Честно и хвально въ сахарны уста,
Посадили душеньку-то на пелену,
Понесли они душеньку-то на небеса,
Отдали душеньку къ Абрамію въ Рай.
Будетъ у богатаго почетный пиръ
Про свою про братію возлюбленную;
Выходилъ богатый въ зеленъ садъ гулять.
Не успѣлъ богатый двора перейти,
Не успѣлъ богатый въ саду погулять,
Не успѣлъ богатый чары выкушать,
Придетъ на богатаго люта хворьба,
Вся Божія немочь уродливая:
Подыметъ богатаго вельми высоко
Ударитъ богатаго о сыру землю;

Отбило у богатаго умъ и разумъ:
Не вспомнитъ богатый житія своего.
Не узрѣлъ богатый жены и дѣтей.
Какъ видитъ богатый бѣду надъ собой,
Взираетъ богатый-то на небеса.
Какъ началъ богатый молитву творить,
Какъ началъ богатый Христа величать:
«Господи, Владыко, Спасъ милостивый!
Выслушай ты, Господи, молитву мою,
Создай Ты мнѣ, Господи, святыхъ Ангелей,
Тихихъ и смирныхъ, двухъ милостивыхъ.
Какъ я жилъ богатый на вольномъ свѣту,
Много имѣлъ злата, больше серебра,
А больше того было цвѣтнаго платья.
Создай мнѣ, Владыко, получше того».
А самъ Господь выслушалъ молитву его,
Молитву его не праведную.
Ссылаетъ Господь Богъ грозныхъ Ангелей,
Грозныхъ и страшныхъ немилостивыхъ.
Какъ грозные ангелы слетывали,
Они грудь у богатаго разламывали,
Скипетромъ душеньку вынимывали.
Вынули душеньку въ кровавы уста,
Посадили душеньку на востро копье:
Понесли они душеньку крутя и вертя,
Вкинули душеньку въ кипимый огонь.
Молился богатый день до вечера;
Не взможетъ богатый муки истерпѣть
Взираетъ богатый изъ муки на Рай;
Какъ видитъ богатый Абрама въ Раю,
А возлѣ Абрамія брата Лазаря.
Воскрикнулъ богатый громкимъ голосомъ:
«Милостивый братецъ убогій Лазарь!
Выступи, братецъ, изъ Раю ты вонъ,
Ты поди, родимый мой, на сине море.
Помокни ты, братецъ, мизинный свой перстъ,
Покропи мнѣ, братецъ, кровавы уста.
Не дай сударь, братецъ, въ огнѣ исгорѣть,
Не дай мнѣ, родимый мой, въ смолѣ искипѣть».
Речетъ же убогій брату своему:
«Милостивый братецъ богатый Лазарь,
А теперь намъ, братецъ, не своя воля,
Какъ мы жили-были на вольномъ свѣту.
Чѣмъ же погасишь кипимый огонь?
Гдѣ же твое, братецъ, злато, серебро?»
—«Милостивый братецъ, убогій Лазарь!
Злато мое серебро землей пожрало,
Все мое имѣніе прахомъ взялось,
Всѣ мои товарищи разъѣхалися,
Всѣ друзья, пріятели отрѣкалися,
Рабы мои вѣрные разно всѣ пошли,
Остался я, братецъ, одинъ во грѣхахъ».
—«Милостивый братецъ, богатый Лазарь!

Помнишь ли ты, братецъ, памятуешь ли,
Какъ мы жили были на вольномъ свѣту;
Ты нищую братію на дворъ не впущалъ,
Ты босаго, нагаго не обулъ, не одѣлъ,
Отъ темной отъ ноченьки ты не укрывалъ,
Съ широка подворья ты не провожалъ,
Пути и дороги ты не указалъ,
Вдовицъ и сиротъ ты не сберегалъ,
Въ тюрьму, въ богадѣльню ты не подавалъ,
До Божіей церкви ты не доходилъ,
Отца ты духовнаго ты не почиталъ,
Меня, брата Лазаря, братомъ не звалъ,
Меня, брата Лазаря, въ роду не имѣлъ».
—«Милостивый братецъ, убогій Лазарь!
Чего ты мнѣ, братецъ, давно не сказалъ
Про муку про злую, преувѣченную?
Кабы зналъ я, вѣдалъ, не то бы творилъ,
Ябъ нищую братію поилъ и кормилъ,
Босаго и нагаго обулъ бы, одѣлъ,
Отъ темной отъ ночи всегда бъ укрывалъ,
Съ широка подворья всегда бъ провожалъ,
Путь бы я дорогу всеё бъ указалъ,
Вдовицъ бы, сиротъ я въ дому сберегалъ,
Въ тюрьму, въ богадѣльню всегдабъ подавалъ,
До Божіей церкви всегда бъ доходилъ,
Отца бы духовнаго всегда уважалъ,
Тебя, брата Лазаря, братецъ называлъ,
Тебя, брата Лазаря, въ роду бы имѣлъ,
Имѣлъ тебя, братецъ, какъ душу свою,
Какъ бы свою душеньку во бѣломъ тѣлѣ».
Спохватился Лазарь, да не во время.
Вскаялся богатый—возврату не быть.
Какъ съ небесъ ангели солетывали,
Они на землю ликовали,
Убогому Лазарю славу поютъ.

Москва.
Зап. *А. А. Григорьевъ.*

14.

Стихъ о двухъ Лазаряхъ.

Жили то были два братца,
Два братца, два Лазаря,
Что одна ихъ матушка спородила,
Не однимъ ихъ Господь Богъ счастьемъ надѣлилъ:
Что большаго-то Лазаря тьмою животомъ и богачествомъ его,
А малаго-то Лазаря святымъ кошелемъ.
Заводилъ богатый Лазарь пиръ,
Собралъ онъ Лазарь князей и бояръ и пестрыхъ властей
А малой-то Лазарь пошелъ по милостину къ нему:
„Подай, сотвори святую милостыню

„Братецъ мой, братецъ, братецъ родной!"
„ „Какой ты мой братецъ, какой ты мой родной?
„ „Есть у меня брателко каковъ я самъ" ".
Отсылаетъ онъ брателко отъ себя его роднаго
Толкаетъ, пинаетъ, съ крыльца провожаетъ,
Съ крыльца провожаетъ, кобелей потравляетъ.
Усть-е возьмите борзы кобельё,
Борзы кобели ему радуются
Кровавыя раночки зализываютъ;
Выбросилъ онъ Лазаря на навозъ.
Взмолился онъ, Лазарь, Господу Богу:
„Создай мнѣ Господи скорую смерть,
Скору, крылату немилостиву,
Выняло бы душеньку нечестно, нехвально, сквозь правое ребро,
На бѣломъ она свѣтѣ налѣнствовалась.
Тѣло мое бѣлое нанѣжилося".
Услышалъ его Господи молитву его:
Посылаетъ онъ скорыхъ ангелей,
Скорыхъ, крылатыхъ и милостивыхъ:
Выньте его душеньку и честно и хвально и въ сахарны уста
Положите его душеньку на пелены
Поднимите душеньку на небеса
Положите душеньку въ пресвѣтлый рай.
И просилъ его брателко, свѣтъ родной:
„Создай мнѣ Господи скорую смерть,
Скору, крылату и милостиву:
Выняло бы душеньку въ сахарны уста
Положило бъ душеньку на небеса
Положилобъ душеньку въ пресвѣтлый рай,
На бѣломъ она свѣтѣ намаялася,
Тѣло мое бѣлое настранствовалось".
Услышалъ Господь Богъ молитву его:
Посылаетъ къ нему Господи двухъ ангелей,
Двухъ крылатыхъ и немилостивыхъ:
„Выньте его душеньку сквозь лѣвое ребро
Положите душеньку на острое копье
Поднимите душеньку вверхъ высоко
И бросьте его душеньку въ таръ-тарары
На бѣломъ она свѣтѣ напьянствовалась
И тѣло ея бѣлое изнѣжилося".
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сообщено *А. Григорьевымъ.*

15.

О Θедорѣ Тиронѣ.

Во святѣ градѣ Константиновѣ
Было богомолье великое,
Молился царь Константинъ Сауйловичъ
У честныхъ у заутреней,

У святыхъ у молебеновъ,
Отходила честная заутреня,
Царь Константинъ Сауйловичъ
Онъ будетъ посреди двора царскаго.
Издалеча изъ чиста поля
Не люта змѣя вывивалася,
Вывивалася, выстилалася
Ровна стрѣлочка каленая
Ложилася калена стрѣла
Посреди двора царскаго
У ноги у царскія
У руки у правыя
А на стрѣлочкѣ была-была грамотка,
На грамоткѣ было написано
Отъ царя іудейскаго,
Отъ его силы жидовскія—
Жидовскія, бусурманскія:
Гой ты царь Константинъ Сауйловичъ,
Ты давай намъ супротивника
Супротивъ меня, царя іудейскаго,
Супротивъ моей силы жидовскія—
Жидовскія, бусурманскія,
Очищай землю святу русскую!
Царь Константинъ Сауйловичъ,
Съ того государь задумался—
Задумался, запечалился,
Повѣсилъ головушку буйную,
Посупилъ очи ясныя
Самъ во матушку во сыру землю,
Самъ возговорилъ таково слово:
Ужь вы гой еси, вы князьё, бояре,
Гости торговые,
Мужички почетные,
Христіане православные!
А еще кто пойдетъ, побьетъ царя іудейскаго
Его силу жидовскую,—
Жидовскую, бусурманскую,
Кто очиститъ землю святу русскую,
Тотъ избавленъ будетъ муки вѣчныя,
Наслѣдникъ будетъ царства небеснаго.
Да никто ему словечушка не проговоритъ,
Большой бояринъ хоронится за меньшаго,
Меньшаго не видѣти изъ-за большаго,
Только по двору по царскому,
По крылечушку по красному
Ходитъ, гуляётъ младый человѣкъ Θедоръ Тиронъ,
Всего ему отъ роду двѣнадцать лѣтъ.
Самъ возговорилъ таково слово:
Государь родимый батюшка,
Еще царь Константинъ Сауйловичъ!
Благослови меня, сударь батюшко,
Спасовымъ образомъ.
Матерью пресвятою Богородицей

Еще Троицею нераздѣльною:
Я пойду побью царя іудейскаго,
Его силу жидовскую—
Жидовскую, бусурманскую,
Я очищу землю святу русскую.
А царь Константинъ Сауйловичъ,
Онъ горючими слезами заливается,
Самъ возговорилъ таково слово:
Ай горе! чадо милое
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,
На боехъ чадо не бывывалъ,
Сбрую ратною не влаживалъ,
Изъ крѣпка лука не стрѣливалъ,
Калены стрѣлы не кладывалъ.
На кого, чадо, надѣешься,
Держись надежду великую?
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Самъ возговорилъ таково слово:
Государь родимый батюшка,
Еще царь Константинъ Сауйловичъ!
Я надѣюсь, сударь батюшка,
Я на Спаса на пречистаго,
Я на матушку пресвятую Богородицу,
Я на Троицу нераздѣльную,
На твое благословеніе великое,
Только было бы твое благословеніе великое.
Онъ царь Константинъ Сауйловичъ
Восходилъ въ церковь соборную,
Поднималъ иконы мѣстныя,
Служилъ молебны заздравные.
Благословилъ его сударь батюшко
Спасовымъ образомъ,
Матерью пресвятой Богородицей,
Еще Троицей Нераздѣльною.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Восходилъ на конюшню дубовую,
Выбиралъ коня что есть лучшаго,
Сѣдлалъ сѣдлечко черкасское
О двѣнадцати подпружинахъ,
Не ради красы молодецкія,
Ради крѣпости богатырскія.
А молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ беретъ сбрую ратную,
Копье булатное,
Палицу желѣзную,
Еще крѣпкій лукъ о двѣ стрѣлы каленыя,
Садится онъ на добра коня,
Поѣзжалъ по граду Константинову.
Подъ нимъ добрый конь подымается
Черезъ ту стѣну бѣлокаменну,
Какъ ясенъ соколъ полетѣлъ по поднебесью,
Выѣзжалъ далече во чисто поле,

Становился супротивъ царя іудейскаго,
Супротивъ его силы жидовскія—
Жидовскія, бусурманскія.
Онъ и бьется съ царемъ по первый день,
Онъ и бьется съ царемъ по второй день,
Онъ и бьется съ царемъ по третій день,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи,
Побивалъ царя іудейскаго,
Его силу жидовскую
Жидовскую, бусурманскую,
Обливала его кровь жидовская—
Жидовская, бусурманская,
Не по колѣни, не по поясъ,
По самыя груди бѣлыя.
Молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ—
Онъ и бьетъ копьемъ во сыру землю,
Самъ возговоритъ таково слово:
„Ужъ ты, матушка, сыра земля,
Разступися на четыре на четверти
На всѣ на четыре на стороны,
Ты пожри въ себя кровь жидовскую—
Жидовскую кровь, басурманскую“.
По Божію изволенію,
Разступалася мать сыра земля
На четыре на четверти,
Прожирала въ себя кровь жидовскую,
Жидовскую, басурманскую,
Царя іудейскаго.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Очищалъ землю свято-русскую,
Поѣзжалъ по граду по Константинову,
Подъ нимъ добрый конь спотыкается
Самъ онъ на конѣ сидитъ-шатается
Какъ завидѣлъ его сударь батюшко
Еще царь Константинъ Сауйловичъ,
Самъ возговорилъ таково слово:
„Ужь вы гой есте князья-бояре,
Гости торговые,
Мужички почетные,
Христіане православные!
Восходите скоро въ церьковь соборную,
Поднимайте иконы мѣстныя,
Служите молебны заздравные,
Встрѣчайте младенца во чистомъ полѣ,
Ему бейте челомъ, поклонитеся
По двѣнадцати земныхъ поклоновъ,
По сороку до поясу.
За него святое умоленіе
За него честное притерплѣніе.
Князья-бояре его слушали:
Восходили скоро въ церковь соборную,

Поднимали иконы мѣстныя,
Служили молебны заздравные,
Стрѣчали младенца во чистомъ полѣ,
Ему били челомъ, поклонялися
По двѣнадцати земныхъ поклоновъ,
По сороку до поясу.
За него святое умоленіе
За него честное притерплѣніе.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Взъѣзжалъ на шарокій, на царскій дворъ.
Встрѣчаетъ его сударь батюшко,
Еще царь Константинъ Сауйловичъ;
Его родимая матушка
Приняла его съ добра коня,
Повела въ палаты бѣлокаменны,
Посадила подъ иконы мѣстныя,
За столы за дубовые,
За скатерти зȁ бранныя,
За питья за медвяныя.
За ѣствы за сахарныя;
Понесла ему первую ѣствицу...
Изъ-за первой изъ-за ѣствицы
Завидѣла коня потнаго
Повела поить на синё море,
На ту воду, на студеную,
Обмывати крови жидовскія,
Жидовскія, басурманскія.
Гдѣ ни возьмется, тамо лютый змѣй,
Лютый змѣй, люто-огненный,
Ухватилъ его родимую матушку
Онъ во челюсти во змѣиныя,
Унесъ ее за синё море,
Во тѣ пещёры, въ горы бѣлокаменны,
Ко двѣнадцати ко змѣёнышамъ,
На ту муку на змѣиную.
Ахъ, что за горе великое!
Выбѣгаетъ его добрый конь
На широкій, на царскій дворъ,
Прорѣщитъ его добрый конь
Человѣческимъ языкомъ:
«А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ!
Что ты пьешь, ѣшь, что тѣшишься,
На себя-то бѣды не чаешься,
Какъ твоя родимая матушка,
Ради тебя дождалася,
Ради тебя доглядѣлася!
Понесла тебѣ первую ѣствицу,
Изъ-за первой изъ-за ѣствицы
Завидѣла меня, коня потнаго,
Повела поить на синё море,
На ту воду на студеную,
Обмывати крови жидовскія,

Жидовскія, бусурманскія.
Гдѣ ни возьмется тамо лютый змѣй,
Лютый змѣй, люто-огненный,
О двѣнадцати хоботовъ,
Ухватилъ твою родимую матушку
Онъ во челюсти во змѣиныя,
Унесъ ее во синё море
Ко двѣнадцати ко змѣёнышамъ
На ту на муку на змѣиную».
Ахъ, ты горе великое!
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Чтò въ устахъ было, тò проглотилъ,
Чтò въ рукахъ, тò такъ пустилъ;
Восходитъ скоро въ церковь соборную,
Онъ беретъ съ собой слово Божіе,
Святу-честну книгу Евангелье,
Онъ беретъ съ собой сбрую ратную,
Копье булатное,
Саблю вострую, палицу желѣзную,
Еще крѣпкій лукъ, двѣ стрѣлы калены;
Онъ приходитъ къ морю синему,
Становился на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
Онъ читаетъ слово Божіе,
Святу-честну книгу Евангельё;
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слова не вымолвитъ.
Гдѣ ни возьмется тамо китъ рыба,
Прорѣщитъ та китъ рыба
Человѣчьимъ языкомъ:
«А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ!
Ты поди по мнѣ, по китѣ рыбѣ,
Яко по мосту, яко по суху,
Выручи свою родимую матушку
Изъ тоё муки змѣиныя,
Отъ двѣнадцати отъ змѣёнышей».
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Переходитъ море синёе,
Становится на крутомъ, красномъ бережочкѣ,
Читаетъ слово Божіе,
Святу-честну книгу Евангельё,
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слово не вымолвитъ.
Завидѣла его родимая матушка
Изъ тоё изъ муки змѣиныё,
Отъ двѣнадцати отъ змѣёнышей,
Кричитъ-вопитъ громкимъ голосомъ:
„Ой, дитятко, съ тобою мы погибнули,
Родимое, съ тобой погибнули!“
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Самъ возговоритъ таково слово:
„Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули:
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,

Со мною слово Божіе,
Со мною сбруя ратная,
Копье булатное;
Сабля вострая, палица желѣзная,
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены».
А молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены;
Онъ стрѣлялъ въ двѣнадцать змѣёнышей,
Побивалъ двѣнадцать змѣёнышей;
Выручилъ свою родимую матушку
Изъ тоё изъ муки змѣиныя
Отъ двѣнадцати змѣнышей;
Онъ посадилъ ее на головку на тяжелую,
Понесъ ее къ морю синему.
Его родимая матушка
Назадъ себѣ оглянулася,
Завидѣла змѣя лютаго,
Люта змѣя, люта-огненна,
О двѣнадцати хоботовъ,
Кричитъ-вопитъ громкимъ голосомъ:
«Ой, дитятко, съ тобой мы погибнули.
Родимое, съ тобой погибнули!»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Самъ возговоритъ таково слово:
«Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
Со мною слово божіе,
Со мною сбруя ратная,
Копье булатное,
Сабля вострая, палица желѣзная
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены.»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены,
Онъ стрѣлялъ супротивъ змѣя лютаго
Люта змѣя, люта, огненна
О двѣнадцати хоботовъ,
Вышибалъ ему сердце со печенью;
Обливала его кровь змѣиная
Не по колѣно, не по поясъ,
По самы труди бѣлыя,
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ и бьетъ копьемъ во сыру землю,
Самъ возговоритъ таково слово:
—Ужь ты матушка мать сыра земля
Разступися на четыре четверти
На всѣ на четыре стороны!
Ты пожри въ себя кровь змѣиную!—
По Божію изволенію.
Разступалася мать сыра земля
На четыре на четверти,

Пожирала въ себя кровь змѣиную.
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ
Очищалъ землю свято-русскую
Приходилъ ко синю морю,
Становился на крутомъ красномъ бережечкѣ,
Читаетъ слово Божіе
Святу честну книгу Евангельё,
Во слезахъ письма не видитъ
Во рыданьи слово не вымолвитъ.
Гдѣ не возьмется та же китъ рыба
Прорѣщитъ китъ рыба,
Человѣчимъ языкомъ;
«А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ,
Ты поди по мнѣ по китѣ рыбѣ,
Яко по мосту, яко по суху
Понеси свою родимую матушку,
Изъ тыё изъ муки змѣиныё».
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ
Переходитъ морё синёё
Становится на крутомъ красномъ бережечкѣ
Самъ возговоритъ таково слово:
—Государыня моя родимая матушка
А что стоитъ моё похожденіе
Супротивъ твоего порожденія?
Его родимая матушка
Горючимъ слезамъ заливалася
Сама говорила таково слово:
«Ой горе, чадо милое!
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ,
Всего тебѣ отъ роду двѣнадцатъ лѣтъ,
Какъ твое то похожденіе,
Наипаче моего порожденія.»
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ
Приходилъ ко граду Константинову,
Какъ завидѣлъ его судырь батюшко
Еще царь Константинъ Сауйловичъ
Самъ возговорилъ таково слово:
Ужь вы гой есте князья-бояре,
Гости торговые,
Мужички почетные,
Христіане православные!
Еще кто почтитъ отца и мать свою
Надѣется Өедору Тирону
На первой недѣлѣ поста Господня великаго
Тотъ избавленъ муки вѣчныя
Наслѣдникъ будетъ царства небеснаго.
Еще славенъ Богъ и прославленъ,
Велико имё Господне!

16.

Стихъ о Михаилѣ Архангелѣ.

Спустится на землю судья праведный,
Михайло Архангелъ, свѣтъ.
Со полками онъ съ Херувимами,
Съ Херувимами и съ Серафимами,
Со всею онъ силою небесною
И со трубою онъ златокованной
И первый онъ разъ вострубитъ—
И души въ тѣлеса пойдутъ;
Второй онъ разъ вострубитъ—
Отъ гробовъ мертвые встаютъ;
Въ третій разъ вострубитъ
Всѣ на судъ Божій пойдутъ.
И праведные идутъ по правую руку, а грѣшные по лѣвую,
У праведныхъ лица хорошія,
На главахъ власы, какъ лунь свѣтлы;
А у грѣшныхъ лица все черныя"
У грѣшныхъ волосы словно стрѣлы стоятъ.
Праведные идутъ все стихи поютъ
Херувимскіе и серафимскіе:
Величаютъ Христа, Царя небеснаго,
Пресвятую они Матерь Богородицу,
Величаютъ они Михайла Архангела:
«Не возможно ли, батюшко, Михайло Архангелъ, помиловать?»
Отвѣчаетъ Михайло Архангелъ, свѣтъ имъ чудотворецъ:
«Проходите рабы крещеные, души вѣрныя
Уготовали вы царство небесное".
А грѣшные идутъ сильно плачутъ,
Плачутъ они да и рыдаютъ,
Ко Михайлу Архангелу причитаютъ:
«Не возможно ли насъ, батюшко, Махайло Архангелъ, помиловать?
И дайте намъ годы урочные,
Столько годовъ, сколько въ морѣ песку.»
Отвѣчаетъ Михайло Архангелъ свѣтъ имъ чудотворецъ:
«Отойдите злые, окаянные!
Бѣлый свѣтъ вамъ на волю данъ былъ,
Сами вы себѣ мѣсто уготовали,
Мѣсто, муку вѣчную и тьму кромѣшную".
Рече Михайло Архангелъ, чудотворецъ:
«Ангели, вы мои Архангели,
Берите прутье желѣзные
Гоните вы злыхъ окаянныхъ,
Гоните ихъ въ рѣку огненну
Засыпьте ихъ пескомъ и хрущобою,
Завалите доскою чугунною
Не чулъ бы я отъ нихъ ни писку, ни вереску,

Ни зубнаго бы отъ нихъ скрежетанія.“
Они идутъ да слезно плачутъ, отцу матери причитаютъ,
Ко сырой землѣ припадаютъ:
„Почто вы насъ отцы—матери породили,
Краше бы насъ на родинахъ растоптали,
Ко страху Божьему вы насъ не учили.“

Сообщено *А. Григорьевымъ*.

17.

Стихъ о Пятницѣ.

Во славномъ городѣ въ Ерусалимѣ
На той горѣ на Вертепѣ,
Стояла святая пустыня,
Въ этой пустынѣ жилъ святой пустынникъ Василій
И молился онъ Господу Богу,
Жёстко онъ молился со слезами
Умолилъ онъ себѣ царство небесное.
Во снѣ ему Пятница явилась,
Крестомъ его оградила,
Свѣчею его освѣтила
Словесно ему говорила:
„Стань же ты, стань, рабъ Божій пробудися,
Поди же на святую на Россію,
Разсказывай людямъ православнымъ,
Чтобы другъ друга люди возлюбили,
Братъ братомъ называли,
Отцей матерей почитали,
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Ай, вы мужи и жены честныя!
Середы, да Пятницы почтите,
Въ воскресные дни Богу молитесь,
Дѣтей своихъ не проклинайте,
Жидами не называйте:
Жиды у Христа проклятые,
Жиды Христа проклинали,
Святую одежду Его раздирали,
Копьемъ святое тѣло протыкали,
Святую Христову кровь проливали,
На крестъ Христа распинали,

Гвоздями руки, ноги приковали,
Обручи желѣзные набивали,
Во землю его зарывали.
Изъ мертвыхъ Христосъ воскресе,
Изъ гроба Христосъ да возставши—
Весь міръ православный взрадовался:
Слава Тебѣ Христе Боже да на небеси!“

ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ И СОЛДАТСКІЯ.

1.

Пѣсня о Марьѣ Юрьевнѣ.

Жилъ-былъ князь Романъ Митріёвичъ.
Съ женкой спалъ и ей прищавилось ночью,
Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
Съ правова перстечка, съ мезёночка,
И разсыпался на мелкія зёрночка;
Она всѣ собрала, одного не могла отыскать.
Даемъ мы знать по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
Чтобы твой сонъ разсудили.
Чтобы твой сонъ разсказали:
„Я свой сонъ сама разсужу:
Прибѣгутъ ко мнѣ изъ-за моря
Три червленыехъ, три корабля,
Увезутъ меня, Марью, за сине море
За сине-море, за соленое,
Къ тому Мануилу сынъ Ягайлову".
Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,
Онъ ушелъ скорѣй въ тихи мелки заводи
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ, сѣрыхъ уточекъ.
Она сѣла къ окошечку косивчиту (косящату?)
И глядитъ: бѣжатъ изъ-за синя
Изъ-за моря, изъ-за синя
Три чорныихъ, три корабля,
Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную
И видитъ Марья—увезутъ меня
За сини моря, за соленыя:
Она запирала окошечко ковшивчето,
Пошла по палатѣ бѣлокаменной,
Изъ бѣлыхъ палатъ на новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на красно крыльцо,
Съ краснаго крылечка на дубовый мостъ,
Съ дубоваго моста на тропиночку.
По тропиночкѣ Марья въ чисто поле,

И засѣла подъ яблонь кудреватую,
И прибѣгали три кораблика, три черныихъ
Прямо въ гавань корабельную,
Подбирали парусы полотняны,
И метали якори булатные,
И выпущали шеенки *) шелковыя,
И спущали на воду шлюпку легкую,
И садились въ шлюпочку, пріѣхали
Прямо въ гавань корабельную.
И шли въ палаты бѣлокаменны
И искали Марью—не могутъ найти!
Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтинушка,
Не искомъ ищетъ—слѣдочки выправливаетъ,
Выправливаетъ, да вырѣзываетъ,
По тропиночкѣ Марьи слѣдочки выправливаетъ,
Дѣтинушка поваренный вырѣзываетъ
И нашелъ ее подъ яблонью кудреватою.
«— Ты ли есть Марья Юрьевна?»
«Я не Марья Юрьевна,
Я Марьина служаночка».
«Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна?»
«Я есть Марья Юрьевна, лебядь бѣлая».
Онъ и бралъ ее за ручки бѣлыя,
И за тѣ ли перстни злаченыя
И увозилъ на червленомъ на караблѣ
За сине-море, за соленое.
И пришелъ дѣтинушка поваренный
Къ Мануилу сыну Ягайлову;
Онъ встрѣчаетъ его съ честью, съ радостью,
Онъ бралъ Марью за руки за бѣлыя,
За тѣ ли перстни злаченыя,
Онъ хочетъ цаловать ее въ сахарны уста.
Говоритъ ему Марья Юрьевна:
«У насъ до трехъ годовъ не цалуются, не обнимаются».
И ушелъ Мануйло Ягайловичъ на тихи-мелки заводи
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ;
Пойдучи матери наказывалъ:
«Дай ей нянюшекъ, служаночекъ,
Ежели она закручинится».
Она сидѣла у окошечка косивчата,
Глядѣла въ околенку стекольчату.
Вотъ мать его идетъ спрашиваетъ:
«Чего ты сидишь у окошечка у кошивчата,
Чего плачешь, уливаешься?»
«Сегодня у меня, на Руси, великъ праздникъ,
Великъ праздникъ—Свѣтло Христово Воскресеніе;
Гуляютъ жены христіанскія,
Купеческія, министерскія, крестьянскія,
И послѣднія жены солдатскія,

---

*) Ширинки, лѣсенки.

И голи кабацкія;
А я сижу у окошечка,
Проливаю свои слезы горючія».
Мать дала ей няничекъ, служаночекъ въ сады гулять
И дала напитковъ всякихъ разныехъ,
И дала козла любимова Моналинова;
Она напоила нянекъ до пьяна,
Что няньки лежатъ сами безъ себя.
Вотъ она взяла козла зарѣзала,
Пришла Марья на гору высокую,
Скидывала свое платье цвѣтное,
Надѣвала на лѣсиночку
И пошла съ горы,
Ей на встрѣчу быстра рѣка.
И быстра рѣка идетъ,
Что громъ гремитъ,
И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
«Ой же ты, мать, Дарья-рѣка!
Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ,
Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
Пропустите меня Марью Юрьевну!»
И рѣка Марью послушалась:
Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ;
Перебрела она черезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать
И пришла ей больше того рѣка.
Она видитъ, что перейти нельзя;
Смотритъ, плаваетъ на другой сторонѣ колода бѣлодубова,
И взмолится Марья той колодѣ бѣлодубовой:
«Ой же ты, колода бѣлодубова!
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
А выйду на Святую Русь,
Вырѣжу тебя на мелки кресты,
На чудны образы
И вызолочу червоннымъ краснымъ золотомъ».
И колода ее послушалась:
Перевезла ее черезъ быстру рѣку.
И пришла Марья Юрьевна
Къ Роману Митріёвичу,
Сама взговоритъ таковы рѣчи:
«Ой еси, ты Романъ, князь Митріёвичъ!
Вывеземъ мы колоду бѣлодубову
На святую Русь,
Вырѣжемъ на мелки кресты
И на чудны образы,
И вызолотимъ червоннымъ краснымъ золотомъ».
И вывезли ту колоду бѣлодубову
На святую Русь
И вырѣзали на мелки кресты,
И на чудны образы,
И вызолотили червоннымъ краснымъ золотомъ
И разослали по церквамъ.

Архангельская губ. зап. С. В. Максимовъ.

2.

Романъ князь Митріёвичъ младъ,
Поѣзжалъ онъ въ чисто поле
Сбирать дани за тѣ годы, за старые;
И унимаетъ его княгиня Марья Юрьевна:
«Душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ!
Ни уѣдь ты въ далеко чисто поле
Сбирать тѣ даии, сударь, пошлины:
Какъ ночесь мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
Мало спалось, много видѣлось,
Много видѣлось, во снѣ грезилось:
Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
Съ меньшова перста, съ мизёночка́,
И разсыпался на мелкія зёрнотка, на мушенки.
Тутъ изъ да̀леча, далѐча, изъ чиста поля
Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
Расклевали, мой, Марьюшкинъ, злаченъ перстень
Кто бы могъ мой сонъ теперь ро̀зсудить?»
Говоритъ князь Романъ, сударь Митріевичъ:
«Ты не плачь, княгиня Марья Юрьевна,
Юрьевна, ты лебедь бѣлая!
Я какъ съѣзжу въ далеко чисто поле,
Такъ сыщу тамъ много знахарей,
Что могутъ тебѣ разсудить твой сонъ».
Говоритъ княгиня, Марья Юрьевна:
«Ты, душенька, Рома̀нъ князь, сударь Митревичъ,
Не надо мнѣ твоихъ много знахорей,
Я могу этотъ сонъ сама весь ро̀зсудить:
Какъ ты уѣдешь въ далече чисто поле,
Такъ изъ той земли, изъ бусурманскія,
Наѣдутъ многи поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ кора̀бляхъ;
Увезутъ меня княгиню Марью Юрьевну».
Ничего князь Романъ не побаровалъ (sic)
И уѣзжалъ въ да̀лече чисто поле.
Въ ту пору, въ то время
Пріѣзжали поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ кора̀бляхъ.
Тутъ княгиня въ побѣгъ пошла:
Выходила изъ высока нова терема
На новыя сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широ̀ка двора въ зеленый садъ,
Тамъ приздынула яблонь кудреватую.
И садилась подъ яблонь кудреватую.
А тѣ поганы татарове
Выѣзжали на крутой красенъ бережокъ,
Приходили въ высокъ теремъ:
Тутo ходитъ Марьина протомойница;
Они туто взяли плеточки шелковыя,

Стали туто бить Марьину протомойницу:
«Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
И говорила имъ Марьина протомойница:
«Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина протомойница».
Они стали туто бить Марьину клюшницу:
«Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
И говорила имъ Марьина клюшница;
«Я есть не княгиня Марья Юрьевна.
Я есть Марьина клюшница».
И стали они Марью отыскивать:
Выходили они изъ высока нова терема
На новы сѣни,
Со новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора во зеленый садъ,
Приздынули тутъ яблонь кудреватую
И нашли княгиню Марью Юрьевну,
Стали Марьюшку допрашивать:
«Скажи: ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
«Нѣтъ, я не княгиня есть Марья Юрьевна,
Я есть Марьина постельница».
Тутъ они брали плёточки шелковыя,
Стали ее бить, не жалѣючись,
И стали ее снова допрашивать:
«Скажи, скажи, не утай-скажи:
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
Тутъ она и сказалась имъ:
«Я есть княгиня Марья Юрьевна».
Взяли они княгину за бѣлы руки,
И вели на пристань корабельную,
И привезли къ Батышу на червленъ корабль;
Беретъ ее Батыша за бѣлы руки,
И цалуетъ княгиню въ сахарны уста,
Говоритъ княгиня Марья Юрьевна:
«Ой же ты, Батышъ царь Батурьевичъ!
Не цалуй ты меня въ сахарны уста,
Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ,
Когда привезешь въ землю бусурманскую...»

Калгалакша, на Бѣломъ Морѣ Зап. С. В. Максимовъ.
Дальше пѣвецъ не зналъ; а ссылался на второй варіантъ.

3.

Про осаду Казани.

Ужь вы люди ли, вы люди стародавніе!
Молодые молодцы да-воль послушати,
Еще я вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про грозна царя Ивана Васильевича:
Онъ подходомъ подходилъ подъ Казань городокъ,
А подкопы подкопалъ подъ Казанку подъ рѣку,

Что татары же по городу похаживали,
Что грозна̀ царя Ивана Васильевича поддразнивали.
Что и тутъ-то нашъ грозенъ царь прикручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру-мать землю̀,
Онъ велѣлъ ли государь-царь пушкарей сзывать,
Пушкарей созывать зажигальщиковъ,
Онъ велѣлъ сударь скоро казнить, скоро вѣшати.
Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить,
Воску яраго свѣча затеплилася
Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
Что побило татаръ сорокъ тысячей и три тысячи.

Москва. Пѣлъ цыганъ Антонъ Сергѣевъ.
Записано А. Григорьевымъ.

4.

Свадьба Грознаго.

Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядучись-смотрючись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на круты красны бережки.
Пріутихли-пріуныли круты красны бережки,
Глядючись-смотрючись съ черныхъ кораблей
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на горы высокія
И на тѣ на поля зеленыя.
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя,
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ.
Преставляется царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна:
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны.
Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Говоритъ царица таковы рѣчи:
«Ужъ ты слушай царь, послушай-ко,
Что я тебѣ царица повыскажу
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ,
Когда будутъ онѣ во полномъ умѣ
И во твердомъ будутъ разумѣ,
Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
Еще слушай царь, ты послушай-ко:
Когда будутъ дѣвицы во полномъ умѣ,

Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужъ.
Еще слушай царь, ты послушай-ко:
Что я тебѣ царица повыскажу:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ до князей, до думныхъ бояръ
И до того ты до дядюшки любимаго
И до своего ты до крестнаго батюшки
До того Богдана Сирскаго:
И тутъ твоя дума крѣпкая!
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ солдатушекъ служащіихъ:
И тутъ твоя сила вѣрная!
Еще слушай царь, ты послушай-ко:
И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До всего народу православнаго;
Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
Что я тебѣ царица принакажу,
Принакажу и повыскажу:
Когда я царица преставлюся,
Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ
На той ли Марьѣ Темрюковнѣ,
А женись ты, царь, въ Каменной Москвѣ,
На той Супавѣ Татарскіѣ,
Хоша есть у ней много приданаго
Пановей, улановей и злыхъ поганыхъ татаровей,
Есть у ней брателко родимое
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ".
И тутъ царица просыпалась.
Тутъ царицѣ славу поютъ.
Прошло времени три мѣсяца.
Похотѣлъ сударь Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
И покатился онъ во ту ли матушку прокляту Литву
Покатaтися и женитися
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки
И того Богдана Сирскаго.
Пріѣзжалъ онъ скоро въ прокляту Литву
И бралъ онъ Марью Темрюковну
И со тѣмъ со брателкомъ родимымъ
Кострюкомъ Темрюковичемъ.
Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы,
Не дошедъ онъ матушки каменной Москвы
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ.
За сто верстъ становилъ онъ свою силу-армію
И сходилъ онъ скоро со добра коня,
И бралъ онъ чернильницу вольянскую,
И бралъ перо лебединое,
И бралъ бумагу листъ гербовыя
И писалъ онъ скоро посоленъ листъ
И посоленъ листъ на золотъ столъ

Своему дядюшкѣ любезному
И крестному батюшку Богдану Сирскому:
«Дядюшка Богданъ ты мой Сирскій!
Стрѣнь ты меня съ честью и съ радостью
И со тѣмъ пѣтьемъ божьимъ церковнымъ
И со тѣмъ со звономъ колокольнимъ,
Со той пальбой пушечной.»
Отправлялся его скорой гонецъ,
Скорой гонецъ и скорой посолъ,
Не стрѣтилъ его дядюшка любимой
За сто верстъ.
Не дошелъ онъ матушки каменной Москвы
Равномѣрныихъ верстъ пятисотныихъ;
За двадцать за пять становилъ онъ свою силу-армію
Отправлялъ скораго гонца
Скора гонца и скора посла,
Чтобъ чистить улицы широкія,
Исправить фатеры дворянскія,
Гдѣ стоять моей силѣ-арміи.
И приваливалъ онъ во матушку каменную Москву
И не стрѣтилъ его любезной дядюшка
И тотъ Богданъ Сирскій
Не съ пѣтьемъ божьимъ церковнымъ
И не съ тѣмъ звономъ колокольнымъ,
Не съ той пальбой пушечной.
Заѣзжалъ сударь Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
И во ту церковь Божію
Принималъ златы вѣнцы
И со той Марьей Темрюковной.
На той на радости великія
Заводилъ онъ почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей на думныхъ бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей.
Солнышко идетъ къ западу
И къ западу идетъ ко закату,
А почестенъ пиръ на весело
И всѣ въ пиру пьяны-веселы.
Говоритъ ему шуринъ любимой
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ:
«Ай ты мой зятюшко любезный!
Грозенъ ты царь Иванъ Васильевичъ,
Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
Борцы-молодцы пріученые,
Кабы мнѣ съ ними побоpотися.»
Требовалъ сударь Грозенъ царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
Борцей-молодцей не случилося,
Только случился Васенька хромоногенькой:
На лѣву онъ ножку припадываетъ
По двору прихрамываетъ
И ко двору государеву придвигается
И входитъ въ палаты царскія.

И говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичъ
Своему зятелку любезному:
«Чортъ у васъ не борцы-молодцы
И не прiученые.»
Говоритъ Вася Хромоногенькой,
«Ай же ты сударь-таки Грозенъ царь!
Ежели Богъ пособитъ, Никола поможетъ
Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить
И по двору его нага спустить.»
Говоритъ сударь Грозенъ царь
И грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ежели бы тебѣ Богъ помогъ
И Микола пособилъ Кострюка побороть
Изъ платья вонъ его вылупить
И по двору нага спустить—
Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья.»
На лѣвую ножку онъ Вася припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ
И металъ Кострюка о кирпичной полъ,
На брюхѣ его кожа трёснула,
На хребтѣ его кожа лопнула.
Изъ платья онъ его ногой вылупилъ
Не Кострюкъ былъ Темрюковичъ
Да и не брателко-то ей былъ родимое:
Была поляница удалая.
Бралъ царь свою Марью Темрюковну
И велъ онъ въ далече чисто поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце
Тутъ ей и славу поютъ.
Тогда слушалъ онъ своего дядюшку любезнаго
И Богдана того Сирскаго
И женился онъ въ каменной Москвѣ
Въ каменной Москвѣ, на святой Руси.

Архангельской губ. Зап. С. В. Максимовъ.

5.

Свадьба Грознаго:

(начало то же).

. . . .
Преставляется царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна.
При смерти она наказываетъ
Наказываетъ и допрашиваетъ:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!

Будешь ли послѣ меня женитися
Али ты надёжа-царь будешь холостъ ходить,
Холостъ ходить, не женатой слыть.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Я не буду послѣ тебя женитися
Надёжа-царь буду холостъ ходить
Холостъ ходить, неженатой слыть.
Говоритъ царица благовѣрная:
„Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Не мани меня, не омманывай
Будешь послѣ меня женитися
Во той ли матушкѣ проклятой Литвѣ,
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Принесетъ она рубашки красна золота,
Не моги надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,
Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыихъ—
Увидишь тутъ чудо великое:
Затѣмъ будь добръ да милостивъ
До тѣхъ до двухъ ясныхъ соколовъ, до царевичей
Будь ты добръ, будь ты милостивъ
До тѣхъ до слуговъ вѣрныехъ,
До того народу христіанскаго.“
Затѣмъ преставилась царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна:
Затѣмъ женился царь въ проклятой Литвѣ
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Принесла она рубашки пасынкамъ красна золота
Надѣли какъ на псовъ ядовитыихъ—
Тѣхъ псовъ разорвало.
Затѣмъ сталъ грозенъ царь
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ
Сталъ его дядька спрашивать:

«Зачѣмъ исхудалъ? — «Не могу поляницой удалой владѣть: руку ногу закинетъ на меня жена—не могу духу перевести.“

. . . .

(Тутъ старуха спуталась и не хотѣла продолжать дальше. «Стыдно-де, нехорошее такое поется». Такъ и не добился!...)

Максимовъ, Арх. губ.

6.

О Иванѣ Грозномъ.

Прикажи Господи намъ старину сказать,
Старину сказать да стародавную,
Стародавную старинушку бывалую:
Про того царя Ивана да Васильевича,
У того царя Ивана да Васильевича
Заводилася бесѣда тиха, смирная;

Собиралися князи, бояре да со всѣхъ сторонъ
Князи бояре да вся поляница удалая.
Они пьютъ-то да хлѣба кушаютъ,
Во полу-пирѣ, да хлѣба рушаютъ,
Во полу-пирѣ да прирасхвасталисъ,
Иной хвастаетъ: да кони добрые,
Другой хвастаетъ да золотой казной,
Третій хвастаетъ да молодой женой.
А грозенъ царь Иванъ Васильевичъ по палатушкѣ похаживаетъ,
«Ужь вы гой еси князи и бояре,
«Ужь вы хвастаете небылью, небылицею,
«Чѣмъ же я добрый молодецъ похвастаю?
«Я похвастаю, да я измѣною:
«Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Кіева.
«Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Нова-города,
«Ужь я выведу измѣнушку изъ матушки каменной Москвы!»
Тѣ князья бояре да ему рѣчь говорятъ:
«Ужь не вывести измѣнушки изъ Кіева,
«И не вывести измѣнушки изъ Нова-города
«Да изъ матушки, да каменной Москвы,
«А тотъ выведетъ ту измѣнушку,
«Кто за однимъ съ тобой за столомъ сидитъ да хлѣба кушаетъ,
«Милой сынъ твой Ѳедоръ Ивановичъ».
На то грозенъ царь Иванъ Васильевичъ осерждается
И восходитъ онъ да на Красно-крыльцо
И кричитъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
Своимъ пилатамъ, да немилостивымъ;
И тѣ пилатушки да испужалися
По каменной Москвѣ да разбѣжалися,
Одинъ Малюта Скуратовъ да не устрашился.
Онъ бѣжитъ къ нему скоро на очи,
Прибѣжавъ къ нему низко кланялся:
«Ужь ты грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
«На что ты горы-гаркаешь, на что меня кликъ-кликаешь?
«Ужь ты гой еси Малюта Скуратинокъ,
«Возьми моего сына милаго за бѣлы руки его,
«За бѣлы руки, за златы перстни
«И поведи его на то поле на Куликово
«Ко той ямѣ да кровавыя,
«Къ той доскѣ да къ дубовыя,
«Снеси ему да буйну голову
«Принеси мнѣ сабельку кровавую».
И онъ взялъ его за бѣлы руки
И повелъ его въ чисто поле да въ Куликово.
Увидалъ его любезный шуринъ Никита Варламовичъ,
Онъ садился на добра коня
И посадилъ за себя молодаго клюшника
Погналъ на то поле на Куликово
И кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:
«Ужь ты гой еси Малюта Скуратинокъ
«Не твой кусъ да не тебѣ и кушати
«Ужь ты на-тко да насытися
«Моимъ молодымъ ключничкомъ!

Онъ взялъ ему клюшничку срубилъ буйну голову
И понесъ ту сабельку кровавую
Ко тому царю къ Ивану Васильевичу.
А у грозна царя Ивана Васильевича
И пиръ пошелъ да не навеселѣ
Въ барабаны били да не на радости,
Не на радостяхъ, да не по старому,
Изъ пушекъ палятъ да не по прежнему,
А изъ мелкаго оружія да обсѣкается.
А у его любимаго шурина Никиты Варламовича
У него пиръ-то идетъ да по веселому,
Въ барабаны бьютъ да все по старому,
А изъ пушекъ палятъ да все по прежнему,
А изъ мелкаго оружія утиху нѣтъ.
Посылаетъ къ нему грозенъ царь Иванъ Васильевичъ скорыхъ пословъ:
«И приведите мнѣ любезнаго шурина Никиту Варламовича»!
И привели его Никиту Варламовича къ нему на дворъ.
«На что же ты меня любезный зятюшка,
«Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ требуешь?
«Къ чему радошенъ, да къ чему радъ
«Мой любезный шуринъ Никита Варламовичъ
«Моему-то развѣ безвременьицу?
«У меня одна была жемчюжина и та скатилася
«И пиръ у тебя идетъ по веселому,
«Въ барабаны у тя бьютъ да все по старому,
«Изъ пушекъ-то палятъ все по прежнему,
«Изъ мелкаго оружія не утихается.
«Ужь ты гой еси грозенъ царь Иванъ Васильевичъ
«Есть въ гостяхъ небывалой гость
«Небывалой гость Ѳедоръ Ивановичъ!
«Гой ты еси мой любезный шуринъ Никита Варламовичъ!
«Обратилъ ты мое да ретиво сердце
«Взвеселилъ ты мнѣ мою жемчюжину».
И пошелъ у нихъ пиръ да по веселому,
Въ барабаны били да все по старому
Изъ пушекъ палятъ да все по прежнему,
Изъ мелкаго оружія не утихаются.

Сообщено *А. Григорьевымъ.*

7.

Грозенъ былъ воинъ царь нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ,
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ силою
Онъ прошелъ въ страну татарьскую
Сѣе царство взялъ Казанское
Господарство Астраханское,
Вывелъ Перьфила изъ Нова-города,
Не вывелъ измѣну въ Каменной Москвѣ
То царьско серьче разгоралося.
Пусче огня, пусче полымя.

Вотъ сказалъ онъ рѣчью громкою:
У меня дзе-есть всяки мастеры,
Есть такія разны дохтуры,
Но всѣ прячутся, старый за малаго,
И хоронются—малый за стараго,
А одинъ изъ нихъ лишъ не прячется,
То Малютка-палачъ, то Гурбатовъ сынъ,
Ну пойди-ко сюда, гой Гурбатовъ сынъ!
Сослужи-ка небось службу вѣрную,
Службу вѣрную неизмѣнную:
Во палаты ступай въ царски каменны,
Взявъ царевича тамъ за черны кудри,
Разпоясни съ него шелковый поясъ,
Золотой перстенекъ сними съ правой руки,
Отведзи самого на Москву рѣку,
Впрямъ на мѣсто на то,—мѣсто лобное,
И на плаху на ту, что на липову
И сними тамъ съ него буйну голову,
А мнѣ къ явкѣ подай саблю острую,
Саблю вострую въ горючей его рудзѣ.
И увидзѣлъ то Ѳедоръ Ивановичъ,
Ѳедоръ Ивановичъ, Пожарской сынъ,
Изъ косясчита изъ окошечька,
Пропустивши царя вдоль по улицѣ
Вдоль по улицѣ, вдаль отъ терема
Какъ воскликнетъ онъ ко Гурбатову:
Ой ты гой еши! Гурбатовъ—палачъ!
Не за свой ты кусъ принимаешся,
Самъ кусомъ такимъ подавишься.
И Пожарской позвалъ слугу вѣрнаго
Слугу вѣрнаго, свово стряпчаго,
Свово стряпчаго, что не лудчева,
Что не лудчава, свово клюшничка:
На, сними (?) онъ пробилъ съ него голову,
Снеси саблю къ царю,—въ горючей рудзѣ.
А къ царевичу не причаствуйся.
Вотъ на утро царь Иванъ Васильевичъ
На поминки собралъ, поголовно народъ.
Онъ бояръ повелѣлъ во медвѣжны вшивать
Во медвѣжны вшивать, по Москвѣ-рѣкѣ пусчать
А поповъ приказалъ во кули зашивать
Во кули зашивать, по Москвѣ рѣкѣ пусчать.
Что царевича, не засчюняли.
Вотъ съѣзжаются всѣ во платьи чернаимъ
Въ платьи чернаимъ,—во печальнаимъ,
А ѣдзетъ лишъ Ѳедоръ Ивановичъ
Ѳедоръ Ивановичъ,—Пожарской сынъ
Пожарской сынъ, во нарядзѣ цвѣтномъ
Во нарядзѣ цвѣтномъ,—въ яркомъ золотсѣ,
И кони его всѣ обряжены,
Всѣ обряжены что не лудчія
А веселье въ самомъ,—такъ не кроится.
Вотъ увидѣлъ его царь Иванъ Васильевичъ.

Какъ воскликнетъ онъ громкимъ голосомъ
Охъ ты гой еши Өедоръ Ивановичъ
Өедоръ Ивановичъ—Пожарской сынъ!
Аль объ горѣ моемъ ты не извѣдался,
Что орядитца поспѣлъ, словно въ радосный пиръ.
А Пожарской сынъ отвѣчаетъ царю:
А я батсюшка царь,—все въ отлучкѣ гулялъ,
Все въ отлучкѣ гулялъ за охотою
И поймалъ сокола, что не лудчава,
Что не лутчава тсеэ ближнява,
Ты сына тсеэ роднаго.
И возрадовался царь, и отвѣтствовалъ ему:
Ужъ ты гой еши Өедоръ Ивановичъ
Өедоръ Ивановичъ—Пожарской сынъ
Вѣдь не мнѣ бы царемъ, а тсеэ должно быть:
Ты умѣлъ соблюсти царски сѣмены.

Княгининскаго уѣзда с. Спѣшнева.

8.

Татарскій полонъ.

Какъ за рѣчькою,
Да за Дарьею
Злы татарове
Дуванъ дуванили.
На дуваньицѣ
Доставалася,
Доставалася
Тёща зятю.
Вотъ повезъ тёщу зять
Во дикую степь,
Во дикую степь
Къ молодой женѣ.
„Ну и вотъ, жена,
Тѣ работница,
Съ Руси русская
Полоняночка,
Ты заставь ее
Три *дѣлъ* дѣлати.
Первое дѣло—
Куделю прясть,
Другое дѣло—
Лебедей стеречь,
А и третье дѣло—
Дитю качать“.—
Полоняночка
Съ руси русская
(О)на глазками

Лебедей стережётъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышàтъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
„Ты баю, баю,
Боярскій сынъ!
Ты по батюшкѣ
Золъ татарченокъ,
А по матушкѣ
Ты русеночекъ,
А по роду мнѣ
Ты внученокъ,
И моихъ черевъ
Ты урывочекъ.
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь,
Семи лѣтъ она
Во полòнъ взята,
На правой груди въ ней
Есть и родинка,
На лѣвòй ногѣ
Нѣтъ мизинчика!
Мнѣ бить тебя—
Такъ грѣхъ будетъ;
Мнѣ дитей назвать—
Мнѣ вѣра не та!"
Услыхали то
Дѣвки сѣнныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ
„Государыня
Наша барыня".
Полоняночка
Съ Руси русская
(О)на глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышàтъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
„Ты баю, баю,
Боярскій сынъ!
Ты по батюшкѣ
Золъ татарченокъ,
А по матушкѣ
Ты русеночекъ,
А по роду мнѣ
Ты внученокъ,"

И моихъ черевъ
Ты урывочекъ.
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь,
Семи лѣтъ она
Во полònъ взята,
На правой груди въ ней
Есть и родинка,
На лѣвòй ногѣ
Нѣтъ мизинчика!
Мнѣ бить тебя,
Такъ грѣхъ будетъ;
Мнѣ дитей назвать,
Мнѣ вѣра не та!“

Что стучитъ, грючитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ
И дрожа дрожитъ.
Дочка къ матери
Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:
„Государыня
Моя матушка!
Не спознàла тебя,
Моя родная!
Ты бери ключи,
Ключи зòлоты,
Отпирай ларцы,
Ларцы кованы,
Ты бери казны
Сколько надобно;
Ты ступай-ко мать,
Во конюшенку,
Ты бери коня
Что не лучшаго *),
Ты бѣги, бѣги, мать,
На святую Русь“.
—Не поѣду я
На святую Русь,
Я съ тобой, дитя,
Не разстануся.

---

*) Въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ варіантовъ, вмѣсто этихъ двухъ стиховъ поютъ:
Ты бери-ко мать,
Укрючныхъ коней.

Извѣстно, что укрючными называются запасныя лошади: когда одна лошадь устанетъ, пересаживаются на укрючную. Этой пѣсни очень много варіантовъ; въ нѣкоторыхъ пропущены однѣ подробности, въ другихъ другія; но стихи, въ которыхъ говорится про тяжелую работу матери, что она въ одно время три дѣла дѣлала, рѣшительно во всѣхъ упоминается такъ же, какъ и слова дочери, узнавшей въ полоняночкѣ свою мать.

9.

Охъ ты поле мое, поле чистое!
Ты раздольицѣ широкое!
Ты крапива стрекучая!
Какъ гулялъ тутъ добрый молодецъ,
Что гулялъ онъ тутъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года;
Загулялъ онъ къ королю въ Литву.
Король его любилъ, жаловалъ,
Цвѣтно платьице носили съ одного плеча,
На коняхъ они ѣздили съ одного стремя.
Ужь и сталъ молодецъ упиватися,
Во хмѣлю онъ сталъ похвалятися:
Какъ и нынѣшнюю ночку, добрый молодецъ,
Я спалъ, ночевалъ у царя въ гостяхъ,—
У царя въ гостяхъ, во высокомъ терему,
Во высокомъ терему съ красной дѣвицей;
Я ли спалъ, цаловалъ красну дѣвицу,
Распрекрасную Елену Королевишну...
Ужь какъ были на молодца доносчички,
Донесли они королю на молодца.
А король-то велѣлъ молодца пожаловать:
На высокихъ ремешкахъ повѣсити.
Повѣли молодца впереди дворца,
А царевна кричитъ: не ведите молодца впереди дворца,
Поведите молодца позади дворца...
Добрый молодецъ на петелькѣ качается,
Красна дѣвица во теремѣ кончается.

Сообщено *А. Григорьевымъ.*

10.

Пѣсня про осаду Соловецкаго Монастыря.

На Москвѣ было на базарѣ;
Собиралися бояре;
Выбирали бояре
Изъ бояръ воеводу,
Выбирали Ивана Петрова,
Изъ того ли изъ роду Салтыкова *),
Передъ царскія очи становили,
Какъ возговоритъ православный царь,
Алексѣй-то Михайловичъ,
Его царское величество:

*) Салтыковъ ли былъ при осадѣ Соловецкаго Монастыря?

«Охъ ты гой-еси, большойояринъ,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай-ко, ко морю ко синему—
Ко тому острову ко большому,
Ко тому монастырю ко честному,
Къ Соловецкому;
Ты порушь вѣру старую, правую,
Постановь вѣру новую, неправую».
Какъ возговоритъ большойояринъ
Любимый царскій воеводушка:
«Охъ ты гой еси православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое царское величество!
Нельзя объ томъ и подумати,
Нельзя объ томъ и помыслити:
Какъ порушить вѣру старую, правую,
Какъ поставить вѣру новую, неправую!»
Царь разозлился,
Царь распалился,
Воевода прогрѣшился.
Какъ возговоритъ большойояринъ,
Любимый царской воеводушка:
«Охъ ты гой еси православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое царское величество!
Ужь и дай мнѣ силу не малую не великую:
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ, да все мѣдныихъ:
Зелья, пороху сколько надобно».
Какъ и было въ самый ли Петровъ-то день
Какъ на синемъ было морюшкѣ,
На бальшомъ было на островѣ,
Во честномъ монастырѣ было,
Отошла честна заутреня
Пономарь звонилъ къ обѣденкѣ.
Честны старцы пѣли молебены
Какъ бѣжитъ пономарь,
Неразумный звонарь:
«Охъ вы гой еси честны старцы!
Какъ идетъ сила немалая, невеликая,
Сорокъ полковъ да все тысячныхъ.
Сорокъ пушекъ да все мѣдныихъ,
Зелья, пороху сколько надобно,
Да все войско православное,
Не то идутъ они ратиться,
Не то идутъ они молитися»,
— Охъ ты глупой звонарь,
Неразумный пономарь!
Да то войско православное
Не идетъ оно ратиться,
Идетъ оно молитися!
На ту пору пушкари были догадливы:
Брали ядрушко калёное,

Забивали во пушечку мѣдную,
Палили во тотъ во честной монастырь,
Во Соловецкій.

Записано на Чугункѣ 1858. Отъ орловскаго мѣщанина.

11.

Пѣсня про Ваньку клюшника.

Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣнной было площади,
Тамъ стояли-то хоромы, хоромы высокіе,
Что и того ли то и князя, князя боярина.
Что и жилъ-то тамъ князь со своей княгинею,
Что и жилъ-то тамъ Ванюшка, Ваня, князю клюшничикъ.
Молодой его княгини вѣрной полюбовничикъ.
Что и годъ живетъ Ванюшка съ княжней, другой живетъ,
Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ князь да довѣдался,
Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣнной горьнишной
Вотъ выходитъ князь бояринъ на свой красенъ крылецъ,
Какъ возгаркнетъ князь, воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
Да и слуги, мои слуги, слуги мои вѣрныя!
Вы идите, приведите вора Ваньку клюшника.
Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ княжій дворъ,
Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается
Какъ у Ванюшки кудерцы кудри завиваются...
Какъ возговоритъ князь, воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ ...... сынъ,
Ты съ которой поры-время живешь со княжнею?"
— Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.—
Какъ и сталъ-то князь Ванюшу пытать, крѣпко спрашивать,
Не добился князь бояринъ *таей* правды истины.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ.
„Ужь вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
Вы берите-тко, берите заступы желѣзныя,
Ужъ вы ройтя-тко, копайтя двѣ ямы глубокія,
Ужъ вы ставьте-тко, ставьтя два столба точоныя,
Перекладину кладитя, слуги, вы кленоваю.
Вы идитя приведитя, вора Ваньку клюшника".
Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу Ваню черезъ княжій дворъ,
Какъ у Ванюшки-Ванюши руки-ноги скованы,
Руки-ноги въ Вани скованы, да все переломаны... *)
Вотъ идетъ, идетъ Ванюша, Ванюшка шатается;
А и князь-со стоитъ, ухмыляется;
Молодая-то княгиня въ теремѣ слезами заливается.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Ты скажи, скажи Ванюша, скажи правду-истину",
—Ужь позволь, ты князь бояринъ, позволь Вани пѣсню спѣть,

---

*) Въ другомъ варіантѣ еще стихъ:
А сафьянные сапожки кровью понаполнены.

Что и пѣсню Вани, пѣсню, пѣсенку послѣднію:
Что и было князь бояринъ, попито-поѣдено,
Въ краснѣ было, бояринъ, въ хорошѣ похожено.
На кроватушкѣ тесовой *въ* насъ было полежено,
Да за бѣлыя-то за груди *въ* насъ было похватано
Во усга-то во сахарны было поцаловано,
Съ одного плеча было *въ* насъ поношено!... *)
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя,
Ужъ вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку клюшника!"
Вотъ повѣсили Ванюшу,—Ванюшка качается...
Молодая-то княгиня въ теремѣ кончается...

(Орловской губ.)

12.

Что на славной было улицѣ на Димитровкѣ,
Что у славнаго ли у князя, у боярина,
Побранилася кухарка съ младымъ ключничкомъ.
Ты не лайся, не бранися младой ключничекъ,
Я пойду ли донесу князю-боярину...
Ужъ ты батюшко ты нашъ, ты бояринъ, князь,
Ничево же ты не знаешь, да не вѣдаешь,
Что живетъ-то твоя княгиня съ младымъ ключникомъ!
Что возговоритъ нашъ батюшка бояринъ-князь:
Ужъ какъ есть ли у меня да слуги вѣрные,
Вы подите приведите млада ключничка,
Вы поставьте млада ключника въ середи двора,
Что подъ то ли подъ косящато окошечко,
Ужъ я стану младаго ключника доспрашивать.
Ты скажи, скажи младый ключничекъ, не утай грѣха,
Коли да правду ты мнѣ скажешь, я помилую,
А неправду ты мнѣ скажешь, я подъ кнутъ, да подъ кнутъ отдамъ,
Что живетъ ли моя княгиня съ твоей милостью?
—Что живетъ ли твоя княгиня со мною да три, ахъ да три года.
Что возговоритъ нашъ батюшка, да бояринъ, ахъ да бояринъ-князь:
Ужъ какъ есть ли у меня скорые конюхи,
Ужъ вы ройте мнѣ ямочки глубокія,
Вы поставьте два столба вы да два высокіе,
Перекладинку вы поставьте вы кленовую,
Ужъ вы петельку повѣсьте вы шелковую.
Молодой ключникъ на петелькѣ качается,
Молодой-то ли княгини жизнь кончается **).

Записана А. Григорьевымъ отъ цыгана
Антона Сергѣева.

---

*) Въ другомъ варіантѣ еще стихъ:
Про твою ли, сударь, милость много было ругано.
**) Или молодая ли княгиня на ножѣ кончается.

13.

Какъ на горкѣ, на горушкѣ,
Стоитъ новъ высокъ теремъ,
Стоитъ новъ высокъ теремъ,
Какъ во этомъ теремочкѣ
Живетъ онъ бояринъ князь,
Не одинъ-то онъ живетъ князь бояринъ
Съ молодой съ княгинею.
Какъ у этого ли князя
Жилъ-былъ Ванька-ключничекъ,
Молодой его княгини вѣрный полюбовничекъ:
Молодая его, душа княгиня,
Полюбила Ванюшку;
Она его не годъ любила,
Ой. да и не два года,
Какъ на третій годъ князь бояринъ,
Онъ только довѣдался,
Онъ дознался, только догадался
Черезъ красную дѣвушку;
Какъ и выходилъ князь бояринъ
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ
«Слуги мои вѣрные,
Вы подите, ко мнѣ приведите
Охъ да ворона коня,
Охъ, приведите ко мнѣ воронова
Съ черкасскими новыми сѣдлами;
Да подите, ко мнѣ приведите
Ивана клюшничка,
Ужъ я его подарю ли,
Охъ да воронымъ конемъ,
Воронымъ его конемъ ли
Съ черкасскими сѣдлами».
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваня усмѣхается;
Молодая его, душа княгиня,
Слезьми обливается.
Какъ и сталъ онъ, князь бояринъ,
Ванюшку допрашивать:
«Ты скажи мнѣ, скажи, Ванюша,
Съ какихъ поръ съ княгинею живешь?»
«Я не годъ съ нею, сударь, живу ли,
Охъ да не два года».
Какъ и вышелъ князь бояринъ,
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
«Слуги мои вѣрные,
Вы подите мои слуги,
Во кузницу новую,
Вы возьмите, мои слуги;

Лопатки острые,
Вы поройте мои слуги,
Двѣ ямы глубокіе,
А во ямы-то поставьте
Столбики точеныя
На столбахъ на тѣхъ положьте
Матицу кленовую,
На матицу повѣсьте мотки шелковые,
А на этихъ на моткахъ повѣсьте
Иванушку ключничка».
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваня спотыкается.
Молодая его княгиня
Слезьми обливается
Охъ виситъ, виситъ Ванюша,
Ванюша качается.

14.

Копаніе конавовъ.

Завела дѣвка шинокъ
Супротивъ своихъ воротъ;
Сама вышла на лужокъ
Заиграла во рожокъ,
Подала дружку слушокъ
Чрезъ зелененькій содокъ
Черезъ темненькій лѣсокъ
Ко Ванюшки на лужокъ.
У насъ по морю морю
Два кораблика плывутъ
Какъ на этихъ корабляхъ
По пятисотъ молодцовъ
Государевыхъ гребцовъ.
Они косятъ и гребутъ
Во стога сѣнцо кладутъ,
Браву пѣсенку поютъ!
Разговоры говорятъ
Все хозяина бранятъ:—
Ты разсукинъ сынъ хозяинъ
Разканалья сукинъ сынъ—
Здѣсь конавушки порылъ.

Изъ кремля ли, кремля, крѣпкаго города,
Отъ дворца ли, дворца государева,
Что до самой красной площади,
Пролегала тутъ широкая дороженька.

Что по той ли по широкой по дороженькѣ
Какъ ведутъ тутъ казнить добраго молодца,
Добраго молодца—большаго боярина,
Что большаго боярина— атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли молодецъ не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается;
Что и тутъ онъ царю не покоряется.
Впереди-то идетъ грозенъ палачъ,
Въ рукахъ несетъ остеръ топоръ;
Позади пятъ—отецъ съ матерію,
Отецъ съ матерью—молодая жена...
Отецъ-мать во слезахъ слово молвили:
Ты дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Царю бѣлому Петру Первому,
Принеси ты головушку повинную,
Авось тебя тогда Господь Богъ помилуетъ,
Государь царь тебя пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ...
Каменѣетъ сердце молодецкое,
Добрый молодецъ отца-матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой насмѣхается,
О милыхъ дѣтяхъ не болѣзнуетъ...
Что и тутъ онъ царю не покоряется,
Отрубили ему буйну голову
Что по самы могучи плеча.

Записана А. Григорьевымъ у цыганъ.

15.

Выкатается свѣтъ нашъ, батюшка, первый императоръ,
Онъ на золотой-то на каретѣ,
Подъ нимъ лошади вороныя,
На самомъ на немъ платье черно,
Платье черно да все кручинно.
Докатается онъ да до Сенату
Докатается ко крылечку ко прекрасному
Изъ коретушки да вылѣзаетъ;
Во присудствіе да самъ заходитъ.
Сенаторы всѣ да испугались
Изъ рукъ перья у нихъ повалились
Изъ очей слезы да покатились.
Осередь онъ полу становился
Господу-Богу да помолился,
На ременчатый стулъ онъ садился.
Онъ беретъ въ руки да листъ бумаги,
Листъ бумаги онъ да не плохіе
Не плохую онъ бумагу, гербовую,

Во правую перо да лебедино
Начинаетъ писать да доношеніе,
Отсылаетъ доношеніе да въ ину землю
Желаетъ онъ себѣ бою да драки.

Сообщено А. Григорьевымъ.

16.

Заводилася война
Середи бѣла дня;
А что начато палить,
Только дымъ столбомъ валитъ;
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму!
Только видно во дыму:
Не ясенъ соколъ летитъ,
Добрый молодецъ гуляетъ,
Онъ по крутой по горѣ,
Самъ на ворономъ конѣ;
По казакамъ проскакалъ,
Два словечика сказалъ:
„Вы казаки, вы казаки,
Военные мои
Удалые молодцы!
Безъ размѣрушки пейте,
Зеленаго вина,
Посмѣлѣе поступайте,
Со французомъ воевать!“
—Ужь мы рады воевать,
Слезны капли проливать!
Не пыль въ поле пылитъ,
Не дубровушка шумитъ:
Французъ съ арміей валитъ!
Онъ валитъ таки валитъ,
Самъ подваливаетъ;
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
„Еще много генераловъ—
Всѣхъ въ ногахъ стопчу:
Всея матушку Россеюшку
Въ полонъ себѣ возьму,
Въ полонъ себѣ возьму,
Въ каменну Москву зайду!
Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
„Не бывать тебѣ, злодѣю,
Въ нашей каменной Москвѣ!
Не видать тебѣ, злодѣю,

Бѣлокаменныхъ церквей;
Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
Золотыхъ нашихъ крестовъ!"
На лужку было, лужку
Стоитъ армія въ кружку:
Лапуховъ ѣздитъ въ полку,
Курилъ трубку табаку.
Для чего намъ не курить,
Зелена вина не пить!
Свинца, пороху довольно,
Сила во полѣ стоитъ,
Ужь мы билися, рубилися
Четырнадцать часовъ:
Съ пяти на десять пробиля,
Стали силу разбирать;
Стали силу разбирать,
Стали полковничковъ считать:
Не нашли такихъ убитыхъ
Полковничковъ до семи,
Енераловъ до восьми;
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли:
Которые на горѣ —
По колѣнъ стоятъ въ рудѣ;
Которы подъ горой —
Тѣхъ засыпало землей.
Одинъ такой лежитъ
Таку рѣчь говоритъ:
Вы подайте-ко, ребятушки,
Чернилицу съ перомъ,
Чернилицу съ перомъ,
Листъ бумаги со гербомъ;
Напишу я таку просьбу
Государю самому.
Государю самому
Императору Царю:
Еще нашъ-отъ генералъ,
Много силы издержалъ:
Ужь онъ пропилъ, промоталъ,
Досталь въ карты проигралъ,
Инъ удары раздавалъ.

Архангельск. губер. Зап. С. В. Максимовъ. Эта пѣсня сложена во время семилѣтней войны.

17.

Разбисчастнинькой, безталанниннькой
Французъ зародился,
Онъ сы вечера рано спать ложилса,
Долго почивать,

Ничивожъ ли то я французикъ ли
Ничиво не знаю,
Што побили иво, иво армію
Донскія казаки,
Што мнѣ жаль-то, мнѣ жаль свою армію,
Есть еще жалчѣя
Што вотъ сняли мому, мому родному
Да родному братцу,
Што вотъ сняли ему, сняли йму головку.
Да головку,
Што мене ль то мене, все французика
Въ полонъ мене взяли
Посадили мене все французика
Въ темнаю темницу.
Што вотъ тошно ли мнѣ₂ все французику
Въ темници сидѣти.
Еслибъ зналъ-то бы зналъ, я французикъ ли
Я бъ. тово ни дѣлалъ.

Сабурово Малоарх. 1858. Извѣстны мнѣ еще варіанты этой пѣсни, въ которыхъ, вмѣсто французика, упоминается прусскій король.

18.

О Кутузовѣ.

Что но красное-то солнце возсіяло,
Возсіяла у Кутузова острая сабля.
Выѣзжаетъ князь Кутузовъ въ чисто поле,
Онъ беретъ съ собою силу да гренадеровъ,
Гренадеровъ и есауловъ,
Гренадеры и есаулы да не сробѣли,
Что французскаго маіора въ полонъ взяли,
Повели они маіора ко фельдмаршалу,
Ко тому же князю да ко Кутузову
Ко Михайлу его да къ Ларіоновичу.
Начинаетъ князь Кутузовъ его спрашивать:
„Ты скажи, скажи маіорикъ сущую правду:
У васъ много ль во Парижѣ стоитъ силы?
Стоитъ силы во Парижѣ сорокъ тысячъ
По приступу генеральскому смѣты нѣту“.
Какъ на это князь Кутузовъ да разсердился
Какъ ударилъ онъ маіора да по рожѣ,
Онъ по рожѣ, да во правую щеку.
„Ужь ты врешь, ты врешь маіорикъ, врешь плутуешь,
Меня, Кутузова князя, все проводишь
Все проводишь меня, да ты стращаешь,

Ужъ я силы-то вашей да не боюся
За генеральскіе приступы я примуся".

Сообщено *А. Григорьевымъ.*

19.

Обѣщался императоръ
Къ рождеству вѣрно прибыть;
Всѣ празднички на проходѣ,
Александра царя дома нѣтъ.
Его маменька вѣрно родная,
Всѣ минуты и ночьки не спитъ.
Выду, выду на ту пору,
На ту башню, которая выше всѣхъ;
По ямской ямской дорожкѣ
Да не пыль вѣрно пылитъ,
Этой мой вѣрно курьеръ бѣжитъ.

Сообщено А. Григорьевымъ отъ М. А. Стаховича

20.

Середи Москвы на площади
Собирался полкъ—казачій кругъ;
Во томъ во кругу стоитъ добра лошадь,
На томъ на коню лежитъ кованó сѣдло,
На томъ на сѣдлѣ сидитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ—офицерскій сынъ.
Онъ и такъ плачетъ—что рѣка льется,
Шелковымъ платкомъ утирается,
На всѣ стороны поклоняется,
Съ отцемъ-матерью прощается:
«Прощай батюшка, прощай матушка!
Прощай душечка молода жена,
Прощай дѣтки малыя, мои дѣтушки!
Прощай братцы-товарищи!»

Дросково Малоарх. у. Достав. М. А. Стаховичъ.

21.

Тамъ построили, тамъ кабакъ
Ни про дѣвокъ, ни про бабъ,
Про холостыхъ-то про робятъ.
Пришолъ мальчикъ, выпилъ шкальчикъ

Веселёшенекъ пошелъ.
Прощай дѣвки, прощай бабы
Намъ теперича ни до васъ,
Вы солдатушки бирутъ насъ.
Наши ноженьки да ни ходятъ,
На свѣтъ глазушки да ни глидятъ.

Шли солдатушки слободой,
Манятъ дѣвушекъ за собой:
«Вы пойдемте-ко, дѣвушки, съ нами,
Съ нами добрыми молодцами,
Не далече до Казани:
Во Казани-то жить привольно,
Жить привольно, гулять охотно,
У насъ денежекъ предовольно,
У насъ домики пребогаты,
Бѣлокаменныя стоятъ палаты,
Межъ домами-то *текетъ* рѣчька,
Течетъ рѣченка медовая.
По ней струечка золотая».—
Что за рѣченькой стоялъ кустикъ,
Стоялъ кустикъ, кустъ ракитовъ,
На кусточкѣ соловейко,
Соловеюшко сидитъ, громко свищетъ,
Громко свищетъ онъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унимаетъ:
«Не здавайтесь вы, дѣвки, красныя,
«На солдатскія на обманки
У солдатушекъ домы—горы,
Домы—горы каменисты;
Межъ домами-то *текетъ* рѣчька
Текетъ рѣченька да кровяная,
По ней струечка да слезѣная.»

Кола. Зап. С. В. Максимовъ.

22.

По дороженкѣ
По широкою
По московскою,
Туда шла-прошла
Сила армія
Конна гвардія
Три полка солдатъ
Все молодые
Безбородые,
Впереди полка
Знамена несутъ
Артикулъ мечутъ.

Ружье свѣтлое
Замки крѣпкіе
Кремни острые.
Замки сбрякали
Солдаты всплакали
Во походъ пошли
Во дороженьку.
Хоть не въ дальную
Да въ печальную
На сраженьицо
На ученьицо.
Гдѣ, ребятушки,
День-то намъ ночевать,
Ночь коротать?
Во темномъ лѣсу
Во сыромъ бору
Все подъ соснами
Подъ жеровыми
Подъ кудрявыми
Намъ постелюшка—
Мать сыра земля,
Намъ зголовьицо—
Зло кореньицо,
Одѣялышко—
Вѣтры буйные!

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

23.

Что вились-то мои русы кудри, вились завивались,
Какъ заслышали мои кудерушки на себя невзгодье,
Что большое ли невзгодье, великое безвременье:
Что ужь быть-то мнѣ, доброму молодцу, во солдатахъ,
Что служить-то мнѣ, доброму молодцу, государю.
Что стоять-то мнѣ, доброму молодцу, въ караулѣ.
Вотъ стоялъ я, доброй молодецъ, въ караулѣ,
Пристоялись мои, (мои) скоры ноги,
Какъ задумалъ я, добрый молодецъ, задумалъ бѣжати.
Что бѣжалъ я, добрый молодецъ, не путемъ дорогой,
А бѣжалъ я, добрый молодецъ, темными лѣсами;
Во темныхъ лѣсахъ, добрый молодецъ, весь я ободрался,
Подъ дождемъ я, добрый молодецъ, весь я измочился.
Прибѣжалъ я, добрый молодецъ, ко своему подворью,
Прибѣжавши я, добрый молодецъ, подъ окномъ я постучался:
«Ты пусти, пусти, сударь батюшка, обсушиться,
Ты пусти ль, пусти, моя малушка обогрѣться».
«Я бъ пустила тебя, мое дитятко, боюсь государя;
Ты поди ль, поди, мое дитятко, во чистое поле:
Что буйнымъ вѣтромъ, мое дитятко, тебя тамъ обсушитъ,

Краснымъ солнышкомъ, мое дитятко, обогрѣетъ».
Какъ пошелъ-то я, добрый молодецъ, самъ заплакалъ.
«Ужь возмись загоритесь вы, батюшкины хоромы;
Ужь ты сгинь, пропади, матушкино подворье».

Зап. Т. И. Филипповымъ.

24.

Настя по саду ходила,
Хмѣлю ярова щипала,
Брагу пьяную варила,
Въ погрибахъ долго томила
Настя гостей зазывала,
Всѣхъ по лавычкамъ сажала,
Сама сѣла на скамейки
Супротивъ души Ванюши,
Стаканъ меду наливала
И Ванюшѣ подносила:
«Выпей, выкушай Ванюша».
«Я не пью, ни пью Настасья:
На миня вышла несчастья,
Нисчастьица ни бальшоя:
Хочутъ Ванюшку поймати,
Рѣзвы ноженьки сковати,
Во солдатушки отдати».
Ваню въ мѣру становили,
Ваня въ мѣри ни годился,
Вышелъ Ваня поклонился.

Сабурово Малоарх. у. сент. 1858 г.

25.

Солдатская.

За рикой, рикою разгараитца
Изъ-подъ камушка дымочикъ зилинѣитца;
Да на этомъ да на камни лежать три иодушачки,
На падушачкахъ ляжить жа отставной солдатъ,
Разварачивалъ свои полы, полы камчатнаи,
Онъ показывалъ свои раны, все кровяныи
. . . .
. . . .
Къ отцу, матери пойти, либы живъ либы нѣтъ.
Къ молодой жинѣ пойти—либы знаить либы нѣтъ.

Къ малымъ дѣтушкамъ пойтиджа—либы смыслють, либы жь нѣтъ!
Отвезёте мине—братцы, во чисто поля,
Вы поставьте мине, братцы, промежъ трехъ дорогъ:
Между тульской, между курской, промежъ питерской;
Во лѣву руку положьтя саблю востраю,
Во праву руку положьтя золоту ружье,
Во ногахъ же поставьтя ворона коня,
Во глазахъ жа вы поставьте мой поклонной хресъ.
А по той ли по дорожкѣ буде человѣкъ идеть
Енъ возьметъ золоту ружье идеть, настрѣляитси
Саблей вострой намахаетси
Енъ возьметъ вороно коня, енъ наѣздитси.

Малоарх. у. Сабурово. Пѣлъ Иванъ Кондрашевъ.

26.

Выѣзжаетъ молодой маіоръ,
Молодой маіоръ-полковничекъ,
Выбираетъ молодыхъ солдатъ,
Молодыхъ солдатъ ребятушекъ.
У отца было три сына,
Три сына хорошіе;
Большаго сына жаль отдать,
Средняго не хочется;
Отдамъ я сына меньшаго,
Сына меньшаго Иванушку!
Меньшій сынъ расплакался:
«Государь нашъ батюшка!
Или я вамъ былъ не родный сынъ,
Или я вамъ былъ пасынокъ?»
Да вы, дѣти мои милые!
Вы возьмите-тко по палочкѣ,
Да вы бросьте-тко по жеребью:
Да кому изъ васъ достанется?—
Доставалось сыну меньшему,
Сыну меньшему Иванушкѣ.

Дроздово, Малоарх. у. зап. М. А. Стаховичъ.

27.

Что подъ бѣлою березой гусарь-отъ убитъ,
Бѣло личко прикрыто бѣлою китайкой;
Къ нему панья приходила, панья молодая,
Бѣло лицо покрывала, въ уста цаловала.
«Ты возстань, возстань любезной, возстань чернобровой,

Ваши кони вороные во полѣ танцуютъ.»
Я лиха не хочу—во полѣ ночую.
Мой миленькой на Русѣ сущу правду скажетъ,
За рѣченькой, за рѣкой гусаръ сѣно коситъ,
На другой-то сторонѣ панья воду носитъ,
Воду носитъ, дожжа проситъ;
Подай, Боже, дожжъ,
Ты подай, Боже, дожжа подай *поскорянъ*,
Чтобы травоньку смочило, косы не чуяло,
Молодаго гусаря со поля сгонило!
Чѣмъ я мужу не жена, дому не хозяйка,
Три дни печи не топила, на печи-то жаръ, жаръ,
Молодаго гусаря очень его жаль, жаль.

Холмогоръ. Зап. С. В. Максимовъ.

28.

Какъ и шли прошли солдаты молодые,
Да за ними идутъ матушки родные,
Во слезахъ пути дороженьки не видютъ,
Какъ возговорютъ солдаты молодые:
Охъ вы матушки родные, да родные,
Не наполнить вамъ синя моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами.

Сабурово. Малоархан. уѣздъ.

29.

Попила ли ты моя головушка
Не за батюшкиной, не за матушкиной буйной головою,
Не за братцевой, не за сестрициной лёгкой работой,
Что поймали-то раздобраго молодца поймали въ прилукѣ,
Что у той ли у прилуки у красной у дѣвки;
Что куютъ-то меня добра молодца, куютъ во желѣзы,
Посадили меня, добраго молодца, въ козырныя сани,
Привезли-то меня, добра молодца, въ городъ, во губерню;
Привели-то меня, добра молодца, привели ко пріему,
Посадили меня-то добра молодца во красное стуле;
Какъ и стали меня разудалаго стричь, они-то брити.
Ужь вы брейте мои кудерюшки, брейте не жалѣйте,
Отошлите мои кудерюшки ко красной ко дѣвкѣ.

Сабурово. Малоархангельскаго Уѣзда.

30.

Что вы дѣвушки призадумались,
Красавицы жить не весело,
Жить не весело, да любить не каго,
Изъ молоденькихъ да ребятъ выбрать не кого?
Выбирайте вы себѣ да одиноково.
Одинокіе, да не одинокіе
Не одинокіе, одинокіе есть всякіе,
Есть всякіе, да горьки пьяницы,
Горьки пьяницы, да всё пропоицы,
Все пропоицы, да безпокоицы:
Онъ копѣйку наживетъ—въ кабакъ снесетъ;
Онъ другую наживетъ—изъ кабака нейдетъ!
Ты соловьюшко, да родной батюшко,
Ты куда, соколъ, летишь, куда машешься?
— «Я лечу-то машусь черезъ рѣку, на ту сторону,
   На ту сторону черезъ быструю рѣку,
   Черезъ быструю рѣку въ часты рощицы,
   Въ часты рощицы, да во зеленой садъ!»
Во зеленомъ во саду генералъ гулялъ.
Не единъ онъ гулялъ—съ генеральшею.
Размолоденькій солдатъ на часахъ стоялъ.
Ружье держалъ, себѣ смѣны ждалъ,
Себѣ смѣнушки—красной дѣвушки.
Пришла смѣнушка, да красна дѣвушка.
Ужъ и лѣсомъ она шла не боялася.
. . . .
. . . .

31.

Изъ-за лѣсу идутъ тучи
      Тучи темныя,
Какъ по мнѣ молодешинькой
      Горе горькое,
Горе горькое, кручинушка
      Непокрытая:
Что пошелъ мой милъ сердечный другъ
      Во солдатушки
Онъ покинулъ меня младу
      Одиношеньку.
Выду ль я млада ранешинько
      Въ поле чистое.
Раскажу ль я раскажу тоску
      Вѣтру буйному,
Какъ несетъ мнѣ вѣтеръ буйный

Вѣсть не радостну:
Закатилось мое солнышко
Желанное
Ужь палъ померъ мой сердечный другъ.

32.

Во чистомъ полѣ
Ужь ты поле мое
Поле чистое,
Ты раздолье мое
Ты широкое,
Ничего поле не породило,
Породило поле
Частъ ракитовъ кустъ.
Какъ подъ тѣмъ кустомъ
Лежитъ тѣло бѣлое,
Молодецкое:
Тамъ лежитъ солдатъ
Полковой сержантъ;
Онъ убитъ лежитъ
Весь израненный;
Въ головахъ у него
Знамя царское,
На грудяхъ у него
Руки бѣлые,
На рукахъ у него
Кольца ясные.
Во бѣлыхъ рукахъ
Сабля острая.
Во ногахъ у него
Добрый конь его.
Ужь ты конь ты мой конь
Конь товарищъ мой,
Ты подижъ ты мой конь
На мою сторону,
Къ отцу къ матери
Къ роду племени,
Къ молодой женѣ,
Къ царю бѣлому—
Петру первому.
Ты скажи мнѣ конь:
. . . .
. . . .
Погубила меня
Сабля острая.
Ужь ты конь ты мой конь
Ты скажи жь ты мнѣ конь
Гдѣ ты былъ побывалъ

На своей сторонѣ?
Въ царя бѣлаго
Петра перваго.
Ужь ты конь мой конь,
Что ты ѣлъ тамъ пилъ?
Ужь я ѣлъ по лугамъ
Шелковую траву,
Ужь я пилъ попивалъ
Сладку водочьку.

33.

Растоскуйся ты моя, ты моя сударушка, по мнѣ возгорюйся,
Ужь я самъ-то ли, самъ по тебѣ, сударушка, самъ я встосковался:
Нападаютъ-то на меня, меня сиротинушку—ахъ, да лихи люди,
Что хотятъ-то ли, хотятъ меня сиротинушку отдать во солдаты,
Что куютъ-то ли, куютъ меня сиротинушку, меня во желѣзы,
Что везутъ-то, везутъ меня сиротинушку, меня ко пріему;
Всѣ пріемщики на меня, меня сиротинушку они вздивовались:
Ужь и гдѣ же ты, гдѣ ты, сиротинушка, гдѣ ты уродился?
Породила-то меня, меня сиротинушку, ахъ да родна матушка,
Воспоилъ-то, вскормилъ меня, сиротинушку, православный міръ,
Возлелѣяла меня, меня сиротинушку, ахъ да Волга Матушка,
Воскачала-то ли меня, меня сиротинушку, ахъ да легка лодочка.

Москва. Зап. А. А. Григорьевъ.

34.

Не шумите-ко вы, ахъ да вѣтры буйные,
Не бушуйте вы, ахъ да лѣса темные.
Ты не плачь, не плачь, душа красна-дѣвица...
Не сама-то я плачу—плачутъ очи ясныя,
По неволюшкѣ, изъ глазъ слезы катятся,
По неволюшкѣ, да все по миломъ дружкѣ,
Что везутъ-то ль, отдаютъ дружка во солдатушки!
Въ молодые ли его, ахъ да во некрутики;
Снаряжу ль я, снаряжу дружка хорошехонько,
Провожу ль я, провожу, дружка далекохонько,
Я до городу его, городу Владиміра,
Я до матушки ль его, его каменной Москвы.
Середи-то ли Москвы, да мы становилися,
Со милымъ ли, со дружкомъ да мы распрощалися...
Господа-то ли купцы на насъ дивовалися:
Ужь и кто же это съ кѣмъ, кто съ кѣмъ распрощается?
Или мужъ со женой, или это братъ съ сестрой?...
Доброй молодецъ съ душой красной-дѣвицей!

Москва. Зап. А. А. Григорьевъ.

35.

Ты дорога моя, дорога широкая,
Ужь никто-то по тебѣ не прохаживалъ,
Никто слѣдику не прокладывалъ.
Тутъ ишли-прошли три полка солдатъ:
Ужь и первый полкъ—все охотнички,
А другой-то полкъ—малы школьнички!
Ужь и третій полкъ—все невольнички!
Какъ охотнички пѣсню гаркнули;
Малы школьнички—въ барабаны грянули,
А невольнички—громко всплакнули.
Середи полка знамена несутъ,
Подъ знаменами молодой солдатъ;
Онъ не пьянъ-то идетъ, самъ качается,
На всѣ стороны онъ поклоняется,
Съ отцемъ, съ матерью онъ прощается...
Съ молодой-то женой не прощается,
Не прощается—все ругается:
Отъ тебя-то, жена, я въ солдаты пошелъ,
Отъ твоего ли, жена, полюбовника.

Записана А. Григорьевымъ.

36.

Уланы вы, гдѣ были, побывали?
Мы подъ Питеромъ стояли,
Подъ Можаемъ воевали,
Мы Москвою проходили,
Ко вдовушкѣ заходили:
Пусти вдова ночевати,
Молодая постояти!
А вдовушка выходила,
Таки рѣчи говорила:
У меня дворикъ маленекъ,
А горенка не величка.
Солдатушки не взирали;
Воротички отворяли;
Они сѣли всѣ по лавкамъ,
Всѣ по лавкамъ, по порядкамъ,
Большой гость въ переднее мѣсто;
А вдова стоитъ у печки,
Прижала руки къ сердечку,
Какъ возговоритъ большой гость:
Подойди, вдова, поближе,
Поклонись, вдова, пониже.
Ты который годъ вдовѣешь,

Ты который сиротѣешь?
Я десятый годъ вдовѣю,
Ужь я пятый сиротѣю.
Ужь и много ль у тебя хлѣба?
У меня хлѣба осмина.
Ужь и много ль у тебя денегъ?
У меня денегъ полтина.
Ужь много ль у тебя дѣтокъ?
У меня дѣтокъ четверо.
Подавай вдова черну шляпу;
Во шляпушкѣ полотенце,
Въ полотенцѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ золотъ перстень—
Ужь не твой ли обручальный?

Записана А. Григорьевымъ.

37.

Въ мужика было богатаго
Да и три сына были хорошіе.
Вотъ и вышло на нихъ несчастьице,
Да невольщина, некрутчина!
Да и старшова сына жаль отдать,
А середняго не хочется.
Что идти ль не идти сыну меньшему.
Какъ и меньшій сынъ расплачется:
«Охъ и яли вамъ не родный сынъ?
«Какъ возговоритъ-то и батюшка:
«Ахъ и дѣти мои вы родныя,
«Ахъ идите-тко во зеленый садъ,
«Да вы срѣжьте по жеребью,
«Ну вы бросьте-тко жеребій».
Какъ досталось сыну старшему!
Старшій сынъ пригорюнился,
Молода жена его расплакалася,
Малы дѣти разрыдалися.
Какъ возговоритъ да и меньшій сынъ:
«Да не плачьте жь вы да и родные:
Я иду за васъ охотою».

38.

Не кукушечка, братцы, во сыромъ бору куковала,
Не соловьюшко, братцы, въ зеленомъ саду громко, звонко свищетъ—
Добрый молодецъ въ неволюшкѣ слезно-горько плачетъ:

Никогда жь въ мнѣ раздоброва молодца тоски горя не бывало,
А вотъ нонѣшній день-то вотъ денечикъ тоска-горе обуяла,
Что куютъ-то куютъ меня раздоброва молодца куютъ во желѣзы,
Что везутъ везутъ меня разудалова, везутъ во солдаты,
Что никто-то никто по мнѣ, добромъ молодцѣ, не тужитъ, не плачетъ
Что поцлакала по мнѣ порыдала, ахъ, матушка родная,
А еще по мнѣ по завдалому красная дѣвица *).

Тетерье. Малоарх. у.

39.

Свѣтъ Марьюшка ио сѣнюшкамъ ходила,
Ивановна по новенькимъ гуляла,
Свово батюшку, свово роднова будила:
Ты встань-ко, мой батюшка, пробудись,
Въ окошечко, родимый мой, погляди,
Что каковъ-каковъ Иванушка на конѣ,
Что каковъ-каковъ Ивановичъ на ворономъ?
Охъ, хорошъ, хорошъ, мое дитятко, что соколъ,
Да, пригожъ, пригожъ, мое милое, что ясменъ!
Во лугахъ, во поляхъ цвѣты-то расцвѣли,
У мово-то у милова кудерушки завились.

Дрозково Малоарх. у. Записано М. А. Стаховичемъ.

40.

О службѣ.

Вечоръ нонѣ, матушка, мнѣ мало спалось,
Мало спалось, да много видѣлось
«Разнесъ меня да добрый конь
По чисту полю да по раздольицу;
Спàла моя шляпонька съ буйной головы,
Спàла моя плеточка да со правой руки,
Со правой руки да со перчаточкой.
Знать-то мнѣ-ка матушка дома не бывать,
Знать-то добру молодцу да во солдатахъ быть,
Во солдатахъ быть да мнѣ царю служить,
Мнѣ царю служить да вѣрой-правдою».
Заплакала матушка объ сынѣ своемъ.
«Не плачь, не плачь матушка да радость моя

---

*) Пропѣвъ мнѣ эту пѣсню, мужикъ съ размаху хлопнулъ меня по плечу, съ словами: «Половина горя долой».

Втапоры наплачешься, послѣ безъ меня.
Что угонятъ меня молодца во ины мѣста,
Во ины мѣста въ дальны города;
Напишу къ тебѣ я, матушка, да скору грамоту,
Скору грамотку, да вѣсть нерадостну,
Не перомъ напишу, не чернилами,
Напишу я грамотку да горючми слезми,
Горючми слезми да изъ ясныхъ очей,
Положу во грамотку перстень да портретъ,
Перстень да портретъ, крестикъ золотой.
Запечатаю я грамотку да думой крѣпкою,
Пошлю эту грамотку со скорымъ посломъ.
Со скорымъ посломъ да со буйнымъ вѣтромъ.
Получишь ты матушка да эту грамотку,
Вынь-ка моя матушка перстень да портретъ,
Крестикъ золотой. На портретъ взгляни—
Меня вспомяни».

ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Изъ падъ камушка изъ падъ бѣлава,
Изъ падъ кустика, изъ падъ ракитава,
Тамъ текла рѣчка
Рѣчка быстрая, бережистая.
Какъ ва той рѣчкѣ
Дѣвка мылася,
Вышла, набѣлилася,
Набѣливши, ана нарумянилась
Нарумянивши, въ зеленъ лугъ пашла.
Въ зеленомъ лугу
Тамъ данской казакъ
Каня паилъ;
Напаивши каня,
Сталъ думу думати—
Думу крѣпкую:
«Охъ и какъ же мнѣ быть,
Маладу жену сгубить?
Загублю жену
Не рана съ вечера,
Схараню жену
Ближе кы палуночи»...
Ево большая дочь
Рано просыпалася,
Къ батюшкѣ у ножки
Кидалася:
«Государь ты нашъ
Роднай батюшка,
Идѣ наша матушка?»
—Ваша матушка
Въ новай горницѣ
Умывается
Ключевой вадой,
Утирается
Бранымъ палатномъ.
«Государь нашъ батюшка,

Не правда твоя:
Наша матушка
Вы желтомъ песку, 2
Въ новой горницѣ
Ана закопана»

Доставлена.

2.

Что не ястребъ совыкался съ перепелушкою,
Солюбился молодецъ съ красной съ дѣвушкою,
Проторилъ онъ путь-дорожку, пересталъ ходить,
Проложилъ онъ худу славу, пересталъ любить.
Насмѣялся жь ты мной, отсмѣю и я тебѣ:
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота.
У меня ли у младой есть два братца родныхъ,
Есть два братца родныхъ, два булатныхъ ножа;
Я изъ рукъ твоихъ,ногъ короватку смощу,
Я изъ крови твоей пиво пьяно наварю,
Изъ буйной головы ендаву сточу,
Я изъ тѣла тваво я свѣчей насучу (*),
А *послѣй*-то тово я гостей назову,
Я гостей назову, и сестричку твою;
Посажу же я гостей на кроватушку,
Загадаю што я имъ да загадочку,
Я загадочку не отгадливую;
Ну, да что жъ таково: я на миломъ сижу,
Я на миломъ сижу, объ миломъ говорю,
Изъ милова я пью, милымъ потчую,
А и милъ предо мною свѣчею горитъ?
Вотъ тутъ стала сестричка отгадывати:
«А говаривала, братъ, я часто тебѣ,
Не ходи ты туда, куда поздно зовутъ,
Куда поздно зовутъ, да гдѣ пьяни живутъ».

Колина. Малоархханг. Уѣзда.

3.

Отпущала, отпущала сердца матушкина,
Отпущала, отпущала чаду милую сваю,
Чаду милую сваю на чужою старану.
Какъ большая систра коня съ стойла свила,
А сиредняя систра коня (о) сѣдлывала,

---

*) Въ другомъ варіантѣ поютъ: «Я изъ сала тново сальныхъ свѣчъ намочу». Правильнѣе: намокаю.

А меньшая систра коня брату подала;
А жина-та горюша у воротичкахъ стоить,
У воротичкахъ стоить, сама плачеть говорить:
«Ужь ты миленькой, милой, ты когда будешь домой?»
«Я тогда буду домой, когда выростить трава,
Когда выростить трава выше царскыва двара,
Узабьеть, узавьеть большой камушекъ са дна».
«Да ниправду мой миленькой со мною говоришь,
Да ни выростить трава выши царскыва двара
Ни взабьетъ Волга рѣчка бѣла камушка са дна.

Сабурово. Малоарх. Сент. 1858 г.

4.

Народился въ отца сынъ,
Какъ отецъ-то сына со двора согналъ:
«Ты ступай-ко ты, сынъ, со двора долой,
Ты спознай-ко-сь, чужу дальную сторону».
Какъ и старшая сестра коня съ стойла свела,
А средняя сестра коня (о)сѣдлывала,
А меньшая сестра коня брату подала
Коня брату подала, да заплакала;
Во слезахъ-то сестра стала спрашивати:
«Ты братецъ родной, ты когда будешь домой?
«Вы подите-ко, сестры, на сине море,
Вы возмите-тко, сестры, да вы горсть песку,
Вы посѣйте тотъ песокъ въ зеленомъ саду:
Когда тотъ песокъ взойдетъ, выростетъ,
Я тогда, сестры, къ вамъ домой приду».
Вотъ проходитъ тому ровно девять лѣтъ,
На десятой-то годъ сестры брата йскать пошли.
Какъ и старшая сестра въ морѣ щукою,
А середня сестра въ полѣ соколомъ,
А меньшая сестра въ небѣ звѣздочкою.
Какъ и старшая сестра не видала брата,
А средняя сестра услыхала брата,
А меньшая сестра брата видѣла:
На дикой на степи на саратовской
Что убитъ-то лежитъ добрый молодецъ.
Схоронили сестры брата—полетѣли домой.

Лихвинскаго Уѣзда

5.

Сосенка, сосенка зелениньская,
Молодка, молодка молоденькая,
Полюбила молодца хорошенькаго,

Отдаютъ меня молоду
Въ чужу-дальню сторону,
За Волгу за рѣку.
Обращусь я горькою кукушечкой,
Полечу, несчастная, я къ батюшкѣ въ садъ,
Сяду ль я на яблоньку,
На любимую, на батюшкину;
Горькими причетами я весь садъ высушу,
Горючей слезой своей
Весь садъ потоплю.
Кормилица-матушка
По новымъ сѣнямъ прошла,
Невѣстушекъ ласточекъ
Пробуживала:
«Невѣстушки-ластушки,
Вставайте скорѣй,
У насъ вы садичкѣ
Какушка поетъ...»
Большой братъ возговорилъ:
«Дай я пойду застрѣлю.»
Середній братъ возговорилъ:
«Дай я пойду досмотрю.»
Меньшой возговорилъ:
«Дай пойду догляжу:
Не наша ли горькая
Съ чужой стороны?..»
Зальюсь дѣвка, зальюсь красна, горючей своей слезой,
Утрусь тонкимъ, бѣлымъ полотномъ.

Елец. Уѣзда. Записано М. А. Стаховичемъ.

6.

Вы морозы, морозы вы крещенскіе,
Заморозили морозы добра молодца,
Стоючи у стѣны бѣлой каменной.
Караульщички братцы они крѣпко спятъ,
Не спала, не дремала красная дѣвица,
Распрекрасная Елена дочь королева.
Что брала со стола золоты ключи,
Отпирала у города воротицы,
Выпускала доброва молодца вонъ изъ города:
«Ты поди же доброй молодецъ потихоничку,
Чтобъ не вслышалъ, не увидѣлъ родной батюшка».
Что отецъ-то на сына разспрогнѣвался,
Высылаетъ своего сына вонъ изъ городу:
«Ты поди, сынъ, пройди жъ чужу сторону,
Какова есть на свѣтѣ чужа сторона».
Что большая сестра коня вывела,
А середняя сестра сѣдло вынесла,
А меньшая плетку подала,

А большая сестра брата спрашивала:
«Ужь когда же ты, нашъ братецъ, на(о)боротъ будешь?»
«Ужь тогда я къ вамъ на(о)боротъ буду:
Есть у батюшки, у матушки суха яблынька,
Ужь когда эта яблынька расцвѣтать будетъ,
Ужь тогда я къ вамъ, сестры, на(о)боротъ буду».

7.

Мой сизой голубчикъ,
Ты зачѣмъ, для чего
Въ садикъ не летаешь?
Буйнымъ вѣтромъ
Сизаго относитъ.
Частымъ дождемъ
Крылья-перья мочитъ.
Мой миленькой,
Мой милой дружочекъ!
Ты почто, для чего
Рѣдко въ гости ходишь?
Твой отецъ да мать
Тебя не спускаютъ
Родъ они племя тебѣ запрещаютъ!
Сидѣлъ-посидѣлъ удалой молодчикъ
Во темной темницѣ,
У той у темной, у темной темницы
Ни дверей нѣту, нѣту ни окошекъ,
Еще въ ней нѣту ни красна крылечка,
Только есть одна труба дымовая.
Изъ той трубы дымъ-отъ повѣваетъ,
Меня молоду горе разбираетъ!
Пойду я, млада, съ горя въ зеленъ садикъ,
Пойду возьму я ключи золотые,
Отопру я сундуки-ларцы кованы,
Возьму денегъ ровно сорокъ тысячъ,
Стану дружка, дружка выкупати,
Изъ неволюшки его выручати.
Грозенъ судья, судья воевода,
Моей казны, казны не примаетъ,
Меня молоду горе разбираетъ!
Пойду, млада, я съ горя въ чисто поле,
Пойду нарву я лютаго коренья,
Буду стану я судью опоити.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

8.

Ни въ Москвѣ, ни за Москвою,
Межъ Бутырской и Тверской,
Тамъ стоятъ четыре башни,

Посрединѣ божій храмъ.
Сидѣлъ воронъ на березѣ,
Кричитъ воронъ не къ добру:
«Пропадать тебѣ, мальчишкѣ,
Въ чужой дальней сторонѣ!
Ты зачѣмъ, зачѣмъ мальчишка,
Съ своей родины бѣжалъ?
Никого ты, мальчикъ, не спросился,
Кромѣ сердца своего;
На кого же ты покинулъ
Мать родную и отца?
«Ужъ и не кому мальчишку,
Меня было научить;
А теперича мальчишку
Меня поздно научить!
Ужъ и жилъ-я, веселился,
Но имѣлъ свой капиталъ;
Какъ и этотъ капиталъ
Весь я пропилъ-прогулялъ,
Во неволю жить попалъ;
Во такую во неволю—
Въ бѣлый каменный острогъ
Хороша наша неволя,
Да кто знаетъ про нее?
Вамъ не видно за стѣною,
Каково мы здѣсь живемъ.
Богъ Творецъ одинъ онъ съ нами,
Мы и здѣсь не пропадемъ.
Свѣтъ небесный во сіяньи,
Барабаны зорю бьютъ;
Барабанъ зорю пробьетъ,
Вундеръ двери отворяетъ,
Писарь съ требою идетъ;
Онъ по требованью кличетъ,
Намъ къ суду идти велатъ.
Взяли сумки, помолились
И отправились-себѣ...
Насъ въ карету посадили
И съ конвоемъ повезли...»

Дрозково. Малоарх. Уѣзда. Зап. М. В. Стаховичъ.

9.

Литѣла пава чиризъ три двара,
Уранила пиро на падворьица.
«Мнѣ ни жаль пира, а жáль маладца,
Мнѣ и жаль маладца: адинъ сынъ въ атца,
Адинъ сынъ въ атца, и тотъ въ службу йдеть
Ёнъ и годъ служить и другой служить,
На третій годъ сынъ дамой пришелъ.
Сустрѣла иво мать сириди поля,

Систра встрѣла сириди-двора,
Жина встрѣла, сѣнцы отпирла,
Повила иво мать къ себѣ въ горницу,
Ну, й стала иму мать все разсказывать:
«Твоя жина б... распутная,
Твоя жина шельма-пьяница,
Меды, вины всѣ распропила,
Коней твоихъ всѣхъ распродала,
Соловей твоихъ всѣхъ распустила».
Взялъ та сынъ саблю вострую,
Срубилъ жинѣ, жинѣ голову.
Голова ль моя съ плечъ свалилася.
Къ коню въ ноги покатилася.
Пашолъ-та сынъ у халодной погрибъ:
Меды, вины всѣ цѣлы стоятъ.
Пашолъ-та сынъ *ву* конюшинку:
Кони стоятъ сѣна-авесъ ѣдятъ.
Пашолъ-та сынъ ва зеленай садъ:
Салавья сидятъ вычищаютца;
Жиной иво выхваляютца;
Пашолъ та сынъ къ сыну въ горницу:
«Молчи-баю маё дитятко
Теперь у тибя матири нѣтути,
У мине маладца маладой жины,
Толька есть у тибе адна бабушка,
Да и та змія, змія лютая».

Сабурово. Малоарх., сент. 1858.

10.

У отца у матери
Зародились три дочери:
Двѣ дочери счастливыя,
А третья несчастная.
Большая дочь говоритъ:
«Отдай меня, батюшка,
Въ Щигры за подъячаго»
Другая дочь говоритъ:
«Отдай меня, батюшка,
Въ Москву за посадскаго»:
А третья дочь говоритъ:
«Отдай меня батюшка,
У Крымъ за Татарина».
Большая дочь пріѣхала:
«Не плачь по мнѣ, матушка,
Не тужи, сударь батюшка,
У мово у подъячаго
Свѣчи невгасимыя;
Всю ночь мастера сидятъ
И льютъ перстни золотые
На мои руки бѣлыи,

На мои руки нѣжныи».
Другая дочь пріѣхала:
«Не плачь по мнѣ, матушка,
Не тужи, сударь батюшка,
У мово у посадскаго
Свѣчи невгасимыя,
Всю ночь мастера сидятъ,
Шьютъ платья шелковыя
На мое тѣло бѣлое,
На мое тѣло нѣжное».
Третья дочь пріѣхала:
«Поплачь по мнѣ, матушка,
Потужи, сударь батюшка,
У мово у татарина
Свѣчи невгасимыя,
Всю ночь мастера сидятъ,
Плетутъ плети шелковыя
На мое тѣло бѣлое,
На мое тѣло нѣжное».

С. Сабурово. Малоархангельскаго уѣзда.

11.

По зорюшкѣ, по зарѣ,
Да люли, люли,
По вечерней по зарѣ
Шелъ дѣтинка изъ гостей
Со великихъ радостей.
Онъ торопится бѣжитъ,
Къ своему двору спѣшитъ;
За нимъ дѣвица бѣжитъ,
Кричитъ молодцу: «постой!
Неженатый, холостой,
Неженатый—вожеватой,
Разголубчикъ, любчикъ мой,
Ты не смѣйся надо мной,
Надъ дѣвицей молодой,
Надъ моей рукой косой!»
На то парень обвернулся,
Надъ дѣвочкой разсмѣхнулся:
«Скажи, лапушка моя,
Скажи, любишь ли меня?»
«Я по совѣсти скажу:
Еднаго тебя люблю;
Я по правдѣ то скажу:
Семерыхъ съ тобой люблю.»
Показалось молодцу
За досаду велику.
Какъ ударилъ Катю въ щоку,
Вдоль по бѣлому лицу,
Замахнувши во другую,

Во сережку жемчужную.
Какъ жемчужная сережка
Размолоденька дѣвочка
Прирасплакалася:
«Ужь какъ домой приду—
«Родной матушкѣ скажу?

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

12.

Я всю ночь млада ни спала,
Ой люли, люли, люли, ни спала,
Ничево млада ни слыхала,
Какъ буйные вѣтры шармавали,
Съ висака терема верхи пасарвали,
Ва чисто поля паснасили,
Кы бѣлу шатру станавили;
А въ билѣ шатрѣ злой Татаринъ
Красная дѣвушка паланяночка,
Сильно добре плачить,
Татаринъ ее унимаить:
«Ты не плачь, не плачь красная дѣвушка,
Мы сашьемъ тебѣ лисью шубу,
На буйну головушку кунью шапку,
На рѣзвы ножки красны сапожки,
На бѣлыя ручки рукавички»
«Изатлѣить та кунья шуба;
Прапади та шапка...
Пусти мине къ атцу, къ матери».

13.

Мать сыну гаварила:
«Ни сидлай коня долга вечера,
Ни съижжай съ двора
Кы полуночи;
Ни заѣжживай
Ва царевъ кабакъ».
Ой, сынъ матери
Ни паслушалси!
Онъ сидлалъ каня
Долга вечера,
И съ двара съѣжжалъ
Кы полуночи;
Заѣжживалъ
Во царевъ кабакъ...
Паднесли младцу
Вина чару.
Па берегамъ чары

Пѣна бьеть,
Посередъ чары
Люта змія.
Ни то чару пить,
Ни то на земь лить...
Сы страстей младецъ
Уранилъ чару..,
Сыра земля
Загаралася,
Люта змія
Узмиталаса —
Узмиталаса,
На маи груди
Маладецкіи
Ускидаласа.

14.

Что цвѣли то цвѣли—цвѣли въ полѣ цвѣтики,
Цвѣли да поблекли, 2
Что любилъ-то любилъ—любилъ парень дѣвицу
Любилъ да покинулъ; 2
Что покинувши парень красну дѣвицу,
Въ глаза насмѣялся 2
Обезчестилъ-то парень красну дѣвицу
При всемъ при народѣ, 2
Что онъ снялъ, то, сорвалъ парень съ красной дѣвицы
Шелковый платочекъ, 2
Что зажалъ то, зажалъ парень у красной дѣвицы
Золотъ перстенечекъ. 2
Что по городу было—городу Саратову,
Дѣвица гуляла, 2
Гербовой то ли она листъ бумаженьки
Листокъ покупала, 2
Молодаго себѣ писаря—писать нанимала
Писать нанимала, 2
Астраханскому она—она губернатору
Просьбу подавала: 2
«Ужъ ты, батюшка ли—ты князь губернаторъ,
Прими мою просьбу; 2
Ты суди-тка суди—ты насъ, астраханскій князь,
Суди по закону». 2
«Не напрасно ли ты, красная дѣвушка,
На молодца просишь? 2
Что сама ль ты сама—сама красна дѣвица,
Сама виновата». 2
Безъ зари ль-то зари—зари красно солнышко
Солнышко не всходитъ, 2
Безъ прилуки-то ли—добрый молодецъ
Къ дѣвушкѣ не ходитъ.

Москва

15.

Какъ по городу, городу Саратову
Дѣвушка гуляла,
Она гербовой листъ, дѣвка, бумаги
Дѣвка закупила;
Молодаго ли дѣвка писаречка
Просьбу писать нанимала;
Она новому, дѣвка, астраханскому губернатору
Просьбу подавала:
«Ты суди насъ, судья грозный, суди насъ по правдѣ,
Суди по закону».
Что цвѣли-то, цвѣли въ полѣ цвѣтики,
Цвѣли, да поблекли;
Что любилъ-то меня, любилъ парень дѣвушку,
Любилъ, да покинулъ:
А послѣе таво онъ, да разбезсовѣстный,
Въ глаза насмѣялся.
Что и судъ даетъ грозный губернаторъ,
Судъ даетъ по правдѣ,
Даетъ по закону:
Безъ зари-то зари, безъ ясной зари
Солнышко не всходитъ,
Безъ прилуки молодецъ къ красной дѣвушкѣ,
Къ дѣвушкѣ не ходитъ.
Что сама ли сама, красна дѣвушка,
Сама виновата.

Тульской губ.

16.

Поѣхалъ королевичъ
На разгуляньице,
Осравилъ онъ королевну
На гореваньице,
Пускалъ своего добра коня
Въ зеленые луга,
А самъ пошелъ королевичъ
На круту гору.
На крутенькой на горушкѣ
Раскинулъ бѣлъ шатеръ,
Ложился спать королевичъ
Подъ бѣлымъ шатромъ.
Пригрезился королевичу
Дивнехонекъ сонъ:
Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки
Соколикъ вылетѣлъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ бѣлой

Сѣрая утушка.
Пойду, пойду королевичь,
Ко старушенькѣ:
«Скажи, скажи, старушенька,
Про мой дивной сонъ».
«Твоя жена, королевна,
Сына родила,
На утренней на зорюшкѣ
Сама померла».
Ворочался королевичь
Къ своему двору;
Не дошедши до своего двора,
Тяжело вздохнулъ.
Широкія воротички
Растворены стоятъ.
Щеколдчаты окошечки
Повыставлены.
Всѣ солдаты, офицеры
Въ черномъ платьицѣ.
Королевна, моя жена,
Въ бѣломъ убрана.
Пойду, пойду королевичь,
Въ нову горенку,
Вдарюсь, вдарюсь, королевичь,
Объ дубовый столъ.
Бывало, ты дубовый столъ,
Пріубранный стоишь,
А нынѣ ты, дубовый столъ,
Разубранный стоишь.

17.

Поѣхалъ королевичь на полеваньице,
Оставилъ королевну на гореваньице.
Не доѣхавши королевичь, ложился онъ спать,
Привидѣлся королюшкѣ нерадостный сонъ:
Изъ-подъ правой то ли изъ-подъ рученьки
Сѣрая утица.
Встамши-то, королюшко къ старушенькѣ пошелъ...
«Бабка ты, отгадай ты, мой сонъ отгадай».
— Королюшко, ты батюшко, твой сонъ нехорошъ.
Поѣзжай ты, королюшко, къ своему двору:
Жена твоя, Марусенька, сына родила,
Породя сына, Марусенька, сама померла.

18.

Исходилъ я, молодецъ, день до вечера,
Никакой я охоты не нахаживалъ,
Что нашелъ я, набрелъ на рябинушку;

Что безъ вѣтру рябинушка мается,
Но безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
Я пришелъ домой, сѣлъ на лавочку,
Ужъ я сталъ своей матери разсказывать:
Что безъ вѣтру рябинушка да шатается
И безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
«Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда,
Ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую.»
Ужъ я разъ сѣкнулъ—руда пошла,
Другой сѣкнулъ—она охнула;
Ужъ я третій сѣкнулъ—слово молвила:
«Не рябинушку рубишь ты—свою жену».
Я пришелъ то домой, сѣлъ на лавочку:
«Охъ ты съѣла меня, мать, погубила меня мать:
Не рябинушку рубилъ я—жену свою».

19.

Какъ у насъ было въ воскресенье день,
Какъ свекровь пошла ко заутренѣ,
Сноху послала во чисто поле:
«Ты стань, сноха, тамъ рябиною —
Тамъ рябиною, да кудрявою,
Отростками—малы дѣтушки»:
На ту пору мужъ отъ службы шелъ;
Пришелъ домой, сталъ онъ сказывать:
«Ужь и сколько я ни хаживалъ,
Такой дивушки не нахаживалъ!
Ужь и что это за рябинушка,
За рябинушка, за кудрявая!
Что безъ вѣтру она да качается,
Ко сырой землѣ преклоняется».
«Ахъ ты, сынъ ты мой, сынъ возлюбленный!
Ты возьми свою саблю острую,
Сруби эту ты рябинушку».
Онъ разъ сѣкнулъ—она вздрогнула;
Онъ другой тюкнулъ—кровь ли брызнула;
Онъ третій тюкнулъ—слово молвила:
«Не рябину сѣчешь ты—молоду жену,
Не кудрявую—съ малыми дѣтками»
Пришелъ домой, сталъ онъ спрашивать:
«А гдѣ моя молода жена?.
«Твоя жена, она гулять пошла»
«А гдѣ мои малы дѣтушки?»
«Малыхъ дѣтушекъ съ собой взяла».
«Не мать ты мнѣ, не родная,
Змѣя ты мнѣ—змѣя лютая,
Ты мышь ли, мышь подконенная!»

Дрозково. Малоарх. Уѣзда. Зап. М. А. Стаховичъ.

20.

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
Надъ долиною, надъ широкою,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ...
Какъ повыше-то было села Юркина,
Какъ пониже-то было села Лыскова,
Протекала тамъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, славна Стерженка,
Что никто по ней не проѣзживалъ,
Никто слѣдику не прокладывалъ.
Что плыла косна лодочка,
Косна лодочка, все разбойничья.
На носу-то стоитъ эсаулъ съ багромъ,
На кормѣ-то стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
Посередъ лодки бѣлъ тонкой шатеръ,
Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Говоритъ она таково слово:
«Ужъ какъ мнѣ, младой, мало спалося,
«Мало спалося, много видѣлось;
«Нехорошъ-то мнѣ сонъ пригрезился:
«Атаману-то быть повѣшену,
Эсаулу-то быть застрѣлену,
Вамъ-то, молодцамъ, всѣмъ въ тюрьмахъ сидѣть,
Мнѣ-то дѣвушкѣ быть на волюшкѣ.

21.

Изъ-подъ камушка
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Ахъ, да вода чистая!
Какъ по той рѣчкѣ плыла лодочка,
Хорошо лодка изукрашена,
Свинцомъ, порохомъ изунизана.
Какъ на той лодочкѣ девять молодцевъ,
А десятая красна дѣвица,
Атаманова любовница,
Что родимаго-то брата душегубница:
Что зарѣзала своего брата,
На ножѣ сердце вонъ повынула,
На ножѣ сердце встрепенулося—
Красна дѣвица усмѣхнулася,
Усмѣхнувшись, она слезно всплакнула.
Атаманъ дѣвку уговаривалъ,
Уговаривалъ—самъ обманывалъ:
«Ты не плачь, дѣвка, не тужи красна,
Я свезу-то тебя къ отцу, къ матери,
Ко всему-то твоему роду племени».

22.

Изъ падъ Питера
Изъ падъ горада
Протекала рѣчка,
Рѣчка быстрая.
Какъ па той рѣчкѣ,
Тамъ судно плыветь.
Харашо было судно изукрашена,
Маладцами все усажена,
На канцѣ лодки
Сидить атаманушка;
Пасирёдъ лодки—
Красная дѣвушка;
На кармѣ стаить
Часавой салдатъ.
«Охъ вы, други маи,
Вы, таварищи!
Я видѣла сонъ:
Расплеталася
Мая каса русая,
Выпадала мая
Лента алая,
Разсыпался мой
Залотъ перстень».
«Атаманушки быть
Убитаму;
Краснай дѣвушки
Быть павѣшенай;
Чесавому салдату
Быть зарѣзану».

Орловской губерніи.

23.

Какъ поѣхалъ князь Михайло во царскую во службу,
Во царскую во службу, на великую нужду,
Покидалъ свою княгиню, молодую Катерину;
Онъ приказывалъ княгинѣ, своей матушкѣ родной:
«Охъ, ты матушка родна, береги молодую княгиню,
Береги ты мою княгиню, молодую Катерину.
Ты корми мою княгиню крупичатыми калачами,
Ты пои мою княгиню сытою медовою»
Не успѣлъ князь со двора съѣхать, его добрый конь споткнулся,
Съ него бархатная шапочка свалилась;
Ужь какъ тутъ-то князь Михайло, онъ вспомнилъ,
Какъ вспомнилъ ли, горько князь восплакнулъ:
«Ахти! дома у меня нездорово,

Моей матушки родной не стало,
Либо моей молодой княгини—
Молодой княгини Катерины».
Его матушка родная
Жарку банюшку топила,
Горючъ камень разжигала,
Молодую княгиню погубила::
Бѣлы груди ей разрѣзала,
Молоденца вынимала,
На горючій камень клала.
Какъ пріѣхалъ князь Михайло, его матушка встрѣчаетъ,
Его матушка встрѣчаетъ, за бѣлы руки примаетъ,
За дубовый столъ сажаетъ:
«Ахъ ты, матушка моя родима,
Гдѣ моя молодая княгиня?»
«Молодая твоя княгиня пошла Богу молиться».

24.

Ужь вы горы, горы крутыя!
Ничево въ горахъ ни породило,
Только породило кустъ ракитовый.
Ужь на этомъ кустѣ сидитъ младъ сизой орелъ;
У когтяхъ держитъ чернова ворона,
Онъ бить не бьетъ, только вспрашиваетъ:
«Гдѣ воронъ былъ, гдѣ черный былъ?...»
«Я былъ, побывалъ на саратовскихъ степяхъ,
Я видѣлъ *чуду дивную*: тамъ лежитъ тѣло бѣлое,
Никто къ тѣлу не приступается... приступились три птички:
Первая пташечка—родная матушка,
Вторая пташечка—родная сестрица,
Третья пташечка—молода жена.
Гдѣ мать плачетъ—тамъ рѣчка прошла.
Гдѣ сестра плачетъ—тамъ колодязи,
Гдѣ жена—тамъ роса стоитъ.
Солнышко взойдетъ—роса опадётъ».

25.

Не взвивайся, мой голубчикъ,
Выше краснова окна,
Вотъ хрустальнова стекла,
Мнѣ такъ тошно,
Мнѣ такъ грустно
Жить дѣвушкѣ сиротой,
При дорожкѣ при большой,
Безъ матушки безъ родной...
Звала, звала дѣвка парня
Во чисто поле гулять;
«Пойдемъ, пойдемъ, мой голубчикъ.

Во чисто поле съ тобой.
Бери, бери мой голубчикъ,
Свой тонкой бѣлой шатеръ;
Раскинь, мой голубчикъ,
По чистомъ полю шатеръ.
Приляжь, приляжь, мой голубчикъ—
Я въ головкѣ поищу
Русы кудри расчешу.
Стала кудерки часать,
Сталъ малодчикъ засыпать.
Засни, засни, мой голубчикъ,
У дѣвушки на рукѣ,
На кисейномъ рукавѣ,
Да на златомъ перстенѣ,
На персидскомъ на коврѣ.
Какъ проснулся, пробудился
Во русы кудри хватился—
Нѣтъ ни русыхъ ни кудрей,
Ни дѣвушки, ни шатра,
Ни кисейнова рукава,
Ни золота перстеня,
Ни персидскова ковра,
Нѣтъ ни воронà коня,
Ни черкаскова сѣдла.

26.

Ужь ты день, ты мой денёчикъ,
День прекрасный дорогой,
Проходи день поскорѣе,
Унеси мою тоску...
Охъ! да ужь я съ той тоски,
Со кручины пойду въ темные лѣса;
Охъ! да ужь я вскрикну своимъ
Громкимъ, тонкимъ голосомъ своимъ:
Охъ! да ужь, вы лѣсы, вы дубравы,
Наклоняйтеся ко мнѣ!
Охъ! да ужь, вы пташки, вы пернаты,
Всѣ слетайтеся ко мнѣ;
Охъ! да ужь вы звѣри, вы лютые,
Собирайтеся ко мнѣ!
Охъ! да вы терзайте мое тѣло
И дѣлите по частямъ,
Охъ! да вы оставьте во мнѣ, звѣри,
Ретиво сердце одно.
Охъ! да вы несите мое сердце,
Ково я вѣрно люблю;
Охъ! да пусть мой
Миленькой галубчикъ
Пожалѣетъ обо мнѣ.

27.

У воротъ сосна раскачалася,
Ай люли, люли, раскачалася.
Бѣлая Дунюшка разыгралася.
Какъ боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ,
Какъ боярскій сынъ Дунѣ рѣчь говоритъ:
«Поиграй, Дунюшка, поиграй бѣлая,
Я тебя, Дунюшка, жить къ себѣ возьму.
Бѣлая Дунюшка испужалася;
Какъ со вечера голова болитъ,
Ко полуночи—она попа проситъ,
Ко бѣлу свѣту—нѣту Дунюшки.
Какъ въ Москвѣ звонятъ ко обѣденкѣ,
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ.

28.

На что жъ меня матушка
На горе родила,
Не собравшись съ разумомъ
За̀мужъ отдала?
Чужая сторонушка
Безъ вѣтру сушитъ,
Чужой отецъ съ матерью
Безъ вины журятъ.
Скинусь я, младешенька,
Горькою пташкою,
Я горькою пташечкой,
Я кукушечкой,
Полечу я младешенька,
На свою сторону,
На свою, млада, сторонушку—
Къ батюшкѣ въ садокъ;
Сяду жъ я на яблоньку
На кудрявенькую,
Закукую кукушечкой—
Весь садъ заглушу;
Горючо̀й слезой, матушка,
Весь садъ затоплю.
Увидала ли матушка
Съ высока терема:
«Родимыя дѣтушки!
Что за пташечка?
Да что то за пташечка?
Въ зелено̀мъ саду?
А и братецъ говоритъ:
«Пойду застрѣлю».

А сестрица говоритъ:
    «Пойду посмотрю,
Но наша ли горькая
    Съ чужой стороны?»

Орловской губ. Малоархангельскаго уѣзда.

29.

Калина съ малиною ранымъ-рано расцвѣла,
На ту пору молоду меня мать родила;
Не собравшись съ разумомъ, въ чужи люди отдала;
Велѣла мнѣ матушка семь лѣтъ не бывать;
Родимый-то батюшка—хоть вѣкъ не видать.
Годочикъ я прожила, другой прожила,
А третій годочикъ во слезахъ провела.
А вскинуся пташечкой—кукушечкою,
Полечу на батюшкину на сторонушку,
Сяду я на яблоньку въ зеленомъ саду,
Запою на яблонькѣ жалкимъ голосомъ.
«Что эта за пташечка у насъ во саду?»
Большой то братъ говоритъ: «Семъ я поймаю».
Средній братъ говоритъ: «Семъ я застрѣлю».
Меньшой то братъ говоритъ: «Семъ я посмотрю:
Не наша ли горькая съ чужой дальней стороны?»
Большому ли брату-то—во солдатахъ быть,
Среднему ль брату-то—во разбойникахъ,
Меньшому ли брату-то со мной домомъ жить.

30.

Что мнѣ, маменька, тошненько,
Государыня, родимая, тяжеленько!
На роду жь таковое не бывало:
Мнѣ *ночесь* тоска нападала,
Нападала тоска-печаль не мала
На мою ль же побѣдну головку,
На моель же ретивое сердечко.

Архангельск. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

31.

Ни сиди-тко Дунюшка, поздно съ вечира,
Ты ни жги ль, Дунюшка, огня до билова дня,
Что до *били*нькова до денёчка; до краснова солнышка.
Что на утриній-та зари Дунюшка притомилася.
    тесовенькую кровать спать Дуня лажилася.

Что повидѣлся Дунюшки сонъ, сонъ нерадостянъ,
Ни про батюшка Дунюшки сонъ, ни про роднуя матушку,
Што повидился Дуни сонъ про мила дружка,
Про миляныкаго дружка Дуни, только пра Иванушка.
Вотъ сказали только про нево во даляхъ живетъ,
Во даляхъ живя, только въ Новигородѣ,
Ни работушку работатъ, работу тяжелаю,
Да ни въ Питерѣ жилъ, ни въ славной Москвѣ,
Что живетъ-то, мой милой, въ Новигородѣ,
Ни въ работникахъ работатъ работу тяжелую.
Ни въ работникахъ *живя*—самъ хозяиномъ.
Ставитъ миленькай, ставитъ домы каменны.
Прислалъ-то миленькай пѣсьмо онъ, посылочку,
Енъ прислалъ ко мнѣ посылочку—розову косынѣчку,
Енъ не новую прислалъ: старую, совсѣмъ поношена.
Вотъ велѣлъ миленькой носить, прежде вымати,
Ни въ рѣчной-то во*ды* мыть, ни въ колоде*шной*,
Енъ велѣлъ, родименькой-то, смыть въ горючіихъ-то слезахъ.

Пѣлъ ловецъ Леонтій Ивановъ. Новгород. у.

32.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту заботушки.
У меня ли у младешеньки
Есть великая,—не малая:
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушка!
Изсушилъ меня мой милый другъ,
Изсушилъ сердце, повыкрушилъ,
Хуже травоньки кошѐныя;
Что въ чистомъ полѣ сушеныя.
Я сама млада на грѣхъ пойду,
Я сама дружка повысушу,
Я не зельемъ, не кореньями,
Я не вѣтромъ, да не вихоремъ:
Я своей слезой горючею.

Сабурово, Малоарх. у.

33,

Что повыше было села Лыскова,
А пониже было Богомолова,
Какъ на той было Волгѣ матушкѣ,
Тамъ плыветъ, гребетъ легкая лодочка.
Хорошо лодка изукрашена,
Пушкамъ, ружьецамъ изстановлена.
На носу стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
На кормѣ стоитъ эсаулъ *) съ багромъ,

---

*) Sic.

По краямъ лодки добрые молодцы,
Добрые молодцы, все разбойнички.
Посерёдъ лодки стоитъ бѣлъ шатеръ.
Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красная дѣвица,
Асаулова рòдная сéстрица,
Атаманова полюбовница.
Она плакала-заливалася:
Не хорошъ-то, вишь, сонъ ей привидѣлся:
Расплеталася коса русая,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатался дорогой камень,
Атаману быть застрѣленому,
Асаулу быть поиману,
Добрымъ молодцамъ быть повѣшеннымъ,
А и мнѣ ли красной дѣвушкѣ
Во тюрьмѣ сидѣть, во неволюшкѣ;
А за то, про то красной дѣвушкѣ,
Что пятнадцати лѣтъ на разбой пошла,
Я шестнадцати лѣтъ души губила,
Я зарѣзала парня бѣлокурова,
Изъ бѣлой груди сердце вынула,
На ножу сердце встропахнулося,
А и я млада усмѣхнулася!

Солигалиц. у. Записано на чугункѣ.

34.

А и кто жь у насъ большой—набольшій,
Большой набольшій воеводою?
Большой набольшій Алексѣюшка
Воеводою да Матвѣевичъ
Пріѣзжаетъ онъ въ свою вотчину,
Въ свою вотчину да въ приданую.
Онъ и судъ даетъ да по правдѣ все.
Да по правдѣ все, по закону-то:
Онъ и съ правова беретъ сто рублевъ,
Съ виноватова беретъ тысячу,
А съ докащика что и смѣты нѣтъ.

Елецк. у. Зап. М. А. Стаховичемъ.

35.

На похороны.

Зачѣмъ же я тебя,
Свѣта яснаго,
На свѣтъ спородила.

Во святое крещеніе крестила,
Во пелены пеленовала,
Во пелены камчатыя,
Во пояса шелковыя?
Свѣтъ ты мой младой и юношъ,
Юношъ сынъ возлюбленный!..

Арханг. губ., зап. С. В. Максимовъ.

36.

Ужъ ты Дуня, Дунюшка,
Дуня прежняя любушка,
Не сиди-ка ты, Дуня,
Долго вечеромъ
Ужъ не дуйка ты, Дуня, огня
До бѣлова дня,
До краснаго что до солнушка.
Кагда солнушко взойдетъ—
Роса высохнетъ.
Ужъ ложилась Дуня спать
На бѣлой-то зарѣ,
Спать ложилася.
Ужъ приснился Дунѣ сонъ
Ни про батюшку, ни про матушку,
Про мила-то дружка, дружка про Иванушку:
Какъ мой-то Иванъ, Иванъ во далѣ живетъ,
Работу что работаетъ, работу тяжелую.

37.

Ты подуй, подуй погодушка,
　　Немаленькая,
Ты раздуй, раздуй рябинушку
　　Кудрявинькую,
Поилъ, кормилъ свою любушку
　　Прочилъ за себя;
Доставалась моя любушка
　　Иному, не мнѣ.

Тверь (пѣли бурлаки).

37.

Охъ ты воля, моя воля, воля дорогая,
Ты воля дорогая—дѣвка молодая!
Во Москвѣ дѣвка гуляла, красоту теряла,
Красоту дѣвка теряла, въ неволю попала.
Скучно, грустно красной дѣвкѣ въ неволѣ сидѣти,

Въ неволюшкѣ сидѣти, въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка лежитъ путь-дорожка;
Какъ по этой по дорожкѣ мой миленькой ѣдетъ.

Сабурово. Малоарх. уѣзда.

38.

Ужь ты воля моя, воля, воля дорогая,
Ужь ты воля дорогая, дѣвка молодая!
Дѣвка по торгу гуляла, красоту теряла,
Красоту дѣвка теряла, въ острогъ жить попала.
Тошно, грустно красной дѣвкѣ въ острогѣ сидѣти,
А еще того тошнѣе въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка лежала дорожка;
Какъ по этой по дорожкѣ много идутъ, ѣдутъ,
Моего дружка, Ванюши, его слѣду нѣту.
За быстрою за рѣкою Ванюша гуляетъ,
Тамъ мой Ванюшка гуляетъ, товаръ закупаетъ,
Товаръ Ваня закупаетъ купеческой дочкѣ!
Ужъ и то-то мнѣ досадно, хоть была бы лучше;
Развѣ тѣмъ-то она лучше, что коса длиннѣе,
Что коса у ней длиннѣе и брови чернѣе.

Въ Москвѣ. Зап. Т. И. Филипповымъ.

39.

Ты не пой, не пой, соловьюшко, не пой рано весной,
Не давай-то мнѣ надзолушки сердцу моему:
И такъ мое сердечушко изныло во мнѣ.
Изъ-подъ бережка, изъ-подъ крутаго вода не течетъ,
Изъ-подъ камушка, изъ подъ бѣлаго вода ключомъ бьетъ.
За рѣченькой за быстрою зеленъ садъ растетъ;
Во этомъ ли во садикѣ черень цвѣтетъ,
Несозрѣлую, непоспѣлую нельзя заломать,
Не сосватамшись красну дѣвицу нельзя замужъ взять.
Я повыгляжу, да повысмотрю—я тогда возьму...
Съ того крыльца ведутъ къ вѣнцу красну дѣвицу;
Одинъ ведетъ за рученьку, другой за другую,
Третій стоитъ, слезы ронитъ: любилъ да не взялъ.
Досталася сударышка другому, не мнѣ.
«Красавица-забавница, простимся со мной».
— Я рада бы простилась—кони не стоятъ,
Извощички коломенски не смогутъ держать.
«Красавица-забавница, взгляни на меня».
— Я рада бы взглянула бы—глаза не глядятъ.

«Красавица-забавница, платочкомъ махни».
— Я рада бы махнула бы—платка въ рукахъ нѣтъ!

40.

Ахъ, что есть ли въ полѣ за травушка,
За муравушка.
Она день ли цвѣтетъ—ночь алѣется,
По чисту-то полю разстилается...
Что по мнѣ мой милой дружокъ сокрушается...
Что за милый другъ—да что за душа моя...;
Изсушилъ-то милой меня суше травушки;
Ужь какъ той ли травы—травки подкошенниныкой.
Не спалось то мнѣ, младой, ночку темную.
На бѣлой-то я на зарѣ, млада, чуть забылася.
Не хорошъ-то мнѣ сонъ—мнѣ сонъ во снѣ видѣлся:
Будто мой высокъ беремъ—теремъ растворенъ стоитъ;
Всѣ окошечки—окна вонъ повынуты,
Всѣ окошечки—окна распечатаны.
Ужъ какъ то ли милой сидитъ собирается:
«Ты куда милой, собираешься?
Во какую путь-дороженьку, милой, отправляешься?
Пойду, молода, тишкомъ лужкомъ,
Тишкомъ, лужкомъ, бережечкомъ;
Нарву, молода, я цвѣточковъ,
Я цвѣточковъ—васплёчковъ,
Совью, молода, я вѣночикъ,
Пойду, млада, къ быстрой рѣчкѣ
Брошу вѣнокъ вдоль по рѣчкѣ,
Позадумаю про милаго:
Какъ любитъ ли меня милый?
Мой вѣночикъ тонетъ, тонетъ,
Мое сердце ноетъ, ноетъ.
Сталъ вѣночикъ потопати—
Мое сердце замирати,
Сталъ милый другъ покидати».

41.

Ой ты дѣвушка, дѣвченка!
Лицомъ бѣла, хороша;
Только жизнь моя несчастна,
Что влюбился я въ тебя.
Я несчастья не желалъ бы,
Свилъ бы крылышки себѣ,

Узвился я, полетѣлъ бы
На сторону на её;
Сѣлъ бы, палъ бы я къ дѣвченкѣ
На ея лѣво плечо,
Посмотрѣлъ бы на дѣвченку
На ея бѣло лицо.
«Что жь ты, дѣвушка, дѣвченка,
Измѣнилась изъ лица?»
— «Небойсь парень, небойсь бравый,
Я до вѣку не смѣюсь;
Кого люблю, любить буду—
На другихъ не посмотрю».

Елецъ. Зап. М. А. Стаховичъ.

42.

Со ловьюшко, соловей,
Молоденькой, маленькой,
Голосочекъ тоненькой!
Не пой тонкимъ, не пой звонкимъ,
Не пой рано по зарѣ
Въ своемъ зеленомъ саду.
Объ чемъ тошно, объ чемъ грустно?
Жаль сударушку свою.
Судар ушка, дѣвушка,
Отдѣлилась, отбрела,
За двѣнадцать городовъ,
За двѣнадцать, за тринадцать,
За четыре ровно ста;
За четыре, за пятьсотъ,
За матушку, за Москву.
По Москвѣ мальчикъ гулялъ,
Самъ во скрипочку игралъ,
Солдатушковъ забавлялъ,
Солдатушковъ забавлялъ,
Тужилъ, плакалъ, горевалъ,
Извощичковъ нанималъ,
Извощичка не нашелъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ,
Ко товарищу зашелъ.
«Ты, товарищъ, ты товарищъ,
Ты, товарищъ, родный братъ,
Сядь, подумаемъ со мной.
Подумаемъ, погадаемъ,
Котораго бы послать
Ко сударушкѣ моей:
Стараго ли спосылать —
Онъ до дома не дойдетъ;
Молодова ли послать—
Онъ не знаетъ что сказать».

43.

Ой, ты, черной, чернобровый,
Молодецъ хорошій,
Сложилъ мысли,
Скрѣпилъ сердце.
Не знаю какъ быть—
Про дружка забыть.
Милаго не забывать—
Могу написать.
Съ письмомъ пошлю человѣка:
Велю воротиться.
Воротиться не годится.
Авось умилится—
Заѣдетъ проститься.
Шелъ Ванюша въ полуночку,
Онъ искалъ слѣдочку,
Не нашелъ Ваня слѣдочка—
Онъ сталъ ко тыночку,
Простоялъ всю ночку.
Злы собаки набѣжали,
Ваню испугали;
Ваня сторонился,
Назадъ воротился.
Стоитъ Поля на крылечкѣ:
Не вытерпѣло сердечко—
Молвила словечко...

44.

По шелковой по мурашкѣ
Торный слѣдъ пробитъ къ могильничку,
Пробивала слѣдъ тотъ дѣвушка,
Протоптала дѣвка красная.
Не къ отцу, да что не къ матери:
Тамъ лежитъ путекъ-дороженька
Къ разудалу, добру молодцу,
Ко могилушкѣ мила дружка.
Ходитъ, ходитъ туда дѣвушка,
Полетъ, полетъ тамъ крапивушку,
Земляничку со клубничкою,
Поливаетъ все слезой своей.
Ахъ, расти, расти ты ягода,
Земляничка со клубничкою
Вокругъ камня, вокругъ бѣлаго,
На могилѣ друга милаго!
Ахъ, скажи ты ему, ягода,
Что взростила тебя мать земля,
Полила тебя слезою я,
Слезой горькой слезой дѣвичей!

Вспомни, вспомни, другъ, въ сырой землѣ
Про свою сударку милую.
Встань ты, встань, другъ, изъ могилушки,
Глянь на ягоды на красныя,
На свою ты разсударушку,
На мое лицо на бѣлое.
Ахъ, не встать тебѣ, сердечный другъ!..
Разступись же ты, сыра земля,
Дай хоть глянуть на милаго,
На его кости, на бѣлыя.

Зап. А. А. Григорьевъ.

45.

Что у насъ-то было, братцы, въ рощицѣ,
Что ходилъ-то, гулялъ добрый молодецъ со всѣми приборами,
Что съ оружьицемъ, со саблею, съ большимъ мушкатантомъ;
Что со вечера, со полуночи поздно спать ложился,
По утру-то ранымъ-ранешенько ужь онъ поднимался;
Умывался-то, добрый молодецъ, холодной росою,
Утирался-то онъ, добрый молодецъ, черною тафтою.
Что пришелъ-то онъ, добрый молодецъ, къ братьямъ, къ товарищамъ:
«Вы здорово ли, братья-товарищи, спали-ночевали?
А какъ мнѣ-то, добру молодцу, ныньче не спалося,
Нынѣ-то мнѣ, доброму молодцу, много грезилося:
Что ходилъ-то, гулялъ добрый молодецъ, да вдоль по лужку,
Что по крутому, по бѣлому бережку,
Что крутой берегъ, братцы-товарищи, будто обвалился,
Ужь и я-то ли, добрый молодецъ, будто бы скатился,
Что за горькую, за безчастную осину схватился,
Оттого я, братцы-товарищи, пробудился».

46,

Соловьюшко, соловей, соловьюшко молодой,
Чернобровый, черный, дорогой,
Не летай же далеко,
Не садися высоко,
Не пой рано на зарѣ,
По утренней по росѣ.
Не пой пѣсни жалобной—
И такъ тошно,
И такъ грустно молодцу,
Ни по матери, по отцу,
Я самъ знаю по чему:
Все потомъ по ней,
По сударушкѣ своей.
Сударушка, дѣвушка,
Лебедушка бѣлая,
Въ саду гуляла,

Со всѣхъ травъ цвѣты рвала,
Вѣнокъ милому плела;
Не успѣла вѣнка сплести,
Вонъ изъ садику пошла.

47.

— Ахъ ты стой, моя сосенушка, ты стой не шатнись,
Не шатайся же, милая, не печалься,
Когда стошнится, взгрустнется, напиши ко мнѣ письмо.
«Я сама писать не умѣю, писарямъ не вѣрю;
Сама вздумаю, взгадаю, сама побываю.»
Въ чистомъ полѣ, при долинѣ стояло древо,
Стояло тутъ дерево, берёзушка бѣлая,
Что тонкàя, высокàя, листомъ широкая.
Какъ на этой на берёзѣ сидѣлъ сизъ голубчикъ:
Онъ ни самъ сизой голубчикъ, удалой молодчикъ;
Передъ молодцомъ дѣвица стоитъ, слезно плачетъ:
Молодецъ красну дѣвицу плакать унимаетъ:
«Не плачь дѣвка, не плачь, красна, не плачь дура глупа;
Если будешь тужить-плакать, больно бита будешь,
При мірѣ, при народѣ, въ большомъ хороводѣ».

48.

Не велятъ Машѣ на улицу ходить,
Не велятъ Машѣ молодчика любить,
Ей молодчика молоденькаго,
Неженатаго, холостенькаго.
Холостой парень—любитель дорогой,
Онъ не чувствуетъ любови, злодѣй, никакой.
Такова любовь на свѣтѣ горяча,
Горяча любовь—слезами она облита.
Какъ у Машеньки заплаканы глаза,
У красавицы затерто бѣлое лицо.
Вечоръ милый другъ гуляли съ тобой,
На другой вечеръ прибили меня за тебя,
За тебя ли, удалаго молодца.
Ужь я съ-тѣхъ-поръ во постелюшку слегла,
Во постели три недѣли лежала,
На четвертую выздоравливать стала,
Я на пятую во зеленый садъ пошла,
Мимо рощи, мимо зелена сада,
Пролегала путь-дороженька торнà,
Что торна-торна, пробита она до песка.
Ужь и кто жь эту дорожку проторилъ—
Холостой парень ко дѣвушкѣ ходилъ,
Много злата, много сéребра носилъ,
Безъ разсчету золотой казной дарилъ,

Какъ за это его батюшка бранилъ,
Какъ за эти за худыя за дѣла,
Какъ за эти за поздные вечера.

49.

Дѣвушки подруженьки, подруженьки вы мои,
Приходите вы ко мнѣ, посидите у меня.
Спросите у батюшки вы меня въ гости къ себѣ,
Таючись отъ матушки, во зеленый садъ гулять.
Въ саду непогодушка—все листья шумятъ,
На вѣточкахъ пташечки промежь собой говорятъ.
Летѣлъ здѣсь соловьюшко, летѣлъ молодой.
Спрошу у соловьюшки, тужитъ ли по мнѣ милой,
Тужитъ ли, душа моя—а я по немъ завсегда.

50.

Не хмѣль мою головушку клонитъ,
Хмѣлинушка въ головушкѣ бродитъ,
Бродитъ-бродитъ да вонъ не выходитъ.
Пойду молода я вдоль долиною.
Сломлю, молода, калину съ малиною.
На встрѣчу мнѣ казаченько, съ Дону.
Спрошу, спрошу у казака молодаго:
Куда эта дороженька шла,
Куда шла, куды пролегала?
Иль во темный лѣсъ, иль во чистое поле?
Въ темномъ лѣсѣ все пень да колода,
Въ чистомъ полѣ, бѣлоярова пшеница,
Во пшенушкѣ ракитовый кустикъ,
На кустикѣ соловьюшка свищетъ,
Мэня молоду домой свекоръ кличетъ:
Хоть кличь, не кличь, я домой не буду;
Буду ль, нѣтъ ли, я завтра поутру.

51.

Эй вы, камарики, вы сударики маи,
Вы за што, пашто вы кусаптя мине?
Ятъ кусаньица грудь, галовушка балитъ,
Ятъ галовушки я уся стала бальна,
Я бальна, бальна, вы пастелюшки слигла,
Три нидѣли вы пастели лижала,
На читвертую выздаравливать стала,
Я на пятаю во зиленой садъ пашла,
Въ зилиномъ я дароженьку нашла,
Знаю, знаю, хто дарожку пратарилъ:

Маладой паринь, да онъ ка дѣвушки хадилъ,
Многа злата, многа серибра насилъ,
Бизъ расчету залатой казной дарилъ,
Сваей душичкп онъ тальянъ платокъ купилъ,
А на шеюшку даципочку съ земчужкомъ,
А на ручушку да онъ золатъ перстенекъ

Сабурово. Малоарх. у. сент. 1858 г.

52.

Зелено вино въ карманѣ,
Сахаръ во бумажкѣ:
Зелено вино пьютъ
Сахаръ на закуску.
Промежду собой братаны
Жеребей метали:
Кому деньги, кому платье,
Кому красна дѣвка?
Доставались деньги Мишкѣ,
Цвѣтно платье Гришкѣ,
Удалому, холостому,
Красна дѣвица.
Знать у милаго
Два сада зеленыхъ:
Во первомъ саду-садочку
Поетъ птица пташка,
Спишу пташинъ голосочикъ
На тонкій листочикъ,
Что на тоненькой листочекъ
На бѣлу бумажку.
Отошлю ли листочикъ
Въ дальный городочикъ.
Въ дальный, дальный городочикъ
Къ своему милому.
«Ты велишь ли, моя радость,
Хорошо ходити?»
«Ходи, ходи, любезная,
Ходи хорошенько!
Не ходи, моя милая,
Къ сосѣду въ бесѣду:
У сосѣда во бесѣдѣ
Всѣ сидятъ холосты.
У холостыхъ глаза востры,
Сами завидущи.
Холостъ ходитъ—глаза взводитъ,
Изъ ума выводитъ;
Черны брови надымаетъ—
На дворъ вызываетъ.
На дворъ, на дворъ вызываетъ
Подарокъ даваетъ,
Онъ подарочекъ даваетъ—

Персидской платочекъ;
Во платочкѣ въ узелочкѣ
Золото колечко
Золотое, навитое,
На праву на ручку,
Что на правую на ручку
На середній пальчикъ».

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

53.

Какъ у нашего сосѣда
Собрана была бесѣда
Очень хороша,
Весьма пригожа.
Мнѣ случилося идти,
Я не могъ мимо пройдти,
Сталъ да постоялъ,
У окошка постоялъ.
Дѣвка бросилась въ окно,
Отвѣчала за одно,
Съ кѣмъ же ты стоишь,
Съ кѣмъ же говоришь?

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

54.

Первый день понедѣльникъ.
Развеселый овторникъ,
Сива, сива середа,
Полевой день четвертокъ,
Соловая была пятница!
Горожанка была дѣвица,
Въ городу дѣвка родилася.
На посадѣ была срощена,
Калачами была скормленая,
Въ деревню замужъ выданная,
Въ деревеньку, во пустыньку.
За крестьянина богатенькаго,
За дѣтинушку тороватенькаго.

Арх. Губ. Зап. С В. Максимовъ.

55.

Отдавала меня матушка молоду замужъ,
Охъ-охъ-охъ-охъ-охъ-охъ-охъ-охъ!
Молоду больно замужъ и не въ малую семью,
Охъ...

Не въ малую семью—не въ согласную.
Охъ...
Какъ свекоръ, да свекровь, да четыре деверья;
Охъ...
Три золовушки, да двѣ тётушки.
Охъ..,
Какъ свекоръ говоритъ: вотъ медвѣдицу ведутъ!
Охъ...
Какъ свекровь говоритъ: вотъ лютую-то змѣю.
Охъ...
Деверья-то говорятъ: вотъ не ткаху ведутъ.
Охъ...
А золовки говорятъ: вотъ не пряху ведутъ.
Охъ...
Двѣ тетки стоятъ, все меня младу бранятъ.
Охъ...
Прикажи-ко, свекоръ батюшко, по горенкѣ пройтись,
Охъ...
По горенкѣ пройтись, слово выговорить:
Охъ...
Какъ медвѣдица—то, батюшко, въ темномъ лѣсу живетъ,
Охъ...
А лютая-то змѣя—то свекровь-то моя,
Охъ...
Деверья-кобелья у васъ жены таковы,
Охъ...
А золовки, вы плутовки, вамъ самимъ замужъ пойтить.
Охъ...
Двѣ тетушки—двѣ лебедушки,
Охъ...
Я поставлю на порогъ, да въ три шеи до воротъ:
Охъ...
Вамъ нечего въ чужой семьѣ указывать.
Охъ...
Какъ свекоръ на печи, что кобель на цѣпи,
Охъ...
А свекровь-то на палатяхъ, словно сука,
Охъ...
Мужъ на лавкѣ сидитъ, на меня косо глядитъ;
Охъ...
Хоть косись, не косись, не боюсь я тебя.
Охъ...
Мужъ руку отвелъ, по щекѣ меня оплелъ,
Охъ...
А я руку отвела, по всей харѣ оплела!
Охъ...

56.

Молодка, молодка молодая,
Разлапушка свѣтикъ-свѣтикъ дорогая!
Перестань ты, молодка, по улицѣ ходити,

Перестань ты, молодка, черну грязь топтати
Какъ же мнѣ, молодкѣ, мимо не ходити,
Такого милаго еще не нажити:
Хорошъ, пригожъ милый милый, уродился,
Онъ ростомъ-дородствомъ, своей красотою,
Своей молодецкою, мой милый, поступкой.
Вечеръ-то я съ милымъ, съ милымъ побранилась;
Побранка была съ нимъ у насъ небольшая,
А только крупная была поговорка:
Разсукинымъ сыномъ его называла.
Ужь какъ бы мнѣ съ милымъ, съ милымъ помириться?
Самой покориться—словно не годится,
Людей засылати будто мнѣ не кстати;
Дождусь я, молодка, дождусь поры-время,
Я той поры-время, самой темной ночи,
Самой, темной ночи, ночи полуночи,
Сама я къ милому дружку побываю,
Сама я милому въ глаза попеняю:
Не слушайся, милый, разума чужаго,
Разума чужаго, чужихъ наговоровъ;
Чужи люди, милый, только насъ смущаютъ,
Съ тобою насъ, милый, они разлучаютъ.

Записана въ Москвѣ.

57.

У Пелькова у купца
Была дочь хороша,
Свѣтъ Дуняша хороша.
Какъ повадилась Дуняша
Въ особливой спальнѣ спать,
Съ одной нянюшкою
Съ Татьянушкою.
Со Пелькова со двора
Младой принцъ пріѣзжалъ,
Штофикъ рому привозилъ,
Авдотьюшку угостилъ,
Онъ съ собой гулять возилъ.
Родной батюшко хватался,
По всѣмъ горницамъ бросался,
У сосѣдей колотился:
«Вы сосѣди, вы сосѣди,
Вы сосѣдушки мои!
Не видали ли, сосѣди,
Вы Дуняши моей?»—
—Мы видать-то не видали,
Только слышали про ней:
Спитъ у принца на рукѣ,
На суконномъ рукавѣ».
Родной батюшка идетъ,
Вдоль по улицѣ ведетъ,

По бѣлому лицу бьетъ,
Приговариваетъ:
«Ты не будь такова,
Какъ моя прежня жена,
Твоя матушка родна».

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

58.

Ахъ, по мосту, мосту по калиновому,
Ай люли, ай люли, да по калиновому,
Тамъ и шелъ прошелъ дѣтинка
Голубой на немъ кафтанъ.
Ай люли...
Голубой, съ галуномъ, полы машутся на немъ;
Полы машутся, раздуваются.
Подъ косящетымъ окошечкомъ
Ровняется бурлакъ:
Подъ косящетымъ окномъ полотно
Дѣвка ткала и катала,
За окошко отпускала:
«Полѣзай, милой, въ окно —
Не сорвется полотно!»
У сосѣда изъ окна
Увидали молодца.
Не купеческій отецъ
По ночамъ въ окошко лѣзъ;
У него денегъ на малѣ—
Одинъ рубличекъ въ карманѣ.
Рубля денегъ не берутъ,
Къ городничему ведутъ.
Городничій господинъ
За столомъ сидитъ единъ,
Онъ все судитъ, онъ все рядитъ...
Вину на дѣвицу кладетъ.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

59.

Трубка вилася, вилася
Вывела сестру приголубку,
Садилася голубка на лавку,
На лавочку подъ окошко.
Прилетѣлъ голубокъ на окошко,
Началъ голубокъ workovати,
Всякими съ сыками (зыками),
Молодецкими словесами.

60.

Ахъ, тоненькая,
Высокая моя,
Фигурная, мизирная моя,
Пришпахтирна,
Натуральненькая!
Ты какъ золото
Катаешься!
Скатенъ жемчугъ
Разсыпаешься...

61.

Ты воспой, воспой младъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Сидитъ молодецъ въ темнόй тѐмницѣ,
Въ темной тѐмницѣ—заключеньицѣ;
Пишетъ онъ грамотку къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ.
«Охъ ты матушка, родной батюшко!
Выкупи, выручи добраго мόлодца,
Добраго молодца изъ темнόй тѐмницы.»
Какъ отецъ-то и мать отказалися,
Всѣ сродники отступаются.
Ты воспой, воспой, милъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Сидитъ молодецъ въ темнόй тѐмницѣ
Въ темнόй тѐмницѣ въ заключеньицѣ,
Пишетъ грамотку къ красной дѣвицѣ,
Къ красной дѣвицѣ—прежней полюбовницѣ:
«Выкупи, выкупи добраго молодца,
Ахъ ты душичка, красная дѣвица,
Ты прежняя моя полюбовница!»
Красная дѣвица горько всплакнула,
Горько всплакнула, слово молвила:
«Охъ, вы нянюшки, мои мамушки!
Вы берите скорѣй золоты ключи,
Отпирайте вы кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно,
Выкупайте добраго молодца,
Добраго молодца изъ темнόй тѐмницы,
Изъ темнόй тѐмницы—заключеньица».

62.

Соловьюшка маленькой,
Голосочикъ тоненькой,
Ни пой тонко, ни пой звонко
Въ моемъ зеленомъ саду.

Ни такъ тошно, ни такъ грустно
По сударушкѣ своей.
Сударушка дѣвушка
Удалилася, отошла
За четыре ровно ста,
За четыре, за пятьсотъ,
За двѣнадцать городовъ,
За двѣнадцать, за тринадцать
Въ славный городъ Петербургъ.
По Москвѣ мальчикъ гулялъ ли,
Извощичковъ нанималъ.
«Извощичекъ, братецъ мой,
Сядь подумаемъ со мной.
Ну, и какъ же, братцы, быть,
Ково къ дѣвушкѣ послать:
Если старова послать—
Онъ ни дойдетъ до двора;
Если малова послать ли,
Онъ ни знаеть, что сказать;
Еслибъ ровнюшку послать ли—
Онъ самъ охочь гулять.»

Сабурово. Малоарх. у. сент. 1858 г.

63.

Ужь ты Ванюшка, Ванюша,
Ваня, миленькой дружочикъ,
Ай ляй, али, ляли
Али ляли, али ляли.
Что ты въ гостюшки не ходишь,
Па рублю денегъ не носишь,
Па червонцу золотому?
«Я бъ радъ, душа, ходити,
По рублю денегъ носити,
Да вороты скрипливы
А сабаки брехливы,
А семья-то бранчива».
«Мы сему дѣлу поможемъ:
Мы калинъ мостикъ положимъ,
Въ подворотню стаканъ масла,
А сабакамъ полоть мяса,
На семью-то сонъ напустимъ».

Сабур. Махоарх. у. сент. 1858.

64.

По мосту, мосточку,
По калиновому,

По калинову мосточку,
По малиновому,
Туды шелъ прошелъ дѣтина,
Голубой на немъ кафтанъ,
Полы машутся;
Что грязетовый камзольчикъ
Раздымается,
На немъ миткалиная рубашечка
Бѣляется;
Околъ шеечки платокъ
Будто аленькій цвѣтокъ,
Во карманѣ-то другой—
Тотъ альянской дорогой.
Во правой-то рукѣ стросточка
Серебряная.
Околъ стросточки ленточка
Пакетовая.
Онъ стросточкой подпирается,
Пакетовой лентой похваляется:
«Эта лента, эта лента,
Эта ленточка ала—
Мнѣ любезная дала;
Чтой дала, дала любезна,
Пожаловала.
Спустила сухоту
По моему животу.
Разсѣяла печаль
По моимъ яснымъ очамъ.
Заставила ходить
Меня по ночамъ;
Приневолила любить
Чужу—мужную жену.
Чтой чужа—мужная жена
То разлапушка моя.
Что и своя—мужная жена—
Осока да мурава—
Въ полѣ горькая трава,
Бѣла рѣпица росла;
Безъ цвѣточиковъ цвѣла»

Устьцыльма. Мезенск. у. зап. С. В. Максимовъ.

65.

Какъ болитъ то ли болитъ у мужа головка,
На чужихъ то ли глядя на женъ на хорошихъ,
Что на дѣвокъ то ли, дѣвокъ на пригожихъ.
У меня то ли жена, жена некорыстна,
Не корыстная жена, ахъ да не по мыслямъ.

Куда пошлешь то жену—ее недошлешься;
Хоть дошлешься то жену—ее не дождешься.
Какъ придетъ то ли жена да правды не скажетъ,
Она стелетъ постелюшку—сама слезно плачетъ,
Во зголовьице кладетъ—она возрыдаетъ,
Свово прежняго дружка она вспоминаетъ!

66.

Добрый молодецъ похаживаетъ,
Калену стрѣлу навязываетъ...
Ты лети, лети калинова стрѣла
Выше лѣсу по поднебесью,
Ниже солнца по сырой землѣ,
Ты убей, убей калинова стрѣла
На полетѣ—яснаго сокола,
На походѣ удалаго молодца,
Сѣру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ теремѣ.
Сѣра утица—ѣства моя,
Красна дѣвица—невѣста моя,
Сизый голубь—забавушка моя.
Доброй молодецъ—досадушка моя.

67.

Сказали про молодца, что онъ не живъ, не здоровъ,
Сказали про удалаго, что онъ безъ вѣсти пропалъ.
Вечоръ, вечоръ молодецъ, вдоль онъ улицы прошелъ,
Любимую пѣсенку шибко, громко просвисталъ,
Ко мнѣ, красной дѣвицѣ, въ теремъ голосъ подавалъ,
Чтобъ я красна дѣвица, не дремала бъ, не спала,
Ждала бъ, дожидалася къ себѣ милаго дружка.
Хотѣлъ придти милый другъ во двѣнадцатомъ часу,
Пришелъ, пришелъ молодецъ, онъ на утренней зарѣ.
Стучитъ, гремитъ молодецъ, подъ косящетымъ окномъ:
«Ахъ, спишь ли ты дѣвица, или такъ съ горя лежишь?»
— Ахъ, что же ты, милый другъ, вечоръ долго не бывалъ?
«Затѣмъ, за сѣмъ дѣвушка, позамѣшкался въ дому,
Съ худою женою-то у насъ побраночка была,
Бранила она, бестія, тебя, мой другъ, и меня:
Тебя, красную дѣвицу, очень дурно назвала.
Ужь я то и билъ шельму—чуть живу на свѣтъ пустилъ».
— Не бей, не бей, молодецъ, ты свою худую жену!

Съ худою женою-то тебѣ вѣкъ съ ней вѣковать,
Со мной, съ красной дѣвушкой, одну ночку ночевать.
Сѣдлай, сѣдлай, молодецъ, свово ворона коня,
Съѣзжай, съѣзжай, молодецъ, со широкаго двора!..
Сама жь ему красна дѣвица насмѣялася въ глаза.

68.

Ахъ женитьба ты моя, женитьба несчастная!
Что взялъ-то, я взялъ жену некорыстную,
Некорыстную жену, охъ, да не помыслямъ:
Не велитъ-то мнѣ жена ходить на улицу,
А сама ли со вечеру собирается,
Со полуночи гулять отправляется,
Ко бѣлу свѣту домой ворочается...

69.

Ахъ, матушка, томно мнѣ—голова болитъ,
Сударыня, грустно мнѣ—сердечко ноетъ...
Болитъ моя головушка—не знаю какъ быть.
Сяду я на лавочку, погляжу ль въ окно,
Погляжуль въ окошечко—на улицѣ дождь,
На улицѣ дождичикъ, во полѣ туманъ,
Во полѣ большой туманъ—туманъ затуманился,
А мой-то любезный другъ припечалился,
Припечалился, душа моя, призадумался.
Вечоръ вечоръ милый другъ у дѣвушекъ былъ,
У дѣвушекъ былъ, про меня забылъ.
Привелъ съ собой душечку онъ лучше меня,
Забылъ совсѣмъ милый другъ, забылъ про меня.

70.

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить,
Пришло времечко начало мое сердце крушить:
Жаль, не вижу любезнаго дружка своего,
Которой день его вижу—вижу, молода,
Тотъ денечикъ—очень весело, млада, хожу,
А не вижу я—во постелюшкѣ съ горя лежу,
Всѣ подушечки слезами, млада, оболью,
Изголовьице объ стѣнку млада разобью...
Какъ у насъ было во нынѣшнемъ году
Уродилося много ягодъ—ягодъ во бору.
Заблудилась красная дѣвушка въ темномъ лѣсу.

Выходила ли на Дунай быстру рѣку,
Становилась на крутенькомъ она бережку,
Вынимала сладкой водки полуштофъ,
Она кликала перевозчичка парня къ себѣ:
«Перевозчикъ, перевозчикъ, парень молодой,
Перевези меня на ту сторону домой,
На ту сторону, на батюшкину».
«Красна дѣвица—перевозъ мой будетъ дорогой».
«Добрый молодецъ, что ты хочешь, то бери».
«Красна дѣвица, поди замужъ замужъ за меня.»
«Добрый молодецъ, это воля, воля не моя,
Это воля—воля батюшки.
Я одна дома у батюшки свово была
Во всемъ городѣ красавицей млада слылла.

71.

Какъ у молодца разудалаго— печаль тоска не бывала
Молодая его хозяюшка—она захворала:
«Ты хворай хворай жена потруднѣе,
Ты умри, умри, жена, поскорѣе:
Я пойду то пойду въ рощу сосновую
Я срублю срублю-то гореньку новую,
Я сложу сложу печку муравую,
Я возьму возьму жену молодую,
Малымъ дѣтушкамъ мачиху лихую.
Какъ расплачутся дѣтушки малыя.
Ты сгори сгори горенка новая,
Раскалися ты печка муравая,
Ты умри умри мачиха лихая,
Ужь ты встань очнись матушка родная.»

72.

Не бѣлая-та заря зорюшка занималася,
Не красна-та *солнышко* высоко взошло.
Летаитъ-та соколъ, соколикъ онъ вылётывалъ
У иво крылушки примахалися,
Рябыя перья, перушки яво распутлялися,
На моемъ-то миломъ кудерки завивалися,
Что на эти кудри дѣвушки дивовалися.
Какъ одной дѣвушки замужъ-то захотѣлося.

20 іюля 1858. Елец. уѣзда.

73.

Ужь ты гулюшка, голубокъ
Гуля, сизинькой воркунокъ;
Не летай, гуля, во поле,
Не залетывай далеко,
Не замахивай слѣдочку.
Ужь ты Ванюшка, Ванюша,
Ваня, миленькой дружочекъ.
Проторилъ Ваня дорожку,
Черезъ рѣченьку на горку;
Ко настасьиному подворью,
Ко Настасьи-то къ окошку;
Ужь ты, Настинька, Настасья,
Ты открой, душа, окошко!
Я бы рада бы открыла:
Въ маво батюшки есть гости,
Въ моей матушки старушки,
У большой *сестрѣ* подружки.

Сабурово. Малоарх. уѣзда. Сент. 1858 г.

74.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Выходила туча грозная,
А другая не погожая,
Со дождями со морозами,
Со снѣгами, со глубокими.
Дочь у матери въ гостяхъ была;
Дочь отъ матери поѣхала,
Поѣхала непростилася,
Середъ лѣса становилася,
Серѐдъ лѣса, середъ темнаго,
Противъ кустика ракитова,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодыми рѣчь говѐрила:
Ты лети-ко мой солѐвьюшекъ,
На родимую на стѐрону.
Скажи батюшкѣ низкѐй поклонъ,
А матушкѣ челобетьице:

Чтобы матушка не плакала,
На чужихъ то дѣтей глядючи,
Ко своимъ примѣняючи,
То-то матушка неволюшка,
Чужа дальняя сторонушка,
Безъ вѣтру сушитъ—крушитъ,
Какъ чужой то отецъ съ матерью,
Безъ вины журитъ—бранитъ.

75.

Изъ-за лѣсу лѣсу темнаго,
Изъ-за садику зеленаго,
Заходила туча грозная,
А другая непогожая,
Со дождями, со морозами,
Со снѣгами со глубокими.
Собиралась дочка къ матери,
Поѣхала, не доѣхала,
Среди лѣсу становилася,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодыми думу крѣпкую:
«Соловей ты, мой соловьюшко,
Полети жь ты мой соловьюшко,
На мою ли на старонушку,
Ты скажи ли моей матушки,
Ты скажи ли ей низкой поклонъ:
То-то матушка неволюшка,
Государыня боярской домъ,
Посылають меня молоду,
Во полуночь одну по воду,
И разутую и раздѣтую,
И холодную, и голодную.
На мое горе на несчастьице,
Налетѣли гуси сѣрые,
Возмутили воду свѣжую.
Ужь той ли я воды часъ ждала,
А другой я часъ проплакала».

Сабурово. Малоах. у. 1858 г. сент.

76.

Ахъ не одна то ль, не одна во полѣ дороженька —
Одна пролегала;
Она ельничкомъ, мелкiимъ березовымъ —
Она заростала,

Она частымъ ли, частымъ, горькимъ осинничкомъ
Ее застилала...
Ахъ что нельзя-то ли мнѣ, нельзя мнѣ къ сударушкѣ,
Нельзя въ гости ѣхать;
Такъ поѣду ли я къ любезной сударушкѣ
Да все стороною:
Ахъ ты прости, прощай милъ сердечный другъ,
Прощай, будь здорова!...
Коли лучше ты меня найдешь, меня позабудешь,
Коли хуже ты меня найдешь, меня вспомянешь!

77.

Головушка горькая—прошла ночка темная,
Прошла ночка темная—осенняя, долгая.
Не съ кѣмъ ночку ночевать—осеннюю коротать,
Одна лягу спать, боюся—товарища со мной нѣтъ,
Нѣту милаго дружка, Иванушка сокола.
Иванушка соколъ мой, показался разумъ твой,
Показался разумъ твой, весь обычай дорогой.
Бѣгу въ темные лѣса, гдѣ травушка зелена,
Гдѣ травушка зелена, гдѣ я съ милымъ гуляла,
Гдѣ я съ милымъ гуляла, со травы цвѣты рвала;
Со травы цвѣты рвала, вѣнокъ милому плела,
Вѣнокъ милому плела, на головку надѣла.
На дорожку выхожу, на широкой становлюсь,
На широкой становлюсь, никого я не боюсь.
Ни барина, ни купца, ни удала молодца,
Одного только боюсь—свово милаго дружка.

78.

Привяжу я козлика
Ко бѣлой берёзкѣ.
Стой мой козликъ,
Стой не бодайся.
Бѣлая берёзка,
Стой не качайся!
Красна дѣвица.
Ходи не ломайся.»
Мово любезнаго
Да передъ окошкомъ,
Да передъ окошкомъ
Озеро бѣлое—
Свѣжей рыбы много.
Дайте-подайте
Шелковъ неводъ,
Уловлю, заловлю
Свѣжую рыбку!
Съ кѣмъ мнѣ будетъ

Свѣжу рыбу ѣсти?
Ѣсть ли, не ѣстьли мнѣ
Съ миленькимъ дружечкомъ.
«Ѣшь, мой дружечикъ,
Ѣшь, мой другъ,
Да не скушай вдругъ.»

Архангел. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

79.

Скоро бѣлый снѣжокъ палъ,
Молодецъ съ коня упалъ!
Онъ упалъ, упалъ, лежитъ,
Никто къ нему не бѣжитъ!
Его прежняя милая
Скорешенько подбѣжала,
За бѣлы руки держала,
Посадила на коня,
Черну шляпу подала,
Низкой поклонъ отдала.
„Ты поѣдешь, другъ, жениться,
Заверни ко мнѣ проститься;
Ты поѣдешь, другъ, гулять,
Заверни ко мнѣ во садъ:
Въ саду яблочки висятъ!“

Дрозково. Малоарх. Уѣз. Зап. М. А. Стаховичъ.

80.

Не хмѣлюшко по полю гуляетъ,
Еще самъ себя хмѣль выхваляетъ:
Что и нѣтъ-то меня, хмѣлюшки, лучше,
«Что и нѣтъ, хмѣля, меня веселѣе..
Что безъ хмѣлюшки свадьбушку не играютъ,
Что журятся и мирятся все въ хмѣлю,
И дерутся и мирятся все во хмѣлю.
Только есть на меня мутенъ садовникъ,
Онъ широкія борозды копаетъ,
Далёко ль меня, хмѣля, зарываетъ,
Въ ретиво сердце тычинушку вбиваетъ.
Да какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался,
По тычинушкѣ вверхъ увивался;
Раскидалъ свои яровы шишки.
Красны, дѣвушки хмѣлюшку щипали,
Во рогожные кули зашивали,
На овинѣ меня, хмѣлюшку, сушили,
На базаръ меня, хмѣля, вывозили,
Что богаты-ль мужики покупали,
И во суслицѣ хмѣлюшку топили.

По дубовымъ бочкамъ разливали.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, разгулялся,
По уторамъ я, хмѣль, расходился.
Отсмѣю жь и садовнику насмѣшку,
Я и сдѣлаю его сатаною,
Я ударю его въ тынъ головою,
Я и въ самую-то грязь бородою.»

81.

Исходила младенька всѣ луга и болота,
Всѣ луга и болота, всѣ сѣнные покосы.
Пристигала младеньку меня темная ночка!
Ахъ, ахъ-ти горевати, гдѣ мнѣ ночь коротати?
Мнѣ на умъ-то запало про роднаго братца;
Ужь я стукъ подъ окошко, ужь я брякъ во колечко;
«Дома ль, дома ли, братецъ, дома ль бѣлый голубчикъ?»
«Дома, дома, сестрица, дома, бѣла голубка».
— Ты укрой меня, братецъ, да отъ темныя ночи,
Что отъ темныя ночи и отъ лютаго звѣря.
«Ахъ, сестрица-голубка, да свѣтлая ноченька,
Свѣтлая ноченька и своя ли семейка».
Выходила невѣстка, выходила злодѣйка,
Выпускала собаки, все собаки лихія:
«А сю-сю вы схватите, а ту-ту разорвите,
Чтобы эта да гостья не по часту ходила,
Не по часту ходила, не по долгу гостила».
Какъ пошла-то сестрица залилася слезами.

Зап. А. Н. Островскимъ.

91.

Ужь ты рощица зеленая,
Со чево рощица позасохла,
Зеленешинька вся поблекла,
Не дождавши поры-время,
Поры-время теплова лѣта,
Теплова лѣта, яснова солнца,
Яснова солнца, сильнова дожжу,
Сильнова дожжу, лютова марозу?
Ни пора ли ой да съ поля ѣхать,
Хоть поѣду ль я въ гости ни заѣду;
Хоть заѣду ль я, начевать не останусь.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

92.

Не свѣтелъ мѣсяцъ зашолъ,
Ко мнѣ миленькій пришолъ.
Свѣтелъ мѣсяцъ закатился,
Со мной миленькій простился!

Что не пташицы *косаки*
Въ зеленомъ саду поютъ:
Добры молодцы бурлаки,
Со бесѣдушки идутъ,
Веселы пѣсни поютъ,
Въ теремъ голосъ подаютъ,
Чтобы я, красна дѣвица,
Не дремала, не спала,
Въ гости милова ждала.
Не успѣла сѣсть на лавку,
Милой стукъ у окна,
У окошка постучался,
Ульянушкой звеличалъ:
«Ульянушка, Ульяна,
Ульяна Васильевна!
Пойди-выйди на крылечко,
Взвесели мое сердечко!»
«Ужь ты ясны кудряшки,
Ты кудрявый молодецъ!
Не садико-сь, Яшенька, возлѣ меня,
Ты не возлѣ, не рядомъ, не насупротивъ.
Не про насъ съ тобой, Яшенька,
Люди говорятъ,
Про насъ люди говорятъ,
Всѣ сосѣдушки бранятъ,
Любить Яшкѣ не велятъ!»

Онега. Зап. С. В. Максимовъ.

93.

Научить ли те Ванюша
        Какъ ко мнѣ ходить:
Ты не улицей ходи —
        Переулочкомъ,
Ты не голосомъ кричи,
        Соловьемъ свищи:
Чтобы я млада, младенька,
        Догадалася,
Со бесѣдушки домой
        Собиралася...
Ужь я батюшкѣ скажу,
Я родному ли скажу,
        Голова болитъ,
Ужь я матушкѣ скажу,
Я родимой доложу:
        Не здоровится,
        Худо можется;
А къ милу дружку приду,
А къ любезному приду,
        Здоровешенькой,
        Веселешенькой!

94.

Никакъ невозможно мнѣ безъ печали жить:
Любить дружка можно, нельзя по немъ не тужить.
Вздумаю про милаго—не милъ дѣвкѣ бѣлый свѣтъ.
Не милъ, не милъ бѣлый свѣтъ, бѣжала бъ я въ лѣсъ,
Во лѣсу пользы нѣту мнѣ, все листья шумятъ:
Шумятъ, шумятъ, листья ли пошумливаютъ,
А намъ съ тобой, миленькій, разлуку они даютъ,
Разлука, разлучница чужа дальняя сторона,
Ходилъ-гулялъ молодецъ по темнымъ по лѣсамъ,
Стрѣлялъ разъудаленькій по частымъ по кустамъ,
Застрѣлилъ онъ дѣвицу въ ретивое во сердце!
Не опасайся, дѣвушка, любя тебя застрѣлилъ:
Не стой, не стой, красная, подъ частымъ подъ кустомъ,
Подъ частымъ подъ кустомъ съ инымъ молодцомъ.
И не тошно, и не тошно, что ты съ инымъ стоишь,
А больше досадно, про что говоришь,
Клялася ему, божилася: право, ево не люблю,
Право не люблю—за тебя замужъ пойду.

95.

Куревушка, курева
Закутила, замела,
Закутила, замутила
Всѣ дорожки, всѣ пути:
Нельзя къ милому идти!
Пошла отъ двора—
Съ милымъ свидѣлася.
На ключъ по воду пошла—
Поздоровалася:
«Здравствуй, миленькой дружокъ!
Ко мнѣ въ гости, гости,
Да подальше садись:
Ужь какъ нынѣшніе люди
Догадливые, переватливые:
Намутятъ, намутятъ,
Съ тобой, милый, разлучатъ.»

Архан. Губ. Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

96.

Ужь ты зимушка-зима
Закурила да замела
Всѣ дорожки, всѣ лужки;
Негдѣ Соничкѣ пройтить:
Ишла Соня стороной,
За ней парень молодой,

Кричитъ: «Соничка, постой,
А Софьюшка подожди!»
«Съ стороны на насъ глядятъ,
Меня дѣвушку бранятъ.
И чужія и свои
Все подруженьки мои.»

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

97.

Леталъ соколикъ,
Соколъ высоко;
Бѣлая лебедушка
Еще выше ево.
Соколъ въ лебедушки
Выспрашиваетъ:
«Гдѣ же ты, лебедушка,
Гдѣ же ты была?»
—«Я была, лебедушка
На синемъ морю».
«Что жь ты, лебедушка
Себѣ видѣла?»
«Видѣла лебедушка
На синемъ морю корабль;
Въ этомъ караблику —
Новый чердачекъ,
Въ этомъ чердачку
Вдовушка живетъ
У этой у вдовушки
Дочь хорошая растетъ.»

98.

Улетаетъ мой голубчикъ да изъ очей моихъ да изъ глазъ;
Я ни мало слезъ я ронила по голубчику по своемъ,
Во слезахъ я просила его, хоть немножко со мной поживи.
«Я бы радъ съ тобой пожити, да злые люди не велятъ.
Но велятъ ли, велятъ душечку, мнѣ милую ли велятъ бросить, позабыть
Я тогда дружка забуду, какъ закроются глаза».

Москва. Зап. П. М. Боклевскій.

99.

Размолодчики, вы молоденьки
Дружки вы мои,
Вы мои!...
Ваши ласковыя
Распріятныя да къ сердцу слова!

Безъ огня да огня
Мое сердце изожгли,
Что безъ вѣтеру
Мои мысли разнесли;
Разнесли вы мысли —
Ахъ! все по чистымъ
Чистымъ полямъ.
По полямъ, что чистымъ полямъ —
По зеленымъ, зеленымъ лугамъ!
По лугамъ!
Кто бы, кто бы, ахъ! мому горю
Пособилъ?
Кто бы, ахъ! со дорожки,
Ахъ! дружка воротилъ!
Воротися—ахъ! воротися, мой любезный,
Дружечикъ назадъ.
Да назадъ! Наглядятся очи ясныя
На дружка въ запасъ!
Я ложилася бѣлой грудью—ахъ! грудью
Грудью на окно—
Я ронила-то, ронила горючія слезы
Слезы за окно!

Москва. Зап. П. М. Боклевскій.

100.

Ахъ, ты ночь же, ночка—
Ночка темная.
Осенняя, долгая!
Молодка, молодка—
Молоденькая;
Головка твоя
Побѣдненькая!
Съ кѣмъ же тебѣ, молодка,
Ночь спать-ночевать,
Ночку спать-ночевать,
Осеннюю коротать?
Лягу спать одна,
Безъ мила дружка;
Безъ мила дружка
Обуяла грусть-тоска.
Грусть-тоска беретъ:
Далеко милой живетъ,
Далече-далече —
На той сторонѣ,
На той сторонѣ,
Неблизко ко мнѣ.
Ходитъ мой милой
Тою стороной.
Машетъ мой милой
Правою рукой,

Ручкой правою,
Шляпой черною—
Перейди, сударушка,
На мою сторонушку.
Я бы рада перешла,
Переходу не нашла;
Переходъ нашла—
Рѣчка глубока,
Рѣчка глубока,
Жердочка тонка,
Тонка-тонка, гнется—
Боюсь переломится,
Знать, тамъ мой милой
Съ иной водится,
Съ иной водится—
Съ красной дѣвицей.

Записана А. А. Григорьевымъ.

101

Во лузяхъ, во лузяхъ зеленыхъ, во лузяхъ
Выростала трава шолковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревые.
Ужь я той травой выкормлю коня,
Выкормлю, выглажу его;
Поведу коня къ батюшку.
«Охъ ты, батюшко, родный мой!
Ты примай слово ласковое,
Полюби слово пріятливое:
Не давай меня за стараго замужъ!
Со старымъ мужемъ гулять не йду,
Про стара мужа постелю постелю:
Въ три ряда каменья накладу,
Во четвертый рядъ крапивы настелю...»
«Со каменьица бока мои болятъ,
Со крапивы бока спрыщевали».

Устьцыльма. Мезен. Уѣзда. Зап. С. В. Максимовъ.

102

Скрою, скрою я окошко,
Скрою, скрою я немножко,
Взгляну, взгляну за окошко:
Бѣжитъ легонькой дѣтинка;
Онъ не въ модѣ, ни въ снарядѣ:

Въ тонкой бѣленькой рубашкѣ,
Въ рукахъ несетъ сыповку,
На плечѣ несетъ винтовку,
Во карманѣ несетъ гусли.
«Не супай, моя сыповка,
Не винтуй моя винтовка,
Не играйте, мои гусли!
Не берите, парня, мысли —
На старой бабѣ жениться:
Стара баба—стара *база*,
Стара баба низкоглаза,
Низкоглаза—нѣту глаза.
Рѣдкозуба—нѣту зуба!»

Устьцыльма. Мезен. Уѣзда. Зап. С. В. Максимовъ.

103

Подговаривалъ Иванъ
Къ *себѣ* Дуню ночевать:
«Ты ночуй, ночуй, Дуняша,
Погости, голубушка!
Ты ночуешь и учуешь...
Подарю, Дуня, тебѣ,
Подарю Дунѣ сережки серебряныя,
Я вторыя золотыя со подвѣсочками!»
На то Дуня соглашалась,
Ночевать съ Ваней осталась.
Ложилася Дуня спать
На Иванову кровать.
Дунѣ мало спалось,
Много во сняхъ видѣлось;
Привидѣлся Дунѣ сонъ:
«Мой-отъ миленькой идетъ,
Какъ ясенъ соколъ летитъ;
Съ горенки во горенку похаживаетъ,
Онъ сапогъ о сапогъ поколачиваетъ
Онъ къ дуняшиной кровати приворачиваетъ,
Изъ окошка въ окошко посматриваетъ.
Каленкоровы завѣски раздергиваетъ.
Не будите молоду рано-рано поутру,
Разбудите молоду, когда солнышко взойдетъ.

Дерев. Березникъ. Мезен. Уѣзда. Зап. С. В. Максимовъ.

104

Бражка ты, бражка моя,
Да-и-и-ихъ-и!
Дорога бражка поссучена была,
Да-и-и-ихъ-и!

На ручью-то бражка смоченая,
Да-и-и-ихъ-и!
На полатяхъ разсоложенная!
Да-и-и-ихъ-и!
Да на эту бражку нѣту питуховъ,
Да-и-и-ихъ-и!
Нѣтъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ у нась!
Да-и-и-ихъ-и!
Я послѣ мужа во честномъ пиру была.
Да-и-и-ихъ-и!
Со боярами стольничала!
Да-и-и-ихъ-и!
Сопротиву холостаго сидѣла,
Да-и-и-ихъ-и!
Супротиву на скамеечкѣ!
Да-и-и-ихъ-и!
Ужь я пьяная-непьяная была:
Да-и-и-ихъ-и!
Да я не помню, какъ домой сошла
Да-и-и-ихъ-и!
Я кокошничекъ въ рукахъ несла,
Да-и-и-ихъ-и!
Подзатыльни*чокъ* подъ поясомъ.
Да-и-и-ихъ-и!

С. Малошуйское. Онежск. Уѣзда. Зап. волостной писарь Баевъ.

105.

Вы раздайтесь, разступитесь, добры люди,
Вы на всѣ ли на четыре на сторонки,
Покуль батюшко меня замужъ не выдалъ,
За того ли за дѣтинку, за невѣжу.
Во кобакъ *иде* невѣжа—скаче, пляшетъ,
Съ кабака иде невѣжа—кричитъ-вопитъ,
Къ широку двору приходитъ—кричитъ-голчитъ,
За колечушко берется—восклицаетъ:
«Еще въ домѣ ли жена да молодая?
Отпирала бы широкія ворота!
Поскорешеньку съ постелюшки вставала.
Я покрѣпче ворота запирала,
Посмѣлѣе съ невѣжей говорила:
«Ты ночуй, ночуй, невѣжа, за воротами;
Тебѣ мягкая постель—бѣлая пороха,
Высоко тебѣ зголовье—подворотня,
Шитой-браной положекъ—буйный вѣтерочекъ.
Я тогда же у невѣжи поспросила:
«Каково же тебѣ, невѣжа, за воротами?
Таково же мнѣ, младой, и за тобою,
За такою за дурацкой головою».

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

106.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкой, славной, долгой!
Стоялъ теремъ, теремочикъ
Со крутымъ, краснымъ крылечкомъ,
Со *косявчатымъ* окошкомъ;
И въ томъ ли теремочкѣ,
Сидѣлъ душечка молодчикъ;
Ото сну ли онъ пробужался,
Ключевой водой умывался,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцомъ утирался,
Въ чистомъ зеркальцѣ смотрѣлся,
Красотѣ ль своей дивился:
Красота ли моя, красотка,
Красота ли моя молодецкая!
Что единымъ я только погубился —
Молодешенёкъ женился!
Ужь я взялъ же жену упряму,
Что й упряму жену, угрюму.
Куды пошлешь—ей не дождешь,
Хоша дождешь—не допросишь,
Хоша скажетъ—все неправду,
Все неправду—все не сущу.

Устьцыльма. Мезенск. Уѣзда. С. В. Максимовъ.

107.

Летѣлъ голубь,
Летѣлъ сизой
Со голубушкою.
Шелъ удалецъ-молодецъ
Съ красной дѣвицею.
Позади идутъ товарищи, высматриваютъ,
Высматриваютъ, приговариваютъ,
Какъ бы эта бы голубушка
У голубя была,
Какъ бы эта да голубушка
Подъ голубя легла.
Ахъ, шишь! голубь не мой,
Полетай, голубь, домой,
Ко голубушкѣ своей
Сизой голубь ворковалъ
Голубушку цаловалъ.
Голубушка ворковала
Голубчика цаловала.

(Подгородная. Арханг. въ Кеѣ-островѣ).

108.

Въ саду, саду
Въ зеленомъ саду
Соловей свищетъ.
Молодой чокъ-чокъ.
Ещо охти мнѣ
Гореваньице,
Доброму молодцу
Неженатому
Кудреватому.
Еслибъ были у меня
Молодца крылушки,
Да сизыя перушки
Полетѣлъ бы я
Подъ высокъ теремъ,
Подъ окошечко.
Посмотрѣлъ бы я
Какъ дѣвушки плачутъ
Замужъ идучи
За стараго мужа.
Какъ и старый мужъ,
Погубитель мой,
Погубилъ мою
Буйну голову,
Косу русую
Золотой косникъ
Съ алыми лентами
Съ прозументами.

Сабурово. Малоарх. у. сент. 1858 г.

109.

На горѣ растетъ калина,
Подъ горою малина.
Молодая дѣвчоночка
Молодчика любила;
Взяла его за рученьку
Всю ночку водила
Всю ночку до свѣточку.
На дворѣ бѣлая заря,
На дворѣ бѣлая заря
Дѣвчоночки спать пора.
Выходила красная дѣвка
На свое новое крыльцо;
Простужала красна дѣвка
Свое бѣлое лицо.
Хорошо тебѣ, дѣвица,
По горенкѣ ходити

Да и мнѣ ли, молодчику,
На морозѣ стоюмчи;
Ко морозу ножки стынутъ.
Снѣжокъ бѣлый выпадалъ,
Снѣжокъ бѣлый выпадалъ,
Дороженьку заметалъ.

Сабурово. Малоарх. у. сент. 1858 г.

110.

На горушки калина
На горушки люба, люба калина,
Подъ горою малина.
Тамъ дѣвушка ходила,
Калинушку ломала,
Во пучочки вязала,
На дорожку бросала,
Въ казака попала.
«Казаченька молодой,
«Куда ѣдешь во походъ?
Возьми меня съ собою,
Зови меня женою,
А я тебѣ угожу:
Коня тваво напою
Овса, сѣна заложу;
Еще тебѣ угожу:
Постелюшку постелю,
Взголовьице положу.
Поцалую, обойму.

Сабурово. Малоарх. у. сент. 1858.

111.

«Для кого жъ ты, моя расхорошая, очень-модно ходишь?
Для котораго, моя расхорошая, ты лицо наводишь?»
«Я лицо ли наводила, майора любила—
Я майора, дѣвушка, любила, парня молодова;
Со которымъ я прежде водилась, вечоръ разбранилась:
Разбраночка была небольшая, во глаза ругала,
Я во глазушки дружка ругала, подлымъ называла—
«Ужь ты *подлый* и разнегодный, злое твое сердце;
Ужь ты злое, злое, ретивое у маво милова.
Сижу я, дѣвка, съ ночи до полуночи до втораго часу;
Сижу я, дѣвка, дѣвка, сиротою, залилась слезою,
Залилася дѣвушка слезою—ко мнѣ милъ ногою.
Восходило солнышко высоко—живетъ милъ далеко;
Восходило солнышко пониже—живетъ милъ поближе.

Сабурово. Малоарх. у. сент. 1858.

112.

Подъ горою вѣтеръ вѣетъ,
Дѣвчонычка ржицу сѣитъ,
Она сѣитъ высѣваетъ, драгунъ дѣвку умоляетъ:
Пойдемъ, дѣвка, пойдемъ съ нами, съ молодыми драгунами,
Будемъ жити поживати, съ отцомъ-матерью шинковати,
Твоя мати чиривница, а сестрица разлучница:
Разлучила насъ съ милою, какъ рыбицу со водою,
Бѣлую щуку со окунцами, красную дѣвку съ молодцами.

Сабурово. Малоарх. у. сент. 1858.

113.

Дѣвица садочкомъ шла,
Раскрасавица зелененькимъ,
Въ правой рукѣ розовый цвѣтокъ,
Во лѣвой рукѣ нѣмецкой иверокъ (вѣеръ).
Дѣвка иверомъ помахиваетъ
На *ией* молодецъ поглядываетъ,
Изъ рѣчей выговариваетъ.
«Ахъ, ты нѣжна, манежна моя,
Старопрежна любезна была,
Красота неучененная твоя!
Ужь семь я бесѣдъ испрошолъ,
Тебя лучше и краше не нашелъ!
Хоша лучше и краше тебя есть,
На моемъ сердце желанной такой нѣтъ!
По тебѣ ли, моя любушка,
По тебѣ, моя любушка,
Душа красная дѣвушка!»

Устьцыльма. Мезенск. у. Зап. С. В Максимовъ.

114.

Заходилъ бы я, загулялъ бы я
По три дня, по три ночи по рынку:
Заискалъ бы я красну дѣвицу ягодинку,
Даровалъ я опояску шведскаго
Бархату нѣмецкаго.
Упадала, припадала,
По карманамъ полагала;
Нашъ-отъ милъ
Почему жь онъ былъ
Чистаго желтаго шелку.
Желтыя кудри завивались,
Красны дѣвицы разыгрались,

Тѣмъ кудрямъ дивовались
Тѣмъ кудрямъ молодецкимъ,
Тѣмъ старикамъ заонежскимъ,
Тѣмъ креополамъ-разнополамъ.

Арханг. губ. Зап. С. В. Максимовъ.

115.

Ходила дѣвушка по берегу,
Сажала дѣвушка ярый хмѣль,
Сажала она, приговаривала:
Рости хмѣль по тычинкѣ вверхъ,
Безъ тебя брагушки не водится,
Добрые молодцы не женятся,
Красныя дѣвицы замужъ не йдутъ.
Вздумала Дуняша—замужъ пошла.
Теща по зятя пирогъ спекла,
Соли да муки на четыре рубли,
Сахару, изюму на восемь рублей,
Стоилъ пирогъ во двѣнадцать рублей.
Зять-то былъ смѣлъ, за присѣстъ это съѣлъ
Теща по горенкѣ похаживала,
Часто на зятя поглядывала.
«Какъ тебя, зятюшко, не розорвало?»
— Зачѣмъ меня, матушка, подчивала?
Придешь ко мнѣ, матушка, я честь отдамъ
Въ четыре дубины березовыя,
Пятый кнутъ, по заказу гнутъ...
Рвалась, рвалась, насилу вырвалася,
Бѣжала, бѣжала, насилу ушла.
Зять-то у воротъ съ поклономъ зоветъ.
«Скажите, ребята, со вчерашняго пьяна,
Съ пива да съ вина, болитъ спина-голова,
Съ сладкаго меду-то я вся больна».

116.

Я по дѣвицу пошелъ,
Я по красную пошелъ,
Зайду съ бочка,
Погляжу съ личка,
Быть не яблочка,
Кая дѣвица хороша,
Кая истонка-высока,
Кая избѣла-бѣла
Безъ румянецъ румяна,
Безъ платья толста,
Безъ башмаковъ высока.

Тую я возьму,
За собой поведу.
Я своей назову.

Арханг. губ. Зап. С. В. Максимовъ.

117.

Отъѣзжаетъ любезный въ дорожечку,
Хоть не въ дальную, да въ печальную.
Не далешенько, да, жаль, тошнешенько.
Не воротишься—я помру съ тоски;
Надорвется мое сердце плачучись—
Все тебя, мой другъ, вспоминаючи
Изъ дорожечки да дожидаючи.
Вспомяни, мой любезный! во дороженькѣ
Живучись на дальней на сторонушкѣ —
Ужь какъ я тебя вспомяну всегда,
Ужь я вспомню ласки дружка милаго,
Ласковы слова, къ сердцу пріятныя.
Не сиди-ко, дѣвушка, поздно вечеромъ,
Поздно вечеромъ одна
Не просиживай до полуночи,
Ты не жги-ко, не жги свѣчи сальныя;
Вовторыхъ-то не тай воску ярако.
Я не гость пришелъ, не гостить къ тебѣ:
Пришелъ, душечка, къ тебѣ проститися,
За любовь твою да поклонитися;
Позволь, душечка, мнѣ женитися.
«Ты женись-ко, женись, дуракъ безсовѣстный!
Ты возьми-ко, возьми, ково я велю,
Ково я велю, ково я люблю:
Ты возьми-тко, мою подруженьку
Сестру названную!»
«Мнѣ подружку взять —
Будешь гнѣвъ держать,
Будешь гнѣваться.
Мнѣ-ко взять, не взять
Самоё тебя,
Самоё тебя, мою подруженьку».

Кемская С. В. Максимовъ.

118.

Какъ во полѣ могилушка стеитъ,
На могилушкѣ тѣло бѣлое лежитъ,
Все солдатское.
Тамъ лежитъ же, тамъ убитый лежитъ,
Онъ убитый, весь израненный,
Изрубленный, изстрѣлянный.

Ноги, руки—на четыре штуки,
Во головушкѣ стоитъ крестъ златой;
Во рукахъ-то держитъ книжечку,
Во ногахъ-то стоитъ добрый конь.
Конь копытами землю бьетъ,
Охъ, да и бьетъ же, добивается,
Своего пана добужается:
Охъ, да ты устань, устань, нашъ панъ!
Хотя встать ты не встанешь,
Хоть головушку подними,
Своему коню дорожку укажи.
Ахъ, да панъ устать-то не всталъ,
А головушку поднялъ,
Своему коню дорожку указалъ,
«Ты бѣги, конь, все дорогою, все широкою,
Прибѣги, конь, ты ко новымъ воротамъ;
Охъ, ты бей копытами ворота.
Охъ, да и выйдетъ къ тебѣ
Старая барыня,
Моя мать родная;
Охъ, да возьметъ тебя за шелковы повода,
Поведетъ тебѣ во конюшеньку,
Дастъ тебѣ сѣна и овса,
Потомъ станетъ тебя спрашивать
Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Охъ, да гдѣ свово пана убилъ?»
Онъ не убитый тамъ лежитъ
Среди поля при поляночкѣ,
Панъ нашелъ себѣ земляночку.

119.

Во теремѣ дѣвица сидитъ,
Ожерельице жемчужное садитъ.
Разсыпала ожерельице
По всему высоку терему
Не собрать, не собрать жемчужку,
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ,
Ни братцамъ, яснымъ соколамъ,
Ни сестрицамъ, бѣлымъ лебедямъ.
Соберетъ, собетеръ жемчугъ
Удалой добрый молодецъ
Съ душой красной дѣвицей.

Арханг. губ. Зап. С. В. Максимовъ.

120.

Спится мнѣ младой, дремлется
Клонитъ, клонитъ головушку на подушку спать

Свекоръ идетъ по новымъ сѣнямъ
И стучитъ и грючитъ и кропочится:
...... ты, невѣстища,
Сонливая, дремливая, неурядливая.
Спится мнѣ, младой дремлется
Клонитъ, клонитъ головушку на подушку спать.
Батюшка идетъ по новымъ сѣничкамъ
Тихохонько, смирнешенько, рахманешенько.
Дитятко мое милое
Занужено, позагнано во чужихъ людяхъ.

Сабурово. Малоарх. у.

121.

Цвѣтики, цвѣточки,
Лазуревы мои!
Что же вы не весело,
Цвѣтики цвѣли?
Или вамъ дожди-то
Были очень малы,
Лютые морозики
Крѣпко студены?
На эти на цвѣтики
Палъ мéленькій дождь.
Не дали со миленькимъ
Подóльше гулять,
Подольше гулять,
Рѣчей поговорить,
Личному любезному
Въ очи напѣнять:
Что долго не женишься,
Миленькій дружокъ?
Меня раскрасавицу
Замужъ не берешь?
«Дѣвица, красавица,
Душенька моя:
Жизнь наша нетлѣнная,
Во свѣтѣ красота:
И радъ бы я женился,
Удалой молодецъ,
Мнѣ волюшка не даетъ,
Мать благословеньица
Вовсе не сулитъ;
Всей родней-породой
Молодца бранятъ;
Тебя, раскрасавицу,
Взять-то не велятъ!
Приложу старанье,
Любезна, для тебя:
Возьму черезъ лѣтико
Замужъ за себя.»

Рощица зеленая,
Кудрявая моя!
Во этой во рощицѣ
Горенка стоитъ:
Во этой во горенкѣ
Дѣвушка сидитъ,
Сидитъ раскрасавица,
Пѣсенки поетъ,
Жалобно, любезная,
Причитываетъ:
«Что пошли за годики,
Пошли времена!
Сушатъ, крушатъ дѣвицу
Дальны города;
Паче раскрасавицу.
Прежни друговья:
Сулился мой миленькій
До вѣку любить,
До вѣку, до жизни,
До смертнаго часу:
Ноньче, мой миленькій,
Бросилъ, позабылъ;
Бросивши, забывши,
Иную полюбилъ.

Бѣлое Море. Зап. С. В. Максимовъ.

122.

Кому счастьице, кому, братцы, два,
А мнѣ молодцу, нѣту ни (о)дного.
Что приходитъ ли ночка темная,
Ночка темная, время долгое.
Лягу, лягу я, лягу ни усну,
А устану я рано поутру.
Выйду, выйду я, выйду за ворота.
Подымалися вѣтры буйные,
Взволновалися тучи грозныя
Изъ-подъ тѣхъ подъ тучъ три младца идутъ;
Первый молодецъ, онъ парадъ несетъ;
Другой молодецъ, онъ коня ведетъ;
Третій молодецъ, онъ ружье несетъ.
Перходили они чрезъ Дунай рѣку,
Чрезъ Дунай рѣку, на круту гору.
На круту гору, къ широку двору,
Къ широкому двору, къ самому царю.

Сабурово. Малоарх. уѣзда. Сент. 1858.

123.

Вы сады ль, мои садочки,
Цвѣли яблонь да въ саду цвѣточки!
Цвѣли алы, стали вялы.
Я по садику съ дружкомъ гуляла,
Цвѣлы алы сорывала,
Я вѣночикъ завивала,
На головку дружку надѣвала.
Сама дѣвка слезно воздыхала.
«Ну, чего же ты, дѣвка, плачешь?
-Ну, да какъ же мнѣ дѣвкѣ не плакать:
Жили съ милымъ дружкомъ тайно—
На народѣ стало явно.
Ну, да кто жь милой выноситъ.
Отцу съ матерью доноситъ,
Или милый, или *ба* постылой,
Или милова шельма женища,
Или ближняя шельма сосѣдка.»

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. сент. 1858.

124.

Не свивайся, не свивайся трава съ повеликой!
Не свыкайся, не свыкайся молодецъ съ дѣвицей.
Хорошо было свыкаться, тошно разставаться.
Во чистомъ полѣ при долинѣ стояло тамъ древо,
Это древо, это древо—березушка бѣла.
Она тонка и высока, листикомъ широка;
А на той ли на березѣ сидѣлъ сизъ голубчикъ,
А ни сизенькой голубчикъ, завдалой молодчикъ.
Передъ молодцомъ дѣвица стоитъ, слезно плачетъ.
Парень дѣвку унимаетъ, слезы утираетъ.
Не плачь дѣвка, не плачь красна, не плачь, расканалья!
Буду дѣвку, буду больно бити при міру-народу,
При всемъ міру при народѣ, въ большомъ хороводѣ.
Тебѣ дѣвкѣ будетъ стыдно, а мнѣ младцу, обидно,
А другимъ дѣвкамъ наука, намъ съ тобой разлука.
Разлучила насъ неволя—чужая сторонка
Чужа-дальняя сторонка, замужняя жонка.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда.

125.

Голова ль, моя головушка,
Голова ль ты моя игриливая,
Игриливая и шутливая.
У моей головушки, да нѣту заботушки
Да нѣту заботушки

Никакой родни
Ни родной сестры;
Только есть у меня
Одинъ милый другъ
Да милая ладушка
Да бѣлая ластушка.
Онъ ложился спать
Ко мнѣ на кровать
Не по людскому,
По дурацкому:
Ко стѣнѣ лицомъ,
Ко мнѣ спинкою,
Поясницею.
«Ужь ты милый другъ,
Обернись ко мнѣ!
Семъ обнимемся,
Поцалуемся,
Побалакаемъ
Про тебя, про меня,
Про твою-то .....:
У твоей .....
Суровый подолъ,
А у меня младой
Аллиной (*) подолъ
Еще строченый,
Шитъ бумагою
Да синими нитками;
Косы *люшками*
И съ дробнушками.

Сабурово. Малоарх. уѣзда.

126.

Калинушка съ малинушкой лазуревый цвѣтъ,
Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшко пьетъ.
Онъ пить не пьетъ, голубчикъ мой, за мной младой шлетъ.
А я млада младешенька замѣшкалася
За утками, за гусями, за лебедями,
За мелкою за пташечкой, за журушкою.
Какъ журушка-та по бережку похаживаетъ,
Шелковую онъ травушку пощипливаетъ.
Студеною водицею захлебываетъ.
За рѣкою за быстрою четыре двора:
Въ этихъ-то во дворикахъ четыре кумы.
Вы кумушки-голубушки, подружки мои.
Кумитеся, любитеся, любите меня...
Пойдете вы въ зеленый садъ—возьмите меня,
Вы станете цвѣточки рвать—нарвите и мнѣ,

---

*) Льняной.

Вы станете вѣночки плесть—сплетите и мнѣ,
Пойдите вы на рѣченьку—возьмите меня,
Вы станете вѣнки бросать—вы бросьте и мой;
Какъ всѣ вѣнки поверхъ воды, а мой потонулъ!
Какъ всѣ дружки домой пришли, а мой не бывалъ!

127.

Поиграйте вы, дѣвушки,
Повеселитесь, голубушки,
Во своей волѣ у батюшки,
Что во нѣгѣ у матушки,
Во прохладѣ у братлецовъ!
Неравно замужъ выйдется,
Неравенъ чортъ навяжется,
Не ровенъ накачается:
Либо старое уродливое,
Либо молодо спѣсивое,
Либо вровню упрямчивое!
У меня, младой, старый мужъ
Поперегъ постели лежитъ
Во супоръ со мной рѣчь говоритъ,
Раздѣвать, разувать велитъ,
Балахонъ съ плечъ стягивати
И оборы разматывати!
Что не та въ полѣ ягода цвѣла,
Не того отца дочь была,
Не тою была у матушки,
Чтобъ мнѣ стараго разувать!
У меня руки бѣлыя—
У него ноги грязныя;
На рукахъ перстни злаченыя—
Что мои ручки загрязнятся,
Перстеньки поломаются!
Я пойду, млада, въ торгъ торговати
По обычаю товара купить:
Я за камешекъ три денежки дала,
За цѣпочку цѣлый алтынъ;
Навяжу стару на воротъ,
Я спущу стара на воду,
А сама взыду на гору,
Посмотрю на стара старика,
Каково старый плаваетъ:
Се рука, се нога вверху,
А буйной головой ко дну!
Да какъ взмолится старый мужъ:
«Ужь ты, душка, женушка,
Перейми старика изъ воды!
Ужь я радъ на тебя работать,
По три утра сырой ржи молоть,
По три дни не завтракати,

По четыре не обѣдывати,
Ужь я радъ годовалые житники ѣсть,
Троеденную кашу хлебать».

128.

Изъ-подъ камушка быстра рѣчка течетъ,
По бережку добрый молодецъ идетъ;
Онъ садился на ворона коня,
Уронилъ онъ черну шляпу съ головы...
«Подними ты, моя милая жена».
«Мнѣ поднять шляпу не хочется,
Покориться охоты нѣтъ».
Пойду млада во зеленый садъ гулять,
Спрошу ль я младаго соловья:
«Ты скажи, молодой соловей:
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?»
Какъ сказалъ молодой соловей:
«Воля, воля краснымъ дѣвицамъ гулять,
Молодушкамъ миновалася гульба!
Погулять тебѣ, дѣвица,
У роднаго батюшки».

129.

Ой вы се́стрицы ли, вы подружки,
Вы не знаете маво горя,
Горюшка моего великаго,
Про моего про дружка про милова
Про сердечнаго, дарагова.
Ну, да кто кого вѣрно любитъ,
Черезъ три поля гулять ходитъ,
Во бесѣдушку милъ заходитъ.
Бесѣдушка была веселая,
Хозяюшка была молодая,
Душа красная все дивчонка;
Во дѣвчоночкѣ черны брови,
Во молодца ли кудри вьются,
Во дѣвчоночки слезы льются.

Сабурово. Малоарх. уѣзда.

130.

Сторона ль ты моя, сторонушка, сторона чужая!
Незнакомая далбняя сторонушка! не самъ я заѣхалъ:
Занесла меня, раздобраго молодца, занесла нево́ля,
Что неволя ль, неволя большая, красная дѣвка,

Что зашолъ, зашолъ, заѣхалъ я, зашелъ воспроситься:
«Ты позволишь, моя разлюбезная, позволь мнѣ жениться»,
Ты женись, женись, разбестія, женись, чортъ съ тобою!»
Ты бери, бери, разбестія, бери себѣ ровню,
Со которою мою подруженькой я гулять ходила».

Сабурово. Малоарх. уѣзда.

131.

Коровать ты моя, короватушка!
Запустѣла коровать безъ мила дружка,
Безъ мила-то дружка, безъ сердешнова.
«Ну, куда жь ты мой другъ собираешься?
Во новые сапоги обуваешься,
Во зеленъ ты кафтанъ одѣваешься,
Ну со мной со маладой не пращаешься.
Провожу жь я дружка черезъ три поля,
Черезъ три-то поля, поля чистыя
Черезъ три-то моря, моря синія.
Какъ и вся-то Москва вздивовалася:
Ну да кто жь тамъ въ саду распрощается?
Или мужъ-то съ женой, или братъ съ сестрой,
Или молодецъ ли съ красной дѣвушкой?

Сабурово. Малоарх. уѣзда.

132.

Ты сударушка моя,
Вечѳръ былъ я у тебя,
Не узнала ты меня,
Не узнала—опознала,
Отъ себя прочь отсылала!
Какъ мое сердце болитъ,
Отойти прочь не велитъ,
Не велитъ прочь отойти,
Велитъ дѣвицу любить,
Во деревнюшку ходить.
Что деревня отъ деревни
Не подалеча стоитъ,
Промежду рѣчка бѣжитъ,
Только жердочка лежитъ.
Я по жердочкѣ шла,
Я по тоненькой, по еловенькой.
Тонка жердочка гнется,
Да не сломится.
Хорошо съ милымъ водиться,
Да не стошнится;
Хошь и стошнится,
Разгуляюся пойду!

Пойду выйду, молода,
За новыя ворота,
За новыя кленовыя,
За рѣшетчатыя.
Выпускала сокола
Изъ правова рукава;
На полетикѣ соколику наказывала:
«Ой лети, лети соколъ,
Высоко и далеко
На родиму сторону;
На родимой на сторонкѣ
Грозенъ батюшка живетъ,
Онъ грозенъ, сударь, грозенъ
Да немилостивъ:
Не велитъ младой ходить
Поздно вечеромъ одной.
Я не слушала отца,
Спотѣшала молодца,
Я за то его спотѣшу,
Что одинъ сынъ у отца,
Зародился въ молодца;
Завутъ Ванюшкою
Пивоварушкою.
Пивоваръ пиво варилъ,
Зелено вино курилъ,
Красныхъ дѣвушекъ манилъ:
«Вы пожалуйте, дѣвицы,
«Во пивоварню во мою:
«На моей пивоварнѣ
«Пиво пьяно на ходу,
«Сладка водка на меду.

Холмогоры. С. В. Максимовъ.

133.

Разнесчастная Дунюшка зародилась,
Что тоска-печаль Дунюшкѣ приключилась.
Куда Дунюшка ни пойдетъ, все горе за ней;
Куда Дунюшка ни пойдетъ, все журятъ-бранятъ,
Что журятъ-бранятъ Дунюшку все плакать велятъ.
Что поплачь, поплачь, Дунюшка, по своемъ горѣ,
По своемъ горѣ, Дунюшка, по миломъ дружкѣ,
По миломъ дружкѣ, Дунюшка, по Иванушкѣ.
Ты, Иванушка, душечка, задушевный другъ,
Задушевный другъ Дунюшки, во неволюшки.

Сабурово. Малоарх. у. сент. 1858 г.

134.

Ивáнушко травку косилъ —
Косы поломалися,
Во кусты бросали.
Не подай, Боже, погоды
Изъ-за темна лѣса!
Что сказали про дѣвицу
Небыль-небылицу
Будто я, красна дѣвица,
По молодцѣ тужу...
«Не тужи, красна дѣвица,
Тебя не забуду:
Случай будетъ въ Питеръ ѣхать—
Привезу подарокъ—
Золото колечко,
Золото ли то колечко—
Ко красну крылечку;
Пойдешь-выйдешь на крылечко—
Брякнешь во колечко;
Стукнешь, брякнешь во колечко
Растоскуется сердечко,
Заплетешь тоску-кручину
Коню въ сиву гриву;
Сивой-ивой конь подкнется—
Грива растрехнется,
Сива грива растрехнется—
Тоска распадется!
Разойдись тоска-кручина
По чистому полю!
Заростай тоска-кручина
По чистому полю!
Заростай тоска-кручина
Травой-муравою,
Травой, травой муравою
Разными цвѣтами.
На улицѣ три молодца
Совѣтъ совѣтàли,
Совѣтъ, совѣтъ совѣтàли
Жеребій метали:
Кому деньги, кому платье,
Кому красна дѣвка.
Доставались деньги Мишкѣ,
Цвѣтно платье Гришкѣ,
Доставалась красна дѣвка
Дружку Иванушкѣ.
Пошелъ Гришка, осердился,
Съ Мишкой не простился;
А Ванюша удалой
Пошолъ, веселился.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

135.

Горка ты, горка,
Горушка крутая,
Трава шелковая.
Да по той ли по горкѣ
Удалой молодецъ ходитъ
Во скрипку играетъ,
Короля забавляетъ.
Послушайте, люди,
Что въ городѣ баютъ:
Ребятъ продаваютъ
Купцы закупаютъ,
Девять на денежку
Десятаго на придачу.
Горка, ты горка,
Горушка крутая,
Трава шелковая
Да по той ли по горкѣ
Удалой молодецъ ходитъ,
Во скрипку играетъ,
Короля забавляетъ.
Послушайте люди,
Что въ городѣ баютъ:
Дѣвокъ продаваютъ
Купцы закупаютъ,
Дѣвка по сту рублей
Коса по тысячи,
Косники—смѣты нѣту.
На ребятъ смерти нѣту,
На бабъ погибели.
Чтобъ онѣ погинули.
Мужья останутся,
Они намъ достанутся.

Сабурово. Малоарх. у. сент. 1858 г.

136.

Ой Дунюшка
Фомина
По бережку
Ходила,
Правой ногой
Дуня топнула;
У Дунюшки,
У Дунюшки
Сердечушко ёкнуло.
Звали Дуню
На базаръ
Покупочки

Покупать.
Куплю Дунѣ
Сарафанъ
Носи Дуня,
Не марай,
Въ коробочку
Замыкай.
Раскурвинъ сынъ
Тараканъ
Сточилъ Дунинъ
Сарафанъ.

Сабурово. Малоарх. сент. 1858 г.

137.

Шли молодцы изъ Новагорода,
Дѣвица на улицѣ встрѣтилася;
Всѣмъ молодцамъ по поклону роздала,
Одному молодцу пониже всѣхъ,
Для того пониже, что удалой молодецъ.
Сталъ молодецъ дѣвку спрашивати:
«Какъ тебя, дѣвица, по имени зовутъ,
Какъ звеличають по отчеству?»
«Меня батюшка засѣялъ,
Родна мать родила,
Меня попъ крестилъ,
Окулина имя далъ!»
— «Дѣвушка, Окулинушка!
Нейдешь ли, дѣвушка, замужъ за меня?
Есть у меня горенка нова,
Во горенкѣ во новой
Стоитъ столикъ дубовой,
Рюмочки наливаться хотятъ,
Рюмочки походя говорятъ!»
На сѣняхъ, на сѣняхъ молода вдова живетъ,
Вдовушка по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Пяла на рученькахъ понашиваетъ,
Шила, вышивала тонко бѣло полотно,
Вышила рубашку—косой воротокъ,
Вышила рубашку, ко батюшкѣ пришла:
«Что батюшка родной, ты подумай-погадай:
Замужъ ли идти, во вдовахъ ли мнѣ сидѣть?»
—«Дитятко, дитя, дитя милое мое,
Замужъ не ходи, во вдовахъ не сиди.
Поди, поди, дитятко, въ дѣвичій монастырь».
—«Что батюшко родной, ты подумай-погадай:
Въ келью взойду—всѣ кельи разорю,
Старыхъ-то старушекъ вонъ повыгоню,
Молодыхъ молодокъ въ свою вѣру возьму,
Красныхъ дѣвицъ на игрища спущу!»
Сватался на вдовушкѣ изъ-за моря купецъ,

Сказывалъ житья-бытья пятьсотъ кораблей.
Думаю-подумаю за этого пойду,
Умъ-разумъ раскину: не быть дѣлу такъ!
Сватался за Дунюшку съ посада молодецъ,
Сказывалъ житья-бытья пятьсотъ голея. *)
Думала-подумала—пойду за него,
Умъ-разумъ раскину: не быть дѣлу такъ!
Сватался на Дунюшкѣ веселый скоморохъ,
Сказывалъ житья-бытья: свирѣль да гудокъ!
Думаю-подумаю: нейду за него;
Умъ-разумъ раскину—все быть дѣлу такъ:
Когда я сыта, я не сыта, завсегда я весела:
Кто это идетъ? Скоморохова жена!»

Мезенскаго уѣзда. Деревня Березникъ. Зап. С. В. Максимовъ.

138.

Чеботной, чеботной, чеботной молодой,
Ты сошей бошмачки не малы, не велички около ножечки.
Чего малой недостанетъ,
Чеботной зубамъ натянетъ.

Березникъ. Мезенск. у. Зап. С. В. Максимовъ.

139.

Хотите ли, братцы, старину скажу,
Старину скажу, скажу да стародавную,
Стародавную, да небывалую,
Небывалую, да неслыханную...
Я хотѣлъ сказать, да нечево:
Оглянусь назадъ—да слушать некому.
По синю морю да мужички орутъ,
По чисту полю да корабли бѣжатъ,
По запольицу они да ѣзки бьютъ,
Ѣзки бьютъ, да ходятъ рыбъ ловить,
Осетровъ ловятъ да борадатыихъ,
Сороженекъ да онѣ съ рожками
Уклеенокъ **) да его поцѣлоцькахъ ***).

---

*) То-есть гольемъ—чистыми деньгами рублей.
**) Соложенки и уклеенки—мелкія рыбки.
***) Дѣвичья подвязка.

Соколъ идетъ, да пѣшъ дорогою;
Медвѣдь летитъ да по поднебесью,
Во когтяхъ да онъ *несетъ коровушку*
Чернопеструю да бѣлохвостую.
Во бору кобыла, да бѣлку злаяла,
Въ осѣку овца да яйцо снесла,
На дубу свинья, да гниздо свила,
Гниздо свила, да дѣтей вывела,
Малыхъ дѣточекъ, да поросяточекъ:
По сучкамъ сидятъ, да ускочить хотятъ,
Подъ верхъ глядятъ, да улетѣть хотятъ.
Ай за славимъ городомъ за Жорновомъ
Разыгрался мелинъ *) да съ хлопотомъ! **).
Ужь ты хлопотъ, хлопотъ, хлопотушицъ,
Въ высокихъ горахъ, да на печи въ дровахъ,
На печи въ дровахъ да сидитъ богатырь:
Онъ *хринъ* да рѣдечку повыломалъ,
Бѣлу капусту повырубилъ,
Пироги да шаньги онъ полками бралъ,
Ай сказали блины, что въ печи каша есть,
И молочная да наволочная ***)
Какъ за славнымъ городомъ за Ступою,
Толкутъ тутъ бабы стукаютъ;
И пошла у нихъ стрѣльба-пальба,
Стрѣльба-пальба да веретенная
На выручку да поваренкима.
Ай пошелъ у нихъ рукопашный бой
Рукопашный бой да издирихима ****)
Изподѣлали шпаги да все лучинныя;
У нихъ тутъ пошелъ да кровопролитной бой!..

Шенкурскъ. Зап. г. Заринскій.

140.

За дворомъ лужокъ зеленешенекъ,
У меня дружокъ молодешенекъ,
Молодешенекъ-милъ милешенекъ,
Мы пойдемъ во лужокъ, заведемъ кружокъ;
Милый съ гуслями—а я съ пѣснями
Не придутъ гусли противъ пѣсенокъ,
Не придетъ свекоръ противъ батюшки.
Мой-то батюшка—слово вѣрное.
Моя матушка—дума крѣпкая.

---

*) Рукоять у ручной мельницы.
**) Сверчокъ.
***) Покрытая пѣнкою.
****) Повойникъ.

141.

Саша, барыня моя,
Не гнѣвайся на меня,
Что я не былъ у тебя.
Ужь я былъ-побывалъ,
Въ Новѣгородѣ гулялъ,
Тужилъ, плакалъ, горевалъ
Купецкую любилъ дочь
Любилъ ее до поры...
Дунулъ вѣтеръ со горы
Со московской стороны
На купецкіе дворы.
Во купецкихъ во дворахъ
Тамъ дѣвушка хороша
Сашечка душа.

142.

Шло, шло солнышко вдоль по залѣсью,
Катилось красное по затемному
Шла, шла дѣвушка вдоль по застолью,
Роняла слезы на бѣлую скатерть,
Била руки объ дубовый столъ,
Бросила ключи она вдоль стола:
«Нà тебѣ, батюшка, золотые ключи;
Я тебѣ, батюшка, я не клюшница,
Я тебѣ родимой не ларечница,
Ключница, ларечница я лютому свекру,
Лютому свекру да лютой свекровьюшкѣ,
Вѣрный посолъ я дружку своему.

143.

Молодушка молода
Черноброва хороша. Ай ну, ай ну, ай ну
Черной бровью повела
Съ молодцемъ любовь вела. Ай ну...
Въ такую во любовь
Въ горенку повела. Ай...
Изъ горенки въ комнатку,
Изъ комнатки во кроватку. Ай...
Посадила на кровать.
Стала дружка цаловать. Ай...
Ужь, другъ ты милòй,
Поживи, радость, со мной. Ай...
Съ одинокою женой. Ай...

Одинокая жена
Во одиночествѣ жила. Ай...
Много горя видѣла
Цаловала миловала дружка, спрашивала.
Млада хату затопила,
Сама по воду пошла,
Какъ по воду, воду,
На Самару на рѣку.
На Самарѣ, на рѣкѣ
Гуси лебеди сидятъ,
Воду свѣжую мутятъ
Постояла молода,
Устоялася вода.
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко,
Ведерушки подняла,
Зашаталася, пошла.
Скоро на гору взошла.
Какъ на этой на горѣ
Солучилася бѣда:
Загорѣлась слобода.
Ужь на этотъ на пожаръ
Союзжались господа,
Дивовалися пожару,
Ужь чтой-то за пожаръ?
Онъ нежарко горитъ
Выше города политъ.

144.

Шелъ Ваня слободою,
Велъ Дуню за собой.
Дуня рѣчи говоритъ,
Нарядиться велитъ:
Нарядися, мой милой,
Нарядися дорогой.
Носи шляпу на кудряхъ,
Перчаточки на рукахъ.
И я чаяла почаяла,
Я со миленькимъ пожить.
Хорошъ милой уродился,
Онъ не долго поводился,
Разставаться, шельма, сталъ,
Чужу сторону спозналъ.
Чужая сторона
Со миленькимъ мила,
Ай мила, мила, мила
Тамъ сударушка жила,
Сударушка дѣвушка,
Лебедушка бѣлая,
Коса кудриная, бѣлокудриная.
Уже кто кудри кудрилъ—

Я того бы полюбилъ.
Во Казань городъ вступилъ
Плису, бархату купилъ,
И я плису и атласу
Тесову кровать украшу.

145.

Вы туманы, разосенніе часты дожди,
Не пора ли вамъ, туманы, со синя моря долой?
Не пора ли вамъ, ребята, съ разгуляньица домой?
Прошло лѣто, лѣто дорогое, прошла красна вся весна,
Всѣ праздничкн на проходѣ, ко мнѣ милой не бывалъ:
Знать-то мой другъ разлюбезный, знать иную любить сталъ,
Знать иную, размилую Машутку у вдовѣ.
Ты, Машутка, ты шельма Машутка, ты разлучница шельма моя:
Не дала, шельма Машутка, во любвѣ съ милымъ пожить.

146.

Какъ родила меня мать недоростка,
Какъ пустила меня мать недоростка,
Какъ жена-то меня, курва, не взлюбила,
Она въ лѣсъ за калиной заманула
Ко сырому-то къ дубу привязала:
Она девять денёчковъ не бывала,
На десятый день приходила.
«Ты здорово ль, недоростокъ, тутъ пируешь?»
—«Государыня жена! не до пиру:
Комарики головушку източили,
Всѣ дубовыя мнѣ корочки пріѣлись
Вся болотная водица припилася».
«Ужь ты будешь ли, недоростокъ, пущать въ гости?»
—«Государыня жена, ступай вовсе».
«Ужь и будешь ли, недоростокъ провожати?»
—«Государыня жена, хоть до дому».
«Ужь ты будешь ли, недоростокъ кормить хлѣбомъ?»
—«Государыня жена, калачами».
«Ужь ты будешь ли, недоростокъ, поить квасомъ?»
—«Государыня жена, хоть сытою!»

147.

Ахъ ты, вѣрная манерная,
Сударушка моя!
  Ахъ люли, да ахъ люли,
  Сударушка моя!
Ахъ да ты ль, моя сударушка,
  Повысушила...

Безъ морозу, безъ лютаго,
Сердце вызнобила.
Присушила русы кудри
Ко буйнӧй головѣ.
Ай люли, да ай люли,
Ко буйнӧй головѣ.
Ты разсыпала печаль
По моимъ яснымъ очамъ;
Ты заставила ходить
По чужой сторонѣ;
Ты заставила любить
Чужу мужнюю жену.
Какъ чужая-то жена—
Лебедушка бѣлая;
А моя курва жена—
Полынь-горькая трава.
Полынь горькая трава
Во чистомъ полѣ росла,
Во ржи на межи,
На широкомъ рубежи
Изъ ржицы во пшеницу
Перепелочка летитъ,
Что летитъ она летитъ,
Перепархиваетъ.
Какъ изъ терема въ теремъ
Красна дѣвица бѣжитъ,
Ай люли, да ай люли,
Красна дѣвица бѣжитъ,
Что бѣжитъ она, бѣжитъ
Все поглядываетъ.
Ай люли, да ай люли,
Все поглядываетъ.

148.

Чтой-то мнѣ
Матушка спалось,
Много во снѣ видѣлось,
Будто меня конь разносилъ.
Конь разносилъ,
Вороной разомчалъ;
Шапочка свалилась
Съ буйнӧй головы;
Лучёкъ оборвался
Съ правой стороны.
Стрѣлушки посыпались
По сырой землѣ.
«Дѣтушка милая!
Сонъ разскажу,
Тебѣ разслѣзю

Себѣ догрублю (въ скорбь введу):
Конь разносилъ,
Вороной разомчалъ,
То тебѣ, дитятко,
Въ службѣ быть,
Шапочка свалилась
Съ буйной головы:
То тебѣ, дитятко,
Убиту быть;
Лучекъ оборвался
Съ правой стороны:
То твоей жонушкѣ
Вдовушкой быть;
Стрѣлушки посыпались
По сырой землѣ:
То твоимъ дѣтушкамъ
Сиротушками быть».

149.

Охъ да вянетъ, вянетъ
Въ полѣ бѣдная травка,
Она вянетъ безъ дожжа,
Силенъ дожжичекъ намочитъ,
Бѣдная травка отдохнетъ.
Охъ да безъ того ли сердце ноетъ,
Оно ноетъ каждый часъ
То заноетъ, али то застонетъ
И вздохнетъ въ послѣдній разъ.
Пойду я съ горя въ чистое поле
Разгуляюся али во лѣсу.
Охъ да ничего въ лѣсу не вижу,
Кромѣ стадичка овецъ;
Охъ да всѣ овечушки папарно
Бродятъ по лѣсу одни.
Охъ да я горькая несчастная
Одна въ горести живу.
Пойду я въ садикъ,
Разгуляюсь я во саду·
Охъ да ничего въ саду не вижу,
Кромѣ вишенья цвѣтутъ;
Охъ да цвѣтутъ вишенья едрены,
Всѣ слезами облиты,
Охъ да тамъ и листья были милы
Гдѣ я съ милымъ гуляла,
Охъ да гдѣ я съ миленькимъ гуляла,
Много пташечекъ поютъ...
Канареичка моя любезная
Пріутѣшь хоть ты меня.
Охъ да отворю я тебѣ клѣтку—

Лити къ другу моему,
Охъ да прилетай и сядь на вѣтку,
Пропой пѣсенку мою ему.

150.

А въ теремѣ
А въ высокомъ:
Молодецъ дѣвицу
Подговариваетъ,
«Мы пойдемъ, дѣвица,
А въ Казань городъ,
Нашъ Казань городъ
На горѣ стоитъ —
На всей красотѣ,
По горамъ, горамъ
А все каменныя,
Разноцвѣтныя.
Казанка рѣка
Мёдомъ протекла,
Малыя ручеёчки—
Бѣлымъ сахаромъ;
По лугамъ, лугамъ
А все травушка,
Все муравушка,
Все шелковая.»
—«Ахъ бездушной ты!
Добрый молодецъ,
Халаушная
Твоя голова!
Я сама знаю,
Сама вѣдаю:
Нашъ Казань городъ
На горѣ стоитъ, на всей пропасти»;
Казанка рѣка
Кровью протекла,
Малые ручеёчки—
Кровь горючая,
По лугамъ, лугамъ
Ни травушка,
Ни шелковая
Молодецкая».

151.

Зародила Ваню мать
На все горя, на печаль;
Чужихъ людей докучать.
Надокучилъ Ваня, надоѣлъ
Ваня родненькимъ своимъ,

Истрепалъ Ваня сапожки
Ко Дуняшѣ ходючи,
Изодралъ Ваня сюртукъ
По заборамъ лазючи
Па заборамъ, па плетнямъ,
По дѣвичимъ по клѣтямъ,
Истеръ Ваня перчатки,
За колушки держучи,
Згноилъ Ваня картузикъ
Подъ капелями стоючи,
Капелюшки капали—
По немъ дѣвки плакали,
Молодушки рыдали.
Старушеньки ругали,
За что Ванюшку поймали,
Больно на крѣпко связали,
Въ новы сани посадили,
Къ заставѣ падвозили,
Въ ново стуло посадили,
Русы кудри подобрили,
Во пучечки вязали
Ко Дуняшѣ отсылали.

152.

Пошла Варя на задоръ
Раззаборила заборъ.
Приходилъ Егоръ на дворъ,
Егоръ нюхаетъ табакъ,
Зоветъ Варю во кабакъ:
«Ужь ты пей-ко, Варя, чай,
Забывай свою печаль».
—«Я чаю не хочу
И печали не ищу,
Я печали не ищу
Любить тебя не хочу».

153.

Шла Маша изъ лѣсочку,
Гнала стадо лебедей;
На встрѣчь Машенькѣ, Машуткѣ
Шелъ парнишка молодой.
«Здравствуй Машенька, Машутка.
Я давно тебя не видалъ.
Мы пойдемъ душа, Машенька,
Во питейный домъ гулять,
Во питейномъ во домочкѣ
Чаемъ, кофеемъ напою,
Сладкой водкой угощу,

Я словами улещу.»
—«Ты не льсти меня словами.
Не обманывай въ глаза.
Ты почувствуй другъ, Ванюша,
Я за что тебя люблю:
Черезъ тебя, мой другъ Ваня,
Всѣ я горести терплю;
Всѣ я горести терпѣла,
Всѣ досады перенесла.
Я пятнадцать лѣтъ дѣвчонка,
На долинѣ я взросла;
Я отъ солнца, я отъ жара
Лица бѣлость сберегла;
Я отъ вѣтру и отъ бури
Подъ закрытіемъ была,
Отъ худой я славы.
Я не вѣрила подружкамъ,
Что милова дружка жаль;
Я теперьча имъ повѣрю:
Я сама дружка люблю;
Я до тѣхъ поръ любить стану,
Когда скроются глаза,
Какъ закроютъ мои очи
Тонкимъ бѣлымъ полотномъ
Какъ засыплютъ мое тѣло
Желтымъ крупнымъ пескомъ,
Заростай моя могилка
Все травою муравой
И полынькой зеленой;
Ты забудь, забудь милой,
Заводи любовь съ иной.»

154.

Полоса ль моя полосынька,
Полоса ль моя непаханая,
Полоса ль моя непаханая,
Не пахана, не барнована.
Заросла моя полосынька
Чистымъ ельничкомъ-березничкомъ,
Молодымъ горькимъ осинничкомъ.
Я по ельничку рыжички брала,
По березничку березовы грибки;
Я брала, брала, аукалася:
Откликались пастушки, мои дружки,
Моего батюшки работнички,
Моей матушки помощнички...

155.

На улицѣ, на улицѣ,
На улицѣ бѣлъ козелъ

Бѣлъ козелъ, бѣлъ козелъ.
Скочилъ козелъ въ огородъ,
Въ огородъ, въ огородъ,
Стопталъ козелъ лукъ-чеснокъ,
Одной травки не стопталъ,
Одной травки—муравой.
Шла дѣвица за водой
За холодной ключевой;
Брала козла за рога:
Поведу я на базаръ,
Промѣняю на товаръ,
На алыя румяна,
На бѣлыя бѣлила...
«Отчего же ты ала?»—
—«Сударь, печку топила,
Противъ печки стояла,
Жаромъ щечки нажгла!»
«Отчего же ты бѣла
Бѣлешенька бѣла?»
— «Муку, сударь, сѣяла!»

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

156.

Нолно миленькій крушиться
Жалкимъ сердцемъ обо мнѣ;
Не теряй красы напрасно,
Не томись, пріятель мой.
Время кратко на проходѣ
Всѣ прошли драгіе дни,
Всѣ денечки на проходѣ,
Ручеечки протекли
Протекали ручеечки
Во зеленые лужки,
Изъ лужечковъ ручеечки,
Во темные во лѣса.
Во лѣсу красы не вижу,
Съ деревъ листочки опадутъ
Пріопали съ деревъ листочки,
Съ милымъ нѣжность отошла.
Отойдетъ съ милымъ гулянье,
Не свидаться никогда;
Развѣ въ тѣ поры увижу
У сосѣда ввечеру.
У сосѣда на бесѣдѣ
Замѣчаютъ и глядятъ,
Замѣчаютъ и смѣются,
Любить дружка не велятъ!
Любить стану, не отстану!
До чужой дальной сторонки,
До злодѣя своего,

До злодѣя-лиходѣя,
До проклятаго житья!
Распроклятое замужье!
Молода замужъ пошла,
Молоденька замужъ вышла
За стараго старика.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

157.

Молодой Соломинка
Задумалъ жениться.
Онъ беретъ, онъ беретъ ли
Женку Либазинку,
Онъ цалуетъ, онъ милуетъ,
Что голубь голубку.
Да вотъ пойдетъ мужъ съ поля,
Назадъ поглядитъ;
Да вотъ дома ль моя жонка,
Дома ль Либазинка?
Эй, эй гобъ, гобъ, гобъ,
Гордей, Гордей, цобъ цобъ!
Дома ль либазинка?

Сабурово. Малоах. у. сент. 1858 г.

158.

Ахъ веселый день воскресенье!
Ой и ляли, ляли воскресенье!
Что сегодня меня батюшка просваталъ
За того ли за недоростка,
Недоростокъ по Волгѣ гуляетъ,
Со полуночи домой пріѣзжая,
Поперегъ кроватушки ложится,
Что нельзя-то къ нему приступиться.
Растегиваться не дается
Распоясываться не велится.
Ахъ ты курвинъ сынъ, недоростокъ!
Не тебѣ надо мной надругаться,
Не тебѣ надо мной насмѣхаться,
Насмѣхаться было офицеру,
Надругаться было молодому.

Дрозково. Малоарх. у. Зап. М. А. Стаховичъ.

159.

Вы комарики, сударики, мои
Вы не дали всю ночку проспать.

Часъ заснула—дружка видѣла во снѣ
Будто, будто ко мнѣ миленькій пришолъ.
Не слыхала, какъ во спаленьку взошелъ
Чистой браной положечекъ размахнулъ
Онъ садился на тесовую кровать
Онъ звалъ меня во чисто полѐ гулять,
Ревнивый мужъ не пускаетъ никуда,
Хотя пуститъ, самъ во слѣдъ за мной пойдетъ.
Пойду, пойду я на мужа попрошу,
Пойду, пойду я на мужа попрошу,
Велю, велю во полицу залучить,
Велю, велю хорошенькò проучить,
Велю, велю ручки ножки перломать:
Мнѣ тогда будетъ своя воля гулять,
Не моя воля, воля батюшкина
А нѣга все матушкина:
Я по бережку похаживала
Гусей-лебедей загонивала,
Тега, тега, гуси-лебеди домой,
Вы ужо ли, вы наплавалися,
А я, глядя, наплакалася.
Приду домой догадаются
Съ чего лицо разгораится:
Или съ винца, или съ полпивца,
Или съ сладкой водочки.

Сабурово. Малоарх. уѣзда. сент. 1858.

160.

Я разсѣю лебеду по переду,
Сама пойду съ офицеромъ по воду.
Нѣту ли, нѣту не дрягина, ни коня!
Загорѣлся зеленъ садикъ безъ огня!
Я одна дочь у батюшка была,
Одинёшенька у матушки росла.
Выходила я на улицу гулять,
Выходила я на широку гулять,
Съ конопёлушковъ воробушка имать,
Я начала съ воробушки—
Все бурлацкія головушки!
Внизъ по улицѣ дѣвица идетъ,
Внизъ по широкой красавица идетъ,
Она любиму свою пѣсню поетъ,
Поетъ, поетъ насвистываетъ:
«Подай, мати, жениха, жениха,
Со царева со питéва кабака...
Подай, матушка, грамотничка—
Подорожнаго писаря!
Ты коровушку продай-таки, продай!
Жениха мнѣ-ка подай-таки, подай»!

Мезенск. у. д. Березникъ. Зап. С. В. Максимовъ.

161.

Ходитъ нашъ хозяинъ по ярморочкѣ
Своимъ гуртоправамъ указывая:
Ужь вы, братцы, гуртоправы,
Выгоняйте вы гурты,
Выгоняйте скотину во широкія поля!
Какъ выходитъ нашъ хозяинъ на высокій на курганъ,
Онъ скотинушку любуя, самъ съ собою говоритъ:
«Ахъ ты скотъ-моя скотина, безсловесная скота,
Что и нѣтъ намъ, братцы, доли-то скотинушку водить,
Только есть намъ, братцы, доля
Да по Сашамъ ходить,
Злато серебро носить».

С. Пальна. Зап. М. А. Стаховичъ.

162.

По морю корабличекъ бѣжалъ-таки, бѣжалъ
Ай люли, ай люли, онъ бѣжалъ.
Во кораблюшкѣ Василій гулялъ, таки-гулялъ
Ай люли и проч.
Поиграйте гусли мысли вы теперича при мнѣ,
Вы теперича при мнѣ, при Васильѣ молодомъ.
Васильева мать Ирина таки рѣчи говоритъ:
«Полно, Вася, ты гулять—ко вдовушкѣ не бывай:
У вдовушки дочь хорошая—люби таки люби!»
—«Родимая мать, тебѣ меня не унять,
Тебѣ меня не унять за быстру рѣчку гулять,
За быстру рѣчку гулять, ко вдовушкѣ побывать:
У вдовушки дочь хорошую любить, таки любить
Брови соболины, очи соколины,
Ей походочка павлина, тиха рѣчь лебедина.
Она баетъ-разсыпаетъ, сверхъ погодой посыпаетъ».
Хошь погодой посыпаетъ, Ванѣ мать не потакаетъ.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

163.

Не пора ли домой ко двору?
Али дома нѣтъ никого?
Одинъ у меня постылый мужъ,
Онъ одинъ поперегъ коровати лежитъ,
Поперечныя рѣчи говоритъ:
Не велитъ мнѣ на улицу ходить.
Я на улицу не хаживала,

Я съ ребятишками не игрывала,
Съ молодыми я не шутливала.
Два я, дѣвушка, ребенка родила,
Отцу матери безчестье принесла,
Роду племени покоръ головы,
А мнѣ младой вѣкъ позоръ нажила.
Я поѣду ли во торгъ торговать.
Да и гдѣ въ торгу полюбится?
Полюбилась въ торгу люлечка
Моему дитю кочулечка.
Я за люлечку три грошика,
За крючечики три копеечки,
За подцѣпочки три денежки.
Ужь повѣшу ль я люлечку
Середъ улицы на углушку,
Сама сяду я на лавочку,
А ноженьки на подцѣпочку.
Баю, баю мое дитятко,
Баю мое первоученко,
А мнѣ младой надокученко.
Умри, умри, мое дитятко,
Умри, умри, мое милое,
Опростай мою голову,
Ты пусти гулять молоду!»

Пальна. Зап. М. А. Стаховичъ.

164.

Какъ по мосту, мосточку калиновому,
По калиновому мосточку, по малиновому
Туда шелъ-прошелъ дѣтинка уборненькій,
Уборненькій дѣтинка снарядливый:
Голубой на немъ кафтанъ—полы машутся,
Грязетовой камзолъ раздувается,
Екипажецка рубашка, алаетъ воротокъ,
Околъ шеечки платокъ, словно розовой цвѣтокъ,
Во карманѣ второй—персидской дорогой.
Во правой рукѣ тросточка камышевая,
Около тросточки ленточка букетовая.
Молодецъ тростью подпирается,
Алорозовой лентой похваляется:
«Эта лента, эта лента, эта ленточка ала,
Ала, ала, ала, мнѣ сударушка дала,
Сударыня, боярыня пожаловала.
Изъ-за этой изъ-за ленты изсушила молодца,
Присушила желты кудри ко буйной головѣ,
Заставила ходить по чужой сторонѣ
Приневолила любить чужу мужнюю жену.
Чужая жена—лебедь бѣлая моя,
А своя курва-жена—въ полѣ горькая трава,
Въ полѣ горькая трава, на межи въ полѣ росла

Косой выкошена, изъ зародъ вынесена.
Ужь я травку бы рвалъ, подъ себя бы склалъ.
А что мягко стлать, когда не съ кѣмъ спать,
А что хорошо ходить, когда не кого любить,
А что бѣло умываться, когда не съ кѣмъ разгуляться?
Я со той тоски на голой доскѣ,
На голой бѣдной дощенкѣ на палатишкахъ,
Кладу въ голову кручину, подъ бока кладу печаль».

Архангел. губ. Зап. С. В. Максимовъ.

165.

Ахъ ты Люба, ты Люба моя,
Люба бѣлая хорошая моя!
Посмотри-ко да ты Люба на меня,
Какова жь я зимою была:
Я зимою бѣла, румяна,
Словно кралечка написаная,
Во бѣломъ лицѣ кровь-то горитъ.
Я по бережку похаживала,
Чернобыль-траву заламливала;
Гусей-лебедей заганивала.
Тега, тега, гуси-лебеди мои,
Да ужо ли жь вы наплавалися,
Какъ и я млада наплакалася,
Я, наплакамшись, домой пошла,
Да на встрѣчу удалой молодецъ.
Ты удалый добрый молодецъ,
Разудалая головушка!
Не хватай меня за бѣлое лицо:
Мое личико разгарчивато,
Разгорится, не уймется,
Приду домой—догадаются,
Съ чего лицо разгорается:
Либо съ пива, либо съ зелена вина,
Съ сладкой водочки анисовой,
Съ короватушки тесовенькой.

Орловской губ. Махоарх. у.

166.

Я по бережку похаживала,
Чернобыль-траву заламливала,
Гусей-лебедей заганивала,
Тега, тега, гуси сѣрые домой,
Не пора ли вамъ наплаватися?
Я, на васъ глядя, наплакалася,
Я наплакалась, домой пошла,
Мнѣ на встрѣчу шелъ молодчикъ молодой,

Ужъ онъ сталъ со мной заигрывати,
За бѣлò лицо похватывати.
Не хватай меня за бѣлое лицо:
Мое личико разгарчивое,
Моя матушка догадливая,
Приду домой—догадается,
Съ чего лицо разгорается:
Или съ пива, или съ зѐлена вина *),
Или съ крѣпкой, сладкой водочки.

167.

Алы розы, розы, розы расцвѣли.
Проѣзжали двѣ дѣвицы въ маскарадъ,
Что на тѣхъ ли на новыхъ, на лаковыхъ саняхъ,
На военныхъ, на прекрасныхъ лошадяхъ.
Здравствуй милая, хорошая моя,
Чернобровая похожа на меня!
Будто кралечка написаная,
Бѣломъ лицомъ кровь горитъ.
Разгорится—не уймется.
Со милымъ любовь минуется,
Со милымъ любовь минуется,
Приду домой догадаются.

Архангельск. г. Зап. С. В. Максимовъ.

168.

По сумской по нивѣ
Гуляетъ милой на конѣ.
Сидитъ Машенька въ окнѣ.
Маша правой ручкой машетъ:
«Приворачивай, милой,
На широкой дворъ;
Станови своего добра коня;
Середи широкова двора,
Привязывай коня
Коточеному столбу,
Ко точеному столбу,
Къ золоченому кольцу.
Пожалуй-ко, надежда,
Во высокой теремокъ.
Ты садись, моя надежда,
На тесовую кровать,
На тесовую кровать—
Въ уста буду цаловать
Въ уста буду цаловать,

*) Или съ винца, или съ полпивца.

Стану спрашивати:
Чѣмъ я, чѣмъ я,
Милой, огорчила,
Ты скажи, любезной мой?
Или тѣмъ, что крѣпко полюбила,
Потеряла свой спокой?
Я спокою, право, не здорова,
Не желала бы для васъ.
Слышу, вижу: тяжело вздыхаешь,
Есть иная у тебя,
Есть иная, милая, любезная,
Красна дѣвица-душа,
Есть разумница моя!
Горе, горе у дѣвушки сердце,
Разгорайся въ лицѣ кровь!
Гасни, гасни любовь наша страстна,
Наливайся бѣла грудь!
Смѣйся, смѣйся, любезный, надо мною,
Когда буду слезы лить,
Тогда васъ буду любить;
Я любила любезнаго смертельно
По желанью своему,
Что не столько милой меня любитъ,
Сколько я его люблю,
Много горестей терплю,
Вдвое *слезъ* по немъ ровю.
Ужь вы кудри, мои кудри,
Свѣтлорусыя мои!
Не по прежнему мои кудерушки
По плечикамъ лежатъ,
Сами развиться хотятъ.
Завивала эти кудри
Красна дѣвица душа;
Развивала свѣтлорусы
Чужа дальняя сторона.»

Бѣлое море. Зап. С. В. Максимовъ.

169.

Что жь ты, Ванюша, не веселъ,
Буйну голову повѣсилъ,
Чорной шляпой накрылся,
Гарючой слезой залился,
Шелковымъ платкомъ утёрся.
Шелкавый платокъ съ орлами
Носилъ Ванюшка въ карманѣ,
Торилъ Ванюшка дорожку,
Черезъ рѣченьку на горку,
Ко большой избѣ, къ окошку,
Ко татьянину дворочку.
Таня, Татьяна, открой окошко,

Хоть маленичко немножко:
Я въ гости пришолъ,
Дорогой подарокъ принесъ —
Кумачу да китайки.

170.

Я малешенька дѣвушка была,
Не спознала молодецкаго дѣвка ума,
Каковъ умъ-разумъ, обычай у мила дружка.
Выходила я за широки новы ворота,
Я стояла со любезнымъ дружкомъ одинъ часъ,
Я ронила горючи слезы изъ глазъ
Во свой тоненькій, кисейный, во бѣлой во платокъ.
У милова слезы катятся ручьемъ изъ глазъ.
Говорилъ милой такія рѣчи-словеса:
«Что ты, лапушка, худа стала, очень блѣдна,
Изъ ясныхъ очей не очень стала весела?
Или тужишь, или плачешь, радость, обо мнѣ?»
—«Все я, все я по тебѣ, миленькой, тужу,
Чуть насилу по бѣлу свѣту хожу-брожу,
Съ принужденьицемъ на бѣлый свѣтъ, млада, гляжу.
Приди, миленькій, на ночку ко мнѣ ночевать:
У меня ли въ домѣ теперь нѣту никого;
Одинъ маленькой мальчишечко спитъ со мной,
Вотъ онъ крѣпко спитъ, не пробудится во всю темну ночь,
Хошь пробудится—не знаетъ парень ничего.
Хоша знаетъ—онъ не скажетъ, парень, никому;
Хоша скажетъ—не повѣрятъ парню малому,
Хошь повѣрятъ—не повѣсятъ меня за него.»

Кола. Зап. С. В. Максимовъ.

171.

Ваня Катеньку любилъ,
Ей подарокъ подарилъ,
Подарочекъ дорогой—
Перстенёчекъ золотой.
«Перстенекъ буду носить—
Станетъ маменька бранить;
Запродать, промѣнять—
Будетъ Ванюшка пѣнять.
Пойду-выйду на Двину
Я на саму глубину,
Сама выйду на гору,
Посмотрю я на Двину!»
На водѣ перстень не тонетъ—
У Катюши сердце ноетъ,
Сердце ноетъ и болитъ,

Ванюшку любить велитъ.
Перстеневъ пошелъ ко дну—
Знать, любилъ Ванька одну.

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

172.

Можно ль, можно душѣ красной дѣвкѣ,
Можно ль, въ рощѣ, въ рощѣ разгуляться.
Разгуляю свою грусть-тоску,
Пойду я съ горя на синее море.
Сяду я, сяду на крутъ бережокъ.
Что не одна я, дѣвушка, сидѣла, вижу,
Я вижу тѣнь на водѣ.
Тѣнь сухая, тѣнь моя пустая, тѣнь
Холодная въ рѣчкѣ вода.
Спрошу я у быстрой у рѣчки:
Не бывалъ ли мой милой здѣсь?
Быстрая рѣчка ему отвѣчала при мнѣ:
Нѣтъ здѣсь, нѣтъ здѣсь никого.
Вечоръ поздно изъ лѣсочку
Милъ на тройкѣ ко мнѣ выѣзжалъ.

173.

Шелъ мой миленькій лужечкомъ, бережкомъ.
Машетъ миленькій платочкомъ, правою рукой:
Воротися, миленькій, назадъ, я забыла что сказать.
Я забыть дружка не забыла, проходило лѣтечко, весна,
Наступило время грозно—холодная зима.
Зима рѣченьки заморозила, ручеечки не бѣгутъ.
Въ полюшки травушка завяла и цвѣточки не цвѣтутъ.
Что на этихъ на цвѣточкахъ мелки пташечки не поютъ.
Какъ-то одна пташечка жалобнехонько поетъ.
Пташка жалобно, грусть надзолушку сердцу даетъ.

174.

Размолоденькій дѣтинушка,
Мальчикъ молодой!
Ты не стой-ко, не дожидай,
Любезный, у воротъ,
Не давай-ко тоски-кручинушки
Сердцу моему!
Мнѣ не то ль было тошнёшенько,
Дѣвицѣ одной;
Растошнехонько, тяжелешенько,
Любезный мой!

Живучись-то мнѣ
На чужой дальней сторонѣ,
Намъ приходитъ восна красная,
Съ милымъ весновать;
Наступаетъ лѣтико теплое
Съ миленькимъ въ саду гулять.
Значитъ, дѣвушкѣ
Не гуливать съ дружкомъ въ саду
Мнѣ не сиживать возлѣ рѣчки
Въ садикѣ съ дружкомъ;
Мнѣ не считывать
Мелкихъ пташечекъ на лету,
Мелки пташечки
Соловеюшки въ саду одни;
Съ куста на кустъ пташки перелетывали
Съ саду на садъ
Пташки перелетывали,
Вѣсти, письма къ дѣвушкѣ перенашивали.
Одной дѣвушкѣ
Нерадостно пришло письмо.
Я со тѣмъ ли письмомъ
Заплакала, прочь пошла.
Распечатала письмо,
И въ постелечку легла,
Всю перинушку боками дѣвушка облегла;
Все зголовьице слезами, красна, облила,
Своего ль дружка
Забыть не могла!
Такого дружка мнѣ во вѣки не забыть,
Мнѣ не возрастомъ, ни ростомъ, дѣва, красотой
И молодецкой его поступи,
Модной, щегольской.

Бѣлое море. Зап. С. В. Максимовъ.

175.

Люди добрые скажите, какъ мнѣ горе горевать.
Вы скажите, научите, какъ мнѣ милова забыть.
Влюблена въ дружка смертельно, знаю, что любитъ меня.
Мы предъ Богомъ обѣщались, чтобъ другъ друга любить.
Вѣрной клятвой мы поклялись, чтобъ бракъ свой совершить.
Встрастная сила не захотѣла нашего счастья обвѣнчать.
Предъ послѣдней кончиной сынъ у матери ручку бралъ,
Сынъ у матери ручку бравши, ливши слезы и сказалъ:
Позволь маменька родная, позволь взять ее за себѣ.
Вотъ позволила родная-отъ онъ близокъ къ смерти былъ,
Вспомнивши ея имя, онъ навѣкъ глаза закрылъ.

Сабурово. Малоарх. сент. 1858 г.

176.

Соловеюшко премилый,
Ты вездѣ можешь летать.
Полетай въ страны веселы,
Въ славный городъ лети Ярославль.
Тамъ взыщи-ко дружка милова,
Сядь поближе ты, голубь, къ дружку;
Ты скажи-ко дружку милому
Отъ меня ты скажи низкій поклонъ.
Вовторыхъ, скажи любезному,
Про несчастьице, скажи, про мое,
Что великое мое несчастье:
Сашу замужъ отдаютъ.
Отдаютъ ли то Сашеньку замужъ
Не за милаго за дружка,
А за стараго Сашу старика.
У стараго-то было и сѣдаго
Трое дѣтокъ было у него:
Впервыхъ Саша, вторыхъ Маша,
Втретьихъ сынъ былъ Ванюшенька.
Не въ гостяхъ ли я, Сашенька, гостила,
Во бесѣдушкѣ Саша сидѣла,
Во бесѣдушкѣ со дружочкомъ;
На любезнаго дружка смотрѣла
Скажетъ мой-то милой хорошій,
Онъ до дѣвушекъ ласковъ былъ.
Свою прежнюю подружку
На колѣни онъ Сашу посадилъ,
Праву рученьку весьма крѣпко жалъ,
Праву ручку съ колечкомъ
Крѣпко къ сердцу прижималъ.
Проявился у Саши въ лицѣ жаръ;
Вышла въ сѣни Саша простудиться,
Чтобы жаръ съ лица согнать.
Не успѣла я выйти въ сѣни,
Частый дождичекъ пошелъ,
Милой съ рыночка пришелъ,
Милъ подарочекъ принесъ,
Подарочекъ дорогой,
Перстенечекъ золотой.
Не хочу я перстень носить,
Хочу на воду перстень бросить,
Во матушку во Двину
Я во саму глубину.

Въ Кеми. Арх. губ.

177.

У Макарья на лужку
Стоитъ бражка въ туезку;
Брага пьяна и хмѣльна,
. . . .
Ты приздынь да прогреби,
На гору не ходи;
На горѣ дѣвки живутъ,
Шельмы обманчивыя,
Онѣ брагой не поятъ,
Въ глаза, курвы, глядятъ.
Во горницѣ во новой,
Во свѣтлицѣ свѣтловой,
На кровати тесовой,
На перинѣ пуховой
Лежитъ коваль молодой.
Красна дѣвица по свѣтлицѣ
Похаживаетъ,
Молодаго коваля
Сама побуживаетъ:
«Ужь ты встань, душа коваль,
Пробудись молодой!
Ужь ты скуй, душа коваль,
Гвоздочки подъ башмачки,
Да трои золоты ключи!»
Ото сну душа коваль
Пробуждается...

Усть-Цыльма. Мезенскаго у. Зап. С. В. Максимовъ.

178.

Я не вѣрила подружкамъ о чемъ тужить плакать.
А теперича повѣрю всякому злодѣю,
Я злодѣю лиходѣю, да кто кого любитъ.
Любилъ парень дѣвчонку до поры до время,
До такова поры время, до теплаго лѣта.
Тепло лѣто на проходѣ—съ милымъ разставанье.
Разставался мой любезной съ крутыми горами,
А ты моя любезная съ черными бровями.
Эти брови, эти черны изсушили парня.
Изсушилъ парень дѣвчонку, что въ полѣ былинка,
Что въ полѣ-та былинка въ саду полынинка.

Сабурово. Малоарх. у. Сент. 1858 г.

179.

Сторона ль моя сторонушка, несчастная сторона !
На несчастной на сторонушкѣ ковыль-трава не ростетъ,

Ни травушка, ни ковыль, ни цвѣточки не цвѣтутъ.
На цвѣточкахъ мелки пташки не поютъ.
Я милому говорила, любезному своему,
Если тебѣ не по нраву, сошли въ свою сторону,
Возьми въ руки пистолетикъ, прострѣли жь ты грудь мою
Я тобой буду довольна, прекратишь ты жизнь мою.
Положи же, милый, надпись золотыя литера,
Золотыя литера, что любила тебя я.

Сабурово. Малоарх. уѣзда. сент. 1858 г.

180.

Несчастливая дѣвка я на свѣтѣ рождена,
По несчастью своему всѣ любови призошла,
Полюбила душа я такова молодца,
Я такова удалова я Ванюшу, браваго,
И Ванюша возвалъ, чужу сторону спозналъ,
На чужой ли сторонѣ онъ иную полюбилъ,
А меня ли, красную дѣвку. на вѣкъ вѣчный погубилъ.
Вотъ заставилъ, варваръ, вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть,
Вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть, худу славушку терпѣть.
Худа славушка пройдетъ—никто замужъ не возьметъ,
Да ни баринъ, ни купецъ, ни крестьянской мужичокъ.

Сабурово. Малоарх. у. Севт. 1858 г.

181.

Не бѣла заря въ окошечко взошла,
Ко мнѣ милая сама въ гости пришла,
Въ окошечко бѣлу руку подала,
А другою привѣчала молодца:
«Чернобровый, черноглазый милый мой,
Намъ не долго во любви съ тобой пожить,
Намъ не долго въ садикѣ погулять;
Слышу вижу милъ несчастіе твое,
Слышу вижу, что женить дружка хотятъ,
Тебя женютъ, меня замужъ отдадутъ.
Если женишься—заѣзжай въ гости ко мнѣ:
На прощаньице я платочекъ подарю.»

Записана А. А.Григорьевымъ.

182.

Скоро бѣлой снѣжокъ палъ,
Молодецъ съ коня упалъ,
Онъ упалъ, упалъ—лежитъ,
Никто къ нему не бѣжитъ,
Его прежняя милая

Скорехонько подбѣжала,
За бѣлы руки держала,
Посадила на коня,
Черную шляпу подала,
Низкой поклонъ отдала:
«Ты поѣдешь, другъ, жениться,
Заверни ко мнѣ проститься;
Ты поѣдешь, другъ гулять
Заверни ко мнѣ во садъ;
Въ саду яблочки висятъ.»

Елецкаго у. Зап. М. А. Стаховичъ.

183.

Какъ во братовской конторѣ
За убраными столами
Сидѣлъ молодецъ въ уборѣ.
Пришла дѣвица въ нарядѣ,
При кисейной бѣлой юбкѣ,
При голубомъ полушубкѣ;
Бѣла юбочка съ борами
Полушубочекъ съ хазами, *)
Околъ шеи шаль атласна,
На головушкѣ повязка,
Въ ушахъ серьги золотыя,
Золотыя зерновыя.
Она кстилася—крестилась
На всѣ стороны челомъ,
Ему писарю поклонъ,
Ужь онъ писарь не стерпѣлъ,
За дѣвицей посмотрѣлъ:
Бросилъ книги и бумаги,
Всѣ казенныя дѣла.
Встала дѣвушка мила,
Красавица дорога,
Праву рученьку дала,
За меня замужъ пошла.
Припѣвъ: «Ай люли».

Бѣлое Море. Зап. С. В. Максимовъ.

184.

Течетъ рѣчка по песку
Во матушку во Москву,
Во матушку во Москву
Ко фабричному двору.

---

*) Хазы—золотой позументъ.

Ужь фабричные ребята
Хоть малы да удалы:
Они сукна ткутъ
На двѣнадцать рукъ.
Они сукна переткали,
На кафтаны перешили;
Намъ не дороги кафтаны,
Были бъ денежки въ карманѣ!
Во полночь деньги гремятъ,
Во кабакъ идти гулять,
Мы приходимъ къ кабаку,
Да цѣловальникъ на боку.
«Цѣловальникъ маркитантъ,
Отпирай новый кабакъ!
Отпирай кабакъ скорѣе,
Наливай меду полнѣе.»
Мы возьмемъ вина восьмуху,
Наберемъ . . . . духу;
Мы ударимъ шельму въ ухо
Сами вонъ пойдемъ,
Мы на фабричекъ зайдемъ,
Мы на фабричкѣ живали,
Коломинку работали,
Много денегъ получали,
На кабакъ скоро ступали,
Полведра вина купили,
Ребятишекъ напоили:
Ребятишки, сидя здѣся,
Они головы повѣся,
Опохмѣлиться хотятъ,
Опохмѣлки здѣся нѣту
Веселое кричитъ здѣся,
У насъ шуба нова еся,
Отдадимъ мы шубу въ дѣло,
Мы заложимъ въ кабаки
Да въ одномъ пятакѣ;
Пятака намъ не даютъ,
Только въ шею задаютъ.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

185.

Изъ за краснаго носка
Выѣзжаютъ три карбаска:
Въ первомъ Русиновъ Иванъ,
Въ другомъ базарный Мартемьянъ,
А въ третьемъ повѣренный Щенинъ.
Мартемьянъ былъ холостой,
Сталъ ко вдовѣ на постой,
Книги, счеты всѣ оставилъ,
Самоваръ на столъ поставилъ.

Ужь какъ некому довѣрить
Мартемьяну вина мѣрять.
Въ день до вечера гуляли,
Безъ повойниковъ плясали;
Не хватило мало дня,
Ночью двое безъ огня
На залётку *) заложили,
Какъ могли расположились;
Идетъ пьяниньکой Басинъ,
Съ носу капелька виситъ,
Идетъ пьяной, поскорѣе,
Дернулъ двери посмѣлѣе;
Сошли двери со крючка,
Заплясали казачка (Неконченa).

Арханг губ. Зап. С. В. Максимовъ.

186.

Отчего сердце страдаетъ
Отчего пылаетъ кровь
Сердце чувствуетъ любовь.
Какъ любовь наша сердечна
Скорбь за скорбія зашла.
Я и сдѣлалась больна,
Я больнымъ больнымъ больна,
Во постелюшку слегла,
Во постели три недѣли лежала,
На четвертую недѣлю
Выздоравливать стала,
А на пятую недѣлю
Во зеленый садъ пошла.
Во зеленомъ во садочку
Распущаются древа,
На лужкахъ цвѣты цвѣтутъ,
Кривъ долины ключи бьютъ,
Мелки пташечки поютъ;
Мелки пташечки запѣли,
Сидя въ рощѣ подъ кустомъ,
Подъ лавровымъ подъ листомъ.
Молодецъ въ гусли игралъ
Своей бѣлой рукой;
Къ нему дѣвка подходила,
Начала его стыдить:
Если любишь такъ люби,
А не любишь—откажи.
Я любить же не люблю,

*) Задвижка у дверей.

Отказаться не могу,
Отказаться не могу,
Я гулять съ тобой пойду.

Сабурово. Малоарх. у. 1858.

187.

Ѣхалъ поваръ на чумичкѣ,
Двѣ кострюли впереди!
Ай люли!
Наша печка со похмѣлья,
Угорѣло помело,
Всѣ ухваты станцовали,
Кочерга плясать пошла!
На Онёвскомъ на пришпектѣ
Со косушкой разсуждалъ:
«Здравствуй, милая косушка,
Развеселый полуштофъ,
У Дружинихи калачъ,
У Мартынихи табакъ!»
Калача покушаю,
Табаку понюхаю.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

188.

Боленъ, боленъ мой любезнай,
Очень крѣпко нездоровъ.
Говорятъ, что простудился
На гуляньи вечоръ былъ,
На гуляньи во бесѣдѣ
Парень дѣвушку обнялъ.
Дѣвчоночкѣ стыдно стало,
Стала плакать и рыдать.
Мальчоночкѣ жалко стало,
Онъ сталъ дѣвку унимать:
«Ни плачь, дѣвка, ни плачь красна,
Я самъ холостъ, не женатъ:
Когда вздумаю жениться
Я посватаю тебѣ».
«Ты бѣденъ, я богата—
Не быть дѣвкѣ за тобой».
«Ты богата, а я бѣдный,
Я красавецъ передъ тобой».

Сабурово. Сент. 1858.

189.

Ай матушка кручина, государыня печаль!
Не кручина изсушила—печаль высушила;
Изсушилъ крушилъ дѣтинушка, молодчикъ молодой.
Онъ во тоненькой рубашкѣ понравился дѣвкѣ Машкѣ.
Его матушка Арина ему рѣчи говорила:
«Полно, Ваня, перестань, прочь отъ дѣвушки отстань».
«Сударыня моя мать, тебѣ меня не унять,
Тебѣ меня не унять за охотою гулять,
За охотой, за такой, за дѣвичьей красотой.
Ужь хоть быть-то я бывалъ, да довольно погулялъ,
Хоть и спинушка избита, да сударушка нажита.
Хоть спинушка износила, да сударушка мила».
Полили то съ горъ потоки, стала мать потакать,
Стала мать потакать, стала сына посылать:
«Поди, Ваня, погуляй, у дѣвушки побывай».
У дѣвушки, у такой былъ хорошій упокой,
Упокой мой упокой, не разстался бъ я съ тобой.

Записана, А. А. Григорьевымъ.

190.

Какъ вечоръ, вечоръ Ванюшу
Родной батюшка бранилъ,
Родна матушка журила:
«Ужь ты гдѣ, ты гдѣ Ванюша
Вечоръ долго пропадалъ?»
— Пропадать не пропадалъ,
Я на улицѣ гулялъ,
Хороводы заводилъ;
Въ хороводахъ я плясалъ,
Красныхъ дѣвокъ цѣловалъ:
Хорошую дважды,
Пригожую трижды.
Я худую худерьбу
Кругомъ семь разъ обойду,
Попалую одинъ разъ,
И то ради славы,
Чтобы люди знали.
Она вышла на улицу—
Разсовинилась,
Расчуфырилась:
Какъ вечоръ-то меня дѣвушку
Дѣтина цаловалъ,
Крѣпко къ сердцу прижималъ,
Разлапушкой называлъ.

191.

Вспомни, вспомни моя любезная нашу прежнюю любовь:
Какъ мы съ тобой, моя любезная, погуливали,
Осеннія долгія ночи прохаживали,
Любовныя, тайныя рѣчи говаривали:
Тебѣ мой другъ, мой другъ не жениться, мнѣ замужъ нейти!
Передумала красная дѣвица въ одну темную ночь:
Женись, женись, мой любезный, я сама замужъ пойду.
Въ чистомъ полѣ, при дорогѣ стоялъ новъ высокъ теремъ,
Какъ въ томъ ли въ новомъ теремочкѣ красныя дѣвицы поютъ,
Знать-то, знать то мою любезную замужъ отдаютъ.

192.

За недѣлюшку мое сердце чуяло,
По заранному же мое сердце испужалося.
Разыгралися дѣвки у чужихъ воротъ,
У чужихъ воротъ онѣ, у сосѣдовыхъ.
Одна ль дѣвушка, она глупо сдѣлала,
Что любить-то она любить Васю бросила!
Что за то его, за то любить бросила—
Часто пьянаго она его видѣла.

193.

При долинушкѣ калинушка стоитъ,
На калинѣ соловей птица сидитъ,
Горьку ягоду калинушку клюетъ,
Онъ калиною закусываетъ.
Прилетали къ соловью три сокола,
Звали-брали соловеюшку съ собой,
Посадили его въ клѣточку
За серебряну рѣшеточку,
Заставляли соловьюшку пѣсни пѣть.
«Ужь ты пой ли, распѣвай мой соловей,
При кручинѣ спотѣшай-ко молодца,
А при радости возвесели!»
Соловей во всю ноченьку не спалъ;
Добрый молодецъ въ цимбалы проигралъ,
Душу красную дѣвицу спотѣшалъ;
А дѣвица выхваляла молодца:
«Ужь какъ нѣту такого молодца
Ни въ Казани, ни въ Астрахани,
Ни въ Питерѣ, ни въ Новѣгородѣ;
Проявился такой молодецъ
У Макарья на ярмонкѣ—
У Николы на желтыхъ пескахъ!»

194.

Какъ бы чарочку горѣлки—
Я бы пьяна напилася,
Любо, любо, любо, любо
Любо, любо, любо, любо!
Я бы пьяна напилася,
Вдоль по улицѣ прошлася
Любо...
Вдоль по улицѣ прошлася,
Трое бъ чоботовъ стоптала
Любо...
Чобъ, чобъ, чобъ, чоботочки,
Здравствуй, милые дружечки,
Любо...
У насъ въ домѣ нездорово
Любо, любо нездорово
Любо...
Свекоръ съ печки свалился,
Подъ корыто завалился
Любо...
Кабы да я была,
Ябъ повыше подложила
Любо...
Я бъ повыше подложила—
Свекру бъ голову сломила.

ОБРЯДОВЫЯ ПѢСНИ.

а) Свадебныя

На горочкѣ деревцо,
На горѣ кудреватое
Высоко, тонко выросло,
Кунàми обоцвѣло.
Что подъ тѣмъ было деревцомъ,
Подъ тѣмъ подъ кудрявымъ,
Тулилась, хоронилась
Душа красна дѣвица
Анисья Ивановна.
Сама она похваляется
Похвалой своей великою,
Красотой своей дѣвичьею.
Изъ-за этого деревца,
Изъ-за этого кудряваго,
Некому меня выкупить
Что не стомъ, да не другіемъ,
Да не цѣлою счетной тысячей.
Что заслышалъ ту похвалу
Удалой доброй молодецъ
Сергѣй Васильевичъ:
«Не хвались, красна дѣвица,
«Анисья Ивановна!
«Я одинъ тебя выкуплю,
«Я безъ ста, да безъ другаго,
«Безъ цѣлой счетной тысячи:
«Съ единымъ я со *тысячкимъ*,
«Я со крестнымъ со батюшкой,
«Съ единою со сватьюшкой,
«Я со крестной со матушкой.

Архангельск. губ. Зап. С. В. Максимовъ

2.

На высокомъ на курганѣ
Да Марьюшка траву жала
Васильевна шелковую
(О)на тѣмъ серпомъ серебрйнымъ
(О)на той ручкой позлаченой.
Мимо ѣхалъ Иванъ, сударь,
Мимо ѣхалъ Ивановичъ;
«Богъ тѣ помочь траву жа̀ти,
Богъ тѣ помочь шелковую».
—Отъѣзжай прочь, Иванъ сударь,
Отъѣзжай-кось Ивановичъ;
Не велѣла мнѣ мати
Съ холостыми стояти,
Съ женатыми говорити».
И шли дѣвки до̀линою
Несли фонарь подъ полою;
Въ фонаречкѣ уголёчекъ,
Уголёчекъ разгорался,
Мой батюшко стосковался
По душѣ красной дѣвицѣ
Да по Марьюшкѣ сестрицѣ.

Сабурово. Малоарх. уѣзда.

3.

Какъ ударили два мороза, третій снѣгъ,
Ай лой, лой, люли!
Третій снѣгъ,
Четвертая холодная зимушка:
Признобили сходатова свата на конѣ,
Приморозили бѣлыя рученьки ко водамъ,
Приморозили быстрыя ноженьки къ *струменамъ*.
Выходила свѣтъ Марьюшка изъ терема долой.
Выходила Васильевна съ высока долой,
Выносила кунью шубу на плечахъ.
«Ну и вотъ тебѣ, сходатай сватъ, одежа,
Ну и вотъ тебѣ широкая дорога».

Сабурово. Малоарх. уѣзда.

4.

Растопись банюшка,
Разгорись сыра каменка,
Ты разсыпься крупѐнъ жемчугъ
Не по атласу, не по бархату,

По браной по скатерти,
По серебряному блюдечку!
Расплачься красная дѣвица
Передъ своимъ отцомъ, матерью:
«Государь мой батюшка,
На что хочешь пиво варить?
Иль ты хочешь сына женить,
Молоду сноху въ домъ принять?»
— «Ты дитя мое, дитятко,
Хочу тебя замужъ отдавать
Не за князя, не за барина
За своего, за крестьянина».

5.

Ты заря ль моя зорюшка
Зорюшка вечерняя,
Ай люли, люли лёли,
Зорюшка вечерняя!
Солнушко восхожее
Высоко восходило,
Далеко освѣтило—
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море.
Какъ на синемъ на морѣ
Тутъ лежала жордочка
Тонкая, кленовая,
Гибкая сосновая.
Тутъ никто не хаживалъ
Никого не важивалъ.
Переходилъ добрый молодецъ,
Переводилъ—красну дѣвицу.
Переводилъ онъ ее
И цалуетъ и милуетъ:
Ты ходи—не обманывай,
Ты люби—не сравнивай. *)
Другъ ты мой, красна дѣвица,
Ты роди-ка мнѣ сына
Бѣлаго сыра,
Ты роди-ка мнѣ
Бѣлую лебедушку.

6.

Полечкомъ, полечкомъ
Уторена дорожка конечкомъ,
Уѣзжена широка поступчивымъ.
Кто эту дорожку уторилъ,

*) Или «не разглядывай» или «не разгадывай».

Кто эту широку уѣздилъ?
Уторилъ дорожку Иванъ господинъ,
Уѣздилъ широку Васильевичъ,
А все ходючи ко Лукерьѣ своей,
А все ходючи ко Ивановнѣ,
А все носючи гостинцы.
Первой гостинецъ да изюмецъ,
Другой гостинецъ—пряничекъ,
Третій гостинецъ—бѣлъ сахаръ,
Четвертый подарокъ—самъ на дворъ!
Не шелковая ленточка
Къ стѣнкѣ льнетъ:
Иванъ передъ батюшкой
Челомъ бьетъ.
Не тесанъ теремъ, да не скобленъ,
Только хорошо да раскрашенъ,
Всякими красками да разноцвѣтными!
Не ученъ Иванъ да не школенъ,
Только хорошо да снаряженъ!
Благослови, сударь батюшко, жениться
На душѣ на красной дѣвицѣ,
На младой Лукерьѣ Ивановнѣ!

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

7.

Ай сборы, сборы Лукерьюшкины,
Ай сборы, сборы Ивановны,
Собирала Лукерьюшка всѣхъ подругъ,
Собирала Ивановна всѣхъ своихъ,
Садила подруженекъ за свой столъ,
Сама садилась выше всѣхъ,
Клонила буйную голову ниже всѣхъ,
Думала крѣпкую думушку крѣпче всѣхъ:
«Подружки, голубушки мои,
Придумайте мнѣ да пригадайте:
Какъ будетъ назвать люта свекра,
Какъ будетъ назвать свекровушку,
Какъ будетъ назвать деверьюшковъ,
Какъ будетъ назвать золовушекъ?
Мнѣ свекромъ назвать такъ безчестно
Батюшкой назвать не хочется.
Убавлю я спѣси-гордости,
Прибавлю смиренства-кротости:
Назову люта свекра батюшкомъ,
Назову свекровушку матушкой,
Назову деверьецовъ братьецами,
Назову золовушекъ сестрицами,
Назову Ивана-то душенькой,
Назову я Васильича—ягодою!»

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

8.

Не буйные вѣтры
Навѣяли,
Незваны гости
Наѣхали,
Подломили
Сѣни новыя,
Подломили
Съ переходами,
Разступили
Чару золотую,
Выпустили
Соловья изъ саду.
Расплачется, растужется
Агафьюшка,
Расплачется, растужится
Свѣтъ Ивановна:
«Мнѣ по вамъ, сѣни,
Не хаживати;
Мнѣ тобой, чара,
Не подхаживати;
Тебя, соловья,
Не видати будетъ!
Кто меня станетъ
По утру будить,
По утру будить,
Рано развеселить?»
Сговоритъ, спромолвитъ
Александръ господинъ,
Сговоритъ, спромолвитъ
Михайловичъ свѣтъ:
«Я тебѣ построю
Сѣни новыя,
Я тебѣ построю
Съ переходами;
Я тебѣ солью
Чару золотую,
Я у тебя
Соловей въ саду,
Я у тебя
Молодой въ зеленомъ.
Я тебя стану
Поутру будить,
Поутру будить
Рано развеселить.»

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

9.

Мимо батюшковъ высокъ теремъ,
Мимо матушкинъ зеленый садъ,
Мимо дѣвицынъ зеленъ садъ,
Пролегала путь-дороженька,
Широка долга спроважена;
Что й по той ли по дорожкѣ,
Что й по той ли по широкой
Тамъ ѣдетъ-гуляетъ
Удалой доброй молодецъ
Иванъ-то Ивановичъ.
Онъ своpачивалъ съ дороженьки,
Приворачивалъ къ окошечку,
Колотился подъ окошечкомъ
Своей тростью натуральною:
«Ты душа-ль моя, душенька,
Душа ль красная дѣвица,
Да ты, Марья Ивановна!
Пріотворь, душа, окошечко,
Пріотдерни занавѣсочку,
Покажи-ко лицо бѣлое,
Лицо бѣлое, румяное,
Будто порòха—снѣгу бѣлаго!
Будетъ ты, душа, прилюбишься—
Я товарищу пòхвалю,
Своему брату крестовому».—
Прилюбилась красна дѣвица
Удалому добру молодцу
Ивану-то Ивановичу.

Арханг. Губ. Зап. С- В. Максимовъ.

10.

На угорьешкѣ часовенька стояла,
Да стояла, да стояла, да стояла,
Черезъ рѣченьку черемушка лежала,
Лежала и проч.
Что никто по той черемушкѣ не пройдетъ.
Двѣ ягодки переходятъ,
Двѣ наливныя переходятъ,
Да Өедоръ Катерину переводитъ:
«Ужь ты Катенька не свалися,
За сибирочку задержися,
Чтобы Катенька не упала,

Еще Өедору въ семью попала,
Что во эту семью таровату,
Во природушку во живату» *).

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

11.

Что не ключики-то брякнули,
Да не замочки-то застукали,
По рукамъ сваты ударили.
«Государь кормилецъ батюшко,
Съ государыней со матушкой,
Я объ чемъ да васъ просить буду:
Не зажигай, кормилецъ батюшко,
Да государыня матушка,
Ты свѣчи воску яраго,
Не отдавай-ко, сударь батюшко,
Ты меня во чужи люди
Ты ранымъ меня ранешенько,
Зеленымъ ты зеленешенько.
Чѣмъ же я, кормилецъ батюшко,
Съ государыней со матушкой,
Чѣмъ же я, васъ распрогнѣвала?
Развѣ я вамъ не работница:
Я встаю-то всѣхъ ранешенько,
На работу красна дѣвица
Всѣхъ усерднѣй, всѣхъ припадчивѣй;
Ты наймешь, кормилецъ батюшко,
Ты наймешь себѣ работницу
Ты лѣнивую-сонливую!
Разбудить, кормилецъ батюшко,
Разбудить васъ будетъ нѣкому,
Выходить-то во чисто поле
Вы позднымъ будетъ позднехонько».

Записана А. А. Григорьевымъ отъ череповицкой жительницы.

12.

Богъ судья, кормилецъ батюшко,
Государыня матушка,
Не падкіе, не жалостливые:
Ты польстился, родной батюшко,
Съ государыней со матушкой,
Ты на дружку на лестливаго,
А на свата на хвастливаго.
Знать, я хлѣба много выѣла,
Знать рѣку да воды выпила.

---

*) Гостепріимную.

13.

Ты кормилица родна матушка,
Ты сама да знаешь-вѣдаешь,
Каково жить во чужихъ людяхъ,
У чужаго отца-матери:
Надо жить-то тамъ умѣючи,
Говорить-то разумѣючи,
Держать голову поклончиву,
Ретиво̀ сердце покорливо.

14.

Прошу я, красна дѣвица,
Я кормильца-братца:
Ты кормилецъ братецъ миленькій,
Ты падко̀й ко мнѣ, жало̀стливый,
Ты сидишь да братецъ миленькій,
Какъ чужой ко мнѣ чуженинецъ,
Упроси-ко, братецъ миленькій,
Ты кормильца моего батюшка,
Съ государыней со матушкой,
Что ранымъ они ранёхонько,
Зеленымъ да зеленехонько,
Отдаютъ да во чужи люди,
На чужую дальну сторону.

15.

Не отъ вѣтра, не отъ вихоря,
Да не отъ Божьей милости,
Верея пошатилася,
Ворота отворилися,
Широко размахнулися...
Не слыхала молодешенька,
Какъ бояра на дворъ взъѣхали,
Съ широка двора на новы сѣни,
Со новыхъ сѣней въ нову горницу.
«Ужь я столько услышала,
Ужь я столько увидѣла,
Какъ Григорій зашелъ въ горницу,
Свѣтъ Ивановичъ во свѣтлицу...
Тутъ и я испугалася,
Тутъ и я перепалася,
Придроглося ретиво сердце,
Прибѣлѣло лицо бѣло,
Рѣзвы ножки подломилися.

Бѣлы ручки опустилися,
Изъ глазъ слезы прокатилися...
Во слезахъ я слово молвила,
Въ возрыданьѣ рѣчь говрила:
«Вотъ идетъ погубитель мой,
«Вотъ идетъ разоритель мой,
«Вотъ идетъ *расплети-косу*,
«Вотъ идетъ потеряй красу!»
Тутъ спроговоритъ доброй молодецъ,
Да Григорій Ивановичъ свѣтъ:
«Ужь ты глупа, красна дѣвица,
«Неразумна, дочь отецкая!
«Что не я погубитель твой,
«Что не я разоритель твой:
«Погубитель-отъ твой батюшка,
«Разорительница твоя матушка,
«Расплети-косу—сватьюшка,
«Потеряй-красу—друженька,
«Что два дружки хорошіе,
«Два удалыхъ добрыхъ молодца!»

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

16.

(Стиховодничаетъ невѣста, посылая свою сестру по воду).

Гдѣто-то ходитъ моя милая сестрица родимая?
Ужь послушай-ко милая сестрица родимая:
Сходи на крутой-то на красной на бережокъ,
По свѣжу водичку ключевую!
Мнѣ-ка есть вѣра-раденіе великое,
Обмыть горьки слезы-горючія,
Намыть радости—веселья великаго!
Ужь послушай, милая сестрица родимая,
Что-то я скажу, сиза косата голубушка:
Когда придешь на крутой на красной бережокъ,
Первую струю пропусти внизъ по славной Дунай-рѣкѣ,
Другую струю пропусти внизъ по славной Дунай-рѣкѣ,
Изъ третьей-то почерпни, милая сестрица родимая.
Первой струей умывается разлучница злодѣйка неволя великая,
Другой струей—чужи-дальни, не сердечны богоданные родители.
Когда придешь ко частой ко ступенчатой лѣственки,
Поспѣси ниже, моя милая сестрица родимая!
Пусть же выростетъ чаща роща непроходимая,
Чтобы нельзя было не пройдти не проѣхати
Разлуч*ничи* злодѣйки великія.»

С. Малошуйское Онежеск. у. Зап. Волост.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

17.

(Жалобная, когда мать провожаетъ свою дочь къ вѣнцу).

По лугамъ весною
Разлилася вода весенняя,
Унесло
Три кораблика:
Первый корабль
Со передними пуховыми,
Второй корабль
Со ларцами коваными,
Третій корабль
Со душою красною дѣвушкою...
Выходила ея матушка
На крутой славный бережокъ.
Говорила: воротися
Мое дитятко!
Позабыло дитятко
Трое ключей золотыхъ.
Первые ключики
Отъ терема высокаго;
Другіе ключики
Отъ ларцовъ кованыхъ;
Третьи ключики
Отъ саду зеленаго.
Она на оборотъ говоритъ:
Я не забыла трое ключей.
Позабыла волю, волю
Батюшкину,
Нѣгу, нѣгу
Матушкину.

18.

(Невѣста приглашаетъ отца, мать, подругъ и проч. въ баню, которую топили подруги)

Добро жаловать ласкотникъ желанной (*) родитель батюшко.
Въ парную мыльную *баенку*
Въ переди-то меня сизой косатой голубушки!

С. Малошуйское, Онежск. у. Зап. волост.
писарь. Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

---

*) Родна матушка, милы подруженьки, родный братецъ и т. д., смотря, кому поютъ.

19.

(Когда ведутъ невѣсту въ баню и изъ бани).

Я пошла молоденька
Во теплую во банюшку,
Съ кумами да со подружками,
Помыться да попариться.
Не смыть бы мнѣ дѣвью красоту
Отъ роду мнѣ не вопервые,
А въ дѣвьей красотѣ вопослѣдніе!...
Тебѣ спасибо, теплая банюшка,
Я помылася въ тебѣ и попарилась
Со кумами да со подружками
Со душами да съ красными дѣвушками!...

Пермской губ.

20.

(Невѣста благодаритъ за баню).

Спасибо тебѣ, парная мыльная баенка,
На храненьи да на береженьи,
Что хранила меня, сизу касату голубушку;
Ужь чего-то мнѣ молить, сизой косатой голубушкѣ,
Что ль тебѣ же моя парная мыльная баенка?
Ужь раскатить тебя, парная мыльная баенка,
Съ верхняго бревешка до нижняго!
Глупа моя младая буйна головушка!
Раскатаю я парную мыльную баенку!
Пускай стоитъ парная мыльная баенка,
Пускай моются ласкотники желанные родители,
Послѣ меня-то, сизой косатой голубушки.

С. Малошуйское, Онежск. у. Зап. волост.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ

21.

(Когда невѣста, послѣ бани, благодаритъ родителей).

Благодарствую, родной батюшка,
Со родимою моей матушкой,
Что на банюшкѣ да на теплой.
Помылась я да попарилась
Отъ роду-то не вопервые,
Въ дѣвьей красотѣ да впослѣдніе.

Пермск. губ.

22.

(Послѣ бани, невѣста проситъ у отца лошадей, гулять):

Послушай же мое, красно солнце угрѣвное!
Не жалѣй-ко хорошаго, рѣзваго наступчиваго конечка!
Пожалѣй-ко меня, сизу косату голубушку,
Мнѣ-ка есть вѣра-радѣнье погулять покрасоваться
По Дунай-рѣчкѣ быстрыя,
Покрасоваться во честномъ во похвальномъ во дѣвичествѣ,
Во ангельскомъ чину, во архангельскомъ,
Проститься мнѣ со славной со гладкой со гороцькой,
Со хорошой, новошатровой колоколенкой.

С. Малошуйское, Онежеск. у. Зап. волост.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

23.

(Невѣста послѣ катанья, чествуетъ *честныхъ*, т. е. крестныхъ отца и мать жениха).

Сказали бы доносили милые подружки любовные,
Что изнашли да изнаѣхали честные гости небывалые
Во родительскій домъ тепловато гнѣздушко,
Гдѣ-то ходитъ ласкотница желанная матушка,
Ужь послушай-ко моя ласкотница желанная родитель-матушка,
Разставливай столы бѣлодубовые,
Развертывай скатерти бѣльчатыя,
Сади, чествуй милыхъ-то гостей небывалыихъ.

С. Малошуйское Онежск. Зап. Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

24.

(Стиховодничаетъ невѣста (поетъ), когда крестная мать приходитъ на вечеринку и приноситъ натолокъ.)

Не во саду ли я бѣдна обсидѣлася,
Не на садъ ли я бѣдна оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую
Не на всяки цвѣточки лазуревые!
Не вода ли подо мной разливается
Не огонь ли подо мной разгорается
Сама-то я знаю, бѣдна, да вѣдаю,
Что ни въ саду-то я, бѣдна, обсидѣлася,
Не на садъ-то я, бѣдна, оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазуревые,
Не вода подо мной разливается,

Не огонь подо мной разгорается,
Разгорается мое зябло сердце ретивое,
Разливаются мои горькія слезы горячіи,
По блеклому лицу нерумяному.
Что за чудо, за диво великое!
Прежде этоя поры, прежде времени
Сидѣла я, глупа косата голубушка,
Во собранныя своей тихія бесѣды смиренныя,
Не бывала крестовая ласкова матушка,
Во собранной-то моей тихой бесѣды смиренныя
Со хорошей-то моей дорогой воли вольныя.

С. Малошуйское, Онежск. у. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

25.

(Когда невѣсту, накрывъ платкомъ, уводятъ съ вечеринки).

Послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Пойдемте вонъ со тихія бесѣды смиренныя:
Пришли скорые послы да незастѣнчивые.

С. Малошуйское Онежск. у. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

26.

(Когда ведутъ по улицѣ невѣсту съ вечеринки).

Говорила-то крестовая ласкова матушка,
Что съ полна печетъ красное солнцо угрѣвное,
Во родительскомъ-то домѣ — тепломъ гнѣздышкѣ,
Во вкупѣ да во собраньи сидятъ мои милые ласковы братьица,
Весь то родъ-племя приближенное!
Теперь слава тебѣ, Боже Господи!
Не бѣдная да не обидная,
Обрадѣло мое зяблое сердце ретивое,
Во вкупѣ да во собраньи сидитъ мое родъ-племя приближенное.

С. Малошуйское Онежск. Зап. волостной писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

27.

(Если у невѣсты есть кто-нибудь изъ братьевъ на чужой сторонѣ, прибавляютъ).
Собралися да сокатилися
Изо славныхъ-то петербургскихъ городовъ,
Со печальнаго синя солона моря!
(*Если есть умершіе братья*):
Со окатъ со горы со Микольскія *).

*) На Микольской горѣ — кладбище..

(Вызываютъ мать невѣсты для встрѣчи, возвращаясь съ невѣстою съ вечеринки, у лѣстницы):

Не несутъ-то мои ножки рѣзвыя
Во часту во ступенчату лѣствёнку,
Какъ сегодня, да по сегодняшнему,
По тихому позднему вечеру
Безъ ласкотницы жаланной родной матушки!
Прежде этой поры, прежде времени,
Ходила-то я, сиза косата голубушка,
Со тихой полуночной вечериночки,
Носили мои скорыя ножки рѣзвыя!

(По приходѣ матери):

Спасибо жаланная родимая матушка!
Выходишь на торну, на широкую улицу,
Подъ часту, подъ ступенчату лѣствёнку,
Стрѣчаешь меня сизу-косату голубушку,
Со тонкимъ-то звучнымъ со голосомъ,
Со умильной-то, со горазной со причетью!

(Приходя въ сѣни):

Становись моя поневольная млада головушка
Середь новыхъ-то сѣней перёныхъ. *)

(Снимая съ невѣсты платъ):

Теперь скину свои очи ясныя,
Доведу кругомъ новыя сѣни перёныя,
На которой стѣны-ограды бѣлокаменныя...
Придучись со пути, со дорожки широкія!
Вы здорово, новы сѣни переныя,
Кругомъ свѣтлыя окошки косясчатыя,
Кругомъ дубовыя бѣлыя лавочки!
Не убойтесь-ко, новы сѣни перёныя,
Что не тихая пришла, не смиренная,
Не по старому пришла, не по прежнему,
Со тонкимъ, со звучнымъ голосомъ.
Со умильной, со горазной со причетью,
Со всёми милыми подружками любовными!
Добро жаловать мои милыя подружки любовныя,
Во родительской домъ — тепло-витое гнѣздышко,
Впереди меня сизу косату толубушку!

(Приходя въ домъ и садясь на лавку у печнаго угла):

Не пужайся: домъ тепловито гнѣздышко,
Не пужайся да не полохайсе, мое сердцо ретивое
Не подломитесь мои скорыя рѣзвыя ноженьки
Не блёкни мое блеклое лицо нерумяное,
Не спѣшитесь-ко, прокатайтесь мои горькія слезы горячія
По блеклому лицу нерумяному,
Не смѣшайся рѣчистъ языкъ
Во младой во буйной головушкѣ!
Теперь дай Господи тонкаго, звучнаго голоса
Со умильной со горозной со причетью!

---

*) Переныя сѣни — не мшоныя, а конопаченыя и обмазанныя глиною.

Теперь благослови, Боже Господи,
Божья Мать, Пресвятая Богородица,
Свѣтъ сударь Микола многомилостивой,
Попусти тонкой молодой незвученъ голосъ!
Случалось слыхать сизой косатой голубушкѣ
Отъ чужихъ-то ото младыхъ, отъ ясныхъ соколовъ,
Черезъ три губы синя солона моря,
Есть мощи — ты среди синя солона моря,
На зеленомъ-то высокомъ на островѣ
Стоитъ Божья церковь пресвященная!
Благословите же Соловецкіе преподобны чудотворцы много-
милостивы,
Попустись тонкой молодой незвученъ голосъ,
По родительскому теплому витому гнѣздушку.

С. Малошуйское, Онежск. уѣзда. Зап. волост.
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

28.

(Послѣ вечеринки невѣста отцу).

Спасибо мое красное солнцо утрѣвное
Ни вольные воли довольныя,
Воздавалъ мнѣ-ка, сизой голубушкѣ,
Многую вольную волю довольную,
Ходить-гулять сизой косатой голубушкѣ,
По гульбамъ, по прохладамъ,
По тихимъ сполуночнымъ вечериночкамъ.
Спасибо мое красное солнцо угрѣвное
На покруты покрасы дѣвичія
Ужь не жалѣлъ особенной датной золотой казны:
Зоводилъ покруту, покрасу великую,
Лучше краше *всѣхъ* (?) милыхъ подруженекъ:
Дивовалися много народъ — люди добрые,
Завидовали мои милыя подружки любовныя.

С. Малошуйское, Онежск. у. Зап. волостной
писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

29.

(Невѣста благословляется у родителей послѣ вечеринки, сидя на лавкѣ у печнаго угла.)

Глупая младая буйная головушка,
Не прося, пускаю свой тонкой молодой (голосъ?)
У ласкотниковъ желанныхъ родителей,
Чей домъ того вольная воля довольная;
Домъ ласкотниковъ желанныхъ сердечныхъ родителей!
Благослови-тко, ласкотникъ желанной, родитель-батюшко
Попустить тонкой молодой незвученъ голосъ,

Какъ сегодни по сегодняшнему,
По тихому позднему вечеру,
По потухлыя зари поздновечерніе.

(Вставая съ лавки, идетъ давать отцу «добровъ»):

Расшатнитесь-ко народъ, люди добрые,
Чужи бѣлыя хороши лебедочки!
Всѣ совѣтныя, милыя подружки любовныя,
Дайте немножечко пути-дорожки широкія,
Съ одну дубовую мостовиночку,
Пройти, проплыть сизой косатой голубушкѣ,
На родительское домъ-тепло-витое гнѣздышко,
Передъ бѣлые столы, передъ дубовые!
Могу ли усмотрѣть, дитя бѣдное,
Сквозь туманъ горьки слезы горячія,
На которой бѣлой брусовой на лавочкѣ
Пекетъ красное солнцо угрѣвное,
Сидятъ мои желанные сердечны родители,
Думаютъ сообча крѣпкую думу заединую
Что за чудо, за диво великое,
Что за гости сидятъ за торговые,
Торгуютъ товарами заморскими;
Выбираютъ желанные сердечные родители
Хорошее, дорогое платно цвѣтное,
По моему уму да по разуму!
Ужь послушайте желанны сердечны родители,
Не въ пору схватились, не во время
Заводить хорошее дорогое платно цвѣтное!
Сама-то я знаю сиза косата голубушка,
Что не гости сидятъ не торговые,
Не торгуютъ товарами заморскими,
Не выбираютъ желанные сердечные родители
Хорошаго дорогаго платна цвѣтнаго:
Пособрано свое родъ-племя приближенное,
Честна дорога природа родительска
Сидятъ думаютъ съобча крѣпкую думу заединую
Пьютъ горькое хмѣльно зелено вино,
Пропиваютъ меня сизу косату голубушку
Во злодѣйку неволю великую!
Послушай-ко, жаланный родитель батюшка!
Ужь попеняю я, сиза косата голубушка,
Тебѣ же, мое красное солнце угрѣвное:
Ужь ты думай да не продумай,
Пей да не пропей мою младую буйную головушку
Во злодѣйку неволю великую!
Сама-то я знаю, сиза косата голубушка,
Видно думалъ да продумалъ!
Ужь послушайте, милыя подруженьки любовныя,
Не держите крѣпкой надѣи
На ласкотничковъ желанныхъ родителей;
Они до поры добры до времени,
Не сулятся, а взополятся желанны сердечны родители!

Послушай-ко желанный родитель батюшко,
За каку вину опалу великую
Отдалъ да обневолилъ во злодѣйку неволю великую?
Развѣ не трудница была, не работница
Не вѣрная слуга, не измѣнная?
Измѣняло тебѣ красное солнцо угрѣвное—
У всякаго зелья работы тяжелыя,
Не берея была краснымъ наливнымъ ягодкамъ
Не ловея была свѣжія рыбы трепущія!
Развѣ укорять тебя стали, упрекать красное солнцо угрѣвно,
При толпахъ тебя при артеляхъ великіе,
При славныхъ царевыхъ при кабакахъ!
Ты послушай мое красно солнцо угрѣвное,
Что-то я скажу сиза косата голубушка,
Лучше найми меня сизу косату голубушку,
Во рабы, въ козачихи-нахлѣбницы,
Возьми собину счетную золоту казну,
Заплати-ко чужимъ яснымъ-то соколамъ
За проторы убытки великіе,
За довольное хмѣльно зелено вино.

(Невѣста зоветъ отца къ столу, на которомъ стоитъ байникъ, т.-е. хлѣбъ-соль).

Добро жаловать ласкотникъ желанной мой батюшка,
Степанъ Тимоѳеевичъ,
Ко обѣду да ко пшеничному байничку!

Отецъ, мать, а послѣ всѣ, кто былъ на рукобитьи, подходятъ къ столу, молятся Богу и дарятъ невѣсту).

Спасибо ласкотникъ желанной родитель батюшко,
Что даришь меня, сизу косату голубушку,
Хорошимъ-то бумажнымъ ситичкомъ.

С. Малошуйское Онежск. у. Зап. В. П. Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

30.

(Зажегши свѣчи передъ образомъ, невѣста поетъ 1-ю молитву):

Помолиться было Богу Спасу, Пресвятой Богородицѣ,
За царя государя великаго,
Имъ дай Господи здравья здоровья,
Долгаго вѣку протяжнаго,
Жить послѣ меня, сизой косатой голубушки,
Съ малешинькими сердечными дѣточками,
Со всей силой силой арміей,

Теперь помолиться кручинной косатой голубушкѣ
За ласкотника желаннаго родителя батюшка,
Ему дай Господи здравія—здоровья долгаго и протяжнаго.

С. Малошуйское. Онежск. у. Зап. вол. пис. Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

31.

(2-я Молитва невѣсты).

Послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Попридайте ума много разума:
Мнѣ чего молить, сизой косатой голубушкѣ,
За себя-то, за сизу косату голубушку?
Молить скорыя-то грозныя смерточки
Во родительскомъ во тепломъ витомъ гнѣздышкѣ
На родительской на бѣлой, на брусовой на лавочкѣ!
Ужь ты глупая моя младая буйная голова
Ужь сама-то я знаю, сиза косата голубушка,
Что не придетъ мнѣ во родительскомъ дому во тепломъ-витомъ гнѣздышкѣ
Скорая-то грозная смерточка!
Помолить было мнѣ, сизой косатой голубушкѣ,
Здоровья, здоровья великаго
Жить во злодѣйкѣ-то неволѣ великія.

С. Малошуйское, Онежск. у. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

32.

(Послѣ молитвъ невѣста даетъ отцу «добровъ»).

Теперь отворите же мнѣ, сизой косатой голубушкѣ,
На родительской домъ тепло-вито гнѣздушко,
Гдѣ-то ходитъ мое красное солнцо угрѣвное.
Мнѣ-ко есть вѣра-радѣнье
Побити челомъ да покланяться!

С. Малошуйское. Онежск. у. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

33.

(Невѣста «даваетъ добровъ» крестной матери (стиховодничаетъ).

Спасибо крестовая ласкова матушка,
Творишь дѣлаешь послушанье:
Надѣваешь-то хорошу дорогу волю вольную
На младую буйную голову.

Не въ достой-то наряжать мнѣ крестовую ласкову матушку!
Въ достой слушать крестовую ласковую матушку!
Послушай-ко, крестовая ласкова матушка,
Что то я спрошу еще косата голубушка,
У тебя же, крестовая ласкова матушка,
По чьему входишь повелѣнью, да благословенію,
Заходишь въ тихую бесѣду смиренную,
Со слова, съ докладу ли ласкотниковъ жаланныхъ родителей?
Не отъ своего ль ума-разума?
Сама-то я знаю, сиза косата голубушка,
Не такая крестовая ласкова матушка,
Что прйдти отъ своего ума да отъ разума,
Что пришла по повелѣнью да благословенью,
Отъ моихъ-то ласкотниковъ желанныхъ родителей.

С. Малошуйское Онежск. у. Зап. волостной писарь Баевъ; достав. С. В. Максимовъ.

34.

(Дружки будятъ невѣсту въ день свадьбы).

Господи Іисусе Христе Сыне Божій!
Княгиня первобрачна,
Катерина Васильевна!
Стань—убудись
Отъ крѣпкаго сна прохватись,
Бѣлый свѣтъ спорыдается,
Заря размыкается,
На улицѣ собаки лаютъ,
Ребята играютъ,
По боярскимъ домамъ соловьи свищутъ,
По крестьянскимъ домамъ пѣтухи поютъ, печи топятся!

С. Малошуйское Онежск. у. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

35.

(Невѣста стиховодничаетъ, когда ее разбудятъ дружки въ день свадьбы).

Полно спать, пора ставать!
Разомкнитесь-ко мои очи ясныя,
Распечатай, Господь, сахарныя уста,
Воротись-ко рѣчистъ языкъ во младой во буйной головушкѣ,
Бѣжи тонкой, мододой, незвученъ голосъ
По родительскому дому—тепло-витому гнѣздушку!
Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя,

Не спрося попускаю свой тонкой молодой незвученъ голосъ,
И ласкотниковъ желанныхъ родителей,
Добро со слова съ докладу!
Бласловите ласкотники желанны родители
Попустить тонкой молодой незвученъ голосъ!
Что за чудо, за диво великое:
Прежде этой поры, прежде времени
Убужала ласковитница желанная матушка,
Какъ сегодни, да посегодняшному поутру по раннему,
Убужаютъ чужи млады ясные соколы,
Ставайте милыя подружки любовныя
Отъ крѣпкаго сна забудущаго!
Ужь послушайте мои милыя подружки любовныя,
Что я спрошу, сиза косата голубушка:
У васъ мягкая ли была перина пуховая?
Круто ли было зголовье косесчатое?
Тепло ли было одѣяло соболиное?
У меня-то какъ у сизой голубушки
Не мягкая была перина пуховая:
Во три ряду было сѣрыхъ валючихъ камешковъ
Одѣяломъ-то была бѣлая льдина холодная!
Малымъ-то мало спалось, во снѣ видялось,
Во снѣ-то мнѣ бѣдной привидялось,
На яву-то мнѣ бѣдной показалося:
Какъ подъ нашимъ-то свѣтлымъ окошкомъ косесчанымъ
Стоитъ тихое приглубое озеро,
Ужь во этомъ во тихомъ приглубомъ во озерѣ
Плаваютъ сѣрыя водоплавныя утушки,
У нихъ подобрано легкое крылье утиное;
Одна плаваетъ сѣрая водоплавная утушка,
У ней распущено легко крылье утиное!..
Ужь разсудите-тко мои милыя подружки любовныя,
Мои крѣпкіе сны забудущіе
Не разсудницы милыя подружки любовныя!
Не тихое стоитъ приглубое озеро,
Стоитъ родительской домъ тепло-витое гнѣздышко;
Тутъ не сѣрыя плаваютъ утушки,
Сидятъ милыя подружки любовныя
По бѣлымъ, по брусовымъ по лавочкамъ;
Ужь зачесаны у нихъ младыя буйныя головы,
Я одна то сижу, сиза косата голубушка,
Распущены мои тонкіе вольные волосы.

С. Малошуйское Онежск. у. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

36.

(За ужиномъ гостямъ у невѣсты).

Во горницѣ во новой,
Стоитъ столикъ дубовой,

Убитъ парчей голубой,
Онъ со алой бохрамой;
На немъ чайникъ золотой
Полонъ чаю налитой.
Господинъ N
Онъ по залу проходилъ, проходилъ,
Чаю чашку положилъ
Своей душѣ подносилъ,
Выпей, душа, для себя, для себя,
Роди сына со́кола, сокола,
Дочку милу перепелицу
Душу красную дѣвицу!

Пермск. губ.

37.

(Плачъ невѣсты за ужиномъ дѣвицъ).

Слава Богу, слава Господу,
Попила я молода да покушала
Со кумами да со подружками!
Не осудите, мои голубушки,
Не на гусяхъ и не на лебедяхъ
Не на сѣрыхъ большихъ утицахъ!
У меня некому ходить за охотою,
Некому стрѣлять уточекъ.
У меня батюшка лѣтъ при старости,
Ретиво сердце при скудости.
У меня братецъ во работушкѣ,
Во работушкѣ да во тяжелой.

Пермской губ.

38.

(Послѣ ужина для жениха и невѣсты).

Во Китаѣ на коврѣ,
На красномъ золотѣ,
На стулѣ на рѣшетчатомъ,
Противъ чиста зеркальца
Господинъ Иванъ молодецъ
Чесалъ кудри русыя,
Самъ приговаривалъ,
Красной дѣвицѣ наказывалъ:
Перевей ты кудри,
Перевей ты русыя.
Что хочу я, сударь—перевью,
Не хочу—не перевью.
Я, сударь, теперь еще не твоя,
А родимаго, сударь, батюшки.

Перм. губ.

Пѣсня эта поется втройнѣ: для отца, матери и для жениха. Для послѣдняго поютъ «Что она уже твоя».

39.

(Поется, когда невѣста сирота).

Много, много у сыра дуба,
Много, много у зеленаго,
Много вѣтья и павѣтья,
Много листа зеленаго,
Отростенья серебрянаго;
Только нѣтъ у зеленаго
Нѣтъ жемчужныя маковки,
Позолоченой вершиночки!
Много, много у Аннушки,
Много, много у Ивановны,
Много роду и племени,
Много всѣхъ честныхъ родителей,
Много милыхъ подруженекъ,
Нѣту, нѣтъ у ней, у Аннушки,
Нѣтъ родителя батюшки,
Нѣтъ сударыни-матушки.
Снаряжать младу есть кому,
Благословить младу нѣкому.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

40.

(Когда невѣстѣ чешутъ голову).

Гдѣ-то ходитъ мать моя, ласкотница желанная матушка?
Ужь послушай-ко, ласкотница желанная матушка,
Накажу-то я службу-работу нетяжелую:
Найди-ко хорошой частозубчатой гребешокъ,
Зачеши-тко мою младую буйную голову;
Ужь не въ достой-то наряжать мнѣ
Ласкотницу желанную матушку;
Въ достой слушать самой сизой косатой голубушкѣ
Заплети-тко мою русую косу красовитую,
Вплети хорошія семишелковыя ленточки.

С. Малошуйское, Онежск. у. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

41.

(Стиховодитъ невѣста, кода мать зачешетъ голову).

Спасибо тѣ, ласкотница, желанная матушка,
Творишь-дѣлаешь послушаніе:
Зачесала мою буйную голову!

Ужь на томъ тебѣ не спасибо,
Что не заплела моей русыя косы красовитыя,
Не вплела моихъ хорошихъ семишелковыхъ ленточекъ!

С. Малошуйское Онежск. у. Зап. волост. писарь Баевъ; достав. С. В. Максимовъ.

42.

(Одѣвшись, невѣста благодаритъ родителей).

Послушайте, ласкотники, желанны родители,
Что-то я скажу, сиза косата голубушка:
Не жалѣли поить-кормить меня, сизу-косату голубушку,
Крутить-рядить младую буйную голову,
Не жалѣйте вы сальныя свѣчи, воску яраго,

С. Малошуйское Онежск. у. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

43.

(Къ свату).

Да тебѣ, свату бо̀льшему,
Да измѣнщику дѣвичьему,
Да Акиму Степановичу!
На ступень ступить—*нога* сломить,
На другой ступить—*друга* сломить,
На третѣй голову свернуть!
Того мало свату бо̀льшему,
Да измѣнщику дѣвочьему!
На печи спать подъ шубою,
Подъ трема̀ полушубками,
Подъ четырема тулупами:
Да трясло бы тя, повытрясло!
Да сквозь печь бы провалитися,
Въ мясныхъ щахъ овaритися!
Того мало свату бо̀льшему
Да измѣнщику дѣвичьему:
Съ хоромъ бы те о бо̀рону,
Да съ горы бы тя о каменье,
Безъ попа, безъ покаянія,
Безъ духовнаго батюшка!
Не ходилъ бы, не сватался,
Стариковъ не обманывалъ,
Да старухъ не подговаривалъ;
Не хвалилъ, не похваливалъ
Чужи-дальнія стороны,
Да *Подгорскія слободы* (назв. дерев.).
Она горемъ насѣяна,
Да слезами наполивана!

С. Малошуйское Онежск. у. Зап. волости писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

44.

Невѣста стиховодничаетъ (поетъ), когда дѣвушки наперерывъ бросаются выплетать ленты изъ косы).

Ужь послушайте, милы подруженьки любовны!
Ужь не расплетайте моей русы-косы красовитыя,
Два вострые ножа, два булатные
Обрѣжите свои бѣлыя опальнія рученьки.

С. Малошуйское Онежск. у. Зап. волостн. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

45.

Что сестра брату милому,
Брату милому, родимому,
Одиноку ясну соколу,
Николаю сударь Өедоровичу,
Катерина, сударь, Өедоровна
Жалобилась и плакала:
«Ужь ты братецъ, ты братецъ мой,
Удалой добрый молодецъ!
Поступико-ся, свѣтъ родной,
По столовой новой горницѣ,
Что по свѣтлой свѣтлицѣ
Со родителя батюшки
До Өедора Ивановича,
Да сударыни-матушки,
Да Агафьи Матвевны свѣтъ!
Ужь ты братецъ, ты братецъ мой,
Удалой добрый молодецъ!
Унимай, разговаривай
Милосердаго батюшка
И сударыню матушку:
Зачѣмъ рано воскручинилися
На меня молодешеньку,
На мою буйну голову,
На природну трубчату косу,
Дорогу на дѣвью красоту!
Не кладу я судьбы-жалобы
На родителя-батюшка,
На сударыню-матушку;
Я кладу судьбу-жалобу,
Что на сватью, на большую,
На лукавую, вилявую,
На змѣю семиглавую,
Семиглавую, семихвостую:
Чтобъ тебѣ, сватьюшка,

Сыновей бы тѣ разбойниковъ,
Дочерей посидѣлочекъ!
Не прогнѣвайся, сватьюшка,
За великую выслугу,
Что пожаловала-высватала
Нашу милую подруженьку,
Нашу милую, любимую
Катерину Ѳедоровну.
Какъ ходила-подхаживала
Не путемъ, не дорогою,
А все улками, заулками,
Все тропами собачьими,
Все ходила почастешенько,
Говорила помалешенько,
Говорила, все обманывала,
Чужу сторону выхваливала:
Какъ чужая, дальня сторона
Она сахаромъ насѣяна,
Она медомъ поливаная,
Виноградомъ гороженая,
Да тафтою покрывана!
Я сама про то вѣдаю,
Молода догадалася,
Что чужа дальняя сторона,
И чужа незнакомая:
Она горемъ насѣяная,
И слезами поливаная,
И тоскою покрываная,
И печалью зараженная».

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

46.

(Передъ свадьбой, утромъ, плачъ невѣсты).

Вы вставайте мои голубушки,
Высоко взошло красно солнышко,
Выше лѣсу, лѣсу темнаго,
Выше батюшкина нова терема.
Обогрѣло красно солнышко
Моего батюшки высокъ теремъ;
Обогрѣло красно солнышко
Моей матушки нову горницу;
Обогрѣло красно солнышко
Мово братика новъ широкій дворъ;
Обогрѣло красно солнышко
Моей сестрицы крыльцо бѣлое.
Обогрѣло красно солнышко
Моихъ кумушекъ подружекъ.
Какъ меня же молоденьку

Да не грѣетъ красно солнышко,
Что не грѣетъ, не освѣщаетъ,
Бѣдно сердце мое повызнобитъ.

Пермск. губ.

47.

(Послѣдняя прощальная пѣсня невѣстѣ).

Что не стукъ-отъ стучитъ во теремѣ,
Что грохотъ гремитъ во высокомъ,
Благословляются два отрока:
Отрокъ N съ отроковицею N,
У своего роднаго батюшки,
У своей родимой матушки
Ко Божьей-то церкви ѣхати,
Подъ златые-то вѣнцы ставати,
Законъ Божій принимати
Со чужимъ то со.........!

Пермской губ.

48.

Прости-ко вольная волюшка,
Оставайтеся всѣ шуточки-глумечки
У родителей въ дому,
У красныхъ солнышковъ, свѣтовъ желанныхъ,
Милосердыхъ!
Прошла теперь моя волюшка
У красныхъ солнышковъ;
Пошла я, повыступила
Во женско печально
Житье подначально
Не своя теперь воля-волюшка:
День пройдетъ даваючи,
Другой словъ дожидаючись,
Третій похоячись *).
Вотъ и вся недѣлька семидённая
Прошла, прокатилася;
Приношу благодарность
Вамъ, краснымъ солнышкамъ,
Свѣтамъ желаннымъ, милосердымъ,
Что дрочили да нѣжили
Крутили **), да ладили.

Арханг. губ. С. Шуя. Зап. С. В. Максимовъ.

---

*) Наряжаючись.
**) Снаряжали.

49.

(Причитываютъ на могилахъ).

Послушайте, тонкіе буйные вѣтры!..
Потяните, тонки-усильчивы вѣтры,
Раснесите-ко желты сыпучи пески,
Расколись-ко мать гробова доска,
Расшейся-ко саванъ, хотя не полотняный,
Размахнитесь-ко рѣзвыя ручки отъ ретива сердца...

50.

(Послѣ этой пѣсни говоркомъ).

Заговори-ко, забай-ко со побѣдной, со безсчастной;
Ужъ пришла теперь со многой великой тоской-кручиной
Пріубавить съ своего со безсчастнаго сердца съ ретиваго.
Я глупа неразумна; вразуми да и опріобдумайся
Своимъ ты нетвердымъ, несверетнымъ непостояннымъ умомъ-разумомъ,
Что не сдѣлается, не станется, что изъ мертвыхъ въ живы возстанутъ, красно ты солнушко!
Забаютъ, да заговорятъ!
Я живу теперь, горюю.

С. Шуя, Арханг. губ. Зап. С. В. Максимовъ.

51.

(Разставаясь съ повязкой, ее прикладываютъ къ обѣимъ щекамъ и кладутъ на окошко, припѣвая).

Брошу я за свѣтло окошко косящето,
Пусть повыростетъ садъ, виноградье зеленое,
Обглядится чужа дорога круглоскатна, жемчужена
На садъ-виноградье зеленое,
Позабудемъ младу косату голубушку.

(Затѣмъ прощается съ подругами).

Простите да не помните ни зла, ни лиха,
Милы-совѣтны подруженьки!
Не помните младу косату голубушку
Ни зломъ, ни лихомъ, ни сердцемъ!

Арханг. губ. С. Шуя. Зап. С. В. Максимовъ.

52.

(По отъѣздѣ *честныхъ*. невѣста красуется: она одѣвается, беретъ въ руки повязки и ими ударяетъ какъ въ ладони).

Расшатнитесь-ко народъ-люди добрые,
Дайте немножечко пути-дороженьки широкія,
Съ одну дубову мостовиночку!
Мнѣ-ка есть вѣра-радѣніе,
Покрасоваться во покруты красы великія!
Посмотрите-ко, ласкотники, желанны родители:
Ходитъ, красуется ваша сиза косата голубушка,
Во покруты покрасы великія.

С. Малошуйское Онежск. у. Зап.
Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

б) *Величальныя.*

53.

(Величаютъ жenатаго).

Судомъ по морю
Константинъ Андреевичъ;
Пѣша бережкомъ
Иринья Петровна.
Крикнула, зыкнула
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Стой-постой, милый другъ,
«Константинъ Андреевичъ!
«Я тебѣ поднесу
«Чару зелена вина!»
— То мнѣ не надобно,
То не душа моя!
Судомъ по морю
Константинъ Андреевичъ:
Пѣша бережкомъ
Иринья Петровна.
«Стой-постой, милый другъ,
«Константинъ Андреевичъ!
«Я тебѣ спорожу
«Сына, ясна сокола!
— То мнѣ-ко надобно—
То душа моя!

Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

54.

(То же).

Вьется, вьется-стелется
По лугамъ трава шелковая,
Цалуетъ, милуетъ-то
Михайлушко жену свою:
Другъ ты мой да и Аннушка—
Животокъ-сердце Леонтьевна,
Ты жь меня состарѣла,
Безъ ума поставила
Тихою походою,
Вѣжливою говорою,
Низкими поклонами,
Еще частыми возглядами,
Дальными проводами,
Еще сладкими поцалуями.

55.

(Величальная холостыхъ).

Вьется, вьется хмѣлюшко
Черезъ тынъ на улицу,
Ко мнѣ во зеленый садъ.
Во моемъ ли во садикѣ
Гуляетъ дѣтинушко,
Горькій сиротинушко;
Повѣсилъ головушку
На праву сторонушку,
Ко красному солнышку;
Увидала матушка
Со высокаго терема:
«Дитя ль мое, дитятко,
Дитя, чадо милое,
Что ходишь невесело
Головку повѣсило?»
—«Родимая матушка!
Чего жь веселиться мнѣ?
Всѣ мои товарищи
Да всѣ поженилися,
А я у тебя, матушка,
Холостъ неженатъ хожу».
—«Поди, поди, дитятко,
Самъ ли ты на улицу
Выбирай ты, дитятко,
Самую-то лучшую,
Самую-то лучшую,

Купеческу дочерю».
—«Родимая матушка,
Купеческа дочеря
Въ полѣ не работница,
Въ домѣ не хозяюшка.
У сосѣда дѣвушка—
Та-то вотъ мнѣ по сердцу!»

Малоарх. у.

56.

(То же).

Охъ, хмѣлюшка, хмѣлюшка
Веселая головушка!
Завѣйся, мой хмѣлюшко,
На мою сторонушку:
На моей на сторонушкѣ
Приволье хорошее,
Да раздолье широкое.
Да по томъ по раздольицу
Ходилъ-гулялъ молодецъ,
Михайло Алексѣевичъ;
Связалъ буйну голову
Тафтою зеленою,
Тафтой полосатою,
Подъ шляпой пуховою.
Какъ увидѣла матушка
Со высокаго терема:
«Дитя ты мое, дитятко!
Дитя мое милое,
Что ходишь невесело,
Что глядишь нерадостно?»
—«Чему жь мнѣ радоваться?
Всѣ братья женятся,
А я холостъ».
—«Кто не велитъ, дитятко?
Возьми дѣвушку
У ближняго сосѣда—
Она дѣвка умная».

57.

(То же).

Я вечоръ въ гостяхъ гостила,
Во компаніи была,
Я хорошаго молодчика
Во любовь себѣ взяла;

Онъ въ обрядѣ, въ чистомъ рядѣ
Весь мнѣ глянется хорошъ;
Онъ хорошъ собой и славенъ,
Весьма ласковъ на словахъ,
Изъ поступковъ политиченъ,
Торовать во всѣхъ дѣлахъ.
Между прочимъ разговоромъ
Прежде въ рѣчь меня вводилъ,
Пріятнымъ своимъ взоромъ
Грудь мнѣ бѣлу прострѣлилъ;
Пріятновски объявилъ,
На колѣни посадилъ,
Танцовать съ собой просилъ.
Я не долго танцовала—
Онъ мнѣ ручку крѣпко жалъ:
Я руки не отнимала,
Проявился въ лицѣ жаръ!

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

в) *Хороводныя.*

58.

Винный мой колодезь
А что жь стоишь безъ воды?
Конь воду выпивалъ,
Копытами выбивалъ.
Нашего хозяина
Дома не случилось:
Какъ поѣхалъ
Нашъ хозяинъ
Въ Казань городъ погулять,
Привезетъ ли нашъ хозяинъ,
Привезетъ ли, молодой,
Казанскую умницу?
«Казанская умница,
Цалуй меня, золотцо!»
Винный мой колодезь
А что жь стоишь безъ воды?
Конь воду выпивалъ,
Копытами выбивалъ.
Нашего хозяина
Дома не случилось:
Какъ поѣхалъ
Нашъ хозяинъ
Въ Рязань городъ погулять.
Привезетъ ли нашъ хозяинъ
Рязанскую умницу?
«Рязанская умница,
Цалуй меня, золотцо!»
Винный мой колодезь,

А что жь стоишь безъ воды.
Конь воду выпивалъ,
Копытами выбивалъ
Нашего хозяина
Дома не случилось:
Какъ поѣхалъ
Нашъ хозяинъ
Въ Рязань городъ погулять.
Привезетъ ли нашъ хозяинъ
Рязанскую умницу?
«Рязанская умница,
Цалуй меня, золотцо!»
Винный мой колодезь,
А что жь стоишь безъ воды?
Конь воду выпивалъ
Копытами выбивалъ.
Нашего хозяина
Дома не случилось.
Какъ поѣхалъ
Нашъ хозяинъ
Въ Москву городъ погулять.
Привезетъ ли нашъ хозяинъ
Московскую умницу?
«Московская умница
Цалуй меня, золотцо!
Казанская умница,
Стели мнѣ постелюшку,
Рязанская умница,
Клади мнѣ сголовьицо,
Московская умница,
Ложись спать со мною!«

Пальна, Елецкаго уѣзда.

59.

Вдоль да по травкѣ, да вдоль по муравкѣ,
Ай лёшеньки лели — да вдоль по муравкѣ.
Тамъ ходитъ, гуляетъ удалой молодчикъ,
Ай лёшеньки лёли...
Кличитъ, выкликаетъ красную дѣвицу,
Ай лёшеньки лёли...
Выйди, выйди, дѣвица, ко мнѣ за ворота
Ай лёшеньки лёли, со мной побороться.
Какъ дѣвица къ молодцу она выходила,
Ай л. л...
Что низко-низёхонько ему поклонилась:
Ай л. л...
Не хвались, молодчикъ, не хвались собою,
Ай л. л...

Своей молодецкою да ты чистотою,
Ай л. л...
Я жь тебя, молодчика, тебя обезчещу.
Ай л. л...
При всемъ я при мірѣ — да я при народѣ.
Ай л. л...
Что въ большомъ дѣвичьемъ, въ большомъ хороводѣ,
Ай л. л...
Какъ дѣвица молодца — она поборола,
Ай л. л...
Пуховую шляпушку она собивала,
Ай л. л...
Синь на немъ кафтанчикъ она изорвала,
Ай л. л...
Ситцеву рубашечку она замарала,
Ай л. л...
Побороммши, дѣвушка, парня пожалѣла,
Ай л. л...
За правую рученьку парня подымала,
Ай л. л...
Пуховую шляпу ему подавала,
Ай л. л...
Русыя кудри ему расчесала,
Ай л. л...
Пошелъ-то молодчикъ, пошелъ самъ заплакалъ:
Ай л. л...
На что меня матушка на свѣтъ породила,
Ай л. л...
Несчастною долею на свѣтъ надѣлила,
Ай л. л...
Что меня ли, молодца, дѣвка повалила,
Ай лёшеньки лёли—дѣвка повалила.

Записана Т. И. Ф—мъ.

60.

Вкругъ я келейки хожу,
Вкругъ я новыя хожу—
Младу старицу бужу:
«Ахъ, старица, встань!
Спасенáя душа, встань!
Встань: къ заутренѣ звонятъ,
На сходъ говорятъ.
Люди сходятся,
Богу молятся.»
—«Отойди прочь, молодецъ,
Отойди прочь, удалой!
Не могу я встать,
Головы поднять:
Голова моя болитъ,
Грудь-сердечушко щемитъ.»

Вкругъ я келейки хожу,
Вкругъ я новыя хожу,
Младу старицу бужу:
—«Ахъ, старица, встань!
Спасеная душа встань:
Къ тебѣ миленькій идетъ,
Чаю-кофею несетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться.»

—«Ахъ! встать было мнѣ,
Поскакать было мнѣ,
Поплясать было мнѣ,
Поцаловать было мнѣ».

(Подгородиня Архангельская на Кегъ-островѣ).
Зап. С. В. Максимовъ.

61.

Нападала порошица
Что на землю на талую,
На траву на муравую,
На цвѣточки лазуревы;
Что по той по порошицѣ,
Что по той по молоденькой,
Не бѣлъ заюшко скачетъ,
Не бѣляночка пляшетъ,
Еще скокъ-поскокъ зайко,
Что по чистому полю,
По широкому раздолью
Еще хлынь по хлынушки...

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

62.

Заутра молоденькой
Одинъ молотитъ,
Такъ-таки такъ молотитъ.
Жалко женушку будити
Такъ, и проч.
Спи, моя женушка-подружка,
Вотъ тебѣ въ головы подушка!
Спи моя любая, дорогая,
Вотъ тебѣ въ головы другая!

Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

63.

Сковородка въ печи,
Сковородникъ на печи!
Ты немного хлопочи,
А десятка два-три
Намъ блинковъ испеки!
Двое ходятъ, двое бродятъ,
Двое сойдутся, пріобойдутся,
Поцѣлуются!
Что по старому закону
По четырiэ на кона;
А сейчасъ пришелъ указъ—
Цѣловаться три разъ.

Шенкурскъ. Зап. С. В. Максимовъ.

Со вьюночкомъ хожу
Съ молодымъ гуляю.
Ахъ! куда мнѣ вьюночка дѣвати,
Куда молодаго положити?
Положу ль я вьюночка,
Положу ль молодова
Ко князьямъ въ высокъ теремъ,
Ко молодымъ въ изголовье:
«Пустя-ко се имъ на здоровье!
Чѣмъ мнѣ вьюна выкупати,
Чѣмъ молодаго выручати?
Дамъ я за молода вьюночка
Двѣ гривны золотыя,
Три-четыре серебряныя,
Еще два инохода-коня...
Три-четыре не гуляютъ со двора,
Да двѣ душки двѣ дѣвушки,
Три-четыре молодушки,
Да два ясна сокола,
Три-четыре въ полянѣ летятъ,
Полно дѣвицѣ съ молодчикомъ гулять.»

Пинега. Зап. В. С. Максимовъ.

65.

«Заинька, гдѣ ты былъ-побывалъ?
Сѣренькой, гдѣ ты былъ-побывалъ?
Заинька, мой бѣленькій

Бѣленькій, мой сѣренькій,
Гдѣ ты, гдѣ ты зайка былъ,
Гдѣ ты сѣрой побывалъ?
Заюшко, ты кого видѣлъ?
Сѣренькій, ты кого видѣлъ?»
«Видѣлъ, видѣлъ двѣ дѣвицы
Видѣлъ, видѣлъ красавицы»
Заинька, ужъ не били ли тебя?
Сѣренькой ужъ не били ли тебя?»
«Били, били, парень мой.
Били, душечка моя, били, сердце мое».
«Заинька, скажи, чѣмъ били,
Сѣренькій, скажи, чѣмъ били?»
«По бокамъ кулакамъ
По плечамъ *розгочамъ*, кирпичамъ».
«Заинька, ты не плакалъ ли?
Сѣренькій, ты не пакалъ ли?
Хипи-хипи, парень мой,
Хипи-хипи, сердце мое!
Заюшка, утекати пора,
Сѣренькій, цаловати пора,
Цаловать-миловать,
Крѣпко къ сердцу прижимать.
Заюшка, распрощаться пора,
Сѣренькій, распрощаться пора,
Утекати, распрощаться,
Низко кланяться
Да не чваниться».

66.

Около было сыра дуба,
Около было зелененькаго,
Скачетъ черный соболь.
Не скачи, соболь, по улицѣ,
Не скачи, черный по широкой:
Скачь, соболь, въ новой горницѣ,
Да выбирай себѣ дружиночку,
Выбирай себѣ хорошую.
Дружина—милъ-сердечный другъ;
Еще вотъ моя дружиночка,
Еще вотъ моя хорошая,
Дружина—милъ-сердечный другъ!
Походить-было съ дружиночкой,
Погулять-было съ дружиночкой.
Дружина, милъ-сердечный другъ!
Мы поклонимся дружиночкѣ,
Мы поклонимся хорошенькой.
Дружина, милъ-сердечный другъ!
Пріохватимся съ дружиночкой,
Пріохватимся съ хорошенькой,

Дружина, милъ-сердечный другъ!
Поцалуемся съ дружинькой;
Поцалуемся съ хорошенькой,
Дружина, милъ-сердечный другъ!
Распростимся мы съ друженькой,
Разпростимся съ хорошенькой.
Дружина, милъ-сердечный другъ.

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

67.

Летѣлъ голубь,
Летѣлъ сизой
Со голубушкою;
Шелъ удалой молодецъ
Съ красной дѣвицею.
Позади идутъ товарищи,
Высматриваютъ,
Что высматриваютъ, приговариваютъ:
Какъ бы эта бы голубушка
Не за голубемъ была,
Какъ бы эта красна дѣвица
Не за молодцомъ была,
Я бы взялъ, я бы взялъ за себя,
Я бы лѣтнею порою
Во каретѣ прокатилъ,
Я бы зимнею порою
Въ новыхъ питерскихъ саняхъ,
На своихъ лошадяхъ.
На извощикѣ кафтанъ
Темно-синяго сукна,
Петербургскаго шитья.
Кладу голубя на ручку—
Не тряхнется,
Переложу на другую—
Не шелохнется.
Скажу, *кышъ*, голубь, домой,
Полетай, сизый, домой,
Ко голубушкѣ своей—
Сизъ-голубчикъ взволновался,
Голубушку цаловалъ,
Сизъ-голубка взворковала,
Молодчика цѣловала.

С. Кигбаево. Сарапульскаго уѣзд. Вятской губ.
Зап. С. Р. Честножовымъ.

68.

Селезень ловилъ утку,
Молодой ловилъ сѣру:
Поди, утица, домой,
Поди, сѣрая, домой:

У тя семеро дѣтей,
Осьмой селезень.
Селезень ловилъ утя, и проч.

Вятская губ.

69.

Не во полѣ дождь поливаетъ,
У насъ, въ терему, красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Хозяинъ-отъ волю даваетъ,
Хозяюшка не унимаетъ:
Погуляйте-ко красны дѣвки,
Покрасуйте-ткось, молодицы!

Усть-Цыльма. Мезенск. у. Зап. С. В. Максимовъ.

70.

На улицѣ диво:
Варилъ чернечь пиво.
Я пиво сливала—
Меня разнимало;
Бросилась хмѣлинушка
Во ручки, во ножки,
Изъ ручекъ, изъ ножекъ
Во буйну головку,
Изъ буйной головки
Въ ретиво сердечко;
Не дастъ мнѣ стряхнуться,
Не дастъ зворохнуться!
Встану я, стряхнуся,
Да пойду зворохнуся,
Милой *) поклонюся.

Усть-Цыльма. Мезенск. Уѣзда. Зап. С. В. Максимовъ.

71.

Какъ за нашимъ за дворомъ
Росла трава шелкова,
Зеленая мурава.
По той травѣ панья шла,
За паньею панъ идетъ,
Кричитъ: панья ты моя!
А я, сударь, не твоя,

*) Второй вар.: милому.

Родимаго батюшки,
Сударыни матушки.
Какъ изъ нашихъ изъ воротъ
Молодой ямщикъ выѣзжалъ,
Красны сукны разстилалъ,
Гулять жену посылалъ:
Гуляй, жена, до поры,
До вечерней до зари.
Какъ зорюшка занялась,
А я млада поднялась,
Подхожу я ко двору—
Деверь ходитъ по двору,
Расчесавши бороду.
Ужь ты деверь-деверекъ,
Ужь ты мужнiй братъ,
Проводи меня къ мужу спать:
Станетъ меня мужъ-то бить—
А ты меня отними.
Станетъ меня мужъ цаловать—
А ты прочь поди.

Москва. Запис. Ѳ. Л. Барыковъ.

72.

Ходитъ панъ, панъ за горами,
Зайдемъ дѣвушкамъ толпами,
Молодушкамъ табунами.
Едной дѣвки въ толпѣ нѣту,
Едной красной не случилось;
Едное не слободно, знато ей недосужно:
Печетъ пироги на опары,
Въ печь посажаетъ на лопаты,
Изъ печи тащитъ на хордахъ,
Растворяетъ на дрождяхъ;
Естоль они высокеньки!
Естоль они широкеньки!
Естоль они мякошеньки!

Усть-Цыльма. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ.

73.

По лугу-лугу разливалася вода,
По зеленому стоечка течетъ,
На этой на стоечкѣ
Бѣла лебедь сидитъ,
Гребешкомъ головушка расчесаная,
Лентой коса перевиванная
«Завтра у батюшки честенъ пиръ:

Мнѣ ли на пиру не бывати,
Будетъ пива и вина не пивати,
Будетъ сладкаго меду не кушивати,
Съ миленькимъ по садику не гуливати!

Усть-Цыльма. Мезенск. у. Зап. С. В. Максимовъ.

74.

Какъ со вечера цѣпочка горитъ,
Со полуночи серебряная;
Она горитъ, перегариваетъ,
Мальчикъ дѣвушку выманиваетъ.
«Ужь ты, дѣвица, сойди съ терема,
Раскрасавица, сойди съ высока:
Что на улицѣ сушехонько,
Въ переулочкѣ темнешенько.
Что башмачки не стопчутся
И чулочки не смараются».

Подгородная архангельская на Кегъ-островѣ
С. В. Максимовъ.

75.

Взойди, взойди, солнце,
Не низко, высоко;
Ай лешеньки лели,
Не низко, высоко.
Не близко, далеко.
Взойди, взойди, братецъ,
Ко сестрицѣ въ гости.
Спроси, спроси, братецъ,
Про мое здоровье:
Здорова ль, моя сестрица,
Здорова ль ты, родная?
—Здоровъ ли ты братецъ,
Здоровъ ли ты, родимый?
Родимый мой братецъ,
Не само здорово *):
Есть четыре горя,
Пятая кручина.
Какъ первое горе—
Мужъ жену не любитъ,
А другое-то горе—
Деверекъ насмѣшникъ,
А третье-то горе—
Золовки смутьянки.

---

*) Т. е. не очень.

Четвертое горе—
Свекровь кропотлива,
Пятая кручина—
Свекоръ-то журливый.
—Потерпи, сестрица,
Потерпи, родная:
Золовки смутьянки
Сами въ люди пойдутъ.
Деверекъ-насмѣшникъ,
Онъ самъ въ людяхъ возьметъ.
Свекровь кропотлива
Скоро въ землю пойдетъ,
Свекоръ-отъ журливый—
Онъ самъ въ землю смотритъ.

Москва. Зап. Ѳ. Л. Барыковъ.

76

Взойди, взойди, солнце
Не низко, высоко,
Ай лёшеньки лёли
Не низко, высоко,
Не низко, высоко,
Не близко, далеко,
Ай лёшеньки, лёли
Не близко далеко.
Зайди, зайди, братецъ,
Ко сестрицѣ въ гости
Ай леш...
Ко сестрицѣ въ гости;
Спроси, спроси, братецъ,
Про ея здоровье
Ай леш...
Про ея здоровье.
Родимый мой братецъ —
Плохое здоровье
Ай леш...
Плохое здоровье.
У меня ли братецъ
Да четыре горя
Ай лешеньки, лели
Да четыре горя,
Четыре-то горя,
Пятая кручина,
Ай леш...
Пятая кручина.
Первое-то горе —
Свекоръ-то бранчивый
Ай леш...
Свекоръ то бранчивый *).

*) Журливый.

Другое-то горе —
Свекровь кропотлива,
    Ай леш...
    Свекровь кропотлива;
Третіе-то горе —
Золовка смутьянка
    Ай леш...
    Золовка смутьянка.
Четвертое-то горе —
Деверёкъ насмѣшникъ;
    Ай леш...
    Деверёкъ насмѣшникъ;
Пятая кручина —
Мужъ жену не любитъ
    Ай леш...
    Мужъ жену не любитъ.
— Потерпи, сестрица,
Потерпи, родная *)
    Ай леш...
    Потерпи родная:
Свекоръ-то бранчивый
Скоро въ землю пойдетъ **),
    Ай леш...
    Скоро въ землю пойдетъ.
Свекровь кропотлива
Сама со двора пойдетъ ***)
    Ай леш...
    Сама со двора пойдетъ ****)
Золовка-смутьянка
Скоро замужъ пойдетъ,
    Ай леш...
    Скоро замужъ пойдетъ.
Деверекъ насмѣшникъ
Свою жену возьметъ...
    Ай леш...
    Свою жену возьметъ...
Мужъ жену не любитъ,
Другую не возьметъ,
    Ай леш...
    Другую не возьметъ.

Эти два варіанта помѣщаю, чтобъ показать, какъ два пѣвца варьируютъ одну и ту же пѣсню. Зап. А. А. Григорьевымъ.

---

*) Голубка. **) Да онъ скоро помретъ.
***) Сама за нимъ пойдетъ.
****) Иногда поютъ соединяя:
Вотъ свекоръ-то умретъ
Свекровь за нимъ пойдетъ.

77.

Шелъ Ванюша долиною
Чужею межею,
Снѣги, снѣги выпадали,
Росы не отрясали,
Набираетъ, нажимаетъ
Комъ бѣлаго снѣга:
Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ
Къ Дуняшѣ въ окошко.
Дуня, радость, догадайся
Радость, домекнися.
Дуня Ванѣ говорила:
Я бы рада домекнулась,
Мнѣ теперь не время:
У батюшки въ гостяхъ гости,
У матушки сестры,
Какъ у братца молодцы,
У меня подружки.
Пошелъ Ваня отъ окошка,
Руками махаетъ,
Головой Ваня качаетъ,
Руками махаетъ.
Ужь и какъ же мнѣ быти—
Мнѣ некого любити;
Чужемужнюю любити—
Убитому быти.

Москва. Зап. Ѳ. Л. Барыковъ.

78.

Стали воробушки рядами,
Къ нашимъ воротамъ передками.
Они думали гадали:
Всѣ-то воробьюшки женаты.
Какъ одинъ-то воробейко
Онъ и холостъ, неженатый...
Я возьму себѣ невѣсту—
Черну ворону черноброву.
Та моя невѣста не по мысли
Часто она по полю летаетъ,
Широко она ротъ разѣваетъ,
По цѣлому воробьюшку глотаетъ.

Зап. А. А. Григорьевымъ.

79.

Ходитъ Иванъ по хороводу,
По дѣвичью, по молодичью;

Ищетъ-поищетъ
Иванъ себѣ невѣсту...
Ты мнѣ невѣста.

Зап. А. А. Григорьевымъ.

80.

Семенова жена,
Она ему давала,
Она ему сулила
Два коня татарскихъ,
Двѣ плети татарскихъ...
Еще конь да изогонь
Да девятаго вонъ.

81.

Другъ ты мой, красна дѣвица!
Ты родила мнѣ сына
Бѣлаго сыра;
Ты родила мнѣ дочерю
Бѣлую лебедушку.

82

Мы вечоръ въ торгу торговали
Свинцу-пороху закупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменну стѣнушку стрѣляли,
Красну дѣвицу въ полонъ брали.
Красна дѣвица испугалася;
По-нѣмецкому изубрана,
По-россійскому изубрана.
На ней шубочка голубая,
Душегрѣечка шелковая,
Въ косѣ ленточка золотая.
Ко Румянцеву подводила:
Ты пойди, пойди въ Роси замужъ
За любимаго мово сына—
За Ивана Ивановича,
За россійскаго генерала,
Я нейду, нейду въ Росси замужъ
За любимова твово сына
За Ивана Ивановича
За россійскаго генерала.
Графъ Румянцевъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился.

Красна дѣвица испугалась.
Я иду, иду въ Роси замужъ
За любимаго твого сына,
За Ивановича за Ивана,
За россійскаго генерала.
Красна дѣвица распишися.
Ты подай, подай листъ бумаги
Изъ кармашика карандашикъ.

Москва. Зап. С. В. Максимовъ.

83.

За дворомъ лужокъ зеленёшенекъ,
Ай да люли, люли, зеленёшенекъ,
У меня дружекъ молодёшенекъ,
Ай да люли, люли молодёшенекъ,
Молодешенекъ—милъ-милешёнекъ
Ай да люли, люли милешёнекъ.
Мы пойдемъ во лужокъ, заведемъ кружокъ,
Ай да люли, люли, заведемъ кружокъ,
Милой съ гуслями, а я съ пѣснями,
Ай да люли, люли, а я съ пѣснями.
Не придутъ гусли противъ пѣсенокъ,
Ай да люли, люли противъ пѣсенокъ,
Не придетъ свекоръ противъ батюшки
Ай да люли, люли, противъ батюшки.
Мой то батюшко—слово вѣрное,
Ай да люли, люли, слово вѣрное,
Моя матушка—дума крѣпкая,
Ай да люли, люли дума крѣпкая.

Записана А. А. Григорьевымъ.

84.

Саша, барыня моя,
Не гнѣвайся на меня,
Что я не былъ у тебя.
Ужь я былъ-побывалъ—
Въ Новѣгородѣ гулялъ,
Тужилъ, плакалъ, горевалъ,
Купецкую любилъ дочь,
Любилъ ее до поры...
Дунулъ вѣтеръ со горы.
Съ московской стороны
На купецкіе дворы.
Во купецкихъ во дворахъ
Тамъ дѣвушка хороша
Сашечка-душа.

Сообщена Гр. Городецкимъ.

85.

Я на камешкѣ сижу,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Ой ли, ой люли,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Изгородь горожу,
Ой ли, ой люли,
Изгородь горожу,
Изгородь горожу,
Я капусту сажу,
Ой ли, ой люли
Я капусту сажу,
Я все бѣленькую,
Все кочаненькую
Ой ли, ой люли
Все кочаненькую.
У кого нету капусты—
Прошу къ намъ въ огородъ,
Ой ли, ой люли,
Прошу къ намъ въ огородъ,
Прошу къ намъ въ огородъ,
Въ дѣвичій хороводъ
Ой ли, ой люли,
Во дѣвичій хороводъ.

86.

Плыветъ-восплываетъ,
Плыветъ-восплываетъ
Зеленый садокъ,
Зеленый садокъ.
Какъ вдоль ли по бережку,
Какъ вдоль ли по крутому
Молодецъ гулялъ,
Молодецъ гулялъ,
Чесалъ свои кудри,
Чесалъ свои русы
Частымъ гребешкомъ,
Частымъ гребешкомъ,
Очески бросаетъ,
Очески бросаетъ
Да вдоль по рѣкѣ,
Да вдоль по быстрой:
Плывите очески,
Плывите русы
Вы вдоль по рѣкѣ,
Вы вдоль по быстрой,

Чтобъ васъ, очески,
Чтобъ васъ, русые,
    Соколъ не поймалъ,
    Гнѣзда не свивалъ —
Гнѣздышка не вилъ,
Гнѣздышка не вилъ—
    Дѣтокъ не водилъ,
    Дѣтокъ не водилъ.
Какъ братъ къ своему брату,
Какъ братъ къ родному
    Въ гости приходилъ,
    Въ гости приходилъ.
Родимый мой братецъ,
Родимый мой братецъ,
    Пожалуй коня
    Съѣздить до села.
—Родимый мой братецъ,
Родимый мой братецъ
    Бери не спросясь,
    Ступай куды хочешь.
Промежь насъ съ тобой, братецъ,
Промежь насъ, родимый,
    Двѣ лютыя змѣи—
    То жены наши,
Ссорятся, бранятся,
Ссорятся, бранятся,
    Урекаются—
    Урекаются.
А намъ съ тобой, братецъ,
Намъ съ тобой родимый,
    Ни честь, ни хвала—
    Безчестье одно.
А мы съ тобой, братецъ,
Мы съ тобой, родимый,
    Въ любви поживемъ
    Во согласьицѣ.

Записана Т. И. Филипповымъ.

г) *Разныя обрядныя пѣсни.*

87.

(Пѣсня, которою начинаютъ подблюдныя пѣсни на васильевъ вечеръ).

Слава Богу на небѣ,
    Слава!
Государю русскому по всей землѣ
    Слава!
А и слугамъ его, боярамъ, не старѣться:
    Слава!
А бы правда пошла по всей русской землѣ!
    Слава!

Московской губ.

88.

Лежитъ волчище да на пузищѣ,
Слава!
Раскинулъ хвостъ, да на сто верстъ,
Слава!
Кому поемъ—тому сбудется,
Слава!
Кому вынется— тому сбудется,
Слава!
Тому сбудется, не минуется!
Слава!

Орловск. губ.

89.

Да за рѣчкою, да за быстрою,
Слава!
Живутъ мужики богатые,
Слава!
Гребутъ золото лопатою,
Слава!
Кому поемъ и проч.

90.

Лежитъ кишка
Слава!
Посередь горшка!
Слава!
Кому поемъ, тому добро,
Слава!
и проч.

91.

Сидитъ воробушка
Слава!
Онъ смотритъ: куда летѣть?
Слава!
Кому поемъ и проч.

92.

(Поется дѣвушками 28 марта, даже и постомъ).

А мы розчисть чистили, чистили,
Дидъ и Ладо! чистили, чистили *).
А мы пашню пахали, пахали,
А мы просо сѣяли, сѣяли.
—А мы просо вытопчемъ!
—А чѣмъ же вамъ вытоптать?
—А мы коней выпустимъ!

*) Въ Орловской губерніи этого припѣва не слыхать; вмѣсто припѣва повторяютъ послѣднее слово.

—А мы коней переймемъ!
—А чѣмъ же вамъ перенять?
—Шелковымъ неводомъ.
—А мы коней выкупимъ!
—А чѣмъ же вамъ выкупить?
—А мы дадимъ дѣвицу!
—Нашего полку прибыло!
—А нашего полку убыло!

Костром. губ.

93.

(Колыбельная).

Бай да убай!
Богородица дала,
Съ небеси бросила̀,
Ивано̀въ назвала,
Бай, бай, бай!
Она да она
Малешенько.
Спи-тко усни,
Наше глупенько.
Бай, бай, бай,
Наше дитятко!
Спи да усни,
Наше маленько!
Сонъ идетъ по сѣнямъ,
Дре́ма по̀ терему.
Сонъ говоритъ:
«Усыплю, да усыплю!»
Дрема говоритъ:
«Удремлю, да удремлю!»
Бай, бай, бай!
Наше дитятко!
Спи да усни
Наше ма̀ленько,
Спа да усни
На погостъ гости!
Бай да люли —
Хоть сегодня умри!
А завтра къ дитёнку
На похороны.
Кладетъ цюроцьку
Въ могилочку,
Подъ бѣлъ камешекъ,
Подъ сыпуцей песокъ
Подлѣ бабушки,
Подлѣ своей родныя!
Бай, бай, бай
Да убайкайся.
Спи мое милое,
Спи дорогое!
Выростешь больш̀о —

Будешь въ золотѣ ходить,
Нёнёкъ да мамокъ
Камо̀чками дарить,
Да своихъ милыхъ подруженекъ
Ленточками.

Архангельск. губ. Зап. С. В. Максимовъ.

94.

(Обряди. Игра съ дѣтьми).

Капки по капки,
Гдѣ были?
—«У бабки».
—Что ѣли, капки,
Что пили, капки?
—«Ѣли мы кашку,
Пили мы бражку;
У бабушки
Бражка сластенька,
Бабушка добренька!»

Архангельск. губ. Зап. С. В. Максимовъ.

95.

Пѣсня архангельскихъ шкиведоровъ, которые нанимаются на суда для того, чтобъ распоряжаться работами и прикрикивать и припѣвать при нагрузкѣ).

Эй Господи Боже да э-э!
Эй пособи-тко, да э-э!
Эй намъ опружить, да о-о!
Эй поутюжить, да о-о!
Эй мой куманекъ,
Эй миленькій дружечекъ
Эй ты, кума-ста,
Эй вечеръ ты брали-ста,
Эй не поберегла-ста,
Эй не побрела-ста...
Оу! оу! о! охъ, охъ!

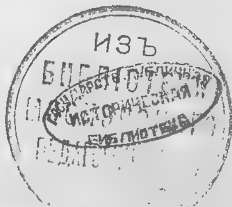
Архангельск, губ. Зап. С. В. Максимовъ.

96.

(На похороны).

Зачѣмъ же я тебя,
Свѣта яснаго,
На свѣтъ спородила,
Во святое крещенье крестила,
Во пелены пеленовала,
Во пелены камчатыя,
Во пояса шелковыя?
Свѣтъ ты мой младой и юношъ,
Юношъ сынъ возлюбленный!...

Архан. губ. Зап. С. В. Максимовъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

